Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 27 — 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

Выданъ 30 Іюня 1877 г.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера „Нивы".

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Контора журнала „Нива" помѣщается въ С.-П.-Бургѣ на Б. Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія въ 1877 г. №№.

При этомъ № прилагаются: «Парижскія Моды» за Іюль съ 30 рисунками, отдѣльный листъ выкроекъ съ 25 чертежами въ натуральную величину, съ 31 рисункомъ рукодѣльныхъ работъ и съ 22 рисунками буквъ для нѣтки бѣлья.

Начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи, инженеръ-генералъ-маіоръ Александръ Филипповичъ Деппъ.

Генералъ-маіоръ Александръ Филипповичъ Деппъ—изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, лютеранскаго вѣроисповѣданія. Онъ воспитывался въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ и выпущенъ офицеромъ въ 1854 г. въ одинъ изъ саперныхъ батальоновъ. Затѣмъ, окончивъ курсъ въ Николаевской инженерной академіи, онъ командовалъ саперным батальономъ и въ 1866 году произведенъ въ полковники, и состоялъ помощникомъ начальника инженеровъ Кіевскаго округа, а потомъ Варшавскаго. Въ 1875 г. Александръ Филипповичъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ начальникомъ инженеровъ этого округа. Быстрое повышеніе его въ чинахъ и назначеніе на мѣсто начальника инженеровъ такого важнаго округа, какъ Варшавскій, затѣмъ еще болѣе важное — начальника инженеровъ дѣйствующей арміи, само собою указываютъ на то, что генералъ-маіоръ Александръ Филипповичъ Деппъ видимо отличается огромными способностями и знаніемъ ввѣреннаго ему дѣла. Такое заключеніе само собою является въ виду того, что практической боевой опытности у Александра Филипповича до сихъ поръ не было. Устройство переправы черезъ Дунай—первое важное его боевое дѣло. Лучшее ручательство за успѣхъ его состоитъ въ томъ, что каждый начальникъ какой-либо отдѣльной позиціи на Дунаѣ или даже какой либо части арміи, будучи свидѣтелемъ минныхъ и артиллерійскихъ работъ, предпринятыхъ въ его районѣ, проникнутъ былъ вполнѣ убѣжденіемъ, что переходъ черезъ Дунай состоится именно въ томъ пунктѣ, въ которомъ расположены части войскъ, начальникомъ которыхъ онъ служитъ, въ другихъ же мѣстахъ совершаются примѣрныя демонстраціи этого перехода; между тѣмъ, какъ настоящее мѣсто перехода Дуная извѣстно было только двумъ или уже по высшей мѣрѣ четыремъ лицамъ въ цѣлой арміи. Военный методъ этого

Начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи, инженеръ-генералъ-маіоръ А. Ф. Деппъ.
Грав. Жукаровскій.

Библиотека "Руниверс"

рода есть лучшее средство для достиженія хорошихъ результатовъ. Никакой отдѣльно взятый начальникъ части, которому поручено демонстративное движеніе, не долженъ быть убѣжденъ, что онъ дѣлаетъ только демонстрацію или примѣрное дѣйствіе; онъ долженъ быть увѣреннымъ, что ему выпала доля привесть въ исполненіе настоящее дѣло. Извѣстно, что Наполеонъ I часто прибѣгалъ къ демонстраціямъ подобнаго характера; конечно, онъ часто терялъ при этомъ много солдатъ, но за то этимъ бывала не разъ спасена и пощажена главная сила. Каждой работѣ на Дунаѣ предшествовала весьма тщательно производимая рекогносцировка, предпринимаемая многими лицами, а въ важныхъ случаяхъ лично самими начальниками отдѣльныхъ частей арміи. Начальникъ инженеровъ генералъ Деннъ, въ сопровожденіи своего адъютанта, лейтенанта 2-го понтоннаго батальона, объѣхалъ и изслѣдовалъ почти весь Дунай. Независимо отъ этого были произведены также многочисленныя рекогносцировки полковникомъ Дохтуровымъ, Миллеромъ и другими офицерами, причисленными къ свитѣ Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующей арміей, и теперь, переправа нашихъ войскъ черезъ Дунай уже началась и идетъ успѣшно, какъ сообщали мы объ этомъ въ политическихъ и военныхъ извѣстіяхъ „Нивы“ (см. № 26).

Первые шаги.

(Повѣсть изъ быта провинціальныхъ чиновниковъ).

(Продолженіе).

День былъ свѣтлый, жаркій. Но свѣтлѣе, но жарче было на душѣ у Вани. На ходу всегда легко думается. Ваня шелъ, а мысли его были около Саши. Поэтому онъ очень былъ недоволенъ, когда столкнулся носъ къ носу съ уланомъ, который тотчасъ же схватилъ его за плечо, да такъ больно, что Ваня думалъ, что уланъ дерется. Но взглянувъ на него, онъ вдругъ узналъ своего товарища по гимназіи, съ которымъ не видался года два. Толстопятовъ (такъ фамилія улана) вышелъ изъ пятаго класса гимназіи и тотчасъ же поступилъ въ уланы. Онъ былъ еще юнкеромъ, хотя съ офицерскими усами и огромнаго роста. (Замѣчу кстати, что особенность при разговорахъ улана, въ которыхъ онъ сыпалъ словами какъ бомбами, была та, что онъ не могъ выговаривать буквы *р*.)

— Длугъ! вскричалъ уланъ,—тебя ли я вижу?

Ваня сказалъ, что онъ его видитъ, при чемъ добавилъ, что радъ свиданію съ нимъ; въ душѣ же Ваня былъ очень недоволенъ встрѣчей. Она отвлекала его мысли отъ Саши.

— Длужище! вотъ такъ встлѣча! вскричалъ уланъ, обхвативъ его за талію.

— А я, блатъ, сегодня имянинникъ, такъ сплавляю имянины. Я блатъ, всегда сплавляю имянины, сказалъ онъ. Шампанскаго, блатъ, сколько пьемъ. Ты не смотли, что я, тово, юнкеръ. У меня, блатъ, все князья да глафы. Я, блатъ, офицерамъ не дѣлаю чести...

Какъ нарочно; въ эту минуту промчалась коляска, въ которой, развалясь, сидѣлъ офицеръ. Юнкеръ, вѣроятно, позабылъ, что онъ не дѣлаетъ офицерамъ чести, потому что сейчасъ приложилъ руку къ козырьку.

— Ахъ, что же я сдѣлалъ—сказалъ онъ—не пригласилъ его на имянины. Ну, не дулакъ я, не дулакъ я? приставалъ онъ къ Ванѣ, тормоша его за рукавъ. Скажи, не дулакъ я?

Ваня сказалъ, что не знаетъ.

— А я, блатъ, хорошо помню то время, когда насъ кормили березовой кашей. А теперь... шампанское, блатъ, какая у меня, блатъ, милочка есть. Приходи, я тебя съ ней познакомлю.

Ваня отговаривался.

— Ну блатъ, шалишь—я тебя не выпущу! вскричалъ уланъ. Какъ хочешь, а давай честное слово, что вечеромъ придешь. Потому нельзя! Самъ знаешь, я имянинникъ. Шампанскаго, блатъ, хоть облейся. Ну, придешь?

— Нѣтъ, братъ, спасибо—сказалъ, подумавши, Ваня—ты самъ сказалъ, что у тебя все князья да графы. Ну что жъ я то буду между ними. А вина, ты знаешь, я не пью. Пусти меня, я пойду своей дорогой.

— Вотъ вздолъ-то, закричалъ уланъ—что жъ такое, что князья да графы. Да ты знаешь-ли, что если я на нихъ закричу, такъ они у меня замолчатъ!

— Не пойду: я самъ имянинникъ.

— Ну вотъ и хорошо, вскричалъ уланъ, обрадовавшись—такъ мы пріѣдемъ къ тебѣ въ гости всей компаніей. Желаешь? А ты только приготовь рому и коньяку. Мои товарищи пьютъ то же ромъ и коньякъ... Желаешь? еще разъ повторилъ уланъ.

Ваня сказалъ, что этого нельзя.

— Ну, ко мнѣ! Длужище, утѣшь стараго товарища. Вѣдь я помню, какъ насъ вмѣстѣ съ тобой на одной лавкѣ сѣкли.

— Посмотрю тамъ, сказалъ Ваня, улыбнувшись этому воспоминанію—а теперь—прощай! мнѣ надо идти.

— Нѣтъ слово, честное слово прежде дай. Влешь, не пущу! вскричалъ уланъ.

— Ну даю слово—вечеромъ приду, посмотрю, какъ вы тамъ пируете! сказалъ Ваня.

— Не обманешь?

— Не обману...

Ваня стрѣлой бросился отъ навязчиваго улана и скоро достигъ цѣли своего путешествія.

Опрометью онъ взбѣжалъ на крылечко. И первый, кто встрѣтилъ его—была Саша. Какова награда! влюбленному сердцу понять, что его ждали! На Сашѣ было надѣто розовое платьицѣ, которое она спѣшила дошивать къ этому дню, и Ваня зналъ, что болѣе для него, а не для папаши. Ваня замѣтилъ, что и въ прическѣ ея было болѣе вкуса, чѣмъ всегда.

— Здравствуйте, Саша! сказалъ онъ, сразу это замѣтивъ.

— Возьмите вотъ этотъ шарфъ, сказала Саша, поздоровавшись—я сама его вязала и нарочно для васъ. Я буду очень рада, когда вы будете его носить.

— Здравствуй, Ваня, сказала Марфа Андревна—поздравляю тебя съ ангеломъ и съ имянинникомъ... съ моимъ-то старикомъ. Марфа Андревна поцѣловала Ваню. Ваня замѣтилъ, что и на ней было праздничное платье и фартукъ бѣленькій.

— Вотъ ты, Ваня, молодецъ! похвалила она, рано нынче пришелъ. А *моего*-то совсѣмъ замучили. Для праздника, для своего-то дня на службу пошелъ.

— Для чего же это? спросилъ Ваня.

— Стало быть нужно такъ... дежурнымъ онъ, вишь, какимъ-то. Начальство-то что-жъ это смотритъ — имянинника, а дежурнымъ ставитъ!

Поругивая начальство, Марфа Андреевна ушла на кухню, а молодые люди прошли въ залу. Ваня замѣтилъ, что и въ залѣ все было убрано и прибрано. Во всемъ приглядывала какая-то особенная чистота. Однимъ словомъ, праздникъ былъ и здѣсь. Едва Ваня успѣлъ оглянуться по сторонамъ, какъ калитка брякнула. Показался Иванъ Ивановичъ.

— Ванюха, ты уже здѣсь? крикнулъ онъ и заключилъ его въ свои объятія—а меня, братъ, задержали... извини... задержали.

— Ну теперь можно и обѣдать подавать — сказала Марфа Андревна, появляясь въ залѣ.

— Мы васъ только и ждали! сказала Саша отцу.

— А я какъ бѣжалъ, если-бы ты видѣла!... Подавай подавай, Андревна! А мы здѣсь распорядимся ужь сами.

Втрое рукъ скоро накрыли на столъ.

Библиотека "Руниверс"

— А это что? спросилъ Иванъ Ивановичъ замѣтивъ на Ванѣ шарфъ.

— Это я подарила Ванѣ.

— Этотъ самый? Что, братъ—каковъ! похвалилъ Иванъ Ивановичъ, хлопнувъ дружески Ваню по плечу. —Если теперь на рынокъ вынести, то и тамъ за такой цѣлковый дадутъ! а вѣдь Саша его для тебя вязала. Ну братъ, если-бы я былъ молодой человѣкъ, я-бы тебѣ позавидовалъ.

— Полно тебѣ грѣховодникъ, балясы-то точить, проговорила, появляясь въ это время съ миской супу, Марфа Андревна—ну гдѣ-жь бы ты это позавидовалъ, если она дочь твоя!... Садитесь всѣ по мѣстамъ!

Послѣдніе слова были сказаны ею какъ приказаніе. Всѣ поспѣшили за столъ.

— Андревна, и ты садись! сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— А прислуживать кто будетъ? Машка съ Васькой! такъ у насъ еще нѣтъ ихъ! Ты, пожалуйста, Ваня, кушай—обратилась она къ гостю, по меньше съ нимъ болтай!

— Ступай, ступай! сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Что жь, Саша сама тебѣ и на шею повязала? спросилъ Иванъ Ивановичъ Ваню, указывая глазами на шарфъ.

Ваня затруднился отвѣчать.

— Нѣтъ, отвѣчала за него Саша—чувство не нуждается въ томъ, какъ сдѣлать...

— Что жь, вѣдь это обидно, Ваня! сказалъ Иванъ Ивановичъ, взявъ его за плечо.

— Что жь, папаша, еще не поздно!...

Саша весело схватила съ шеи у Вани шарфъ и тутъ же, смѣясь, опять надѣла его на Ваню, къ полному его удовольствію.

Въ серединѣ обѣда Иванъ Ивановичъ вышелъ изъ за стола.

— Дожидайтесь!

Онъ скоро вернулся въ рукахъ его была бутылка шампанскаго. Иванъ Ивановичъ торжественно поставилъ ее на столъ.

— Андревна! крикнулъ онъ.

— Некогда!

— Поди сюда. Брось тамъ дѣло-то... Поздравь имянинниковъ!

— Ну что тебѣ? сказала Марфа Андревна, появляясь въ дверяхъ.

— Да вотъ поздравить нужно!

— Ишь угораздило его—и не сказалъ вѣдь! говорила Марфа Андревна въ то вре я, какъ Иванъ Ивановичъ проворно ушелъ за бокалами.

Бокалы явились по числу лицъ. Иванъ Ивановичъ не позабылъ прихватить съ собой и штопоръ. Пробка грянула въ потолокъ, и вино было розлито.

— Постой, не бери еще! сказалъ Иванъ Ивановичъ, отстраняя рукой руку Марфы Андревны, которая протянулась было къ одному бокалу.

Въ голосѣ какъ и въ фигурѣ Ивана Ивановича проглядывала какая то торжественность. Онъ всталъ, и поднимая свой бокалъ надъ головою, проговорилъ:

— Дай Богъ всѣмъ намъ быть здоровымъ, веселымъ и... богатымъ! Вино это мы пьемъ въ честь имянинниковъ. Имянинниковъ—два: первый—я, другой Ваня Ура! Иванъ Ивановичъ выпилъ шампанское, при чемъ перевернулъ бокалъ внизъ головою.

— Ну теперь ты, Марфа Андревна! сказалъ Иванъ Ивановичъ, назвавъ въ этотъ разъ жену по имени и отечеству.

— Ну, мнѣ сказать нечего. Я пожалуй еще хуже тебя что нибудь скажу. А вотъ поцѣловать Ваню поцѣлую, и ура прокричу!..

Марфа Андревна подняла надъ головою бокалъ и въ самомъ дѣлѣ крикнула—ура. Послѣ чего выпила и вино.

— Стопъ! сказалъ Иванъ Ивановичъ, схвативъ ее за руку, когда она хотѣла удалится на кухню,—Стопъ! По обычаю тебѣ надо другой разъ пить. Имянинниковъ два. За Ваню ты выпила, теперь за меня!

— Какіе тамъ обычаи? Ты, пожалуй, скажешь, что и цѣловать тебя надо—стараго такого?

Не смотря однако на то, что онъ былъ старый, она очень крѣпко его поцѣловала.

Послѣ обѣда Иванъ Ивановичъ не захотѣлъ измѣнить обычаю и пошелъ спать. Марфа Андревна занялась чѣмъ-то въ сосѣдней комнатѣ. Молодые люди остались одни. Много въ этотъ день они разсуждали и серьезно, много и весело. Самыя пылкія мечты и надежды лились потокомъ, особенно изъ сердца Вани, которое было переполнено счастьемъ.

Когда Ваня пошелъ отъ Саши домой, луны уже на прежнемъ мѣстѣ не было. Высоко, высоко залетѣла она, на подобіе огненнаго шара... И Ваня, вглядываясь въ глубину синѣющаго неба, задумывался о Сашѣ.

III

Ваня ни зачто не пошелъ-бы къ Толстопятову, если-бъ не вспомнилъ о немъ. Съ Толстопятовымъ они были дружны въ гимназіи. Но онъ всегда знавалъ его за хвастуна. Настоящая встрѣча показала ему, что Толстопятовъ мало перемѣнился. То же безцеремонное обращеніе... То же хвастовство. Но при всемъ этомъ Ваня не могъ забыть, что онъ ему обязанъ многими веселыми минутами жизни. Въ то время еще жило его семейство въ Москвѣ, онъ ходилъ къ нему; тамъ были ихъ игры и вмѣстѣ зазубривали они уроки. И Толстопятовъ, отличался всегда геройскимъ присутствіемъ духа: на другой день немилосердно ему подсказывалъ. При чемъ, если замѣчалъ учитель, то ставилъ имъ обоимъ по колу. Но Толстопятовъ и тутъ неунывалъ и говорилъ, что колъ да колъ все таки два... Вотъ теперь они опять встрѣтились... Почему бы и не сойтись имъ? Толстопятовъ такъ звалъ его! А онъ славный малый—товарища въ обиду не дастъ. Напротивъ, къ услугамъ товарища готовы его собственные бока, А хорошо-бы имѣть товарища!—„Зайду"! рѣшилъ Ваня, и онъ уже болѣе не раздумывалъ. Толстопятовъ квартировалъ не далеко по дорогѣ къ дому отца Вани. Когда Ваня подошелъ къ его квартирѣ и увидѣлъ, что у крыльца стояли двѣ коляски, а окна ярко освѣщены, онъ было поколебался. Но потомъ рѣшился—и вошелъ. Первое, что бросилось ему въ глаза—это была юнкерская шапочка пріятеля, на которую онъ чуть было не наступилъ. Изъ сосѣдней комнаты раздавались шумные голоса. Хозяинъ выскочилъ посмотрѣть, кто пришелъ, и, увидя Ваню, вдругъ бросился его цѣловать, причемъ Ваня замѣтилъ, что Толстопятовъ былъ подъ вліяніемъ Бахуса. Нацѣловавшись, Толстопятовъ втащилъ Ваню въ сосѣднюю комнату, которая служила залой и гдѣ совершалось торжество. Ваня наткнулся на бутылку, брошенную для чего-то на полъ. На столѣ онъ замѣтилъ до десяти бутылокъ...

— Господа, рекомендую вамъ моего товарища, вмѣстѣ сѣкли въ гимназіи, а теперь вмѣстѣ оба съ нимъ имянинники! проговорилъ хозяинъ, трепля Ваню по плечу.

Всѣ бросились къ Ванѣ здороваться. Ваня перездоровался со всѣми. Въ числѣ юнкеровъ, которые одни здѣсь присутствовали, затѣсался одинъ офицеръ съ такимъ румянымъ и бѣлымъ лицомъ, притомъ, безъусый, что Ваня принялъ его за переряженную женщину.

— Это глафъ... у меня и князь есть! успѣлъ шепнуть Ванѣ пріятель.

— Эй, князь, закричалъ онъ—что ты не наливаешь рому... Или ты хочешь, что бы я тебѣ морду побилъ?

Юнкеръ къ которому относилось привѣтствіе, былъ молодой человѣкъ съ вздернутымъ носомъ. Считаю не лишнимъ замѣтить, что Толстопятовъ титуловалъ его княземъ потому, что онъ былъ изъ татаръ.

Библиотека "Руниверс"

— Эй, князь, закричалъ онъ снова — или ты не слышишь — наливай, блатъ!... Ну пей, блатъ! отнесся Толстопятовъ къ Ванѣ, одною рукою взявшись, въ видѣ любезности, за его затылокъ.

— Это что?

— Ромъ, братецъ, ромъ... и прямо съ Ямайки... Да ну же пей!

Ваня зналъ, что, попавши въ эту компанію, нельзя не пить. Но онъ хотѣлъ-бы мѣнѣе хмѣльного напитка.

— Нѣтъ-ли у тебя хересу, или другого чего нибудь? сказалъ Ваня.

— Есть, блатъ, есть. Хересъ прямо изъ Херсона, а дреймадера...

Толстопятовъ задумался.

— Съ острова Мадеры! подсказалъ кто-то изъ присутствовавшихъ, за что Толстопятовъ обѣщалъ ему въ зубы.

Ваня выпилъ стаканъ вина. Между тѣмъ пиръ пошелъ своимъ чередомъ.

— За здоровье новобранца! крикнулъ Толстопятовъ. Загрѣмѣли стаканы.

Ваня смотрѣлъ на эту веселую компанію и невольно самъ одушевился. — Вотъ какъ проводятъ время, мелькнуло у него въ головѣ. А вѣдь имъ весело, очень весело!

— За здоровье Адели, пока не надоѣли! сказалъ кто-то изъ юнкеровъ.

— Ура! гаркнулъ хозяинъ.

— Что же вы не пьете, сказалъ одинъ изъ присут-

ВЕСНА.

Оригинальн. рисунокъ и стихотвореніе И. С. Панова, грав. К. Вейерманъ.

Вскрылась рѣка, затопила поля,
Солнцемъ весеннимъ согрѣта земля,
Листвой зеленой одѣлись кусты,

Пчелка летитъ за медкомъ на цвѣты:
Встала природа отъ зимняго сна,
Вновь все воскресло—явилась весна.

Гора Аѳонъ II. Видъ монастыря Хиландаря. Съ фотографіи рис. Монжеля, грав. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"

ствовавшихъ къ Ванѣ—вѣдь за здоровье Адели?

Ваня сказалъ, что онъ не знаетъ и знать не хочетъ никакой Адели, что повидимому, привело хозяина въ крайнее недоумѣніе.

— Не знать Адели! Да это моя возлюбленная! воскликнулъ Толстопятовъ.

На этотъ разъ Ваня, побуждаемый хозяиномъ, выпилъ за греческій носъ. Выпивъ же онъ почувствовалъ себя совсѣмъ бодро и весело. Онъ глянулъ вокругъ и замѣтилъ, что и вокругъ повеселѣло.

Пиръ продолжался своимъ чередомъ.

Вскорѣ Ваня ничего не могъ понять. Кто-то крикнулъ „ура", но кто-то „на шарапъ"; столъ былъ опрокинутъ; свѣчи погасли; бутылки зазвенѣли, и Ваня былъ подхваченъ подъ руки.

Лѣто. Пугалище. Рис. Джіакомелли, грав. Бервелли.

— Ну ужь и возлюбленная, сказалъ кто-то,—скажи просто, что вновь пріѣхавшая актриса?

— Красавица, знаете, и носъ греческій! пояснилъ сидящій по правую руку сосѣдъ Вани.

— Вновь за Адель! За греческій носъ! послышались тосты.

Съ одной стороны былъ Толстопятовъ.

— Мы неразлучно съ тобой... какъ рыба съ водой! говорилъ Толстопятовъ, при чемъ Ваня замѣтилъ, что

Библиотека "Руниверс"

онъ крѣпко держится за его руку.

— Караулъ, ногу отдавилъ! послышалось Ванѣ.

Ваню куда то тащили съ собой пріятели.

— Зачѣмъ я иду?—подумалъ Ваня.—Но впрочемъ, если всѣ веселятся, отчего же не повеселиться?

— У крыльца уже стояли бойкія кони. Кони въ нетерпѣніи рыли ногами землю, кучера въ нетерпѣніи закуривали десятую люльку. Одинъ сказалъ:—Вавило, кнутъ потерялъ! Другой отвѣтилъ:—ничего, и безъ кнута доѣдемъ! Съ шумомъ высыпала пьяная компанія на крыльцо, которое чуть не ломилось подъ стукомъ каблуковъ, сабель и шпоръ. Тотчасъ же всѣ усѣлись въ коляски. Ваня помѣстился въ одной коляскѣ съ Толстопятовымъ.

— Ну вотъ, длужище! сказалъ ему Толстопятовъ—вотъ вмѣстѣ и поѣхали! (Они еще не трогались съ мѣста).—А то сказалъ—не пойду... давича утромъ-то, свинтусъ этакой!

Толстопятовъ протянулъ ему съ любезностью руку, въ это время лошади тронулись и они поѣхали.

Шумно веселилась компанія. Вездѣ, вездѣ побывали они. Вихри кони быстро переносили ихъ изъ одного конца въ другой. Были и у цыганъ въ таборѣ. Лунная была ночь. Торжественно свѣтила луна съ голубого неба на воды, лѣса и на таборъ, размѣстившійся посреди дороги. Вотъ тутъ-то попировала компанія. Показалъ себя и Ваня, въ порывѣ безотчетнаго чувства поцѣловавшій смуглую шейку цыганки, первой красавицы во всемъ таборѣ. Вотъ здѣсь-то повеселились они и отсюда-то летѣли они рано утромъ по мягкой шоссейной дорогѣ. Голубое небо начало окрашиваться бѣлою краской, но все еще спало въ природѣ: деревья, тихо стоявшія по бокамъ дороги, поля, покрытыя, какъ ковромъ зеленью. Полусонныя кучера, не принимавшіе участія въ весельи господъ, чтобъ ободрить себя, затянули въ полголоса пѣсню... имъ подхватили... И далеко понеслась эта пѣсня, и шибче понеслись кони, и край неба началъ окрашиваться, и пѣшеходъ, встрѣтившійся на дорогѣ, отходилъ въ сторону, крестился и еще долго смотрѣлъ вслѣдъ разгулявшійся молодежи.

Поздно ночью, или, скорѣе, рано утромъ, возвращался въ этотъ разъ Ваня къ себѣ домой. Все, что пережилъ онъ въ эту ночь, роилось въ его памяти. Между прочимъ онъ думалъ:—что Саша? что ея красота передъ красотою сверкающею, ослѣпительною, которую ему удалось видѣть въ эту ночь? Она бѣдная неопытная дѣвушка! Сильныя страсти ей невѣдомы! Не алѣютъ еще розы на щекахъ, не разцвѣли еще румяныя губы... и во всякомъ случаѣ, она не можетъ чувствовать того, что чувствовалъ онъ. Прійдя домой Ваня завалился спать. И не видѣлъ Ваня какъ взошло солнце, какъ оно поднялось выше полудня. Въ эти часы онъ переживалъ то, что пережилъ въ короткое время со вчерашняго вечера. Кудри его разметались. Онъ тихо вздрагивалъ во снѣ и ежеминутно, то яркій румянецъ покрывалъ его щеки, то страшная блѣдность сгоняла этотъ румянецъ.

Н. Соснецкій.

(Окончаніе будетъ).

Аѳонъ.

(Окончаніе).

Нѣтъ сомнѣнія, что монашеская община на Аѳонѣ принадлежала къ самымъ древнимъ,—можетъ быть, на равнѣ съ Ѳиваидскою монашескою общиной въ Египтѣ. Изъ исторіи мы знаемъ, что когда готы подъ предводительствомъ Аларпха, ворвались въ V вѣкѣ по Р. Х. въ Грецію то эти варвары нашли гору Оссу (эта гора находится въ Ѳессаліи и теперь называется *Киссабо*, въ теперешней турецкой провинціи Румеліи) и знаменитые въ древней Греціи Термопилы населенными множествомъ анахоретовъ. Однакожъ, со временемъ, эти святыя подвижники были вытѣснены оттуда, потому что Темпейская долина около Оссы и Термопильскія тѣснины были естественными воротами для вторженія варваровъ въ Грецію, слѣдовательно въ Темпейской долинѣ анахоретамъ оставаться не было ни какой возможности, тогда какъ лѣсистый Аѳонъ представлялъ совершенно замкнутую какъ бы нарочно созданную для иноческихъ подвиговъ мѣстность. Такимъ обезопашеннымъ самою природою убѣжищемъ Святая Аѳонская гора осталась до нашихъ дней. Еще болѣе удержала Святая гора свое великое значеніе въ отношеніи нравственномъ, потому что она до сихъ поръ служитъ надежною духовною гаванью для измученныхъ бурями и бѣдствіями житейскими; по этому-то и въ общей численности членовъ монастырской общины на Аѳонѣ никогда нѣтъ убыли.

Важнѣйшія постановленія для аѳонскаго монашескаго общежитія сдѣланы еще при императорѣ *Константинѣ* и его сыновьяхъ. Однакожъ первые отшельники на Аѳонѣ жили каждый самъ по себѣ. Объ образѣ жизни первыхъ аѳонскихъ монаховъ древнее сказаніе говоритъ, что они не воздѣлывали земли, не держали рабочихъ воловъ или какого либо другого упряжнаго скота и даже напр. муловъ и ословъ для переноски тяжестей. Даже собакъ не было на Аѳонѣ. Жили монахи въ плохихъ хижинахъ, построенныхъ изъ короткихъ обрубковъ дерева и не защищавшихъ зимою отъ холода, а лѣтомъ отъ жара. Если нужно было перенесть съ мѣста на мѣсто что-либо громоздкое, монахи-пустынники сами замѣняли мѣсто вьючныхъ животныхъ; накладывали другъ другу на спину громоздкую ношу и несли къ мѣсту назначенія, во-образѣ ношенія ига Христова. Пища монаховъ состояла въ плодахъ дико-растущихъ деревьевъ. Случалось впрочемъ, что сострадательные пловцы на какомъ-нибудь кораблѣ, приставъ къ Аѳону, предлагали монахамъ въ приношеніе зерновой хлѣбъ или просо, прося упомянуть жертвователей въ своихъ святыхъ молитвахъ. Къ праздникамъ Рождества, Пасхи и къ 15 августа ко дню Успенія Богоматери, т. е. въ самый главный праздникъ всего Аѳона,—всѣ анахореты св. горы собирались въ одинъ изъ храмовъ, для совѣщанія объ общемъ устройствѣ дѣлъ.

Первый каменный монастырь на Аѳонѣ былъ выстроенъ при императорѣ *Василіи Македонянинѣ* (869—889) монахомъ Іоанномъ *Колобосомъ*. Къ царствованію же Василія Македонянина относится и установленіе на Аѳонѣ крайне строгаго правила, чтобы *ни одно мірское существо не высаживалось на Аѳонскій полуостровъ, съ промышленными цѣлями*.

Первоначальныя правила аѳонскаго монашескаго общежитія были существенно измѣнены, въ 960 г., когда на Аѳонъ прибылъ великій реформаторъ восточнаго монашества, свят. Аѳанасій (его не должно смѣшивать съ знаменитымъ отцомъ церкви и борцомъ противъ аріанъ, Аѳанасіемъ Александрійскимъ). Съ величайшими усиліями Аѳанасію удалось ввести на Аѳонѣ духъ и устройство византійскихъ городскихъ монастырей. Затѣмъ, Аѳанасій для образца основалъ на Аѳонѣ лавру, укрѣпленный монастырь, въ видѣ замка. Подобныхъ монастырей при императорѣ *Константинѣ Мономахѣ* (1042—1054 г.) существовало на Аѳонѣ до 180 и съ этого времени (съ Мономаха) начинается періодъ высшаго процвѣтанія монастырей аѳонскихъ, въ смыслѣ приношенія сюда богатыхъ даровъ византійскими императорами и князьями Транезунта. Когда же византійцы начали имѣть дѣло съ турками, то протекторатъ (покровительство) надъ Аѳономъ перешелъ къ сербамъ, валахамъ, болгарамъ, наконецъ къ намъ, русскимъ. Нѣкоторые изъ аѳонскихъ монастырей основаны сербскими князьями, напримѣръ монастырь Хиландарь, гдѣ погребенъ національный сербскій герой *Марко*.

Извѣстно, что турецкое владычество наложило на многія цвѣтущія страны европейскаго юга печать одичалости, раззоренія и запустѣнія. Никакое воображеніе не въ силахъ представить, до какой степени сдѣлались, при туркахъ, печальными и безлюдными области, считавшіяся прежде земнымъ раемъ. Это дикое, варварское опустошеніе продолжается, какъ извѣстно, и до сихъ поръ. Аѳонъ принадлежитъ къ немногимъ отраднымъ исключеніямъ въ этомъ отношеніи. Прилежаніе и трудолюбіе иноковъ сдѣлали Аѳонскій уголокъ земли дѣйствительно земнымъ раемъ. Роскошь растительности и тщательная культура почвы поражаютъ взоры путешественника, подобно садамъ Дамаска въ грустно-пустынной и варварски-опустошенной Сиріи. И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на теперешніе Аѳины, Антіохію, Византію, Іерусалимъ, посмотрите на всѣ, когда-то процвѣтавшіе, греческіе острова. Все это представляетъ, по крайней мѣрѣ въ большую часть года, голую, печальную, сожженную солнцемъ пустыню, съ мрачными и грандіозными развалинами... Только одинъ Аѳонъ круглый годъ является въ украшеніи вѣчной зелени. Высоты горъ увѣнчаны великолѣпными лиственными лѣсами, за которыми имѣются тщательный надзоръ и разумная культура. Платаны, буки,

Библиотека "Руниверс"

дубы, орѣховое дерево, каштаны, кипарисы перемѣшиваются другъ съ другомъ и производятъ впечатлѣніе общей чарующей картины растительной жизни, какую рѣдко гдѣ-либо еще можно встрѣтить. Внизу, подъ мощными стволами большихъ деревъ, разрослась чаща миртовыхъ и фисташковыхъ кустарниковъ, и подъ этой непроницаемой чащею гремятъ и меланхолически журчатъ ручьи. На воздѣланныхъ полосахъ земли широко раскинулись сады, луга и поля и между ними раскиданы тамъ и сямъ сельскіе домики или жилища монаховъ, поселившихся общинами при морскихъ бухтахъ или на скалистыхъ выступахъ берега. Черезъ пропасти, которыя здѣсь многочисленны, вездѣ смѣло и ловко переброшены каменные мосты. Дороги вездѣ соблюдаются въ тщательномъ порядкѣ и всюду связываютъ между собою селенія. Словомъ—вездѣ культура и культура, какъ неизбѣжная и законная помощница и дополнительница природы, хотя бы и такой богатой, какъ аѳонская... Любое мѣсто на Аѳонѣ представляетъ ландшафтъ, въ которомъ соединились въ одинъ изящный образъ прелесть Альпійской долины съ роскошнымъ Сицилійскимъ берегомъ.

На Аѳонскомъ полуостровѣ живетъ приблизительно 10,000 монаховъ. Къ этому нужно прибавить послушниковъ изъ болгаръ (по 1 на 3 монаховъ) и нѣсколько ремесленниковъ, каковы корабельщики и мельники. Приблизительно въ срединѣ полуострова лежитъ главное его мѣстечко *Карея*, съ базаромъ. Карею можно, не безъ основанія, назвать столицею аѳонскаго государства. Это административный центръ всѣхъ аѳонскихъ монашескихъ общинъ. Каждый монастырь имѣетъ здѣсь свое подворье или *кунакъ*. Здѣсь находится до 200 домовъ и до 120 православныхъ церквей. Въ подворьяхъ живутъ повѣренные монастырей и останавливаются гости и поклонники. Затѣмъ здѣсь же помѣщается аѳонскій такъ называемый *протатъ*, или высшее правительственное собраніе, управляющее внѣшними и внутренними дѣлами всего Аѳона. Здѣсь же живетъ и представитель турецкой власти съ своей канцеляріей. Но Карея крайне неопрятна—въ чисто-восточномъ вкусѣ. Во всю длину ея построены плохія лавчонки, безъ оконъ и почти совершенно открытыя. Можно встрѣтить здѣсь мастерскія башмачниковъ, портныхъ, рѣзчиковъ, иконописцевъ, столяровъ, конечно—изъ монаховъ. Тутъ же предлагаются на продажу съѣстные продукты, домашняя утварь и украшенія. Но, не смотря на торговый и базарный характеръ селенія, и здѣсь господствуетъ вполнѣ аѳонское, мрачное и однообразное спокойствіе. Даже если вы, напримѣръ, взойдете въ лавку, то подумаете, что взошли къ безмолвному, важному философу.

Полуостровъ посѣщаютъ обыкновенно съ моря. Гавань, гдѣ пристаютъ почти еженедѣльно турецкіе и наши русскіе пароходы, называется одна—гаванью св. Пантелеймона, другая—Руссикъ, на западной сторонѣ полуострова. Наши русскіе богомольцы заѣзжаютъ на Аѳонъ или по пути въ Іерусалимъ, или возвращаясь оттуда. Каждую недѣлю высаживаются сотни такихъ богомольцевъ и странниковъ на Аѳонъ. Пароходы пристаютъ всегда около полуночи. Монахи уже знаютъ этотъ урочный часъ и подъѣзжаютъ къ пароходамъ на лодкахъ, чтобы принять пассажировъ. На берегу въ это время ожидаютъ уже монастырскіе служки и послушники, и разная отдѣтая въ рубища монастырская челядь, чтобы принять багажъ путешественниковъ. Все это совершается въ какомъ-то почтительномъ и торжественномъ молчаніи, какъ будто дѣло происходитъ въ храмѣ или въ преддверіи храма. Это еще болѣе поражаетъ, когда сравнишь дикую и шумную высадку пассажировъ въ любой изъ другихъ гаваней Востока.

Форма одежды для всѣхъ аѳонскихъ монаховъ общая — это черный, плотно обтягивающій тѣло таларъ (о которомъ мы имѣли случай говорить выше), на головѣ же черная съ весьма широкими полями шляпа. Монахи такъ-называемыхъ штатныхъ монастырей, особенно начальство, ходятъ опрятно, даже щеголяютъ въ шолкѣ и бархатѣ. *Киновиты* же, т. е. монахи общежительныхъ братскихъ монастырей, отличаются простотою, даже убожествомъ одежды. Тою же нищетою одежды отличаются *келіоты*, т. е. живущіе или въ кельяхъ, нанимаемыхъ отъ монастыря и построенныхъ на монастырской землѣ, или же построившіе свои кельи, но платящіе за это довольно тяжкую поземельную подать аѳонскимъ духовнымъ властямъ и турецкому правительству. Наконецъ старцы-пещерники, живущіе одиноко въ дикихъ пещерахъ, уже положительно ходятъ въ рубищахъ. По образу ихъ жизни, монахи аѳонскіе раздѣляются на *три* класса: a) *живущихъ въ келліяхъ* отъ 2 до 3-хъ человѣкъ вмѣстѣ. Монастыри доставляютъ этимъ братіямъ вино, хлѣбъ и рыбу; зелень же они воздѣлываютъ въ прилежащихъ огородахъ сами. Затѣмъ слѣдуютъ b) собственно *монастырская братія* въ монастыряхъ и c) *скиты* и живущіе въ нихъ, совершенно отказавшіеся отъ міра, старцы-отшельники. Всѣхъ скитовъ на Аѳонѣ 10, въ томъ числѣ 2 русскихъ, св. Иліи и Серайскій. Мы уже знаемъ, что горный гребень раздѣляетъ полуостровъ, на которомъ находится Аѳонъ, на *двѣ* части. Вотъ по обѣ-то стороны гребня горъ и расположены аѳонскіе монастыри (числомъ до 30 большихъ монастырей, но обѣ стороны горнаго гребня), прилегаютъ всѣ эти монастыри большею частью весьма близко къ морю. Число же отдѣльныхъ скитовъ и келлій, а также монастырскихъ угодій и принадлежащихъ имъ домиковъ, населенныхъ тоже иноками, простирается до 270. Изъ большихъ монастырей, впрочемъ, только небольшая часть строго слѣдуютъ правиламъ *св. Василія Великаго*, т. е. живущая въ нихъ братія строго умерщвляютъ плоть постомъ, молитвою и тяжелыми трудами. Большинство же братій, конечно, не можетъ побѣдить немощей плоти относительно пищи, и понятно, что остальная братія въ духѣ христіанской любви и братолюбія относится къ нимъ снисходительно. Предстоятеля, называемаго обыкновенно греческимъ словомъ „проэстосъ", или игумена, монахи избираютъ сами. срокомъ на годъ. Всякій, поступающій въ число аѳонской братіи, долженъ подвергнуться *годовому искусу*, и, по истеченіи года, можетъ удалиться назадъ, если ему покажутся тяжелыми правила аѳонскаго общежитія. И по сіе время существуетъ правило, чтобы ни одна женщина не ступала на почву Св. Горы. На всѣхъ дорогахъ существуютъ караульни, въ которыхъ сторожатъ преимущественно болгары, чтобы наблюдать за строгимъ и неуклоннымъ исполненіемъ этого правила. Упомянутое мѣстечко *Карея* есть, какъ сказано выше, центральное мѣсто администраціи надъ аѳонскими общинами. Живущій въ Кареѣ турецкій ага имѣетъ еще помощника и получаетъ отъ аѳонскаго центральнаго правительства до 1000 жалованья и множество подарковъ и онъ строго обязывается вести безбрачную жизнь. Но это только на словахъ, а на самомъ дѣлѣ у аги находится гаремъ въ городѣ *Эристо*, въ 70 верстахъ отъ Карен. Каждый изъ 20 аѳонскихъ монастырей ежегодно обязанъ послать въ Карею своего депутата, и вотъ эти-то депутаты избираютъ центральное правительство, состоящее изъ 5 предстоятелей или *эпистатовъ*, а одного изъ этихъ предстоятелей дѣлаютъ главнымъ начальникомъ, и этотъ совѣтъ носитъ названіе *протата*—что буквально значитъ „самый первый".

Если кто желаетъ посѣтить аѳонскіе монастыри съ научною цѣлію, хочетъ видѣть ихъ древности, познакомиться съ сокровищницами библіотекъ, тотъ долженъ обратиться къ константинопольскому патріарху, чрезъ посольство той страны, гражданиномъ которой состоитъ этотъ любознательный путешественникъ. Патріархъ даетъ дозволительное на посѣщеніе Аѳона письмо. Отъ Константинополя пароходъ въ 30 часовъ доставитъ путешественника къ Святой горѣ. Вышедъ на берегъ, путешественникъ обязанъ немедленно ѣхать прямо въ Карею, для предъявленія живущему тамъ турецкому эффенди своего паспорта. Паспортъ предъявляется въ конакѣ или главномъ подворьѣ. Затѣмъ послѣ этого перваго визита путешественникъ является въ залу, гдѣ происходятъ совѣщанія и засѣдаютъ депутаты 20 аѳонскихъ монастырей, подъ предсѣдательствомъ проэстоса. Здѣсь предстоятели или эпистаты, всегда непремѣнно старцы, величаво сидятъ на диванахъ, напротивъ нихъ на высокомъ деревянномъ креслѣ сидитъ проэстосъ, съ деревяннымъ скипетромъ въ рукѣ. Привѣтствіе совершается безмолвно, по древне-византійскому обычаю. Предъ проэстосомъ и старцами-эпистатами путешественники должны кланяться со смиренно-сложенными руками. Прислуживающіе предсѣдателю служители, входя за чѣмъ либо, каждый разъ цѣлуютъ у него ногу и затѣмъ получаютъ благословеніе. Когда путешественникъ вручитъ предсѣдателю разрѣшительное на посѣщеніе Аѳона письмо константинопольскаго патріарха, величавый старецъ немедля составляетъ циркулярное посланіе ко всѣмъ 20 аѳонскимъ монастырямъ. Затѣмъ четыре эпистата вынимаютъ изъ имѣющихся съ ними сумочекъ *четвертныя* вырѣзки круглаго штемпеля и эти вырѣзки прикладываются другъ къ другу и образуютъ круглую печать, которая и прикладывается къ циркулярному посланію. Въ этомъ посланіи предсѣдатель предписываетъ, чтобы чужестранцу было оказываемо въ монастыряхъ всевозможное гостепріимство и всевозможное облегченіе могущихъ встрѣтиться затрудненій.

Но что же Аѳонъ можетъ представлять замѣчательнаго относительно сокровищъ литературы?

На это намъ отвѣчаютъ слѣдующее.

На Аѳонѣ, когда среди восточнаго монашества процвѣтала еще литература и было много даровитыхъ ученыхъ—многіе богатые и образованные міряне, пріѣзжая постричься, привозили много рукописей, которыя по смерти ихъ владѣтелей поступали въ вѣчное владѣніе монастырей и скитовъ аѳонскихъ. Съ тѣхъ поръ, изъ этихъ пріобрѣтеній и мѣстныхъ литературныхъ трудовъ въ каждомъ монастырѣ и скитѣ Аѳона образовались довольно значительныя библіотеки, которыя даже и въ настоящее время составляютъ лучшее украшеніе Аѳона и его важное значеніе для науки. Въ библіотекахъ этихъ сохранилась на лицо почти вся ученость древней Византіи; есть тутъ множество рѣдкихъ рукописей и дѣловыхъ актовъ, еще никогда не бывшихъ въ печати и подробное изслѣдованіе которыхъ если бы оно состоялось, познакомило бы насъ съ бытомъ древнихъ грековъ и, характеромъ ихъ научныхъ воззрѣній. Если бы удалось собрать разбросанныя по разнымъ подваламъ и кладовымъ Аѳона книги и рукописи въ одно помѣщеніе, то составилась бы *библіотека, которая по богатству рукописей превзошла бы всѣ европейскія библіотеки*. Большинство аѳонскихъ рукописей, конечно, религіознаго содержанія; но между ними есть нѣсколько интересныхъ и еще неизвѣстныхъ образованному міру изслѣдованій по части свѣтскихъ наукъ и искусствъ. Архимандритъ Пор-

Библиотека "Руниверс"

фирій и извѣстный путешественникъ на Аѳонъ, съ художественной цѣлью, г. Севастьяновъ впервые познакомили образованный міръ и въ особенности насъ, русскихъ, съ богатствомъ аѳонскихъ библіотекъ. Обращаясь къ исторіи Аѳона, мы находимъ, что судьба аѳонскаго процвѣтанія и образованности тѣсно связана съ судьбами Византіи. До взятія Византіи была образованность и энергія къ наукамъ и между аѳонскими монахами; затѣмъ, по взятіи Византіи, эта энергія исчезла. Аѳонъ наводнился мало по малу такими лицами, которыя стали смотрѣть на хранящіяся въ библіотекахъ книги какъ на безполезный хламъ. Множество рукописей съ этого времени изорвано и исчезло безвозвратно. Много рукописей погибло, затѣмъ и при усобицахъ монастырскихъ, а также во время Эллинскаго возстанія въ первой четверти текущаго вѣка—возстанія, которое отразилось и на Аѳонѣ.

Въ настоящее время въ большей части аѳонскихъ монастырей находятся *двѣ* библіотеки, *открытая* и *секретная*. Въ открытую библіотеку впускаютъ всѣхъ желающихъ, но въ ней обыкновенно нѣтъ ничего замѣчательнаго. Въ секретную библіотеку впускаютъ только довѣренныхъ лицъ и то послѣ множества отговорокъ. Но за то въ этихъ послѣднихъ библіотекахъ можно увидѣть громадныя книжныя сокровища аѳонскихъ монастырей—но въ какомъ видѣ! Иногда весьма цѣнныя книги свалены будто мусоръ въ углу, а полки, на которыхъ расположена другая часть книгъ, заросли тенетами и покрылись плѣсенью. При первой попыткѣ разсмотрѣть сваленную кучу книгъ поднимается пыль, ветхіе листы разлетаются.

Но въ числѣ находящихся въ такомъ плачевномъ состояніи монастырскихъ библіотекъ на Аѳонѣ, есть разумѣется и *лучшія*, относительно чистоты и порядка. Таковы, во первыхъ, библіотеки *изображенныхъ на нашихъ рисункахъ монастырей*, *Есфигмена* и *Хиландаря*; затѣмъ хорошія библіотеки находятся въ *Руссикѣ* (здѣсь какъ сказано выше, находится пароходная пристань) и *Зографѣ*. А по богатству рукописей первое мѣсто занимаютъ монастыри *Ватопедскій*, *Иверскій* и *Лавра*.

Когда въ европейскихъ археологахъ возбудился интересъ къ аѳонскимъ древностямъ, то аѳонскіе старцы, смекнувъ, что нахожденіе древностей представляетъ выгоду, стали по глазомѣру опредѣлять древность своихъ построекъ. И вотъ тогда-то явились и торопливые составители *исторіи Аѳона*, которая стоитъ, разумѣется, ниже всякой поверхностной критики, потому что всякій историкъ-монахъ выставлялъ свою обитель древнѣе другихъ и доказательства для этого натягивалъ всѣми силами и неправдами. Вслѣдствіе этого оказалось, что всѣ аѳонскіе монастыри основаны чуть-ли не при Константинѣ Великомъ! Въ хронологіи является вслѣдствіе той же причины страшная путаница. Напримѣръ, оказывается, что извѣстное дѣйствительное историческое лицо, напримѣръ, игуменъ жилъ на свѣтѣ 200 лѣтъ, а другое—только 3 года и т. д. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Аѳона получаютъ газеты изъ Константинополя и Аѳинъ, но эти газеты читаетъ только монастырское начальство, а братія не читаетъ. Начальство же монастырское слѣдитъ за политическими событіями въ тѣхъ видахъ, чтобы узнать, нѣтъ ли на политическомъ горизонтѣ какой опасности для Турціи, а если есть, то какія нужно принять мѣры. Турецкое правительство, разумѣется, желаетъ, чтобы, въ случаѣ войны Турціи съ какимъ либо христіанскимъ государствомъ, монахи Аѳона молились за успѣхъ турецкаго оружія, хотя это не исполняется, исключая нѣкоторыхъ монастырей. Такъ, напр., во время Крымской войны, по волѣ султана, константинопольскій патріархъ прислалъ на Св. гору предписаніе молиться за успѣхъ оружія не Россіи, а Турціи; однакожъ только три монастыря исполнили это предписаніе, остальные же молились за Россію.

Типъ монастырей аѳонскихъ представляется замѣчательнымъ по своей древности. Вотъ общій планъ. На довольно обширной площадкѣ стоитъ совершенно особо маленькая церковь, а вокругъ этой, имѣющей большею частью овально-продолговатую форму площадки, прилегая тѣсно другъ къ другу и образуя

Общій видъ города Екатеринбурга. Съ фотографіи грав. Манкель.

Библиотека "Руниверс"

Дервишъ-филологъ, А. Вамбери. (Венгерскій ученый путешественникъ по Средней Азіи).
Рис. Байяръ, грав. Гюго.

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько этажей, строятся жилища монаховъ. Верхніе этажи по всей своей длинѣ связаны галлереей, выходящей во внутрь двора. Иностранцы находятъ, что внѣшній видъ каждаго изъ аѳонскихъ монастырей напоминаетъ замокъ Вартбургъ, гдѣ Лютеръ перевелъ Библію. Церковь, стоящая, какъ выше сказано, совершенно особо по срединѣ двора, увѣнчивается по крайней мѣрѣ пятью главами. Даже самыя маленькія часовни выведены куполообразно. Но церковь всегда настолько тѣсна, что не вмѣщаетъ въ себѣ всей монастырской братіи и остальная братія, при богослуженіи, размѣщается уже въ упомянутыхъ часовенкахъ, съ куполами пристроенныхъ къ монастырскимъ кельямъ. И вообще на Аѳонѣ существуетъ множество маленькихъ церквей, даже при келіяхъ, у келіотовъ. Даже на самой высокой вершинѣ Аѳонской горы, на высотѣ въ 6,400 фут. надъ поверхностью моря, построена издавна церковь во имя Преображенія Господня. На Аѳонѣ два рода живописи: иконная и стѣнная (альфреско). Этою живописью росписаны стѣны церквей на Аѳонѣ, даже стѣны трапезъ и братскихъ келлій. При распятіи, Христосъ изображается на аѳонскихъ иконахъ не пригвожденнымъ къ кресту а восходитъ на крестъ *Самъ*, по приставленной лѣстницѣ. Этимъ древневизантійскіе художники желали выразить, что страданіе Господа Іисуса было *вольное*, слѣдовательно и нѣтъ нужды изображать самое пригвожденіе Христа ко кресту руками мучителей. Художниковъ аѳонскихъ преимущественно руководилъ и руководитъ символизмъ. Догматы и предметы вѣры тоже представлены въ наглядныхъ образахъ, и при томъ весьма подробно. Такъ изображенъ символъ вѣры, вселенскіе соборы съ ихъ ученіемъ и „апокалипсисъ". На иконѣ „Преображенія Господня" Христосъ изображенъ и восходящимъ на гору и преображающимся и сходящимъ съ горы—чтобы сдѣлать для молящагося образъ болѣе понятнымъ. Затѣмъ, чаще всего, въ притворахъ храмовъ изображается лѣстница къ небу св. Іоанна Лѣствичника, и по этой лѣстницѣ идутъ къ небу монахи (это восхожденіе къ небу—конечно, символъ спасенія иноковъ на Аѳонѣ). Тутъ же изображены и бѣсы, которые стараются столкнуть монаховъ съ этой лѣстницы и низвергнуть въ геенну огненную. Эта геенна изображается подъ лѣстницей въ видѣ дракона,—изъ открытой пасти котораго пышетъ пламя, а изъ пламя торчатъ ноги монаха, упавшаго съ небесной лѣстницы, т. е. совратившагося съ пути добродѣтели. Затѣмъ, часто символически изображается монахъ, распявшій „свою плоть со страстями и похотями". Всѣ члены тѣла монаха при этомъ покрыты надписями, въ которыхъ перечисляются грѣхи, соотвѣтствующіе каждому члену. Далѣе—весьма часто изображены воздушныя мытарства и адъ съ грѣшниками, висящими на огромныхъ крючьяхъ. Есть фреска, на которой изображенъ Христосъ, управляющій рулемъ большой лодки, наполненной православными христіанами, а на берегу стоятъ папа римскій и лютеръ, которые своими баграми стараются опрокинуть Христову ладью. Всѣ еретики изображены съ чертями на плечахъ, при чемъ черти нашептываютъ имъ на ухо.

Главныя мастерскія аѳонскихъ иконописцевъ находятся въ Кареѣ, и оттуда уже мастера разъѣзжаютъ по всѣмъ монастырямъ Аѳона для работъ и поправокъ. Ремесло иконописца едва ли не самое выгодное на Аѳонѣ, потому что тамъ запросъ на иконы слишкомъ большой, и множество мастеровъ едва успѣваютъ исполнять заказы,

Въ настоящее военное время положеніе аѳонскихъ монастырей не менѣе трудное, какъ и въ бывшую Крымскую войну: приходится скрывать свою ненависть къ Турціи и, пожалуй, чего добраго, даже молиться (для виду) за успѣхъ ея оружія.

Къ рисункамъ.

Дервишъ-филологъ.

(Вамбери, венгерскій ученый путешественникъ по Средней Азіи).

Посмотрите на рисунокъ. Кто бы могъ признать въ оборванномъ дервишѣ, изображенномъ на немъ, европейски извѣстнаго путешественника? Имя Вамбери стало популярнымъ у насъ въ 60-хъ годахъ и еще болѣе извѣстнымъ въ концѣ этихъ годовъ (именно въ 1867 г.), когда публика наша познакомилась въ русскомъ переводѣ съ его получившею большую извѣстность книгою „*Путешествіе по Средней Азіи*". Затѣмъ въ это же время Вамбери сталъ извѣстенъ намъ и какъ публицистъ, недоброжелательный нашимъ завоевательнымъ успѣхамъ въ Средней Азіи, постоянно бившій въ набатъ для возбужденія опасеній Англіи по этому поводу. Публицистическій талантъ Вамбери далеко не первостепенный—и что отвращаетъ отъ него не предубѣжденнаго читателя—такъ это тенденціозность Вамбери, его предвзятая мысль, съ которою онъ не разстается въ своихъ газетныхъ статьяхъ почти ни на минуту. Вездѣ, кстати и некстати, онъ суетъ читателю ту мысль, что цивилизаторская миссія въ Средней Азіи принадлежитъ Англіи, а не варварской Россіи. Что равнодушіе англичанъ къ нашимъ завоеваніямъ въ Азіи неразумно, даже съ точки зрѣнія культуры и цивилизаціи. Англійскій „левъ", по мнѣнію Вамбери, нѣтъ сомнѣнія, скоро столкнется съ русскимъ „медвѣдемъ" изъ-за обладанія въ Азіи. Впрочемъ, можетъ быть, обѣ стороны и братски раздѣлятъ завоеванное — прибавляетъ каждый разъ Вамбери, желая увернуться,—я не знаю, только это не желательно. Вѣдь я только говорю скромно, какъ дервишъ-филологъ—sutor non ultra crepidam (т. е. башмачникъ судитъ не свыше башмака, который онъ шьетъ). Эта-то мнимо-скромная, лукавая, инсинуирующая манера Вамбери, какъ публициста, скоро всѣмъ надоѣла, даже органамъ европейской печати, явно недоброжелательнымъ Россіи.

Но совершенно въ иномъ свѣтѣ представляется Вамбери, какъ путешественникъ, оставляющій въ сторонѣ свои національныя, публицистическія тенденціи. Путешествіе венгерскаго ученаго по Средней Азіи представляетъ намъ такой примѣръ неустрашимости, энергіи, настойчивости. Для исполненія своихъ задачъ въ путешествіи онъ соединилъ столько осторожности, такта, умѣнья пользоваться благопріятными результатами, самоотверженія для науки, каковы бы не были его посторонныя, національныя цѣли, (какъ истаго венгерца), что его путешествіе слѣдуетъ отнести къ числу самыхъ выдающихся въ наше время.

Нѣтъ сомнѣнія, что первымъ и главнымъ двигателемъ Вамбери въ его путешествіи служило его національное самолюбіе въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и затѣмъ уже — научная любознательность была двигателемъ второстепеннымъ. Онъ предположилъ себѣ изслѣдовать сравнительно-филологическимъ путемъ: что такое венгерскій языкъ, какое мѣсто онъ долженъ занимать въ многочисленномъ семействѣ тюркскихъ и финскихъ языковъ. Изъ этого естественно должно слѣдовать и рѣшеніе важнаго для венгерской національности вопроса: что такое она сама, эта національность, въ средѣ другихъ европейскихъ національностей. Что къ подобнымъ вопросамъ, въ наше время побуждаетъ національное самолюбіе—весьма понятно. Созваніе себя есть краеугольный камень каждой народности. Узнать колыбель своего языка, его значеніе и опредѣляющую силу для отечественной исторіи—значитъ коснуться самой сущности дѣла въ исторіи извѣстной національности. Но Венгрія и независимо отъ этого представляетъ много особеннаго, исключительнаго. Это полуазіатское въ отношеніи къ народности государство, дѣйствительно, есть въ высшей степени любопытное для историка, этнографа и филолога явленіе. Это какой-то огромный клинъ, вдвинутый въ среду тевтонскихъ и славянскихъ народностей; и населявшее издавна этотъ клинъ племя до такой степени поразило Европу уже въ XIII вѣкѣ, характерными особенностями своего языка, что тогда же признано сродство венгерскаго племени съ *тюрко-татарскими* племенами, напримѣръ, съ башкирами (или выражаясь языкомъ XIII вѣка—*паскатирями*). Еще въ 1353 г. Вильгельмъ Рейсбрукскій, странствовавшій за Волгою, замѣтилъ, что племя паскатирей, жившее на Яикѣ (Уралѣ) говорило тѣмъ же языкомъ, какъ и венгерцы. Далѣе, впервые сродство венгерскаго и угро-финскихъ діалектовъ доказалъ въ 1799 г. ученый Гіамарти. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ изслѣдованій восточныхъ языковъ вопросъ о венгерскомъ языкѣ ставился уже иначе. Признано, напримѣръ, какъ общее правило, что венгерскій языкъ принадлежитъ къ корню алтайскому, но этотъ корень имѣетъ нѣсколько отраслей—изъ которыхъ главнѣйшія *финская* и *татарская*. Для Вамбери, съ его точки зрѣнія, весьма важно было опредѣлить—финское или татарское ближайшее имѣетъ языкъ его націи; на основаніи этого открылись бы и причины весьма характеристичныхъ чертъ венгерской цивилизаціи. Вамбери окончательный вопросъ о ближайшемъ сродствѣ венгерскаго языка оставилъ нерѣшеннымъ. Тѣмъ не менѣе, онъ собралъ массу филологическихъ и культурныхъ матеріаловъ.

Что касается біографическихъ свѣдѣній о Вамбери, то онъ отчасти самъ разсказываетъ ихъ въ предисловіи къ своей книгѣ.

„Я родился,—говоритъ онъ,—въ 1832 г. въ Венгріи, въ мѣстечкѣ Дуна-Сцердахели, въ Пресбургскомъ комитетѣ. Побуждаемый особой склонностью, еще въ дѣтствѣ я занимался нѣсколькими европейскими и азіатскими языками. Сначала меня увлекала только пестрая литература востока и запада, а впослѣдствіи меня начало интересовать взаимное отношеніе языковъ. Слѣдуя изреченію: познай самого себя, я обратилъ мое главное вниманіе на сродство и происхожденіе моего родного языка". Для изученія языковъ (практическаго) Вамбери отправился въ Константинополь. „*Многолѣтнее* пребываніе въ турецкихъ домахъ,—далѣе прибавляетъ Вамбери,—связанное съ частымъ посѣщеніемъ исламистскихъ школъ, скоро сдѣлало изъ меня *настоящаго турка, даже эффенди*". Къ этому прямодушному сознанію почти прибавлять нечего, для объясненія выдающагося туркофильства Вамбери, какое встрѣчается во всѣхъ его писаніяхъ, большихъ и малыхъ. Изъ этого же источника вытекаетъ его боязнь *русскихъ* „варварскихъ" завоеваній въ Средней Азіи, вопреки интересамъ Англіи.

Библиотека "Руниверс"

Далѣе Вамбери говоритъ:

„Впослѣдствіи дальнѣйшія лингвистическія изслѣдованія повлекли меня къ отдаленнымъ мѣстамъ, и когда я собирался приступить къ моему путешествію въ Среднюю Азію, я нашелъ благоразумнымъ оставить за собою званіе эффенди (это послѣднее званіе г. Вамбери пріобрѣлъ во время своего долговременнаго пребыванія въ Константинополѣ, посѣщая тамъ исламистскія школы и библіотеки).

„Мое вниманіе (при отправленіи въ Азію) было обращено большею частью на обитателей Средней Азіи, соціальныя и политическія отношенія, характеръ, нравы и обычаи. Но какъ на главный и драгоцѣнный результатъ моего путешествія я смотрю на *филологическія* наблюденія, которыя, послѣ зрѣлой обработки, я и представлю на разсмотрѣніе ученаго міра... Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я блуждалъ по Азіи, прикрытый кое-какими лохмотьями, *безъ необходимыхъ средствъ для пропитанія, подъ постояннымъ страхомъ мучительной смерти*. Я былъ въ странѣ, гдѣ „слушать" считается безстыдствомъ, гдѣ „спрашивать"—преступленіе, а „записывать"—смертный грѣхъ".

Маршрутъ путешествія Вамбери направленъ былъ изъ Тегерана въ Самаркандъ, слѣдовательно чрезъ всю среднеазіатскую пустыню между 52° и 68° долготы. Описывая все это путешествіе, Вамбери могъ вправѣ и безъ хвастовства сказать, что онъ „посѣтилъ такія мѣста, гдѣ до него не былъ еще ни одинъ европеецъ, и что замѣтки его касаются такихъ предметовъ, которые до него мало или даже совсѣмъ не были описаны".

Вамбери,—нечего и говорить,—завзятый туркофилъ, и турки, дѣйствительно, были его друзьями и покровителями во время путешествія. Благодаря этому обстоятельству, онъ представлялся хитрымъ и смѣтливымъ аліатамъ султанскимъ сановникомъ или эффенди; но такъ какъ гласное званіе эффенди произвело бы различныя подозрѣнія въ населяющихъ Туркестанъ племенахъ, то Вамбери весьма искусно прикинулся дервишемъ, т. е. бѣднякомъ и нищимъ, путешествующимъ исключительно съ религіозными цѣлями, спасенія ради. Онъ ревностно присоединялся къ пѣснямъ своихъ спутниковъ, распѣвавшихся „во славу Аллаха". Какъ скоро нѣсколько гордый и задумчивый взглядъ Вамбери возбуждалъ подозрѣніе его сотоварищей-татаръ, онъ разражался тирадами въ родѣ слѣдующей: „Давно я томлюсь пламеннымъ желаніемъ видѣть Туркестанъ, эту единственную страну, хранящую въ чистотѣ источникъ исламской добродѣтели, и посѣтить праведниковъ Хивы, Бухары и Самарканда. Эта мысль привела меня изъ Рума (Турціи), и теперь благодарю Бога, что Онъ послалъ мнѣ товарищей, съ которыми я могу продолжать путь и привести въ исполненіе свое желаніе". Послѣ этого патетическаго воззванія, сомнѣнія татаръ совершенно успокоивались. „Мы готовы,—восклицали они,—быть не только твоими друзьями, но и слугами.

— Я знаю, друзья мои,—продолжалъ Вамбери,—что міръ—это гостинница, гдѣ мы останавливаемся лишь на нѣсколько дней нашего бытія. Нынѣшніе мусульмане (Вамбери во весь путь прикидывался ревностнымъ мусульманиномъ, весьма недовольнымъ современнымъ упадкомъ религіи пророка), которые заботятся не только о завтрашнемъ днѣ, но и о томъ, что будетъ черезъ 10 лѣтъ, становятся мнѣ смѣшны. Возьмите же меня, друзья, съ собою, извлеките изъ этой бездны заблужденій, въ которой я, по истинѣ, измучился".

Эта хитрость путешественнику всегда удавалась. Пораженные его религіозною ревностью, мусульмане-татаровья поневолѣ считали его за дервиша и брали въ свой караванъ. Иногда его нѣсколько выдавала европейская любознательность, даже среди исламитскихъ ученыхъ. Такъ Вамбери былъ заинтересованъ „стѣною Искандера" (Александра Великаго *). Мусульманскій ученый Кизиль-Ахондъ, сопутствовавшій Вамбери, высказалъ объ этой стѣнѣ свои соображенія въ чисто-исламитскомъ духѣ и удивился, почему Вамбери не можетъ раздѣлить этихъ воззрѣній.

Сообщенія Вамбери о Бухарѣ и Самаркандѣ, конечно, интересны; но кажется, главный интересъ его книги объ Азіи составляетъ описаніе бытовой стороны азійскихъ кочевниковъ. Въ бесѣдахъ съ ними Вамбери является тонкимъ и опытнымъ психологомъ, и оттого ему такъ удалось изучить обрядовую и бытовую сторону ислама, въ чемъ убѣждаетъ сравнительно недавно вышедшая въ свѣтъ его книга „Der Islam" (Исламъ).

Прибавимъ здѣсь, что Вамбери предпринялъ свое путешествіе по Азіи въ 1862 г., но 1863, а самое описаніе путешествія составлялъ онъ въ 1864 г., такъ что состоявшееся въ томъ же году осенью взятіе русскими Ташкента онъ упоминаетъ только въ одномъ изъ примѣчаній своей книги. Въ книгѣ этой свои опасенія и непріязнь къ Россіи онъ высказываетъ еще умѣренно. Но, затѣмъ, по мѣрѣ успѣховъ нашихъ въ Азіи, онъ начинаетъ какъ публицистъ бить тревогу и переступаетъ предѣлы умѣренности, въ чемъ легко убѣдиться, прочитавъ любую выдержку изъ его статей. **М. Стр....**

Екатеринбургъ.

Изстари существуетъ на Руси пословица: „Сибирь—золотое дно", указывающая на богатство Сибири золотомъ и прочими произведеніями ископаемаго царства. При Иванѣ Грозномъ завоевалъ Сибирь и присоединилъ къ Россіи Ермакъ съ тѣхъ поръ прозвали русскіе люди объ этомъ „золотомъ днѣ" и поспѣшили извлечь изъ груди земной скрытыя тамъ несмѣтныя богатства. Но съ того времени, какъ узнали и начали разработывать Сибирь, прошло уже слишкомъ триста лѣтъ, и вотъ до сихъ поръ еще не могутъ вычерпать этого „золотого дна". Не малое богатство имѣетъ Уральскій хребетъ, отдѣляющій Европу отъ Азіи, на восточномъ склонѣ котораго стоитъ уѣздный городъ Пермской губ. Екатеринбургъ. Возникъ онъ въ 1722 г., при Петрѣ Великомъ. Обративъ вниманіе на ископаемыя богатства Уральскаго хребта Петръ приказалъ генералу де-Геннину построить на рѣкѣ Исети желѣзодѣлательный заводъ вокругъ подобнаго завода, естественно, сгруппировались въ большомъ количествѣ различныя постройки и населились рабочими, механиками и прочимъ народомъ и такимъ образомъ образовался городокъ, который для предупрежденія набѣговъ Башкиръ и другихъ полудикихъ инородцевъ, окружился валомъ и рвомъ. Названіе Екатеринбургъ городокъ этотъ получилъ въ честь Екатерины I супруги Петра. Черезъ полтора года послѣ основанія завода тамъ кипѣла уже дѣятельная работа по выплавкѣ и выдѣлыванія мѣди и желѣза. Съ тѣхъ поръ Екатеринбургъ сталъ разростаться шире и шире и получать все болѣе и болѣе важныя для той мѣстности значенія. Въ 1763 году черезъ Екатеринбургъ проложенъ былъ Сибирскій трактъ (проходившій прежде черезъ Верхотурье), что придало еще больше значенія этому городу. Окрестные жители земледѣліемъ почти не занимаются потому что, во первыхъ почва большею частію каменистая, а, во вторыхъ горные промыслы, по причинѣ своего большого развитія, гораздо лучше вознаграждаютъ трудъ крестьянина. Хлѣбъ идетъ къ нимъ изъ болѣе хлѣбородныхъ губерній и уѣздовъ. Желѣзодѣлательный заводъ, основанный по повелѣнію Петра, въ 1735 году преобразованъ былъ въ монетный дворъ, на которомъ начали чеканить мѣдную монету. Первоначально, мѣдная монета была очень тяжела и чеканилась весьма грубо, но, постепенно, чеканка ея становилась все тоньше и изящнѣе а самая монета легче. Въ нынѣшнее царствованіе монета получила еще болѣе изящный видъ, такъ что теперь она не уступаетъ заграничной монетѣ тонкостью чеканки. Какъ слышно, Екатеринбургскій монетный дворъ упразднится, а чеканка мѣдной монеты переходитъ въ петербургскій монетный дворъ, который для этой цѣли значительно расширяется. Но съ уничтоженіемъ монетнаго двора, Екатеринбургъ не потеряетъ всего своего значенія, ибо въ немъ, сосредоточено съ 1830 года главное управленіе всѣми уральскими казенными горными заводами, раздѣляющимися на 6 округовъ. Въ Екатеринбургѣ же переплавляется и пробируется золото, добываемое на золотыхъ пріискахъ Урала, и отсылается въ Петербургъ. Важнѣйшіе изъ пріисковъ слѣдующіе: Березовскій, Верхнепесетскій, Неньянскій и др.; всего въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ добывается золота до 150 пудовъ ежегодно. Кромѣ того въ городѣ находится механическая фабрика, принадлежащая Его Величеству Государю Императору. На этой фабрикѣ обдѣлываются драгоцѣнныя камни и твердыя горныя породы (яшма, порфиръ, радонитъ и пр.) по рисункамъ, высылаемымъ изъ Петербурга, и превращаются въ роскошныя вазы, чаши, канделябры и т. д. Жителей въ Екатеринбургѣ насчитываютъ до 20,000; городъ имѣетъ много важныхъ общественныхъ зданій: контору государственнаго банка, городской банкъ, гимназію (основана въ 1859 году), имѣвшую уже въ 1862 году 4 класса и 133 ученика, женскую гимназію, два уѣздныхъ училища (духовное и свѣтское), приходское училище, дѣтскій пріютъ (купца Рязанова), богадѣльню, заводскій госпиталь, городскую больницу, театръ и т. д. Церквей православныхъ 12 (двѣ изъ нихъ соборныя: Богоявленская и Св. Екатерины), женскій монастырь и три иновѣрческія церкви. Торговля города обширна; главными предметами ея служатъ: желѣзо, выдѣлываемое мѣстными заводами, горныя породы обдѣланныя на фабрикахъ, скотъ, разводимый въ уѣздѣ, и продукты скотоводства: сало, кожи и мясо. Въ замѣнъ этого покупается: хлѣбъ, шерстяныя, шелковыя и другія матеріи, бакалейные товары и проч. По причинѣ обширной торговли и дѣятельной промышленности въ Екатеринбургѣ бываютъ еженедѣльныя базары и два торжка, изъ нихъ первый бываетъ 29 іюня, а второй 24 ноября, въ день св. великомученицы Екатерины, т. е. соборнаго праздника. На эти торжки съѣзжаются много купцовъ и покупателей изъ отдаленныхъ мѣстностей губерніи, и городъ пестрѣетъ въ эти дни разнообразными костюмами. **А.**

Турецкій милиціонеръ изъ Анатоліи.

Часто турецкое правительство, будучи не въ силахъ выпутаться изъ хаоса своихъ какъ административныхъ, такъ и военныхъ безобразій, поднимаетъ кличъ, что самый исламъ въ опасности, и этотъ кличъ, производя панику между христіанскимъ населеніемъ Турціи, снова возбуждаетъ ярый фанатизмъ среди мусульманъ. При такихъ необычайныхъ обстоятельствахъ низамъ (регулярныя войска) и редифы (резервы) никогда не

*) По мнѣнію мусульманъ, Александръ Македонскій былъ благочестивый мусульманинъ, и ему повиновались подземные духи.

Библиотека "Руниверс"

могли удовлетворять вполнѣ всѣмъ военнымъ потребностямъ Порты, и для подавленія частыхъ возстаній въ славянскихъ провинціяхъ оказывали, по турецкимъ донесеніямъ, большую помощь *и благотворное вліяніе въ усмиреніи* баши-бузуки и всякій иррегулярный сбродъ, набранный изъ всѣхъ угловъ и захолустьевъ Имперіи. Эти доблестные воины посылались какъ Божій бичъ; какъ тьмы всепожирающей саранчи наводняли

слѣдствія показали, что совершенно справедливы были опасенія тѣхъ изъ европейцевъ, которые были очевидцами ихъ прибытія въ Константинополь и видѣли ихъ страшныя, звѣрскія лица.

Такіе защитники Оттоманской имперіи обыкновенно раздѣляются на шайки (оды), изъ которыхъ каждая состоитъ подъ начальствомъ одабаши. Впереди обыкновенно шествуютъ ли-

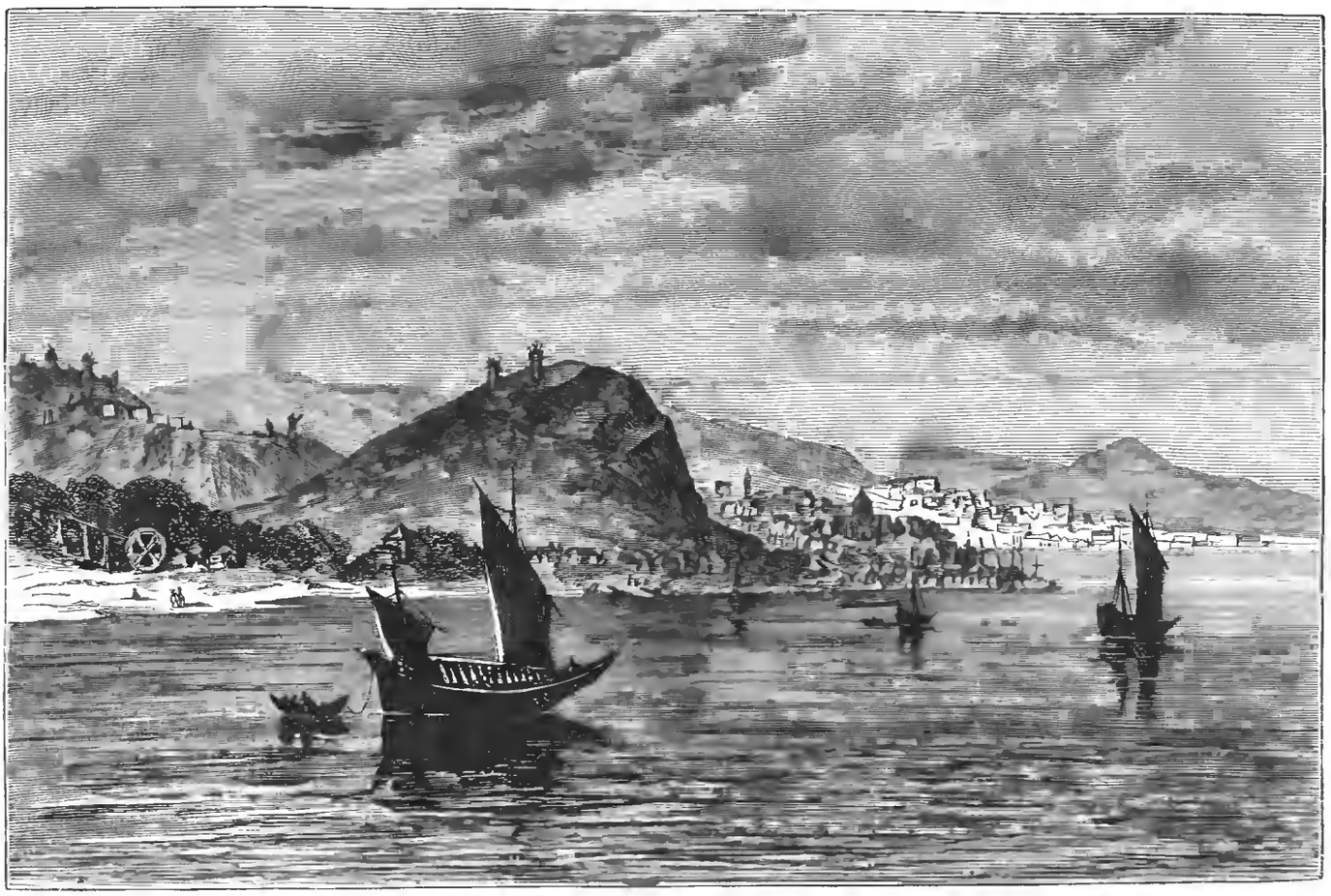
Турецкій милиціонеръ изъ Анатоліи. Рис. А. Курапатовъ, грав. Путцъ.

они провинившіеся провинціи и послѣ нихъ оставались однѣ развалины и обезображенные трупы, какъ было, напримѣръ, съ несчастной Болгаріей въ прошедшемъ году.

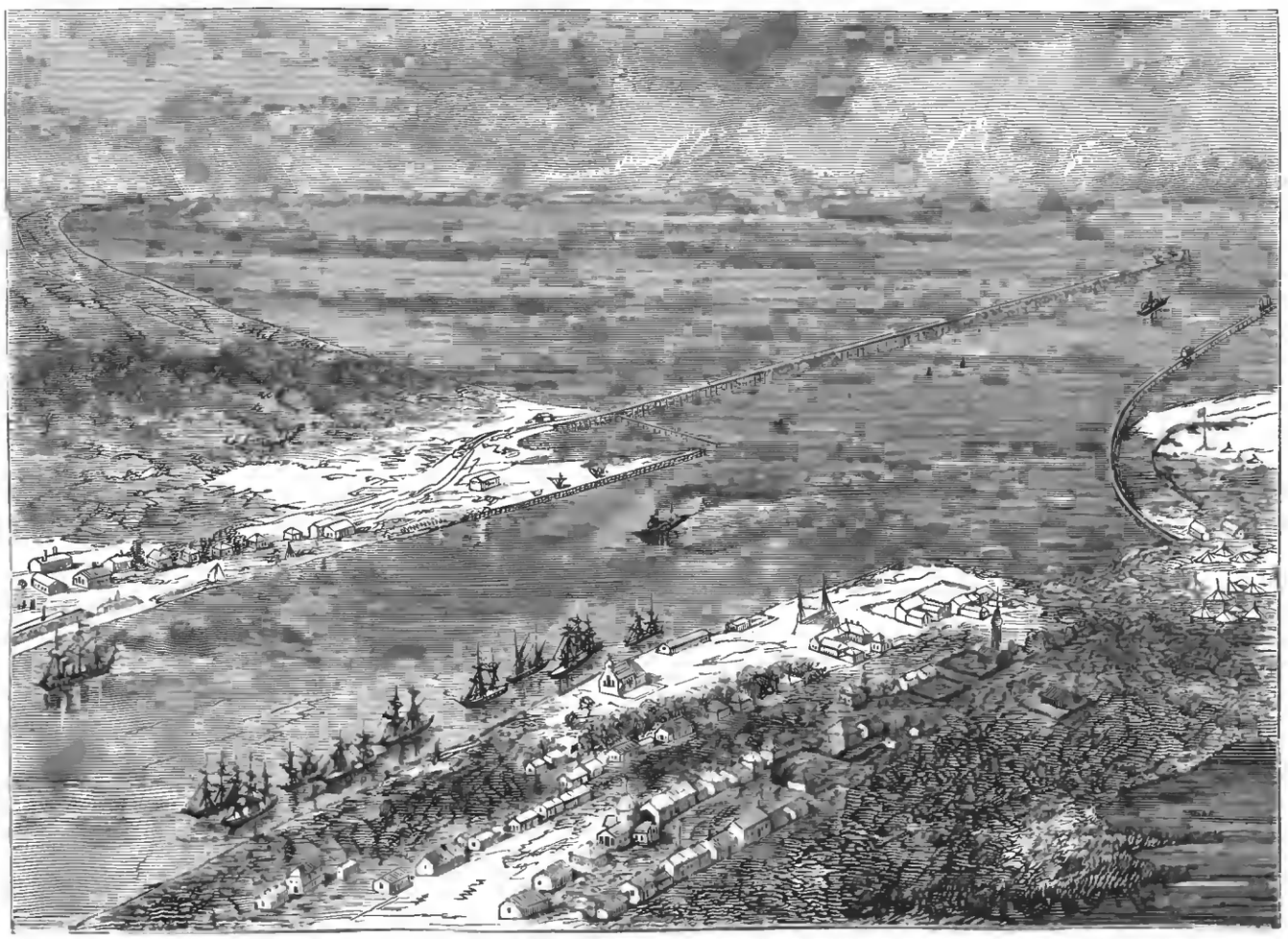
Огромныя массы такихъ иррегулярныхъ войскъ были высланы изъ разныхъ мѣстностей азіятской Турціи, чтобы вторгнувшись въ эту плодоносную и цвѣтущую страну, они могли совершать разныя звѣрства, не стѣсняя своей дикой натуры. По-

тавры, волынки и сойтеръ, т. е. скоморохъ, на которомъ лежитъ трудная обязанность поддерживать хорошее настроеніе духа въ своихъ голодныхъ товарищахъ. Въ средѣ этой иррегулярной арміи встрѣчается особенно много уроженцевъ Анатоліи, какъ извѣстно, населенной преимущественно мусульманами и типъ одного изъ нихъ мы и представляемъ на прилагаемомъ рисункѣ. Остроконечная курдская чалма украшаетъ

Библиотека "Руниверс"



Общій видъ города Тульчи, занятаго русскими войсками 15 Іюня 1877 г. Съ фотогр. грав. Вейерманъ



Общій видъ Сулинскаго устья Дуная. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

его голову; вооруженъ онъ ружьемъ какой-то древней конструкціи и нѣсколькими кинжалами и пистолетами, такъ что при преимущественно археологическомъ достоинствѣ всего его вооруженія, онъ, конечно, не въ силахъ бороться съ регулярнымъ, выученнымъ войскомъ, но за то онъ геройски храбръ въ схваткѣ съ беззащитными жителями и неутомимъ въ погонѣ за слабой женщиной или ребенкомъ. Смотрите—онъ уже направилъ на что-то свои черные глаза. Не видитъ ли онъ исподалеку новой беззащитной жертвы своей корысти, или дикой, необузданной страсти. Вамбери, хорошо изучившій этихъ людей, прямо говоритъ, что при встрѣчѣ съ ними надо подчиниться всѣмъ ихъ требованіямъ, чтобы только сохранить самое драгоцѣнное для каждаго—жизнь. Н.

Сулинское устье Дуная и Тульча.

Устье Дуная, какъ извѣстно, раздѣляется на множество рукавовъ. Существуетъ древнее преданіе, по которому Дунай (по старинному Истръ) впадалъ однимъ рукавомъ въ заливъ моря Адріатическаго, а другимъ въ Черное море. Древній писатель Аполлоній Родосскій, говоритъ, что такое раздѣленіе рукавовъ Дуная существовало въ періодъ Аргонавтовъ, слѣдовательно и соединеніе этою рѣкою морей Чернаго и Адріатическаго было еще въ доисторическое время. Однакожь, древній географъ Скилексъ и Аристотель вѣрятъ вышесказанному соединенію двухъ морей Дунаемъ. Но затѣмъ Плиній уже споритъ противъ этого и отвергаетъ подобное сказанье какъ басню. Затѣмъ греческіе историки Геродотъ и Эфоръ приписываютъ Дунаю 5 устьевъ, Тацитъ говоритъ о 6 дунайскихъ устьяхъ, а географъ Страбонъ и поэтъ Овидій насчитываютъ этихъ устьевъ уже 7. Словомъ—чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ... И это разногласіе показаній долгое время путало понятія старыхъ географовъ. Вопросъ объ устьяхъ Дуная до самаго конца прошлаго вѣка продолжалъ оставаться однимъ изъ самыхъ трудныхъ и мало-изслѣдованныхъ. Въ первый разъ, особенно для насъ, русскихъ, пролили свѣтъ на этотъ предметъ карты, составленныя во время стоянки въ устьяхъ Дуная нашей гребной флотиліи съ 1790—92 г., затѣмъ эти тщательно составленныя карты были вскорѣ дополнены и исправлены посредствомъ геодезическихъ работъ, произведенныхъ капитаномъ Шмелевымъ. Въ наше время, посредствомъ новыхъ геодезическихъ работъ, вопросъ объ устьяхъ Дуная сдѣлался болѣе яснымъ, хотя и нельзя сказать, чтобы онъ былъ ясенъ безусловно, такъ какъ даже и самая географія Балканскаго полуострова принадлежитъ къ пунктамъ, сравнительно мало разработаннымъ наукою.

Если мы спустимся на 60 верстъ ниже отъ того мѣста, гдѣ въ Дунай впадаетъ Прутъ, то мы встрѣтимъ сначала развѣтвленіе этой громадной и величавой рѣки между *Галацомъ* и *Рени*. Этотъ пунктъ развѣтвленія Дуная и составлялъ издавна границу между Россіей и Турціей. Между *Тульчей* и *Исакчей* отдѣляется первый Дунайскій рукавъ при низменномъ мысѣ, который называется *Сулинскій-Четалъ*, и который образуется изъ верхней оконечности острова Четала. Затѣмъ уже послѣ этого раздѣленія, сѣверный Дунайскій рукавъ получаетъ названіе *Килійскаго* Дуная, а южный рукавъ, въ противоположность сѣверному, называется Дунаемъ *Сулинскимъ*. Кромѣ этихъ двухъ устьевъ наши географы и геодезы принимали и принимаютъ еще два устья—*Георгіевское* и *Портицкое*, слѣдовательно насчитываютъ 4 устья Дуная.

Предметомъ нашей замѣтки служитъ собственно *Сулинское* устье. Къ описанію его, оставивъ въ сторонѣ другія, мы теперь и обратимся.

Сулинскій рукавъ Дуная или просто Сулинскій Дунай, сначала течетъ мимо селенія *Тульчи* (см. рисунокъ) и течетъ довольно широкою нераздѣляющеюся рѣкою, на отлогомъ лѣвомъ берегу которой растутъ въ изобиліи лѣса. Затѣмъ Сулинскій Дунай раздѣляется на двѣ вѣтви и восточная часть его, послѣ этого дѣленія, все еще сохраняетъ свое названіе *Сулинской*, до самаго моря.

Вообще Сулинскій Дунай дѣлитъ всю Дунайскую дельту почти на *двѣ* равныя части. Протяженіе его до моря составляетъ 96 верстъ, ширина же рукава отъ 100—150 саженъ, а глубина отъ 20—60 фут. Сулинскій рукавъ и Сулинское устье Дуная считаются во многихъ отношеніяхъ самыми удобными для судоходства, и это потому, что передъ входомъ въ море онъ уже болѣе не развѣтвляется на много другихъ устьевъ, какъ другіе рукава, напримѣръ, Килійскій, Георгіевскій и др.

Названіе „Сулинскій" Дунай произошло отъ бывшей здѣсь когда-то турецкой деревушки *Сули*. Великолѣпный видъ на море открывается у устья рукава. Передъ впаденіемъ его въ море, на нѣсколько верстъ въ ширину, идетъ песчаная мель; но черезъ послѣднюю идетъ фарватеръ, хотя не глубокій.

Сулинскій рукавъ Дуная долгое время находился въ пренебреженіи, составляя только въ нѣкоторомъ смыслѣ пограничную черту двухъ государствъ, находившихся до Адріанопольскаго мира почти постоянно во враждѣ. Затѣмъ этотъ рукавъ, протекая внѣ карантинной линіи, неблагопріятствовалъ развитію торговыхъ сношеній. До 1833 г. турецкое правительство предписывало прибрежнымъ жителямъ Сулинскаго рукава, сколько возможно, очищать фарватеръ отъ мелей. За эту работу прибрежники освобождались отъ всякихъ налоговъ и повинностей. Но съ 1833 года это обязательство и сопряженныя съ нимъ льготы отмѣнены. Сулинскій Дунай началъ мелѣть и мелѣть. Съ 1839 года въ Галацѣ образовалось было общество акціонеровъ для очищенія и исправленія Сулинскаго фарватера, но этому воспрепятствовалъ трактатъ, заключенный въ 1840 между Россіею и Австріею—трактатъ, касавшійся Дунайскаго судоходства. Наше правительство, въ силу этого трактата, взяло на себя надзоръ за содержаніемъ свободнаго входа въ Дунай, а вмѣстѣ съ тѣмъ постройку и освѣщеніе маяка. Не смотря на это, входъ судовъ въ Сулинское устье представлялся далеко не безопаснымъ, потому что песчаная мель вдается на значительное пространство даже въ море. Песку намывало иногда такъ много, что даже въ верстѣ отъ устья было только 12½ фут. глубины.

Затѣмъ извѣстно, что послѣ Крымской войны устья Дуная отошли отъ насъ и Сулинскій рукавъ Дуная перешелъ было въ область преданій. Наконецъ нынѣ, по державному слову Государя Императора, ратуя за святое дѣло освобожденія братьевъ, мы снова явились на великую, прославленную оружіемъ всѣхъ народовъ рѣку. Въ настоящее время недалеко отъ устьевъ Дуная, какъ знаютъ читатели, произошли многія изъ нашихъ важныхъ операцій, между прочими предварительный переходъ нашихъ войскъ черезъ Дунай.

Отъ сосѣдняго, Георгіевскаго, рукава Дуная Сулинскій рукавъ раздѣленъ о—вомъ *Четаломъ*.

Тульча—это одно изъ укрѣпленій, находящихся въ сѣверной части Добруджи, носящей въ настоящее время названіе *Бабадага*. Лежитъ это укрѣпленіе значительно западнѣе отъ того пункта, гдѣ Дунай раздѣляется на *два* рукава: Георгіевскій и Сулинскій. Это укрѣпленіе, на ряду съ Матчиномъ и Исакчею, расположено на отлогости гористаго хребта, называемаго Бабадагомъ. Къ сѣверу отъ Тульчи расположенъ знаменитый Трояновъ валъ. Въ геологическомъ отношеніи эта мѣстность состоитъ изъ намывныхъ слоевъ, осѣвшихъ на первозданныя породы, отчего она представляется топкою и болотистою, а Дунай въ этомъ мѣстѣ весьма неудобенъ къ переходу, причемъ обширныя болота имѣютъ направленіе къ сѣверу.

Тульча въ настоящее время считается главнымъ мѣстомъ Добруджи, или Бабадага. Число жителей въ этомъ укрѣпленіи простирается до 30,000 человѣкъ. Стратегическое положеніе Тульчи важно въ томъ отношеніи, что она построена для защиты одного изъ Дунайскихъ рукавовъ, также какъ Матчинъ и Исакча построены для защиты другихъ рукавовъ Дуная. Эта система укрѣпленій начинается съ запада Гирсовымъ (на югѣ) и Галацемъ (на сѣверѣ). Разстояніе между тѣмъ и другимъ, по линіи Дуная 90 верстъ, а отъ Галаца до впаденія Дуная въ море—около 150 верстъ. Къ сѣверу отъ Гирсова находится знаменитый Матчинскій рукавъ, гдѣ недавно была заперта нашими моряками часть турецкаго флота. Отъ Матчина существуютъ удобные пути для плаванія къ Исакчѣ, Тульчѣ и Бабадагу, какъ главному мѣсту провинціи. Возвышенное плато мѣстности между Матчиномъ, Исакчей, Тульчей, Махмуди и Бабадагомъ, принимаетъ порою весьма гористый характеръ образующій невысокій горный гребень, тянущійся къ востоку, параллельно Дунаю. Горы эти тамъ и сямъ покрыты густыми лѣсами, а главная масса ихъ группируется на пространствѣ между Матчинскимъ рукавомъ, Исакчей и Бабадагомъ. Въ Тульчѣ, какъ и во всей провинціи Бабадагѣ или Добруджѣ, населеніе смѣшанное и состоитъ изъ татаръ, болгаръ, турокъ и молдаванъ. Вообще же нужно сказать, что мусульманскій элементъ по всей этой площади весьма значительный. Изъ этого можно понять важность занятія нашими войсками, по переходѣ Дуная между Галацемъ и Браиловымъ, Тульчи, а также Исакчи, Матчина и Гирсова. Это занятіе даетъ нашимъ войскамъ возможность имѣть въ рукахъ всѣ важнѣйшіе, судоходные рукава Дуная, на которыхъ расположены эти укрѣпленія. Вся сѣверная Добруджа, въ которой расположены эти укрѣпленія, какъ извѣстно, теперь находится въ нашихъ рукахъ. Турки теперь намѣрены извлечь стратегическія выгоды изъ Троянова вала, который, какъ мы сказали выше, находится къ сѣверу отъ Тульчи. Это намѣрены сдѣлать турки для того, чтобы остановить побѣдоносное шествіе нашего генерала Циммермана на югъ Добруджи. Увидимъ, до какой степени удастся туркамъ воспользоваться Трояновымъ валомъ.

Пугалище.

(Рисунокъ Жіакомелли).

Вотъ что пишетъ въ 1779 г. знаменитый агрономъ, аббатъ Поиселе, въ своей естественной исторіи пшеницы, по поводу пугалища воробьевъ: Я всегда подозрѣвалъ, что воробьи живутъ стаями и, если не могутъ говорить, то тѣмъ не менѣе разнообразными и выразительными криками передаютъ одинъ другому свои впечатлѣнія и планы напр.: относительно пріисканія корма, или самозащиты. Факты доказываютъ ясно, что воробьи предостерегаютъ другъ друга. Они также хитры и ловко пользуются своей хитростью, и осмотрительны—напр. начинаютъ пѣть, что бы не быть внезапно пойманными.

Библиотека "Руниверс"

Въ продолженіи 3 лѣтъ, которые я желалъ посвятить наблюденіямъ по части земледѣлія, воробьи мучили и выводили меня изъ терпѣнія, тысячами осаждая мое засѣянное пшеницей поле. И что только недѣлалъ я, что бъ избавиться отъ нихъ!

Сначала я прибѣгъ къ помощи ружья. Но это средство оказалось и плохимъ и вреднымъ, мнѣ удавалось убить двухъ—трехъ воробьевъ, и въ тоже время я уничтожалъ 20—40 колосьевъ моей пшеницы.

Ловушки были лучшимъ средствомъ и непредставляли неудобствъ, но за то хитрые воришки успѣвали провѣдывать опасность и предупреждали товарищей какъ только они, незамѣчая, приближались къ ней.

Попробовалъ я поставить пугалище, что-бы заставить бояться воробьевъ: надѣлъ на палку шляпу, пальто, вытянулъ рукава и поставилъ такое пугалище на поле.

Дѣйствительно, на первый день мои грабители не смѣли приблизиться къ пшеницѣ, но я замѣтилъ, что въ нѣкоторомъ разстояніи они наблюдали за пугалищемъ. Оставаясь въ полномъ молчаніи они какъ бы размышляли какъ слѣдуетъ имъ поступать.

На другой день старый воробей, и самый дерзкій изъ всѣхъ, можетъ быть начальникъ шайки, приблизился къ полю, осмотрѣлъ съ вниманіемъ пугалище и, убѣдясь, что оно не подвижно, довольно смѣло подпрыгнулъ къ нему, а на конецъ, и совсѣмъ ужс смѣло взлетѣлъ на плечо пугалища. Повертѣлся и рѣзко, торопливо крикнулъ нѣсколько разъ какъ бы увѣдомляя товарищей:

„Идите нечего бояться"!

Вся шайка поднялась на этотъ зовъ. Я же взялъ ружье и тихонько подошелъ къ нимъ. Старый воробей тотчасъ замѣтилъ мое присутствіе и тотчасъ же крикнулъ. Крикъ на этотъ разъ былъ совсѣмъ другой чѣмъ тотъ, которымъ онъ сзывалъ собраніе.

По новому сигналу вся стая, предводительствуемая старымъ воробьемъ поднялась на воздухъ и улетѣла. Я сдѣлалъ вслѣдъ выстрѣлъ, думая сильнѣе напугать ихъ и, въ самомъ дѣлѣ, на нѣсколько дней я избавился отъ моихъ воробьевъ, но на 4 день снова увидѣлъ ихъ наблюдающими въ нѣкоторомъ разстояніи какъ и въ первый разъ.

Тогда пришла мнѣ мысль провести воробьевъ. Снялъ я пугалище съ поля и одѣвшись въ его платье, сталъ самъ на его мѣсто. Хитрые воришки незамѣтили продѣлки и чрезъ полчаса ожиданія, я услышалъ обычный сигналъ и непосредственно затѣмъ цѣлая стая опустилась почти къ ногамъ моимъ. Я взмахнулъ палкой и убилъ двухъ воробьевъ.

Я какъ то читалъ въ одной книгѣ, что въ подобномъ случаѣ избавились отъ воробьевъ, повѣсивъ на палку убитыхъ воробьевъ. Я такъ и сдѣлалъ и устроилъ такимъ образомъ новое пугалище по чрезъ нѣсколько дней банда и при видѣ этого спектакля возвратилась на поле, совершенно увѣренная, что ей нечего бояться труповъ.

Наконецъ уже послѣ многихъ стараній да наблюденій мнѣ удалось найти средство избавиться навсегда отъ воробьевъ и средство было самое простое: я началъ мѣнять пугалище, переставляя его и придавая ему различныя формы раза два въ день. Это измѣненіе вида и положенія устранило моихъ воришекъ. Недовѣрчивые, они покинули поле и такимъ образомъ я спасъ мою пшеницу. Л.

Птичка-портной.

Незамѣтно, на тонкой вѣтви качается красивое гнѣздышко крошечной птички, называемый обыкновенно „Птицей-портнымъ" и извѣстный въ наукѣ подъ именемъ: Orthotomus longicaudus, гнѣздышко это она такъ искусно смастерила изъ листочковъ. Птичка-портной отличается большимъ мастерствомъ. Выбравъ удобные листы, она накалываетъ своимъ острымъ носикомъ вдоль ихъ рядъ дырочекъ; надѣлавъ сколько нужно, добываетъ нитку, обыкновенно тонкое волокно какого-нибудь растенія и тогда сшиваетъ листья, стягиваетъ ихъ края такъ что бы, образовался полый конусъ, концемъ внизъ. Въ образовавшуюся пустоту, птичка наноситъ мягкаго бѣлаго пуха и такимъ образомъ устроиваетъ теплое легкое гнѣздышко для будущихъ своихъ малютокъ. Птичка-портной составляетъ свои гнѣздышка или сшивая два ближорасположенные одинъ отъ другого листа, или если нѣтъ на вѣткѣ другого подходящаго, она отыскиваетъ нужный ей листочекъ приноситъ и прикрѣпляетъ его съ помощію волокна; иногда, впрочемъ, найдя листъ подходящій и достаточно большой, она ограничивается имъ однимъ.

Птичка-портной уроженецъ Индіи, довольно общительна: ее можно видѣть кормящуюся совершенно спокойно въ садахъ и огородахъ. Какъ видно, птичка не любитъ возвышенныхъ мѣстъ, ей болѣе нравится на низкихъ вѣтвяхъ деревъ. Полетъ ея волнообразенъ. Орентологамъ извѣстны многіе виды этого рода, но надобно замѣтить, что птичка-портной не единственный членъ изъ крылатаго міра сшивающій себѣ гнѣзда. Красивая птичка—вѣеро-хвостая камышевка, дѣлаетъ тоже хотя гнѣздо ея не висячее и способъ сшиванья не совсѣмъ такой, какъ у птички-портного; камышевка не ограничивается одной нитью, а беретъ нѣсколько и дѣлаетъ узелъ на концѣ каждой изъ нихъ что бы нитка не проскакивала сквозь дырку.

Политическія и военныя извѣстія.

Совершившійся недавно переходъ черезъ Дунай, о которомъ мы сообщили въ прошломъ обозрѣніи, есть военное дѣло такой громадной важности, что оно будетъ исходною точкою всѣхъ нашихъ будущихъ военныхъ операцій, и со времени перехода еще не случилось чего либо существенно важнаго на Дунайскомъ театрѣ войны, что не было бы его естественнымъ послѣдствіемъ и не соприкасалось бы съ нимъ ближайшимъ образомъ. Если теперь резюмировать наши операціи за Дунаемъ со времени перехода, то общій смыслъ ихъ заключается въ оттѣсненіи турокъ по прямой дорогѣ къ *Казанлыку* (ведущему на Балканъ) отъ *Тернова* и *Габрова*, и мы увидимъ далѣе, съ какимъ блестящимъ успѣхомъ совершается это оттѣсненіе. Затѣмъ на востокѣ, въ Добруджѣ — цѣль наша очистить этотъ уголъ отъ иррегулярнаго сброда, отъ разбойничьихъ шаекъ башибузуковъ и черкесовъ—и мы видимъ, что и здѣсь наши войска достигли своей цѣли.

Затѣмъ, что касается Закавказскаго театра войны, то въ виду громадности затрудненій, представляемыхъ тамъ самою природою, не было бы бѣды, если бы наши дѣйствія тамъ были скромны, тѣмъ болѣе, что массы турецкихъ войскъ, крайне нафаватизированныхъ, прибываютъ туда безпрерывно; наши же генералы, дѣйствующіе тамъ, по необходимости *разъединены*, такъ какъ иного стратегическаго плана нѣтъ и быть не можетъ. По самому условію азіатской мѣстности, арміи нужно разсыпаться на отряды и колонны; движеніе en masse не имѣло бы никакой цѣли,—вотъ почему дѣйствія наши на этомъ театрѣ представляются теперь оборонительными, исключая молодецкихъ стычекъ отдѣльныхъ отрядовъ и колоннъ, результаты которыхъ для насъ почти равняются побѣдамъ, таково, напримѣръ, недавнее геройское нападеніе команды охотниковъ изъ артиллеристовъ на непріятельскую батарею, при чемъ *перебиты* клинья двухъ орудій и заклепано третье, не смотря на страшный огонь съ фортовъ и сильный оружейный огонь непріятельской кавалеріи. Только эпизодъ съ Баязетомъ, окруженнымъ преобладающимъ числомъ азіатовъ, какъ будто указываетъ на успѣхъ турокъ; но если разобрать дѣло—успѣхъ этотъ крайне скромный, незначущій...

Когда переправа черезъ Дунай у Систова стала уже совершившимся фактомъ, главная квартира Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміей и Его Величества Государя Императора, 16-го іюня была переведена изъ Плоешть въ *Зимницу*, лежащую, какъ мы имѣли уже случай упоминать, насупротивъ Систова. Утромъ 16-го же Государь Императоръ, сопровождаемый Его Высочествомъ главнокомандующимъ, изволилъ посѣтить раненыхъ въ лазаретахъ Пятры и Зимницы. При этомъ Государь Императоръ соизволилъ пожаловать орденъ Георгія 3-й степени слѣдующимъ лицамъ: начальнику штаба арміи, генералу А. А. Непокойчицкому и генераламъ: Радецкому (портретъ котораго будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ номерѣ «Нивы»), Драгомірову и Рихтеру; Георгія 4-й степени: Его Высочеству Великому князю Николаю Николаевичу младшему, бригаднымъ командирамъ Бальшину и Петрушевскому и командиру Имени Его Высочества полка Родіонову. Затѣмъ, послѣ полудня, того же 16-го іюня, Государь Императоръ изволилъ переправиться черезъ Дунай, при громкихъ и восторженныхъ «ура» съ обоихъ береговъ. Выйдя на противоположный болгарскій берегъ Дуная, Государь изволилъ объѣхать войска 14 и 35 дивизій, милостиво благодарилъ гвардейскую роту и изволилъ взять ее съ Собою, поблагодаривъ ее за блестящую храбрость. Въ Систовѣ Его Величество былъ встрѣченъ духовенствомъ и христіанскимъ населеніемъ съ восторгомъ. Женщины Систова усыпали путь Государя цвѣтами. Въ это время у Систова еще строился мостъ черезъ Дунай; переправа же войскъ безпрепятственно совершалась на понтонахъ. Бывшая съ 17-го на 18-е буря разорвала нашъ мостъ, при чемъ утонуло 26 понтоновъ. Отъ 20-го іюня получена телеграмма Его Высочества, извѣщавшая, что мостъ въ этомъ мѣстѣ уже готовъ и что переправа идетъ безостановочно; что турки послѣ 15 іюня отступили на Тырново и Рущукъ. Телеграмма сообщила далѣе о сильномъ поврежденіи турецкихъ мониторовъ у Никополя, оказывающихся поврежденными такъ что едва могутъ плавать.

Приведемъ новыя извѣстія съ Дунайскаго театра войны.

— Свѣжая, полученная 5-го іюля (23-го іюня), въ ту минуту какъ мы пишемъ эти строки, телеграмма сообщаетъ, что переходъ нашихъ войскъ черезъ Дунай у Систова безпрепятственно продолжается.

— Изъ Перы, черезъ Вѣну сообщаютъ, отъ того же числа, что изъ запасныхъ гарнизоновъ и провіанта, собранныхъ въ пограничныхъ турецкихъ крѣпостяхъ половина армій *Сулеймана*, *Мехемедъ-Али* и *Али-Саиба* пашей должна направиться въ

Библиотека "Руниверс"

Албанію и Эпиръ, а другая половина къ Адріанополю (Телеграммы «St.-Petersb. Herold»).

Нужны ли комментаріи къ этимъ извѣстіямъ? Турки очевидно сознали свое безсиліе—ибо оттѣсненіе съ пограничныхъ крѣпостей къ Адріанополю, Эпиру и Албаніи просто громадно по разстоянію: такимъ оно представляется даже на маленькихъ картахъ театра войны. Адріанополь лежитъ далеко къ югу отъ Казанлыка, къ которому должно направиться движеніе нашей перешедшей Дунай арміи.

Птичка-портной.

Вслѣдствіе движенія нашихъ войскъ по прямому пути отъ *Систова* къ *Казанлыку*, губернаторъ *Тернова* Саидъ-паша, удалился изъ Тернова въ *Габрово*, лежащее дальше къ югу, по направленію къ Казанлыку. Въ прошедшемъ обозрѣніи («Нива» № 26) мы уже говорили, что естественнымъ послѣдствіемъ переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай у Систова будетъ наше движеніе къ Казанлыку. Событія теперь совершенно подтверждаютъ это предположеніе. Мы уже видѣли выше, что турецкіе гарнизоны сбираются оставить пограничныя укрѣпленія и направляются къ Адріанополю, Эпиру и Албаніи.

Нѣмецкою газетой «Herold» получены съ Дунайскаго театра войны слѣдующія телеграммы отъ 4 іюля (22 іюня).

a) у Никополя происходитъ незначительная канонада, b) Рущукъ продолжаютъ бомбардировать; c) приливъ баши-базуковъ со стороны Зейбека продолжается; d) русская пѣхота появилась на островѣ Рамазанѣ, противъ Рущука; e) Отосланіе турецкаго военнаго министра Редифа-паши изъ Константинополя въ Шумлу приписывается вновь господствующему въ Константинополѣ англійскому вліянію; наконецъ депеша имѣющая сравнительно болѣе важности, извѣщаетъ, что турецкіе *мониторы вступили* въ Сулинское устьѣ Дуная и бомбардируютъ берговое предмѣстіе у Измаила.

На Кавказскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій произошло за минувшую недѣлю важное дѣло, которое, по смѣлости и геройской отвагѣ русскихъ въ этомъ предпріятіи, произвело громадное впечатлѣніе на непріятеля, не смотря на неполноту нашего успѣха. Именно: 13 іюня генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ съ колонною генерала Геймана аттаковалъ укрѣпленный лагерь Измаила-паши подъ *Зивиномъ* Бой продолжался съ 2 часовъ по полудни до темноты. При этомъ войска наши выбили непріятеля, у котораго было 23 батальона, изъ его позицій. Въ видѣ комментарія къ этой довольно лаконичеекой телеграмѣ начальника штаба кавказскаго военнаго округа, получена отъ 19 іюня, въ главной квартирѣ, въ Зимницѣ, слѣдующая телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго Кавказскою арміей: «послѣ боя у Зивина, генералъ Лорисъ-Меликовъ счелъ необходимымъ колонною генерала Геймана занять *Малидюзъ*; что бы не допустить непріятеля подать помощь Карсу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и облегчить движеніе генерала Тургукасова для сближенія его съ складомъ запасовъ въ Алашхертѣ и, на случай необходимости, подать помощь гарнизону Баязета, который держится противъ окружившихъ его непріятельскихъ массъ. «Затѣмъ, изъ этой же телеграммы стало извѣстно, что 14 іюня изъ Ардагада направленъ летучій отрядъ на Арданучъ, подъ командою полковника Комарова, который 16 іюня аттаковалъ трехтысячный непріятельскій отрядъ, защищавшій высоты надъ Арданучемъ и, разбивъ его, прошелъ до селенія Баува, гдѣ и взялъ лагерь изъ 220 палатокъ, а въ Арданучѣ много запасовъ довольствія и патроновъ; непріятель при этомъ оставилъ на мѣстѣ боя болѣе 200 тѣлъ; у насъ убитъ 1 и ранено 17 человѣкъ.

Но вотъ интересная новинка.

Наконецъ-таки самъ оффиціальный константинопольскій бюллетень сталъ скромнѣе, и началъ смиренно повидимому, сознаваться, что провозглашаемые имъ побѣды турокъ въ большей части случаевъ суть утки. Такъ константинопольская телеграмма отъ 5 іюля (23 іюня) *констатируетъ какъ* фактъ, что «турки, къ сожалѣнію, *окончательно оттѣснены, отъ Систова и Бѣлы, вслѣдствіе перевѣса русскихъ войскъ*». Вотъ давно бы такъ!—Откровенность благороднѣе. чѣмъ хвастовство!

— Телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміей сообщила 23 іюня (5 іюля), что генералъ-адъютантъ Шамшевъ занялъ *Бабадагъ* (въ Добруджѣ, къ югу отъ Тульчи); а 17 іюня полковникъ Измайловъ очистилъ отъ черкесовъ и башибузуковъ всѣ прилежащія мѣстности; разбилъ двѣ черкесскія шайки, отбилъ у нихъ оружіе, 50 лошадей и до 20,000 головъ разнаго скота и взялъ въ плѣнъ двухъ башибузуцкихъ разбойниковъ, извѣстныхъ своими злодѣйствами. Теперь все пространство до Траянова вала очищено отъ турокъ. Христіанское населеніе встрѣчаетъ наши войска восторженно, какъ избавителей отъ грабежа, звѣрствъ и жестокостей баши-бузуковъ и въ особенности черкесовъ.

— Объ операціяхъ турецкаго флота мы имѣемъ за прошлую недѣлю нѣкоторыя новыя свѣденія, напримѣръ: генералъ Семека (начальствующій одесскимъ военнымъ округомъ) телеграфировалъ, что 17 іюня 7 непріятельскихъ броненосцевъ бомбардировали селеніе *Жебріены*, и, причинивъ ему значительныя поврежденія, двинулись къ *Балабановкѣ*, а 19 іюня появились въ виду Одессы, откуда отправились къ Севастополю.

— Телеграммою изъ Рагузы сообщаютъ въ «Русскій Міръ» что недавно для провоза чрезъ Герцеговину въ Албанію провіанта и другихъ принадлежностей туркамъ открыта Клекская гавань.

Теперь—два-три слова о политическихъ новостяхъ

— Изъ Вѣны сообщаютъ отъ 5 іюля (23 іюня) что здѣсь ожидаютъ румынскаго министра Когальничано, который *долженъ дать* австрійскому правительству *объясненія* (?) на счетъ положенія Румыніи (St. Pet. Herold.) Что это за объясненія и какой будетъ результатъ для Румынін—конечно незамедлитъ обнаружиться въ ближайшемъ будущемъ.

— Во Франціи продолжаетъ твориться нѣчто весьма важное, но въ то же время, и весьма недоброе. Маршалъ Макъ-Магонъ самовластно распустилъ палату представителей французскаго народа. По всѣмъ соображеніямъ, этотъ смѣлый шагъ маршала вызоветъ въ странѣ новую, еще болѣе ожесточенную борьбу между ея партіями. Гамбетта, по этому поводу, уже высказалъ энергическій протестъ на празднествѣ въ память генерала Гоша; а сенаторы лѣвой стороны обнародовали манифестъ къ французскому народу.

— Изъ Сербіи извѣщаютъ, что тамъ въ гор. Крагуевацѣ князь Миланъ открылъ торжественною рѣчью засѣданіе Скупщины. Рѣчь эта принята засѣданіемъ съ единодушнымъ одобреніемъ. О результахъ своего путешествія въ главную квартиру русской арміи, къ Государю Императору Россіи, князь упомянулъ съ радостнымъ чувствомъ благодарности къ Великодушному монарху, обѣщаншему оказывать Сербіи Отеческое покровительство.

Въ дополненіе къ именному Высочайшему указу отъ 17 мая с. г. объ открытіи 5% внутренняго займа въ 200 мил. руб, подъ названіемъ: «Восточный заемъ 1877 года», обнародовано, что выпускамыя въ обращеніе облигаціи этого займа нарицательной цѣнности въ 50, 100 и 1,000 руб., будутъ принимаемы въ залогъ казенными мѣстами наравнѣ съ другими государственными кредитными бумагами; на этомъ основаніи, какъ облигаціи восточнаго займа, такъ и сполна оплаченныя временныя свидѣтельства на эти облигаціи, будутъ принимаемы въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ по ихъ нарицательной цѣнѣ, независимо биржевого ихъ курса.

СОДЕРЖАНІЕ: Начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи, инженеръ-генералъ-маіоръ Александръ Филипповичъ Деппъ (съ портретомъ).—Первые шаги. (Повѣсть изъ быта провинціальныхъ чиновниковъ) Н. Соснецкаго —Авонъ (Окончаніе).—Деревнишъ-филологъ. М. Стр. (съ рисункомъ).—Екатеринбургъ. А. (съ рисункомъ).—Турецкій милиціонеръ изъ Анатоліи. Н. (съ рисункомъ). — Сулинское устье Дуная и Тульча (съ 2 рисунками).—Пугалище (съ рисункомъ Жіакомелли) Л.—Птичка-портной (съ рисункомъ).—Политическія и военныя извѣстія. Объявленія.—При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ІЮЛЬ съ 30 рисунками, отдѣльный листъ выкроекъ, съ 25 чертежами въ натуральную величину, съ 31 рисункомъ рукодѣльныхъ работъ и съ 22 рисунками буквъ для мѣтки бѣлья.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

ПРОДАЮТСЯ ДВА ПАРОХОДА.

Одинъ желѣзный пароходъ, 15 лошадиныхъ силъ, 2-хъ винтовой, длина 38 футовъ, ширина 13 футовъ, съ двумя 7 футовыми высоями наютами на крышкѣ, ему 6 лѣтъ отъ постройки, но въ употребленіи же—недавнее время и

Одинъ желѣзный буксирный винтовой пароходъ, отъ 8 до 10 лошадиныхъ силъ, длина около 40 футовъ, ширина 8 футовъ, ему два года, у

Фридриха Штейнхена.

С. Петербургъ, В. О. 4 линія д. № 9. кв. № 2. 1

Сборникъ Правилъ и подробныхъ программъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія (мужскія и женскія) составл. А. Николаевымъ только что отпечатанъ седьмымъ изданіемъ на 1877—1878 г.

Цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Выписывающіе могутъ адресоваться и непосредственно къ издателю — преподавателю въ г. Воронежъ, Василію Абрамовичу Маврицкому. 2—1

Новый и единственный въ своемъ родѣ

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

скоро-высыхающихъ масляныхъ красокъ для малярнаго производства

Н. Ф. КЮНА

на 1877 годъ.

Съ 50 образцами сихъ красокъ и короткимъ наставленіемъ объ употребленіи оныхъ, высылается желающимъ безплатно. Казанская улица № 38. 2—1

УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОПИСАНІЕ КРЫМА 4 т. въ 17-ти специал. частяхъ съ политипажами. Соч. Дѣйств. члена Император. Географическаго и другихъ обществъ, Василія Христофоровича Кондараки, временно распродается по типограф. цѣнѣ 6 руб. съ пересылкою. Адресоваться въ г. Ялту (Тавр. губ.) лично или письменно къ автору, до іюля месяца. 3—2

Дозволено цензурою. СПБ. 3 Іюля 1877 г. Тип. Веллинга. Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 28 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 11 Іюля 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Контора журнала «Нива» помѣщается въ С.-П.-Бургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

Командиръ 8-го арм. корпуса, генер.-лейтен. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Радецкій.

Генералъ-лейтенантъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Радецкій—изъ дворянъ Казанской губерніи. Онъ родился въ 1820 году, воспитывался въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ и въ 1839 г. выпущенъ въ офицеры въ одинъ изъ саперныхъ баталіоновъ. Поступивъ засимъ снова въ инженерную академію и окончивъ въ ней курсъ въ 1841 году, онъ началъ свою службу военнымъ инженеромъ въ Варшавѣ. Годъ спустя, переведенъ былъ въ грузинскій инженерный округъ на Кавказѣ, гдѣ и провелъ большую часть своей службы. Онъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами и всегда отличался необыкновенною храбростью, обратившею на него вниманіе такихъ людей, какъ главнокомандующій, князь Воронцовъ и генералъ Пассекъ. Послѣ двухъ лѣтъ боевой жизни на Кавказѣ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ захотѣлъ пополнить свои военныя знанія и поступилъ въ академію Генеральнаго Штаба, гдѣ за отличныя занятія произведенъ былъ сначала въ штабсъ-капитаны, а потомъ въ капитаны Генеральнаго Штаба съ назначеніемъ въ дѣйствующую армію въ 1849 году. Въ 1852 г. назначенъ старшимъ адъютантомъ командующаго войсками Прикаспійскаго края и годъ спустя, произведенъ въ полковники съ назначеніемъ начальникомъ того же Штаба. Въ это время, въ 1852 г., Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ успѣлъ отличиться въ дѣлахъ съ горцами на Лезгинской линіи, засимъ, въ 1853 г., въ Дагестанѣ и въ Даргинскомъ округѣ. За всѣ эти отличія получилъ нѣсколько орденовъ съ мечами и именныхъ Монаршихъ благоволеній. Въ 1857 году за отличіе, оказанное имъ при взятіи въ Табассарѣ въ 1855 году главныхъ возмутителей на Кавказѣ, произведенъ въ полковники. Въ 1858 году назначенъ командиромъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка и за подвиги при переправѣ нашихъ войскъ черезъ Андійское Койсу, 16-го и 17-го іюня 1859 г., награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Вслѣдъ засимъ, за участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ въ лѣтней экспе-

Командиръ 8-го армейскаго корпуса, генер.-лейтен. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Радецкій.
Съ фотогр. грав. Мукаровскій.

Библиотека "Руниверс"

диціи 1859 г. и за дѣйствія въ Икчеріи и Яухѣ награжденъ золотою саблею за храбрость. Въ 1860 г. назначенъ начальникомъ штаба Терской области и за отличіе произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1863 г. получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени съ мечами, въ 1865 г. ареиду и 2,500 десятинъ земли. Затѣмъ поочередно командовалъ 38-ою, 21-ою и 9-ою дивизіями, изъ начальниковъ которой и назначенъ командиромъ 8-го корпуса дѣйствующей арміи. Участвуя болѣе 100 разъ въ бояхъ съ непріятелемъ въ самыхъ жаркихъ схваткахъ, въ первомъ огнѣ, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ остался цѣлъ и невредимъ, ни раненымъ, ни даже контуженнымъ онъ не былъ ни разу. По общимъ отзывамъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ заслуживаетъ уваженія не только какъ боевой герой, но и какъ человѣкъ высокой честности и прекраснаго сердца. Командуя въ настоящую войну, какъ сказано выше, 8-мъ корпусомъ дѣйствующей арміи, генералъ-лейтенантъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Радецкій удостоился Высочайшей награды за переправу черезъ Дунай: онъ наравнѣ съ генералъ-адъютантомъ А. А. Непокойчицкимъ, начальникомъ штаба дѣйствующей арміи и свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоромъ Драгомировымъ, командующимъ 14 пѣхотной дивизіей, получилъ орденъ Георгія 3-й степени.

А. Н.

Первые шаги.

(Повѣсть изъ б-та провинціальныхъ чиновниковъ).

(Окончаніе).

IV.

На другой день Ваня сказалъ бабушкѣ, что онъ очень весело провелъ время у Толстопятова, о многомъ умолчалъ и сказалъ, что хочетъ поближе сойтись съ Толстопятовымъ, а потому пригласилъ его къ себѣ.—Охъ, ужь мнѣ эти товарищи, сказала Ольга Андреевна. Смотри, Ваня, пристрастишься къ нимъ, домъ позабудешь!

Какъ сказала Ольга Андреевна, такъ и случилось.

Однажды Ольга Андреевна, зайдя въ его комнату, увидѣла въ ней страшный безпорядокъ: на диванѣ и возлѣ дивана на полу валялись окурки папиросъ, на столѣ была разсыпана коробка спичекъ и тутъ же стояла бутылка отъ краснаго вина, которымъ Ваня угощалъ пріятелей. На другомъ столѣ былъ небрежно брошенъ шарфъ, подарокъ Саши. Шарфъ Ольга Андреевна взяла къ себѣ и положила въ карманъ. О юность, юность, какъ ты забывчива! подумала она уходя. Возвратившись къ себѣ въ комнату, она заперла шарфъ въ коммодъ, и всплакнула немного.

Прошло всего два дня—и чего никакъ, казалось, нельзя было ожидать—бабушка захворала.

Ваня очень удивился, когда на другой день рано утромъ няня пришла будить его и позвала къ бабушкѣ.

— Былъ ты у Саши? спросила бабушка.

Ваня не ожидалъ этого вопроса. Хотя Ольга Андреевна всегда снисходительно смотрѣла на всѣ его поступки, даже на его холодность къ Сашѣ въ послѣднее время, которая, какъ она думала, скоро пройдетъ. Однако, въ этомъ случаѣ Ваня рѣшился солгать. Онъ зналъ, что отрицательный отвѣтъ разстроитъ бабушку.

— Былъ ты у Саши? повторила она.

— Былъ, отвѣчалъ онъ.

Бабушка помолчала и потомъ внимательно и долгимъ взглядомъ окинувъ Ваню, заговорила:

— Я думаю про то, что мнѣ рано умирать, сказала Ольга Андреевна. Мнѣ надо-бы тебя пристроить, женить бы надобно. Вы всѣ молодые люди на законный бракъ неохотны. Завертитесь такъ и вовсе не женитесь.

— Позови сюда отца. Мнѣ надо съ нимъ проститься, сказала она.

— Сиди, сиди, ужъ я пойду, позову, перебила няня.

По ея уходѣ бабушка подозвала Ваню и сказала:

— Въ послѣднее время ты дурно велъ себя. Ну какъ ты это послѣ моей смерти-то тоже... Я тебя жалѣю. Одинъ вѣдь ты останешься, кругомъ-то все чужіе. Отцу твоему тоже няньки нужно. Ты видишь, онъ каковъ.

Ольга Андреевна смолкла и глубоко вздохнула. Ваня сознавалъ, что бабушка очень перемѣнилась...

Между тѣмъ пришелъ Андрей Петровичъ. Ольга Андреевна указала ему пальцемъ сѣсть на диванъ.

— Маменька, да вѣдь мнѣ некогда, сказалъ Андрей Петровичъ,—я дѣломъ занятъ былъ.

— Ну, дѣло-то на время оставить можешь. Всю жизнь дѣлами занимаешься, а что изъ этого вышло?

Андрей Петровичъ сѣлъ. Предпославъ мысль о томъ, что всѣ мы смертны, Ольга Андреевна сказала, что не слѣдуетъ очень скучать по умершихъ, что „на погостѣ жить, да по всѣхъ выть.“ Особенно старыхъ жалѣть нечего—имъ туда и дорога. Потомъ, помолчавъ немного, сказала:

— А вѣдь я умру скоро... (Андрей Петровичъ удивленно на нее взглянулъ). Ты пожалуйста похорони меня, и панихидку когда отслужи. Но не скучай сильно: скучать это грѣхъ и приходитъ отъ сатаны.

Она снова замолкла и, помолчавъ, добавила:

— Твоя жизнь не завидна. Ты ужь самъ-то ко мнѣ не приди. Ты еще нуженъ... вотъ для него!

Бабушка указала рукой на Ваню.

Увидя, что Андрей Петровичъ хотѣлъ говорить, бабушка остановила его движеніемъ руки. Она приподнялась и сѣла на кровати. Казалось, что она собирается сказать что-то важное.

— Еще одно слово, да и подходите: я благословлю васъ.

— Да что вы, маменька, Господь съ вами, съ чего это вы такъ вздумали... отговаривался Андрей Петровичъ.

Бабушка нахмурилась и строго замѣтила:

— Ты не спорь и дѣлай что слѣдуетъ: Подходи—я благословлю тебя, Андрей Петровичъ. Я тебя маленькаго всегда крестила, каждый день.

Андрей Петровичъ подошелъ. Ольга Андреевна его перекрестила.

— Вотъ теперь какъ-то покойнѣе, и умирать веселѣе!

— Я-то какже буду? спросилъ Андрей Петровичъ, припавъ на ея слабую грудь.

Онъ заплакалъ, начиная, наконецъ, вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ бабушка не шутитъ.

— Охъ, разстроишь ты меня, говорила Ольга Андреевна, слабо отстраняя его рукою. Ваня, поди-ка сюда.

— Я тебя тоже давно знаю. Отъ кормилицы ты на грудь ко мнѣ попалъ. Ну, дай я тебя перекрещу! сказала она Ванѣ.

Послѣ этого бабушка попросила, чтобы ее оставили.

— Что это съ ней, Андрей Петровичъ? спрашивалъ Ваня.

Андрей Петровичъ пожималъ плечами, вздыхалъ, охалъ, но и самъ былъ въ сомнѣніи, видя, что бабушка дѣйствительно очень перемѣнилась. На завтра бабушка уже почти и не говорила, только подзывала къ себѣ глазами, то Андрея Петровича, то Ваню и крестила ихъ слабой рукой. Еще наканунѣ позвали было доктора, но бабушка и взглянуть на него не захотѣла: „ненужно, ненужно“—только и словъ.

— Да чѣмъ вы больны? старался добиться Андрей Петровичъ.

— Ничѣмъ я не больна, а умирать собралась—пришелъ мой, видно, часъ, тихо отвѣчала бабушка и начинала вслѣдъ затѣмъ шептать молитвы. Слабѣе и слабѣе стано.ился ея шопотъ и чрезъ нѣсколько часовъ ея не стало. Послѣднія ея слова были сожалѣніе о томъ, что она оставляетъ Ваню...

Библиотека "Руниверс"

Грустно тѣмъ, кто оставляетъ, но грустнѣе тому, кто остается! Черезъ недѣлю и комнаты Ольги Андреевны нельзя было узнать. Елизавета Алексѣевна сочла нужнымъ поставить сюда шкафъ съ своими платьями и поселила здѣсь свою горничную. Скоро всѣ забыли бабушку, утихли городскіе толки о томъ, что она, такъ сказать, предвидѣла день своей смерти; какъ тому и быть слѣдовало все свелось на то, что люди часто такъ умираютъ, чувствуя, что организмъ ихъ слабѣетъ и скоро, наконецъ, откажется служить. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ такъ... Но во всякомъ случаѣ смерть бабушки имѣла громадное значеніе въ послѣдующей жизни Вани.

V.

Похоронивъ бабушку, Ваня не долго погоревалъ о ней. Въ самомъ дѣлѣ, лѣта его были такія, что ему странно-бы было по ней убиваться. Да при томъ и въ головѣ было не то. Въ головѣ Вани были товарищи, вино, цыганки... Это все съ той незапамятной попойки, въ которой онъ участвовалъ въ первый разъ у Толстопятова. Странно! умри бабушка прежде этого, онъ не зналъ-бы что съ собой сдѣлать. А тутъ это несчастіе пошлило на него слегка. Онъ тотчасъ же написалъ письмо къ Добряковымъ, увѣдомлялъ ихъ о смерти бабушки и извинялся—да, извинялся предъ ними—что не можетъ навѣщать ихъ часто. „Причина этому", писалъ онъ имъ, „безутѣшное горе моего отца и мое собственное горе". Въ самомъ же дѣлѣ Ваня ничуть не горевалъ и по прежнему отдался весь во власть своего школьнаго товарища, Толстопятова. Между тѣмъ подошли экзамены, и онъ, какъ и слѣдовало ожидать, провалился на нихъ. Это еще болѣе заставило его искать развлеченія въ обществѣ товарища. Толстопятовъ по прежнему былъ юнкеромъ, хотя и держалъ экзаменъ на офицера.

Однажды вечеромъ, когда Ваня съ пріятелемъ своимъ Толстопятовымъ хотѣлъ отправиться куда-то въ гости, его остановилъ Андрей Петровичъ. Онъ въ послѣднее время очень убивался по Ольгѣ Андреевнѣ и, помня ея наставленія, всегда находилъ нужнымъ заботиться о Ванѣ. Только его заботы-то относились къ тому, что-бы не замерзъ Ваня да что-бы—Боже, избави—не угорѣлъ въ своей комнатѣ. Самъ ходилъ и осматривалъ печь, которую для него топили. Что дѣлать? человѣкъ этотъ былъ добръ по своему. Увидя Ваню собравшимся въ походъ въ одномъ пальто, безъ теплаго воротника, онъ предложилъ ему свою шубу.

— Да ты, братецъ, замерзнешь! сказалъ онъ. На дворѣ стоитъ морозъ!

Андрей Петровичъ самъ сходилъ за шубой, самъ надѣлъ ее на Ваню, при чемъ осмотрѣлъ, все ли хорошо было у Вани: уши-то не замерзли бы и, сказавъ: „носъ-то поберегай свой, ты его рукой придерживай"!—долго еще смотрѣлъ изъ окна, въ слѣдъ уходившему сыну.

Въ этотъ вечеръ Ваня впервые сѣлъ играть въ карты и, какъ тому быть слѣдовало, проигрался.

— Послушай, нѣтъ-ли у тебя денегъ? шепталъ онъ пріятелю.

Толстопятовъ побожился, что нѣтъ. При чемъ сказалъ, что сожалѣетъ о его проигрышѣ.

— Не достанешь-ли ты гдѣ нибудь?

Ваня былъ какъ очумѣлый. Онъ вдругъ бросился цѣловать Толстопятова, увѣряя его, что онъ непремѣнно выигралъ-бы, если-бы были деньги.

— Да ей-богу, братъ, нѣту! сказалъ Толстопятовъ.

Ваня сознавался, что ему глупо оставаться долѣе у пріятеля, но что-то приковывало его къ мѣсту. Это *что-то* заставило его сказать.

— Ты подумай. Ты на эти выдумки геніаленъ. Ну, гдѣ-бы достать денегъ?

Толстопятовъ, самолюбію котораго польстили, задумался. Ваня слѣдилъ за выраженіемъ его физіономіи.

— А вотъ что, братъ! сказалъ Толстопятовъ. Я не видалъ твоей шубы. Она хорошая?

Ваня сказалъ, что хорошая шуба.

— Чего же лучше! вскричалъ пріятель.—Можно и ее спровадить!

Толстопятовъ махнулъ рукой по направленію къ окошку.

Ваня понялъ въ чемъ дѣло. Онъ покраснѣлъ и сказалъ:—Нѣтъ, братъ... дудки! эта шуба мнѣ дорога!—, на что пріятель не понявъ, на что намекаетъ Ваня, сказалъ, что жиды лучше знаютъ.

Ваня мучился:

— А дорого дадутъ за шубу? спросилъ онъ пріятеля.

Видимо Ваня поддавался на удочку, которую ему ставили. Толстопятовъ побожился, что сто рублей дадутъ. —Куда столько денегъ, подумалъ Ваня. Заложить шубу, такъ надо выкупить! Толстопятовъ сказалъ, что можно меньше, если онъ хочетъ. —Да, меньше! сказалъ Ваня. —Но хорошо-ли это? подумалъ онъ.

Въ это время подошелъ счастливый игрокъ. Ваня посмотрѣлъ на него вопросительно и какъ-то болѣзненно. Онъ въ торжествѣ показалъ Ванѣ бумажки.. полная рука. Это рѣшило судьбу шубы.

— Тащи, сказалъ онъ пріятелю Только не много... Да шубу-то... она отцова!

Но пріятель его уже не слушалъ и умчался съ шубой.

— Панъ или палъ! разсуждалъ Ваня, сидя на окнѣ и дожидаясь пріятеля. Онъ взглянулъ въ окно; звѣздное небо и, какъ видно, морозъ сердитый. А въ комнаткѣ тепло!... Нѣтъ, онъ непремѣнно выкупитъ шубу. А *онъ* что-то долго! Въ это время подкатили санки и... Ваня встрѣтилъ Толстопятова, чуть не выхвативъ изъ рукъ его бумажки.

— Да ты сосчитай! сказалъ пріятель.

Но Ваня былъ уже у игорнаго стола.

Толстопятовъ подышалъ себѣ на руки, поежился и подошелъ посмотрѣть его игру.

Часовъ въ двѣнадцать дѣло Вани было рѣшено. Онъ проигралъ отцовскую шубу. Блѣдный, съ мутными глазами, вышелъ онъ въ другую комнату и сталъ совать ноги въ чьи-то калоши и надѣвать чье-то пальто.

— Что ты дѣлаешь? послышался голосъ пріятеля.

— Проигралъ все до копѣйки! сказалъ Ваня.

Голосъ его дрожалъ, слезы слышались въ немъ.

— Отдай пальто-то!

Толстопятовъ взялъ у него изъ рукъ пальто.

— Пойдемъ сюда въ комнатку, сказалъ пріятель. Мнѣ надо съ тобой переговорить.

Толстопятовъ толкнулъ рукою въ стѣну и дверь, скрытая въ ней, отворилась.

Ваня увидѣлъ въ ней темноту... бросился въ нее, какъ заяцъ... наткнулся на диванъ и, припавъ къ нему, зарыдалъ. . . . . .

. . . . . .

На другой день вечеромъ Ваня вмѣстѣ съ пріятелемъ приближался къ своему дому. На Ванѣ было надѣто его собственное пальто, за которымъ съѣздилъ его пріятель. Ваня сотый разъ распрашивалъ Толстопятова, какъ онъ былъ въ ихъ домѣ и кого онъ тамъ видѣлъ. Толстопятовъ въ сотый разъ клялся и божился, что никого онъ тамъ не видалъ. А все-таки Ваня ничего не понималъ. Передъ глазами его была шуба... отцовская теплая шуба, которую онъ самъ на него надѣлъ... Ваня ускорялъ шаги къ дому. Пріятель бѣжалъ за нимъ. Вотъ и домъ. Ваня опрометью бросился на лѣстницу, наткнулся на какую-то даму въ капорѣ, но не попросилъ извиненія.

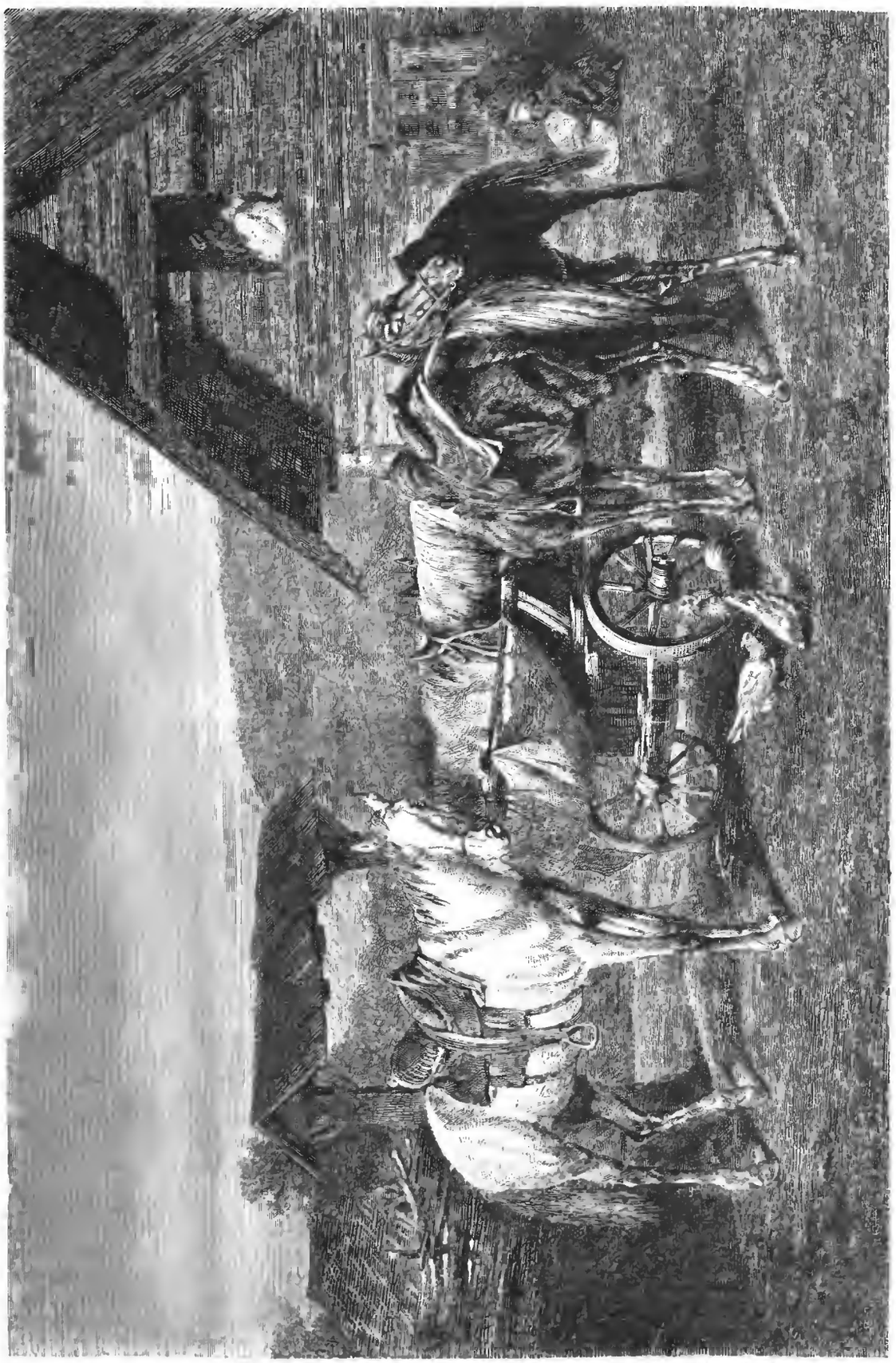
— Я, братъ, тебя здѣсь подожду! Я, братъ, туда не пойду! сказалъ Толстопятовъ, останавливаясь въ передней и потомъ направляясь въ Ванину комнату.

Ваня не слыхалъ этихъ словъ. Онъ поспѣшно про-

Библиотека "Руниверс"

Видъ зданія Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ. Съ фотогр. грав. Квиттингъ.

Библиотека "Руниверс"



На Дону. Роздыхъ у постоялаго двора. Съ картины профессора Зурланда. грав. Гальберьеръ.

Библиотека "Руниверс"

шелъ черезъ комнаты, вошелъ въ комнату отца—и бухъ въ ноги. Вбѣжала мать и сказала, что какъ онъ смѣлъ пройти черезъ парадныя комнаты въ калошахъ. Но Ваня ее не слыхалъ. Онъ все кланялся.

— А гдѣ-жъ отцовская шуба? спросила какъ-то ядовито мать и сѣла, улыбаясь.

— Простите, папаша! Я... вашу... шубу заложилъ!... едва могъ пролепетать бѣдный Ваня.

— Вотъ такъ хорошо! сказала мать. Ты всегда говоришь, Андрей Петровичъ, что одна я къ тебѣ невнимательна!

— Папаша, простите! говорилъ Ваня.

— Это похуже, чѣмъ если я когда нибудь возьму у тебя послѣднія деньги!

— Уйди, Елизавета Алексѣевна,—сказалъ Андрей Петровичъ,—уйди не досажай мнѣ!

— Ты не мужъ, а извергъ! вскрикнула вдругъ Елизавета Алексѣевна плача, и бросила въ него бумажку, которую держала въ рукѣ.

— Кто? Я извергъ? О Боже! (Андрей Петровичъ вскочилъ со стула).—Душу у меня вымотали, а я извергъ!... Не подходи ко мнѣ! вскрикнулъ онъ Ванѣ, который думалъ было это сдѣлать. Всю жизнь тружусь, работаю... А на кого! на дармоѣдовъ!

— Мамаша, уйдите! сказалъ умоляющимъ голосомъ Ваня.

— А ты! бездушная тварь! Не самъ-ли я, не своими-ли руками надѣлъ на тебя шубу? Не ты-ли всегда соболѣзновалъ мнѣ?... (Андрей Петровичъ вдругъ вспылилъ: онъ началъ дергать Ваню за воротникъ пальто). Не я-ли?... не ты-ли?... (Онъ просто захлебывался)

— Папаша, бейте меня! сказалъ Ваня.

— Бить! сказалъ Андрей Петровичъ, вдругъ его опуская.

— Бить! повторилъ онъ. Нѣтъ! я кляча! Вы меня осѣдлали, вы меня и бейте! Бей и ты... бабушкинъ любимчикъ!

VI.

Саша давно не видала Вани. Послѣ имянинъ, которыя они провели вмѣстѣ, онъ пришелъ разъ, но очень скоро и ушелъ. —Что это такое значитъ—думала Саша—онъ должно быть огорченъ. Ужь не я-ли ему чѣмъ-нибудь досадила? Ждать—пождать. Ваня не являлся, Саша просто не знала, что подумать. Начали появляться у ней подозрѣнія, что Ванѣ весело гдѣ-то, съ кѣмъ-то другимъ. Но почему?—Что это Ваня такъ долго къ намъ глазъ не кажетъ, сказала Марфа Андреевна мужу—или онъ насъ и знать не хочетъ?—Что нибудь да не ладно—въ задумчивости сказалъ Иванъ Ивановичъ. А вотъ постой, я о немъ справки наведу. Услыша, что отецъ хочетъ наводить справки, Саша встрепенулась.—Ужь коли обѣщалъ, такъ сдѣлаетъ! Въ самомъ дѣлѣ черезъ недѣлю Иванъ Ивановичъ принесъ отъ Вани письмо. Прочли вслухъ. Ваня кланяется и проситъ извинить, что придти не можетъ, потому что дѣломъ занятъ. Принесъ другое —опять Ваня кланяется. Третье—Ваня опять кланяется. Придти не можетъ. Только причина не та. Откуда доставалъ отецъ письма, Саша не знала. Письма адресованы были на имя Ивана Ивановича и попадали ему въ руки прямо въ Правленіи. Съ третьимъ письмомъ Саша поняла холодность Вани, только не знала, чему это приписать, и все ожидала, что вотъ-вотъ отворятся двери и Ваня самъ явится. Саша не безъ причины въ окна засматривала... Нѣтъ! Въ окно только видно было, что шелъ снѣгъ, и на утро все было сплошь снѣгомъ засыпано, хоть лопатой отгребай. А Ваня все не приходилъ. Однажды Иванъ Ивановичъ пришелъ изъ присутствія не въ духѣ.

— Я, дочка, сегодня все утро не въ своей тарелкѣ. Такая оказія—у Вани бабка умерла! Саша закусила губы и руки сами собой упали ей на чистенькій передникъ платья. Саша не знала бабушки Вани. Но она видѣла, что это обстоятельство дастъ благовидный предлогъ Ванѣ, чтобъ еще дольше не являться. Саша, надо знать, не ошиблась. Вдругъ однажды (Саша была въ это время на улицѣ) нищая подала ей письмо, разумѣется, отъ Вани. При чемъ сказала, что секретно. Саша очень обрадовалась. Она думала открыть себѣ глаза. Въ письмѣ Ваня страстно признавался ей въ любви, клялся, что никогда ея не разлюбитъ и женится, хотя-бы втихомолку отъ отца, если она, согласится имѣть съ нимъ свиданіе наединѣ и не въ своемъ домѣ. Саша скомкала это письмо. Но потомъ подняла и сожгла въ печкѣ. —О какъ онъ неблагодаренъ, какъ жестокъ! подумала Саша. Слезы подступили ей къ горлу. Онѣ душили ее. —Что это значитъ? Я не пойму, отчего онъ перемѣнился такъ скоро? Онъ уже не невинный Ваня. Мысль ея остановилась на томъ, что у Вани есть товарищъ, который его подбиваетъ на это. Иначе быть не можетъ. Понятно, что Саша не пошла на назначенное свиданіе. Она любила прежняго Ваню, веселаго и счастливаго, какимъ онъ представлялся ей теперь... Но мысль, что она отказала ему, пуще волновала ее. —Онъ не придетъ... не придетъ вовсе... забудетъ ее. Во первыхъ, мы бѣдны—это разъ! Во вторыхъ, у него есть товарищи, а слѣдовательно онъ веселится... Въ третьихъ, почемъ знать, можетъ у него есть другая... дѣвочка, которая не такъ жестока, какъ она, и рѣшилась на свиданіе. Однажды Саша схватила платокъ. — Ты куда? спросила мать. Саша вздрогнула... взглянула на нее... и осталась. Порою къ Сашѣ являлись другія мысли. Она видѣла рядомъ съ собой Ваню, шутила, смѣялась съ нимъ, а потомъ вдругъ горячо разсуждала о своемъ бракѣ. Такъ-то и однажды сидѣла она, задумавшись, у окошка. Саша взглянула въ окно. Двойныя рамы не помѣшали ей разсмотрѣть, что тамъ за окномъ кто-то стоитъ. А сердце шепнула ей, что этотъ кто-то Ваня. Съ проворствомъ ласточки она накинула на шею платокъ и была за воротами.

— Саша, сказалъ Ваня, прости мнѣ! Я долго у васъ не былъ, но...

Вдругъ онъ ее обнялъ и поцѣловалъ.

— Я не пойду къ тебѣ... Мнѣ нечего тамъ дѣлать. Въ душѣ моей гадко и мерзко...

— Ваня! куда ты? закричала она. Постой!

Но Ваня не слушалъ и быстрыми шагами удалился.

— Что жь это ты *раздѣшкой* стоишь? сказала мать, выходя къ Сашѣ за ворота. Пойдемъ ужинать! Я ужъ на столъ накрыла!

Безъ словъ, машинально послѣдовала Саша за нею.

Черезъ три дня только Ваня явился къ себѣ домой. Отецъ наткнулся на него.

— Ваня, гдѣ ты пропадалъ? спросилъ онъ, взглядываясь въ его лицо.

— Оставьте! Развѣ вы не видите, что я пьянъ! сказалъ Ваня.

На немъ была чья-то рваная сѣрая шапка, изъ-подъ которой въ безпорядкѣ выбивались его волосы.

Андрей Петровичъ дѣйствительно замѣтилъ, что онъ пьянъ.

Повѣсть кончена. Передъ Ваней двѣ дороги. Которую онъ изберетъ изъ нихъ—ту-ли, по которой шелъ отецъ его—дорогу труда,—или ту, на которой онъ очутился внезапно,—не извѣстно. А что будетъ съ Сашей? Конечно, она не зачахнетъ отъ любви и выйдетъ замужъ и будетъ, по всей вѣроятности, такая-же работящая, какъ ея мать... Толстопятовъ перевелся въ другой полкъ, потому что, какъ онъ самъ сказалъ, тамъ легче экзаменъ. Андрей Петровичъ недавно поставилъ памятникъ на могилѣ Ольги Андреевны. Онъ теперь еще больше боится своей жены и каждое утро торопится уѣхать на службу, чтобы Елизавета Алексѣевна

Библиотека "Руниверс"

не прислала за деньгами. Что то будетъ съ Ваней? невольно думается намъ и припоминается его бабушка, умѣвшая такъ нѣжно слѣдить за его первыми шагами по дорогѣ жизни. Да, она вполнѣ замѣняла ему родную мать; не стало этой матери—и шаги оказались невѣрными.

— Бабушка-матушка! быть можетъ вспоминаетъ теперь Ваня, и льются изъ глазъ его слезы, и вспоминаются слова народной пѣсни, въ которой такъ говорится о матери:

„День денской—моя печальница,
Въ-ночь—ночная богомольница...

Н. Соснецкій.

Муравьи, какъ рабочіе и сельскіе хозяева.

Органъ мышленія и орудіе для работы у муравьевъ.—Ихъ тѣлесная сила.—Муравьи-земледѣльцы.—Скотоводство, молочное хозяйство и молочный скотъ у муравьевъ.—Муравьи-амазонки и ихъ рабы.

Уже въ глубокой древности было у людей общее убѣжденіе, подтверждаемое ежедневнымъ наблюденіемъ, что животныя, наши собратья по мірозданію, не чужды нѣкотораго проблеска духовной жизни; но это убѣжденіе, основанное на наблюденіи, ограничивалось только тѣми породами животныхъ, которыя бросались въ глаза величиною своего роста. Напротивъ, чѣмъ животное меньше ростомъ, тѣмъ, обыкновенно, люди болѣе успокоиваются на предположеніи, что и тѣлесная организація этихъ животныхъ слишкомъ проста и что интеллектуальныя способности или пониманіе этихъ животныхъ должны состоять на весьма низкой степени. Вліяніе этого предразсудка до сихъ поръ слишкомъ велико у большей части людей. Громадный размѣръ тѣла какого-нибудь кита или колоссальнаго пресмыкающагося изъ отдаленной геологической эпохи возбуждаетъ, обыкновенно, всеобщее вниманіе, тогда какъ подобное же вниманіе возбудить уже весьма трудно, если дѣло идетъ о явленіяхъ, взятыхъ изъ жизни какого нибудь комара или муравья. Пусть будутъ эти явленія, сами по себѣ, способны возбудить величайшее удивленіе всякаго внимательнаго наблюдателя—это все равно. Стоитъ ли толковать о комарѣ и муравьѣ!..

Въ недавно помѣщенной въ нашемъ журналѣ статьѣ (см. „Нива“ № 20), озаглавленной „Языкъ насѣкомыхъ“, мы указали, на основаніи талантливой книги д-ра Бюхнера „Aus dem geistesleben der Thiere“ (Нѣчто объ интеллектуальной жизни животныхъ), на удивительную смѣтливость, которою одарены эти крохотныя творенія и которую, вѣроятно, наблюдалъ каждый. Надо сказать, однако, что всѣ эти явленія, не смотря на ихъ рельефность, возбуждаютъ мало вниманія, даже въ ученомъ мірѣ. Здѣсь мы должны только замѣтить, что на ряду съ замѣчательнымъ смысломъ и сообразительностью, тѣлесная сила нѣкоторыхъ насѣкомыхъ до того велика, что если измѣрять ее по пропорціи съ силой человѣка и крупныхъ животныхъ (т. е. сравнительно съ размѣромъ и вѣсомъ тѣла), то она превосходитъ физическую (тѣлесную) силу человѣка и крупныхъ животныхъ въ 20-ть, 30-ть, даже въ 100 разъ.

Остановимся, для примѣра, опять-таки на тѣхъ-же муравьяхъ, съ которыми мы имѣли дѣло въ предшествовавшей статьѣ. Недавно (въ 1874 году) д-ръ *Августъ Форель* издалъ имѣвшую громадный успѣхъ книгу о муравьяхъ, гдѣ онъ доказываетъ, что эти насѣкомыя занимаютъ между массою другихъ насѣкомыхъ такое-же мѣсто, какое занимаетъ человѣкъ въ средѣ млекопитающихъ.

Здѣсь мы должны припомнить элементарный анатомическій фактъ, что *два* обширные отдѣла животныхъ, *позвоночныхъ* и *безпозвоночныхъ*, отличаются въ строеніи органовъ пониманія тѣмъ, что у позвоночныхъ *всегда есть головной мозгъ*, а у безпозвоночныхъ, вмѣсто мозга, существуютъ такъ называемыя *ганглія*, т. е. узелки изъ того же нервнаго вещества, изъ котораго образованъ и мозгъ высшихъ животныхъ. Ганглія эти у различныхъ безпозвоночныхъ, конечно, весьма разнообразны по размѣру; онѣ разнятся даже у разныхъ отдѣловъ и видовъ насѣкомыхъ. У муравья онѣ имѣютъ размѣръ, примѣрно, въ четверть самой маленькой булавочной головки. Тѣмъ не менѣе, и при этой крохотной величинѣ нервнаго вещества, пониманіе и смыслъ муравья удивительны—такова премудрость Творца!

Во всей Европѣ существуетъ до 30 родовъ и 100 породъ муравьевъ, а на всемъ земномъ шарѣ, сколько извѣстно, существуетъ *болѣе тысячи* породъ этихъ насѣкомыхъ. При этомъ всѣми и всюду признано, что въ мірѣ животныхъ муравьи занимаютъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ (конечно, относительно величины тѣла) по силѣ и подвижности тѣла, но въ высшей степени тонкимъ органамъ чувствъ, по мощнымъ средствамъ къ защитѣ и нападенію, по необыкновенной сообразительности и устройству органовъ прекрасно разсчитанныхъ для построекъ, копанія и чищенія, наконецъ—по бурному, не устрашимому, но вмѣстѣ предусмотрительному характеру этихъ насѣкомыхъ. Этими рѣдкими качествами муравьи и пользуются для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Что это не фантазія—въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, желающій изучить жизнь муравьевъ.

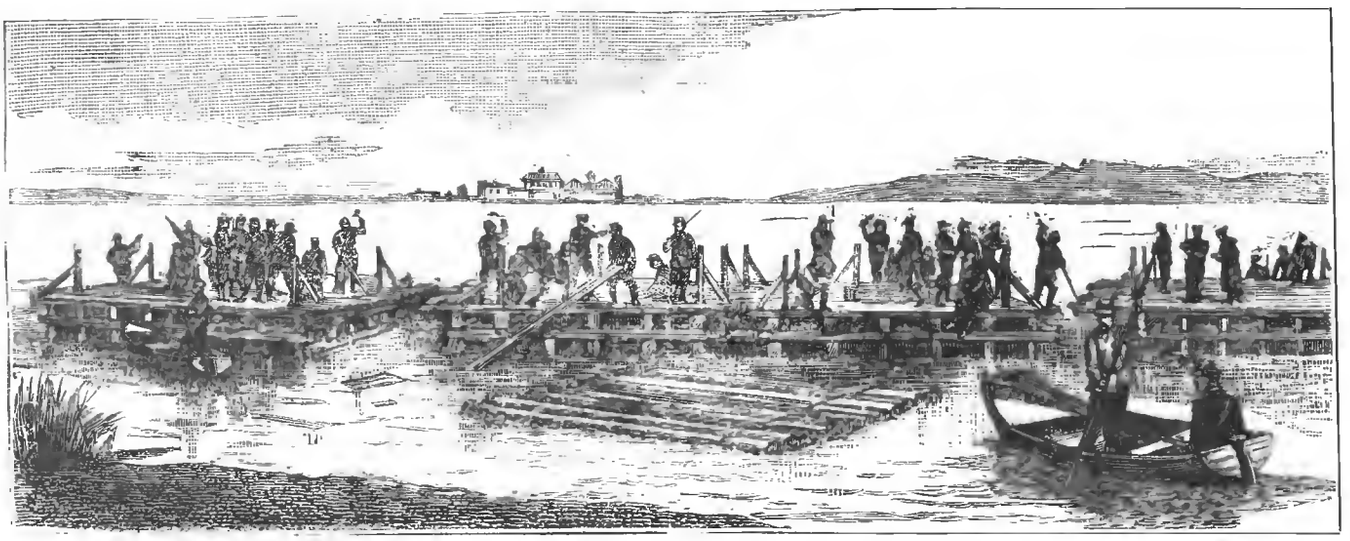
Почти каждый изъ насъ даже въ дѣтствѣ, конечно, слыхалъ что у муравьевъ существуетъ нѣчто въ родѣ государства. Порядокъ, замѣчаемый у муравьевъ, въ самомъ дѣлѣ нельзя иначе и назвать. Какъ государство у людей предполагаетъ соціальную и семейную жизнь, изъ которыхъ оно зиждется, такимъ дѣло является и у муравьевъ. Они строятъ себѣ жилища съ нѣсколькими комнатами, залами, прихожими, простѣнками, колонадою и балками, на которыхъ они утверждаютъ кровлю. У нихъ есть особые солдаты; они ведутъ войну, даютъ сраженія, осаждаютъ крѣпости, снимаютъ осаду, берутъ въ плѣнъ и дѣлаютъ плѣнныхъ рабами, какъ бываетъ у людей, у нихъ есть сельское хозяйство: они держатъ молочный скотъ и заботятся объ улучшеніи будущей породы этого скота и вообще объ его улучшеніи.—Не вѣрите? Наблюдайте же внимательно!

Въ Мексикѣ водится порода большихъ бурыхъ муравьевъ. Эта порода представляетъ изумительный примѣръ развитія пониманія и цѣлесообразной дѣятельности у животныхъ. Эти муравьи не только собираютъ въ запасъ хлѣбныя зерна,—что, какъ извѣстно, дѣлаютъ и многія породы муравьевъ, водящихся въ Европѣ,—но и разсаживаютъ эти запасныя зерна, и затѣмъ жнутъ хлѣбъ во время жатвы. Слѣдовательно, эти муравьи *занимаются земледѣліемъ въ правильной формѣ и разсчитаннымъ образомъ, т. е. для каждаго времени года у нихъ разсчитано особое занятіе по полевымъ работамъ*. Въ Техасѣ одинъ ученый докторъ, вмѣстѣ со своею дочерью, болѣе десяти лѣтъ внимательно изучали бытъ этой породы муравьевъ, что было тѣмъ удобнѣе, что муравейникъ былъ расположенъ у жилища Д-ра Линценума и сообщенія объ результатахъ этихъ наблюденій знаменитый естествоиспытатель Дарвинъ счелъ столь важными, что, въ свою очередь, сообщилъ ихъ Линнеевскому обществу естествоиспытателей въ Лондонѣ. Изъ этого интереснаго сообщенія видно, что муравьи упомянутой породы живутъ въ построенныхъ ими миніатюрныхъ городахъ съ тщательно вымощенными площадями и улицами и съ терпѣливымъ прилежаніемъ и ловкостью дѣлаютъ разные сельско-хозяйственные распорядки и приспособленія, смотря по характеру разныхъ временъ года. Если этимъ муравьямъ удастся для своего поселенія выбрать сухое мѣстечко, то они здѣсь немедленно просверливаютъ отверстіе, которое потомъ ограждаютъ валомъ отъ 3 до 6 дюйм. вышины; затѣмъ приготовляется болѣе низкій кругообразный валъ, постепенно и незамѣтно спускающійся въ сторону отъ центра до отдаленной крайней грани муравьинаго города, что составляетъ пространство отъ 3 до 4 футовъ. Если же, напротивъ, для подобнаго поселенія попадается мѣсто низменное, плоское и сырое, которое можетъ подвергнуться наводненіямъ, тогда муравьи, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, возвышаютъ валъ въ формѣ зубчатаго корпуса, отъ 15-ти до 20 или болѣе дюйм. вышины и дѣлаютъ входъ на вершинѣ. Но въ обоихъ случаяхъ маленькіе строители очищаютъ почву около вала, отстраняютъ всѣ препятствія, уравниваютъ и углаживаютъ поверхность почвы передъ воротами города, что составляетъ уравненное передъ городскими воротами пространство отъ 3 до 4 футовъ. Этой насыпи они придаютъ видъ прекрасной мостовой. Да это мостовая и есть на самомъ дѣлѣ. На этомъ мощеномъ пространствѣ не могутъ быть терпимы ни одинъ зеленый листочекъ, ни одна травка, исключая одной породы травы, приносящей зерна. Вотъ эта трава и составляетъ зерновый хлѣбъ муравьевъ. Зерна этой травы они сѣютъ по описанному выше уравненному пространству, и это хлѣбное поле составляетъ зеленѣющее кольцо вокругъ городскаго вала, имѣющее ширины отъ 2 до 3 футовъ. За этимъ полемъ муравьиное населеніе неусыпно наблюдаетъ, обработывая его и окружая всѣми заботами, неизбѣжными для усѣшности земледѣлія. Напримѣръ, травы постороннія и негодныя муравьи вырываютъ съ своей нивы (сѣмена этихъ травъ попадаютъ въ поле съ пространства, окружающаго муравейникъ). Эта воздѣланная трава достигаетъ тогда роскошнаго роста и даетъ богатую жатву и умолотъ, состоящій изъ маленькихъ, бѣлыхъ, твердыхъ какъ кремень, зеренъ. Подъ микроскопомъ эти зерна представляются весьма похожими на рисъ. Какъ скоро зерна этой травы созрѣли, толпа рабочихъ муравьевъ отправляется на жатву—сбивать съ стеблей легко отваливающіяся зерна и оттаскивать самые стебли травы (слѣдовательно, одновременно совершаются и жатва и молотьба). Затѣмъ муравьи стаскиваютъ жито въ особыя просторныя помѣщенія, и здѣсь тщательно очищаютъ зерно отъ мякины. Далѣе, очищенное уже зерно выносятъ и выбрасываютъ за предѣлъ вымощенаго пространства.

Библиотека "Руниверс"

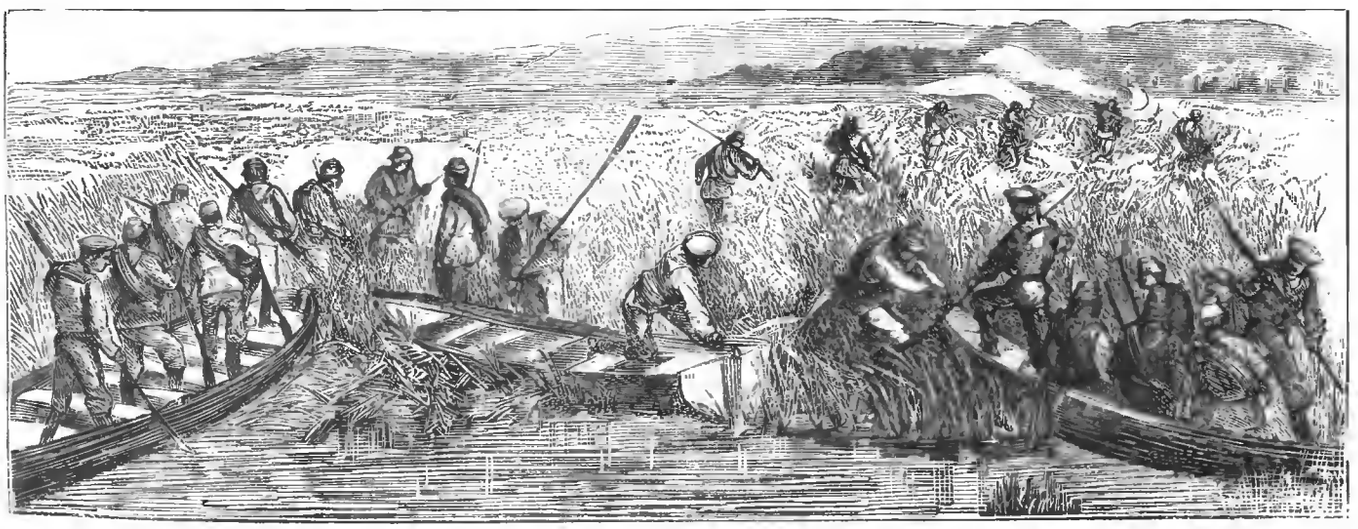
Нужно замѣтить, что дочь упомянутаго выше Мексиканскаго доктора каждый день ходила въ садъ, чтобы посмотрѣть какъ хлопочутъ муравьи съ своимъ зерновымъ запасомъ. Этотъ запасъ часто составлялъ почти два четверика. Самъ же упомянутый выше докторъ, раздѣлявшій съ своею дочерью наблюденія, пишетъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: „Въ одномъ персиковомъ саду, недалеко отъ моего дома, находится значительное возвышеніе, на которомъ лежатъ обломки скалъ, затѣмъ часть этихъ обломковъ покрыта слоемъ песку. Вотъ на этихъ-то песчаныхъ мѣстахъ описываемаго возвышенія и находятся прекрасные города, выстроенные муравьями-земледѣльцами и, очевидно, города эти весьма древніе. Мои наблюденія надъ нравами и привычками живущихъ здѣсь муравьевъ ограничивались послѣдними 12-ю годами. Каждый годъ, около начала ноября, можно было видѣть совершаемый муравьями *посѣвъ* и нѣтъ сомнѣнія, что особая порода травы, дающей зерно, сѣется муравьями *съ намѣреніемъ*, потому что во все время произрастанія поле съ этою травою очищается маленькими хозяевами отъ постороннихъ и сорныхъ, по ихъ мнѣнію, травъ. Когда зерна этой травы созрѣли, то сухіе стебли вырываются муравьями, относятся на мощеное пространство и преспокойно оставляются здѣсь до слѣдующей осени, и иногда на этомъ-же мѣстѣ этотъ „муравьиный рисъ“ выростаетъ снова и для возращенія его прилагаются тѣ-же самыя сельскохозяйственныя заботы—и такъ далѣе, изъ года въ годъ, сколько мнѣ извѣстно, повторяется то-же самое, если только благопріятствуютъ внѣшнія условія, т. е. поселенія муравьевъ защищены отъ другихъ травоядныхъ животныхъ.“

Если хорошенько взвѣсить обстоятельства, при которыхъ совершались описанныя наблюденія надъ муравьями, въ теченіи цѣлыхъ годовъ, далѣе,—если принять въ разсчетъ характеръ и значеніе великаго англійскаго изслѣдователя, каковъ Дарвинъ, который призналъ умѣстнымъ сдѣлать въ ученомъ (Линнеевскомъ) обществѣ научное сообщеніе по этому предмету; англійской публикѣ, то придется внимательно изслѣдовавъ, не игнорируя ни одного изъ соприкосновенныхъ съ этими явленіями фактовъ, познакомиться намъ съ вещами еще болѣе удивительными, совершающимися все у тѣхъ же муравьевъ. Это—странно сказать!—разведеніе муравьями *рогатаго скота* и *молочное хозяйство!*



Постройка понтоновъ для моста чрезъ Дунай. Съ наброска П. К. грав. Вейерманъ.

Конечно молочный рогатый скотъ принимается здѣсь въ слишкомъ относительномъ смыслѣ—именно *муравьиный*. Есть, именно, особая порода *травяныхъ вшей*, афидъ, (Aphida), принадлежащихъ къ семейству Hemiptera (насѣк. полукрылыя). Эти афиды часто сидятъ отвратительными кучами на листьяхъ любимыхъ и пожираемыхъ ими растеній, напр. Ивы и друг. Эти насѣкомыя, жирныя на видъ, крайне отвратительны; но вотъ они-то и замѣняютъ для муравьевъ молочный скотъ. Въ муравьяхъ замѣчаются радостныя движенія, когда они найдутъ травяныхъ вшей. Въ нижней части тѣла травяной вши выдѣляется жидкій, страстно любимый муравьями сокъ. Муравей съ жадностью сосетъ его, и замѣтно, что эта жидкость составляетъ для него статью гастрономіи.



Одинъ изъ нашихъ пикетовъ при переправѣ чрезъ Дунай между Браиловымъ и Мачиномъ. Съ наброска П. К. грав. Вейерманъ.

Правда, не одни только муравьи любятъ лакомиться сокомъ, выдѣляемымъ афидами, но и разнаго рода мухи, осы, пчелы сосутъ этотъ сокъ, повидимому, съ неменьшею жадностью чѣмъ муравьи. Любопытные могутъ наблюдать это явленіе осенью, когда, напримѣръ, ива бываетъ почти сплошь по-

Библиотека "Руниверс"

Первое свиданіе. Картина Рюдо, грав. Жонаръ.

Библиотека "Руниверс"

крыта травяными вшами, и тогда рядомъ съ ними можно увидѣть муравьевъ и другихъ насѣкомыхъ, напр. мухъ. Но дѣло въ томъ, что ни которое изъ другихъ насѣкомыхъ не можетъ такъ ловко и мастерски высасывать сокъ травяной вши, какъ муравьи. Своими щупальцами муравей до тѣхъ поръ третъ нижнюю часть тѣльца афиды, пока не брызнетъ капля желанной влаги. Для травяной вши эта операція, повидимому, не причиняетъ ни какой боли, такъ-же какъ коровѣ операція доенія и сосанія молока. Напротивъ, сосаніе муравьемъ сока дѣйствуетъ, повидимому, на травяную вошь пріятно какъ-бы потому, что она выдѣляетъ избытокъ сока. Затѣмъ прикосновеніе муравьинаго щупальца къ кожѣ вши бываетъ до того осторожно и нѣжно, что нѣтъ возможности подражать этому прикосновенію еслибы мы вздумали произвести опытъ. Тщетно Дарвинъ, посредствомъ самаго тоненькаго волоска и самымъ осторожнымъ прикосновеніемъ пытался извлечь каплю сока изъ травяной вши. Опытъ былъ вполнѣ неудаченъ.

„На одномъ разстояніи изъ семейства гречишныхъ (polydonsae), разсказываетъ Дарвинъ, я впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, мѣшалъ приближенію муравьевъ къ группѣ афидъ, состоящей приблизительно изъ 12 недѣлимыхъ. По прошествіи этого времени я замѣтилъ, что травяныя вши чувствуютъ потребность выдѣленія изъ себя сока. Я наблюдалъ ихъ въ лупу, но ничего не послѣдовало. Тогда я началъ слегка прикасаться и щекотить ихъ брюшко тоненькимъ волоскомъ, совершенно такимъ же образомъ, какъ дѣлаютъ это муравьи своими щупальцами, но безъ успѣха. Тогда я подпустилъ къ группѣ афидъ муравья, и затѣмъ хотѣлъ было вернуть его назадъ; но онъ съ такимъ отчаяннымъ усиліемъ противился моей попыткѣ, что я сейчасъ понялъ до какой степени этому насѣкомому дорого наслажденіе сокомъ афиды. Тотчасъ же муравей принялся слегка тереть щупальцами нижнюю часть тѣла то одной, то другой травяной вши, и каждая изъ этихъ вшей, почуявъ прикосновеніе муравья приподнимала заднюю часть тѣла на нѣкоторую высоту и выдѣляла свѣтлую каплю жидкости, которую муравей тотчасъ же и всасывалъ въ себя съ жадностью“.

Эти оригинальныя отношенія муравьевъ къ афидамъ, впрочемъ, не составляютъ новости и извѣстны довольно давно. Еще Линней мѣтко назвалъ травяную вошь „муравьиною коровой“. Но только послѣ новѣйшихъ изысканій былъ прочно утвержденъ тотъ фактъ, что муравьи берутъ травяныхъ вшей даже въ свои жилища и тамъ производятъ формальное доеніе, на подобіе доенія рогатаго скота. Для понимающихъ и знающихъ дѣло наблюдателей жизни насѣкомыхъ теперь уже не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что какая либо колонія муравьевъ тѣмъ богаче, чѣмъ больше число травяныхъ вшей, которое она содержитъ. Такъ, по свидѣтельству д-ра Фореля, такъ называемый „бурый муравей“, весьма рѣдко покидающій свое гнѣздо, поддерживаетъ свое существованіе почти исключительно вшами, живущими въ корѣ дерева. Вши размѣщены въ древесной корѣ, подобно откормленному скоту въ хлѣвахъ у добраго хозяина, въ особыхъ помѣщеніяхъ, отдѣленныхъ перегородками. Вотъ здѣсь-то содержащіе вшей муравьи-хозяева и доятъ ихъ, высасывая сокъ. Какую заботу вообще прилагаютъ муравьи объ этихъ животныхъ, видно изъ того, что какъ скоро открыто, напр., человѣкомъ гнѣздо такого домовитаго муравья, онъ перетаскиваетъ своихъ дорогихъ вшей въ другое неизвѣстное и безопасное мѣсто, а если вши слишкомъ велики и не по силамъ муравью, то онъ переводитъ ихъ въ новыя помѣщенія въ корѣ того же дерева. Даже такъ называемый „желтый муравей“ живетъ исключительно сокомъ древесныхъ и другихъ вшей, питающихся листьями или скорѣе корнями растеній. И эти растенія, покрытыя афидами, служатъ источникомъ существованія прилежащимъ здѣсь муравьинымъ гнѣздамъ. Откройте только любое муравьиное гнѣздо, и вы увидите, что муравьи съ такою же заботливостью спасаютъ и уносятъ свой „молочный скотъ“, какъ и свои собственныя личинки. Д-ръ Форель въ Швейцаріи часто имѣлъ случай наблюдать это. Нѣкоторыя породы муравьевъ строятъ даже для своихъ „коровъ“ особыя стойла на деревьяхъ и растеніяхъ, т. е. выдѣлываютъ земляныя крытыя галлереи, чтобы, по возможности защитить своихъ любимцевъ отъ разныхъ невзгодъ; а нѣкоторыя муравьиныя породы умѣютъ даже воспитывать и выкармливать сами травяныхъ вшей, яички которыхъ положены за осень внутри ихъ жилищъ. Естествоиспытатель *Смарда*, въ своей книгѣ „Жизнь животныхъ“, появившейся въ свѣтъ въ 1846 г., говоритъ, что за яичками травяныхъ вшей муравьи такъ-же тщательно наблюдаютъ, какъ за своими собственными.

Есть и другого рода насѣкомыя, живущія на деревьяхъ и растеніяхъ, которыми въ такомъ же родѣ пользуются муравьи и которыя въ соединеніи съ травяными вшами составляютъ главную часть пищи муравьевъ въ нашихъ странахъ. Однакожь если мы станемъ разбирать разныя породы муравьевъ, то найдемъ, что муравьи-земледѣльцы по преимуществу почти совершенно пренебрегаютъ афидами. Но если вамъ случится, напр., въ лѣтній день, что муравьи гурьбой ползутъ вверхъ и внизъ по стволу какого-либо дерева, то знайте, что это движеніе почти всегда совершается ради травяныхъ вшей, находящихся на этомъ деревѣ. Такъ зачастую бываетъ съ фруктовыми и плодовыми деревьями, при чемъ, однако, плоды деревъ остаются не поврежденными. Да и вообще сами муравьи рѣдко вредятъ деревьямъ и служатъ лишь косвенною причиною порчи дерева, потому что неизбѣжно приносятъ съ собой дорогихъ имъ афидъ и ихъ яички. Иногда травяныя вши переселяются и сами собою съ одного кустарника или дерева на другой, гдѣ находятся болѣе благопріятныя условія для своего развитія, и затѣмъ уже сюда приходятъ нуждающіеся въ нихъ муравьи.

Дарвинъ, послѣ многократныхъ и прилежныхъ наблюденій, нашелъ еще, что муравьи содержатъ *рабовъ* и *невольниковъ*. Фактъ поразительный и почти невѣроятный, но, послѣ изслѣдованія Дарвина, уже непуждающійся въ доказательствахъ.

Но рабство и невольничество у муравьевъ не сопровождается жестокостями,—напротивъ, господа обращаются съ рабами весьма мягко и, такъ сказать, человѣчно. Рабовъ ловятъ, конечно, пираты и разбойники, но никогда не ловятъ взрослыхъ, а только въ видѣ куколокъ и личинокъ разныхъ насѣкомыхъ другихъ породъ, и затѣмъ уже воспитываютъ ихъ въ жилищахъ въ качествѣ невольниковъ. Превосходныя наблюденія надъ муравьями, въ этомъ отношеніи, сдѣланы натуралистами Швейцаріи. Рабы у муравьевъ непринужденно отправляютъ съ господами всѣ работы, служащія для поддержанія колоніи, даже сражаются вмѣстѣ съ господами противъ своихъ родичей и соплеменниковъ. Такимъ образомъ господа смотрятъ на нихъ, то какъ на собратовъ, то какъ на друзей и соратниковъ, тѣмъ болѣе, что рабы бываютъ всегда вѣрные и не помышляютъ о бѣгствѣ.

До сихъ поръ естествоиспытателями изъ всѣхъ водящихся въ Европѣ породъ муравьевъ изучены только *три* породы, содержащія рабовъ и невольниковъ. Интереснѣйшая изъ этихъ породъ называется *амазонками*. Характеръ ея весьма подробно и точно изученъ ученымъ Губеромъ. Муравей-амазонка—этотъ муравей крупнаго роста, весьма сильный, живой и подвижный, блестяще-краснаго цвѣта. Эти муравьи, обладая множествомъ рабовъ и невольниковъ, никогда не работаютъ сами, а всю работу сваливаютъ на рабовъ. Этотъ муравей даже *не ѣстъ самъ*, а дожидается, пока рабы его накормятъ, какъ дѣлаетъ Далай-Лама въ Тибетѣ. Это муравьиное амазонское барство, однакожь, можетъ, кажется, найти для себя достаточное извиненіе въ томъ, что челюсти у этой породы муравьевъ весьма узки, тверды и неудобоподвижны и оканчиваются не зазубренными краями, какъ у другихъ муравьиныхъ породъ, а острымъ шипцемъ, такъ что на эти челюсти можно смотрѣть какъ на настоящія клещи, и эти послѣднія, конечно, составляютъ страшное орудіе для защиты и нападенія. Зато это-же обстоятельство мѣшаетъ муравью-амазонкѣ и исправлять работы и ѣсть безъ посторонней помощи. Стало быть, только необходимость заставила этого муравья имѣть рабовъ и невольниковъ; да и затѣмъ муравей-амазонка представляется рабомъ своихъ же рабовъ, потому что тѣ, если захотятъ, могутъ оставить его безъ пищи и заставятъ умереть съ голода, безъ рабовъ погибли бы всѣ колоніи муравьевъ-амазонокъ. Упомянутый выше ученый Губеръ однажды положилъ въ коробочку 30 муравьевъ-амазонокъ съ ихъ личинками и куколками и положилъ вмѣстѣ съ ними достаточное количество матеріала для питанія. Уже по истеченіи только двухъ дней часть амазонокъ страшно отощала, или, точнѣе, терпѣла страшную жажду. Совсѣмъ другіе результаты дали опыты д-ра Форели надъ тою же породою муравьевъ. Оказалось по этимъ опытамъ, что муравьи разсматриваемой породы могутъ пробыть безъ пищи до 4 недѣль, если воздухъ или земли достаточно влажны. Муравьи-амазонки не въ состояніи сами ни ѣсть, ни заботиться о своихъ дѣтяхъ, ни обработывать землю. Губеръ какъ-то къ такой безпомощной семьѣ амазонокъ припустилъ муравья-раба. Тотъ сейчасъ привелъ все въ порядокъ, всѣхъ накормилъ положеннымъ тутъ медомъ; для личинокъ и куколокъ онъ устроилъ гнѣздышки и т. д. Все оживилось и выглядѣло весело. Чтобы провѣрить этотъ опытъ Губера, другой ученый, Леспесъ, положилъ однажды въ гнѣздо муравьевъ-амазонокъ кусокъ размоченнаго сахара. Эту находку сейчасъ же замѣтилъ находившійся въ гнѣздѣ муравей изъ рабовъ, захватилъ сахару сколько былъ въ силахъ и возвратился въ свое жилище. Вскорѣ послѣ того явилось множество охотниковъ и усердно работало надъ сахаромъ. Наконецъ Леспесъ увидѣлъ, что пришли и безпомощные муравьи амазонки. Они сначала въ замѣшательствѣ бѣгали кругомъ сахара, не рѣшаясь къ нему прикоснуться; наконецъ они начали звать къ себѣ рабовъ, забывшихъ свои обязанности и требовать, чтобы тѣ помогли имъ поѣсть. Тѣ исполнили свою обязанность, и тогда въ гнѣздѣ все ожило и развеселилось.

Д-ръ Форель никогда не видалъ, чтобы муравей-амазонка ѣлъ одинъ. Если этотъ муравей голоденъ, то онъ прикасается щупальцами къ головѣ своего раба, покамѣсть тотъ не дастъ ему каплю питательнаго вещества изъ своего передняго желудочка, какъ говорятъ „изо рта въ ротъ“. Единственное занятіе, которое могутъ исправлять муравьи-амазонки—это война. Любопытныя подробности объ этомъ предметѣ можно найти въ уже упомянутой нами книгѣ д-ра Луп-Бюхнера.

Стр...

Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ.

Императорская публичная библіотека въ С.-Петербургѣ.

Въ „Нивѣ“ 1871 года былъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей (въ №№ 50, 51 и 52), посвященныхъ описанію нашего замѣчательнаго книгохранилища. Эти статьи, принадлежащія перу человѣка, отлично знакомаго съ нашей публичной библіотекой и заключающія въ себѣ полное и подробное описаніе всѣхъ ея достопримѣчательностей, освобождаютъ насъ отъ обязанности повторять то, что въ нихъ разсказано весьма обстоятельно, и намъ остается лишь дополнить ихъ нѣкоторыми замѣчательными фактами, касающимися ея дѣятельности за послѣднія шесть лѣтъ. Эти годы, конечно, не могли пройти безслѣдно въ жизни подобнаго учрежденія, какъ Императорская публичная библіотека, для которой не только каждый годъ, но даже каждый день имѣетъ свое относительное значеніе въ дѣлѣ ея развитія и совершенствованія. А это совершенствованіе, можно сказать, идетъ быстрыми шагами, такъ что въ настоящее время Императорская публичная библіотека содержитъ въ себѣ болѣе милліона томовъ, и является уже серьезное опасеніе, что при такомъ постоянномъ увеличеніи ея книжныхъ богатствъ наконецъ не хватитъ въ ней мѣста и нужно будетъ подумать о новыхъ пристройкахъ къ главному зданію или объ отведеніи подъ библіотеку другой, болѣе обширной мѣстности. Такъ, читальная зала, устроенная лишь въ 1862 году, уже становится тѣсной для огромнаго числа ежедневно посѣщающихъ ее читателей и уже приходится приступать къ нѣкоторымъ перестройкамъ, чтобы дать имъ болѣе простора. Число выдаваемыхъ ежегодно билетовъ на право чтенія достигаетъ уже нынѣ до 12,000 и Императорская публичная библіотека дѣйствительно сдѣлалась насущною необходимостью для нашего общества, въ особенности же для учащагося, бѣднаго люда и для литературныхъ тружениковъ. Кромѣ того, каждому читателю теперь предоставлена полная возможность вписывать всѣ свои неудовольствія и требованія въ особую книгу заявленій, которая разсматривается еженедѣльно въ общемъ собраніи библіотекарей, и если просьба или требованіе справедливы, то она удовлетворяется немедленно. Такимъ путемъ, съ одной стороны при содѣйствіи частныхъ лицъ, а съ другой—при содѣйствіи всѣхъ государственныхъ учрежденій, библіотека постепенно достигаетъ желаемой полноты, особенно въ отношеніи отдѣла русскихъ книгъ. Но помимо накопленія богатаго собранія рѣдкихъ сочиненій, Императорская публичная библіотека пріобрѣла въ послѣдніе годы много цѣнныхъ рукописей, автографовъ и гравюръ. Такъ покоритель Ташкента и Туркестана, генералъ Кауфманъ, принесъ въ даръ библіотекѣ древнѣйшій списокъ корана, хранившійся до того времени въ одной изъ туркестанскихъ мечетей. По преданію, этотъ списокъ написанъ ближайшимъ пріемникомъ Магомета, Омаромъ, убитымъ надъ самой этой рукописью, которая и сохранила слѣды его крови, видимые нынѣ на нѣкоторыхъ ея листахъ, въ формѣ широкихъ, багровыхъ пятенъ. Эта рукопись пользовалась глубочайшимъ уваженіемъ среди мусульманъ Средней Азіи и теперь въ библіотеку являются толпы татаръ и другихъ правовѣрныхъ, желающихъ благоговѣйно приложиться устами къ священной для нихъ книгѣ. Кромѣ того, послѣ смерти извѣстнаго караима Фирковича, библіотека купила отъ его родственниковъ много цѣнныхъ древнееврейскихъ рукописей, а ея извѣстная, весьма обширная коллекція портретовъ Петра Великаго обогатилась въ послѣднее время еще нѣсколькими любопытными экземплярами.

Представленный на нашемъ рисункѣ видъ зданія Императорской публичной библіотеки снятъ съ главнаго ея фасада, выходящаго на Александринскую площадь. Этотъ фасадъ, состоящій изъ великолѣпной колоннады, былъ построенъ подъ наблюденіемъ и по плану знаменитаго въ свое время архитектора Росси, который украсилъ его во вкусѣ того времени колоссальными статуями писателей и философовъ древности и огромными барельефами, впослѣдствіи уничтоженными. Удобства и требованія огромнаго книгохранилища оставлены были имъ безъ всякаго вниманія и потому впослѣдствіи потребовались громадныя передѣлки, чтобы исправить ошибки первоначальнаго плана всего зданія.

Нынѣ лицевой фасадъ библіотеки еще значительно выигралъ въ декоративномъ отношеніи отъ разведенія передъ нимъ красиваго сквера, въ центрѣ котораго грандіозно возвышается памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Не слѣдуетъ забывать, что эта великая монархиня постоянно мечтала объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ публичной библіотеки на самыхъ широкихъ основаніяхъ и что именно ею былъ собранъ громадный книжный фондъ, который и послужилъ впослѣдствіи краеугольнымъ камнемъ нашему нынѣ знаменитому книгохранилищу.

Н.

Роздыхъ у постоялаго двора.

(Съ картины Зурланда).

Нѣсколько казаковъ заѣхали на постоялый дворъ. Привязавъ своихъ лошадокъ къ телѣгѣ и задавъ имъ корму, сами казаки пошли въ хату также покормиться и отдохнуть. Но должно быть заговорились казаки, или заподчивала ихъ статная хозяйка своими наливками да винами донскими, только видно, что лошадки уже сыты и начинаютъ зорко поглядывать по сторонамъ. Отдохнули, теперь и въ путь пора. Лошадь для казака неразлучный спутникъ его жизни.

Небольшая легкая донская лошадка очень выносилва въ путешествіи и можетъ безъ отдыха дѣлать верстъ до 150. Правительство принимаетъ мѣры къ поддержанію и развитію породъ донскихъ лошадей; съ этою цѣлью заведены такъ называемые станичные коннопродовые табуны и учреждены войсковые конскіе заводы.

Профессоръ Зурландъ знакомъ Петербургской публикѣ по своимъ картинамъ, выставленымъ въ Академіи Художествъ. Въ журналѣ „Нива“ за 1876 г. въ № 19, также былъ помѣщенъ рисунокъ съ картины Зурланда, которой содержаніемъ послужили также донскія лошади. Картина носитъ названіе: „Конскій барышникъ на Дону“.

Настоящій рисунокъ, отчетливо сдѣланный, прекрасно передаетъ всѣ характерныя черты типа донскихъ лошадей.

М. Л.

Постройка моста черезъ Дунай и переправа части нашихъ войскъ.

Постройка моста черезъ Дунай для безостановочной переправы нашихъ войскъ съ румынскаго берега этой рѣки на турецкій произведена вполнѣ удачно, даже по отзывамъ иностранныхъ корреспондентовъ, обыкновенно представляющихъ наши сооруженія въ невыгодномъ свѣтѣ. Сначала была окончена постройкою та часть моста, которая соединяетъ румынскій берегъ съ однимъ изъ острововъ Дуная, покрытыхъ растительностью.

Нашъ первый рисунокъ изображаетъ работы понтонныхъ партій, представляющіяся въ полномъ ходу. Дѣлаются приспособленія для взаимнаго сцѣпленія понтоновъ, приготовлены запасные плоты и проч.

Второй рисунокъ представляетъ переправу черезъ Дунай одного изъ нашихъ пикетовъ, въ мѣстности между Браиловымъ и Галацемъ.

Первая переправа черезъ Дунай части нашихъ войскъ, по повелѣнію Великаго Князя Главнокомандующаго, совершена генераломъ Циммерманомъ 10-го іюня съ блестящимъ успѣхомъ. Рисунки, изображающіе переправу нашихъ войскъ черезъ Дунай будутъ помѣщены въ слѣдующемъ № „Нивы“, съ надлежащимъ описаніемъ подробностей переправы.

Журжа и Рущукъ.

(Письмо нашего корреспондента).

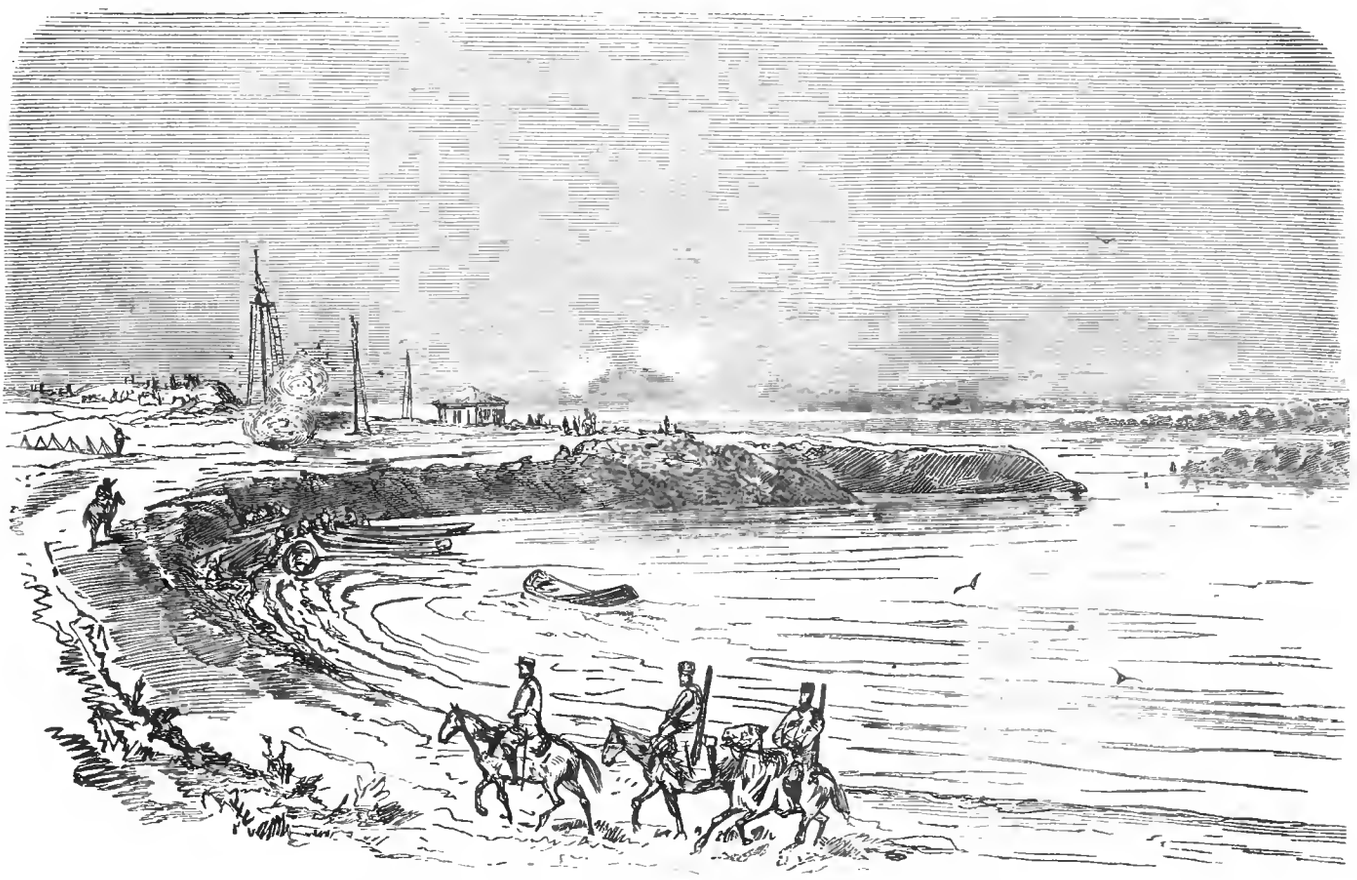
1—7 іюня 1877 г.

Окрестности Журжи, а равно и городъ этотъ въ настоящую минуту самый интересный пунктъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Вотъ вамъ прежде всего общій очеркъ позицій, окружающихъ Рущукъ. Я былъ въ немъ три мѣсяца тому назадъ, когда еще война не была объявлена, впрочемъ, наканунѣ ея объявленія, и долженъ отдать туркамъ полную справедливость —они съ пользою для себя употребили это короткое время. Самъ по себѣ городъ съ его крѣпостными оградами не представлялъ бы теперь особыхъ затрудненій противнику, особенно при настоящемъ, высоко-усовершенствованномъ состояніи артиллеріи; но вокругъ города, расположеннаго на довольно высокомъ, почти обрывистомъ берегу Дуная, тянется рядъ холмовъ, господствующихъ надъ остальною мѣстностью, и эти-то холмы послужили для турокъ главнѣйшимъ основаніемъ обороны. На ихъ вершинахъ непріятель, подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ, возвелъ цѣлую систему отдѣльныхъ фортовъ, взаимно обороняющихъ другъ друга. Эти форты прочною цѣпью опоясываютъ городъ съ востока, юга и запада; съ сѣвера они плотно прилегаютъ къ Дунаю. Главный пунктъ всей оборонительной линіи, безспорно,—фортъ Левавъ-Табія, защищающій Разградскую дорогу, обстрѣливающій почти всѣ подступы къ городу, вооруженный колоссальными орудіями. Это нѣчто въ родѣ Малахова кургана Рущука. Онъ для турокъ все—и съ его потерею долженъ пасть и самъ Рущукъ, иначе съ баттарей этого форта, если бы онъ былъ взятъ осаждающими, можно и городъ, и его ограды въ одинъ день обратить въ груду развалинъ. Турки это очень хорошо сознаютъ, они сознавали это когда еще вся оборонительная система была только въ проектѣ, и въ постройкѣ Леванъ-Табія приложили все свое стараніе. Фортъ этотъ превосходно виденъ съ нашего, журжинскаго берега, онъ обращенъ сюда своею горжею и бѣлый фронтъ его центральной казармы отчетливо такъ отдѣляется отъ глинисто-желтоватыхъ линій брустверовъ и гласисовъ. Лѣвѣе его, на смежномъ холмѣ, виденъ другой тоже довольно сильный фортъ, Неджибъ-Табія, далѣе фортъ Эюбъ-Табія, за нимъ, нѣсколько подальше, длинная баттарея съ закругленными флангами—Топъ-Нанаджи и потомъ, смыкаясь съ берегомъ Дуная

Библиотека "Руниверс"

и еще далеко протягиваясь параллельно рѣкѣ, идетъ связанная звеньями линія баттарей и мелкихъ укрѣпленій. Съ другой стороны, фланкируя подступы къ Леванъ-Табія, уже на другомъ берегу рѣки Лома, впадающей въ Дунай, немного выше Рущука, тоже на гребнѣ холма, стоитъ фортъ Ломъ-Табія и за нимъ опять линія баттарей и ложементовъ. Эти-то выросшія въ три мѣсяца твердыни и составляютъ главный оплотъ Рущука, главную надежду защищающаго его гарнизона. Мѣст-

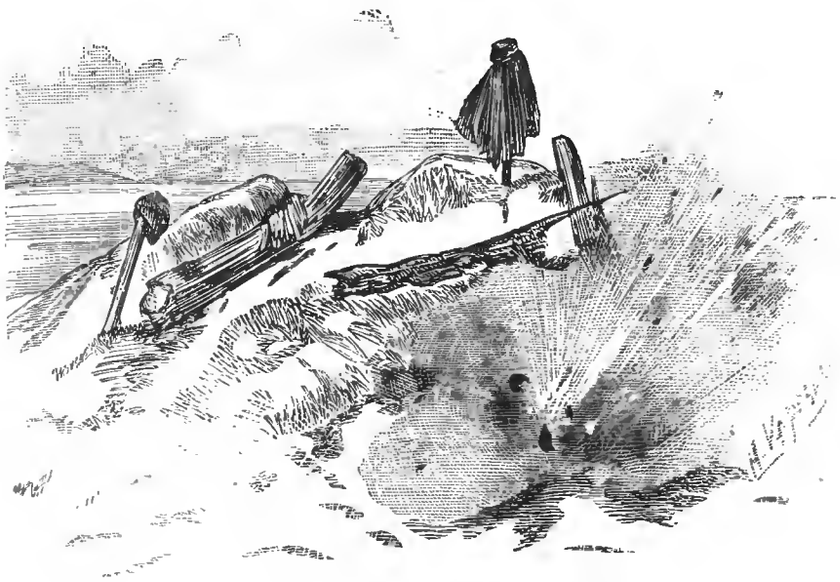
Обстрѣливаніе изъ казачьихъ орудій острова, занятаго турками. Ориг. рис. Н. Каразина.



Мысъ Маларошъ и турецкая баттарея. Ориг. рисун. Н. Каразина.

Библиотека "Руниверс"

ность вокругъ города сильно гориста и покрыта рѣдкою растительностью, сгруппированною мѣстами въ нѣчто въ родѣ отдѣльныхъ садиковъ; тамъ въ топи деревьевъ, въ массахъ зелени, ярко блестятъ на солнцѣ ряды коническихъ палатокъ турецкихъ войскъ, расположенныхъ лагеремъ между фортами.



Баттарея, упорно хранящая молчаніе на вражескіе выстрѣлы. Ориг. рис. Н. Каразина.

Отважные пловцы, вызывающіе выстрѣлы турокъ изъ секретныхъ засадъ. Ориг. рис. Н. Каразина.

Лагерь и бивуакъ пластуновъ. Ориг. рис. Н. Каразина.

Самъ городъ со стороны Журжи виденъ не довольно ясно, онъ скрытъ за островами, поросшими кустарникомъ и деревьями, видно только нѣсколько болѣе выдающіяся зданія, сплошная масса черепичныхъ крышъ и стройные шпили многочисленныхъ минаретовъ. Лѣвѣе, нѣсколько на отлетѣ, верстахъ въ двухъ отъ города, но еще въ чертѣ внѣшнихъ его укрѣпленій, видны домики—низкія зданія подъ красною желѣзною крышею, это желѣзнодорожныя мастерскія на линіи Рущукско-Варнской желѣзной дороги. Они отдѣляются отъ города сплошною массою садовъ, раскинувшихся на самомъ берегу. Вотъ вамъ и вся панорама Рущука и его окрестностей, какъ она представляется съ *нашего* берега. Я говорю съ нашего потому, что Журжа и ея окрестности заняты нашими войсками —и по всему протяженію этого берега идутъ теперь спѣшныя подготовительныя работы для аттаки турецкой твердыни, имѣю-

Библиотека "Руниверс"

щей весьма важное значеніе какъ въ стратегическомъ, такъ и въ техническомъ отношеніи. О нашихъ позиціяхъ я вамъ ничего не пишу по соображеніямъ весьма очевиднымъ, я въ этомъ отношеніи могу только останавливаться чисто на внѣшнихъ явленіяхъ, на томъ, что непосредственно поражаетъ глазъ наблюдателя, и отнюдь не вдаваться ни въ какія объясненія и соображенія. Впослѣдствіи все будетъ разсказано своевременно, а теперь обращаю вниманіе на мои наброски, приложенные къ этому номеру журнала, сдѣланные мною здѣсь съ натуры, подъ живымъ впечатлѣніемъ всего, что приходится здѣсь видѣть и слышать.

Нашъ рисунокъ изображаетъ Малорошскій мысокъ, въ пяти верстахъ отъ Журжи ниже по Дунаю. На немъ расположенъ наблюдательный постъ и строилась небольшая баттарейка, на всякій случай; здѣсь и прежде былъ сторожевой пунктъ румынской пограничной стражи. Домикъ румынскихъ граничаръ и до сихъ поръ сохранился, не смотря на огонь турецкой баттареи, на противоположномъ берегу у селенія Маротика; этотъ домикъ ясно виденъ на нашемъ рисункѣ; лѣвѣе его наши казаки, непривыкшіе къ караулкамъ подобнаго рода, построили свою, по своему обычаю, вышку, какія строятся на Кавказѣ. Это просто высокій козелъ съ площадкою на верху и порубленнымъ бревномъ вмѣсто лѣстницы. Вотъ вамъ и вся Малорошская позиція. Лагерь отряда, прикрывающаго позицію, былъ расположенъ тутъ же, но потомъ, когда турки хорошо пристрѣлялись, былъ отведенъ нѣсколько подальше, въ лощину, чтобы не терпѣть напрасной потери въ людяхъ. На дняхъ ночью раздалась страшная канонада съ Маротикской турецкой баттареи и даже ружейные залпы съ того берега и опушки прилегающихъ къ нему островов. Тотчасъ же къ Малорошу двинуто было подкрѣпленіе, но тревога оказалась совершенно напрасною. Дѣло въ томъ, что турецкіе часовые съ острова замѣтили легкое движеніе на лодкахъ вдоль нашего берега—это наши саперы, пользуясь темнотою, оттаскивали лодки съ открытаго мѣста въ небольшую бухту. Турки вообразили, что готовится переправа и открыли страшный огонь, который могъ бы быть весьма убійствененъ, если бы ихъ баттареи и ружейные залпы не поражали только пустое пространство. Часа два съ половиною неистовствовали непріятельскія орудія и даромъ растерявъ на воздухъ громадное количество дорого стоющихъ снарядовъ, наконецъ, къ разсвѣту, успокоились. Тогда начальникъ отряда, генералъ Скобелевъ, желая узнать, занимаютъ ли еще турецкія войска островъ, приказалъ выдвинуть на гребень берега два легкихъ казачьихъ орудія и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ гранатами. Первые снаряды лопнули, не долетѣвъ до острова, и разорвались въ воздухѣ, слѣдующіе какъ разъ по кустамъ, обсыпавъ ихъ своими осколками. На этотъ вызовъ островъ безмолвствовалъ, значитъ, турки отступили оттуда на матерой берегъ. Отрядъ нашъ спокойно занялъ свои прежнія бивуачныя позиціи, и вся ночная тревога, съ пальбою поднятая турками противъ Малороша, не вынесла изъ нашихъ рядовъ ни одного убитаго, даже раненаго.

На Малорошскомъ биваукѣ, съ казачьимъ полкомъ Донского войска, между прочимъ расположились бивуакомъ гости съ черноморскаго побережья, стяжавшіе себѣ давно уже громкую боевую славу своими охотничьими, молодецкими подвигами, отличавшіеся особенно при защитѣ Севастополя въ Крымскую кампанію. Я говорю о пластунахъ. Бивуакъ ихъ рѣзко отличается отъ другихъ своею оригинальностью и простотою. Привыкшіе ко всякимъ невзгодамъ и лишеніямъ, пластуны умѣютъ устраиваться просто и комфортабельно съ самыми скудными на то средствами; бурка для пластуна замѣняетъ въ этомъ случаѣ все. Уже самъ рисунокъ, набросанный мною съ натуры, наглядно показываетъ, какъ умѣютъ пластуны примѣняться ко всѣмъ случайностямъ бивуачной жизни. Вооружены они ружьями и, конечно, пѣши, такъ какъ, хотя они и казаки, но кони для нихъ совершенно лишни. Надо удивляться только ихъ умѣнью примѣняться къ мѣстности, пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для неожиданнаго нападенія, добывать свѣдѣнія и терпѣливо лежать гдѣ нибудь въ засадѣ, по горло въ водѣ, окруженными миріадами комаровъ и мошекъ и лежать въ продолженіе часто всей ночи, отъ заката солнца до разсвѣта. Эти люди усвоили себѣ всѣ качества хищныхъ звѣрей. Кстати, у нихъ крайне развиты звукоподражательныя способности. Этими способностями пластунамъ не разъ приходилось маскировать свое присутствіе. Лежатъ два-три такихъ пластуна въ болотѣ, притаившись въ густой осокѣ и вы не отличите ихъ голосовъ отъ окружающаго ихъ лягушечьяго хора: протянетъ руку пластунъ, пошлепаетъ по водѣ ею, крикнетъ—и голову готовъ прозакладывать, что это вскрикнула и встрепенулась мирно почивавшая на водѣ утка. Вѣчно оборванные, грязные, въ своихъ старыхъ, заношенныхъ до-нельзя черкескахъ и буркахъ, пластуны ничѣмъ не отличаются по внѣшнему виду своему отъ настоящихъ черкесовъ и воображаю, какъ часто намѣрены они пользоваться въ настоящую кампанію этимъ обстоятельствомъ и извлекать изъ него необходимыя для нихъ выгоды. Отрядъ пластуновъ присланъ сюда спеціально для развѣдочной службы на Дунаѣ и, надо отдать имъ справедливость, успѣли уже ознаменовать свое присутствіе здѣсь рядомъ отважныхъ эпизодовъ, всегда носящихъ нѣсколько юмористическій характеръ. Надо, напримѣръ, пластунамъ освѣдомиться, въ какихъ именно пунктахъ засѣли турецкіе часовые. Самое лучшее для этой цѣли—это вызвать ихъ на выстрѣлы и тѣмъ обнаружить свое присутствіе—да вызвать, кромѣ того, не подвергая ни малѣйшей опасности самихъ вызывающихъ. Это пластуны практиковали нѣсколько разъ такъ: устраивалась фантастическая лодка, просто какое-нибудь бревно или негодная водопойная, къ этому бревну изъ сноповъ и фашиннику прилаживались фантастическіе же гребцы и весь снарядъ тихо спускался по теченію. Ночью вся эта штука выходитъ необыкновенно эффектна—снарядъ до такой степени похожъ на дѣйствительную лодку съ живыми гребцами, что обмануться ничего нѣтъ легче. Тотчасъ же всѣ скрытые до сихъ поръ посты турецкіе, такъ называемые *секреты*, не устоявъ отъ искушенія послать пулю въ отважныхъ пловцовъ, открываютъ огонь, а пластунамъ только этого и нужно, расположеніе турецкой цѣпи становится для нихъ совершенно яснымъ и они начинаютъ принимать другія мѣры, соотвѣтствующія этому расположенію. Кубанцы, ихъ сосѣди—тѣ ухитряются вызывать даже огонь баттарей турецкихъ по фальшивымъ цѣлямъ. Они, напримѣръ, недалеко отъ дороги, ведущей отъ Журжи къ Слободзкѣ—построили цѣлую баттарею, привлекшую на себя не малое число турецкихъ ядеръ и бомбъ, но упорно хранившую молчаніе на эти враждебныя выстрѣлы. Это та самая баттарея, которую *„якобы послѣ сильнаго боя турки заставили замолчать“*, какъ сказано въ донесеніи Рифата-паши константинопольскому военному совѣту. Устройство этой баттареи и ея грозныхъ орудій отчетливо и ясно видно на приложенномъ рисункѣ.

Забавами подобнаго рода наши аванпосты противъ позицій Рущука занимаютъ и разнообразятъ свое время въ ожиданіи событій болѣе крупныхъ, канунъ которыхъ мы переживаемъ въ настоящую минуту.

Н. Каразинъ.

Первое свиданіе.

(Рисунокъ съ картины Рюдо).

Сюжетомъ для настоящей картины художникъ избралъ сценку изъ жизни художниковъ-же. Быть можетъ, онъ самъ, будучи авторомъ картины, былъ въ то же время ея героемъ. Сюжетъ картины, какъ видитъ читатель, весьма незамысловатъ и тѣсно замыкается въ предѣлахъ изображенія того момента душевнаго состоянія, какое выражается на лицахъ молодого человѣка и дѣвушки, съ перваго-же свиданія почувствовавшихъ другъ къ другу привязанность. Задача, при видимой простотѣ сюжета картины, все-таки весьма не легкая для художника, не легкая потому, что слишкомъ тонки и трудно уловимы для наблюденія тѣ душевныя движенія, которыя испытываются въ подобныхъ случаяхъ. На этотъ разъ нельзя не признать въ картинѣ г. Рюдо большихъ достоинствъ собственно въ томъ отношеніи, что она даетъ весьма точное и опредѣленное понятіе о душевномъ состояніи дѣйствующихъ лицъ. Въ этомъ случаѣ названіе картины „Первое свиданіе“ оправдываетъ само себя. Разумѣется, что слова „первое свиданіе“ въ настоящемъ случаѣ должны быть понимаемы въ томъ значеніи, какое имъ придается при разговорѣ о молодомъ человѣкѣ и дѣвушкѣ, почувствовавшихъ расположеніе другъ къ другу. Сюжетъ картины всего скорѣе основанъ на обстоятельствахъ слѣдующаго рода.

Молодой человѣкъ, художникъ, уставшій во время своихъ путешествій „на натуру“, забрелъ въ случайно встрѣтившійся домъ, быть можетъ, руководимый только одною цѣлью—попросить стаканъ воды. Онъ былъ увѣренъ, что выйдетъ изъ этого дома такимъ же счастливымъ, беззаботнымъ, какимъ входилъ въ него. Случилось, какъ видно нѣчто совершенно неожиданное. Молодая дѣвушка такъ привѣтливо его встрѣтила, такъ мелодиченъ и полонъ прелести показался ему ея голосъ, что онъ не могъ не сдѣлать ей лишняго вопроса, казалось бы даже неумѣстнаго въ разговорѣ „о стаканѣ воды“. Вопросъ вызвалъ отвѣтъ, вызвавшій въ свою очередь новый вопросъ и т. д., и кто знаетъ, къ чему новелъ въ концѣ концовъ этотъ разговоръ. Можетъ быть, эта случайная встрѣча повліяла на всю послѣдующую жизнь молодого человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только мысленнымъ окомъ оглянуть каждому изъ насъ свое прошедшее, чтобы убѣдиться въ томъ, на сколько въ нѣкоторыхъ случаяхъ событія роковымъ образомъ управляютъ нами.

Л.

Политическія и военныя извѣстія.

Блестящая и славная побѣда одержана нашими доблестными войсками на Закавказскомъ театрѣ войны! Баязетъ, въ крѣпости котораго слишкомъ 3 недѣли былъ запертъ нашъ гарнизонъ, геройски державшійся, отвергшій недавно надменное требованіе предводителя курдовъ Гуссейна-паши—Баязетъ освобожденъ отъ осады. Обстоятельства этого славнаго дѣла пока из-

Библиотека "Руниверс"

ложены въ телеграммѣ кратко, а именно, сказано такъ: «Генералъ Тергукасовъ разбилъ и разсѣялъ 13-тысячный отрядъ турецкій, окружавшій Баязетъ. Нами взято до 100 плѣнныхъ и 4 орудія». Чтобы привести въ нѣкоторую связь это славное дѣло съ предшествовавшими событіями, приведемъ тѣ обстоятельства, о которыхъ сообщили намъ оффиціальныя телеграммы съ Закавказскаго театра войны отъ 27-го іюня. Отрядъ генерала Тергукасова двинулся отъ *Даяра* къ *Сурпъ-Ованесу*, при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, потому что онъ вынужденъ былъ принять на себя охрану до 3,000 семействъ, бѣжавшихъ изъ селеній Алашкертской долины отъ неистовствъ баши-бузуковъ и курдовъ, которые *вырѣзали въ этой долинѣ цѣлыя селенія*, напомнивъ тѣмъ прошлогоднюю болгарскую рѣзню. Слѣдовательно, генералъ Тергукасовъ долженъ былъ двигаться къ Сурпъ-Ованесу медленно. Это обстоятельство дало возможность непріятельской пѣхотѣ и кавалеріи безнаказанно слѣдить за нашими войсками и тревожить нашъ арріергардъ. Изъ Сурпъ-Ованеса Тергукасовъ намѣревался двинуться къ Баязету. Но въ Сурпъ-Ованесѣ онъ долженъ былъ остановиться, чтобы обезпечить участь больныхъ, раненыхъ и переселенцевъ. Для этой цѣли генералъ притянулъ къ себѣ кавалерію и повернулъ черезъ *Карапероійскій перевалъ* на *Игдыръ*, куда онъ и прибылъ 23 числа. Пополнивъ въ Игдырѣ свои военные запасы, отрядъ Тергукасова, 26-го числа утромъ, двинулся изъ Аргача къ Баязету, куда еще наканунѣ, т. е. 25-го іюня, выступила колонна генерала Калболай-хана. Послѣ этого до какой степени комичнымъ представляется сообщеніе турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ представителямъ Порты при иностранныхъ дворахъ. Г. министръ хвастливо и высокомѣрно сообщилъ, что *область Баязета уже совершенно очищена отъ русскихъ* (!?), что нѣсколько сотъ русскихъ окружено было въ Баязетскомъ округѣ и имъ предложено было сдаться, что сдача русскихъ *ожидается ежеминутно*». Это сшитое изъ яркихъ лохмотьевъ чисто-восточное хвастовство теперь уже само себя наказало. Еще разъ образованный міръ увѣрится, что турецкое вранье и хвастовство возрастаетъ пропорціонально опасности собственнаго положенія...

О дѣлахъ же надъ Карсомъ мы знаемъ, по настоящую минуту слѣдующее:

Изъ Александрополя Его Высочество Главнокомандующій Кавказскою арміею телеграфировалъ отъ 27-го іюня, что генералъ Лорисъ-Меликовъ, получивъ свѣдѣніе о движеніи почти всѣхъ силъ Анатолійской арміи Мухтара-паши съ высотъ *Саганлугскаго* хребта къ Карсу, призналъ необходимымъ достанить своимъ войскамъ возможность большой подвижности подъ этой крѣпостью, и для этого, прекративъ на время бомбардированіе Карса, отправилъ осадныя орудія въ *Кюрюкъ-Дара* и Александрополь и затѣмъ сосредоточилъ большинство своей кавалеріи у *Хаджи-Вали* на прикрытіе сообщенія, а пѣхоту—у селенія *Заимъ*. Мухтаръ-паша, съ своей стороны, извѣстилъ свое правительство телеграммою (отъ 6-го іюля по нов. стилю), что турецкая армія стала на разстояніи 5-ти часовъ пути отъ Карса, что дорога къ этой крѣпости свободна и что русскія войска отступили за Карсъ.

— Генералъ Семека телеграфировалъ, что 27 іюня, въ 11 часовъ утра, 4 непріятельскіе броненосца открыли бомбардировку по *Евпаторіи* (приморскій городъ этотъ находится на западномъ берегу Крымскаго полуострова). Бомбардировка продолжалась до 2 час. 20 мин. пополудни. Непріятелю отвѣчали съ 3-хъ-верстнаго разстоянія 6 девятифунтовыя орудія. Изъ выпущенныхъ этими орудіями 36 гранатъ 6 разорвались удачно. Непріятелемъ выпущено 62 снаряда, которые или не долетали или перелетали черезъ наши войска. Нѣкоторые изъ снарядовъ попали въ городъ и на набережную, но безвредно. Потерь нѣтъ и вообще въ городѣ спокойно. Послѣ неудачнаго бомбардированія, непріятельская эскадра ушла въ море.

По восточному берегу Чернаго моря за прошлую недѣлю дѣла наши тоже были удачны. Турки пытались сдѣлать высадку въ Николаевскѣ, но при появленіи нашего резерва снова сѣли на суда. Со скопищами мятежныхъ абхазцевъ было также удачное дѣло. Такъ, скопища этихъ мятежниковъ, направившіяся было на верховья рѣчки *Гализги*, въ обходъ нашего праваго фланга, были разбиты и съ большимъ урономъ отброшены за Гализгу. Затѣмъ, 18 іюня, изъ нами съ боя селеніе *Асахо*, главный оплотъ мятежниковъ. Въ это же время полковникъ Батьиновъ выбилъ мятежниковъ изъ укрѣпленной позиціи близь *Изаксортъ*, причинивъ имъ большія потери. Съ другой стороны, если вѣрить турецкимъ телеграммамъ (а кто жь имъ теперь станетъ вѣрить, послѣ хвастовства о Баязетѣ?), то у Батума творится что-то такое побѣдоносное для турокъ. Изъ Батумаде была произведена рекогносцировка высотъ, занятыхъ русскими. Утромъ (т. е. 28 іюня), продолжаетъ телеграмма, происходила артиллерійская и пѣхотная свалка, въ которой русскіе *отступили*, потерявъ 50 человѣкъ! Далѣе, сдѣлано-де было нападеніе на русскую пѣхоту и кавалерію турецкою морскою артиллеріею и дессантными войсками, причемъ русскіе были отбиты съ большими потерями и проч., все въ томъ же родѣ. На самомъ дѣлѣ, можетъ быть, дѣло ограничивалось сожженіемъ запасовъ лѣса и проч., о чемъ, въ своемъ побѣдоносномъ увлеченіи проговаривается и сама константинопольская телеграмма. Извольте согласить всѣ неудавшіяся турецкія высадки, недавнюю жалкую попытку бомбардировать Евпаторію (попытку, о которой сказано выше) съ славнымъ батумскимъ подвигомъ.

На Дунайскомъ театрѣ войны прошлая недѣля тоже ознаменована для насъ, русскихъ, блестящимъ молодецкимъ подвигомъ нашихъ войскъ, происшедшимъ 25 іюня. Генералъ Гурко съ одною кавалеріей и 16-ю конною баттареею напалъ на *Тырново* (или Трнова—Терново), крѣпость, лежащую какъ разъ на стратегическомъ пути чрезъ Габрову на Казанлыкъ къ Балканамъ. Генералъ Гурко взялъ крѣпость съ бою, и заставилъ 3,000 низама съ баттареею и редифъ, число котораго неизвѣстно, отступить къ *Османъ-Базару* (значительно къ сѣверо-востоку отъ Тырнова). При этомъ блестящемъ дѣлѣ особенно отличились гвардейскій полуэскадронъ и 16-я конная баттарея. Въ добычу намъ достались турецкій лагерь, патронные ящики и обозъ. Незадолго передъ этимъ, какъ-бы въ предвѣстіе этого блестящаго дѣла наши стародубскіе драгуны заняли *Бѣлу*; въ тотъ же день, на рѣкѣ *Янтрѣ* наши казаки и ахтырскіе гусары схватились съ черкесами и разсѣяли ихъ. Янтра впадаетъ въ Дунай справа къ востоку отъ Систова; на ней значительно къ югу отъ ея устья лежитъ и крѣпость Бѣла. Теперь уже есть извѣстіе, что значительные отряды нашихъ войскъ перешли Янтру на сѣверъ отъ Бѣлы, противъ Кокара-Монастыря, и въ этомъ пунктѣ ожидаютъ сраженія. Главнѣйшія событія не замедлятъ показать, насколько это вѣрно. Во всякомъ случаѣ послѣдствія взятія нашими войсками Тырнова громадно важны. Этимъ мы оттѣснили турецкія силы къ ихъ знаменитому оборонительному четыреугольнику крѣпостей *Шумла-Варна-Рущукъ-Силистрія* (объ этомъ четыреугольникѣ мы имѣли случай говорить прежде). Въ этихъ пунктахъ турки сосредоточатъ и дѣйствительно сосредоточиваютъ уже теперь свои силы. Въ этомъ мѣстѣ Абдулъ-Керимъ, говорятъ, думаетъ дать намъ генеральное сраженіе. До сихъ поръ извѣстно, что число турецкихъ войскъ въ упомянутомъ четыреугольникѣ простирается до 165,000 человѣкъ. Но число это непрерывно увеличивается, посредствомъ производящагося теперь набора солдатъ въ Турціи, который долженъ доставить въ 6 недѣль 140,000 человѣкъ для дѣйствія противъ нашей Дунайской арміи, и эта вновь собранная 140,000 армія будетъ сосредоточена въ проходахъ верхняго и средняго балкановъ. Стало быть, 165,000+140,000=305,000 сосредоточится въ восточной области Дуная. Изъ Босніи и Герцеговины турецкія войска отзываются даже изъ блокгаузовъ. Въ Албаніи турецкіе гарнизоны останутся лишь въ Спужѣ и Подгорицѣ. Нападеніе на Черногорію послѣ перехода нашего черезъ Дунай уже не входитъ въ планы турокъ. Въ самой Албаніи останутся только гарнизоны; лучшія же войска вызываются оттуда и сосредоточиваются у Ниша и Явора. Вообще вскорѣ послѣ нашего перехода черезъ Дунай, Турція начала вооружаться съ крайними усиліями. Недавно, по требованію Абдулъ-Керима-паши всѣ свободныя войска отправились изъ Константинополя въ *Варну*, приморскую крѣпость, составляющую одинъ изъ важныхъ угловъ четыреугольника. Султанская гвардія тоже уже перевезена на театръ военныхъ дѣйствій, частью въ Варну, частью въ Шумлу. До какого лихорадочнаго возбужденія дошло теперь султанское правительство видно уже изъ того, что существуетъ твердое намѣреніе возвратить извѣстнаго изгнанника Митхада-пашу и пригласить на турецкую государственную службу извѣстнаго венгерца Кошута. Затѣмъ, по послѣднимъ телеграммамъ изъ *Каттаро*, извѣстно, что магометанское населеніе Албаніи и Эпира вооружено и организовано въ Ландштурмъ. Далѣе, болгарскіе проходы весьма тщательно укрѣпляются. Особенно это нужно сказать о 4-хъ изъ нихъ: *Селимно*, (или Сливно) *Ямбали, Грабовъ и Казанлыкъ*. Селимно и Ямболи укрѣплены 7-ю, Грабово и Казанлыкъ 9-ю батальонами *). Засѣвшія въ этихъ проходахъ турецкія войска почти исключительно состоятъ изъ солдатъ ландвера и добровольцевъ. Гдѣ удобнѣе суждено будетъ перейти нашимъ мужественнымъ войскамъ Балканы—покажутъ сами событія. Фанатическій врагъ будетъ, конечно, здѣсь биться съ нами съ крайними усиліями на животъ и на смерть, но, конечно, онъ встрѣтитъ ту-же стойкую, желѣзную грудь русскаго солдата, какую встрѣтилъ при переходѣ черезъ Дунай, Тырновѣ, Ардаганѣ, Баязетѣ и проч. О нашемъ взятіи Тырнова Константинопольскія телеграммы извѣстили, однако, по своему. Тырново взятъ потому, что не былъ укрѣпленъ (!!) и что наши войска задержаны по направленію къ *Плевнѣ* (къ юго-западу отъ Систова) и монастиришти

По послѣднимъ извѣстіямъ Абдулъ-Керимъ-паша поспѣшно соединяетъ свои разрозненныя войска съ тѣмъ, чтобы противопоставить намъ въ полѣ (между Янтрою и четвероугольникомъ) армію въ 90,000 человѣкъ. Въ виду важности этого рѣшенія, въ армію ожидаютъ со дня на день пріѣзда самаго Султана.

Около Плевны, какъ говорятъ, недавно происходило большое сраженіе. Если слухъ объ этомъ подтвердится, то здѣсь вѣроятно, наши войска, идя по дорогѣ изъ Этрополя къ Балканамъ встрѣтили турокъ.

— Изъ Константинопольскаго населенія формируется 6 батальоновъ волонтеровъ съ цѣлью усиленно защищать Балканскіе проходы. Носятся слухи, что наконецъ состоится и переправа Румынской арміи черезъ Дунай около Калафата въ *двухъ* мѣ-

*) См. спеціальн. телеграм. «St.-Petersb. Herold».

Библиотека "Руниверс"

стахъ. Утверждаютъ, что князь Карлъ самъ будетъ командовать войсками во время переправы. Далѣе есть извѣстіе, хотя окончательно не подтвердившееся, что Сербско-Румынскій союзъ, о которомъ много говорили, не состоится, и что Румынская арміи начнетъ военныя дѣйствія одна. Другіе говорятъ—на оборотъ. Вообще считаютъ вѣроятнымъ, что заключеніе этого союза рѣшительно зависитъ отъ засѣдающей теперь Скупщины. Эта послѣдняя рѣшительно расположена къ союзу только съ Россіей.

— Но нотъ что представляется крайне курьезнымъ. Лишь только Австрія получила свѣдѣніе о томъ, что Сербія твердо рѣшилась взяться за оружіе, какъ графъ Андраши сообщилъ нашему послу въ Вѣнѣ, г. Новикову, что Австрія немедленно займетъ войсками сербское княжество?.. Такимъ образомъ сокровенныя-то помышленія и начинаютъ разоблачаться?..

Вотъ и еще новость, обязанная происхожденіемъ все-таки Вѣнѣ. Одна изъ послѣднихъ спеціальныхъ телеграммъ «St.-Petersb. Herold'a» сообщаетъ, что «въ Вѣнѣ пущены въ ходъ крайне странные слухи о попыткахъ *заключить* миръ». Съ чьей стороны эти попытки—объ этомъ «слухъ» благоразумно умалчиваетъ. Но всякому веингерцу понятно, что попытки эти идутъ со стороны Россіи—какъ же иначе? Слухи эти являются—и все въ Вѣнѣ и, конечно, сначала на биржѣ,—не въ первый, а чуть ли не въ третій разъ. Исходятъ они, конечно, отъ вѣнскихъ биржевыхъ спекулянтовъ, затѣмъ поддерживаются всѣми желающими унизить Россію!..

— Положеніе великаго визиря Эдхема-паши, какъ сообщаютъ послѣднія телеграммы, сдѣлалось крайне шаткимъ, вѣроятно въ виду ожидаемаго возвращенія Митхада-паши. Извѣстный туркофилъ, уполномоченный Англіи въ Константинополѣ, г. Лейярдъ, особенно хлопочетъ объ этомъ возвращеніи. По его же настоянію глава старо-турокъ, Редифъ-паша, удаленъ въ Шумлу, якобы для производства слѣдствія надъ главнымъ штабомъ дѣйствующей арміи, а на самомъ дѣлѣ, чтобы безъ Редифа-паши, свободнѣе дѣйствовать въ излюбленномъ направленіи.

— Англійскій флотъ, давно уже перешедшій изъ Пирея въ Безикскую бухту, пребываетъ тамъ и теперь, и еще, говорятъ, будетъ усиленъ присоединеніемъ къ нему 4-хъ весьма сильныхъ броненосцевъ. Въ англійской Палатѣ Общинъ уже сдѣланы были оппозиціей запросы о причинѣ стоянки флота въ Безикской бухтѣ. На это канцлеръ казначейства, сэръ Норскотъ, далъ отвѣтъ весьма неопредѣленный и, наконецъ, разъяснилъ, что въ послѣднее время съ державами не было установлено никакого соглашенія относительно операцій флота на Востокѣ.

— Во Франціи Макъ-Магонъ за послѣднее время значительно измѣнилъ свой образъ дѣйствій; надѣвъ покрывало скромности, онъ поздравилъ папу съ юбилеемъ его епископства и этимъ привелъ въ восторгъ клерикаловъ.

— Отъ 3-го іюля изъ Тернова Его Высочество телеграфировалъ Государю Императору.

Имѣю счастіе поздравить съ переходомъ чрезъ Балканы передового отряда войскъ Вашего Величества. Переходъ совершился 1-го іюля, въ 5½ часовъ вечера, безъ выстрѣла. Вчера же, 2-го числа, въ 2 часа дня, генералъ Гурко овладѣлъ Ханкіой, который былъ занятъ 300 человѣкъ низама, застигнутыхъ врасплохъ и обращенныхъ въ бѣгство. Непріятель отступилъ къ востоку на деренню Конаро. У насъ убитъ 1 казакъ; ранены: 1 стрѣлокъ, 1 пластунъ и 3 казака.

Отъ того же числа изъ Турну-Магурелли командиръ 9 корпуса генералъ-лейтенантъ Криденеръ телеграфировалъ Государю Императору:

Имѣю счастіе донести, что Никополь у ногъ Вашего Величества, послѣ ожесточеннаго боя, длившагося вчера съ четырехъ часовъ утра до наступленія ночи. Крѣпость сдалась безусловно, сегодня, на разсвѣтѣ. Войска Вашего Величества дрались съ безпримѣрнымъ мужествомъ, овладѣвая постепенно рядами сильно укрѣпленныхъ позицій. Въ плѣнъ взято двое пашей и до шести тысячъ регулярнаго войска.

1-й заемъ 1864 года. 25-й тиражъ 1-го іюля 1877 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 18 ноября 1864 г. Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го іюля 1877 г. Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 г.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.
30	37	500	3646	22	500	7407	9	500	10984	48	500	14324	10	500	15485	13	500	17055	31	500	18465	31	500
81	31	500	3686	7	500	7479	48	500	11105	47	500	14356	23	500	15561	3	10000	17101	17	500	18559	44	500
90	6	500	3747	33	500	7487	17	500	11178	24	500	14430	15	500	15666	25	500	17127	3	500	18604	15	500
96	48	500	3772	29	500	7523	42	500	11303	29	500	14465	21	500	15774	33	500	17202	40	500	18622	38	40000
172	20	10000	3824	45	500	7541	37	500	11320	41	500	14469	31	500	15812	46	500	17283	40	500	18703	18	500
204	28	500	4023	29	500	7542	21	500	11341	24	500	14551	46	500	15902	34	500	17404	43	500	18758	46	500
216	41	500	4054	32	500	7647	9	500	11364	37	500	14552	32	8000	15919	38	5000	17489	44	5000	18868	32	500
241	44	500	4104	45	500	7686	33	500	11478	6	500	14594	25	500	15969	8	500	17497	8	500	18971	18	500
261	14	500	4144	13	500	7797	14	500	11551	10	500	14789	29	500	16004	50	500	17537	22	500	18977	30	500
306	28	500	4189	34	500	7830	38	500	11615	47	500	14878	38	500	16203	41	500	17617	36	500	19168	2	500
588	2	500	4209	44	5000	7841	33	500	11626	44	500	14953	4	500	16279	41	500	17845	1	500	19249	8	500
627	20	500	4250	10	500	7873	49	500	11647	46	500	15013	30	8000	16340	19	500	18186	20	500	19297	36	500
744	16	500	4304	1	500	8190	13	500	11700	11	500	15029	44	00	16341	26	500	18237	49	500	19361	12	500
783	45	500	4312	15	500	8246	8	530	11752	48	500	15050	18	500	16343	7	500	18263	10	500	19398	22	500
791	40	500	4495	10	500	8302	40	500	11897	43	500	15175	27	500	16349	32	5000	18303	30	500	19408	16	500
794	39	5000	4505	28	500	8305	43	500	11970	37	500	15288	12	500	16391	29	500	18324	2	5000	19640	38	500
853	42	500	4556	25	500	8306	48	200000	12074	42	500	15295	27	600	16395	46	500	18342	24	500	19774	22	500
908	12	500	4973	41	500	8354	32	500	12139	24	500	15358	38	5000	16738	12	75000	18346	21	500	19793	45	500
965	3	500	5005	39	500	8413	4	500	12236	47	500	15358	43	500	16879	24	500	18381	6	500	19832	36	500
1118	8	500	5075	11	10000	8527	26	500	12256	41	500	15391	36	500	16963	31	500	18409	26	500	19860	29	500
1137	15	500	5120	27	500	8538	25	500	12291	40	500	15434	13	500	17047	3	500	18438	14	500	19947	4	500
1199	11	500	5121	33	500	8589	42	8000	12294	33	500												
1410	31	500	5122	4	500	8642	21	500	12308	46	5000												
1424	47	500	5176	49	500	8691	24	500	12330	23	500												
1596	33	500	5231	35	500	8777	18	500	12446	44	500												
1622	22	500	5564	36	500	8804	48	500	12541	22	500												
1627	4	500	5588	30	500	8874	19	500	12558	18	500												
1638	46	8000	5618	40	500	9005	6	500	12625	23	500												
1902	5	500	5666	41	500	9018	26	25000	12639	11	500												
1905	47	500	5732	4	500	9186	46	500	12678	40	500												
1967	24	500	5757	5	500	9313	29	500	12719	20	500												
2274	37	500	5780	5	500	9313	14	500	12721	43	500												
2281	4	500	5795	5	500	9365	12	500	12890	43	500												
2434	44	500	5948	14	500	9432	5	500	12922	13	500												
2440	12	500	6048	50	500	9439	30	500	13179	20	500												
2494	7	500	6131	24	500	9507	16	500	13211	31	500												
2496	38	500	6160	4	500	9598	11	500	13284	33	500												
2523	49	500	6212	28	500	9666	23	500	13406	8	500												
2548	43	500	6258	18	500	9688	26	500	13471	23	500												
2623	17	500	6304	41	500	9774	23	500	13476	47	500												
2641	48	500	6312	17	500	9882	18	500	13695	21	500												
2778	45	500	6384	21	500	9976	38	500	13735	23	500												
2828	34	500	6556	43	500	10017	17	500	13751	27	500												
2927	2	500	6579	45	500	10256	43	500	13771	32	500												
2943	40	500	6903	47	500	10388	12	500	13775	10	500												
2951	23	500	6927	5	500	10412	7	500	13847	8	500												
2964	16	500	6966	3	500	10560	25	500	13885	3	500												
3016	22	500	7017	9	500	10614	23	500	13977	33	500												
3218	49	500	7132	50	500	10659	47	500	13989	2	500												
3227	7	500	7143	16	500	10676	36	500	14069	20	500												
3279	37	500	7193	5	8000	10806	15	500	14173	34	500												
3303	7	500	7236	49	500	10860	7	500	14193	4	500												
3578	44	500	7316	28	500	10878	6	500	14234	16	500												
3592	16	500	7397	19	500	10977	6	500	14303	24	500												

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1877 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 1-го іюля 1877 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

864, 961, 980, 1026, 1576, 2951, 3090, 3340, 3611, 3657, 3820, 4472, 4640, 4721, 4965, 5979, 6509, 6556, 7125, 7600, 8074, 8307, 8570, 8640, 8704, 9222, 9738, 9755, 10032, 10170, 11421, 11632, 11716, 12205, 12226, 12566, 12623, 12712, 12790, 13075, 13486, 14294, 14324, 15137, 15281, 15818, 15962, 17059, 17238, 17511, 17825, 17789, 18195, 18615, 19503, 19827, 19861, 19882.

Всего 58 серій, составляющія 2,900 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го октября 1877 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Командиръ 8-го армейскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Радецкій. А. Н. (съ портретомъ).—Первые шаги. (Повѣсть изъ быта провинціальныхъ чиновниковъ) Н. Соснецкаго (Окончаніе).—Муравьи, какъ рабочіе и сельскіе хозяева. Стр...—Императорская публичная библіотека въ С.-Петербургѣ. Н. (съ рисункомъ).—Роздыхъ у постояльаго двора. М. Л. (съ рисункомъ).—Постройка моста черезъ Дунай и переправа части нашихъ войскъ (съ 2-мя рисунками).—Журжа и Рущукъ (Письмо нашего корреспондента съ 5-ю рисунками) Н. Каразина.—Первое свиданіе. Л. (съ рисункомъ).—Политическія и военныя извѣстія.—Тиражъ выигрышей Государственнаго банка.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

Дозволено цензурою. СПБ. 24 Іюня 1877 г. Тип. Веймана. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 29 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к

Выданъ 18 Іюля 1877 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . .	4 р.
„ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева.	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи .	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Контора журнала «Нивы» помѣщается въ С.-Пбургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

Видъ земли съ Венеры и Луны.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей не разъ случалось задумываться надъ вопросомъ о томъ, съ какихъ изъ размѣщенныхъ въ міровомъ пространствѣ свѣтилъ можно бы было видѣть нашу землю, чтобы наглядно понять ея мѣсто во вселенной, и въ какой формѣ представляется наша земля жителямъ другихъ міровъ, или свѣтилъ, предполагая, что сознательная жизнь есть и на другихъ свѣтилахъ? Подобный вопросъ для людей, непривыкшихъ къ отвлеченнымъ научнымъ доказательствамъ,

1) Земля, видимая съ Луны. Грав. Вейерманъ.

2) Земля, видимая съ Венеры. Грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

конечно, представляется совершенно правильнымъ и законнымъ. Непосвященный въ астрономію, разумѣется, не можетъ представить себѣ—какое микроскопически-малое мѣсто занимаетъ наша планета и какое мизерное значеніе имѣетъ она въ необъятномъ пространствѣ вселенной. Попытаемся въ настоящей нашей замѣткѣ дать отвѣтъ на тотъ и другой изъ означенныхъ выше вопросовъ, насколько возможно проще и доступнѣе.

Мы уже имѣли случай въ нашемъ журналѣ (см. „Нива" 1877 г. № 7 и 13) говорить о такъ называемыхъ неподвижныхъ звѣздахъ. Теперь, для ясности, повторимъ, что подъ неподвижными звѣздами мы разумѣемъ тѣ свѣтила, которыя находятся внѣ нашей планетной системы, а изъ этого само собой вытекаетъ положеніе,—что *ни съ одного изъ этихъ неподвижныхъ свѣтилъ, предполагая, что тамъ живутъ люди, они не могутъ видѣть нашу землю.* Вѣдь самая ближая къ нашей землѣ неподвижная звѣзда все-таки находится въ такомъ разстояніи отъ насъ, которое въ 226,400 разъ больше разстоянія, отдѣляющаго землю отъ солнца. И само наше солнце, поверхность котораго въ 12,500 разъ больше поверхности земного шара, на такомъ громадномъ разстояніи показалось бы не болѣе какъ маленькою звѣздочкой. Теперь, представимъ себѣ, что наша земля совершенно изолирована въ міровомъ пространствѣ, вмѣсто того, чтобы быть включенною въ солнечную систему. Тогда самыя ближайшія къ намъ неподвижныя звѣзды не могли бы быть видимы, по причинѣ своей малости и ничтожной степени свѣта, не говоря уже о тѣхъ неподвижныхъ звѣздахъ, которыя удалены отъ насъ на большее разстояніе. Съ этихъ послѣднихъ, именно вслѣдствіе громадной ихъ отдаленности въ міровомъ пространствѣ, едва-ли даже въ формѣ, малѣйшей свѣтящейся точки, можетъ быть видимо наше солнце. Изъ всѣхъ свѣтилъ, составляющихъ нашу солнечную систему, мы могли бы только съ *трехъ* изъ нихъ (если бы мы какъ-нибудь на нихъ взобрались) видѣть нашу землю *такою же* (т. е. въ видѣ звѣзды), какими намъ представляются наибольшія изъ звѣздъ. Эти *три* свѣтила суть: *Меркурій, Венера* и *Луна.* Что касается *Марса*, то, если на немъ живутъ люди, они могутъ только догадываться о существованіи нашей земли. Можетъ быть, на Марсѣ есть свои Лапласы и Гершели, и если они есть, то, конечно, они помѣстили нашу землю въ міровомъ зданіи на подобающее ей мѣсто, соотвѣтственно ея рангу и достоинству; но достигнуть этого они могутъ только по вычисленіямъ и соображеніямъ, а не вслѣдствіе прямыхъ наблюденій.

Но за то и другія изъ главныхъ и большихъ планетъ нашей солнечной системы, безъ сомнѣнія, знаютъ о насъ столь же мало, какъ и самыя отдаленныя неподвижныя звѣзды. Если даже предположить, что на Меркуріи есть жители, размышляющіе и наблюдающіе такъ-же какъ и мы, то имъ земля должна представляться столь же блестящею и ясною звѣздой, какою намъ представляется Меркурій.

Если наблюдать нашу землю съ *Венеры*, земля представилась бы въ періоды наибольшаго приближенія къ ней Венеры (что случается каждые 584 дня) звѣздою съ гораздо большимъ блескомъ и съ бѣлымъ или голубоватымъ свѣтомъ, который долженъ представляться глазамъ жителей Венеры превосходящимъ блескъ Сиріуса и другихъ звѣздъ на сводѣ небесномъ. Въ общемъ, видъ получился бы такой, какой представленъ на прилагаемомъ нами 2-мъ рисункѣ. Рисунокъ этотъ составленъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ составляются карты неба.

Наконецъ, что касается вида нашей земли съ Луны, то онъ долженъ принадлежать къ великолѣпнѣйшимъ явленіямъ природы, какія когда-либо можно себѣ представить, потому что этотъ спутникъ нашей земли удаленъ отъ послѣдней только на разстояніе отъ 47,000 до 54,650 миль. Наша земля, при ея величинѣ и плотности и съ окружающей ее атмосферою, должна представляться жителямъ луны, если таковые есть на ней,—необыкновенно большою по размѣру и сильно и ясно освѣщенною. Нашъ 1-й рисунокъ наглядно представляетъ фигуру и величину, въ какихъ должна представляться наша земля предполагаемымъ жителямъ Луны. Наши суша и море и всѣ видоизмѣненія въ физическомъ характерѣ нашей планеты могутъ быть видимы съ Луны весьма ясно. Но жители Луны, безъ сомнѣнія, все таки находятся въ невѣдѣніи: *населена ли земля?* подобно тому, какъ мы обрѣтаемся въ такомъ же невѣдѣніи относительно Луны. До сихъ поръ было наблюдаемо воздухоплавателями интересное явленіе. Какъ скоро воздушный шаръ поднимался отъ земной поверхности на высоту 4—5000 метровъ, то изъ корзины, прикрѣпленной къ шару, наблюдателю поверхность земли представляется печально-пустынною и вымершею. Ни одного признака какого-либо движенія и звука... Явленіе почти такое же, какое мы замѣчаемъ и на поверхности Луны въ наши зрительныя трубы...

Поздно.

(Страница изъ жизни).

Я жилъ съ матушкой и сестрой, старой дѣвой. Въ ранней юности я боялся женщинъ и бѣгалъ отъ нихъ, потомъ даже и не бѣгалъ, сдѣлавшись къ нимъ совершенно равнодушнымъ. Я видѣлъ передъ собой одну только науку, жилъ только для нея, а все остальное представлялось мнѣ въ туманѣ и нисколько не занимало меня. Даже любовь къ матери и сестрѣ была какая-то безсознательная, скорѣе привычка. Никогда мнѣ въ голову не приходило, что онѣ могутъ также чувствовать, страдать, и боюсь, я ничего не сдѣлалъ для ихъ счастья. Я доставалъ имъ пропитаніе, это правда. но безъ всякихъ съ моей стороны усилій, а потому не могу и поставить себѣ этого въ заслугу. Мнѣ платили за профессуру, я бралъ деньги, но еслибы мнѣ не платили, я читалъ бы и такъ. Единственное несчастіе, которое могло бы поразить меня, это потеря каѳедры. Одинъ только разъ, въ продолженіи моей тридцатилѣтней жизни, я испыталъ живое чувство, которое волновало меня болѣе, чѣмъ я считалъ себя на то способнымъ. На послѣднемъ курсѣ я подружился съ княземъ Хозаровымъ. Странная дружба между сыномъ бѣднаго учителя и богатымъ аристократомъ; но я не искалъ этой дружбы. Мы сблизились случайно и онъ привязался ко мнѣ со всѣмъ пыломъ юношеской души. Я никогда не бывалъ у него, онъ у меня—каждый день. Онъ дорожилъ моей дружбой болѣе, кажется, чѣмъ своею жизнью; онъ безпрестанно высказывалъ боязнь потерять ее. „Профессоръ," говаривалъ онъ, (на первыхъ же порахъ нашего знакомства онъ далъ мнѣ эту кличку, и она осталась за мной) „что, если мы влюбимся въ одну и ту-же женщину, вѣдь нашей дружбѣ тогда конецъ".

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—ничего подобнаго не случится, по крайней мѣрѣ со мной; любовь—болѣзнь воображенія людей праздныхъ, а я празднымъ никогда, надѣюсь, не буду. Вотъ какія были у меня тогда убѣжденія.

Вообще, я могъ интересоваться только предметами отвлеченными, Хозаровъ же прислушивался къ жизни, и ея явленія заставляли его задумываться, но на этой почвѣ онъ не находилъ во мнѣ никакого отголоска. Не смотря на все это, онъ чуть не молился на меня. Могу сказать однакоже, что не за это я любилъ его. Въ немъ плѣняла меня та живость чувства, которой недоставало мнѣ. Онъ воспріимчивостью своею оживлялъ многое, что для меня было мертво, и тѣмъ какъ бы пополнялъ мою жизнь. Я любилъ его, какъ могъ бы любить сына, или младшаго брата, но любовь моя никакъ не могла высказаться, и онъ не разъ горько жаловался на мою холодность. Тѣмъ не менѣе эти два года, въ которые мы видались каждый день, были счастливые годы. Мы уже кончили курсъ; я остался при университетѣ, онъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Мало по малу свѣтская жизнь стала увлекать его и разъединять насъ. Не то, что бы онъ не находилъ болѣе времени для меня, нѣтъ,—онъ готовъ былъ пожертвовать безъ сожалѣнія всякимъ удовольствіемъ лишь бы быть со мной, но наши интересы стали болѣе и болѣе расходиться.

Онъ влюбился. Со свойственной его натурѣ страстностью онъ предался весь новому чувству, и естественно, что оно сдѣлалось господствующею темою его разговоровъ, а я оказался для этого предмета совсѣмъ неспособнымъ слушателемъ: я не понималъ его, и стыжусь признаться, ревновалъ его, отчего къ моимъ отвѣтамъ примѣшивалась желчность, которою онъ оскорблялся. Любовь его скоро прошла, но охлажденіе между нами осталось; когда же, однажды, онъ пришелъ блѣд-

Библиотека "Руниверс"

ный и изнуренный, сообщить мнѣ о только что проведенной имъ безпорядочной ночи, мнѣ стало противно его видѣть, и я началъ удаляться отъ него.

Вскорѣ онъ получилъ назначеніе при посольствѣ за границей и это помѣшало нашему окончательному разрыву. При разлукѣ чувства наши проснулись съ новою силою и, разставаясь, мы какъ будто стряхнули всѣ посторонніе наносы, охладившіе нашу дружбу. Мы переписывались, и всякій разъ, какъ Хозаровъ пріѣзжалъ въ П***, онъ безпрестанно бывалъ у меня. Только между нами было невысказанное, но взаимно понятое условіе. Онъ никогда не говорилъ мнѣ о чувствахъ: я былъ другъ его ума, но чужой для его сердца.

Такъ шелъ годъ за годомъ; мнѣ минуло тридцать. Не могу сказать, могло ли бы такъ длиться мое существованіе и до гроба, еслибъ не вторглось въ него обстоятельство, перевернувшее все; или такое полное спокойствіе противуестественно и не можетъ длиться: во всякомъ случаѣ, я не искалъ перемѣны,—она налетѣла на меня неожиданно, застала врасплохъ, закружила меня и...сломила.

Случилось это такъ.

У матушки была дальняя родственница, по фамиліи Макарова. Я слыхалъ отъ домашнихъ разсказы о ея безотрадной судьбѣ, о пьяномъ разгульномъ мужѣ, который доводилъ свое безобразіе до того, что даже билъ ее; слыхалъ, но забывалъ это, какъ и все остальное, не касавшееся науки, которой я служилъ. Теперь эта родственница овдовѣла, дѣла мужа ея были разстроены, возбуждены были противъ него разныя претензіи, и она пріѣхала въ П*** хлопотать. Матушка прочла мнѣ ея слезное письмо, гдѣ она извѣщала о своемъ пріѣздѣ и умоляла помочь совѣтомъ. Тогда я вспомнилъ о ея горькой жизни и понялъ, что обязанъ ей помочь.

Я пріѣхалъ по означенному адресу, позвонилъ, мнѣ отворили; я вошелъ въ гостиную. Заранѣе я представилъ себѣ, какъ я встрѣчу пожилую, болѣзненную женщину и что я скажу, чтобъ успокоить и поддержать ее. Роль утѣшителя была не въ моемъ характерѣ и мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы взять ее на себя. Когда я вошелъ, меня поразило, что вмѣсто пожилой, болѣзненной женщины, я вижу передъ собой молодую, цвѣтущую здоровьемъ дѣвушку Я зналъ, что у Макаровой есть дочь, но въ данную минуту позабылъ объ этомъ.

Вышла мать ея и мы заговорили о дѣлахъ. Я сидѣлъ у нихъ долго, стараясь сосредоточить все мое вниманіе на томъ, что говорила мнѣ старушка, но меня невольно отвлекала ея дочь; вдругъ ей понадобилось уйти, чтобъ налить мнѣ еще стаканъ чаю, и я помню, какъ мнѣ на нее за это досадно было, потому, казалось мнѣ, что она прерываетъ нашъ дѣловой разговоръ: зато второй стаканъ я тянулъ до самаго окончанія моего визита. Пріѣхавъ домой, я сообщилъ матери всѣ подробности о дѣлахъ Макаровой и очень удивилъ ее, не сказавъ ни слова о Сонечкѣ. Какъ, развѣ Анна Петровна здѣсь безъ дочери? спросила матушка. Когда оказалось, что я видѣлъ Сонечку, матушка начала было распрашивать о ней, но потомъ, махнувъ рукой, сказала: Да что это я въ самомъ дѣлѣ пристаю къ тебѣ; развѣ ты способенъ обратить вниманіе на какую нибудь женщину, ты, я думаю, даже старухи отъ молодой не съумѣешь отличить. Ахъ, Петя, Петя, смотри-ка, вѣдь на вискахъ у тебя ужъ сѣдинка пробивается, пора бы тебѣ, другъ мой, подумать о молодой хозяюшкѣ. Не вѣкъ же одному мыкаться. Это былъ любимый матушкинъ припѣвъ, и она частенько повторяла его.

А между тѣмъ я обратилъ вниманіе на Сонечку. Развѣ она была для меня женщина? Она была родственница, почти еще дѣвочка, ну, словомъ, она была Сонечка. Ей было всего шестнадцать лѣтъ, волосы у ней были темные, лице смугловатое, но съ румянцемъ, глаза славные; видно, что она добрая дѣвушка. Все это я замѣтилъ. Что-жь такое! Заставь меня цѣлый часъ смотрѣть на какую нибудь картинку, такъ вѣдь нельзя же мнѣ не разглядѣть ее.

Такъ я думалъ, и не помышлялъ, что эта встрѣча, роковая, что хорошенькая дѣвушка не картинка, и что сближеніе съ молоденькой дѣвушкой для меня новизна, а что она родственница, то тѣмъ хуже: сближеніе еще скорѣе и неизбѣжнѣе. Словомъ, я ее не боялся, не считалъ для себя опасной, а въ этомъ то и была моя гибель. Пошли безпрестанныя свиданія съ родственниками: мы у нихъ, они у насъ. Кончены мои занятія наукою, и я преспокойно приписываю это дѣламъ Макаровой, тогда какъ эти дѣла занимали у меня самую ничтожную часть моего времени. Я влюбился въ Сонечку, и не будь я свидѣтелемъ любовныхъ волненій моего друга Хазарова, я, можетъ быть, не такъ скоро бы понялъ состояніе своей души.

Сонечка! моя Сонечка! какъ вспомню я ту минуту, какъ ты застала меня за сочиненіемъ стиховъ въ честь тебя, меня тридцатилѣтняго профессора, серьезнаго, пишущаго стихи, какъ я сконфузился до того, что не догадался даже спрятать ихъ, какъ ты изъ-за плеча моего прочла ихъ и поняла, что я люблю тебя. Я сидѣлъ, какъ осужденный на казнь, ожидая, что вотъ-вотъ ты осыплешь меня насмѣшками и презрѣніемъ, а ты ласковымъ взглядомъ своимъ такъ ободрила меня. Я не помню какъ, въ какихъ словахъ, я не понимаю откуда у меня взялось столько смѣлости: я высказалъ тебѣ любовь свою. И вдругъ—о минута, которой не забуду никогда!—ты обвила мою шею рукою, заставила поднять на тебя мои смущенные глаза и мой поцѣлуй передалъ тебѣ мою душу, всю, безвозвратно!.. Я плачу, когда пишу это; зачѣмъ я не умеръ тогда! пережить такія минуты значитъ пережить свое счастье.

И вотъ года не прошло нашему знакомству и мы—мужъ и жена. Родители наши въ восторгѣ, радости моей матушки нѣтъ предѣловъ. Я даже удивился, когда увидѣлъ, что она могла такъ радоваться. Какой я до сихъ поръ былъ эгоистъ!

Между тѣмъ дѣла Анны Петровны поустроились, и она уѣхала въ деревню. Мы остались жить съ моими родными. Все, казалось, обѣщало мнѣ безпримѣрное счастье. Сонечка меня любила, характеръ у нея былъ ровный и веселый, бывало сидитъ себѣ за роботой да пѣсенки распѣваетъ. Точно птичка-пѣвунья слетѣла къ намъ съ неба, чтобы оживить наше уединеніе Мать и сестра въ ней души не чаяли. Даже то, что рѣдко бываетъ въ женщинѣ, она имѣла. Она не тяготилась моими занятіями и даже поощряла меня къ труду. Но потому именно, что счастье мое было слишкомъ велико, я не могъ пользоваться имъ вполнѣ; я трепеталъ, я боялся потерять его. Часто я предавался безпричинной тоскѣ, былъ раздражителенъ, дѣлалъ женѣ безсмысленные упреки и тѣмъ оскорблялъ ее, потомъ самъ же плакалъ, просилъ прощенія, а послѣ ненавидѣлъ себя за свою слабость. Словомъ, на вершинѣ счастья я былъ несчастливъ. Все мнѣ казалось, что жена не такъ любитъ меня, какъ показываетъ, что я и не стою такой любви. Не было ли это предчувствіе? Въ самомъ дѣлѣ, Сонечка встрѣтила меня, будучи въ томъ возрастѣ, когда дѣвушка любитъ любовь и первый попавшійся ей мущина дѣлается предметомъ ея. До встрѣчи со мною Сонечка жила въ деревнѣ и никого не видала. Все это я переворачивалъ въ умѣ своемъ и страдалъ. Опять скажу: можетъ быть, я предвидѣлъ будущее. Но что пользы въ этомъ предвидѣніи, когда оно только отравляетъ настоящее. Предотвратить грядущее не въ силахъ человѣка, хотя бы онъ и предвидѣлъ его.

Библиотека "Руниверс"

Такъ прошелъ годъ современи нашей свадьбы годъ, который могъ бы быть такъ счастливъ и который я отравилъ своими тревогами. Однако же были минуты полнаго счастія, когда я вдругъ успокоивался и видѣлъ жизнь въ настоящемъ ея свѣтѣ; но это были короткія минуты. На другой годъ я сдѣлался отцомъ и съ того дня переродился. Мнѣ казалось, что жена моя имѣетъ теперь столько оковъ, связывающихъ ее съ семьей, что для меня немыслимо болѣе потерять ее. Я успокоился и ожилъ, не замѣчая, что стою на краю ямы, которую выкопалъ себѣ самъ. Мнѣ несчастному и въ голову не приходило, что въ невинномъ сердцѣ жены моей, получавшей безпрестанные, ничѣмъ не заслуженные упреки, могло накопиться много желчи, которая должна была имѣть исходъ такъ или иначе. Однимъ словомъ, я накликалъ несчастье и оно пришло.

Сонечка, послѣ рожденія малютки, еще болѣе расцвѣла и похорошѣла. Меня не злили болѣе завистливые взгляды, которые бросали на нее мущины, когда мы гуляли вмѣстѣ.

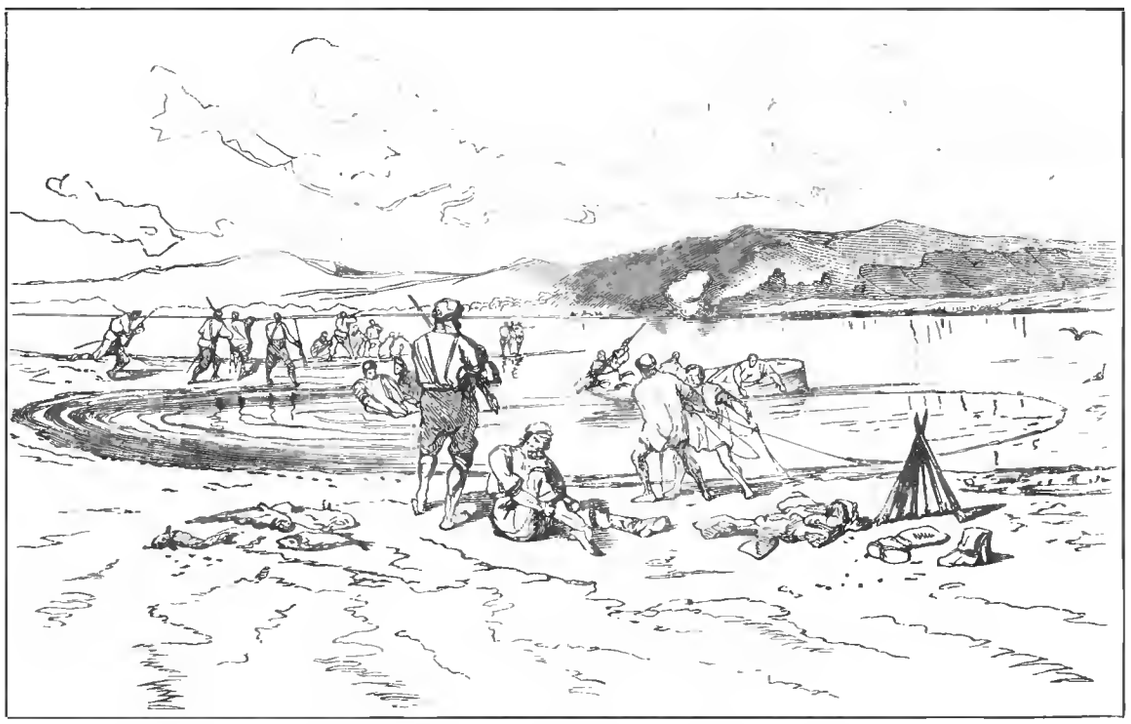
II.

Однажды, возвращаясь съ нею домой, я неожиданно попалъ въ объятія Хозарова.

— „Ура! профессоръ, кричалъ онъ, побѣда! наконецъ-то ты изъ пергамента превратился въ человѣка. Буду же я теперь тебя мучить своими сердечными изліяніями, теперь ты поймешь меня“.

Надо замѣтить, что я съ самой женитьбы моей не писалъ ему, и онъ ничего объ этомъ не зналъ. Долженъ признаться, что мнѣ какъ будто совѣстно было снизойти въ его мнѣніи съ моего пьедестала и явиться обыкновеннымъ смертнымъ. Долго Хозаровъ трунилъ надо мной по поводу моей женитьбы. Сонечка сдѣлала на него самое пріятное впечатлѣніе, и я гордился этимъ. Три мѣсяца онъ намѣренъ былъ пробыть въ П*** и по обыкновенію сталъ бывать у насъ каждый день. Какимъ неуклюжимъ увальнемъ я долженъ былъ казаться женѣ моей въ сравненіи съ этимъ блестящимъ дипломатомъ. Но я говорю такъ теперь, а тогда мнѣ этого и въ голову не приходило. Я не ревновалъ, когда могъ бы ревновать; допускалъ Сонечку гулять, кататься съ Хозаровымъ безъ малѣйшаго сомнѣнія. Можетъ быть, потому, что Хозаровъ былъ для меня не мущина, а мой другъ, и я ему вѣрилъ,— нѣтъ, даже и не потому; я говорилъ уже, что отъ безсмысленной тревоги перешелъ къ полному спокойствію. Иногда замѣчалъ я какъ будто тревожные взгляды матери и сестры, но не обра-

Сіонъ или Дарохранительница Іоанна III.
Съ фотогр. грав. Паннемакеръ.



Русскіе на Дунаѣ. Солдаты на рыбной ловлѣ подъ выстрѣлами у Ольтенцы. Ориг. рис. Н. Каразина.

Библиотека "Руниверс"

Адамъ и Ева нашихъ дней. Картина Комита Аликса, грав. Жоннаръ.

Библиотека "Руниверс"

щалъ на это вниманія; онѣ же не рѣшались сообщить мнѣ своихъ опасеній. Одинъ день, день ужасный,—дрожу и теперь, какъ вспомню его—возвращаюсь изъ университета, меня встрѣчаетъ сестра съ такимъ испуганнымъ лицемъ, что я невольно встревожился. Мнѣ пришло въ голову, что кто нибудь изъ домашнихъ опасно боленъ. „Ты не встрѣчалъ Сонечки"? спросила она меня. —Нѣтъ, развѣ она ушла куда-нибудь?—„Ушла гулять съ Володей и съ нянькой давно ужь, часу въ первомъ." —Да гдѣ же Арина?—„Арину она послала изъ сквера за теплымъ платкомъ, а когда она вернулась, то Сони въ скверѣ ужь не было".—Странно, куда же она дѣлась, да она можетъ быть съ Хозаровымъ кататься поѣхала,— заключилъ я пренаивнѣйшимъ образомъ.. Сестра такъ посмотрѣла на меня, что мнѣ стало вдругъ отчего-то неловко. Обѣдать мы не садились, хотя было уже пять часовъ. Ни разу не бывало, чтобы жена не обѣдала дома, и я начиналъ не на шутку тревожиться. Пробило шесть. Я не выдержалъ; не сказавъ никому ни слова, взялъ шляпу и вышелъ. Машинально, не отдавая себѣ отчета для чего и зачѣмъ, я пошелъ къ Хозарову. „Баринъ сегодня за-границу уѣхали" доложили мнѣ слуги и какъ мнѣ показалось переглянулись. Въ послѣдніе годы я изрѣдка заходилъ къ Хозарову и слуги его меня знали и жену мою тоже. Мы даже разъ съ нею чаю у него пили.—Хозаровъ уѣхалъ, не простившись, жены моей нѣтъ, родные мои въ тревогѣ. Истина стучалась въ мой мозгъ, но я упорно отвергалъ ее. Долго я бродилъ, не смѣя идти домой, мнѣ стыдно было родныхъ, но смутная надежда, что жена вернулась, повлекла меня, наконецъ, къ дому. Одинъ взглядъ на сестру и мать далъ мнѣ понять, что надежды мои тщетны, но я увидалъ на столѣ письмо и какъ съумасшедшій бросился и распечаталъ его. Я читалъ, руки мои дрожали, буквы прыгали передъ глазами, и я слышалъ какъ кто-то въ комнатѣ тихо плакалъ.

Вотъ что было въ письмѣ: „Петя, когда я любила тебя, ты не вѣрилъ мнѣ, теперь ты увидишь, что я не способна къ обману: я люблю другого и потому оставляю тебя. Мнѣ тяжело: ты и твои родныя все-таки милы мнѣ, но я не могу поступить иначе. Беру Володю: онъ бѣдняжка, не можетъ обойтись безъ меня. Не проклинай меня, видно судьба моя такая! Будь великодушенъ, пришли мнѣ паспортъ въ Парижъ poste restante, но не думай, что я тамъ буду; въ Парижъ я не поѣду, не преслѣдуй меня, я скорѣе руки на себя наложу, чѣмъ вернусь".

Прочитавъ это письмо, я понялъ, что потерялъ на всегда и жену, и ребенка. Я бросился на диванъ и пролежалъ въ какой-то летаргіи цѣлыя сутки. Слышалъ, какъ суетились мать и сестра; былъ и докторъ; клали мнѣ ледяные компрессы на голову, но я не могъ двинуться ни однимъ членомъ. На другія сутки я всталъ, одѣлся и пошелъ въ университетъ; съ этого дня я сталъ жить, какъ автоматъ. Между мною и моими родными не было произнесено о ней ни единаго слова; разъ какъ-то я уловилъ такое выраженіе сестры: „какъ она смѣла ребенка унести! развѣ безнравственная женщина можетъ быть хорошей матерью, лучше бы ему никогда не знать ее". Хоть эти слова были сказаны и не мнѣ, но я не могъ ихъ слышать, взялъ шляпу и ушелъ. Съ тѣхъ поръ о женѣ не упоминалось. Я не медля выправилъ ей паспортъ и послалъ по назначенію. Преслѣдовать ее я и не думалъ, да что мнѣ было въ томъ, что она вернется, когда не вернется любовь ея. Протянулся годъ, какъ цѣлая вѣчность! Однажды я замѣтилъ по лицамъ своихъ, что у нихъ есть какія-то новости, которыя онѣ боятся сообщить мнѣ. Любопытство меня мучило, но я долго не рѣшался, спросить ихъ о томъ наконецъ какъ-то разъ послѣ обѣда я подсѣлъ къ старушкѣ и не подымая на нее глазъ, спросилъ:

— Что вы знаете новаго? скажите.

— Соня теперь въ деревнѣ у Анны Петровны,—отвѣчала она мнѣ.

— Одна?

— Съ Володей.

— Дайте письмо.

(Окончаніе будетъ). N.

Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай 10 и 15 іюня 1877 г.

I.

Пунктовъ для переправы выбрано было два: на Нижнемъ Дунаѣ, у Браилова, и на Среднемъ—*ниже Никополя* (противъ устья Алуты, у Турно-Магурелли).

Сообразно съ этимъ сдѣланы были и всѣ распоряженія по сосредоточенію войскъ и прегражденію минами Дуная въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что и удалось вполнѣ. Къ концу апрѣля, мы, не имѣя флота, отняли у непріятеля Дунай отъ Рени до Браилова; а къ концу мая—весь Нижній Дунай отъ Рени до Гирсова былъ свободенъ отъ турецкаго флота и вполнѣ въ нашихъ рукахъ. Еще 10 іюня вода въ Нижнемъ Дунаѣ была столь высока, что генералъ-лейтенантъ Циммерманъ находилъ переправу въ этотъ день невозможною и просилъ разрѣшенія отложить ее до спада водъ. Но когда Его Высочество Главнокомандующій изволилъ выразить, что ему *совершенно необходимо, чтобы переправа у Браилова совершилась непремѣнно 10-го іюня,* то генералъ Циммерманъ принялъ всѣ мѣры и употребилъ всѣ усилія для подготовки этой крайне рискованной задачи, и выполнилъ ее съ блестящимъ успѣхомъ.

Въ ночь на 10 іюня, Ряжскій и Рязанскій пѣхотные полки, будучи переправлены заранѣе въ д. Заклысь, на тотъ берегъ Дуная, двинулись подъ командою генералъ-маіора Жукова на заготовленныхъ тамъ судахъ по болотамъ къ Буджаку для десанта. Не успѣли они проплыть половины разстоянія, какъ по нимъ открыли турки убійственный огонь, прямо въ-упоръ въ массы нашихъ солдатъ, скученныхъ на судахъ. Мало того, имъ турки не давали высаживаться: пришлось брать штыками каждую пядь завоеванной земли. Страшная рѣзня происходила и въ болотахъ, и на буджакскихъ высотахъ. Нужно было видѣть нашихъ молодыхъ солдатъ, какъ они шли въ огонь и какъ они показали себя въ рукопашной. Много ложилось убитыми, много валилось и тонуло въ болотахъ, но ничто не останавливало ихъ. Они заняли берегъ. Въ иныхъ мѣстахъ болота вода стояла по плечи. Они выскочили изъ лодокъ и плотовъ, кинулись за убѣгающими турками и преслѣдовали ихъ по пятамъ. Отъ берега до буджакскихъ высотъ порядочное разстояніе, именно около трехъ верстъ. Это разстояніе наши два полка то на лодкахъ и плотахъ, то цѣпью проходили, преслѣдуя бѣгущаго непріятеля подъ страшнымъ огнемъ непріятельской цѣпи, расположенной второю линіею у подошвы высотъ. Затѣмъ, на нихъ грянула съ высотъ артиллерія. Ряжцы шли впереди. Чуть было-дрогнули молодцы, уже предѣвшіе отъ убыли и измученные такимъ ужаснымъ переходомъ; но за ними на плотахъ подплыли Рязанцы. Сплотившись дружною стѣною, они пошли впередъ, выбивать вторую линію непріятеля подъ страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Здѣсь на своихъ плечахъ потянули они по болотамъ артиллерію и въ убійственномъ огнѣ успѣли установить ее на одномъ болѣе возвышенномъ мѣстѣ. Очевидцы говорятъ, что первый нашъ орудійный выстрѣлъ оказалъ такую громадную нравственную поддержку нашимъ солдатамъ и навелъ на турокъ такой паническій страхъ, что съ этого выстрѣла участь буджакскихъ высотъ была рѣшена. Непріятель дрогнулъ, и, отстрѣливаясь, сталъ отступать. Наши взобрались на горы съ разныхъ сторонъ и шагъ за шагомъ выбивали непріятеля. Здѣсь было нѣсколько кавалерійскихъ аттакъ непріятельской кавалеріи, но мѣткою стрѣльбою и стойкостью они были отбиты. Генералъ Жуковъ, командиръ этого отряда, преслѣдовалъ непріятеля до д. Гарванъ, далѣе которой измученные люди, бывши 12 часовъ въ огнѣ, идти уже не могли.

Занятіе Буджака произвело на турокъ полную панику. Они отступили къ Исачкѣ и тотчасъ дали знать, чтобы мачинскій отрядъ оставилъ городъ и двигался по тому-же направленію.

Въ этотъ же самый день, когда происходила битва около Буджака, наши герои-моряки, Дубасовъ и Шестаковъ, съ двумя миноносками и катеромъ „Фульжеро" дѣлали диверсію къ Мачинскому рукаву. Мониторовъ уже тамъ не было; они подплыли къ самому Мачину, но изъ тамошней баттареи въ нихъ выпустили 20 выстрѣловъ, не причинивъ, впрочемъ, никакого вреда. Съ нашихъ судовъ было выпущено 4 выстрѣла и не безъ успѣха. На другой день, когда заняли Мачинъ, въ оставленныхъ турками казармахъ найдено было двое раненыхъ—

Библиотека "Руниверс"

именно отъ выстрѣловъ съ нашихъ судовъ. Это было утромъ. Слѣдовательно, турки оставили городъ позднѣе. Нужно замѣтить, что около этихъ береговъ постоянно шныряли казаки и охотники изъ пѣхотныхъ полковъ на лодкахъ для развѣдокъ, что дѣлается на томъ берегу. Уже вечеромъ имъ дали знать, что турки оставили городъ. Сорокъ человѣкъ смѣльчаковъ отправились туда на ночь и заняли городъ, извѣстивъ на другой день, что городъ въ нашихъ рукахъ. Тотчасъ же снаряжены были суда съ Тарутинскимъ полкомъ, и самъ корпусный командиръ, генералъ Циммерманъ, отправился въ оставленный безъ боя городъ. Съ музыкой и лихою солдатскою пѣснею вышли бородинцы къ пристани, гдѣ уже ихъ ждали приготовленныя заранѣе лодки, баржи и десантные румынскіе пароходы: „Взрывъ", „Загражденіе", „Романія" и „св. Стефанъ Чальморе" (морской). Возвышенія браиловскаго берега усыпаны были любопытными зрителями, пришедшими посмотрѣть на зрѣлище, котораго всѣ такъ давно ждали. На горѣ, гдѣ городской садъ, на горѣ, близь госпиталя, около баттарей—всюду виднѣлись толпы зрителей. Иные взлѣзли на крыши домовъ. Внизу передъ пристанью, вездѣ, гдѣ только было дозволено стоять народу, тѣснились также многолюдныя группы. Яркое солнце бросало бѣлый ослѣпительный свѣтъ на эти сотни лицъ, полныхъ особеннымъ оживленіемъ, сверкало на штыкахъ солдатъ и озаряло широкій Дунай, быстрыя волны котораго весело катились, какъ будто сочувствуя общему движенію. А подальше влѣво, за массами многоголовой толпы, за полками, подходившими съ музыкой и устанавливавшимися у пристани, виденъ былъ длинный мостъ, колоссальный по своему протяженію и изумительный по постройкѣ, собранный нашими саперами въ какіе-нибудь четыре дня! И столько же, сколько веселъ и оживленъ былъ нашъ берегъ, столько же печаленъ былъ берегъ непріятельскій! Здѣсь музыка, гулъ толпы, крики команды, шумъ снующихъ пароходовъ и челноковъ; тамъ полное безмолвіе. Нѣсколько разрушенныхъ лачужекъ у Гечета, блѣдно-зеленый тростникъ и отроги горъ, представлявшіеся въ темносинемъ туманѣ на дальнемъ горизонтѣ. Все такъ грустно и уныло....

Занятіе Мачина было не безъ нѣкотораго торжества. На встрѣчу нашихъ войскъ, входящихъ въ городъ, вышло болгарское духовенство съ образами и хоругвіями. За нимъ виднѣлась еще большая толпа народу. Имъ указали на генерала Циммермана, какъ на высшаго начальника и представителя русской власти. Генералъ тотчасъ съѣхалъ на берегъ со своимъ штабомъ, поздоровался со взводомъ охотниковъ, встрѣтившимъ его, и пошелъ на встрѣчу депутаціи и духовенству. Отслуженъ былъ молебенъ; музыка заиграла „Боже, Царя храни", и общій крикъ воодушевленія и восторга, какъ со стороны нашихъ солдатъ, такъ и оставшихся жителей, огласилъ воздухъ и далекимъ перекатомъ раздался по прибрежнымъ горамъ.

II.

На Среднемъ Дунаѣ подготовка сложной операціи переправы оказалась несравненно труднѣе. Не говоря уже о неисправности желѣзныхъ дорогъ, задерживавшихъ сосредоточеніе понтонныхъ и мостовыхъ матеріаловъ, турки обнаруживали здѣсь необычайную бдительность: они, очевидно, знали, что переправа предположена ниже Никополя, поспѣшно стягивали сюда свои войска и усиленно работали надъ постройкою укрѣпленій. Кромѣ того, на Среднемъ Дунаѣ собрались всѣ оставшіеся у нихъ мониторы, и устройство здѣсь загражденій представлялось дѣломъ весьма труднымъ и опаснымъ.

Согласно окончательному рѣшенію, войска были двинуты на избранный для переправы пунктъ, къ Турну. Время, потребное для ихъ передвиженія, было употреблено на устройство загражденій въ Дунаѣ. Прежде всего проложены минныя загражденія у Парапава, которыя лишили турецкіе мониторы, расположенные въ Рущукѣ и ниже, возможности плаванія вверхъ по Дунаю выше Рущука. Затѣмъ, въ виду предположенія о переправѣ близь Никополя, необходимо было преградить Дунай выше этой крѣпости, очистивъ сперва отъ мониторовъ все теченіе Дуная отъ Парапана до Никополя. Къ уничтоженію мониторовъ случая не представлялось; но загражденія были выполнены капитаномъ 1 ранга Новиковымъ, справившимся съ этимъ отважнымъ дѣломъ при пособіи однихъ гребныхъ судовъ.

Такимъ образомъ, всѣ приготовленія были устремлены на переправу у Никополя, и у турокъ не оставалось болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь именно со дня на день слѣдуетъ ожидать русскихъ; но что представляется намъ особенно важнымъ и благопріятнымъ для всего дѣла условіемъ—это полная увѣренность самого Главнокомандующаго, а съ нимъ и его помощниковъ и всѣхъ войскъ—что переправа рѣшена окончательно именно со стороны Турву. Не будь этой увѣренности, никакая тайна не могла бы замаскировать отъ турокъ дѣйствительный пунктъ переправы, а затѣмъ и все дѣло лишилось бы той внезапности, которая сослужила Дунайской арміи такую важную службу.

Августѣйшій Главнокомандующій, не измѣняя своихъ намѣреній относительно переправы, тайно выѣхалъ, вмѣстѣ съ своими ближайшими сотрудниками, изъ Плоешть и произвелъ личный осмотръ береговъ Дуная отъ Зимницы до Турну. Тутъ, убѣдившись лично въ тѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ, съ которыми сопряжено форсированіе переправы въ окрестностяхъ Никополя, и удостовѣрившись, что у Зимницы состояніе уровня воды дозволяетъ устройство переправы, Его Высочество окончательно выбралъ мѣсто у Зимницы, нѣсколько ниже Систова,—и тотчасъ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія.

Теперь становится понятнымъ, почему до послѣдней минуты и у насъ, и за границей держалось убѣжденіе, что главная переправа нашей арміи произойдетъ именно у Турну, и даже по переходѣ нашихъ войскъ на Систово—все еще ожидали какъ-бы продолженія переправы противъ Никополя.

Не смотря на перемѣну рѣшенія Главнокомандующаго, непроницаемая тайна продолжала покрывать всѣ его распоряженія. Намѣренія Его Высочества открыты были только командиру 8 корпуса, войска котораго направлены были къ переправѣ, но не прямыми путями, а окольными, чтобы замаскировать истинное ихъ назначеніе. Въ то же время съ 12 и 13 чиселъ начато ежедневное бомбардированіе Рущука и Никополя, какъ-бы для подготовленія здѣсь предположенной переправы.

Опишемъ сначала мѣстность.

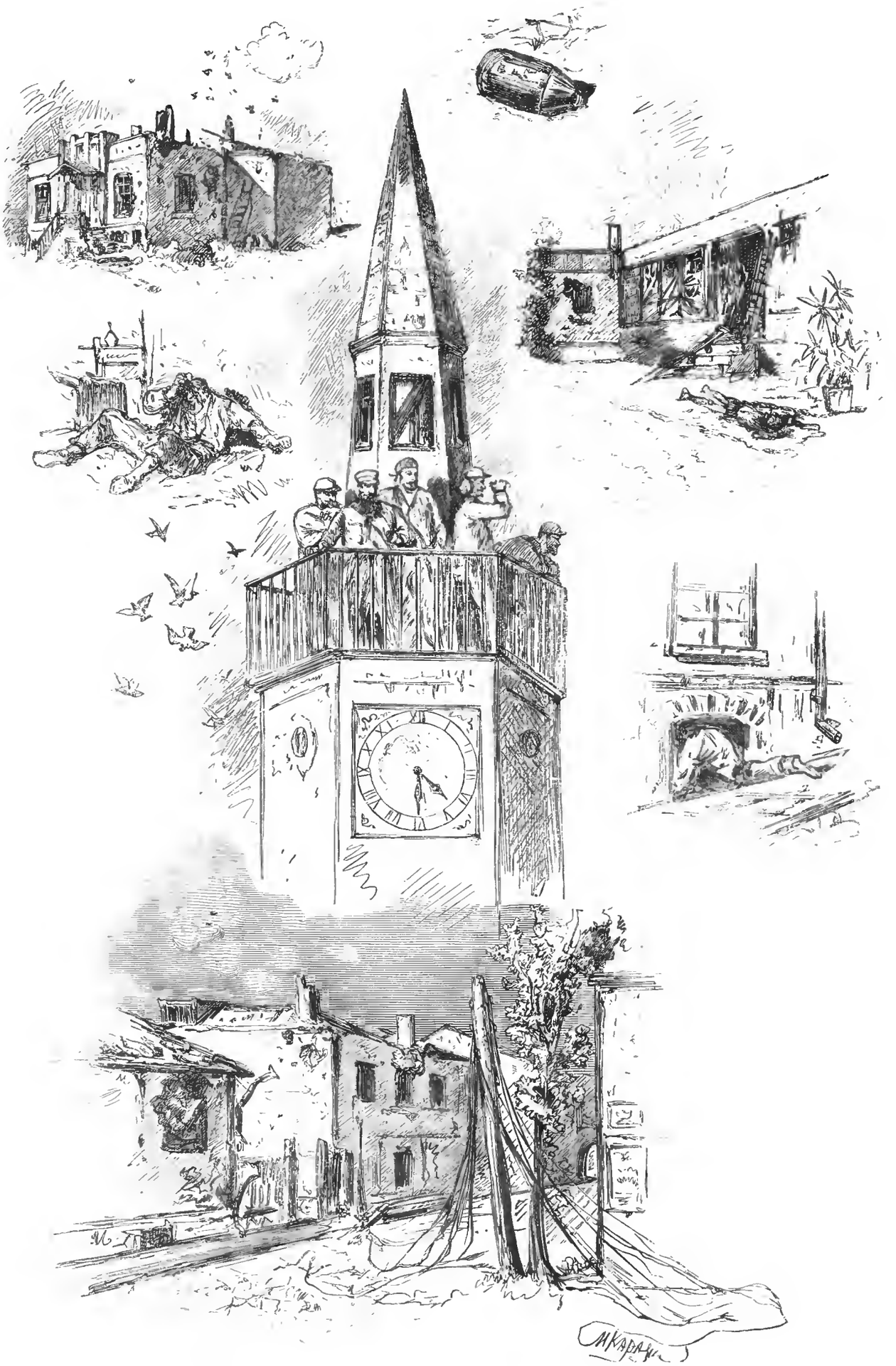
Отъ Зимницы идетъ довольно значительное прибрежье въ видѣ острова, которое только-что открылось отъ спада Дунайскихъ водъ. За этимъ мѣстомъ Дунай раздѣляется островомъ, поросшимъ лозою, на два рукава, изъ которыхъ большій рукавъ омываетъ Систово, а меньшій обращенъ къ Зимницѣ. Въ этомъ мѣстѣ Дунай шириною саженъ въ шестьсотъ, изъ коихъ полтораста приходится на ближайшій къ намъ рукавъ и 450 саж.—на рукавъ около Систова. Все прибрежье съ нашей стороны низменно, болотисто и только открывшійся островъ представляетъ собою песчаную, нѣсколько поднятую плоскость; напротивъ, непріятельскій берегъ высокъ и, уступъ за уступомъ, круто возвышается отъ берега и тамъ далеко теряется въ выси горизонта своими плоскогорными возвышенностями. Вправо отъ города тянется рядъ довольно значительныхъ горъ: слѣва—тоже берегъ, вездѣ отвѣсный, и только верстъ пять лѣвѣе города имѣется небольшая лощинка, нѣсколько ниже спускающаяся къ берегу. Лощина эта, углубляясь далѣе отъ берега, мало по малу возвышается и переходитъ въ мѣстность съ весьма крутыми подъемами. По лощинѣ протекаетъ горный ручей, на которомъ стояла турецкая мельница. Вся эта мѣстность покрыта виноградниками, густыми кустами, черешневыми, орѣховыми деревьями, изгородью и т. п. И изъ такой-то мѣстности нашимъ пришлось выбивать турокъ, быть подъ огнемъ въ-упоръ, ползкомъ карабкаться по крутизнамъ и т. д.

Мостъ былъ наведенъ сначала чрезъ рукавъ Дуная, и именно въ ночь съ 13-го на 14-е. Мостъ этотъ парусинный въ 50 саженъ длиною. Парусинные понтоны очень удобны при перевозкахъ. Они устраиваются такимъ образомъ, что весь оставъ разбирается на части, а бока и дно обтягиваются непромокаемой парусиной; но удобные для перевозки, они имѣютъ то неудобство, что на нихъ трудно перевозить десанты и сами они тяжелы на ходу въ водѣ. Наканунѣ переправы, турки пустили нѣсколько выстрѣловъ по этому мосту, но потомъ стрѣлять перестали, принявъ наводку этого моста за ложную переправу, чтобы отвлечь вниманіе отъ переправы противъ Никополя, гдѣ въ это время производили большую суету и, казалось, собирались переправляться. По этому мосту и были перевезены на островъ въ ночь переправы двадцать четыре орудія, которыя были поставлены противъ турецкаго берега на южной сторонѣ острова.

Поразительное зрѣлище, по словамъ очевидцевъ, представляли эти массы солдатъ, прокрадывавшіяся во мракѣ по Дунаю. Необычайная тишина господствовала всюду. Даже артиллерія шла безъ грома: колеса были, какъ говорятъ, обернуты соломой. Первые понтоны съ пластунами перебрались такъ, что турки ихъ не замѣтили. Пластуны вышли на берегъ и, бросившись на турецкій пикетъ врасплохъ, вырѣзали спавшихъ часовыхъ. Можетъ быть и аванпостную непріятельскую цѣпь постигла бы та же участь, если бы, какъ разсказываютъ, въ это время турокъ не извѣстилъ о переправѣ шпіонъ-болгаръ, по однимъ мельникъ, по другимъ попъ. Поднялась тревога. Завязалась первая перестрѣлка. Турецкія орудія сразу открыли огонь какъ по русскимъ лодкамъ, скрытымъ за кустарникомъ, такъ и по колоннамъ, двигавшимся по плоскому берегу. Кромѣ того, съ высотъ, господствующихъ надъ бухтой, турки посылали сильный ружейный огонь. Ихъ стрѣлки владѣли еще пунктомъ высадки. Одно орудіе, стоявшее отдѣльно, стрѣляло мѣтко и быстро и причинило нѣкоторый вредъ лодкамъ: но не смотря на то, что люди страдали отъ этого огня, лодки дѣлали свое дѣло, подходили и возвращались до тѣхъ поръ, пока людей собралось настолько достаточно, что онѣ были уже въ состояніи удержаться сами, собственными силами до разсвѣта.

Храбрые артиллеристы, не смотря на пальбу непріятеля, исполняли свою обязанность, и какъ только смолкнетъ на минуту одно орудіе—подаетъ свой голосъ другое. Подъ страшнымъ огнемъ переправа продолжалась неудержимо, и ничто не могло остановить нашихъ солдатъ. Очевидцы дѣла передавали потомъ страшныя подробности о гибели людей Волынскаго полка, который переправлялся первымъ. Видно было—разсказывалъ офицеръ—что плыветъ понтонъ, полный людьми. Гребцы жарко

Библиотека "Руниверс"



Въ Журжѣ. Сцены во время бомбардированія города. Рис. Н. Каразинъ, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Центральная площадь въ Журжѣ, во время бомбардированія. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Діамантовскій.

Переправа у Систова, въ ночь съ 14 на 15 іюня 1877 г. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

гребутъ, понтонъ быстро подвигается впередъ. Поднятые къ верху штыки блестятъ цѣлымъ рядомъ. Граната. Вдругъ нѣсколько штыковъ опускаются. Ужасные выстрѣлы не умолкаютъ и сыплютъ гибельные снаряды. Наконецъ надъ понтономъ уже не видно ни одного штыка. Дѣйствуетъ только одно весло, тщетно стараясь направить къ берегу понтонъ, увлекаемый быстрымъ теченіемъ. Но вотъ и это весло повисло безъ движенія: послѣдній гребецъ упалъ и понтонъ съ темною массою повалившихся людей плыветъ по мутнымъ волнамъ Дуная, уже неуправляемый никѣмъ, плыветъ огромнымъ печальнымъ гробомъ. Во время переправы потонуло три понтона съ горной артиллеріей. Они были пробиты непріятельскими гранатами и пошли ко дну со всѣми находящимися на нихъ людьми. Говорятъ, что одинъ изъ утопавшихъ офицеровъ очень долго боролся съ волнами и можетъ быть спасся бы, еслибъ ему не помѣшала находившаяся на немъ сумка съ казеннымъ золотомъ. По слухамъ, одно изъ орудій было на другой день вытащено. Остальныя всѣ потонули. Разсказываютъ еще, что на одномъ понтонѣ перебили всѣхъ людей, кромѣ одного гребца, и этотъ послѣдній привелъ понтонъ къ берегу и уже высаживался, какъ пуля поразила его на смерть. Солдаты, при переправѣ, едва достигнувъ берега, бросались безъ выстрѣла прямо въ штыки и выбивали турецкихъ стрѣлковъ изъ-за ихъ заваловъ и прикрытій съ ожесточеніемъ и смѣлостью просто невѣроятными. По всѣмъ отзывамъ и турки сами бились необыкновенно храбро: русскіе всюду встрѣчали врага и всякую пядь непріятельской позиціи должны были брать съ боя. Кромѣ того, турки придумали слѣдующую хитрость: они падали какъ бы убитые, но какъ только русскіе пробѣгали мимо нихъ — вскакивали и кидались съ тылу на русскихъ. Этотъ хитрый маневръ совершенно ожесточилъ нашихъ солдатъ, такъ что они начали прокалывать штыками всѣхъ павшихъ, не разбирая, и убитыхъ и раненыхъ.

Переправа войскъ, удержавшихся на турецкомъ берегу, производилась на 62 желѣзныхъ понтонахъ, 3, 4, 5 и 6 понтонныхъ батальоновъ въ три транспорта, человѣкъ около 30 на каждомъ понтонѣ. Понтоны переправлялись рейсами. Съ третьимъ рейсомъ отправился начальникъ 14 дивизіи, генералъ Драгомировъ. Генералъ этотъ считался однимъ изъ самыхъ выдающихся теоретиковъ-спеціалистовъ военнаго дѣла; теперь же онъ выказалъ себя съ блестящей стороны какъ боевой генералъ. Все время генералъ Драгомировъ находился подъ выстрѣлами и выказалъ необычайное хладнокровіе. Передаютъ такой случай: когда гранаты пролетали надъ головами солдатъ, они, по невольному побужденію, которому повинуются даже храбрые изъ храбрыхъ, впервые выдерживающіе огонь, наклоняли головы.

— Что, ребята, кланяетесь, али знакомая? обратился генералъ Драгомировъ къ солдатамъ, замѣтивъ ихъ поклоны одной гранатѣ.

Онъ видимо, хотѣлъ ободрить солдатъ такой шуткой, но они встрѣтили эти слова суровымъ молчаніемъ.

Переправившись подъ страшнымъ огнемъ, генералъ Драгомировъ тотчасъ же привелъ въ порядокъ высадку солдатъ; затѣмъ повелъ ихъ лично въ аттаку на самую страшную турецкую позицію. Съ крутой горы, вблизи склона къ Дунаю, гдѣ приставали понтоны, бѣжитъ узенькій потокъ. Около него водяная мельница. Мѣстность тутъ самая выгодная для обороны: груды большихъ камней, густой кустарникъ, овражки, рвы, около которыхъ турки насыпали искусственный валъ. Здѣсь-то за каждымъ холмомъ и кустомъ и въ самомъ зданіи мельницы засѣли турки, сопротивляясь съ мужествомъ отчаянія. Мѣткій огонь враговъ изъ-за всякихъ естественныхъ и искусственныхъ преградъ поражалъ нашихъ безпощадно. Солдаты кинулись въ штыки. Рѣзня была по истинѣ ужасная. Все уничтожалось безпощадно, лишь на мельницѣ оставалась засѣвшая тамъ кучка враговъ, которыхъ никакъ не могли выбить. Рѣшили поджечь мельницу; подъ ея развалинами погибли и отчаянные защитники.

Въ донесеніи генерала Драгомирова сказано, что „первыя вступавшія въ бой части не составляли не только цѣльныхъ батальоновъ или ротъ, но даже и взводовъ: каждая вновь прибывавшая часть пристраивалась къ первымъ попавшимся кучкамъ и такими-то импровизированными „частями-товариществами“ наши храбрецы, предводимые и руководимые случайными начальниками, безъ малѣйшей надежды на близкую поддержку—такъ какъ нельзя было разсчитывать на скорую помощь съ того берега—выдержали славный бой; каждое товарищество зорко слѣдило за тѣмъ, что дѣлается у сосѣдей, и какъ только послѣдніе подавались впередъ, или имъ угрожалъ непріятель, немедленно слѣдовала помощь или производилось передвиженіе въ связи съ движеніемъ сосѣдей.

Разсказываютъ, что рота капитана Брянова, переправившись на берегъ, пришла въ замѣшательство отъ огня турецкихъ стрѣлковъ, но храбрый капитанъ для возбужденія мужества рѣшился пожертвовать собою. Съ крикомъ „ребята, впередъ! за мной!“ онъ кинулся въ толпу турокъ. Пока къ нему на помощь не подоспѣли солдаты, турки буквально перебрасывали храбраго капитана со штыка на штыкъ. Онъ получилъ девять ранъ и девятая была смертельная.

Впереди 9 дивизіи (князя Мирскаго) шелъ полкъ стрѣлковой бригады, сформированный спеціально для настоящей войны. (Бригада эта вооружена ружьями Бердана и состоитъ изъ лучшихъ стрѣлковъ арміи. 9-я дивизія сформирована изъ 4 историческихъ полковъ, сильно пострадавшихъ во время осады Севастополя, именно, изъ полковъ: Елецкаго, Орловскаго, Брянскаго и Сѣвскаго). Солдаты этого полка оказывали тоже чудеса храбрости.

Хотя турецкія орудія уже вынуждены смолкнуть, однакожь сопротивленіе турокъ еще не совершенно закончилось. Сосредоточившись на крайнихъ высотахъ, турки бросились на бригаду командира 14-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Іолшина. Но солдаты Іолшина неудержимо двигались впередъ. Турки кинулись обратно. Скоро русская пѣхота увѣнчала высоты и расположилась тамъ, глядя оттуда внизъ на поля Болгаріи.

Сбитыя съ берега турецкія войска отступили на Рущукъ и Тырново. Относительно дѣйствій противъ перваго пункта мы высказали свое мнѣніе (см. политическія и военныя извѣстія „Нивы“). Тырново же, какъ извѣстно изъ послѣднихъ событій, теперь уже занято нашими войсками, передовые отряды которыхъ теперь проникли по прямой дорогѣ къ Казанлыку (ведущему на Балканъ) отъ Тырнова до Габрова. Что касается Систова, то онъ уже, какъ извѣстно, въ нашихъ рукахъ и удостоился принять въ своихъ стѣнахъ Государя Императора.

Городъ Систовъ обнесенъ старинным землянымъ валомъ, ровъ котораго не имѣетъ каменной окладки. Фронтъ укрѣпленій, кромѣ главнаго вала, не имѣлъ прежде никакихъ оборонительныхъ приспособленій; но въ послѣднее время турки расположили вокругъ города нѣсколько передовыхъ, вспомогательныхъ укрѣпленій, поддерживаемыхъ огнемъ съ главнаго вала.

Самый городъ не представляетъ ничего красиваго и интереснаго. Улицы, грязныя, кривыя, спутанныя, окаймлены низенькими домами, сложенными изъ необожженнаго кирпича и неправильныхъ камней. Окна домовъ какъ вообще бываетъ на востокѣ, обращены во дворъ; а съ улицы идутъ какъ бы сплошныя стѣны, отчего видъ улицы еще скучнѣе; только зелень да бесѣдки, мѣстами выдающіяся надъ стѣнами, немного оживляютъ монотонность сѣрыхъ и некрасивыхъ домовъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ (отъ 25 іюня) потери наши при переправѣ черезъ Дунай въ ночь съ 14 на 15 іюня показаны: убитыхъ 6 офицеровъ и 289 нижнихъ чиновъ, ранеными 22 офицера и 398 нижнихъ чиновъ, безъ вѣсти пропали 38 нижнихъ чиновъ.

Сколько было непріятеля на этой сторонѣ—показанія весьма различны. Полагаютъ, что не менѣе какъ отъ 5—7 тысячъ человѣкъ.

16 іюня около 11 часовъ пріѣхалъ Государь Императоръ, остановился у госпиталя и пошелъ по палаткамъ, причемъ спрашивалъ каждаго раненаго, чѣмъ и какъ онъ раненъ. Выходя, Государь благодарилъ людей: „Спасибо вамъ! молодцы!“—„Рады стараться, Ваше Императорское Величество!“ отвѣчали солдатики.—„Богъ съ вами, поправляйтесь!„—Постараемся, Ваше Императорское Величество!“—Да ужь вы, кажется, постарались!“ Одинъ раненый л.-гв. Павловскаго полка спалъ; проснувшись и увидѣвъ Государя, онъ заговорилъ: „Я шестерыхъ закололъ, Ваше Императорское Величество, а на седьмомъ меня ранили... и ужь не могъ...“ Другой солдатикъ, Волынскаго полка, показывалъ, что у него всѣ 30 патроновъ остались. „Это ты показываешь, что у тебя патроны остались, какъ Драгомировъ приказалъ?“ *).

Волынскаго полка штабсъ-капитанъ Бряновъ былъ поднятъ, какъ сказано выше, на штыки и изувѣченъ 9 ранами, онъ страшно страдалъ, до него нельзя даже было прикоснуться. Когда его посѣтилъ, еще до пріѣзда Государя, Его Императорское Высочество Главнокомандующій, онъ жестоко мучился, но былъ въ памяти и попросилъ руку у Его Высочества. „Что, Бряновъ, ты очень страдаешь?“—Да, Ваше Высочество, дайте руку поцѣловать!“ былъ отвѣтъ.—„Нѣтъ! Дай, Я тебя поцѣлую!“ сказалъ Его Высочество, и поцѣловалъ этого героя-мученика. Онъ кончилъ страдать на другія сутки.

Послѣ удачной переправы, на другой или на третій день около Зимницы на возвышенности былъ поставленъ аналой, а вокругъ этой возвышенности въ боевыхъ порядкахъ стояло около 40,000 войска. Государь императоръ, Главнокомандующій и свита стояли на возвышенности, такъ что все войско видѣло своего Монарха. Началась панихида за упокой убіенныхъ, потомъ молебенъ за дарованіе побѣды. Его Величество трижды становился на колѣни и за Нимъ все войско съ колѣнопреклоненіемъ возносило свои молитвы ко Всевышнему.

*) Въ своемъ приказѣ генералъ Драгомировъ, между прочимъ, говоритъ, чтобы солдаты кололи штыкомъ и меньше стрѣляли, а если у кого послѣ дѣла окажется меньше 30 патроновъ изъ 60, то онъ тѣмъ солдатомъ останется весьма недоволенъ.

Библиотека "Руниверс"

Очерки изъ русской исторіи.

(По поводу рисунка „Сіонъ или Дарохранительница Іоанна III“).

Іоаннъ III Васильевичъ принадлежитъ къ числу величайшихъ государей Россіи, и не даромъ Провидѣніе назначило ему такъ долго дѣйствовать на престолѣ (43 года). Своимъ свѣтлымъ и яснымъ умомъ онъ обнималъ всѣ задачи и потребности государства, ему ввѣреннаго, и выполнилъ эти задачи такъ, какъ едва ли бы кто другой въ состояніи былъ ихъ выполнить. Онъ освободилъ Россію отъ татарскаго ига и началъ отодвигать поляковъ, которые чуть не стучались уже въ ворота Москвы, до ихъ настоящихъ границъ, сказавши имъ притомъ, что онъ доберется до всѣхъ владѣній Руси, попавшихъ въ польскія руки во времена русской невзгоды. Смерть помѣшала Великому исполнить этотъ его послѣдній планъ; но онъ перешелъ, какъ завѣтъ и наслѣдіе, къ его преемникамъ, которымъ и служилъ путеводною звѣздою вплоть до Екатерины II, покончившей почти дѣла на западѣ, согласно видамъ Іоанна III, а слѣдовательно и согласно указанію исторіи, ибо Іоаннъ ясно понималъ, что требовалось для Россіи.

Если бы разсмотрѣть, при какихъ условіяхъ сталъ Іоаннъ III Васильевичъ проявлять свою вліятельную дѣятельность, то политики-миролюбцы, ставящіе удобства безмятежнаго эпикурейскаго житія выше всѣхъ задачъ чести и долга, пришли бы въ ужасъ и, по крайней мѣрѣ, назвали бы Іоанна безумцемъ. Когда Іоаннъ III (онъ былъ сынъ Василія Темнаго) вступалъ въ управленіе московскими областями, то въ 80 верстахъ отъ Москвы начинались чуждыя и недружественныя ей владѣнія князя Тверского; къ сѣверу Москва сталкивалась съ болѣе еще сильнымъ и враждебнымъ Новгородомъ. На юго-востокѣ отъ Москвы было опять отдѣльное княжество Рязанское, указывавшее въ прежнія времена путь къ Москвѣ татарамъ. Короче: Русь Московская, или восточная, раздроблена была тогда на удѣлы и не составляла одного цѣлаго. Въ самыхъ московскихъ областяхъ, въ тѣсномъ ихъ смыслѣ, составлявшихъ отчину дома Іоаннова, не все повиновалось державной волѣ Іоанна. Въ этихъ областяхъ было много властителей, частью родственниковъ Московскаго князя, частью стороннихъ ему людей, которые далеко не сочувствовали его планамъ. Въ годъ окончательнаго разсчета съ татарами, то есть въ годъ нашествія Ахмата, два родныхъ брата Іоанновы возмутились и вступили въ преступныя сношенія съ польскимъ королемъ, который былъ въ союзѣ съ Ахматомъ. При такихъ отношеніяхъ затѣвать внѣшнія дѣла, казалось, просто невозможно. Но Іоаннъ III Васильевичъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ находилъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, единственный разумный для нея способъ дѣйствій состоялъ въ томъ, чтобы громко и твердо предъявить свои попиравшіяся въ теченіи столѣтій алчными сосѣдями права и по возможности защищать ихъ. Послѣдствія показали, что сынъ Темнаго правильно понималъ дѣло. Въ его правленіе татары и поляки усмирены и въ то же время многовластіе въ Россіи уничтожено. Іоаннъ оставилъ своему сыну единую, грозную и нераздѣльную Русь Московскую.

Существуетъ мнѣніе, что усиленная внѣшняя политика, особенно же война, задерживаетъ непремѣнно внутренній ростъ страны. Относительно войнъ, предпринимаемыхъ изъ-за честолюбивыхъ только разсчетовъ, каковы были, напримѣръ, войны Людовика XIV и Наполеона I, это мнѣніе совершенно справедливо. Силы государства, отвлеченныя отъ внутреннихъ нуждъ на ненужное вмѣшательство въ чужія дѣла, пропадаютъ для страны безслѣдно, да и хорошо бы, если бы этимъ дѣло и ограничивалось, а то бываетъ такъ, что къ вещественнымъ убыткамъ, послѣдствіямъ вмѣшательства, присоединяются ненависть и недовѣріе со стороны другихъ державъ, которыя весьма нерѣдко отплачиваютъ потомъ по заслугамъ охотнику мѣшаться въ чужія дѣла. Но другое дѣло, если страна предпринимаетъ войну и соединенныя съ нею неудобства изъ необходимости, побуждаемая къ тому чувствомъ долга, или что тоже: своими существенными интересами. Такая война не только не остановитъ внутренняго развитія, а напротивъ посодѣйствуетъ ему, ибо возбудитъ благороднѣйшія побужденія человѣческой природы, побужденія духовныя, которыя при пренебреженіи долга слабѣютъ и даже иногда совсѣмъ уничтожаются. Персидскія войны въ Греціи обусловили блестящее ея внутреннее развитіе. Славный успѣхами нашего оружія, вѣкъ Екатерины II былъ тоже и началомъ нашего самаго разнообразнаго внутренняго развитія. Тяжелая 20-ти лѣтняя война со шведами при Петрѣ Великомъ памятна не по военнымъ только лѣтописямъ, для этого бы и не стоило ее предпринимать,—нѣтъ, она незабвенна тѣмъ, что вдвинула Россію въ кругъ Европейскихъ державъ, давъ ей и соотвѣтственныя для новаго положенія силы. Правленіе Іоанна III Васильевича не осталось также безплоднымъ въ исторіи нашего внутренняго развитія. Сознаніе о своемъ единствѣ, о своей силѣ и достоинствѣ, и тотъ твердый внутренній строй, который помогъ Россіи потомъ выдержать бурю смутнаго времени, тяготившую ее 15 лѣтъ, и дойти по добру по здорову до творческихъ преобразованій Петра,—это сознаніе получила наша страна изъ крѣпкой руки Іоанна III, а Іоаннъ III большую часть своего 43-лѣтняго правленія провелъ въ войнахъ. Не всегда, стало быть, войны мѣшаютъ внутреннему развитію государствъ.

Іоаннъ III оставилъ послѣ себя много вещественныхъ памятниковъ, безъ чего, конечно, не могло обойтись при такомъ продолжительномъ, полномъ всякихъ событій и замысловъ правленіи. Исторически дознано и доказано, что народъ кладетъ неизгладимую печать своего пребыванія на землѣ, которою владѣетъ, равно какъ самъ носитъ на себѣ отпечатокъ своего жилища. По этой связи народа съ землею угадываютъ и разъясняютъ его прошлое чрезъ тысячи лѣтъ. Но если народъ вообще оставляетъ послѣ себя ощутительные признаки своего пребыванія на землѣ, то и отдѣльныя лица могутъ имѣть тутъ свою долю вліянія и дѣятельности. Въ особенности это можно сказать о лицахъ, имѣвшихъ обширный кругъ дѣятельности и въ особенности оказавшихъ большое вліяніе на свою страну, какъ Іоаннъ III. И дѣйствительно, послѣ Іоанна мы имѣемъ почти весь теперешній Кремль, тотъ Кремль, о который притупилось столько татарскихъ и польскихъ сабель и въ которомъ нашелъ предѣлъ своему ненасытному честолюбію Наполеонъ I. Въ Кремлѣ Успенскій соборъ, мѣсто покоя нашихъ прежнихъ правителей-іерарховъ и коронованія нашихъ государей, есть дѣло рукъ Іоанна III. Его же рукъ дѣло Благовѣщенскій соборъ и отчасти Архангельскій (онъ былъ заложенъ Іоанномъ) и Грановитая Палата. Есть послѣ Іоанна и еще много памятниковъ, не столь видныхъ: пушекъ, медалей, монетъ и пр. Его же усердію принадлежитъ и изображенная въ этомъ номерѣ Дарохранительница, именуемая „Сіонъ“.

Дарохранительницу эту приказалъ сдѣлать Іоаннъ III Васильевичъ въ память покоренія Твери. Тверь взята была въ послѣдней половинѣ (21-го августа) 1485 г., а Сіонъ изготовили въ половинѣ слѣдующаго 1486 г. Названа эта вещь Сіономъ, потому, что вся церковь принимаетъ иногда это названіе по писанію; вещь эта, назначенная для храненія св. даровъ, по преимуществу можетъ удержать на себѣ это названіе. Сіонъ же назначался именно на храненіе св. даровъ. Сіонъ, по наружной формѣ своей, имѣетъ, какъ показываетъ рисунокъ, видъ круглой пятиглавой церкви, которой главный корпусъ обставленъ вычеканенными рельефно изображеніями 12-ти апостоловъ. Верхъ церкви Сіона состоитъ изъ тройныхъ теремовъ; эти терема, выступая одинъ изъ другого, на подобіе Галгоѳы, служатъ какъ бы подножіемъ шейки съ главою, которая увѣнчана четвероконечнымъ крестомъ. На теремахъ вычеканены четыре такъ называемыхъ большихъ пророка, съ своими символическими изображеніями, крылатыми звѣрями. Въ окнахъ шейки рѣшетки сдѣланы въ видѣ свившихся змѣй. Крыша середней или большой главы имѣетъ видъ чешуи и по отдѣльнымъ чешуйкамъ ея наведены личинки людей, птицъ и звѣрей. Около этой средней или большой главы есть по четыремъ сторонамъ четыре меньшія главки, безъ крестовъ. Входъ въ церковь Сіонъ сдѣланъ между тѣми столбиками, гдѣ изображенъ апостолъ Петръ съ ключемъ: на настоящемъ рисункѣ изображенія этого апостола не видно.

Весь изображенный здѣсь Сіонъ сдѣланъ изъ серебра съ чернью и вызолоченъ. Вѣсу въ немъ 1 п. 11 ф. 7 зол., а вышиною онъ 1 ар. 3/4 вершка. Стоимость его въ свое время опредѣлялась въ 1,500 р., что на наши деньги составитъ до 7,500 рублей.

На Сіонѣ, на дверцѣ, съ внутренней или задней ея стороны, есть надпись, свидѣтельствующая о времени и виновникѣ постройки этой утвари: „в лѣто 1486 сдѣланъ бысть си Іусалимъ повелѣніемъ благовѣрнаго і христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича всея Руси въ 25 лѣто господарства въ церковь Успенія Пречистыя і ко гробу чудотворца Петра на Москвѣ“.

Въ настоящее время двухъ малыхъ главъ на Сіонѣ недостаетъ; онѣ изломались, или же исчезли отъ какого либо другого несчастнаго случая.

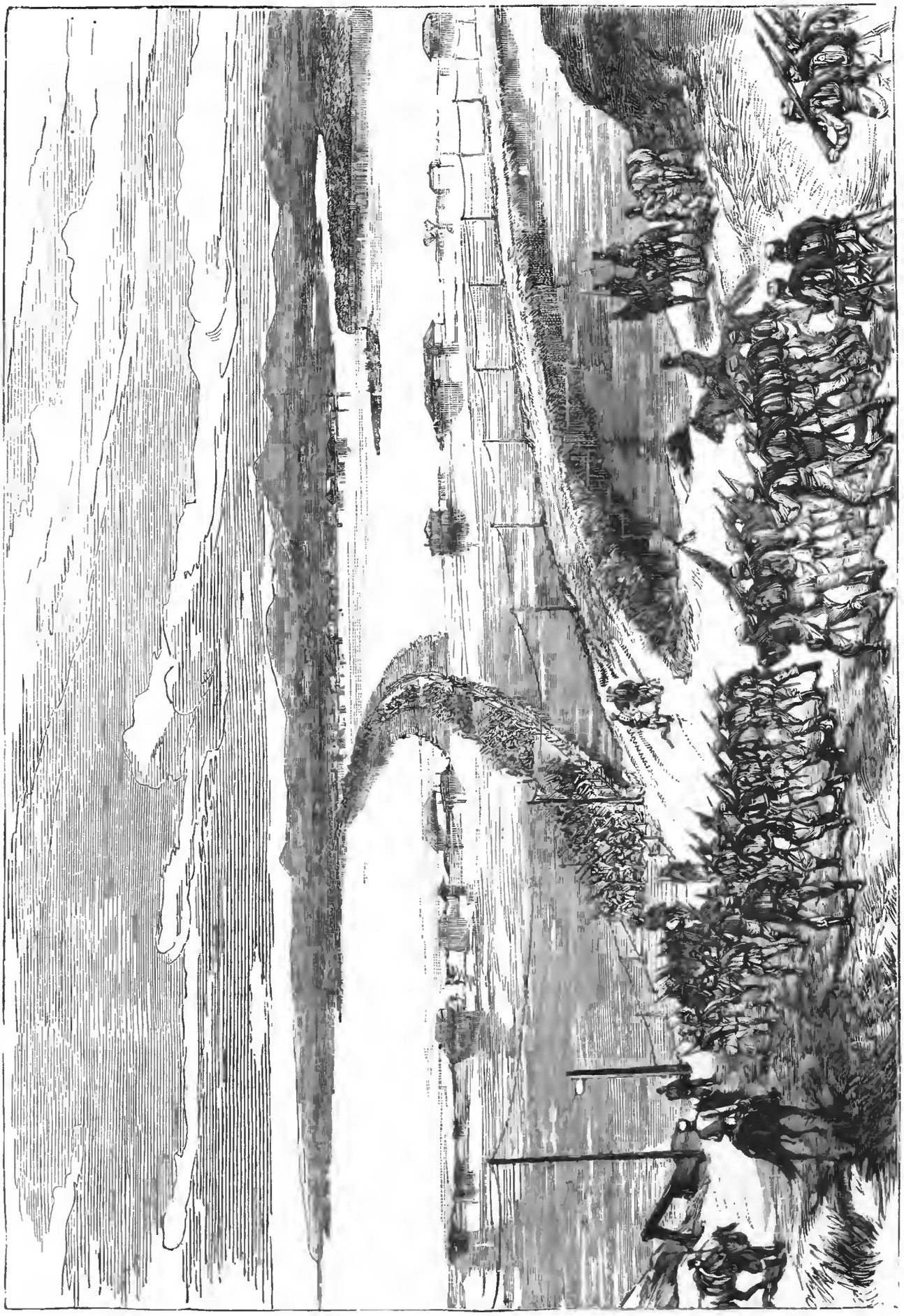
И. Звѣревъ.

Адамъ и Ева нашихъ дней.

(Картина Аликса).

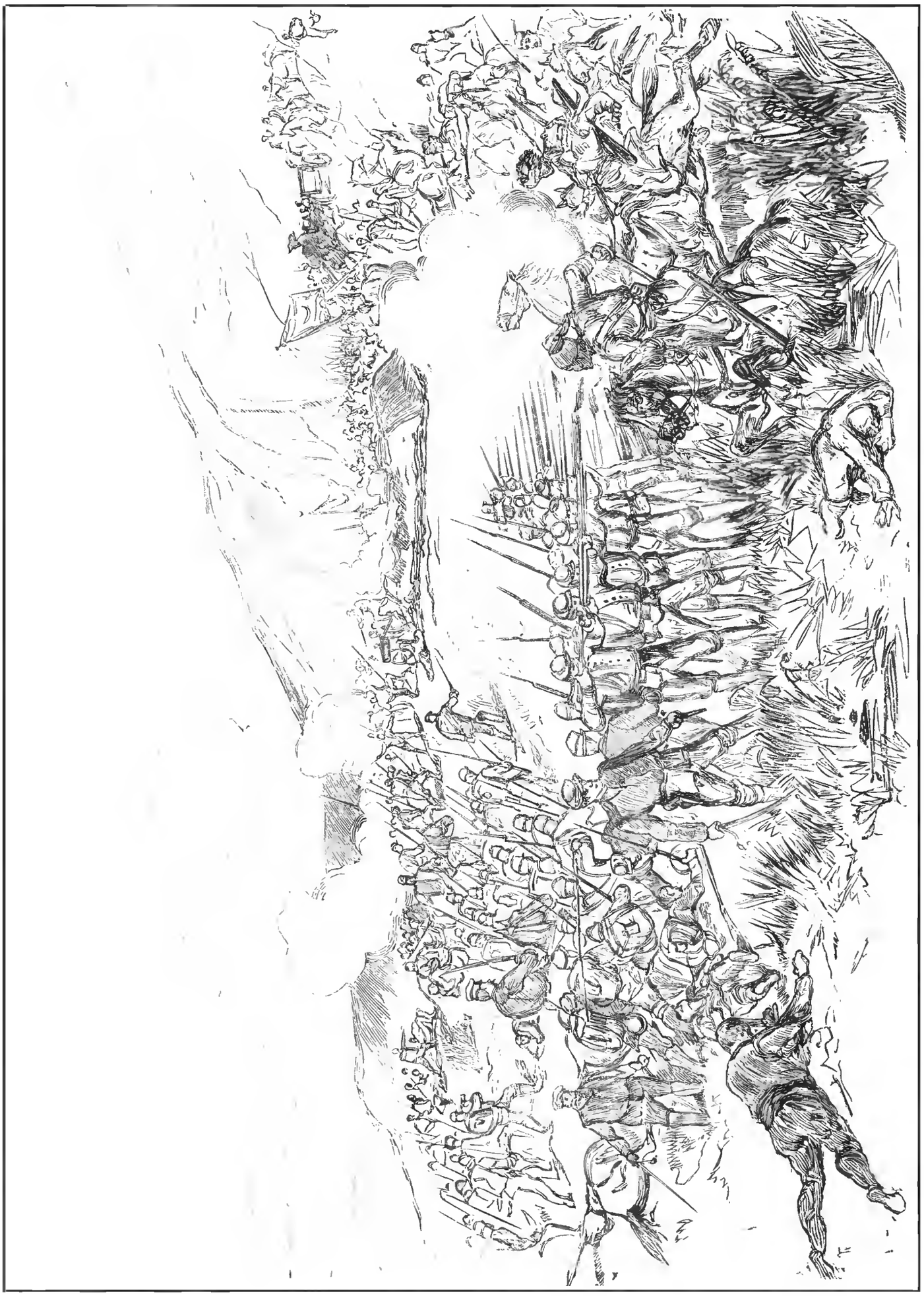
Дѣти, искусившіяся видомъ вкусныхъ плодовъ и поддавшіяся этому искушенію, послужили предметомъ картины, названной художникомъ „Адамъ и Ева нашихъ дней“. Насколько такое названіе примѣнимо къ этой картинѣ—вопросъ спорный,

Библиотека "Руниверс"



Переправа Русскихъ войскъ чрезъ Дунай у Браилова, 10 іюня 1877 г. Рис. Поповъ, грав. Діамантовскій.

Библиотека "Руниверс"



Взятіе турецкой позиціи на Буджавскихъ высотахъ, при переходѣ чрезъ Дунай 10 Іюня 1877 г. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

но что исполнена она превосходно—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Главное ея достоинство, по нашему, не только въ постановкѣ фигуръ и выраженіи лицъ, но въ прелести всѣхъ частностей ея. Что-то особенно граціозное и нѣжное сквозитъ въ каждой чертѣ рисунка и въ то же время эта нѣжность нисколько не умеиьшаетъ силу и выразительность всѣхъ его подробностей.

Все сказанное нами относится только къ выполненію избраннаго художникомъ сюжета; самый же сюжетъ, или вѣрнѣе въ данномъ случаѣ не сюжетъ, а названіе картины, какъ мы сказали выше, можетъ, пожалуй, служить предметомъ спора. Намъ могутъ именно замѣтить, что современные Адамъ и Ева не такіе, и они еще ждутъ своего художника, который изобразитъ ихъ среди настоящей, присущей ихъ идеаламъ, обстановки... Пусть такъ, но задача художника въ настоящемъ случаѣ вовсе не обличительная, и смѣемъ думать, что истинно художественное произведеніе не можетъ ограничиваться однѣми только цѣлями обличеній, слишкомъ въ этомъ случаѣ узкими и недостойными искусства.

М. Л.

Аттака на Буджакскихъ высотахъ и бомбардированіе Журжево

(Письмо нашего корреспондента).

12—16-го іюня.

Къ свѣдѣніямъ о переправѣ войскъ черезъ Дунай, конечно вамъ уже извѣстнымъ, сообщу еще нѣсколько подробностей. 10 ротъ полковъ Рязанскаго и Ряжскаго, первыя переправившіяся на лодкахъ на тотъ берегъ, имѣли горячую схватку какъ на самомъ берегу, гдѣ турецкіе стрѣлки засѣли за окопами, такъ и дальше на буджакскихъ предгорьяхъ, гдѣ пришлось взять штурмомъ турецкія баттареи. Эта молодецкая аттака нашихъ пѣхотинцевъ, стоившая имъ болѣе 200 человѣкъ выбывшихъ изъ строя, была блистательна. Наши солдаты подъ огнемъ непріятеля прошли три версты затопленнаго водою болотистаго пространства, отдѣляющаго берегъ отъ подножія предгорій; мѣстами приходилось идти по поясъ въ водѣ. Когда наши выбрались наконецъ изъ этой топи на болѣе твердый грунтъ, триста человѣкъ турецкихъ кавалеристовъ занеслись имъ въ тылъ. Дѣло было критическое, положеніе нашихъ уже разстроенныхъ движеніемъ по болотамъ могло бы быть печально, если бы русскій солдатъ могъ терять голову въ минуту боя. Нашлись и офицеры и солдаты, которые, впрочемъ, съумѣли оцѣнить опасность и встрѣтить ее какъ слѣдуетъ. Не задерживая общей аттаки, двѣ роты быстро повернули лицомъ къ нападавшимъ и встрѣтили ихъ убійственными залпами. Баши-бузуки были опрокинуты и въ безпорядкѣ повернули назадъ, отдѣльные всадники, занесшіеся въ самые наши ряды, погибли. Между тѣмъ аттака турецкихъ позицій увѣнчалась успѣхомъ, наши ворвались въ окопы и кололи турокъ штыками. Непріятель бѣжалъ. Все это, хотя и небольшое, но блистательное дѣло происходило въ виду остальныхъ переходящихъ и еще не перешедшихъ войскъ и жителей Галаца, зорко наблюдавшихъ въ бинокли и трубы за этими чуть замѣтными точками, двигающимися по скатамъ бо-буджакскихъ предгорій, за этими бѣлыми дымками выстрѣловъ. Громкое ура привѣтствовало первый успѣхъ нашего оружія на правомъ берегу Дуная.

Надо замѣтить, что городу Журжево предполагалось съ нашей стороны сохранить значеніе мирнаго города и безоружнаго вовсе, дабы избавить его отъ совершенно напрасной бомбардировки со стороны турокъ. Для этого въ самомъ городѣ не было возведено ни одной баттареи, хотя бы возведеніе ихъ было для насъ чрезвычайно выгодно. Всѣ войска были выведены, ни одного военнаго склада—ничего, чтобы должно было привлечь непріятельскіе выстрѣлы, не было въ городѣ. Ближайшія наши баттареи находились не ближе какъ въ полуверстѣ.

Едва только наши орудія заговорили, какъ ошеломленные сначала этимъ неожиданнымъ огнемъ турки стали отвѣчать. Наши артиллеристы работали славно, въ первый же часъ турецкая баттарея Салтане, сильный фронтъ которой ясно виденъ почти у самаго берега, замолчала, орудія ея были сбиты; затѣмъ огонь былъ перенесенъ на второй пунктъ, именно на центральную баттарею; та тоже замолчала къ половинѣ пятаго часа вечера. Канонада началась въ три пополудни. Покончивъ съ этою баттареею, наши, систематически переходя отъ одного пункта къ другому, стали громить турецкіе пароходы, стоявшіе у военной пристани; не прошло и четверти часа, какъ два изъ нихъ, получивъ серьезныя поврежденія, были заведены въ доки. Турецкій мониторъ, нѣсколько разъ выдвигавшійся изъ-за своего прикрытія за островомъ, тоже болѣе уже не показывался .. Къ 8 часамъ вечера огонь прекратился; на нашихъ баттареяхъ не было ни одного убитаго, ни раненаго. Это положительное чудо: ибо турецкіе снаряды ложились превосходно, напримѣръ: одна бомба ударилась въ крышу порохового погреба баттареи № 4, лопнула и счастливо рикошетировала, не пробивъ крыши; другая бомба лопнула въ самой амбразурѣ, подъ дуломъ орудія, не тронула его, не задѣла даже осколками ни одного изъ артиллеристовъ. Масса снарядовъ ложилась между баттареями и сзади ихъ, осколки свистали въ воздухѣ, милостью Всевышняго минуя нашихъ солдатъ...

Между тѣмъ, пока шелъ артиллерійскій бой между нашими баттареями и береговымъ фронтомъ крѣпости Рущука, остальныя турецкія баттареи, расположенныя по правому берегу ниже по теченію и неучаствовавшія вовсе въ бою, не находясь даже подъ нашими выстрѣлами, спокойно и систематически также принялись разстрѣливать беззащитный городъ, осыпая его, буквально, снарядами, причемъ прицѣльными пунктами служили именно тѣ зданія, которыя имѣли на себѣ знамя Женевской конвенціи: красный прямоугольный крестъ на бѣломъ полѣ. Пять часовъ подъ-рядъ турки громили Журжево, жители котораго выѣхали частью заблаговременно, частью въ самый день бомбардировки... Мало кто рѣшился остаться, особенно когда загремѣли выстрѣлы и ихъ снаряды обрушились на мирныя крыши городскихъ домовъ.—Приложенные къ этому письму наброски, сдѣланные мною съ натуры, ясно рисуютъ положеніе несчастнаго города. 5 корреспондентовъ: три—русскихъ и два—англійскихъ журналовъ, въ числѣ которыхъ находился и вашъ покорнѣйшій слуга, сочли нужнымъ составить протоколъ по поводу этого безполезнаго звѣрства, прекрасно характеризующаго свойства нашего врага. Этотъ протоколъ подписанъ нами, какъ представителями прессы и отосланъ въ оригиналѣ въ Петербургъ. Печальную картину представляла Журжа на другой день утромъ послѣ бомбардировки, жертвами которой, кромѣ беззащитныхъ зданій, было семь человѣкъ мирныхъ гражданъ и въ числѣ этихъ семи три ребенка.

Наиболѣе пострадали кварталы, гдѣ помѣщались зданія подъ флагомъ краснаго креста. Европейская улица, находящаяся въ секторѣ обстрѣла, положительно превращена въ груду мусора. На ней находятся и разбитыя телеграфная и почтовая конторы и несчастная „Европейская гостинница", за день до бомбардировки, служившая пріютомъ русскимъ офицерамъ. Снаряды ложились чрезвычайно далеко, они достигали почти за станцію желѣзной дороги, около шести верстъ своего полета. Зданіе госпиталя пострадало нѣсколько менѣе, только благодаря своей отдаленности, однако и около него легло болѣе двадцати снарядовъ. Всего выпущено было турками по городу около полуторы тысячи бомбъ, количество весьма достаточное, чтобы превратить этотъ небольшой и красивый городокъ въ груду развалинъ.

Канонада между Рущукомъ и Журжево отвлекла нѣсколько вниманіе турокъ отъ настоящаго пункта аттаки. Вчера пришло извѣстіе, что крѣпость эта полуразрушена и городъ горитъ... Рущуку готовится та-же участь — его паденіе неизбѣжно. Обладаніе этой солидною крѣпостью, сильнѣйшею изъ всѣхъ, расположенныхъ по линіи Дуная, крайне важно для дальнѣйшихъ операцій нашей арміи. Къ Рущуку, какъ вамъ извѣстно, ведетъ вѣтвь желѣзной дороги, связывающая румынскую группу съ турецкими путями сообщенія. Опираясь на этотъ пунктъ, мы владѣемъ началомъ рельсоваго пути на Шумлу и Варну. Понятно, что турки успѣютъ значительно испортить свою дорогу, но возстановить испорченное все-таки легче, чѣмъ создать новое. Отъ Рущука идутъ также два превосходныя шоссе: одно на Разградъ, почти параллельно желѣзной дорогѣ, другое на Терново—въ древнѣйшую столицу Болгаріи—оба, значитъ, въ Балканы, къ ихъ наиболѣе удобнѣйшимъ проходамъ. Это тоже важное обстоятельство, значительно облегчающее движеніе нашихъ корпусовъ, а главное ихъ боевыхъ и хозяйственныхъ тяжестей. Крѣпко будутъ отстаивать турки Рущукъ, они, конечно, понимаютъ сами все его значеніе и, надо отдать полную справедливость, наши войска готовятся къ аттакѣ Рущука—осмотрительно, безъ этой почти всегда вредной хвастливой самоувѣренности.

Корпусъ генерала Циммермана, получено сегодня извѣстіе, быстро подвигается впередъ; его авангардъ уже въ виду Силистріи. Турки повсюду отступаютъ, избѣгая сраженій въ открытомъ полѣ. Это ихъ постоянная тактика.

Со дня на день ожидаются новыя событія, новыя вѣсти. Дай Богъ, чтобы они были также благопріятны для нашей славной арміи, какъ были до сихъ поръ. Рисунокъ „рыбная ловля подъ выстрѣлами" есть просто оригинальный эпизодъ изъ стоянки нашихъ войскъ на Дунаѣ. Онъ превосходно характеризуетъ духъ нашего солдата, его наивную простоту и безшабашную отвагу.

Н. Каразинъ.

Библиотека "Руниверс"

Политическія и военныя извѣстія.

Послѣднимъ и важнымъ извѣстіемъ съ Дунайскаго театра войны за прошлую недѣлю представляетъ взятіе нашими войсками *Никополя*. Объ этомъ мы уже сообщили въ прошломъ обозрѣніи (см. «Нива» № 28). На Никополѣ уже развѣвается, какъ извѣщали телеграммы, нашъ флагъ. Подробностей этого славнаго дѣла пока еще нѣтъ. Но есть нѣкоторыя подробности относительно другого славнаго дѣла—перехода нашихъ войскъ черезъ Балканъ. Генералъ Гурко двинулся 30-го іюня (12-го іюля) изъ Тырнова, по направленію къ Казанлыку, съ авангардомъ изъ всѣхъ родовъ оружія. 1-го (13-го) іюля генералъ перешелъ Балканы, а на другой день 2-го (14-го) онъ напалъ и разсѣялъ турецкій батальонъ, засѣвшій въ тѣснинѣ при деревнѣ Ханкіой; затѣмъ онъ направился къ Казанлыку, лежащему южнѣе Шипковой клиссуры или ущелья, гдѣ совершенъ былъ переходъ. Этотъ маршъ на Казанлыкъ генералъ совершилъ уже въ тылу непріятеля. Вслѣдъ затѣмъ двѣ сотни казаковъ проникли къ *Іени-Загра* (къ востоку отъ Казанлыка, разрушивъ при этомъ телеграфъ, проведенный въ *Нони-Загру* и *Сливно* при деревнѣ *Орсосаръ*. Затѣмъ наши отряды явились у *Ямполя* (къ югу отъ Сливно). Результатомъ этого смѣлаго движенія нашихъ войскъ было бѣгство здѣшняго мусульманскаго населенія къ Адріанополю, какъ опорному пункту, куда стягиваются теперь и турецкія войска. Число переправившихся до сихъ поръ за Балканы нашихъ войскъ одна изъ вѣнскихъ телеграммъ опредѣляетъ въ 45 батальоновъ, и противъ нихъ-то теперь турецкій главнокомандующій сосредоточиваетъ 50 тысячное войско у Адріанополя.

Но движась изъ Тырнова къ Казанлыку и Балканамъ, наши войска выдержали упорную битву съ турками. Между *Тырновымъ* и *Габрово* наши 15,000 войскъ сошлись съ авангардомъ 25-тысячнаго турецкаго корпуса. Результатъ этой встрѣчи нѣкоторое время былъ неизвѣстенъ. Только страшная канонада въ этой мѣстности свидѣтельствовала, что въ мѣстности между Тырновымъ и Габровымъ происходитъ жаркая и упорная битва. По словамъ вѣнскихъ депешъ, мы побѣдили, хотя и съ большими потерями. Но вѣрныхъ подробностей этого дѣла нужно ждать изъ оффиціальныхъ источниковъ.

Что касается нѣкоторыхъ подробностей общаго плана нашего движенія черезъ Балканы, то нужно замѣтить, что Казанлыкская дорога черезъ Балканы лежитъ собственно у деревни Шипки (чрезъ ущелье). Самъ Казанлыкъ лежитъ южнѣе Шипки, въ прелестной широкой долинѣ, въ которой густымъ ковромъ раскинулась растительность дикихъ розъ или шипъ, (оттого и названіе «Шипка»), простираясь къ сѣверу до Шипки. Кругомъ эту равнину окружаютъ колоссальныя горныя цѣпи, состоящія изъ гранита и гнейса. Шипка лежитъ къ сѣверу отъ Казанлыка, слѣдовательно и главный переходъ черезъ Балканы находится тоже къ сѣверу; тамъ и самый переходъ черезъ Балканы составляетъ вмѣстѣ переходъ изъ долины р. Тунджи въ верхней Янтрѣ. Нашъ первый передовой отрядъ, перешедшій Балканы подъ предводительствомъ генерала Гурко, перешелъ нѣсколько восточнѣе Шипки, потому что проходъ Шипки занимали турки, и Гурко долженъ былъ пройти Балканы въ тылъ непріятелю. Но затѣмъ 18 батальоновъ нашихъ войскъ, при помощи болгаръ-проводниковъ, перешли Балканы уже черезъ самое ущелье Шипки.

Переходъ черезъ Балканы имѣлъ непосредственнымъ и быстрымъ слѣдствіемъ появленіе нашихъ отрядовъ около *Ямболи*, лежащемъ на Тунджѣ, уже далеко къ востоку отъ Казанлыка. Это быстрое движеніе нашихъ войскъ можно объяснить только завладѣніемъ долиною р. Тунджи, имѣющей протяженіе къ востоку почти до самаго Ямболя.

Есть извѣстіе, что будто-бы Абдулъ-Керимъ-паша, подстрекнутый упреками изъ Константинополя за медленность и нерѣшительность, *началъ наступательныя дѣйствія* противъ лѣваго фланга русской арміи и, подкрѣпленный Сулейманъ-пашею, собралъ противъ русскихъ у Адріанополя 50,000 человѣкъ, каковое войско Абдулъ-Керимъ и двинетъ противъ 45 батальоновъ русскихъ, перешедшихъ Балканы. Трудно однако согласить это извѣстіе съ извѣстіемъ о смѣщеніи Абдулъ-Керима и замѣнѣ его Османъ-пашею.

Засимъ извѣщаютъ, что корпусъ Ахмедъ-Эюба-паши, до сихъ поръ занимавшій *Плевну* (къ юго-западу отъ Никополя и соединенъ съ нимъ желѣзною дорогой) и нѣкоторые города на Дунаѣ, теперь отступилъ за рѣку *Джибрицу* *) и сосредоточивается при Виддинѣ, чтобы прикрывать боковую Софійскую линію.

Послѣ долговременнаго обстрѣливанія, *Раховъ* (на Дунаѣ, къ западу отъ Никополя) наконецъ очищенъ 7 (19) іюля отъ турецкаго гарнизона въ 1000 человѣкъ. Гарнизонъ этотъ направился къ Виддину.

Изъ этихъ извѣстій становится нѣсколько яснымъ теперешнее расположеніе главныхъ частей турецкой арміи. *Виддинъ* къ сѣверо-западу и Адріанополь къ юго-востоку,—вотъ пункты, гдѣ концентрируются теперь турецкія силы. Цѣль сосредоточенія турокъ у Виддина—прикрытіе Софійской дороги чрезъ Филиппополь и Адріанополь къ Константинополю, слѣдовательно воспрепятствованіе туркамъ утвердиться въ Виддинѣ должно входить и въ наши стратегическіе планы. И дѣйствительно, послѣднія телеграммы отъ 7-го (19-го) іюля уже сообщили, что нашъ 9-й корпусъ и часть 8-го уже двинулись на западъ отъ Никополя къ Ломъ-Паланкѣ и заняли Цыбру-Паланку, съ намѣреніемъ окружить Виддинъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что на всемъ протяженіи по Дунаю съ востока на западъ, отъ Рущука до Виддина, предстоитъ на дняхъ важныя и рѣшительныя событія.

На Закавказскомъ театрѣ войны, повидимому, поступило затишье.

Наши дѣйствія тамъ, за недостаткомъ свѣжихъ извѣстій представляются теперь во всякомъ случаѣ не совсѣмъ ясными. Но зато начинаетъ разъясняться общій ходъ нашихъ операцій въ этомъ краѣ съ самаго начала войны. Наступательное сначала движеніе нашихъ войскъ тамъ сдѣлалось оборонительнымъ. Мы уже упоминали объ этомъ предметѣ прежде, говорили и о томъ, что наши дѣйствія за Кавказомъ не имѣютъ существеннаго значенія и не могутъ повліять на общій исходъ войны.

Коснемся затѣмъ политическихъ фактовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ текущей войнѣ.

Вопервыхъ мы должны отмѣтить, что слухи настоянья «о мирныхъ будто бы переговорахъ, имѣющихъ начаться между воюющими сторонами», т. е. между Россіей и Турціей, и о посредничествѣ какой-либо великой европейской державы въ этихъ переговорахъ, все еще, какъ и прежде, продолжаютъ являться, какъ и прежде, Богъ знаетъ откуда, изъ-за какихъ-то кулисъ... Припомнимъ, что и при началѣ текущей войны наши европейскіе доброжелатели рекомендовали намъ «миръ», золотой мостъ отступленія передъ Турціей!..

Подобно вышесказаннымъ инсинуаціоннымъ слухамъ о мирѣ, упорно распространены разными европейскими корреспондентами, въ послѣднее время слухи о «варварствѣ русскихъ войскъ» (!) относительно турокъ.—Цѣль распространенія этихъ слуховъ понятно—«свалить съ больной головы на здоровую» дѣйствительно варварскіе поступки турокъ съ Болгарами.

Опасности, которыя угрожаютъ въ близкомъ будущемъ Турціи, развязали языкъ и англійской прессѣ. Такъ, Лондонская «Standard» уже, не обинуясь, настаиваетъ, чтобы британское правительство заявило, ранѣе движенія русскихъ войскъ на Адріанополь, что у *воротъ Константинополя Россія встрѣтитъ силы Англіи* (Sic !!) Такая политика, по мнѣнію «Standard» до безконечности (?) уменьшитъ рискъ европейской войны. Но вѣдь если возможна теперь европейская война, то по чьей же инициативѣ она возможна??—Конечно, по инициативѣ той же Англіи. Могущественная Германія въ добромъ расположеніи къ намъ и не начнетъ европейской войны изъ-за турокъ. Стоило пускать въ ходъ софизмы тамъ, гдѣ дѣло очень просто!..

Изъ сказаннаго, однако, совсѣмъ не слѣдуетъ, что Германія будетъ безучастной зрительницей европейской войны, если таковая разгорится. Изъ Берлина была недавно помѣщена въ „Русскомъ Инвалидѣ“ корреспонденція, въ которой говорится, что, судя по мѣропріятіямъ, со стороны высшаго военнаго управленія, Германія употребляетъ всѣ средства, чтобы не быть застигнутою врасплохъ въ ту минуту, какъ въ Европѣ разыграется война. Военное министерство, напр., усиленно занято организаціей Германскаго ландштурма. О родѣ вооруженія ландштурма и другого рода войскъ идутъ весьма дѣятельныя обсужденія... и т. д. Повторяемъ: Германія не будетъ безучастною зрительницею обширной войны, но не на нее, конечно, падетъ кровь, какая прольется подобною грозною войной. Германія, конечно, вооружится противъ Франціи, и именно Бонапартистской—ибо Франціи снова угрожаетъ опека бонапартизма и клерикализма, а *таковая* Франція тоже не отступитъ отъ своихъ традицій—отстаивать, въ союзѣ со своей сосѣдкой пресловутое равновѣсіе Европы. Все это въ порядкѣ вещей, хотя до этого дѣла можетъ быть и не дойдетъ...

Въ телеграммѣ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею отъ 9-го іюля изъ Тырнова сказано, что 5-го числа флигель-адъютантъ Жеребковъ, со 2-мъ эскадрономъ гвардейскихъ казаковъ, двумя сотнями 30-го полка, сотней 23-го полка и двумя конными казачьими орудіями и командой Владикавказскаго полка, въ нѣсколькихъ верстахъ за Сельви, наткнулись на скопище черкесовъ, баши-бузуковъ и пѣхоты, всего около 1,500 человѣкъ, имѣли жаркое съ ними дѣло, опрокинули ихъ и съ боя взяли городъ Ловчу. Городъ этотъ лежитъ на западъ отъ Тырнова, почти на одной съ нимъ параллели (немного сѣвернѣе) и расположенъ по обѣимъ берегамъ р. Осмы (притока Дуная, впадающаго близь Никополя). Восточная часть города прислонена къ горѣ и выстроена полукругомъ. По узкимъ улицамъ можно взобраться на вершину этой горы. Отсюда въ 1829 году русскіе офицеры генеральнаго штаба дѣлали свои съемки. Въ городѣ считается до 15 тысячъ жителей, въ

*) Рѣка Джибрица или Цыбрица впадаетъ въ Дунай у *Цыбру-паланки*, въ востоку отъ Виддина и Ломъ-паланки.

Библиотека "Руниверс"

Общій видъ города Систова. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

числѣ которыхъ до 400 семействъ христіанъ; прочее населеніе—магометане, которые живутъ преимущественно въ западной части города.

Противъ непріятеля, наступающаго отъ Дуная, Ловча составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ для защиты Балкановъ. Поэтому занятіе его нашими войсками имѣетъ большое значеніе въ стратегическомъ отношеніи. За симъ получена отъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, отъ 7 іюля, изъ Тырнова, получена телеграмма:

«Ура! Проходъ Шибки сегодня у насъ въ рукахъ. Сынъ мой Великій Князь Николай сію минуту прибылъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ. 5-го-же числа генералъ Гурко взялъ Казанлыкъ и селеніе Шибки. 7 іюля орловцы вновь перешли въ наступленіе, но турки бѣжали безъ боя и даже безъ выстрѣла. Въ 4 часа дня войска турецкія были въ виду Орловскаго полка; турки бѣжали на западъ, бросивъ 3 знамени, 8 орудій и оружіе; паника огромная. Перевалъ занятъ Орловскимъ полкомъ и двумя орудіями».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **В. А. А.** Вы пишете: «посылаю стихи моихъ трудовъ, гдѣ излилъ чувства мыслей тѣхъ, чтобы напомнить время прошлыхъ лѣтъ». Очень краснорѣчиво, но извините: ничего понять нельзя. Выписываемъ одну строфу изъ вашего творенія, гдѣ «чувства изливаютъ мысли»:

Ты сверстникъ школьныхъ мнѣ наукъ,
Но и оставилъ ихъ тебѣ,
А мнѣ судьба тропинку въ дальней сторонѣ ившла
И разлучила быть друзьями намъ съ тобой.

Жаль, что вы оставили «школьныя науки».

2. **Дубовка, Сам—ову.** У васъ тоже относительно размѣра стиховъ смѣлости не мало; напримѣръ:

«А изнеможенная волшебница зима ей съ досадой низко поклонилась,
И закрывъ безжизненные глаза погрузилась въ долгій сонъ».

Надо же, въ самомъ дѣлѣ и Бога вспомнить: а то, подумайте, вѣдь этакъ можно со строкой «распространиться» на вершинъ.

3. **Москва, Добрая слободка, И. Фед—ову.** Займитесь-на лучше дѣломъ, соотвѣтствующимъ вашему званію, чѣмъ смѣшить публику совершенно безграмотными «сочиненіями».

СОДЕРЖАНІЕ: **Видъ земли съ Венеры и Луны** (съ 2 рисунками).—**Поздно** (Страница изъ жизни). **Н.—Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай 10 и 15 іюля 1877 года** (съ 3-мя рисунками).—**Очерки изъ русской исторіи: Сіонъ или Дарохранительница Іоанна III** (съ рисункомъ). **И. Звѣрева.—Адамъ и Ева нашихъ дней** (съ рисункомъ). **М. Л.—Аттака на Буджакскихъ высотахъ и бомбардированіе Журки** (съ 4-мя рисунками). **Н. Каразина.**—Политическія и военныя извѣстія. Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

СКОРОВЫСЫХАЮЩІЯ МАСЛЯНЫЯ КРАСКИ,
извѣстныя во всей Россіи и заграницей,
фабрики **Н. Ф. КЮНА,**
ПРОДАЮТСЯ, КРОМѢ ФАБРИКАНТА,
ВЪ КОНТОРАХЪ Л. Э. КУБАРИЧЪ:
С.-Пб., Галерная, № 33., **Москва**, Мясницкая, д. церкви Св. Николая.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Магазины: Адмиралт. площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3, противъ Стремянной.
АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
10
Товарищество Чемберсъ и К°.

«Московское Обозрѣніе».
ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ХУДОЖЕСТВЪ.
(ИЗДАНІЕ БЕЗЦЕНЗУРНОЕ).
Выходитъ еженедѣльно, въ формѣ сброшюрованныхъ и снабженныхъ изящными обертками книгъ.
Для большаго удобства гг. подписчиковъ все годовое изданіе журнала «Московское Обозрѣніе» раздѣляется на ШЕСТЬ большихъ томовъ (отъ 500 до 600 стр. бол. формата въ каждомъ), снабженныхъ отдѣльными обертками, нумераціями и оглавленіями.
Желая доставлять гг. подписчикамъ самыя свѣжія извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, редакція пріобрѣла трехъ собственныхъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Дунайской арміи, двухъ—на Кавказѣ, одного—въ Черногоріи и одного—въ Петербургѣ, и кромѣ того вошла въ соглашеніе съ рус. международнымъ телеграфнымъ агентствомъ.
Всѣ получаемыя имъ указанныхъ источниковъ телеграфныя извѣстія съ 6-го апрѣля наст. года выпускаются въ свѣтъ ежедневно (а иногда и 2 раза въ день) и въ видѣ приложеній разсылаются гг. подписчикамъ при журналѣ безплатно.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ дост. и пер.	7 р. — к.	На годъ безъ дост. и пер.	6 р. — к.
» 1/2 года.	4 » — »	» 1/2 года.	3 » — »

Для всѣхъ, какъ служащихъ, такъ и неслужащихъ подписчиковъ можетъ быть допускаема разсрочка.
Лица, подписавшіяся на все годовое изданіе журнала, пользуются правомъ на полученіе безплатной преміи 3-1

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Ваниовской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи
Александръ Венцель
Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.
Цѣна жестянки 1 р. безъ пересылки, вѣсъ 1 1/4 ф.
№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—25

Дозволено цензурою. СПБ. 15 Іюля 1877 г. Тип. Веллинга, Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 30 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 25 Іюля 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

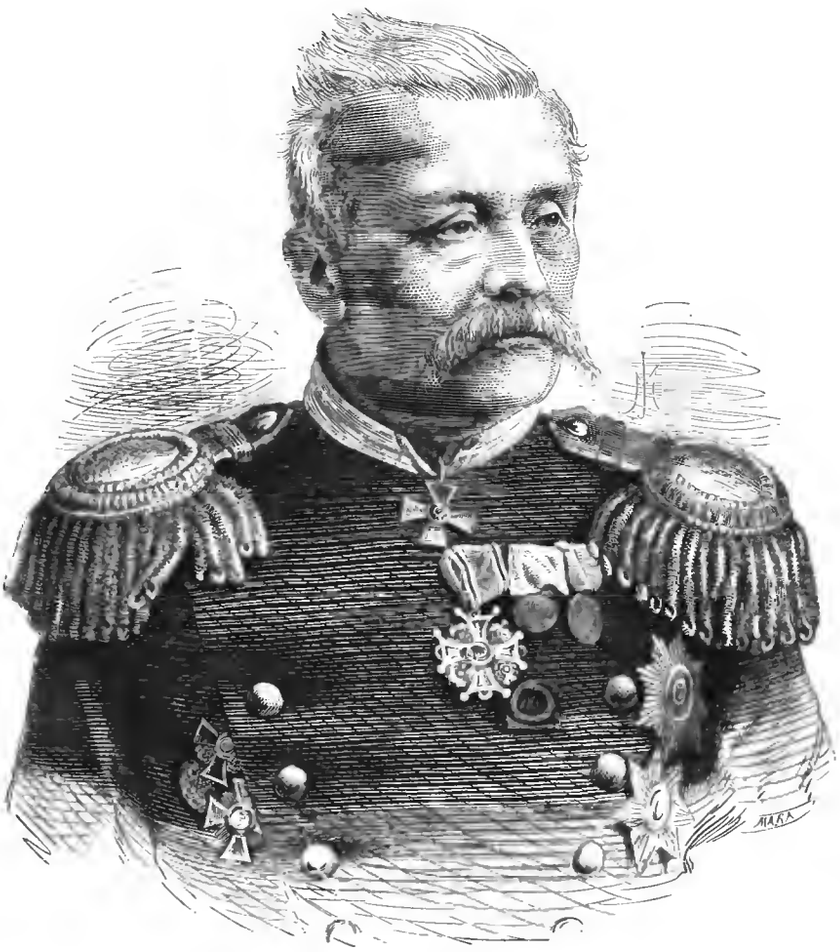
Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

Контора журнала «Нива» помѣщается въ С.-П.-Бургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

Ком. 9-го кор. дѣйст. арміи на Дунаѣ, ген.-лейт. баронъ Н. П. Криденеръ 3-ій.

Генералъ-лейтенантъ баронъ Николай Павловичъ Криденеръ 3-ій,—герой Никополя, взятаго нашими войсками подъ его командой іюля 2 дня с. г.

Баронъ Николай Павловичъ родился 10 марта 1811 года. Родители его дворяне Лифляндской губерніи, лютеранскаго вѣроисповѣданія. Образованіе онъ получилъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ и Академіи, откуда, по окончаніи полнаго курса въ 1828 году, былъ выпущенъ офицеромъ въ полевые инженеры: на 1831 году переведенъ въ гвардейскіе офицеры. Въ 1833 году онъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, гдѣ окончивъ курсъ въ числѣ первыхъ, былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны съ переводомъ въ генеральный штабъ. Въ началѣ 1838 года былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ, сперва 10-й, а потомъ 3-й пѣхотныхъ дивизій; въ 1841 году назначенъ въ чинѣ капитана въ главную квартиру дѣйствующей арміи для порученій. Въ 1846 г. въ чинѣ подполковника, назначенъ былъ состоять въ распоряженіи военнаго министра и генералъ-квартирмейстера, а годъ спустя занялъ видное мѣсто въ департаментѣ генеральнаго штаба. Въ 1849 г. въ Венгерскую кампанію въ званіи оберъ-квартирмейстера отдѣльнаго гренадерскаго корпуса за отличное веденіе должности произведенъ въ полковники. Съ этимъ годомъ кончается, такъ сказать, кабинетная его дѣятельность и начинается строевая служба. Сначала назначенъ командиромъ принца Евгенія Виртембергскаго полка (нынѣ 6-й Таврическій Е. И. В. Великаго князя Михаила Николаевича), затѣмъ въ 1858 г. командиромъ Кексгольмскаго гренадерскаго Императора Австрійскаго полка, въ составѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ 1859 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и принялъ въ командованіе лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ. Въ августѣ 1863 г. назначенъ начальникомъ 27-й пѣхотной дивизіи. Принимая участіе въ кампаніяхъ Венгерской, Восточной и Крымской, ему не удавалось ни разу вы-



Командиръ 9-го армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ баронъ Н. П. Криденеръ 3-ій.
Грав. Макаровскій.

Библиотека "Руниверс"

казать свои военныя способности и распорядительность и только въ 1863 г., при усмиреніи Польскаго мятежа, въ дѣлахъ 2-го апрѣля и 24-го августа, гдѣ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ, онъ, разбивъ двѣ многочисленныя шайки мятежниковъ, заявилъ себя какъ боевой генералъ. Наградою за оказанные подвиги была золотая сабля за храбрость. Въ 1865 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ концѣ прошлаго года назначенъ командиромъ 3-го корпуса дѣйствующей арміи на Дунаѣ.

Баронъ Николай Павловичъ Криденеръ, какъ сказано выше, герой Никополя. О взятіи этого города и его крѣпости онъ телеграфировалъ отъ 3 іюля изъ Турну-Мугурелли Его Императорскому Величеству:

„Имѣю счастіе донести, что Никополь у ногъ Вашего Величества, послѣ ожесточеннаго боя, длившагося вчера съ четырехъ часовъ утра до наступленія ночи. Крѣпость сдалась безусловно сегодня на разсвѣтѣ. Войска Вашего Величества дрались съ безпримѣрнымъ мужествомъ, овладѣвая постепенно рядами сильно укрѣпленныхъ позицій. Въ плѣнъ взято двое пашей и до шести тысячъ регулярнаго войска".

О подробностяхъ этой битвы въ настоящее время имѣются слѣдующія извѣстія: 2 іюля, въ 5 часовъ утра, начался приступъ, продолжавшійся безъ перерыва до девяти часовъ вечера. Наши войска нападали съ двухъ сторонъ, ихъ силы были раздѣлены на двѣ половины, вслѣдствіе необходимости аттаковать турокъ съ двухъ сторонъ. Съ правой стороны имъ необходимо было отправиться съ нѣсколькими земляными верками, съ лѣвой надо было одолѣть неправильную стѣну старинной цитадели, бастіоны которой со стороны плоскогорія командуютъ футовъ на двадцать и защищены рвомъ въ 30 футовъ ширины. Старая крѣпость обшита штукатуркой и, повидимому, казалась неприступной для пѣхоты. Наши войска безостановочно продолжали въ теченіи цѣлаго дня подвигаться впередъ. Около 9-ти часовъ вспыхнулъ огонь среди военныхъ запасныхъ магазиновъ Никополя, расположенныхъ по Дунаю; они горѣли всю ночь. Турки, видя безполезность усилій къ сопротивленію, рѣшили уничтожить что можно, чтобы не досталось въ руки русскихъ. Весь день турки сильно страдали отъ огня съ баттарей, расположенныхъ во Фламундѣ. Это бомбардированіе продолжалось съ 5-ти часовъ утра до 9-ти вечера. Сильная канонада происходила на Дунаѣ и рѣзкій пѣхотный огонь слышался на вершинѣ холма впродолженіе всего утра.

Наши войска аттаковали съ большой энергіей и 3 часа длилось сраженіе на гласисѣ. Во время этой послѣдей отчаянной схватки войска положительно смѣшались съ непріятелемъ; тѣла турокъ наполнили ровъ. Этотъ послѣдній штурмъ рѣшилъ судьбу Никополя и 3 іюля въ половинѣ 6-го утра турки сдали крѣпость и доказали еще разъ, что древняя доблесть мусульманъ не въ силахъ болѣе оборонять своихъ старыхъ крѣпостей отъ такихъ нападеній, образецъ которыхъ виденъ въ подвигѣ храброй команды Криденера. По слухамъ, у турокъ было 3000 убитыхъ и раненыхъ. Турки сражались упорно, отстаивая каждую пядь земли, до тѣхъ поръ, пока смѣлый приступъ нашихъ войскъ и взятіе укрѣпленій на высотахъ не доказали имъ всю безполезность дальнѣйшаго сопротивленія.

„Бой подъ крѣпостью былъ самымъ жаркимъ и самымъ важнымъ дѣломъ въ настоящей войнѣ. Возвышенное плоскогоріе, простирающееся на нѣсколько миль позади, пересѣкается виноградниками, группами деревьевъ, зерновыми полями, послужившими нашимъ для прикрытія; но все таки они сильно пострадали, взбираясь по крутизнамъ и подвергаясь огню турецкихъ орудій съ большой крѣпости и нѣсколькихъ меньшихъ баттарей. Осада и взятіе этой важной крѣпости есть смѣлый подвигъ нашихъ войскъ.—Въ плѣнъ взяты Ахмедъ и Гассанъ-паши и 6 тысячъ регулярнаго войска. Добыча состоитъ изъ 40 полевыхъ пушекъ, установленныхъ въ баттареѣ вдоль высотъ (изъ нихъ 12 крупнаго калибра), а также изъ 2 мониторовъ.

Н.

Поздно

(Страница изъ жизни).

(Окончаніе).

Матушка встала и принесла письмо. Анна Петровна писала, съ обычными ея причитаніями, что Хазаровъ оказался негодяемъ, и что Соня разошлась съ нимъ. Она прибавляла, что Соня раскаивается, страдаетъ о потерянномъ счастіи, любитъ меня по прежнему, но никогда первая, не рѣшится сдѣлать шагъ къ примиренію и пр. Пока я читалъ письмо, ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ моемъ лицѣ. Давно ужь я прочелъ его, но держалъ въ рукахъ и размышлялъ. Хазаровъ бросилъ Соню,—это ясно; ея чувство, ея самолюбіе было оскорблено, поругано; я понималъ, какъ она должна была страдать, но я торжествовалъ: злое чувство радости закралось въ мое сердце; въ эту минуту я хотѣлъ, чтобы она страдала ужасно и чтобы не было конца ея страданіямъ.

— Петя,—сказала мнѣ мать,—прости ее...

Я вскочилъ, какъ ужаленный.

— Никогда!... закричалъ я.

Взять назадъ жену, которая принадлежала другому,—Эта мысль была для меня невыносима. Я закричалъ такъ громко, что сестра выбѣжала изъ другой комнаты. Пошептавшись съ матушкой, она рѣзко сказала:

— Нѣтъ, мама, такія оскорбленія не прощаются, братъ правъ.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Вотъ уже второй разъ, какъ она такъ жестоко отзывается о женѣ моей.

— Знаешь что, Петя,—продолжала сестра,—вытребуй сына, онъ будетъ тебѣ утѣшеніемъ, ты имѣешь болѣе правъ на него.

Я молчалъ.

— Хочешь, я напишу за тебя, прибавила она, положивъ мнѣ руку на плечо.

Странное дѣло! мнѣ казалось, что я ненавидѣлъ жену мою, и въ то-же время я негодовалъ на сестру за то, что она враждебно относилась къ ней. Я высвободилъ свое плечо.

— Нѣтъ,—сказалъ я,—я не возьму сына; она несчастна, онъ единственное ея утѣшеніе, пусть онъ останется при ней.

Нечаянно я взглянулъ на мать: она вязала чулокъ и изъ-подъ очковъ ея старческія слезы капали на ея работу. Я не выдержалъ, ушелъ къ себѣ, заперся и плакалъ, плакалъ долго, чуть ли не первый разъ послѣ моего несчастія. Озлобленіе уступило чувству жалости. Когда она была счастлива, любима моимъ соперникомъ; я ненавидѣлъ ее, теперь она несчастна, несчастнѣе меня: съ ней живетъ укоръ совѣсти, котораго нѣтъ у меня. Такъ я размышлялъ и мнѣ было жаль ее. Но простить! матушка говоритъ: простить! да если бы я забылся до того, чтобы послѣ того, какъ другой владѣлъ ею, прижать ее снова къ своей груди, я бы, кажется, задушилъ ее и убилъ себя. Нѣтъ, возврата быть не можетъ. Зачѣмъ мое безотрадное прозябаніе снова возмутили этими извѣстіями. Я вышелъ къ матушкѣ и сестрѣ и сказалъ.

— Если вы имѣете ко мнѣ хоть каплю жалости, прошу васъ никогда не упоминать мнѣ о ней.

Какъ я былъ жестокъ! ихъ душа вся изныла, глядя на меня, а я говорилъ имъ о состраданіи.

Поплелись дни за днями. Я занимался своимъ дѣломъ, но механически. Душа моя была мертва и тѣло таяло день ото дня, я тосковалъ невыносимо. Были минуты, когда я готовъ былъ бѣжать къ женѣ и умолять ее вернуться, но ложная гордость удерживала меня. Родные мои страдали, глядя на мое нѣмое отчаяніе, и придумали сильное и смѣлое лекарство; но я ничего не зналъ о ихъ замыслахъ; я замѣтилъ только, что между матерью и сестрой стали происходить какіе-то оживленные разговоры, споры, чего прежде не бывало. Однажды, возвращаясь домой изъ университета, я увидалъ въ передней на вѣшалкѣ женское платье; это удивило меня и раздосадовало. Въ послѣднее время никто не бывалъ у насъ, а если и заходили знакомые сестры и матери, то старались не досиживать до моего пріѣзда: мой убитый видъ пугалъ всѣхъ. Я отворилъ дверь въ гостинную, горячо желая ни съ кѣмъ не встрѣтиться и проскользнуть незамѣченнымъ въ свой кабинетъ. Только что я ступилъ въ гостинную, у меня подкосились ноги: передо мной стояла она... Соня, съ

Библиотека "Руниверс"

нашимъ сыномъ на рукахъ. Если бы не было тутъ-же возлѣ двери дивана, я бы упалъ. Я опустился на него и не могъ выговорить ни слова. Она подошла и посадила мнѣ на колѣни сына.

— Возьми его,—сказала она,—ты имѣешь на него болѣе правъ, чѣмъ я.

Это „ты“ звучало такъ странно послѣ того, что было, но она такъ чиста, даже павшая, что ей въ голову не приходило прибѣгать къ тому напыщенному „вы“, которымъ жены въ этихъ случаяхъ обыкновенно признаютъ свою виновность. У меня на колѣняхъ сидѣлъ мой сынъ, мой Володя, я, поддерживая его дрожащими руками, какъ истуканъ смотрѣлъ на него. Вдругъ ребенокъ мнѣ улыбнулся. Тогда я не выдержалъ; сердце переполнилось; я посадилъ ребенка на диванъ и, закрывъ лице руками, громко зарыдалъ. Она подошла ко мнѣ, тихонько тронула меня за плечо, я судорожно вздрагивалъ и рыдалъ. Свиданіе съ нею, съ ребенкомъ, раскрыло всѣ мои раны. Въ эту минуту болѣе чѣмъ когда-нибудь я страдалъ о погибшемъ счастьѣ. Я ясно представлялъ себѣ, что могло бы быть, еслибы...

— Петя,—шептала Соня, наклонясь ко мнѣ,—скажи мнѣ, можешь ты когда-нибудь простить меня. Еслибы ты зналъ, что я выстрадала, ты бы сжалился надо мной.

— А я,—говорилъ я прерывистымъ голосомъ,—я не страдалъ! я все отдалъ одной только женщинѣ. Вся любовь, къ которой только способна душа моя, была ея, ни прежде, ни послѣ я не любилъ никого, и вотъ...

Я замолчалъ.

Видно Соня прочла въ глазахъ моихъ ту глубокую скорбь, которая наполняла мое сердце, потому что и она заплакала.

— Другъ мой! сказала она, схвативъ мою руку и покрывая ее поцѣлуями,—я безумная! какъ могу я молить о прощеніи, когда вся твоя жизнь отравлена мною. Нѣтъ, простить меня ты не можешь! но умоляю, позволь мнѣ остаться съ тобою; пусть я буду только видѣть тебя, ухаживать за тобою и... не разставаться съ Володей.

Я отодвинулся отъ нея. То чудовище, которое заѣдало жизнь мою,—ревность, не оставляло меня даже въ отношеніи моего собственнаго сына. Не я ей нуженъ, а ребенокъ, мелькнуло у меня въ головѣ, только для него она хочетъ остаться со мной.

— Я не отнимаю его,—сказалъ я,—пусть онъ останется при... васъ,—добавилъ я едва слышно.

Соня поняла меня, она поняла, что я ревную, и въ глазахъ ея мелькнула какъ будто радость.

— Петя,—сказала она,—можешь ты вѣрить мнѣ? повѣришь-ли ты, когда я тебѣ скажу, что ты былъ первая и единственная моя любовь; то было только увлеченіе и...

Я вскочилъ съ дивана, я не могъ выносить, когда упоминала о немъ она... о, это было выше силъ моихъ..

— Ни слова больше,—сказалъ я задыхаясь, отъ волненія.

Малютка, о которомъ забыли, испугавшись моего порывистаго движенія, заплакалъ. Соня взяла его на руки, вынесла въ другую комнату и вернулась ко мнѣ. Я ходилъ большими шагами по комнатѣ, она робко смотрѣла на меня. Наконецъ мнѣ стало совѣстно передъ нею. Я сѣлъ, она сѣла возлѣ меня.

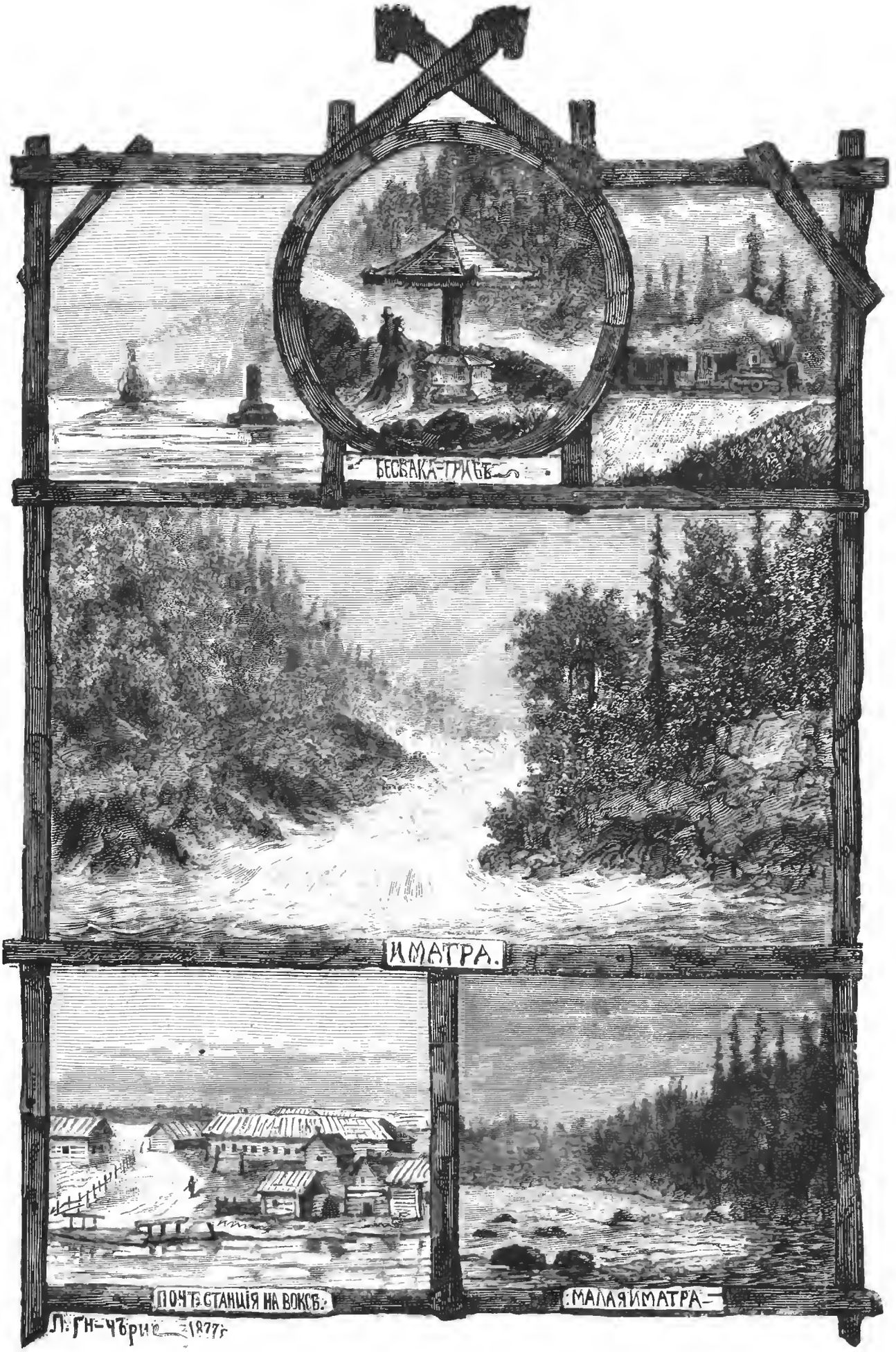
— То все умерло, пойми,—тихо говорила она,—то была болѣзнь, и она прошла. Представь, что я была больна, впала въ летаргію, ты считалъ меня умершей—и вдругъ я опять жива; неужели мы бы стали помнить о моей болѣзни. Петя! еслибы я не любила тебя, неужели бы я пожертвовала тебѣ сыномъ, а я только затѣмъ и пришла сюда, чтобы отдать тебѣ его. О томъ, что ты можешь когда-нибудь простить меня, мнѣ и въ голову не приходило. Но когда я увидѣла тебя, во мнѣ зажглось такое страстное желаніе снова быть съ тобою, что я рѣшилась... сама не знаю какъ...

Голосъ ея порвался... я взглянулъ на нее. И вотъ та Соня, которую я такъ любилъ, безъ которой жизнь для меня—пустыня, вотъ она опять возлѣ меня, отдана мнѣ; горе наложило на нее печать свою: она похудѣла, она грустна, неужели я оттолкну ее, когда я и теперь безумно люблю ее. Я не могъ болѣе владѣть собой, притянулъ ее къ себѣ и покрылъ поцѣлуями. Я гладилъ и цѣловалъ ея волосы, глаза, я не вѣрилъ, что все это не сонъ. Что было высказано, что понято изъ полусловъ, того ни написать, ни разсказать нельзя. Долго ли сидѣли мы такъ, я не знаю; никто насъ не тревожилъ, но мы сами почувствовали потребность пойти къ своимъ и подѣлиться съ ними нашей радостью. Это все они, мои милыя родныя устроили. Онѣ поняли сына и брата, который никогда не умѣлъ понимать ихъ, онѣ поняли, что моя Соня необходима для моего счастія и убѣдили ее пріѣхать. И она пріѣхала дѣйствительно только для того, чтобы отдать Володю, я читалъ ея письмо къ нимъ, гдѣ она писала: „какихъ бы усилій не стоило мнѣ разстаться съ Володей, но я сдѣлаю это для *него*; пусть дитя наше любитъ его такъ, какъ не смѣю любить я. Вмѣстѣ съ сыномъ я оставлю вамъ мою душу и уѣду безжизненнымъ трупомъ“.

И вотъ Соня опять со мною; мрачный уголокъ нашъ опять оживился присутствіемъ молодой хозяйки и сверхъ того милымъ лепетомъ трехлѣтняго мальчика. Родныя мои обращались съ Соней по прежнему ласково, безъ всякой задней мысли, а я, былъ ли я счастливъ? Отгадать не трудно. Въ тѣ времена, когда ничто, повидимому, не омрачало моего счастья, я создавалъ себѣ какіе-то чудовищные призраки и страдалъ, а теперь, когда дѣйствительно сердце мое было глубоко изранено, могло ли оно зажить совершенно, даже подъ кроткими взорами моей Сони? Нѣтъ, я слишкомъ понадѣялся на себя; пора мнѣ было убѣдиться, что я не рожденъ для чувства и что жизнь сердца выводитъ меня изъ моего нормальнаго положенія. Жизнь сердца такъ заманчива, но теперь я не могъ болѣе ошибаться. Случилось то, о чемъ я не смѣлъ даже мечтать: я снова сошелся съ женою... Но... лучше бы было намъ и не сходиться. Этотъ шагъ былъ роковымъ для обоихъ. Я относился къ ней съ какою-то болѣзненною страстностью; случалось, что въ минуты самаго сильнаго порыва, я ясно представлялъ себѣ своего соперника и начиналъ язвить ее. Она сама была уже не та: изъ веселой и беззаботной, она сдѣлалась грустна и робка. Эта перемѣна напоминала мнѣ безпрестанно ея проступокъ и выводила меня изъ себя. Но какъ же она, бѣдняжка, могла быть иною? какъ могла она забыть то, что я безпрестанно помнилъ! Такъ промучились мы нѣсколько мѣсяцевъ. Я дѣлался все болѣе и болѣе раздражительнымъ; иногда мнѣ казалось, что единственное для меня средство найти спокойствіе, это убить Хазарова, были мысли и еще ужаснѣе. Однажды... неужели я рѣшусь выговорить? воспоминаніе объ этомъ и теперь терзаетъ меня; но пусть признаніе будетъ моимъ наказаніемъ: и такъ, однажды я забылся до того, что рѣшился поднять руку на мою жену! Это была капля, которая переполнила чашу горечи. Соня заговорила о разлукѣ; я не противорѣчилъ; я чувствовалъ, что жизнь вдвоемъ для насъ немыслима, что я могу сдѣлаться преступникомъ, если не отпущу ее.

Въ тотъ вечеръ, когда она уѣхала, я пришелъ домой пьяный. Володя остался у меня, но онъ не утѣшалъ меня; онъ служилъ мнѣ безпрестаннымъ напоминаніемъ о ней. Чарочка все чаще и чаще стала являться моей утѣшительницей. Звѣрь побѣдилъ человѣка! Когда первый разъ жена моя оставила меня, у меня была смутная надежда, хоть я и самъ себѣ не призна-

Библиотека "Руниверс"



Поѣздка на водопадъ Иматру. Оригинальный рис. П. Гнѣдича, грав. Діамантовскій.

Библиотека "Руниверс"

Взятіе Гарбинскихъ высотъ, при переходѣ чрезъ Дунай, въ ночь съ 9 на 10 іюня, войсками 18-й пѣх. дивизіи, подъ командою ген.-маіора Жукова. (14 арм. корп. ген. Циммермана).

Библиотека "Руниверс"

вался въ ней, что рано или поздно, она вернется, теперь уже надежды никакой не было. Хоть я и теперь не считалъ себя виноватымъ, но совѣсть помимо моей воли мучила меня. Я впалъ въ полное отчаяніе. Рѣдкій вечеръ не приходилъ домой пьяный. Можно вообразить, какъ страдали мои родныя, но я старался не замѣчать ихъ страданій.

О Сонѣ долго не было никакихъ извѣстій. Вдругъ Анна Петровна написала, что она опасно больна и умоляла пріѣхать. Я поскакалъ, какъ сумасшедшій, ѣхалъ день и ночь, но не засталъ ее уже въ живыхъ. Скоротечная чахотка унесла ее въ могилу.

Ночь, проведенная возлѣ ея праха, открыла мнѣ глаза на многое. Торжественное зрѣлище смерти сняло себялюбивую завѣсу съ глазъ моихъ. Я понялъ, что виноватъ передъ женою, гораздо болѣе, чѣмъ она передо мной.

Соня, моя Соня! восклицалъ я, зачѣмъ я узналъ тебя. Я не съумѣлъ сдѣлать тебя счастливой! Еслибъ ты не сошлась со мной, то можетъ быть нашла бы человѣка, который лучше меня съумѣлъ оцѣнить тебя, и тебѣ бы не пришлось искать въ другомъ удовлетворенія не удовлетворенному чувству. Я поклялся искупить сколь возможно зло, которое я сдѣлалъ: бросить пить, заняться воспитаніемъ сына, и Богъ видитъ, что я исполнилъ свою клятву.

Десять лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, и спокойствіе, которое осѣнило мою душу, есть признакъ того, что душа ея простила меня.

N.

Поѣздка на Иматру.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній).

— Ну вотъ мы и въ лѣсу! сказалъ мнѣ мой спутникъ, когда мы вышли изъ вагона на платформу выборгскаго дебаркадера.

— Хуже чѣмъ въ лѣсу, отвѣчалъ я: къ лѣсу русскій человѣкъ привыченъ, не заблудится,—а здѣсь вотъ не угодно ли найти дорогу.

Вмѣсто всякаго гида мы, какъ всѣ русскіе путешественники, надѣялись на великую пословицу: „языкъ до Кіева доведетъ", и въ силу ея, такъ или иначе—рѣшились добраться до Иматры.

— Однако намъ надо оріентироваться,—замѣтилъ я, оглядываясь вокругъ, ища хоть какого-нибудь признака „Иматровскаго акціонернаго общества", о которомъ такъ много трубили въ Петербургѣ.

Въ одномъ изъ закоулковъ не слишкомъ чистоплотнаго вокзала нашлась дама, торгующая брошюрами, газетами, книгами и видами Финляндіи, отвратительно фотографированными. Мнѣ вдругъ пришла фантазія—не представительница ли это „акціонернаго общества", и мы направились къ ней. На нашъ вопросъ объ Иматрѣ она задумалась, точно вспоминала что-то, и вдругъ на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ объявила, что самое простое средство доѣхать туда—купить билеты прямого сообщенія у „общества". Когда мы спросили „гдѣ общество?"—она сказала: „у меня", и тутъ же вытащила билеты.

Но какъ проникнуть на пароходную пристань? Вотъ новый вопросъ, тотчасъ представившійся намъ по полученіи билетовъ. Къ счастью дама оказалась настолько любезной, что предложила: „венъ зи есъ вюншенъ—зо верде ихъ денъ извощикъ хирхерруфенъ", и оставивъ свою лавочку на произволъ судьбы, отправилась за извощикомъ.

Извощикъ, въ круглой сѣрой шляпѣ съ широкими полями, съ небритой дней десять бородой, въ кафтанѣ, съ жестянкой на воротѣ, сидѣлъ на козлахъ просторной пролетки съ необычайными крыльями. Крошечная дуга его закладки еле-еле возвышалась надъ хомутомъ. По-русски онъ зналъ преимущественно слово: „не понимаю", и вмѣсто пароходной пристани привезъ насъ въ гостиницу „Иматра", проѣзжая по какимъ-то необычайнымъ улицамъ, совершенно безлюднымъ, но чистенькимъ, по которымъ прыгали жеребята, да изрѣдка изъ-за воротъ раздавался вопль ребенка, по всей вѣроятности наказуемаго за какую нибудь провинность. Какой-то тощій бульваръ мелькнулъ въ сторонѣ, попалась вывѣска экипажнаго мастера, на которой карета была изображена съ такими красными занавѣсками, словно внутри ея горѣла смоляная бочка. Въ иныхъ *жилыхъ* домахъ окна были забѣлены, но не сплошь, а по нѣкоторому рисунку, такъ что издали давали впечатлѣніе кисейныхъ, подобранныхъ съ боковъ въ розетки, занавѣсей. Суровая, мрачная даже въ ясный солнечный день башня св. Анны угловатой тумбой торчала вдали; а надо всѣмъ этимъ висѣло блѣдноголубое, съ легкими, пушистыми какъ хлопья ваты облаками, финское небо. Все здѣсь казалось соннымъ, медлительнымъ, но какъ-то не по-русски соннымъ...

Я ѣхалъ на Иматру, чтобы провѣрить самые разнообразные слухи и описанія объ этихъ порогахъ. То мнѣ говорили, что это восьмое чудо свѣта (что-то много развелось этихъ восьмыхъ чудесъ), то—что и смотрѣть-то на нее не стоитъ: такъ, канава какая-то. И въ описаніяхъ ея тоже,—то поютъ панегирики и оды, то съ презрѣніемъ отъ нея отворачиваются *). Теперь мнѣ предстояло убѣдиться во всемъ лично и вынести собственное сужденіе.

Пароходъ, отчалившій отъ Fiskarssrand'a, т. е. рыбачьей набережной, проплывъ мимо разводнаго моста желѣзной дороги, и оставивъ влѣво пресловутый паркъ Николая, взялъ наискось по озеру и вскорѣ вошелъ черезъ шлюзъ въ Саймскій каналъ, почему-то называемый иными Сайменскимъ. Путешественниковъ было болѣе чѣмъ ограниченное число, вѣроятно рѣзкій западный вѣтеръ пугалъ многихъ; но неизбѣжныя рыжеобразныя англійскія фигуры все-таки торчали на вышкѣ, возлѣ колеса шкипера, и занимались наблюденіями за окрестными видами, кутаясь въ свои долгополые орѣховаго цвѣта халаты. Одинъ былъ въ шотландской шапочкѣ и широчайшихъ панталонахъ; у другого панталонъ совсѣмъ не было замѣтно, но за то онъ былъ въ фіолетовыхъ чулкахъ, плотно охватывающихъ жирныя икры. Знали они, конечно, только по англійски, считая позоромъ говорить на другомъ какомъ бы то ни было языкѣ, и имѣли массу багажа. Смѣялись они часто и по очереди: одинъ хохоталъ выказывая бѣлые крупные зубы, а другой кивалъ головой и говорилъ „yes, yes!", потомъ наоборотъ. Кажется они служили главнымъ пунктомъ, на которомъ сосредоточивалось вниманіе всего парохода,—на береговые ландшафты никто не обращалъ вниманія, а они чудной декораціей плыли мимо, то расширяя свой охватъ на безпредѣльное пространство, то, съузившись, еле пропускали наше судно.

Черезъ часъ ѣзды мы подошли къ шлюзамъ Юстиля. Въ этомъ мѣстѣ воды Саймскаго канала вздымаются на четыре сажени кверху, сжатыя тройными шлюзами. Проходить эти шлюзы было бы слишкомъ долго, а потому всѣ пересѣли на другой пароходъ, поджидавшій насъ на верху. Здѣсь, виды еще роскошнѣе, оригинальнѣе. Большой пароходъ быстро идетъ по каналу; перскатный валъ равномѣрной струею бѣжитъ за нимъ, захлестывая берегъ, смачивая траву и камни. Каналъ узокъ: еле два встрѣчныя судна могутъ разойтись и то задержавъ свой ходъ. Десятки прелестныхъ, густо заросшихъ соснами, елями и березками островов мелькаютъ мимо. По берегамъ тянутся гранитныя скалы, то остроконечной кручей взбѣгая кверху и обрываясь откосомъ, то плавно, упругой линіей, обрисовывая свой хребетъ, заросшій хвойной мощно поднявшейся растительностью. Мѣстами глыбы камня подступаютъ къ берегу, виснутъ надъ нимъ, мрачно горя на солнцѣ своимъ обнаженнымъ тѣломъ, и опять отступаютъ всѣ залитыя зеленью. Лѣса густы: солнце блеститъ на ихъ синеватой одеждѣ, обдавая ихъ золотомъ, а внизу, у корней, подъ вѣтвями, скопился непроглядный мракъ и черными пятнами отѣнилъ освѣщенныя части. По самому берегу, у подножія скалъ, сѣрой лентой тянется дорога-бичевникъ, гладкая, ровная, змѣей вьющаяся межъ камней. Изрѣдка попадется на ней пара лошадокъ, погоняемыхъ чухонскими мальчишками; онѣ съ трудомъ тянутъ барки, оригинальной финской формы, съ маленькой мачтой почти на самомъ носу, пугливо жмущіяся къ берегу при далекомъ свистѣ парохода. Не менѣе оригинальны и значки, обозначающіе форватеръ: то это небольшія полосатыя каменныя тумбочки въ видѣ ступокъ, стоящія на крохотныхъ островкахъ, гдѣ ютятся еще двѣ три березы, то—бѣлыя каменныя прямоугольныя призмы, поставленныя на такой же бѣлый плинтусъ, лежащій на высунувшемся изъ воды гранитѣ. Тутъ воды прозрачны и тихи—лѣса, облака, горы, камни—все отражается въ нихъ, плывешь какъ въ волшебномъ царствѣ, и не можешь до сыта насытить взоръ роскошной панорамой.

— Рять-Ярви? спросилъ одинъ изъ англичанъ у шкипера, показывая на гору.

— Рять-Ярви, отвѣтилъ шкиперъ.

— Дилижансъ? спросилъ англичанинъ.

— Дилижансъ, отвѣтилъ шкиперъ.

Рять-Ярви—послѣдняя станція воднаго пути для иматровскихъ путешественниковъ: отсюда надо ѣхать на лошадяхъ.

Пока англичане жестами объясняли буфетчицѣ, что имъ

*) Сравните очеркъ о ней въ № 34 «Нивы» за 1875 годъ, и „Всемірной Иллюстраціи» за 1877 годъ.

Библиотека "Руниверс"

надо чаю, мы стали осматривать станцію. Станціонный домикъ стоитъ на высокой горѣ; онъ приземистъ, неуклюжъ, выкрашенъ въ розовую краску съ бѣлыми разводами и вообще дрожь водитъ непріятное впечатлѣніе своей аляповатой впѣшностью; прелестные виды на окрестность выкупаютъ, впрочемъ, общей гармоніей казенный шаблонъ этого уголка.

Смотритель, очень любезный господинъ, предложилъ намъ отправиться раньше назначеннаго срока, если всѣ на это согласны. Общее согласіе послѣдовало; англичане моментально осушили свои стаканы, и всѣ усѣлись въ открытый рессорный дилижансъ, запряженный тройкой въ два дышла. Финнъ въ круглой шляпѣ и сѣромъ пиджакѣ пустилъ, по здѣшнему обыкновенію, тройку съ горы во весь духъ, только пыль клубами понеслась сзади. Англичане замирали отъ восторга каждый разъ, когда дилижансъ крякалъ о мостъ, переброшенный черезъ мелкую рѣченку, наскочивши на него съ нагорнаго раската, и простучавъ по его доскамъ, несся опять вверхъ, мягко подкидывая насъ на эластичныхъ рессорахъ. При сильныхъ толчкахъ оба сына Альбіона хохотали во все горло, откидывая головы назадъ и смотря другъ на друга, а чухонецъ оглядывался съ недоумѣніемъ на нихъ,—чего это, дескать, ихъ разбираетъ.

Большая часть пути монотонна. Густо надвинулись съ обѣихъ сторонъ на дорогу березовые необъятные лѣса, изрѣдка перемежаясь сосною, елью, да выжженными пространствами, съ обугленными пнями и побурѣвшею землею, на которой правильными рядами легли мертвые стволы деревьевъ. Порою лѣсъ разступится, дастъ поляну, завернется краями въ стороны, тройка вылетитъ въ долину, спугнетъ коровъ и барановъ, промчится черезъ нѣсколько поселковъ, и опять тотъ же лѣсъ. Сбоку, слѣва, тянется безконечная линія телеграфныхъ столбовъ. Встрѣчные чухны, сворачивая въ сторону, останавливаютъ своихъ лошадей, запряженныхъ въ таратайку, сильно смахивающую на нерессорный шарабанъ, и даютъ намъ дорогу. Иногда на далекой возвышенности обрисовывается нѣсколько фигуръ съ толстыми, суковатыми палками на плечахъ. Съ перваго раза англичане, направивши туда бинокли, вообразили, что это нѣчто въ родѣ финскихъ грабителей,—по крайней мѣрѣ, мнѣ удалось уловить въ ихъ разговорѣ сквозь зубы слово „robber"—но это просто оказались ребятишки, продающіе грубовырѣзанныя палки проѣзжимъ и бѣгущіе съ какимъ-то непонятнымъ лепетаніемъ возлѣ дилижанса. „Вотъ вамъ случай пріобрѣсти за какой-нибудь пятиалтынный палку изъ настоящей карельской березы,—засмѣялся одинъ изъ спутниковъ,—вѣдь мы ѣдемъ по древней Кареліи", Бабы, при встрѣчѣ съ нами, поспѣшно складывали свои вещи на землю и дѣлали почтительно книксенъ, вѣрнѣе просто присѣдали, что у иныхъ выходило преуморительно. Особенно одна баба поразила насъ: вышла изъ своей избы босая, оборванная, очень мило присѣла, и потомъ вдругъ въ припрыжку побѣжала за нами, быстро сѣменя ногами по пыльной дорогѣ, не отставая отъ насъ долгое время: старуха эта нищенствовала.

Нищенство и попрошайничество развито у мѣстныхъ финновъ вѣроятно туристами. Но достаточные чухны, особенно женщины, держатъ себя чрезвычайно прилично, съ достоинствомъ присѣдая при встрѣчѣ. Кстати о финкахъ. Многіе думаютъ, что отличительный признакъ ихъ—бѣлобрысость (если можно такъ выразиться), но этотъ признакъ далеко не распространяется на всю Финляндію. Напротивъ, въ собственной Кореліи преобладаетъ темно-русый цвѣтъ волосъ, и преимущественно въ женской половинѣ ихъ племени, далеко превосходящей красотою мущинъ. Среди нихъ попадаются личики не только миловидныя, но даже пикантныя. Разговоръ, манеры простой дѣвушки не лишены извѣстной степени изящности, и мнѣ пришлось видѣть въ Финляндіи три-четыре сценки такого тонкаго кокетства, какому можетъ быть позавидовали бы нѣкоторыя столичныя жительницы. Онѣ кокетничаютъ и словами, и глазами, и манерами. Смѣшно сказать—я разъ видѣлъ, какъ дѣвушка въ разговорѣ съ бѣлобрысымъ пачканымъ кавалеромъ (изъ кочегаровъ, должно быть), у котораго на головѣ красовалась клеенчатая фуражка съ прямымъ четырехугольнымъ необъятнымъ козырькомъ,—какъ она старалась выставить изъ-подъ платья маленькую ногу, очень недурно обутую въ новые башмаки грубой работы, съ цвѣтною розеткой...

— Чи-чи-чи-чи, гоп-гопъ! заоралъ вдругъ во все горло одинъ англичанинъ и захлопалъ въ ладоши. Оказалось, что онъ хотѣлъ спугнуть какую-то птичку, сидѣвшую на камнѣ.

Промелькнуло озеро сбоку. На бревнахъ, у берега, старый финнъ водилъ палкой по водѣ—точно граблями собиралъ что-то. Мнѣ невольно вспомнилась „Калевала", какъ старый мудрый Вейнемейненъ съ желѣзными граблями выходитъ на берегъ моря искать знаменитую кантелу:

Онъ у водъ разрылъ валежникъ,
Расчесалъ камышъ высокій,
И въ холмы сдвигаетъ море,
Волны въ кучи собираетъ,—
Но той арфы не находитъ,
Милой кантелы пропавшей.

Впрочемъ, мой Вейнемейненъ занимался очевидно гораздо болѣе практическими занятіями. А мощную, на все отзывчатую арфу Вейнемейнена, совмѣщающую въ себѣ всѣ звуки міра—Иматру, вамъ предстояло слышать впереди.

Еще нѣсколько верстъ, и между деревьями свѣтлой лентой сверкнула Вокса въ своемъ нижнемъ теченіи. Сердца всѣхъ начали биться напряженно, въ ожиданіи чуда природы, даже англичане примолкли, присмирѣли. Вотъ и дворъ гостинницы, дилижансъ вскачь влетаетъ туда. Сквозь стеклянныя двери и окна видна толпа лакеевъ, торопящихся на встрѣчу пріѣзжимъ. Конецъ 12-ти часовому путешествію, тройка остановилась, бубенцы и колокольчики замолкли; отдаленный, глухой ревъ ясно раздался—это Иматра.

Первое впечатлѣніе—то есть когда взглянешь на Иматру сверху—не способно поразить зрителя: между купъ зелени, тамъ, внизу, мчится неширокій потокъ, бурливый, шумящій—и только. Но стоитъ сойти внизъ, взявши вправо отъ гостинницы и впечатлѣніе измѣняется.

Когда я сбѣжалъ къ бесѣдкѣ въ видѣ гриба, что поставлена на правомъ берегу у истока водопада и глянулъ отсюда на эту кипѣвшую громаду,—первое, что мнѣ пришло въ голову—это клокочущая строфа у Шиллера,

И воетъ, и плещетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ,
Не море-ль изъ моря исторгнуться хочетъ.

Можетъ быть только эта строфа и въ силахъ передать хотя отчасти картину, развернувшуюся передо мной.

Всѣ рисунки, картины и даже фотографіи—положительно даютъ ложное понятіе объ Иматрѣ. Главнѣйшая причина этому—та, что снимки дѣлаютъ *подъ угломъ*, вслѣдствіе чего является невѣрное представленіе о ширинѣ пороговъ, они кажутся чрезвычайно широкою массою водъ, катящеюся среди невысокихъ береговъ. Между тѣмъ Иматра—это просто узкое ущелье, съ гранитными, суровыми, не только отвѣсно стоящими, но даже наклонившимися надъ водой стѣнами, вверху густо поросшими растительностью, пышно раскинувшись на почвѣ постоянно пропитанной сырыми испареніями иматровской пѣны. Сама рѣка, широкая вверху своего теченія, а здѣсь сбитая съ своего пути, сдавленная въ гранитныхъ объятіяхъ скалъ на нѣсколько десятковъ футовъ, прыгаетъ и длится, перекатываясь черезъ камни, вспучиваясь шапками пѣны, выдалбливая въ берегахъ дугообразныя желобины своими могучими струями, швыряя брызгами вверхъ на цѣлыя сажени. Сперва, пока не приглядѣлся къ Иматрѣ, думаешь, что всѣ эти волны безъ всякаго порядка бьются одна о другую, дробятся, разсыпаются, соединяются вновь, представляя безконечныя комбинаціи—но это только съ перваго взгляда. Форма всѣхъ валовъ Иматры или постоянна или періодична. Является гдѣ-нибудь водоворотъ, кипящій воронкой, крутится, втягивается и вдругъ пропадаетъ засыпанный пѣной сосѣдняго бугра. Прошло нѣсколько мгновеній, нѣсколько волнъ перекатилось черезъ это мѣсто, и снова поглощенный пѣной омутъ выступаетъ, по прежнему бурля, по прежнему сохраняя свою форму. Мѣстами форма волнъ неизмѣнна. У бесѣдки вся необъятная масса Воксы совмѣщается въ одинъ чудовищный выпуклый горбъ, хребетъ котораго находится какъ разъ на серединѣ рѣки, а низкіе бока скользятъ по обоимъ берегамъ. Горбъ этотъ, вѣроятно, натыкаясь въ концѣ своего теченія на подводную скалу, внезапно даетъ громадный пѣнный бугоръ, взбрасывающій перпендикулярно вверхъ свои брызги. Затѣмъ, перевалившись черезъ эту преграду подъ значительнымъ угломъ внизъ, вода еще вся бѣлая, сплошь взмыленная отъ тренія, сталкивается съ валами, бѣгущими ей на встрѣчу, отхлынувшими отъ сосѣднихъ скалъ, и представляетъ самое интересное мѣсто всего паденія: это какая-то безобразная копна густой пѣны, которая сыплется сплошной массой во всѣ стороны, съ какимъ то адскимъ внутреннимъ грохотомъ. Здѣсь поражаетъ васъ ужь не красота, а просто сила бурленія, кажущаяся сверхъ-естественной. Возлѣ этой копны бунтуютъ, ревутъ, воютъ другіе водовороты, то вздувающіеся шапками, то воронками сверлящіе воду.—Все это сплошь бѣло отъ пѣны, составляющей рѣзкій контрастъ съ черными утесами береговыхъ скалъ.

Въ ясный день, когда солнце бьетъ во всю силу своихъ лучей—Иматра хороша издали, съ того мыска, что выбѣгаетъ изъ сосѣдняго лѣса, и приходится какъ разъ противъ паденія. Но вблизи въ ней нѣтъ того грандіознаго, давящаго величія, какъ въ дурную погоду. Когда грозовыя тучи сберутся на сѣверо-западѣ и мрачные утесы еще мрачнѣе нависнутъ вокругъ, когда вѣтеръ засвиститъ межъ деревьевъ, молніи заблестятъ вдали, —тогда несказанно великолѣпенъ, могучъ и страшенъ дѣлается ненолинскій потокъ....

Страненъ шумъ Иматры. Онъ разнообразенъ до безконечности, особенно если слушать его съ разныхъ пунктовъ. Иногда онъ похожъ на сильнѣйшій ливень, стучащій о камни и крыши съ страшной силой, — особенно если слушать его изъ отеля, когда затворены окна. Иногда онъ схожъ съ воемъ вѣтра въ

Библиотека "Руниверс"

ущельяхъ. Въ самой же близи, у берега, гдѣ съ трудомъ можно разслушать другъ друга, въ немъ слышатся нерѣдко человѣческіе голоса, шумъ шаговъ. Думаешь, что кто-нибудь подходитъ, говоритъ, оглянешься—никого нѣтъ. Порою онъ дастъ даже музыкальные ритмическіе тоны. Онъ отдается въ ушахъ нѣсколько дней, послѣ того какъ уѣдешь изъ Иматры: лишь только воцаряется вокругъ тишина, ухо невольно воспроизводитъ его изумительно реально. Такъ, въ закрытыхъ глазахъ является въ темнотѣ самопроизвольно впечатлѣніе свѣта, до такой степени реальное, что вызываетъ слезы...

Подъ этотъ шумъ какъ-то особенно сладко спится въ уютныхъ номерахъ отеля. Номера расположены въ двухъ побочныхъ флигеляхъ, примыкающихъ къ главному зданію, внизу котораго помѣщается огромная двухсвѣтовая обѣденная зала на пятьдесятъ человѣкъ. Все просторно, комфортно. Номеровъ болѣе сорока, есть бильярдная комната, особые апартаменты для высочайшихъ особъ. Сѣни и лѣстницы представляютъ бревенчатыя стѣны, на которыхъ страннымъ контрастомъ виднѣются лампы и воздушные звонки. Снаружи отель представляетъ легкую, рѣзную работу нечистаго стиля, съ массою оконъ.

Когда мы вставши на слѣдующій день, очень мило раскланялись съ нашими спутниками-англичанами, оказалось что они недоумѣваютъ, отчего тутъ нѣтъ того, что такъ остроумно обозначается на ихъ языкѣ терминомъ *refreshment-room*—освѣжительной комнаты, по нашему буфета. Дѣйствительно, въ собственномъ смыслѣ этого слово буфета нѣтъ, такъ какъ на выставкѣ кромѣ плохихъ фотографій ничего не лежитъ, но достать можно все безъ особенныхъ затрудненій. Все готовятъ опрятно, вкусно и не слишкомъ дорого. Посуда вся штемпелеванная, всюду стоитъ синими готическими буквами „Imatra". На столахъ красуются букеты изъ иммортелей и пучки свѣжихъ цвѣтовъ, ежедневно смѣняемыхъ, разливающихъ вокругъ тонкій ароматъ ландышей.

Напившись утренняго чая, всѣ снова отправились къ порогамъ, неправильно называемымъ водопадомъ, такъ какъ паденіе здѣсь въ строгомъ смыслѣ нѣтъ. Англичане изъ приличія были въ перчаткахъ, лопнувшихъ по всѣмъ швамъ и превратившихся изъ бѣлыхъ въ сѣрыя въ яблокахъ, отъ вчерашней пыли. Смотрѣли они на Иматру совершенно такимъ-же взглядомъ, какъ пять минутъ тому назадъ на рюмку хереса—то есть равнодушно стеклянными, неподвижными глазами. Въ душѣ они конечно восхищались, занося свои впечатлѣнія въ красныя сафьянныя записныя книжечки.

Въ узкомъ мѣстѣ Иматры переброшенъ чрезъ нее проволочный канатъ, на которомъ по блоку ходитъ корзинка съ двумя сидѣньями. За канатъ англійской работы можно поручиться, что онъ не лопнетъ, но механизмъ, передвигающій корзинку не отличается особенной прочностью; говорятъ, бывали случаи его порчи, и тогда по нѣскольку часовъ приходилось сидѣть несчастнымъ надъ клокочущей бездной, хотя и въ полной безопасности, но тѣмъ не менѣе голодными, такъ какъ не всѣ булки, перебрасываемыя съ берега, доходили по назначенію. Да и коли правду сказать,—видъ съ той стороны несравненно менѣе грандіозенъ, чѣмъ съ этой; если и стоитъ туда переѣзжать, такъ развѣ для того, чтобы осмотрѣть растреснувшійся камень, чрезвычайно оригинальный, носящій названіе чертовой мельницы.

Возлѣ отеля снуютъ деревенскіе мальчишки и дѣвчонки, продающіе камни таинственнаго происхожденія, выбрасываемые Воксой въ какой-то бухтѣ. Это не то вывѣтрившіяся раковины, не то гладко обточенные водой осколки камней, представляющихъ странныя формы пѣтушковъ, графинчиковъ, бисквитовъ и пр. Одинъ бѣлоголовый трепаный мальчикъ подбѣжалъ ко мнѣ съ корзинкой камней. По-русски онъ не говорилъ, хотя счетъ деньгамъ зналъ. — „Папа нѣтъ, мама нѣтъ", сказалъ онъ показывая себѣ на грудь, желая вѣроятно возбудить сожалѣніе.—„Курить дай!" прибавилъ онъ, получивъ деньги. Я прогналъ семилѣтняго курильщика.

Всѣ окрестные камни Иматры изрѣзаны фамиліями и именами посѣтителей, которымъ мало показалось исписать столбики, сидѣнья, потолокъ бесѣдки и расписаться въ книгѣ хранящійся въ буфетѣ. Книга эта въ ужасно растрепанномъ видѣ и переполнена стихами, при чемъ нѣмецкій готическій шрифтъ преобладаетъ. Большинство надписей мало остроумно, а иныя даже странны. Такъ одинъ докторъ совѣтуетъ туристамъ непремѣнно съѣздить на Малую Иматру (въ 4-хъ верстахъ выше Большой), потому что она лучше (sic !) здѣшней. Странный вкусъ,—если бъ это было такъ, то надо начать съ того, что бы компанія перенесла туда свою гостинницу. Но вѣдь впрочемъ извѣстно: о вкусахъ не спорятъ.

Грустныя думы.
(—Гдѣ то теперь они, — наши родные воины?).

Изъ газетъ здѣсь получается „*Новое Время*" и „*Journal de St. Petersbourg*",—остальныя все не понятныя финскія названія „*Ostra Finland*", „*Wiborgs Fidning*"... Изъ Петербурга газеты доходятъ сюда въ тотъ же день часовъ въ девять вечера, съ приходомъ почты.

Почтовая дорога идетъ мимо самой гостинницы, и дойдя до

Библиотека "Руниверс"

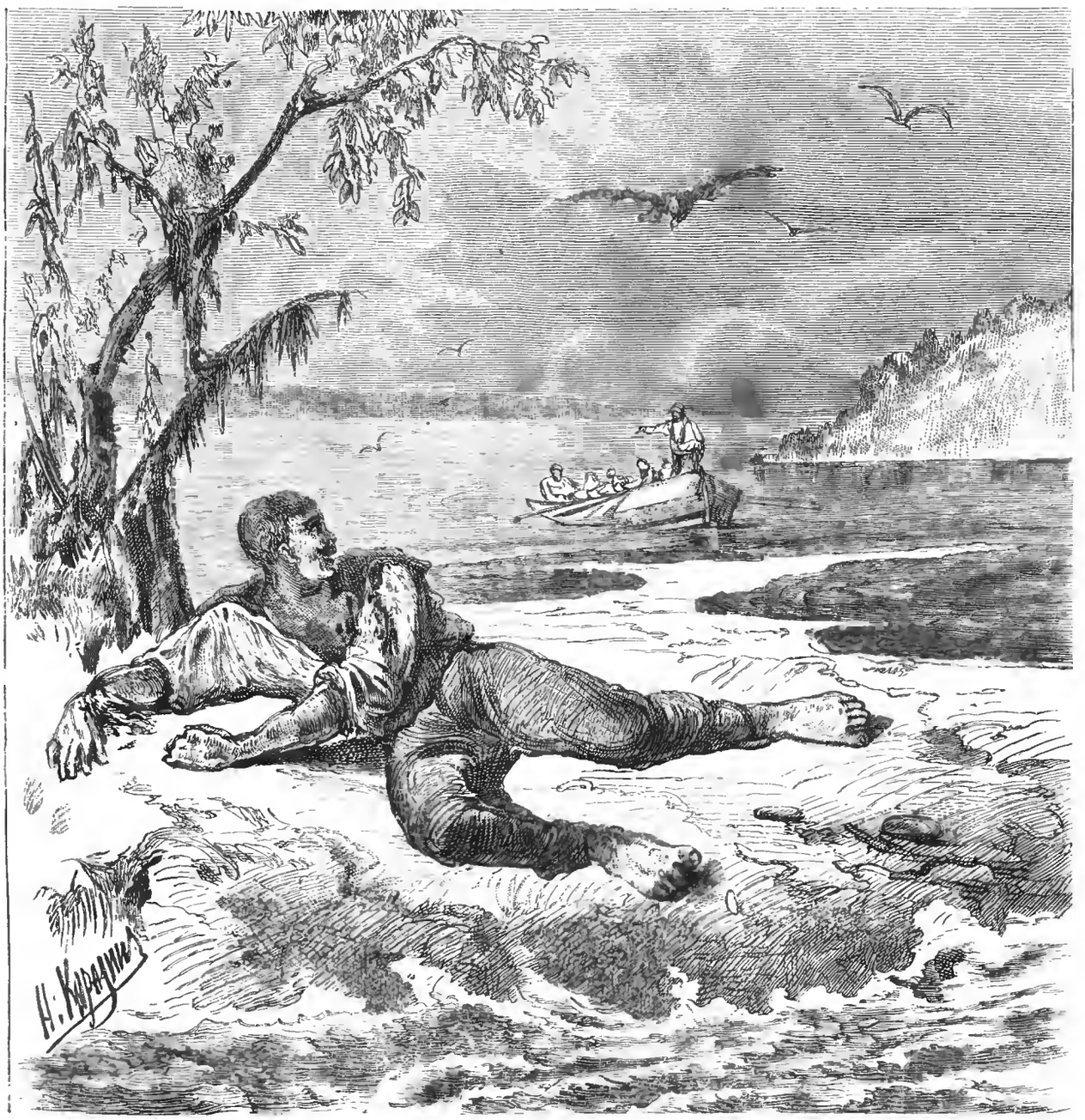
нея, даетъ поворотъ въ сторону, чтобы обойти параллельно Воксы ея пороги вплоть до того мѣста, гдѣ устроена черезъ нее переправа. Дорога эта весьма живописна и вскорѣ всѣ туристы отправились по ней любоваться окрестностями.

Если постепенно подниматься по Воксѣ, вверхъ отъ Иматры, то васъ поразитъ слишкомъ быстрые переходы отъ клокочущей воды къ полному спокойствію: съ одной стороны вы видите пороги, весьма схожіе, по сравненію моего знакомаго, съ кипящимъ сахарнымъ пескомъ, когда въ него хотятъ класть ягоды для варенья, съ другой—зеркальную поверхность. Само названіе Воксы у верховьевъ Иматры—Милли-суванто—(*тихая вода у мельницы*),—даетъ понятіе о тишинѣ. Ясной, свѣтловодной, голубой лентой катится въ этомъ мѣстѣ рѣка между отлогими, покрытыми огородами и лѣсомъ берегами. Нѣсколько островов брошено среди ея теченія, прелестныхъ, сплошь заросшихъ плакучими березами и елями, пустившими корни у самой воды, склонясь къ ней вѣтвями. По правому берегу, гдѣ по холмамъ разсыпались живописными группами поселки, найдется много пунктовъ, въ которыхъ открывается чудесная панорама на окрестности, съ обширнымъ кругозоромъ на нѣсколько десятковъ верстъ. Особенно хорошъ юго-востокъ, гдѣ терраса лѣсовъ убѣгаетъ на безконечное пространство, шаршавою щеткой макушекъ своихъ деревьевъ, увѣнчанной вверху зубчатою синей полоской. Взглядъ тонетъ въ громадныхъ разстояніяхъ открывающейся дали.

Почтовая дорога въ трехъ верстахъ отъ гостиницы сбѣгаетъ къ водѣ, гдѣ устроенъ паромъ въ видѣ колоссальной лодки, перевозящей экипажи на ту сторону рѣки, къ почтовой станціи, длинному узкому зданію, которое краснѣетъ на расчищенномъ пространствѣ, непріятно поражая прямолинейною правильностью своихъ очертаній. Паромъ переправляютъ обыкновенно два старика чухонца, еле ворочая по водѣ массивными веслами. Вода здѣсь тоже тиха, и тоже называется Суванто.

А выше опять шумъ, гамъ, клокотанье—это Тайниоиврта—Малая Иматра, бьющая среди веселыхъ, декорацiей по бокамъ стоящихъ рощъ, далеко не грозная, не суровая....

П. Гнѣдичъ.



Матросъ Семенъ Лопатинъ.
Ориг. рисунокъ Н. Каразина къ его разсказу „Эпизодъ изъ переправы чрезъ Дунай".

Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ.

Взятіе Гарбинскихъ высотъ войсками 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи, подъ командою генералъ-маіора Жукова.

При переправѣ части нашихъ войскъ черезъ Дунай у Галаца, на высотахъ берега, выдающихся надъ болотистою почвою и извѣстныхъ подъ именемъ высотъ *Буджакскихъ* и *Гарбинскихъ* (отъ озера и селенія *Гарбина* или *Гарвана*, къ сѣверу отъ Мачина и Исакчи), было не мало жаркихъ схватокъ съ турками. Поэтому-то геройскій подвигъ бригады Жукова, принадлежащей къ полкамъ Рязанскому и Ряжскому, извѣстенъ подъ общимъ именемъ *Буджакскаго* дѣла, не смотря на то, что въ этомъ дѣлѣ было много отдѣльныхъ эпизодовъ, напримѣръ, взятіе *Гарбинскихъ* высотъ войсками 1-й бригады 18 пѣх. дивизіи. Это дѣло, не смотря на свою сравнительную незначительность, было достойнымъ началомъ нашего побѣдоноснаго шествія на Дунай. Добавимъ, что первыя перешедшія Дунай войска и составляли 1-ю бригаду 18-й пѣхотной дивизіи. Бригада эта состоитъ изъ 10-ти ротъ Рязанскаго и Ряжскаго пѣхотныхъ полковъ. На долю войскъ выпало трудное дѣло *взятія Гарбинскихъ высотъ*. Четыре раза производима была аттака. Одинъ изъ моментовъ аттаки и изображенъ на вашемъ рисункѣ. Генералъ-маіоръ Жуковъ состоитъ бригаднымъ командиромъ этой молодецкой 1-й бригады, обезсмертившей себя въ текущую войну. Генералъ-маіоръ Жуковъ получилъ за эту молодецкую переправу орденъ Георгія 4-й степени. По засвидѣтельствованію самаго генерала, его бригада въ этомъ горячемъ бою (противъ 3,300 турокъ,—3,000 пѣхоты и 300 конницы) оказала чудеса храбрости. Особенную распорядительность оказали командиры обоихъ полковъ, Рязанскаго и Ряжскаго, *Шульгинъ* и *Шелковниковъ*. Особую неустрашимость и храбрость оказали поручикъ *Эльснеръ* и прапорщикъ *Сушковъ*. При этомъ Эльснеръ раненъ. Тотъ и другой получили орденъ св. Георгія 4-й степени.

Грустныя думы.

Въ настоящее время, когда со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества поднялись десятки тысячъ вѣрныхъ сыновъ его на защиту праваго дѣла, вездѣ слышатся благія пожеланія успѣховъ русскому оружію.

Но это, конечно, не исключаетъ возможности грустныхъ думъ, весьма понятно вполнѣ оправдываемыхъ свойствами человѣческой природы. Гдѣ теперь нѣтъ этихъ грустныхъ думъ, вздоховъ и скорби о милыхъ сердцу: здѣсь печаль о сынѣ, тамъ скорбь о братѣ, о мужѣ, о добромъ знакомомъ... Тяжко на сердцѣ, томитъ его неизвѣстность, вздрогнетъ оно при извѣстіи о недавней битвѣ и какъ будто нѣсколько успокоится, благодаря ея славному концу; но часъ, другой—и снова неотвязчивая грустная дума беретъ преимущество надъ всѣми другими.

Мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ „Нивы" рисунокъ, носящій названіе „Грустныя думы", и помѣщаемъ именно потому, что онъ весьма близко соотвѣтствуетъ, по своему содержанію, переживаемой въ настоящее время русскимъ обществомъ минутѣ. Вглядитесь въ лицо молодой женщины, грустно смотрящей въ даль, и вамъ будетъ понятно то душевное состояніе, которое испытываетъ теперь не одинъ десятокъ тысячъ русскихъ женщинъ.

Другая женщина, изображенная на этомъ рисункѣ, видимо не въ такой сильной степени поражена грустью, чѣмъ ея подруга, она, всего скорѣе, является въ данномъ случаѣ утѣшительницей ея. Нельзя сказать, чтобы и она въ свою очередь не находилась подъ вліяніемъ грустныхъ думъ своей подруги...

Но въ такомъ душевномъ состояніи, какое теперь выпало на долю многимъ и многимъ, единственнымъ утѣшителемъ можетъ быть только Тотъ, Кто есть „упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ морѣ далече".

Матросъ Семенъ Лопатинъ.

(Эпизодъ изъ переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай у Систова).

...На понтонѣ было сорокъ пять человѣкъ пѣхотинцевъ Минскаго полка, четыре понтонера-гребца и четыре матроса.

Перекрестились молодцы и отчалили.

Чуть разсвѣтаетъ. Впереди чернѣютъ раньше отплывшіе понтоны, за ними видны темные уступы обрывистаго турецкаго берега... Трескотня выстрѣловъ слышна, красные огоньки вспыхиваютъ... Тамъ, гдѣ турки на самыхъ гребняхъ засѣли, огоньки эти сливаются въ сплошныя линіи, залпами палятъ; пониже, въ разбивку, тамъ наши съ турецкими аванпостами уже сцѣпились—мало нашихъ, да на выручку подходятъ все новые и новые понтоны, спѣшно высаживаютъ бойцовъ и еще спѣшнѣе назадъ за другими возвращаются, а вправо, далеко вправо, тамъ, гдѣ, словно аулъ горный, на скалахъ раскинулся городъ, слышны удары болѣе тяжелые, огонь и тамъ вспыхиваетъ, словно пожаромъ все кругомъ краснымъ заревомъ охватываетъ. Это начала работу турецкая баттарея. Бьетъ она не по тѣмъ храбрецамъ, что уже на берегу въ штыки ударили, а по прибывающимъ. Съ баттареи хорошо Дунай виденъ: вдоль ея выстрѣловъ приходится, а на бѣду еще луна ярко свѣтитъ, черезъ всю рѣку серебристый столбъ тянется; какъ выйдутъ понтоны въ этотъ столбъ, такъ и вырѣжутся ихъ темные силуэты: цѣль для турецкихъ пушекъ превосходная! Сноситъ понтоны теченіемъ наискось, къ мѣсту высадки — усиленно гребутъ понтонеры и матросы, рукъ не жалѣютъ. Присѣли пѣхотинцы на дно, только головы чернѣютъ да штыки щетинятся. Бьютъ по этимъ понтонамъ и пушки турецкія, то и дѣло отъ ядеръ вода всплескивается, достаютъ уже до нихъ и ружейныя пули... рѣдѣютъ и рѣдѣютъ торчащіе штыки... вотъ уже немного ихъ остается, вотъ и совсѣмъ нѣтъ ни одного. Бокомъ понесло понтоны съ мертвецами, словно гробы желѣзные плывутъ они по волѣ теченія. Видятъ это тѣ, что еще цѣлы, духомъ не падаютъ. Авось пронесетъ Господь!... Только и слышно: эхъ, навались, братцы, навались! Ну, дружнѣй,—ну, разомъ!..

Плыветъ и нашъ понтонъ, выбрался уже на середину рѣки... Отчетливо съ берега русское ура слышится. Сжимаютъ солдаты ружья въ рукахъ: „эхъ, какъ бы поскорѣе и намъ туда-же!.. Ну, навались—ну, разомъ!.. загудѣло что-то надъ головами, звонко треснуло... засвистали осколки... Есть недочетъ, да не великъ. Ну разомъ,—ну, дружнѣе!.. опять загудѣло, опять треснуло... болѣзненно стонетъ кто-то, да и не одинъ. . . . .

. . . . . .

Сѣли, просторно было, а теперь какъ будто тѣсновато стало: тѣла мертвыя, раненыя, упавшія на дно, стѣсняютъ... Тише, много тише пошелъ понтонъ, три весла только гребутъ, а было ихъ восемь...

— Навались, голубчики, навались!.. Берегъ близко!..

Да, близко! Цѣлымъ роемъ провизжали турецкія пули. Одинъ за другимъ валятся люди. . Эхъ, скоро силъ не хватитъ... опять залпъ! по желѣзнымъ бокамъ понтона словно проволочнымъ прутомъ хлестнуло...

Понесло и нашъ понтонъ бокомъ... гдѣ же одному съ нимъ управиться... Бросилъ этотъ одинъ весло, приползъ на руль, а охолодѣвшая рука убитаго рулевого крѣпко еще за ручку держится, оторвешь не скоро... Сладился таки уцѣлѣвшій, отвелъ руль вправо, все-таки не прямо къ туркамъ въ руки снесетъ...

Этотъ-то одинъ уцѣлѣвшій и былъ матросъ Семенъ Лопатинъ. Только что взялся онъ за руль, какъ пуля въ плечо ему угодила, раздробила кость... Бѣда! съ одною рукою не справишься...

Рѣшилъ матросъ, что коли пропадать, такъ живому туркамъ въ руки не попадаться, перекрестился здоровою рукою, перегнулся черезъ бортъ, да въ воду—и закружило его быстрымъ теченіемъ... понесло, а куда и самъ не помнитъ. Не чуялъ даже, когда это ему и другую руку въ кистѣ самой пулею перешибло. Потемнѣло въ глазахъ бѣдняги, въ ушахъ гудитъ, волною захлестываетъ.

— Ну, кончено, упокой Господь мою душу грѣшную!..

Очнулся Семенъ. Жарко печетъ солнце, песокъ подъ нимъ накалился, дунайская волна плещетъ близко гдѣ-то. Небо надъ головою сѣрое, знойное и бѣлыя птицы въ немъ носятся... Приподнялся матросъ... болятъ обѣ руки страшно, мочи нѣтъ... оглядѣлся: лежитъ... онъ на островѣ, недалеко отъ воды, у самаго почти прибоя... гладкая песчаная отмель этотъ островъ, кое-гдѣ только кустарникъ торчитъ, змѣйки серебристыя шелестятъ по песку... Чайки неподалеку изъ-за выброшенной рыбы ссорятся... двѣ вороны бокомъ къ нимъ подбираются...

Жажда моритъ матроса, голову отъ жара солнечнаго такъ и разламываетъ. Кое какъ доползъ бѣдняга къ водѣ, хлебнулъ разъ, хлебнулъ два—и опять обезпамятѣлъ. Счастье еще, что упалъ головою не въ воду, а то бы захлебнулся.

Сколько еще въ безпамятствѣ пролежалъ, Семенъ Лопатинъ не помнитъ, только опять, когда очнулся, ночь прохладная стояла, тихая, свѣжій вѣтерокъ надъ рѣкою стлался, легкую зыбь развелъ... Небо ярко вызвѣздило... На томъ берегу огоньки свѣтятся—далеко только, да и не сообразить никакъ Семену, какой это берегъ виденъ, нашъ или турецкій.—Однако онъ поразмыслилъ, откуда вода течетъ, значитъ, то правый, чужой....

Опять заползъ Семенъ Лопатинъ въ воду, опять напился, забрался по самое горло и руки промылъ теченіемъ, да и пора была... загноились онѣ, черви завелись даже, разитъ отъ нихъ духомъ нехорошимъ... Посидѣлъ матросъ въ водѣ часа два—легче, много легче стало, а зато ознобъ принялся его трясти, до ночи! Къ разсвѣту совсѣмъ лихорадка одолѣла. Солнце взошло—припекать начало жарко, а его все трясетъ; покрыться нечѣмъ—только и есть всего, что рубаха на немъ да порты. Къ полудню ознобъ жаромъ смѣнился, опять полѣзъ матросъ въ воду, опять до ночи досидѣлъ.

Насталъ и третій день. Завидѣлъ Семенъ на томъ берегу

Библиотека "Руниверс"

словно люди бродятъ и конные есть и пѣшіе... Эхъ, кабы наши были. Да гдѣ тутъ! Извѣстно турки. Неудалась, надо полагать, переправа, вишь сколько народу русскаго побили, сколько понтоновъ потопили. Не зналъ Семенъ, что наши на томъ берегу давно уже крѣпкою ногою стояли и мостъ настоящій построили. Порѣшилъ такъ, что пропадать ему надо на этой отмели, не звать же турокъ на помощь, чтобы они пришли, да надъ умирающимъ издѣваться начали...

Ѣсть не хочется, хоть и давно уже куска во рту не имѣлъ, а жажда мучитъ страшная, такъ бы и не отрывалъ рта отъ воды, благо ея довольно течетъ въ Дунаѣ—бѣда вотъ только, что ползать больно... Ни на одну руку нельзя опереться—вѣдь обѣ исколѣчены... Протерло штаны его матросскіе, на колѣняхъ ссадины кровавыя выступили: на ракушку острую гдѣ-то порѣзался...

На четвертыя сутки плохо, совсѣмъ плохо пришлось бѣднягѣ—почитай весь день безъ памяти провалялся, очнулся, когда уже нѣтъ больше силъ подняться, къ водѣ ползти... Ну, значитъ, шабашъ...

Спитъ не спитъ матросъ Семенъ Лопатинъ, и все, что кругомъ него дѣлается, все ясно слышитъ. Слышитъ какъ подъ нимъ сверху крыльями птица какая-то машетъ, какъ вѣтеръ въ кустахъ шелеститъ, какъ волна тихо, тихо всплескиваетъ... Слышитъ онъ, какъ и голоса какіе-то съ того берега несутся: не разберешь ничего, а слышно—гудятъ, какъ труба далеко-далеко прозвенѣла—все слышно. А тѣмъ временемъ и грезы разныя видитъ: деревню свою, родныхъ, знакомыхъ, казармы кронштадтскія, служба его корабельная, товарищи... все старое грезится, и не болятъ уже больше его раны тяжелыя, совсѣмъ ихъ и не чувствуетъ, словно обѣ руки давно отняты и зажить успѣли отрѣзы.

Чу!.. Удары веселъ... разъ, два! разъ, два! гребутъ дружно, отчетливо, умѣлыми руками... разъ, два... Узнялъ матросъ своихъ по работѣ; откуда силъ взялось, приподнялся... глядитъ.. бѣлые бока катера такъ и вырѣзываются на солнцѣ...

— Братцы! крикнулъ матросъ... только, должно быть, самъ и слышалъ свой выкликъ... нѣтъ силъ кричать, нѣтъ голоса...

Замѣтили однако его съ плывущаго катера; думали тѣло мертвое волною выкинуло и тѣло-то вдобавокъ товарища своего—какъ не взять... причалили...

Вотъ и взяли бѣднягу, привезли въ Зимницу. Это случилось 20-го, значитъ ровно 5 сутокъ послѣ переправы. Пять сутокъ - легко сказать... Доложили Государю... Онъ самъ лично навѣстилъ матроса Семена Лопатина, Самъ и Георгія ему на грудь прикололъ, обласкалъ и докторамъ велѣлъ, чтобы былъ живъ и здоровъ лихой матросъ Семенъ Лопатинъ. А царское слово вѣрное—оно лучше докторовъ, лучше лѣкарствъ всякихъ дѣйствуетъ... Будетъ живъ и здоровъ матросъ Семенъ Лопатинъ.

Я былъ въ госпиталѣ въ Зимницѣ, видѣлъ этого матроса, онъ смотритъ молодцомъ, весело. Говорятъ доктора, что черезъ мѣсяцъ, много два, поправится. Не можетъ онъ самъ показать своего креста—руки спеленуты—такъ сидѣлку, сестру милосердія, проситъ:

— Сестрица, отгни, родная, одѣяльце. Вотъ такъ.

Сестрица улыбнется, отогнетъ ему одѣяльце, а подъ нимъ, на больничной рубашкѣ яркая лента видна и серебряный крестикъ на ней приколотъ...

И забылъ матросъ свои пятидневныя страданія, тѣшитъ его царская милость, а главное то, что работа ихъ не пропала даромъ. Первымъ дѣломъ, какъ пришелъ въ себя Семенъ, когда его уже взяли товарищи на лодку, спросилъ: что переправа?

— Эге, братъ, спохватился, отвѣчали ему. Да на томъ берегу уже сто тысячъ нашихъ. Дальше уже идутъ по турецкимъ дорогамъ... переправились лихо!..

— А ну, слава тебѣ Господи! произнесъ Лопатинъ. Самъ не могъ лба перекрестить—попросилъ за себя товарища.

Вотъ вамъ и вся коротенькая исторія лихого матроса Семена Лопатина.

Н. Каразинъ.

Габрово.

Городъ Габрово лежитъ къ югу отъ древней столицы Болгаріи, Тырнова, (недавно побѣдоносно занятаго нашими войсками), на сѣверномъ склонѣ Балканъ, на высотѣ 640 метровъ надъ поверхностью моря, и находится въ системѣ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море. Рѣка Янтра, впадающая недалеко отъ Систова въ Дунай, протекаетъ въ Габрово, раздѣляя городъ на двѣ части. Рѣка Янтра извѣстна была еще Геродоту и названа у него рѣкою *„Атрюсъ“* а римлянамъ эта рѣка была извѣстна подъ именемъ *Ятроса*.

Населеніе Габрова почти исключительно болгарское, лишь нѣсколько чиновниковъ принадлежитъ къ мусульманамъ. Въ городѣ считается до 1,300 домовъ и до 12,000 жителей. Зданія по большей части каменныя и крѣпкія. Въ городѣ считается 5 кварталовъ, раскинувшихся по обоимъ берегамъ Янтры. Обѣ части города соединены 2 мя мостами. Древнѣйшій изъ нихъ каменный, построенный на 3-хъ аркахъ. Затѣмъ въ Габровѣ находится 3 церкви: св. Іоанна, Троицкая и Богородицкая. Послѣдняя построена недавно—въ 1867 году и отличается довольно богатыми украшеніями. Есть здѣсь также женскій монастырь—Благовѣщенскій.

Въ Габровѣ выдѣлываются ножи, канджары и др. металлическія вещи, идущія внутрь Болгаріи, а также въ Албанію и Черногорію. Въ округѣ Габровѣ 20 общинъ; населеніе всѣхъ ихъ болгарское. Въ политическомъ настроеніи габровцы издавна отличались смѣлостью. Еще въ прошломъ вѣкѣ, за попытки къ возстанію, Габрово былъ сожженъ турками (1797 г.). Затѣмъ движенія, бывшія въ Болгаріи въ 1862, 1867, 1868 и 1871 годахъ, находили въ Габровѣ сочувствіе и поддержку. Даже въ спокойное время габровцы выражали смѣлый протестъ противъ злоупотребленія власти каймакамовъ, и за это, конечно, габровцы считались у турецкихъ властей „неблагонадежными“. Ихъ часто арестовали, школы ихъ закрывали, и въ городъ, для водворенія порядка, приводили отряды редифовъ изъ Казанлыка и Трнова.

Габрово извѣстно нашимъ войскамъ еще съ 1829 г. Здѣсь останавливался, по приказанію Дибича, графъ Киселевъ, перешедшій черезъ Дунай изъ Валахіи у Рахова, вслѣдствіе того, что кадрскій паша двинулся изъ Албаніи, чрезъ Софію, къ Адріанополю, съ 25-тысячнымъ корпусомъ свѣжаго войска, въ то время какъ Дибичъ занялъ Адріанополь и уже велъ переговоры о заключеніи мирнаго трактата. Въ настоящую же войну Габрово вновь занято нашими войсками.

Городъ Никополь,

(взятый нашими войсками 2-го іюля 1877 года).

Основаніе Никополя приписываютъ Императору Траяну, который построилъ его въ память побѣды надъ Даками. Въ 1396 году, 28-го сентября, Баязетъ I одержалъ при Никополѣ побѣду надъ 100,000 арміей христіанъ, бывшихъ подъ предводительствомъ короля Сигизмунда. Названіе Никополь, или вѣрнѣе, Никополисъ, по гречески „городъ побѣды“. Въ древности подъ этимъ названіемъ было много городовъ. Такъ, Помпей основалъ Никополисъ въ Малой Азіи, въ Ликіи; другой городъ этого же имени былъ основанъ Августомъ недалеко отъ Александріи въ Египтѣ; былъ еще Никополисъ въ Виѳиніи, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Босфора.

Изображенный въ нашемъ рисункѣ *городъ Никополь*, съ населеніемъ почти сплошь мусульманскимъ, расположенъ на лѣвой сторонѣ широкаго оврага, въ которомъ протекаетъ небольшой ручей, впадающій въ Дунай. Къ западу отъ города, на высокой скалѣ, расположена отдѣльно цитадель, соединенная съ городомъ прикрытымъ путемъ. Укрѣпленія цитадели состоятъ изъ замка, расположеннаго на самой вершинѣ горы и имѣющаго весьма малое внутреннее пространство; здѣсь устроены пороховые погреба и склады оружія. Стѣны замка каменныя, безъ рвовъ. Нѣсколько ниже расположена оборонительная стѣнка, приспособленная для ружейнаго и пушечнаго огня. Еще ниже—валъ, образующій наружную ограду цитадели и состоящій изъ 5 бастіонныхъ фронтовъ. Въ послѣднее время, турки устроили нѣсколько отдѣльныхъ укрѣпленій по берегу моря. Цитадель значительно возвышается надъ всею окружающею мѣстностью и можетъ доставить ей хорошую пушечную и дальнюю ружейную оборону.

Никополь не оправдалъ названія „побѣдоноснаго города“ и турки потеряли вмѣстѣ съ нимъ одну изъ самыхъ крѣпкихъ своихъ позицій на Дунаѣ. Нужно замѣтить, что холмистыя возвышенности, на которыхъ стоитъ Никополь, поднимаются до 500 футовъ надъ уровнемъ рѣки со стороны Дуная, представляя отвѣсныя стѣны, въ то время какъ подъемы по бокамъ вышеупомянутыхъ овраговъ, раздѣляющихъ ихъ, до того круты, что мѣстами могутъ быть названы почти отвѣсными. Въ стратегическомъ отношеніи позиція эта представляетъ слѣдующее: Дунай дѣлаетъ крутой поворотъ къ западной оконечности возвышенности, а восточный конецъ прямо упирается въ рѣку, впадающую въ Дунай. Рѣка и южный берегъ Дуная образуютъ мысъ, имѣющій до мили длины и около 500 футовъ высоты. Сѣверная часть этого грознаго мыса прорѣзана рядомъ овраговъ и увѣнчана плоскогоріемъ, тянущимся къ Балканамъ. Линія фортовъ поднимается на вершинѣ высотъ, господствующихъ надъ Дунаемъ, а по плоскогорію разсыпаны земляныя укрѣпленія, защищающія городъ съ тыла. Изъ этого становится очевиднымъ, что пока турки удерживали за собой линію, приблизительно на разстояніи одной мили отъ мыса, позиція была неприступна. Русскія и румынскія баттареи съ лѣваго берега бомбардировали форты на высотахъ; но 9-му корпусу, подъ предводительствомъ генерала Криденера, было предоставлено повести окончательную аттаку противъ линіи укрѣпленій, защищающихъ городъ съ тыла.

О положеніи этого города послѣ боя извѣстно слѣдующее:

„Никополь теперь почти совершенно опустѣлъ, хотя сравнительно небольшое число домовъ были истреблены пожаромъ нѣсколько недѣль тому назадъ и разрушены гранатами. Русскіе нашли въ городѣ большіе запасы ружей и боевыхъ принадлежностей, въ томъ числѣ артиллерійскіе снаряды и складъ ружей старой системы, помимо пушекъ и двухъ мониторовъ. Нѣсколько весьма значительныхъ размѣровъ орудій, оказались крупповскими“.

Библиотека "Руниверс"

Г. Габрово (въ Болгаріи). Съ фотографіи грав. Кезебергъ.

Общій видъ переправы чрезъ Дунай 15 Іюня 1877 года.

Къ сообщеннымъ уже нами въ предыдущемъ номерѣ „Нивы“ свѣдѣніямъ, о переправѣ нашихъ войскъ чрезъ Дунай, помѣщаемъ здѣсь нѣсколько пунктовъ изъ приказа генерала Драгомирова, объявленнаго по 14 пѣхотной дивизіи предъ переправою ея чрезъ Дунай.

Приказъ этотъ даетъ ясное понятіе какъ о его составителѣ, такъ и о тѣхъ, къ кому онъ былъ обращенъ.

Передаемъ здѣсь выписки изъ этого приказа уже сдѣлавшагося въ настоящее время предметомъ интереса для всего русскаго общества.

Вотъ эти выписки:

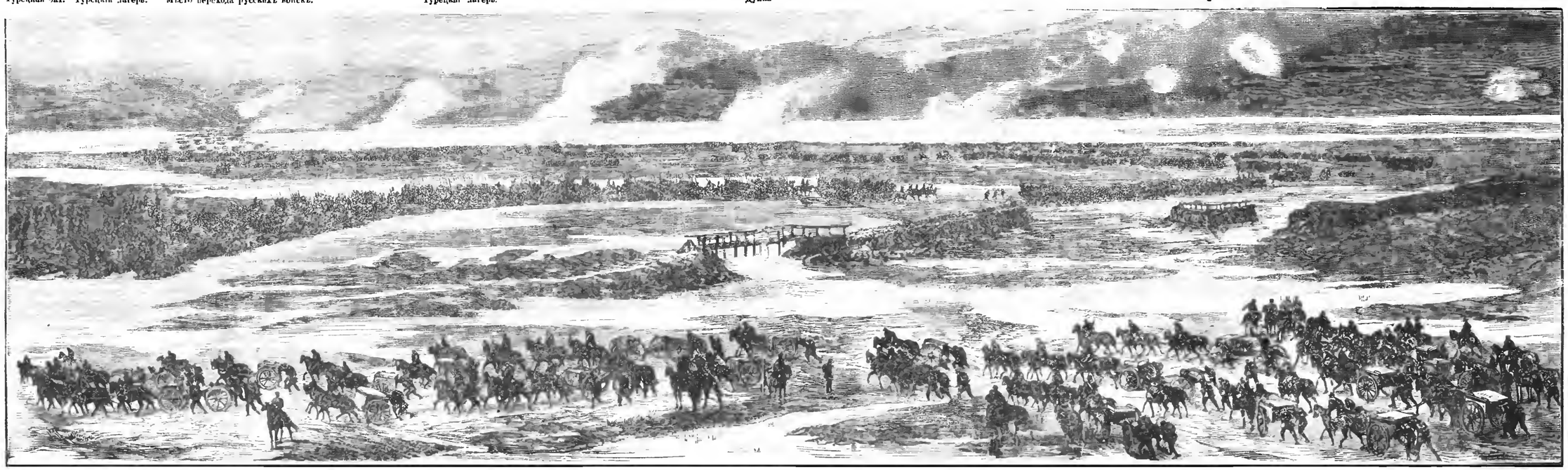
„...Предварить всѣхъ, что въ случаѣ дѣла поддержка будетъ, но смѣны никогда. Кто попадетъ въ боевую линію, останется въ ней пока дѣло сдѣлано не будетъ, потому патроны беречь, хорошему солдату 30 патроновъ достанетъ на самое горячее дѣло.

„Какъ бы тяжело не приходилось, не унывать, а помнить, что только претерпѣвый до конца, спасается. Святой долгъ. Офицерамъ самимъ это помнить и людей подбадривать, чтобы этого не забывали“.

„При вечерней и утренней молитвѣ послѣ „Отче Нашъ“ пѣть: „*Господи силъ съ нами буди, иного бо развѣ Тебѣ Помощника въ скорбѣхъ не имамы; Господи силъ, помилуй насъ*“...

„Выносъ раненыхъ возложенъ на санитаровъ, слѣдовательно никто для этого и ни для чего другого рядовъ оставлять не

Г. Никополь, взятый нашими войсками 2 Іюня 1877 г. Грав. и Рис. Вейерманъ.



Общій видъ переправы Русскихъ войскъ чрезъ Дунай у Систова, въ ночь съ 14 на 15 Іюня 1877 г.

Библиотека "Руниверс"

долженъ... Держись кучи, выручай другъ другъ—будетъ хорошо.

„Забирать патроны съ убитыхъ и раненыхъ...“

„Никогда не забывать объявлять предъ дѣломъ, что собираемся дѣлать. Послѣдній солдатъ долженъ знать куда и зачѣмъ онъ идетъ. Тогда, если начальникъ и будетъ убитъ, смыслъ дѣла не теряетъ. Если начальникъ будетъ убитъ, можно не только не теряться, но еще съ большимъ ожесточеніемъ лѣзть впередъ и бить врага.

„Помните, что сигналы наши могутъ быть подаваемы и непріятелемъ, а потому начальникамъ рекомендуется воздерживаться отъ ихъ употребленія, а работать преимущественно словесными приказаніями.

„Сверхъ того, отбоя, отступленія и т. п. вовсе и никогда не подавать и предупредить людей, что если такой сигналъ услышатъ, то это только обманъ со стороны непріятеля.

„У насъ ни фланга ни тыла нѣтъ и быть не должно; всегда фронтъ тамъ, откуда непріятель. Дѣлай такъ, какъ дома учился, стрѣляй мѣтко, штыкомъ коли крѣпко, иди всегда впередъ и Богъ наградитъ тебя побѣдой“...

Читатели наши знаютъ уже, съ какою неустрашимою храбростію и сознаніемъ долга и правоты дѣла дрались наши солдаты. Они, какъ на основаніи приказа генерала Драгомирова, такъ и по внутреннему сознанію твердо понимали что отступленія быть не можетъ: „нѣтъ ни фланга ни тыла“, есть только фронтъ и именно тамъ, гдѣ непріятель. Подробности этого дѣла, конечно, теперь еще не всѣ выяснились, и не одинъ годъ еще пройдетъ до тѣхъ поръ, пока онѣ всѣ будутъ извѣстны. Многіе примѣры храбрости и самоотверженія, быть можетъ, и не дойдутъ до насъ никогда, благодаря неохотѣ многихъ героевъ говорить о себѣ. Приведемъ здѣсь нѣсколько фактовъ, уже обнародованныхъ въ настоящее время.

Во время высадки въ ночь 15-го іюня, понтоны приставали не по очереди, а куда какой снесетъ теченіемъ, и солдаты изъ разныхъ ротъ и батальоновъ строились въ одну роту и шли въ порядкѣ. Въ 6-й ротѣ Волынскаго полка перебили всѣхъ офицеровъ. Батальонный командиръ кричитъ во 2-ю роту: „дайте мнѣ офицера!“ „Всѣхъ перебили, кромѣ ротнаго командира“, отвѣчаютъ ему. Онъ назначаетъ унтеръ-офицера. Солдаты кричатъ ему: „дайте намъ офицера, съ унтеръ-офицеромъ мы погибнемъ“. Тогда онъ взялъ офицера изъ Минскаго полка, и рота пошла, слушая его приказанія. Фельдфебель 6-й роты волынскаго полка раненъ въ бокъ, двѣ раны его перевязали и онъ пошелъ въ дѣло.

Минскаго полка 8 роты молодой солдатъ, хохолъ, раненъ въ лицо; его перевезли на островъ, сдѣлали перевязку, онъ просилъ, чтобы опять позволили ему идти на турецкій берегъ. „Еще успѣю душъ пять уходить“ говорилъ онъ. Въ то же самое время солдаты выказывали большую находчивость: командиръ гвардейской роты, Озеровъ, лежалъ раненый за кустомъ, съ нимъ рядомъ барабанщикъ и еще человѣкъ пять солдатъ; дѣло было ночью. Видятъ они, что турки наступаютъ; барабанщикъ бьетъ наступленіе, всѣ раненые кричатъ ура и турки поворачиваютъ назадъ; испугавшись, одушевленнаго крика раненыхъ. Эта гвардейская рота оказала большую поддержку поручику 2-й стрѣлковой роты минскаго полка Маторному, когда тотъ, завладѣвъ горой, оставался только съ двѣнадцатью человѣками и видѣлъ, что турки бросились отбивать позицію. „Гвардейцы помогите!“ крикнулъ онъ, они бросились къ нему на помощь и выручили. 9-й роты 3-го батальона Волынскаго полка рядовой Ѳедоръ Скрипка сидѣлъ за кустомъ, въ цѣпи, такъ, что только его голова была видна; наскочилъ на него турецкій офицеръ, замахнулся саблей, но онъ быстро отбилъ вверхъ ударъ ружьемъ, повернулъ ружье и прикладомъ уложилъ офицера.

Офицеръ Волынскаго полка сообщилъ, между упрочимъ о переправѣ чрезъ Дунай слѣдующее: „Я еще не бывалъ въ дѣлѣ и долженъ признаться, что мнѣ было очень непріятно видѣть, какъ около моего понтона въ двухъ шагахъ падали турецкія гранаты; но Богъ хранилъ насъ, и не одинъ снарядъ не попалъ въ нашъ понтонъ. Между прочимъ въ сосѣдній понтонъ ударила граната, пробила его и онъ пошелъ ко дну. Эта катастрофа произвела на насъ грустное впечатлѣніе. Жаль было погибшихъ товарищей. Наконецъ мы подъѣхали къ берегу, и насъ осыпали градомъ пуль. Не смотря на это, мы мигомъ выскочили на берегъ и бѣгомъ бросились по лощинѣ передъ турецкою позиціей на горѣ, откуда въ насъ стрѣляли, какъ въ дичь. Намъ оставалось одно: или погибнуть отъ пуль, или броситься въ аттаку на гору, занятую турками, и вотъ мы съ 1-ю стрѣлковою ротой Волынскаго полка бросились на гору въ штыки. Турки не выдержали напора и побѣжали, но въ это время одна турецкая рота бросилась на насъ съ тыла. Въ этотъ моментъ все перемѣшалось: и турки, и наши; пошла работа штыками. Рѣзня продолжалась не долго, гдѣ же туркамъ устоять противъ русскихъ штыковъ! Они побѣжали, а мы заняли гору, которая намъ такъ дорого досталась. Изъ пяти офицеровъ осталось насъ только двое, нижнихъ чиновъ половина; остальные или ранены или убиты. Богъ меня хранилъ въ бою. Когда эта рѣзня кончилась, я не вѣрилъ, что остался цѣлъ и невредимъ“.

Въ настоящее время извѣстно, между прочимъ, что въ Систовѣ нашимъ войскамъ достались слѣдующіе запасы: *пшеницы* на 40,000 рублей, *маиса* на 148,000 руб., *ячменя* на 14,000 руб., *овса* на 8,000 р., *соли* на 3,000 руб., и нѣсколько тысячъ пудовъ отличныхъ галетъ (родъ карабельныхъ сухарей) изъ пшеничной муки. Кромѣ того найдены: деготь, смола, кофе, табакъ и много другихъ продуктовъ.

Все это, конечно „капля въ морѣ“, но это указываетъ, однако, на то, съ какою поспѣшностью турецкія войска должны были покинуть Систово, оставивъ въ немъ всѣ свои продовольственные запасы, которыхъ, какъ извѣстно, у турецкой арміи, вообще, не очень то много.

Помѣщаемый въ этомъ номерѣ рисунокъ, изображающій общій видъ переправы русскихъ войскъ чрезъ Дунай, даетъ по нашему мнѣнію, весьма полное понятіе о характерѣ мѣстности, избранной для переправы. Ясно видно, что воды Дунай только что начинаютъ спадать, и мѣстность далеко отъ береговъ еще въ сильной степени покрыта водой. Войскамъ приходится дѣлать значительные обходы, что бы выйдти къ избранному пункту переправы. З.

Политическія и военныя извѣстія.

Прошлое наше обозрѣніе мы кончили отраднымъ извѣстіемъ о взятіи *Ловчи, Казанлыка* и *Шипки*. Теперь мы должны начать обозрѣніе съ извѣстія о невполнѣ удачномъ для насъ дѣлѣ. Телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміей, отъ 10 іюля, извѣщаетъ, что 8-го іюля генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ 1-ю бригадою 5-й дивизіи аттаковалъ *Плевно* съ сѣверной стороны, а Костромской полкъ съ 8-ю орудіями—съ восточной. Аттака эта, видно, не удалась, такъ какъ противникъ оказался сильнѣе, чѣмъ предполагали. Генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ отступилъ къ Бѣльскому шоссе. На другой же день, 9-го іюня, прибыли къ Шильднеру подкрѣпленія и такимъ образомъ бригада получила возможность отдохнуть и устроиться. Турки остались въ Плевнѣ. Войска, находящіяся въ Плевнѣ принадлежатъ къ корпусу Османъ-паши. Потеря 1-й бригады 5-й дивизіи слѣдующая: *убиты:* командиръ 17-го пѣхотнаго Архангелогородскаго полка полковникъ *Розенбомъ* и 14 офицеровъ; *ранены*: генералъ Кнорингъ и 36 офицеровъ; *выбыло изъ строя* нижнихъ чиновъ 1878; въ Костромскомъ полку убитъ командиръ полковникъ Клейнгаузъ. Потеря нашей кавалеріи и артиллеріи ничтожна. Эту 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи составляли пѣхотные полки 17-й *Архангелогородскій*, 18-й *Вологодскій* и кромѣ того, къ бригадѣ, какъ сказано выше, былъ еще присоединенъ 19-й *Костромской*, съ соотвѣтствующимъ числомъ кавалеріи и артиллеріи.

Это *первое* наше *неудачное* дѣло на Дунайскомъ театрѣ войны, до сихъ поръ ознаменованномъ геройскими подвигами и рядомъ блестящихъ побѣдъ. Но и здѣсь блестящее мужество нашихъ героевъ, ихъ самоотверженіе, стояли на своей обычной высотѣ. Затѣмъ, съ военной точки зрѣнія эта неудача имѣетъ чисто тактическій характеръ. Дорогою цѣною крови куплена эта неудавшаяся аттака,—но всякому истинному сыну Россіи понятно, что она не повліяетъ на общій исходъ нашей Дунайской кампаніи вообще. Вѣдь и для героевъ всегда бывали и бываютъ неудачи, часто очень горькія, происходящія отъ разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей, а иногда и отъ самаго, такъ сказать, излишества отваги и героизма. Римляне терпѣли пораженія, и пораженія страшныя, но всегда оставались римлянами, сознавъ неудачу, нисколько не скрывая ея; отдохнувъ и собравъ силы, они снова, подобно орламъ, бросались на враговъ. Такъ и въ нашей доблестной арміи, предводимой Августѣйшимъ Главнокомандующимъ, потеря нисколько не скрыта и не маскирована; наше общество уже знаетъ о ней изъ оффиціальной телеграммы. Наше святое національное дѣло слишкомъ свято и высоко и слишкомъ близко сердцу каждаго изъ русскихъ людей, чтобы намъ скрывать наши потери.

Есть депеши отъ 13-го (25-го) іюля, что наши войска занимаютъ теперь входы во *всѣ* горные проходы черезъ Балканы и что румынскія войска двинуты на Дунай для занятія Никополя. Послѣднее обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что дастъ возможность части нашихъ войскъ, находившихся въ Никополѣ, выступить для подкрѣпленія 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, потерпѣвшей у Плевно убыль.

— Если вѣрить вѣнской газетѣ „Tagblatt“, то послѣ сраженія подъ Плевномъ кавалерія Османа-паши оттѣснила русскихъ до Вины, а затѣмъ до Булгарени. Туда прибылъ и турецкій авангардъ; но русскіе продолжали отступать. Турки, прибавляетъ «Tagblatt», въ дѣлѣ подъ Пленномъ лишились 150 человѣкъ убитыми и 1000 ранеными.

Дѣйствія нашихъ войскъ къ востоку и югу отъ Плевна про-

Библиотека "Руниверс"

должаютъ представлять рядъ блестящихъ успѣховъ и уравновѣшиваютъ наше отступленіе отъ Плевна. Недавно наши войска овладѣли *Іени-Загрою* и заняли *Ямболи*. Далѣе заняты *Карлова* и *Калаферъ*, что, по важности этихъ пунктовъ, равняется завладѣнію прохода черезъ Трояновъ валъ. Далѣе, есть извѣстіе, что наши войска изъ *Мингаліи* (приморскій укрѣпленный городъ, гораздо южнѣе Кюстенджи) и *Меджидіе* подвигаются на Базарджикъ. Сюда же двигается и принцъ Хассанъ съ египетскими войсками и здѣсь ожидаютъ большого сраженія. Западнѣе же этого пункта, до *Эски-Джумы* и *Османъ-Базара* наши войска заняты рекогносцировками, не встрѣчая здѣсь турецкихъ войскъ.

Съ другой стороны изъ среды множества отважныхъ подвиговъ нашихъ моряковъ выдѣлилось на прошлой недѣлѣ еще дѣло, столь же геройски-отважное, но стоившее намъ и важныхъ дорогихъ потерь. Подробности этого дѣла слѣдующія. Нашъ пароходъ «Веста» отправился 9-го іюля въ крейсерство къ Румелійскому *) берегу, по направленію къ югу отъ Кюстенджи. 11-го іюля утромъ, въ 35 миляхъ отъ Кюстенджи, съ 8 часовъ утра до половины 2-го пополудни, «Веста» держала жаркій бой съ большимъ турецкимъ броненосцемъ, и во время сраженія у «Весты» былъ перебитъ штуртросъ, а во время его исправленія турки успѣли приблизиться къ нашему пароходу на разстояніе ружейнаго выстрѣла и отъ того пароходъ сильно пострадалъ. При этомъ убійственномъ турецкомъ огнѣ у насъ убиты: артиллеріи подполковникъ *Черновъ* и прапорщикъ *Яковлевъ*. Убито также 9 человѣкъ команды; *очень тяжело* ранены были лейтенантъ *Перелешинъ* и 2 человѣка команды; серьезныя раны получили лейтенантъ *Кротковъ* и мичманъ *Петровъ* и 4 человѣка команды; легкія раны получили: самъ командиръ, старшій офицеръ лейтенантъ Владиміръ *Перелешинъ*, юнкеръ Яковлевъ и 11 человѣкъ команды. Лейтенантъ М. Перелешинъ, послѣ сдѣланной ему ампутаціи раны, скончался. Самъ пароходъ «Веста» сильно избитъ. Не смотря на это, турецкій броненосецъ, получивъ взрывъ отъ нашей бомбы на своей башнѣ, бѣжалъ. За то нападеніе на другой турецкій мониторъ нашего парохода «Николай» и двухъ катеровъ, подъ командою извѣстнаго героя лейтенанта Дубасова, было удачнѣе. Уничтоженію этого монитора, быть можетъ, попрепятствовалъ подоспѣвшій къ туркамъ другой мониторъ. Затѣмъ къ числу нашихъ удачныхъ морскихъ операцій нужно причесть сожженіе 3-хъ турецкихъ пароходовъ и потопленіе 4-го, въ мѣстности выше Рущука.

Съ Закавказскаго театра войны получена отъ 13-го іюля телеграмма начальника штаба Кавказскаго военнаго округа, что войска Мухтара-паши продолжаютъ *усиленно укрѣпляться* на занятой ими позиціи. Недавно около 3000 турокъ показалось изъ Ольты противъ отряда полковника Комарова, расположеннаго на позиціи внѣ Ардагана. Съ другой стороны войска генерала Алхазова заняли, 10-го іюля, среднею колонною позицію непріятеля у селенія *Меркулки*. Непріятель потерялъ при этомъ 48 челов. убитыми и оставилъ въ нашихъ рукахъ много ружей и разныхъ предметовъ довольствія. Одновременно съ аттакою Меркулки обстрѣливались *Очемчиры*, защищаемыя огнемъ съ флота.

— Генералъ-адъютантъ Семека телеграфировалъ, что 9-го іюля непріятельскія суда показались у Крымскаго берега противъ *Алушты* и *Караузеля*. Въ полночь наши охотники произвели на баркасахъ развѣдку видѣнныхъ въ морѣ огней. Непріятель открылъ-было по баркасу огонь и затѣмъ выслалъ къ берегу паровой катеръ; но этотъ катеръ былъ встрѣченъ энергическимъ ружейнымъ огнемъ нашей пѣхоты и удалился. Непріятельскія суда ушли въ море.

— Изъ Цетинья телеграфируютъ, что недавно черногорцы взяли штурмомъ два сильнѣйшихъ форта Никшича *Клачину* и *Мартинъ*.

— Всѣ турецкія войска, находившіяся на восточной границѣ Сербіи, ушли оттуда, и въ Виддинѣ остался лишь гарнизонъ.

— М-ръ Лейярдъ, британскій уполномоченный въ Константинополѣ, хлопочетъ о допущеніи Британскаго флота въ Дарданеллы. До сихъ поръ достигнуть какого-либо результата въ этомъ отношеніи ему не удалось. Огромная часть мусульманскаго населенія и въ томъ числѣ населеніе Филиппополя, проситъ убѣдить султана въ необходимости заключить перемиріе. Есть также слухи, что Англія намѣрена высадить свои войска въ *Галлиполи* и занять этотъ городъ. Недавно офицеры британской эскадры, стоящей въ Безикской бухтѣ получили приказаніе возвратиться на суда. На этомъ основаніи ожидаютъ скораго вступленія англійской эскадры въ Дарданеллы.

Коснемся теперь политическихъ фактовъ.

— Изъ Лондона сообщаютъ, что 11-го (25-го) іюля извѣстный Джонъ-Брайтъ произнесъ въ Брэджордѣ рѣчь, въ которой убѣдительно доказывалъ полнѣйшую безполезность для Англіи препятствовать движенію русскихъ войскъ въ Константинополь. По мнѣнію Брайта, это только *затянуло* бы войну и подвергло Англію униженію. Въ томъ же почти смыслѣ выразился на банкетѣ рыбныхъ торговцевъ въ Лондонскомъ Сити и маркизъ Гартингтонъ. Съ другой стороны канцлеру казначейства, сэру Норскоту, сдѣлано было въ парламентѣ много запросовъ по поводу отношеній Англіи къ Россіи и восточному вопросу. Норскотъ отвѣчалъ по большей части неясно и уклончиво.

Въ послѣднее время на Заатлантическомъ Сѣвероамериканскомъ горизонтѣ сгустились тучи. Съ одной стороны республикѣ угрожаетъ военная диктатура, слѣдовательно представляется серьезная опасность самому демократическому принципу. Съ другой стороны въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ появились стачки рабочихъ, недовольныхъ заработною платою. Положеніе общественной безопасности настолько серьезно, что правительство должно было употребить въ дѣло войска.

— Въ настоящее время происходитъ оживленный обмѣнъ нотъ между европейскими кабинетами. Поводомъ къ этому обмѣну нотъ, по словамъ римской газеты «Liberta» послужили новѣйшія звѣрства турокъ надъ плѣнными и мирнымъ сельскимъ населеніемъ и угрожающая отсюда опасность для всѣхъ христіанъ, живущихъ въ Константинополѣ, отъ турецкаго фанатизма. Затѣмъ дѣло касается и Англіи. Отдѣльному дѣйствію ея въ восточномъ вопросѣ европейская дипломатія намѣрена воспрепятствовать.

— Изъ всѣхъ провинцій Константинополя вызвано большое число рабочихъ для устройства укрѣпленій въ окрестностяхъ столицы; главныя укрѣпленія сооружаются у Чатладе и Черкмержи на берегу Мраморнаго моря.

Митхадъ-паша въ настоящее время находится въ Вѣнѣ и сохраняетъ характеръ частнаго человѣка, ни съ кѣмъ изъ политическихъ дѣятелей не видится, никого не принимаетъ; онъ ожидаетъ дальнѣйшихъ приказовъ султана и до полученія ихъ не выѣдетъ изъ Вѣны. На островѣ Критѣ, близь Ретимно, произошло кровопролитное сраженіе. Возстаніе разростается.

— Изъ Москвы отъ 16-го іюля сообщаютъ, что тамъ радушно одобряется предположеніе москвичей, отправить германскому императору благодарственный адресъ за искренній и честный образъ дѣйствій Его Величества по восточному вопросу. Фабриканты предполагаютъ поднести императору Вильгельму роскошный альбомъ видовъ Москвы, а дамы заняты составленіемъ узора для роскошнаго ковра, который онѣ намѣрены поднести князю Бисмарку. Симпатіи Москвы къ германской націи проявляются ежедневно.

Пять московскихъ ямскихъ слободъ пожертвовали вчера въ пользу центральнаго московскаго склада около 4,000 рублей. Кромѣ массы разныхъ другихъ предметовъ, складъ отправилъ уже двадцать двѣ тысячи рубахъ въ обѣ арміи. Требованія госпиталей на Кавказѣ увеличиваются. Московскій центральный складъ, устроивъ слишкомъ тысячу кроватей при кавказской арміи, нуждается нынѣ въ вещевыхъ и денежныхъ пожертвованіяхъ.

Изъ Парижа, отъ 16-го (28) іюля, сообщаютъ, что маршалъ Макъ-Магонъ, отвѣчая на привѣтствіе мѣстнаго мэра въ Буржѣ, сказалъ; «Сохранить внутренній и внѣшній миръ и идти во главѣ людей порядка изъ всѣхъ партій, оставаясь на почвѣ конституціи—такова моя цѣль; иной цѣли я никогда не имѣлъ». Далѣе маршалъ протестовалъ противъ клеветы, утверждающей будто бы внѣшнія отношенія Франціи поколеблены и свободѣ совѣсти грозитъ опасность; онъ заявилъ, что клевета не лишитъ его присутствія духа и не воспрепятствуетъ ему довершить свою задачу. Маршалъ надѣется, что нація, избравъ новыхъ уполномоченныхъ, положитъ конецъ распрѣ, продленіе которой нанесло бы вредъ интересамъ Франціи.

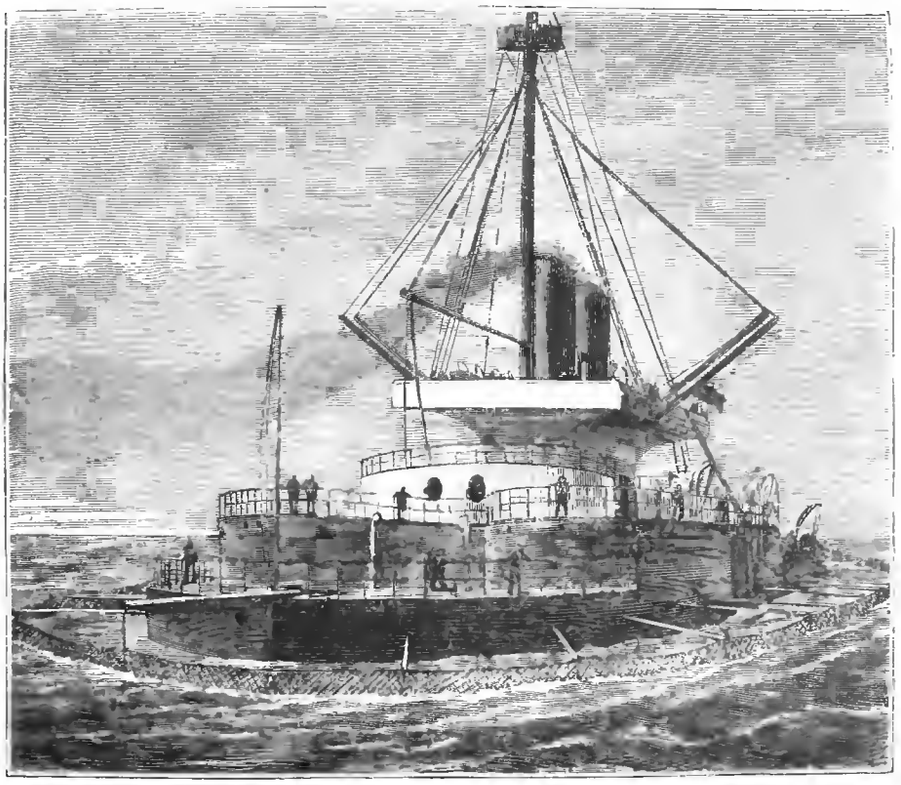
Огражденіе броненосцевъ отъ торпедо

Англичанинъ Ридъ, извѣстный знатокъ морского дѣла, публично заявилъ, что при совершенствованіи подводной аттаки посредствомъ минъ или торпедо, (см. „Ниву“ № 26) всѣ способы защиты броненосныхъ судовъ становятся весьма сомнительными и въ этомъ случаѣ ни цѣпныя сѣтки, ни увеличеніе числа отдѣленій на судахъ не оказываютъ достаточной помощи. Этотъ приговоръ такого компетентнаго судьи, какимъ считается въ Англіи Ридъ, заставилъ многихъ призадуматься о будущей неприглядной судьбѣ броненосныхъ эскадръ и изыскивать болѣе дѣйствительныя средства ихъ обороны. Турецкіе мониторы также не остались безъ помощи со стороны „просвѣщенныхъ мореплавателей“ и по ихъ указаніямъ были ограждены и такимъ образомъ сдѣланы недоступными для аттаки на нихъ русскихъ броненосныхъ шлюпокъ. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ теперь окружены бономъ, состоящимъ изъ бревенъ, связанныхъ толстыми цѣпями; иногда же подобная цѣпь соединяетъ вмѣсто бревенъ рядъ пустыхъ бочекъ разной величины. Кромѣ этихъ загражденій нѣкоторые мониторы окружаются такъ называе-

*) Провинція *Румелія* лежитъ между Ѳракіей и Болгаріей.

Библиотека "Руниверс"

мыми *кринолинами*, т. е. сѣтью изъ тонкихъ бичевокъ, укрѣпляемою посредствомъ шестовъ и поплавковъ, и къ которой, кромѣ того, иногда подвѣшиваются небольшія самовзрывчатыя мины. Кромѣ того, въ Англіи наперерывъ предлагаются кромѣ огражденій, еще и другія средства для охраненія броненосцевъ отъ дѣйствія торпедо. Такъ, по мнѣнію многихъ, въ этомъ случаѣ могутъ принести большую пользу усовершенствованные свѣтовые электрическіе аппараты, подобные извѣстному аппарату Гримма, сильный свѣтъ котораго, собираясь въ діоптрическомъ фонарѣ, можетъ быть направленъ въ какую угодно точку и освѣщать окружность корабля на двѣ и даже на три мили. Дѣйствительно, одно изъ главныхъ условій удачи миноносной аттаки—это темнота и скрытность, а свѣтъ, уничтожая эти условія, конечно, дѣлаетъ ея успѣхъ весьма сомнительнымъ.



Огражденіе броненосцевъ отъ торпедо. Съ наброска А. Б. грав. Діамантовскій.

Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что при усовершенствованіи средствъ обороны, конечно, и средства аттаки не останутся безъ улучшенія. Сама Англія даетъ намъ въ томъ благой примѣръ постояннымъ развитіемъ и совершенствованіемъ своего минного и торпеднаго дѣла. Такъ, торпедо, изобрѣтенное Уайтгедомъ, выбрасывается надъ водою и продолжаетъ потомъ свой путь уже подъ морскою поверхностью, при чемъ пробѣгая до 1000 ярдовъ со скоростью 20 узловъ въ часъ, наноситъ такой ударъ, противъ котораго не устоитъ никакой, даже самый сильный нынѣ существующій броненосецъ. Будемъ надѣяться, что и нашимъ морякамъ можетъ еще представиться скорая возможность, посредствомъ усовершенствованныхъ торпедныхъ аппаратовъ, попрежнему поражать непріятельскіе броненосцы и отправлять ихъ на морское дно, не смотря на окружающіе ихъ кринолины, бопы и цѣпи.

СОДЕРЖАНІЕ: Командиръ 9-го армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ баронъ Н. П. Крденеръ 3-й (съ портретомъ) Н.—Поздно. (Страница изъ жизни) N. Поѣздка на Иматру. (Изъ путевыхъ впечатлѣній) (съ рисункомъ) П. Гнѣдича.—Взятіе Гарбинскихъ высотъ 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи подъ командою генералъ-маіора Жукова (съ рисункомъ). — Грустныя думы (съ рисункомъ).—Матросъ Семенъ Лопатинъ (съ рисункомъ) Н. Кразина.—Габрово (съ рисункомъ).—Городъ Никополь (съ рисункомъ).—Общій видъ переправы чрезъ Дунай 15 іюня 1877 года (съ рисункомъ).—Политическія и военныя извѣстія.—Огражденіе броненесцевъ отъ торпедо (съ рисункомъ).—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

СЛАВЯНСКІЙ РЕСТОРАНЪ

Большая Морская, № 13.

Завтракъ въ 2 блюда — 60 коп.

Обѣдъ по 60 коп. и 1 руб.

3 биліардные салоны.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ

„АРДАГАНЪ“

Побѣдный маршъ. Соч. капельмейстера *Ивана Реша.* Цѣна для фортепіано 30 к.

Вышелъ вторымъ изданіемъ:

РУССКО-СЛАВЯНСКІЙ МАРШЪ.

П. Чайковскаго. Цѣна 1 рубль.

Продаются: въ Москвѣ, у П. Юргенсона, Петровка, № 6; въ С.-Петербургѣ: у І. Юргенсона, Большая Морская № 9. 1

ЛУЧШАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

ПОДАРОКЪ МОЛОДЫМЪ ХОЗЯЙКАМЪ.

ИЛИ

СРЕДСТВО КЪ УМЕНЬШЕНІЮ РАСХОДОВЪ ВЪ ДОМАШНЕМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

Составила и издала Елена Молохонецъ. Седьмое дополненное изданіе.

Книга эта заключаетъ въ себѣ три плана домовъ, удобно расположенныхъ въ хозяйственномъ отношеніи, пять реестровъ изъ **800 ОБѢДОВЪ** на равныя цѣны (отъ 75 коп. до 12 руб. обѣдъ на 6—8 человѣкъ) и до **2,000 ОПИСАНІЙ ДОМАШНИХЪ ЗАПАСОВЪ** и разныхъ кушаньевъ, съ подробнымъ указаніемъ выдачи для нихъ провизіи мѣрою и вѣсомъ.

Цѣна 3 р 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 4 р.

Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Главный складъ въ **С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ О. И. БОКСТА** (Б. Итальянская, № 2). 3—3

Въ Петербургѣ и Москвѣ вышла **3-Я ЧАСТЬ** соч. К. В. М.

„ТАЙНЫ СОВРЕМЕННАГО ПЕТЕРБУРГА“.

«ВЪ ЦАРСТВѢ ВЕНЕРЫ»

Цѣна 2 руб. Первая часть вышла третьимъ изданіемъ.—Вторая вторымъ.

Содержаніе 3-й части:

Два обожателя Венеры.—Неожиданное открытіе.—Мудрый совѣтникъ.—Загадочная смерть.—У Венеры въ гостяхъ.—Одна изъ жертвъ Венеры.—Рвавѣчивная Венера.—Месть.—Моя бѣда.—Лидія Петровна.—Волшебница Венера.—Еще штука Реброна.—Ссудная касса.—Ужасная драма.—Медицинскій монологъ.—Ночь у Венеры перваго класса.—Ночь въ царствѣ Венеры послѣдняго класса.—Тиаы барынь олаготворительницъ.—Таинственное лицо. — Живой мертвецъ.—Страшный разговоръ.—Грустная комедія.—Великое чудо.—У одра больного.—У двухъ священниковъ на дому.—Выстрѣлъ.—Бѣдная мать.—Новый паціентъ.—Въ тюрьмѣ.—Роковый приказъ.

Тамъ же продается второе изданіе новаго романа того же автора «ХОЧУ БЫТЬ РУССКОЮ». Цѣна за 4 тома 4 р. 4—3

Новый и единственный въ своемъ родѣ

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

скоро-высыхающихъ масляныхъ красокъ для малярнаго производства

Н. Ф. КЮНА

на 1877 годъ.

Съ 50 образцами сихъ красокъ и короткимъ наставленіемъ объ употребленіи оныхъ, высылается желающимъ безплатно. Казанская улица № 38. 2—2

УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОПИСАНІЕ КРЫМА 4 т. въ 17-ти специал. частяхъ съ политипажами. Соч. Дѣйств. члена Император. Географическаго и другихъ обществъ, Василія Христофоровича Кондараки, временно распродается по типограф. цѣнѣ 6 руб. съ пересылкою. Адресоваться въ г. Ялту (Тавр. губ.) лично или письменно къ автору, до Іюля месяца. 3—3

Сборникъ Правилъ и подробныхъ программъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія (мужскія и женскія) составл. А. Николаевымъ только что отпечатанъ **седьмымъ** изданіемъ на 1877—1878 г.

Цѣна **1** р. **50** к. съ перес. **1** р. **75** к.

Выписывающіе могутъ адресоваться и непосредственно къ издателю — преподавателю въ г. Воронежъ, Василію Абрамовичу Маврицкому. 2—2

Магазины: Адмиралт. площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3, противъ Срѣменской.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ

и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА

въ Петербургѣ,

Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.

11

Товарищество Чемберсъ и К°.

Дозволено цензурою. СПБ. 22 Іюля 1877 г.

Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 31 — 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

Выданъ 1 Августа 1877 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера „Нивы".

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногородныхъ 3 р.

Подписка продолжается.

Контора журнала „Нива" помѣщается въ С.-П.-Бургѣ на Б. Морской, въ д. № 9.

При этомъ № прилагаются: «Парижскія Моды» за Августъ съ 29 рисунками и отдѣльный листъ съ 27 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 23 рисунками буквъ для мѣтки бѣлья.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ І. В. Гурко.

Свиты Его Величества генералъ-лейтенантъ Іосифъ Васильевичъ Гурко изъ камеръ-пажей былъ произведенъ въ 1846 году въ корнеты лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка. Въ 1857 году въ чинѣ ротмистра, онъ былъ назначенъ командиромъ эскадрона Его Величества въ названномъ полку; въ 1860 г. назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству; въ 1861 г. произведенъ въ полковники. Пять лѣтъ спустя Іосифъ Васильевичъ назначенъ командиромъ 4-го гусарскаго Маріупольскаго Его Высочества Принца Фридриха Гессенъ-Касельскаго полка, а въ 1867 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Затѣмъ генералъ Гурко командовалъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскимъ полкомъ, въ 1873 г. назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Надобно сказать, что генералъ Гурко участвовалъ въ Крымской кампаніи и, оставаясь на Бельбекской позиціи до самаго окончанія военныхъ дѣйствій, нѣсколько разъ былъ посылаемъ на передовыя позиціи. Во время своей служебной дѣятельности Іосифъ Васильевичъ, отличаясь рѣдкимъ самообладаніемъ и хладнокровіемъ, показалъ себя не только замѣчательнымъ фронтовымъ, но и боевымъ кавалеристомъ.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ І. В. Гурко, начальникъ передоваго отряда дѣйствующей арміи въ Балканахъ. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Въ настоящее время генералъ Гурко находится въ дѣйствующей арміи и уже успѣлъ заявить себя своими лихими подвигами. Онъ былъ вызванъ въ дѣйствующую армію телеграммой, уже по прибытіи Его Высочества въ главную квартиру. Онъ проѣхалъ изъ Петербурга, такъ сказать, по прямому пути безостановочно до Тырнова. Занятіе Тырнова несомнѣнно носитъ на себѣ слѣды лихого кавалерійскаго предпріятія. Занятія этого города произошло слѣдующимъ образомъ: 25-го іюня генералъ Гурко съ одной кавалеріей и 16 конной баттареей налетѣлъ на

Библиотека "Руниверс"

Тырново, занятый 3,000 низамовъ и нѣсколькими баттареями полевой артиллеріи. Казаки спѣшились и съ неустрашимостью кинулись на врага. Низамы держались до тѣхъ поръ, пока могли стрѣлять изъ прикрытыхъ позицій и пока русскіе были отъ нихъ еще въ нѣкоторомъ отдаленіи; но когда казаки, не обращая вниманія на огонь артиллеріи, приблизились и бросились на занятыя ими позиціи съ громкими криками „ура", турки пустились бѣжать, успѣвъ захватить только орудія и оставивъ боевые и жизненные припасы. Такъ быстро и рѣшительно было наступленіе войскъ подъ командою генерала Гурко на Тырново и занятіе ими этого города. Занятіе русскими войсками Тырнова, собственно говоря, представляетъ одно изъ безпримѣрныхъ дѣлъ въ военной исторіи: бригада кавалеріи занимаетъ съ боя городъ въ 40,000 жителей; городъ, расположенный въ пересѣченной въ мало и трудно-проходимой мѣстности, городъ, снабженный артиллеріею, расположенною въ великолѣпно устроенныхъ баттареяхъ, и снабженный всѣмъ необходимымъ для боя. Въ самомъ дѣлѣ, трудно вѣрилось, чтобы это было такъ, что Тырново взяли два драгунскихъ—Казанскій и Астраханскій—полка при одной баттареѣ конной артиллеріи; что наступленіе дѣлали спѣшенные драгуны; что потери мы имѣли всего четыре человѣка. Между тѣмъ это было именно такъ.

Генералу Гурко, какъ говорятъ, было дано приказаніе занять Тырново во что бы то ни стало въ теченіе семи дней. Генералъ выслалъ драгунскую бригаду и баттарею конной артиллеріи впередъ, имѣя стрѣлковую бригаду въ резервѣ. Драгунами командовалъ Его Высочество Евгеній Максимиліановичъ Лейхтенбергскій. Перемѣннымъ аллюромъ и форсированнымъ маршемъ быстро подошли драгуны и, какъ снѣгъ на голову, явились у воротъ непріятельскаго города. Единственный путь къ городу Тырново идетъ чрезъ ущелье, для котораго достаточно было одного непріятельскаго баталіона, чтобы остановить не только бригаду кавалеріи, но и болѣе сильный отрядъ наступающихъ войскъ. Между тѣмъ наши драгуны, подскакавъ къ предмѣстью Тырнова, спѣшились и заняли лѣвыя возвышенности или холмы, укрываясь за которыми, начали наступленіе на правыя высоты, занятыя непріятелемъ и непріятельскою артиллеріей. Нѣсколько непріятельскихъ выстрѣловъ причиняли сначала имъ вредъ и останавливали ходъ драгунъ; но какъ только конная баттарея послала непріятелю 5—6 выстрѣловъ, они бросили и свои позиціи, и лагерь, и все, что только имѣли тамъ. Драгуны ударили въ штыки, въ аттаку, полѣзли на горы и сдѣлали это такъ, что непріятель не успѣлъ даже собрать свои лагерные запасы, патроны, палатки и даже оставилъ въ покинутомъ лагерѣ знамя. Это молодецкое дѣло — молодецкое потому, что оно было настолько рѣшительно, самоувѣренно, самоотверженно, что по-неволѣ турки вошли въ обманъ, думая, что на нихъ нападаетъ войско главной квартиры, подъ непосредственнымъ начальствомъ Главнокомандующаго, о приближеніи котораго, разумѣется, они знали чрезъ лазутчиковъ.

5-го іюля, какъ извѣстно, генералъ Гурко взялъ Казанлыкъ и селеніе Шипко. Исполненіе этого дѣла представляло не малыя трудности. Дѣло это справедливо признается подвигомъ со стороны генерала Гурко и составляетъ, по удачному выраженію знакомыхъ съ громомъ пушекъ, настоящую легенду въ исторіи войны. Можно сказать, что генералъ Гурко открылъ ворота, защищавшія турокъ отъ вторженія непріятеля. Нелишнимъ здѣсь привесть подробности, какими сопровождался переходъ чрезъ Балканы. Выступивъ изъ Тырнова 30-го іюня, генералъ Гурко направилъ главныя силы на Елену, мѣстность, лежащую къ юго-востоку отъ Тырнова. Для развѣдки, насколько сильны турецкія войска, сосредоточенныя, какъ сообщали, около Османъ Базара и простираются ли непріятельскія позиціи отъ Османъ-Базара въ южномъ направленіи чрезъ Балканъ, генералъ Гурко повелъ кавалерію по дорогѣ въ Шумлу и по направленію Османъ-Базара.

Разузнавъ все, что ему было нужно знать, хотя и поплатясь значительной потерей, генералъ Гурко оставилъ сопровождавшій его отрядъ для наблюденія за турецкими позиціями около Османъ-Базара и обратясь спиной къ туркамъ, направился къ югу на Балканы. Около Елены онъ стянулъ свои отряды и въ два форсированныхъ марша (около 60 верстъ каждый) достигъ середины Балкановъ, именно той части горной цѣпи, которая носитъ названіе Еленскихъ Балкановъ. Чрезъ нихъ идутъ три прохода въ долину Тунджи, почти параллельные одинъ другому.

Проводниками Гурко служили христіане изъ долинъ Балканскихъ отроговъ. Чрезъ два изъ помянутыхъ трехъ проходовъ генералъ Гурко отправилъ по отряду, а самъ съ главной массой войскъ пошелъ по среднему, извѣстному подъ названіемъ „Гапки",—узкимъ, извилистымъ ущельемъ, по обѣимъ сторонамъ котораго возвышаются отвѣсныя скалы. Путь этотъ оказался чрезвычайно тѣснымъ для пушекъ и горныхъ баттарей, сопровождавшихъ колонну. Въ самомъ трудномъ мѣстѣ ущелья развѣдчики генерала Гурко наткнулись на укрѣпленную позицію, занятую батальономъ турецкихъ баши-бузуковъ и черкесовъ, которые, кажется, не ожидали появленіе казаковъ и начали отступать. Это отступленіе въ виду быстраго натиска нашихъ войскъ, до такой степени было поспѣшно, что турки оставили на мѣстѣ не малое количество боевыхъ запасовъ и орудій. Вообще генералъ Гурко оказывается слишкомъ проворнымъ для медленныхъ турокъ. Переваливъ чрезъ проходъ Ганко генералъ Гурко попалъ въ долину Тунджи и именно въ селеніе Езекен, находящееся въ равномъ разстояніи отъ Казанлыка, Ени-Загры и Ески-Загры. Казанлыкъ лежитъ при входѣ въ Шипкинскій проходъ, одинъ изъ главныхъ путей чрезъ Балканы. Ени-Загра лежитъ на желѣзнодорожной линіи, ведущей въ Ямболи. Ески-Загра на возвышенностяхъ долины Марицы и на точкѣ соединенія всѣхъ дорогъ. Послѣдствіемъ этого движенія было, какъ сказано выше, взятіе Казанлыка и селенія Шипко. Съ этимъ дѣломъ наши читатели, конечно уже знакомы изъ политическихъ и военныхъ извѣстій, еженедѣльно помѣщаемыхъ на страницахъ „Нивы".

Такимъ образомъ оказывается, что въ то время, когда послѣ перехода нашихъ войскъ чрезъ Дунай всѣ были заняты вопросомъ о разрѣшеніи второй важной задачи настоящей войны—это вторая задача была разрѣшена: генералъ Гурко перешелъ Балканы.

Приводимъ здѣсь изъ оффиціальнаго рапорта генералъ-лейтенанта І. В. Гурко господину главнокомандующему дѣйствующей арміей, нѣсколько строкъ о тѣхъ трудностяхъ, какими сопровождались переходъ войскъ и о тѣхъ доблестяхъ, какими отличаются эти войска.

„Считаю долгомъ, доноситъ генералъ-лейтенантъ Гурко, засвидѣтельствовать передъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ о тѣхъ неимовѣрно тяжелыхъ трудностяхъ, которыя были перенесены войсками ввѣреннаго мнѣ отряда, во время прохода, по малоразработанному горному проходу. Въ особенности тяжело было вывозить орудія конныхъ баттарей. Что же касается до перевозки зарядныхъ ящиковъ, то она потребовала почти сверхъ-естественныхъ усилій. Только русскій солдатъ могъ пройти въ три дня и провезти полевыя орудія по столь тяжелому ущелью. Справедливость требуетъ сказать, что болгарское ополченіе нисколько не отставало отъ остальныхъ солдатъ въ дѣлѣ преодолѣнія трудностей движенія".

Честь и слава войскамъ, честь и слава ихъ доблестному предводителю. З.

Фотографическія карточки изъ альбома гувернантки.

Счастливая парочка *).

I.

Анна Михайловна Дорогина рѣшилась сдѣлаться домашней учительницей. Заручившись рекомендательнымъ письмомъ, отправилась она къ какому-то господину Красницкому. Пройдя Покровку (въ Москвѣ), свернула она въ одинъ изъ переулковъ, гдѣ находился означенный на адресѣ домъ, миновала густо-разросшійся садъ и вошла на большой мощеный дворъ. Справа виднѣлось заброшенное обуглившееся зданіе, похожее на фабрику; слѣва—двухъ-этажный каменный домъ съ неуклюже-массивнымъ крыльцомъ, съ бронзированными, потускнѣвшими львами, по бокамъ. Кругомъ все было тихо, безлюдно; даже цѣпная собака спала въ растяжку поодаль конуры. Дорогина, будто изъ опасенія нарушить господствовавшую тишину, осторожно позвонила. Послѣ нѣсколькихъ минутъ напраснаго ожиданія, позвонила еще и еще. Раздалось по лѣстницѣ тяжелое шарканье, сухо щёлкнулъ ключъ, и заповѣдная дверь наконецъ пріотворилась рукою непривѣтливой, повязанной бумажнымъ платкомъ, старухи.

— Кого вамъ? спросила она, оглядывая неизвѣстную посѣтительницу съ головы до ногъ.

— Дома г. Красницкій?

Старуха, вмѣсто отвѣта, еще пристальнѣе уставилась на нее.

— Вамъ нужно Василья Васильича? переспросила она.

— Да, Василья Васильича. Дома онъ?

— А зачѣмъ вамъ его? допытывалась старуха, придерживая дверь.

— Нужно: письмо къ нему.

— А отъ кого оно будетъ?

*) Продолженіе „Изъ альбома гувернантки", будучи каждое законченнымъ разсказомъ, заключающимъ въ себѣ извѣстное число фотографическихъ карточекъ, даетъ намъ случай помѣщать ихъ въ „Нивѣ", такъ сказать, отдѣльными группами, по мѣрѣ возможности.

Библиотека "Руниверс"

— Ахъ, матушка, отъ кого бы ни было,—не твое дѣло .. пусти!

Инквизиціонный допросъ начиналъ выводить Дорогину изъ терпѣнья. Пусти же, повторила она, показывая письмо.

— А „самой“ не отдадите? прошамкала старуха.

— Какой „самой“?

— Да супругѣ, Глафирѣ Филипповнѣ?

— Отчего-жъ не отдать: мнѣ все равно.

— Ступайте! рѣшила допросчица, видимо успокоенная этимъ отвѣтомъ. Анна Михайловна поднялась вслѣдъ за нею по широкой лѣстницѣ на площадку, съ поломанной балюстрадой, съ миѳологической группой по срединѣ. Въ передней, кромѣ вѣшалки, да какого-то пестраго лоскута на окнѣ вмѣсто шторы, не было ровно ничего. Въ обширной залѣ подъ мраморъ, окаймленной стульями краснаго дерева, стоялъ закрытый рояль; подлѣ рояля—этажерка съ нотами.

— Обождите маленько, сказала старуха, я доложу господамъ. Пока она отправилась „съ докладомъ“, Дорогина принялась разсматривать парадныя комнаты Красницкихъ, гдѣ на всемъ лежала какая-то печать запустѣнія. Литые золоченные настѣнники были покрыты густымъ слоемъ пыли; ненатертый паркетъ съ вычурной выкладкой изъ чернаго дерева, мѣстами растрескался; непромытыя окна безъ шторъ отворялись, по всѣмъ видимостямъ, очень рѣдко; два померанцевыхъ дерева, въ огромныхъ кадушкахъ, печально коротали свой вѣкъ въ душной атмосферѣ, безъ поливки, безъ ухода. Арка соединяла залу съ гостиной, синяго цвѣта, съ тисненными золотыми звѣздочками по всему фону, невыносимо рябившими въ глазахъ. Неуклюжая, старинная, обитая полинялымъ оранжевымъ штофомъ, мебель, съ бронзовыми украшеніями, въ видѣ виноградныхъ лозъ, такъ и просилась въ какой-нибудь „магазинъ“ старьевщика, на Неглинную. Надъ диваномъ, въ богатой, запыленной рамѣ, висѣлъ портретъ старика съ сѣдой окладистой бородой, съ жесткими чертами лица, въ поддевкѣ на-распашку, съ медалью на шеѣ. Рядомъ съ нимъ, въ такой же богатой рамѣ, красовался портретъ молодой, роскошно одѣтой женщины. Смуглое лицо съ рѣзкимъ румянцемъ, крупныя губы, черные глаза, дугообразныя почти сросшіяся брови, большой носъ, съ темно-синеватымъ отливомъ волосы, перевитые крупнымъ жемчугомъ,—все это, взятое вмѣстѣ, составляло весьма рельефный восточный типъ, показавшійся однако Аннѣ Михайловнѣ нетолько не симпатичнымъ, но даже отталкивающимъ. Впрочемъ, у нея было своеобразное понятіе о красотѣ: „не по́ хорошу милъ, а по́ милу хорошъ.“—Изъ гостиной виднѣлась комната съ зеркальными стѣнами, съ расписнымъ потолкомъ и съ подушкой сомнительной бѣлизны на обдерганномъ диванѣ. Тутъ же, на столикѣ, валялись папиросные окурки, полицейскій листокъ и стоялъ недопитой стаканъ квасу.

Всматриваясь во всю эту обстановку, Дорогина не могла рѣшить, къ какой именно категоріи принадлежатъ Красницкіе: смѣсь позолоты, мрамора, зеркальныхъ стѣнъ съ выдающейся повсюду неряшливостью, сбивала ее съ толку. Поглядѣла въ садъ, куда выходила терраса изъ гостиной,— та же запущенность. Дорожки поросли травой, лѣстницы съ обѣихъ сторонъ террасы покачнулись; съ золоченнымъ куполомъ бесѣдка—настежъ; у входа—слетѣвшій съ пьедестала, изувѣченный амуръ. Дорогиной стало вдругъ жутко отъ новой, такъ невыгодно представлявшейся перспективы: ей даже пришло было на мысль тихимъ манеромъ улизнуть, но послышавшіеся шаги и легкое покашливанье пресѣкли путь къ замышляемому бѣгству. Изъ зеркальной комнаты появилась средняго роста дама, въ бѣломъ вышитомъ пеньюарѣ, съ подвитыми волосами, кокетливо прикрытыми кружевной косыночкой.

— Извините, я заставила васъ ждать, сказала она: брала ароматическую ванну... никакъ нельзя было...

Въ появившейся дамѣ, Дорогиина тотчасъ же признала оригиналъ видѣннаго портрета, написаннаго, повсѣмъ вѣроятіямъ, лѣтъ 20-ть тому назадъ, когда еще дама была въ свѣжей порѣ молодости и не прибѣгала, какъ въ настоящую минуту, ни къ ароматическимъ ваннамъ, ни къ косметикамъ. .

Анна Михайловна молча поклонилась.

— Вамъ угодно повидаться съ мужемъ? У васъ къ нему письмо? спросила Красницкая.

— Да.

— А! Позвольте я передамъ: Базиль еще неодѣтъ. Взявъ письмо, она исчезла и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, повѣстила, что мужъ скоро выйдетъ. Не угодно ли въ гостиную? пригласила она. Тамъ удобнѣе, да и сквозного вѣтра нѣтъ.

— У васъ, кажется, вѣтра не можетъ быть *никакого* замѣтила Анна Михайловна. Не смотря на теплую майскую погоду, все вездѣ такъ герметически закрыто.

— Немножечко душно, правда; но у меня такое слабое здоровье... боюсь простуды.—Прошу покорно! продолжала хозяйка, усаживаясь на диванъ. Дорогина сѣла на стулъ съ прямой высокой спинкой, и, зацѣпившись газовой вуалеткой за одинъ изъ виноградныхъ листьевъ, тотчасъ же разорвала ее.

— Какая неловкость! усмѣхнулась она, сдвинувшись на самый кончикъ стула, подальше отъ безпокойныхъ украшеній.

— О, вы не первая! утѣшила ее хозяйка. Эти виноградные листья много всякой всячины порвали. Препротивная мебель! Надо бы, конечно, другую, да нотъ все дожидаемся раздѣла.—Такъ вы желаете поступить къ намъ въ домъ? Неожиданно заключила она.

— Къ вамъ, или къ кому нибудь,—все равно, отвѣтила Дорогина.

— Я могу преподовать русскій языкъ, французскій, нѣмецкій, музыку.

— А танцы?

— Нѣтъ, танцы мнѣ не дались.

— Гмъ! придется брать учителя. Не можете ли хоть репетировать съ дѣтьми кадрель, польку?

— Ни кадрили, ни польки не могу.

Красницкая задумалась.

— А какъ на счетъ пѣнія? спросила она послѣ нѣкоторой паузы. У меня вотъ дочь охотится пѣть. Голосъ высокій, сильный... Можете вы ее учить?

— Могу.

— Ахъ, какъ это хорошо! обрадовалась Красницкая. Мысль, что будущая наставница пригодна по части вокальной, сгладила невыгодное впечатлѣніе, относительно части хореграфической.

— Я обожаю пѣніе, въ особенности итальянское, заявила она, вскинувъ глаза къ потолку. Мужъ тоже большой охотникъ... самъ поетъ отлично. А, вотъ и онъ!—

Въ гостиную вошелъ молодой, смазливый брюнетъ съ ровно подстриженной бородкой. Свѣжее, румяное лицо его дышало здоровьемъ; въ черныхъ юркихъ глазахъ скользило что-то неуловимое, похожее и на отблескъ живого, страстнаго темперамента, и на какой-то плутоватый разумъ.

— Честь имѣю кланяться! звучнымъ басомъ проговорилъ онъ, обращаясь къ Дорогиной.

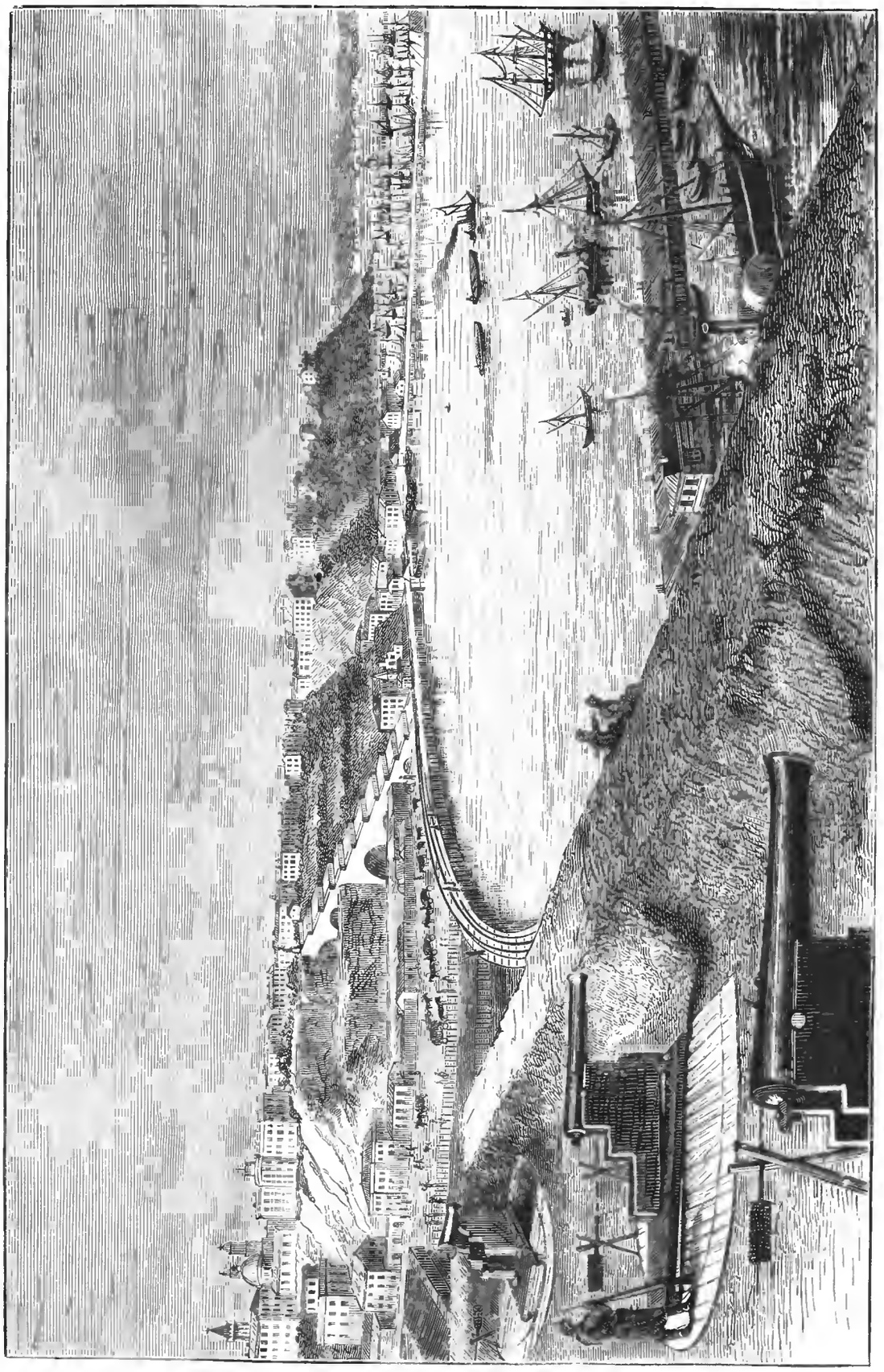
— Мужъ мой, докторъ Василій Васильевичъ Красницкій, не безъ важности проговорила Глафира Филипповна.

— Васъ рекомендуютъ какъ хорошую, опытную учительницу? прямо началъ тотъ, садясь нѣсколько поодаль.—

— И пѣть могутъ учить, сладко произнесла Глафира Филипповна.

— Неужели? воскликнулъ Василій Васильичъ. Вотъ

Библиотека "Руниверс"



Видъ города Одессы. Съ фотогр. грав. Ропевскій.

Библиотека "Руниверс"

Адская долина (въ Южной Баваріи). Съ фотогр. грав. Кригсманъ.

Библиотека "Руниверс"

Сашенькѣ радость! Да и я позаймусь немножко, если только учительница не найдетъ во мнѣ черезъ-чуръ безтолковаго ученика... Самодовольная улыбка, лукаво прищурившіеся глаза, сильно противорѣчили этому скромному заявленію.

— Судя по вашей рѣчи, на-обумъ сказала Дорогина, у васъ долженъ быть прекрасный голосъ и тонкая музыкальная организація.

— Дѣйствительно, подтвердилъ пріятно-польщенный Василій Васильичъ, играя своимъ пенсне. Не сдѣлай меня судьба медикомъ,—я навѣрное былъ бы недюжиннымъ пѣвцомъ!

— О, безъ сомнѣнія! подхватила Глафира Филипповна, любуясь своимъ „Базилемъ". Не угодно ли? прибавила она, протягивая Дорогиной перламутровую папиросницу.

— Благодарю васъ: я не курю.

— Голосъ бережете?

— Нисколько. Я вѣдь не имѣю претензіи быть пѣвицей, а такъ... привычки нѣтъ.

— За то ужь я не могу жить безъ папироски! И Глафира Филипповна принялась пускать кудреватыя струйки дыма.—Послѣ разныхъ переговоровъ, когда рѣчь коснулась „вознагражденія", Красницкіе согласились на цѣну, спрошенную Дорогиной и дали ей задатокъ.

— Закабалилась! чуть не сказала она вслухъ, кладя ассигнацію въ портмонэ. Ну, да вѣдь не на всегда-же!

— Досадно, что крестная мать увезла дѣтей къ себѣ, пожалѣла Красницкая, прощаясь съ Анной Михайловной. Впрочемъ, завтра они вернутся.

— Когда же вы къ намъ? Любезно освѣдомился Василій Васильичъ, провожая Дорогину въ переднюю.

— Вѣроятно завтра къ вечеру.

— И прекрасно! А я сейчасъ пошлю за настройщикомъ, да приведу въ порядокъ свою музыкальную библіотеку. Настя, крикнулъ онъ. На зовъ явилась чисто-одѣтая горничная, рѣзко выдѣлявшаяся своею миловидностью изъ всей неуклюжей обстановки, какъ цвѣтокъ изъ бурьяна.

— Пожалуйте-съ! учтиво проговорила она, отворяя дверь и вскользь окидывая Дорогину мягкимъ, привѣтливымъ взглядомъ. Будущая наставница и „камеристка", повидимому, инстинктивно полюбились другъ-другу.— У воротъ, повстрѣчала Анна Михайловна плотнаго, высокаго „дѣтину", съ сигарою въ зубахъ, похожаго, какъ двѣ капли воды, на Глафиру Филипповну. Братъ ея, или сынъ? подумала она. У „восточной женщины" сынъ можетъ быть и старше этого, но неужели Красницкій родной его отецъ? невѣроятно: онъ самъ ей въ сыновья годится. Вдругъ вспомнился ей портретъ сѣдобородаго купца съ медалью. Ужь не онъ ли предшественникъ „ненагляднаго Базиля"?—

Переѣхавъ къ Красницкимъ, Анна Михайловна скоро ознакомилась со всѣмъ окружавшимъ ее персоналомъ: отъ хозяина, до цѣпной собаки, Шарика, которой она послѣ обѣда относила кости. Первое время пребыванія въ чужомъ домѣ, съ непривычки, тяжело подѣйствовало на нее. Помѣстили ее въ одной комнатѣ съ дѣтьми, за ширмами. Комната, окрашенная бурой краской, была мрачная, подъ сводами; мебель поломанная, разнокалиберная; милліарды повсюду гнѣздившихся клоповъ отнимали возможность спать. По праздникамъ должна она была водить дѣтей къ обѣднѣ и выстаивать всю службу, отъ начала до конца, что крайне ее утомляло. Ключница Никоновна, та самая старуха, съ которой она имѣла удовольствіе познакомиться на крыльцѣ, въ первый свой приходъ къ Красницкимъ, была фаворитка Глафиры Филипповны; благорасположеніе это поддерживалось сплетничаньемъ, наушничествомъ, цѣлованьемъ „ручки", гаданьемъ въ карты и тому подобными добродѣтелями. Никоновна за что-то сразу не взлюбила Анны Михайловны. Ужъ какую взяли! почти вслухъ ворчала она. Вонъ въ церкви-то, сказываютъ дѣти, все къ окну приваливши стоитъ... лба лишній разъ не перекреститъ. Ну что это за примѣръ для барышни? Дѣвушка на возрастѣ, невѣста,—чему она ее научитъ? У дебѣлой Сашеньки не было ни слуха, ни малѣйшаго музыкальнаго понятія; безтолковостью, деревяннымъ голосомъ, она безпощадно терзала нервы учительницы. Василій Васильичъ пѣлъ бы, пожалуй, не дурно: у него былъ нѣжный, пріятный басъ; но наслушавшись итальянцевъ, онъ имѣлъ несчастную претензію хвататься за аріи выше своихъ средствъ. Когда же Дорогина разучила съ нимъ полузабытый Варлаамовскій дуэтъ: „Пойми меня", когда они его пропѣли, то ученикъ такъ увлекся, съ такимъ чувствомъ выполнилъ свою партію, что Глафира Филипповна, съ кислой гримаской, заявила о неприличіи пѣть *женатымъ* подобные дуэты!—Анна Михайловна, съ первыхъ дней смекнувшая, что Красницкая ревнива до безобразія, стала подъ разными предлогами уклоняться отъ дуэтовъ, чѣмъ вскорѣ и поразогнала тучи собравшіяся было на челѣ ревнивой супруги.—Ученики ея, тупоумные шаловливые мальчишки, не знали ровно ничего; даже не умѣли правильно читать по-русски! Если бы не Василій Васильичъ, съ своимъ мягкимъ обхожденіемъ, еслибы не привязавшаяся къ ней Настя,—она рѣшительно бы не вынесла безалаберной жизни въ домѣ Красницкихъ. Да и совѣсть порою намекала ей, что она не совсѣмъ по заслугамъ получаетъ большое вознагражденіе. Однако, съ теченіемъ времени, всѣ эти шероховатости сглаживались: за ширмами, она все-таки устроила себѣ маленькое „chez-soi"; отъ клоповъ спасалась персидской ромашкой; Сашенькѣ, не волнуясь, давала волю кричать во весь голосъ; къ обоимъ мальчикамъ, относилась безъ раздражительности; на нелѣпыя выходки Глафиры Филипповны старалась смотрѣть сквозь пальцы; отъ церковнаго стоянья изощрилась лавировать и нѣсколько умилосердила Никоновну трехъ-рублевымъ вигоневымъ платкомъ. Зато, по вечерамъ, отдыхая отъ дневной обузы, любила она поболтать съ Настей. Отъ Насти-то и узнала она семейную исторію Красницкихъ, которую, подъ веселый часъ, выболтала той Никоновна.—Глафира Филипповна была дочь бѣдной армянки и какого-то графа, плѣнившагося красотой ея матери, но не обезпечившаго ее ровно ничѣмъ. Носились слухи, будто послѣ графа, многіе изъ простыхъ смертныхъ пользовались „вниманіемъ" увядавшей красавицы, но насколько слухи эти были правдоподобны,—Богъ-вѣсть. Взрослая дочь, вѣроятно, тоже пошла бы по ея слѣдамъ, если бы не попала въ театральную школу, откуда впослѣдствіи выпорхнула на московскую сцену, въ качествѣ корифейки. Какъ ни эффектна была новая сильфида, какъ ни старалась она плѣнять своимъ искусствомъ присяжныхъ диллетантовъ, ей буквально не везло: холодно ее встрѣчали, холодно провожали. Пожалуй, незамѣтно бы и прошло ея эѳирное существованіе, если бы ею случайно не плѣнился бездѣтный вдовецъ-милліонщикъ, первостатейный купецъ Пудовиковъ. Человѣкъ онъ былъ уже не молодой, суровый, до женскаго пола не охотникъ а вдругъ вотъ полюбилась Глафира, да и все тутъ! Неизвѣстно, какъ устроилось ихъ знакомство, только въ очень непродолжительномъ времени, покинувъ сцену, вышла она за Пудовикова и изъ неказистой квартирки переселилась въ тотъ самый богато-убранный домъ, гдѣ Дорогина видѣла лишь обломки минувшаго великолѣпія. Перемѣнивъ званіе корифейки на почетное имя первостатейной купчихи, Глафира Филипповна не могла похвастаться счастьемъ и, быть можетъ, нерѣдко сожалѣла о прошлой беззаботной жизни. Мужъ наряжалъ ее, поилъ, кормилъ вдоволь, но будучи ревнивъ выше всякаго описанія, держалъ ее

Библиотека "Руниверс"

взаперти, даже рѣдко пускалъ къ роднымъ. У себя принималъ онъ гостей только въ извѣстные торжественные дни, да иногда прокатывалъ ее въ каретѣ, съ опущенными шторками. Привыкшая къ свободной жизни, къ движенію, Глафира Филипповна замѣтно хирѣла, блекла, увядала; къ тому же постоянное одиночество, почти ежегодное рожденіе дѣтей, еще болѣе ослабляли ея организмъ. Такимъ образомъ промаячила она почти двадцать лѣтъ. Но сдѣлавшись по смерти мужа полновластной опекуншей надъ дѣтскимъ состояніемъ, она безъ памяти влюбилась въ пріятеля своего старшаго сына, только что кончившаго курсъ медика, Василья Васильича Красницкаго. Сердце такъ долго дремавшее подъ гнетомъ неволи, встрепенулось и со всѣмъ пыломъ запоздалой страсти отдалось ему!—Не имѣя, кромѣ смазливой наружности и молодости, ни гроша за душой, Красницкій, не задумываясь, женился на богатой вдовѣ. Онъ ловко пользовался ослѣпленіемъ, вилъ изъ нея веревки и, опекунствуя вмѣстѣ съ нею, не стѣснялся набивать карманъ, въ ущербъ будущимъ наслѣдникамъ. Зная, напримѣръ, что домъ достанется на ихъ долю, онъ ни мало не заботился объ его поддержкѣ, не обращалъ вниманія, что все ветшало и приходило въ видимый упадокъ. На воспитаніе и содержаніе дѣтей тратились, по его счетамъ, неимовѣрныя суммы, тогда какъ падчерица-невѣста не имѣла порядочнаго платья, а мальчики зачастую щеголяли въ худыхъ сапогахъ. Глафира Филипповна предоставляла ему полную свободу дѣйствій, точно дѣло касалось не ея родныхъ дѣтей. Она спала и видѣла спихнуть Сашеньку замужъ: взрослая дочь была чѣмъ-то въ родѣ бѣльма на глазу у молодившейся матери.—Базиль уже успѣлъ купить на свое имя доходный домъ; Базиль уже былъ владѣльцемъ подмосковнаго имѣньица... Неизвѣстно чѣмъ порадовала бы его давно заброшенная медицина, но женитьба на годившейся ему въ матери богатой вдовѣ, отлично устроила его карьеру.

— Какъ это Глафира Филипповна, при своей ревности, держитъ тебя въ домѣ? спрашивала Анна Михайловна Настю. Ты такая хорошенькая, бойкая! Да вотъ и Никоновна не сживаетъ тебя?

— Никоновну ужь я оченно ублажаю, пояснила Настя. Это первое-съ; а второе,—часто скрываю баловство ея на счетъ выпивки. Ину-пору, она безъ заднихъ ногъ, обязанности не исполняетъ, а я докладываю, больнехонька, молъ... поясницей тронуться не можетъ. И въ кладовую сбѣгаю, и повару выдамъ—ну, она мнѣ и мирволитъ, и барынѣ въ обиду не даетъ. Опять же, сама барыня держитъ меня въ сумленіи только на счетъ барченка... Вѣдь онъ ухъ какой баловливый!

— А Василій Васильичъ не баловливый?

— Тоже хорошъ, нечего сказать! лукаво хихикнула Настя. Ходу-то ему тутъ нѣтъ, добавила она. Зато онъ все больше на сторонѣ-съ... Поѣдетъ быдто въ клубъ, а колеситъ не вѣсть-гдѣ, и барченка съ собой таскаетъ... У насъ, изъ-за этой оказіи, кучеру не житье-маслянница! Барыня то-и знай даетъ на водку: говори, молъ, безъ утайки, куда барина возилъ? Баринъ отваливаетъ и того пуще: держи, молъ, языкъ на привязи... Что смѣху, какъ поразскажетъ!—

Однажды Глафира Филипповна отправилась въ баню со всѣми чадами и домочадцами, за исключеніемъ Никоновны, оставленной дома для порядка и благочинія. Съ нѣкоторыхъ поръ Анна Михайловна стала замѣчать, что Красницкая относится къ ней холоднѣе, натянутѣе прежняго, что даже видимо ревнуетъ ее къ мужу. Ей не нравилось, что тотъ, по совѣту Дорогиной, сталъ пѣть русскіе романсы вмѣсто итальянскихъ арій, что возилъ ей изъ клуба книги и что, по ея желанію, пить чай на чистомъ воздухѣ, велѣлъ каждый вечеръ готовить самоваръ въ саду. Угожденія эти были весьма понятны: присутствіе Анны Михайловны разгоняло скуку его семейной жизни, давало ему, какъ человѣку нѣсколько, образованному, возможность поговорить, поспорить о предметахъ, выходящихъ изъ будничной колеи. Къ тому же, съ насыпкомъ онъ гдѣ-то поразладилъ, да и тотъ очень рѣдко бывалъ дома. Дорогина тоже предпочитала общество Базиля пересудамъ Глафиры Филипповны, ея безконечнымъ жалобамъ на болѣзненность и снотворнымъ повѣствованіямъ о смерти „Ваничекъ", „Валерочекъ" и проч. Бесѣды съ Сашенькой окончательно не клеились: она была глупа безнадежно и всѣ мечты ея лишь сосредоточивались на мысли—поскорѣе вырваться изъ родительскаго дома. Да и Никоновна, не смотря на пріобрѣтенный платокъ, все-таки не долюбливала Анны Михайловны и какъ бы отстраняла отъ нея „барышню".—По отъѣздѣ Глафиры Филипповны, Дорогина вышла въ садъ, а почти вслѣдъ за нею явился и Базиль.

— Экой благодатный вечеръ! любовался онъ, оглядывая чистое, безоблачное небо.

— Да, подтвердила Дорогина: спѣшу воспользоваться имъ; въ комнатахъ такъ душно!

— Не помѣшалъ ли вамъ мой приходъ?

— О, нисколько!

Оба пошли по густой липовой аллеѣ, и разговоръ, начавшійся съ прелести лѣтняго вечера, не замѣтно перешелъ къ предметамъ болѣе прозаическимъ. Стали обсуждать какую-то „тему", горячо заспорили и немало удивились, когда передъ ними, точно грибъ изъ земли, выросла Никоновна.

— Чтой-то, сударь, забрюзжала она; барыня давнымъ-давно пріѣхамши изъ бани, самоваръ на столѣ, а васъ и съ огнемъ не отыщешь! Пожалуйте кверху... Глафира Филипповна гнѣваться изволятъ. Дескать, не наговорятся... быдто вѣки-вѣчные не видались!

— Хорошо, Хорошо! сердито перебилъ Красницкій. Нельзя ли поменьше разсуждать? Убирайся! Хотите, чай велю подать сюда? обратился онъ къ Дорогиной и сдѣлалъ движеніе воротить уходившую старуху, какъ бы желая досказать, что не всегда способенъ плясать подъ женину дудку.

— Что вы.. Господь съ вами! Тихо усмѣхнулась Анна Михайловна.—

Василій Васильичъ пристально взглянулъ на нее, потупился и молча пошелъ вслѣдъ за нею.—Распарившаяся, разгнѣванная Глафира Филипповна, въ банномъ чепчикѣ съ широкой оборкой, была такъ каррикатурно-смѣшна, что Дорогина чуть не расхохоталась вслухъ. Посмотрѣвъ искоса на подсѣвшихъ къ самовару мужа и учительницу, Глафира Филипповна принужденно кашлянула и схватилась за-бокъ... Василій Васильичъ былъ видимо въ неловкомъ положеніи: и хотѣлось подойти къ обозлившейся „Гланичкѣ", приласкать ее, и какая-то задняя мысль будто мѣшала ему...

— Честь имѣю поздравить, попробовала пошутить Дорогина. Я потеряла вуалетку!

— Кажется, вы скоро потеряете и голову, ядовито произнесла Глафира Филипповна —Дорогина вспыхнула, но пропустила безъ возраженія дерзкую выходку.

— Ну, головы-то не потеряю... не безпокойтесь! Опять-таки шутливо постаралась отвѣтить она.

— Что-же,—сердце? Еще ядовитѣе подчеркнула Красницкая. Она прибавила бы, пожалуй, новую „любезность", еслибы Василій Васильичъ, видя, что Дорогина очень хорошо понимаетъ въ чемъ дѣло, не послѣдовалъ ея благоразумному примѣру, т. е. не постарался бы все обратить въ шутку.

— Ой-ой-ой, какая сердитая! мягко улыбнулся онъ, подойдя къ женѣ и поднося къ губамъ ея руку. Увы! Запоздавшая ласка не возымѣла на этотъ разъ обычнаго дѣйствія: долго сдерживавшая свой гнѣвъ, Глафира Филипповна закусила удила и понесла въ гору!

Библиотека "Руниверс"

Изъ потока нескладныхъ, нелѣпыхъ рѣчей видно было, что блюдительница благочинія, Никоновна, успѣла наплести премудреныхъ кружевъ, до настоящаго узора которыхъ не было возможности и добраться!— Недавняя краска сбѣжала съ лица Анны Михайловны: рѣзкія возраженія вертѣлись на языкѣ; но мысль затѣять нѣчто въ родѣ „состязанія“ съ такой личностью, какъ Глафира Филипповна, въ пору остановила ее. Она ограничилась тѣмъ, что, выйдя изъ-за стола, поспѣшно удалилась въ свою комнату.

— Ну, сударыня, повѣстила ей сбѣжавшая сверху Настя, какая была пальба,—спаси Господи! Баринъ озлился до страсти... Ужь онъ ее пробиралъ-пробиралъ! Уѣду, говоритъ, отъ тебя... не хочу съ тобой жить! Какъ ударилась она въ слезы,—батюшки, такъ рѣкой и льется! А тутъ хлопъ—истерики подпялись! Насилу мы ее съ бариномъ до спальни дотащили. Чѣмъ это все у нихъ прикончилось—ужь не знаю: заперлись!—

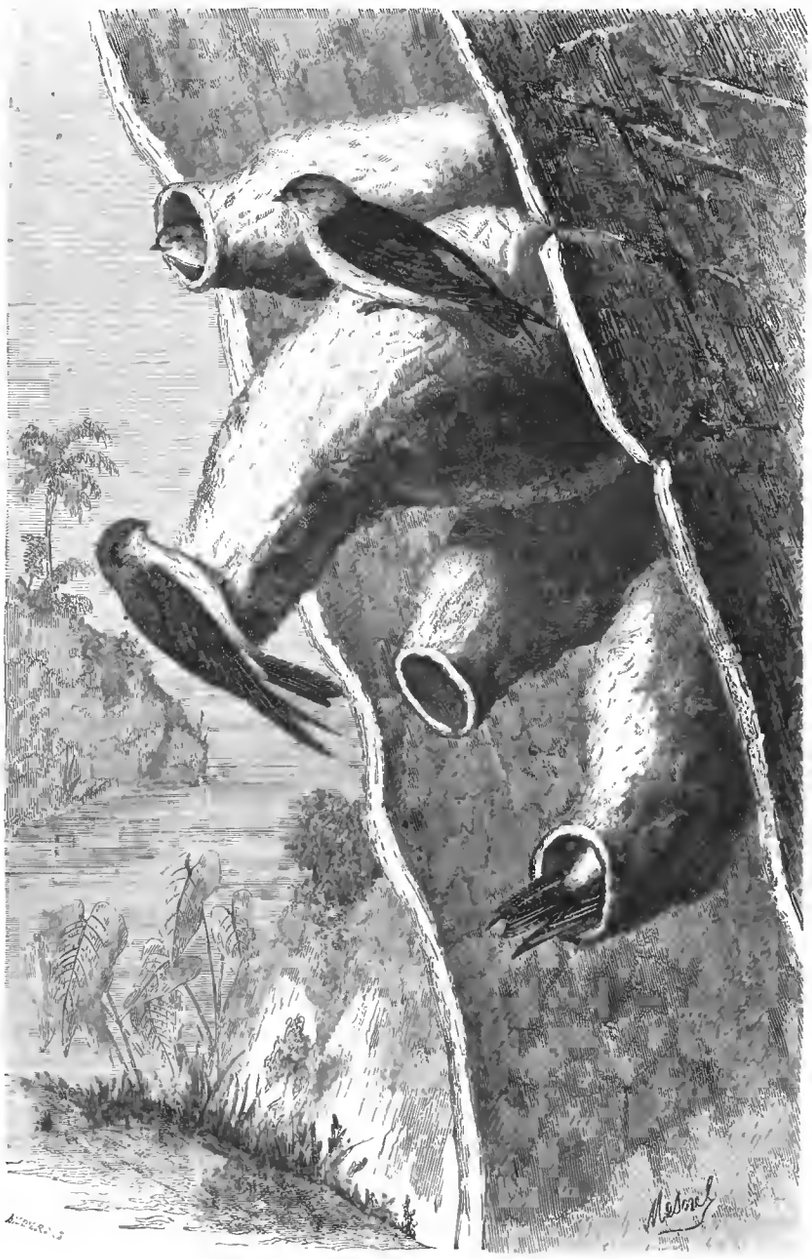
— По-добру по-здорову, надо отсюда убираться, рѣшила Анна Михайловна и на другой же день разсталась на всегда съ семействомъ Красницкихъ.

Е. Щепина.

Божена, картина П. Майкснера.

Прежде чѣмъ объяснять содержанія картины Майкснера, необходимо сказать нѣсколько словъ о жизни чеховъ въ древнемъ періодѣ ихъ исторіи.

Въ незапамятныя времена чехи отдѣлились отъ общей славянской семьи и взяли осѣдлость на той полосѣ земли, какую теперь занимаютъ. Цѣльный народъ, съ теченіемъ времени, развѣтвился на племена, изъ племенъ образовались роды. Каждый родъ, владѣя, по раздѣлу, обрабатываемою имъ землею, избиралъ себѣ *владыку* или *старосту*. Этотъ послѣдній былъ какъ бы отцомъ рода и заботился о родовомъ имуществѣ. Но каждое племя въ родѣ имѣло еще надъ собою своего *воеводу* или *леха*; воевода же главнаго племени, жившаго въ срединѣ страны, былъ самымъ главнымъ воеводою или княземъ цѣлаго народа. Достоинство воеводъ или князей наслѣдственно принадлежало тѣмъ фамиліямъ, которыя издавна имѣли наиболѣе значенія. Затѣмъ каждое племя раздѣлялось на округи или *хлупы*, и надъ ними старшіе княжата или воеводы ставили воеводъ младшихъ или жупановъ, въ качествѣ своихъ намѣстниковъ. Такимъ образомъ мы видимъ въ древней Чехіи три единицы для администраціи и суда: *народъ*, *племя* и *жупа*, соотвѣтствующія этимъ единицамъ власти: *князь*, *воеводы* и *жупанъ*. Воевода, какъ замѣчено выше, назывался еще *лехомъ*. Лехъ, слѣдовательно, по аналогіи съ нашей древней исторіей, соотвѣтствуетъ нашему удѣльному князю, обязанному помогать своими дружинниками главному князю, во время общей опасности. Во время войны князь въ Чехіи былъ главнѣйшимъ предводителемъ народа, лехи же и жупаны предводительствовали своими племенами или жупами, и всѣ предводители жупъ должны были встать, во время общей опасности, подъ знамена главнаго князя. Къ защитѣ противъ нападеній непріятелей, въ древній періодъ Чехіи, служилъ прежде густой лѣсъ, который и покрывалъ границы земли всюду на нѣсколько миль въ ширину. Всѣ дороги черезъ этотъ лѣсъ были загорожены засѣками и постоянно оберегались. Города внутри страны за лѣсною оградой были строимы обыкновенно на высотѣ (хотя не большой) и при водѣ. Города были по размѣру обширны, такъ что всѣ жители извѣстной жупы могли укрыться въ городѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ и каждая жупа имѣла такой городъ, обыкновенно содержавшійся на общественный счетъ. Во время мира въ городѣ этомъ постоянно жилъ жупанъ съ своими ближайшими помощниками и съ вооруженною челядью служившею орудіемъ исполнительной власти жупана. Въ этихъ же городахъ князь и воеводы хранили свое движимое имущество и устраивали въ нихъ суды и сеймы. Города были главнымъ центромъ общественной жизни чеховъ, и оттого сюда наиболѣе тянулась торговля и промышленность. Вмѣсто лѣсовъ, окружавшихъ первоначальные чешскіе города, возникли, мало по малу, открытыя подгородныя селенія. Здѣсь происходили торги, селился тотъ классъ чешскаго народа, который занимался ремеслами и промышленностью.

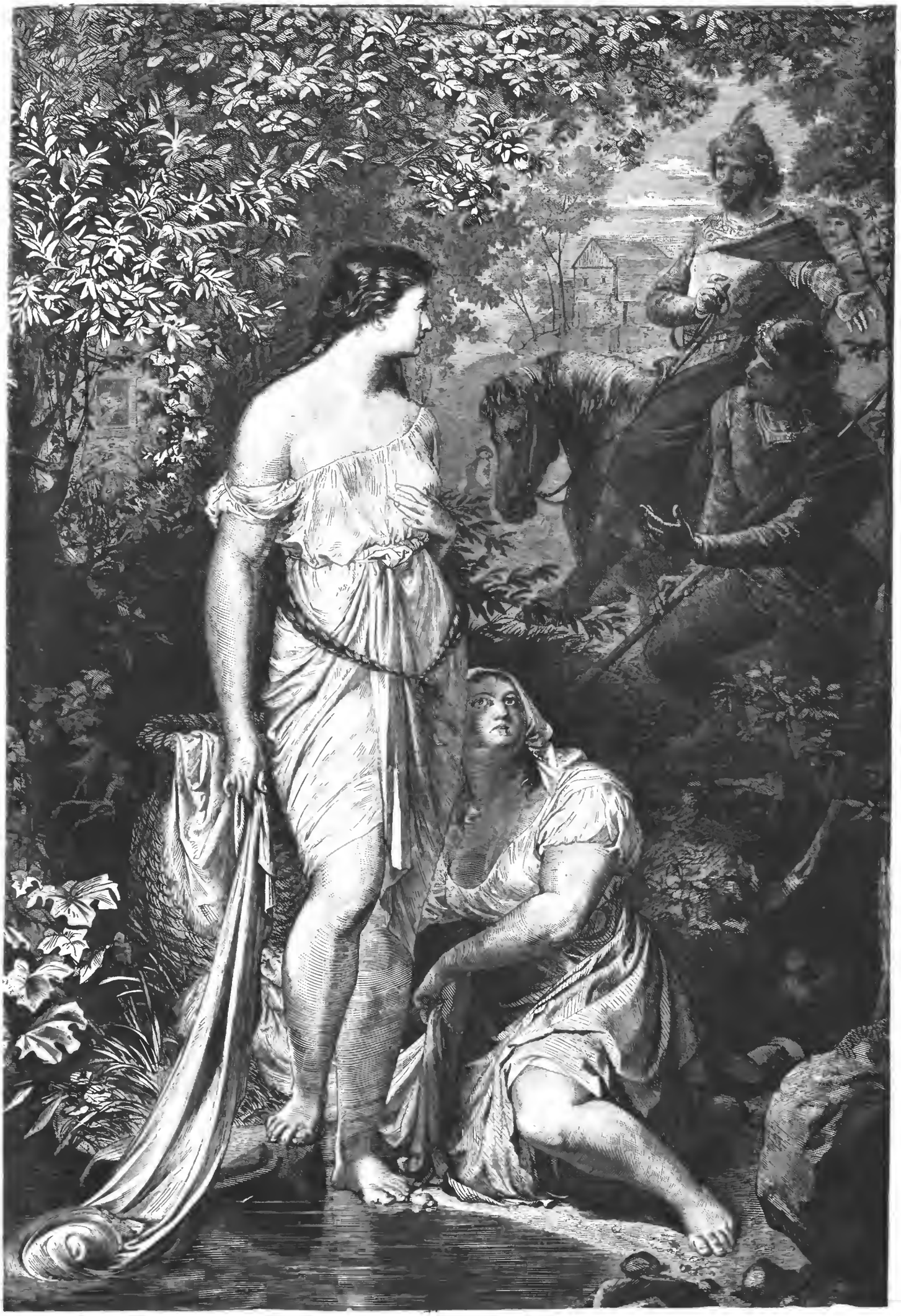


Строющія птицы: Ласточка Аріэль.

Рис. Менель, грав. Гильдебрандъ.

Сюжетъ картины Майкснера и взятъ изъ этой простой, только что начинавшей слагаться жизни Чехіи. Вотъ въ этотъ-то періодъ былъ-жилъ въ Чехіи король Болеславъ II, извѣстный по столкновенію съ нашимъ великимъ княземъ Владиміромъ (981 г.). У Болеслава этого было *три* сына: *Болеславъ*, *Яромиръ* и *Ольдрихъ* или *Ульрихъ*, но настоящими наслѣдниками были только двое послѣднихъ. Ольдрихъ во время своей молодости, проѣзжая съ охоты черезъ какое-то селеніе, увидѣлъ мывшую у колодца бѣлье простую сельскую дѣвушку замѣчательной красоты, и влюбился въ нее. Дѣвочка эта и есть Божена, или иначе, какъ привыкли звать ее въ исторіи, Беатриса, дочь Доморада и Самоборки. Влюбился Ольдрихъ въ Божену

Библиотека "Руниверс"



Вожена. Картина Петра Майкснера, грав. Мукаровскій.

Библиотека "Руниверс"

и, конечно, женился на ней, возвелъ на престолъ. Первое дитя, плодъ этого брака, оказалось героемъ, „Ахиллесомъ“ Чешской исторіи. Это былъ знаменитый для чеховъ, но почти неизвѣстный для другихъ славянъ, *Бретиславъ*. Подвиги этого „Ахилла“, разумѣется, соотвѣтствовали тогдашнему времени и не были особенно человѣчными. Самъ же Ольдрихъ, отецъ Бретислава, между прочими подвигами, звѣрски ослѣпилъ своего брата Яромира, который такимъ образомъ напоминаетъ несчастнаго князя Василько изъ нашего удѣльнаго періода...

Исторія говоритъ, что Ольдрихъ былъ въ это время женатъ, хотя дѣтей у него не было, и отъ того-то, прибавляетъ подкрашивающее преданіе, онъ удержалъ у себя Божену въ качествѣ второй жены. Это оправданіе, разумѣется, натянутое, и произошло отъ желанія идеализировать Ольдриха во что бы то ни стало. Ольдрихъ, по суровому сказанію исторіи, просто похитилъ дѣвушку, похитилъ грубо, насильно, прельстившись ея красотою.

До какой степени Майкснеръ достигъ въ своей картинѣ исторической правды, могутъ судить компетентные судьи. Мы скажемъ только, что въ нѣкоторыхъ деталяхъ картины замѣтно усиліе достигнуть этой исторической правды. Такъ, мощный дѣвственный густой лѣсъ занимаетъ большую часть картины и напоминаетъ зрителю тотъ историческій моментъ Чехіи, когда городовъ въ отдѣльныхъ жупахъ и даже самыхъ жупъ было въ Чехіи еще очень мало, да и самые наличные города въ уже существовавшихъ жупахъ были защищены крайне слабо, что, дѣйствительно, и должно было быть въ XI вѣкѣ. Отъ этого-то дѣвственный лѣсъ долженъ былъ представляться самою главною защитою для цѣлыхъ жупъ, городовъ и уже существовавшихъ у подножія этихъ городовъ селеній. Молодецкая фигура всадника Ольдриха представляетъ пстаго воеводу или *леха* этого времени. Затѣмъ со стороны техники и постановки фигуръ картина представляетъ много достоинствъ. Фигура Божены, обращающей свое пугливое и изумленное лице на приближающагося статнаго всадника безукоризненно прекрасна. Затѣмъ видно стремленіе воспроизвесть характеристическій типъ тогдашней сельской дѣвушки въ Богеміи. Изящная фигура Божены рельефно выдѣляется на первомъ планѣ и чертами милаго, дышащаго достоинствомъ и благородствомъ лица, составляетъ яркій контрастъ съ неуклюжей фигурой служанки, сидящей у ея ногъ.

М. Стр...

Къ рисункамъ.

Одесса.

Одесса—портовый городъ въ херсонской губ., при Черномъ морѣ, второй по внѣшней торговлѣ городъ въ Россіи. Одесса имѣетъ въ настоящее время 139,460 жителей обоего пола.

На мѣстѣ, занимаемомъ Одессою, въ давнія времена находилось греческое селеніе Истріонъ. Въ началѣ III вѣка по Р. Х. весь сѣверный берегъ Чернаго моря былъ опустошенъ Хорватами, а въ слѣдующемъ столѣтіи на мѣстѣ Истріона возникло новое селеніе Кацука. Въ половинѣ XV вѣка вмѣстѣ съ Крымомъ и частью берега Чернаго моря это селеніе перешло въ руки турокъ, которые и переименовали его въ Хаджибей. Выгодное положеніе Хаджибея при Черномъ морѣ, представляющее безопасное пристанище для кораблей—обратило на себя вниманіе Императрицы Екатерины. Найдя мѣсто удобнымъ для основанія на немъ порта, Императрица поручила князю Потемкину овладѣть Хаджибеемъ. Храбрый вице-адмиралъ де-Рибасъ взялъ его, и вскорѣ на мѣстѣ Хаджибея сталъ возникать городъ. Первоначальное населеніе его состояло изъ Албанцевъ, Болгаръ, Малороссіянъ, призванныхъ де-Рибасомъ. Названіе Одессы было присвоено городу по указу 27 января 1795 г. въ память древняго эллинскаго селенія Ордиссосъ или Одиссосъ, находившагося недалеко отъ Хаджибея. Быстро начала разростаться торговля новаго города, со всѣхъ сторонъ стремились къ нему суда, и такимъ образомъ было положено начало торговому значенію города Одессы.

Въ 1803 г. въ Одессу назначенъ былъ градоначальникомъ эмигрировавшій изъ Франціи Герцогъ Эммануилъ Ришилье; его 11-лѣтнее управленіе было истиннымъ благодѣяніемъ для города. Не щадя ни силъ, ни здоровья, Ришилье дѣлалъ все для улучшенія города и для блага гражданъ.

Во время его управленія возникло много полезныхъ учрежденій; самый городъ отстроился въ европейскомъ вкусѣ съ красивыми дачами и садами. Чтя его память, жители Одессы сдѣлали Ришилье памятникъ и назвали одесскій лицей Ришильевскимъ.

Въ 1823 г. Одесса была объявлена вольнымъ портомъ и поступила въ управленіе при особомъ градоначальникѣ, къ новороссійскому генералъ-губернатору князю Воронцову. Въ настоящее время Одесса по своему богатству и красотѣ зданій—красивѣйшій городъ на югѣ Россіи. Берегъ Чернаго моря, на которомъ построена Одесса, возвышается на 21 сажень надъ поверхностью воды и къ юго-востоку вдается въ материкъ входящимъ полукружіемъ, образуя заливъ. Ширина этого залива, составляющаго одесскую бухту, простирается до 9 верстъ.

Въ Одессѣ, съ двумя ея предмѣстьями, считается 64 улицы и 8 площадей. Лучшія улицы—у приморскаго бульвара (Ришильевская, Дерибасовская, Итальянская и Херсонская). На бульварѣ, противъ монумента Ришилье, устроена широкая, каменная лѣстница, ведущая къ берегу моря. Церквей православныхъ въ городѣ 12, и два монастыря,—мужской и женскій; кромѣ того, 7 церквей другихъ исповѣданій.

Водою городъ снабжается изъ фонтановъ, находящихся въ 5—12 верстахъ отъ города. Городскіе жители издерживаютъ на воду отъ 12 до 60 р. въ годъ, смотря по количеству требованія ея. Лѣто въ Одессѣ большею частью знойное; иногда жаръ доходитъ до 36° въ тѣни, зима бываетъ рѣдко, но зато осенью свирѣпствуетъ лихорадка.

Одесское градоначальство, кромѣ города Одессы съ предмѣстьями, заключаетъ въ себѣ 12 деревень и 600 хуторовъ или дачъ съ садами, виноградниками и огородами. Градоначальство, такимъ образомъ, занимаетъ до 43,000 десятинъ земли. Оно изъято изъ общаго управленія Херсонской губерніи.

Въ настоящее военное время, во избѣжаніе возможнаго появленія у Одессы непріятельскихъ судовъ, заливъ ея ночью освѣщается электрическимъ свѣтомъ и заложенъ минами и торпедами. Непріятельскіе корабли пытались уже не разъ посматривать на Одессу издали, но подходить поближе не рѣшались и бомбардировку города, видимо, признали неудобною, по невозможности подойти къ городу на разстояніе выстрѣла.

З.

Адская долина (въ Южной Баваріи).

Горная природа австрійско-баварскихъ Альповъ вообще весьма живописна, но нѣкоторыя мѣстности по своей красотѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе туристовъ, какъ, напримѣръ, Хиленталь, т. е. адская долина, лежащая неподалеку отъ Партенкирхена и окруженная высокими горами, изъ которыхъ одна (Цугшпица) достигаетъ высоты 9,088 футовъ постоянно покрыта снѣгомъ. Живописно нагроможденные другъ на друга скалы, прорѣзанные многочисленными пропастями и стремительными потоками и поросшія тамъ и сямъ величественнымъ хвойнымъ лѣсомъ—придаютъ всему ландшафту какую-то таинственную, чарующую прелесть. Этому мрачному суровому характеру, конечно, обязана долина и своимъ страннымъ названіемъ. Здѣшніе горцы, мимоходомъ сказать, стоящіе на довольно низкой степени образованности, въ каждомъ утесѣ, въ каждой расщелинкѣ, въ каждой пропасти, видятъ присутствіе чертовщины, и у нихъ всѣ грозныя и необычайныя явленія природы приписываются дѣйствію таинственной, сверхъ-естественной силы. Здѣсь, на каждомъ шагу, встрѣчаются въ горахъ слѣды чертовскихъ проказъ и похожденій. То вамъ указываютъ чертову дверь, то чертовъ погребъ, то чертовъ путь, то чертовъ камень—и такъ далѣе до безконечности. Многія мѣстности получили свое прозвище отъ ада, этой любимой резиденціи чорта и адскихъ долинъ (Höllenthale). Кромѣ той, которая изображена на нашемъ рисункѣ, еще насчитывается немало подобныхъ. Знатоки мѣстной миѳологіи производятъ ихъ названіе отъ нѣкоего древняго миѳическаго божества женскаго пола, именовавшагося Hel (по-готски Hella). Это божество, дававшее всему жизнь и отнимавшее ее по своему усмотрѣнію, считалось богиней жизни и смерти и прародительницей всего женскаго божественнаго персонала. По народному повѣрью, оно обитаетъ внутри земли и тотъ изъ смертныхъ, кто сходитъ въ землю, т. е. умираетъ, дѣлается его подданнымъ. Понятіе объ адѣ (Hölle) сливается съ понятіемъ о страшномъ божествѣ (Hel) и народъ добродушно вѣритъ, что можно слышать стоны несчастныхъ душъ, сосланныхъ въ горы на вѣчное заточеніе, и блуждая по горамъ, онъ повсюду находитъ то адскія долины, то адскіе камни, то адскія пещеры, и каждое изъ этихъ названій напоминаетъ ему какое-нибудь необычайное происшествіе, виновницей или главнымъ дѣйствующимъ лицомъ котораго является, конечно, та-же нечистая сила.

И.

Строющія птицы. Ласточка Аріэль.

Постройка птичьихъ гнѣздъ представляется намъ въ своемъ родѣ образцовымъ произведеніемъ, требующимъ много спеціальныхъ свѣдѣній. Наблюденія убѣждаютъ насъ, что въ своихъ постройкахъ птицы положительно обнаруживаютъ проявленіе мыслительной силы.

Каждая птица для своей постройки употребляетъ матеріалъ, который наиболѣе ей доступенъ, и придаетъ своему гнѣзду такое положеніе, какое болѣе соотвѣтствуетъ ея потребностямъ и привычкамъ. Форма гнѣзда до нѣкоторой степени обусловливается свойствами страны—холодная или жаркая, ровная или скалистая; обильная звѣрями или нѣтъ. Ко всему этому примѣняются птицы. Живость самой птицы и совершенство

Библиотека "Руниверс"

ея орудій—клюва и ногъ—даютъ возможность устроить и лучшее ложе для яицъ и птенцовъ. Рѣдко мѣняя мѣсто, слѣдовательно находясь въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, каждый отдѣльный видъ птицъ держится почти неизмѣнно одной конструкціи гнѣздъ. Но съ измѣненіемъ внѣшнихъ условій, непремѣнно измѣняется и постройка гнѣзда. Въ нашемъ журналѣ „Нива" мы находимъ не безъинтереснымъ помѣстить нѣсколько рисунковъ, изображающихъ птичьи гнѣзда, особенно замѣчательныя своимъ устройствомъ.

Рисунокъ, приложенный къ этому №, представляетъ намъ бутылкообразныя гнѣзда, устроиваемыя ласточкой Аріэль. Ласточка Аріэль (Herundo Ariel) водится въ Австраліи. Это очень красивая маленькая птичка, родственная, что показываетъ самое ея названіе, нашей обыкновенной ласточкѣ.

Гнѣздо свое ласточка Аріэль устроиваетъ единственно изъ глины и грязи и прикрѣпляетъ его или внутри громадныхъ дуплистыхъ деревъ, обыкновенныхъ въ Австраліи, или на боку скалъ, но почти всегда вблизи рѣки. Гнѣздо ласточки Аріэль подъ защитой людскихъ жилищъ—чрезвычайная рѣдкость.

Форма гнѣзда очень похожа на бутылку; величина его бываетъ различна,—длина горлышка или шейки отъ 7 до 10 дюймовъ, а діаметръ измѣняется отъ 4 до 7 дюймовъ. Наружность гнѣзда груба, повидимому птички о ней не заботятся, также какъ и о направленіи отверстія, которое дѣлаютъ въ различныя стороны, какъ приведется, зато внутренняя отдѣлка отличается необыкновенной чистотой.

Мистеръ Гульдъ *), въ своемъ сочиненіи объ австралійскихъ птицахъ, разсказываетъ, что гнѣздо ласточки Аріэль есть произведеніе нѣсколькихъ птичекъ: при постройкѣ обыкновенно одна изъ птичекъ остается на мѣстѣ и, какъ архитекторъ, направляетъ ходъ работъ, прочія птички между тѣмъ летаютъ за грязью и глиной, и каждый разъ всякій приносимый кусочекъ онѣ старательно перемиваютъ въ своихъ носикахъ.

Въ сухую погоду ласточки Аріэль работаютъ только по утрамъ и вечерамъ, потому что солнечный жаръ дѣлаетъ глину такой твердой, что маленькіе нѣжные носики птичекъ не въ состояніи ее обработывать. Свободныя отъ работъ, среди жаркаго дня птички занимаются ловлею мухъ. Сырая погода самая благопріятная для строительныхъ работъ ласточекъ Аріэль. И воздухъ полонъ влаги, да и мухи не показываются. Въ такую погоду постройки ведутся очень успѣшно и скоро. Ласточка Аріэль—плодовитая птичка: она кладетъ до 5 яицъ и выводитъ дѣтей 2 раза въ годъ. Л.

*) Извѣстный орнитологъ.

Движеніе военнаго транспорта въ горахъ Арменіи.

Древнее собственно армянское названіе Арменіи „Гайкъ", еврейское же *Тарагма* или *Араратъ* (отъ самой высокой горы Арменіи). Въ настоящее время Арменія занимаетъ немного менѣе пространства, чѣмъ въ древности, а именно до 5,000 кв. миль.

Она занимаетъ всѣ страны, находящіяся при истокахъ рѣкъ Тигра, Евфрата, Цира и Аракса.

Арменія представляетъ плато, окруженное высокими горами. На возвышенномъ этомъ плато свѣжая температура поддерживаетъ свѣжую растительность и роскошныя пастбища. На пастбищахъ пасутся превосходныя армянскія лошади. Въ долинахъ успѣшно созрѣваютъ маслины и виноградъ. Но вершины громадныхъ горъ, окружающихъ плато, покрыты вѣчными снѣгами. Эти горы составляютъ цѣпь *Гордіей*, или, по древнему римскому названію, Carduchorum montes (горы Кардуховъ). Но въ существѣ дѣла эти горы суть отроги *Кавказа* и *Арарата*. Ущелья сказанныхъ горъ издревле были заселены полудикимъ народомъ *кардухами*, имѣвшими, быть можетъ, нѣкоторое сродство съ нынѣшними хищными курдами.

Главнѣйшіе естественные продукты Арменіи: разная дичь, хлѣбъ, хлопчатникъ, вино, желѣзо, мѣдь, свинецъ и соль. Скотоводство есть главнѣйшее занятіе жителей.

По физическимъ качествамъ армяне народъ весьма стройнаго тѣлосложенія, съ желтовато-смуглымъ цвѣтомъ кожи и черными волосами; они добродушны и трудолюбивы, тихи и вообще хорошей нравственности. Культурные успѣхи армянскаго народа зависятъ преимущественно отъ прилежнаго чтенія библіи. Книги Св. Писанія въ изобиліи печатаются въ огромной типографіи, существующей въ монастырѣ Эчміадзинѣ, главномъ мѣстопребываніи патріарха-католикоса. Существовавшее у насъ на Руси Библейское общество также распространяло Св. Писаніе на Армянскомъ языкѣ.

Что касается языка армянскаго, то онъ чрезвычайно богатъ формами и флексіями, хотя грубъ и неблагозвученъ, и оттого изученіе его гораздо труднѣе, чѣмъ греческаго или санскритскаго. Первымъ армянскимъ писателемъ нужно считать св. Григорія Назіанзина, а высшій періодъ процвѣтанія армянской литературы должно отнести къ VI вѣку, т. е. ко времени отдѣленія армянской церкви отъ греко-восточной.

Прилагаемый нами рисунокъ изображаетъ движеніе нашего военнаго транспорта въ горахъ Арменіи. Какія грозныя скалы, какія пропасти, ожидающія своей добычи!.. Онѣ съ родни нашему Кавказу и мы уже замѣтили выше, что горы Арменіи отчасти суть естественное продолженіе горъ Кавказа, слѣдовательно и въ характерѣ ихъ очертанія нѣтъ большой разницы съ Кавказомъ.

Уличная сцена въ Рущукѣ во время обложенія города русскими войсками.

Обложеніе нашими войсками турецкой крѣпости Рущука, составляющей, какъ извѣстно, сѣверозападный опорный пунктъ пресловутаго четыреугольника турецкихъ крѣпостей *Шумлы—Варны—Рущука—Силистріи*, составляло, по словамъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ, „самое *эффектное* дѣйствіе военной драмы". Рущукъ находится на правомъ берегу Дуная, нѣсколько ниже рѣки *Лома*, впадающей въ Дунай и напротивъ румынскаго селенія Джуржево, находящагося на лѣвомъ берегу Дуная. Крѣпость эта, дѣйствительно, весьма важна для Турціи. Съ потерею ея рушился бы и стратегическій планъ турокъ, такъ какъ отъ Рущука идутъ желѣзные пути къ Варнѣ, Шумлѣ, Разграду и другимъ важнымъ пунктамъ; затѣмъ, къ сѣверу, идетъ желѣзный путь къ Бухаресту. Слѣдовательно, съ взятіемъ Рущука была бы въ нашихъ рукахъ и желѣзнодорожная линія Рущукъ-Шумла.

Отъ моста черезъ р. Янтру, по направленію къ Рущуку, наши войска не встрѣтили никакихъ препятствій. Высокіе холмы на этомъ пути окаймляютъ лежащее въ котловинѣ селеніе Павлу. На этихъ-то возвышеніяхъ наши сооружили баттареи высокаго калибра. Павла такимъ образомъ обращена въ укрѣпленный лагерь. Цѣль укрѣпленія этого селенія есть та, чтобы въ немъ могло сосредоточиться необходимое количество войска для составленія главнаго вспомогательнаго корпуса при оперированіи осады Рущука. Генералъ Непокойчицкій лично руководилъ работами при постройкѣ укрѣпленій Павлы.

Турки, такимъ образомъ, не смотря на многочисленность рущукскаго гарнизона, находятся въ крайне стѣсненномъ положеніи. Что испытываетъ этотъ гарнизонъ скученный въ такомъ тѣсномъ пространствѣ - легко себѣ представить. Одни изъ турокъ проникнись фанатическимъ одушевленіемъ, на другихъ нападаетъ паническій страхъ передъ „Московами". Восклицанія Аллахъ, крики восторга, крики отчаянія, вопли слабыхъ, больныхъ и раненыхъ, ругательства, проклятія—все вмѣстѣ оглашало воздухъ. Нашъ рисунокъ представляетъ весьма характеристичную уличную сцену, набросанную англійскимъ корреспондентомъ, во время обложенія Рущука нашими войсками.

Городъ Матчинъ.

Матчинъ—это прелестный укрѣпленный городокъ, расположенный при такъ называемомъ Матчинскомъ рукавѣ Дуная, какъ извѣстно прославленномъ въ текущую войну многими нашими военными подвигами. Городокъ построенъ на склонѣ высокой конусообразной горы, поднимающейся на 800 футовъ надъ поверхностью моря. Противъ Матчина на Дунаѣ находится нѣсколько острововъ и наибольшій изъ нихъ есть *Быльдой*, игравшій важную роль въ Крымскую войну. Сады изъ фруктовыхъ деревьевъ, весьма хорошо культированныхъ, украшаютъ городъ и его ближайшія окрестности. Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе мечеть съ двумя минаретами, зданіе для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ и телеграфнаго управленія, а также казармы. Всѣ эти зданія весьма красивы и хорошо содержатся. Населеніе Матчина состоитъ изъ турокъ, румынъ и болгаръ. Турки живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ; этотъ послѣдній при приближеніи нашихъ войскъ, конечно опустѣлъ. Замѣтимъ, что Матчинъ игралъ важную роль во всѣхъ нашихъ войнахъ съ турками и во всѣхъ переходахъ черезъ Дунай *).

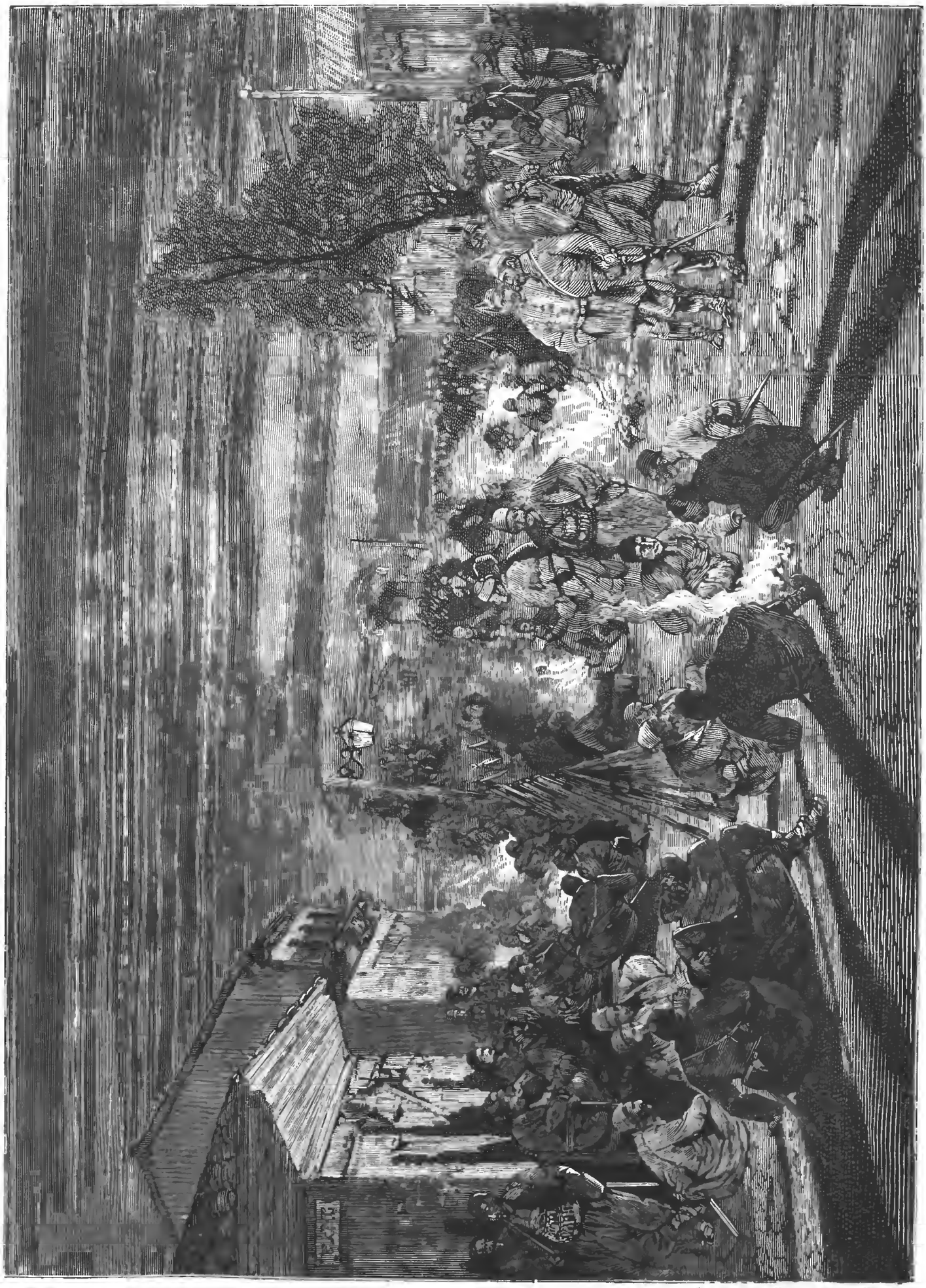
Легко можно представить себѣ ликованіе и радость болгарскаго населенія Матчина, когда въ него торжественно въѣхалъ генералъ Циммерманъ. Генерала встрѣтило съ крестами и пѣніемъ болгарское духовенство. Отслуженъ былъ въ храмѣ торжественный благодарственный молебенъ, и за симъ, Циммерманъ съ своей свитой занялъ зданіе, занимаемое дотого времени городскими властями.

О военномъ и особенно судоходно-военномъ значеніи Матчина, какъ городка, лежащаго такъ близко отъ Дунайской дельты, говорить, кажется, излишне, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ журналѣ уже было указано на это не разъ.

Здѣсь прилагается нами общій видъ Матчина съ эскиза г. Канена. Читатель уже видитъ наше развѣвающееся знамя, водруженное на конусообразномъ холмѣ, обрывомъ спускающемся въ Дунай.

*) Во время прежнихъ войнъ въ Матчинѣ сосредоточивались значительныя турецкія силы. Напримѣръ, въ началѣ Крымской войны въ Матчинѣ и его окрестностяхъ было собрано 15,000 ч. съ 38 орудіями, подъ начальствомъ Измаилъ-паши.

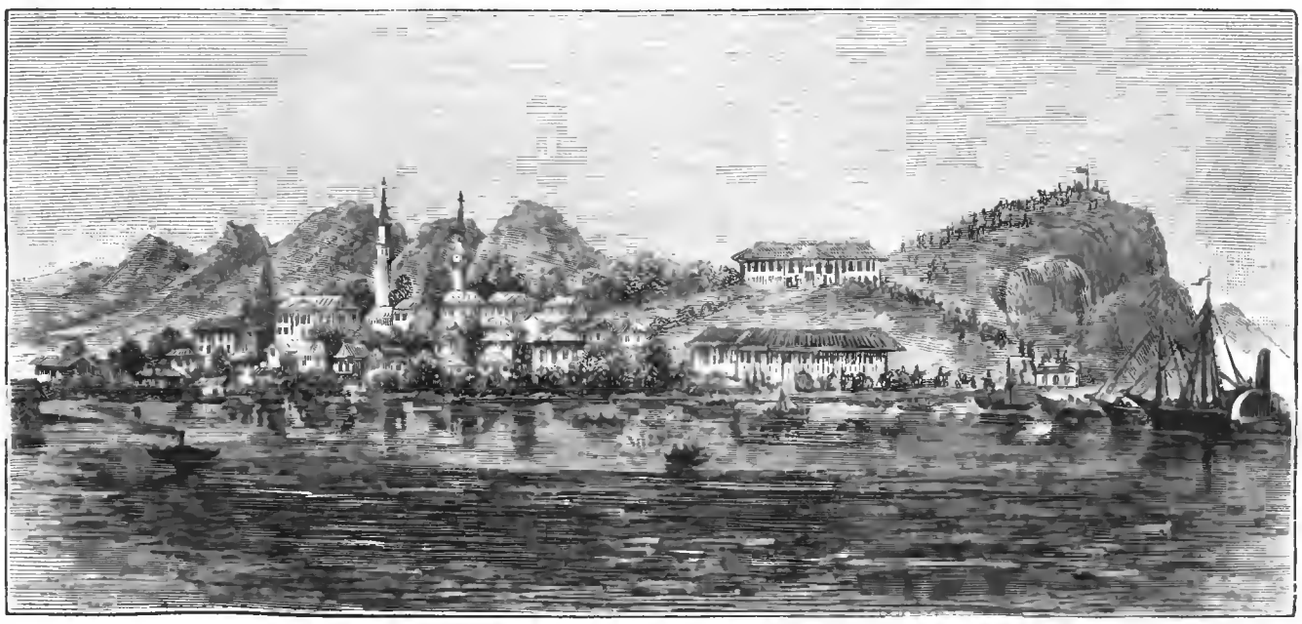
Библиотека "Руниверс"



Уличная сцена въ Рущукѣ, во время обложенія города русскими войсками. Съ наброска англійскаго корреспондента грав. Вейермана.

Библиотека "Руниверс"

Движеніе военнаго транспорта въ горахъ Арменіи.
Съ набросска А. В. грав. К. Вейерманъ.



Городъ Матчинъ.
Съ фотографіи рѣзалъ Вейерманъ

Библиотека "Руниверс"

Политическія и военныя извѣстія.

Съ обоихъ театровъ войны извѣстія стали съ нѣкотораго времени скуднѣе. О многихъ важныхъ дѣйствіяхъ, нѣтъ сомнѣнія, совершающихся теперь, мы можемъ составить только приблизительное заключеніе. Послѣ дѣла подъ Плевною, аттака которой намъ не удалась, нужно было ожидать новой настойчивой аттаки Плевны. Дѣйствительно, эта вторичная аттака состоялась 18-го іюля, какъ сообщаетъ телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго. Аттака, однакожь, была отбита турками. Подробности этого дѣла еще неизвѣстны. Съ другой стороны въ Константинополѣ получена отъ 18-го (30-го) іюля о томъ же предметѣ телеграмма отъ Османъ-паши, держащагося въ Плевнѣ. Мы узнаемъ изъ этой телеграммы, что 18-го (30-го) іюля три сильныхъ отряда (русскихъ), поддерживаемые жестокимъ артиллерійскимъ огнемъ, произвели нападеніе на турецкія позиціи. Бой продолжался до 10 часовъ вечера и затѣмъ русскіе отступили въ свой лагерь. Телеграмма говорила далѣе о возобновленіи сраженія на другой день. Телеграмма-же того-же Османъ-паши, пришедшая на другой день (т. е. 19-го (31-го) іюля), извѣстила, что «русскіе аттаковали укрѣпленныя позиціи турокъ на восточной сторонѣ Плевны, но были-де отбиты съ большою потерею убитыми и ранеными, и что русскіе отступали въ свой лагерь». Нечего и говорить, что телеграмма эта хвастлива, какъ и всѣ константинопольскія телеграммы, и если сдѣлать въ ней поправку въ смыслѣ безпристрастія, то, конечно, окажется, что успѣхъ турокъ совсѣмъ не такъ великъ, какимъ представляютъ его разные туркофилы, дѣлающіе изъ мухи слона...

Городъ Плевно не имѣетъ особеннаго значенія, а слѣдовательно и претерпѣнныя нами неудачи не влекутъ за собою ничего, кромѣ потребности большаго подкрѣпленія въ этомъ пунктѣ нашихъ войскъ. Въ этомъ мѣстѣ расположенъ сильный турецкій корпусъ, съ которымъ и встрѣтилась наша 5-я дивизія. Задача остается открытою: нужно выбить отсюда Османа-пашу. Для этой цѣли наши войска стягиваются въ этотъ пунктъ для будущей усиленной аттаки. Это видно изъ того, что наша 31-я пѣхотная дивизія, занимавшая Никополь, замѣнена теперь румынскими войсками. Засимъ послѣднія телеграммы извѣщаютъ насъ что къ нашей арміи постоянно прибываютъ подкрѣпленія. Въ виду перевозки войскъ, пріостановлено на Ясской желѣзной дорогѣ пассажирское движеніе.

Съ другой стороны телеграммою изъ Журжева сообщаютъ, что бомбардированіе Рущука возобновлено съ неописанною энергіей. Болѣе новыя свѣдѣнія говорятъ, что теперь осадная артиллерія выдвинута на позиціи и безпрерывно громитъ крѣпость. Но огонь артиллеріи направленъ не на городъ, а на форты.

Обращаясь далѣе, въ восточную сторону Дунайскаго театра войны, мы видимъ здѣсь попытки турокъ *прорваться въ Дунай* черезъ Килійское устье. Вслѣдствіе этого съ нашей стороны возводятся здѣсь новыя баттареи. Изъ Браилова же отъ 22-го іюля (нов. стиля) пишутъ, что русская армія, получивъ значительныя подкрѣпленія, окончательно *перешла къ наступательнымъ дѣйствіямъ*. 40,000 человѣкъ перешли за желѣзную дорогу изъ *Черноводы* въ *Кюстендже*. Герой Добруджи, перешедшій Дунай у Галаца, генералъ Циммерманъ, сдѣлалъ недавно удачный поискъ подъ Силистріей, и затѣмъ прислалъ, на имя Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала слѣдующую телеграмму отъ Браилова отъ 16-го іюля: «Получилъ сегодня милостивую телеграмму Вашего Высочества. Не нахожу словъ, чтобы достаточно похвалить моряковъ за ихъ отличную во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельность. Моряки удивительно способны на всякое военное дѣло».

На азіатскомъ театрѣ войны также на прошлой недѣлѣ выдающихся дѣлъ не произошло. Дѣйствующихъ войскъ нашихъ тамъ, сравнительно говоря, немного; это и понятно въ виду относительной неважности этого театра войны и въ виду преимущественной важности для насъ военныхъ дѣйствій въ Дунайской долинѣ. Значительная часть нашихъ войскъ расположена тамъ въ Дагестанѣ, Сѣверномъ Кавказѣ и Черноморскомъ побережьѣ, чтобы предупреждать возможность вспышекъ и возстаній въ мусульманскомъ населеніи, а также разбойничьи продѣлки иррегулярнаго сброда, въ родѣ черкесовъ и проч. Здѣсь находятся наши 19-я, 20-я и 21-я дивизіи, въ составъ которыхъ входятъ полки: Кабардинскій, Куринскій, Апшеронскій и др.— Недавно наши отряды заняли древнюю столицу Армеиіи *Анне*.

Послѣ извѣстій о мнимыхъ успѣхахъ турокъ возрадовались всѣ туркофилы европейской печати, и всѣ тѣ господа, которымъ славянское дѣло представляется вопросомъ стороннимъ для Россіи, неимѣющимъ ничего общаго съ ея національными задачами. Мы уже имѣли случай высказывать и теперь, какъ твердое убѣжденіе, что рѣшеніе судьбы восточныхъ христіанъ есть глубокая національная задача Россіи, оставить которую нерѣшенною мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ. Пусть мы потерпимъ и неудачи, святое дѣло освобожденія нашихъ братьевъ изъ-подъ варварскаго вѣковаго ига останется тѣмъ не менѣе священнымъ для насъ и, какъ таковое, несомнѣнно восторжествуетъ. Освобождая угнетенныхъ, мы ничуть не дѣлаемъ постороннее дѣло, а свое собственное глубоко національное дѣло. Австро-Венгрію пугаетъ призракъ «панславизма», который явится естественнымъ слѣдствіямъ освобожденія балканскихъ христіанъ, но ничего общаго дѣло освобожденія не имѣетъ съ панславизмомъ въ той формѣ и окраскѣ, въ какой его представляетъ австрійская политика. Все это мы считали нужнымъ сказать въ виду распространившихся теперь пессимистическихъ слуховъ, раздуваемыхъ нашими недоброжелателями по поводу якобы бездѣльности и убыточности для Россіи настоящей войны съ Турціей. Еще и не то выдумаетъ извѣстнаго сорта печать—вотъ эта-то печать особенно и раздуваетъ вопросъ о *русскихъ звѣрствахъ*, чтобы свести нашу великую и святую войну съ подобающаго ей пьедестала. Нѣтъ сомнѣнія что будутъ и послѣ бить въ набатъ о русскихъ звѣрствахъ, но имѣетъ ли все это сколько нибудь значенія для того, кто убѣжденъ въ святости и глубокой національности для насъ настоящей войны—которую угодно было западнымъ джентльменамъ охарактеризовать именемъ звѣрства и дикости.

Англія, однако, продолжаетъ усиливать свой флотъ на Средиземномъ морѣ и продолжаетъ увѣрять, что она не намѣрена «вмѣшиваться въ войну Россіи съ Турціей».

Со стороны степенной и величаво-спокойной Германіи выдвигается на сцену важный международный вопросъ о Дарданеллахъ.

— По извѣстіямъ берлинской газеты «Montagblatt», Германія будетъ безусловно отстаивать свободу *Дарданеллъ* *), такъ что если обстоятельства потребуютъ, то Германія не откажется прибѣгнуть и къ «принудительнымъ» средствамъ. Такимъ образомъ Германія весьма ясно ставитъ вопросъ о своемъ отношеніи къ возможной въ будущемъ Европейской войнѣ, по крайней мѣрѣ гораздо яснѣе, чѣмъ Австро-Венгрія.

Взаключеніе сообщаемъ обнародованный Именной Высочайшій Его Императорскаго Величества указъ, данный Правительствующему Сенату въ сел. Бѣла (въ Болгаріи) 10-го іюля 1877 года, за Собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ коемъ изображено: «Принимая во вниманіе, что часть запасныхъ нижнихъ чиновъ арміи должна служить обезпеченіемъ для пополненія рядовъ войскъ, не приведенныхъ на военное положеніе и, посему, не могутъ получить другаго назначенія, Мы признали необходимымъ, для пополненія запасныхъ и резервныхъ частей, призвать, на основаніи 39-й статьи Устава о воинской повинности, часть ратниковъ государственнаго ополченія. Вслѣдствіе сего повелѣваемъ: 1) призвать нынѣ на службу сто восемьдесятъ восемь тысячъ шестьсотъ ратниковъ перваго разряда, и 2) призывъ ратниковъ произвести изъ губерній и областей Европейской Россіи и Кавказа, по правиламъ означеннаго Устава и Положенія о государственномъ ополченіи, и согласно тѣмъ указаніямъ, какія даны Нами на сей предметъ Военному Министру. Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать немедленное къ исполненію сего надлежащее распоряженіе». При этомъ Государь Императоръ соизволилъ населеніе Бессарабской губерніи, въ виду особыхъ условій, въ которыхъ эта губернія находится, освободить отъ призыва ратниковъ, согласно Именному Указу, данному Правительствующему Сенату, въ 10-й день сего іюля, а потому призыву подлежатъ не 188,600 ратниковъ, какъ выражено въ вышеозначенномъ Высочайшемъ указѣ, но за вычетомъ 3,133 человѣкъ, причитающихся съ населенія Бессарабской губерніи, всего 185,467 ратниковъ.

Телеграмма Главнокомандующаго дѣйствующею арміею отъ 22-го іюля, изъ Чаушмахала, извѣщаетъ, что подробностей о плевнинскомъ дѣлѣ 18-го іюля еще нѣтъ; войска наши остались на тѣхъ позиціяхъ, которыя занимали передъ аттакой. Потери большія: изъ строя выбыло болѣе 5,000; убитъ командиръ Шуйскаго полка баронъ Каульбарсъ; тяжело раненъ командиръ Козловскаго полка Степановъ; легко ранены генералъ-маіоръ Божеряновъ и командиръ Рыльскаго полка Саранчовъ. Войска сражались геройски, но къ вечеру отступили; духъ войскъ, мною видѣнныхъ, превосходный. Завтра пойду смотрѣть остальныя. Плевно и Ловча заняты значительными турецкими силами и сильно укрѣплены.

Генералъ Гурко разрушилъ ямбольскую и филиппопольскую вѣтвь желѣзной дороги. 18-го іюля разбилъ на-голову отрядъ арміи Сулеймана, занимающій Ени-Загру, разсѣялъ его и взялъ двѣ пушки. 19-го іюля разбилъ другой отрядъ той же арміи у Джуганли, близь Ески-Загры, а затѣмъ, въ виду наступающихъ со всѣхъ сторонъ войскъ Сулеймана, вытѣснившихъ наше болгарское ополченіе изъ Эски-Загры, отошелъ въ Балканскіе проходы. Со стороны Шумлы пока все тихо.

*) «*Дарданеллами*» собственно называются 4 укрѣпленные замка, расположенные на Европейскомъ и Азіатскомъ берегу Дарданельскаго пролива, раздѣляющаго узкую косу врѣзывающагося въ Эгейское море полуострова отъ Малой Азіи. Назначеніе этихъ замковъ—сторожить проходящія по проливу суда. Построилъ эти замки султанъ Мухамедъ II. Проливъ имѣетъ здѣсь ширину только 400 саженъ и проливъ можетъ быть запертъ цѣпями. Слѣдовательно выраженіе „*запереть Дарданеллы*“ имѣетъ даже и буквальный смыслъ. Два изъ упомянутыхъ 4 замковъ древніе и называются: *Килидбаръ* на европейскомъ берегу и *Бонгаисаръ* — на Азіатскомъ, новые же замки: *Седборъ* на Европейскомъ и *Гисеаръ-Султана* на Азіатскомъ берегу. Эти два послѣдніе построены въ 1658 г. султаномъ Мухаметомъ IV и море между ними долго считалось непроходимымъ. Первымъ удалось пройти Дарданеллы англичанамъ.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Полный практическій курсъ французскаго языка для самоучекъ и для преподаванія, составленный докторомъ М Ханомъ. Второе изданіе вновь передѣланное и приспособленное къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ, въ трехъ частяхъ. С.-Петербургъ 1877 г. Одобренъ Учебнымъ Комитетомъ Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи для употребленія въ Институтахъ и Гимназіяхъ.

Книга эта представляетъ весьма отрадное явленіе въ нашей литературѣ по части руководствъ къ изученію французскаго языка. Въ первой части авторъ прежде всего въ весьма подробно составленной статьѣ излагаетъ правила произношенія, причемъ пользуется весьма удачнымъ способомъ для выраженія звуковъ французскаго языка; затѣмъ слѣдуютъ первоначальныя правила французской грамматики въ порядкѣ частей рѣчи. Вторая часть обнимаетъ весьма подробное изложеніе грамматическихъ правилъ, наглядно разъясненныхъ посредствомъ множества примѣровъ и упражненій. Эта часть обработана съ такою тщательностью и полнотою, которыя рѣдко встрѣчаются въ подобныхъ учебникахъ и поэтому даетъ возможность учащемуся основательно ознакомиться со всѣми оттѣнками французской рѣчи. Третья часть «книга для чтенія» заключаетъ въ себѣ, кромѣ ключа къ переводамъ, напечатаннымъ въ первыхъ двухъ частяхъ, полное сочиненіе Флоріана «Нума Помпилій» для самостоятельнаго чтенія съ помощью словаря, помѣщеннаго въ концѣ. Сочиненіе это снабжено ссылками на грамматическія правила и весьма дѣльными историческими замѣчаніями. Такимъ образомъ, всѣ три части практическаго курса представляютъ весьма богатый матеріалъ для изученія французскаго языка, и не подлежитъ сомнѣнію, что книга эта удостоенная весьма лестнаго отзыва со стороны Учебнаго Комитета, найдетъ доступъ во многія учебныя заведенія. Считаемъ нелишнимъ привести вкратцѣ этотъ отзывъ.

«Вся работа доктора Хана отличается необыкновенною точностью и добросовѣстностью, и какъ каждый добросовѣстный трудъ, не можетъ не принесть своей доли пользы. За весьма рѣдкими исключеніями, изображеніе произношенія французскихъ звуковъ и словъ русскими буквами съ условными акцентами, дѣйствительно весьма удачно. Грамматическія правила изложены ясно и основательно; особенное вниманіе обращено на употребленіе члена и различныхъ временъ глаголовъ, которое такъ трудно усвоивается русскими. За практическимъ курсомъ доктора Хана можно признать всѣ качества полезнаго пособія, а для самоучекъ—отличнаго руководства».

Мы съ своей стороны можемъ еще прибавить, что предлагаемая книга принадлежитъ къ числу лучшихъ учебниковъ для изученія французскаго языка и будетъ приносить учащимся немалую пользу. Книга напечатана на хорошей бумагѣ и хорошимъ шрифтомъ, и по цѣнѣ весьма доступна. За всѣ три части, до 30 печатныхъ листовъ, 1 руб. 50 коп.

Смѣсь.

Военный бюджетъ Римской имперіи. Въ настоящее время, когда всѣ европейскія государства такъ тщательно заняты вооруженіями и не жалѣютъ издержекъ на военныя надобности, не безъинтересно познакомиться съ военными издержками римлянъ.

Суммы, требовавшіяся на содержаніе римской арміи, представлялось бы легче опредѣлить, еслибы мы нашли точную сумму, требовавшуюся на содержаніе *римскаго легіона*. Простой солдатъ въ легіонѣ получалъ ежегодно 225 динаріевъ жалованья чистыми деньгами, или на наши русскія деньги приблизительно 810 рублей. Если затѣмъ оцѣнить стоимость содержанія солдатъ и ежегодные денежные подарки, дававшіеся имъ, въ 75 динаріевъ *), то выйдетъ, что на каждаго солдата римляне истрачивали *ежегодно 300 денаріевъ или 1080 рублей* на наши деньги. Легіонъ римскій состоялъ, какъ извѣстно, изъ 6,000 человѣкъ, включая сюда 60 центуріоновъ, получавшихъ двойное жалованье. Такимъ образомъ денежныя годовыя издержки на легіонъ простирались до 648,000 рублей, да на удвоеніе жалованья 60 центуріонамъ приходится причесть еще 48,600 рублей (т. е. 810 р., годовое жалованье римскаго солдата, умножая снова на 60). Общая цифра получится 696,600 руб. При Августѣ Римское государство, какъ мы знаемъ, содержало 25 легіоновъ войска; слѣдовательно, по приведенному уже разсчету, содержаніе этихъ 25 легіоновъ стоило Риму ежегодно 17,385,000 рублей на наши деньги.

Кромѣ того, еще преторіанскія когорты требовали весьма значительныхъ суммъ ежегодно. Нѣмецкіе авторы, переводя эти суммы на марки, опредѣляютъ ихъ приблизительно въ 6,000,000 марокъ, т. е. около 2,280,000 руб. на наши деньги, и затѣмъ еще значительная сумма шла на содержаніе въ городахъ гарнизоновъ и эту сумму нужно предположить въ 500,000 рублей.

О количествѣ жалованья, которое римляне платили вспомогательнымъ войскамъ, къ которымъ принадлежала вся ихъ конница или всадники, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ надежныхъ указаній. Если мы присоединимся къ мнѣнію историка Гиббина, который всю римскую армію опредѣляетъ въ 375 человѣкъ и, соотвѣтственно этому римскій военный бюджетъ разсчитываетъ въ 90,000,000 марокъ (34,200,000 руб.) и при этомъ примемъ вмѣстѣ съ нимъ, что эта цифра могла измѣняться соотвѣтственно надобности, т. е. предъ вліяніемъ культуры, уменьшенію и увеличенію народонаселенія и т. д., какъ бываетъ и въ современныхъ государствахъ,—то все таки мы увидимъ, что численностью римской арміи и употреблявшимися на нее издержками весьма трудно опредѣлить число солдатъ, такъ какъ близкаго соотношенія между издержками и числомъ солдатъ не было. Теперь для насъ, напримѣръ, довольно не трудно вывесть общее число арміи и стоимость ея содержанія по стоимости пайка и одежды—что у насъ составляетъ точно опредѣленную и установившуюся величину. Во всякомъ случаѣ, сравнительно съ боевыми силами большихъ европейскихъ государствъ, боевая сила древнихъ римлянъ представляется довольно ничтожною. Что сказали бы римляне, если бы узнали, что потомки ихъ старыхъ знакомыхъ, германцевъ, теперь въ состояніи двинуть въ поле битвы до 1,200,000 солдатъ, а Галлія, ихъ прежняя провинція, можетъ двинуть армію въ-четверо большую, чѣмъ Римъ въ цвѣтущій періодъ своего могущества!!

*) Т. е. 270 рублей.

Интересный придворный приказъ, относящійся къ XVII вѣку Къ эрцгерцогскому столу въ 1624 г. были приглашены юнкера, младшіе офицеры и прапорщики. При этомъ приглашенным были розданы, вѣроятно, распорядителемъ обѣда, слѣдующія печатныя правила, написанныя вычурнымъ и тяжелымъ оффиціальнымъ нѣмецкимъ языкомъ XVII вѣка *) и прекрасно характеризующія и тогдашнюю эпоху, и тогдашній этикетъ. Въ правилахъ этихъ составитель говоритъ отъ своего лица и обращается къ Эрцгерцогу.

«Поелику Ваше Эрцгерцогское Высочество соизволили благоволить пригласить многихъ офицеровъ къ Вашему Высочайшему столу и понеже я обрѣтался въ такой оказіи, что самымъ разнообразнымъ познаніемъ и достойнымъ увѣреніемъ извѣстился, что большая часть офицеровъ относятся другъ къ другу по истинѣ кавалерски-вѣжливо и съ учтивствомъ и всякаго въ предстоящей оказіи уконтентовать могутъ; въ разсужденіи же юнкеровъ великую инконтенцію имѣю и зѣло сожалѣю, что они не довольно для сей великой оказіи обтесаны. Сего ради представляю вниманію и раченію юнкеровъ слѣдующія регулы или иначе mensure regulaire, какъ-то:

«1. Являться къ Высочайшему столу въ чистой одеждѣ и въ вычищенныхъ сюртукахъ и сапогахъ и не отваживаться привѣтствовать Ваше Высочество, находясь уже въ нетрезвомъ видѣ.

«2. Не двигать стульями и не покачиваться, сидя на оныхъ, а также не простирать слишкомъ далеко ногъ, вытягивая оныя подъ столомъ.

«3. Пить не послѣ каждаго глотка кушанья, ибо въ противоположномъ случаѣ въ крайней скорости такъ напиться можно, что и лыка не будешь вязать Послѣ каждаго блюда позволительно осушить половину бокала, но предварительно со всякимъ тщаніемъ и раченіемъ вытирать ротъ и подбородокъ салфеткою.

«4. Не опускать руку въ предложенное блюдо и, подобно ему, не бросать въ оное назадъ обглоданныхъ костей, равно не бросать сихъ костей позади стола.

«5. Языкомъ не облизывать перстовъ, не вертѣть тарелкою, и салфеткою не вытирать выступившій, отъ горячести яствъ, потъ.

«Наконецъ, 6-е и послѣднее: не часто опоражнивать бокалы, уподобляясь скотинѣ неразумной, ибо таковаго невоздержанія ради, можно и со стула свалиться, да равно и, изъ-за стола выйдя, не пройти прямо нѣсколькихъ шаговъ и вавилоны въ залѣ выписывать.

Въ Нью-Йоркѣ обнаружилось весьма любопытное и замѣчательное явленіе электрическихъ домовъ, описанное профессоромъ Луисомъ въ донесеніи американскому обществу поощренія наукъ. Между прочимъ онъ пишетъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ обнаруживались на многихъ домахъ Нью-Йорка признаки электричества въ замѣчательной степени. Цѣлые мѣсяцы сряду они издавали изъ себя значительныя искры, сопровождавшіяся трескомъ. Гость, входящій въ подобный электрическій домъ и желающій подать хозяину руку, получаетъ изъ этой руки электрическій ударъ, какъ отъ электрическаго кондуктора; чтобы

*) Устарѣвшія формы языка этого документа до нѣкоторой степени можно передать только оффиціальнымъ языкомъ временъ Елизаветы Петровны или Екатерины II, что мы и старались сдѣлать при переводѣ.

Библиотека "Руниверс"

произвести искры, достаточно прикоснуться къ дверной ручкѣ или вообще къ какому нибудь металлическому предмету, имѣющему свободное сообщеніе съ землею.

Хозяйка дома приблизившись къ слуховой трубѣ, чтобы передать прислугѣ свои приказанія, получила сильный ударъ въ ротъ и не могла исполнить его намѣренія, пока, наконецъ, не догадалась предварительно дотронутся до трубы пальцами и слѣдовательно разрядить ее. Въ одномъ домѣ ребенокъ, хотѣвшій отворить дверь получилъ столь сильный ударъ, что убѣжалъ отъ страха. Если при переходѣ изъ одной комнаты въ другую, человѣкъ случайно ступитъ на мѣдную задвижку, то въ ногѣ его отдавался сильный ударъ. Во многихъ домахъ эти необыкновенныя явленія сдѣлались столь часты, что возбудили общій страхъ, не взирая на то, что электричество въ столь образованной странѣ, какъ Америка, само по себѣ не было явленіемъ новымъ или чудеснымъ.

Сженая известь, какъ предохранительное средство противъ порчи дерева. Лосталь, французскій желѣзнодорожный строитель, совѣтуетъ употреблять сженую известь, какъ предохранительное средство противъ порчи строеваго лѣса. Инженеръ этотъ кладетъ деревянныя шпалы въ яму и покрываетъ ихъ слоемъ сженой извести, которая тушится постепенно посредствомъ воды. Лѣсъ для различныхъ построекъ должекъ пролежать такимъ образомъ около 8 дней, по прошествіи которыхъ онъ пріобрѣтаетъ чрезвычайную твердость и прочность и не подвергается никогда гніенію. Заготовленный этимъ способомъ букъ можно употреблять на желѣзныхъ заводахъ и другихъ фабрикахъ вмѣсто желѣза для молотовъ и другихъ инструментовъ, ибо онъ пріобрѣтаетъ такую же плотность какъ и желѣзо, не теряя свойственную этому металлу эластичность. Хлористый растворъ сженной извести употребляютъ въ Страсбургѣ какъ средство для предохраненія дерева какъ отъ огня, такъ и отъ вліянія непогоды.

Русскіе типы. I. Букинистъ.

Оригин. рисунокъ И. С. Панова, грав. Рашевскій.

— За такую книгу 30 к? Да у Вольфа или у Исакова меньше какъ за 2 р. 50 не получите.

Очистка зданій отъ растеній. Для очистки зданій отъ покрывающихъ ихъ разныхъ родовъ мха слѣдуетъ смазывать стѣны и крыши водой, въ которой нужно распустить одинъ процентъ карболовой кислоты. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, растенія можно смыть водой.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Нѣтъ ничего лучше для человѣка, какъ имѣть постоянно передъ глазами положеніе своихъ дѣлъ посредствомъ правильнаго хода отчетности о нихъ (Джонъ-Локкъ).

Богатство часто бываетъ концомъ *одной* нищеты и началомъ *другой* (Сенека).

Если ты получилъ отъ человѣка услугу и оскорбленіе и хочешь взвѣсить ихъ, то отними половину вѣса у оскорбленія и прибавь его къ вѣсу услуги: тогда только ты будешь справедливъ (Сенека).

Размышляйте какъ хотите, хотя даже невѣрно, но размышляйте *сами* (Лессингъ).

Входя въ свѣтъ, молодая женщина видитъ въ немъ только то, что можетъ служить ея суетности, и неясное понятіе о счастіи; шумъ и блескъ всего окружающаго ее не позволяютъ душѣ ея вслушаться въ голосъ остальной природы (Вольтеръ).

СОДЕРЖАНІЕ: Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ I. В Гурко (съ портретомъ) 3 —Фотографическіе карточки изъ альбома гувернантки Счастливая карочка Е. Щепкиной —Божена, картина П. Майнскера (съ рисункомъ) М. Стр. Одесса (съ рисункомъ) 3.—Адская долина (въ Южной Баваріи) (съ рисунк мъ) Н. Строющія птицы: Ласточка Арізль (съ рисункомъ) Л —Движеніе военнаго транспорта въ горахъ Арменіи (съ рисункомъ).—Уличная сцена въ Рущукѣ во время обложенія города русскими войсками (съ рисункомъ) —Городъ Мачинъ (съ рисункомъ).—Политическая и военныя извѣстія.—Библіографія.—Смѣсь.—Мысли замѣчательныхъ людей —Объявленія.—При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за АВГУСТЪ съ 29 рисунками, и отдѣльный листъ съ 27 чертежами выкроекъ въ натуральную величину, и 23 рисунками буквъ для мѣтки бѣлья.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

«Московское Обозрѣніе».
ЖУРНАЛЪ
ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ХУДОЖЕСТВЪ.
(ИЗДАНІЕ БЕЗЦЕНЗУРНОЕ).

Выходитъ еженедѣльно, въ формѣ сброшюрованныхъ и снабженныхъ изящными обертками книгъ.

Для большаго удобства гг. подписчиковъ все годовое изданіе журнала «Московское Обозрѣніе» раздѣляется на ШЕСТЬ большихъ томовъ (отъ 500 до 600 стр. бол. формата въ каждомъ), снабженныхъ отдѣльными обертками, нумераціями и оглавленіями.

Желая доставлять гг. подписчикамъ самыя свѣжія извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, редакція пріобрѣла трехъ собственныхъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Дунайской арміи, двухъ—на Кавказѣ, одного—въ Черногоріи и одного—въ Петербургѣ, и кромѣ того вошла въ соглашеніе съ рус. международнымъ телеграфнымъ агентствомъ.

Всѣ получаемыя изъ указанныхъ источниковъ телеграфныя извѣстія съ 6-го апрѣля наст. года выпускаются въ свѣтъ ежедневно (а иногда и 2 раза въ день) и въ видѣ приложеній разсылаются гг. подписчикамъ при журналѣ безплатно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ дост. и пер. 7 р. — к.	На годъ безъ дост. и пер. 6 р. — к.
» 1/2 года. . . . . 4 » — »	» 1/2 года. . . . . 3 » — »

Для всѣхъ, какъ служащихъ, такъ и неслужащихъ подписчиковъ можетъ быть допускаема разсрочка.

Лица, подписавшіяся на все годовое изданіе журнала, пользуются правомъ на полученіе безплатной преміи. 3—2

СЛАВЯНСКІЙ РЕСТОРАНЪ
Большая Морская, № 13.
Завтракъ въ 2 блюда — 60 коп.
Обѣдъ по 60 коп. и 1 руб.
3 биліардные салоны.

Въ Петербургѣ и Москвѣ вышла 3-Я ЧАСТЬ соч. К. В М.
„ТАЙНЫ СОВРЕМЕННАГО ПЕТЕРБУРГА".
«ВЪ ЦАРСТВѢ ВЕНЕРЫ»

Цѣна 2 руб. Первая часть вышла третьимъ изданіемъ.—Вторая вторымъ.
Содержаніе 3 й части:

Два обожателя Венеры.—Неожиданное открытіе.—Мудрый совѣтникъ.—Загадочная смерть.—У Венеры къ гостяхъ.—Одна изъ жертвъ Венеры.—Развѣнчанная Венера.—Масва.—Моя бѣда.—Лидія Петровна.—Волшебница Венера.—Еще штука Реброва.—Ссудная касса.—Ужасная драма.—Медицинскій монологъ.—Ночь у Венеры перваго класса.—Ночь въ царствѣ Венеры послѣдняго класса.—Типы барыня благотворительницъ.—Таинственное лицо. — Живой мертвецъ.—Страшный разговоръ.—Грустная комедія.—Великое чудо.—У одра больного.—У двухъ священниковъ на дому.—Выстрѣлъ.—Бѣдная мать.—Новый паціентъ.—Въ тюрьмѣ.—Роковый приказъ.

Тамъ же продается второе изданіе новаго романа того же автора «ХОЧУ БЫТЬ РУССКОЮ». Цѣна за 4 тома 4 р. 4—4

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Ваниовской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи Александръ Венцель

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

Цѣна жестянки 1 р. безъ пересылки, вѣсъ 1 1/4 ф.

№ 2. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія). 26—26

Дозволено цензурою. СПБ. 29 Іюля 1877 г. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 32 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 8 Августа 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

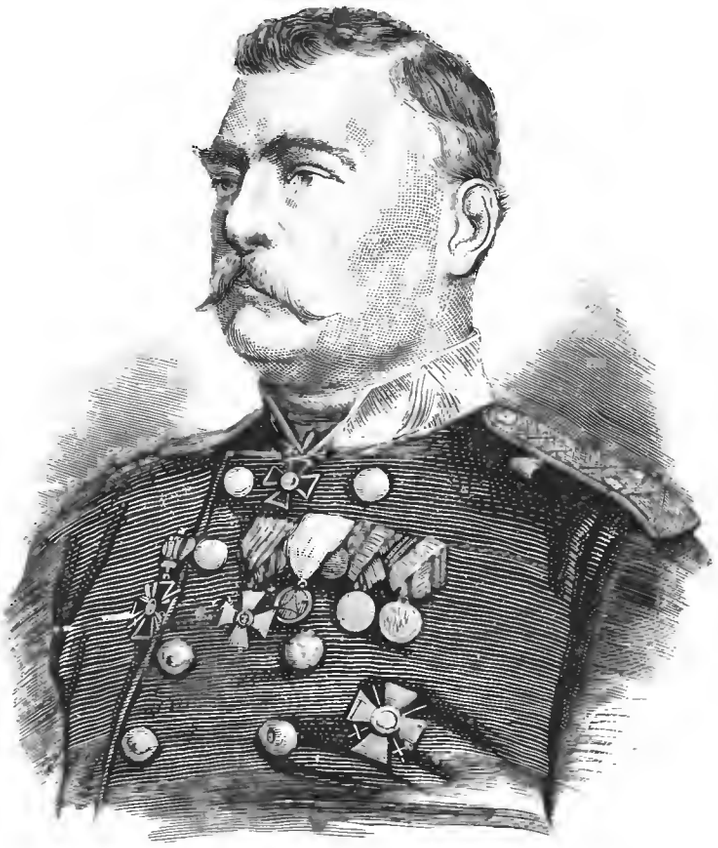
Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Контора журнала «Нивы» помѣщается въ С.-Петербургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

Генералъ-лейтенантъ А. А. Тергукасовъ.

Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ, сынъ армянскаго протоіерея, родился въ 1819 году, въ Тифлисѣ. По окончаніи курса въ Корпусѣ Инженеровъ Путей Сообщенія, онъ вышелъ съ чиномъ поручика и поступилъ на службу въ 1-ю дирекцію окрестныхъ дорогъ Петербурга. Черезъ два года былъ переведенъ въ дирекцію военныхъ сообщеній Кавказскаго края; еще черезъ два года произведенъ въ капитаны и назначенъ начальникомъ одной изъ дистанцій 2-го отдѣленія 8-го округа, еще черезъ два года занялъ мѣсто помощника начальника 8-го отдѣленія 8-го округа. Засвмъ исполняетъ должность начальника, получаетъ ордена Св. Анны 3 и 2 степени, а въ 1850 г., въ чинѣ подполковника, Арзасъ Артемьевичъ по собственному желанію вышелъ изъ службы. Онъ остался однако на очень недолго на свободѣ, его влекла военная жизнь, и въ 1852 г. Арзасъ Артемьевичъ снова поступилъ на службу—маіоромъ въ Апшеронскій полкъ. На слѣдующій годъ онъ командовалъ 3-мъ батальономъ означеннаго полка. Принявъ участіе въ продолжавшейся тогда безпрерывно войнѣ съ горцами, онъ получилъ, прежде всего, за отличіе чинъ подполковника, затѣмъ отличаясь во многихъ дѣлахъ, такъ, напримѣръ: въ пораженіи горцевъ при нападеніи ихъ на нашихъ фуражировъ, близь Новаго Буртуная, въ дѣлѣ у разореннаго аула Черкой, въ кровопролитномъ штурмѣ Новаго Буртуная, въ замѣчательно упорномъ штурмѣ редута, защищаемаго горцами; при оттѣсненіи горцевъ отъ Зубута и Хубарскихъ высотъ; при полномъ пораженіи Казы-Магома; въ штурмѣ завалъ и редутовъ близь Дылыма,—онъ два раза былъ награжденъ монаршимъ благоволеніемъ. Въ 1858 году Арзасу Артемьевичу пожалованъ чинъ полковника. При окончательномъ завоеваніи Дагестана (въ 1858 г.) онъ находился въ экспедиціи Салатавскаго отряда при окончаніи постройки укрѣпленій Буртуная; въ дѣлѣ 4-го іюня, у Ибрагимъ-Дара и при штурмѣ мичикальскихъ заваловъ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ Арзасъ Артемьевичъ выказалъ такое мужество, что ему была пожалована золотая сабля съ надписью „за храбрость".



Генералъ-лейтенантъ Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ, командиръ Эриванскаго отряда Кавказской арміи. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Принявъ командованіе Апшеронскимъ полкомъ въ 1859 г., онъ находился: при штурмѣ непріятельскаго редута Западахъ-Капа, при пораженіи непріятельскихъ скопищъ близъ села Башъ-Юртъ, при переправѣ чрезъ Андійское Койсу, у Сагритло, при аттакѣ Бетлинскихъ высотъ, наконецъ, при взятіи штурмомъ Гуниба, 25-го августа 1859 г. За неустрашимую храбрость въ послѣднемъ дѣлѣ, генералъ-фельдмаршалъ князь Барятинскій лично возложилъ на Арзаса Артемьевича орденъ св. Георгія 4-й степени. Въ 1861 году онъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, за покореніе Восточнаго Кавказа. Въ слѣдующемъ году орденъ св. Владиміра 3-й ст. съ мечами надъ орденомъ; въ 1865 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командующимъ 19-й пѣхотной дивизіей; въ 1867 году пожалованъ орденомъ св. Станислава 1-й ст. Затѣмъ былъ начальникомъ Средняго отряда Терской области; далѣе — начальникомъ 38-й пѣхотной дивизіи; награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, съ мечами надъ орденомъ и удостоенъ Монаршаго благоволенія. Въ 1867 г. получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Въ настоящую войну генералъ-лейтенантъ А. А. Тергукасовъ командуетъ Эриванскимъ отрядомъ Кавказской арміи. Изъ болѣе видныхъ за послѣднее время дѣлъ на Мало-азіатскомъ театрѣ войны (послѣ взятія Ардагана), есть именно дѣла генерала Тергукасова на высотахъ Драмъ-Дага и при Даярѣ. О нихъ мы своевременно сообщали въ политическихъ и военныхъ извѣстіяхъ „Нивы" и въ настоящемъ номерѣ, кромѣ того, даемъ подробное описаніе битвы при Даярѣ, съ приложеніемъ рисунка самой битвы. Засимъ генералъ Тергукасовъ, какъ извѣстно, освободилъ Баязетъ, окруженный полчищами турецкихъ войскъ, бывшихъ въ количествѣ 20 батальоновъ и 10,000 конницы. О дѣлѣ этомъ 29-го іюня было получено изъ Александрополя отъ Главнокомандующаго Кавказской арміей слѣдующее донесеніе: „Счастливъ, что могу порадовать Ваше Величество. Генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ прислалъ телеграмму изъ бивуака подъ Баязетомъ, отъ 28-го числа 9 часовъ вечера. „Сегодня въ 8 часовъ утра, войска ввѣреннаго мнѣ отряда, въ составѣ 8 батальоновъ, 24 орудій, 15 сотенъ и 4 эскадроновъ, аттаковали непріятельскій тринадцати-тысячный корпусъ, осаждавшій цитадель. Послѣ восьмичасовой перестрѣлки и канонады, войска взяли штурмомъ командующія городомъ высоты: непріятельскій корпусъ разбитъ на голову и разсѣянъ, и сверхъ нанесенной ему огромной потери убитыми и ранеными, взято 4 орудія, около 80 плѣнныхъ, много военныхъ и другихъ запасовъ. Цитадель освобождена, гарнизонъ ея и всѣ больные и раненые до послѣдняго человѣка выведены, такъ какъ городъ, разрушенный до основанія послѣдними событіями, значенія не имѣетъ. Съ нашей стороны потеря весьма незначительна, но въ точную извѣстность еще не приведена. Всѣ роды войска мужествомъ и взаимнымъ содѣйствіемъ показали себя по прежнему достойными похвалы. Имѣю счастіе поздравить съ освобожденіемъ геройскаго гарнизона, бодро выдержавшаго 23 дневную осаду при чрезвычайныхъ лишеніяхъ всякаго рода". Въ заключеніе нашей статьи о дѣятельности генерала Тергукасова приводимъ здѣсь дословно приказъ по Кавказской арміи и Кавказскому военному округу Главнокомандующаго генералъ-фельдцейхмейстера, Великаго Князя Михаила Николаевича. Въ этомъ приказѣ напечатано слѣдующее:

„Іюля 5-го дня 1877 года. Въ Игдырѣ. Именемъ Государя Императора объявляю вамъ, войска Эриванскаго отряда, Царское спасибо, за доблестную, молодецкую службу, за ваши подвиги, за новую славу, которой покрыли вы ваши знамена!

Сраженія на высотахъ Драмъ-Дага и подъ Даяромъ, геройскую оборону Баязетскаго гарнизона и спасеніе нѣсколькихъ тысячъ семействъ несчастныхъ христіанъ Турціи, искавшихъ въ вашихъ рядахъ защиты отъ неистовства дикихъ курдинскихъ племенъ,—исторія занесетъ на свои страницы и съ ними передастъ памяти и примѣру потомства имена ваши и вашего достойнаго предводителя

Ура Эриванскому отряду! Ура вождю его, генералу *Тергукасову!*" Ж.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

Автора повѣсти «Княжна Острожская», помѣщенной въ «Нивѣ» 1876 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Роскошный домъ князя Александра Даниловича Меншикова, что на Васильевскомъ островѣ, представлялъ необыкновенное оживленіе. Съ утра до ночи толпа осаждала его, подъѣзжали всевозможные экипажи, у всѣхъ входовъ и выходовъ помѣщались караулы гвардіи.

Дѣло въ томъ, что вотъ уже больше двухъ мѣсяцевъ, почти съ самой кончины Императрицы, въ этотъ домѣ имѣетъ пребываніе новый Императоръ.

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ—когда-то бойкій уличный мальчишка, потомъ потѣшный товарищъ Петра, потомъ знаменитый его сподвижникъ, „дитя моего сердца", по выраженію покойнаго Императора, почти полноправный хозяинъ Россіи въ царствованіе Екатерины I, теперь уже не вѣдалъ надъ собой ничьей власти и ничьего контроля. Хотя, согласно екатерининскому завѣщанію, онъ обязанъ былъ вершить всѣ дѣла съ согласія Верховнаго Совѣта, но, конечно, это только было на словахъ, а на дѣлѣ онъ управлялъ Россіей какъ ему вздумается. Да и кто могъ ему противиться? Его дочь уже была объявлена невѣстой Петра II. Ему никто не могъ воспрепятствовать перевезти Императора къ себѣ и такимъ образомъ отстранить отъ него всякое постороннее вліяніе...

Было славное лѣтнее утро. Уже поговаривали о переѣздѣ двора въ Петергофъ; но покуда еще городская жизнь шла своимъ порядкомъ: учителя аккуратно приходили давать уроки маленькому Императору и теперь только что одинъ изъ нихъ вышелъ изъ его апартаментовъ.

Петръ II сидѣлъ за рабочимъ столомъ, окруженный бумагами, чертежами и всевозможными математическими инструментами; ему нужно было приготовиться къ слѣдующему уроку. Но онъ видимо скучалъ за своимъ дѣломъ; онъ посматривалъ въ окно на Неву, по которой мелькали лодки, онъ нетерпѣливо прислушивался, очевидно поджидая кого-то.

Второму русскому Императору недавно исполнилось двѣнадцать лѣтъ, но онъ казался старше своего возраста. Полный, высокій, съ необыкновенной бѣлизны лицомъ, съ прекрасными голубыми глазами, онъ невольно обращалъ на себя вниманіе; напудренный, завитой мелкими буклями парикъ, по модѣ того времени, еще больше выдѣлялъ красоту этого лица. Петръ былъ похожъ на свою мать, „кронпринцессу" Шарлотту и ничего не наслѣдовалъ отъ отца, царевича Алексѣя.

Вотъ въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Дверь быстро отворилась и на порогѣ показалась небольшая женская фигура. Вошедшая дѣвушка была тоже еще почти ребенокъ; и въ ней сразу замѣчалось сходство съ Императоромъ. Хотя она была совсѣмъ нехороша, съ неправильными чертами лица, но глаза ея сіяли необычайной добротой и обнаруживали присутствіе мысли и даже какой-то недѣтской задумчивости; улыбка ея сразу привлекала къ себѣ всѣхъ, кто ни смотрѣлъ на нее.

Войдя въ комнату Императора, дѣвушка окинула ее быстрымъ взоромъ и увидѣвъ, что нѣтъ никого, съ ярко вспыхнувшимъ румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ подбѣжала къ Петру и охватила его шею своими тонкими руками.

— Наташа, — радостно выговорилъ Императоръ, — я давно ужь жду тебя! Я думалъ, что ты ужь не придешь, хотя Андрей Иванычъ и сказалъ мнѣ, что ты будешь навѣрно.

— Да, меня задержали,—отвѣтила великая княжна Наталья,—но вѣдь ты знаешь, что если я что-нибудь тебѣ обѣщаю, то всегда и исполню.

— Ахъ, сестрица,—печально проговорилъ Петръ,— отчего ты не живешь со мною? меня въ послѣдніе дни просто замучили совсѣмъ эти противные уроки Посмотри, какая славная погода: по Невѣ хочется покататься, а Александръ Данилычъ не пускаетъ... все учиться, да учиться...

Библиотека "Руниверс"

— Ну вотъ погоди, погоди, — улыбаясь заговорила сестра,—вотъ переѣдемъ въ Петергофъ скоро, тамъ будетъ больше свободы. Андрей Иванычъ сказалъ, что все ужь приготовлено къ нашему переѣзду. Вѣдь ты любишь Петергофъ—помнишь какъ весело было при бабушкѣ? Ну вотъ и опять будемъ устраивать разные праздники, маскарады, самъ знаешь, какая Лиза на это мастерица.

При этомъ имени яркая краска разлилась по щекамъ маленькаго Императора.

— А что же Лиза,—запинаясь спросилъ онъ,—она не пріѣхала съ тобою?

— Нѣтъ, но она будетъ, она обѣщала за мной заѣхать.

Дверь опять отворилась и вошелъ плотный человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ дебелымъ, нѣсколько женственнымъ лицомъ, съ мягкими и вкрадчивыми манерами.

— За дѣломъ, Государь,—сказалъ онъ кланяясь Императору,—это хорошо. Поучитесь, поучитесь—отдохнуть будетъ пріятнѣе ..

— Эхъ, Андрей Иванычъ, да ужь слишкомъ много ученья; вотъ сестрица пріѣхала—съ ней бы побыть хотѣлось. Неужьто-жь нельзя отказать учителю хоть на сегодня?

Вошедшій улыбнулся.

— Я бы и отказалъ ему пожалуй—онъ ужь тутъ дожидается—да что скажетъ князь Александръ Данилычъ?

— Александра Данилыча нѣтъ дома, я видѣлъ самъ, какъ онъ уѣхалъ. Голубчикъ, Андрей Иванычъ, скажите учителю, что мнѣ некогда, что я дѣломъ занятъ... Александръ Данилычъ не узнаетъ, какъ вернется—кто ему скажетъ?

— Ну хорошо, хорошо, я пойду,—отвѣчалъ Андрей Иванычъ,—только вы ужь попросите царевну, чтобы она за меня заступилась, если князь будетъ сердиться.

И Андрей Иванычъ Остерманъ вышелъ изъ комнаты.

— Какой добрый этотъ Андрей Иванычъ,—оживленно заговорилъ Императоръ, обращаясь къ сестрѣ. Вотъ если бы онъ всѣмъ распоряжался—не такая бы наша жизнь была! Онъ бы не сталъ меня мучить и разлучать съ тобой, сестрица.

— Да, Андрей Иванычъ добрый человѣкъ и насъ душевно любитъ, я ему вѣрю—задумчиво проговорила царевна,—а князю не вѣрю. Я боюсь его и знаю, что онъ насъ не любитъ.

— Видѣла ты сегодня княжну, мою невѣсту? злобно сверкнувъ глазами спросилъ Петръ.

— Да, я сейчасъ встрѣтилась съ нею. Она было хотѣла идти за мною сюда, да ее позвали.

— Вотъ еще невидаль! поговорить не дадутъ какъ слѣдуетъ. Знаешь что, сестрица! сначала еще ничего было, а теперь просто мнѣ противно глядѣть на нее—на эту мою невѣсту. Посмотри, какое у нея длинное лицо, какъ есть у Александра Данилыча, все мнѣ такъ и кажется, что это онъ передо мною, когда я говорю съ ней.

Царевна ничего не отвѣчала и грустно глядѣла своими большими глазами, не мигая. Вотъ она вздохнула, но все-же ничего не сказала.

— Наташенька, что же это такое? Я вотъ сегодня ночью проснулся, все думалъ: какъ-же это будетъ—какая же это невѣста, когда она мнѣ противна и я... не глядѣлъ бы на нее никогда... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ умерла бабушка! Она была добрая я все бы сказалъ ей! Можетъ быть она и не дала бы меня въ обиду.

— Да вѣдь все это, Петруша, было при бабушкѣ рѣшено; развѣ ты не помнишь, какъ она слушалась Александра Данилыча

— Да, слушалась, слушалась, а только я знаю, что меня все же бы въ обиду не дала. Бабушка, когда надо, за себя и за насъ постоять умѣла.

Но на этотъ разъ видно не суждено было маленькому Императору по душѣ поговорить съ любимой сестрой. Дверь снова растворилась и въ комнату вбѣжала раскраснѣвшаяся и запыхавшаяся дѣвушка лѣтъ семнадцати.

Петръ кинулся къ ней на встрѣчу и остановился передъ нею весь красный, весь сіяющій лучезарной улыбкой. Онъ нѣсколько мгновеній даже не могъ сказать ни слова и только смотрѣлъ на вошедшую. Да и дѣйствительно было на что посмотрѣть. Эта молодая дѣвушка была въ полномъ смыслѣ слова красавица: высокая, полная, стройная, съ роскошными темно-золотистыми волосами, живыми голубыми глазами и ослѣпляющей улыбкой на румяномъ, нѣжномъ лицѣ, она производила впечатлѣніе свѣтлаго дня, живой, радостной жизни. Казалось, что она улыбается всѣмъ существомъ своимъ и эта прелестная улыбка не могла изгладиться изъ памяти разъ взглянувшаго на нее.

— Тетушка, дорогая, спасибо что заглянула,—наконецъ проговорилъ Петръ, кладя свои нѣжныя бѣлыя руки на плечи дѣвушки и крѣпко ее цѣлуя.

— Ай, ай, племянничекъ, ты опять такъ больно цѣлуешься, того и гляди кровь изъ губъ пойдетъ. Сказала, что за уши буду драть, если станешь такъ цѣловаться ..

И цесаревна Елизавета Петровна взяла хорошенькаго племянника за ухо и стиснула такъ изрядно, что онъ даже сдѣлалъ непритворную гримасу отъ боли.

— Чай все лѣнишься,—снова заговорила она,—небось гулять хочется? Посадили молодца на веревочку, а день-то, день-то какой, Боже мой, такъ вотъ пѣть и хочется!!.. Встрѣтила я твоего звѣря-цербера—ѣдетъ себѣ и ни на кого не смотритъ.

Тутъ она сейчасъ же и представила, какъ ѣдетъ звѣрь Церберъ. И Петръ и царевна Наталья не могли не разразиться неудержимымъ хохотомъ.

Подъ звѣремъ-Церберомъ подразумѣвался, конечно, князь Александръ Даниловичъ и цесаревна Елизавета изъ своего прелестнаго лица съумѣла мгновенно сдѣлать живое подобіе его сухой и горделивой фигуры.

— Что это ты тутъ подѣлываешь? подбѣжала Елизавета къ рабочему столу Императора,—цыфирь все, да глупыя фигурки... Видно умны твои учителя, да не очень, зачѣмъ тебѣ все это? Да вотъ погоди, постой—разомъ тебѣ все это запачкаю.

— Ай, ай, не трогай, Лизенька, что ты это, вѣдь мнѣ уже достанется.

Но цесаревна не слушала. Она схватила карандашъ и рядомъ съ какой-то геометрической фигурой въ мгновеніе ока нарисовала каррикатуру.

Петръ и цесаревна Наталья взглянули и опять залились громкимъ смѣхомъ: въ каррикатурѣ они узнали того-же звѣря-Цербера.

Но Петръ скоро прекратилъ свой смѣхъ и даже поблѣднѣвъ немного, принялся тщательно вычеркивать каррикатуру.

— Что еслибъ увидѣлъ, что еслибъ увидѣлъ,—озабоченно шепталъ онъ,—тогда, пожалуй, прощай и Петергофъ; да и васъ ко мнѣ пускать не стали бы.

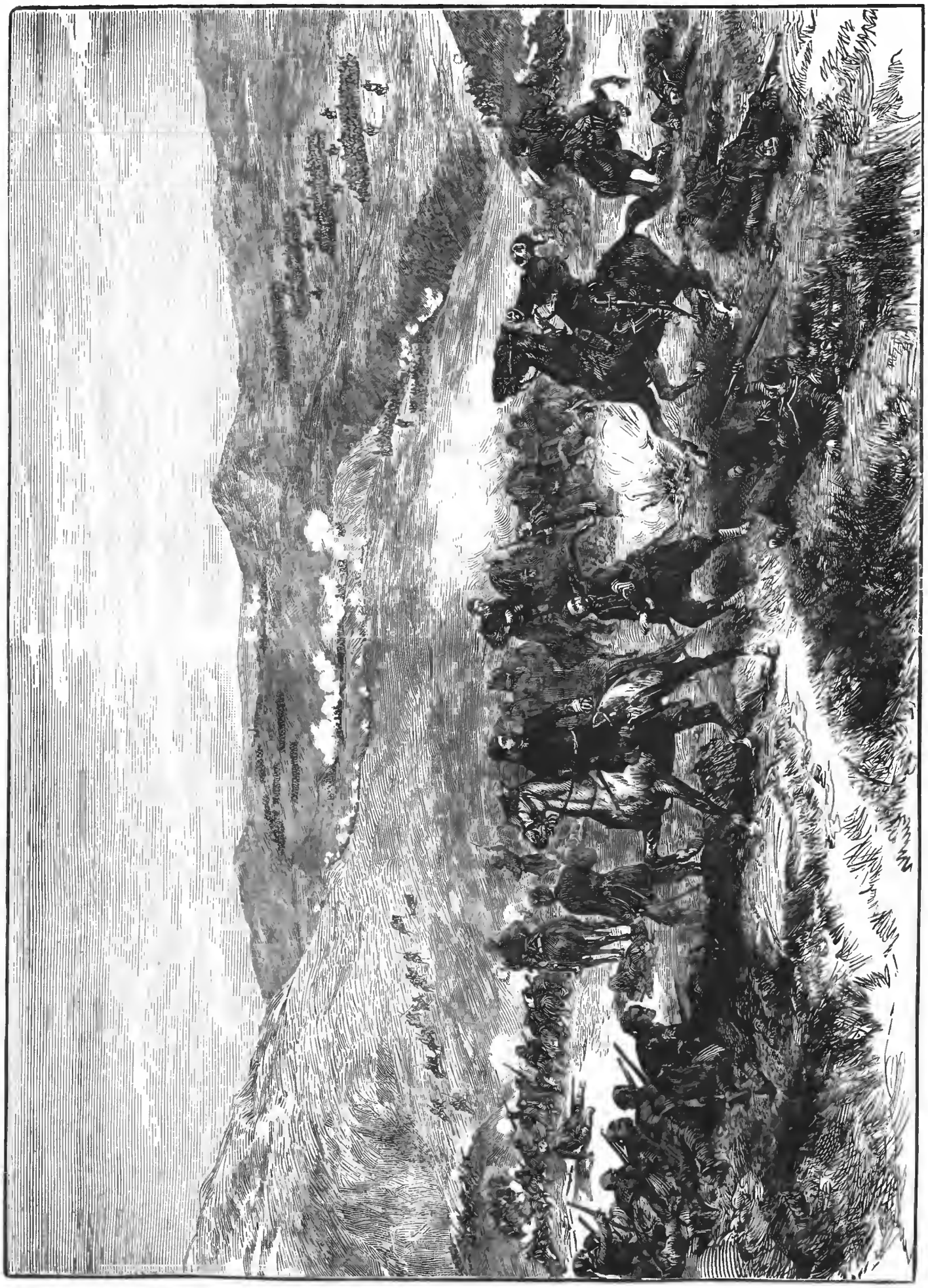
— Ну, желала бы я посмотрѣть, кто бы меня не пустилъ! сказала Елизавета съ презрительной минкой, —а знаете что? Вотъ вамъ Христосъ, что я сегодня звѣрю-церберу на улицѣ языкъ высунула. Видѣлъ, или нѣтъ—я не знаю, а только высунула.

— Да, ты безстрашная, Лиза,—замѣтила царевна Наталья,—только не знаю, хорошо ли это, какъ бы за такіе твои поступки для тебя же худо не вышло.

— Да,—озабоченно проговорилъ и Петръ,—вотъ мы тутъ смѣемся и думаемъ, что никто насъ не слышитъ, а того и жди у двери чье-нибудь ухо,—я ужь не разъ замѣчалъ, что меня подслушиваютъ.

Елизавета подкралась къ двери, быстро ее отворила, но тамъ никого не было.

Библиотека "Руниверс"



Битва при Даярѣ, между Зейделяномъ и Дели-Вабой, 4 іюня 1877 г. Съ наброска англійск. корресп. при турецкихъ войскахъ, грав. Діамантовскій.

Библиотека "Руниверс"

Уличная сцена въ Никополѣ во время бомбардированія. Съ наброска англійскаго корреспондента, грав. К. Вейерманъ.

Ген. Кемпбелль и кап. Норманъ, спасающіеся отъ преслѣд. казаковъ, послѣ сраженія при Даярѣ. Съ наброска А. К. грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Еще нѣсколько минутъ продолжалась оживленная бесѣда въ рабочей комнатѣ Императора. Цесаревна Елизавета перебрала и пересмотрѣла всѣ предметы, каждую книжку, каждую тетрадь и сопровождала этотъ осмотръ своими веселыми шутками, гримасками и передразниваньями. То изображала она какого-нибудь учителя, то вдругъ превращалась въ княжну Меншикову, наконецъ вдругъ заговорила голосомъ Остермана, копировала его жесты и манеры, да такъ удивительно, что самъ онъ, войдя въ комнату, и заставъ ее врасплохъ, не могъ не улыбнуться.

— Вотъ вы чѣмъ тутъ занимаетесь, ай принцесса— и вамъ не грѣхъ подымать на смѣхъ вашего вѣрнаго слугу! Только все равно я буду просить васъ прекратить эти шутки—не обиды ради, я не обидчивъ, а потому, что самъ князь Александръ Данилычъ вернулся и сюда шествовать изволитъ.

Елизавета мгновенно притихла, а у Петра даже лицо вытянулось.

Меншиковъ не заставилъ себя долго ждать. Медленной, важной походкой вошелъ онъ въ комнату.

Другъ Данилычъ, дитя сердца Петрова, уже значительно измѣнился и постарѣлъ въ это время. Его сухое лицо приняло выраженіе необыкновенной надменности, презрительности, ему уже не передъ кѣмъ было склоняться, заискивать и извертываться. При взглядѣ на него сразу можно было замѣтить, что это человѣкъ, научившійся повелѣвать и властвовать, невидящій передъ собой никакой преграды.

Непріятнымъ, пронзительнымъ взглядомъ оглядѣлъ онъ присутствующихъ.

— А я чаялъ, что ты за дѣломъ, Ваше Величество, проговорилъ онъ, положивъ свою сухую, жилистую руку на плечо Императора; по росписанію-то теперь урокъ математики. Гдѣ же учитель?

Петръ вспыхнулъ и опустилъ глаза. Рука Меншикова давила его какъ пудовая тяжесть, и онъ не находилъ словъ, чтобы отвѣчать ему.

— Чего же ты смотришь, Андрей Иванычъ, обратился Меншиковъ къ Остерману, — нельзя потакать лѣни. Эхъ, дѣда-то нѣту, онъ бы эту лѣнь дубинкой выгналъ отсюда.

Цесаревна Елизавета уже давно вертѣлась на мѣстѣ, очевидно желая ввернуть свое слово.

— Да не ворчи, не ворчи, князь, наконецъ засмѣялась она, думая взять шуткой и лаской,—тутъ виноватъ не Петруша, а вотъ мы съ царевной Натальей. Ну, а на насъ не поднялась бы и отцовская дубинка.

Меншиковъ кисло улыбнулся.

— Съ васъ взять нечего,—сказалъ онъ,—я отъ васъ отступился, а за него и Богу отвѣтъ отдать долженъ.

— Да я и такъ сегодня ужь много учился,—прошепталъ Петръ,—вотъ сестрица говоритъ: день сегодня такой славный—погулять бы хотѣлось...

— Погулять, все гулять,—ворчалъ Меншиковъ,—еще успѣешь, Ваше Величество, въ Петергофѣ нагуляться. А въ послѣдніе-то дни не мѣшало бы хорошенько поучиться.

— Да вѣдь онъ и говоритъ, что съ утра занимался, тихимъ голосомъ сказала Наталья Алексѣевна, — я за работой его и застала. Будьте ласковы, князь, отпустите его покататься съ нами.

— Всему свое время, царевна, наставительнымъ тономъ замѣтилъ Меншиковъ. Не хочу огорчать васъ, но просьбу вашу не исполню. Андрей Иванычъ, позови учителя. А васъ, царевны, мои дочери дожидаются.

Онъ указалъ имъ рукой на дверь съ такимъ жестомъ, который исключалъ всякую возможность сопротивленія.

Всѣ вышли и Меншиковъ остался съ глазу на глазъ съ Императоромъ.

— Ну, покажи, что ты тутъ дѣлалъ, обратился онъ къ нему,—готовъ урокъ?

Онъ наклонился къ столу и сталъ разглядывать исчерченный листъ бумаги.

— Это что, только-то? Да что тутъ такое—кто тутъ напачкалъ? Что зачеркнуто?

— Ничего... это такъ, ...я ошибся, прошепталъ Петръ.

— То-то ошибся, безъ моего вѣдома и разрѣшенія всѣхъ пускаютъ въ учебное время... Смотри, Государь, учись хорошенько сегодня, я всю правду отъ учителя узнаю.

И не взглянувъ на Петра, своими тяжелыми, мѣрными шагами Меншиковъ вышелъ изъ комнаты.

Крупныя слезы показались на свѣтлыхъ глазахъ маленькаго Императора.

— Что-же это такое, шепталъ онъ самъ съ собою,— что ни день, то онъ лютѣе становится. Неужели такъ таки и никогда я отъ него не избавлюсь? Правду говоритъ Лиза—сущій звѣрь—Церберъ... Ахъ Лиза, Лиза!..

И Петръ положилъ голову на руку и задумался. Слезы, едва показавшіяся на глазахъ его, уже высохли, все хорошенькое лицо его улыбалось, и онъ глубже и глубже погружался въ какія-то радостныя, одному ему вѣдомыя мысли.

Наконецъ голосъ вошедшаго учителя вывелъ его изъ раздумья.

II.

На половинѣ меншиковскаго дома, занимаемой княгиней и княжнами, было несравненно больше движенія, чѣмъ въ аппартаментахъ Императора. Сюда обыкновенно съ утра уже стекались всѣ сановники и ихъ семейства, чтобы показаться и заявить свою преданность Царской невѣстѣ.

Домъ Меншикова былъ въ то время самымъ роскошнымъ домомъ Петровскаго „парадиза“ и на его отдѣлку князь не пожалѣлъ денегъ. Вообще Данилычъ не отличался скупостью и его огромное состояніе, возраставшее съ каждымъ годомъ и добывавшееся самыми незаконными путями, позволяло эту роскошь. Теперь-же, въ послѣднее время, когда дочь его уже была обрученной невѣстой Императора и на содержаніе ея изъ казны отпускалась знатная сумма, ему даже необходимо было сдѣлать изъ своего дома настоящій дворецъ.

Царевны, проходя изъ рабочей комнаты Императора, то и дѣло встрѣчали придворныхъ мужчинъ и дамъ, которые почтительно съ ними раскланивались.

Скоро нагналъ ихъ и Меншиковъ и провелъ въ дальнюю комнату, гдѣ находилось его семейство.

Княгиня Дарья Михайловна всѣми своими силами старалась избѣгать, въ послѣднее время, придворнаго шума. Очень часто не выходила она по цѣлымъ днямъ изъ своихъ покоевъ, звала къ себѣ дочерей и не пускала постороннихъ. Она и теперь сидѣла за какой-то работой и тихо бесѣдовала съ княжнами. Сразу можно было замѣтить, что любимицей ея была не царская невѣста, а младшая княжна Александра. Оно было и понятно. Необыкновенная разница замѣчалась между двумя сестрами. Княжна Марія, какъ уже сказалъ Петръ въ разговорѣ съ сестрою, была похожа на отца; высокая, сухая, съ рѣзкими чертами лица, съ нахмуреннымъ взглядомъ. Она рѣдко смѣялась, была постоянно сосредоточена и угрюма и не умѣла ласкаться даже къ матери. Младшая, напротивъ, была необыкновенно живая, миловидная дѣвушка; къ тому же теперь ей особенно не слѣдовало печалиться: она была уже почти просватана за принца Ангальтъ Дессаускаго, который ей чрезвычайно нравился. И вотъ она передавала матери свой послѣдній разговоръ съ нимъ и дѣтски-наивно восхищалась всѣми комплиментами, которые онъ расточалъ ей. Княгиня Дарья Михайловна съ доброй материнской улыбкой покачивала головою и радовалась на свое любимое дѣтище.

— Ну, а я не могу похвастаться комплиментами моего жениха, проговорила княжна Марія.

Библиотека "Руниверс"

— Что-же, Машенька, тебѣ и пождать можно, еще будетъ время—Государь, я чаю и комплиментовъ говорить еще не умѣетъ.

— Ну, объ этомъ нужно спросить у принцессы Елизаветы, язвительнымъ тономъ замѣтила царская невѣста,—для нея у него откуда и слова берутся.

Княгиня опустила глаза и печально задумалась.

— Эхъ, не ладно! шепнули ея губы.

— Да ужь такъ не ладно, что и сказать нельзя, вдругъ оживилась княжна Марія,—никакого добра не выйдетъ. Съ каждымъ днемъ виднѣе, что ждетъ насъ только погибель, а батюшка ничего не видитъ, куда и разумъ его дѣвался. Былъ у меня женихъ—человѣкъ мнѣ по сердцу,—выдать бы за него, такъ не знала бы я никакой печали, нѣтъ, царицей захотѣли сдѣлать! Ну, а коли не сдѣлаете? Коли въ конецъ меня погубите, ктожь виноватъ будетъ?

— Вотъ ты всегда такъ, сказала княгиня,—видно никогда отъ тебя радости не дождаться. О комъ же отецъ-то хлопочетъ, о тебѣ вѣдь?

— Совсѣмъ не обо мнѣ, вспыхнувъ отвѣтила княжна,—совсѣмъ не обо мнѣ, о себѣ только! Ему нужно властвовать, а обо мнѣ онъ и не помышляетъ,—думаетъ на его вѣкъ хватитъ, а тамъ, безъ него, пускай я развѣдываюсь какъ знаю. Что-жь, развѣ у меня глазъ нѣтъ, развѣ я не вижу, что Императору на меня и глядѣть противно. Теперь онъ еще малъ, не знаетъ своей силы, а когда выростетъ—такъ ждать мнѣ душной монастырской кельи, если и еще того не хуже—примѣръ не первый.

И княжна замолчала и заходила по комнатѣ въ волненіи.

Что могла ей отвѣтить мать? Бѣдная княгиня и сама все хорошо понимала; она видѣла, что ея Данилычъ занесся такъ высоко, что многаго и сообразить теперь не можетъ. Она сама себѣ тысячу разъ повторяла то, что теперь слышала отъ дочери. По ночамъ не спала княгиня:—все думала да молилась, страшные сны преслѣдовали ее. Просыпаясь утромъ каждый разъ ей казалось, что это послѣдній день ихъ счастья; мучительныя предчувствія давили ее и нигдѣ не находила она себѣ отъ нихъ покоя. Ей было тошно смотрѣть на эти улыбающіяся лица придворныхъ, на ихъ лесть и униженныя заискиванья. Ей часто вспоминались прежніе, лучшіе годы, привольная жизнь въ Москвѣ съ сестрой Варварой, съ сестрами Меншикова, съ будущей Императрицей Екатериной I. Какъ хорошо было тогда, какъ весело! не знали онѣ кручины, жили себѣ припѣваючи, о завтрашнемъ днѣ не думая. Наѣзжалъ къ нимъ частенько, съ неизмѣннымъ своимъ Данилычемъ, Петръ Алексѣевичъ; входилъ онъ шутливый и радостный. Пиръ у нихъ шелъ горою, когда наѣзжали веселые гости, а уѣдутъ,—собирались онѣ всѣ и придумывали шутливыя письма Петру Алексѣевичу. Помнила она, какъ всегда подписывалась подъ этими письмами: «Дарья глупая». Да и потомъ хорошо было: Катеринушка сдѣлалась великой Императрицей доброй и ласковой, и никогда не забывавшей старинной дружбы. Всегда былъ княгинѣ до нея свободный доступъ, всегда онѣ вмѣстѣ толковали о дѣлахъ своихъ, повѣряли другъ другу свои радости и печали. Однѣ только напасти вѣдала княгиня Дарья Михайловна: бывало, уже очень зарвется Александръ Данилычъ, натащитъ себѣ, незаконными путями, кучу денегъ и дойдетъ это дѣло до Императора; смотритъ, молчитъ Императоръ, покрываетъ своего Данилыча, да наконецъ и не втерпежь ему станетъ. Бывали дни, что на волоскѣ висѣлъ Данилычъ, но и тутъ вѣчной заступницей являлась Екатерина. Поплачетъ передъ нею Дарьюшка и смотришь: на другой день всякая бѣда миновала. А вотъ теперь это житье веселое, эти милыя воспоминанія отошли далеко, какъ будто ихъ и совсѣмъ не было. Вся знать, весь дворъ толпится вокругъ княгини, въ церквахъ возглашаютъ ея дочь Государыней—да не на радость все это. Придетъ бѣда—кто заступится? въ могилѣ и Петръ Алексѣевичъ и добрая подруга Екатерина. Ненависть людская, страшная ненависть скрывается подъ улыбками и льстивыми рѣчами окружающихъ. Одинъ толчокъ, одинъ мигъ—и въ прахъ разлетится все это безумное величіе! Темно и страшно на душѣ у княгини Дарьи Михайловны, съ грустью смотритъ она на своихъ дѣвочекъ.

У дверей послышались шаги. Княгиня встрепенулась и должна была насильно заставить себя весело улыбаться и радушно встрѣтить двухъ царевенъ. Да что-же? она вѣдь ихъ искренно и любила. Одна изъ нихъ была дочерью ея сердечнаго друга, а Великая княжна Наталья всѣхъ побѣждала собою.

— Въ добромъ-ли здоровьѣ, мои ясочки? обратилась къ нимъ княгиня.

— Здоровы-то, здоровы, отвѣтила Елизавета,—только ужь очень жарко нынче—въ лѣсъ хочется. Когда-же мы въ Петергофъ переѣзжаемъ, Александръ Данилычъ?

— Тамъ все ужь готово, сказалъ Меншиковъ,—на этой недѣлѣ переберетесь.

— То-то поскорѣе бы! Да заступись хоть ты, Дарья Михайловна, за Императора,—совсѣмъ князь его у насъ замучилъ.

Дарья Михайловна только рукой махнула, показавъ этимъ, что не ея это дѣло.

Великая княжна Наталья усѣлась съ Александрой Александровной и дружески съ ней шепталась.

Княжна Марія даже и не старалась казаться любезной. Она сѣла въ уголъ, потупила свои глаза и очевидно не хотѣла принимать никакого участія въ разговорѣ.

— Что такъ сурова, государыня, съ ясной улыбкой, нѣсколько маскировавшей насмѣшливость тона, обратилась къ ней Елизавета,—не годится такъ хмуриться невѣстѣ. Женихи хмурыхъ невѣстъ не любятъ.

При этихъ словахъ у Александра Данилыча даже ротъ скосился.

— Эхъ подальше бы эту егозу, да поскорѣй, думалъ онъ. А что-же, цесаревна, взглянулъ онъ на нее, подумала-ли ты, о чемъ я вамъ вчера докладывалъ?

— Нѣтъ, не подумала, да и думать мнѣ не о чемъ—не подходящее это дѣло.

— Что-же—развѣ мой женихъ плохъ? Чѣмъ вамъ не пара принцъ Прусскій?

— А хотя-бы тѣмъ, что онъ прусскій, а не русскій, живо перебила Елизавета. Я хорошо знаю, что иные люди желали-бы меня подальше отсюда спровадить, да я то уѣзжать не намѣрена. Я съ тоски умру на чужой сторонѣ,—вотъ сестрица Анна какъ въ письмѣ плачется...

И веселое лицо Елизаветы мгновенно отуманилось искренней печалью: теперь она уже не похожа была на всегдашнюю беззаботную дѣвушку. Даже краска сбѣжала съ ея нѣжныхъ щекъ и она тихо говорила, едва подавляя слезы:

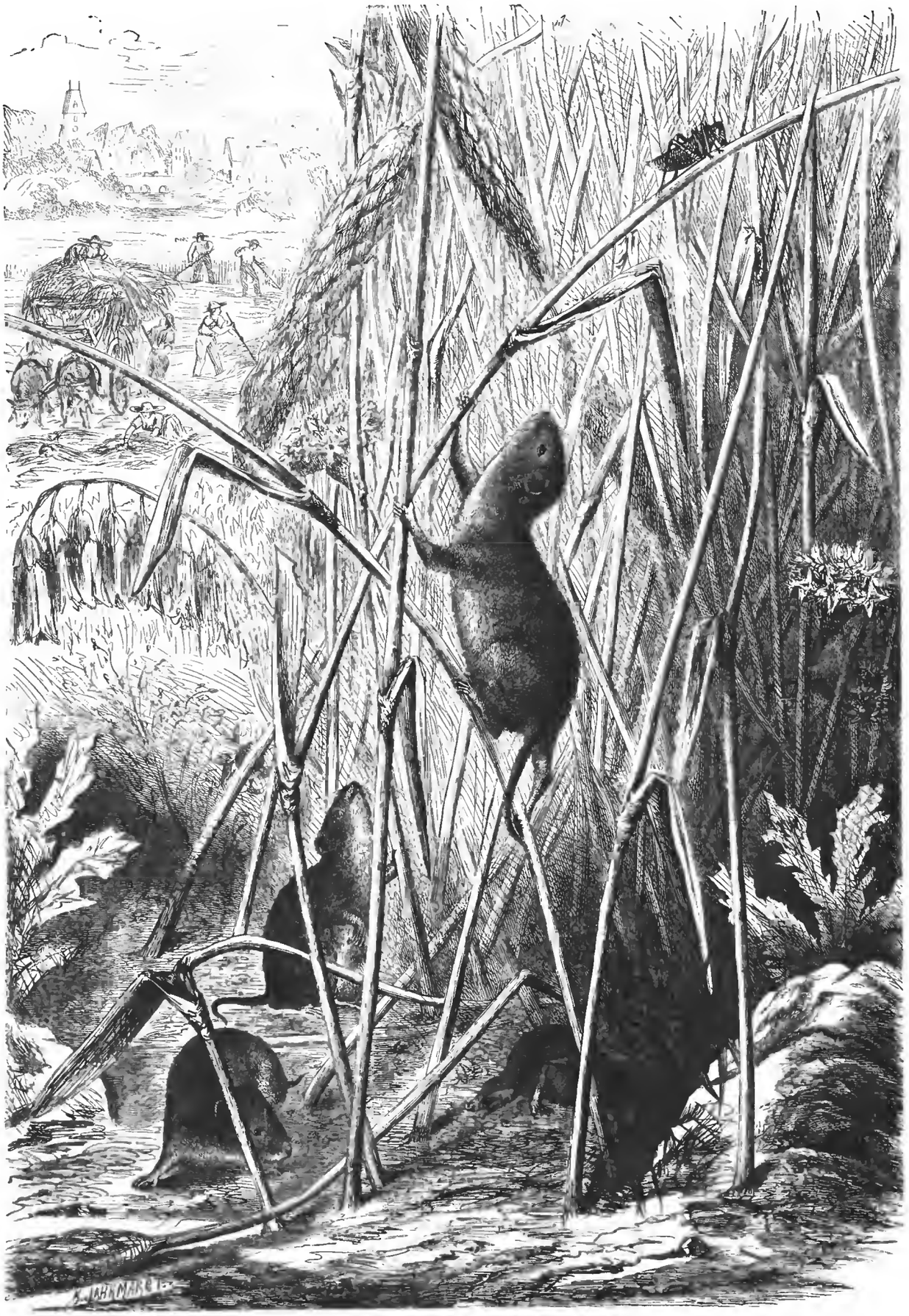
— Не ищи мнѣ жениховъ, князь,—все равно теперь не выйду замужъ. Былъ женихъ—такъ Богъ его къ себѣ взялъ, да и не время о женихахъ думать, когда чуть не вчера еще матушка въ гробъ легла.

Тутъ цесаревна уже не могла совладать съ собою и залилась горькими слезами.

Всѣ притихли, а княгиня Дарья Михайловна подошла къ Елизаветѣ, обняла ее и сама искренно заплакала. Только одна царская невѣста сидѣла въ своемъ углу съ безжизненнымъ лицомъ, и понять нельзя было, о чемъ она думала въ эту минуту.

Но слезы и печаль Елизаветы длились не долго. Вотъ она опять улыбнулась, заговорила шутя и весело и подъ конецъ съумѣла даже оживить Александра Данилыча, который на мгновеніе позабылъ и свои страхи и свое,

Библиотека "Руниверс"



Полевки. Рисунокъ Ярмарктъ, грав. Шапонъ.

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. „Обрывъ“ Романъ И. А. Гончарова: ВѢРА.
Оригинальный рис. И. С. Панова, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

въ послѣднее время все возраставшее, злое къ ней чувство.

— Ну, князь, какъ хотите, а теперь я васъ не послушаюсь, вдругъ обратилась къ Меншикову Великая княжна Наталья, теперь ужъ пора отдохнуть братцу. Я думаю, онъ кончилъ свои уроки, пойду и приведу его сюда.

Меншиковъ ничего не отвѣтилъ, и Наталья выбѣжала изъ комнаты.

(Продолженіе будетъ).

Литературный альбомъ „Обрывъ". Романъ И. А. Гончарова.

Имя Гончарова стоитъ въ ряду лучшихъ представителей нашей литературы, и журналъ „Нива" уже имѣлъ случай говорить о литературной дѣятельности этого писателя и помѣстить на своихъ страницахъ его портретъ. (См. „Ниву" 1876 г. № 18). Въ настоящее время, давая мѣсто прекрасному рисунку, изображающему героиню романа „Обрывъ", считаемъ необходимымъ разсказать содержаніе этого романа. (Романъ „Обрывъ" появился въ печати въ 1869 г. въ журналѣ „Вѣстникъ Европы").

Въ маленькомъ имѣніи, въ благословенной Малиновкѣ, на живописномъ берегу Волги, у благочестиво-патріархальной бабушки выростаютъ двѣ прелестныя внучки. Одна изъ нихъ—Марфинька—совершенное дитя, довольное всѣмъ ее окружающимъ. Читаетъ романы, которые оканчиваются свадьбой, ухаживаетъ за курами, провожаетъ бабушку въ ея хозяйственныхъ занятіяхъ и мечтаетъ, когда она будетъ своимъ домомъ жить, когда у нея будутъ свои коровы, лошади, много людей въ домѣ и дѣти.—„А я,—говоритъ о себѣ Марфинька—ахъ, какъ мнѣ здѣсь хорошо въ полѣ, съ цвѣтами, съ птицами; какъ дышется легко! Какъ весело когда съѣдутся всѣ знакомые! Нѣтъ, не хочу никуда. Что-бы я дѣлала одна тамъ въ Петербургѣ, за-границей: я бы умерла съ тоски". Марфинька сознается, что безъ бабушки она сама ничего бы и не выдумала и полюбить того, кого только бабушка укажетъ. Совершенную противоположность этой простой, наивной деревенской дѣвушкѣ представляетъ сестра ея, Вѣра. Съ твердой волей, самообладаніемъ, громаднымъ умомъ и бурными страстями, эта дѣвушка, поразительной красоты, не имѣетъ ничего общаго съ окружающей средою. Чуждая ея понятій, ея старыхъ формъ, царствуя безраздѣльно въ своемъ внутреннемъ мірѣ, Вѣра встрѣчается съ нѣкіимъ Маркомъ Волоховымъ, „апостоломъ новыхъ идей", внимаетъ новымъ и соблазнительнымъ словамъ его ученія и увлекается имъ.

Въ имѣніе къ бабушкѣ и красавицамъ, своимъ троюроднымъ сестрамъ, въ это время пріѣзжаетъ наслѣдственный владѣлецъ имѣнія Малиновки, Райскій. Райскій—художникъ, писатель и въ то-же время несносный резонеръ, заказывающій себѣ страсти баринъ. „Неудачникъ" — какъ отозвался о немъ Маркъ Волоховъ. Райскій, постоянно влюбляющійся, плѣняется Вѣрой и преслѣдуетъ ее всюду, хотя та съ своей стороны смотритъ на него только съ снисхожденіемъ. Въ одно изъ своихъ ночныхъ свиданій съ Волоховымъ, въ бесѣдкѣ на краю оврага, Вѣра падаетъ въ его объятія. Но этотъ проступокъ, этотъ мигъ, моментально освобождаетъ Вѣру отъ любви ея и охватываетъ ее ужасомъ содѣяннаго. Изъ дѣвушки необычайно сильной воли, властвовавшей надъ всѣми, Вѣра превращается въ плачущую, кающуюся грѣшницу и обѣщающуюся исправиться. Бабушка отъ ея признанія приходитъ въ совершенное отчаяніе. Она не проклинаетъ Вѣры,—напротивъ: самый фактъ паденія представляется бабушкѣ въ религіозномъ освѣщеніи, она видитъ въ немъ наказаніе свыше за прегрѣшенія отцовъ и впадаетъ въ какой-то сомнамбулизмъ. Практически-умная, сурово-важная и вмѣстѣ нѣжная и любящая бабушка стала неузнаваема, мирное царство ея рушилось; съ растрепанными волосами, съ наброшенной на плечи турецкою шалью, какъ бронзовый монументъ, встала она съ пьедестала, двинулась, крупно шагая, и понеслась по полю, лѣсу, спускалась къ обрыву, приходила въ бесѣдку съ своей ношей бѣды. Такъ описываетъ г. Гончаровъ горе бабушки, ея терзаніе и раскаяніе за собственный давнишній, но не забытый грѣхъ. Райскій страдаетъ за обѣихъ женщинъ; онъ кидается отъ Вѣры къ бабушкѣ, отъ бабушки къ Вѣрѣ. Здоровый и крѣпкій организмъ Вѣры не выдерживаетъ нравственныхъ мученій—она слегла. Въ одно изъ посѣщеній больной бабушка дѣлаетъ признаніе Вѣрѣ, что на ея совѣсти лежитъ подобный же грѣхъ. Онѣ просятъ другъ у друга прощенія и между ними установилась съ этого момента исповѣди, тѣсная и безмолвная связь. Прежде глубоко пряча отъ всѣхъ свои тайны, чуждаясь общества, Вѣра почувствовала себя теперь жалкой и протянула какъ младенецъ свои руки къ людямъ, она начала искать ихъ помощи и на всѣ записки, присылаемыя Волоховымъ, на его предложеніе вѣнчаться, она отвѣчала чрезъ своего сосѣда и друга дома Тушина, что не обернется болѣе на зовъ Марка и просила только оставить ее. Вѣра приходитъ къ убѣжденію, что ей надобно быть въ свою очередь бабушкой, отдать свою жизнь другимъ и путемъ долга, нескончаемыхъ жертвъ и труда начать новую жизнь, непохожую на ту, которая ее стащила на дно обрыва. Она начала уходить въ домашнія хлопоты и заботливо работала надъ приданымъ сестры Марфиньки, выходящей замужъ за такого же простого, добраго человѣка, какъ и она сама—Викентьева. Затѣмъ Вѣра и бабушка уѣзжаютъ гостить къ Викентьеву и обѣщаютъ провесть нѣкоторое время у Тушина, въ которомъ молва, и весьма вѣроятная, уже предполагаетъ видѣть впослѣдствіи жениха Вѣры, тогда, когда, по замѣчанію бабушки, она оцѣнитъ и пойметъ его. Райскій, забравъ свои кисти, краски и перья уѣзжаетъ въ Римъ. Маркъ Волоховъ поступаетъ въ юнкера и отправляется на Кавказъ. Для характеристики героини романа г. Гончарова, Вѣры, которую художникъ И. Пановъ изобразилъ на приложенномъ въ этомъ № „Нивы" рисункѣ, возьмемъ нѣсколько строкъ изъ сцены послѣдняго свиданія ея съ Маркомъ Волоховымъ.

Оно произошло въ день рожденія Марфиньки, когда новый домъ въ имѣніи Райскаго сіялъ огнями. Вѣра съ семи часовъ вечера сидѣла въ бездѣйствіи, сначала въ сумеркахъ, потомъ при слабомъ огнѣ одной свѣчи, облокотясь на столъ и положивъ на руку голову, другой рукой она задумчиво перебирала листы лежавшей передъ ней книги, въ которую не смотрѣла. Спустя полчаса, она медленно встала и начала закрывать окно, и только затворила одну половину, какъ среди тишины раздался подъ горою выстрѣлъ. Она вздрогнула, быстро опустилась на стулъ и опустила голову. Потомъ встала, глядя вокругъ себя, мѣняясь въ лицѣ, шагнула къ столу, гдѣ стояла свѣча и опять остановилась. Наконецъ она отворила шкафъ, опять затворила, сѣла; увидѣла висѣвшую на стѣнкѣ стула пуховую косынку, набросила ее, снова отворила шкафъ и стала стаскивать съ вѣшалокъ то одно, то другое пальто. Бросилась къ свѣчѣ, задула ее и скользнувъ изъ двери, не заперевъ ея, неслышными шагами спустилась съ лѣстницы. По окраинѣ двора Вѣра вошла въ аллею сада; изъ сада, перейдя канаву вошла въ рощу и начала спускаться къ обрыву. Передъ ней въ это время какъ изъ земли выросъ Райскій. Куда, Вѣра? спросилъ онъ ее. Она молчала. Райскій взялъ ее за руку и началъ звать ее назадъ. „Туда... въ послѣдній разъ: свиданіе необходимо — проститься — шептала она со стыдомъ и мольбой. Пустите меня, братъ". Райскій не хотѣлъ выпустить ея руку; между ними завязалась борьба. „Вы не сладите со мной", говорила Вѣра, сжимая губы и съ неестественной силой вырывая руку. Онъ схватилъ ее за талію и усадилъ на скамью. „Мнѣ нужно видѣться и я увижусь,—рѣшительно сказала Вѣра,—часомъ или днемъ позже—все равно. Всю дворню, весь городъ зовите, хоть роту солдатъ: ничѣмъ не удержите". Но сильныя руки Райскаго ее не выпускали. „Братъ,—заговорила Вѣра чрезъ минуту, нѣжно кладя ему руку на плечо,—если когда нибудь вы горѣли какъ на угольяхъ, умирали сто разъ въ одну минуту отъ страха, отъ нетерпѣнія—когда счастіе просится въ руки и ускользаетъ... и ваша душа просится вслѣдъ за нимъ. Припомните, братъ, такую минуту... Она умоляла его и грозила ему; потомъ бросилась къ обрыву, но упала, торопясь уйти, чтобы Райскій опять не задержалъ ее. Выстрѣлъ раздался уже въ третій разъ. Вѣра протянула руки къ обрыву и глядѣла умоляющими глазами на Райскаго. Блѣдный, дрожащими руками, поднялъ ее Райскій, снесъ съ крутизны и поставилъ на отлогомъ мѣстѣ на дорожкѣ. Вѣра быстро повернулась къ нему, обдала его всего широкимъ взглядомъ изступленнаго удивленія, благодарности—вдругъ опустилась на колѣни, схватила его руку и крѣпко прижала къ губамъ. „Братъ! вы великодушны. Вѣра не забудетъ этого! сказала она и, взвизгнувъ отъ радости, какъ освобожденная изъ клѣтки птица, бросилась въ кусты. Въ полуразвалившейся бесѣдкѣ ждалъ Маркъ. На столѣ лежало ружье и фуражка. Самъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ доскамъ. Когда онъ ступалъ на одинъ конецъ доски, другой привскакивалъ и падалъ со стукомъ. „О чортова музыка!" съ досадой на этотъ стукъ сказалъ онъ и сѣлъ на одну изъ скамей близь стола, положилъ локти на столъ и впустилъ обѣ руки въ густые волосы. Маркъ ждалъ и былъ взволнованъ. Сдѣлавъ послѣдній третій выстрѣлъ, онъ прислушался минутъ семь, взялъ свое ружье и уже хотѣлъ уйти, какъ вдругъ столкнулся съ Вѣрой. „Еще недавно, Вѣра, вы были такъ аккуратны: мнѣ не приходилось тратить пороху на три выстрѣла, сказалъ онъ.

— Упрекъ—вмѣсто радости! отвѣчала она, вырывая у него свою руку.

— Это я такъ только, чтобы начать разговоръ: а самъ одурѣлъ совсѣмъ отъ радости, какъ Райскій.

— Не похоже! Если бы было такъ, мы не видѣлись бы украдкой въ обрывѣ.. Боже мой!.. Она перевела духъ.

— А сидѣли бы рядкомъ тамъ, у бабушки за чайнымъ столомъ и ждали бы когда насъ обвѣнчаютъ"!

Библиотека "Руниверс"

Между Маркомъ и Вѣрой поднимается споръ о постоянной и непостоянной любви, о признаніи и отрицаніи церковнаго брака. Маркъ зоветъ Вѣру ѣхать съ нимъ, проситъ ее отдаться ему, не связывая себя никакими клятвами и обѣщаніями, и когда Вѣра спрашиваетъ его, чтожь будетъ потомъ, если она уѣдетъ съ нимъ, если его вдругъ „потянетъ" въ другую сторону, и онъ уйдетъ, оставивъ ее, какъ вещь...—Отчего какъ вещь? говоритъ Маркъ, можно разстаться друзьями". — „Прощайте, Маркъ! блѣднѣя сказала ему на это Вѣра. Я рѣшила. Вы никогда не дадите мнѣ того счастья, какого я хочу. Для счастья не нужно уѣзжать: оно здѣсь... Дѣло кончено.

— Да—скорѣе же вонъ отсюда. Прощайте Вѣра... говорилъ и Маркъ не своимъ голосомъ.

И оба встали съ мѣста, оба блѣдные, старались не глядѣть другъ на друга. Въ темнотѣ Вѣра искала ступеньки ногой. Маркъ шагнулъ изъ бесѣдки прямо на землю, подалъ ей руку и помогъ сойти. Оба пошли молча по дорожкѣ, все замедляя шагъ, какъ будто чего-то другъ отъ друга дожидая. Обоихъ мучила одна и та-же мысленная работа: изобрѣсть предлогъ замедленія. Они долго шли до того мѣста, гдѣ ему надобно было перескочить черезъ низенькій плетень на дорогу, а ей взбираться между кустовъ, по тропинкѣ на гору, въ садъ.

„Еще прыжокъ: плетень и канава скрыли бы ихъ другъ отъ друга навсегда. За оградой разсудокъ и воля заговорятъ сильнѣе и одержатъ окончательную побѣду. Онъ обернулся. Вѣра стоитъ у подъема на крутизну, какъ будто не можетъ взойти на нее... Наконецъ она сдѣлала, съ очевиднымъ утомленіемъ, два,-три шага и остановилась. Потомъ... тихо обернулась назадъ и вздрогнула. Маркъ сидѣлъ еще на плетнѣ и глядѣлъ на нее... „Маркъ, прощай" вскрикнула она и сама испугалась собственнаго голоса: такъ было въ немъ много тоски и отчаянія. Маркъ быстро перекинулъ ноги назадъ, спрыгнулъ и въ нѣсколько прыжковъ очутился подлѣ нея. „Побѣда! побѣда! вопило въ немъ. Она возвращается, уступаетъ!"

— Вѣра! произнесъ и онъ такимъ голосомъ, какъ будто простоналъ.

— Ты воротился... навсегда?.. Ты понялъ наконецъ... о, какое счастье!.. Боже, прости!..

Она не договорила.

Она была у него въ объятіяхъ. Поцѣлуй его зажалъ ея вопль. Онъ поднялъ ее на грудь себѣ и опять, какъ звѣрь, помчался въ бесѣдку, унося добычу...

Боже, прости ее, что она обернулась"!..

Тотчасъ же за этимъ свиданіемъ послѣдовало раскаяніе со стороны Вѣры, какъ читатель уже знаетъ изъ вышеизложеннаго.

Л.

Къ рисункамъ.

Царскосельскій садъ и цвѣтникъ Государыни Императрицы.

Въ получасовомъ разстояніи отъ Петербурга существуетъ уединенная прелестная мѣстность, гдѣ каждый изъ столичныхъ жителей можетъ съ наслажденіемъ провесть нѣсколько пріятныхъ часовъ—вдыхая чистый, живительный воздухъ, любуясь живописными видами и предаваясь на каждомъ шагу новымъ историческимъ воспоминаніямъ. Эта прелестная мѣстность—царскосельскій садъ съ его дворцами и множествомъ различнаго рода затѣйливыхъ украшеній и декоративныхъ построекъ. Чтобы прослѣдить весь рядъ усилій науки и искусства для преобразованія этой бѣдной, болотистой, покрытой лѣсомъ мѣстности въ богатую и роскошную лѣтнюю резиденцію нашихъ Государей, нужно было бы посвятить этому предмету чуть-ли не цѣлую книгу, а посему, стѣсненные узкими рамками нашего журнала, мы ограничиваемся лишь самыми крупными и замѣтными фактами изъ исторіи развитія и совершенствованія Царскаго Села. Извѣстно, что во времена Петра Великаго здѣсь находилась убогая и самая скромная по размѣрамъ шведская мыза Саари, которую онъ и подорилъ въ 1708 г. своей любимой супругѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. До самаго 1718 года, то есть до того времени, когда уже начали воздвигать каменныя палаты, Екатерина занимала эту мызу, живя въ *шести* комнатахъ и пользуясь скромнымъ садикомъ и теплицей. 6-го августа 1724 года происходило торжественное освященіе каменныхъ палатъ, въ которыхъ толпилось въ тотъ день множество высшей знати, приглашенной сюда на великолѣпный праздникъ, до которыхъ Петръ былъ такой охотникъ. По смерти Петра Саарская мыза на время опустѣла, и по воцареніи Елизаветы Петровны снова стала любимымъ мѣстопребываніемъ двора. Императрица предавалась здѣсь на свободѣ охотѣ и другимъ различнымъ потѣхамъ. Здѣсь она выстроила въ 1744 году роскошный дворецъ, по плану знаменитаго тогда архитектора Растрелли, постройка котораго въ продолженіи 9 лѣтъ обошлась до 800,000 рублей. Дѣйствительно, дворецъ былъ сооруженъ съ замѣчательнымъ великолѣпіемъ и вкусомъ; особенно богато было внутреннее убранство комнатъ, обитыхъ штофомъ и украшенныхъ позолотой и прекрасною живописью, надъ которою трудились извѣстные въ то время придворные художники: Караваки, Валеріано, Градиціо и другіе. Явились цѣлыя зала, убранные въ японскомъ и китайскомъ вкусѣ; одна комната вся украшена различными раковинами на подобіе грота и другая обложена цѣннымъ янтаремъ. Елизавета же выстроила красивое зданіе—Эрмитажъ, внутри котораго находится залъ съ механическими столами, дающими возможность при бывающихъ здѣсь обѣдахъ совершенно обходиться безъ прислуги, такъ какъ всѣ блюда и все нужное къ столу поднимается снизу. Но какъ бы не было замѣчательно все сооруженное здѣсь Елизаветой Петровной, все таки царскіе сады, которымъ положилъ начало еще Петръ Великій, насадивъ здѣсь нѣсколько аллей, всецѣло обязаны своей роскошной обстановкой Императрицѣ Екатеринѣ II, старавшейся сдѣлать изъ своей лѣтней резиденціи нѣчто подобное пользовавшемуся тогда всемірною извѣстностью саду Версаля и слѣдовавшей въ этомъ случаѣ совѣтамъ такихъ знатоковъ придворной роскоши и утонченнаго вкуса того времени, каковы были графъ Сегюръ и маркизъ де-Линь. Подъ личнымъ руководствомъ Императрицы знаменитый Бушъ превратилъ правильные сады въ англійскіе, а инженеръ Бауеръ, проводя въ нихъ воду изъ Тенцы, далъ послѣ возможность устроить великолѣпные пруды и каскады. Императрица какъ будто хотѣла въ этихъ садахъ, посредствомъ обелисковъ и памятниковъ, увѣковѣчить для потомковъ разныя знаменитыя событія своего славнаго царствованія и поэтъ, прогуливаясь въ царскихъ садахъ и обращаясь мыслію къ великой монархинѣ, могъ сказать съ полною справедливостью:

„И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды,
Еще исполнены великою женою
Ея любимые сады.

Дѣйствительно эти сады еще живо напоминаютъ собою вѣкъ Екатерины, ея знаменитыя побѣды надъ непокорной Портой; вся блестящая хроника ея борьбы съ этимъ исконнымъ врагомъ Россіи здѣсь во-очію представлена въ многочисленныхъ обелискахъ и памятникахъ. Такъ, близъ Греческаго храма возвышается *обелискъ Кагульскій*, сооруженный въ 1771 году въ память побѣды одержанной Румянцевымъ надъ турками въ Молдавіи 21 іюля 1770 года. Далѣе вы встрѣчаете руины древняго, рыцарскаго замка съ высокой башней и нависшими сводами, изъ которыхъ на одномъ видна надпись: „Положенъ въ день объявленія войны съ Турціей". Тутъ же неподалеку, посреди волнъ озера, возвышается *колонна Чесменская*, стоящая на гранитномъ подножіи, а на вершинѣ ея орелъ широко распростеръ свои могучія крылья. Тамъ и сямъ, всюду встрѣчаются различныя колонны въ память знаменитыхъ морскихъ побѣдъ того времени. Кромѣ того Екатерина какъ будто желала собрать въ своемъ любимомъ саду образчики архитектуры всѣхъ странъ свѣта и сдѣлать изъ него маленькій мірокъ. Здѣсь, налюбовавшись памятниками классической древности, напр., храмомъ Аполлона съ круглымъ портикомъ и величественнымъ куполомъ, вдругъ вступаете въ область неподвижнаго Китая и передъ вашими глазами возстаетъ рядъ причудливыхъ домиковъ съ красиво загнутыми крышами и жолобами, представляющими драконовъ, крокодиловъ и змѣй. На берегу же одной изъ рѣчекъ высится громадная пагода. Въ одномъ изъ домиковъ китайской деревни жилъ въ одно время Карамзинъ, когда писалъ свою исторію Россійскаго государства.

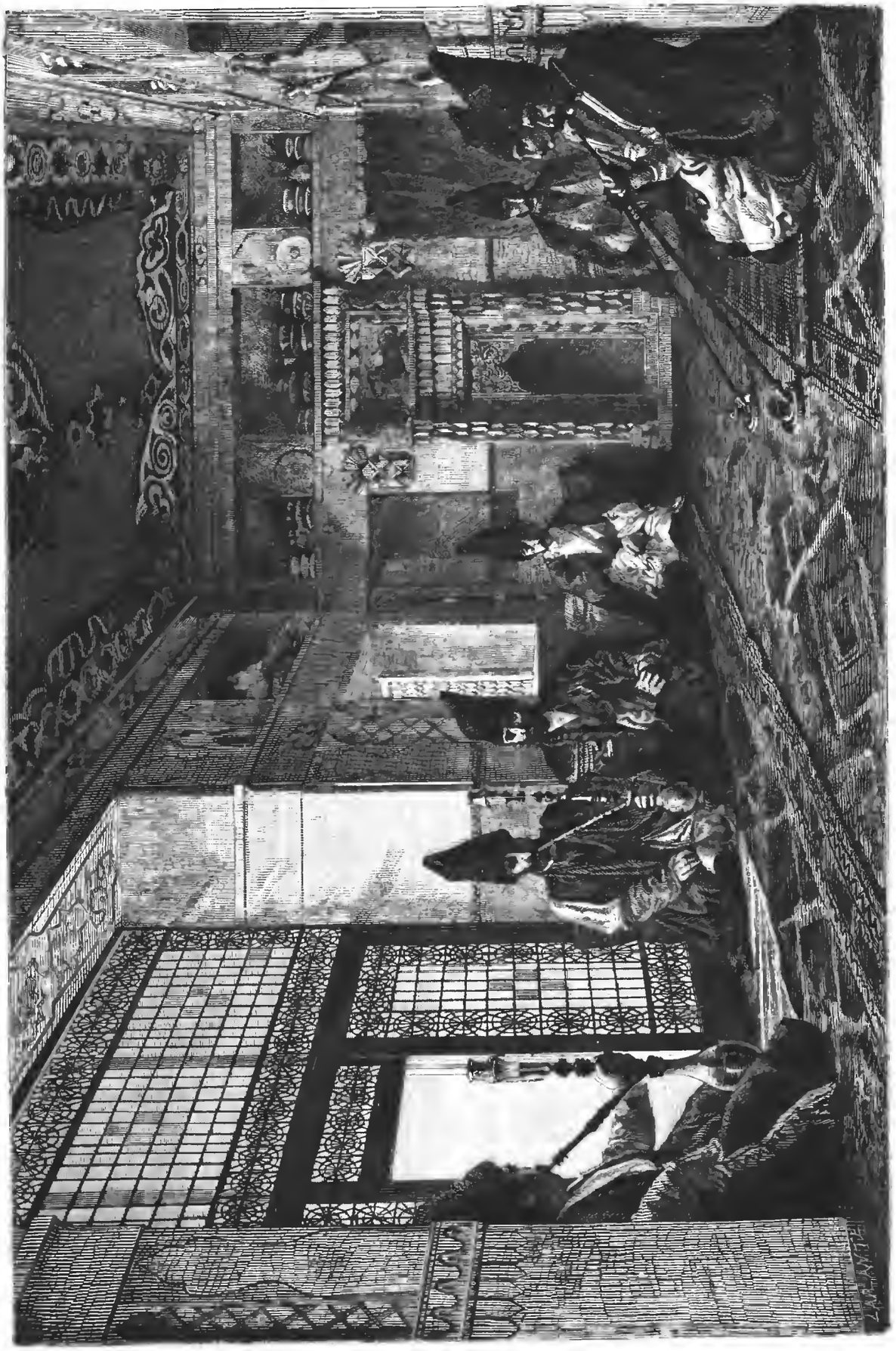
Неподалеку отъ храма Аполлона стоитъ турецкій кіоскъ, весь окруженный водою и убранный внутри съ чисто восточною роскошью. Этотъ Кіоскъ былъ построенъ въ память отъѣзда Рѣпнина посломъ въ Константинополь.

Но создавая разные декоративные домики и обелиски, Екатерина II сооружала въ любимыхъ своихъ садахъ и капитальныя постройки. Такъ, она прибавила ко дворцу боковые корпуса и построила великолѣпную іоническую колоннаду, которая называется колоннадою Камерена, по имени ея строителя. Отпраздновавъ торжественно помолвку своего внука Александра, Императрица, не теряя времени, принялась готовить помѣщеніе для будущихъ молодыхъ и поручила Ворренги составить планъ новому Александровскому дворцу, оконченному въ 1794 году, замѣчательному по легкости, простотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ изяществу своей архитектуры. Этотъ дворецъ былъ любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Императора Николая, и здѣсь на его глазахъ, 29-го іюня 1849 года, скончалась въ цвѣтѣ молодости обожаемая имъ дочь Великая Княгиня Александра Николаевна. Въ память ея во дворцѣ устроена часовня, а въ саду на томъ мѣстѣ, гдѣ она обыкновенно кормила лебедей, поставленъ памятникъ съ ея изображеніемъ. На нашемъ рисункѣ представленъ роскошный цвѣтникъ Государыни Императрицы, находящійся при Александровскомъ дворцѣ; публика не допускается въ этотъ прелестный уголокъ сада, гдѣ среди множества пахучихъ цвѣтовъ и при журчаніи водомета, цар-

Библиотека "Руниверс"

Цвѣтникъ Государыни Императрицы при Царскосельскомъ дворцѣ. Съ фотогр. А. Шульца рис. А. Ванюра, грав. Куренко.

Библиотека "Руниверс"



Залъ въ богатомъ домѣ въ Шушѣ. (Въ Южномъ Кавказѣ). Рис. Лапланть, грав. Шапонъ.

Библиотека "Руниверс"

ственная семья пользуется ничѣмъ невозмутимымъ покоемъ, въ самомъ тѣсномъ кружкѣ лицъ ей дорогихъ и близкихъ.

Въ заключеніе нашей статейки напомнимъ читателямъ, что здѣсь, въ царскосельскихъ садахъ, незабвенный нашъ поэтъ Пушкинъ, по его собственному сознанію, слагалъ первые свои стихи и среди этой живой мѣстности въ первый разъ посѣтило его вдохновеніе.

„Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при крикахъ лебединыхъ,
Близь водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ—

Такъ говоритъ онъ, вспоминая о Царскомъ Селѣ,—тихой обители его счастливой молодости.

Н.

Полевки.

Полевки — маленькое животное изъ семейства грызуновъ. Звѣрька этого не слѣдуетъ смѣшивать съ мышами, хотя часто полевка называютъ полевою мышью. Дѣйствительно, съ перваго взгляда, по внѣшнему виду, сходство полевокъ съ нашими подпольными непріятелями можетъ ввести въ заблужденіе даже сельскаго хозяина, но если поближе ознакомиться съ полевкой, то нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ особенностей, какъ во внѣшности ея, такъ и въ устройствѣ зубовъ, что и выдѣляетъ ее изъ разряда *всеядныхъ* грызуновъ. Она принадлежитъ къ травоядным и зерноядным животнымъ, каковы, напр., зайцы, кролики, сурки, бѣлки и т. п. Длина полевки около четырехъ дюймовъ (на хвостъ идетъ 2½ дюйма); головка велика, непропорціональна съ туловищемъ, а мордочка нѣсколько тупа, что придаетъ особенную силу челюстямъ. Рѣзцы верхней челюсти подлиннѣе рѣзцовъ нижней и служатъ полевкѣ главнымъ орудіемъ ея полеваго грабежа. Ушки довольно коротки и запрятаны въ густой шерсти, такъ что земля, обваливающаяся при рытьѣ норки, не можетъ попасть въ нихъ; глаза у полевки такіе блестящіе, живые, а лапки, вооруженныя крѣпкими, загнутыми внизъ когтями, служатъ ей надежными лопаточками, которыми она чрезвычайно ловко, проворно роетъ землю. Мѣхъ на спинкѣ густой желтовато-бураго цвѣта, на брюхѣ—шерстка бѣловатая. Вотъ характеристическіе признаки, отличающіе полевку отъ домовой мыши, обитательницы подваловъ, погребовъ, словомъ подпольнаго царства. Мышь чувствуетъ себя хорошо въ тяжелой атмосферѣ этого царства, а полевка, напротивъ, любитъ чистый воздухъ, воздухъ полей и лѣсовъ. Звѣрекъ этотъ во множествѣ водится во всѣхъ странахъ Европы, даже на сѣверѣ Россіи живетъ онъ, не смотря на царствующіе тамъ холода, и питается сѣменами дикихъ растеній. Зная всѣ преимущества свободы, привольной жизни, полевки никогда не забѣгаютъ въ жилище человѣка, даже въ зимнюю пору, когда стужа выгоняетъ ихъ изъ норокъ; спасаясь отъ морозовъ, онѣ цѣлыми батальонами отправляются въ лѣса, гдѣ и остаются на зимнихъ квартирахъ до наступленія теплаго времени года.— Главный врагъ полевокъ—вода, которая, скопляясь вслѣдствіе таянія снѣговъ и отъ проливныхъ дождей, истребляетъ разомъ массы этихъ маленькихъ животныхъ, и это, конечно, большое благо, потому что во время засухи полевокъ расплодается такое громадное количество, что онѣ становятся однимъ изъ страшнѣйшихъ бичей земледѣлія. Самка сразу мечетъ до *двѣнадцати* дѣтенышей, такъ что осенью (если лѣто выдалось сухое) число этихъ звѣрьковъ, опустошителей нивъ, доходитъ до нѣсколько десятковъ тысячъ. Послѣ франко-прусской войны поля Шампани сильно пострадали отъ нашествія этого новаго непріятеля, который опустошилъ тамъ пространство въ 40 квадратныхъ миль.—Когда полевки поселятся въ хлѣбномъ полѣ, то уже *настоящимъ* владѣльцемъ его являются онѣ, а не арендаторъ или хозяинъ поля. Обзаведясь надежными норками въ землѣ, тварь эта крѣпко стоитъ за свои владѣнія, и ее ничѣмъ не выгонишь оттуда; чтобы помѣшать полевкамъ опустошить поле—самому хозяину пришлось-бы опустошить его—иначе невозможно истребить эту злокачественную гадину. Какъ только зерно начинаетъ наливаться—полевка подрѣзываетъ хлѣбной стебель у самаго корня, затѣмъ часть колоса съѣдаетъ тутъ-же, на мѣстѣ, а остатки уноситъ въ свои кладовыя. Такимъ образомъ, полевки собираютъ жатву въ свою пользу, предупреждая земледѣльца, потрудившагося въ потѣ лица своего. Бывали случаи, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ опустошенія, производимыя громаднымъ числомъ этихъ маленькихъ тварей, были причиною голодухи поселянъ. Грабежъ полевокъ продолжается иногда до глубокой осени; алчныя сонмища ихъ набрасываются на только что обсѣмяненныя поля и истребляютъ часть жатвы будущаго года, а затѣмъ, какъ разбойничьи шайки, укрываются въ лѣсахъ. Вредъ, наносимый ими зимою лѣсамъ, также довольно значителенъ: онѣ поѣдаютъ не только орѣхи и желуди, валяющіяся на землѣ, но и вырываютъ запавшія въ почву сѣмена, подрѣзываютъ корни молодыхъ растеній и, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени, препятствуютъ возобновленію, разростанію лѣсовъ.—Вода, проливные дожди отлично истребляютъ полевокъ, но у нихъ есть и другіе неумолимые враги— хищныя птицы, какъ дневныя, такъ и ночныя. Сова, мышеловы, лунь, сорока, воронъ и т. п. животныя поѣдаютъ полевокъ цѣлыми массами, но особенно ночныя птицы ведутъ противъ нихъ ожесточенную войну. Хорекъ, ласка, горностай, кротъ тоже принадлежатъ къ числу свирѣпыхъ враговъ этихъ прожорливыхъ обитателей нивъ. Во время осенней запашки поля (во Франціи) представляется довольно интересное зрѣлище: плугъ, разоряя норки полевокъ, выгоняетъ ихъ оттуда, и тутъ-то начинается истребленіе этихъ грабителей: крестьянскія дѣти преслѣдуютъ бѣгущаго врага и убиваютъ его нещадно цѣлыми сотнями.

Щ.

Битва при Даярѣ, между Зейдекяномъ и Дели-Бабой.

4-го іюня отрядъ генерала Тергукасова разбилъ турецкія войска фирика Махмедъ-паши, въ горахъ между Зейдекяномъ и Дели-Бабой. Турецкія войска были отборныя и защищались упорно; тѣмъ не менѣе отъ напора нашихъ войскъ, турки бѣжали. Битва стоила намъ жертвъ, но и турки понесли большія потери: самъ Махмедъ-паша былъ убитъ въ бою. Но необходимо замѣтить, что разгромъ, постигшій турецкія войска у Дели-Баба, обрушился на передовой отрядъ арміи Мухтаръ-паши, который поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, представившимся ему для нападенія на наши разъединненные отряды. Извѣстно, что во время битвы Тергукасова 4-го іюня, не доходя Дели-Бабы, отрядъ генерала Геймана, наступающій къ Эрзеруму отъ Карса, находился у Меджингерда, т. е. не болѣе 30 верстъ по прямому пути отъ мѣста сраженія. Но не только подать руку Эриванскому отряду въ то время, но даже сойтись съ нимъ онъ не могъ ранѣе Кепри-Кея на Араксѣ, такъ какъ между обоими отрядами нашими на всемъ протяженіи пути ихъ слѣдованія лежатъ горные хребты и теченіе р. Аракса, и только у Кепри-Кея устроенъ на этой рѣкѣ каменный мостъ. Что побѣда Тергукасова 4-го іюня была полная—это не подлежитъ сомнѣнію; но онъ отбросилъ лишь передовыя колонны турецкихъ войскъ, за которыми оказались, или, быть можетъ, подоспѣли отъ Эрзерума, новыя силы, такъ какъ уже 9-го числа на отрядъ генерала Тергукасова обрушивается, близь села Даяръ (въ 22 верстахъ отъ Зейдекяна), Мухтаръ-паша. Онъ двинулся изъ Дели-Бабы, съ цѣлью аттаковать Тергукасова, который, послѣ сраженія 4-го іюня, занялъ сильную позицію на холмахъ, близь Эскиръ-Киліасы, гдѣ и укрѣпился. Въ этотъ же день произошло нѣсколько схватокъ кавалеріи обѣихъ сторонъ. На слѣдующее утро, Мухтаръ-паша, оставивъ въ резервѣ, въ Гордаръ-Корю, подъ начальствомъ Мустафъ-паши (замѣнившаго убитаго Магомедъ-пашу), всю свою полевую артиллерію и 5 батальоновъ, аттаковалъ русскихъ, находившихся здѣсь въ числѣ 10 батальоновъ при 8 полевыхъ орудіяхъ и нѣсколькихъ горныхъ пушкахъ. Непріятель выслалъ стрѣлковъ, которые были оттѣснены къ своему лѣвому флангу, до самыхъ скатовъ и тутъ происходило сильное сраженіе. Турки аттаковали русскія позиціи, но имъ не удалось овладѣть этими позиціями. Русскіе, защитивъ ихъ, аттаковали, въ свою очередь, позиціи турокъ на высотахъ. Сраженіе началось въ 8 часовъ утра и прекратилось только въ 6 часовъ вечера. 10-го іюня Мухтаръ-паша возобновилъ сраженіе. Турки потеряли болѣе 8 тысячъ. Дѣло не разъ доходило до залповъ на близкомъ разстояніи противъ аттакующей кавалеріи, которая ложилась цѣлыми эскадронами передъ фронтомъ нашихъ стрѣлковъ. Потери турокъ доказываются еще и необходимостью допустить ихъ къ уборкѣ тѣлъ своихъ убитыхъ, оставшихся на нашихъ позиціяхъ.

Объ этомъ сраженіи генералъ Тергукасовъ донесъ, что „послѣ дѣла 4-го іюня, войска его отряда были аттакованы 9-го, 20-ю батальонами, при 12 орудіяхъ и 4,500 человѣкъ конницы; бой длился 10 часовъ; непріятель отбитъ, но потери наши значительны: нижнихъ чиновъ убито 51, ранено 363. Въ растянутой позиціи на 5 верстъ, имѣя превосходнаго въ силахъ непріятеля, причемъ высоты лѣваго фланга переходили изъ рукъ въ руки и остались за нами, войска наши выказались въ самомъ блистательномъ видѣ“.

Сраженіе вообще было замѣчательное, особенно по несоразмѣрности силъ.

О.

Генералъ Кемпбелль и г. Норманъ послѣ сраженія при селеніи Даярѣ.

(Закавказскій театръ войны).

Генералъ Кемпбелль,—англійскій военный агентъ въ турецкомъ лагерѣ, на театрѣ настоящей войны въ Малой Азіи. Во время битвы при Даярѣ турки должны были отступить и съ ними— генералъ *Кемпбелль, спасшійся въ этотъ критическій моментъ отъ рукъ нашихъ казаковъ только благодаря быстротѣ своей лошади.* Наши казаки рѣшились уже поймать Кемпбелля „живьемъ“, и рѣшили, что кто доставилъ-бы имъ ненавистнаго англійскаго генерала, того признаютъ они достойнымъ Георгіевскаго креста... Однакожь Кемпбеллъ, хотя и раненый, ускользнулъ. Въ сраженіи, данномъ турками русскимъ при Зейдекянѣ тоже участвовалъ генералъ Кемпбелль и не смотря на то, что былъ въ сильной свалкѣ опять-таки утекъ.

Кемпбелль, однако, какъ извѣстили недавнія телеграммы, послалъ 26 іюля депешу въ Лондонъ, въ которой въ качествѣ

Библиотека "Руниверс"

военнаго англійскаго агента, опровергаетъ *извѣстія о жестокостяхъ*, будто бы совершенныхъ русскими *подъ Ардаганомъ*. И на томъ спасибо! Хотя Кемпбелль долженъ былъ бы, знать, что не смотря на этотъ фактъ, въ добродѣтель подобнаго ему человѣка, какъ-то плохо вѣрится...

Нашъ рисунокъ представляетъ эпизодъ изъ сраженія при Даярѣ, въ тотъ моментъ, когда г. Кемпбелль раненый съ своимъ достойнымъ соратникомъ, капитаномъ Норманномъ, бѣжитъ съ поля сраженія.

Шуша и типы ея жителей.

Шуша—это значительная крѣпость, къ юго-западу отъ Баку, на одной широтѣ съ Сильяномъ недалеко отъ сліянія р. *Куры* съ *Араксомъ*. Крѣпость эта построена на высокой известковой скалѣ, и доступъ въ крѣпость возможенъ только по узкой извилистой тропинкѣ. Шуша принадлежитъ къ завоеванному нами еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія ханству Шарванскому. Къ западу отъ Шуши по рѣкѣ Араксу, лежитъ наша „Русская Арменія", или Эривань, нѣкогда завоеванная графомъ Паскевичемъ.

Населеніе Шуши, какъ и окрестныхъ крѣпостей и городовъ, состоитъ изъ туркоманов, лезгинъ, грузинъ и армянъ, и особенно татаръ. Какъ живописны фигуры и костюмы этого населенія—легко себѣ представить, особенно взглянувъ на прилагаемый здѣсь нами рисунокъ. Ширванское вино, славящееся во всемъ Закавказьѣ, меланхолическая музыка зурны, великолѣпная пляска, исполняемая женщинами, важныя, медленныя бесѣды въ дружескомъ кругу,—вотъ обычное времяпрепровожденіе этого населенія. Всѣ эти типы грузинъ, армянъ, татаръ, съ смуглой кожей и великолѣпнымъ чисто-восточнымъ профилемъ лица и блестящими черными глазами, чрезвычайно близки между собою. Татаринъ здѣсь не тотъ халатникъ, который въ среднихъ губерніяхъ получилъ комическое названіе „князя", а дѣйствительно гордый сынъ своей земли. Драпировавшись величавыми складками своихъ халатовъ сидятъ величавые татары или въ своихъ своеобразныхъ гостинныхъ, или полуразвалясь и осматривая неразлучное съ ними оружіе, дремлютъ подъ тѣнью величественныхъ деревъ,—весьма обычныхъ въ этомъ краѣ Чинаръ.

Татарско-мусульманское населеніе всей этой области, въ пунктахъ *Баку*, *Шуши*, *Джавата*, и *Сальяна*, никогда не было особенно пріязненнымъ къ намъ. Свойственный мусульманству фанатизмъ приводитъ довольно мирное хотя мрачное по характеру татарское населеніе этихъ мѣстъ въ волненіе во время войны. Муллы *), разумѣется, при этомъ стараются разжечь религіозный фанатизмъ, внушая, что религія пророка находится въ опасности отъ гяуровъ (т. е. христіанъ). Такъ и въ нынѣшнюю войну: въ Шушѣ, служащей предметомъ настоящей нашей замѣтки, татары насильно ворвались-было въ арсеналъ и хотѣли завладѣть оружіемъ. Только тогда, когда комендантъ пригрозилъ, что употребитъ въ дѣло пушки, если не разойдутся, толпа татаръ, струсивъ, разошлась. Тѣмъ не менѣе долго еще потомъ муллы втайнѣ проповѣдовали священную войну противъ Россіи. **М.**

Сцена въ Никополѣ во время бомбардированія его нашими войсками.

(Къ наброску англійскаго художника).

Взятіе Никополя было блестящимъ подвигомъ 9-го корпуса нашей арміи. Взятію предшествовало бывшее 13-го и 14 іюля *сильное* бомбардированіе этой крѣпости, принудившее жителей города поспѣшно *бѣжать*. 3 (15) іюля наши войска двинулись противъ турокъ, расположенныхъ передъ укрѣпленіями города. Турецкіе батальоны вскорѣ обратились въ бѣгство; но турецкіе отряды, спѣшившіе на помощь съ юга, успѣли еще укрыться во внутренніе укрѣпленія Никополя. Однакожь въ ночь на 4 (16) іюля Никополь былъ уже окончательно обложенъ.

На прилагаемомъ рисункѣ изображена сцена внутри Никополя, во время бомбардированія, которое всѣ иностранные корреспонденты называютъ сильнымъ. Вотъ съ адскимъ трескомъ лопаются гранаты, летятъ осколки, рушатся жилища, случайныя жертвы смерти валяются по улицамъ. Громадныя толпы народа бросаются во всѣ стороны, не зная, гдѣ искать спасенія. Бомбардированіе города, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, кончилось тѣмъ, что коменданты крѣпости, паши: Ахметъ и Гассанъ, вмѣстѣ съ шестью тысячами гарнизона сдались на капитуляцію. **Стр.**

Политическія и военныя извѣстія.

Если послѣ бывшихъ до сихъ поръ неудачъ при аттакахъ Плевны и большихъ потеряхъ понесенныхъ нами, европейскія газеты ждали «громадныхъ послѣдствій», во всякомъ случаѣ неблагопріятныхъ для насъ, для общаго результата войны,—то не таково было и есть убѣжденіе каждаго истинно-русскаго. Мы не ждали и не ждёмъ никакихъ другихъ послѣдствій для праваго и святого дѣла, кромѣ «благопріятныхъ», ибо въ противномъ случаѣ нарушился бы высшій нравственный законъ, несомнѣнно управляющій мировыми событіями. Какъ! послѣ совершенныхъ нами усилій для улучшенія быта нашихъ братьевъ—дикая орда снова налеглабы на нихъ всею тяжестью и вновь стала бы совершать свою дикую оргію новымъ вырѣзываніемъ цѣлыхъ селеній? Подобное предположеніе дико, невѣроятно!... А между тѣмъ оно такъ и проглядывало во многихъ статьяхъ европейскихъ (т. е. венгерскихъ по духу и направленія) газетъ прошлой недѣли. Говорили, что и арміи-то нашей существуютъ на Дунаѣ только жалкіе остатки, изнуренные, измученные, но что у турокъ, напротивъ, есть какіе то побѣдоносные планы, благодаря которымъ они нанесутъ намъ окончательный ударъ!...

Намъ уже случалось говорить въ нашихъ обозрѣніяхъ нѣсколько разъ и прежде,—что какъ бы ни были тяжелы для насъ въ настоящую войну наши жертвы и потери, эта тяжесть неповліяетъ на окончательный результатъ и на разрѣшеніе взятой нами на себя задачи. Такія задачи не разрѣшаются скоро и легко; они требуютъ громадной, дорогой цѣны—человѣческой крови—какъ всякая задача, имѣющая въ виду интересы культуры, гуманности, равноправія. Тутъ нужно бороться и съ окаменѣвшими убѣжденіями такихъ крѣпкоголовыхъ людей, которымъ, какъ говорится, «хоть колъ на головѣ тѣши». Попробуйте растолковать, напримѣръ равнымъ Биконсфильдамъ, что христіанскій элементъ Турціи—ни сколько не низшая въ человѣчествѣ раса и не должна быть порабощенною ради процвѣтанія Турецкой имперіи... Нѣтъ, ни за что не измѣните убѣжденій людей подобнаго рода... Вотъ дѣло и рѣшается желѣзомъ и кровью... Но и при «кровавомъ» рѣшеніи вопроса есть же вѣдь задачи сравнительно болѣе легкія, по меньшей сложности противодѣйствующихъ элементовъ. Объединить, напримѣръ, Германію «желѣзомъ и кровью» было легче, потому что, за исключеніемъ юга и нѣкоторыхъ другихъ областей нѣмцы не противились объединенію даже подъ *гегемоніей* (главенствомъ) Пруссіи, потому что это все-таки лучше, чѣмъ быть разрозненными. О франко-прусской войнѣ нечего и говорить. Нелѣпую шовинистскую выходку Наполеона III, желавшаго напомнить міру дѣла своего «дяди» раздавить было нетрудно. Задача разрѣшилась просто, оттого при всей громадности пролитой крови и ужасныхъ соединенныхъ съ нею бѣдствій франко-прусская война въ культурномъ отношеніи все-таки ничтожна. Отъ того-то она и кончилась такъ быстро!..

Мы привели эти примѣры, чтобы рельефнѣе показать, что принятая нами на себя великая задача не можетъ быть рѣшена быстро, по многочисленности и сложности противудѣйствующихъ ей элементовъ. Несчастіе восточнаго вопроса въ томъ и состоитъ, что всякое изъ европейскихъ государствъ считаетъ его въ извѣстной мѣрѣ *своимъ* вопросомъ и готово сейчасъ предложить *свой* рецептъ для его освобожденія. Мы понимаемъ его какъ освобожденіе, полное и безусловное, нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ отъ турецкаго ига. Въ искренность нашей цѣли намъ не вѣрятъ. Можетъ-ли быть такая идеальная цѣль, въ практическій XIX вѣка? А раздѣлъ турціи? А Константинополь?... Будто ужь вы такъ безкорыстны... и откажетесь?... говорятъ намъ. Изъ этого и объясняется радость разныхъ европейскихъ лицемѣровъ, по поводу нашихъ неудачъ...

Какъ бы то ни было,—мы тѣмъ и начали, что, въ общемъ, у насъ есть въ предпринятомъ дѣлѣ *успѣхъ*, съ самаго начала войны неослабѣвавшій ни на минуту. Этотъ успѣхъ—непоколебимая вѣра всего русскаго народа въ правоту дѣла... Оттого-то и наши бывшія неудачи запечатлѣны героизмомъ и нисколько не произвели унынія ни въ общей массѣ войскъ, ни въ народѣ. Массы добровольцевъ изъявили желаніе, по поводу сдѣланнаго на дняхъ призыва, поступить въ ополченіе. И вѣсть о новыхъ успѣхахъ русскаго оружія не произведетъ впечатлѣнія неожиданности потому что мы всѣ вѣрили и вѣримъ мужеству и самоотверженію родныхъ войскъ, предводимыхъ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что событія въ Дунайской Долинѣ примутъ скоро новый энергическій оборотъ, предрѣшить который трудно. Для нѣкотораго, однако пониманія возможныхъ операцій, окинемъ бѣгло расположеніе войскъ обѣихъ воюющихъ сторонъ на Дунаѣ, за прошлую недѣлю.

Положеніе наше, а равно и противостоящихъ намъ турецкихъ силъ за Дунаемъ, представлялось за прошлую недѣлю приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: послѣ неудавшейся намъ послѣдней плевнинской аттаки, турки подъ командою Османа-паши, занимаютъ *Плевно* и *Ловчу*; юго-восточнѣе, между *Шумлою* и *Разградомъ*, находятся силы главнокомандующаго турецкою арміей Мегемета-Али, на югѣ находится армія Сулеймана-паши, до сихъ поръ безуспѣшно стремящагося стянуть и сконцентрировать свои силы, чтобы воспрепятствовать нашему движенію за Балканы; но генералъ Гурко рѣшилъ во что бы то ни стало

*) Т. е. татарскія духовныя лица.

Библиотека "Руниверс"

разбить армію Сулеймана по частямъ. Наконецъ въ Добруджѣ, границею, до которой безусловно проникли силы генерала Циммермана, все еще и теперь нужно считать *Кюстенжи-Черноводы*. Самый южный пунктъ въ Добруджѣ, котораго достигали наши колонны—это *Базарджикъ*. Затѣмъ, вообще, расположеніе нашей арміи за Дунаемъ можно опредѣлить полукругомъ, который, начинаясь у *Никополя*, проходитъ черезъ *Черкескій* и *Тырново* и оканчивается у берега рѣки Ломъ. Подкрѣпленія къ нашей арміи идутъ безпрерывно. Недавно наши войска заняли *Сельви*, (къ юго-востоку отъ Ловчи, и хотя послѣднюю Османъ-паша до сихъ поръ повидимому держитъ въ своихъ рукахъ твердо, но такъ какъ армія Османа-паши, по послѣднимъ извѣстіямъ, заслуживающимъ довѣрія, страшно истощена и разстроена, такъ что въ ней насчитывается только 40,000 челов. годныхъ къ бою, то слѣдовательно и эту позицію нельзя считать прочною для турокъ. Съ другой стороны о турецкихъ военныхъ планахъ извѣстно изъ послѣднихъ телеграммъ что Мегметъ-Али и Османъ-паша стараются образовать изъ *Разграда* *) и *Плевны* сильно укрѣпленныя фланговыя позиціи; Сулейманъ же паша будетъ стараться отбросить русскихъ за Балканы и занять центръ расположенія турецкихъ войскъ между *Разградомъ* и *Плевной*. Исполненіе этого турецкаго плана зависитъ отъ того, гдѣ сосредоточатся наши русскія силы.

Весьма интересно посмотрѣть, какіе фокусы употребятъ турецкіе полководцы для исполненія своего обширнаго плана, ибо предполагаемыя нашимъ главнокомандующимъ операціи противъ Рущука и Шумлы какъ разъ разрушаютъ этотъ планъ. Въ дополненіе прибавимъ, что изъ Константинополя получена газетою «Tagblatt» повидимому вздорная и хвастливая телеграмма, сообщавшая, что наши войска совершенно очищаютъ южную сторону Балкановъ (?) и отступаютъ черезъ проходъ Шипки. Насколько тутъ правды — увидимъ вскорѣ. До сихъ поръ было извѣстно, что турки взяли у насъ *Ени-Зегру* и *Казанлыкъ*

Что касается Закавказскаго театра войны, то изъ Тифлиса сообщаютъ газетѣ «Presse», что 3-го августа (по нов. стилю) 9 русскихъ дивизій перешли въ наступленіе въ Арменіи и заняли *Ани*, *Магасбери* и *Дигоръ*, и что правое крыло русскихъ подвинулось къ Карсу. Всѣ эти укрѣпленныя мѣста находятся въ Карсскомъ пашалыкѣ, по теченію р. *Арпачая*, къ юго-востоку отъ Карса. Ани извѣстны тѣмъ, что здѣсь была нѣкогда столица Арменіи. Затѣмъ недавняя телеграмма сообщаетъ, что турецкія войска покинули Сухумъ-Кале (приморское укрѣпленіе, на одной широтѣ съ Владикавказомъ) и что возмутившееся населеніе этой мѣстности будетъ перевезено на турецкую территорію. Вообще на Кавказскомъ театрѣ войны, исключая вышеупомянутаго движенія 9-ти дивизій, за прошлую недѣлю не произошло ничего особеннаго, а были лишь незначительныя стычки.

Коснемся теперь политическихъ фактовъ прошлой недѣли.

Въ *Ишлѣ* 27-го іюля (8-го августа) состоялось свиданіе императоровъ германскаго и австрійскаго. Свиданію этому придаютъ важное политическое значеніе, такъ какъ въ этомъ фактѣ видятъ обезпеченіе прочности союза трехъ императоровъ.

О положеніи Сербіи и объ отношеніи ея къ текущей войнѣ, изъ противурѣчивыхъ газетныхъ слуховъ до сихъ поръ нельзя составить себѣ никакого опредѣленнаго представленія. По словамъ газеты «Presse», вооруженія въ Сербіи производятся съ величайшею поспѣшностью; «Polit. Corresp.» говоритъ, что Сербія дѣлаетъ только незначительныя военныя приготовленія. Наконецъ, по недавней телеграммѣ газеты «Herold» слѣдуетъ полагать, что Сербія «предоставитъ свою территорію для прохода русскихъ войскъ» и что это право Россіи воспользоваться Сербскою территоріей, говорятъ, поддержано при свиданіи двухъ императоровъ, австрійскаго и германскаго, что на австрійскаго военнаго агента Бехтольсгейма именно возложена миссія въ этомъ смыслѣ. Болѣе вѣроятнымъ намъ представляется свѣжее извѣстіе, идущее непосредственно изъ Бѣлграда, что тамъ уже 12 батальонамъ пѣхоты и 5 баттареямъ артиллерійской бригады предписано выступить на *Неготинъ* и *Зайчаръ*.

— Корреспонденты иностранныхъ французскихъ и англійскихъ газетъ подписали въ Казанлыкѣ, 21-го іюля, протоколъ о жестокостяхъ, совершенныхъ турецкими регулярными войсками надъ русскими ранеными, при защитѣ прохода Шипки 17-го и 18-го іюля.

— Считаемъ нужнымъ разъяснить, что состоявшееся Высочайшее повелѣніе о призывѣ части государственнаго ополченія (см. № 31 «Нивы») не имѣетъ того характера, который ему придается нѣкоторыми малознакомыми съ новымъ уставомъ о всеобщей воинской повинности. Это не есть государственное ополченіе, которое созывается Высочайшимъ манифестомъ, и ратники, въ числѣ 185,467 человѣкъ, предназначаются не для сформированія этого ополченія а для пополненія запасныхъ и резервныхъ частей, такъ какъ имѣющіеся еще въ средѣ населенія запасные нижніе чины (отпускные) должны служить обезпеченіемъ для пополненія рядовъ тѣхъ частей войскъ, которыя еще не признано необходимымъ привести на военное положеніе.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія помѣщаемъ копію съ телеграммы Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, отъ 30-го іюля, изъ Горнаго Студеня.

«Въ иностранныхъ газетахъ много говорятъ о бѣгствѣ нашихъ войскъ послѣ Плевнинской неудачи 18-го іюля; о преслѣдованіи нашихъ войскъ турками въ Систово; о неудачныхъ попыткахъ обложить Рущукъ и Силистрію; о побѣдахъ турокъ при Рущукѣ и Разградѣ и въ другихъ мѣстахъ,—все это такая же наглая ложь, какъ и распространенная враждебною намъ печатью въ прошломъ мѣсяцѣ выдумка о никогда небывалой неудачѣ нашей переправы у Никополя и побѣдѣ турокъ при Бѣлѣ. Разъ навсегда прошу не обращать никакого вниманія на систематическую ложь, распространяемую турецкими газетами и враждебною намъ частью Европейской печати. Если отъ меня нѣтъ никакихъ извѣстій, то это значитъ только, что все благополучно и новаго ничего нѣтъ. Когда у насъ случались неудачи, то немедленно телеграфировалъ объ этомъ Самъ».

*) Телеграммы уже сообщили, что подъ Разградомъ происходило сраженіе, но результаты его неясны.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Вологда. В. По—ову.** Вы пишете:

«Иду заверу заславенъ
За отечество Свое
Въ рядахъ солдата послужитъ
Наполе битвы кровъ пролитъ»

И дай вамъ Богъ свято исполнить высказанное желаніе, и это будетъ въ тысячу разъ лучше всякихъ вашихъ сочиненій и въ стихахъ, и въ прозѣ.

2. **Калуга, Ан—ову.** Ваши стихи доказываютъ только дѣйствительность того душевнаго состоянія, въ которомъ вы, судя по вашимъ же словамъ, находитесь: Вы пишете:

«Ура воскликнулъ я въ угарѣ
Увидивъ въ 1-й разъ тебя
И бывъ въ какомъ-то сильномъ жарѣ
Сказалъ люблю тебя».

Конечно, въ другомъ состояніи здоровья такихъ стиховъ вписать нельзя.

3. **Рыбацкая д. № 1В. В. Кор—ову.** Напрасно вы впадаете въ такія крайности: или стихи писать, или

Передъ сытымъ холопомъ притворство,
Среди пиршества жизни—сиротство,
Не людское—собачье житье.

Какъ будто въ стихахъ однихъ только и спасеніе. Это болѣе чѣмъ не вѣрно, хотя, конечно, для тѣхъ, которые смотрятъ на жизнь какъ „на пиршество", она кажется собачьей при всякой неудачѣ. Лучше будетъ, если оставите стихи и убѣдитесь въ томъ, что трудъ всегда хорошъ, если онъ „честенъ".

СОДЕРЖАНІЕ: Генералъ-лейтенантъ А. А. Тергукасовъ (съ портретомъ) Ж.—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Части первой начало.—Литературный альбомъ «Обрывъ». Романъ И. А. Гончарова (съ рис. Л — Царскосельскій садъ и цвѣтникъ Государыни Императрицы (съ рисункомъ) Н.—Полевки (съ рисункомъ) Щ.—Битва при Двирѣ, между Зейденеромъ и Дели-Бабой (съ рисункомъ) О.- Генералъ Кемпбелль и г. Норманнъ послѣ сраженія при селеніи Двирѣ (съ рисункомъ).—Шушь и типы ея жителей (съ рисункомъ) М — Сцена въ Никополѣ во время бомбардированія города нашими войсками. (По наброску англійскаго художника) (съ рисункомъ) Стр...—Политическія и военныя извѣстія.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

Магазины: Адмиралт. площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 8, Проспектъ Стремянной.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА въ Петербургѣ,

Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.

12

Товарищество Чемберсъ и К°.

Сочиненія Д. СТАХѢЕВА

Наслѣдники. Повѣсть 2 тома 670 стр. цѣна 2 руб.
Встревоженный городъ. 1 томикъ 116 стр. цѣна 50 коп.
Въ Москвѣ у Соловьева и Живарева, въ Петербургѣ въ конторѣ «Нивы» и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

— ОБЪЯВЛЕНІЕ —

ОТЪ МАГАЗИНА А-ЛА-РЕНОМЕ

Парфюмерный магазинъ А-ла-Ревоме, на Невскомъ проспектѣ № 3 близь Адмиралтейской площади, проситъ гг. своихъ иногородныхъ покупателей для избѣжанія замедленія въ исполненіи заказовъ адресовать свои требованія не иначе какъ въ парфюмерный магазинъ А-ла-Реноме, Невскій № 3 С.-Петербургъ. Денежные пакеты, посланные на имя бывшихъ владѣльцевъ магазина гг. Дюшонъ и К. Густава Фаржъ, Лобри и К. и З. Алексѣева не могутъ быть получаемы мною изъ почтамта, а могутъ быть исполняемы только тѣ заказы, которые адресованы либо на мое имя, либо на имя магазина А-ла-Реноме.

Марія Стеманъ.
Владѣлица магазина А-ла-Реноме.

Только-что вышли изъ печати:

„НИКОПОЛЬ"
ПОБѢДНЫЙ МАРШЪ
І. ПИШНА.
ЦѢНА 40 КОПѢЕКЪ.

Продается въ Москвѣ: въ музыкальной торговлѣ П. Юргенсона, Петровка № 6. Въ С.-Петербургѣ; въ музыкальной торговлѣ І. Юргенсона, В. Морская, № 9.

„ЗА БАЛКАНЫ"
І. ПИШНА.
ЦѢНА 20 КОПѢЕКЪ. 1

Дозволено цензурою. СПБ. 4 Августа 1877 г. Тип. Воллинга, Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 33 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 15 Августа 1877 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера „Нивы".

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Контора журнала „Нива" помѣщается въ С.-П.-Бургѣ на Б. Морской, въ д. № 9.

Бой „Весты" съ турецкимъ броненоснымъ корветомъ.

Пароходъ „Веста", лишь недавно преобразованный изъ обыкновеннаго коммерческаго парохода въ военное судно и купленный нашимъ правительствомъ у Русскаго общества пароходства и торговли, 10-го іюля отправился изъ Одессы въ крейсерство къ Румелійскому берегу. Предположено было направиться къ Кюстенджи, въ надеждѣ встрѣтить хотя одинъ изъ пароходо-фрегатовъ, которые заняты въ настоящее время перевозкой турецкихъ отрядовъ и египетскихъ войскъ. Въ случаѣ неудачи рѣшено было направиться далѣе вдоль береговъ. Команда для парохода образовалась частью изъ балтійскихъ моряковъ, частью изъ черноморцевъ; всего 117 человѣкъ. Иначе, какъ добровольцевъ, на „Весту" въ этотъ разъ никого не назначали. Охотниковъ явилось много и изъ нихъ былъ сдѣланъ выборъ. Командиромъ „Весты" былъ назначенъ Николай Михайловичъ Барановъ, бывшій въ то время капитанъ-лейтенантомъ. Старшимъ офицеромъ—лейтенантъ Владиміръ Платоновичъ Перелешинъ, минеромъ—лейтенантъ Михаилъ Платоновичъ Перелешинъ. (О всѣхъ другихъ сказано будетъ ниже) 11-го числа, когда „Веста" находилась въ открытомъ морѣ, въ 35 миляхъ на сѣверъ отъ Кюстенджи, съ „Весты" замѣтили на юго-западѣ полосу густого чернаго дыма. Тотчасъ же взяли направленіе на него и чрезъ нѣсколько времени увидѣли корпусъ судна, хотя настолько неясно, что всѣ наблюдавшіе расходились въ своихъ заключеніяхъ; одни утверждали, что это турецкій пароходо-фрегатъ, другіе —что это двухмачтовый турецкій броненосецъ. Точно также не могли опредѣлить и направленія судна: однимъ казалось, что оно удаляется, другимъ что на всѣхъ парахъ идетъ на встрѣчу. Еще нѣсколько времени—и всѣмъ на „Вестѣ" стало ясно, что имъ предстоитъ имѣть дѣло съ турецкимъ броненосцемъ. Съ капитанской вышки раздались грозныя слова: „Къ орудіямъ! Готовься!" Вслѣдъ затѣмъ былъ сдѣланъ первый залпъ. Снаряды пролетѣли мимо за трудностью опредѣлить разстояніе. Раздалась новая команда: „Право на бортъ"—и „Вестѣ" удалось повернуть свою корму непріятелю ранѣе, чѣмъ раздались выстрѣлы съ броненосца.

Капитанъ 2-го ранга Николай Михайловичъ Барановъ, командиръ парохода „Веста".

Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Первый непріятельскій залпъ былъ встрѣченъ на „Вестѣ“ криками „ура“, затѣмъ завязался отчаянный артиллерійскій бой; противники такъ сблизились, что между ними образовалось разстояніе не болѣе 500 саженей (5 кабельтовъ). Бой длился ровно пять съ половиною часовъ. Изъ сотни снарядовъ, пущенныхъ въ „Весту“, всего три разрывныя бомбы, начиненныя шарапелевой картечью, сдѣлали ей серьезный вредъ; другіе снаряды, благодаря ея искусному маневрированію, не попадали въ цѣль и безвредно падали въ глубину моря. Опредѣливъ курсъ къ ближайшему порту, Севастополю, „Вестѣ“ все время пришлось прятать бока свои и подставлять врагу то носъ, то корму; кромѣ того необходимо было держать паръ высоко и все усиливать ходъ, ибо броненосецъ съ превосходнымъ ходомъ и снабженный страшнымъ и не для „Весты“ тараномъ, легко могъ ее достигнуть и разсѣчь пополамъ.

Непріятелю удалось перебить у „Весты“ штуртросъ, и въ минуты до исправленія, разстояніе между „Вестою“ и броненосцемъ становилось все меньше и меньше. Бывали минуты, когда броненосецъ почти нагонялъ „Весту“; между ними оставалось пространства менѣе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ. Тогда командиръ парохода, капитанъ-лейтенантъ Барановъ, все время не сходившій съ своего возвышеннаго мостика, вызывалъ къ борту стрѣлковъ, и они давали ружейный залпъ по непріятелю. Иногда самъ г. Барановъ, извѣстный отличный стрѣлокъ, выхватывалъ изъ рукъ матроса ружье и стрѣлялъ съ своей вышки. (Капитанъ-лейтенантъ Барановъ имѣетъ призы за стрѣльбу отъ Лондонскаго и Бельгійскаго обществъ). Отъ разорвавшейся бомбы въ корпусѣ „Весты“ образовались двѣ пробоины, а 10 дюймовая бомба, упавшая на палубу и пробившая ее, произвела пожаръ, который грозилъ страшнымъ взрывомъ, такъ какъ загорѣлось подлѣ крюйтъ-камеры, гдѣ хранится порохъ.

Разъ потушенный, пожаръ возобновился, когда разорвало новую бомбу, но и во второй разъ, какъ и въ первый, онъ былъ потушенъ своевременно, благодаря ловкости и энергіи команды, съ которой она дѣйствовала. А раненые и убитые, между тѣмъ, все прибывали; ихъ сносили въ каютъ-кампанію, гдѣ устроили лазаретъ. Молодой докторъ Франковскій едва успѣвалъ сносить раненыхъ и перевязывать имъ раны. Лейтенантъ Перелешинъ три часа оставался безъ перевязки, ожидая своей очереди.

Бой между тѣмъ все продолжался и становился все упорнѣе, все отчаяннѣе.

Когда упалъ артиллеріи полковникъ Черновъ, онъ весь былъ залитъ кровью, осколкомъ бомбы ему отъ лѣваго паха своротило всю брюшную полость: „сердце было видать“, разсказывалъ одинъ матросъ.

Не смотря на такую ужасную и безусловно смертельную рану, Черновъ въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній еще жилъ. Онъ даже поднялся на ноги, обнялъ близь стоявшаго матроса, затѣмъ снова упалъ, успѣвъ сказать: „Прощайте!.. На кормѣ не забудьте... Заряжено... дѣйствуйте!“ Съ этими словами онъ и умеръ.

То же самое повторилось и съ молодымъ поручикомъ Яковлевымъ. Этотъ несчастный былъ буквально засыпанъ и разсѣченъ по всѣмъ направленіямъ картечью. На его тѣлѣ было насчитано двадцать девять ранъ. Не смотря на это, и онъ успѣлъ сказать свое послѣднее слово: „Братцы, въ карманѣ у меня разрывныя трубки,—пригодятся!“ Вновь попавшая бомба разразилась съ такими же убійственными послѣдствіями, какъ и первыя. Она также повредила одно орудіе и скосила не мало жертвъ. Опять полетѣли въ разныя стороны брызги мозга и крови, опять наповалъ уложило нѣсколько человѣкъ матросовъ. Изъ офицеровъ погибъ на этотъ разъ упомянутый выше лейтенантъ Перелешинъ. Въ ту минуту, когда разорвало бомбу, онъ находился со своею командой у миноноснаго катера, который снаряжалъ, такъ какъ его было приказано приготовить на всякій случай. Осколокъ бомбы, между прочимъ, попалъ Перелешину въ руку и раздробилъ кость въ пяти мѣстахъ. Не смотря на страшныя, нечеловѣческія муки, онъ остался въ полномъ сознаніи и, лежа въ каютѣ своего брата, старшаго офицера, все время продолжалъ справляться о ходѣ сраженія и снаряженіи катера, которымъ завѣдывалъ.

Страшная рана Перелешина, разбитая мортира, два убитыхъ офицера, четыре раненыхъ, пожаръ въ жилой палубѣ, не могли устрашить лихой экипажъ „Весты“; офицеры, начиная со старшаго и кончая молодымъ мальчикомъ, юнкеромъ Яковлевымъ, братомъ убитаго, явили себя героями; на мѣсто убитыхъ артиллерійскихъ офицеровъ всталъ лейтенантъ Кротковъ, и хотя въ тотъ моментъ, какъ наводилъ орудіе, граната, лопнувшая сзади, пробила его платье, по крайней мѣрѣ, въ сорока мѣстахъ и опалила всѣ волосы на головѣ, онъ, опаленный и съ 17 ранами въ тѣлѣ, продолжалъ наводить мортиру. Одна изъ гранатъ перерѣзала на „Вестѣ“ паровыпускную трубу и обдала осколками весь мостикъ, убивъ наповалъ двухъ стрѣлковъ, и дѣйствовавшихъ изъ малокалиберныхъ скорострѣльныхъ ружей по амбразурамъ непріятельскихъ орудій. Въ это же время самъ Барановъ былъ легко контуженъ въ голову и лѣвую руку; ординарецъ его юнкеръ Яковлевъ, тоже контуженъ въ голову; вся машина осыпана осколками, но, благодаря Бога, блиндировка койками съ боковъ цилиндровъ, а матрацами сверхъ машиннаго люка, спасла машину отъ порчи.

Подъ конецъ наступило мгновеніе, когда минуты „Весты“, казалось, были сочтены. Въ томъ положеніи, въ которомъ находились обѣ сражающіяся стороны, непріятель имѣлъ то страшное преимущество, что при близкомъ разстояніи онъ могъ успѣшно дѣйствовать своими разрушительными, хорошо защищенными прицѣльными орудіями, между тѣмъ какъ „Веста“ исключительно могла серьезно разсчитывать только на мортиры, навѣсные выстрѣлы которыхъ успѣшно дѣйствуютъ лишь на дальнемъ разстояніи.

Надо было добиться прежде всего и во чтобы то ни стало большой скорости хода. Но всѣ средства были пущены въ ходъ: офицеры то и дѣло, по приказанію капитана, сбѣгали въ низъ, чтобы подбодрять измученныхъ выбившихся изъ силъ кочегаровъ. Въ печи бросали пеньку, лили масло и всевозможныя горючія вещества, но паръ и безъ того былъ поднятъ до крайняго предѣла своей высоты. Тогда среди команды съ быстротою молніи пронеслось извѣстіе о предложенномъ капитаномъ рѣшеніи, принятомъ всѣми единогласно. Было рѣшено испытать послѣднее средство: вся команда должна была броситься на катера и, съ миноносцемъ впереди, разомъ абордировать броненосецъ, имѣвшій вчетверо, если не впятеро больше команды „Весты“; но что за дѣло, когда рѣчь идетъ о „послѣднемъ средствѣ“! На случай же, еслибъ и это не удалось, было рѣшено: оставшимся на пароходѣ сцѣпиться въ плотную съ броненосцемъ, и, поднося одною рукой къ крютъ-камерѣ зажженный фитиль, другою крѣпче и мужественнѣе обнять врага, чтобы вмѣстѣ разомъ взлетѣть на воздухъ. Славное рѣшеніе, достойное такихъ героевъ-храбрецовъ! Когда оно было объявлено по командѣ, всѣ сняли шапки, перекрестились и крикнули „ура“! Между тѣмъ, кормовыя мортиры еще были заряжены. Изъ нихъ было рѣшено дать послѣдній залпъ. Направлялъ орудія лейтенантъ Рождественскій, который, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Кротковымъ, послѣ смерти обоихъ артиллерійскихъ офицеровъ, оставался распорядителемъ у кормовыхъ орудій. Взлетѣлъ снарядъ и—настоящее чудо!—онъ попадаетъ прямо въ башенную, т. е. въ самую существенную часть броненосца. Тамъ, у непріятеля, вслѣдъ за этимъ поднялось страшное смятеніе, настоящій содомъ. На выстрѣлы онъ болѣе не отвѣчаетъ, паръ повалилъ изъ люковъ,—бомба разорвалась удачно, навѣрное въ самой машинѣ.

Можно живо представить себѣ восторгъ, который охватилъ тогда команду „Весты“. Загремѣло снова „ура“! и наши выстрѣлы зачастили съ новою энергіей. (Здѣсь кстати будетъ припомнить что такое-же рѣшеніе принято было капитанъ-лейтенантомъ Казарскимъ и всею командой брига Меркурій, сражавшагося въ 1828 году съ тремя турецкими фрегатами. Въ кампаніи 1789 года, капитанъ шлюпа, баронъ Остенъ-Сакенъ, окруженный превосходными силами непріятеля, сцѣпился съ ближайшимъ турецкимъ кораблемъ и вмѣстѣ съ нимъ взлетѣлъ на воздухъ). Первымъ движеніемъ на „Вестѣ“ было пуститься вслѣдъ за врагомъ, окончательно его обезоружить или взять въ плѣнъ, но „Веста“ уже сильно пострадала и къ тому же на горизонтѣ показалось нѣсколько силуэтовъ турецкихъ судовъ.

Видя два орудія у себя подбитыми, имѣя въ корпусѣ двѣ пробоины, двухъ офицеровъ убитыми и четырехъ ранеными, и палубу заваленную осколками и разорваннымъ человѣческимъ мясомъ, и что главное—видя, что машинисты и кочегары едва держатся на ногахъ, послѣ 5-ти часоваго боя, „Веста“ не рѣшилась энергично преслѣдовать убѣгавшаго быстроходнаго врага. Тѣмъ болѣе, что онъ подалъ какой-то сигналъ и на горизонтѣ стали показываться еще рангоуты судовъ. Въ донесеніи своемъ объ этомъ дѣлѣ начальникъ „Весты“ Н. М. Барановъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Доносить о подвигахъ особенно отличившихся гг. офицеровъ я по совѣсти не могу; какъ честный человѣкъ, могу сказать одно, что, кромѣ меня, исполнявшаго лишь свой долгъ, остальные заслуживаютъ удивленія геройству ихъ и тому достоинству, съ которымъ они показывали примѣръ мужества и необычной храбрости. Старшій офицеръ, лейтенантъ Владиміръ Перелешинъ, былъ мною посланъ тушить пожаръ въ жилой палубѣ; пробѣгая туда, онъ наткнулся на носилки съ страдальцемъ его братомъ; Владиміръ Перелешинъ, не смотря на то, что дѣлалось у него на душѣ, не останавливаясь, пробѣжалъ къ мѣсту пожара и съ помощью мичмана Петрова и гардемарина Казнакова погасилъ пожаръ надъ пороховыми и бомбовыми погребами. Только сегодня, при осмотрѣ въ Севастополѣ докторами раненыхъ, оказалось, что лейтенантъ Перелешинъ контуженъ въ голову. Убиты подполковникъ Черновъ, прапорщикъ Яковлевъ и девять человѣкъ нижнихъ чиновъ. Умеръ, на другой день послѣ ампутаціи, лейтенантъ Перелешинъ.

Долгъ мой заставляетъ меня упомянуть о самоотверженіи князя Голицына-Головкина: замѣтя, что мостикъ въ особенности осыпается снарядами и что нѣкоторые изъ непріятельскихъ снарядовъ покрыли уже кровью весь мостикъ, деблиндированный мною отъ коекъ, въ виду прикрышки ими машины, Голицынъ, подъ всякими предлогами, старался заслонить меня, желая лишь служить щитомъ.

Штурманскій офицеръ штабсъ-капитанъ Корольковъ стоялъ

Библиотека "Руниверс"

все время у штурвала задомъ къ непріятелю, не отрывая глазъ отъ картушки компаса и отъ души сердясь на лопанье гранатъ, заставлявшее картушку прыгать, а во время одного изъ непріятельскихъ залповъ, не обращая вниманія на то, что сзади его дѣлалось, онъ приказалъ сигнальщику убрать псковерканный ружейный стволъ, брошенный къ самому компасу, въ видахъ того, что желѣзо ствола можетъ вредить девіаціи компаса, и не замѣчая, что ружье это принадлежало одному изъ несчастныхъ стрѣлковъ, разорванныхъ бомбой на мостикѣ.

Увидя бѣгство броненосца, я велѣлъ подобрать трупы, и предполагая, что прибыль воды отъ пробоинъ не позволитъ разсчитывать на сохраненіе порядочнаго хода, а слѣдовательно могъ ожидать повторенія аттаки отъ новыхъ турецкихъ броненосцевъ, я приготовилъ судно, на сколько могъ, къ новому бою; затѣмъ, приказалъ командѣ пропѣть громко молитву въ благодарность Богу за побѣду, послѣ чего дружно прокричали троекратно „ура!" въ догонку уходившему врагу, не отвѣчавшему болѣе на наши выстрѣлы.

Изъ нижнихъ чиновъ мнѣ также очень трудно указать наиболѣе отличившихся—отличны были всѣ. Но сколько я могъ замѣтить, болѣе другихъ выдавались боцманъ Власовъ и два комендора, оставшіеся живыми при кормовыхъ орудіяхъ; рулевые, не обращая вниманія на происходившее вокругъ нихъ, правили рулемъ какъ-бы въ обыкновенномъ плаваніи."

Подобно многимъ другимъ компанейскимъ пароходамъ, „Веста" винтовой пароходъ, стѣнки его менѣе дюйма толщины, и въ сравненіи съ турецкимъ броненосцемъ „Веста" кажется, по замѣчанію очевидцевъ, чуть не картоннымъ судномъ. Говорятъ, что постройкѣ большихъ деревянныхъ коммерческихъ судовъ на Черномъ морѣ воспротивились морскія европейскія государства. На „Вестѣ" находилось 12 орудій. По своему калибру, слѣдовательно, и по своей силѣ,—орудія на „Вестѣ" не могли выдерживать никакого сравненія съ вооруженіемъ турецкаго броненосца, и ея бой съ сильнѣйшимъ противникомъ представляетъ примѣръ того, до чего можетъ достигнуть нравственное превосходство команды, въ связи съ искусными распоряженіями и настойчивостью; ея геройскій бой прибавилъ еще новую страницу въ славной исторіи русскаго флота.

Въ—заключеніе сообщаемъ слѣдующій приказъ главнаго командира черноморскаго флота и портовъ, отъ 14-го іюля: „Сегодня я имѣлъ счастье получить телеграмму отъ Государя Императора слѣдующаго содержанія: „Командиру парохода „Веста", капитанъ-лейтенанту Баранову, назначаю Георгія 4-й степени; представь о прочихъ отличившихся и объяви всѣмъ офицерамъ и командѣ Мое сердечное спасибо: они вновь доказали, что старый духъ нашего славнаго черноморскаго флота живъ и въ новомъ поколѣніи".

За симъ извѣстно, что капитанъ-лейтенантъ Николай Михайловичъ Барановъ получилъ кромѣ того слѣдующій по службѣ чинъ; а въ дополненіе къ наградамъ, Высочайше пожалованнымъ, Государь Императоръ Всемилостивѣйше изволилъ назначить (какъ объявлено въ приказѣ главнаго командира черноморскаго флота и портовъ) всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ пожизненную пенсію, о размѣрѣ которой морскому министерству повелѣно войти съ особеннымъ представленіемъ.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Въ дверяхъ Петра она дѣйствительно столкнулась съ уходившимъ учителемъ.

— Кончилъ, ну и слава Богу, обратилась она къ брату—а я тебѣ, Петруша, пришла одну вещь сказать. Намедни Лиза помѣшала—а сказать нужно.

— Что такое? живо спросилъ Петръ.

— А вотъ что, братецъ — ты хотѣлъ мнѣ подарокъ сдѣлать...

— Да, наконецъ! улыбнулся Петръ,—а ужь я думалъ, Наташенька, что ты и не поблагодаришь меня за мой подарокъ; я всегда о тебѣ думаю. Что-же, хорошо я придумалъ? Каковы червонцы? И всѣ то блестятъ, всѣ новые. И цѣлыхъ ихъ девять тысячъ! Это мнѣ поднесъ ихъ цехъ нашихъ каменщиковъ. Я сейчасъ же о тебѣ вспомнилъ и послалъ съ ними къ тебѣ Долгорукаго. Что-же—хороши червонцы?

— Вѣрно хороши, да я то ихъ не видала, братецъ..

— Какъ не видала? что это значитъ?

— А то, что Долгорукій пришелъ ко мнѣ, а ихъ не принесъ.

Петръ поднялся и свѣтлые глаза его загорѣлись гнѣвомъ.

— Это что? Это что такое... и Долгорукій смѣетъ...

— Перестань, перестань, не вини Долгорукаго, не онъ тому причина, а вотъ что я хочу тебѣ сказать: Какъ шелъ ко мнѣ князь Иванъ, встрѣтилъ его Александръ Данилычъ и спрашиваетъ: „Что это ты несешь"? Тотъ разсказалъ ему: „такъ и такъ", а Александръ Данилычъ и отобралъ у него весь мѣшокъ. Велѣлъ ему сейчасъ же при себѣ отнести деньги въ свой кабинетъ и говоритъ: Императоръ еще очень молодъ, не умѣетъ распоряжаться деньгами какъ слѣдуетъ; пригодятся на нужное дѣло. Вотъ князь Иванъ пришелъ ко мнѣ, да и разсказалъ все это.

Петръ заходилъ по комнатѣ большими шагами.

— Что-же это наконецъ такое?! раздражительно говорилъ онъ то краснѣя, то блѣднѣя,—что же—ужь онъ мнѣ совсѣмъ руки связываетъ! Я ужь не могу своимъ добромъ распоряжаться, не могу сестрѣ подарокъ сдѣлать! На что-же это наконецъ похоже? Какой я Императоръ,—вотъ онъ послѣ васъ со мною такъ говорилъ... такъ говорилъ, что, будь моя воля, я бы его далеко куда нибудь упряталъ.

— А развѣ у тебя нѣтъ своей воли? тихо проговорила царевна. Ну когда была жива бабушка — другое было дѣло, а теперь вѣдь ты въ самомъ дѣлѣ, Петя, Императоръ—подумай объ этомъ! Не могу я видѣть, сердце сжимается, какъ Меншиковъ мудритъ тобою и повторяю, я что не вѣрю его любви къ намъ. Конечно, ты еще не взрослый и долженъ учиться, — и много учиться; и умныхъ людей слушаться, да будто, кромѣ Александра Данилыча, у насъ умныхъ людей нѣтъ. Былъ онъ, можетъ, умный, да изъ ума теперь выживать сталъ. Не ты теперь Императоръ—а онъ. Ты говоришь—нѣтъ у тебя воли, а скажи себѣ: есть у меня воля — вотъ она и будетъ! Только въ дурное что не клади ее. А Меншиковъ всѣмъ намъ обидчикъ.

Петръ остановился и жадно вслушивался въ слова сестры. Съ нимъ очевидно совершался какой то переворотъ. До сегодня, не смотря на все, что случилось въ послѣдніе мѣсяцы, онъ все еще, невольно, считалъ себя ребенкомъ, подначальнымъ и дѣтски боялся Меншикова. Тяготясь его властью надъ собою, онъ все же никакъ не могъ себѣ представить, что есть какой нибудь способъ, по собственному желанію, выбиться изъ подъ этой власти. И вдругъ сестрица говоритъ, что только стоитъ сказать себѣ, что *есть воля*—и она будетъ. И сестрица права! Она умна, она все знаетъ и все понимаетъ; сестрица очень умна! Вонъ еще недавно баронъ Андрей Иванычъ говорилъ, что такой умной принцессы на всемъ свѣтѣ сыскать невозможно.

Не будь исторіи съ девятью тысячами червонцевъ, быть можетъ еще долго не пришли бы такія мысли дѣтямъ Алексѣя; но разъ уже пришли онѣ, такъ теперь не уйдутъ навѣрно.

— Пойдемъ, пойдемъ! вдругъ заговорилъ Петръ схватывая сестру за руку,—пойдемъ, я покажу Меншикову, что я не ребенокъ, я покажу ему! Пойдемъ, пойдемъ.

И онъ повлекъ царевну Наталью за руку въ аппартаменты князя.

Многочисленные гости встрѣчавшіеся имъ въ каждой комнатѣ, съ изумленіемъ видѣли, что Императоръ ни

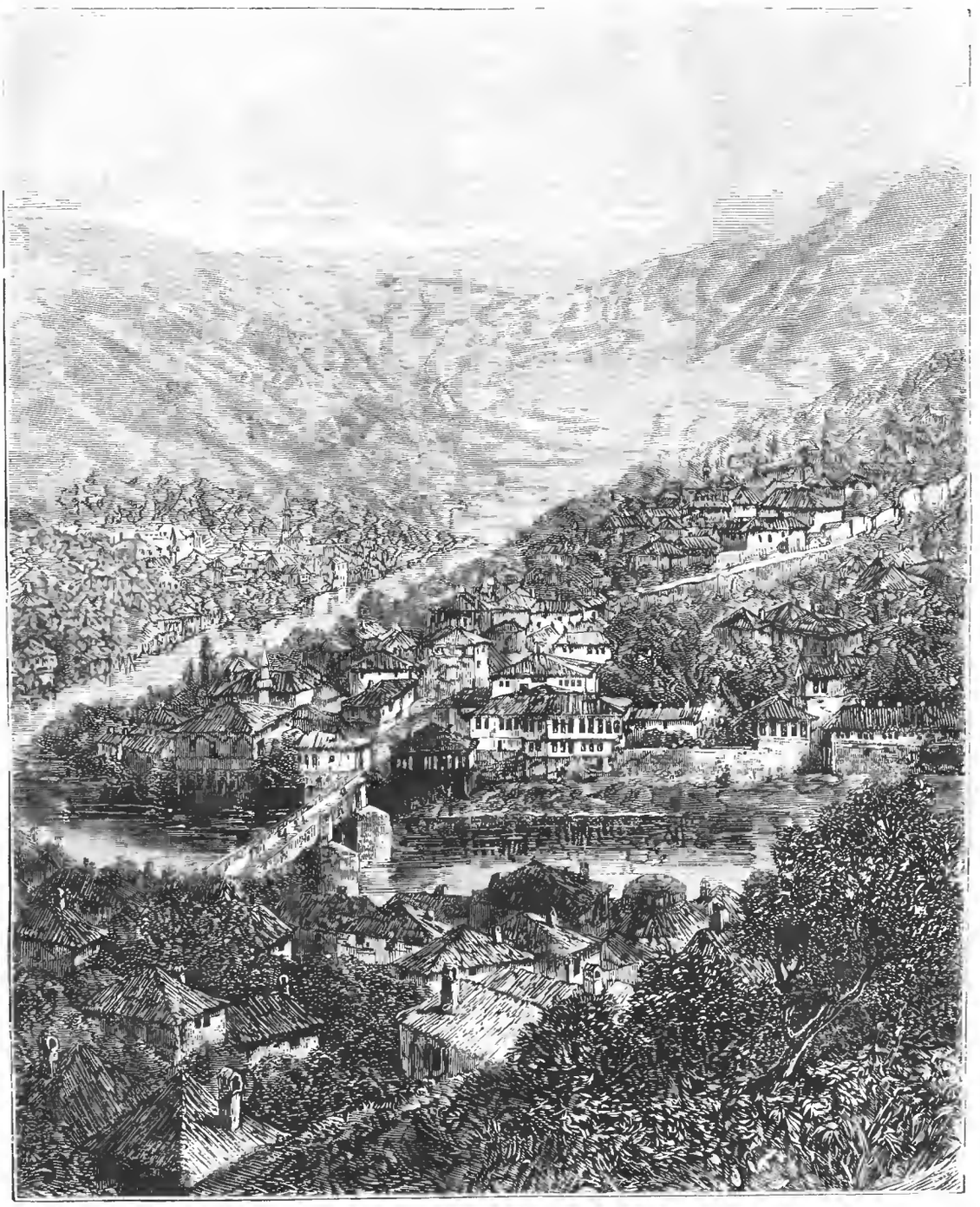
Библиотека "Руниверс"

на кого не обращаетъ вниманія, что онъ совершенно разстроенъ и спѣшитъ куда-то не отпуская сестру.

Шопотъ пошолъ по комнатамъ: никто не понималъ въ чемъ дѣло, но каждый интересовался въ высшей степени и строилъ всевозможныя предположенія.

Ужь не пожаловалась ли она на Меншикова,—вотъ хорошо бы было!

Тотъ совершенно растерялся, не могъ произнести ни слова, какъ будто обезпамятѣлъ и машинально опустился въ кресло. Онъ никакъ не ожидалъ подобнаго вопроса отъ покорнаго и боязливаго до сихъ поръ ребенка. Еслибъ кто нибудь еще за часъ предсказалъ ему эту сцену—онъ никогда бы не повѣрилъ, что она возможна. Но вѣдь уши его не обманываютъ! Вотъ



Городъ Тырново (Столица древней Болгаріи). Съ фотографіи грав. Діамантовскій.

Императоръ и Наталья почти вбѣжали въ комнату, гдѣ еще находились всѣ Меншиковы въ сборѣ и съ цесаревной Елизаветой.

— Александръ Даниловичъ, прямо обратился Петръ къ князю,—я послалъ сестрѣ девять тысячъ червонцевъ, а ты ихъ отнялъ и заперъ. Какъ смѣешь ты мѣшать моимъ приказаніямъ?

И мальчикъ весь дрожалъ, говоря это и съ злобой глядѣлъ на князя.

онъ стоитъ передъ нимъ, этотъ мальчикъ, и говоритъ ему „какъ ты смѣешь“ и глядитъ на него съ гнѣвомъ; блеститъ передъ нимъ своими глазами. До сихъ поръ Меншикову никогда и въ голову не приходило взглянуть на Петра какъ на Императора, опасаться за свое надъ нимъ вліяніе, но теперь передъ нимъ былъ Императоръ. И этотъ Императоръ обращался къ нему какъ къ подданному, заслужившему царскій гнѣвъ и немилость.

Библиотека "Руниверс"

Эбба Враге, бывшая невѣста шведскаго короля Густава Адольфа. Рис. Гальквистъ, грав. В. Мейеръ.

Библиотека "Руниверс"

Князь все молчалъ.

Дарья Михайловна поблѣднѣла. Младшая княжна инстинктивно бросилась къ матери и заплакала. Цесаревна Елизавета съ восторгомъ глядѣла на Петра и вся ея фигура выражала торжество и радость. Одна только царская невѣста продолжала молча сидѣть, ни на что не обращая вниманія.

А Петръ все ждалъ отвѣта; и Александръ Данилычъ наконецъ очнулся. Онъ заговорилъ такъ, какъ еще никогда не говорилъ съ Императоромъ, заговорилъ робкимъ голосомъ подданнаго.

— Ваше Величество, сказалъ онъ,—государство нуждается въ деньгахъ; казна истощена; неотложныхъ нуждъ много, и я подумалъ, что этимъ деньгамъ можно найти хорошее употребленіе. Я уже сегодня утромъ хотѣлъ представить вамъ прожэктъ, на что употребить эти деньги.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Петръ,—все это, можетъ, и правда, что ты говоришь мнѣ. Да если я дарю моей сестрѣ, если я хочу, чтобы такъ было, такъ оно такъ и будетъ! И ты не смѣешь измѣнять моихъ приказаній! Сейчасъ же изволь послать эти деньги великой княжнѣ Натальѣ.

Съ этими словами маленькій Императоръ круто повернулся и ни на кого не взглянувъ вышелъ изъ комнаты.

Опомнившись Меншиковъ побѣжалъ за нимъ и долженъ былъ бѣжать долго, потому что Петръ не останавливался и не обращалъ на него вниманія. Наконецъ Александру Данилычу удалось поймать его за руку; онъ отвелъ его въ пустую комнату и сталъ ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ говорить.

— Ну за что ты обидѣлъ старика, Ваше Величество? —я не хотѣлъ нанести ни тебѣ, ни Великой княжнѣ обиды. Какъ на дѣтей своихъ смотрю я на васъ.

— Какіе мы тебѣ дѣти! вывернулъ у него свою руку Петръ.

Меншиковъ поблѣднѣлъ и затрясся. Въ тонѣ голоса его нарѣченнаго зятя ему послышалась одна знакомая нота. Изъ за юной и нѣжной фигуры Втораго Императора вдругъ, невѣдомо какимъ образомъ, выглянулъ громадный образъ Перваго, и старый Данилычъ, еще сейчасъ не вѣдавшій границъ своей власти, вдругъ почувствовалъ себя такимъ же безсильнымъ, какимъ бывалъ во время оно, когда сгибался подъ гнѣвомъ и грозными рѣчами своего повелителя и друга.

— Ваше Величество, снова шепталъ онъ,—прости меня — но вина моя была безъ умысла. Впередъ во всемъ съ тобою совѣщаться стану,—но опять повторяю что и самъ ты долженъ подумать о дѣлахъ государства, долженъ знать, что часто добрый Царь жертвуетъ своими желаніями нуждамъ своего народа. Если же что и противное тебѣ дѣлаю, такъ для твоей же пользы, для того, что хочу, чтобъ достойнымъ ты былъ преемникомъ Петру Великому. И дѣдъ твой любилъ дарить своихъ близкихъ, но только не тогда, когда подарокъ его могъ пригодиться на пользу Россіи. Прости же меня. Деньги верну царевнѣ, не медля; а Вашему Величеству теперь не мѣшало бы покататься, благо уроки всѣ кончены.

— Скоро-ли мы переѣдемъ въ Петергофъ,—вдругъ обратился Петръ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ. Его гнѣвъ мгновенно прошелъ; онъ еще не привыкъ къ такимъ сценамъ и при первомъ намекѣ на предстоявшее удовольствіе готовъ былъ забыть всякую непріятность.

— Когда хочешь, отвѣтилъ Меншиковъ,—хоть завтра переѣзжайте.

— Ну завтра, такъ завтра—и слышишь, князь, непремѣнно чтобъ завтра. Мнѣ очень хочется въ Петергофъ; слышишь—завтра.

Гора съ плечъ свалилась у Александра Данилыча.

Онъ взялъ Императора подъ руку и ласково съ нимъ разговаривая, какъ будто ничего не было между ними, нарочно тихо прошелъ вплоть до комнатъ жены. И всѣ придворные опять стали перешептываться и перемигиваться, и съ сожалѣніемъ соображали, что Данилычъ совсѣмъ помирился съ Императоромъ и что не легко ихъ поссорить.

III.

Царевны занимали дворецъ, остатки котораго до сихъ поръ еще существуютъ въ концѣ Лѣтняго сада. Это былъ небольшой и совсѣмъ не роскошный домъ, несравненно проще убранный, чѣмъ домъ князя Меншикова; только кругомъ его во всѣ стороны шелъ превосходный садъ, заключавшій въ себѣ теперешній Лѣтній, Царицынъ лугъ и Михайловскій садъ.

Вернувшись домой послѣ катанья съ Императоромъ Великая Княжна Наталья велѣла позвать къ себѣ барона Остермана. Онъ не замедлилъ явиться.

— Что прикажете, принцесса, ласково глядя на нее спросилъ Андрей Иванычъ.

— Садитесь, мнѣ много нужно сказать вамъ, отвѣчала Наталья, указывая ему кресло.

Баронъ сѣлъ и все съ тою же ласковой улыбкой приготовился слушать.

— Вотъ вы ушли, а послѣ васъ случились самыя неожиданныя вещи, начала Наталья.

— Я ужь кое-что слышалъ, отвѣтилъ Андрей Иванычъ.

— Откуда? Кто же могъ вамъ сказать? Да впрочемъ и спрашивать нечего—вы всегда все знаете,—ну такъ что же вы знаете, что вы слышали?

— Да на этотъ разъ немного. Я знаю только, что была ссора у Императора съ княземъ Меншиковымъ и что вы, принцесса, тому причина.

— Да, я дѣйствительно была тому причиной.

И она разсказала Остерману во всѣхъ подробностяхъ утреннее дѣло.

Онъ внимательно ее слушалъ и одобрительно кивалъ головою.

— Это хорошо, хорошо, наконецъ заговорилъ онъ, только все же бы лучше было еслибъ начать осторожнѣе. Вѣдь я говорилъ вамъ, принцесса, что дѣла большія всегда нужно осторожно дѣлать и медленно, этакъ прочнѣе выходитъ.

— Ну да вѣдь тоже говорятъ, что и нужно ковать желѣзо, пока горячо, замѣтила Наталья.

Остерманъ сталъ опять ее разспрашивать; ему особенно интересны были подробности о томъ, какъ велъ себя Меншиковъ, и слушая разсказъ о его смущеніи, о его почтительности и трепетѣ, Андрей Иванычъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ потиралъ свои пухлыя руки.

— Хорошо, хорошо, думалъ онъ, авось и выйдетъ что-нибудь. Только бы я былъ въ сторонѣ, только бы меня какъ-нибудь не замѣшали.

— Ну, а теперь они какъ же, спросилъ онъ Великую Княжну,—помирились?

— Да, помирились; только я ручаюсь вамъ, что братъ совсѣмъ ужь другой сталъ и никогда сегодняшняго дня не забудетъ. До сегодня онъ былъ ребенокъ, а теперь Императоръ,—увѣряю васъ милый Андрей Иванычъ. И она ласково поглядѣла на Остермана и протянула ему свою руку.

Тотъ почтительно поцѣловалъ эту маленькую, худенькую ручку и глядѣлъ на Великую Княжну въ полномъ восторгѣ. Онъ видѣлъ ясно, что сѣмя, имъ посѣянное, попало на добрую почву. Вѣдь онъ самъ направлялъ постоянно ея мысли въ послѣднее время, онъ зналъ всю силу своего вліянія надъ нею, а вотъ теперь оказываются и плоды этого вліянія. Да, онъ не ошибся —такъ именно и надо было дѣйствовать: никто лучше сестры не могъ направлять маленькаго Императора— а сестру направлять до конца будетъ онъ, Андрей Иванычъ.

Библиотека "Руниверс"

— И завтра мы переѣзжаемъ въ Петергофъ, весело объявила царевна,—а Александръ Данилычъ въ свой Ранбовъ ѣдетъ; будетъ не въ примѣръ свободнѣй, и много можно за это время сдѣлать.

— Ухъ, какъ много, серьезно проговорилъ Остерманъ,—только помните, принцесса, что все же осторожность не мѣшаетъ.

— Помню, помню, я никогда не забываю вашихъ совѣтовъ, Андрей Иванычъ. Да поскорѣй бы въ Петергофъ, вдругъ тихо и какъ то печально, продолжала она,—мнѣ что-то не хорошо здѣсь. Даже и въ саду моемъ воздуху какъ будто мало, душно что-то и опять кашель... Вчера почти всю ночь не спала, а теперь такъ устала, такъ устала...

Остерманъ взглянулъ на ея блѣдное лицо и невольно смутился; онъ уже не въ первый разъ замѣчалъ въ ней это печальное выраженіе—она точно была нездорова.

— Прощайте, Андрей Иванычъ, попробую заснуть, шепнула царевна, протягивая ему руку.

Онъ тихо вышелъ изъ комнаты.

Наталья позвала свою фрейлину, прошла съ ней въ спальню и стала раздѣваться. Скоро она осталась одна, отворила окно и сѣла передъ нимъ въ раздумьѣ. Ночь была душная, въ далекихъ кустахъ заливался одинъ изъ послѣднихъ соловьевъ и странно было слышать въ недальнемъ болотѣ его пѣсни. Но это былъ настоящій соловей: сынъ или внукъ одного изъ тѣхъ, которыхъ Петръ Великій выписывалъ изъ южныхъ губерній для своего „парадиза".

Царевна Наталья смотрѣла въ свѣтлое сѣверное небо и все грустнѣе и тоскливѣе дѣлалось на душѣ ея. Съ нѣкотораго времени она стала очень задумчива: переходъ отъ беззаботнаго дѣтства въ ней совершился неожиданно и быстро. Еще такъ недавно она была настоящимъ ребенкомъ, ни о чемъ не заботилась и ничѣмъ не смущалась; ей хорошо было подъ крылышкомъ доброй, хотя и не родной бабушки. Вспоминала она теперь и великаго дѣда, его рѣдкія своеобразныя и тѣмъ еще болѣе дорогія ласки. И вотъ какъ скоро, какъ быстро всего этого уже нѣтъ,—что то будетъ? Въ уставшей и склоненной на руки головѣ царевны бродило множество разныхъ тревожныхъ мыслей; она все думала и думала о своемъ любимомъ, единственномъ братѣ, думала о томъ, что, не смотря на весь блескъ ихъ положенія, все же они бѣдныя дѣти, сиротки, не помнящія ни отца, ни матери, безъ добрыхъ родныхъ, окруженные людьми, которымъ невозможно довѣриться. Одинъ только и есть человѣкъ Андрей Иванычъ—вѣритъ ему сердце, а все же подъ часъ и при немъ беретъ сомнѣніе... Хитеръ больно Андрей Иванычъ, не разберешь иной разъ что у него въ мысляхъ, а глаза смотрятъ по сторонамъ, ничего не выдавая. Большое дѣло задумала царевна. Она рѣшилась во что бы то ни стало, такъ или иначе, избавить Императора отъ ненавистныхъ Меншиковыхъ—да удастся ли это? А коли и удастся —будетъ ли лучше? Не Меншиковы—найдутся другіе, вотъ хоть бы Лиза. Братъ на нее просто молится. Лиза добрая, милая—но вѣдь и она хитрая... Впрочемъ о Лизѣ, т. е о принцессѣ Елизаветѣ, Наталья не могла думать хладнокровно. Еще недавно она такъ любила свою красавицу-тетушку, а теперь какая-то черная кошка пробѣжала между ними и все ищетъ царевна чего-нибудь дурного въ Елисаветѣ, все старается объяснять въ темную сторону—отчего бы это? Лиза всегда такъ ласкова съ нею, любитъ ее по прежнему... но что-то такое случилось—и тянетъ ее отъ красавицы Лизы. Великая Княжна еще не совсѣмъ сознавала свое чувство, а уже оно сильно развилось въ ней—это была ревность! Это былъ страхъ за свое вліяніе надъ братомъ, за братнюю любовь къ ней. Но и не одна Лиза смущала бѣдную царевну. Послѣднее время она замѣчала, что маленькій Императоръ очень сдружился съ молодымъ Долгорукимъ и мало проку видѣла она отъ этой дружбы. Долгорукій—краснобай, шутникъ, вотъ еще недавно она узнала, что онъ ведетъ безпутную жизнь, даже, кажется, пить началъ—ну, какъ тому же научитъ Петрушу, вѣдь это будетъ пожалуй, еще хуже Меншикова!

— Да нѣтъ, не дамъ я имъ погубить его, вдругъ вся въ волненіи и сверкнувъ глазами сказала себѣ царевна. Покуда я съ нимъ, онъ ни на кого меня не промѣняетъ, я передъ Богомъ поклялась стоять надъ нимъ и быть ему матерью, отгонять отъ него все злое—и должна я исполнить эту клятву! Я никому не отдамъ его, я всю себя положу въ него, я уничтожу Меншиковыхъ, я уничтожу Долгорукихъ, Пусть она поборется со мною—увидимъ, кто сильнѣе... никому, никому не отдамъ я его!

Царевна поднялась въ волненіи и вся дрожала. Вдругъ она схватилась за бокъ, холодныя капли пота показались на лбу ея и она слабо закашляла. Безсильно опустилась она въ кресло и крупныя слезы полились изъ глазъ ея.

— Не отдамъ, не отдамъ... а если меня возьмутъ отъ него—не люди, а Богъ? Если умру—что тогда? А мнѣ все теперь начинаетъ казаться, что умру я скоро...

И долго она сидѣла передъ открытымъ окошкомъ и все плакала, и все думала, и никто не зналъ, что творится въ юной душѣ ея.

IV.

Дворъ уже уѣхалъ въ Петергофъ. Петръ въ сопровожденіи молодого Долгорукаго, цесаревны Елисаветы и сестры объѣздилъ знакомыя мѣста и былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Онъ былъ доволенъ всѣми сдѣланными предположеніями и уже строилъ планы, какъ они будутъ охотиться и веселиться. Петергофъ того времени былъ совсѣмъ не тотъ, что теперь. Царскій дворецъ, хотя и удобно построенный, не представлялъ ничего особеннаго. Здѣсь была собрана еще Петромъ Великимъ коллекція картинъ, но картины эти находились безъ всякаго присмотра и значительно пострадали; дворцовая мебель была тоже петровская, т. е. самая простая, дворецъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, какъ и теперь; съ его балконовъ открывался видъ на море; внизу били фонтаны; но паркъ совсѣмъ почти не былъ разчищенъ и только въ ряду мелкихъ строеній для придворныхъ красовались два прелестные домика: Марли и Монплезиръ.

Въ Монплезирѣ дѣлались приготовленія для разныхъ празднествъ. Никто не зналъ, на долго ли князь Меншиковъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ и когда сюда вернется, но дня черезъ два по переѣздѣ двора на лѣтнюю резиденцію всѣ были поражены неожиданною и важною вѣстью: гонецъ изъ Ранбова извѣстилъ, что свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ тяжко боленъ. Гонецъ привезъ письмо Меншикова къ Императору. Оно было написано дрожащей рукою и въ немъ свѣтлѣйшій прощался съ Императоромъ. Это письмо было его завѣщаніемъ. Тепло и краснорѣчиво писалъ онъ Петру о томъ, какіе для него наступаютъ многотрудные годы, указывалъ ему его обязанности относительно Россіи „недостроенной машины", увѣщевалъ слушаться Остермана и министровъ, быть правосуднымъ. Въ то-же время онъ писалъ и къ членамъ Верховнаго Совѣта, поручалъ имъ свою семью, однимъ словомъ приготовился дѣйствительно умирать.

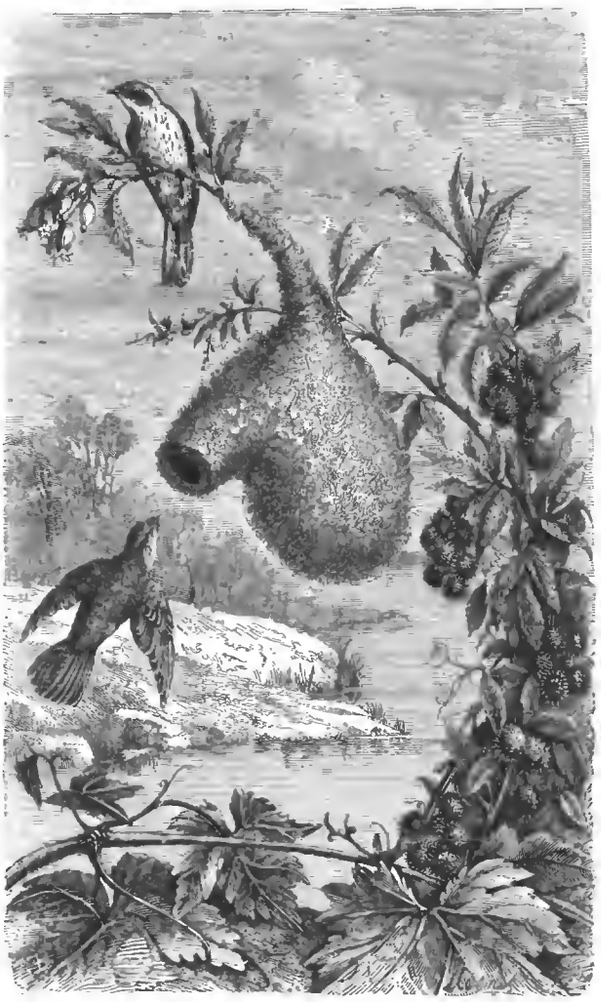
Въ первую минуту никто даже и не повѣрилъ этому извѣстію, такъ оно было неожиданно, но княжескій гонецъ подробно разсказалъ о болѣзни свѣтлѣйшаго. Оказалось, что сейчасъ по пріѣздѣ въ Ораніенбаумъ онъ расхворался и теперь лежитъ въ великой слабости и лихорадкѣ и харкаетъ кровью. Не вѣрить было нельзя.

Библиотека "Руниверс"

Необычайное волненіе поднялось въ Петергофѣ; всѣ ходили другъ къ другу, всѣ толковали, пожимали плечами, качали головою, изумлялись, ахали, радовались, задавали себѣ всякіе вопросы. Что-же теперь будетъ, коли умретъ Александръ Данилычъ? Хорошо будетъ отъ лютаго звѣря избавиться; поднимутся старинныя фамиліи: князь Голицынъ будетъ имѣть первый голосъ во всѣхъ дѣлахъ. Инымъ, болѣе разсудительнымъ и дальнозоркимъ, представлялось также, что, не смотря на все это, со смертью Данилыча не будетъ одного—не будетъ прежней крѣпкой силы въ правительствѣ. Императоръ и его близкіе радовались всего больше тому, что вмѣстѣ со смертью Меншикова уничтожится и невѣста. Никогда на ней не женится Императоръ! Петръ велѣлъ снарядить экипажъ и поѣхалъ, скрѣпя сердце, вмѣстѣ съ сестрою, навѣстить Меншикова. Онъ засталъ его дѣйствительно въ постели и въ плохомъ видѣ. Князя точно била лихорадка; онъ стоналъ и харкалъ кровью. Теперь онъ на словахъ, прерывающимся и слабымъ голосомъ, повторялъ Петру свои увѣщанія, а когда говорилъ о дочери, то даже заплакалъ.

Юный Императоръ слушалъ его молча. Онъ не жалѣлъ князя, ему просто было неловко и хотѣлось уйти скорѣй. Онъ такъ и сдѣлалъ: пробывъ въ Ранбовѣ не больше часа, уѣхалъ обратно.

Тяжелое впечатлѣніе произведенное на юнаго Императора болѣзнью Меншикова, въ тотъ же день совершенно изгладилось: въ Петергофѣ его ожидала прогулка въ обществѣ всѣхъ близкихъ ему людей. Петръ велѣлъ осѣдлать себѣ своего любимаго коня; Елисавета, прекрасная наѣздница, тоже была верхомъ; царевна Наталья помѣстилась въ коляскѣ съ княжной Долгорукой и другой своей фрейлиной — и всѣ они отправились верстъ за шесть, гдѣ въ превосходной мѣстности для нихъ былъ устроенъ праздникъ: музыка и роскошный ужинъ.



Синица Ремезъ (Aegithalus Pendulinus).
Птицы съ висячими гнѣздами. Рис. Менель.

Весело было Петру чувствовать себя на свободѣ. Съ нимъ рядомъ ѣхала красавица тетушка, и онъ все на нее любовался. Она была сегодня еще веселѣе обыкновеннаго, озаряла всѣхъ своей беззаботной улыбкой; веселыя ея шутки такъ и сыпались, передавались изъ устъ въ уста и возбуждали искренній смѣхъ придворныхъ. Къ Петру Елисавета была очень ласкова, но все же постоянно сдерживала излишнюю его нѣжность. Она останавливала его порывы, напоминая о томъ, что онъ ребенокъ, мальчикъ, и что такъ она на него и смотритъ. Его это ужасно сердило и мучило; онъ изыскивалъ всѣ способы доказать ей, что она ошибается, что онъ смѣлый и ловкій мужчина. Онъ подзадоривалъ своего лихого коня, пускалъ его въ галопъ, молодецки перепрыгивалъ черезъ рвы, глаза его сіяли оживленіемъ, на щекахъ выступалъ румянецъ. Въ своемъ роскошномъ платьѣ, стройный и изящный, онъ дѣйствительно заставлялъ на себя любоваться. И принцесса Елисавета любовалась имъ. она очень любила этого милаго, красиваго мальчика, но, конечно, никогда не могла смотрѣть на него иначе, какъ на ребенка. Она хорошо знала, что еще надавно баронъ Андрей Иванычъ подавалъ проэктъ о необходимости брака между ею и Петромъ. Она знала, что этотъ бракъ имѣлъ много хорошихъ сторонъ, примирялъ всѣ партіи, упрочивалъ спокойствіе государства, но все же сама не могла безъ смѣха объ этомъ подумать. Какой этотъ мужъ — этотъ юный хорошенькій племянникъ? Настоящій женихъ умеръ, много близкихъ, дорогихъ умерли и погибли за послѣднее время. Такъ вотъ иной разъ, шутитъ она, смѣется, веселится какъ будто, а вдругъ задумается и тяжело ей станетъ. Конечно беззаботный характеръ беретъ свое, печаль проходитъ скоро, зоветъ жизнь, зоветъ веселье! Иногда ей приходило даже въ голову, что въ концѣ концовъ придется таки взглянуть на Петра, какъ на будущаго мужа, по крайней мѣрѣ придется постараться надъ этимъ. Ужь очень ненавистно ей было уступить его княжнѣ Меншиковой. Но вотъ Меншиковъ боленъ, умираетъ; Императоръ не любитъ своей невѣсты, она ему противна—все уничтожается и не о чемъ теперь думать. Ахъ, какъ хорошо, какъ весело! И принцесса тоже подзадориваетъ своего коня и мчится вслѣдъ за юнымъ Императоромъ, и всѣ придворные смотрятъ ей въ слѣдъ, любуясь ея красотою, ея смѣлостью и природнымъ граціознымъ величіемъ. Во истину она дочь Петрова! шепчутъ иныя губы.

А Великая княжна Наталья молча и грустно ѣдетъ въ своемъ тяжеломъ экипажѣ, грустно смотритъ вдаль. гдѣ мелькаютъ фигуры брат и Елисаветы. Ея спутницы не смѣютъ нарушить молчанія, видятъ, что Великой княжнѣ не до разговоровъ. Что съ ней—онѣ не знаютъ. Странной какой-то стала она въ послѣднее время. Все тѣ-же неотвязныя думы преслѣдуютъ Наталью. Видитъ она, что съ каждымъ днемъ усиливается привязанность брата къ тетушкѣ Лизѣ. Съ утра до вечера они вмѣстѣ: гдѣ онъ, тамъ и она, гдѣ она, тамъ и онъ. И она хорошо знаетъ о проэктѣ Андрея Иваныча и просто готова возненавидѣть своего стараго друга за этотъ ужасный проэктъ—не проститъ она ему никогда его

Вечеромъ, послѣ катанья, Великая княжна позвала брата къ себѣ и заперла дверь.

— Что ты такъ скучна, Наташа, спросилъ юный Императоръ.

— Ахъ, нездорова я, Петруша, очень нездорова, да и не одно нездоровье... печально проговорила она.

— Что такое? Обидѣлъ развѣ тебя кто-нибудь?— Скажи только.

Библиотека "Руниверс"

Любовь во времена Теокрита. Рисунокъ съ картины Л. Гофмана, исполнен. имъ-же; грав. А. Кнезингъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ты меня обижаешь, братецъ...

— Чѣмъ, Наташенька? помилуй! Я такъ люблю тебя, какъ я могъ тебя обидѣть?!

— Любишь-то ты меня, любишь, тихо отвѣтила Наталья, а все Лизу любишь больше меня, я это хорошо вижу.

— Ахъ, Наташа, краснѣя выговорилъ Петръ,—ахъ Наташа, зачѣмъ ты мнѣ говоришь это? Лиза никогда тебѣ помѣшать не можетъ. Все мое сердце принадлежитъ тебѣ, и я люблю тебя какъ сестру, какъ мать родную, люблю и Лизу—только то совсѣмъ другое дѣло—посмотри какая она красавица, какъ ловка, весела, мнѣ такъ ужасно хорошо и весело съ нею... Но никогда, никогда я тебя для нея не забуду!

Великая княжна грустно улыбнулась.

— Забудешь, скоро забудешь, махнула она рукою.

Петръ подбѣжалъ къ ней, сталъ передъ ней на колѣни, прижался къ ней головою, обнялъ ее и глядѣлъ такъ ласково, такъ любовно и смущенно.

— Петруша, голубчикъ, начала Наталья,—если ты очень меня любишь, такъ послушайся моего совѣта.

— Я всегда тебя слушаюсь, замѣтилъ Императоръ

— Нѣтъ, не всегда, ты не вѣрь Лизѣ, не вѣрь, она обманщица, она тебя не любитъ, она только шутитъ да смѣется надъ тобою, смотритъ на тебя, какъ на маленькаго мальчика, а ты и ни вѣсть что думаешь.

Петръ поднялся на ноги и вытянулся во весь ростъ передъ сестрой. Лицо его вдругъ сдѣлалось серьезнымъ и важнымъ.

— Во-первыхъ, я вовсе не маленькій мальчикъ, рѣзко выговаривая каждое слово началъ онъ,—посмотри на меня, какой я мальчикъ? Потомъ, сестрица, потомъ, знаешь-ли вѣдь вотъ у меня есть невѣста княжна Марія. Она старше Лизы, она въ тысячу разъ ея хуже—а все же невѣста! Ну, этой невѣсты скоро не будетъ—мнѣ нужна будетъ другая, потому что мнѣ никакъ нельзя безъ невѣсты—это говоритъ и Андрей Иванычъ—у Императора должна быть невѣста! Такъ скажи мнѣ сама, какую же невѣсту можно найти мнѣ лучше Лизы? Вѣдь это еще до смерти бабушки самъ Андрей Иванычъ придумалъ, а онъ такой добрый, умный, ученый—онъ дурного да глупаго не придумаетъ.

— Ахъ, Андрей Иванычъ, Андрей Иванычъ, и ты сталъ хуже врага, подумала про себя царевна Наталья.—Послушай, обратилась она къ брату,—Андрей Иванычъ уменъ—да, но только вѣдь и у умнаго человѣка бываетъ затемнѣніе въ разсудкѣ. Хорошо онъ придумалъ, а выходитъ, все же, совсѣмъ дурно. Онъ нѣмецъ, Андрей Иванычъ,—а мы русскіе, православные, онъ забылъ, что грѣшно жениться на родной теткѣ: Богъ не велитъ, церковь не разрѣшаетъ.

— Это пустое! нахмуривъ брови, сказалъ Петръ и сталъ въ волненіи ходить по комнатѣ, это пустое! Ради блага государства, ради неотложной нужды и Богъ и церковь разрѣшаетъ. Вѣдь и нѣмцы не идолопоклонники же, а у нихъ такія женитьбы за-частую бываютъ.

— Не хорошо, не хорошо ты это говоришь, братецъ, никакой тутъ нужды неотлучной нѣтъ и никакого добра изъ этого не выйдетъ. Какъ передъ Богомъ говорю тебѣ, выбрось это изъ мыслей, не думай объ этомъ—не должно ему статься!

Петръ молчалъ нѣсколько мгновеній. Наконецъ онъ обернулся къ сестрѣ.

Видишь что, Наташа, твердымъ голосомъ сказалъ онъ,—ты все это говоришь потому, что тебѣ кажется будто я люблю Лизу больше нежели тебя, и что еслибъ она стала моей женою такъ я тебя забылъ бы совсѣмъ. Но ради Бога Наташа не думай объ этомъ... еслибъ только могло случиться... (опять яркая краска залила его щеки), еслибъ было это, такъ кажется счастливѣе меня не было бы на всемъ свѣтѣ человѣка—у меня-бы и сестра дорогая и жена дорогая были бы. И никогда Лиза не можетъ мнѣ помѣшать любить тебя, да и она вовсе не хочетъ того—она сама тебя любитъ. Не говори дурного про Лизу; ты такая умная, такая добрая, зачѣмъ же ты хочешь злою сдѣлаться, не справедливою? Сама меня учишь быть справедливымъ—такъ примѣръ мнѣ покажи. Во всемъ буду тебя слушаться, все для тебя сдѣлаю—а Лизу не тронь, Лиза сама собою.

И Петръ, нѣжно поцѣловавъ сестру, отъ нея вышелъ. Опять горько и безнадежно заплакала Великая княжна Наталья.

(Продолженіе будетъ).

Любовь по идилліямъ Теокрита.

(Къ рисунку Гофмана Зейца).

Къ мечтательности „на лонѣ природы" всегда въ большей или меньшей степени примѣшивается чувство меланхоліи и грусти, которыя, какъ извѣстно, весьма близко граничатъ съ сантиментальностью, господствовавшею напримѣръ, и у насъ, во время Карамзина и теперь, справедливо осмѣянною. Подобная сантиментальность была въ сильномъ ходу въ Европѣ въ концѣ прошлаго вѣка, и вѣрнымъ зеркаломъ этого общественнаго настроенія служитъ для насъ одно изъ геніальнѣйшихъ произведеній германскаго поэта Гете, „Вертеръ". Въ этой повѣсти герой застрѣливается отъ безвыходной, необыкновенно страстной и безнадежной любви къ женщинѣ, вышедшей за другого. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вертеръ любитъ и природу и на лонѣ ея мечтаетъ и о своей любви, и о несовершенствѣ человѣческихъ отношеній вообще. И эти обращенія къ природѣ, согрѣтыя геніемъ Гете, принадлежатъ къ самымъ великимъ страницамъ, какія когда-либо создавала поэзія въ этомъ родѣ. Но все-таки, такъ какъ основа этого творенія Гете сантиментальна, то Вертеръ уже при своемъ появленіи вызвалъ насмѣшки такихъ умовъ какъ, наприм. Лессингъ. Лессингъ тогда же высказалъ, что грекамъ и римлянамъ, не смотря на то, что они любили природу не меньше насъ, совершенно не была знакома расплывающаяся, гнилая сантиментальность, ради которой человѣкъ хоть въ могилу радъ лечь, если его не полюбила женщина, которую онъ полюбилъ...

Грекамъ и римлянамъ не была знакома меланхолія и мечтательность на лонѣ природы, а также сантиментальность, какъ высшій предѣлъ развитія мечтательности. Это положеніе непосредственно относится къ существу настоящей нашей статьи. Что бы понять, въ самомъ дѣлѣ, что такое Теокритъ,—нужно сравнить нашъ новый міръ съ древнимъ и условія, въ которыхъ жилъ тотъ міръ съ нашимъ,—несходство оказывается до того велико, что между этими двумя мірами легла почти цѣлая бездна...

Основное настроеніе древне-античнаго міра было и въ искусствѣ, и въ жизни, а также и въ интимныхъ отношеніяхъ любви, такъ же свѣтло, трезво и спокойно, какъ и самое небо Эллады или Италіи, съ ихъ чистымъ прозрачнымъ воздухомъ, прозрачно окутывавшимъ горы и долины этихъ странъ...

Югъ Европы не знаетъ туманнаго воздуха, стушевывающаго всѣ формы и краски окружающихъ предметовъ и располагающаго къ тягостному настроенію духа, къ тяжелой мечтательности, которую нѣмцы весьма удачно выразили словомъ Schwermuth. А что именно туманный воздухъ вызываетъ по преимуществу тяжелое настроеніе души—доказательствомъ могутъ служить англичане, то и дѣло подвергающіеся характеристической болѣзни—сплину, именно благодаря туманному небу ихъ острова.

Представимъ себѣ взаимно-любящуюся парочку молодыхъ людей въ Греціи или Италіи. Идетъ эта парочка по роскошнымъ полямъ, возвышенностямъ, горамъ, склоны которыхъ покрыты прозрачными маслинами, роскошными кипарисами, великолѣпными пиніями, а съ отвѣсныхъ известковыхъ скалъ свѣшиваются виноградныя лозы. Вдали эта парочка видитъ громоздящіяся одна надъ другою горы, зубчатыя скалы, обрывистые сверкающіе берега, а тамъ дальше глубокая и далекая лазурь моря, а по берегу въ серебристомъ блескѣ листья маслинъ. Въ оврагахъ и ущельяхъ цвѣтутъ мастика, лавровое дерево, выглядываютъ острые листики кустарниковъ; а надъ бѣлыми мраморными скалами роскошно рдѣютъ кусты розъ и олеандровъ. И вообще творческая сила разсыпала здѣсь столько обильныхъ даровъ, и при томъ въ полной гармоніи, какъ нигдѣ. Впечатлѣнія подобнаго ландшафта неспособны порождать болѣзненной мечтательности. И дѣйствительно, любовь двухъ половъ, при всей ея страстности, была проникнута въ античномъ мірѣ тѣмъ свѣтлымъ сознательнымъ характеромъ, тою полною гармоніей, какія не встрѣчаются намъ нигдѣ.

Библиотека "Руниверс"

Отъ этого-то и древняя греческая лира воспѣвающая любовь, носитъ на себѣ такой удивительно-свѣтлый характеръ, такую опредѣленность и рѣзкую, чисто античную рельефность изображенія, эти роскошныя сверкающія и рдѣющія краски, эту громадную силу пластичности и изобразительности—такъ что мы въ этой роскошной лирикѣ не только переживаемъ вмѣстѣ съ поэтомъ ощущенія, но мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, переживаемъ цѣлый романъ любви, цѣлую античную исторію, хотя и въ малыхъ рамкахъ.

Греческій поэтъ Теокритъ представляетъ собою одинъ изъ блестящихъ образцовъ этой лирики, которую мы сейчасъ охарактеризовали. Онъ великій мастеръ въ изображеніи любви, и непремѣнно въ связи съ изображеніемъ той роскошной жизни природы, какъ ее понималъ и созерцалъ античный человѣкъ. Теокритъ творецъ такъ называемой буколической или пастушеской поэзіи. Онъ всегда изображаетъ простого человѣка, живущаго въ самыхъ первобытныхъ отношеніяхъ. Обыкновенно люди, изображаемые въ лирикѣ Теокрита, не знаютъ ни какихъ ремеслъ и ни какихъ населенныхъ городовъ. У него всегда прекрасный юноша въ лѣсистой долинѣ пасетъ стадо дикихъ быковъ... Возможно ли это и какимъ образомъ эти дикіе быки не разбѣгутся—Теокриту нѣтъ до этого дѣла. Прекрасныя дѣвочки всегда у Теокрита пасутъ овецъ и дикихъ козъ на живописныхъ склонахъ горъ. Мало по малу эти пастухи и пастушки знакомятся. Уединенная близкая къ природѣ жизнь сводитъ ихъ вмѣстѣ... Въ сердцахъ ихъ взаимно возбуждается любовь. Этотъ маленькій, розовощекій Богъ, именуемый амуромъ, и грозному колчану котораго не смѣютъ противиться даже боги и богини всесильно властвуетъ и здѣсь. Онъ властенъ въ первобытномъ мірѣ Аркадіи произвести и грозныя бури и молніи страстей и солнечное сіяніе кроткой и тихой любви. Вотъ, напримѣръ, что поетъ одинъ изъ Теокритовыхъ пастуховъ:

«Рѣшено. Я иду-иду пѣть пѣсню любви моей Амариллѣ... А козы пусть пасутся на горѣ. Ихъ будетъ сторожить мой милый Титиросъ... Да, Титиросъ, другъ мой, дорогой мой! Постереги моихъ козъ; сведи ихъ вонъ туда на холмъ къ источнику, Титиросъ! Только вотъ что: остерегайся ты вотъ того бѣлаго козла, вонъ, что идетъ впереди, онъ бодливъ... Ахъ, Амаррила, сладкая, дорогая моя! Зачѣмъ ты уже не выглядываешь болѣе изъ грота и не вонешь меня *твоимъ* сокровищемъ?.. Или ты сердита на меня?.. Можетъ быть, тебѣ не нравится мой носъ?.. Онъ такой плоскій, если смотрѣть на него вблизи?.... Ну, дѣвочка!.... Или борода моя слишкомъ длинна?.. Вотъ я несу тебѣ десять яблоковъ—вотъ смотри, я сорвалъ ихъ на верху холма,—а другія яблоки я принесу тебѣ завтра... Ну, посмотри-же какія мученія испытываетъ мое сердце!.. О, если бы былъ я жужжащей пчелкой—я полетѣлъ бы къ тебѣ въ гротъ; я проскользнулъ бы сквозь густую плющевую листву, сквозь папоротникъ, скрывающій тебя... Ну, теперь я знаю что такое Эросъ... О, это страшный богъ!... Онъ сосалъ грудь у дикой львицы. Мать воспитала его въ дикихъ горахъ... Эросъ насквозь прожегъ меня и пожралъ мозгъ въ моихъ костяхъ... О, сладкоокая нимфа! О, мраморная! О, чернобровая!.. Позволь ласкать и лобзать тебя пастуху въ своихъ объятіяхъ... Сладкое блаженство доставитъ мнѣ уже малѣйшій твой поцѣлуй... Вотъ я разорвалъ уже на клочки прекрасный вѣнокъ изъ плюща, который ты хотѣла, что бы я носилъ для тебя, Амарилла... Ахъ, что мнѣ дѣлать? что начать?... Ахъ, я бѣднякъ!... Ты не слышишь меня?... Я недавно гадалъ, любишь ли ты меня—гадалъ на листьяхъ мака—они завяли у меня на рукѣ .. Да вотъ и гадальщица Агрея, что гадаетъ на рѣшетѣ, та тоже мнѣ сказала, когда собирала колосья... Я пристаю къ тебѣ, какъ желѣзо, а ты не спрашиваешь обо мнѣ?...

Но вотъ является суровая красавица, и между свидѣвшимися завязывается такой разговоръ:

Дѣвочка.—Вотъ Елену—какъ она ни умна была,—похитилъ-же Парисъ—вѣдь тоже пастухъ былъ...

Пастухъ.—Да, вѣдь Елена первая добровольно поцѣловала этого пастуха?..

Дѣвочка—Ну, пожалуйста... не тронь... оставь мою руку!... Пожалуйста!....

Пастухъ—Ну, дай-ка я еще разъ поцѣлую...

Дѣвочка.—Пастухъ! Невообразжай, пожалуйста, что поцѣлуй такой ужь дешевый товаръ!.. Вотъ твоихъ телятъ—тѣхъ цѣлуй, пожалуй—а дѣвочку?.. Нѣтъ, это не про пастуховъ товаръ...

Пастухъ.—Какая спѣсивая! Вѣдь молодость пройдетъ какъ совъ...

Дѣвочка.—Такъ что жь?.. Виноградная ягода если и завянетъ, все еще у ней есть запахъ ровы...

Пастухъ.—Пойдемъ подъ маслину!.. Словечка два тебѣ скажу я.

Дѣвочка.—Не смѣй!.. Обманывалъ меня ты много разъ...

Пастухъ.—Тогда подъ вязъ пойдемъ!... Послушаешь моей свирѣли...

Дѣвочка.—Одинъ ты любишь этотъ пискъ... Ты думаешь, онъ нравится другимъ!..

Пастухъ.—Ну, отъ Эроса ты не можешь скрыться... Ни одна дѣвочка еще не спряталась отъ маленькаго бога!..

Дѣвочка—За мною сватаются много... спорятъ... только—жаль!.. Никто не тронулъ сердце мнѣ.

Пастухъ.—Ну, такъ я одинъ изъ многихъ!...

Дѣвочка.—Но другъ мой!... радость не большая... Супружество—вѣдь это мука!... Не приноситъ оно радости!

Пастухъ.—О! бракъ несетъ съ собой одни лишь торжества и счастье...

Дѣвочка.—Но говорятъ: жена *трепещетъ* передъ мужемъ?

Пастухъ.—Жена, напротивъ, госпожа... Чего ей трепетать?

Дѣвочка.—А сколько-бъ далъ ты для подарка къ свадьбѣ?

Пастухъ.—Моихъ быковъ, коровъ всѣхъ, луга и лѣсъ—Все получишь ты...

Дѣвочка.—А мнѣ жилье построишь ты? И помѣщенье для быковъ?

Пастухъ.—Построю. И весь твой скотъ пасти я буду...

Дѣвочка.—Ну, а что скажу я старику-отцу? Согласится-ль онъ?

Пастухъ.—Шепни ему мое лишь имя на ушко—тогда старикъ нашъ бракъ похвалитъ».

Эта прелестная и трогательная сцена мало того, что полна лиризма,—она представляетъ намъ цѣлую картину первобытной жизни. Мы могли ее передать только прозой, передавать же красоты поэзіи Теокрита нужно стихами, да еще какими!.. Жизнь идиллическая уже чужда и не понятна нашему времени, и отъ того всѣ новѣйшія подражанія Теокриту представляются крайне не совершенными, часто жалкими и смѣшными. Одному только великому Гете, прозванному за глубокое пониманіе античной жизни, *язычникомъ*, удалось воскресить древнеэллинскую идиллическую простоту въ поэзіи, но и то—простоту, насколько возможно создать генію поэта въ наше время. Тайна же изящества формы въ ея чистотѣ, для насъ потеряна на всегда.

Нѣмецкій художникъ Гофманъ-Зейдъ, одушевившись приведенною идилліей Теокрита, изобразилъ въ своей картинѣ (рисунокъ съ которой прилагается) истую античную парочку—въ интересный моментъ приведеннаго выше разговора.

Замѣтимъ въ заключеніе, что греческій поэтъ Теокритъ родился въ *Сиракузахъ* (въ Италіи) за два съ половиной вѣка до Рождества Христова, и жилъ преимущественно въ Египтѣ при Птоломеѣ Филадельфѣ. **Стр.**

Къ рисункамъ.

Тырново.

Терново, или вѣрнѣе, Тырново—столичный городъ древней Болгаріи. Онъ расположенъ въ горномъ ущеліи на берегу рѣки Янтры, изгибающейся между холмами и образующей родъ мыса, вокругъ котораго разстилается довольно обширная, также холмистая возвышенность, окруженная почти отвѣсными скалистыми горами Балкана. Окрестности Тырнова прекрасны. Болгарскій народъ выбралъ для своего главнаго города лучшее мѣсто въ странѣ.

Во время существованія Болгарскаго царства, Тырново былъ средоточіемъ богатства, торговли и роскоши. На мысѣ, образуемомъ рѣкой Янтрой, называемомъ Трапицеей (Кремлемъ), были построены укрѣпленные царскіе чертоги, которыхъ развалины видны и понынѣ. Противъ нихъ, на другомъ мысѣ, послѣдній царь Іоаннъ Шишманъ имѣлъ свое казнохранилище и свой гаремъ (гинеконъ), мѣсто это турки и теперь называютъ Кисъ-Исаръ (Дѣвичій мысъ).

Въ народныхъ преданіяхъ сохранилось много разсказовъ о развалинахъ Тырнова, о древнихъ болгарскихъ царяхъ. Говорятъ, что прежде, въ давнопрошедшія времена, мѣстность Тырнова была покрыта колючимъ терномъ—отсюда самое названіе города. При царѣ Болгарскомъ, Иванѣ, греки разбили Болгаръ, войско болгарское разбѣжалось; царь съ семьей своей хотѣлъ также бѣжать, но его встрѣтилъ пастухъ, который сказалъ ему, что стыдно царямъ бѣгать отъ непріятеля и обѣщалъ ему найти такое мѣсто, которое терномъ огорожено и откуда царя никакъ не достать.—Это мѣсто и былъ Тырновъ; тамъ царь Иванъ собралъ свое войско, и напавъ на врага, спасъ свою родину.

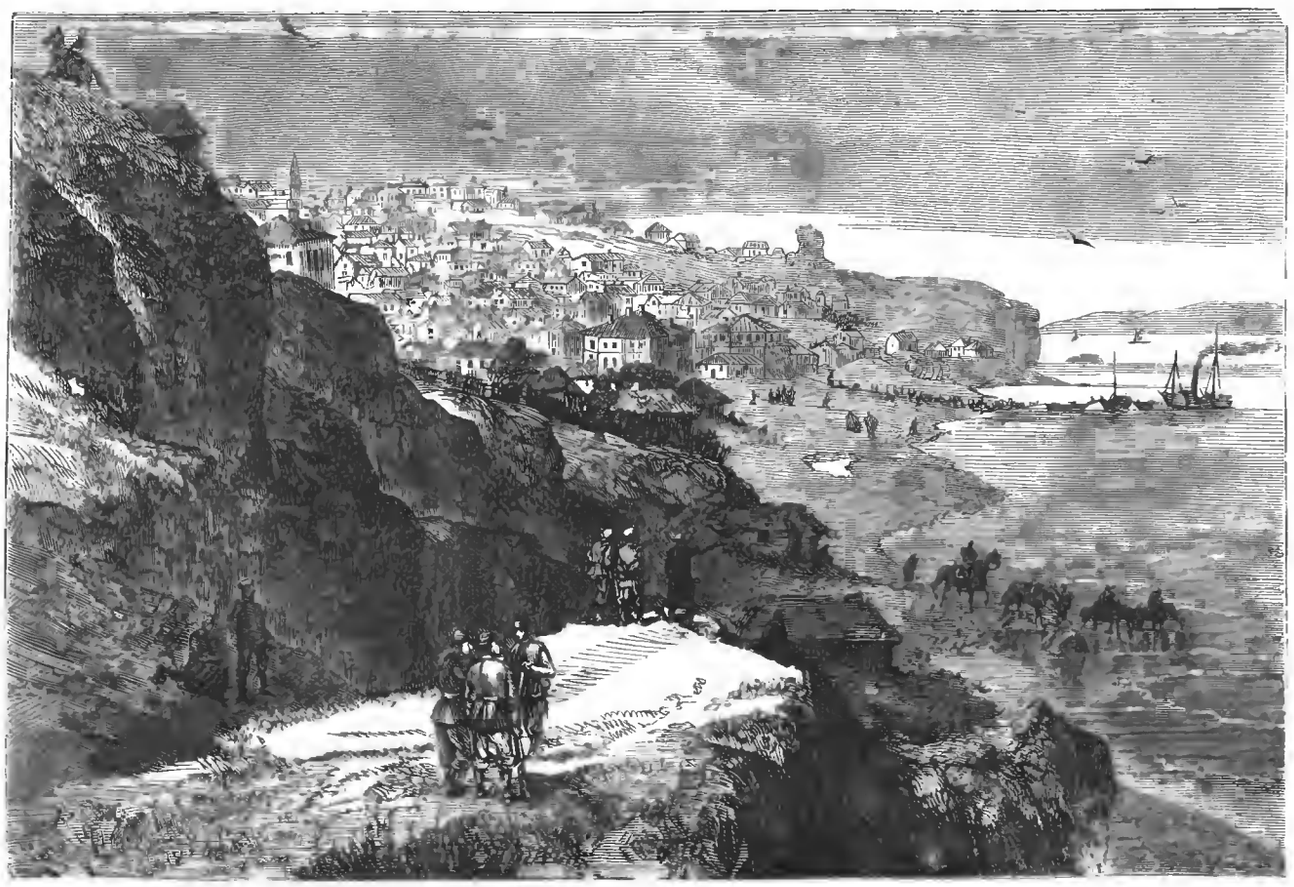
Терновъ былъ уже въ 976 году центромъ, изъ котораго распространилось возстаніе болгаръ, направленное противъ ихъ византійскаго повелителя. Впослѣдствіи, именно съ 1116 года городъ этотъ пріобрѣлъ значеніе какъ мѣстопребыванія епископа и какъ столица могущественнаго короля или царя болгарскаго, который изъ этого пункта, укрѣпленнаго природою искусствомъ предпринималъ поразнымъ направленіямъ отдаленные походы. Болгары уже впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ политически уничтожены, тѣмъ не менѣе считаясь до 5 милліоновъ человѣкъ и составляя основу населенія европейской турціи, имѣютъ значеніе и по настоящее время.

Терновъ резиденція перваго болгарскаго епископа и не только по промышленному но и по политическому значенію имѣетъ важность.

Городъ Тырновъ точно прилѣпился на покатости скалы и терассой спускается къ берегу Янтры.

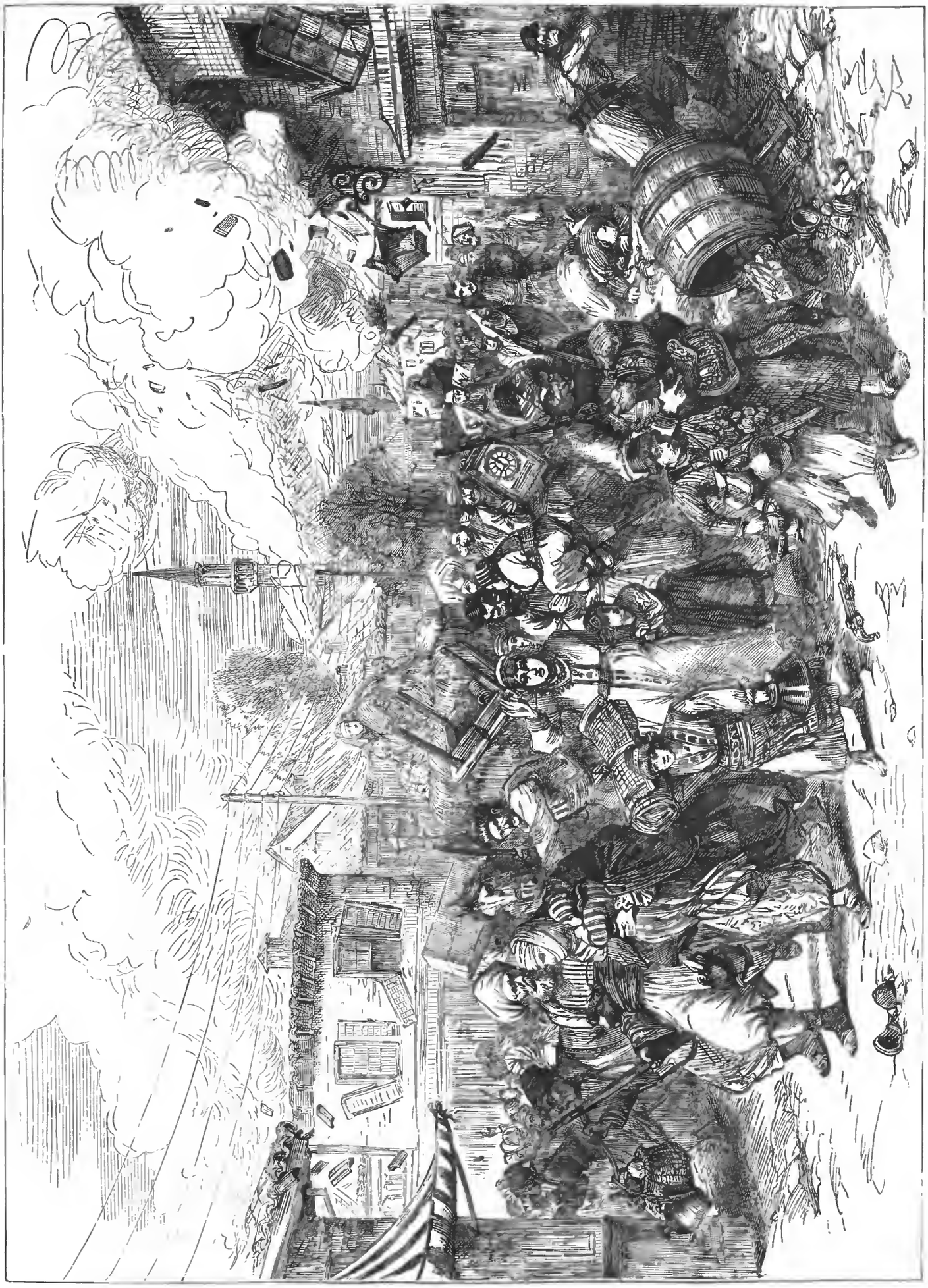
Библиотека "Руниверс"

Бѣгство изъ Андріанополя. Старый турокъ съ гаремомъ въ ожиданіи поѣзда близь станціи желѣзной дороги.
По наброску англійскаго корреспондента, грав. К. Вейерманъ.



Укрѣпленный городъ Гирсово. Съ фотограф. грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"



Бѣгство изъ Рущука во время бомбардированія города. По наброску англійскаго корреспондента, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Вслѣдствіе такого положенія улицы его не шире нашихъ тротуаровъ, такъ что по нимъ можетъ проѣзжать только одинъ экипажъ; самые дома построены въ нѣсколько этажей, съ безчисленнымъ числомъ балконовъ. Кажется, что дома стоятъ одинъ надъ другимъ. Все это придаетъ городу особенный характеръ. Тырновъ многолюдный городъ; въ немъ средоточіе болгарской народности. Изъ древнихъ зданій здѣсь существуетъ еще патріаршая церковь св. Апостоловъ, нынѣ метрополія; церкви: св. Дмитрія, въ которой короновались цари, и 40 мучениковъ, гдѣ погребали царей.—Говорятъ, что въ нихъ много болгарскихъ надписей и пергаментныхъ книгъ. Въ настоящее время церкви эти обращены въ мечети.

По завѣренію лицъ, побывавшихъ въ Болгаріи, народъ Болгарскій, сохранившійся въ своей чистотѣ въ Тырновѣ, обнаруживаетъ много симпатичныхъ чертъ. Другое дѣло представляютъ жители побережья. Смѣшиваясь съ молдаванами и греками болгары заимствовали отъ нихъ добрую дозу непривлекательныхъ качествъ. Говорятъ, что далѣе за Тырновымъ, къ горамъ, народъ еще добродушнѣй и лучше.

Въ настоящую войну городъ Тырново былъ взятъ, какъ извѣстно, генераломъ Гурко и въ него была переведена наша главная квартира; но вслѣдствіе неудачной аттаки Плевно генераломъ Криденеромъ главная квартира переведена въ Царевецъ. Въ Тырновѣ для защиты осталась значительная часть войска,—сильные корпуса. Будемъ ждать послѣдующихъ событій—мужество и самоотверженіе нашихъ солдатъ, подвиги, полные отваги и силы, нашихъ офицеровъ все заставляетъ вѣрить въ успѣхъ русскаго оружія и не падать духомъ отъ неудачъ и нѣкоторыхъ ошибокъ, почти неизбѣжныхъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ. Л.

Юношеская любовь шведскаго короля Густава Адольфа.

Съ весеннею, юношескою порою жизни шведскаго короля Густава Адольфа связывается одна прелестная, но трогательная и грустная идиллія. Густавъ Адольфъ, будучи возведенъ на королевскій тронъ, хотя и сдѣлался лицомъ самостоятельнымъ, полноправнымъ, однакоже этому государю пришлось испытать участь обыкновеннаго смертнаго. Молодому королю не суждено было раздѣлить тронъ свой съ избранницею сердца своего, и онъ *долженъ* былъ, страдая смертельною тоской влюбленнаго, отказаться отъ обладанія прелестною дѣвушкою, съ которою онъ такъ охотно, рука объ руку, прошелъ бы свой жизненный путь... Давно это было, но память о прекрасной возлюбленной короля-героя и до сихъ поръ жива въ Швеціи: поэты воспѣваютъ ту, которая носила имя *Эббы Браге*, живописцы изображаютъ ее на бумагѣ и полотнѣ; ихъ вдохновляетъ этотъ милый, печальный образъ, эта свѣтлая женская фигура на темномъ фонѣ прошедшаго... Эбба Браге была единственною дочерью королевскаго стольника, графа Магнуса Браге, рано овдовѣвшаго. Королева Христина, мать Густава Адольфа, приняла участіе въ дѣвочкѣ-сироткѣ, и когда Эббѣ исполнилось 16 лѣтъ—она взяла ее ко двору своему въ Стокгольмѣ. Хорошенькая, симпатичная, свѣтлокудрая графиня заинтересовала всѣхъ, а юный 18-лѣтній король такъ крѣпко влюбился въ нее, такъ былъ очарованъ этою дѣвушкою, что порѣшилъ возвести ее въ санъ своей супруги, сдѣлать Эббу Браге королевой Швеціи. Хорошенькая дѣвушка тоже не осталась равнодушной къ прекрасному королю-рыцарю и бракъ по любви былъ бы заключенъ, если бы осторожная, предусмотрительная королева-мать въ рѣшительную минуту не явилась предъ влюбленными. Умная женщина знала, что для пользы королевства (а Швеціи въ то время грозило много опасностей) бракъ Густава съ принцессой изъ какого-либо могущественнаго владѣтельнаго дома былъ гораздо выгоднѣе родства съ мѣстною графскою фамиліею, поэтому Христина употребила всѣ средства къ убѣжденію сына отказаться от.. этого брака, пустила въ ходъ интриги, чтобы разлучить влюбленныхъ и дала даже почувствовать молодой дѣвушкѣ неудовольствіе свое. Послѣ тяжелой борьбы, Эбба покорилась своей участи, написала трогательное письмо королю, прося его навсегда оставить мысль о союзѣ съ нею... Густавъ Адольфъ отвѣтилъ ей горячимъ письмомъ. „Во имя искренней любви, которую я питалъ и питаю къ вамъ—умоляю васъ не говорить мнѣ больше объ этомъ, не писать, что я долженъ забыть васъ! Напротивъ, мнѣ кажется, что упорствуя во взаимной вѣрности—а вѣдь она украшеніе истинной любви! мы должны еще разъ попытать счастье и пребывать въ твердой надеждѣ, что, оставаясь *неизмѣнными*, побѣдимъ наконецъ всѣ преграды, препятствія со стороны Ея Величества и доживемъ до желаннаго, счастливаго дня“...

Для влюбленныхъ снова наступила пора сладкихъ надеждъ и упованій, тѣмъ болѣе что и королева мать стала повидимому благосклоннѣе относиться къ чувству молодыхъ людей, требуя только отсрочки брака. Христина, конечно, хитрила. Секретнымъ образомъ она работала надъ тѣмъ, чтобы навсегда разлучить ихъ, и дѣйствительно, по прошествіи нѣкотораго времени, ей удалось съ помощью Акселя Оксенширны, бывшаго потомъ государственнымъ канцлеромъ, убѣдить наконецъ молодого короля въ томъ, что высшія государственныя соображенія требуютъ, чтобы онъ пожертвовалъ своею любовью, оставилъ Эббу Браге и вступилъ въ бракъ съ Амаліей Элеонорой, принцессой Бранденбургской... Много слезъ пролила бѣдная дѣвушка, много выстрадала она, но все на землѣ проходитъ—и Эбба сдѣлалась впослѣдствіи женою честнаго воина—графа Якова де-ла-Гарди. Будучи уже невѣстой графа, она написала на оконномъ стеклѣ въ королевскомъ замкѣ въ Стокгольмѣ слѣдующее двустишіе:

„Довольна я своей судьбой,
Благодарю, Создатель мой!“

Эти двѣ строчки Эбба Браге вырѣзала на оконномъ стеклѣ тѣмъ алмазомъ, который былъ вдѣланъ въ кольцо, подаренное ей Густавомъ Адольфомъ, когда онъ былъ еще ея женихомъ.

Поглядите, сколько тихой грусти во всей фигурѣ молодой дѣвушки! Она склонила головку на лѣвую руку, она оканчиваетъ вторую строчку, не подозрѣвая, что за нею наблюдаетъ придворная дама, вѣроятно, одна изъ фрейлинъ королевы Христины. Щ.

Синица Ремезъ.

(Aegithalus Pendulinus. Птицы съ висячими гнѣздами).

Въ предъидущихъ №№ „Нивы“ были помѣщены рисунки замѣчательныхъ построекъ птицъ: „Бесѣдковой Птицы“, „Птички-Портной“ и „Ласточки Аріэль“. Въ настоящемъ № приложенъ рисунокъ висячаго гнѣзда Синицы Ремезъ. Синица Ремезъ маленькая птичка, рѣдко болѣе 4 дюймовъ въ длину. Цвѣта ея перьевъ, хотя и не отличаются яркостью и особеннымъ блескомъ, но они очень красиво сочетаются между собою и даютъ въ общемъ пріятное цѣлое.

Синица Ремезъ относится къ разряду птицъ, устраивающихъ себѣ висячія гнѣзда. Отыщетъ Синица Ремезъ подходящую вѣтку дерева и начнетъ устраивать, прикрѣпляя къ вѣткѣ, свое теплое жилище. Синица Ремезъ обыкновенно выбираетъ для своего гнѣзда вѣтку, наклонившуюся надъ водой. Она любитъ берега потоковъ, такъ какъ кормится сѣменами водяныхъ растеній, различными насѣкомыми, личинками и мелкими молюсками, которыхъ такъ много въ водахъ.

Если смотрѣть на ея гнѣздо издали, то оно, будучи совершенно законченно, имѣетъ видъ огромной груши съ длиннымъ корешкомъ. Широкая часть гнѣзда виситъ книзу; отверстіе-же для входа устраивается съ боку. Матеріаломъ для постройки служитъ хлопчато-видный пухъ ивы и тополя. Случается, впрочемъ, хотя и чрезвычайно рѣдко, находить гнѣздо Синицы Ремезъ въ тростникахъ, въ которыхъ она выбираетъ для этого болѣе или менѣе глухія мѣста и въ нихъ устраиваетъ себѣ пріютъ, стараясь укрыться за толстыми стеблями отъ непрошенныхъ гостей.

Синица Ремезъ водится въ Европѣ и частью въ Азіи.

Бѣгство изъ Адріанополя.

Старый турокъ съ своимъ гаремомъ собрался въ походъ. Сосредоточенно, не обращая, повидимому, нисколько вниманія на окружающее, потягиваетъ старикъ-ага свой кальянъ. Женщины его гарема выглядываютъ изъ-за своихъ яшмаковъ съ той кокетливой пугливостью, какая свойственна восточной женщинѣ. Куда ѣдутъ онѣ?.. Не все ли имъ равно!.. Женщины гарема—это настоящія дѣти—беззаботныя, знающія только игру, пляски, сплетни, нѣгу въ бассейнахъ и баняхъ. За то вся забота выразилась на челѣ самого владѣльца гарема. „Куда идти отъ гяуровъ?“ настойчиво преслѣдуетъ его мучительный вопросъ. Занятый имъ старикъ не замѣчаетъ британскихъ корреспондентовъ, съ большимъ вниманіемъ посматривающихъ на стараго турка и на группу женщинъ его гарема.

Укрѣпленный городъ Гирсово.

Гирсово—это хорошо укрѣпленный городъ въ Болгаріи, въ Силистрійскомъ санджакатѣ, на правомъ берегу Дуная, не далеко отъ Бабадага. Расположенъ городъ чрезвычайно живописно, на утесистой отвѣсной гигантской скалѣ, у подножія которой разсыпались маленькія предмѣстья, населенныя валахами и греками. Въ древности этотъ городъ назывался *Аксіополемъ* (Axiopolis—достойный городъ). Такъ названъ онъ по всей вѣроятности при греческихъ императорахъ; но затѣмъ поселились здѣсь славянскія племена *Хрсово*. Такое названіе указываетъ на тотъ отдаленный періодъ, когда первобытныя славянскія племена, пораженныя величественнымъ скалистымъ возвышеніемъ, озарявшимся первыми лучами утренняго солнца, преимущественно считали его за жилище Бога Хорса—этого славянскаго Аполлона. Замѣчательно, что Хорсъ былъ обоготворяемъ наравнѣ съ *Діемъ* (Діу — тоже, что греческій *Зевсъ*) и *Трояномъ* (что указываетъ на императора Трояна), который былъ помѣщенъ въ число южнославянскихъ божествъ гораздо позднѣе. Еще и теперь въ крестьянскомъ болгарскомъ населеніи, живущемъ преимущественно около Гирсова, можно слышать пѣсню „*О царѣ Троянѣ*“, который „владѣлъ несмѣтными сокровищами и лилъ изъ 70 фонтановъ расплавленное золото и чисто ковано серебро“. Этотъ же Троянъ въ пѣсняхъ

Библиотека "Руниверс"

нашей Кіевской губерніи извѣстенъ подъ именемъ царя *Ермалана*, а у сербовъ тотъ же Троянъ уже извѣстенъ подъ именемъ *Триглава*, т. е. трехголоваго бога, снабженнаго почему-то восковыми крыльями и козлиными ушами и проч.

Было бы излишне здѣсь вдаваться въ описаніе множества другихъ преданій и пѣсенъ, связанныхъ съ мѣстностью около Гирсова и такъ рельефно рисующихъ миѳологическія вѣрованія южныхъ славянъ. Это составляетъ глубокій интересъ для миѳологіи и общеславянской культуры, а не относится непосредственно къ нашей замѣткѣ о Гирсовѣ, и мы сдѣлали это отступленіе только для того, чтобы показать, до какой степени для насъ русскихъ интересны въ историческомъ и культурномъ отношеніи всѣ города Болгаріи. Тотъ же складъ и характеръ миѳологіи и народныхъ первобытныхъ наивныхъ сказаній здѣсь, какъ и у насъ—особенно на нашемъ русскомъ югѣ.

Теперь постараемся указать на относительное военное значеніе Гирсова, насколько это доказала свѣжая практика.

Наши войска, корпуса генерала Циммермана, по переходѣ черезъ Дунай въ Добруджѣ, заняли *Гирсово* 15 (27) іюля одновременно съ *Тульчей*, не смотря на большое разстояніе между тѣмъ и другимъ пунктомъ. Резюмируя вкратцѣ наши военныя дѣйствія въ Добруджѣ, скажемъ словами рапорта Его Высочества Главнокомандующаго, что на Нижнемъ Дунаѣ, еще съ самаго начала кампаніи были устроены загражденія, и къ концу апрѣля мы, не имѣя флота, отняли у непріятеля Дунай отъ Рени до Браилова, а къ концу мая и весь Нижній Дунай, отъ Рени до Гирсова. Гирсово, такимъ образомъ, представляется крайнимъ южнымъ пунктомъ необыкновенно быстро взятыхъ нами въ Добруджѣ городовъ. Затѣмъ войска наши уже направились отъ Гирсова въ глубь Добруджи, къ югу, къ *Черны-воды* и *Кюстенджи*. Прибавимъ еще кстати, что отъ города Матчина, о которомъ у насъ была рѣчь прежде и который лежитъ гораздо сѣвернѣе Гирсова, къ послѣдней проведена дорога по высокому берегу Матчинскаго рукава. Военный опытъ 1853 года доказалъ, что занятіе Матчина уничтожаетъ всякое стратегическое значеніе Гирсова. Такъ, въ Крымскую компанію, съ занятіемъ Матчина русскими, турецкій гарнизонъ тотчасъ же ушелъ изъ Гирсова въ Силистрію. Слѣдовательно, значеніе Гирсова совершенно зависитъ отъ значенія Матчина. При взятіи перваго укрѣпленія, неизбѣжно парализуется и значеніе другого.

Уличная сцена въ Рущукѣ во время бомбардированія его нашими войсками.

Въ Болгаріи многіе существующіе теперь промышленные, укрѣпленные и населенные города возникли вмѣсто старыхъ славянскихъ городовъ, раззоренныхъ уже въ продолжительный періодъ турецкаго господства. Подобнаго рода города большею частью возникали уже на новыхъ мѣстахъ, невдалекѣ отъ развалинъ старыхъ городовъ. Таковъ и болгарско-турецкій городъ Рущукъ, или по болгарскому произношенію „Оростшукъ". На мѣстѣ его, на разстояніи отъ теперешняго Рущука *на полдня* пути, находился старинный болгарскій городъ *Червенъ*, принадлежавшій къ Тырновскому патріархату и вмѣщавшій въ себѣ множество монастырей. Еще въ XVII вѣкѣ были замѣтны развалины замка этого города и его стѣнъ. Затѣмъ всѣ слѣды его истребило варварство турокъ. Въ половинѣ XVI вѣка Рущукъ уже является однимъ изъ промышленныхъ городовъ, заселенныхъ колонистами изъ Рагузы, которые много способствовали поддержанію въ жителяхъ города стремленія къ освобожденію отъ ига турокъ. Были и попытки къ возстанію: особенно дѣятельна была въ этомъ отношеніи партія *Сергочевичей*, дѣйствительно начавшая открытое возстаніе въ 1595 г. въ Тырновѣ, бывшемъ въ тѣсномъ союзѣ съ Рущукомъ. Попытка неудалась; точно также неудались и послѣдующія попытки. Затѣмъ, когда въ началѣ текущаго вѣка началась эпоха наполеоновскихъ войнъ, тогда, во время переговоровъ Тильзитскаго мира была рѣчь и объ освобожденіи христіанъ. Турція была въ опасности, и вотъ тогда-то извѣстный рущукскій паша, *Мустафа Баръ-Яктаръ*, сдѣлалъ попытку освободить султана Селима III, заключеннаго въ своемъ сералѣ,—но безуспѣшно. Далѣе Рущукъ дѣлается извѣстнымъ по своей стойкости, съ которою онъ противился нашимъ войскамъ, сдѣлавшимъ побѣдоносный походъ въ Болгарію въ 1810 году. Русскіе подъ предводительствомъ *Воронцова*, *Каменскаго* и *Вяземскаго* взяли *Плевну*, *Ловчу* и *Тырново*. Только Рущукъ отчаянно сопротивлялся, но и онъ не устоялъ бы, если бы не наступила жестокая зима, заставившая насъ отдать назадъ всю завоеванную область до *Никополя*, *Рущука* и *Силистріи*. Далѣе, по мѣрѣ повторенія нашихъ войнъ съ Турціей, мы по необходимости должны были входить въ соприкосновеніе съ Рущукомъ, такъ какъ онъ входитъ въ пресловутый оборонительный четыреугольникъ турецкихъ крѣпостей.

Рущукъ, кромѣ важности своихъ укрѣпленій, главный городъ санджаката. Число жителей болѣе 25,000 челов. Торговля его была всегда оживленною. Извѣстны также фабрики: суконная, юфтяная, кисейная. Причиною промышленнаго процвѣтанія служитъ то, что Рущукъ расположенъ на большомъ пути изъ Бухареста въ Константинополь. Какъ крѣпость, Рущукъ, на равнѣ съ Силистріей, имѣетъ тотъ недостатокъ, что не обезпеченъ отдѣльными укрѣпленіями на лѣвомъ берегу Дуная. Бомбардированіе нашими войсками Рущука происходило въ 20-хъ числахъ минувшаго іюля. Оно совершалось какъ согласно утверждаютъ всѣ корреспонденты съ громадною энергіей. Нашъ огонь былъ, впрочемъ, направленъ не на городъ, а на форты.

Прилагаемый здѣсь рисунокъ представляетъ уличную сцену въ Рущукѣ во время бомбардированія города нашими войсками. Это превосходное croquis, сдѣланное однимъ изъ англійскихъ художниковъ. Сколько жизни въ этой безпорядочной уличной толпѣ, перетрусившей, оторопѣвшей, спѣшащей убраться изъ стѣнъ города по добру-по-здорову! Какъ и всѣ промышленные и мануфактурные города, Рущукъ содержитъ въ числѣ своихъ жителей большой процентъ буржуазіи, всегда невоинственной и трусливой. Оттого-то вышелъ у художника до такой степени вѣрнымъ дѣйствительности паническій страхъ, объявшій рущукскую буржуазію, подъ градомъ трескающихся раскаленныхъ ядеръ...

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

На прошлой недѣлѣ получено съ театра войны оффиціальное опроверженіе нелѣпыхъ, распущенныхъ иностранными газетами, преимущественно враждебными намъ, слуховъ о неудачномъ ходѣ дѣлъ на Дунайскомъ театрѣ войны. Опроверженіе это содержится въ телеграммѣ Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміей. «Разъ на всегда прошу,—говорится въ телеграммѣ Великаго Князя,—не обращать никакого вниманія на систематическую ложь, распространяемую турецкими газетами и враждебною намъ частью европейской печати. Если отъ меня нѣтъ никакихъ извѣстій, то это значитъ только, что *все благополучно* и *новаго ничего нѣтъ*». Въ телеграммѣ говорится также, что извѣстія иностранныхъ газетъ о преслѣдованіи нашихъ войскъ турками въ Систово, о неудачныхъ нашихъ попыткахъ обложить Рущукъ и Силистрію, *о* побѣдахъ турокъ при Рущукѣ и Разградѣ—все это «*наглая ложь, распространенная враждебною намъ печатью*»...

Вопросъ на Дунайскомъ театрѣ войны поставленъ ясно. Мы потерпѣли значительныя неудачи при атакахъ Плевны. Потери же людей, выбывшихъ изъ строк, самимъ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ признаны «громадными». Но, какъ мы уже замѣчали прежде, эти потери не могутъ измѣнить общаго результата войны...

Теперь вся сущность дѣла состоитъ въ прибытіи на театръ войны подкрѣпленій, въ ускореніи перехода этихъ подкрѣпленій черезъ Дунай, для каковой цѣли, въ настоящее время, у Зимницы, какъ извѣщаютъ послѣднія телеграммы, дѣлаются приготовленія къ постройкѣ 4-хъ мостовъ. Далѣе, по нижнему теченію Дуная, у Пиргоса, близь Рущука, тоже построенъ нашими войсками мостъ. Такимъ образомъ дѣлается обезпеченною переправа въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Такъ какъ, слѣдовательно, теперь совершаются съ нашей стороны на Дунаѣ только приготовительныя операціи, то *новаго ничего нѣтъ*, т. е. новаго въ смыслѣ важности и обширности размѣровъ. О второстепенныхъ же дѣйствіяхъ на Дунаѣ на прошлой недѣлѣ получены слѣдующія извѣстія:

Телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго изъ *Горнаго-Студеня*, сообщаетъ, что 31-го іюля въ 2 часа дня, турецкая кавалерія, около 700 человѣкъ, аттаковала *Жидины*, близь Разграда. При этомъ 4-й эскадронъ Лубенскаго гусарскаго полка отбилъ нападеніе. Въ концѣ схватки подошелъ батальонъ съ 2-мя орудіями. Непріятельская кавалерія, за которою, какъ видно, была также пѣхота съ артиллеріею, отступила. Съ нашей стороны при этомъ *убиты* корнетъ *Барановскій* и 4 нижнихъ чина. *Тяжело ранены*: ротмистръ *Левенталь* и штабъ-ротмистръ *Богдановъ* и 9 нижнихъ чиновъ.

Затѣмъ извѣстно, что 2-го августа наши баттареи въ Слободзеѣ открыли огонь по рущукскимъ паровымъ мельницамъ, при этомъ сожгли 8 мельницъ и заставили замолчать рущукскія баттареи. Того же числа утромъ турецкая пѣхотная колонна съ 2-мя сотнями кавалеріи стала наступать отъ *Плевно* на *Тукенницу*, но, встрѣченная огнемъ нашей артиллеріи, отступила и вслѣдъ затѣмъ передовые посты наши заняли свои мѣста.

Между *Рущукомъ* и *Шумлою* (на среднемъ пунктѣ разстоянія между тѣмъ и другимъ находится и *Разградъ*), на прошлой недѣлѣ происходилъ *рядъ сраженій*, цѣль которыхъ съ нашей стороны, какъ увѣряютъ корреспонденты иностранныхъ газетъ, состояла въ томъ, чтобы не упускать изъ виду непріятеля и знать въ точности его силы, положеніе и движенія. Теперь уже даже вѣнскія телеграммы изъ Константинополя, большею частью систематически извращающія событія въ пользу турокъ, говорятъ, что берегъ рѣки Лома (т. е. западный или лѣвый къ востоку отъ *Яктры*) занятъ русскими войсками у *Попкея* и *Яселари*. У Попкея

Библиотека "Руниверс"

и Яселари, прибавляетъ телеграмма, также находятся обширные лагери русскихъ. На всемъ пространствѣ между Ломомъ, дорогою въ Разградъ, Джумою и Османъ-Базаромъ, всѣ селенія, по большей части населенныя турками, покинуты жителями. Если взглянуть на карту, то эта площадь представляется весьма значительною. *Джумая* отстоитъ уже очень близко отъ Шумлы, составляющей юго-западный уголъ въ извѣстномъ четвероугольникѣ турецкихъ крѣпостей.

На прошлой недѣлѣ намъ стало также извѣстно о потеряхъ, понесенныхъ отрядомъ генерала Гурко со 2-го по 20-е іюля. Именно отрядъ Гурко потерялъ за это время: 10 офицеровъ и 181 нижнихъ чиновъ убитыми, 24 офицеровъ и 709 нижнихъ чиновъ ранеными; 9 офицеровъ контуженными и 57 нижнихъ чиновъ безъ вѣсти пропавшими. Что касается потерь болгарскаго ополченія, то онѣ исчисляются около 600 нижнихъ чиновъ и 22 офицера убитыми и ранеными Болѣе точная цифра убитыхъ и раненыхъ будетъ опредѣлена впослѣдствіи.

Судя по всѣмъ извѣстіямъ изъ Закавказья за прошлую недѣлю, наши войска скоро перейдутъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. И дѣйствительно, послѣдняя телеграмма изъ Эрзерума извѣщаетъ, что русскій центръ уже поручилъ значительныя подкрѣпленія и *началъ наступательное движеніе*. Важнѣйшую непріятельскую силу имѣетъ здѣсь корпусъ Измаила-паши. Онъ-то и задержалъ отрядъ генерала Тергукасова въ его движеніи впередъ.

Объ этомъ обстоятельно извѣщаетъ насъ телеграмма начальника штаба, Кавказскаго военнаго округа изъ Александрополя. По этой телеграммѣ непріятельскій корпусъ Измаилъ-паши остановился противъ отряда генерала Тергукасова, имѣя по-сю сторону горъ только свой авангардъ. Главныя же силы этого корпуса «до 40 батальоновъ съ многочисленною кавалеріей и 55-ю орудіями» сосредоточиваются въ мѣстности близь Мысынскаго ущелья.

За тѣмъ извѣстно, что въ послѣднее время съ нашей стороны предпринимались рекогносцировки позицій Мухтара-паши. Именно 27-го минувшаго іюля нашъ Грузинскій полкъ съ баттареей осматривалъ укрѣпленія непріятельскаго центра. Непріятельская кавалерія, въ этотъ же день, аттаковала наши аванпосты, находящіеся впереди Башъ Кадыкъ Лара; но спѣшившіеся казаки, два подоспѣвшіе батальона и сѣверскіе драгуны съ успѣхомъ отбили эту аттаку.—Ингурскій отрядъ генерала Алхазова, сдѣлавъ значительное движеніе впередъ, остановился 31-го іюля у Атары, на р. *Кодоръ*, гдѣ и устроиваетъ переправу. Кавалерія отряда уже перешла на правый берегъ рѣки.

Въ Кабулетскомъ отрядѣ 1-го августа турки аттаковали охотниковъ, расположенныхъ на правомъ флангѣ нашей Мухаэстатской позиціи, но прибывшій резервъ охотниковъ подъ командою Генеральнаго Штаба капитана Клечковскаго и пѣшая дружина войсковаго старшины князя Джорджадзе оттѣснили его къ рѣкѣ Ачкуа. Въ завязавшейся затѣмъ по всей линіи перестрѣлкѣ принимали участіе артиллерія обѣихъ сторонъ и турецкіе броненосцы. У насъ убито 23 и ранено 38 нижнихъ чиновъ.

— Въ «Прав. Вѣстн». телеграфируютъ, изъ Горнаго Студеня, что Его Величество Государь Императоръ, съ своею главною квартирой изволилъ прибыть туда. Въ Горномъ же Студенѣ, какъ сказано выше, находится въ настоящее время и Его Императорское Высочество главнокомандующій.

Засимъ изъ Бухареста телеграфируютъ:

«Генералъ Гурко увѣряетъ, что позиціи русскихъ войскъ отъ Дуная до Шипкинскаго прохода настолько сильны, что турки едвали рѣшатся аттаковать ихъ.

«Обѣ арміи постоянно заняты устройствомъ окоповъ. Въ Плевнѣ турки укрѣпились чрезвычайно сильно; тѣмъ не менѣе положеніе Османъ-паши затруднительно, такъ какъ многочисленная кавалерія расположенныхъ противъ него 80,000 русскихъ войскъ совершенно прервала связь его съ Софіей и, задерживая транспорты съ боевыми припасами и провіантомъ, затрудняетъ продовольствіе войскъ Османъ-паши.

«Русскіе вовсе не выступаютъ изъ Добруджи; напротивъ, корпусъ генерала Циммермана постоянно получаетъ подкрѣпленія и намѣренъ перейти въ наступленіе».

Въ политическомъ мірѣ наиболѣе важными представляются теперь слѣдующія событія.

— Наканунѣ прошлой недѣли окончилась сессія Англійскаго парламента. Въ заключительной тронной рѣчи, произнесенной по этому поводу, сказано, что «Англія будетъ соблюдать нейтралитетъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ затронуты ея интересы, изложенные въ сообщеніи Русскому правительству». Во время преній въ палатѣ общинъ, г. Форстеръ сдѣлалъ рѣзкій намекъ на истинную причину слишкомъ уже глухого и неяснаго обсужденія восточнаго вопроса въ Парламентѣ. Вообще, политика Англіи признается большею частью европейской печати благопріятною миру, но въ то же время подтверждающею политику «*условнаго*» нейтралитета. Другими словами: подраться съ Россіею Англія-бы и не прочь, да подходящаго союзника нѣтъ пока.

Газеты на прошлой недѣлѣ были наполнены толками, что Англіи предстоитъ опасность, и даже съ той стороны, съ которой она можетъ быть ее менѣе всего ожидала. Именно въ Авганистанѣ грозитъ вспыхнуть противъ Англіи такъ называемая «Джихатъ» или *Священная* война (т. е. война, имѣющая исключительно фанатическій конфессіонный характеръ, война правовѣрныхъ магометанъ противъ гяуровъ). Что-бы понять это явленіе необходимо помнить, что англійская политика въ Азіи хватила уже черезъ край. Отъ «мирнаго наблюденія» Англія неожиданно перешла къ энергическому завоеванію Келата. (Хана Келатскаго Англія поймала въ ловушку. Давъ ему ежегодную субсидію въ 10,000 фунтовъ стерлинговъ, она вѣроломно исторгнула у него для себя право занять главные города ханства своими войсками). Въ Келатѣ въ недавнее время произошли возмущенія, и убитъ одинъ англійскій офицеръ. По этому поводу въ англійскомъ парламентѣ были уже горячія пренія. Гронтъ Дуферъ сдѣлалъ въ Палатѣ Общинъ запросъ о мотивахъ, на основаніи которыхъ ведется *слишкомъ уже* наступательная политика Англіи въ Средней Азіи, Гронтъ-Дуферъ рѣзко порицалъ эту политику, и надо думать, что перевѣсъ общественнаго мнѣнія на его сторонѣ. Интересъ этого факта состоитъ, главнѣе всего, въ его неожиданности для Англіи и въ близорукости, съ которою она увлеклась завоеваніями. Теперь министерство Дизраэли не знаетъ, на чемъ сосредоточить вниманіе: на азіатскихъ ли дѣлахъ, или на русско-турецкой войнѣ.

— Франція переживаетъ въ настоящую минуту одинъ изъ жесточайшихъ кризисовъ своей политической жизни. Благодаря несчастному перевороту, произведенному президентомъ Макъ-Магономъ 16 мая текущаго года, эта ci-devant великая страна потеряла всякій голосъ въ международныхъ дѣлахъ Европы. Послѣ низверженія министерства Жюль-Симона импровизированное министерство Брольи-Фурту теперь окончательно запуталось. Правительство подавило свободу выборовъ, замѣстило своими чиновниками личный составъ мѣстной администраціи. Чиновники должны произвести *давленіе* на выборъ депутатовъ въ палату. Есть слухи, что если, паче чаянія, республиканская партія все таки побѣдитъ то Макъ-Магонъ приметъ внѣшнюю «воинственную» политику. Какая это политика—понятно: клерикализмъ радъ бы былъ создать новую Крымскую кампанію.

Внутреннихъ извѣстій, какъ конечно замѣчаютъ наши читатели, мы въ послѣднее время давали очень немного, именно потому, что въ настоящій моментъ, переживаемый Россіей, почти все сосредоточивается на театрѣ военныхъ дѣйствій, и внутренняя жизнь страны отдвинулась нѣсколько на задній планъ. Въ настоящее время можемъ, пока, указать на то, что состоялось Высочайшее повелѣніе о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г., въ полномъ ихъ объемѣ, въ девяти западныхъ губерніяхъ: Кіевской, Волынской, Подольской, Витебской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Могилевской и Минской.

За симъ отмѣчаемъ печальный фактъ—пожара въ Самарѣ. 24—26 іюля въ этомъ городѣ выгорѣло шестнадцать кварталовъ.

Ея Императорское Величество, глубоко соболѣзнуя объ участи, постигшей жителей города Самары и принимая во вниманіе то живое участіе, съ которымъ Самарская губернія пришла на помощь раненымъ нашей арміи, Высочайше изволила поручить главному управленію общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ отправить изъ особаго капитала для пособія по случаю народныхъ бѣдствій и изъ другихъ источниковъ *сто тысячъ рублей* въ самарское мѣстное управленіе, для удовлетворенія первѣйшихъ нуждъ города и для пособія бѣднѣйшимъ и наиболѣе пострадавшимъ отъ пожара жителямъ.

Въ-заключеніе сообщаемъ цѣны акцій и облигацій на с.-петербургской биржѣ 10-го августа.

Полуимперіалы 7 р. 94. 5% бил. госуд. банка перваго выпуска 94 1/8, втораго выпуска 92, третьяго выпуска 91 7/8, четвертаго выпуска 92 1/8. 6% серебромъ 110. 5% 2 займа 1822 г. 113. 5% тоже 5 займа 1854 г. 92 5% тоже 7 займа 1862 г. 118. 5% Восточный заемъ 88 3/8. 5% внутр. съ выигр. заемъ 1864 г. 207. 5% внутр. съ выигр. заемъ 1866 г. 208. 5 1/2% ренты 99 3/4. 5% консолидир. обл. желѣз. дор. 2 вып. 118 3/4. 5% консолидир. обл. желѣз. дор. 3 вып. 118 3/4. 5% консолидиръ обл. желѣз. дорогъ 4 выпуска 118 3/4. 4 1/2% консолидир. обл. желѣзныхъ дорогъ 5 вып. 110. 5% заемъ гор. Петерб. 85. 5% облиг. с.-пет. гор. кредитн. общества 87. 5% облиг. моск. гор. кредитн. общества 85. 5 1/2% облиг. одесскаго город. кред. общ. 76. 5% закл. листы общ. взаим. позем. кред. 111 3/4. 5 1/2% закл. л. земск. банка херсон. губ. 85.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ 32 № „Нивы“ вкралась ошибка въ заглавіи исторической повѣсти Вс. Соловьева. Продолженіе этой повѣсти будетъ печататься во всѣхъ послѣдующихъ №№ „Нивы“ подъ заглавіемъ: „Юный Императоръ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Бой „Весты“ съ турецкимъ броненоснымъ корветомъ (съ портретомъ).—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть первая (продолженіе).—Любовь по идилліямъ Теокрита (съ рисункомъ) Стр.—Терново (съ рисункомъ) Л.—Юношеская любовь шведскаго короля Густава Адольфа (съ рисункомъ) Щ.—Синица Ремезъ (съ рисункомъ).—Бѣгство изъ Адріанополя (съ рисункомъ).—Укрѣпленный городъ Гирсово (съ рисункомъ).—Уличная сцена въ Рущукѣ во время бомбардированія его нашими войсками (съ рисункомъ).—Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

Дозволено цензурою. СПБ. 10 Августа 1877 г. Тип. Воединаго Анд. пр. № 10.

Библиотека Гуманитарн

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 34 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 22 Августа 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева.	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи .	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

Контора журнала «Нивы» помѣщается въ С.-Пбургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

Въ Закавказьѣ.

Внутренность татарскаго дома въ Закавказьѣ. Рис. Гомонъ, грав. Шапонъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ исторіи Закавказья.

Исторія распространенія русскаго владычества по ту сторону Кавказа ведетъ свое начало со временъ первыхъ русскихъ князей. Наше отечество, уже въ самомъ началѣ образованія его подъ династіей Рюрика, владѣло землями у самаго Кавказа и не разъ приносило свое оружіе къ югу отъ этихъ горъ. О войнахъ князей русскихъ съ кавказскими народами и о покореніи этихъ послѣднихъ или обложеніи ихъ данью, упоминается неоднажды въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ нашихъ. Въ 966 году Святославъ ходилъ войною на Козаръ (къ сѣверу отъ Кавказскихъ горъ, между Дономъ и Каспіемъ) и Косогоръ (нынѣшнихъ черкесовъ и кабардинцевъ); въ 1022 году Мстиславъ обложилъ данью этихъ послѣднихъ. Дружественныя отношенія наши съ Закавказьемъ были во времена Изяслава. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Азабикской; впослѣдствіи одинъ изъ сыновей князя Андрея Боголюбскаго, Георгій, былъ въ супружествѣ съ славною грузинскою царицею Тамарою. Но утвержденію и дальнѣйшему распространенію русскаго могущества въ этихъ странахъ воспрепятствовали съ XII вѣка усилившіеся здѣсь половцы, а потомъ нашествіе монголовъ, отбросившее русскіе предѣлы далеко на сѣверъ. Послѣ этого русское владычество стало подаваться на югъ Кавказа только со временъ совершеннаго паденія Золотой Орды. Не касаясь подробностей той продолжительной борьбы, какую приходилось здѣсь вести намъ со временъ Ѳедора Іоанновича, сражаясь попеременно то съ разными ханами, то съ Персіей, то съ Турціей, замѣтимъ, что только чрезъ восемь вѣковъ послѣ перваго вторженія нашего въ Закавказье (считая со временъ первыхъ русскихъ князей) перешагнули мы снова за этотъ хребетъ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ Персидскій походъ 1722 года, подъ личнымъ предводительствомъ Петра Великаго, войска наши проникли чрезъ Дагестанъ до Дербента и потомъ отдѣльный отрядъ, посланный моремъ, занялъ г. Рештъ (въ Персіи, въ разстояніи мили отъ Каспійскаго моря). Послѣдствіемъ этого было, какъ извѣстно, заключеніе мира съ Персіей, по которому уступались Россіи всѣ персидскія области, лежащія при Каспійскомъ морѣ: Дагестанъ, Ширеванъ, Гиланъ, Мазандеранъ и Астрабадъ. Засимъ идетъ снова рядъ столкновеній, то съ Турціей, то съ Персіей, о которыхъ мы не имѣемъ возможности здѣсь подробно разсказать. Напомнимъ лишь по поводу присоединенія къ нашимъ владѣніямъ ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, что эти ханства присоединены по договору нашему съ Персіей (Турманчайскій мирный договоръ) 10-го февраля 1828 года, состоявшемуся вслѣдствіе блистательныхъ пораженій персидскихъ войскъ графомъ Паскевичемъ. Эти новопріобрѣтенныя ханства, по введеніи въ нихъ русскаго управленія, составили особую Армянскую область. Вслѣдъ засимъ, благодаря тоже военнымъ успѣхамъ графа Паскевича (уже въ борьбѣ съ Турціей) было присоединеніе къ Закавказскимъ владѣніямъ нашимъ сосѣдняго съ Грузіей и Имеретіей Ахалцыхскаго пашалыка.

Какъ турецкая, такъ и персидская войны увеличили населеніе Закавказья большимъ числомъ выходцевъ христіанскаго и магометанскаго исповѣданій, которые, испытавъ во время войны превосходство русскаго управленія предъ азіатскимъ владычествомъ, переселились добровольно изъ Эрзерумскаго, Баязетскаго и Карскаго округовъ въ новопріобрѣтенныя нами—область армянскую и ахалцыхскую провинцію.

Такимъ образомъ власть русская въ Закавказьѣ утвердилась съ тридцатыхъ годовъ этого столѣтія съ нѣкоторой прочностью, оставались въ волненіи только нѣкоторыя мѣстности по сѣверному склону Кавказа и проникали эти волненія за укрѣпленія Кавказской линіи, что продолжалось, какъ извѣстно, до паденія Шамиля. Административное устройство Закавказья не только въ первый періодъ, послѣдовавшій за водвореніемъ въ немъ русскаго владычества, но даже отчасти и теперь, носитъ на себѣ слѣды недавняго (сравнительно) присоединенія края къ имперіи.

Въ настоящее время Закавказскій край раздѣляется на пять губерній: Тифлисскую, Эриванскую, Бакинскую, Кутаисскую и Елизаветпольскую По чрезвычайному разнообразію въ краѣ мѣстныхъ условій общественной жизни, опредѣляющихся такимъ же разнообразіемъ началъ этнографическихъ, религіозныхъ и историческихъ, долго не представлялось возможнымъ подвести всѣ мѣстности этого края подъ одну общую административную норму. При этомъ нельзя не замѣтить, что по изученію быта и нравовъ этого края, представляющаго громадное богатство матеріаловъ, до сихъ поръ еще слишкомъ мало сдѣлано.

Въ предъидущемъ № „Нивы" мы имѣли случай (по поводу рисунка „Залъ въ богатомъ домѣ въ Шушѣ") сказать, что населеніе Шуши, какъ и окрестныхъ мѣстностей, состоитъ изъ туркоменовъ, лезгинъ, грузинъ, армянъ и особенно татаръ. Здѣсь замѣтимъ, что къ числу позднѣйшихъ переселенцевъ Кавказскаго края принадлежатъ: —турки, населяющіе южную часть Кутаисской губерніи, татары—въ большей части Бакинской, персы—въ южной части этой губерніи. Относительно же собственно кавказскихъ горскихъ племенъ, разбросанныхъ по Кавказскому хребту и по обѣимъ его сторонамъ, то въ виду многочисленности ихъ остается только указать на главныя племена. Всѣхъ ихъ раздѣляютъ на пять: абхазы, черкесы (32 народа), чеченцы, лезгины и авары (36 народовъ) и осетины (16 народовъ).

Промышленность этого края имѣетъ большую будущность, теперь же она находится въ младенческомъ состояніи. Скажемъ здѣсь, что край этотъ надѣленъ природою щедро, но пользуются этимъ даромъ пока весьма еще неумѣлыя руки. Главнѣйшія отрасли промышленности — винодѣліе, шелководство; сѣютъ сорочинское пшено, хлопчатую бумагу, табакъ, ленъ, пшеницу; кромѣ винограднаго вина и водки, приготовляютъ водку изъ фигъ, тутовыхъ ягодъ и другихъ фруктовъ; скотоводствомъ занимаются преимущественно кочевые жители. Лучшими лошадьми во всемъ Закавказьѣ славятся карабахскія лошади. Изъ овечьей шерсти женщины приготовляютъ ковры, обувь и шали и шерстяную матерію, изъ которой шьютъ верхнее платье.

Женщины не отличаются крѣпостью силъ, но славятся красотою формъ. Онѣ, какъ и мужчины, имѣютъ цвѣтъ лица смуглый, волосы черные. Закавказье, какъ мы сказали выше, представляетъ еще во многихъ отношеніяхъ массу сырого матеріала для изслѣдователя.

Укажемъ на нѣкоторыя черты изъ нравовъ Закавказья. Путешественникъ распрашиваетъ о заинтересовавшемъ его человѣкѣ. Ему отвѣчаютъ, что онъ убійца своей жены и ея друга.

— Что же онъ у васъ дѣлаетъ?

— Онъ въ изгнаніи. Начальники поручили намъ оберегать его отъ враговъ—братьевъ убитыхъ.

— Ты давно здѣсь, спрашиваетъ онъ убійцу.

— Три мѣсяца.

— Не скучаешь?

— Нѣтъ. Тутъ не до скуки. Ждешь, что вотъ-вотъ кто нибудь угоститъ пулею въ затылокъ или кинжаломъ въ спину.

— Почему же ты опасаешься именно за затылокъ и спину.

— Враги мои трусы и рѣшатся убить меня только исподтишка и сзади.

— А много ихъ?

— Да хватитъ на всю жизнь: пять со стороны жены, семь—со стороны любовника....

Онъ разсказалъ потомъ какъ убилъ жену:

„Мелькнуло у меня нечистое подозрѣніе, ревность. Я все стыжу самъ себя, думаю—экой я! Ну, можетъ-ли такое быть?.. Старался быть поспокойнѣе и нѣтъ—не удается! А сатана шепчетъ—чего ужъ тутъ притворяться слѣпымъ, когда все ясно?.. Не знаю что дѣлать! Мучаюсь—да и только. Наконецъ рѣшился. Поймать, думаю, ихъ на мѣстѣ! Объявилъ женѣ, что ѣду и не вернуться мнѣ ранѣе недѣли. Она говоритъ „ахъ"—и будто загрустила. Я вышелъ и окольнымъ путемъ свернулъ въ конюшню. Темно, душно, жарко. Изъ конюшни у меня было сдѣлано отверстіе въ стѣнѣ, при помощи котораго можно было видѣть внутренность моей сакли, и я сѣлъ противъ него. Жена сначала сидѣла задумчиво. Потомъ вдругъ вскочила и весело засмѣялась, и такъ то мнѣ больно стало! Вижу—радуется, что меня нѣтъ. Я сталъ пристально слѣдить за ней. Губы ея шевелятся. Слышу шепчетъ: „О Аллахъ, пророкъ, пусть пропадетъ онъ, не вернется"! Взяла жестяной кувшинъ, налила изъ него воды въ котлы, закинула она его на спину и вышла изъ сакли. Думаю—ну, это идетъ она не за водою, а за любовникомъ. Долго ждалъ я. Часъ полуденной молитвы давно прошелъ, приспѣла и вечерняя. Не могу молиться. Надо совершить омовеніе, воды въ конюшнѣ нѣтъ. Думаю: надо помочь бѣдѣ! Дозволяется, когда нѣтъ воды, брать свѣжую землю. И ея тоже негдѣ взять въ конюшнѣ. Выбѣжалъ потихоньку на лужокъ, въ травѣ захватилъ земли—помолился. Гляжу—вернулась домой жена. „Видно, не нашла его",—подумалъ про себя. Такъ стало горько и досадно. Думалъ ужь, что такъ и придется ночевать въ этой засадѣ, да не такъ вышло.

Гляжу: надѣла жена новое шелковое платье, набросила на голову чистое, бѣлое покрывало, и подошла къ зеркалу. Долго вертѣлась передъ зеркаломъ и собою все любовалась. Вдругъ слышу идетъ кто-то. Отскочила она отъ зеркала, принялась за шитье. Онъ и входитъ: О, Аллахъ, Аллахъ! Летитъ къ нему на встрѣчу. „Куда быкъ то ушелъ?",—спрашиваетъ онъ и озирается—А? быкъ! О, Аллахъ. Аллахъ!—Вернется чрезъ недѣлю!.. Вотъ радость-то! О, рай пророка!" Бросается къ нему на шею. Онъ цѣлуетъ ее, обнимаетъ! Кровь такъ и кипитъ у меня. Дрожу, а все сижу—гляжу, что будетъ дальше. Въ грудь бьетъ какъ молотомъ, въ мозгу больно; въ глазахъ темно; голова кружится; ноги слабыя, такъ и дрожатъ. Я, шатаясь, упалъ на солому. Слышу—поцѣлуи. Выбѣжалъ я изъ своей засады. Головой ударился въ столбъ. Горячая кровь струей бьетъ изъ раны. Ничего я не чувствую, никакой боли. Бѣгу въ саклю. Ахъ, они, враги Аллаха! Они таютъ и трепещутъ отъ страсти! Разъ! Два! И оба они ужь безъ головъ передо мной валяются..."

Расправа, какъ видитъ читатель, короткая.

Библиотека "Руниверс"

О современномъ положеніи Закавказскаго края въ настоящее время въ отношеніи политическомъ—свѣдѣнія имѣются довольно разнорѣчивыя: есть слухи, что Закавказье питаетъ большую ненависть къ своимъ прежнимъ утѣснителямъ, туркамъ, но послѣднія извѣстія, на оборотъ, даютъ понятія о сочувствіи населенія туркамъ.

Будетъ жаль, разумѣется, только потому, что этимъ заблужденіемъ магометанскаго населенія Закавказья увеличится число жертвъ войны, и это увеличеніе не принесетъ никакихъ результатовъ ни для Турціи, ни для Закавказскаго магометанства. Событія будутъ идти своимъ чередомъ, и прольются только напрасно потоки крови... Но такія событія совершаются не по волѣ людской.

Ф.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

V

Дни проходили за днями—Императоръ все веселился. Не кому было стѣснять его: далеко, въ своемъ Ранбовѣ лежитъ на постели больной и умирающій Александръ Данилычъ. Одинъ человѣкъ только и остался, который могъ бы стѣснить веселье,—это Андрей Иванычъ Остермачъ. Но Андрей Иванычъ не стѣсняетъ Императора; онъ говоритъ, что послѣ ученья, въ лѣтнюю пору, отдохнуть нужно, повеселиться, лишь бы забавы не мѣшали дѣлу, лишь бы не очень ужъ долго онѣ протянулись. Слѣдовательно, можно веселиться съ чистою совѣстью: даже Александръ Данилычъ наказывалъ слушаться Остермана; другіе близкіе люди ни въ чемъ не перечатъ Императору. Иванъ Долгорукій каждый день придумывалъ новыя забавы: то охоту устроитъ, то катанье съ музыкой и пѣснями, то во дворцѣ или подъ фонтанами устроитъ машкараду. Цесаревна Елисавета—душа этого веселья; дни проходятъ какъ радостный сонъ и только жалко, что скоро такъ идутъ они, и что времени удержать не возможно. Одной сестрицѣ Наташѣ не по себѣ—все грустна она, иногда по цѣлымъ днямъ отъ себя не выходитъ,—но сестрица Наташа не здорова, вотъ поправится—хорошіе доктора ее лечатъ—поправится и снова станетъ веселою.

Каждый день ѣздятъ гонцы въ Ранбовъ и изъ Ранбова. Сначала князю все было хуже, но вдругъ полегчало.

— Не умретъ еще, поди чай выздоровѣетъ—что ему дѣлается? толкуютъ придворные. И дѣйствительно, князь выздоровѣлъ. Петръ было поѣхалъ какъ то къ нему, да на дорогѣ въ Ранбовъ его самаго встрѣтилъ. Не смотря на доброе сердце, не могъ не подосадовать юный Императоръ и если ему тяжело и неловко было смотрѣть на слабаго, умирающаго Меншикова, то теперь на здороваго онъ глядѣлъ положительно съ враждою.

— Пусть только опять за старое примется, пусть только, думалъ онъ,—я покажу ему, что со мной трудно тягаться! И случай показать это скоро представился.

Меншиковъ, едва появился въ Петергофъ, сейчасъ же и потребовалъ отчета во всемъ, что произошло во время его болѣзни. Онъ очевидно забылъ исторію съ девятью тысячами червонцевъ, или разсудилъ, что не стоитъ придавать ей большаго значенія, что это только была мимолетная вспышка и отъ нея ничего не осталось. Онъ призвалъ къ себѣ царскаго камердинера и спросилъ его, куда истрачены три тысячи рублей, данные для мелкихъ расходовъ Императора. Камердинеръ началъ высчитывать, но не досчитался нѣсколькихъ сотенъ и объявилъ, что выдалъ ихъ Императору по его приказу.

Меншиковъ разбранилъ камердинера, прогналъ его и велѣлъ ему немедленно убираться изъ Петергофа. Камердинеръ кинулся къ Императору, повалился ему въ ноги и умолялъ заступиться за него передъ княземъ. Петръ только и желалъ чего-нибудь подобнаго и ухватился за возможность показать себя Меншикову. Онъ призвалъ его къ себѣ и встрѣтилъ его такъ, что тотъ опять почувствовалъ возвращеніе своей лихорадки. Все кончилось тѣмъ, что камердинеръ былъ возвращенъ.

Дня черезъ два опять повторилась подобная сцена. Петръ потребовалъ у Меншикова пять сотъ червонныхъ.

— Зачѣмъ, спросилъ Меншиковъ.

— Надобно, рѣзко отвѣтилъ Петръ. Александръ Данилычъ ничего не возразилъ и велѣлъ выдать червонцы. Петръ сейчасъ же снесъ ихъ къ царевнѣ Натальѣ въ подарокъ.

— Вотъ какъ я его учу, сказалъ онъ ей,—небось теперь онъ ихъ у тебя не отниметъ!

Но каково было изумленіе Императора, когда черезъ часъ какой-нибудь сестра объявила ему, что Александръ Данилычъ отобралъ у нея эти червонцы.

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ этотъ Меншиковъ? Подайте мнѣ его сейчасъ же, гдѣ онъ, задыхаясь отъ волненія и гнѣва кричалъ Императоръ.

Но Меншикова не было. Онъ только что уѣхалъ къ себѣ въ Ранбовъ.

Петръ хотѣлъ было немедленно за нимъ ѣхать, но потомъ разсудилъ иначе.

— Слишкомъ много для него чести, сказалъ онъ. Сейчасъ послать гонца и вернуть его! Сказать ему, что я долженъ его видѣть, чтобъ онъ возвратился немедленно.

Меншиковъ вернулся, но въ страшномъ раздраженіи.

— Что это значитъ Ваше Величество, сказалъ онъ входя къ Императору—что ты меня съ дороги ворочаешь? Дѣлъ важныхъ никакихъ нѣтъ, уѣзжая я рѣшилъ все, а я устарѣлъ, чтобы ты такъ помыкалъ мною.

— Не я тобой помыкаю, а ты мной помыкать хочешь, замѣтилъ ему Императоръ. Ты вѣрно забылъ, что я говорилъ тебѣ, ты забылъ, что обѣщалъ мнѣ исполнять мои приказанія и не перечить моимъ распоряженіямъ. Я подарилъ сестрѣ моей пятьсотъ червонныхъ и ты опять осмѣлился отнять ихъ—что же это наконецъ такое?

— Но Ваше Величество, разсуди...

Петръ перебилъ его. Онъ топнулъ ногою и сказавъ „Я тебя научу, я тебѣ покажу, что я Императоръ и что мнѣ надобно повиноваться“ вышелъ изъ комнаты.

Онъ не хотѣлъ видѣть Меншикова, не хотѣлъ о немъ слышать. Свѣтлѣйшій не зналъ, что ему и дѣлать. Ему ясно было, что много неладнаго совершилось во время его болѣзни: Петръ пріучился къ свободѣ, къ тому же и враги княжескіе очевидно съумѣли вооружить его противъ будущаго тестя.

— Вѣдь что ни человѣкъ, то врагъ мнѣ лютый, думалъ Меншиковъ. Что же это такое? Вѣдь этакъ они въ самомъ дѣлѣ спихнутъ меня—бѣда! И не на кого положиться—думалъ Остерманъ за меня... Вѣдь вотъ писалъ онъ, все писалъ, что слѣдитъ за Императоромъ, писалъ, что Императоръ радуется моему выздоровленію, —много писалъ, а, можетъ, самый этотъ Остерманъ и есть лютѣйшій врагъ мой! На кого положиться? Вотъ

Библиотека "Руниверс"

Послѣ взятія Никополя. 1) Прибрежная часть города и затопленные турецкіе мониторы. 2) Плѣнный Гассанъ-паша. 3) Переходъ русскихъ войскъ чрезъ мостъ въ Никополѣ. Ориг. рисунокъ Н. Карагина, грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Его Императорское Высочество, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Александръ Александровичъ.

Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

Библиотека "Руниверс"

оно послѣднее письмо его... ишь какъ расписываетъ: „Вашу высококняжескую свѣтлость всепокорнѣйше прошу о продленіи вашей высокой милости и моля Бога о здравіи Вашемъ пребываю съ глубочайшимъ респектомъ Вашей великокняжеской свѣтлости всенижайшій слуга А. Остерманъ". Хорошъ слуга! Хорошъ другъ! Вотъ и Петръ приписываетъ: „И я при семъ Вашей Светлости, и светлейшей кнегине и невестѣ и своячинѣ и тетке и шурину поклонъ отдаю любителны. Петръ". Но это небось самъ Андрей продиктовалъ, чтобъ глаза отвести мнѣ. Нѣтъ, нужно добраться до Остермана, послушать, что-то онъ скажетъ, какъ вывернется!

Александръ Данилычъ вышелъ изъ дворца, спустился съ пригорка и направился къ домику, занимаемому Остерманомъ. Баронъ Андрей Иванычъ уже съ утра не выходилъ изъ своей комнаты. Онъ зналъ какая во дворцѣ идетъ буря, его жена уже два раза приносила ему оттуда самыя свѣжія вѣсти. А во время бурь и волненій, очень часто имъ самимъ приготовленныхъ, Андрей Иванычъ всегда сидѣлъ дома, одержимый всевозможными недугами. Онъ и теперь сдѣлалъ видъ больного человѣка: снялъ парикъ, надѣлъ шлафрокъ, спустилъ штору и даже поставилъ передъ своей постелью стклянку съ какимъ-то лекарствомъ.

Андрей Иванычъ занималъ маленькое помѣщеніе—три бѣдно меблированыя комнаты, и даже по переѣздѣ въ Петергофъ вовсе не позаботился, чтобы ихъ украсить. Не любилъ онъ излишней роскоши, да и вообще никакихъ тратъ не любилъ, для него было несравненно пріятнѣе отложить денежку въ безопасное мѣсто на черный день. И такой же бережливости и скупости пріучилъ онъ и свою баронессу, которая была ему вѣрнымъ другомъ, съумѣла окончательно войти во всѣ интересы и планы мужа и безъ души любила своего Андрея Иваныча.

Баронесса Марфа Ивановна Остерманъ, урожденная Стрѣшнева, была сосватана Андрею Иванычу самимъ Петромъ Великимъ и въ нѣсколько лѣтъ счастливой семейной жизни какъ-то съумѣла даже по внѣшнему виду совсѣмъ превратиться въ нѣмецкую фрау.

Теперь она только что вернулась изъ большого дворца и шепнула мужу, что сейчасъ тамъ было крупное объясненіе у Государя съ Меншиковымъ, и что Александръ Данилычъ спѣшно идетъ теперь къ ихъ домику.

— Поди, поди, поди на кухню, быстро зашепталъ Остерманъ,—какъ будто тебя и нѣту.

Баронесса скрылась, а Андрей Иванычъ состроилъ самую болѣзненную физіономію, легъ на постель, налилъ себѣ лекарства, обернулъ голову мокрымъ полотенцемъ и принялся легко стонать. Черезъ минуту къ нему входилъ Меншиковъ.

— Валяешься, боленъ опять—небось помрешь къ вечеру? Что-то ужь долго ты умираешь—съ тѣхъ поръ какъ тебя знаю. И все отъ болѣзней твоихъ лютыхъ только распираетъ тебя во всѣ стороны, едва сдерживая свой гнѣвъ началъ Меншиковъ какъ только что вошелъ.

— Боленъ, боленъ ваша высококняжеская милость, охая и какъ бы не замѣчая Меншиковскаго тона отвѣтилъ Остерманъ, искусно выражая на своемъ лицѣ невыносимыя страданія.—Такъ голова трещитъ, что еле гляжу на свѣтъ Божій. Вотъ окно занавѣсилъ, а все глазамъ больно.

— А небось не больно глазамъ и не стыдно ими смотрѣть на свѣтъ Божій дѣлая всякія непотребныя дѣла, уже не сдерживая своего гнѣва возвысилъ голосъ Меншиковъ.

— Какія такія дѣла? О чемъ говорить изволите ваша высококняжеская милость? Охъ, охъ, простоналъ Остерманъ.

— Не знаетъ, не понимаетъ, скажи на милость! Андрей, смотри у меня, не доводи до послѣдняго—или ты меня не знаешь?

— Охъ, охъ да толкомъ сказывай ваша высококняжеская милость—ей-Богу ничего не понимаю!

— Ты мнѣ писалъ это письмо? вынулъ Меншиковъ изъ кармана пакетъ.

— Я. Тутъ вотъ и приписочка есть Императора.

— То-то приписочка, писать-то ты мастеръ? Все время меня успокоивалъ, увѣрялъ въ томъ, что Императоръ спрашиваетъ про меня, жалѣетъ, желаетъ здоровья. А что вы тутъ безъ меня надѣлали? Ты, я чаю, всѣ дни турчалъ ему на меня.

— Боже меня сохрани и избави, вдругъ поднялъ голову съ подушки Остерманъ, въ нѣкоторомъ изумленіи глядя на Меншикова. Чтобы я могъ... да зачѣмъ, скажи на милость? И откуда у тебя такія мысли берутся ваша высококняжеская милость, грѣхъ тебѣ! И главное одного сообразить не могу—неужто-жь вы меня за малаго ребенка или за дурака почитаете? Если моему сердечному расположенію и респекту къ себѣ не вѣрите, такъ подумали бы о томъ, что самъ я себѣ не врагъ. Кѣмъ же я и держусь какъ не вами, ваша мимилость. Ну не приведи Богъ что съ вами, такъ вѣдь куда я дѣнусь? Затрутъ меня, ужь за одно то затрутъ, что съ вами въ ладахъ былъ—никогда мнѣ не простятъ этого! Такъ вѣдь я все это очень хорошо понимаю, какъ же могу что-нибудь дурное про васъ замыслить? Охъ, охъ... ишь голова проклятая!

Меншиковъ молчалъ въ нерѣшительности.

— Нелегкая его знаетъ, думалъ онъ,—хитрый нѣмецъ! Или тутъ взаправду другія руки дѣйствовали...

Такъ въ нерѣшительности и съ тяжелымъ чувствомъ и вышелъ князь отъ Андрея Иваныча.

По его уходѣ въ комнату прокралась баронесса.

— Ну что-жь Андрей Иванычъ—ничего, заставилъ замолчать его, я все у двери слышала.

— Да какъ же съ нимъ иначе, проговорилъ Остерманъ, снимая съ головы своей повязку. А ты вотъ что, мейнъ герцхенъ, обожди немного да сходи опять во дворецъ, узнай когда онъ уѣдетъ—тогда приди и скажи мнѣ. Теперь туда нужно—съ вечера вѣдь я тамъ не былъ.

Андрей Иванычъ досталъ маленькое складное зеркальце и приготовилъ себѣ парикъ; лекарство снова вылилъ въ стклянку и сидѣлъ, дожидаясь возвращенія жены. Его глаза весело смотрѣли; головной боли какъ не бывало.

IV.

26-го Августа въ Петергофѣ былъ большой праздникъ,—имянины Великой Княжны Натальи. Къ этому дню сюда собрались даже всѣ придворные и сановники, остававшіеся въ Петербургѣ. Приготовлялись разныя празднества. Еще за три дня все убиралось, паркъ разчищался; у Монплезира готовился большой фейерверкъ. Еще наканунѣ вечеромъ князь Александръ Данилычъ прибылъ изъ Ораніенбаума со всѣмъ своимъ семействомъ. Петръ хотѣлъ необыкновенно весело отпраздновать день имянинъ сестры и только одно его смущало—она сама. Здоровье Великой княжны очень плохо поправлялось; не смотря на хорошій воздухъ, прогулки и лекарства она все была очень блѣдна, задумчива, по временамъ кашляла. Когда Остерманъ спрашивалъ ее о здоровьѣ, она печально качала головою и говорила ему:

— Ахъ, Андрей Иванычъ, какъ же мнѣ тутъ поправиться, когда сердце не на мѣстѣ. Развѣ вы не видите, что кругомъ насъ дѣлается? Братецъ по прежнему ласковъ со мною, но все же ни мои совѣты, ни ваши на него не дѣйствуютъ. Вотъ онъ теперь сдружился съ Иваномъ Долгорукимъ, все на охотѣ съ нимъ, да съ цесаревной.

Библиотека "Руниверс"

Остерманъ не находилъ словъ, что отвѣчать ей на это. Онъ конечно не хуже ея все видѣлъ и понималъ, но не находилъ для себя возможнымъ рѣзко вмѣшиваться въ дѣла Императора и отстранять Долгорукихъ. Теперь одна была цѣль только у барона Андрея Иванычa—уничтожить Меншикова и онъ прямо шелъ къ своей цѣли, забывая все остальное.

Рано утромъ торжественнаго дня Петръ проснулся и еще въ постели велѣлъ позвать къ себѣ новаго любимца князя Ивана Долгорукаго. Тотъ не заставилъ себя ждать. Это былъ еще очень молодой человѣкъ лѣтъ двадцати съ чѣмъ-нибудь, съ неправильнымъ, но довольно пріятнымъ лицемъ и открытыми веселыми глазами. Всегда франтоватый и даже роскошно одѣтый, умѣющій, когда надо, держать себя въ высшей степени прилично и съ тактомъ, когда надо—совершенно распускаться, понявшій характеръ Императора и въ короткое время вошедшій въ его душу, онъ, естественно долженъ былъ играть большую роль при Петрѣ. Онъ былъ не истощимъ въ придумываніи всевозможныхъ развлеченій и удовольствій, зналъ какъ надо говорить съ юнымъ Императоромъ, кого хвалить, кого бранить, а главное поддакивать и потворствовать всѣмъ капризамъ и желаніямъ своего юнаго друга. Петру очень нравилось, что взрослый молодой человѣкъ раздѣляетъ всѣ его забавы, онъ самъ при этомъ забывалъ свои годы и считалъ себя такимъ же взрослымъ молодымъ человѣкомъ. Петръ развился необыкновенно быстро и дѣйствительно никакъ нельзя было принять его за двѣнадцати-лѣтняго мальчика. Способный и умный отъ природы, одаренный крѣпкимъ организмомъ, онъ торопился жизнью и какъ-то вдругъ провелъ черту, за которою осталось его дѣтство и прежній внутренній міръ его. Конечно онъ еще по-дѣтски относился къ забавамъ, но вѣдь его забавы были забавами взрослыхъ людей; онъ любилъ охоту, скачки и всякія гимнастическія упражненія. Подъ вліяніемъ Долгорукаго онъ уже совсѣмъ иначе, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сталъ смотрѣть на хорошенькихъ женщинъ. Теперь уже онъ сказалъ самъ себѣ, что влюбленъ въ принцессу Елизавету и часто повѣрялъ объ этой любви другу Долгорукому. Но это не мѣшало ему замѣчать и другія хорошенькія лица; ему нравилось, когда молодыя дѣвушки съ почтительнымъ кокетствомъ относились къ нему; ему нравилось слушать разсказы Долгорукаго о всевозможныхъ любовныхъ похожденіяхъ—и не было никого, кто бы благоразумными разсужденіями и совѣтами въ другую сторону направлялъ его мысли. Остерманъ зналъ, что разыгрывать теперь роль воспитателя, значитъ погубить себя—и благоразумно отстранялся, стараясь только казаться Императору добрымъ, ласковымъ и всегда снисходительнымъ человѣкомъ.

Войдя въ спальню Императора, князь Иванъ безцеремонно сѣлъ у самой постели Петра.

— Зачѣмъ позвалъ меня, Государь,—спросилъ онъ.

— А вотъ зачѣмъ—разскажи мнѣ, что ты придумалъ на счетъ вечерняго машкарада—какіе костюмы?

Долгорукій оживился.

— Да ничего новаго не придумалъ. По моему хорошо такъ, какъ вчера мы рѣшили. Ты, Государь, одѣнешься Аполлономъ, я—Марсомъ; цесаревна еще не рѣшила, какъ ей одѣться...

— Постой, погоди, ну а сестра—говорилъ ты съ нею? Согласна она быть Минервой?

— Великая княжна отвѣтила мнѣ, что если на то твоя воля, такъ она перечить не станетъ.

— Конечно, конечно, быть ей Минервой. Она какъ есть Минерва—моя милая Минерва!.. Ну, а Меншиковы какъ будутъ одѣты?

— Про то я не знаю. Отъ меня теперь, Государь, отвертываться стали, вчера едва слова добился отъ Александра Данилыча.

— Ничего, ничего, пускай себѣ, тѣмъ для нихъ хуже,—самоувѣренно проговорилъ Императоръ.

Куда дѣвался его прежній страхъ и почтеніе къ Данилычу. По совѣту сестрицы онъ давно уже сказалъ себѣ, что „есть воля"—и она дѣйствительно оказалась: Минерва, какъ и всегда, была права. Петръ нетерпѣливо дожидался того дня, когда совсѣмъ отдѣлается отъ Меншикова и уже рѣшилъ, что день этотъ скоро настанетъ. Иванъ Долгорукій, часто бесѣдовавшій съ нимъ о Меншиковыхъ, каждый разъ еще больше его подзадоривалъ. У нихъ еще и вчера было рѣшено, во время праздника досаждать Данилычу и его дочери.

— Любопытно, съ улыбкой замѣтилъ Петръ,—любопытно, какъ будетъ одѣта моя невѣста? То-то хороша, чай, будетъ! Я думаю такой богини никогда и не бывало; на нее древніе не стали бы молиться.

Долгорукій тоже одобрительно улыбался, но не настаивалъ на продолженіе этого разговора.

— Теперь не нужно раздражать Императора, думалъ онъ,—дѣла и такъ хороши—Меншиковъ останется доволенъ сегодняшнимъ днемъ. И Меншиковъ остался доволенъ.

Ни утромъ, ни за столомъ Императоръ не обращалъ на него никакого вниманія. Только что Александръ Данилычъ начиналъ говорить съ нимъ, какъ Петръ поворачивался къ нему спиною, не отвѣчалъ на его вопросы и дѣлалъ видъ какъ будто совсѣмъ и нѣтъ его здѣсь.

— Смотрите, на всю комнату сказалъ онъ Голицыну, развѣ я не начинаю вразумлять его.

Эти слова облетѣли всѣхъ присутствовавшихъ и достигли до слуха свѣтлѣйшаго князя. Была минута, когда раздраженный и доведенный до отчаянія Меншиковъ просто хотѣлъ забрать своихъ и уѣхать изъ Петергофа, но онъ одумался. Онъ понялъ, что этимъ ничего не возьмешь и хмурый бродилъ по дворцу, видя, что дѣла дѣйствительно плохи, и что бѣда виситъ надъ его головою. Теперь онъ готовъ былъ на всякія уступки, на что угодно—лишь бы Императоръ обратилъ на него вниманіе, лишь бы подарилъ ему ласковую улыбку; но Петръ упорно продолжалъ не замѣчать его. Всемогущій правитель государства, еще такъ недавно считавшій себя на верху земного величія, даже со стороны теперь начиналъ казаться жалкимъ: въ немъ клокотали и злоба, и гордость, и оскорбленное самолюбіе, и страхъ—невольный и мучительный. Этотъ человѣкъ умѣлъ ладить съ Великимъ Петромъ, умѣлъ обращать, въ самыя страшныя минуты, грозный гнѣвъ Царя въ милость любящаго друга,—а вотъ теперь двѣнадцати-лѣтній мальчикъ оказался ему не по силамъ. Да нѣтъ, этого быть не можетъ, все это пройдетъ, только туча налетѣла, успокоивалъ себя Меншиковъ,—развѣ въ силахъ они раздавить меня! Нѣтъ, это невозможно! И онъ снова гордо поднималъ свою голову и презрительно оглядывался на окружающихъ. Взгляды многихъ опускались передъ нимъ: всѣмъ было какъ-то неловко смотрѣть на него, всѣ понимали его положеніе лучше, чѣмъ понималъ онъ самъ.

На бѣдной княгинѣ Дарьѣ Михайловнѣ лица совсѣмъ не было; царская невѣста, окруженная придворными женщинами была по обыкновенію своему ко всему равнодушна. Младшая сестра ея казалась чѣмъ-то необыкновенно разстроенной, но ея горе было другого рода. Она повѣдала его своему другу, Великой княжнѣ Натальѣ: ея бракъ съ принцемъ Ангальтъ-дессаускимъ разстроился.

Андрей Иванычъ Остерманъ всячески избѣгалъ встрѣчаться съ свѣтлѣйшимъ княземъ, а при встрѣчахъ строилъ самую умильную и печальную физіономію. Но теперь онъ уже не могъ обмануть Меншикова: тотъ неопровержимо рѣшилъ теперь, что вся бѣда главнымъ образомъ отъ Остермана.

Библиотека "Руниверс"

— Что же это наконецъ, сказалъ онъ Андрею Иванычу, развѣ это возможно, что Императоръ даже, кажется, ни разу не подошелъ къ моей дочери—или она ему не невѣста? Чего ты смотришь, воспитатель?

— Его Величество такъ занятъ приготовленіями къ вечернему празднику, такъ разсѣянъ сегодня... Но я сейчасъ же доложу ему о легкомысленномъ его поведеніи, папа великокняжеская милость, можешь быть спокойнымъ, да вѣдь и Государь-то почти ребенокъ еще, можно ли съ него такъ взыскивать.

Меншиковъ ничего не отвѣтилъ, Остерманъ подошелъ прямо къ Императору и передалъ ему жалобу князя. Онъ даже дѣйствительно замѣтилъ, что Петръ не долженъ пренебрегать своими обязанностями относительно невѣсты, но замѣтилъ это такимъ тономъ, что нисколько не разсердилъ Петра.

— Андрей Иванычъ, — отвѣчалъ Императоръ, — поди и скажи отъ меня Меншикову вотъ что,—скажи, развѣ не довольно, что я люблю ее въ сердцѣ—ласки излишни,—а что касается до свадьбы, то вѣдь Меншиковъ знаетъ, что я не намѣренъ жениться ранѣе двадцати пятилѣтъ. Поди и сейчасъ же передай ему слова мои.

Остерманъ немедленно исполнилъ приказъ Императора. Меншиковъ весь позеленѣлъ отъ злобы.

Вечеромъ, во время маскарада, царская невѣста явилась въ костюмѣ минервы. Это ужасно раздражило Петра, такъ какъ и Великая Княжна Наталья была точно такъ-же одѣта.

— Смотри, — громко сказалъ Петръ, обращаясь къ Долгорукому,— у насъ двѣ минервы, но только одна изъ нихъ фальшивая.

Наконецъ Петръ счелъ своею обязанностью пригласить на одинъ танецъ княжну Марію Александровну. Она не сдѣлала ему никакого замѣчанія, никакого упрека и упорно молчала, дожидаясь, чтобъ онъ заговорилъ съ ней.

— Зачѣмъ вы такъ одѣлись,—спросилъ Императоръ, —развѣ вы не знали, что у насъ еще заранѣе было рѣшено моей сестрѣ быть минервой?

— Не знала, Государь, просто отвѣтила княжна.

— Напрасно. Или вы думали, что къ вамъ этотъ нарядъ больше пойдетъ, можетъ быть вамъ ужь кто-нибудь и сказалъ это?

— Никто ничего мнѣ не говорилъ и мнѣ рѣшительно все равно, что идетъ ко мнѣ и что нѣтъ, тихо проговорила она.

— Это не хорошо,—засмѣялся Императоръ,—вѣдь вы еще въ старухи не записались. Вамъ нужно быть прекрасной, хоть даже на перекоръ Создателю.

Вотъ ужь до чего дошелъ Петръ. Даже княжна, не смотря на все свое равнодушіе, поблѣднѣла и едва не расплакалась.

— Зачѣмъ вы меня колете, Государь? Если я вамъ не нравлюсь — оставьте меня, но я ничѣмъ не заслужила вашихъ насмѣшекъ.

Петръ взглянулъ на нее; передъ нимъ было длинное, такъ противное ему лицо, но теперь на этомъ лицѣ изобразилось чувство собственнаго достоинства, на глазахъ блестѣли слезы. У юнаго Императора было доброе, славное сердце, только ужь очень его раздражали, возбуждали ненависть ко всему этому семейству.

Ему вдругъ жалко стало княжну и онъ съ откровенной, смущенной и ласковой миной попросилъ у нея прощенья.

— Я не хотѣлъ обидѣть васъ, простите, прошептали его губы.

Княжна только пожала плечами и до конца танца они не сказали другъ другу ни слова.

— Что говорилъ съ тобой Императоръ, спросила у дочери Дарья Михайловна, какъ только это оказалось удобнымъ.

— Онъ назвалъ меня уродомъ, матушка, отвѣтила княжна.

— Господи, да вѣдь это не можетъ быть, зачѣмъ ты меня пугаешь?

— Ну, не такими словами, а сказалъ это самое.

Бѣдная княгиня понурила голову и ушла изъ Монплезира въ глубь парка; она не могла больше владѣть собою. Она все поняла, все угадала и для нея не ос-

Мало-Азіатская турчанка. Грав. Клейнъ.

Библиотека "Руниверс"

Секретъ на ушко. Картина А. Дилленса, грав. Жонаръ.

Библиотека "Руниверс"

тавалось уже никакой надежды. Она замѣтила даже что не такъ уже заискиваютъ передъ нею, пришелъ всему конецъ и ничего ужь больше не поправишь? И глубже въ паркъ спѣшила Дарья Михайловна. Она натыкалась на кусты, не замѣчала какъ зацѣпляется и рвется о сухія вѣтки кружево ея платья; не замѣчала вечерней сырости, росы мочившей ей ноги. Крупныя слезы текли по щекамъ ея, смывая бѣлила и румяна, неизбѣжно требовавшіяся въ то время. Что теперь дѣлать, что дѣлать! шептала она и рѣшилась на послѣднее средство: обратиться къ Великой княжнѣ Натальѣ. Она скоро нашла ее. Царевна тоже бѣжала шума и искала уединенія. И юное, безвременно отцвѣтающее лицо княгини Натальи Алексѣевны и старое, отцвѣтшее лицо княгини были одинаково печальны и разстроены и причина этого разстройства у обѣихъ была одна и та же—юный Императоръ.

— Ваше Высочество, голубушка моя Наташенька, позволь сказать себѣ слово, проговорила въ волненіи Дарья Михайловна.

— Говори, княгиня, тутъ никто насъ не слышитъ.

Великая княжна подняла на нее глаза и почти не узнала княгини.

— Дарья Михайловна, что съ тобою—на тебѣ лица нѣтъ?

Княгиня не выдержала и заплакала.

— Матушка, золотая моя, хоть ты заступись за насъ! Коли Александръ Данилычъ въ чемъ виноватъ—такъ мы неповинны! Сердечно люблю я васъ всѣхъ и почитаю, за что же Его Величество такъ не милостивъ, за что обижаетъ онъ мою дочку? Заступись царевна, за молви ласковое слово. Не люба Машенька Его Величеству—такъ и не надо. Все еще поправить можно—не обвѣнчаны, а за что же обиды, за что погибель.

Великая княжна взяла Дарью Михайловну за руки и грустно на нее глядѣла.

— Эхъ, княгиня, ужь и не знаю могу ли помочь я этому. И мнѣ, пожалуй, не лучше твоего—не такъ ужь слушаетъ меня братецъ, у всѣхъ у насъ много горя! А насчетъ княжны Маріи я скажу тебѣ, и нельзя винить братца—насильно милъ не будешь.

Такъ и не дождалась ничего бѣдная княгиня; послѣдняя надежда ея рушилась—никто за нихъ не заступится. Что-жь это Данилычъ—видно не жалко ему головы своей,—неужьто не видитъ онъ, что теперь самому скорѣй отъ всего нужно отступиться, только этимъ и спасетъ и себя и всѣхъ насъ. Господи, помилуй, не попусти, часто привычно крестилась княгиня, не знаю на чемъ и остановиться,—охъ тяжко, какъ и до утра доживу, не знаю!

(Продолженіе будетъ).

Ходъ міровыхъ часовъ.

Уже въ первобытномъ, младенческомъ состояніи человѣчество развивало свои духовныя силы къ достиженію практическихъ цѣлей. Знакомясь съ окружающимъ внѣшнимъ міромъ и всматриваясь въ безчисленный рядъ послѣдовательно смѣняющихся явленій, человѣкъ необходимо долженъ былъ выбрать одинъ рядъ изъ нихъ, такой, который бы могъ служить ему мѣриломъ для всѣхъ другихъ. При всемъ разнообразіи явленій природы человѣку не трудно было подмѣтить правильное возвращеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, на деревьяхъ показывались листья, распускались цвѣты, созрѣвали плоды; затѣмъ листья увядали, и деревья, лишенныя всякаго украшенія, погружались въ зимній сонъ; черезъ нѣсколько времени деревья пробуждались отъ этого сна, и съ ними снова повторялся тотъ же рядъ явленій. Но еще болѣе бросалась въ глаза первобытному человѣку правильная и непрестанная смѣна дня и ночи.

Рано утромъ восходило на востокѣ лучезарное свѣтило, величественно шло оно по небосклону и вечеромъ исчезало за горизонтомъ, предоставляя владычество ночи съ ея миліардами блестящихъ звѣздъ и погружая людей и животныхъ въ желанный сонъ.

Надо полагать, что уже на первой ступени развитія человѣкъ обладалъ способностью производить сравненія между теченіемъ времени и измѣненіемъ въ положеніи солнца на небосклонѣ. Первый шагъ впередъ въ этомъ отношеніи состоялъ въ томъ, что единицу времени, сутки, начали считать отъ полудня до полудня, отстраняя, такимъ образомъ, неравенство лѣтнихъ и зимнихъ дней. Съ этимъ шагомъ мы вступаемъ въ историческій періодъ. Полдень, т. е. самую высшую точку въ положеніи солнца на небѣ, начали опредѣлять по длинѣ отбрасываемой предметами тѣни, а отсюда—одинъ шагъ до устройства солнечныхъ часовъ. Вскорѣ замѣтили, что и мѣсто полуденнаго стоянія солнца на небѣ подвергается правильнымъ измѣненіямъ; сообразно съ этими измѣненіями составлена была высшая единица времени—годъ, состоящій изъ *365* дней. Съ быстрымъ развитіемъ астрономіи въ средніе вѣка шло рука объ руку и усовершенствованіе часовъ, такъ что теперь равномѣрность и правильность хода нашихъ хронометровъ доведены до чрезвычайно высокой степени.

Коперникъ лишилъ землю ея центральнаго положенія во вселенной и доказалъ, что она, подобна другимъ планетамъ, обращается вокругъ солнца. Въ то-же время люди поняли, что движеніе свѣтилъ небесныхъ вокругъ земли только кажущееся явленіе; но что сама земля обращается вокругъ своей оси по направленію отъ запада къ востоку. Если продолжительность этого обращенія опредѣлять по положенію солнца на небѣ, то получится нѣсколько иной результатъ, чѣмъ отъ опредѣленія его по какой либо неподвижной звѣздѣ, потому что съ каждымъ днемъ земля подвигается впередъ по пути своему во кругъ солнца. Путь, который долженъ совершить наблюдатель до того пункта, гдѣ солнце въ отношеніи его снова будетъ стоять на самой высокой точкѣ небосклона, будетъ нѣсколько длиннѣе, нежели тогда, когда онъ дѣлаетъ свои наблюденія по какой-нибудь звѣздѣ, которая, какъ болѣе отдаленная отъ земли чѣмъ солнце, позволяетъ намъ разсматривать землю за неподвижную въ небесномъ пространствѣ и лишь вращающуюся вокругъ своей оси. А потому солнечный день на четыре минуты длиннѣе звѣзднаго. Если мы возьмемъ за основаніе нашихъ вычисленій послѣдній, то единицею нашего времени будетъ то время, въ теченіе котораго земля, вращаясь вокругъ своей оси, приведетъ наблюдателя въ извѣстное положеніе по отношенію къ какой-либо неподвижной звѣздѣ. Этою единицею времени мы провѣряемъ наши часы и полагаемъ ее въ основаніе всѣхъ нашихъ опредѣленій времени.

Но развѣ время обращенія земли вокругъ своей оси остается постоянно неизмѣннымъ? Развѣ не бываетъ оно, смотря по обстоятельствамъ, быстрѣе медленнѣе? Еслибы мы не предположили съ самаго начала равномѣрность движенія, то не могли бы и принять обращеніе земли вокругъ своей оси за единицу времени, потому что въ противномъ случаѣ эта единица была бы то больше, то меньше.

На землѣ мы видимъ, что всякое движеніе, продолжаясь меньшее или большее время, прекращается. Быстролетящая пуля падаетъ вскорѣ на землю. Качаніе всякаго маятника становится постепенно медленнѣе, и медленнѣе и наконецъ прекращается. Не тоже ли должно случиться и съ землей. Обратимся къ механикѣ; она говоритъ, что однажды начавшееся движеніе должно, по силѣ инерціи, продолжиться безконечно, если только не встрѣтитъ на пути своемъ какого либо препятствія, которое оно должно будетъ преодолѣвать треніемъ; пуля и маятникъ, напр., встрѣчаютъ на своемъ пути воздухъ, треніе о который и прекращаетъ постепенно ихъ движеніе. Этого препятствія, при обращеніи земли вокругъ оси ся, не существуетъ, такъ какъ вся атмосфера движется вмѣстѣ съ нею. Въ чемъ же можетъ встрѣтиться ей препятствіе?

Для космофизика въ этомъ вопросѣ получаетъ громадное значеніе извѣстное явленіе прилива и отлива. Это явленіе находится въ замѣчательномъ противорѣчіи со всѣми тысячекратными процессами окружающей насъ природы, ибо всѣ они въ своихъ самыхъ запутанныхъ сплетеніяхъ въ концѣ концовъ все таки зависятъ отъ солнца. Всѣ метеорологическія явленія происходятъ отъ неравнаго нагрѣванія твердой и жидкой поверхности нашей планеты; растенія могутъ развиваться и процвѣтать единственно только подъ живительными лучами солнца; растительныя вещества служатъ пищею животнымъ, а люди, для своего существованія, нуждаются въ тѣхъ и другихъ. Такимъ образомъ не одинъ только „властитель небесной имперіи можетъ называться сыномъ солнца", но и всякій изъ насъ имѣетъ на это такое же право, наравнѣ, впрочемъ, съ паукомъ и отвратительной сороканожкой. Приливъ же и отливъ происходятъ, съ одной стороны, отъ притяженія моря луною и солнцемъ, а съ другой—отъ обращенія земли вокругъ ея оси. Подобному дѣйствію подвергается, правда, и воздухъ, но такъ какъ въ немъ результатъ многоразлично пересѣкается иными процессами, то мы можемъ ограничиться приливомъ и отливомъ воды. Мы можемъ также упустить изъ вида притяженіе солнца, такъ какъ луна, находясь много ближе къ землѣ, притягиваетъ подвиж-

Библиотека "Руниверс"

ныя части ея несравненно сильнѣе солнца. Водяныя массы океана слѣдуютъ на извѣстное разстояніе притяженію нашего спутника и болѣе всего подымаются къ нему тѣ части, которыя находятся подъ непосредственнымъ его дѣйствіемъ, т. е. расположены на сторонѣ земного шара, обращенной къ лунѣ; менѣе же подымаются къ ней тѣ части океана, которыя всего далѣе отстоятъ отъ нея, т. е. которыя находятся на противоположной сторонѣ земли. Подъемъ водъ океана на этой послѣдней сторонѣ земли объясняется явнымъ проявленіемъ центробѣжной силы вслѣдствіе нѣкотораго ослабленія центростремительной отъ вліянія притягательной силы луны. Такимъ образомъ на обѣихъ сторонахъ земной поверхности образуется по водяной горѣ, т. е. наступаетъ *приливъ*. Въ мѣстностяхъ, лежащихъ между этими двумя сторонами, вода понижается и тамъ наступаетъ *отливъ*. И такъ, въ одно время образуются всегда двѣ приливныя волны и между ними отливъ. Для всякаго мѣста наблюденія луна находится въ самомъ близкомъ разстояніи черезъ каждые *25* часовъ; слѣдовательно, приливъ и отливъ должны совершаться каждые шесть съ половиною часовъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и бываетъ.

Высота приливной горы зависитъ отъ мѣстныхъ условій и видоизмѣняется еще отъ направленія и силы вѣтра. Въ открытомъ океанѣ высота прилива не превышаетъ одпаго метра, тогда какъ въ проливахъ и бухтахъ бываетъ необычайна; такъ называемые „большіе приливы", происходящіе во время новолунія и полнолунія, когда направленіе луннаго и солнечнаго притяженія совпадаютъ, у нѣкоторыхъ береговъ достигаютъ до двѣнадцати метровъ высоты. Въ заливѣ Фунди на юго-восточномъ берегу Сѣверной Америки, большіе приливы бываютъ въ 23 метра высоты. Вся масса воды, привлекаемая приливомъ на четвертую часть земной поверхности, имѣвшей передъ этимъ отливъ, составляетъ двѣсти кубическихъ миль. Можно составить себѣ представленіе о силѣ этого явленія, когда подумаешь только, что вся эта масса чрезъ шесть съ половиною часовъ будетъ на другой четверти земной поверхности!

Все это явленіе не обходится безъ многоразличныхъ треній и сопротивленій, причемъ покойныя частицы воды трутся о пришедшія въ движенія, а эти послѣднія между собою, между тѣмъ какъ большія теченія встрѣчаютъ многоразличныя сопротивленія въ морскихъ берегахъ и бухтахъ суши. Поэтому самое большее возвышеніе воды наступаетъ лишь тогда, когда мѣстность прилива удалилась отъ луны на два съ половиною часа; сообразно съ этимъ, для извѣстнаго мѣста приливъ достигаетъ своей силы тогда, когда луна, въ своемъ кажущемся движеніи, отошла отъ него на два съ половиною часа. Слѣдовательно положеніе воды къ востоку отъ луны всегда выше, чѣмъ къ западу; а такъ какъ воды въ тоже время стремятся къ лунѣ, то онѣ должны непремѣнно сильнѣе течь къ западу, чѣмъ къ востоку, т. е. приливъ и отливъ не только вызываютъ непрестанное возвышеніе и пониженіе воды, но и обусловливаютъ еще *общее теченіе океана съ востока на западъ*.

Это теченіе давно уже доказано опытомъ; объясненіе его вліяніемъ восточнаго пассата недостаточно; потому что оно встрѣчается и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не дуетъ восточный пассатъ, и гдѣ даже преобладаютъ западные вѣтры. По законамъ теченій должно бы было быть западно-восточное теченіе; а такъ какъ направленіе его противоположно, то несомнѣнно, что здѣсь преобладаетъ вліяніе прилива и отлива.

Это западное теченіе океана имѣетъ тормозящее вліяніе на обращеніе земли вокругъ ея оси. Для болѣе удобнаго пониманія представимъ себѣ, напримѣръ, какъ теченіе атлантическаго океана должно напирать на восточный берегъ сѣверной Америки и задерживать его теченіе къ востоку; или же, вообразимъ себѣ землю въ видѣ махового колеса, увлекающаго за собою сопротивляющіяся массы воды; конечно, колесо должно употреблять извѣстную долю коловращательной силы на преодолѣніе этого сопротивленія. Другими словами, *приливъ и отливъ причиняютъ постепенное замедленіе скорости вращенія земли*.

Правильное теченіе прилива и отлива теперь многоразлично затрудняется сушею, которая составляетъ третью часть земной поверхности; въ первобытныя же времена, когда земной шаръ былъ въ огненно-жидкомъ состояніи, этого затрудненія не существовало. Луна была также нѣкогда въ расплавленномъ состояніи и обращалась вокругъ своей оси; на ней тоже происходили приливы и отливы; но такъ какъ земное притяженіе дѣйствовало съ большею силою, потому что объемъ земли больше объема луны, то и вращательная сила луны была скоро истощена. А потому намъ нечего удивляться, что нашъ спутникъ постоянно обращаетъ къ намъ только одну свою сторону.

Размышленіе о томъ періодѣ, когда и наша земля была въ расплавленномъ состояніи, приводитъ къ весьма важному соображенію. Если теперь все еще несомнѣнно продолжающееся охлажденіе земной поверхности совершается такъ безконечно медленно, то прежде, когда земля находилась въ расплавленномъ состояніи, это охлажденіе должно было совершаться несравненно быстрѣе. Такъ какъ, охлаждаясь, всякое тѣло сжимается, то и объемъ земного шара долженъ былъ уменьшиться. По законамъ механики скорость вращательнаго движенія тѣла увеличивается съ уменьшеніемъ его объема, а потому со времени охлажденія земля должна была бы вращаться вокругъ оси своей все скорѣе и скорѣе. Но съ образованіемъ океана и возникновеніемъ приливовъ и отливовъ, явилась задерживающая сила, которая не только постепенно остановила ускореніе скорости въ обращеніи земли, но и до нынѣ замедляетъ это движеніе.

По отношенію обращенія нашей земли вокругъ своей оси мы можемъ различить три періода: первый съ возростающею скоростью, второй—съ равномѣрною и третій—съ уменьшающеюся. Сообразно съ этимъ продолжительность звѣзднаго дня будетъ уменьшающаяся, равномѣрная и возростающая. Отсюда мы видимъ, какова точность хода міровыхъ часовъ: въ началѣ они бѣжали впередъ, потомъ одно время шли вѣрно, а теперь стали все болѣе и болѣе отставать. Не остановятся ли они и совсѣмъ? спроситъ со страхомъ кто-нибудь, въ виду послѣдняго рокового фазиса; мы отвѣтимъ: увы, это весьма вѣроятно! Для того, чтобы этого не случилось, все море должно бы было замерзнуть и этимъ прекратить существованіе прилива и отлива. Но нашимъ потомкамъ тогда было бы совершенно безразлично, идутъ міровые часы или нѣтъ, потому что ледъ покрылъ бы ихъ буквально съ головы до ногъ и приготовилъ бы для всей органической жизни холодную могилу.

Давленіе, которое приливъ и отливъ оказываютъ на вращеніе земли, можетъ быть опредѣлено только приблизительно. Оно, минимумъ, равняется 6000 милліонамъ лошадиныхъ силъ, соотвѣтствуя силѣ, могущей поднять въ одну секунду на высоту одного метра 464,000 милліоновъ килограммовъ. Хотя, съ человѣческой точки зрѣнія, эта сила громадна, но въ сравненіи съ силою вращенія земли она ничтожна, потому что вращательною силою земли можно было бы въ секунду приподнять на одинъ метръ 25,840 квадриліоновъ килограммовъ. Эта послѣдняя сила въ отношеніи къ первой такъ громадна, что отъ вліянія прилива и отлива можетъ замедляться лишь на одну семисотъ-тысячную часть ея въ теченіи 2,500 лѣтъ.

Весьма интересно опредѣлить, въ какомъ изъ трехъ періодовъ вращенія земли мы теперь находимся. Отвѣтить на этотъ вопросъ стало возможнымъ только въ новѣйшее время: мы вступили уже въ третій и послѣдній фазисъ, въ которомъ, подъ вліяніемъ прилива и отлива, коловращательная сила земли фактически замедляется. Въ теченіи послѣднихъ 2,500 лѣтъ продолжительность звѣзднаго дня увеличилась, минимумъ, на $^1/_{81}$ секунды и, такимъ образомъ, наши хронометры будутъ въ теченіи столѣтія, идти впередъ на 22 секунды.

И такъ, милліоны лѣтъ нужны для того, чтобы земля перестала обращаться вокругъ своей оси и сохранила бы лишь свое движеніе вокругъ солнца. Какъ луна обращаетъ теперь къ вамъ одно только полушаріе свое, такъ будетъ и съ землею по отношенію къ солнцу. На одномъ полушаріи земли будетъ тогда вѣчный день, а на другомъ вѣчная ночь. Но и такое существованіе земли, по предположеніямъ науки не вѣчно: сила, съ которой земля обращается вокругъ солнца, будетъ со временемъ истощена и тогда по всей вѣроятности послѣдуетъ соединеніе нашей планеты съ центральнымъ тѣломъ. Такъ-ли это будетъ,—утвердительно сказать всё-таки нельзя. **W.**

Къ рисункамъ.

Послѣ взятія Никополя.

Рисунокъ, изображающій видъ части города Никополя, взятаго нашими войсками подъ командою генерала Криденера, даетъ между прочимъ понятіе о мѣстности, гдѣ были затоплены два турецкіе монитора, оказавшіеся теперь уже на поверхности воды. Его Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ, послѣ занятія Никополя, телеграфировалъ Его Императорскому Высочеству Генералъ-Адмиралу, что доставшіеся намъ мониторы оказались годными для дѣла.

На этомъ же рисункѣ, кромѣ изображенія вступленія нашихъ войскъ въ Никополь чрезъ мостъ (нижняя часть рисунка), представлена сцена конвоированія взятаго въ плѣнъ при занятіи Никополя, командира крѣпости этого города, Гассана-паши. Считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о немъ.

Гассанъ-паша, какъ сказано выше, былъ командиромъ этой крѣпости. Онъ уже пожилой человѣкъ и имѣетъ нѣсколько дѣтей, но только одну жену. Гассанъ-паша родомъ изъ Малой Азіи. Еще полгода тому назадъ онъ жилъ совершенно покойно и счастливо въ Скутари, какъ вдругъ получаетъ приказаніе—отправиться въ Никополь, въ качествѣ коменданта. Онъ оставилъ въ Скутари беременную жену, и въ его отсутствіе она родила ему еще сына; но ему такъ и не удалось увидѣть новорожденнаго, ибо положеніе политическихъ дѣлъ не дало возможности его семьѣ соединиться съ нимъ. По разсказамъ

Библиотека "Руниверс"

очевидцевъ, Гассанъ-паша по прибытіи въ Кишиневъ, былъ отправленъ къ губернатору, гдѣ съ восторгомъ разсказывалъ о милостивомъ пріемѣ, оказанномъ ему Государемъ Императоромъ и выражалъ искреннюю благодарность за хорошее обращеніе съ нимъ русскихъ. Гассанъ-паша по пріѣздѣ ни-

Общій видъ крѣпости Варны. Грав. Рашевскій.

чего не имѣлъ съ собою; все его имущество составляло только то, что было на немъ, поэтому губернаторомъ тотчасъ же было отдано приказаніе о доставленіи плѣннику бѣлья, платья и прочихъ необходимыхъ вещей. Согласно его желанію, онъ получилъ дозволеніе отправить письмо къ женѣ. Гассанъ-паша скучаетъ о своей семьѣ и своей родной странѣ. Разсказываютъ, что когда онъ пожелалъ имѣть турецкія книги его спросили, не желаетъ-ли онъ познакомиться съ сущностью христіанской религіи. Онъ отвѣчалъ, что давно уже интересуется и желаетъ познакомиться со священною книгою христіанъ, но не имѣлъ до сихъ поръ къ тому случая. Онъ взялъ Евангеліе, прилежно его читаетъ и прочиталъ уже болѣе половины. „Опасаюсь, говорилъ по этому случаю пасторъ, доставившій ему книги, что-бы съ нимъ не случилось того, что съ Шамилемъ, когда послѣдній находился въ плѣну. Шамилю было доставлено Евангеліе въ роскошномъ переплетѣ. По прочтеніи онъ сказалъ: „Я читалъ книгу вашего вѣрованія, и убѣдился, что ваша вѣра великая и прекрасная; но одно меня удивляетъ, что никто изъ васъ не живетъ по ученіямъ этой книги. Если бы вы сами слѣдовали ей, то, конечно, и другіе послѣдовали бы вашему примѣру“.

Турецкія крѣпости Шумла и Варна.

Шумла—важный торговый и военный пунктъ на сѣверо-восточномъ скатѣ Балкановъ, въ Силистрійскомъ санджакѣ. Сама природа здѣсь какъ бы указала мѣсто для возведенія обширнаго лагеря. Человѣку оставалось только устроить цитадели на оконечностяхъ цѣлаго полукруга природныхъ укрѣпленій и прикрыть редутами другую половину окружности котловины.

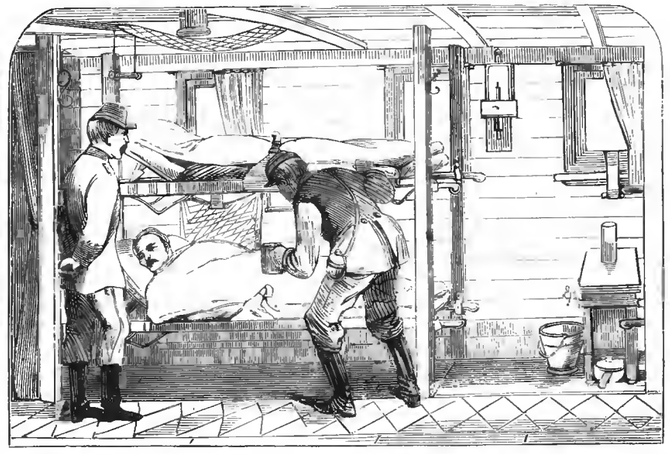
Городъ Шумла расположенъ во впадинѣ кратерообразной

формы, полуоткрытой къ востоку. Высоты Шумлы поднимаются надъ окрестностью на 300—400 фут. Скаты ихъ покрыты дубовыми рощами, а на вершинахъ ихъ находятся богатыя залежи извести, которую и берутъ для построекъ въ крѣпостныхъ веркахъ. Спускъ къ городу съ высотъ идетъ наискось между виноградниками съ одной стороны и бѣлымъ известковымъ утесомъ съ другой.

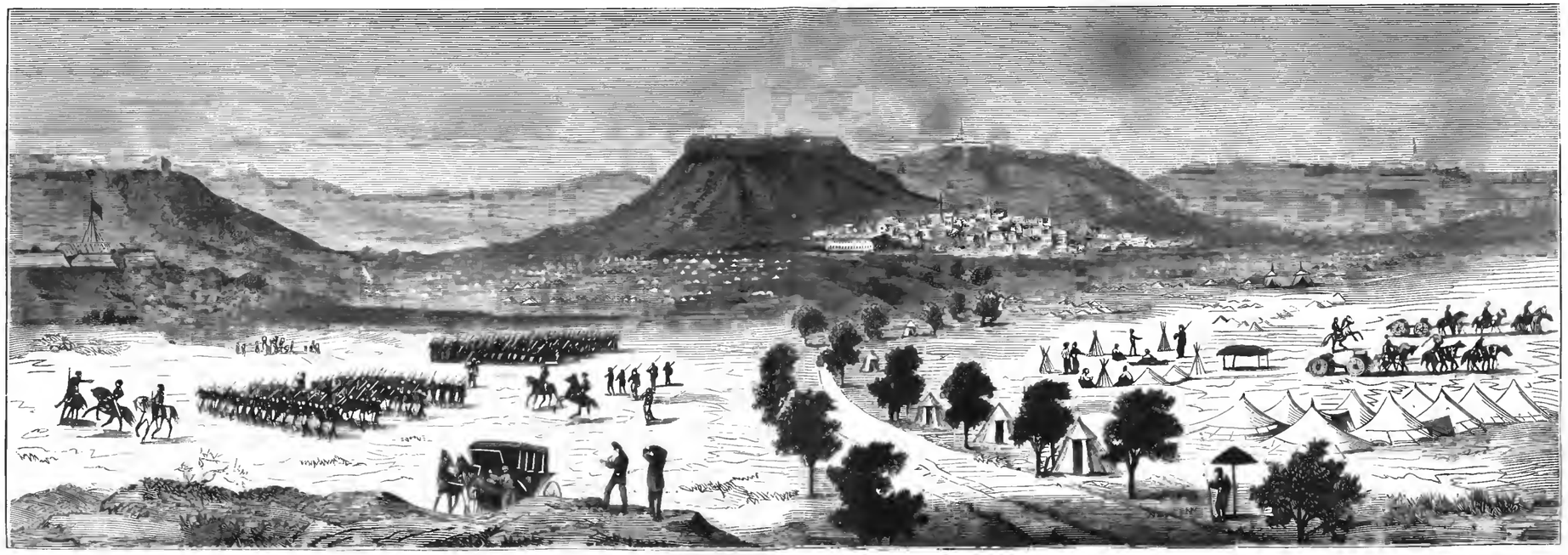
Видъ Шумлы эффектенъ. Лучшими зданіями ея служатъ мечети съ минаретами, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ по нѣскольку куполовъ и даже колонады, въ родѣ адріанопольской мечети. Казарменныя постройки бросаются въ глаза размѣрами, европейскимъ стилемъ и нарядностью. Известковая почва окрестностей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прикрыта дерномъ, а мѣстами даже и кустарникомъ. На югѣ бѣлый утесъ круто поднимается надъ домами и кладбищемъ. Но самый городъ не можетъ похвалиться чистотой. Улицы плохо вымощены, а вдоль ручья, пересѣкающаго городъ, накопились груды сора и нечистотъ. Частые туманы въ Шумлѣ лишаютъ воздухъ его прозрачности. Изъ виноградниковъ вырабатываютъ бѣлорозовое вино. Жителей не менѣе 40,000.

Мѣстность, окружающая городъ, число сообщеній чрезъ Балканы, удобство дѣйствовать гарнизону Шумлы въ тылъ арміи, наступающей къ Константинополю, возможность отрѣзывать ея подвозы—все придаетъ большое значеніе этой позиціи и вотъ почему до 1829 г., въ войну Россіи съ Турціей, Шумла считалась непреодолимымъ оплотомъ. Въ 1774, 1810 г. Шумла была безуспѣшно аттакована русскими, но въ 1829 г. русскій главнокомандующій графъ Дибичъ, пользуясь содѣйствіемъ флота, доставлявшаго арміи продовольствіе, рѣшился обойдти Шумлу и слѣдовать не прямо чрезъ Балканы, а по берегу моря. Съ этою цѣлью для блокады Шумлы былъ оставленъ корпусъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ Красовскаго, а русская армія направилась къ Адріанополю, и слѣдствіемъ этого смѣлаго и весьма искуснаго движенія былъ адріанопольскій миръ.

Варна—крѣпость и портъ Европейской Турціи въ Болгаріи, при заливѣ Чернаго моря, у подножія сѣверной оконечности Балканскаго хребта. Отъ Варны до Константинополя всего только до 250 верстъ; отъ Шумлы-же эта крѣпость отстоитъ верстъ на 70 не болѣе, и верстъ на 100 отъ крѣпости Силистріи (находящейся тоже въ Болгаріи, у сліянія Миссово съ Дунаемъ). Варна, въ числѣ четырехъ крѣпостей (Шумла-Варна-Рущукъ-Силистрія) занимаетъ равное съ ними по военному значенію мѣсто и составляетъ важный оборонительный пунктъ для прикрытія пути чрезъ Балканскія горы къ Константинополю. О современномъ положеніи этихъ крѣпостей мы имѣли уже не разъ случай упоминать въ политическихъ и военныхъ извѣстіяхъ „Нивы.„



Внутренній видъ вагоновъ санитарнаго поѣзда. (Кухня и помѣщеніе для раненыхъ).



Общій видъ крѣпости Шумлы и турецкаго лагеря при ней. По наброску французскаго корреспондента, рѣзалъ Рашевскій.

Санитарные поѣзды и походные лазареты Общества Краснаго Креста.

Съ усовершенствованіемъ убійственныхъ орудій войны, пушекъ, ружей и т. п., и санитарная часть при войскахъ, естественно, должна получить наибольшее развитіе.

Казалось бы, лучше уничтожить самую войну и причины, ее производящія; но

Библиотека "Руниверс"

цѣлые вѣка исторіи убѣждаютъ насъ, что войну уничтожить такъ же невозможно, какъ и передѣлать человѣческую природу. Чего кажется проще помочь подняться нашимъ братьямъ изъ глубины рабства, залечить вѣковыя раны, сбить цѣпи и жить человѣческою жизнью, а вѣдь есть тысячи образованныхъ европейски людей, которые не хотятъ этого. Несомнѣнно, однако, и то, что если Богъ благословитъ наше оружіе и мы освободимъ нашихъ балканскихъ соплеменниковъ отъ многовѣковаго ига варваровъ, то пройдетъ какое-нибудь столѣтіе, и уже всѣ въ Европѣ станутъ удивляться, кто же могъ, кто же смѣлъ кричать противъ освобожденія рая?..

Познакомимся, однако, поближе съ современнымъ устройствомъ помѣщеній для больныхъ и раненыхъ (къ чему поводъ даютъ намъ прилагаемые рисунки).

Общій планъ устройства санитарныхъ поѣздовъ можно свести къ слѣдующему. Въ извѣстномъ числѣ вагоновъ 1-й вагонъ назначается для доктора и хирурга, перевязывающаго раны и производящаго неизбѣжныя и безотлагательныя операціи. Вагонъ этотъ снабженъ всѣми удобствами и приспособленіями, напримѣръ, конторкою для писанья, кроватью, шкафомъ для аптеки и проч. Затѣмъ еще слѣдуетъ вагонъ или два для другихъ лекарей, помощниковъ хирурга, фельдшеровъ, распорядителей хозяйственною частью и проч. Засимъ слѣдуютъ вагоны, гдѣ уже помѣщаются раненые и больные солдаты. Койки ихъ устроены такъ, что ихъ удобно вносить, выносить, переносить и проч. На одной сторонѣ вагона помѣщается 6 коекъ, на другой 4; слѣдовательно, по лучше-принятой нормѣ всего въ вагонѣ должно быть 10 коекъ. Въ промежуткѣ между койками, на той сторонѣ вагона, гдѣ коекъ меньше (т. е. 4) занятъ столомъ и принадлежностями, которыя необходимо имѣть подъ рукою, корпіи, бинты, полотенца, промывательный аппаратъ и проч. Затѣмъ подвигаясь черезъ рядъ подобнаго же устройства вагоновъ съ ранеными, мы достигаемъ, наконецъ, походной кухни, находящейся уже недалеко отъ тендера машины. Въ кухнѣ этой находятся всѣ приспособленія для скорой варки или жаренья кушанья, для кипяченія воды и проч. Кухонная прислуга выбирается изъ людей ловкихъ, расторопныхъ и трезвыхъ. Затѣмъ далѣе отъ кухни, въ направленіи къ тендеру, помѣщаются кладовыя для припасовъ, погребъ для храненія жидкостей, особая судомойная—все это устраивается по крайней мѣрѣ въ лучшихъ санитарныхъ поѣздахъ весьма хорошо. Утѣшительно думать, что санитарные поѣзды на театръ войны отправляетъ и дружественная намъ Германія. Такъ, недавно Берлинскій Національный Комитетъ Международнаго Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ устроилъ *два* санитарныхъ поѣзда по 22 вагона въ каждомъ.

Наши два рисунка представляютъ: первый рисунокъ—раненаго въ койкѣ съ услуживающими ему двумя лицами изъ врачебно-санитарнаго персонала, направо виденъ аппаратъ для нацѣживанія воды. Второй же рисунокъ представляетъ желѣзнодорожную кухню при санитарномъ поѣздѣ съ хлопочащей въ ней прислугой.

Мало-Азіатская турчанка.

На рисункѣ типъ восточной женщины. Она всегда была такою; и во времена Нимвродовъ или Сарданапаловъ, такова она и теперь, въ наше время. На памятникахъ Египта сохранились до сихъ поръ барельефы женскихъ головъ (профили), которые археологи и историки искусства признаютъ за настоящіе и вѣрные портреты древнихъ египетскихъ женщинъ. Даже головы древнихъ сфинксовъ сформированы именно по этому типу головы.

По косвенному разрѣзу глазъ и общему выраженію лица видно, что восточная женщина разсчетлива, коварна и почти неспособна на всякое самопожертвованіе, подобно своей европейской сестрѣ. Разумѣется, есть исключенія, нисколько, однако, не измѣняющія общаго правила. Оттого во всѣхъ, даже геніальныхъ восточныхъ женщинахъ (какова была, напримѣръ, знаменитая Клеопатра въ Египтѣ во времена Цезаря) встрѣчается смѣсь холодной разсчетливости, жестокости, коварства, продажности, вмѣстѣ съ безстыднымъ развратомъ. Примѣръ такихъ фурій мы видимъ въ Иродіадѣ, не устыдившейся просить блѣдную, окровавленную голову пророка Божія, въ Іезавели, отнявшей у бѣдняка послѣдній виноградникъ, о которыхъ повѣствуетъ намъ Библія. Это, конечно, худшіе примѣры; но они не измѣняютъ существа дѣла и не ослабляютъ силы того положенія, что вліяніе ея на ходъ дѣлъ было чаще всего гибельно, а въ лучшемъ случаѣ—совершенно безслѣдно.

Въ Малой Азіи, гдѣ былъ особенно въ ходу сладострастный культъ Цибелы, миѳологическія преданія гибель всѣхъ малоазіатскихъ государствъ приписывали женщинамъ. (*Гротъ*).

Отъ этого, добавимъ мы, къ намъ черезъ Византію и перешелъ съ востока взглядъ на женщину, какъ на какую-то непріязненную сокрушающую силу какого-то дьявола. Преданіе о Ѳракійскихъ бѣснующихся менадахъ, растерзавшихъ вдохновеннаго Орфея, произошло, очевидно, изъ того же источника.

Секретъ на ушко.

(Съ картины Ад. Дилленса).

Что за секретъ передаетъ пожилому собесѣднику эта миловидная дѣвочка?

— Ну, Эмма! Говори-ка, дитя мое! Признавайся. Отъ отца ты не должна ничего скрывать...

— Папа!.. Я скажу все—только на ушко...

И Эмма, прислонясь къ уху отца, какъ бы боясь собственнаго голоса, робкимъ голосомъ разсказала въ сущности самую простую и обыкновенную исторію. Нынѣшней весной нежданно-негаданно ей приглянулся молодой человѣкъ, сынъ ихъ сосѣда. И куда дѣвался покой дѣвочки? Явились у ней до сихъ поръ невѣдомыя ей тоска и слезы. Сколько разъ ночью плакала она, молилась—все напрасно.

— Да, я потеряла мое сердце, папа! заключила свой разсказъ дѣвушка, раскраснѣлась и заплакала. У меня нѣтъ силъ отвязаться о мысли отъ *немъ*—словно я приворожена!..

— Тсъ!.. Да хранитъ тебя Богъ, дитя мое! Зачѣмъ этакія слова... строго произнесъ старикъ.

— Я потеряла мое спокойствіе и возвратить его уже не могу, покамѣсть взамѣнъ онъ не дастъ мнѣ *свое*, поднявъ головку горячо произнесла Эмма.

— Но вѣдь надо испытать его—можно ли на него надѣяться—любитъ ли онъ тебя... Надо испытать и себя—точно ли онъ тебѣ нравится, а главнѣе всего—любитъ ли *онъ*-то тебя?.. Вѣдь это самый важный шагъ въ жизни, дитя мое... Подумай!

Старикъ смолкъ. Смолкла и дочь его и ждетъ она отвѣта отъ отца, мнѣнія его о миломъ... Но отецъ на этотъ разъ твердъ какъ кремень. Твердитъ онъ свое: „нужно испытать *его* и *себя*! Вѣдь это самый важный шагъ въ жизни". И тысячу разъ правъ опытный старикъ, скептически говорящій своей дочери: „испытать надо!..“

Стр...

Смѣсь.

Турецкій судъ. Выходящая въ Константинополѣ армянская газета «Avedaper» разсказываетъ слѣдующій интересный судебный случай: въ турецкой провинціи Дивосъ, у одного арендатора, армянина, пропала корова, которую однако онъ скоро отыскалъ у своего сосѣда, турка. Армянинъ требовалъ, чтобы ему была возвращена его собственность, но мусульманинъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Дѣло пошло на судъ мѣстнаго кади. Этотъ послѣдній прежде всего требовалъ отъ армянина, чтобы тотъ представилъ свидѣтелей, что корова дѣйствительно принадлежала ему. Въ судебную камеру было приведено три свидѣтеля, и они вполнѣ подтвердили показанія истца, но кади ни за что не хотѣлъ придавать вѣры этимъ свидѣтельствамъ, такъ какъ они исходили изъ устъ христіанъ. Армянинъ, не зная что дѣлать, просилъ позволенія привести въ судъ корову и потомъ впустить также ея теленка. Только что корова увидѣла свое дѣтище, какъ бросилась къ нему и стала его нѣжно облизывать и ласкать. Тогда кади немедленно приказалъ возвратить корову ея прежнему владѣльцу. Итакъ, свидѣтельство теленка было больше принято въ уваженіе, чѣмъ свидѣтельство трехъ христіанъ.

Въ парижскомъ саду акклиматизаціи произошла недавно замѣчательная битва между слономъ и верблюдомъ, къ удивленію кончившаяся пораженіемъ перваго. «Тоби», молодой слонъ, пользовался извѣстной свободой; ему позволялось ходить по волѣ и дѣлать визиты своимъ сосѣдямъ. Желая посѣтить одного изъ нихъ, онъ воспользовался отсутствіемъ сторожа, и безъ позволенія проникъ въ отдѣленіе верблюда; однако этотъ визитъ кончился для него плохо. Мать верблюда, увидя чудовище, испугалась за своего дѣтеныша, который испускалъ жалобные крики, и яростно кинувшись на молодого слона, встрѣтила его сильными ударами копытъ. Въ нѣсколько секундъ бѣдный Тоби лежалъ на землѣ. Когда пришелъ сторожъ, Тоби лежалъ въ громадной лужи крови. Послали скорѣе за докторомъ, который оказалъ животному первую помощь. Мать верблюда съ своей стороны сильно пострадала отъ ударовъ хобота и потеряла въ битвѣ одинъ глазъ.

Изъ Сѣверной Америки сообщаютъ о появленіи тамъ новаго вида чумы рогатаго скота, принимающей весьма опасный характеръ. Эта новаго рода чума внезапно появилась впервые въ Пенсильваніи, главный городъ которой есть, какъ извѣстно, Филадельфія, мѣсто послѣдней всемірной выставки. Насѣкомое въ родѣ дровосѣка впивается въ тѣло животнаго, производя отравленіе крови, отъ чего животное чрезъ нѣсколько часовъ издыхаетъ. Приняты предохранительныя мѣры, чтобы по возможности зараза не была перенесена въ Европу.

Библиотека "Руниверс"

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

12-го августа исполнилось уже 4 мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ по великому слову Монарха наша армія выступила на поле брани, на святую землю угнетенныхъ. Много за этотъ 4-мѣсячный періодъ было совершено подвиговъ, дѣлающихъ честь нашей арміи, ея мужеству и самоотверженію, подвиговъ, поистинѣ, безсмертныхъ, но пролито много и крови, понесены и потери. Хотя самые славные эпизоды этой войны—переправа черезъ Дунай и переходъ черезъ Балканы совершились сравнительно съ весьма незначительными потерями, такъ что потери людьми, напримѣръ, подъ Плевной, могутъ уравновѣситься удачными операціями черезъ Дунай и Балканы. Вообще, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, война поглотила, за время отъ 12-го апрѣля до 4-го августа *15,445 чел.* Денежныя затраты на войну также значительны, а продолжающееся мобилизованіе войскъ потребуетъ еще большихъ затратъ *). Но передъ какими жертвами можетъ остановиться наша страна, въ виду святой цѣли, достигаемой настоящей войною. Нѣсколько перипетій въ великой драмѣ уже совершилось. Но несомнѣнно, что теперь-то драма и получаетъ свое наибольшее энергическое развитіе. Только еще и можно сказать: положено славное начало, но когда будетъ конецъ—покажутъ сами событія. Теперь же, со стороны общества нужны новыя и новыя жертвы, и нѣтъ сомнѣнія, оно откликнется на нихъ съ тою же готовностью, какъ и всегда. Наше общество имѣетъ теперь ту выгоду, что еще разъ указана и доказана ему та истина, что по частнымъ не совсѣмъ удачнымъ военнымъ эпизодамъ никакъ нельзя судить о плодотворности будущихъ результатовъ и о достоинствѣ общаго плана, отдѣльныя детали котораго не могутъ быть намъ понятны.

Рѣшительный моментъ войны насталъ, сколько можно судить *именно теперь*. Со стороны турецкихъ армій мы видимъ крайне напряженныя и почти отчаянныя усилія соединиться и окружить насъ соединенными силами, вырвавъ у насъ и Шипкинскій проходъ черезъ Балканы. За этотъ послѣдній идетъ уже ожесточенная битва, въ которой мужество нашихъ войскъ, командуемыхъ генералами *Дорожинскимъ* и *Столѣтовымъ*, уже проявилось во всемъ блескѣ. Турки теперь на себѣ испытываютъ, что такое значитъ аттаковать сильно укрѣпленную самою природою позицію. Ожесточенный характеръ боя доказываетъ, что обѣ сражающіяся стороны придаютъ огромную важность его исходу. И въ самомъ дѣлѣ, война получитъ тотъ или иной характеръ, смотря по тому или другому исходу ожесточеннаго боя изъ-за Шипки. Нельзя себѣ вообразить такой сильной позиціи, какъ Шипкинскій перевалъ съ его сѣверной стороны. Шоссе взбирается по узкому и затруднительному для движенія хребту, а близь самаго перевала преграждается нѣсколькими послѣдовательными сильно укрѣпленными позиціями, съ обороною въ нѣсколько ярусовъ, ружейной и артиллерійской. Тутъ находятся баттареи и траншеи, флеши и люнеты, и все удачно примѣнено къ мѣстности. На южной сторонѣ перевала укрѣпленій нѣтъ, но онъ достаточно укрѣпленъ природою. Южный скатъ перевала чрезвычайно крутъ и взбираться по немъ трудно. Высоты по сторонамъ сѣдловины расположены такъ, что съ нихъ весьма удобно поражать противника. Наши войска аттаковали Шипку 6-го іюля съ юга. Съ юга же производятъ теперь аттаку и турецкія войска.

На поддержку защиты Шипкинскаго прохода изъ нашей главной арміи посланъ генералъ Радецкій, командиръ 8-го корпуса. Какъ бы ожидая исхода дѣла, недавнее настойчивое движеніе турокъ изъ *Ловчи* на *Сельви* пріостановилось; наши войска, а именно 9-я дивизія 8-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Святополка-Мирскаго, занимаютъ позиціи впереди Сельви; изъ Тырнова же отправилась на поддержку къ Шипкѣ 19-я пѣхотная дивизія генерала Драгомірова. У Плевны все спокойно. Со стороны Рущука, Разграда, Эски-Джумы и Шумлы непріятель недавно дѣлалъ попытку прервать наши сторожевые посты, намѣреваясь, перейти въ наступательное движеніе съ востока.

До какой степени геройски дрались наши войска еще до прибытія Радецкаго при оборонѣ Шипкинскаго прохода, видно изъ того, что 9-го августа они отбили 9 аттакъ, а на слѣдующій день (10-го) турки только поддерживали перестрѣлку. Потери наши здѣсь за это время сравнительно не велики, но изъ строя выбыло много офицеровъ. Потери турокъ громадны, хотя въ то же время ихъ сила не уменьшается, что, конечно, можно объяснить только непрерывно прибывающими подкрѣпленіями. Наши войска, спѣша къ Шипкѣ, дѣлаютъ усиленные переходы. Такъ, нѣкоторыя подкрѣпленія прошли 56 верстъ въ день...

11 Августа, съ ранняго утра турки ожесточенно аттаковали Шипку съ трехъ сторонъ громадными силами. Упорный бой продолжался до полуночи, когда наступило лунное затмѣніе, но канонада продолжалась и во время затмѣнія. Наши отстояли всѣ позиціи, несмотря на громадный численный перевѣсъ непріятеля и на убійственный перекрестный огонь. Это былъ третій день геройской защиты Шипки противъ всей арміи Сулеймана-паши. Войска наши четыре дня не имѣли горячей пищи и четыре ночи не спали.

12 августа горячая перестрѣлка продолжалась цѣлый день и ослабѣла только вечеромъ; наши удержали всѣ позиціи. Раненыхъ за четыре дня боя вывезено въ Габрово 27 офицеровъ и около 900 нижнихъ чиновъ; о числѣ убитыхъ пока нѣтъ свѣдѣній.

13 августа, въ 9 час. утра, снова началась сильная канонада на Шипкѣ. Бой продолжался и 14 августа. Наши войска стояли крѣпко. Нѣсколько сильнѣйшихъ атакъ геройски отбиты.

Генералъ Дерожинскій, управлявшій первые три дня обороной Шипки, погибъ въ этотъ пятый день боя геройскою смертью. Генералъ Драгомировъ раненъ въ правую ногу навылетъ, не опасно. Изъ такихъ пять дней продолжающихся атакъ, на Шипку, видно все значеніе этого мѣста. Еще ранѣе сообщено было что генералъ Гурко, тотчасъ по занятіи ущелій, распорядился укрѣпить ихъ и возвести тамъ значительные ретраншементы. Распоряженіе это какъ нельзя болѣе пригодилось въ настоящую трудную минуту, когда нашимъ незначительнымъ силамъ пришлось удерживать сосредоточенные войска Сулеймана-паши.

Перейдемъ къ нѣкоторымъ общимъ соображеніямъ.

Теперь первое и самое главное, что обращаетъ наше вниманіе на непріятеля—это стремленіе его разрозненныхъ, хотя и значительныхъ армій *сомкнуться* и окружить насъ. Въ эти стратегическія соображенія турокъ входитъ, конечно, и отнятіе у насъ Шипки. Даже болѣе—возможно, что по ихъ разсчету, это составляетъ ключъ къ дальнѣйшимъ операціямъ. Въ противномъ случаѣ не было бы выполнено одно изъ существенныхъ условій соединенія турецкихъ армій. Сулеймана-паша находятся по ту сторону Балканъ, и аттакуетъ Шипку съ юга. Для соединенія же съ Ахметомъ ему нужно перейти Балканы.

Одновременность движенія Сулеймана-паши къ Балканскимъ проходамъ и наступленія войскъ Османа-паши изъ Ловчи на Сельви находятся въ близкой связи. Вслѣдствіе этихъ непріятельскихъ движеній наша теперешняя задача состоитъ, очевидно въ томъ, чтобы не допустить двѣ арміи Османа и Сулеймана пашей соединиться между собою, ибо, въ противномъ случаѣ, соединенными силами они будутъ стараться вытѣснить наши войска изъ Балкановъ, отбросить ихъ гораздо къ сѣверу за Тырновъ и войдти такимъ образомъ въ сношенія съ арміей Мегмеда-Али-паши *). Таковъ долженъ быть тактическій и стратегическій планъ турокъ, инымъ онъ быть не можетъ. Если бы турки, дѣйствительно, достигли своей цѣли, мы имѣли бы противъ себя численность соединенныхъ армій: Сулеймана-паши до 55 тысячъ человѣкъ, Османа-паши 70 тыс. чел., затѣмъ армія Мехмеда-Али-паши. Главныя силы этого послѣдняго простираются до 70 тысячъ **) и расположены они у Османъ-Базара, (къ сѣверо-востоку отъ Тырнова) затѣмъ у *Разграда* (города къ сѣверо-востоку отъ Османъ-Базара, по Рущукской дорогѣ) стоитъ Эюбъ-паша съ войскомъ въ 50 тысячъ. Если бы мы потеряли Шипкинскій проходъ, который съ такимъ геройствомъ, честію и славою до сихъ поръ отстаиваютъ наши войска, то мы могли бы очутиться въ срединѣ громаднаго кольца непріятельской арміи, простирающейся до 245 тысячъ человѣкъ. Мы знаемъ уже, что даже и съ востока турки дѣлаютъ попытки прорвать нашу сторожевую линію и перейти въ наступленіе со стороны Рущука, Эски-Джумы и Шумлы. Отсюда, кромѣ главной нашей операціи, отстаиванія позиціи у Шипки, естественно вытекаетъ сосредоточеніе нашихъ силъ у Рущука, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ дорогу въ Разградъ, гдѣ стоитъ Эюбъ-паша. На рѣкѣ Кара-Ломѣ (имѣющей почти прямолинейное теченіе къ югу, по направленію къ Османъ-Базару ***) находятся войска Государя Наслѣдника Цесаревича. Въ планы Эюба-паши, очевидно, входитъ намѣреніе задержать эти войска съ тою цѣлью, чтобы дать время Мехмеду-Али-пашѣ устремиться на Тырново (до котораго отъ Османъ-Базара переходъ не большой). Мы не можемъ сказать даже приблизительно, сколько теперь находится нашихъ войскъ въ Тырновѣ, но весьма вѣроятно, что значительная часть ихъ ушла на подкрѣпленіе Шипкинскаго прохода. Если бы туркамъ удалось пробиться до Сельви, что въ настоящее время они упорно и стараются сдѣлать, двигаясь отъ Ловчи къ Сельви (Сельви лежитъ къ юго-востоку отъ Ловчи), а войскамъ Мехмеда-паши удалось бы пробиться до Тырново, то эти двѣ арміи разъединяла бы только незначительная по протяженію линія отъ Тырнова до Сельви. (Тырново и Сельви лежатъ почти на одной широтѣ) и воспрепятствовать соединенію этихъ армій стоило бы намъ огромныхъ усилій. Понятно по этому, какой огромный стратегическій интересъ принимаетъ теперь линіи *Тырново-Сельви-Ловча*. Весьма вѣроятно, что, послѣ того или иного исхода Шипкинскаго боя, рѣшительныя событія произойдутъ именно здѣсь, такъ какъ именно здѣсь стремятся соединить-

*) Газета «Presse» опредѣляетъ составъ нашей арміи, выступившей въ поле, до 280 000 человѣкъ

*) Надѣлавшее нѣкотораго шуму извѣстіе иностранныхъ газетъ, что армія Сулеймана-паши уже вошла въ сношенія съ арміей Мехмета-паши оказалось *вздоромъ* который такъ любятъ пускать въ ходъ Константинопольскія газеты.

**) Къ юго-западу отъ котораго на Янтрѣ, находится Тырново.

***) Графически эта линія представляетъ дугу, имѣющую отверстіе къ сѣверу.

Библиотека "Руниверс"

ся четыре турецкія арміи (Османъ-паши, Мехмета-Али и Сулеймана пашей и Эюбъ паши).

Что касается Добруджи, то тамъ расположены съ турецкой стороны, египетскія войска, подъ начальствомъ принца Гассана. Египетскія войска недавно отступили даже отъ *Мангаліи* (приморское укрѣпленіе гораздо дальше къ югу отъ Кюстенжи и Троянова вала). Кюстенжи, съ нашей стороны сильно укрѣплено и вооружено крѣпостными орудіями. Въ Добруджу прибываютъ многочисленныя подкрѣпленія корпусу генерала Циммермана.

Съ Закавказскаго театра войны телеграфируютъ изъ Кюрюкъ-Дара, 13-го августа, что турки, наступая, заняли передовой холмъ Кизиль-папа, на лѣвомъ флангѣ нашего расположенія. Общій бой длился безостановочно 13 часовъ. Боевая линія растянута была на 20 верстъ. Обѣ стороны удержали позиціи и бивакируютъ, ожидая на завтра рѣшительнаго сраженія. Потери наши серьезны; ранены начальникъ кавалеріи, Чавчавадзе, генералъ Комаровъ и князь Барятинскій.

На самомъ Западномъ театрѣ войны прошлая недѣля была ознаменована геройскими подвигами Черногорцевъ. Послѣ сильнаго и упорнаго бомбардированія, они взяли приступомъ наибольшій изъ Никшичскихъ фортовъ, Чадьялицу, который расположенъ на холмѣ того же имени, а также всѣ внѣшніе окопы Никшича. Князь Николай тогда же потребовалъ сдачи крѣпости.

Въ политическомъ отношеніи прошлая недѣля для насъ важна тѣмъ знаменитымъ фактомъ, что проявилось новое доказательство нейтралитета двухъ дружественныхъ намъ великихъ державъ, Германіи и Австріи, въ текущей войнѣ. Результатъ свиданія двухъ императоровъ, Германскаго и Австрійскаго, въ высшей степени благопріятенъ въ этомъ отношеніи. Императоръ Вильгельмъ выразилъ свое сочувствіе Россіи въ теплыхъ словахъ. Затѣмъ вѣрная своему дружественному расположенію къ Россіи, Германія, получивъ свѣдѣнія о турецкихъ жестокостяхъ, совершенныхъ надъ русскими плѣнными, формально напомнила Портѣ о постановленіяхъ Женевской конвенціи, которыя Порта нарушила. Далѣе, Германія обратилась и къ другимъ державамъ съ запросомъ: не желаютъ ли и онѣ сдѣлать подобныя же замѣчанія турецкому правительству. Державы на сколько извѣстно изъявили готовность отвѣчать на такой запросъ Германіи—Англія же, повидимому рѣшилась отдѣлаться молчаніемъ, и это обстоятельство дѣлаетъ ея положеніе крайне комичнымъ.

— Вслѣдствіе разлитія рѣкъ Уссурійскаго бассейна, происшедшаго отъ бывшаго въ теченіе болѣе двухъ мѣсяцевъ сильныхъ дождей, сибирская телеграфная линія, отъ *Хабаровки* до *Владивостока*, подверглась во многихъ мѣстахъ значительнымъ поврежденіямъ. Въ низменныхъ мѣстахъ теперь уже линія затоплена до двухъ саженъ высоты, и вода продолжаетъ прибывать.

По случаю этихъ поврежденій прямое телеграфное сообщеніе съ Уссурійскимъ краемъ, а также съ Китаемъ и Японіею чрезъ Россію, прекратилось.

На дняхъ, именно 8 августа на Балтійской дорогѣ случилось несчастіе: поѣздъ шедшій изъ Ревеля, 8 августа въ 5-ти верстахъ отъ Гатчины, соскочилъ съ рельсовъ. При этомъ паровозъ уперся въ земляную насыпь. Всѣхъ вагоновъ въ поѣздѣ было десять, въ томъ числѣ одинъ багажный. Повреждены пять вагоновъ, и особенно сильно одинъ изъ нихъ, затѣмъ два вагона, сошедшіе съ рельсовъ, остались на пути, а два задніе остались на рельсахъ. Осмотръ врачемъ пострадавшихъ обнаружилъ, что получили болѣе или менѣе тяжелые ушибы десять человѣкъ.

За симъ, мы съ сожалѣніемъ должны указать на другого рода несчастіе, а именно на чуму рогатаго скота. Чума проникла въ нынѣшнее лѣто въ Колпино, Ижорскую и Кошелевскую волости и *истребила въ уѣздѣ до тысячи головъ скота*. Ропотъ въ сельскомъ населеніи на недостатокъ мѣръ противъ вторженія и дальнѣйшаго развитія заразы трудно представить.

Въ заключеніе, нашихъ внутреннихъ извѣстій можемъ сообщить, что встрѣтившіеся по постройкѣ Литейнаго моста чрезъ рѣку Неву препятствія (недостатокъ денегъ на производство работъ, потребовавшихъ значительно большихъ сверхъ смѣты расходовъ) теперь уже устранены. Работы получили уже свой нормальный ходъ и всѣ возникшія было препятствія устранены. Число рабочихъ увеличено и постройка быстро подвигается впередъ, что даетъ право надѣяться, что сооруженіе моста будетъ окончено, какъ и предполагалось, ранѣе послѣдняго срока.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Тамбовъ, Е. Ф. Сок—ову.** Вы пишете, что имѣете непреодолимую любовь къ литературѣ, но любовь эта пока выражается только весьма слабымъ подражаніемъ Кольцову, да еще съ такими непозволительными словами:

«Не смолю-жь святыхъ и въ свидѣтели».

Любить литературу и смѣшивать такъ глаголы молить и смолить — поистинѣ непростительно:

2. **Село Дурновское. С. Ли—нову.**

Вы пишете: Тяжело, тяжело мнѣ на свѣтѣ,
Ужь не выберу время на часъ,
Чтобъ душа душа, какъ и млѣти,
Запустила на міръ потухающій глазъ.

Конечно не легко жить на свѣтѣ, когда у души вашей одинъ только глазъ, да и тотъ потухающій.

СОДЕРЖАНІЕ: **Изъ исторіи Закавказья** (съ рисункомъ) **Ф.—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Солевьева.** Часть первая (продолженіе).—Ходъ міровыхъ часовъ **W.—Послѣ взятія Никополя** (съ рисункомъ) **Турецкія крѣпости Шумла и Варна** (съ 2-мя рисунками).—**Санитарные поѣзды и походные лазареты** (съ 2-мя рисун.).—**Мало-азіатская турчанка** (съ рисун.).—**Семеръ на ушко** (съ рис.) **Стр...** — Смѣсь. — Политическіе, военные и внутренніе извѣстія. — Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Магазинъ: Адмиралт. площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3, противъ Сеременной.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
13
Товарищество Чемберсъ и К°.

«Московское Обозрѣніе».
ЖУРНАЛЪ
ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ХУДОЖЕСТВЪ.
(ИЗДАНІЕ ВЕЗЦЕНЗУРНОЕ).
Выходитъ еженедѣльно, въ формѣ сброшюрованныхъ и снабженныхъ изящными обертками книгъ.
Для большаго удобства гг. подписчиковъ все годовое изданіе журнала «Московское Обозрѣніе» раздѣляется на ШЕСТЬ большихъ томовъ (отъ 500 до 600 стр. бол. формата въ каждомъ), снабженныхъ отдѣльными обертками, нумераціями и оглавленіями.
Желая доставлять гг. подписчикамъ самыя свѣжія извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, редакція пріобрѣла трехъ собственныхъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Дунайской арміи, двухъ—на Кавказѣ, одного—въ Черногоріи и одного—въ Петербургѣ, и кромѣ того вошла въ соглашеніе съ рус. международнымъ телеграфнымъ агентствомъ.
Всѣ получаемыя изъ указанныхъ источниковъ телеграфныя извѣстія съ 6-го апрѣля пост. года выпускаются въ свѣтъ ежедневно (а иногда и 2 раза въ день) и въ видѣ приложеній разсылаются гг. подписчикамъ при журналѣ безплатно.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
На годъ съ дост. и пер. 7 р. — к. | На годъ безъ дост. и пер. 6 р. — к.
» 1/2 года. . . . . 4 » — » | » 1/2 года. . . . . 3 » — »
Для всѣхъ, какъ служащихъ, такъ и неслужащихъ подписчиковъ можетъ быть допускаема разсрочка.
Лица, подписавшіяся на все годовое изданіе журнала, пользуются правомъ на полученіе безплатной преміи. 3—3

ПОЛНЫЙ ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ
ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА
для СОМОУЧЕКЪ и для ПРЕПОДАВАНІЯ, приспособленный къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ. ТРИ ЧАСТИ: Часть I. Произношеніе по особой системѣ и первоначальныя правила грамматики. Часть II. Подробное изложеніе грамматическихъ правилъ, со множествомъ упражненій. Часть III. Книга для чтенія: ключъ для задачъ и полное сочиненіе Флоріана «НУМА ПОМПИЛІЙ» съ замѣтками и словаремъ. Составленъ докторомъ М. Ханомъ. Продается у всѣхъ книгопродавцевъ.
Цѣна I р. 50 к. за всѣ три части (въ нихъ 498 страницъ убористой печати).
№ 5 Вѣсъ за 2 фунта. 1

Въ г. Таганрогѣ у Священника Василія Бандакова продаются его простыя и краткія поученія;
I-й выпускъ 25 поуч. 50 п. 2-й 52 п. 3-й 63 п. и 4-й 54 п., по 1 р. съ перес. печатаются и скоро поступятъ въ продажу; 1-й томъ изъ первыхъ 3-хъ выпусковъ исправлен. и дополн. 2 р. 15 к., 2-й томъ 150 поуч. 2 р. 25 к., 5-й вып. 50 поуч. 1 р., 6-й вып. 64 п. 1 р. 25 к. съ пер. № 4 1

Хивинскій походъ. Большой батальный альбомъ эпизодовъ хивинскаго похода, исполненный по оригинальнымъ акварелямъ Н. Каразина.
Хромолитографировано первымъ заграничнымъ заведеніемъ Винкельманъ и Штеинбока въ Берлинѣ.—Въ конторѣ Редакціи журнала „Нивы“ находится еще маленькій остатокъ этого изданія, который она уступаетъ своимъ подписчикамъ по дешевой цѣнѣ: **вмѣсто 18 р. за 6 р.**, (съ пересылкою 10 руб.) а потому гг. иногородные, желающіе выписать, этотъ альбомъ, благоволятъ обращаться въ редакцію „Нива“ прилагая вмѣсто 22 р. съ пересылкою **только 10 руб.**

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ И РИМА 2
по преимуществу внутренней жизни.
Соч. Андрея Тначева цѣна 2 ч. 2 руб.
Отзывы 1876 г. Спб. В. № 63, Голосъ 178, Нов. Вр. 20, Варш. Вѣд. 94, Женское Обр. 1—2, Нед. Мув. 8, Нед. 13—14, Дѣт. Садъ 5—6 1877 г. Ж. М. Н. Просв. № 3.

ПАНСІОНЪ Г-на А. ВИБЕРЪ.
Основанный Шмеллитомъ въ 1842 г. В. О., 5 л., д. № 18.—Занятія начнутся съ 16-го августа.
Курсъ въ объемѣ первыхъ 4-хъ классовъ реальныхъ училищъ. Ученики успѣшно подготовляются къ экзаменамъ въ реальныя училища въ особенности же военныя, морскія и коммерческое. Проходится и древніе языки. Годовая плата: 400 р. за пансіонера, и 100—125 р. за приходящаго. № 6 2—1

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленія 1) Отъ чайнаго магазина О. Корещенко въ Москвѣ. 2) Прейсъ-Курантъ отъ часоваго магазина Б. Альтшвагера, въ С.-Петербургѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 18 Августа 1877 г. Тип. Вольфа. Адм. № 10.

Библиотека Руниверс

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 35 — 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 29 Августа 1877 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера „Нивы".

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Контора журнала „Нива" помѣщается въ С.-П.-Бургѣ на Б. Морской, въ д. № 9.

Генералъ-лейтенантъ А. Э. Циммерманъ.

Генералъ-лейтенантъ Аполлонъ Эрнестовичъ Циммерманъ—одинъ изъ наиболѣе выдающихся нашихъ боевыхъ генераловъ, проведшій значительную часть своей жизни въ походахъ и сраженіяхъ. Онъ родился въ Лифляндской губерніи, отъ родителей православнаго исповѣданія, въ 1825 г. Службу онъ началъ юнкеромъ въ гусарскомъ полку Его Величества Короля Виртембергскаго (теперь 14-й гусарскій Митавскій Его Королевскаго Высочества Принца Прусскаго Альберта Младшаго полкъ). 18 лѣтъ отъ роду Аполлонъ Эрнестовичъ произведенъ въ корнеты и началъ немедленно готовиться къ поступленію въ Академію Генеральнаго Штаба, а по окончаніи въ этой Академіи курса былъ причисленъ въ 1848 г. къ Генеральному Штабу и отправленъ въ Архангельскую и Олонецкую губерніи для составленія военно-статистическаго обозрѣнія и маршрутной карты. Въ 1849 г. въ чинѣ штабсъ-капитана онъ былъ командированъ за границу, по случаю войны въ Венгріи, и назначенъ состоять въ распоряженіе генералъ-адъютанта графа Берга. Это назначеніе дало ему возможность принять дѣятельное участіе въ венгерской кампаніи и быть участникомъ ея главнѣйшихъ эпизодовъ. Онъ участвовалъ въ сраженіяхъ съ 14-го по 20-е іюня 1849 года, при наступательномъ движеніи австрійской Дунайской арміи (въ составѣ которой находилась и русская сводная дивизія генералъ-адъютанта Панютина), отъ г. Пресбурга черезъ Раабъ и м. Бабольна до крѣп. Коморна, занятой 6-тысячнымъ непріятельскимъ корпусомъ подъ командою Гергея. Съ 6-го по 23-е іюля генералъ Циммерманъ находился при арміи барона Гайнау, наступавшей отъ крѣп. Коморна, чрезъ города Пештъ и Кечкеменъ къ гор. Сегедину, на лѣвомъ берегу Тейсы и при переправѣ съ боемъ черезъ эту рѣку. Далѣе онъ находился при аттакѣ непріятельской позиціи между гор. Сегединымъ и сел. Серекъ и выбитіи венгровъ изъ этой позиціи и совершенномъ пораженіи 50-тысячнаго ихъ корпуса подъ предводительствомъ Дембинскаго; 28-го іюля онъ былъ въ сраженіи противъ 70-тысячной арміи, бывшей подъ начальствомъ Бема и Дембинскаго, при сел. Кишъ Бечкарсоѣ

Генералъ-лейтенантъ, А. Э. Циммерманъ, командиръ 14 армейскаго корпуса. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

и обращеніи непріятеля въ бѣгство за крѣп. Темешваръ, освобожденную при этомъ случаѣ отъ осады. За все это А. Э. получилъ слѣдующія награды: за битву подъ Коморномъ—орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ; за битву подъ Сегединымъ награжденъ чиномъ капитана, а подъ Серскомъ и Кишъ-Берчерекомъ—орденомъ св. Владиміра 3-й степ. съ бантомъ; императоръ же австрійскій пожаловалъ ему орденъ Леопольда меньшаго креста. Въ 1851 году онъ отправился на Кавказъ и находился въ зимнемъ походѣ на Малую Чечню; въ 1852 году участвовалъ въ зимнемъ походѣ по Большой Чечнѣ, въ то время, когда были тамъ стычки со скопищами Шамиля. Съ донесеніемъ объ успѣхахъ противъ горцевъ онъ былъ отправленъ къ Его Величеству Государю Императору и тогда же за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ произведенъ въ подполковники. Въ 1853 году онъ уже подполковникомъ былъ командированъ въ распоряженіе командующаго войсками Прикаспійскаго края и здѣсь также участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ. Во время вспыхнувшей потомъ Крымской войны онъ находился въ распоряженіи командовавшаго дѣйствующимъ корпусомъ на Кавказско-турецкой границѣ. При этомъ былъ назначенъ завѣдующимъ штабомъ Ахалкалакскаго отряда, потомъ командовалъ этимъ отрядомъ, причемъ молодецки отличился въ разныхъ сраженіяхъ, особенно тогда, когда, командуя кавалерійскимъ отрядомъ, онъ у селенія Дигвери успѣлъ захватить два непріятельскія орудія. Послѣ этого, по удостоенію Кавалерской думы, всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ 1864 г. генералъ Циммерманъ участвовалъ въ движеніи Ахалцыхскаго отряда въ Поцковскій санджакъ, къ сел. Чаборія (въ Малой Азіи); затѣмъ отсюда, въ слѣдующемъ 1855 году, онъ былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ распоряженіе главнокомандующаго военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму; здѣсь поступилъ въ *Севастопольскій гарнизонъ*, гдѣ и находился безотлучно по 28-е августа, раздѣляя участь славныхъ защитниковъ Севастополя. Здѣсь онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ военныхъ дѣлахъ, а при штурмѣ Севастополя съ 27 на 28-е августа онъ, вмѣстѣ съ войсками Севастопольскаго гарнизона, перешелъ съ южной на сѣверную сторону—эпизодъ, памятный для всѣхъ, помнящихъ подвиги севастопольскихъ героевъ! Во время 3-го бомбардированія Севастополя, въ ночь съ 5-го на 6-е іюля Аполлонъ Эрнестовичъ былъ контуженъ осколками бомбы и камнями въ правую ногу и правый пахъ, затѣмъ пролетѣвшею бомбою оторвало у него *половину плаща*, не повредивъ самаго—случай рѣдкій въ военныхъ лѣтописяхъ! За отличіе по службѣ 22-го августа 1855 г. онъ произведенъ въ полковники, а въ 1860 г. назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, командующимъ войсками Заплійскаго края, и получилъ приказаніе двинуться противъ коканцевъ. Въ этомъ походѣ онъ взялъ крѣпости *Токмахъ* и *Пишпекъ*, произведенъ затѣмъ въ генералъ-маіоры и получилъ орденъ Станислава 1-й степени. Въ 1862 году онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Виленскаго военнаго округа, на этомъ же постѣ состоялъ и въ слѣдующемъ 1863 г., при Назимовѣ и Муравьевѣ, когда вспыхнуло польское возстаніе. Графъ Бергъ оцѣнилъ потомъ его военныя достоинства и, по представленію графа, ему поручено было начальство надъ 4-ю пѣхотною дивизіей, стоявшей въ Царствѣ Польскомъ; затѣмъ Аполлонъ Эрнестовичъ назначенъ былъ начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи, а 19-го февраля текущаго 1877 года командиромъ 14-го армейскаго корпуса Дунайской арміи. Событія уже показали, что выборъ оказался блестящимъ, и генералъ Циммерманъ сдѣлалъ уже многое, достойное его славы, какъ севастопольскаго героя!

Z.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть Вс. Соловьева

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

VII.

Угрюмый и злобный выѣхалъ Меншиковъ въ свой Ранбовъ; ничего и никого не замѣчая прошелъ онъ черезъ анфиладу аппартаментовъ роскошнаго своего дворца и заперся у себя въ рабочей комнатѣ и къ столу даже не вышелъ. Княгиня во что бы то ни стало рѣшилась переговорить съ нимъ и, если возможно, добиться отъ него какого-нибудь благоразумнаго рѣшенія. Только гнѣвенъ ужь онъ очень нынче, какъ и подступиться къ нему, не знаетъ она! Вотъ тихонько подошла Дарья Михайловна къ запертой его двери, прислушалась. Тяжелыми шагами ходитъ онъ по комнатѣ. Она стукнула.

— Кто тамъ? раздался мрачный его голосъ.

— Я, Данилычъ, пусти меня, очень нужно.

— Еще что тамъ? Но онъ все же отперъ дверь.

— Батюшка, Данилычъ, голубчикъ, что же это такое? На какой конецъ все это? залилась Дарья Михайловна горькими слезами.

— Не хнычь, и безъ тебя тошно,—отвѣчалъ Меншиковъ. Ну, чего тебѣ? Съ чѣмъ пришла?

— Не сердись ты на меня, Данилычъ, лучше поговоримъ, что намъ дѣлать, подумаемъ вмѣстѣ. Бѣда неминучая надъ нами—самъ, чай, понимаешь! На меня нынче во дворцѣ никто и вниманія не обратилъ, а Машеньку такъ Государь, прямо что, почитай, назвалъ уродомъ.

— А, я еще не зналъ этого,—заскрежеталъ зубами Меншиковъ,—такъ вотъ ужь какъ! Вотъ до чего дошли! Ну нѣтъ, все перевернуть нужно, не бывать этому! Ничего они со мной не подѣлаютъ!

У княгини и руки опустились. Она все же думала, что смирится теперь ея Данилычъ, пойметъ свое безсиліе—а онъ все еще заносится, все еще считаетъ себя прежнимъ человѣкомъ.

— Трудно, трудно теперь справиться! Хитры враги наши. и вотъ что я хотѣла сказать тебѣ, Данилычъ, голубчикъ мой, подумай о насъ всѣхъ. Только одно теперь остается—нужно какъ-нибудь умилостивить Императора, ты ужь старъ становишься, боленъ, я тоже, а о дѣтяхъ нашихъ позаботиться намъ нужно, ихъ спасти отъ погибели. Брось все, откажись, уѣдемъ подальше, хоть въ Украйну ступай—попроси себѣ тамъ начальство надъ войскомъ. А мы гдѣ-нибудь укроемся, чтобъ о насъ не было и слышно; пускай все успокоится. Голубчикъ Данилычъ, только такъ намъ и можно спастись, авось умилосердится Государь, а то ничего ты съ нимъ не подѣлаешь, только и себя и всѣхъ насъ погубишь.

— Дарья, не твоего ума это дѣло,—крикнулъ Меншиковъ. Трусить, въ ногахъ валяться... нѣтъ, еще не время! Для того ли я всю жизнь свою положилъ на службу Россіи, для того ли поднялся, чтобы на старости лѣтъ скрыться въ нору, какъ кротъ какой-нибудь, или на царской кухнѣ дожидаться подачки!.. Нѣтъ, Дарья, нѣтъ, все еще поправить можно—я покажу имъ! Вотъ постой, въ Воскресенье 3-го сентября у насъ будетъ освященіе церкви, пріѣдетъ ко мнѣ Государь—и все я поправлю. Не дамъ я врагамъ моимъ насмѣяться надо мною, я покажу этой мелкотѣ несчастной, что не съ Александромъ Меншиковымъ имъ тягаться!.. А теперь мнѣ ни слова, слышишь, Дарья, и не доводи ты меня... золъ я нынче.

Княгиня взглянула на мужа и убѣдилась, что дѣйствительно лучше оставить его въ покоѣ. Печально и едва держась на ногахъ побрела она на свою половину.

Меншиковъ очень разсчитывалъ на освященіе своей церкви. Присутствіе Императора въ его домѣ и по такому случаю уничтожило бы всѣ слухи о враждѣ между ними и непріятности. Тутъ же представлялся удобный случай хорошенько переговорить съ Петромъ и разными средствами смягчить его и устроить искреннее примиреніе.

Еще за четыре дня до освященія Меншиковъ поѣхалъ въ Петергофъ и съ самымъ униженнымъ видомъ упрашивалъ Петра посѣтить его.

— Не знаю, какъ сказать тебѣ, князь, на охоту я собираюсь—поспѣю-ли?

— Ваше Величество! будь милостивъ, по гробъ тебѣ этого не забуду, не откажи мнѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Эхъ, какъ присталъ, отвязаться бы отъ него поскорѣе, раздражительно подумалъ Петръ.

— Ну хорошо, хорошо, пріѣду, обѣщаю, сказалъ онъ.

Меншиковъ разсыпался въ благодарностяхъ и успокоенный вернулся въ Рапбовъ. Онъ такъ былъ доволенъ, что даже забылъ пригласить на торжество цесаревну Елизавету, а ему никакъ бы не слѣдовало забыть это.

Вернувшись къ себѣ, князь началъ отдавать приказанія относительно устройства пріема Императора; ему хотѣлось не ударить лицомъ въ грязь и устроить все какъ можно великолѣпнѣе. Три дня длились приготовленія. Наконецъ все было готово, у церкви собралось множество народу. Красное сукно было разостлано отъ самаго дома до церковной паперти, гирлянды цвѣтовъ и зелени были развѣшаны всюду. Духовенство въ новомъ блестящемъ облаченіи уже приготовилось къ начатію службы и только дожидались Императора.

— Что же не ѣдетъ Императоръ? озабоченно спрашивалъ Меншиковъ у всѣхъ пріѣхавшихъ изъ Петергофа, но никто не могъ дать ему на это отвѣта.

— Вчера собирался, а сегодня не слышно что-то.

Прошелъ еще часъ. По дорогѣ были разосланы гонцы, но никто изъ нихъ не возвращался. Меншиковъ начиналъ волноваться больше и больше — и вдругъ вспомнилъ, что позабылъ пригласить царевну. Онъ бы самъ теперь полетѣлъ за нею, но было поздно—невозможно было. А служба давно, давно должна была начаться. Между присутствующими шелъ почти уже нескрываемый ропотъ, перешептыванья, предположенія разнаго рода, невыносимыя и обидныя для Меншикова.

— Что если не пріѣдетъ,—съ отчаяніемъ думалъ онъ,—тогда всѣ надо мной надсмѣются, тогда всѣмъ будетъ вольно лягать меня.

Вотъ наконецъ показался какой-то всадникъ; но онъ не изъ гонцовъ князя—онъ изъ Петергофа, Господи... что такое?

— Его Императорское Величество изволили приказать доложить свѣтлѣйшему князю, что они никакъ не могутъ быть, возвѣстилъ посланный.

— Да отчего, отчего? отчаянно кричалъ Меншиковъ. Но ему ничего не отвѣтили. Онъ поблѣднѣлъ, зашатался и едва устоялъ на мѣстѣ.

Такъ и освятили церковь безъ присутствія Императора и царевенъ.

VIII.

На другой день Александръ Данилычъ пріѣхалъ въ Петергофъ на ночь и долго искалъ случая увидѣться съ Императоромъ, но нигдѣ не могъ его встрѣтить. Наконецъ онъ замѣтилъ его въ паркѣ съ непокидавшимъ его теперь Долгорукимъ и другими молодыми людьми. Князь бросился ему на встрѣчу и спрашивалъ его, отчего онъ не пріѣхалъ вчера и за что такая немилость?

— Не могъ я, не могъ, нездоровилось,—отвѣчалъ Петръ, не глядя на Меньшикова.

— Ваше Величество,—началъ было тотъ, но Императоръ перебилъ его.

— Прости, князь, мнѣ некогда, спѣшу. И онъ быстро прошелъ мимо со своею свитой.

Александръ Данилычъ остановился съ опущенной головою, въ совершенномъ отчаяніи. Только теперь онъ, наконецъ, понялъ всю безвыходность и безнадежность своего положенія. Только теперь окончательно смутилась его гордость, и онъ былъ готовъ на колѣняхъ вымаливать себѣ прощеніе, готовъ былъ отъ всего отказаться, уступить кому угодно власть, только бы его помиловали.

Онъ остался ночевать въ Петергофѣ, но не спалъ почти всю эту ночь и все думалъ и ничего не могъ придумать.

На другой день былъ опять въ Петергофѣ праздникъ: имянины цесаревны Елизаветы. Авось хоть тутъ можно будетъ что-нибудь устроить, авось выпадетъ случай объясниться съ Императоромъ.

Рано утромъ пріѣхала и княгиня Дарья Михайловна съ дочерьми. На нихъ никто почти не смотрѣлъ, все старались съ ними не встрѣчаться, быть отъ нихъ подальше. Никто уже не сомнѣвался, что гроза разразилась надъ Меншиковыми и многіе соображали, что теперь быть съ ними даже не совсѣмъ безопасно — за друзей еще примутъ, за сторонниковъ. И у Меншиковыхъ не оказалось ни одного друга.

Князь Александръ Данилычъ еще до пріѣзда жены вздумалъ пройти къ Петру и настоять на объясненіи, но ему доложили, что Императоръ сейчасъ только выѣхалъ на охоту. Не зная что дѣлать, Меншиковъ поспѣшилъ въ аппартаменты Великой княжны Натальи, но она, узнавъ, что онъ идетъ, и ни за что не желая говорить съ нимъ, выпрыгнула изъ окошка и отправилась вмѣстѣ съ братомъ. Одно только оставалось князю—идти къ имянинницѣ цесаревнѣ Елизаветѣ. Онъ и пошелъ ее поздравить. Елизавета приняла его и приняла довольно любезно. Слава-Богу никого нѣтъ, можно поговорить, а говорить необходимо: на душѣ такъ тяжело, такъ смутно, нужно передъ кѣмъ-нибудь высказаться.

— Что это вы, князь, такой хмурый сегодня, или опять нездоровы? навела на разговоръ сама Елизавета.

— Какъ же не быть мнѣ хмурымъ, принцесса,—печально заговорилъ Меншиковъ,—развѣ я не вижу, что всѣ вооружены противъ меня, что лютые враги мои навѣрное оклеветали меня передъ Его Величествомъ и передъ всѣми вами.

— Ахъ, совсѣмъ нѣтъ, никто не клеветалъ, сказала Елизавета.

— Не разувѣрить вамъ меня, принцесса, развѣ у меня глазъ нѣтъ, развѣ я не вижу? И за что такъ обижаетъ меня Императоръ? Я всегда думалъ, что у него доброе сердце, что онъ умѣетъ цѣнить заслуги и расположеніе къ нему—неужто-жь я ошибался? Я всего себя посвятилъ на службу Ему и государству—мало что-ли я о немъ заботился? Если и досаждалъ когда своей взыскательностью, такъ вѣдь такова была моя обязянность. Потакать ему—грѣхъ былъ великій: я обѣщаніе далъ покойной Государынѣ, Вашей матушкѣ, внука учить и воспитать на славу Россійскаго государства. Я долженъ былъ всѣ силы свои положить на то, чтобы изъ него вышелъ Государь справедливый и просвѣщенный. Вотъ онъ пенялъ на меня, что много заставляю учиться—а какъ же иначе? Что же съ нимъ будетъ, коли онъ съ этихъ поръ перестанетъ учиться? Вѣдь вотъ незабвенный родитель вашъ всю жизнь учился и только этимъ великимъ ученьемъ и прославилъ Россію. За что же такая неблагодарность? Да теперь взять и то, вѣдь я все здоровье свое разстроилъ въ дѣлахъ государственныхъ, вѣдь покою себѣ не знаю, съ утра до ночи занятъ,—хоть бы это пришло на мысль Его Величеству—за что же на меня такая напасть, за что все это?

Цесаревна сидѣла, потупивъ глаза, ей очевидно было очень неловко.

— Я знаю, князь, всѣ ваши заслуги,—наконецъ сказала она,—и конечно Государь ихъ тоже не можетъ не видѣть—онъ очень уменъ, онъ все понимаетъ, только что-жь дѣлать, если вы слишкомъ много хотите за эти заслуги. Ужь говорить откровенно, такъ скажу я вамъ, что княжна ваша не по сердцу Императору, и что-жь съ этимъ подѣлать?

— Если только это, если только это,—зашепталъ Меншиковъ,—все еще поправимо. Матушка, цесаревна, поговорите съ Его Величествомъ, онъ васъ выслушаетъ, скажите ему, что все передѣлать можно.

Библиотека "Руниверс"

Послѣднія кровавыя страницы изъ исторіи Турціи въ Европѣ. Оригинальный рисунокъ Н. Каразина, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Моя дочь откажется, она уѣдетъ отсюда, она пойдетъ въ монастырь, если нужно! Да и самъ я хочу на покой, и я уѣду хоть въ Украйну, къ тому же тамъ и пригожусь, можетъ: войско еще не забыло меня, всякій солдатъ еще помнитъ наши дѣла военныя, въ которыхъ не ударялъ я лицомъ въ грязь; еще тамъ послужу царю и отечеству. Цесаревна, будьте моей заступницей, скажите все это Государю, пусть только онъ преложитъ гнѣвъ на милость.

Елизавета обѣщала Меншикову исполнить его просьбу и очень была рада, когда онъ ушелъ отъ нея.

Онъ отправился искать жену и дочерей, а онѣ давно его ужь дожидались.

Княгиня Дарья Михайловна со слезами стала жаловаться мужу на то, что ихъ всѣ обижаютъ, едва отвѣчаютъ имъ.

— Уѣдемъ отсюда, уѣдемъ, не втерпежъ мнѣ, князь, такое униженіе.

— Хорошо, уѣдемъ, вдругъ отвѣтилъ Меншиковъ и приказалъ запрягать свои экипажи.

Но они поѣхали не въ Ораніенбаумъ, а прямо въ Петербургъ.

Прямо съ дороги, не заѣзжая на Васильевскій островъ, Меншиковъ отправился въ засѣданіе Верховнаго Совѣта. Тамъ въ этотъ день присутствовали: Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ. Меншикова не ожидали и при его входѣ всѣ переглянулись между собою. Онъ это сейчасъ же замѣтилъ.

— Что у васъ тутъ на сегодня, спросилъ онъ.

— А вотъ господинъ интендантъ Мошковъ докладываетъ, что лѣтній и зимній домы Его Величества въ три дня могутъ быть убраны, къ случаю Государева пріѣзда. Вотъ и указъ Его Величества. Меншиковъ прочелъ:

„Лѣтній и Зимній домы, гдѣ надлежитъ починить и совсѣмъ убрать, чтобы совсѣмъ были готовы... Дальше онъ не могъ читать, у него потемнѣло въ глазахъ.

Подъѣзжая къ своему дому, онъ видѣлъ, какъ укладываютъ и вывозятъ вещи изъ аппартаментовъ Петра. Совсѣмъ обезсиленный вошелъ онъ въ свои палаты, никому не говоря ни слова. Нечего теперь ему дѣлать, не на что надѣяться.

Александръ Данилычъ заперся на ключъ и пробовалъ даже молиться, но молитва не шла ему на умъ, да онъ и не умѣлъ молиться.

Къ вечеру однако князь вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія; онъ сталъ метаться по комнатамъ, закричалъ на жену, пробовавшую было заговорить съ нимъ и вдругъ приказалъ закладывать экипажъ. Онъ опять поѣхалъ въ Петергофъ, уже ночью; а на утро, чуть свѣтъ, отправился въ домикъ Остермана.

Баронъ Андрей Иванычъ только что всталъ съ постели и при входѣ князя ласково поднялся ему на встрѣчу. Теперь онъ совсѣмъ не былъ боленъ, а напротивъ того во всей его фигурѣ и движеніяхъ изображалось полное довольство собою и здоровье.

Меншиковъ не подалъ руки Андрею Иванычу и прямо приступилъ къ дѣлу.

— Предатель! съ искаженнымъ лицомъ зашепталъ онъ,—такъ вотъ твоя благодарность! Вотъ что ты для меня сдѣлалъ! Что-жь и теперь, пожалуй, станешь вывертываться, говорить, что для меня старался.

— Ахъ, ваша милость, ты опять со старымъ, проговорилъ Остерманъ.

Но Меншиковъ не обратилъ никакого вниманія на его слова.

— Вѣдь Императоръ не хочетъ говорить даже со мною, не глядитъ на меня, сейчасъ же объясни мнѣ, что это значитъ?

Андрей Иванычъ пожалъ плечами.

— Боже мой, да я-то почему знаю? Право ты принимаешь меня за нѣчто нераздѣльное съ Императоромъ—какъ же я могу отвѣчать за него. Я могу говорить ему, убѣждать, но онъ воленъ меня не слушать. Ты говоришь, ваша свѣтлость, что онъ не глядитъ на тебя, а завтра, можетъ, и на меня глядѣть не будетъ, такъ я-то чему тутъ причиной, я не могу отвѣчать тебѣ за чувства Его Величества. Вотъ онъ теперь совсѣмъ отъ рукъ отбился, съ нимъ и говорить-то, не то что спорить, не приходится.

— А, вотъ какъ! скрежеталъ зубами Меншиковъ,— вотъ какъ ты теперь поговариваешь, нѣмецкая лисица! Такъ вотъ ты какой воспитатель, вотъ какъ исполняешь свои обязанности! Тебѣ нужно на добро наставлять Императора, внушать ему непрестанно добрыя правила—на то ты къ нему и приставленъ—а ты только потакаешь всему дурному—вотъ ты какой воспитатель!

Остерманъ молчалъ и сидѣлъ совершенно спокойно.

— Что же ты думаешь, что на всѣ твои безчинства и предерзости никакого суда нѣтъ, ты думаешь, что все можешь творить безнаказанно,—но я еще, голубчикъ, докажу тебѣ, что ты ошибаешься: не всегда и хитрость помогаетъ. Знаю я все,—продолжалъ задыхаясь Меншиковъ,—все теперь знаю, не скрылся ты отъ меня: ты нѣмецъ, ты безбожникъ, ты отъ православія отвращаешь Государя, вотъ ты что дѣлаешь! А ты знаешь, что за это тебѣ будетъ? Ты вотъ мнѣ яму выкопалъ, да смотри самъ попадешь въ нее—за совращеніе Государя въ безвѣріе твое ты будешь колесованъ!..

Меншиковъ замолчалъ: онъ не былъ въ состояніи больше выговорить слова. Лицо его было страшно; онъ поднялся передъ Остерманомъ и сверкалъ на него глазами. Но баронъ Андрей Иванычъ нисколько не смутился. Тихимъ и мягкимъ своимъ голосомъ сказалъ онъ князю:

— Можешь говорить все, что тебѣ угодно, меня ничѣмъ не испугаешь Я знаю что мнѣ надлежитъ дѣлать, знаю свои обязанности и веду себя такъ, что меня колесовать не за что, а вотъ я такъ скажу тебѣ, что знаю одного человѣка, который взаправду можетъ быть колесованъ—и Андрей Иванычъ медленно поднялся и медленно вышелъ изъ комнаты, а потомъ и совсѣмъ изъ своего домика.

Меншиковъ нѣсколько минутъ сидѣлъ неподвижно, ничего не понимая и наконецъ самъ вышелъ, опустивъ голову. Всѣ предметы кружились передъ его глазами, ему казалось, что самъ онъ кружится въ какомъ-то вихрѣ и мчится куда-то въ черную пропасть. Ему становилось душно, невыносимо.

IX.

Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе волновался придворный міръ, окружающій юнаго Императора. Наконецъ наступило давно ожидаемое всѣми время: надъ головой всевластнаго Меншикова должна была разразиться гроза, и эта гроза окончательно его повалитъ и рухнетъ съ корнемъ дубъ, надъ которымъ тщетно пробовали свою силу всякіе хитрые и нехитрые люди долгіе годы. Еще недавно думали, что борьба со свѣтлѣйшимъ немыслима, но вотъ одинъ ложный шагъ этого великана преобразилъ робкаго ребенка въ неумолимаго врага. И этотъ ребенокъ выступилъ смѣло въ открытую борьбу съ великаномъ и вотъ-вотъ повалитъ его и ничего не останется отъ великана. И волновались, и радовались обсуждая это, и рѣшали придворные люди: пуще всѣхъ работалъ баронъ Андрей Иванычъ, но его работа по обыкновенію велась самыми таинственными путями и никому въ глаза не бросалась. Совсѣмъ иначе дѣйствовали представители старинной, еще недавно имѣвшей огромное значеніе, но теперь отодвинутой Меншиковымъ на второй планъ, фамиліи, князья Долгорукіе. Они были самыми злѣйшими врагами Меншикова, никогда не могли ему простить его

Библиотека "Руниверс"

необычайнаго возвышенія, тѣмъ болѣе, что былъ онъ человѣкъ низкаго происхожденія.

Долгорукихъ было много. Одинъ изъ нихъ князь Алексѣй Григорьевичъ, человѣкъ ловкій, хитрый хотя и безхарактерный, съумѣлъ постоянными угожденіями и лестью понравиться юному Императору. Сынъ его Иванъ Алексѣевичъ, какъ мы уже видѣли, былъ другомъ Петра, его наперсникомъ. Былъ и еще одинъ Долгорукій—Василій Лукичъ, двоюродный братъ Алексѣя Григорьевича, извѣстный дипломатъ. Этотъ умомъ своимъ и характеромъ могъ заткнуть за поясъ всю родню и его пуще всего долженъ былъ бояться Меншиковъ.

Въ то время какъ Александръ Данилычъ метался, не зная что предпринять, разъѣзжалъ изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ и обратно,—Долгорукіе неизмѣнно находились при Императорѣ. Поздно по вечерамъ собирались они всей родней у Алексѣя Григорьевича въ одномъ изъ петергофскихъ домиковъ. Въ этомъ же небольшомъ, но богато устроенномъ домикѣ жила и княгиня, жена Алексѣя Григорьевича, и двѣ ея дочери.

Императоръ только что вернулся съ охоты. Онъ усталъ, легъ спать и отпустилъ отъ себя Ивана Долгорукаго. Тотъ отправился было домой, но вдругъ какая-то счастливая мысль пришла ему въ голову, и онъ повернулъ въ другую сторону.

— Опять толкуютъ старики, подумалъ онъ, глядя на освѣщенныя отцовскія окна,—все тамъ одно и тоже, скука смертная. Да и ничего особеннаго нѣтъ разсказать имъ, еще успѣю вернуться. И князь Иванъ, насвистывая какую-то веселую пѣсню, спѣшными шагами направился въ глубину парка; а въ домикѣ Долгорукихъ происходило родственное совѣщаніе. Тутъ находился и Сергѣй Григорьевичъ, родной братъ Алексѣя, и Михайло Владиміровичъ, дальній его родственникъ, и самъ Василій Лукичъ.

— А часъ вѣдь ужь поздній,—замѣтилъ Алексѣй Григорьевичъ, посмотрѣвъ въ окно, за которымъ въ тишинѣ и темнотѣ ночи шептались деревья. Неужто до сихъ поръ они не вернулись?

— Какъ не вернуться, вернулись,—сказалъ Сергѣй Долгорукій.

— Куда же это Иванъ запропастился, опять гдѣ нибудь безпутничаетъ, проворчалъ Алексѣй Григорьевичъ.

— Ну, небось, было бы что важное забѣжалъ бы сказать, отозвался молчаливо сидящій въ углу Василій Лукичъ. Безпутный малый твой Иванъ, да несовсѣмъ,—до дѣла дойдетъ и всѣ шалости забываетъ! Ты, братъ, его не очень ужь—я за него всегда заступлюсь. Ничего, прокъ изъ него будетъ! Онъ дѣла свои получше насъ съ тобой обдѣлываетъ. Правда, выдержки еще нѣту, ну да навострится,

— Не хвали ты Ивана, братецъ, хоть и сынъ онъ мнѣ и въ дѣлѣ нашемъ человѣкъ нужный, а ничего я про него сказать не могу. Вонъ у матери спроси,—съ дѣтства такой былъ; да и боюсь я тоже какъ бы онъ не зарвался. Ну, мы тутъ свои всѣ, скажу я тебѣ, что Иванъ то мой выдумалъ, знаешь съ чѣмъ подъѣзжаетъ теперь: — вотъ, говоритъ, не сегодня-завтра Данилычу капутъ, такъ мы дѣло повернемъ такимъ маперомъ: изъ сестеръ, говоритъ, кого нибудь, ну хоть Катюшу,—она больно смазлива—на мѣсто Марьи Меншиковой выдадимъ за Императора, а самъ я—это Иванъ то говоритъ,—то же себѣ невѣсту запримѣтилъ.

— Что? Кого? спросили всѣ разомъ.

— Ну, а кого бы вы думали?

— Неужьто великую княжну Наталью?

— Нѣтъ, не туда онъ мѣтитъ—ему больше по праву цесаревна Елисавета.

— Ну, гусь, съ улыбкой поднялся Василій Лукичъ. Ты чего же это, братъ, говоришь, что проку въ немъ мало? Нѣтъ, прокъ хорошъ. Ты говоришь—зарвался, а я не того мнѣнія. Конечно съ этимъ дѣломъ нужно осторожно, конечно теперь ни гу-гу! А чтожь, въ концѣ концовъ такъ и быть должно. Я самъ не разъ ужь объ этомъ всемъ думалъ—и странно, что тебѣ до сей поры, до сыновнихъ словъ, въ голову того же не приходило. Что-жь, даромъ что-ли Меншиковъ то полетитъ, что-жь намъ такъ и остаться и сидѣтъ сложа руки, кому-жь дорогу уступать—Голицынымъ? Эхъ, братъ, ты держись за такого сына, только если все такъ и будетъ, какъ онъ сказалъ тебѣ, только тогда мы и можемъ быть спокойными, а то всякая креатура, нѣмецъ всякій Андрей Остерманъ, насъ будетъ гнуть въ три погибели.

— Что-жь ты ужь такъ на Остермана, перебилъ Алексѣй Григорьичъ. Остерманъ конечно не другъ намъ, да и опасности отъ него теперь никакой я не вижу. Что-жь, пусть онъ теперь для кого угодно, хоть для себя работаетъ, намъ только отъ того польза выходитъ. Вѣдь какъ не говори, а не меньше Ивана онъ у Императора значитъ—меншиковская-то бѣда главнымъ образомъ его рукъ дѣло! Намъ еще и въ голову ничего не приходило, мы еще воображали себѣ, что Меншиковъ какъ статуй каменный недвижимъ, а нѣмецъ вокругъ него ужь копался, копался себѣ по маленьку, да и подкопалъ статуй—статуй и пошатнулся.

— Такъ-то такъ, все это ты вѣрно описалъ, своимъ тихимъ голосомъ заговорилъ Василій Лукичъ,—ну такъ что-жь? Такъ какъ же ты видѣть не хочешь, что за птица этотъ Андрей Иванычъ—такъ, какъ подъ Меншикова, аки кротъ подземный подкопался, такъ вѣдь и подъ насъ подкопаться можетъ и не замѣтишь. Да и въ мышеловку попадешь, а все будешь не понимать: кто тебя туда сунулъ,—вонъ Данилычъ, понимаетъ?—не совсѣмъ я думаю.

— Такъ ты какъ же, подсѣлъ Алексѣй къ Василію Лукичу,—я думалъ, я думалъ Иванъ заврался, а ты, братецъ точно полагаешь все сіе возможнымъ? И самъ будешь орудовать?

— Еще бы! только опять говорю,—ни гу-гу!

— Ну, да ужь знамо, знамо, замотали головами остальные Долгорукіе.

Въ это время въ комнату вбѣжала хорошенькая пятнадцати-лѣтняя дѣвушка. Она обвела бойкими черными глазами всѣхъ присутствующихъ и радостно бросилась на шею къ князю Василію Лукичу.

— Здравствуй Катюша, здравствуй, поцѣловалъ онъ ее, точно что не видѣлись сегодня. А ты что-жь не спишь—поздно, спать пора! Вонъ глазки то совсѣмъ осоловѣли. И онъ взялъ ее за подбородокъ и съ удовольствіемъ разсматривалъ ея свѣжее, хорошенькое личико.

— Да спать что-то не хочется, дяденька, и Матушка не спитъ тоже—прислала спросить, не хотите-ли ужинать? Велишь батюшка подавать ужинъ, обратилась она къ Алексѣю Григорьичу.

— Да, хорошо—скажи; а сама иди спать, иди спать—разбаловала ужь очень тебя матушка.

Катюша сдѣлала видъ какъ будто очень испугалась сурового голоса отца, и граціозно отвѣсивъ всѣмъ поклонъ, выбѣжала изъ комнаты.

— Ну, чѣмъ же не царская невѣста, засмѣялся ей вслѣдъ Василій Лукичъ. Хотѣлъ бы я, братъ, имѣть такую дочку—я бы не иначе ее и готовилъ какъ въ царскія невѣсты. Вотъ пожди годикъ другой, распустится она аки розанъ—кто-жь съ ней красотой поспоритъ, развѣ что цесаревна!

Князь Алексѣй Григорьичъ ничего не возражалъ. Теперь послѣ разсужденій двоюроднаго брата, который всегда имѣлъ на него огромное вліяніе, онъ ужь иначе взглянулъ на все дѣло. Сразу ему точно что показалось невѣроятнымъ осуществленіе безумныхъ сыновнихъ плановъ; еще такъ недавно всѣ они были въ тѣни, въ загонѣ. Но, Боже мой, вѣдь тутъ одинъ день

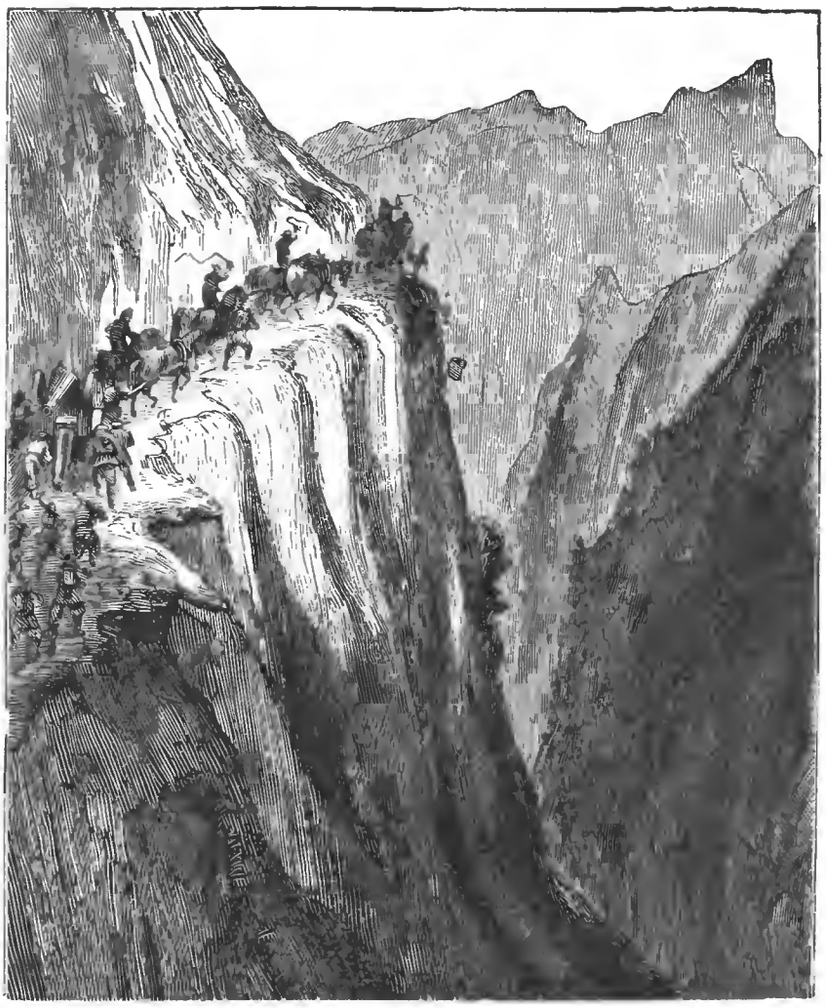
Библиотека "Руниверс"

все вверхъ дномъ повертываетъ. точно, что-жь мудренаго — вчера вонъ княжна Меншикова величалася государыней, завтра никто и не вспомнитъ про княжну Меншикову — государыней будетъ величаться Катюша, только бы удержаться, только бы не забыть примѣра того же Меншикова! Ну, да мы удержимся, насъ то много; да и голова у насъ хорошая есть, братецъ Василій Лукичъ, этотъ на все мастеръ.

— Одно только теперь нужно, оживленно обратился Алексѣй Григорьичъ ко всѣмъ,—одно нужно, сплотиться намъ нужно крѣпче, врозь не смотрѣть, какъ одинъ человѣкъ орудовать, тогда точно много сдѣлать можно.

— Вотъ это такъ, замѣтилъ Василій Лукичъ, я давно ужь подумываю, какъ бы намъ съ силами собраться. Много-то насъ много, да что въ томъ толку! Вотъ Меншикова не будетъ, а Голицынъ и Остерманъ все-же останутся — а Голицыны, какъ вы думаете, легко съ ними справиться? Тамъ у нихъ одинъ Михайло фельдмаршалъ чего стоитъ.

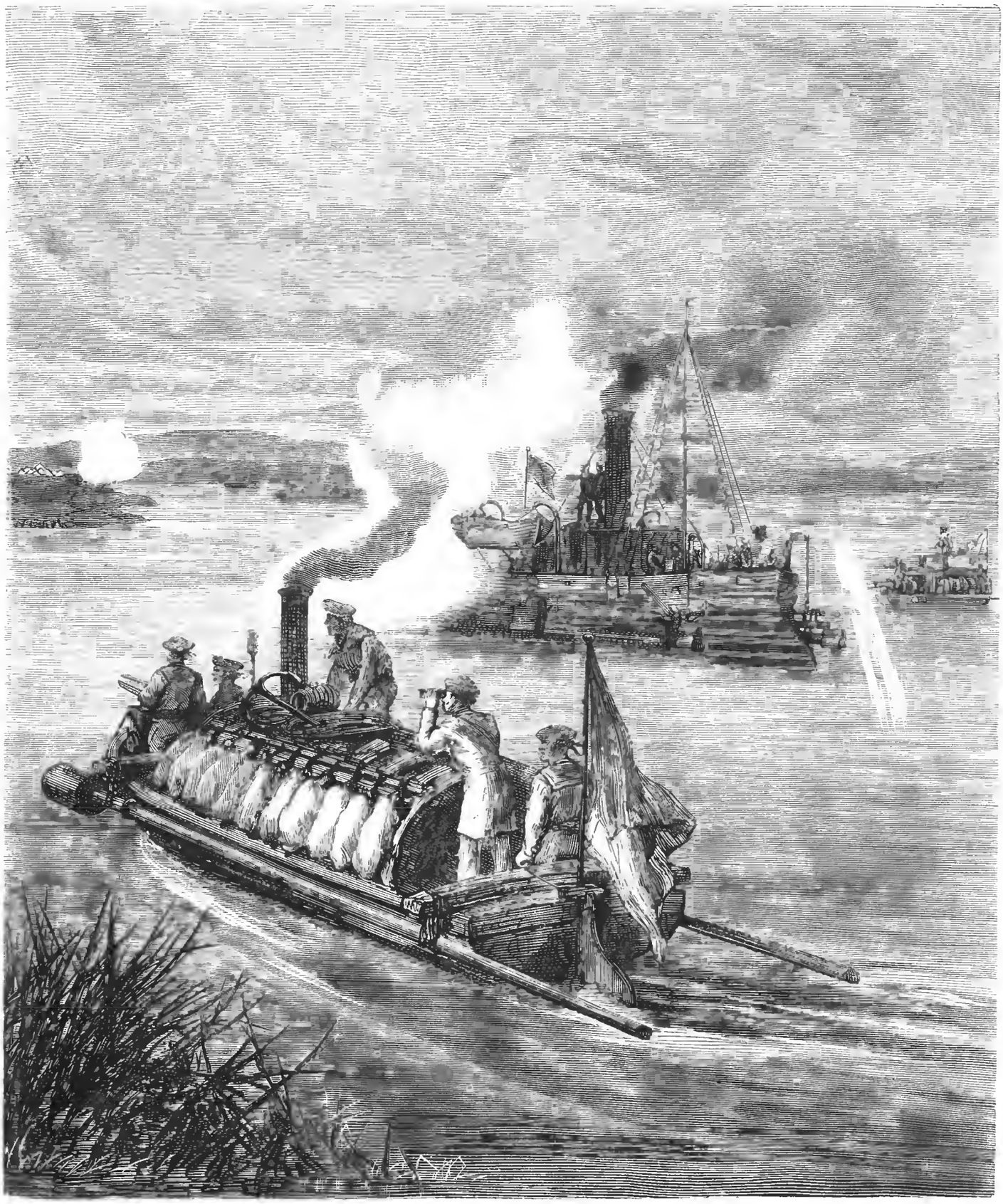
— Что-жь князь Василій, замѣтилъ Михайло Владиміровичъ, — поискать между нами, такъ и у насъ найдется человѣкъ не хуже князя Михайлы Голицына. Видно точно, что всѣ теперь обратѣ Васильѣ Владиміровичѣ позабыли, видно долго былъ онъ въ опалѣ, да и теперь вишь далеко—въ Персіи. Какъ бы намъ вернуть его сюда такъ много-бы у насъ силы прибавилось.



Переходъ русской артиллеріи черезъ высоты Балканъ въ Шипкинскомъ проходѣ.
Рис. А. Б., грав. Вейерманъ.

Движеніе русскихъ войскъ чрезъ Балканы (на пути изъ Габрова къ Шипкѣ). Съ наброска, А. Б., грав. Вейерманъ.

Библиотека "Универс"



Русскій броненосецъ и миноносныя катера на Дунаѣ. По наброску Й. А., грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ты это напрасно такъ думаешь,—повернулся въ сторону Михаила Владиміровича Василій Лукичъ,— напрасно думаешь, что мы твово брата позабыли, я вонъ о немъ всѣ эти дни думаю. Самъ знаю, что не обойтись намъ безъ него, нужный онъ намъ человѣкъ, ухъ какъ нужно вернуть намъ его! Только что Меншиковъ провалится, такъ сейчасъ же и вернуть князя Василія Владиміровича.

— Это точно, это такъ—отозвались всѣ.

Въ сосѣдней комнатѣ уже былъ поданъ ужинъ и Алексѣй Григорьевичъ пригласилъ своихъ гостей закусить и выпить.

Они продолжали толковать объ ожидаемомъ со дня на день окончательномъ низверженіи Меншикова, и подъ конецъ всѣ до одного были въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Князь Алексѣй изрядно тянулъ вино изъ серебряной чарки и теперь ему ужъ совсѣмъ не казалось страшно и невѣроятно видѣть въ своей дочери Катюшѣ будущую императрицу. Теперь, по мѣрѣ того какъ начинало пріятно шумѣть въ головѣ, онъ все болѣе и болѣе входилъ во вкусъ плановъ своего нелюбимаго сына Ивана, ему ужъ начали представляться самыя соблазнительныя сцены, заговорило и заклокотало въ немъ нѣсколько придавленное обстоятельствами честолюбіе.

— А нейдетъ таки негодный Иванъ, стукнулъ онъ кулакомъ по столу,—того и жди отобьетъ у кого нибудь жену, нарвется на исторію, исколотитъ его кто нибудь, убьетъ пожалуй—ну и пиши все пропало!

— Небойсь, небойсь братъ, смѣялся Василій Лукичъ, не таковъ твой Иванъ, не дастся въ обиду. Ну, а на счетъ чужой жены—это точно, не знаю въ кого онъ—можетъ и въ папеньку. Признайся, старина, княгиня-то далеко—не услышитъ!

Князь Алексѣй пріятно ухмыльнулся, очень можетъ быть, что черезъ минуту онъ бы началъ какое нибудь пикантное повѣствованіе изъ дней своей молодости, онъ ужъ даже кажется, ободренный любимымъ и уважаемымъ двоюроднымъ братомъ, собирался начать что-то разсказывать, какъ вдругъ раздался неистовый стукъ въ наружную дверь дворика и прежде чѣмъ слуга ее отворилъ, послышался громкій голосъ.

(Продолженіе будетъ).

Послѣднія кровавыя страницы изъ исторіи Турціи въ Европѣ.

Картинѣ, изображающей одну изъ многочисленнѣйшихъ и ужасныхъ сценъ турецкаго звѣрства, всего ближе дать такое названіе, именно „Послѣднія кровавыя страницы изъ исторіи Турціи въ Европѣ". Дай Богъ, чтобы это заглавіе оправдалось. Звѣрства турокъ перешли всякія границы возможнаго. Воображеніе отказывается представить что-либо ужаснѣе и свирѣпѣе этихъ звѣрствъ. Гдѣ предѣлъ этому ужасу! Казалось бы, вся Европа должна теперь единовременно и съ полнѣйшей энергіей возстать противъ общаго врага христіанства и человѣчества. Казалось бы минуты нельзя допустить на промедленіе, ва мгновеніе нельзя задуматься въ колебаніи мысли: вступиться или не вступиться за попираемыя такъ нагло права человѣчества и христіанства. Казалось бы такъ, да? Но Европа еще не поднялась единовременно на Турцію, мечъ ея еще спокойно лежитъ въ ножнахъ,—увы, даже не только спокойно лежитъ въ ножнахъ,—увы, онъ обнажается въ защиту все той же Турціи, въ защиту тѣхъ, которые съ такимъ невообразимымъ звѣрствомъ терзаютъ и надругаются надъ плѣнными, которые не хотятъ знать никакихъ конвенцій, никакихъ условій войны. Послѣднія извѣстія съ театра войны приносятъ намъ не мало свѣдѣній о томъ, что на ряду съ турками (хотя бы, напримѣръ, при аттакахъ на Шипку) дерутся и англичане и поляки. Да они вѣдь христіане, да они вѣдь несомнѣнно знаютъ о турецкихъ звѣрствахъ надъ христіанами, за чѣмъ же они имъ же помогаютъ? Такъ могутъ спросить и навѣрное спрашиваютъ многіе изъ тѣхъ простыхъ сердцемъ, для которыхъ дороги чистыя и святыя идеи христіанства. Такъ они спрашиваютъ—и не понятенъ имъ отвѣтъ о политическихъ интересахъ Европы, темны и чужды имъ тѣ толкованія, какія слышатся со стороны защитниковъ Турціи.

Но положимъ, Европа не хочетъ обнажить меча въ защиту христіанства, положимъ, она настолько оцивилизовалась, что для нея христіанство уже утратило большую часть своего смысла и значенія, но взамѣнъ этой утраты, по крайней мѣрѣ въ призрачный замѣнъ (по нашему мнѣнію замѣнъ этотъ только призрачный и можетъ быть) должны же остаться у нея хотя какія-нибудь понятія о томъ, можно ли сдирать съ живого человѣка безнаказанно кожу и всячески издѣваться надъ нимъ, или же этого нельзя. Неужели по понятіямъ, основаннымъ на современнѣйшихъ и послѣднихъ выводахъ цивилизаціи, можетъ быть терпимо все то, что дозволяетъ себѣ Турція. Должно быть, все это можетъ быть терпимо, ибо до сихъ поръ, не смотря на продолжающееся и усиливающееся звѣрство турокъ, Европа ограничивается пока напоминаніями Турціи о томъ, что нужно быть благонравнѣе и только теперь, когда звѣрства турокъ достигли ужасающихъ размѣровъ, послышался энергическій голосъ Германіи, потребовавшей отъ Турціи прекращенія звѣрствъ. Правда, къ этому энергическому протесту Германіи присоединились и другія государства Европы (кромѣ Англіи), но все же это только одна дипломатическая переписка, все же отъ этого не легче тѣмъ, кого истязаютъ и мучатъ безмѣрно ужаснѣе, чѣмъ мучили въ первые вѣка христіанства, во времена Нерона, Тиверія, Діоклитіана. И пока Европа обнажитъ свой мечъ въ защиту мучениковъ-славянъ, такъ безбожно терзаемыхъ—въ это время турки успѣютъ замучить еще нѣсколько десятковъ тысячъ душъ!

Ужасъ! Какъ жить въ такое время? какъ согласовать мысли, при видѣ тѣхъ ужасающихъ противорѣчій, которыя невольно поднимаются роемъ подъ впечатлѣніями совершающихся событій.

Послушайте, напримѣръ, разсказъ, что происходило послѣ отступленія русскихъ отъ Ески-Загры:

„Всѣ успѣвшіе бѣжать изъ Ески-Загры единогласно говорятъ, что, замѣтивъ отступленіе русскихъ на Казанлыкъ, жители перваго изъ поименованныхъ городовъ хотѣли было послѣдовать за русскими войсками. Сраженіе началось въ восемь часовъ утра, насталъ полдень, и всѣ были увѣрены, что дорога въ Казанлыкъ еще свободна. Бѣглецы намѣревались отправиться дорогою этою, составляющею продолженіе главной улицы города, но тотчасъ же были встрѣчены ружейнымъ огнемъ войскъ, которыя, замѣтивъ отступленіе русскихъ, прежде всего позаботились окружить со всѣхъ сторонъ Эски-Загру. Всѣ мѣры были приняты для истребленія болгаръ; никто изъ нихъ не долженъ былъ ускользнуть отъ избіенія, и дѣйствительно никто не ускользнулъ.

„Болгары, рѣшившись дорого продать свою жизнь, вошли въ свои дома и забарикадировались въ нихъ. Въ четыре часа началась аттака или, скорѣе, избіеніе райи. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ покончили дѣло съ низенькими, сложенными изъ глины мазанками, которыя вспыхнули какъ солома. Болгары, выбѣгавшіе на улицу и спасавшіеся отъ пламени, тотчасъ же были перебиты. Госпиталь, гдѣ заперлось около сотни христіанъ, оказалъ больше сопротивленія. Въ теченіе цѣлаго часа болгары отражали приступы турокъ, но, поражаемые, побѣждаемые, согласились наконецъ сдаться, если мусульмане дадутъ слово оставить ихъ въ живыхъ. Въ то время, когда они вели переговоры чрезъ дверь, сильный натискъ отбросилъ ихъ назадъ; турки ворвались въ госпиталь и началась бойня, происходившая одновременно и въ церкви, куда, какъ въ безопасное убѣжище, помѣстили женщинъ и дѣтей".

Турецкіе нотабли, отправившіеся къ баши-бузукамъ въ ближайшія деревни, руководили розысками по узкимъ улицамъ, указывая мѣстожительство наиболѣе неблагополучныхъ и, главное, богатыхъ болгаръ.

Убійство, грабежъ и насиліе продолжались цѣлый день. Молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ приводили въ школы, гдѣ предавали ихъ звѣрскимъ инстинктамъ перваго пришедшаго, до полнаго истощенія силъ.

Когда въ Эски-Загрѣ завершилось дѣло крови и разрушенія, настала очередь сосѣднихъ деревень. Въ округѣ Эски-Загры и Ширпана предано пламени 15 церквей, 500 школъ и 1,500 домовъ.

Деревни Богданъ, Магалиссы и Рани-Магалиссы, лежащія между Ени-Загрою и Герменли, обращены въ груды развалинъ.

Звѣрства эти произведены не баши-бузуками: это доказывается тѣмъ, что солдатамъ, разставленнымъ офицерами на дорогѣ въ Эски-Загру, было приказано стрѣлять по всѣмъ, старавшимся убѣжать."

Или, напримѣръ, когда надъ турецкимъ лагеремъ былъ поднятъ бѣлый флагъ и турки, подпустивъ нашихъ на весьма близкое разстояніе, открыли изъ-подъ бѣлаго флага страшный залпъ, отъ котораго, изъ двухъ нашихъ ротъ, легло на мѣстѣ сразу 100 человѣкъ.

Какъ назвать такой наглый отвратительный способъ веденія войны.

По взятіи Шипки, какіе обнаружились звѣрства турокъ: почти всѣ наши раненые найдены умершими и страшно изувѣченными. Только одинъ изъ нихъ остался въ живыхъ; трупы нашихъ солдатъ лежали разбросанными по полю безъ ушей, безъ носовъ, съ

Библиотека "Руниверс"

обрубленными ногами и руками; у многихъ отрѣзаны головы, у другихъ распороты животы, вынуты всѣ внутренности, и въ полости раскладывались костры! Всѣ болгары въ одинъ голосъ говорятъ, что всѣ ужасныя истязанія совершались турками надъ нашими плѣнными ранеными еще при жизни послѣднихъ. Съ болгарами турки, конечно, точно также ни мало не считаютъ нужнымъ поступать иначе чѣмъ поступаютъ съ русскими. Со всѣхъ сторонъ слышатся такія подробности о звѣрствахъ турокъ, которымъ трудно вѣрить, даже послѣ того, что извѣстно о прошлогоднихъ ужасахъ въ Болгаріи, тѣмъ не менѣе, они достовѣрны. Что можетъ быть возмутительнѣе и ужаснѣе, напримѣръ, вырѣзыванія грудей болгарскимъ женщинамъ, и вырѣзыванія ремней изъ кожи ихъ грудныхъ младенцевъ, которыхъ этими ремнями привязываютъ къ несчастнымъ матерямъ? А между тѣмъ подобной участи подверглось, говорятъ, нѣсколько десятковъ женщинъ въ Ени-Загрѣ за то, что ихъ ихъ мужья, увидѣвъ рекогносцировочный отрядъ нашихъ казаковъ, вышли къ нимъ на встрѣчу изъ города. Всѣ 80 болгаръ, желавшіе видѣть русскихъ въ своемъ городѣ, были поголовно изрѣзаны. Да, теперь, за Балканами—страшная картина... По словамъ пріѣхавшихъ оттуда, нѣтъ человѣческихъ словъ описать, что совершилось въ округѣ Эски-Загры: размозженныя дѣти, дѣвочки, пригвожденныя къ столамъ, женщины съ отрѣзанными грудями, дѣвушки... вотъ картина, представляющаяся отъ Шипки до Ени-Загры; а пространство отъ Шипки до Габрова, какъ муравейникъ, кишитъ голыми, босыми и голодными дѣтьми и женщинами.

Несчастная, многострадальная страна!

Вообще говоря, звѣрствамъ турокъ нѣтъ предѣловъ и нѣтъ конца разсказамъ объ ужасахъ, происходящихъ на театрѣ войны.

Послѣ аттаки Плевны, когда наши войска отступили, стая баши-бузуковъ спустилась на поле битвы и не щадила никого. И до штаба, въ тишинѣ лунной ночи, доносились страдальческіе стоны и крики торжествующаго фанатизма. Всю ночь баши-бузуки, явившіеся и въ Радилово, избивали раненыхъ. По разсказамъ, это были тѣ ужасы утонченнаго звѣрства, которые повторяются всюду, гдѣ попадаются наши раненые. Очевидцы, раненые солдаты, спрятавшіеся въ кукурузу и приползшіе черезъ нѣсколько дней къ нашимъ разъѣздамъ, разсказывали слѣдующій случай: офицеръ, легко раненый, взятъ былъ турками въ плѣнъ. Турки сдѣлали ему еще нѣсколько ранъ и пустили на волю,—бѣги, молъ, къ своимъ. Офицеръ дѣйствительно, обливаясь кровью, пустился бѣжать. Турки догнали его, отсѣкли одну руку и погнали его опять „къ своимъ"; отсѣкли вторую руку; догнали въ третій разъ, отсѣкли одну ногу, волокли по землѣ „къ своимъ", издѣваясь, отсѣкли другую ногу и затѣмъ покончили съ несчастнымъ, отрубивъ ему голову. И это называется война!

Подъ Плевной пострадали также и санитары. Разсказываютъ про семь человѣкъ, вѣроломно убитыхъ ранеными плѣнными турками, въ ту минуту, когда санитары подавали имъ помощь. Зная это, группы солдатъ нашихъ, отрѣзанныя непріятелемъ и имѣя во главѣ своихъ офицеровъ, большинство которыхъ было перебито, собирались по 30—40 человѣкъ, и съ крикомъ „ура" бросались на непріятеля, гибли всѣ славною смертью, не сдаваясь въ плѣнъ.

Такъ ведетъ Турція войну, такъ приготовляетъ она сама себѣ погибель. И она погибнетъ, мы вѣримъ, что она погибнетъ, ибо всякому злу есть границы.

Не смотря на то, что разграбленный, терзаемый и мучимый многострадальный славянскій народъ не находитъ себѣ защиты ни въ комъ иномъ, какъ только въ единовѣрной съ нимъ Россіи—часъ освобожденія его все таки близится и несомнѣнно долженъ наступить вслѣдъ за окончаніемъ этой войны. Часъ освобожденія его близится не только въ силу того, что Россія (не смотря на всякую тайную поддержку, оказываемую Турціи ея друзьями) должна побѣдить Турцію, но даже въ силу того, что Турція не можетъ болѣе властвовать надъ славянами, не можетъ потому, что носитъ сама въ себѣ всѣ признаки разложенія государственнаго организма. Не разъ уже повторялись извѣстія о томъ, что Турція не въ силахъ справляться съ самовластіемъ баши-бузуковъ, черкесовъ, зейбековъ и всякаго иного сброда, и какъ не многочисленны ея друзья въ Европѣ—помочь они ей не въ силахъ. Положимъ, друзья турокъ не оскудѣютъ въ своей численности, положимъ, лордъ Биконсфильдъ поможетъ Турціи еще нѣсколькими милліонами фунтовъ стерлинговъ, допустимъ даже, поднимется такъ называемая „священная война", Турція соберетъ силы магометанства со всего міра и будетъ защищаться, какъ говорится, до послѣдней капли крови. Допустимъ даже, что при содѣйствіи своихъ друзей она и эти ея друзья будутъ виновниками пролитія неисчислимыхъ потоковъ крови—но что же будетъ потомъ? Неужели миръ? Неужели останется Турція такою же, какою была? Нѣтъ, Турція остаться такою не можетъ, и именно потому, что она, какъ государство, какъ единое цѣлое, разлагается, и тѣ же самые ея друзья, для которыхъ не дороги интересы христіанства, разорвутъ ее на клочки при первомъ же могущемъ представиться для этого случаѣ. Случай этотъ представится тотчасъ же по окончаніи настоящей войны, хотя самый конецъ ея еще очень далекъ отъ насъ.

Въ заключеніе не можемъ не высказать вашего глубокаго убѣжденія въ томъ, что какъ бы ни было сильно, могуче и велико зло, оно само въ себѣ носитъ свою погибель и само отъ себя погибаетъ. Такова судьба и Турціи и такова судьба всякаго зла. Конечно, бываетъ иногда такъ, что зло, повидимому, болѣе долговѣчно, чѣмъ добро, но это только повидимому, ибо при тѣхъ малыхъ объемахъ границъ, въ которые замкнута человѣческая мысль, ей нѣтъ возможности подняться въ тѣ высшіе предѣлы, гдѣ рѣшаются судьбы міровъ, царствъ и народовъ, вѣчною, безначальною и безконечною премудростію управляемыхъ.

Д. Стахѣевъ.

Къ рисункамъ.

Шипкинскій проходъ въ Балканахъ.

Шипкинскій проходъ идетъ по скаламъ и крутизнамъ, мимо безднъ и ущелій; то идетъ онъ прямо, то изгибается влѣво, вправо, возвращается даже назадъ, взбирается на головокружащую вышину и оттуда внезапно обрывается внизъ къ подошвѣ горы; всѣ эти жестокія причуды истощаютъ до нельзя несчастнаго путника, доводя его иногда до отчаянія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого страшнаго прохода съ одной стороны зіяетъ разверзтая пропасть, съ другой—подымается вертикально крутая стѣна великана-скалы. За семь верстъ отъ Габрова находятся самыя крутыя, стремнистыя мѣста, по которымъ почти нѣтъ возможности проходить. Пѣшеходъ, взбирающійся этимъ проходомъ на гребень Балканъ, долженъ останавливаться каждыя пять минутъ, шесть лошадей не могутъ тащить одного орудія въ гору. И вотъ этой-то дорогой должна была наша армія совершить свой переходъ за Балканы... При правильной и энергической оборонѣ—горы эти непроходимы. Самая трудная часть пути лежитъ между Габрово и Балканскимъ хребтомъ. За деревней Шипки, лежащей у подошвы Червенбрака, путь идетъ уже по равнинѣ.

Высоты Червенбрака господствуютъ надъ всѣми находящимися въ этомъ районѣ возвышенностями, такъ что взобравшись на нихъ видна вся дорога отъ Габрова и далѣе. На всемъ протяженіи отъ города Елены и до селенія Ханкіой не существуетъ ни малѣйшаго слѣда дороги, по которой бы могла пройти армія.

Правду говорятъ, что для русскаго солдата не существуетъ препятствій, что терпѣніе его и выносливость выше силъ человѣческихъ, русскій солдатъ въ страшную жару карабкается по крутымъ горнымъ уступамъ и тащитъ за собой еще орудіе.

Нужно припомнить, что во время нашего перехода чрезъ Балканы по крутой, узкой, безмѣрно трудной дорогѣ, сломались почти всѣ лазаретныя фуры, и одно орудіе 16-й конной баттареи совсѣмъ, съ упряжью и прислугой, полетѣло въ пропасть (см. рисунокъ), къ счастію люди спаслись безъ тяжкихъ поврежденій, а дальнѣйшему паденію орудія помѣшалъ гигантскій дубъ, въ вѣтвяхъ котораго оно повисло. Два часа употребили на то, чтобы поднять его опять на дорогу и сдѣлать годнымъ къ дальнѣйшей отправкѣ. И это нисколько не удивительно, потому что дорога чрезвычайно узка и колеса орудій едва только могли умѣститься на ней; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они бороздили края этой висящей надъ бездной дороги.

О томъ, что происходитъ теперь въ Шипкинскомъ проходѣ Балкановъ читатели наши знаютъ изъ политическихъ и военныхъ извѣстій „Нивы", какъ предъидущаго, такъ и этого номера.

Т. Руд—ая.

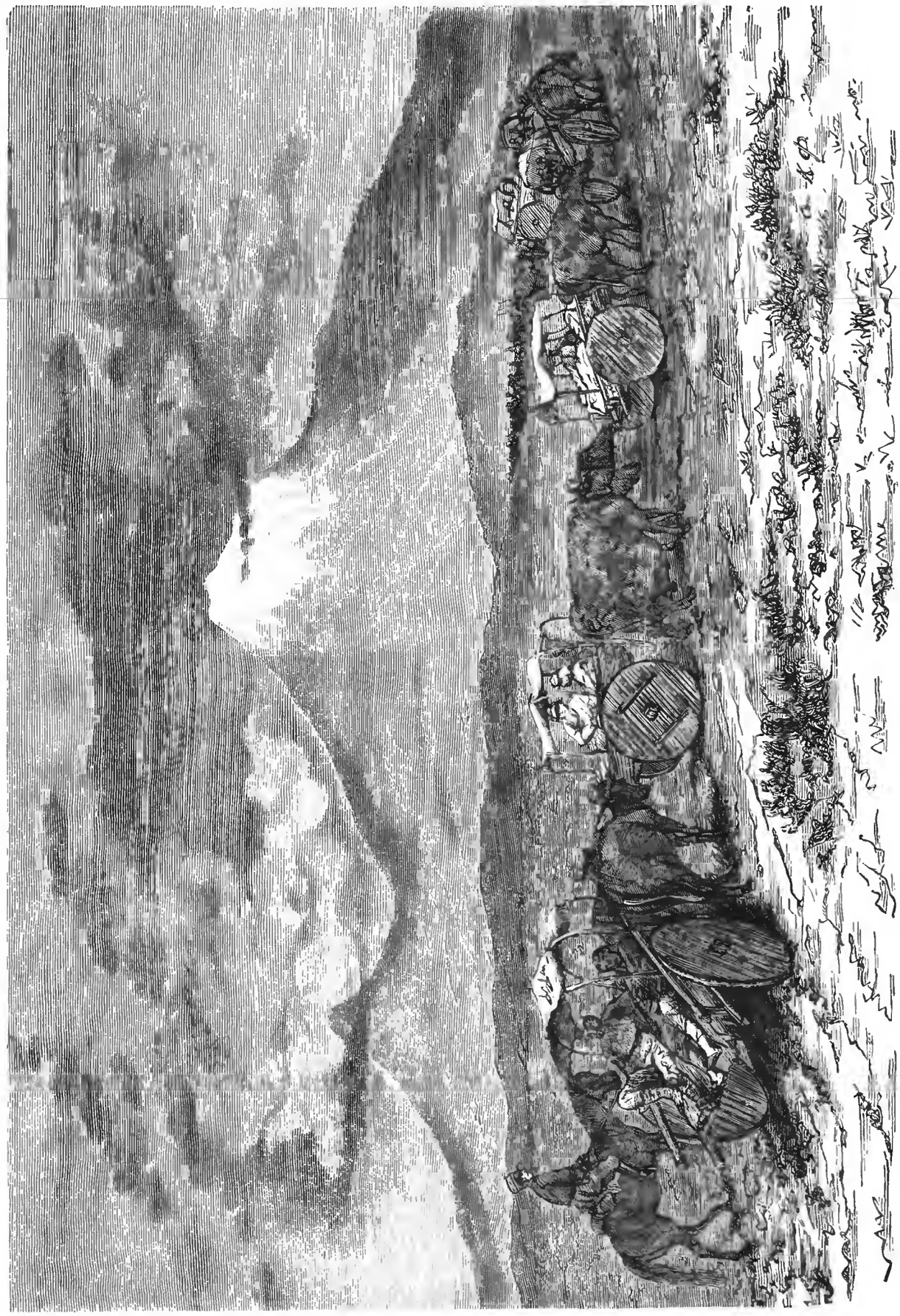
Наши броненосцы на Дунаѣ.

Нашъ флотъ, сравнительно съ непріятельскимъ, построеннымъ на англійскія деньги, скроменъ, но и съ этимъ скромнымъ флотомъ, съ миноносными катерами, наши герои-моряки оказали на Дунаѣ такіе блестящіе подвиги храбрости, достигли такихъ результатовъ, что невольно уже представляется вопросъ: цѣлесообразно ли для государства затрачивать большія деньги на броненосный флотъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Англія? Разрушительное дѣйствіе постоянно усовершаемыхъ техниками современныхъ миноносныхъ снарядовъ можетъ въ значительной степени парализовать всѣ разсчеты на флотъ. Какъ кажется, предвидя это, Англія теперь уже старается, при постройкѣ военныхъ судовъ, придавать имъ нераздѣльно два качества: крейсерскую быстроту и боевое достоинство. Достичь этого предполагается устраненіемъ на боевомъ суднѣ сплошной брони и примѣненіе ея только для защиты такъ сказать, самыхъ жизненныхъ органовъ боеваго судна. Удастся ли достигнуть англійскимъ кораблестроителямъ предположенной задачи—покажетъ будущее. Теперь же нужно сказать только, что громадную часть бюджета морскихъ державъ въ состояніи поглотитъ броненосцы, изъ которыхъ каждый, принимая въ разсчетъ maximum толщины брони, обойдется 5—10 и болѣе

Библиотека "Руниверс"

Храбрая атака казаковъ на турецкія баттареи при Ловчѣ. По наброску К. Е. рис. академикъ Павелъ Соколовъ. грав. А. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"



Перевозка больныхъ и раненыхъ героевъ изъ Ваязета къ русской границѣ (Вдали видны горы: большой и малый Араратъ).

Грав. рисун. нашего спеціальнаго корреспондента, академика П. П. Филиппова, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

милліоновъ!.. Повторяемъ: въ постройкахъ броненоснаго флота теперь весьма естественно ожидать реакціи. На это блистательно указываетъ настоящая война.

Такъ какъ настоящая война локализирована и ограничена собственно только счетами нашими съ Турціей и главнымъ театромъ борьбы выбрана Болгарія, то участіе въ войнѣ нашего флота, по весьма понятнымъ разсчетамъ, представляется относительно скромнымъ. Съ самаго начала войны главными дѣйствующими судами представлялись съ нашей стороны складныя, небольшія по размѣру, но удобныя и быстрыя на ходу, канонирки (кто внимательно прослѣдитъ ходъ войны на Дунаѣ, тотъ увидитъ, что эти наши канонирки сдѣлали чудеса и оказались вполнѣ цѣлесообразными). Съ самаго начала войны наши канонирки были завяты опущеніемъ въ Дунай торпедъ или минъ и это дѣло онѣ дѣлали съ изумительной ловкостью, неутомимостью и смѣлостью, такъ какъ часто работали подъ огнемъ турецкихъ баттарей. Только уже слишкомъ сильная канонада прекращала неутомимую работу опусканія минъ.

Самую блестящую роль на Дунаѣ до сихъ поръ играли у насъ именно эти канонирки миноноски, затѣмъ миноносные катера, пароходы, словомъ всѣ быстро крейсирующія суда. Изъ преимущественныхъ дѣйствій нашихъ моряковъ на быстро крейсирующихъ судахъ ни чуть, однако, не слѣдуетъ, что мы не дѣйствовали съ мониторовъ, потому что и наши мониторы производили довольно важныя операціи, особенно въ открытыхъ, широкихъ рукавахъ Дуная. Такъ, въ концѣ минувшаго мая (см. телеграммы отъ 20-го мая (1-го іюня) наши броненосцы форсировали входъ въ Сулинское гирло Дуная, чтобы парализовать сосредоточеніе турецкаго флота около Рени и предполагавшуюся тамъ высадку турокъ. Результатомъ этого была ожесточенная канонада на Дунаѣ, около Рени, продолжавшаяся 2 часа. Турки при этомъ были отброшены и удалились на своихъ судахъ.

Прилагаемый рисунокъ представляетъ одинъ изъ нашихъ дунайскихъ мониторовъ, сопровождаемый миноносными лодками.

М. Стр.

Кавалерійское дѣло подъ Ловчею 5-го іюля 1877 года.

О дѣлѣ этомъ въ политическихъ и военныхъ извѣстіяхъ „Нивы" (см. № 29) мы помѣстили дословно телеграмму Его Высочества Главнокомандующаго. Теперь въ дополненіе отмѣтимъ нѣсколько подробностей этого дѣла.

Непріятель занималъ крутую высоту подъ самымъ городомъ Ловчею, который окруженъ такими высотами съ двухъ сторонъ, а самыя высоты укрѣплены шанцами. Жара стояла нестерпимая; лошади и всадники „загорались", т. е. падали часто въ изнеможеніи и получали возможность вступать опять въ бой благодаря болгарамъ, которые отливали своихъ „братушко" (такъ зовутъ они русскихъ) водою. Командиръ отряда приказалъ штабсъ-ротмистру Муратову немедлевно аттаковать турокъ съ лѣваго фланга; но тутъ казаки были встрѣчены сильнѣйшимъ перекрестнымъ огнемъ, такъ что принуждены были спѣшиться и, держа лошадей въ рукахъ, отстрѣливаться отъ непріятеля, въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго; благодаря чрезвычайному искусству и ловкости, съ которыми казаки примѣнялись къ мѣстности, потери въ людяхъ при этомъ не было, кромѣ одного раненаго, но лошадей убито у насъ до 20 штукъ. Въ то же время нашъ взводъ 6-й донской баттареи своими мѣткими выстрѣлами заставилъ непріятеля ослабить свой огонь и такимъ образомъ подготовилъ аттаку на высоты, занятыя непріятелемъ. По приказанію полковника Жеребкова, штабсъ-ротмистръ Муратовъ пустилъ сначала часть своего эскадрона въ разсыпную аттаку, удерживая временно на мѣстѣ свой лѣвый флангъ изъ опасенія, чтобы турки съ праваго своего фланга не попытались отрѣзать аттакующихъ, тѣмъ болѣе, что у турокъ стояли тутъ кавалерія и низамъ. Видя однако, что турки съ обычною безпечностью и обычнымъ отсутствіемъ предпріимчивости стоятъ спокойно, штабсъ-ротмистръ Муратовъ обратился къ остальной части эскадрона со словами: „Молодцы! плюнь на нихъ дураковъ... пойдемъ за товарищами". Храбрецы, имѣя во главѣ своихъ молодцовъ офицеровъ, понеслись вихремъ: аттака была исполнена блистательно: эскадронъ смялъ непріятеля, мигомъ ворвался въ шанцы и жестоко изрубили турокъ, которые въ полнѣйшемъ смятеніи покинули укрѣпленія и самый городъ, изъ котораго тѣмъ временемъ вышли на встрѣчу нашему отряду болгары съ духовенствомъ и хоругвями во главѣ.

Такъ была занята Ловча, теперь, какъ извѣстно, нами оставленная. Надѣемся, что не долго она будетъ во власти непріятеля.

Перевозка больныхъ и раненыхъ изъ Баязета.

Геройскій гарнизонъ Баязета, бодро выдержавшій 23-дневную осаду, освобожденъ, какъ извѣстно, войсками подъ командою генерала Тергукасова, разбившими на-голову непріятельскій корпусъ. Мы уже сообщали (см. № 32) о томъ, что гарнизонъ крѣпости и всѣ больные и раненые до послѣдняго человѣка выведены изъ крѣпости, такъ какъ городъ, разрушенный до основанія послѣдними событіями, значенія не имѣетъ. Помѣщая въ этомъ номерѣ рисунокъ, изображающій движеніе транспорта съ больными и ранеными героями Баязета, считаемъ нужнымъ разсказать о главномъ изъ нихъ, именно о комендантѣ Баязетской крѣпости, Штоквичѣ. Не можемъ не выразить сожалѣнія, что пока не имѣемъ возможности помѣстить портрета этого замѣчательнаго человѣка.

Не смотря на свою нѣмецкую фамилію, капитанъ Штоквичъ представляетъ собой исчезающій типъ стараго кавказскаго офицера. Онъ уроженецъ Тифлиса, учился въ мѣстной гимназіи и въ 1848 году поступилъ на службу. Отецъ его также прославился подъ стѣнами другой турецкой крѣпости—Карса, въ турецкую кампанію 1828—1829 годовъ. Онъ взорвалъ пороховой погребъ, рѣшившій участь крѣпости. Самъ онъ поплатился за свой геройскій подвигъ жизнью: послѣ взрыва нашли лишь его ордена, бывшіе на немъ въ этотъ день: ни тѣла, ни частей его не оказалось...

Сынъ этого героя, капитанъ Штоквичъ состоялъ при генералѣ Лорисъ-Меликовѣ во время управленія имъ Карсомъ въ прошлую кампанію. При осадѣ Баязета онъ оказался на высотѣ случайно и столь неожиданно выпавшей на его долю тяжелой задачи. Его энергія и мужество поддерживали въ гарнизонѣ ту бодрость духа, которая дала ему возможность переносить въ теченіе 23 дней самыя страшныя лишенія, ни разу не поддавшись лукавымъ письменнымъ предложеніямъ, которыя дѣлались баязетскому гарнизону о сдачѣ. Гарнизонъ страдалъ отъ голода и жажды (въ послѣдніе дни воды выдавали только по столовой ложкѣ на человѣка): но на всѣ предложенія комендантъ цитадели, капитанъ Штоквичъ, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, а чтобы положить предѣлъ оскорбительной назойливости турокъ, повѣсилъ послѣдняго парламентера, оказавшагося прежнимъ нашимъ лазутчикомъ. Комендантъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ сыномъ Шамиля, генераломъ турецкой службы. Шамиль уговаривалъ капитана Штоквича сдаться, представляя всю безуспѣшность защиты. Штоквичъ нашелся: *„Неужели,—сказалъ онъ Шамилю,—вашъ батюшка никогда вамъ не говорилъ, что русскіе не сдаютъ крѣпостей, а сами берутъ"*.

Послѣ этого отвѣта Шамиль уже не ѣздилъ на свиданіе и пересталъ писать письма. Вотъ одно изъ полученныхъ гарнизономъ письменныхъ предложеній безъ измѣненія его орѳографіи.

„Севодня мы присланы здѣсь изъ порученія правительства и народнаго совѣта для увѣренія васъ что въ моей личности можетъ сложить оружіе и увѣряю васъ что вся ваша личность будетъ убезпечена и прежни поступокъ здѣшнихъ курдовъ правительства строго поискиваетъ и впередъ ничево подобнаго неповторится и я всѣ мои средства употреблю васъ честно сохранить отъ всѣхъ худыхъ послѣдствій если хотитѣ для переговора заутра пришлю моего родственника собственнаго Его Величества конвоя отставной ротмистръ Дауднова въ обявить свое желаніе заутра въ 7 часовъ утра.

„Генералъ-Лейтенантъ Свиты Его Величества султана *Шамиль*" **Z.**

Татары въ Крыму.

Татаръ, разумѣется, нельзя считать давними поселенцами въ Крыму. Они утвердились здѣсь въ то время, когда распалась такъ называемая Золотая Орда (это случилось въ XV вѣкѣ, при Василіѣ Темномъ). Тогда, одновременно съ образованіемъ Казанскаго царства, возникла и Крымская орда, составившаяся изъ многочисленныхъ улусовъ, бывшихъ на полуостровѣ. Здѣсь утвердилась династія Гиреевъ и первый ханъ этой династіи былъ, какъ извѣстно, Азы-Гирей. Съ начала XVI вѣка, съ Василія III, въ теченіе цѣлыхъ трехъ вѣковъ, татары дѣлаютъ изъ Крыма разорительные набѣги на Русь, даже на самую Москву.

Въ послѣднія десятилѣтія началось выселеніе татаръ изъ Крыма преимущественно въ Турцію, вслѣдствіе недовольства стѣсненіемъ привиллегій. Въ послѣднія два десятилѣтія выселенія татаръ изъ Крыма совершались массами, и мы знаемъ, что получившая въ текущую войну громкую извѣстность стратегическая линія *Черноводы-Кюстенджи* (въ Добруджѣ), пересѣкаетъ городъ *Меджидіэ*, основанный въ 1857 г. именно выселившимися сюда крымскими татарами и населенный ими (1,500 чел. жителей).

Крымскіе татары, подобно другимъ своимъ единоплеменникамъ, раздѣляются на нѣсколько классовъ. Классъ *благородныхъ* имѣетъ здѣсь исключительное право владѣть поземельною собственностью; затѣмъ остальные классы служатъ у высшаго класса фермерами, батраками и проч. Степныя привычки и склонность къ кочевой жизни не истребились въ татаринѣ и здѣсь, особенно въ простолюдинѣ. Срубъ изъ кое-какъ сложенныхъ бревенъ, или, при недостаткѣ въ Крыму лѣса, просто лачуга изъ древесныхъ вѣтвей, уконопаченная мхомъ и смазанная глиной, составляютъ жилища крымскаго татарина-простолюдина. Каждымъ татарскимъ селеніемъ управляетъ *мурза*, избираемый общиною.

По отзыву многихъ путешественниковъ, трудно найти что-либо прелестнѣе татарскихъ селеній и деревевекъ на южномъ берегу Крыма. Весь почти южный берегъ въ геологическомъ

Библиотека "Руниверс"

отношеніи состоитъ изъ юрскаго известняка, террасами спускающагося къ морю. Кое-гдѣ возвышаются мощныя гранитныя скалы плутоническихъ (огненныхъ) образованій и у подножія ихъ робко пріютились татарскія селенія. Въ эпоху процвѣтанія татарщины этихъ селеній была масса и вся татарская аристократія располагалась около хребта Яйлы и славной вершины Чатырдага. Много селеній уже исчезло, и память объ этомъ исчезновеніи сохранилась въ названіяхъ долинъ, въ которыхъ были расположены исчезнувшія селенія. Напримѣръ, къ юго-западу отъ Ѳеодосіи, у самаго моря, находится долина *Отузъ* (что по-татарски значитъ *тридцать*). Татары говорятъ, что нѣкогда 30 принадлежавшихъ имъ цвѣтущихъ селеній, дѣйствительно, существовало въ этой долинѣ. Нашъ рисунокъ представляетъ берегъ Чернаго моря, и хотя размѣръ этого рисунка слишкомъ незначителенъ, но все таки онъ даетъ понятіе о мѣстности, а фигура обитателя Крыма, татарина и его телѣга съ волами кажется весьма знакомыми тѣмъ, кто бывалъ на южномъ берегу Крыма.

Политическія и военныя извѣстія.

Прошлое наше обозрѣніе мы закончили извѣщеніемъ объ упорномъ и кровопролитномъ боѣ нашихъ войскъ въ Шипкинскомъ проходѣ. Нашъ врагъ показалъ ожесточенное, рѣдкое въ военныхъ лѣтописяхъ упорство и этимъ, въ свою очередь, весьма рельефно доказалъ, до какой степени для него дорогъ этотъ пунктъ и до какой степени онъ составляетъ основную точку стратегическихъ плановъ. Не будь, въ самомъ дѣлѣ, крайне важнымъ для турокъ Шипкинскій перевалъ, эти упорныя аттаки его со стороны Сулеймана-паши, и притомъ въ теченіе цѣлой недѣли, были бы странны и неразсчитаны.

Сулейманъ-паша желалъ во что бы то ни стало пробиться за Балканы именно черезъ этотъ трудно-доступный перевалъ, чтобы быстрѣе и прямѣе соединиться съ арміями Мехемеда (сердарь-экрема или главнокомандующаго) и Османа пашей. Армія перваго, какъ извѣстно, находится на восточной сторонѣ у Османъ Базара, а другого на западной. Есть, впрочемъ, мнѣніе, что упорство Сулеймана-паши довольно хитрая диверсія. Онъ будто бы хотѣлъ отвлечь къ Шипкѣ массы нашихъ войскъ, ослабить ихъ на сѣверѣ отъ Балканъ и тѣмъ облегчить задачу Мехмеда и Османа пашей соединиться и окружить уже ослабленную въ этой части нашу армію. Если такой стратегическій планъ дѣйствительно существовалъ или существуетъ у турокъ, то это планъ близорукій. Нашъ враги въ пылу увлеченія забыли о непрерывно-прибывающихъ съ нашей стороны подкрѣпленіяхъ на театръ войны, такъ что насколько ослабится наша армія къ сѣверу отъ Балканъ, отпеченіемъ ея къ Шипку, настолько же она вознаградится непрерывно прибывающими на театръ войны подкрѣпленіями. Какъ бы то ни было, но очевидно, что Шипкинскій перевалъ играетъ и до сихъ поръ важную роль въ общемъ планѣ дѣйствій турокъ. Это видно уже изъ того, что тогда какъ константинопольскія телеграммы наперерывъ кричатъ о небывалыхъ побѣдахъ и пораженіяхъ нашей арміи, о Шипкинскомъ дѣлѣ турецкія телеграммы болѣе молчатъ, чѣмъ говорятъ, а ужь тутъ ли бы, кажется, имъ не хвастать и не кичиться, потому что дѣйствительная упорная стойкость все-таки лучше вымышленной побѣды. Гораздо проще формулируется цѣль Сулеймана-паши—это уничтожить нашъ отрядъ, пройти черезъ перевалъ и занять Габрово.

Телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго отъ 17 августа, извѣстила насъ, что на Шипкѣ уже *«водворилось полное спокойствіе»*, что даже турецкихъ позицій вблизи нѣтъ. Пока еще нельзя рѣшить: готовятся ли турки къ новой аттакѣ, собираются ли отступить, или замышляютъ обходъ. Одна изъ вѣнскихъ телеграммъ сообщила, что Сулейманъ-паша получилъ уже приказаніе—если не удастся взять Шипкинскій перевалъ, занять укрѣпленныя позиціи въ Карловѣ, Казанлыкѣ и долинѣ р. Тунджи, чтобы воспрепятствовать движенію нашихъ войскъ въ Румелію;—что къ арміи Сулеймана-паши подошли подкрѣпленія въ числѣ 19,000 человѣкъ низама. Все это вѣроятно, но пока не подтверждено ивъ болѣе надежнаго источника.

Шипкинскій бой останется навсегда безсмертною эпопеей русскаго мужества и стойкости, на равнѣ съ великою эпопеей Бородина или Куликова поля. Сходство здѣсь, разумѣется, не въ размѣрахъ, а въ одушевленіи и самоотверженіи сражавшихся. Въ виду близости этой потрясающей драмы и въ виду того, что бой, можетъ быть, возобновится, теперь нельзя даже въ общихъ чертахъ нарисовать эту страшную по виду и величавую по смыслу картину.

Ходъ дѣла представляется въ такомъ видѣ: 50,000 человѣкъ редифа, подъ начальствомъ Сулеймана-паши, сосредоточившись сначала у Ени-Загры, прошли въ Шипку и напали на наши позиціи 9-го августа. Вотъ первые-то три дни, 9-е, 10-е и 11-е августа и были самыми *страшными*, потому что, съ нашей стороны Шипкинскій проходъ былъ отстаиваемъ, сравнительно говоря, горстью защитниковъ, только Орловскимъ полкомъ и болгарскою дружиной, составлявшимъ численную силу въ 6,000 человѣкъ противъ 50,000 турецкаго редифа! Эти три дня управлялъ защитою герой генералъ Дерожинскій, укрѣпившій южныя дефилеи прохода каменными баррикадами, отчего турки понесли громадныя потери. 11-го августа Житомірскій и Подольскій полки съ безпримѣрнымъ мужествомъ нѣсколько разъ овладѣвали турецкими ложементами—отчаянное и ожесточенное сопротивленіе турокъ доходитъ до крайняго предѣла,—и вотъ въ самомъ пылу этого боя генералъ Драгомировъ тяжело раненъ, а Дерожинскаго поражаетъ пуля прямо въ сердце... Въ это время уже былъ здѣсь генералъ Радецкій, усиленнымъ переходомъ приведшій въ ночь съ 10-го на 11-е августа въ Габрово стрѣлковую бригаду, а на слѣдующій день (т. е. 11-го) отправившій ее въ Шипку, такъ что эта стрѣлковая бригада, придя на мѣсто битвы въ 6 часовъ вечера, поспѣла какъ разъ во время—потому что турки уже ворвались въ нашу позицію; но вотъ сначала подошли стрѣлки, составлявшіе авангардъ бригады, и отбили турокъ; затѣмъ подошла и вся бригада, одушевила своимъ приходомъ войска—и всѣ послѣдующія аттаки были отбиты и затѣмъ, не смотря на упорство турокъ, Шипка осталась все-таки нашею.

Потери наши въ этомъ дѣлѣ представляются пока приблизительными цифрами. Ранены 2,633 нижнихъ чина и 98 офицеровъ. Число убитыхъ еще не приведено въ извѣстность. Но, сравнительно съ турками, наши потери еще незначительны. Турки потеряли по меньшей мѣрѣ 10,000 человѣкъ и съ этими потерями Сулейманъ-паша еще продолжалъ аттаку перевала, теперь же турецкія потери превосходятъ вышепоказанную цифру. Убитые у турокъ лежатъ грудами и турки дѣлаютъ изъ труповъ брустверы для своего прикрытія.

Въ другихъ пунктахъ Дунайскаго театра войны особенно выдающихся дѣйствій не случилось. Наши войска производили аттаки на Аясларъ, 11 августа. Аттаки наши собственно производились на позиціи турокъ при Кучукіеѣ и Кизклярѣ. Отъ Аяслара наши войска отступили на болѣе выгодную позицію, къ Султанкіой. Во всѣхъ этихъ сраженіяхъ или скорѣе стычкахъ наши потери незначительны. Затѣмъ въ Рущукскомъ отрядѣ, непріятель дѣлалъ наступленіе на Садину, (по Рущукской дорогѣ, къ югу отъ Рущука), но неудачно; дѣло однако кончилось повидимому, простою стычкой. За симъ изъ Рущука была тоже не удачная вылазка турецкаго пѣхотнаго батальона, но онъ былъ отброшенъ назаками обратно въ Рущукъ, безъ всякой потери съ нашей стороны. Въ нижедунайскомъ отрядѣ было два удачныхъ для насъ кавалерійскихъ дѣла: 1) генераломъ Яновымъ захвачена партія турецкихъ фуражировъ и 2) подполковникомъ Варламовымъ настиженъ турецкій транспортъ, причемъ транспортный конвой обращенъ въ бѣгство и захвачено значительное число головъ рогатаго скота и 4,000 барановъ. Всѣ эти дѣйствія были въ восточной части Дунайскаго театра войны. Западнѣе же, около Лончи и Плевны, не происходило ничего.

О ходѣ нашихъ дѣлъ на Закавказскомъ театрѣ войны за прошлую недѣлю, извѣстно, что турки, наступая съ юга заняли передовой холмъ Кизиль-Тапа, на лѣвомъ флангѣ нашего расположенія. Завязавшійся потомъ вскорѣ общій бой былъ ожесточенный и продолжительный. (Объ этомъ дѣлѣ мы уже упоминали въ предыдущемъ № «Нивы»). Еще до занятія Кизиль-Тапа, Мухтаръ-паша аттаковалъ всѣми своими силами позиціи генерала Лорисъ-Меликова, стараясь обойти нашъ лѣвый флангъ. Бой длился до 5 часовъ по полудни и непріятель отброшенъ по всей обширной боевой линіи, и возвратился къ своимъ укрѣпленіямъ на *Аладжѣ*. Возвышеніе Кизиль-Тапа, представляющее выгодную позицію, осталось, однако за турками, которые для обороны его оставили батальонъ. При этомъ дѣлѣ потери наши значительны и еще приводятся въ извѣстность. Вмѣстѣ съ Казиль-Тапа и Башъ-Кадыкъ-Ларъ остался также въ рукахъ турокъ. Наши войска возвратились въ Кюрюкъ-Дара. Обѣ воюющія стороны крайне утомлены, и, повидимому, возобновленіе рѣшительныхъ дѣйствій отложено на неопредѣленное время. Съ другой, стороны, есть извѣстіе, что войска, состоящіи подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, перемѣняютъ свою позицію, перенося свой лагерь на 4 версты впередъ, ближе къ туркамъ около укрѣпленія Кара-Яла.

Изъ другихъ важныхъ дѣлъ на этомъ театрѣ войны слѣдуетъ отмѣтить взятіе отрядомъ полковника Шелковникова сильно укрѣпленныхъ турками *Гагринскихъ* тѣснинъ около берега Чернаго моря, причемъ блестящую помощь оказалъ нашъ пароходъ «Константинъ» (командиръ лейтенантъ Степ. Осип. Макаронъ). У Сухума этимъ пароходомъ взорванъ въ минуту лунного затмѣнія (въ ночь съ 11-го на 12-е августа) турецкій броненосецъ «Ассори-Шенкетъ». Онъ взорванъ тремя буксирными пароксилиновыми минами. У насъ потери нѣтъ никакой. Полагать надо, что «Константинъ», уйдя изъ Новороссійскъ отъ преслѣдованнаго его броненосного фрегата «Османіе», нарочно вышелъ въ крейсерство и исполнилъ въ открытомъ морѣ свой молодецкій подвигъ, такъ сказать на глазахъ Гобартъ-паши.

«Ассари-Шевкетъ» построенъ во Франціи въ 1868 году, по заказу вице-короля египетскаго. Его измѣренія; длина 217½

Библиотека "Руниверс"

футъ, ширина 41½ футъ, углубленіе кормою 17½ футъ, носомъ 15 футъ. Водовмѣщеніе 2,079 тоннъ. Машина 300 силъ, ходъ 11¾ узловъ, команда 219 человѣкъ. Броня по ватеръ-линіи 5,9 дюймовъ въ баттареѣ 4,7 дюйма. Палуба покрыта броней. Артиллерія: въ баттареѣ 4 орудія, 7 дюйм. Армстронга (120 фунт.), въ башнѣ одно орудіе, 9 дюйм. Армстронга же (300 фунтовъ).

Еще одно извѣстіе получено о крейсерствѣ императорской яхты «Ливадія»,—командиръ флигель-адъютантъ Кроунъ. Яхта была въ крейсерствѣ у румилійскихъ береговъ и встрѣтилась на высотѣ Варны съ двумя броненосцами, изъ которыхъ одинъ былъ подъ вице-адмиральскимъ флаговъ. Погоня броненосцевъ за яхтой продолжалась до самаго Севастополя, куда яхта укрылась, а броненосцы, подойдя къ берегу, открыли огонь по нашимъ батареямъ, но когда наши въ свою очередь начали пальбу, то броненосцы удалились.

— Изъ политическихъ фактовъ прошлой недѣли слѣдуетъ особенно отмѣтить тотъ фактъ, что къ представленіямъ сдѣланнымъ Германскимъ правительствомъ Портѣ, по поводу вопіющаго нарушенія ею Женевской конвенціи, присоединяются и другія великія европейскіи державы. Представленіе особенно касается 6-й статьи конвенціи, гдѣ говорится «объ обращеніи съ больными офицерами и солдатами. Смѣемъ думать, что дипломатическая переписка въ этомъ дѣлѣ ни къ чему не доведетъ. Турція разумѣется отвѣтитъ, что «сдѣлало распоряженіе» и даже, можетъ быть, сдѣлаетъ его, но распоряженіе не будетъ исполнено и звѣрства непрекратятся. Путь къ прекращенію звѣрствъ, требуетъ, болѣе энергическихъ мѣръ.

На Южномъ берегу Крыма. Ориг. рис. Карлони, грав. Симонъ.

Ожидается со стороны Турціи ультиматумъ сербскому правительству, по поводу уже окончанныхъ ею вооруженій.

Изъ Рима телеграфируютъ, что папа Пій IX лежитъ на смертномъ одрѣ. Отъ его постели не отходятъ доктора.

Благородная и сочувствующая намъ Германія, по почину которой, теперь готовится общеевропейскій протестъ противъ турецкихъ звѣрствъ, намѣрена также поддерживать протестъ Россіи по поводу блокады Чернаго Моря. Россія, какъ извѣстно уже дѣлала представленія державамъ о недѣйствительности блокады Чернаго моря.

Остъ-Индіи угрожаетъ страшный голодъ. Голодъ представляетъ страшное бѣдствіе и никто въ южной Индіи не можетъ понять почему Англія не спѣшитъ на помощь. Англичане не могутъ составить себѣ понятія о томъ что означаетъ въ Индіи засуха, продолжающаяся изъ теченіе трехъ лѣтъ. Засуха эта равносильна смерти десятковъ тысячъ человѣкъ. Такъ нѣсколько десятковъ тысячъ людей уже умерло отъ голода, и если дождя снова не будетъ, то ихъ умретъ цѣлый милліонъ. Въ Сити, уже начался сборъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ голода, и собрано около 4,500 ф. ст., но такая сумма ничтожное, какъ капля въ морѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Генералъ-лейтенантъ А. Э. Циммерманъ (съ портретомъ.) Z — Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть первая (продолженіе). — Послѣднія кровавыя страницы изъ исторіи Турціи въ Европѣ (съ рис.) Д. Стахѣева — Шипкинскій проходъ въ Балканахъ (съ 2-мя рис.) Т. Руд—ой. — Наши мониторы на Дунаѣ (съ рис.) М. Стр. — Кавалерійское дѣло подъ Ловчею 5 го іюля 1877 г. (съ рис.). — Перевозка больныхъ и раненыхъ изъ Баязета (съ рис.) — Татары въ Крыму (съ рис.) — Политическія и военныя извѣстія. — Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЮ.

Православные Христіане!

Нынѣ вѣкъ востановленія памятниковъ древности. Съ явнымъ усиленнымъ трудомъ и ревностью, по всему свѣту,—равно какъ и по всей нашей Православной Руси, ученые люди ищутъ древностей и много утѣшаются, если находятъ гдѣ что-либо замѣчательное. У насъ есть малоизвѣстный, или даже забытый памятникъ священкой древности. Въ 3 хъ верстахъ отъ г. Старой Русы, Новгородской губерніи, на мѣстѣ упраздненнаго въ 1764 году мужскаго Косинскаго Николаевскаго монастыря, нынѣ находится приходская церковь, во имя Святителя Христова и чудотворца Николая, существующая 650 лѣтъ, которая подъ кровомъ своимъ повонтъ уже седьмое ст лѣтіе мощи угодниковъ Божіихъ, основавшихъ около 220 года древній Косинскій монастырь,—Преподобныхъ Константина и Козьмы Косинскихъ,—учениковъ Преподобнаго Варлаама Хутынскаго. Она построена при самомъ основаніи Косинской обители: изъ плиты, диваго камня-булыжника и по мѣстамъ кирпича,—извѣстнаго въ древности подъ именемъ «плинѳа», съ дубовыми, вмѣсто желѣзныхъ, скавами; стѣны ея довольно толсты, что и дало возможность ей пристоять шесть съ половиною столѣтій, но якутрность ея въ началѣ по бѣдности монастыря, а потомъ по малочисленности прихожанъ и по недостаточности ихъ,—не только не приходила въ лучшее состояніе, но даже потерпѣла первоначальный видъ своего совершенства, и къ настоящему времени пришла въ большую ветхость: кирпичныя арки въ ней дали большія трещины и грозили обрушеніемъ, а потому потребовали новой перекладки; дубовыя связи въ концахъ сгнили; штукатурка во многихъ мѣстахъ отвалилась; иконостасъ и въ немъ Св. Иконы положительно полиняли; полы, рамы въ окнахъ и все прочее обветшали до послѣдней крайности, такъ, что если-бы не приступить къ ея новобновленію въ настоящее время, то въ недолгомъ будущемъ, она должна была совсѣмъ разрушиться.

Но при всемъ желаніи сохранить такой драгоцѣнный памятникъ священной древности, мы, по бѣдности своихъ прихожанъ, не въ состояніи сдѣлать необходимое возобновленіе, а потому вынужденные крайнею необходимостью,—рѣшились просить благо ловеніе и разрѣшеніе нашего архипастыря,—обратиться съ симъ воззваніемъ ко всѣмъ доброхотнымъ дателямъ съ твердою вѣрою, что ради молитвъ угодника своего Святителя и чудотворца Николая, Господь расположитъ сердца ихъ христіанскимъ состраданіемъ и милосердіемъ къ оказанію намъ посильной помощи въ возобновленіи древняго храма Божія, къ исправленію котораго мы приступили въ первыхъ числахъ мая текущаго года безъ всякихъ почти средствъ, и въ началѣ помощи человѣческой, съ однимъ только упованіемъ на помощь Божію; и точно вѣра наша неоставлена безплодною, явилось усердіе многихъ чтущихъ Святителя Христова Николая, и Господь невидимо Божественною Своею силою помогъ, начатое возобновленіе совершить почти до половины; но средства наши къ настоящему времени истощились. Не имѣя болѣе ихъ на дальнѣйшее исправленіе, мы не знаемъ, какъ уже Господь поможетъ окончить намъ это святое дѣло? Остается одна только надежда на то, что Господь пошлетъ къ окончанію богоугодного дѣла благодѣтелей и помощниковъ.

Христіане Братіе, ожидающіе суда Христова и вѣчной жизни! Всѣ принесенныя Вами лепты на святое дѣло Господь пріиметъ, какъ лепты упоминаемой въ Евангеліи вдовицы, а Косинская обветшавшая церковь возстановится къ общему утѣшенію всѣхъ, притекающихъ къ рацѣ мощей Преподобныхъ отецъ ившихъ, въ благолѣпномъ видѣ,—спасется отъ окончательнаго разрушенія и тяжелаго для благочестиваго чувства уничтоженія. Поспѣшите, христіане, къ намъ на помощь!

Пожертвованія могутъ быть присылаемы по адресу: въ г. Старую Русу, Новгородской губерніи, настоятелю и старостѣ Косинской Николаевской церкви.

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ" 1877 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова*. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1877 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шмильзина*. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1877 г. 1 р. съ пересылкой.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ КУРСЪ
ТРОЙНОЙ-РУССКОЙ И ДВОЙНОЙ-ИТАЛЬЯНСКОЙ
системъ счетоводства читается въ
№ 8 Фирмѣ Счетоводъ, Литейный пр. № 33. 1

Новая книга: Двѣ ночи и два дня изъ земной жизни Богочеловѣка. Выписывать ее можно въ редакціи Мирскихъ Ен. Вѣдомостей.—Цѣна 45 к. съ пересылкою. Книгопродавцамъ можетъ быть сдѣлана уступка по соглашенію съ авторомъ, № 9 священникомъ Ганинской церкви Борисовскаго уѣзда. 1

ПАНСІОНЪ Г-на А. ВИБЕРЪ.

Основанный Шмеллингомъ въ 1842 г. В. О., 5 л., д. № 18.—Занятія начнутся съ 16-го августа.

Курсъ въ объемѣ первыхъ 4-хъ классовъ реальныхъ училищъ. Ученики успѣшно подготовляются въ экзаменамъ въ реальныя училища въ особенности же военныя, морскія и коммерческое. Проходятся и древніе языки Годовая плата: 400 р. за пансіонера, и 100—125 р. за приходящаго. № 6 2—2

Хивинскій походъ. Большой батальный альбомъ эпизодовъ хивинскаго похода, исполненный по оригинальнымъ акварелямъ Н. Каразина.

Хромолитографировано первымъ заграничнымъ заведеніемъ Винкельманъ и Штеннбока въ Берлинѣ.—Въ конторѣ Редакціи журнала „Нивы" находится еще маленькій остатокъ этого изданія, который она уступаетъ своимъ подписчикамъ по дешевой цѣнѣ: **вмѣсто 18 р. за 6 р.**, (съ пересылкою 10 руб.) а потому гг. иногородные, желающіе выписать, этотъ альбомъ, благоволятъ обращаться въ редакцію „Нива" прилагая вмѣсто 22 р. съ пересылкою **только 10 руб.**

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 25 Августа 1877 г. Тип. Веллинга, Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 36 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 5 Сентября 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к, съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

Контора журнала «Нива» помѣщается въ С.-П.-Бургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за СЕНТЯБРЬ съ 30 рисунк. и отдѣльный листъ съ 28 чертежами выкроекъ въ натуральную величину, съ 31 рисункомъ рукодѣльныхъ работъ и 29 рисунками буквъ для мѣтки бѣлья.

Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ.

Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ происходитъ изъ дворянъ Черниговской губерніи, родился 8-го ноября 1830 года. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Дворянскомъ Полку — нынѣ Константиновскомъ военномъ училищѣ, гдѣ за необычайные успѣхи онъ считался отличнѣйшимъ ученикомъ и имя его записано на мраморной доскѣ. Затѣмъ, въ 1854 г. Михаилъ Ивановичъ поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба. Здѣсь, кстати замѣтить, на него имѣли огромное вліяніе генералы Милютинъ и Карцевъ, тогда профессора академіи. Блистательно пройдя весь курсъ наукъ, Михаилъ Ивановичъ въ 1856 году кончилъ по первому разряду и былъ награжденъ золотой медалью. Совѣтъ Николаевской Академіи положилъ командировать его за границу для собранія свѣдѣній по тактикѣ. По возвращеніи изъ заграницы онъ назначенъ былъ сначала адъюнктъ-профессоромъ, а потомъ профессоромъ тактики въ вышеупомянутой академіи. Ему же поручено было чтеніе курса тактики и военной исторіи покойному Цесаревичу Николаю, а также чрезъ нѣкоторое время и нынѣшнему Государю Наслѣднику Александру Александровичу и Великому Князю Алексѣю Александровичу. Съ производствомъ въ полковники гвардейскаго генеральнаго штаба, Михаилъ Ивановичъ былъ назначенъ въ начальники штаба 2-й кавалерійской дивизіи. Далѣе онъ получилъ назначеніе — быть членомъ Совѣщательнаго Комитета Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. Въ Прусско-французскую войну онъ былъ командированъ на все время кампаніи на театръ этой войны и состоялъ при главной квартирѣ Императора Вильгельма въ качествѣ военнаго агента. Лекціи объ этой войнѣ, которыя читалъ по своемъ возвращеніи Михаилъ Ивановичъ, остались для слушателей на всегда памятными по своей рельефности и живости изложенія. Михаилъ Ивановичъ за эти лекціи имѣетъ отъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника подарокъ: брильянтовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Высочества. Въ 1868

Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ.
Съ фотогр. рѣзалъ Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

году Михаилъ Ивановичъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ слѣдующемъ году назначенъ начальникомъ Кіевскаго военнаго округа. Въ 1872 году назначенъ въ Свиту Его Величества. Назначеніе его командующимъ 14-й пѣхотной дивизіей состоялось въ 1873 году.

Говоря о переправѣ нашихъ войскъ чрезъ Дунай, мы уже имѣли случай познакомить читателей съ замѣчательнымъ приказомъ генерала М. И. Драгомирова, объявленнымъ имъ по 14 пѣхотной дивизіи передъ переправою ея чрезъ Дунай.

Приказъ этотъ даетъ, по нашему мнѣнію, весьма ясное представленіе о его составителѣ, какъ о человѣкѣ, умѣющемъ достойно понимать, въ чемъ душевная сила каждаго русскаго (см. „Ниву" № 30, стр. 485). Михаилъ Ивановичъ, какъ уже знаютъ наши читатели изъ политическихъ и военныхъ извѣстій „Нивы" предыдущаго номера, раненъ въ ногу во время ожесточеннаго боя при Шипкѣ.

Въ дополненіе уже сообщенныхъ нами извѣстій о битвѣ при Шипкѣ, разскажемъ здѣсь нѣсколько эпизодовъ изъ этой безпримѣрной битвы, въ которой генералъ М. И. Драгомировъ, какъ мы уже сказали, принималъ дѣятельное участіе.

Турки начали нападеніе 9-го августа, аттакуя непосредственно высоты, лежащія выше села Шипки. Наши войска, занимавшія тогда укрѣпленія горнаго прохода, состояли изъ болгарскаго легіона и одного полка девятой дивизіи. Ближайшія подкрѣпленія находились въ Тырново.

Наши сражались храбро и не дали туркамъ достигнуть какого-либо существеннаго успѣха, хотя тѣ и заняли наружную линію русскихъ ложементовъ, находившихся ниже позиціи св. Николая (высшей точки Шипкинскаго перевала). Наши устроили передъ своими ложементами мины и взорвали ихъ. Въ этотъ день потери простирались всего до двухъ сотъ человѣкъ. На другой день, 10 августа, бой былъ незначителенъ. Турки обратили все вниманіе на обходное движеніе противъ праваго и лѣваго фланга русской позиціи. На третій день турки напали на нашу позицію съ фронта и съ фланговъ и вытѣснили защитниковъ изъ передовыхъ укрѣпленій. При этомъ выяснились всѣ недостатки позиціи: ограниченность ея пространства, ея открытое положеніе, а также возможность легко быть обойденными съ флаговъ и стать изолированными. Генералъ Столѣтовъ, командующій болгарскими дружинами, сражался въ высшей степени храбро, но онъ ничего не могъ сдѣлать, когда 50,000 человѣкъ нападали на него съ фронта и фланговъ. Между тѣмъ изъ Сельви подошла бригада 9-й дивизіи, подъ начальствомъ генерала Дорожинскаго и эта своевременная помощь Столѣтову была какъ нельзя болѣе кстати. При закатѣ солнца турки проникли такъ далеко на обоихъ нашихъ флангахъ, что, казалось, они соединятся въ тылу нашей позиціи. Оба генерала, ожидая съ минуты на минуту быть окруженными непріятелемъ, отправили Государю Императору послѣднюю телеграмму, въ которой извѣщали о томъ, что предстоитъ имъ, не смотря на всѣ ихъ старанія и намѣренія держаться до послѣдней крайности. Къ 6 часамъ сраженіе пріутихло, тѣмъ не менѣе наши не могли воспользоваться этимъ затишьемъ: солдаты изнемогали отъ жары, утомленія, жажды и голода. Три дня какъ не варилась горячая пища и не было воды. Вотъ надъ горами уже начались раздаваться побѣдныя клики турокъ: „Алла-иль-алла!" Оба генерала стояли на высотѣ, которая почти на половину была окружена первой позиціей. Исполненные тоскливаго ожиданія, направили они свои зрительныя трубки на видимыя мѣста дороги, ведущей изъ долины Янтры. Вдругъ генералъ Столѣтовъ внезапно вскрикнулъ, схватилъ своего сотоварища за руку и указалъ ему внизъ. Голова черной, длинной колонны рѣзко отдѣлялась отъ краснобурой дороги. „Слава Богу!" торжественно воскликнулъ Столѣтовъ. Оба генерала обнажили свои головы,—войска одушевились. Чрезъ зеленый кустарникъ прорывается лучъ солнца, разсѣваетъ мракъ и блеститъ на остріи штыковъ. Голова колонны подходитъ ближе къ караулу;—но это всадники. Лошадей легко узнать и невольно зарождается мысль, неужто Радецкій такъ стѣсненъ, что послалъ конницу, чтобы сражаться въ ущельяхъ Балканъ противъ пѣхоты? На высотѣ вправо одна горная баттарея только-что открыла огонь противъ турецкихъ орудій, стоящихъ на томъ горномъ кряжѣ, съ котораго турки угрожаютъ нашему правому флангу. Теперь уже не видно болѣе всадниковъ и лошади спускаются подъ гору, но за то колонна нашей пѣхоты скорымъ шагомъ идетъ на гору и, дойдя на разстояніе ружейнаго выстрѣла отъ стоящихъ направо турокъ, открываетъ огонь; изъ-за каждаго куста, изъ-за каждаго камня подымаются облака дыма. Это подоспѣлъ батальонъ стрѣлковой бригады. Послѣдняя находится теперь на разстояніи 3 верстъ и ей пришлось пройдти 55 верстъ безъ сна и горячей пищи. Теперь она вступила въ бой, не останавливаясь ни на минуту для отдыха. Храбрый генералъ Цвѣцинскій прибылъ вмѣстѣ со своими стрѣлками и руководитъ аттакой на непріятельскія позиціи, расположенныя на лѣсистомъ кряжѣ вправо отъ русскихъ. Радецкій, который самъ подвелъ застрѣльщиковъ и спасъ, такимъ образомъ, честь дня, проѣзжаетъ съ своимъ штабомъ по дорогѣ среди перекрестнаго огня турокъ, присоединяется къ двумъ другимъ генераламъ, стоящимъ на высотѣ, и принимаетъ на себя главное начальство.

Ночью можно было и не возобновлять нападенія на турецкія позиціи, угрожавшія правому флангу русскихъ, но каждый чувствовалъ, что нельзя быть безопаснымъ, пока турки не будутъ прогнаны съ этого лѣсистаго горнаго кряжа. Лѣвый флангъ находился только въ сравнительной безопасности.

На разсвѣтѣ, наши снова напали на названную позицію. Болгарскіе мальчики носили для сражающихся воду въ глиняныхъ кувшинахъ и проникали даже въ первые ряды. Битва въ долинѣ шла нерѣшительно и подкрѣпленія, присланныя 9 дивизіей, принесли много пользы. Къ 9 часамъ подошелъ генералъ Драгомировъ съ двумя полками 2 бригады, входящей въ составъ его дивизіи. Оставивъ Подольскій полкъ въ резервѣ, двинулся онъ съ Житомірскимъ полкомъ вверхъ, по опасной дорогѣ. Полкъ былъ оставленъ въ редутѣ на вершинѣ, пока въ немъ не представится надобности. Радецкій и его штабъ остались на склонѣ вершины, тутъ примкнулъ къ нему и генералъ Драгомировъ.

Ружейный огонь въ долинѣ то усиливался, то ослабѣвалъ въ продолженіи утра. Къ 11 часамъ огонь сталъ значительно сильнѣе.

Объ успѣхахъ, достигнутыхъ нашими въ лѣсу, нельзя было судить по причинѣ густоты этого лѣса, но ясно было то, что битва попеременно склонялась то въ ту, то въ другую сторону. На склонѣ вершины, откуда генералы и штабъ наблюдали за ходомъ битвы, пули жужжали словно рой разсерженныхъ пчелъ. Вотъ именно здѣсь и въ это самое время одна изъ безчисленныхъ вокругъ жужжащихъ пуль ранитъ генерала Михаила Ивановича Драгомирова въ лѣвое колѣно. Сначала онъ самъ перевязалъ себѣ рану носовымъ платкомъ, но потомъ подоспѣвшіе врачи дѣлаютъ ему перевязку. Рана при всей своей незначительности, все-таки не дала возможности Михаилу Ивановичу слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ боя, и онъ на носилкахъ былъ вынесенъ далѣе, за линію паденія пуль.

Бой между тѣмъ продолжался. Застрѣльщики и Брянскій полкъ не имѣли успѣха въ своемъ трудномъ предпріятіи—взять турецкій лѣсистый склонъ нападеніемъ съ фронта, хотя имъ и удалось парализировать усилія турокъ, которые хотѣли прорваться влѣво отъ нихъ и зайти въ тылъ русскимъ. Въ 12 часовъ рѣшили произвести контръ-фланговое нападеніе на правый склонъ турецкаго горнаго кряжа, и еще разъ пустить снизу въ аттаку застрѣльщиковъ и остальные отряды. Два батальона Житомірскаго полка, оставивъ по ротѣ въ резервѣ, выходятъ изъ частью прикрытой первой русской позиціи на вершинѣ и идутъ поротно черезъ довольно ровную поверхность, находящуюся выше долины. Турецкія горныя орудія на лѣсистой вершинѣ турецкой позиціи и турецкая пѣхота на правомъ краю турецкаго горнаго кряжа открываютъ по нимъ убійственный огонь, и многіе изъ нихъ окрашиваютъ траву своею кровью. Но батальоны неудержимо стремятся впередъ и бросаются въ лѣсъ. Русская артиллерія сдѣлала всевозможное, чтобы очистить имъ дорогу, но теперь она должна умолкнуть, такъ какъ было-бы опасно стрѣлять на удачу въ лѣсъ, гдѣ находятся свои-же собственные солдаты.

Поворотъ въ участи сраженія наступилъ. Бой пѣхоты во фронтѣ и флангѣ турокъ продолжался цѣлый часъ и былъ по истинѣ ужаснъ. Но уже было ясно, что наши подвигаются впередъ. Турки удалили свою горную баттарею, стоявшую вблизи ихъ праваго фланга. Затѣмъ и лѣвая баттарея послѣдовала ея примѣру. Отъ всѣхъ турецкихъ позицій оставалась теперь только средняя вершина. Она была взята и горный кряжъ перешелъ въ наши руки. О дальнѣйшемъ исходѣ битвы при Шипкѣ читатели наши уже знаютъ изъ политическихъ и военныхъ извѣстій „Нивы".

Z.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Черезъ минуту на порогѣ комнаты показалась фигура молодого князя Ивана.

— А, за ужиномъ честная компанія, безцеремонно крикнулъ онъ снимая шляпу, и меня не подождали. Ну, а вино не все выпилъ родитель—сынку то оставилъ, я выпью, я могу!

Библиотека "Руниверс"

Онъ очевидно и такъ ужь изрядно выпилъ. Пошатываясь, подошелъ онъ къ столу и грузно опустился въ кресло, подперъ раскраснѣвшееся лицо руками и осматривалъ всѣхъ мутнымъ взглядомъ.

— Хорошъ, развелъ на него руками отецъ. Ну вотъ заступайся ты за него, Василій Лукичъ—вотъ онъ каковъ! Весь тутъ передъ тобой! Я ему говорю: ну пьянствуй, безпутствуй, дебоширничай, только такъ, чтобъ ни одна собака объ этомъ не вѣдала, потому онъ теперь пуще всего свою репутацію соблюдать долженъ, —а онъ развѣ о словахъ моихъ думаетъ? Ему ничего вотъ такъ орать на весь Петергофъ! Чай по рощѣ шелъ, пѣсни пѣлъ, со всѣми въ драку лѣзъ—на что же это похоже? Какъ трезвый, такъ еще ничего, иной разъ и толкъ показываетъ, да вотъ такимъ то ужь больно часто являться сталъ. У!—не глядѣлъ бы на него—совсѣмъ изъ рукъ выбился.

Князь Иванъ пристально глядѣлъ на отца во все время какъ тотъ говорилъ—и вдругъ расхохотался самымъ беззаботнымъ и безцеремоннымъ образомъ.

— Дядюшка Василій Лукичъ, заступись хоть ты—вотъ онъ такъ каждый день... Право, я скоро на него челомъ буду бить Государю.

— Молчи, негодный, крикнулъ Алексѣй Григорьичъ —не зазнавайся больно, я еще тебѣ покажу, что я твой отецъ!

— Ну полноте, перестаньте, вступился Василій Лукичъ. Гдѣ былъ племянничекъ? Что подѣлывалъ?

— Такъ вотъ я вамъ сейчасъ и скажу, гдѣ я былъ.

— Ну, а что Государь въ добромъ здоровьѣ?

— Здоровъ—теперь почиваетъ, да и мнѣ пора тоже.

Князь Иванъ совсѣмъ наклонилъ голову къ столу и скоро захрапѣлъ

— Унесите его, раздѣньте, обратился Александръ Григорьевичъ къ слугамъ.

Тѣ осторожно приступили къ исполненію этого приказанія.

— Да, это плохо, задумчиво сказалъ Василій Лукичъ,—я завтра съ нимъ поговорю. Очень дурить сталъ твой Иванъ, и такъ нельзя—все дѣло можно испортить.

Я уже тебѣ говорилъ, говорилъ, махнулъ рукою Алексѣй Григорьевичъ.

Въ это время въ томъ же самомъ домикѣ, въ маленькой спальнѣ княженъ Долгорукихъ на мягкой съ пышно вздутыми перинами и высокимъ балдахиномъ кровати сидѣла Катюша. Ночь была теплая, окно отворено. Рядомъ спала ея сестра и спала крѣпко; время отъ времени что-то шептала во снѣ—какія то непонятныя отрывочныя слова. А Катюша все не ложилась, все сидѣла. Слабый свѣтъ лампадки, зажженой въ углу передъ иконами освѣщалъ ея кровать и всю ея небольшую граціозную фигуру. Ей было жарко и не спалось. Она откинула одѣяло и распустила воротъ. Не спалось ей потому, что ужь очень она удивилась, сегодня—сейчасъ удивилась. Когда мать послала ее узнать, велитъ ли отецъ подавать ужинъ, и она уже подбѣжала къ дверямъ комнаты, гдѣ толковали Долгорукіе, ей ясно послышалось ея имя, произнесенное княземъ Василіемъ Лукичемъ. Не удержалась Катюша: что обо мнѣ говорятъ, дай подслушаю. И она приложила ухо къ замочной скважинѣ... ну и все услышала. Чудно и странно показалось ей: она будетъ царской невѣстой, царицей... да развѣ это возможно? Да и зачѣмъ это!.. Она почти каждый день видала Императора, почтительно кланялась ему; когда, иной разъ онъ заговаривалъ съ нею—отвѣчала, потупивъ глаза, но все же, не смотря на то, что ей самой еще не было шестнадцати лѣтъ, Императоръ казался ей маленькимъ мальчикомъ и никогда не могла она подумать о немъ иначе, какъ о существѣ особенномъ, стоящемъ далеко и высоко—а тутъ вдругъ хотятъ, чтобъ онъ сдѣлался ея женихомъ.

И все это братъ Иванъ—чего онъ не выдумаетъ! А самъ то, самъ то!... ахъ какъ все это странно, какъ странно, шептали губы княжны. Наконецъ она заснула.

Но въ эту ночь и сны ей снились все такіе странные: ей снилось, что она царица, что на ней золотая корона, мантія на горностаѣ; ей снилось, что всѣ кланяются ей въ ноги и ей становилось почему то душно, тяжко, и она просыпалась и металась на своей пуховой постели.

X.

Все такъ-же великолѣпенъ домъ князя Меншикова, такая же толпа прислуги бродитъ взадъ и впередъ по безчисленнымъ его комнатамъ. Но что-то виситъ надъ этимъ домомъ и каждому входящему въ него съ первой минуты это становится яснымъ. Да теперь рѣдко кто и заходитъ къ Александру Данилычу. Онъ ужь третій день въ Петербургѣ—всѣ это знаютъ и какъ будто икому до этого нѣтъ дѣла. Давно ли отбою не было отъ посѣтителей? Давно ли высокіе сановники государства дожидались княжескаго выхода со страхомъ и трепетомъ и сгибались передъ нимъ, чуть не цѣловали полы его кафтана—да и цѣловали таки.

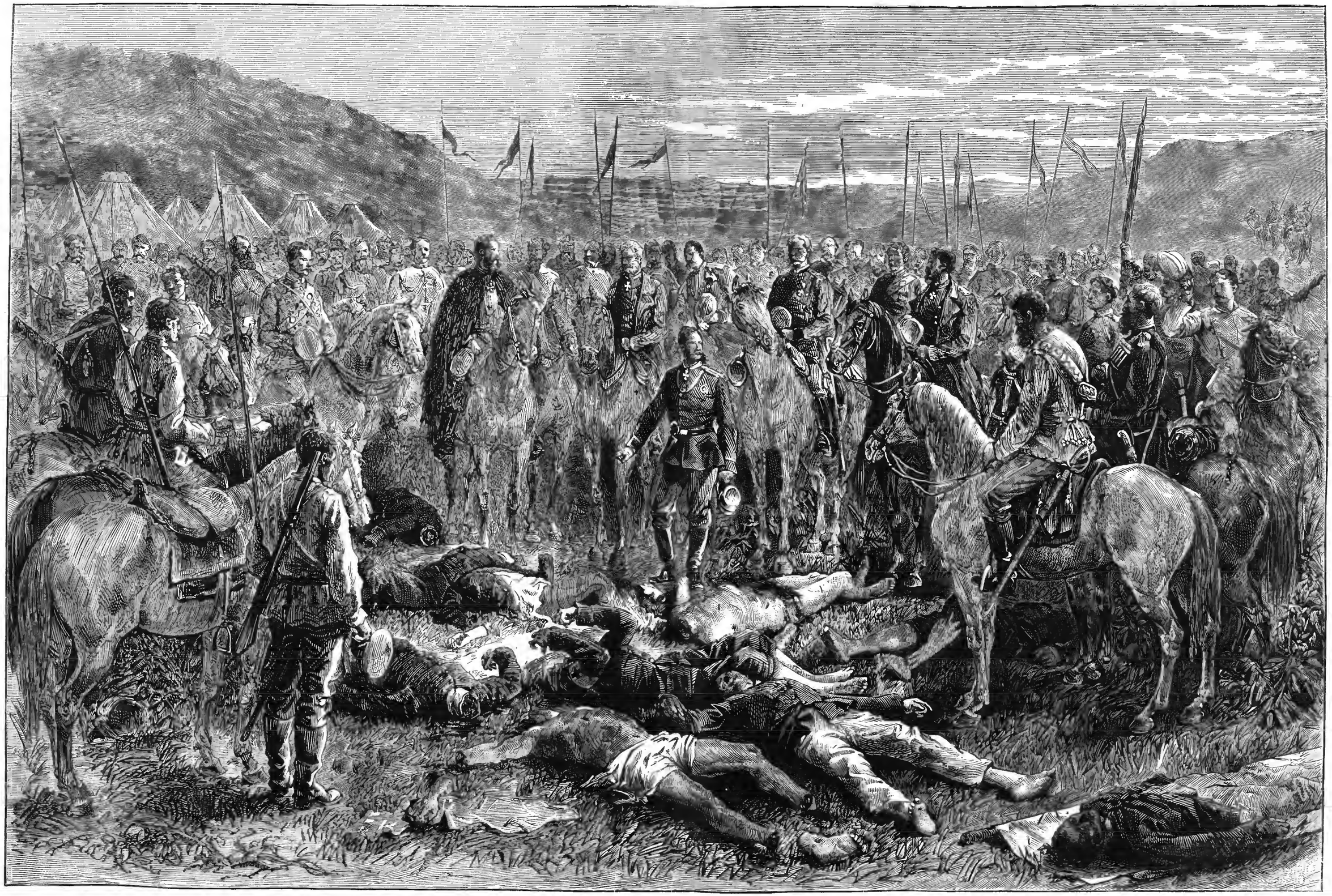
Александръ Данилычъ ужь и не ѣздитъ въ Петергофъ, не старается умилостивить Императора—того и жди хуже отъ этого будетъ. Всѣ царскія вещи уже вынесены изъ Меншиковскаго дома: Императоръ не сегодня—завтра переѣзжаетъ въ Петербургъ. Охъ, что-то будетъ! Послѣдніе надежные люди доносятъ, что *тамъ* никто и слова не говоритъ про Меншиковыхъ, какъ будто ихъ и нѣтъ на свѣтѣ; *тамъ* теперь только Долгорукіе и нѣмецкая креатура. Ломаетъ себѣ голову Александръ Данилычъ: къ кому бы обратиться, да что теперь выдумаешь?—самъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ. Думалъ никто и не пригодится, никто и не будетъ никогда нуженъ, а вотъ теперь пригодился бы каждый маленькій человѣчекъ—да нѣтъ никого: всѣ разбѣжались, всѣ врагами смотрятъ, всѣ лгать готовы!

Послѣдняя слабая надежда мелькнула князю—къ Голицыну обратиться. Голицынъ также какъ онъ долженъ бояться возвышенія Долгорукихъ и Остермана. Голицынъ ради своихъ выгодъ помочь долженъ. Вотъ садится Александръ Данилычъ и пишетъ князю Михайлу Михайловичу Голицыну:

„Изволите ваше сіятельство поспѣшать сюда какъ возможно, на почтѣ, и когда изволите прибыть къ перепективной дорогѣ, тогда изволите къ намъ и къ брату вашему прислать съ нарочнымъ извѣстіе и назначить число когда намѣрены будете сюда прибыть, а съ Ижоры опять же насъ обоихъ увѣдомить, понеже весьма желаемъ дабы ваше сіятельство прежде всѣхъ изволили видѣться съ нами.“ Спѣшитъ, шлетъ гонца Александръ Данилычъ и что-то будетъ? Помогутъ ли уничтожить Долгорукихъ и Остермана? А кѣмъ замѣнить воспитателя, если удастся его свергнуть, кѣмъ замѣнить? кто былъ бы угоденъ? Вспомнилъ свѣтлѣйшій про стараго учителя Зейкина, котораго когда то любилъ Петръ, и вотъ другое письмо пишетъ онъ къ этому Зейкину. Письма посланы, но когда то еще получатся, когда явятся эти нужные люди? А тутъ что ни день, что ни часъ бѣда неминучая стрястись можетъ.

Александръ Данилычъ ужь и изъ дому не выходитъ, забылъ и о верховномъ совѣтѣ—гдѣ теперь! Что теперь—однѣ обиды только! Какъ левъ запертый въ клѣткѣ, бродитъ изъ угла въ уголъ по своему рабочему кабинету Александръ Данилычъ, ждетъ вѣстей недобрыхъ. А вѣсти недобрыя ужь близко—вотъ онѣ ужь у порога, въ двери стучатся. Вотъ докладываютъ князю: Государь и царевны переѣхали въ лѣтній домъ—свѣтлѣйшему никто изъ нихъ не далъ знать объ этомъ —и сейчасъ же по переѣздѣ Государя послано объявить гвардіи, что-бы слушались только его приказаній, которыя будутъ объявлены ей маіорами его, князьями

Библиотека "Руниверс"



Русскіе генералы: Гурко, Раухъ, Скобелевъ, Витгенштейнъ и прусскій уполномоченный фонъ-Лигницъ и др. предъ трупами звѣрски замученныхъ русскихъ солдатъ.
Съ наброска французскаго корреспондента, «Monde illustré», съ фотогр. на деревѣ рѣзалъ Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Юсуповымъ и Салтыковымъ. Это было утромъ 7-го сентября.

Князь рѣшился ждать до вечера. Тянулись часы—нѣтъ посланцевъ изъ дворца, никто не является, всѣ какъ въ воду канули. Цѣлый день въ ротъ ничего не могъ взять Александръ Данилычъ. Стучалась къ нему жена—не отперъ; дѣти стучались—не подалъ голоса. Ужь совсѣмъ ни о чемъ и не думалъ князь, мыслей никакихъ не было—да и о чемъ теперь думать? только тоска глухая давитъ, дохнуть не даетъ, и дѣваться некуда отъ этой тоски—ничѣмъ не заглушишь ее.

Вечеръ. Стемнѣло, тучи ходятъ по небу, вѣтеръ осенній поднялся и зарябилъ невскія воды. Сѣро и мрачно, вонъ изъ окна слышно, вороны каркаютъ—и пуще надрывается сердце Александра Данилыча и пуще тоска давитъ его. Нѣтъ, не втерпежъ эта убійственная неизвѣстность—будь что будетъ, а узнать надо, что тамъ дѣлается. Самому ѣхать—ни за что! Пожалуй даже не впустятъ. При этой мысли холодный потъ показался на высокомъ морщинистомъ лбу Меншикова. „Дѣтей пошлю, дѣтей—вѣдь что же, еще не объявили, вѣдь Марья все еще царской невѣстой считается. Онѣ должны поѣхать поздравить съ пріѣздомъ, должны... пошлю ихъ къ царевнамъ хоть что-нибудь узнаю". И вотъ идетъ онъ на половину жены, а та встрѣчаетъ его блѣдная, дрожащая—лица на ней нѣтъ: измаялась вся, исхудала въ эти послѣдніе ужасные дни бѣдная Дарья Михайловна.

— Гдѣ дочери,—мрачно проговорилъ князь.

— Дома, дома—да гдѣ же имъ и быть-то?

— То-то; вели сейчасъ запрягать, снаряди ихъ, пусть ѣдутъ поздравить царевенъ съ пріѣздомъ, пусть все узнаютъ—о, Господи!

Дарья Михайловна побрела къ дочерямъ, а князь остался на мѣстѣ, сѣлъ въ кресло и замеръ.

Больше часа сидѣлъ онъ такъ неподвижно, слова никому не сказалъ, только головой мотнулъ какъ доложила ему жена, что дочери во дворецъ уѣхали.

Невеселою вышла изъ экипажа у Лѣтняго сада княжна Марья Александровна. Въ послѣдніе дни и она оставила свое равнодушіе; еще больше поблѣднѣла она, еще больше вытянулось лицо ея, тошно было ей глядѣть на свѣтъ Божій—чуяла она неминучую гибель.

И Цесаревна Елисавета и великая княжна Наталья дома— а княженъ все же дожидать заставляютъ; не выходятъ къ нимъ и къ себѣ не зовутъ. Полчаса проходитъ, часъ—царская невѣста опять посылаетъ фрейлину доложить царевнамъ. Фрейлина возвращается и говоритъ: сейчасъ выйдутъ—позабыть изволили о вашемъ пріѣздѣ.

— Машенька, что же это такое, даже задрожала княжна Александра,—что же это за несносныя обиды? Уѣдемъ, ради Бога. Боже мой, неужели Наташа и отъ меня отворотится!

Вотъ великая княжна Наталья показалась на порогѣ. Александра Александровна бросилась къ ней: бывало онѣ встрѣчались закадычными друзьями, цѣловались и обнимались, бывало не наглядятся другъ на друга,—что-же это? что-же Наталья глядитъ и не улыбается, едва протянула руку... цѣловать не хочетъ, что-же это? За что-же?

— Царевна, чѣмъ я виновата передъ тобою? шепчетъ княжна Александра. Если есть моя вина—скажи мнѣ. Развѣ забыла ты, какъ я люблю тебя, развѣ забыла ты нашу старую дружбу?

Великая княжна все молчитъ—ей неловко. Вотъ входитъ цесаревна Елисавета.

— Прошу извиненія, говоритъ она, обращаясь къ княжнамъ,—забыли мы, что вы здѣсь дожидаетесь.

— Мы здѣсь болѣе часа, шепчутъ блѣдныя тонкія губы царской невѣсты, а на глазахъ ея блестятъ слезы.

— Очень жалко, отвѣчаетъ Елисавета,—вольно же вамъ такое время выбрать. Чай, слышали— мы только что переѣхали, тоже вѣдь разобраться нужно—не до чужихъ!

— А я такъ устала, я не здорова,—замѣчаетъ великая княжна Наталья.

— Тоже не до чужихъ видно, прорыдала передъ нею Александра Александровна

— Ахъ, какъ это скучно, раздражительно проговорила цесаревна, поднимаясь съ мѣста. Такіе любезные гости—отъ нихъ слова не добьешься. Пойдемъ Наташа у насъ тамъ веселѣе.

„Что-жь это? что-жь это,—вотъ обѣ онѣ вышли!—Меншиковы остались однѣ въ пустой комнатѣ. Никого нѣтъ... Боже мой, что-жь это такое?"

Не помня себя, обѣ сестры кинулись къ выходу, не помня себя, доѣхали онѣ до дому, прибѣжали къ матери и обѣ не могли сказать ни слова—обѣ только рыдали.

— Да что такое, что?—не томите, не надрывайте душу, разскажите хоть что нибудь—что съ вами тамъ было? измученнымъ ослабѣвшимъ голосомъ шептала Дарья Михайловна,—да говорите, говорите. И вдругъ передъ ними очутился отецъ На немъ лица не было.

— Говорите сейчасъ же—что тамъ было, закричалъ онъ.

— А то было, вдругъ поднялась передъ нимъ княжна Марья,—то было, что ты погубилъ и себя, и меня... и всѣхъ насъ... Княжна зарыдала и выбѣжала изъ комнаты.

— Говори все подробно, дрожа и сжимая кулаки обратился князь ко второй дочери. Говори—не то убью на мѣстѣ—видѣли вы Государя?

— Нѣтъ, не видѣли, прорыдала княжна Александра да и царевны не выходили къ намъ больше часа. А вышли—сказали два слова, обидѣли и ушли и насъ однѣхъ оставили.

— Какъ и Наталья—вѣдь она тебя любила...

Бѣдная княжна зарыдала еще отчаяннѣе.

— Да, и она... и она на меня смотрѣть не захотѣла.

Александръ Данилычъ схватилъ себя за голову, глаза его остановились, лицо ужасно исказилось, онъ застоналъ и вдругъ безъ чувствъ рухнулся на полъ. Несчастная Дарья Михайловна съ отчаяннымъ крикомъ кинулась къ мужу, старалась поднять его, но ей было это не по силамъ.—«Воды, воды, доктора! кричала она охрипнувшимъ голосомъ» Княжна Александра металась изъ комнаты въ комнату какъ помѣшанная. По всему огромному дому все дальше и дальше разносилось: доктора, доктора,—свѣтлѣйшій умираетъ!

XI.

Страшная долгая ночь наконецъ промчалась; наступило утро 8-го сентября. Свѣтлѣйшій успокоился нѣсколько и заснулъ только при солнечномъ восходѣ. Дарья Михайловна на цыпочкахъ вышла изъ его спальни; во всемъ домѣ никто почти не ложился спать. Съ часу на часъ ожидали Меншиковы рѣшенія своей участи. Бѣдная княгиня выплакала всѣ свои слезы, даже молодой сынъ Меншикова, до сихъ поръ ни во что не вмѣшивавшійся и игравшій самую незначительную роль въ домѣ, и тотъ понялъ всю важность событій, не отходилъ отъ матери и старался ее успокоить—но развѣ можно было успокоить Дарью Михайловну. Она не плакала: глаза ея были сухи, но на нее и взглянуть было страшно; она то и дѣло подходила къ дверямъ спальни мужа и прислушивалась.

Прошло нѣсколько долгихъ часовъ и вотъ княгинѣ доложили, что изъ дворца къ свѣтлѣйшему явился маіоръ гвардіи генералъ-лейтенантъ Салтыковъ.

Дарья Михайловна бросилась къ нему, но не получила отъ него никакихъ разъясненій.

— Мнѣ нужно видѣть князя Александра Данилыча. сказалъ онъ, проводите меня къ нему сейчасъ-же—я не могу безъ этого уѣхать.

Библиотека "Руниверс"

Дѣлать нечего—пришлось разбудить князя. Онъ былъ такъ слабъ, что не могъ встать съ постели. Салтыковъ долженъ былъ войти къ нему.

— По приказу Его Величества объявляю вамъ арестъ, чтобъ вы никуда не выѣзжали изъ своего дома, сразу сказалъ Салтыковъ.

Меншиковъ открылъ глаза, задрожалъ и вторично упалъ безъ чувствъ на подушку. Черезъ нѣсколько минутъ медикъ пустилъ ему кровь. Онъ очнулся, но глядѣлъ на всѣхъ безсмысленно и не говорилъ ни слова.

Дарья Михайловна взяла съ собою сына и сестру свою Варвару Арсеньеву и поспѣшила во дворецъ: тамъ ей сказали, что Государь еще не возвращался отъ обѣдни. Она осталась въ передней комнатѣ дожидаться. Вотъ и Государь—княгиня бросилась передъ нимъ на колѣни, держала его за полу кафтана. Онъ не глядѣлъ на нее, онъ пробовалъ вырваться, но она вцѣпилась въ него и не отпускала.

— Государь, пощади, задыхаясь и обливаясь слезами шептала Дарья Михайловна. Великая княжна Наталья заплакала и убѣжала къ себѣ. Всѣ окружающіе были разстроены этой сценой—даже и тѣ, кто искренно ненавидѣли Меншикова. Ненавидѣли Меншикова, но противъ жены его никто не могъ ничего имѣть. Всѣ знали, что она была добрая, почтенная женщина, что сама она была несчастна и всегда при первой возможности исправляла зло, причиненное ея мужемъ, и всѣмъ было не ловко, всѣ опускали глаза, жались къ стѣнамъ, но ни у одного человѣка не пошевелился языкъ въ ея защиту. Защита теперь была бы безуміемъ, это значило бы подвергать самаго себя опасности—и княгиня все стоитъ на колѣняхъ, все держится дрожащими руками за камзолъ Императора, мочитъ полъ своими слезами, шепчетъ невнятныя рѣчи, а онъ все силится отъ нея вырваться. И вотъ онъ вырвался, онъ ни сказалъ ни слова и быстро ушелъ. Она одна на колѣняхъ среди комнаты Сейчасъ было много народу—теперь никого: всѣ разбрелись, всѣ ушли отъ нея точно отъ чумной, боясь заразиться. Она кинулась къ великой княжнѣ Натальѣ; по дорогѣ всѣ разступались передъ ней, всѣ отъ нея отворачивались и никто не говорилъ съ ней. Княжна Наталья тоже убѣжала отъ нея и куда-то скрылась. Бродитъ и мечется несчастная Дарья Михайловна по дворцу этому, гдѣ каждая комната, каждое кресло, каждая вещица ей такъ давно знакомы. Мысли ея спутались: она ничего не понимаетъ, она кидается то туда, то сюда. Императоръ ушелъ; великая княжна ушла; осталась цесаревна—къ ней идти... но и цесаревна не сказала ни слова княгинѣ, у нихъ такъ видно положено было: ни однаго слова, ну хоть бы бранить стали, хоть бы тяжелыя, обидныя рѣчи пришлось ей выслушать, а то ни слова... ни слова, вѣдь это еще хуже, еще ужаснѣе. И поняла наконецъ бѣдная княгиня, что нѣтъ никакого спасенья и быть не можетъ, и шатаясь, вся растрепанная, едва волоча за собою ноги, потащилась она вонъ изъ дворца, неся съ собою ужасныя вѣсти о пришедшей неотвратимой погибели. Но на дорогѣ снова послѣдняя мысль пришла ей въ голову—идти къ Остерману.

Остерманъ по крайней мѣрѣ принялъ ее и даже старался успокоить.

— Ну чтожь, княгиня, говорилъ онъ,—чтожь теперь дѣлать, ничего теперь не подѣлаешь! Того и ожидать было нужно, очень ужь забылся Александръ Данилычъ, вѣдь на твоихъ же глазахъ, княгиня, все было, вы чай помните какъ обращался супругъ вашъ съ Его Величествомъ—ну, и чтожь—ну и не вытерпѣлъ Императоръ оно и понятно! Только вы успокойтесь княгиня, не на казнь же поведутъ васъ.

— О, Господи, стонала Дарья Михайловна,—не на казнь, говоришь ты, Андрей Иванычъ, а почемъ я знаю, вѣдь не самъ ли ты на дняхъ еще говорилъ Александру Данилычу, что его колесовать нужно, такъ почемъ я знаю, можетъ и колесуютъ.

— Да вѣдь я говорилъ потому, что самъ онъ стращалъ этимъ, потому что клевету взвелъ на меня, что я отвращаю Государя отъ православія.

— Ахъ, Господи! прости ты, прости, Андрей Иванычъ мужу—не зналъ онъ самъ, что говорилъ, ужь очень обидъ много было. Прости его Христа-ради, не помяни зла—не помяни. Смилуйся надъ нами! и бѣдная дрожащая княгиня стала на колѣни передъ Остерманомъ и также какъ и Императора схватила его за полы и мочила его ноги своими слезами.

— Ахъ, что вы, что вы, княгиня, суетился баронъ Андрей Иванычъ, стараясь поднять ее. Но все было тщетно Онъ позвалъ жену и та начала успокоивать Дарью Михайловну—да чѣмъ же они могли ее успокоить? Она хорошо знала, хорошо видѣла изъ каждаго слова Андрея Иваныча, что онъ просто не хочетъ за нихъ заступиться и пустить въ ходъ свое вліяніе. „Онъ бы еще могъ, онъ многое можетъ, но вотъ онъ не хочетъ, не хочетъ—чѣмъ же его разжалобить. Или у людей совсѣмъ нѣтъ сердца, или имъ радостно видѣть погибель невинныхъ.

— Андрей Иванычъ, голубчикъ, заливалась слезами Дарья Михайловна,—смилуйся же наконецъ, вѣдь есть же у тебя сердце. Ну, мужъ виноватъ, ну, я виновата, хоть не вѣдаю въ чемъ вина моя, ну насъ и казнить, да дѣтей за что-же? Вѣдь вотъ хоть бы Машенька; развѣ сама она — вѣдь отецъ рѣшилъ, противъ его воли она идти не могла. Ну, я глупая виновата можетъ въ этомъ дѣлѣ—сними мою голову, а дѣтей не губи!

— Ахъ, княгиня, да я-то тутъ при чемъ же, что-жь съ меня вы хотите? я ничего не могу, я ничего не знаю, я тутъ въ сторонѣ.

— Андрей Иванычъ! много ты можешь, не обманешь меня, знаю я все вѣдь... Андрей Иванычъ... Матушка сударыня моя, Марья Ивановна,—обращалась она и къ женѣ Остермана,—вѣдь вотъ и у васъ, Богъ дастъ, выростутъ дѣтки, вѣдь вотъ и съ вами бѣда можетъ приключиться, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, такъ хоть дѣтокъ ради, ради ихъ счастья будущаго, пожалѣйте вы меня несчастную: замолвите слово не за меня, а за дѣтей моихъ.

Эта сцена становилась слишкомъ длинной и слишкомъ тяжелой. Не смотря на все терпѣнье Остермана, онъ видѣлъ, что нужно же положить ей конецъ.

— Княгиня,—сказалъ онъ,—ей Богу мнѣ некогда, въ Верховный Совѣтъ спѣшить надо, туда нынче пріѣдетъ самъ Императоръ—боюсь опоздаю. И онъ рѣшительно вырвалъ свое платье изъ рукъ Дарьи Михайловны и ушелъ отъ нея. Она осталась вдвоемъ съ его женой.

— Такъ и у васъ нѣтъ никакого сердца, — съ ужасомъ взглянула она на баронессу,—и вы враги лютые... Забыла видно ты, сударыня, всѣ мои ласки, всю мою дружбу! Какъ нужна я была тебѣ, такъ руки у меня цѣловала, а вотъ теперь и слова за меня сказать не хочешь.

Баронесса Остерманъ, пріученная мужемъ къ сдержанности, не отвѣчала ни слова.

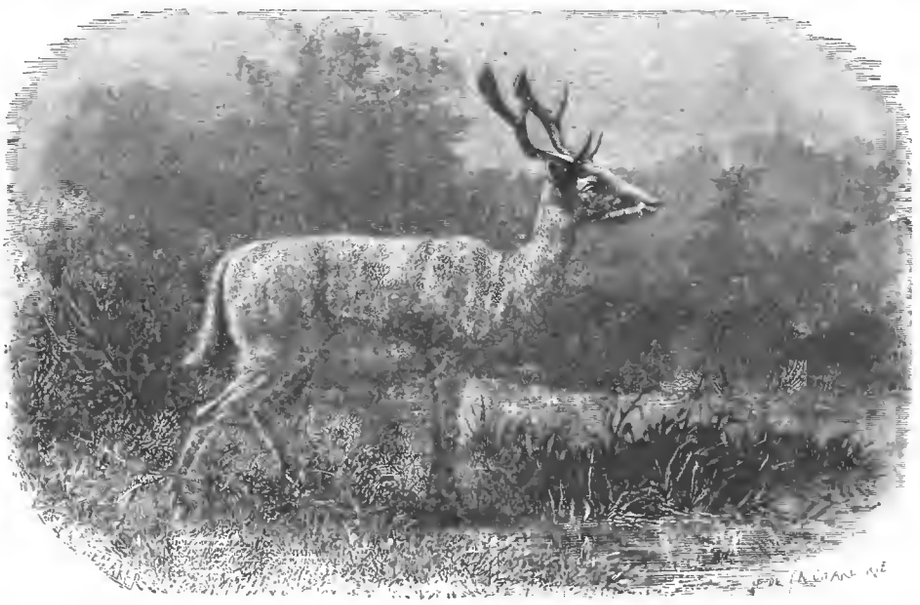
— Ну такъ вотъ что скажу я тебѣ,—снова заговорила Дарья Михайловна, поднимаясь;—она вдругъ перестала плакать, она вдругъ выпрямилась, какъ будто исчезла вся ея слабость и все ее отчаяніе, глаза ея вспыхнули. Такъ вотъ что я скажу тебѣ: попомнишь ты день этотъ и часъ этотъ попомнишь! Какъ меня теперь оттолкнула, такъ и тебя оттолкнутъ, какъ за моихъ дѣтей не заступилась, такъ и за твоихъ не заступятся, и у тебя будетъ та-же участь, что и у меня —и не въ комъ ты не найдешь поддержки въ день твой черный; за меня тебя Богъ накажетъ!

И Дарья Михайловна ушла отъ Остермана, оставивъ

Библиотека "Руниверс"

за собою послѣдній проблескъ надежды; теперь передъ нею не было даже и соломенки, за которую бы она могла ухватиться.

А въ это время въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ дѣйствительно самъ Императоръ засѣдать изволилъ. Твердою рукою подписывалъ онъ указъ: „Понеже мы всемилостивѣйшее намѣреніе взяли отъ сего времени сами въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствовать и всѣмъ указамъ отправленными быть за подписаніемъ собственной нашея руки и Верховнаго Тайнаго Совѣта: того ради повелѣли, дабы никакіе указы или письма, о какихъ бы дѣлахъ оные не были, которые отъ князя Меншикова или кого бы иного партикулярно писаны, или отправлены будутъ, не слушать и по онымъ отнюдь не исполнять подъ опасеніемъ нашего гнѣва и о семъ публиковать всенародно во всемъ государствѣ и въ войскѣ изъ Сената“. Только что былъ подписанъ указъ этотъ, какъ Государю принесли письмо Меншикова, пересланное имъ черезъ Салтыкова: „Всемилостивѣйшій Государь Императоръ, — писалъ Меншиковъ,— по вашего Императорскаго Величества указу сказанъ мнѣ арестъ и хотя никакого вымышленнаго передъ вашимъ величествомъ погрѣшенія въ совѣсти тамъ не нахожу, понеже все чинилъ я ради лучшей пользы вашего величества, въ чемъ свидѣтельствуюсь нелицемѣрнымъ судомъ Божіимъ, развѣ можетъ быть, что вашему величеству или вселюбезнѣйшей сестрицѣ вашей ея императорскому высочеству учинилъ въ забвеніи и невѣденіи или въ моихъ вашему величеству для пользы вашей представленіяхъ: и въ такомъ моемъ невѣденіи и недоумѣніи всечижайше прошу за вѣрныя мои къ вашему величеству извѣстныя службы всемилостивѣйшаго прощенія, и дабы ваше величество изволили повелѣть меня изъ подъ ареста свободить и памятуя изрѣченіе нашего Христа спасителя „да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ“. Сіе все предаю на всемилостивѣйшее вашего величества разсужденіе: я же обѣщаюсь мою къ вашему величеству вѣрность содержать даже до гроба моего“. Затѣмъ Меншиковъ писалъ, что самъ проситъ „для своей старости и болѣзни“ отъ всѣхъ дѣлъ его уволить. Дальше онъ оправдывался въ нѣкоторыхъ взведенныхъ на него обвиненіяхъ, разъясняя смыслъ сдѣланныхъ имъ приказаній и заканчивалъ письмо прося милостиваго прощенія.



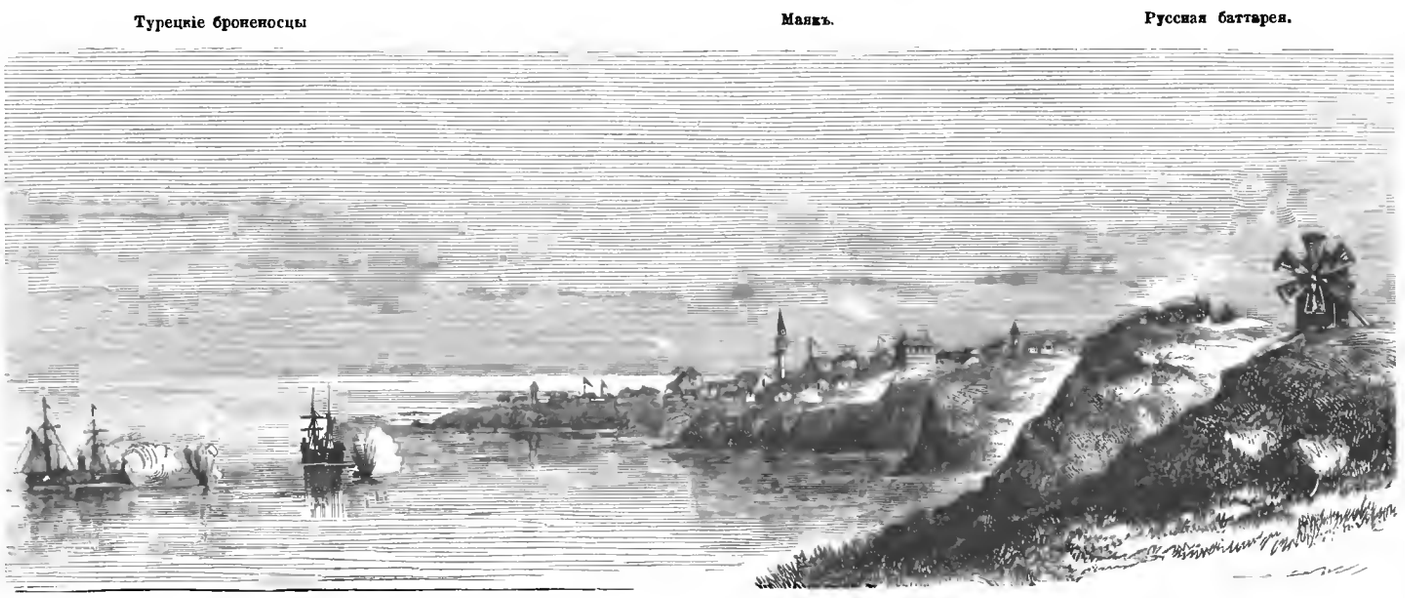
Лань. (Dama platuceros). Рис. Шарлери, грав. Паннемакеръ.

— Что же, Ваше Величество, обратился къ Императору Остерманъ,—прикажете мнѣ отвѣтъ князю Меншикову составить, или сами написать изволите?

— Я ничего не хочу отвѣчать на это письмо,—замѣтилъ Императоръ. Я даже жалѣю, что прочелъ его.

Такъ и не вышло Меншикову никакого отвѣта.

Въ этомъ же засѣданіи рѣшена была на первое время участь Александра Данилыча. Баронъ Остерманъ сочинилъ докладъ „о князѣ Меншиковѣ и о другихъ лицахъ къ нему близкихъ“ и резолюція заранѣе была



Городъ Кюстенджи на берегу Чернаго моря, занятый русскими войсками, XIV армейскаго корпуса.

Библиотека "Руниверс"

Угощеніе „изъ особенной бочки“. Картина Ф. Винса, грав. В.

Библиотека "Руниверс"

рѣшена такъ: „Меншикова лишить всѣхъ чиновъ и орденовъ и сослать въ дальнее имѣніе его Ораніенбургъ.

XII.

Въ мгновеніе ока по всему Петербургу распространилась вѣсть о паденіи Меншикова. Съ 8-го сентября быстро появлялись и приводились въ исполненіе распоряженія, касающіяся его скорѣйшей высылки къ мѣсту ссылки. Опять караулъ гвардіи стоялъ у всѣхъ входовъ и выходовъ меншиковскаго дома; но не съ той цѣлью уже стояли они, какъ во время пребыванія здѣсь Императора.

Меншиковъ упалъ духомъ, смирился и не подавалъ голоса. Письмо къ Императору, оставшееся безъ отвѣта, было послѣднимъ актомъ проявленія его сознательной воли. Теперь страшно похудѣвшій и измѣнившійся, состарѣвшійся на десять лѣтъ, опираясь на костыль, бродилъ онъ какъ тѣнь по своему пустѣющему дому. Много часовъ проводилъ онъ въ спальнѣ жены, у ея постели. Бѣдная Дарья Михайловна лежала недвижима; не вынесла она всего, что случилось въ послѣдніе дни и вернувшись домой отъ Остермана, не могла даже добраться до своей комнаты: жестокій припадокъ паралича отнялъ у нея ноги. Она тоже казалась теперь, въ своей постели, совершенно спокойною: не плакала, не стонала, не жаловалась—только молилась. Послѣ долгихъ лѣтъ супружеской и далеко не счастливой жизни несчастіе снова сблизило Данилыча и Дарьюшку. Она—недвижимая, разбитая, и онъ—еле шевелящійся, разбитый не меньше ея, поняли другъ друга; поняли, что только другъ въ другѣ, съ этой поры, они и могутъ имѣть поддержку; только они одни вдвоемъ и были на всемъ свѣтѣ: все отъ нихъ отшатнулось, даже дѣти не могли скрывать своего противъ нихъ раздраженія. И старики поняли, что дѣти, пожалуй, и правы.

А въ домѣ между тѣмъ то и дѣло появлялись должностныя лица, отбиравшія меншиковскія вещи, распоряжавшіяся его собственностью. Прежде всего отобрали у него и повезли во дворецъ андреевскую и александровскую кавалеріи, потомъ стали дѣлать опись всему его состоянію, а состояніе было страшное. У него оказалось девяносто одна тысяча душъ крестьянъ и семь милліоновъ тогдашнихъ рублей деньгами и банковыми билетами, но и этимъ, какъ говорили, еще не исчерпывалось все состояніе свѣтлѣйшаго: полагали, что многое онъ успѣлъ во время спрятать въ надежное мѣсто.

Невыносимое впечатлѣніе производилъ теперь этотъ огромный домъ; казалось, что въ немъ происходитъ дѣлежъ наслѣдства послѣ покойника. Но этотъ покойникъ еще былъ живъ: онъ былъ здѣсь и присутствовалъ при дѣлежѣ своего наслѣдства. Онъ былъ живъ и еще такъ недавно подписывался съ такимъ титуломъ: „Мы, Александръ Меншиковъ, римскаго і россійскаго государствъ князь, герцогъ Ижерскій, наслѣдный господинъ Аранибурха і иныхъ, его царскаго величества всероссійскаго первый действительной тайной совѣтникъ, командующій генералъ фельтъ-маршалъ войскъ генералъ-губернаторъ губерніи Санктъпитербурхской и многихъ провинцей его императорскаго величества кавалѣръ Святаго Андрѣя і Слона і Бѣлаго і Чернаго Орловъ. і пр. і пр. і пр.

Теперь герцогъ Ижорскій былъ простымъ разслабленнымъ старикомъ; вся его жизнь до послѣдняго времени представлялась ему какъ какое-то далекое сновидѣніе, ему казалось, что вотъ только теперь и есть настоящая жизнь—что онъ проснулся.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Русскіе генералы: Гурко, Раухъ, Скобелевъ, Витгенштейнъ, прусскій уполномоченный фонъ-Лигницъ и др. предъ трупами звѣрски замученныхъ русскихъ солдатъ.

Было бы страшно и тяжело сосчитать хотя малую часть эпизодовъ турецкаго и баши-бузукскаго звѣрства. Теперь у всѣхъ однако, въ свѣжей памяти кровавый эпизодъ у Шипки.

Всѣхъ нашихъ раненыхъ послѣ геройскаго боя 7-го (19-го) іюля, какъ единогласно утверждаютъ иностранные корреспонденты, турки обезглавили и изуродовали. Въ одномъ мѣстѣ лежитъ куча головъ, около 30-ти, въ другихъ мѣстахъ лежатъ тѣла, обезображенныя, съ обрубленными руками, ногами. По судорожнымъ положеніямъ рукъ и ногъ, видно, что изверги мучили свои жертвы, медленно рѣзали ихъ въ куски. Отрѣзанныя головы турки обыкновенно кладутъ кучами, такъ что тѣло, которому принадлежитъ голова, приходится искать далеко въ другомъ мѣстѣ. Напримѣръ, послѣ боя на Шипкинскомъ перевалѣ, былъ раненъ начальникъ нашихъ пластуновъ, эсаулъ Баштаникъ; онъ попалъ въ плѣнъ. Какъ и слѣдовало ожидать отъ турокъ, храбрый эсаулъ долженъ былъ умереть страшною, медленною смертью: послѣ многихъ истязаній, ему отрѣзали голову, а трупъ его остался такъ далеко, что только съ усиленнымъ трудомъ можно было его найдти. Тѣла нѣсколькихъ нашихъ санитаровъ тоже были находимы безъ головъ.

Нашъ рисунокъ, прилагаемый здѣсь, представляетъ сцену, тысячу разъ извѣстную еще во времена Атиллы и, къ несчастію, повторившуюся множество разъ въ XIX вѣкѣ. Эта сцена: изуродованные, разорванные на части, поруганные трупы нашихъ русскихъ солдатъ, этихъ честныхъ бойцовъ за свободу своихъ угнетенныхъ братьевъ. Здѣсь присутствуютъ: генералы Гурко, Раухъ, Скобелевъ, Витгенштейнъ и прусскій уполномоченный фонъ-Лигницъ. Негодованіе на звѣрство характеризуетъ всю группу—это выражается въ позахъ и въ выраженіи лицъ присутствующихъ. Они замѣтно потрясены всѣ до глубины души тѣмъ, что имъ пришлось увидѣть, и обнажили свои головы, невольно благоговѣя передъ трупами страдальцевъ, пріявшихъ мученическую кончину.

Лань (Dama platyceros).

Platyceros Плинія и Prox Аристотеля сдѣлались извѣстны намъ подъ именемъ лани. Сочиненія этихъ древнихъ авторовъ, упоминающія красивую лань, ясно доказываютъ намъ, что это животное хорошо извѣстно было и древнимъ народамъ, но мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что родиною лани должны быть непремѣнно теплыя страны Европы, врядъ ли справедливо, во первыхъ потому, что историческіе факты рѣшительно подтверждаютъ существованіе ея въ средней и даже сѣверной Европѣ; такъ, напримѣръ, писатель, жившій въ концѣ десятаго и началѣ одиннадцатаго столѣтій, и именно Сенъ-Галленскій монахъ Экгардъ, пишетъ, что между животными, за которыми часто охотятся нѣмцы, первенствуетъ лань; кромѣ Экгарда пишутъ о *бѣлой лани* другіе писатели среднихъ вѣковъ и, наконецъ, недавно открытыя древне-германскія гробницы между Виттенбергомъ и Шлибеномъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ человѣческими тѣлами были погребены лани, лучше всего доказываютъ, что это животное жило въ среднихъ и сѣверныхъ полосахъ доисторической Германіи, когда люди, въ простотѣ своего первобытнаго невѣдѣнія, конечно, и не помышляли объ акклиматизаціи растеній и животныхъ.

Теперь стада ланей вообще стали очень немногочисленны, и Англія представляетъ единственный примѣръ значительнаго ихъ размноженія. Впрочемъ и не удивительно: здѣсь особенно обращаютъ вниманіе на разведеніе ихъ не только въ зоологическихъ и общественныхъ садахъ, но и въ паркахъ частныхъ лицъ. Лань, по своему наружному виду и по очертанію своихъ роговъ, имѣетъ большое сходство съ сѣвернымъ оленемъ; развѣтвленные рога ея отличаются отъ оленьихъ только тѣмъ, что къ оконечностямъ переходятъ въ широкую лопасть, отдѣляющую отъ себя маленькіе отростки, тогда какъ рога оленей оканчиваются одними простыми развѣтвленіями, безъ всякихъ расширеній.

Лань значительно менѣе оленя. Длина ея отъ головы до хвостового корня не болѣе четырехъ футовъ и десяти дюймовъ, а вышина около трехъ или три фута. Ноги короче оленьихъ; туловище сравнительно толще, хвостъ же длиннѣе. Врядъ ли найдется въ нашихъ широтахъ другое животное, которое было бы болѣе разнообразно въ цвѣтѣ шерсти, какъ лань. Какъ цвѣтъ ногъ, такъ и цвѣтъ шерсти туловища измѣняется и по возрасту животнаго, и по различнымъ временамъ года. Въ лѣтнее время спина лани, бедра и хвостъ бываютъ рыжевато-бурые, а внутреннія части тѣла, ноги и самый хребетъ бѣлые. Около рта и глазъ бываютъ черныя кольца или ободки. Зимою общій цвѣтъ тѣла превращается въ буро-сѣрый,

Библиотека "Руниверс"

а на спинѣ и на бокахъ въ черноватый. Особенно красивы бываютъ бѣлыя лани, у которыхъ вся шерсть какъ на спинѣ, такъ на бокахъ и на ногахъ положительно бѣлая; эти лани встрѣчаются довольно рѣдко, но самая большая рѣдкость—это лани черныя, которыя потому и цѣнятся любителями очень дорого. Молодые самцы бываютъ бѣловато-желтаго цвѣта, который съ годами переходитъ въ обыкновенные цвѣта. Лань по быстротѣ никакъ нельзя сравнить съ легкою серною, она уступаетъ въ этомъ даже оленю, потому что вообще не очень любитъ скоро бѣгать и бѣжитъ рысью только въ исключительныхъ обстоятельствахъ жизни, или въ случаѣ опасности, то есть преслѣдованія людьми и разными животными, или подъ вліяніемъ особой радости. Скачки, дѣлаемые ланью, чрезвычайно оригинальны, она скачетъ всегда разомъ всѣми четырьмя ногами, чего не дѣлаетъ, какъ кажется, положительно ни одно животное. Во время бѣга всегда поднимаетъ свой хвостъ вверхъ, а поджимаетъ его только въ случаѣ болѣзни или испуга. Какъ ни оригинальна кажется скачка лани, тѣмъ не менѣе должно отдать ей полную справедливость въ томъ, что она скачетъ отлично и притомъ чрезвычайно высоко, такъ что весьма высокіе заборы и насыпи, футовъ въ шесть или даже въ сажень, не служатъ ей ни малѣйшимъ препятствіемъ. Кромѣ способности отлично скакать, лань отличается еще способностью превосходно плавать; спать же ложится также весьма оригинально, не опускаясь никогда на бокъ, а разомъ на всѣ четыре поджатыя ноги. Лань не прихотлива на кормъ, довольствуясь мхами и лишаями, но считаетъ большимъ лакомствомъ молодую древесную кору и сдираетъ ее безпощадно съ молодыхъ деревьевъ, чѣмъ сильно вредитъ лѣсамъ. Неразборчивость въ пищѣ часто дѣлается причиною ея гибели; не умѣя отличать, подобно другимъ животнымъ, ядовитыхъ растеній отъ полезныхъ, она наѣдается ими и околѣваетъ въ судорогахъ и сильныхъ мученіяхъ. Въ зоологическихъ садахъ, гдѣ имѣются опытные и ученые ветеринары, ее спасаютъ иногда немедленно принятыми мѣрами, но на волѣ, гдѣ далека помощь человѣческаго ума, она часто дѣлается жертвою своей неосторожности или неразборчивости. Такъ, въ берлинскомъ зоологическомъ саду однажды пало все находившееся тамъ стадо отъ того, что объѣлось ядовитыми губками, что оказалось лишь по вскрытіи мертвыхъ тѣлъ, а принятыя до того мѣры всѣ оказались безполезными, потому что никому не приходило въ голову, чтобы лани могли употребить въ пищу такой предметъ, какъ губка.

Эти животныя бываютъ очень привязаны къ одному мѣсту, а потому въ паркахъ и садахъ, гдѣ ихъ содержатъ, мало заботятся о присмотрѣ за ними, зная очень хорошо, что они никуда не убѣгутъ. Въ лѣтнее время старые самцы обыкновенно живутъ въ одиночествѣ, а самки въ обществѣ своихъ телятъ и годовалыхъ ланей, но едва наступитъ октябрь, самцы находятся въ самомъ возбужденномъ состояніи, отыскиваютъ свои стада, снова примыкаютъ къ нимъ и отгоняютъ въ это время въ полное одиночество молодыхъ самцовъ, которые возвращаются опять къ стаду, когда первые покинутъ самокъ и уйдутъ опять въ свое обычное уединеніе. Періодъ любви ланей-самокъ и ланей-самцовъ продолжается обыкновенно не болѣе двухъ или двухъ съ половиною недѣль. Въ это время самецъ окружаетъ себя не болѣе, какъ восьмью самками, которыя всѣ дѣлаются стельными. Беременность ихъ продолжается восемь мѣсяцевъ, послѣ чего онѣ рождаютъ обыкновенно по одному дѣтенышу, который въ первое время бываетъ совершенно безпомощнымъ. Въ это время маленькіе хищные звѣри стремятся похитить такой лакомый для нихъ кусокъ, но нѣжная и бдительная мать отгоняетъ или умерщвляетъ ихъ сильными ударами своихъ переднихъ ногъ. Но когда происходитъ нападеніе такихъ звѣрей, съ которыми она не можетъ справиться, то прибѣгаетъ къ сгѣдующей хитрости: отходя отъ своего дѣтеныша на значительное разстояніе, привлекаетъ вниманіе звѣря къ себѣ, чтобы этимъ спасти свое дѣтище, хотя бы и погибнуть самой. Тутъ она обращается въ притворное бѣгство; звѣрь, конечно, гонится за ней и когда она, какъ своимъ быстрымъ бѣгомъ, такъ и окольными зигзагами измучитъ его до полнаго изнеможенія, то видя себя вполнѣ безопасною отъ преслѣдованія, украдкою возвращается окольными путями къ временно покинутому дѣтищу, причемъ обнаруживаетъ невѣроятную способность немедленно отыскать его.

Рога молодыхъ ланей ростутъ и увеличиваются съ каждымъ годомъ постепенно. Сначала, то есть на первомъ году, выступаютъ на лбу шишки, которыя къ концу года развиваются въ рога, на второмъ, третьемъ и четвертомъ рога удлиняются, пріобрѣтая боковыя шишковатости, а на пятомъ образуются уже лопасти и дальнѣйшія развѣтвленія.

Если поймать лань въ молодости и вскормить ее въ домѣ коровьимъ или козьимъ молокомъ, то она дѣлается вполнѣ ручною и до того привязанною къ человѣку, что всюду слѣдуетъ за нимъ, какъ самая преданная собака. Мясо ланей, особенно жирныхъ самцовъ, такъ нѣжно и вкусно, что составляетъ лакомое блюдо даже на самыхъ взыскательныхъ обѣдахъ, но вкусно оно только въ лѣтнее время, то есть въ іюнѣ, іюлѣ, августѣ и осеннемъ мѣсяцѣ сентябрѣ, но съ октября теряетъ свой прекрасный вкусъ и получаетъ непріятный козій запахъ.

Н. Зуевъ.

Кюстенджи и его стратегическое значеніе.

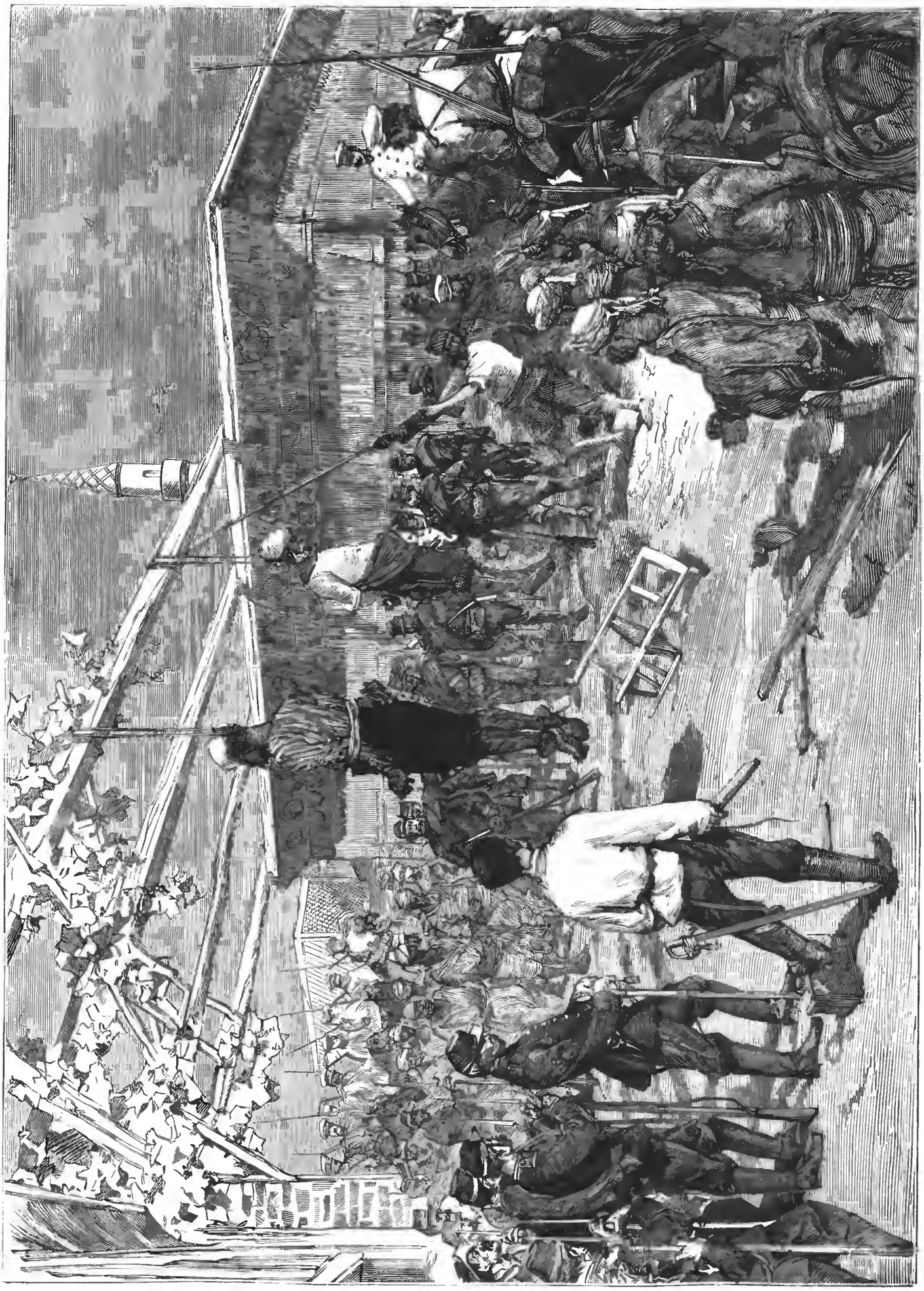
Кюстенджи или *Кюстендже*—это небольшой турецкій городокъ съ 3,000 жителей, расположенный на самомъ берегу Чернаго моря, на полпути между крѣпостью Варною и Дунайскими гирлами; городъ расположенъ на высокомъ мысѣ, который съ такою рѣзкостью выдвигается дугообразно въ море, что почти не достигаемъ для пѣшеходовъ и единственная дорожка на высоту идетъ только съ западной стороны. Кюстенджи застроенъ нѣсколькими купами бѣдныхъ хижинъ, расположенныхъ по окраинамъ береговъ, а въ серединѣ ихъ возвышается мечеть съ минаретомъ. Высота холма, на которомъ возвышается городъ, простирается до 150 англ. футовъ надъ поверхностью моря, и мысъ Кюстендже вдвигается въ море такъ, что у городскаго берега образуется открытая бухта, устроенная еще римлянами. Отъ края мыса, по направленію къ югу, накидана въ море на небольшомъ разстояніи отъ берега, груда камней, образующая родъ каменной дамбы, которая когда-то имѣла значительную ширину и закрывала бухту отъ морскихъ волнъ. Но во все время владычества турокъ на Черномъ морѣ дамба бухты не исправлялась вплоть до 1857 года (тогда только что начались приготовленія къ ея исправленію). По замѣчанію знаменитаго Мольтке, нѣкогда путешествовавшаго по Турціи и изучавшаго ея военныя средства и сооруженія, только не многія и небольшія суда могутъ стоять въ бухтѣ Кюстендже на якорѣ; военные же корабли не могутъ безъ большой опасности приближаться къ ней на разстояніе выстрѣла. Въ періодъ Крымской войны въ этой бухтѣ могло помѣщаться отъ 12 до 15 судовъ; но затѣмъ бухта еще болѣе засорилась. Самъ Кюстенджи въ 1853 году былъ почти совершенно разрушенъ канонадою съ нашихъ судовъ, однако войска наши не входили въ самый городъ.

Послѣ Крымской войны англичане обѣщали туркамъ исправить Кюстенджи, превративъ этотъ городъ въ неодолимую крѣпость и съ моря, и съ суши. Тотчасъ по заключеніи Парижскаго трактата, въ Кюстенджи налетѣли англійскіе инженеры, капиталисты, торговцы, разные прожекторы и т. д. Занялись изслѣдованіемъ бухты и нивеллировкою мѣстности. Предлагали различные проекты соединенія *Черноводы* (на Дунаѣ, къ сѣверозападу отъ Кюстенджи) или каналомъ, или желѣзною дорогою. Послѣ долгихъ обсужденій, турецкое правительство дало предпочтеніе желѣзной дорогѣ, и эта дорога, по времени сооруженія, есть *первая* желѣзная дорога въ Европейской Турціи. Протяженіе ея 45 англійскихъ миль и построена она въ теченіи 1857—62 годовъ англійскими инженерами, англійскою компаніей и на англійскія деньги.

По мнѣнію Мольтке, линія Черноводы-Кюстенджи имѣетъ весьма важное стратегическое значеніе. Это явствуетъ уже изъ того, что и у римлянъ была здѣсь стратегическая линія (ибо линія знаменитаго Троянова вала параллельна теперешней желѣзно-дорожной линіи Кюстенджи-Черноводы). Желѣзнодорожная линія эта идетъ отъ бухты Кюстенджи на сѣверозападъ по холмамъ, направляющимся отъ мыса къ сѣверозападу, и достигаетъ потомъ долины Карассу, въ которой рельсы положены на берегу озера Козимце, затѣмъ перекинуты черезъ рѣчку *Черноводу*, продолжены по сѣверному берегу озера Карассу и доведены до города *Черноводы*, расположеннаго вблизи устья рѣчки того же имени, впадающей въ Дунай. На линіи дороги лежитъ основанный въ 1857 году крымскими татарами городъ Меджидіэ, и съ 1,500 жителей, чрезъ этотъ городъ проходитъ и дорога. Само собою разумѣется, что здѣсь проведенъ и телеграфъ, и Кюстенджи уже самый крайній сѣверный предѣлъ турецкихъ телеграфныхъ сообщеній.

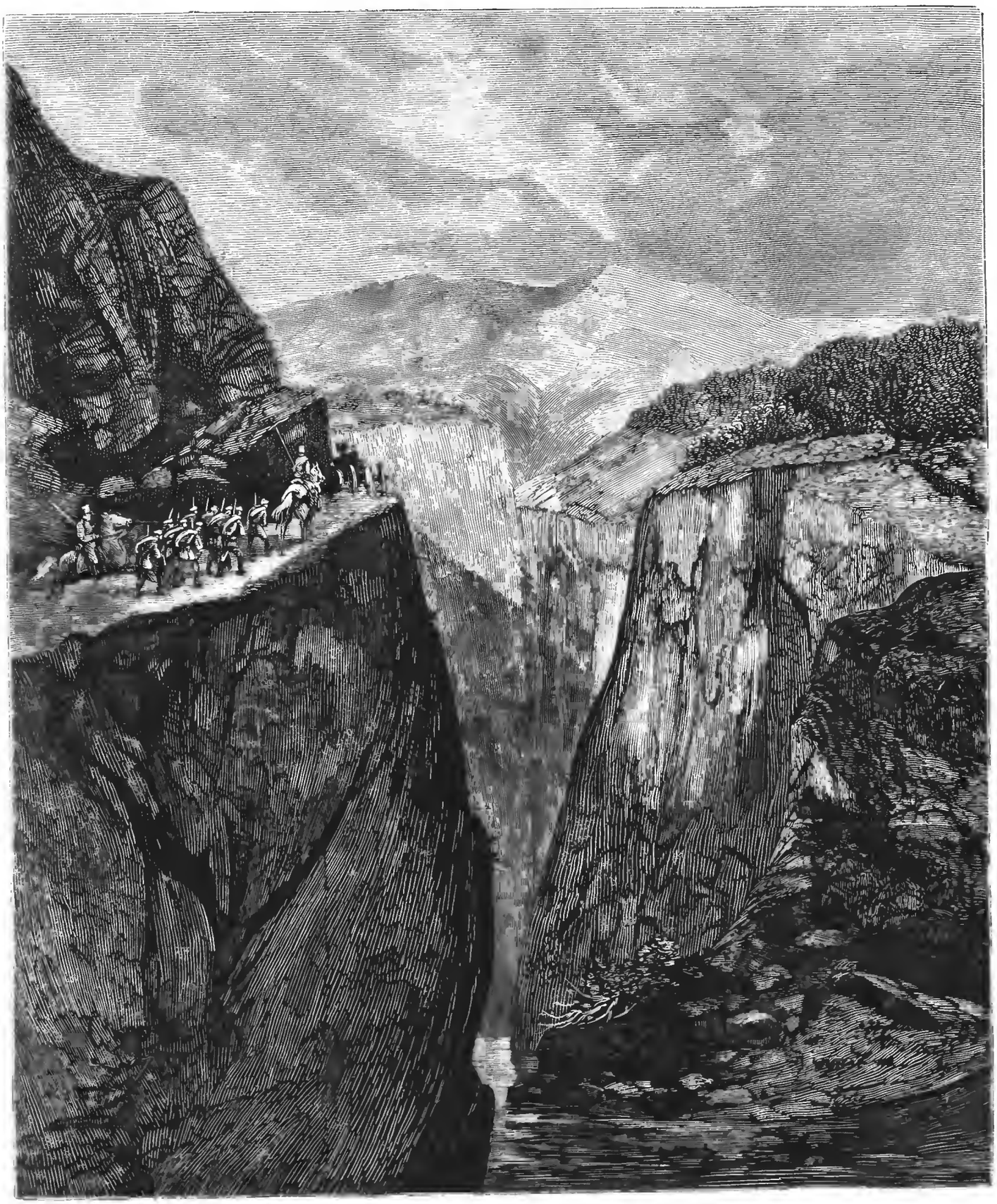
Въ началѣ настоящей войны турки довольно значительно укрѣпили Кюстенджи и Черноводы, оставивъ тамъ отряды и усиливъ ихъ отрядами изъ Матчина и Гирсово. Въ бухтѣ Кюстенджи они заложили торпеды, а оборонительныя средства всей линіи поставлены въ связь съ операціями Рассовой, Силистріи, Шумлы и Варны. Оборонительная линія эта была поручена Фалери-бею, бывшему коменданту Тульчи. Но затѣмъ мы знаемъ, что наши войска, корпуса генерала Циммермана, вскорѣ по переходѣ черезъ Дунай и взятія Матчина, побѣдоносно двинулись впередъ и овладѣли Кюстенджи. Войска генерала Циммермана раздѣлись здѣсь на два отряда: *первый* отрядъ занялъ Матчинъ, Гирсову, Черноводы, Меджидіэ (городъ крымскихъ татаръ) Рассову и подвигается къ Силистріи. тогда какъ *второй* (такъ-называемый приморскій) отрядъ занялъ Кюстенджи, дорогу къ Базарджику и гор. Мангалію (гораздо южнѣе Кюстенджи). Въ послѣднее время константинопольскія телеграммы распространили слухъ, что Кюстенджи взято турками. Извѣстіе оказалось вздорнымъ. Теперь мы знаемъ, что Кюстенджи сильнѣйшимъ образомъ укрѣпленъ русскими и вооруженъ крѣпостными орудіями, что телеграфное сообщеніе между Кюстенджи и Черноводами порвано, что въ Кюстенджи сооружены 4 баттареи большого калибра и что вторженіе со стороны турокъ сдѣлалось теперь невозможнымъ... **О.**

Библиотека "Руниверс"



Осужденіе на смерть баши-бузуковъ, по рѣшенію турецко-болгарской судебной коммисіи въ Казанлыкѣ.
По наброску французскаго корреспондента „Monde illustré", грав. Бейермана.

Библиотека "Руниверс"



Ханкіойскій проходъ въ Валканахъ. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Угощеніе „изъ особенной бочки".

(По поводу рисунка).

Въ Европѣ „угощаютъ" не по нашему, но, думаемъ, что и тамъ „не безъ грѣха", и тамъ тоже накачиваются виномъ какъ говорится „до зеленаго змія", но съ тою разницею, что накачиваются безъ угощенія такъ сказать, по доброй волѣ и на свои собственныя средства. Угощеніе тамъ болѣе „галантерейное". Тамъ зачастую приглашаютъ такъ:

— Когда напьетесь дома чаю, то приходите къ намъ вечеркомъ въ саду погулять.

У насъ-же иногда бываетъ, что если зовутъ „на чашку чаю", то для приглашаемаго предстоитъ удовольствіе увидѣть баттареи бутылокъ, графиновъ, массы закусокъ и пирогъ въ аршинъ, и радушный хозяинъ будетъ приставать, прося выпить.

— Пожалуйте съ... Нельзя—порядокъ!

И когда гость станетъ отнѣкиваться, хозяинъ неуклонно будетъ приставать:

— Покорнѣйше прошу... Невозможно-съ безъ этого: вино „изъ особенной бочки". Значитъ, хочешь-не хочешь, а пить надо.

И дойдетъ потомъ это угощеніе виномъ „изъ особенной бочки" до того, что гостя за горло хватаютъ и вмѣсто ласковаго „покорнѣйше прошу" кричатъ ему повелительно: пей!

Такая „чашка чаю" теперь, впрочемъ уже явленіе не петербургское. Здѣсь тоже во многихъ случаяхъ угощаютъ „по европейски". Даже въ Москвѣ и за Москвой на Волгѣ, Окѣ и Камѣ такая „чашка чаю" явленіе не всегда обыденное. Теперь иной разъ смотритъ внимательный человѣкъ на хозяйскія рюмки, разставленныя на столѣ съ закускою и съ грустью замѣчаетъ:

— Рюмки-то у васъ совсѣмъ не по нонѣшнему времени.

— А что? спрашиваетъ удивленный хозяинъ.

— Да велики очень: нынче все пошло поменьше и народъ мельче, и рюмки, и правда, знаете-ли, какъ то тоже помельче.

Можетъ-быть это и вѣрное замѣчаніе, т. е. на счетъ измельчанія.

Но во всякомъ случаѣ, мельчаетъ-ли правда или нѣтъ, рюмки-то въ самомъ дѣлѣ стали дѣлать „по нонѣшнему времени", да и самое угощеніе „изъ особенной бочки" уже въ рѣдкость.

Угощаетъ, напримѣръ, уѣздный купчикъ барышню, мармеладомъ и тоже знакомую фразу повторяетъ:

— Пожалуйста, сдѣлайте милость, мармеладъ изъ особенной бочки-съ...

— Пожалуйста безъ комплиментовъ! рѣзко заявляетъ барышня, знаю я васъ.

— Помилуйте, нѣшто я въ обиду; какъ есть отъ сердца.

— Разсказывайте, знаю я васъ: прошлый разъ тоже угощали мармеладомъ „изъ особенной бочки", а у меня котенокъ отъ него чуть не подохъ, три дня хворалъ и теперь все еще не въ своемъ умѣ ходитъ, такой сдѣлался заду-умчивый...

— Ахъ, какая жалость... Это онъ, сударыня, можетъ быть такъ отъ скуки, а не то чтобъ мармеладъ... Я для васъ нарочно, повѣрьте „изъ особенной бочки".

Такъ увѣряетъ купчикъ, а посмотрѣть если поближе, да повнимательнѣе, то и окажется, что изъ особенной бочки мармеладъ лежитъ давнымъ давно гдѣ-нибудь около мѣднаго купороса, и недаромъ отъ него котята ходятъ „не въ своемъ умѣ".

Да, теперь все цивилизуется, и рюмки меньше, и мармеладъ съ мѣднымъ купоросомъ и рѣдко, рѣдко встрѣтишь такое простодушное приглашеніе:

— Кушайте—не скучайте.

Не правда-ли, какъ много въ этомъ словѣ старины, сколько мира, тишины и спокойствія.

Не знаю, угощаютъ ли въ Европѣ такъ. Но угощеніе, изображенное на прилагаемомъ рисункѣ всего скорѣе можетъ быть понято именно въ томъ смыслѣ, что гостю предложено вино „изъ особенной бочки", да еще и изъ большого стакана. Онъ какъ будто тоже всматривается въ стаканъ и говоритъ ту-же фразу: „Стаканъ-то у васъ совсѣмъ не по нонѣшнему времени".

Но несомнѣнно, что и тамъ найдется не мало такихъ лицъ, которыя не разъ съ грустью вздохнутъ при воспоминаніи о давно минувшей старинѣ, когда, угощая гостей, хозяинъ простодушно говорилъ: кушайте—не скучайте.

Я.

Осужденіе на смерть баши-бузуковъ.

Всякому великодушію бываютъ предѣлы. На звѣрства баши-бузуковъ мы отвѣчали гуманнымъ распоряженіемъ щадить жизнь плѣннаго врага и притомъ нашъ въ высшей степени добродушный и дисциплинированный солдатъ самъ, даже безъ внѣшнихъ побужденій и приказаній начальства, не тронетъ безоружнаго и безпомощнаго врага, какъ бы онъ ни былъ огорченъ и озлобленъ на него. Да, всѣ крики о „русскихъ звѣрствахъ", благодаря стараніямъ туркофиловъ, разнесшіеся-было по Европѣ, оказались предумышленною клеветою, отъ которой теперь благоразумно отлыниваютъ и самые виновники ея...

Великодушіе и прощеніе—прекрасно, но и правосудіе должно имѣть мѣсто. Таковой актъ правосудія совершился послѣ занятія генераломъ Гурко Шипки надъ нѣсколькими баши-бузуками. Въ примѣръ прочимъ, надъ ними, по приговору смѣшанной болгарско-русской коммисіи, учрежденъ военный судъ, приговорившій ихъ къ повѣшенію. Обстоятельства дѣла состоятъ въ слѣдующемъ:

Послѣ взятія Шипки наши войска двинулись къ Казанлыку; турки же, испугавшись напора русскихъ со всѣхъ сторонъ, оставили городъ безъ сопротивленія. Вблизи Шипки наши войска встрѣтили своихъ павшихъ и раненыхъ собратьевъ изъ 2-хъ ротъ Орловскаго полка. Убитыхъ съ честью похоронили, а раненымъ, по возможности, оказали медицинскую помощь, хотя помощь эта для многихъ была слишкомъ позднею. Истязанные и изувѣченные баши-бузуками, едва дышащіе и стонущіе, они были безнадежны для жизни... У однихъ были отрѣзаны уши и носы, выколоты глаза, у другихъ взрѣзанъ животъ. Это зрѣлище такъ потрясло весь отрядъ, пришедшій на это поле страданій и смерти, что многіе зарыдали. Невдалекѣ еще оставалась шайка баши-бузуковъ, состоящая изъ 5 человѣкъ. Какъ степные шакалы, дико завывая, они потѣшались своими скалпелями надъ двумя нашими ранеными офицерами. Эти изверги были взяты и приговорены къ смерти, что и было немедленно исполнено.

Нашъ рисунокъ представляетъ одну изъ сценъ, когда обсуждался особою коммисіей смертный приговоръ надъ баши-бузуками, пойманными на мѣстѣ преступленія. Это принадлежитъ тоже къ памятному Шипкинскому эпизоду.

Хайнкіойскій проходъ въ Балканахъ и редутъ св. Николая близь Шипки.

Если направиться къ Балканамъ отъ Тырнова, по справедливости считающагося центромъ, отъ котораго лучеобразно идутъ стратегическіе и торговые пути по всѣмъ направленіямъ, то влѣво, въ восточной сторонѣ Балканскаго гребня, мы будемъ имѣть такъ называемый *Елена-Балканъ*. Три параллельные другъ другу перевала или прохода ведутъ черезъ него на югъ, въ долину рѣки Тунджи. Средній изъ этихъ проходовъ и есть Хайнкіойскій проходъ, получившій свое названіе отъ деревни *Хайнкіой*, лежащей за переваломъ. Хайнкіойскій проходъ, какъ это видно и на прилагаемомъ рисункѣ, страшно утесистъ и линія, составляющая его узкую дорогу, извилиста. Какъ грозныя стѣны, стоятъ мрачные утесы, а внизу чернѣютъ пропасти. Въ геологическомъ отношеніи часть этихъ отвѣсныхъ горныхъ стѣнъ, представляющихся особенно грандіозными съ юга, состоитъ изъ гранита и изъ первобытнаго глинистаго и слюдянистаго шифера. Геологическая особенность Балканскаго хребта состоитъ въ томъ, что въ западной его части, до того пункта, гдѣ рѣка *Искеръ* перерѣзываетъ его мощный гребень (недалеко отъ Софіи) онъ состоитъ изъ массъ известняка; затѣмъ, подвигаясь отъ Искера къ востоку, мы встрѣчаемъ преобладаніе массъ шифера съ залежами серебра и мѣди, особенно у истоковъ рѣки Осмы. Затѣмъ далѣе, за Шипкою, слѣдуютъ какъ преобладающіе *гранитъ* и *гнейсъ*.

Проходъ Хайнкіой лежитъ какъ разъ въ той части Балканъ, гдѣ представляется переходъ отъ глинистаго шифера къ граниту и гнейсу. Съ южной стороны скалы совершенно отвѣсны и оттого онъ представляется съ этой стороны неприступнымъ.

Изъ газетныхъ свѣдѣній, какъ ни много говорится тамъ объ этомъ предметѣ, трудно составить ясное понятіе, какое именно значеніе имѣетъ долина р. Тунджи и какое отношеніе имѣетъ самая Тунджа къ Балканамъ. Балканы состоятъ изъ параллельныхъ горныхъ хребтовъ, изъ которыхъ одинъ главный, и о немъ мы уже сейчасъ говорили. Изъ второстепенныхъ важнѣйшій *Караджа-Даг*ъ (или Средняя Гора). Начинаясь у Ямболя, онъ идетъ съ востока къ западу, параллельно главному хребту Балканъ и на югъ отъ него, и между нимъ и главнымъ хребтомъ тянется долина или, точнѣе, котловина Тунджи до самаго истока этой рѣки, гдѣ кончается и Караджа-дагъ. Въ этой-то котловинѣ лежатъ и Калоферъ и Казанлыкъ. Южная сторона Караджа-Дага покрыта роскошными виноградниками и у южнаго подножія его начинается необозримая равнина верхней Ѳракіи, роскошно плодородная. Въ туманной дали поднимается величественное очертаніе горы *Родопа* и лежатъ города Эски-Загора и Эни-Загора *). Засимъ уже отсюда легко проникнуть и въ долину Морицы и овладѣть важнѣйшими торговыми путями Турціи.

Скажемъ нѣсколько словъ о редутѣ св. Николая.

Къ проходамъ черезъ Балканскія горы и особенно Шипкѣ (Шипка лежитъ къ западу отъ Хайнкіойя) примыкаютъ укрѣпленія или верки. Это шанцы или редуты, охраняющіе подступъ къ переваламъ со стороны непріятеля. Около Шипки этихъ верковъ *три*, и важнѣйшій изъ нихъ редутъ св. Николая. Высота этого редута господствуетъ надъ всей мѣстностью, и потому понятно и его важное значеніе. Во время ожесточеннаго боя на Шипкѣ (см. въ этомъ же № стр. 570) турки преимущественно употребляли усилія отнять этотъ редутъ, однакожь, безуспѣшно. Наши герои отстояли его съ тою же твердостью, какъ и самую Шипку.

*) То есть неправильно называемыя въ газетахъ Іени-Загра и Іесин-Загра. Болгары называютъ эти города: *Новая* и *Старая Загора* (то есть находящаяся за горами) *Іени* и *Эски*—турецкія прилагательныя и значатъ *старый* и *новый*.

Библиотека "Руниверс"

Новое изобрѣтеніе.

Телектроскопъ. Изобрѣтенъ электрическій приборъ, посредствомъ котораго всякій предметъ, находящійся, положимъ, въ Нью-Іоркѣ, можетъ быть видимъ совершенно отчетливо въ Петербургѣ и при томъ не въ видѣ фотографическаго изображенія, а такъ сказать во-очію, со всѣми характеристическими особенностями его и даже въ состояніи движенія. Приборъ, служащій для подобной передачи изображеній, дѣйствуетъ при посредствѣ электрическаго тока и названъ *телектроскопомъ*, т. е. далеко-смотрящимъ. Онъ играетъ совершенно такую же роль относительно нашихъ органовъ зрѣнія, какую играетъ телефонъ, относительно органовъ слуха. (См. «Ниву» № 12). Идея устройства телектроскопа состоитъ въ слѣдующемъ: на станціи отправленія устраивается родъ ширмы, или перегородки, усѣянной множествомъ торчащихъ перпендикулярно къ плоскости этой перегородки проволочныхъ иголъ. Эти иглы расположены такъ близко одна отъ другой, что представляютъ собой родъ щетинистой поверхности. Каждая игла представляетъ собою конецъ электрическаго проводника. Передъ подобною перегородкою помѣщается лицо или предметъ, изображеніе котораго хотятъ передать. Различная игра свѣта и тѣней, производимая контурами предмета, воспринимается чувствительными щетинками (черезъ которыя пропускается электрическій токъ), и будучи передана телеграфнымъ проводникомъ на станцію назначенія, воспроизводится тамъ, посредствомъ аналогичнаго аппарата, въ видѣ изображенія совершенно сходнаго съ тѣмъ, которое находится на станціи отправленія. По словамъ бостонскихъ газетъ, опыты надъ телектроскопомъ, произведенные въ этомъ городѣ, въ присутствіи многочисленнаго собранія публики, увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Изобрѣтатель телефона Граамъ Белль намѣренъ, по сообщенію тѣхъ же газетъ, купить привиллегію на телектроскопъ и, сочетавъ его съ телефономъ, давать сеансы, на которыхъ жители Нью-Іорка, Бостона или С. Франциско, не только услышатъ оперу, разыгрываемую въ Лондонѣ или Парижѣ но и будутъ отчетливо видѣть физіономіи и игру исполнителей.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Ловча, сильно укрѣпленный городъ на р. Осмѣ (къ юго-востоку отъ Плевны), 22-го августа взята нашими войсками приступомъ. Этимъ взятіемъ мы сдѣлали громадно важное стратегическое и тактическое пріобрѣтеніе. Битва подъ Ловчею начата была турками, которые сдѣлали бѣшеное нападеніе. Наши мужественныя войска отбили при этомъ цѣлыхъ 9-ть аттакъ, непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою, затѣмъ загнали турокъ въ городъ, куда ворвались за ними и сами. Послѣ ужасной, ожесточенной борьбы на улицахъ, турки были выгнаны изъ города съ другого его конца. Героями этого славнаго дня были генералы Скобелевъ 2-й и князь Имеретинскій. Наши потери при этомъ еще не приведены въ извѣстность. Въ числѣ раненыхъ находится генералъ *Разгильдяевъ*.

Послѣ взятія нами Ловчи арміи Османа, Мехемета и Эюба пашей остались разъединенными; отдѣленъ балканскою твердынею и Сулейманъ-паша. Наша армія разъединяетъ турецкія войска мощною пирамидой, которая основаніемъ опирается на Дунай. Предѣлами расположенія нашей арміи теперь служатъ: съ запада рѣка *Осма* (на которой расположена и Ловча), съ востока линія, образуемая рѣкою Кара-Ломъ, Рущукомъ и Османъ-Базаромъ, съ юга Балканы, съ сѣвера Дунай. Серьезныя и рѣшительныя операціи начнутся, прежде всего, конечно, тамъ, гдѣ это требуется по первыхъ, общимъ планомъ кампаніи, во вторыхъ—обстоятельствами. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, для насъ теперь важны обѣ линіи: и западная: *Сельви-Ловчи-Плевны* и восточная или линія *Янтры*. Съ одной стороны, изъ Добруджи прибылъ въ главную квартиру сердаръ-экрема принцъ Гассанъ Египетскій, командующій вспомогательнымъ египетскимъ корпусомъ и подкрѣпленная такимъ образомъ восточная турецкая армія намѣрена начать наступленіе на нашъ лѣвый флангъ. Затѣмъ на западѣ мы должны вытѣснить Османа-пашу изъ Плевны, что представляется уже не труднымъ въ виду взятія нами Ловчи и въ виду того, что Османъ-паша ни въ какомъ случаѣ не можетъ получить помощи, напримѣръ, отъ Сулейманъ-паши, хотя бы тотъ и перешелъ Балканы на Западѣ. Ему нужно бы здѣсь прорваться чрезъ Трояновъ проходъ, составляющій здѣсь единственное сообщеніе, по причинѣ гористости страны. Трояновъ проходъ лежитъ близь р. Осмы, южнѣе Ловчи, и конечно уже занятъ теперь нашими отрядами. Такимъ образомъ съ этой стороны, правый флангъ нашей арміи гораздо болѣе обезпеченъ отъ усиленія непріятельской арміи. Другое дѣло представляетъ восточная сторона: здѣсь непріятельскія силы значительно увеличиваются. Кромѣ прибывшаго сюда изъ Добруджи, какъ сказано выше, корпуса принца Гассана, недавно высадились въ Варнѣ подкрѣпленія изъ Малой Азіи. Въ виду этихъ подкрѣпленій и находящіяся здѣсь турецкія арміи сдѣлали, на прошлой недѣлѣ, значительныя попытки къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Часть войскъ Ахметъ-Эюба-паши (расположеннаго укрѣпленнымъ лагеремъ у Разграда) выступила изъ-подъ Разграда до *Кадыкіоя* на р. Кара-Ломѣ, немного къ югу отъ Рущука и произвела горячую аттаку на Кадыкіой; въ то же время турки сдѣлали вылазку изъ Рущука, чтобы помочь аттакующимъ. Турки сначала овладѣли было Кадыкіоемъ, но потомъ были выбиты оттуда. Въ этомъ дѣлѣ съ нашей стороны участвовали: 7 батальоновъ, 8 сотенъ и 22 орудія. Съ турецкой стороны было 17 таборовъ (таборъ—тоже батальонъ). Въ настоящее время съ восточной стороны къ туркамъ продолжаютъ прибывать подкрѣпленія и ожидаютъ, что въ скоромъ времени арміи Эюба и Мехемета пашей начнутъ наступленіе, раздѣлившись на двѣ колонны: армія Эюба съ сѣвера на Бѣлу, а армія Мехемеда съ юга на Тырново, во всякомъ случаѣ главныя дѣйствія сосредоточиваются въ долинѣ Янтры. Какъ ни рѣшительно, однако, будетъ, это наступленіе, мы убѣждены въ одномъ, что наша армія, оказавшая чудеса храбрости въ самыя страшныя минуты, разсѣетъ и эти наступленія. Что же касается западной линіи, то здѣсь, по телеграфнымъ извѣстіямъ, началось уже генеральное сраженіе по всей линіи *Сельви-Ловча-Плевна* и что Великій Князь Главнокомандующій лично командуетъ въ Порединѣ (объ этомъ, впрочемъ, оффиціальныхъ извѣстій еще нѣтъ).

Офиціальная телеграмма Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, изъ Порадима, отъ 27-го августа сообщаетъ слѣдующее: «27 августа на Кадакіой и Папкіой аттаки не было; по занятіи турками Кацелева, рущукскій отрядъ хотя и отбилъ аттаку на Аблову, но отошолъ весь на новыя позиціи. 25 августа, съ наступленіемъ темноты, наши войска западнаго отряда придвинулись къ Плевнѣ, устроили ночью баттареи на высотахъ окружающихъ турецкія укрѣпленія; турки же не замѣтили этого и наши всю ночь работали безпрепятственно; ровно въ 6 часовъ утра, 26 августа, наши осадныя баттареи открыли огонь, сдѣлавъ залпъ; началась кононада, продолжавшаяся цѣлый день. 27 августа, въ 5½ часовъ утра, артиллерійскій бой возобновился съ большою силою.

Вообще о характерѣ нашихъ дѣйствій за Дунаемъ современи Плевнинскаго дѣла (послѣ котораго прошло болѣе мѣсяца) нужно сказать, что онъ до сихъ поръ былъ оборонительный. Но съ ловчинскаго блестящаго дѣла наши задунайскія операціи, очевидно, вступаютъ въ новый фазисъ. Полнаго прибытія отправленныхъ на театръ войны подкрѣпленій слѣдуетъ ожидать вскорѣ, и тогда-то вполнѣ развернутся наши силы для рѣшительныхъ дѣйствій. Надо прибавить и то, что времени удобнаго для войны остается еще *два* мѣсяца. Храброй и многочисленной арміи можно въ это время совершить очень многое.

За выступленіемъ изъ Добруджи корпуса принца Гассана, военныя дѣйствія здѣсь отошли на второй планъ. Что касается Сербіи, то военныя дѣйствія съ ея стороны будутъ начаты въ самомъ непродолжительномъ времени. Берлинскій кабинетъ уже энергически побуждалъ Австрію не *мѣшать Сербіи воевать съ Турціей*. Въ Сербіи безпрерывно происходятъ засѣданія совѣта министерствъ подъ предсѣдательствомъ князя Милана, для обсужденія плана предстоящаго похода. Выбраны начальники частей для занятія важныхъ позицій. Въ числѣ ихъ находятся уже знакомыя намъ: *Харватовичъ*, *Лѣшанинъ* и *Николичъ*.

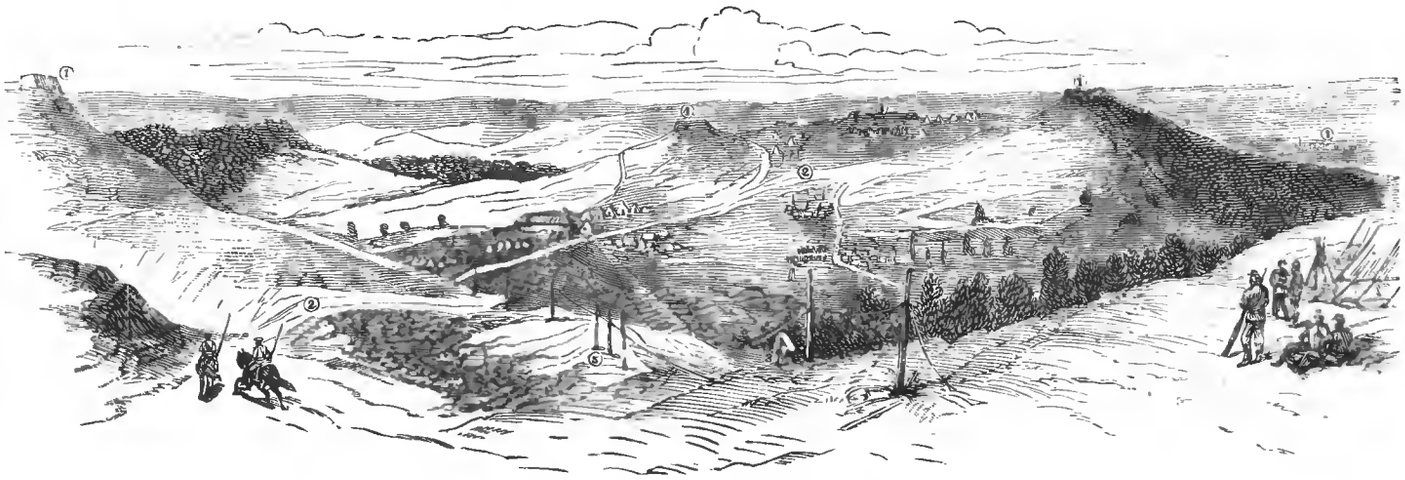
Что касается Закавказскаго театра войны, то изъ Тифлиса извѣщаютъ, что въ главную квартиру въ Кара-Ялѣ *) прибылъ главнокомандующій Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и лично принялъ командованіе. Чрезъ нѣсколько дней здѣсь ожидаютъ рѣшительныхъ сраженій, къ востоку отъ Карса. По побережью Чернаго моря, гдѣ дѣла наши были парализованы возставшими туземцами, напримѣръ, абхазцами, дѣла начинаютъ принимать благопріятный для насъ оборотъ. Большая часть возмутившихся, въ виду вѣроломства и разбойничества турокъ, изъявляетъ намъ покорность. Турки очистили недавно даже Сухумъ-Кале вслѣдствіе приближенія нашихъ войскъ.

Съ черногорскаго театра войны, получено телеграфное сообщеніе, что *27-го августа* (*8-го сентября*), *9 часовъ 10 минутъ вечера* крѣпость Никшичъ сдалась на капитуляцію. На цитадели города развѣвается черногорское военное знамя; воодушевленіе черногорскихъ войскъ неописанное.

Въ политическомъ отношеніи, за прошлую недѣлю, на сцену выступила Франція, событія въ которой принявшія за послѣднее время острый характеръ, еще привяли особый оттѣнокъ, отъ неожиданной смерти знаменитаго старца-Тьера. Смерть Тьера, повидимому, расположила общественное мнѣніе утвердить по Франціи наисегда консервативную республику, изъ уваженія къ памяти государственнаго человѣка, стоявшаго за эту форму правленія. Съ другой стороны правительство Макъ-Магона подняло политическій процессъ противъ Гамбетты, обвиняя его въ оскорбленіи главы Франц. правительства, Макъ-Магона. Гамбетта употребилъ на счетъ маршала-президента, выраженіе, что онъ

*) О перенесеніи главной квартиры генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова въ *Кара-Ялѣ* мы уже сообщили въ прошломъ обозрѣніи, («Нива» № 35).

Библиотека "Руниверс"



На Балканѣ. Позиція русскихъ войскъ на высотахъ Св. Николая близь Шипки.

1) Русскія баттареи. 2) Большая дорога. 3) Кустарникъ. 4) Габрово. 5) Телеграфная линія.

долженъ или подчиниться волѣ народа, (при предстоящихъ выборахъ) или отказаться отъ власти. Макъ-Магонъ, разумѣется не можетъ желать ни того ни другого. Но рѣзкая фраза Гамбетты уже облетѣла всю Францію, воспламенила цѣлыя массы и сдѣлалась лозунгомъ республиканской партіи со всѣми ея откликами И въ то время, когда этотъ шумъ былъ поднятъ, рознеслись вдругъ слухи о коалиціи (или союзѣ) Англіи, Франціи и Австріи. Противъ кого же направлена будетъ это коалиція—понять не трудно. Правительству Макъ-Магона, получившему названіе правительства «нравственнаго порядка», хочется отличится блескомъ внѣшнихъ предпріятій, чтобы загладить внутренніе промахи и неудачи. За симъ, единовременно съ этимъ, раздался кличъ англійскихъ политиковъ: «*положить конецъ несчастной, бѣдственной и кровопролитной войнѣ*». Въ связи съ слухами о коалиціи этотъ кличъ имѣетъ угрожающій смыслъ. Для кого же настоящая война изъ всѣхъ войнъ, когда либо веденныхъ, бѣдственна? Для возлюбленной Порты, конечно, этой наперстницы Великобританіи. До начатія настоящей войны миръ былъ гораздо бѣдственнѣе для балканскихъ христіанъ. Предположимъ не возможное и не желательное: положимъ, война прекратится теперь, безъ всякихъ результатовъ для балканскихъ христіанъ, то да положеніе ихъ станетъ въ-десятеро хуже: подъ ножами баши-бузуковъ несчастныя христіанскія селенія истекутъ кровью, а христіанская Англія будетъ издали наблюдать за кровавымъ зрѣлищемъ истребленія?.. Нѣтъ, это не возможно... Это было бы противно даже поверхностнымъ понятіямъ о справедливости, столь же обязательной для народовъ, какъ и для частныхъ мирныхъ гражданъ. А потому мы высказываемъ наше твердое убѣжденіе, что упомянутая коалиція, если таковая состоится, получитъ чувствительный противовѣсъ со стороны Германіи. Это тѣмъ болѣе не сомнѣнно, что одинъ изъ самыхъ солидныхъ органовъ Германской печати, «*Сѣверо-германская Всеобщ. газета*» (органъ самого князя Бисмарка) на дняхъ прямо и категорически заявляется всѣмъ европейскимъ туркофиламъ, что *они горько ошибаются, разсчитывая на податливость России*. Затѣмъ и сама Австрія еще не совсѣмъ-то готова къ коалиціи, это видно уже изъ ожидаемаго свиданія графа Андраши съ княземъ Бисмаркомъ *), такъ что отъ этого свиданія графа Андраши съ княземъ Бисмаркомъ, и зависитъ окончательное рѣшеніе Австро-Венгріи.

*) Свиданіе это, по послѣднимъ извѣстіямъ, предполагается въ Гаштейнѣ.

Теперь нѣсколько словъ о личности покойнаго Тьера. Этотъ несомнѣнно великій государственный человѣкъ болѣе полувѣка служилъ своему отечеству съ честью и славою, показалъ рѣдкую проницательность ума въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ и, говоря безъ преувеличиванія, спасъ Францію, въ горькую годину ея, послѣ бѣдственной Франко-прусской войны, когда уже самъ несъ 80 лѣтнее бремя за плечами. Какъ человѣкъ, онъ соединялъ лучшія качества ума и сердца съ глубокими познаніями. И отечество безъ сомнѣнія, останется благодарнымъ къ великой и священной памяти этого неутомимаго старца. Въ слѣдующемъ № «Нивы» будетъ помѣщенъ его портретъ и біографія.

Изъ нижегородской ярмарки отъ 26 августа сообщаютъ, что 25-е августа—день платежей по нижегородской ярмаркѣ—миновалъ благополучно. Крупныхъ неплательщиковъ нѣтъ, мелкихъ мало. Банки жалуются на обиліе денегъ и малый спросъ; нотаріусы жалуются на малочисленность протестовъ. Конецъ ярмарки вообще оживленъ, и, какъ оказывается, ярмарка прошла хорошо во всѣхъ отрасляхъ, кромѣ предметовъ роскоши и желѣза; впрочемъ, торговлѣ желѣзомъ значительно помогла разрѣшенная управляющимъ государственнымъ банкомъ, выдача ссудъ изъ государственнаго банка.

Деньги, назначенныя на торжественный обѣдъ, ежегодно даваемый купечествомъ, рѣшено употребить, на вспоможеніе пріюту для сиротъ, оставшихся послѣ нижнихъ чиновъ, павшихъ въ нынѣшнюю войну.

СОДЕРЖАНІЕ: **Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ** (съ портретомъ) Z.—**Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс Соловьева.** Часть первая (продолженіе).—**Русскіе генералы: Гурко, Раухъ, Скобелевъ, Витгенштейнъ и прусскій уполномоченный фокъ-Лингницъ, передъ трупами звѣрски замученныхъ русскихъ солдатъ** (съ рисункомъ).—**Лань (Dame platyceros)** (съ рисункомъ) Н. Зуева.—**Кюстенджи и его стратегическое значеніе** (съ рисункомъ) О.—**Угощеніе «изъ особенной бочки»** (съ рисункомъ) Я.—**Осужденіе на смерть баши бузуковъ** (съ рисункомъ).—**Ханкійскій проходъ въ Балканахъ и редутъ св. Николая близь Шипки** (съ 2-мя рисунками).—Новое изобрѣтеніе —Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.—Объявленія.—**При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за СЕНТЯБРЬ съ 30 рисунками и отдѣльный листъ съ 28 чертежами выкроекъ въ натуральную величину, съ 31 рисункомъ рукодѣльныхъ работъ и 29 рисунками буквъ для мѣтки бѣлья.**

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ**

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры иллюстрированнаго журнала „НИВА“ за 1875 и 1876 года продаются въ конторѣ редакціи журн. «Нива» для подписчиковъ на журналъ за 1877 г. съ уступкою 25%, т. е., вмѣсто **4 руб.** за томъ **по 3 руб.**

Каждый томъ «Нивы» заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отрасламъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч. и до 700 художественно исполненныхъ рисунковъ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома «Нивы» имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нему приложенныхъ безплатныхъ премій. (Приложенія къ «Нивѣ» 1875 года 2 картины: 1) **Смерть Юлія Цезаря**, картина профессора Пилоти 2) **Мадонна Севильская**, картина Севастіана Мурильо.—Приложенія къ «Нивѣ» 1876 года: **Спящая Красавица**, картина Э. Веле, печатана масляными красками въ 20 тонахъ.

Цѣна каждому тому т. е. годовому изданію съ преміями

	Брошюрованному.	Въ простомъ перепл.	Въ калейкор. переп.
Безъ пересыл.	3 р. —	3 р. 75	4 р. 50
съ пересыл.	4 » —	4 » 75	5 » 50

Поступившіе въ контору «Нивы» въ пользу пострадавшихъ славянъ отъ служащихъ на Быстрорѣцкомъ стеклянномъ заводѣ И. Х. Ланко въ Сомину 39 руб. сданы въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ подъ квитанцію за № 2096.

Магазины: Адмиралт. площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 8, противъ Стремянной.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ

и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА

въ Петербургѣ.

Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.

14

Товарищество Чекберсъ и К°.

Дозволено цензурою. СПБ. 2 Сентября 1877 г. Тип. Воллинга. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 37 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 12 Сентября 1877 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера „Нивы".

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Контора журнала „Нива" помѣщается въ С.-П.-Бургѣ на Б. Морской, въ д. № 9.

Генералъ-маіоръ Валеріанъ Филипповичъ Дерожинскій.

13-го августа сего года, въ пятый день ожесточеннаго боя при Шипкѣ, о которомъ въ предыдущемъ номерѣ „Нивы" мы уже имѣли случай дать по возможности подробныя свѣдѣнія, въ этотъ-день погибъ геройскою смертію генералъ-маіоръ Валеріанъ Филипповичъ Дерожинскій. Вовремя страшно-ожесточеннаго боя, когда наши войска мужественно отбивали одну за другой отчаянныя аттаки турокъ, Валеріанъ Филипповичъ былъ смертельно пораженъ пулею въ полость сердца и осколкомъ разорвавшейся гранаты въ голову. Онъ моментально потерялъ сознаніе, но жизнь еще нѣкоторое время не покидала тѣла, духъ какъ бы боролся съ нимъ и какъ бы силился оживить его для того, чтобы вновь храбрый генералъ сталъ въ ряды доблестныхъ воиновъ, защитниковъ Шипкинскаго прохода въ Балканахъ. Раненаго генерала Дерожинскаго, находившагося почти въ безсознательномъ состояніи, отправили съ мѣста боя въ Габрово. Онъ уже былъ, можно сказать въ предсмертной агоніи, когда его привезли въ этотъ городъ, и вскорѣ по прибытіи, спустя неболѣе часа времени, Валеріанъ Филипповичъ скончался. Тѣло его, какъ передаютъ газеты, будетъ перевезено въ Петербургъ и теперь, говорятъ, уже находится въ пути. Смертельная рана выпала на долю генерала Дерожинскаго въ той же мѣстности шипкинскаго боя, гдѣ получилъ рану въ ногу генералъ Драгомировъ (портретъ котораго помѣщенъ въ предыдущемъ номерѣ „Нивы"), теперь уже, судя по газетнымъ извѣстіямъ находящійся въ совершенно безопасномъ состояніи здоровья. Эта мѣстность боя гдѣ генералы Дерожинскій и Драгомировъ были ранены, обстрѣливалась турками до такой степени сильно, что пули (по выраженію свидѣтеля боя, корреспондента англійской газеты „Daily News") жужжали кругомъ точно рой пчелъ.

Генералъ-маіоръ В. Ф. Дерожинскій.
Съ фотогр. рис. Пановъ, грав. Вейерманъ.

Генералъ-маіоръ Валеріанъ Филипповичъ Дерожинскій происходилъ изъ дворянъ Воронежской губерніи. Онъ родился 15 іюня 1826 г.; въ 1845 году, изъ унтеръ-офицеровъ перваго Кадетскаго корпуса былъ произведенъ въ прапорщики 19 артиллерійской бригады. Пройдя курсъ наукъ въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Валері-

Библиотека "Руниверс"

анъ Филипповичъ Дерожинскій, въ качествѣ офицера Генеральнаго Штаба участвовалъ въ бывшей восточной войнѣ. Состоя въ распоряженіи главнокомандующаго военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму, онъ получилъ за отличіе чинъ капитана. Затѣмъ произведенъ въ подполковники и назначенъ начальникомъ штаба четвертой легкой кавалерійской дивизіи. Будучи потомъ произведенъ въ полковники, Валеріанъ Филипповичъ состоялъ на службѣ въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба въ качествѣ наблюдателя за обучающимися тамъ офицерами. Вслѣдъ засимъ, по полученіи чина генералъ-маіора, покойный Валеріанъ Филипповичъ состоялъ помощникомъ начальника пятой пѣхотной дивизіи, а потомъ уже былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи. Во время Севастопольской кампаніи Валеріанъ Филипповичъ былъ контуженъ въ голову осколкомъ бомбы, но эта контузія была не опасна, и скоро оправившись отъ нея, Валеріанъ Филипповичъ, потомъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ, не испытывалъ никакихъ отъ нея послѣдствій. И въ дѣлѣ подъ Шипкою, какъ сказано выше, Валеріанъ Филипповичъ, кромѣ раны въ полость сердца, былъ раненъ осколкомъ гранаты въ голову; но эта рана уже не была такъ счастлива, какъ севастопольская контузія: она, совмѣстно съ той раной, которая поразила Валеріана Филипповича въ полость сердца, была смертельнымъ для него концомъ.

Имя покойнаго Валеріана Филипповича было извѣстно во все продолженіе его жизни, какъ имя человѣка, вполнѣ достойнаго уваженія, отличавшагося высокими нравственными качествами. По общимъ отзывамъ лицъ, имѣвшихъ случай встрѣчаться съ покойнымъ Валеріаномъ Филипповичемъ на поприщѣ его служебной дѣятельности, онъ всегда отличался въ ней замѣчательною аккуратностью и неуклоннымъ исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей.

Покойный генералъ-маіоръ Валеріанъ Филипповичъ Дерожинскій оставилъ послѣ себя жену и четырехъ дѣтей, какъ говорятъ, безъ средствъ къ жизни. Нужно замѣтить, что недалѣе, какъ нынѣшней весной, супруга покойнаго генерала была въ Петербургѣ и хлопотала о пособіи. Дѣло въ томъ, что весною нынѣшняго года, по случаю наводненія, бывшаго въ Кременчугѣ, они потеряли все свое движимое имущество и собственный небольшой домъ. Такимъ образомъ г-жа Дерожинская въ самое короткое время потеряла и мужа, и все свое состояніе.

Само собою разумѣется, что теперь семейство покойнаго генерала будетъ надлежащимъ образомъ обезпечено, и какъ слышно, состоялось уже распоряженіе не только о выдачѣ г-жѣ Дерожинской соотвѣтствующей заслугамъ ея покойнаго мужа пенсіи, но и о принятіи ея дочерей въ одинъ изъ императорскихъ институтовъ на казенное содержаніе. Л.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть Вс. Соловьева

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Поздно вечеромъ, вернувшись изъ спальни жены, Александръ Данилычъ заперся въ своей комнатѣ и со стономъ опустился на колѣни передъ огромнымъ кіотомъ; онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ силы для молитвы. Никогда, въ самыя тяжкія минуты своей жизни не прибѣгалъ онъ къ этому средству и вотъ теперь, когда ничего ужь не оставалось, онъ вспомнилъ о Богѣ. Минуты шли за минутами: часъ прошелъ—другой, а князь все стоитъ на колѣняхъ, все молится: слезы бѣгутъ изъ глазъ его неудержимо—тихія, никогда неизвѣданныя имъ слезы; крупныя капли пота струятся по высокому блѣдному лбу его и съ этими слезами все тише становится въ измученной душѣ его. Еще вчера онъ былъ—ужасъ, отчаяніе, злоба и негодованіе, еще сегодня въ безсильной злобѣ проклиналъ онъ враговъ своихъ, и вотъ теперь ему кажется, что никакихъ враговъ нѣтъ, что никакого несчастія не случилось съ нимъ и что, напротивъ того, пришло спасеніе. Онъ вспоминаетъ всю жизнь свою, вспоминаетъ все, ни кому неизвѣстное, даже женѣ неизвѣстное, даже имъ самимъ позабытое—и это неизвѣстное и позабытое встаетъ теперь передъ нимъ. Оно страшно, ужасно—въ немъ все грѣхъ и преступленіе! И молится князь Александръ Данилычъ и бьетъ себя въ грудь, нелицемѣрно раскаиваясь во всѣхъ темныхъ дняхъ своего величія, и чудится ему, что тутъ сейчасъ, за его спиной стоитъ огромный страшный призракъ великаго императора, обманутаго друга. „Рабъ неблагодарный,—шепчетъ этотъ призракъ,—не я ли вывелъ тебя изъ ничтожества, не я ли возвелъ тебя паче заслугъ твоихъ на верхъ земнаго величія; не я ли, въ слабости моего сердца, прикрывалъ всѣ твои беззаконія, прощалъ тебѣ многократно, тогда какъ долженъ былъ карать ради Божеской и человѣческой справедливости. Чѣмъ же заплатилъ ты мнѣ за это! была ли не лицемѣрна любовь твоя, помышлялъ ли ты непрестанно о благѣ государства, ввѣреннаго въ твои руки—нѣтъ, ты забывалъ о немъ, ты только о себѣ думалъ! И вотъ ты проникъ въ самыя нѣдра моего семейства, ты посѣялъ зло въ дому моемъ, и еще себя же считаешь оскорбленнымъ! Смирись, рабъ лицемѣрный, смирись и моли Господа, чтобы онъ простилъ грѣхи твои; долгимъ раскаяніемъ, тяжелыми днями загладь вины свои“. И молится, все молится князь Александръ Данилычъ и тише, неслышнѣе становится шопотъ огромнаго призрака. Вотъ ушелъ этотъ призракъ—нѣтъ никого, только Богъ одинъ слышитъ раскаивающагося грѣшника, и невѣдомая отрадная тишина и душевное спокойствіе нисходятъ въ мятежную его душу. Неузнаваемымъ, обновленнымъ человѣкомъ всталъ Меншиковъ со своей долгой молитвы: не было злобы и не было теперь въ немъ отчаянія. „Все къ лучшему: Богъ вспомнилъ обо мнѣ, думалъ онъ,—нужно молиться, нужно замаливать грѣхи свои“. И пошелъ князь къ женѣ и на колѣняхъ сталъ просить у нея прощенья и просилъ прощенья у дѣтей своихъ и вышелъ отъ нихъ совсѣмъ успокоенный. Къ нему пришли и спросили его, не пожелаетъ ли онъ выпросить себѣ что нибудь у Государя, потому что на завтра назначенъ его выѣздъ.

— Ничего мнѣ не надо, отвѣтилъ Александръ Данилычъ,—спросите жену, спросите дѣтей, быть можетъ они что нибудь скажутъ, а я у Его Императорскаго Величества прошу одной только милости, съ великою покорностью прошу я ее: пускай повелѣть изволитъ, что-бы дохтуръ мой и лекарь шведской породы и полоненный и при мнѣ живущій съ двадцать лѣтъ, со мною былъ отпущенъ

Государь разрѣшилъ Меншикову исполненіе этой просьбы и одновременно съ тѣмъ повелѣлъ, что-бы впредь обрученной невѣсты въ церквахъ не поминали и что-бы немедленно взяли у Меншикова большой яхонтъ. „Только поскорѣе бы всѣ они уѣхали отсюда, объявилъ Императоръ“. И въ тотъ же день. въ четыре часа по полудни, назначенъ былъ отъѣздъ Меншиковыхъ. Бѣдная княгиня Дарья Михайловна неосновательно боялась казни мужа. Покуда Государь отнесся къ нему весьма милостиво; онъ не хотѣлъ ему зла, онъ хотѣлъ только отъ него избавиться—хотѣлъ знать что бывшій лютый врагъ далеко, что нечего бояться столкновеній съ ненавистнымъ человѣкомъ и чуть ли не больше еще ненавистной невѣстой.

Къ четыремъ часамъ вокругъ дома Меншикова, по набережной Васильевскаго острова, собрались толпы разнаго люда со всѣхъ сторонъ Петербурга. Давка была страшная: всѣмъ хотѣлось взглянуть на павшаго вельможу и на его домочадцевъ, на царскую невѣсту. Вотъ одинъ за другимъ стали подъѣзжать къ большому крыльцу кареты шестернями; вотъ настежъ растворились двери. Кто былъ ближе, тотъ увидѣлъ высокую, согбенную фигуру вчерашняго властелина; за нимъ ве-

Библиотека "Руниверс"

ли подъ руки почти недвижимую Дарью Михайловну. Свѣтлѣйшій князь сѣлъ съ женою и свояченицею Варварой Арсеньевою, раздѣлявшею ихъ участь, въ первой каретѣ. Онъ ни на кого не взглянулъ, хотя сотни глазъ были устремлены на лице его; всѣ поразились необычайной перемѣной, происшедшей въ Меншиковѣ. Онъ имѣлъ видъ дряхлаго изнуреннаго болѣзнью старика, но въ то же время лицо его было совершенно спокойно: на немъ не отражалось ни смущенія ни отчаянія.

Княгиня Дарья Михайловна тоже ни на кого не взглянула и ежесекундно крестилась.

Вотъ ихъ карета отъѣхала нѣсколько шаговъ и остановилась; за нею къ крыльцу подъѣхала другая. Въ эту карету помѣстился молодой князь Меншиковъ. Онъ прикрылъ плащемъ все свое лицо, такъ что никто его не видѣлъ; съ нимъ вмѣстѣ усѣлась старая, крошечная карлица. Отъѣхала и эта вторая карета. Быстрое движеніе прошло въ толпѣ народа всѣ разомъ устремились взорами къ дверямъ, изъ которыхъ сейчасъ должна была появиться бывшая царская невѣста. Вотъ и ей подана карета. вотъ и она показалась—но никто не увидѣлъ лица ея; она также, какъ и братъ, его закрыла. Младшая сестра ея княжна Александра, шедшая за нею, горько плакала неудержимо всхлипывая какъ ребенокъ. Она не думала закрываться отъ постороннихъ взоровъ, она забыла, что толпы народа смотрятъ на нее. Отъѣхала и третья карета. Въ четвертую сѣлъ братъ княгини Дарьи Михайловны, Арсеньевъ, и другіе приближенные люди,—всѣ, начиная съ свѣтлѣйшаго князя были одѣты въ черное. Послѣ четвертой кареты стали приближаться экипажи, наполненные слугами и вещами. Поѣздъ былъ огромный, его сопровождалъ гвардейскій капитанъ съ отрядомъ въ сто двадцать человѣкъ. По знаку этого капитана поѣздъ наконецъ тронулся вдоль набережной и народъ тихо пошелъ за нимъ переговариваясь, передавая другъ другу свои замѣчанія. Быстро распространялись всевозможные слухи. Вотъ въ одной кучкѣ толкуютъ о томъ, что теперь открылись всѣ преступленія и злодѣянія Меншикова; что онъ хотѣлъ совсѣмъ отстранить Государя и самому короноваться на престолъ русскій. Говорили, что найдено письмо Меншикова ко двору прусскому, въ которомъ онъ проситъ дать ему взаймы десять милліоновъ, обѣщаясь возвратить вдвое какъ только сдѣлается Императоромъ. Вотъ въ другой кучкѣ за самое вѣрное передаютъ, что съ недавняго времени началось удаленіе гвардейскихъ офицеровъ для того, чтобъ замѣнить ихъ людьми преданными Меншикову; толкуютъ о завѣщаніи Екатерины I. Но о завѣщаніи говорятъ уже не въ толпѣ народа, а въ кружкахъ болѣе близкихъ ко двору. Увѣряютъ тутъ же, что герцогъ Голштинскій и Меншиковъ заставили Цесаревну Елизавету подписать это завѣщаніе вмѣсто матери, которая ничего о немъ не знала. „Теперь не сдобровать и голштинскому двору: вонъ ужь министръ голштинскій какимъ мрачнымъ ходитъ. Ну, а что жь Меншиковы—неужь-то такъ ихъ и оставятъ въ Ораніенбургѣ на свободѣ,—развѣ это кара за столь великія злодѣянія"? И дальнозоркіе люди отвѣчали на такіе вопросы:—„конечно не оставятъ. Самаго Данилыча вмѣстѣ со свояченицей Арсеньевой Варварой зашлютъ въ Сибирь—потому, эта Варвара тоже много мудрила,—ну а жену съ дѣтьми оставятъ на свободѣ. Въ концѣ концовъ всѣ такъ полагали, что быть можетъ и никого ужь не будутъ засылать въ Сибирь—навѣрно и Александръ Данилычъ и Дарья Михайловна проживутъ не долго—лица на нихъ нѣтъ, еле шевелятся, не жильцы они на свѣтѣ И всякій кто успѣлъ взглянуть на свѣтлѣйшаго и на бѣдную княгиню въ послѣдніе дни не могъ не согласиться съ вѣрностью этого предсказанія.

XIII.

Прошло нѣсколько дней. Пустой запертый и заколоченный стоитъ меншиковскій домъ, какъ будто долгіе годы никто не живетъ въ немъ. Тихо вокругъ него, только вѣтеръ осенній гуляетъ по широкому двору, мечется по саду и обрываетъ на лету желтѣющіе листья и съ жалобнымъ шопотомъ крутятся они и падаютъ на землю. И дальше мечется вѣтеръ, хочетъ забраться въ опустѣвшіе покои; бьется въ окна и дребезжатъ отъ его напора стекла—но туда, во внутрь, ему не прорваться, и съ жалобой летитъ онъ обратно и опять крутитъ листья, опять клонитъ къ землѣ древесныя вѣтки. Вотъ добрался онъ до садовой бесѣдки—эхъ, дверь-то запереть забыли—рванулъ онъ ее что есть силы и распахнулась она—соскочила съ петель и упала. Ворвался вѣтеръ въ бесѣдку—все въ ней тихо; стоятъ парчевыя скамейки, стоятъ вычурные столики—это была любимая бесѣдка княженъ. Здѣсь еще недавно услышала княжна Александра признаніе своего жениха; здѣсь допрежь того и княжна Марія не разъ слушала сладкія льстивыя рѣчи. Гдѣ теперь всѣ эти любезники, всѣ эти вздыхатели, гдѣ теперь бѣдныя дѣвушки? Въ далекое изгнаніе ѣдутъ онѣ—и вотъ погнался имъ въ догонку вѣтеръ и нагналъ ихъ на большой дорогѣ.

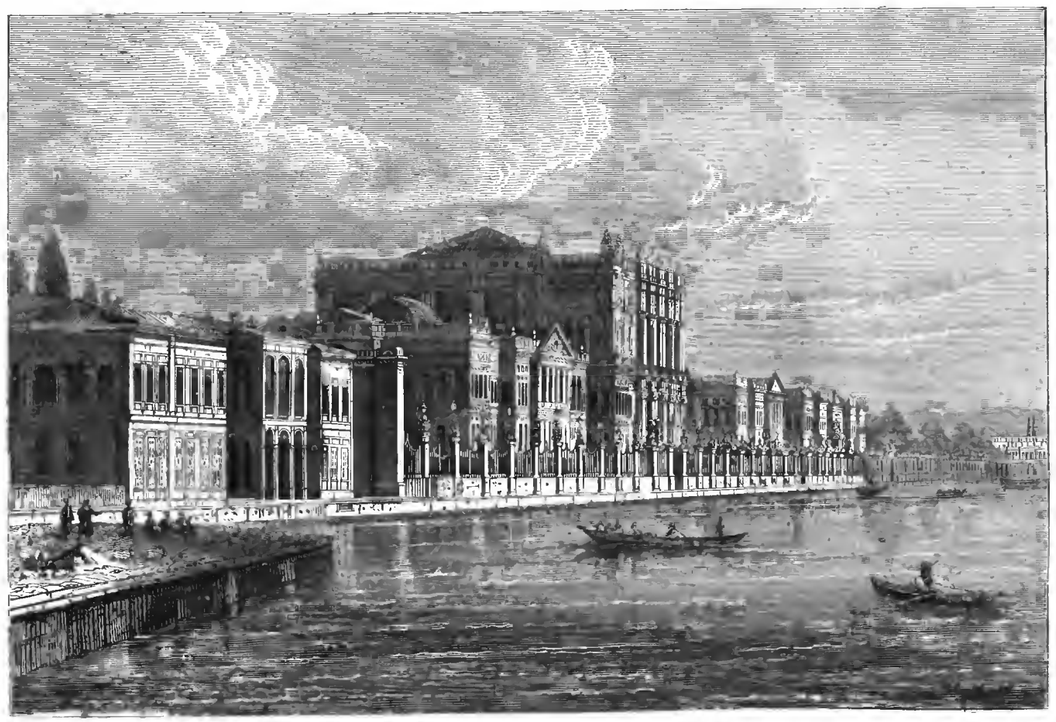
Все также медленно, съ печальной торжественностью подвигается огромный княжескій поѣздъ. Ему на встрѣчу выходятъ люди окрестные и розинувъ рты смотрятъ на это невиданное зрѣлище. На-глухо закрыты окна первой кареты, спущены извнутри шелковыя шторы; душно въ каретѣ, но ни князь, ни княгиня не замѣчаютъ духоты. Они оба ушли въ свой внутренній міръ и только изрѣдка переговариваются другъ съ другомъ: ихъ рѣчи тихи и спокойны. Только видимо съ каждымъ днемъ слабѣетъ княгиня, врядъ ли доѣдетъ, да и князь совсѣмъ плохъ;—скоро, скоро сбудется предсказанія петербуржцевъ. Заглянулъ вѣтеръ во вторую карету—не интересно: спитъ крѣпкимъ сномъ молодой Меншиковъ, да что-же ему теперь и дѣлать какъ не спать? На яву печальныя мысли приходятъ—а во снѣ все забывается. Рядомъ съ нимъ не спитъ, а зорко смотритъ по сторонамъ безобразная карлица. Забралась она на широкое сидѣнье кареты съ ногами и сидитъ какъ комъ какой, горбъ спереди, горбъ сзади, шеи совсѣмъ нѣтъ, голова между горбами какъ шишка какая. Зло посматриваетъ карла и все ворчитъ что-то себѣ подъ носъ. Влетѣлъ вѣтеръ прямо въ открытое окошко кареты и съ размаху ударилъ въ лице безобразной карлѣ, сдулъ у нея платокъ съ головы, растрепалъ сѣдые волосы, такъ и забирается въ глаза, въ носъ, въ уши, такъ и свиститъ, проклятый. „Эхъ, чтобъ тебя!" крикнула карла и захлопнула окошко кареты—едва успѣлъ вылетѣть вѣтеръ. И закружился онъ кругомъ третьей кареты, сидятъ въ ней двѣ княжны. Марья Александровна ужь не скрываетъ лица своего—никто теперь ее не видитъ. Блѣдна она, бѣдная, такъ стала, что страшно взглянуть на нее, щеки ввалились, губы поблѣднѣли, кругомъ глазъ—синева. Много слезъ выплакано княжною, измучено давно уже ея сердце и не теперь это началось—не въ послѣднее время. Вся жизнь какъ то не удалась Марьѣ Александровнѣ: выросла она дичкомъ, не любимою дочерью; не на радость пришло ей и нежданное величіе. Она никогда не заблуждалась и все очень ясно видѣла. Въ то время еще какъ отца ея всѣ считали не движимымъ, не разрушимымъ „статуемъ", а въ ней видѣли будущую государыню—она сама никогда не вѣрила своей свѣтлой долѣ. Разъ только въ жизни и показалось ей, что она счастлива,— это было еще при императрицѣ Екатеринѣ—полюбила она молодого польскаго выходца Сапѣгу, и онъ ей строилъ свои комплименты—и было почти рѣшено относительно ея брака съ Сапѣгой. Но вотъ въ одинъ день все передумано: императрица выдала за Сапѣгу свою племянницу, Скавронскую, а Меншиковъ предназначилъ дочь въ царскія невѣсты. И такъ все это рѣшилъ Александръ Данилычъ и даже за

Библиотека "Руниверс"

Внутренній видъ большого военнаго корабля (въ разрѣзѣ). Грав. Г. Іоосъ.

1. Комнаты коменданта броненосца. 2. Столовая коменданта. 3. Кухня коменданта. 4. Комната, ведущая изъ кухни въ столовую. 5. Помѣщеніе для рулевого. 6. Подъемный мостикъ. 7. Мѣсто для караульнаго. 8. Комната помощника коменданта. 9. Комната для офицеровъ. 10. Лѣстница для схода. 11. Кладовая. 12. Комната для офицеровъ. 13. Спиральная лѣстница. 14. Комната для гардмариновъ. 15. Паровыя машины. 16. Блиндированный укрѣпленный пунктъ. 17. Помпы на случай пожара. 18. Помѣщеніе, гдѣ производится топка. 19. Печная труба. 20 Лѣстница, по которой долженъ всходить вахтенный офицеръ. 21. Маленькія блиндированныя башни, вооруженныя пушками. 22. Воротъ. 23. Фокъ-мачта. 24. *Бушпритъ-мачта* 25. Мѣсто отдыха экипажа. 26. Бортовый госпиталь. 27. Бытенги, вокругъ которыхъ вращаются цѣпи. 28. Кухни. 29. Камора для пороху. 30. *Клюзы* (цѣпи спускающіяся въ колодцы). 31. Носъ броненосца. 32. Черта, опредѣляющая поверхность воды. 33. Камора для канатовъ. 34. Комора для бомбъ. 35 Трюмъ для храненія винъ и *Камбусъ* (мѣсто, гдѣ раздаютъ на корабляхъ провіантъ). 36. Трюмъ для храненія овощей. 37. Камора для пороху. 38. Камора для угля. 39. Трюмъ для воды. 40. Помѣщеніе для начальствующихъ.

Конвоированіе плѣнныхъ турокъ чрезъ Систово. Ориг. рис. нашего спеціальн корреспон. Н. Каразина, грав. Вейерманъ.



Султанскій дворецъ Дольма Бахче въ Константинополѣ. Съ фотографіи грав. Пейне.

Библиотека "Руниверс"

нужное не счелъ поговорить съ дочерью; впрочемъ развѣ возможно было ей противиться—и она не противилась, она только забиралась къ себѣ, да плакала въ одиночествѣ. Ночи не спала и все отъ всѣхъ скрывала Марья Александровна и никто не зналъ сколько на душѣ у нея горя, да никто объ этомъ и не справлялся: съ дѣтства никто не любилъ ее, съ дѣтства никому она не нравилась. Началась новая жизнь: передъ княжной ежеминутно стали появляться новыя лица, на которыхъ она прежде не обращала вниманія и для которыхъ не существовала сама—теперь эти новыя лица униженно ей кланялись, заискивали, ловили каждое ея слово, теперь представлялись они самыми преданными друзьями. Но ни одному изъ нихъ не вѣрила Марья Александровна: хорошо она знала, что все это значитъ и хорошо понимала, что придетъ день и разомъ всѣ преданные друзья эти опять отъ нея отвернутся—такъ оно и вышло. Хорошо еще, что на свободѣ ее оставили, хорошо, что такъ скоро все разыгралось, а то бы тамъ прожить долгіе годы съ постоянной мыслью о вѣрной медленно приближающейся гибели... О, это было бы такое мученье! Теперь конечно лучше... да что и думать—княжна никого и ничего не жалѣла, жалѣла она одного только человѣка, который еще недавно былъ такъ близокъ съ нею, о которомъ она мечтала, какъ о будущемъ мужѣ—человѣкъ этотъ былъ все тотъ же Сапѣга. Въ послѣднее время только одна и была радость у княжны—мелькомъ увидать его, не сказать ему ни слова, а только посмотрѣть, услышать, его голосъ и потомъ долго жить этой минутой. „Вотъ теперь никогда ужь его не увидитъ, не будетъ даже знать гдѣ онъ и что съ нимъ, да и никого не увидитъ... Можетъ, такъ и лучше... скоро, скоро все это кончится... Скоро, скоро шепчетъ ей на ухо вѣтеръ,—сама знаешь, что скоро... И летитъ вѣтеръ прочь отъ бѣдной княжны, онъ знаетъ, что и года не пройдетъ, какъ станетъ онъ носиться надъ ея могилой въ странѣ далекой и холодной—въ Сибири. Теперь подлетаетъ онъ къ другой княжнѣ, къ Александрѣ Александровнѣ; она тоже, бѣдная, все плачетъ, опухли и покраснѣли прекрасные глаза ея... но въ ней еще много жизни, много молодости, она еще не все потеряла, хоть потеряла многое. Она еще вѣритъ, еще ждетъ чего-то, еще не намѣрена разставаться съ жизнью—и вѣтеръ свиститъ ей въ ухо: „не плачь, успокойся, проглянетъ тебѣ солнце, опять будешь ѣхать по этой дорогѣ, опять блескъ и шумъ окружатъ тебя и снова услышишь ты льстивыя рѣчи... а все же не на долго, не на долго... и ты уйдешь за ними, за всѣми, не на радость, не на счастье родились вы, безталанные!“ И вотъ дальше мчится вѣтеръ и грустно и злобно рветъ онъ все, что попадается ему на встрѣчу... Къ рѣкѣ подлетитъ—вздуются и запѣнятся волны; на дерево наткнется—скрипитъ дерево, трещатъ сучья; тутъ поднимаетъ пыль столбомъ, залѣзаетъ въ глаза пѣшеходу, тамъ врывается въ плохо притворенную дверь бѣднаго жилища и студитъ его, студитъ и никакъ не выгнать его хозяевамъ. И опять, наскучивъ этими забавами, летитъ осенній вѣтеръ ко взморью, къ Невѣ широкой и опять вьется вокругъ Меншиковскаго заколоченнаго дома и вздувая Неву пробирается на другой берегъ къ Петровскому старому саду, откуда разлетѣлись привозныя птицы. А придворная жизнь идетъ своимъ чередомъ, оживленно и шумно—всѣ разомъ вздохнули свободно, всѣ рады, что далеко Меншиковъ. Новыя заботы, новые интересы у всѣхъ на умѣ и на сердцѣ: Меншиковыхъ нѣту, такъ нужно дѣлить ихъ наслѣдство—кто же его подѣлитъ? передъ кѣмъ придется снова склоняться, кому уступать дорогу? Хитрый нѣмецъ Андрей Иванычъ—вотъ теперь первое лицо и всѣ это хорошо понимаютъ. Понимаетъ это конечно и самъ онъ, но знаетъ, что трудненько держаться Не разрѣшимый вопросъ стоитъ передъ Андреемъ Ивановичемъ:—вѣдь онъ воспитатель Императора, значитъ нужно хорошо воспитать его, нужно выучить, а Петръ совсѣмъ теперь учиться не хочетъ—хочетъ жить въ свое удовольствіе. Какъ тутъ быть, чтобъ и совѣсть успокоить, да и себѣ вреда не поправимаго не сдѣлать?.. При Меншиковѣ даже лучше было. Тогда Остерманъ былъ добрый снисходительный человѣкъ,—особенно рядомъ съ свѣтлѣйшимъ,—онъ не налегалъ такъ какъ тотъ... ну, а теперь нѣту этого сравненія. Всякое замѣчаніе непріятно Петру! вотъ онъ всѣ ночи на пролетъ гуляетъ съ молодымъ камергеромъ, княземъ Иваномъ Долгорукимъ; ложится въ 7 часовъ утра. Заикнется Андрей Ивановичъ о необходимости учиться—Петръ станетъ сумраченъ, раздражать его не годится: и извертывается Андрей Ивановичъ и успокоиваетъ себя своими неутомимыми трудами на пользу государства.

Ну, а другіе?—ктоже эти другіе? конечно, князья Долгорукіе; ихъ не смущаетъ совѣсть, они знаютъ свое дѣло и дѣло ихъ заключается только въ томъ, чтобъ во всемъ угождать юному Императору, чтобъ быть ему пріятными. Они хорошо знаютъ, что только этимъ способомъ и можно имъ удержаться, а не то—бѣда: вотъ явятся враги и спихутъ ихъ также какъ сами они спихнули Меншикова. Вотъ ужь и явились враги; пріѣхалъ знаменитый князь Голицынъ. Опять собрался родственный совѣтъ у Долгорукихъ: какъ быть съ Голицынымъ? Василій Лукичъ объявилъ, что бояться особенно нечего: князь Голицынъ въ фаворѣ не будетъ—не таковъ онъ человѣкъ, онъ ни за что не можетъ отказаться отъ своей самостоятельности, не можетъ смотрѣть въ глаза; постоянно угодничать, да и характеръ у него тяжелый: самъ себѣ повредитъ сразу.

Князю Ивану Долгорукому на этомъ родственномъ совѣтѣ было поручено поскорѣй сообщить Императору о томъ, что Голицынъ въ послѣднее время свелъ дружбу съ Меншиковымъ и съ нимъ переписывался. Конечно Иванъ аккуратно исполнилъ это порученіе и легко добился того, что Петръ даже немного поморщился когда ему доложили, что князь Михайло Голицынъ явился и ждетъ аудіенціи.

Петръ хорошо зналъ обо всѣхъ заслугахъ Михайлы Голицына, и скрывъ свое неудовольствіе, вышелъ къ нему и встрѣтилъ его очень ласково. Но Василій Долгорукій былъ правъ, говоря, что князь Михайло самъ себѣ повредитъ своимъ характеромъ. Послѣ первыхъ словъ Голицынъ сейчасъ же началъ:

— Много перемѣнъ засталъ я здѣсь, Ваше Величество, вотъ и свѣтлѣйшаго князя Меншикова нѣту.

Петръ нахмурилъ брови.

— А что-жь, князь, развѣ тебѣ хотѣлось, что-бы онъ былъ здѣсь?

— Я этого не сказалъ, отвѣтилъ Голицынъ,—Меншиковъ мнѣ не другъ и не свой, а только, по истинѣ, Ваше Величество, не могъ я не смутиться, узнавъ что такой заслуженный, государственный человѣкъ, помощникъ Петра Великаго, удаленъ такъ скоро, сосланъ безъ суда... Коль есть его вина великая, такъ все на судѣ бы и открылось—а безъ суда ссылать человѣка не ладное дѣло.

Юный Императоръ ничего не отвѣтилъ и очень сухо простился съ Голицынымъ.

Долгорукіе торжествовали. Теперь имъ некого бояться, развѣ что Остермана, но Остерманъ—одинъ, его можно сдѣлать безвреднымъ, а уничтожить, удалить не годится: на комъ же дѣла тогда останутся? князья Долгорукіе любятъ пожить въ свое удовольствіе: отъ дѣла не бѣгаютъ, да и дѣла не дѣлаютъ, если можно свалить его на кого другого. И на кого же сваливать, какъ не на Остермана, благо работаетъ неустанно: нигдѣ не сыскать такого работника—и рѣшено до времени всячески беречь Остермана.

Библиотека "Руниверс"

XIV.

Баронъ Андрей Иванычъ только что вернулся домой изъ засѣданія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Съ ранняго утра, не переставая, работалъ онъ и теперь дѣйствительно уже, не притворяясь чувствовалъ себя уставшимъ. Но дома, въ его скромной семейной обстановкѣ, его ожидало успокоеніе. Заботливая жена, къ возвращенію мужа, приготовила обѣдъ: сама позаботилась о томъ, чтобы все были вкусныя и любимыя Андреемъ Ивановичемъ явства. Сама она накрыла ему приборъ, поставила серебряную стопку и бутылку англійскаго пива.

Андрей Иванычъ, переодѣвшись у себя, вошелъ въ столовую и съ удовольствіемъ замѣтилъ заботливыя приготовленія жены. Здѣсь, въ этой маленькой столовой, онъ былъ совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ привыкли его видѣть всѣ его знавшіе. Здѣсь онъ былъ самъ собою, даже лицо его измѣнялось; спадала съ него его сдержанность. Онъ не думалъ ужь больше о томъ, что говорить и какъ держать себя; теперь глаза его, обыкновенно опущенные и рѣдко глядящіе прямо на собесѣдниковъ, искрились и спокойно и ласково обращались къ вѣрному другу—женѣ.

— Охъ, усталъ, мейнъ герцхенъ, сказалъ онъ,—давай скорѣй обѣдать.

Повторять приказанія было нечего: все было уже готово. Утоливъ свой аппетитъ, Андрей Иванычъ покуривалъ трубочку, прихлебывая пиво.

Никто, глядя на него, не призналъ бы въ немъ одного изъ величайшихъ государственныхъ людей того времени, тонкаго дипломата, искуснаго интригана. Онъ былъ теперь добрымъ, жирнымъ нѣмецкимъ буржемъ, созданнымъ, казалось, для тихой семейной жизни, для трубки и стопки пива—и ничего такъ не любилъ онъ на свѣтѣ какъ эти рѣдкіе свободные часы, этотъ старый потертый, теплый шлафрокъ, старую трубку и пиво.

— Ну что, какъ тамъ у васъ, спросила баронесса Марфа Ивановна, видя что мужъ отдохнулъ и теперь самъ радъ будетъ побесѣдовать съ нею.

— Да что тамъ, все такъ же... Спасибо что никто въ дѣла не вмѣшивается и вольно мнѣ дѣлать все по своему. Вотъ люди—каждый готовъ утопить меня въ стаканѣ съ водою, а лѣнь у нихъ все же пуще вражды и ненависти, утопятъ, такъ вѣдь работать будетъ нужно, а этого они не любятъ. А ужь какъ ненавидятъ, какъ ищутъ придраться къ чему нибудь,—вонъ намедни Головкинъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: „странное дѣло, говоритъ, Андрей Иванычъ, что воспитаніе нашего монарха поручено вамъ.“ А почему, говорю, странное дѣло? „А потому, отвѣчаетъ, что вы человѣкъ не нашей вѣры, да и никакой кажется.“

Марфа Ивановна ничего на это не сказала и сдѣлала видъ, что занята перестанавливаніемъ посуды на столѣ. Она сама не разъ уже подумывала о томъ, какой вѣры ея добрый мужъ Андрей Иванычъ. Не разъ и она поднимала съ нимъ религіозные вопросы, но всегда какъ то очень быстро и ловко отдѣлывался отъ подобныхъ разговоровъ и это обстоятельство очень смущало баронессу. „Видно, нѣтъ на свѣтѣ совершеннаго человѣка, думала она,—все хорошо, а одного чего нибудь всегда не достаетъ человѣку.“ И она усердно молилась Богу и просила его, чтобъ онъ простилъ рабу своему Андрею всѣ грѣхи его вольные и невольные.

— Ну а Государь что теперь дѣлаетъ, поспѣшила она перемѣнить разговоръ, который могъ сойти на непріятную почву и разстроить Андрея Иваныча,—былъ онъ сегодня въ Совѣтѣ?

— Не былъ, матушка, не былъ, когда онъ бываетъ! Въ первыя двѣ, три недѣли послѣ Меншикова пріѣзжалъ, а теперь и глазъ не кажетъ—не тѣмъ занятъ—веселится все. Просто не знаю что и дѣлать! Знаешь вѣдь что вчера было,—хотѣлъ сказать тебѣ, да не успѣлъ — вѣдь я вчера имѣлъ большое объясненіе съ Государемъ—право, сердце у меня не на мѣстѣ, что я за воспитатель. Вотъ вчера, оставшись съ нимъ наединѣ и говорю ему: Ваше Величество, исполни мою сердечную просьбу—уволь меня отъ должности твоего воспитателя, ибо иначе придется мнѣ строгій отчетъ дать; вѣдь долженъ я слѣдить за тѣмъ, чтобы Ваше Величество учились изрядно, а Ваше Величество только о весельи думаете. Отпусти ты меня, христа-ради, назначь на мое мѣсто кого другого.

— Ну, что же Государь, что онъ сказалъ—поспѣшно спросила баронесса.

— Очень ужь онъ изумился. Потомъ заплакалъ, сталъ просить, умолять меня остаться. „Не оставляй меня, говоритъ, Андрей Иванычъ, никого другого кромѣ тебя не хочу—да и кого найду я, а тебя люблю сердцемъ и почитаю. Я знаю что ты имѣешь право быть недовольнымъ мной. Я знаю, что веду себя не хорошо“. Вотъ и говорю я ему: такъ если самъ знаешь Государь—отчего не исправишься, у человѣка воля должна быть, твердость. Видишь, что нужно идти на право, зачѣмъ же идешь на лѣво. Смотрю я, Государь еще пуще плачетъ. „Прости, говоритъ, меня Андрей Иванычъ,—исправлюсь, буду учиться.

— Ну, что-жь, это хорошо, сказала баронесса.

— То есть одно не дурно, что еще не успѣли его отвратить отъ меня любитъ, да и сердце у него доброе—а другого ничего хорошаго нѣтъ, потому хоть и обѣщалъ онъ мнѣ это вчера утромъ, а къ вечеру за старое принялся: не преодолѣлъ искушенія—всю ночь пробѣгалъ по городу съ Долгорукимъ.

— Охъ, ужь этотъ Долгорукій, озабоченно покачала головой баронесса.

— Да, нечего сказать,—что ни день, то хуже, просто язва этотъ Долгорукій, заговорилъ опять Андрей Иванычъ. Чай слышала ты, что онъ теперь съ княгиней Трубецкой водится—такъ, что теперь вышло, говорить о томъ стыдно. Вѣдь князь то Никита Трубецкій, не Богъ знаетъ кто: и древняя фамилія и на виду,—а знала бы ты какъ съ нимъ обращается этотъ Долгорукій—ни стыда, ни совѣсти. Пьянствуетъ у него въ домѣ, ругаетъ его, даже бьетъ, мнѣ говорили,—а тому чтожь дѣлать? Кто сладитъ съ фаворитомъ, вѣдь теперь иначе его ужь и не называютъ. Вонъ пробовалъ я вчера Государю о немъ заикнуться, такъ поблѣднѣлъ тотъ даже: „Нѣтъ, сказалъ, не говори ты мнѣ, Андрей Иванычъ, ничего дурного про моего друга, онъ мнѣ теперь замѣсто брата, такъ люблю я его и ни кому, слышишь ты, говоритъ, Андрей Иванычъ, никому не позволю его обижать“. Да развѣ одна Трубецкая, опять раздражительно заговорилъ Андрей Иванычъ,—позоръ, срамъ что онъ такое творить началъ: ко всѣмъ пристаетъ, никому отъ него нѣтъ спасенья—а за нимъ и другіе молодчики примѣру его слѣдуютъ, хоть бы иностранныхъ президентовъ постыдились. Тѣ ужь своимъ дворамъ отписываютъ, что въ Россіи честь женская въ такой же безопасности, какъ во градѣ, взятомъ непріятелями-варварами. До чего онъ дойдетъ, этотъ Долгорукій, помыслить страшно, да и Государя совратитъ. Ну теперь молодъ тотъ еще, а время то идетъ скоро, годъ, другой пройдетъ, выростетъ—ахъ, Боже мой, право страшно подумать!

Въ это время въ комнату вбѣжала служанка и объявила, что пріѣхали великая княжна Наталья. Остерманъ засуетился, вскочилъ изъ за стола и побѣжалъ къ себѣ переодѣваться. Баронесса встрѣтила великую княжну поклонами, разсыпалась въ благодарности за высокую честь, которую та имъ оказала своимъ посѣщеніемъ.

— Очень Андрея Иваныча нужно видѣть, что онъ дома,—спросила Наталья.

Библиотека "Руниверс"

— Дома, дома, принцесса, сейчасъ выйдетъ.

Андрей Ивановичъ не заставилъ себя дожидаться, а баронесса поспѣшно вышла изъ комнаты, чтобы не стѣснять царевну своимъ присутствіемъ.

— Чѣмъ заслужилъ я, ваше высочество, такую честь? почтительно говорилъ Остерманъ.

— Какая честь, Андрей Иванычъ, озабоченно проговорила великая княжна,—поговорить нужно съ вами да такъ чтобъ никто не зналъ. Вотъ каталась и заѣхала.

— Развѣ случилось что, принцесса?

— А развѣ у насъ проходитъ день, чтобы чего нибудь неслучилось? Сегодня утромъ у меня опять было объясненіе съ братомъ, не могу я смотрѣть на него равнодушно, уморятъ они его—и великая княжна заплакала и сквозь слезы продолжала — какъ есть уморятъ! Вѣдь онъ въ семь часовъ утра теперь спать ложится: гдѣ бываетъ, что дѣлаетъ — не знаю я. Сегодня лица на немъ нѣтъ, блѣдный такой, да посмотрѣла я, и глаза у него красные, точно плакалъ. „Петичка, говорю, ты плакалъ — признайся: ну вотъ онъ и признался, что точно плакалъ и причиной этихъ слезъ цесаревна Елисавета; или съ Долгорукимъ онъ, или у нея. Третьяго дня два раза звать его посылала, а онъ такъ ко мнѣ отъ нея и не вышелъ. Голубчикъ, Андрей Иванычъ, — на какой конецъ все это, помоги, посовѣтуй мнѣ, какъ спасти его. Я все терпѣла, все молчала послѣднее время, но такія дѣла теперь узнала, что молчать не могу больше.

Адольфъ Тьеръ. Рис. К. Ивановъ, грав. Вейерманъ.

— Что же вы узнали такое, принцесса? тихо спросилъ Андрей Иванычъ.

— А то, что цесаревна смѣется надъ нимъ—мучитъ его, она вотъ съ Бутурлинымъ его на смѣхъ подымаютъ, вѣрные люди мнѣ это сказали.

— А Бутурлинъ у ней часто бываетъ? спросилъ Остерманъ.

— Почти и не выходитъ отъ нея, отвѣчала Наталья, и глаза ея засверкали.

— Ну что-жь—это ничего, успокойтесь принцесса, одобряющимъ голосомъ заговорилъ Андрей Ивановичъ,—успокойтесь, принцесса, можетъ въ Бутурлинѣ все наше спасенье. Уже я все разузнаю и посмотрю, что надо дѣлать. Утрите же ваши свѣтлыя глазки, вы совсѣмъ недурныя вѣсти принесли мнѣ. Сами увидите, все къ лучшему повернется.

— Да, хотя бы и такъ — на долго ли пропиштала великая княжна.

— Ну, это другое дѣло,—развелъ руками Андрей Ивановичъ.

Царевна уѣхала и Остерманъ остался опять вдвоемъ съ женою, онъ не разсказывалъ ей о своемъ разговорѣ съ великой княжной, онъ хорошо зналъ что она и такъ слышала за дверью весь разговоръ этотъ.

— Ну, теперь дѣла принцессы Елисаветы плохо становятся, замѣтилъ онъ: нужно ждать перемѣнъ. Вотъ скоро въ Москву всѣ поѣдемъ для коронаціи, а въ Москвѣ новый человѣкъ есть—бабушка, и человѣкъ этотъ можетъ стать важнымъ человѣкомъ для насъ, для всѣхъ. Что-жъ, мейнъ герцхенъ, написала ты старой царицѣ письмо?

— Написала, отвѣтила баронесса,—вотъ черновое въ карманѣ, прочти—все отписано, какъ ты приказывалъ. И баронесса подала мужу бумагу. Онъ съ большимъ вниманіемъ принялся читать ее. Марфа Ивановна Остерманъ писала царицѣ Евдокіи, позабытой до сихъ поръ, инокинѣ Еленѣ, о томъ, что вручаетъ себя въ высочайшую ея величества милость и при этомъ увѣряла, что мужъ ея Государю и ей царицѣ со всякимъ усердіемъ и вѣрно служитъ и служить будетъ.

— Хорошо, хорошо, такъ, такъ и нужно, одобрительно кивалъ головою Андрей Иванычъ, читая письмо это. Ну, а теперь и я Марфуша пойду тоже напишу царицѣ—охъ, нужна она намъ, охъ какъ нужна, вѣдь все же бабушка родная—кровь заговоритъ. Многое она тогда сможетъ сдѣлать—пуще всего нужно намъ заручиться ея милостью.

И Андрей Иванычъ сѣлъ за свой рабочій столъ и принялся писать. Онъ описывалъ старой царицѣ службу, сочиненную на день рожденія Государя, прилагалъ рисунокъ фейерверка, въ этотъ день сожженнаго, и манифестъ о коронаціи. Долго писалъ онъ и такъ окончилъ письмо свое: „яко я на семъ свѣтѣ ничего иного не желаю, окромѣ чтобъ его Императорскому Величеству безъ всякихъ моихъ партикулярныхъ прихотей и страстей прямыя и вѣрныя свои услуги показать, такъ и Ваше Величество соизволите всемилостивѣйше благонадежны быть о моей вѣрнѣйшей преданности къ Ва-

Библиотека "Руниверс"

Возвращеніе съ полевыхъ работъ. Картина А. Делова, грав. Жонаръ.

Библиотека "Руниверс"

шего Величества высокой особѣ потомъ не распространяю, понеже вѣдаю, что какъ Его Императорское Величество такъ и ея Императорское Высочество великая княжна, мнѣ въ томъ вѣрное свидѣтельство подать изволятъ, и вѣрная моя служба всегда болѣе въ самомъ дѣлѣ, нежели пустыми словами явна будетъ".

„Вотъ такъ ладно, сказалъ самъ себѣ Андрей Ивановичъ, перечитывая письмо свое. Охъ трудно, трудно жить на свѣтѣ: обо всемъ то нужно подумать, все предусмотрѣть, предугадать, а то какъ разъ полетишь въ пропасть и что отъ тебя тамъ останется".

И Андрей Ивановичъ собрался во дворецъ. На новыя мысли навела его великая княжна Наталья.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Размѣры военныхъ кораблей.

Величина мониторовъ не есть что либо постоянное, а весьма видоизмѣняется. Въ связи съ этимъ уменьшеніемъ или увеличеніемъ, находится большее или меньшее количество экипажа. Смотря по обстоятельствамъ... Въ Англіи и Америкѣ а въ послѣднее время и во Франціи строятся мониторы,—какъ будто имѣющіе значеніе вмѣстить въ себѣ населеніе цѣлаго города. У насъ, въ Россіи, образцомъ величины считается броненосецъ „*Петръ Великій*". (Длина 332 саж. и ширина 60). Вообще за maximum броненоснаго судна, при нормальныхъ на него затратахъ, можно принять 300 или слишкомъ саженъ длину, 50-60-70 ширину и экипажъ въ 600—700 человѣкъ.

Конвоированіе плѣнныхъ турокъ.

Въ этомъ наброскѣ художникъ съумѣлъ уловить то выраженіе душевнаго состоянія, какое вспыхивало на лицахъ обитателей Систова при видѣ плѣнныхъ турокъ.

Отвращеніе и ненависть къ своимъ прежнимъ притѣснителямъ у нѣкоторыхъ, видимо, до того велики, что не будь конвоя—то рѣдкій изъ конвоируемыхъ уцѣлѣлъ бы. Подобныя встрѣчи турки видѣли и видятъ далѣе на пути къ Россіи, и конвоированіе ихъ оказывается мѣстами и у насъ далеко не лишнимъ. Но увы, не вездѣ турки встрѣчаютъ достойное къ себѣ отвращеніе. Въ послѣднее время наши газеты не разъ сообщали въ письмахъ изъ провинціи, что тамъ находятся такія добросердечныя барыни, что не знаютъ, какъ бы получше и чѣмъ бы повкуснѣе угостить турокъ, находятся молодые люди, заботящіеся о доставленіи туркамъ всевозможныхъ развлеченій, возятъ ихъ въ загородные сады, поятъ шампанскимъ и т. п.

Стыдитесь, скажемъ и мы вмѣстѣ съ другими, благоразумно отворачивающимися отъ такихъ сценъ. Стыдитесь! Вспомните, какъ терзали и до сихъ поръ терзаютъ нашихъ солдатъ и офицеровъ эти самые турки и отвернитесь отъ нихъ съ должнымъ презрѣніемъ: по долгу чести и совѣсти мы не имѣемъ права давать имъ болѣе того, что необходимо только для удовлетворенія первыхъ потребностей жизни. Вспомните, сколько вдовъ и сиротъ даетъ намъ война, вдовъ и сиротъ, имѣющихъ полнѣйшее право на сочувствіе: они—не турки, ихъ мужья и братья не тиранили невинныхъ, а положили свой животъ на славной брани, защищая права человѣка, рабски попираемыя извергами.

Вотъ куда нужно обратить все сочувствіе, все вниманіе, всѣ заботы и всѣ свои избытки.

Дворецъ Дольма Бахче въ Константинополѣ.

Трудно передать красоту и величіе Босфора, исполинскаго протока, раздѣляющаго двѣ части свѣта. Европа и Азія здѣсь какъ бы сошлись лицомъ къ лицу во всей своей красѣ и роскоши. Отъ Мраморнаго моря до Чернаго, въ зелени виноградниковъ и кипарисныхъ рощъ, тянется по берегамъ его безконечный рядъ дворцовъ и кіосковъ, поднимаются надъ ними величественные куполы, плоскіе какъ опрокинутое блюдечко, сверкающіе золотыми полумѣсяцами, и высокіе минареты блестятъ на солнцѣ, точно исполинскія свѣчи бѣлаго воска. Масса бѣлыхъ и красныхъ домовъ перемежаются купами темныхъ кипарисовъ. Куда ни взглянешь—всюду дивная красота, чудное сочетаніе зелени, воды, горъ, неба, прозрачнаго воздуха, великолѣпныхъ зданій. Обѣ стороны Босфора имѣютъ свою особую физіономію. На европейскомъ берегу болѣе дворцовъ и селеній, азіатскій богаче рощами и садами. Дѣйствительность во всемъ величіи и блескѣ, въ разнообразнѣйшемъ богатствѣ линій и красокъ здѣсь выше всякихъ описаній, выше всякихъ восторговъ. И по этой синей площади съ легкостію ласточки скользятъ стамбульскіе каики, красивыя остроконечныя лодки, сколоченныя изъ тонкихъ досокъ и покрытыя рѣзьбой. Большинство изъ нихъ двухвесельныя; весла укрѣплются кожаными петлями, смазанными масломъ. При плаваніи на такихъ каикахъ не бываетъ слышно никакого шума, и только едва слышные всплески воды отъ веселъ нарушаютъ тишину ихъ движенія. Вмѣсто скамеекъ на каикахъ разостланы ковры, а на коврахъ лежитъ красная суконная подушка. Гребцы, каикчи, всегда одѣты въ полосатыя кисейныя рубашки, въ широкіе бѣлые шаровары и малиновыя шапочки съ голубою кистью; лица ихъ нѣсколько суровыя отъ смуглаго цвѣта кожи, еще болѣе темнѣющей на солнцѣ; грудь обнажена и мускулистыя руки тоже открыты по локоть

Султанскія каики и также каики богатыхъ людей устраиваются съ большей роскошью и съ большимъ числомъ веселъ.

Босфоръ вмѣстѣ съ Золотымъ Рогомъ по истинѣ составляютъ счастливѣйшее сочетаніе красоты и удобствъ представляемыхъ здѣсь природою для мореплаванія. Золотой Рогъ врѣзывается въ материкъ въ видѣ рога изобилія и образуетъ превосходную гавань, вмѣщающую до 1200 судовъ. Источникъ богатства и жизненной силы для людей, онъ со временъ глубокой древности получилъ свое названіе *золотого рога*.

Помѣщенный въ этомъ № рисунокъ, изображаетъ дворецъ султана въ Константинополѣ, носящій названіе Дольма Бахче и находящійся на самомъ берегу Босфора.

Зданіе Дольма Бахче представляетъ собою странную, но въ то же время чрезвычайно удачную смѣсь всевозможныхъ стилей. Это большое зданіе изъ бѣлаго мрамора, все унизанное сквозными балконами, готическими розетками и арабскими орнаментами. Главный корпусъ его, въ венеціанскомъ вкусѣ, соединяется съ боковыми флигелями, которые выдаются впередъ мраморной колонадой дорическаго ордена. Со стороны площади онъ обнесенъ двумя стѣнами. Монументальныя ворота съ бронзовой вызолоченной рѣшеткой замыкаютъ ихъ. Примыкающій ко дворцу дворъ весь покрытъ газонами, съ цвѣтниками и красиво разсаженными группами стриженныхъ деревьевъ. Смотря на зданіе со стороны, кажется какъ будто это какая то декорація чудпаго балета, фантастическій рисунокъ, набросанный рукою артиста въ минуты увлеченія сказками Шехеразады. Названіе „Дольма Бахче" въ переводѣ значитъ „*огуречный садъ*". Дворецъ этотъ построенъ при султанѣ Махмудѣ II (отцѣ Абдулъ-Меджида, умер. 1839 г.) возлѣ того извѣстнаго въ исторіи мѣста, на которомъ Императоромъ Константиномъ былъ поставленъ золотой крестъ, въ память своего обращенія. За дворцомъ Дольма Бахче въ густой зелени бѣлѣетъ Чараганскій дворецъ, построенный въ мавританскомъ стилѣ.

Но дивясь величію, изяществу и красотѣ великолѣпнѣйшихъ видовъ Босфора, тяжело становится при взглядѣ на отвратительную грязь, покрывающую улицы Константинополя, на нищихъ и калѣкъ, которыми кишатъ эти улицы и вспоминается сколько въ этихъ дивныхъ мѣстахъ совершается ужасовъ, сколько насилій и мукъ.

Красота водъ Босфора и Золотого Рога, при всемъ своемъ очарованіи можетъ иной разъ совсѣмъ исчезнуть для любующагося ими, если этотъ любующійся ими человѣкъ вспомнитъ о томъ, какіе ужасы скрываются въ таинственной и нѣмой глубинѣ этихъ водъ. Воды эти имѣютъ страшныя легенды, много скрыто въ нихъ всевозможныхъ преступленій. Въ нихъ выбрасывались трупы, послѣ кровавыхъ междоусобій и войнъ, въ нихъ-же кончали жизнь несчастныя затворницы гарема. Въ эти воды была прежде проведена канава для стока крови изъ Семибашеннаго замка, гдѣ турецкіе властители по своему расправлялись съ тѣми, кого имъ нужно было убрать на тотъ свѣтъ. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, вблизи этихъ-же водъ, а именно въ самомъ дворцѣ Дольма Бахчи совершилось неменѣе таинственное самоубійство турецкаго султана Абдулъ-Азиса, будто бы перерѣзавшаго себѣ на рукахъ жилы.

Г. Тьеръ.

День 22-го августа (3-го сентября) ознаменовался для Франціи утратою человѣка, посвятившаго ей свою жизнь и составлявшаго ея гордость. Въ 6 часовъ и 10 минутъ вечера, въ Сенъ-Жерменъ-анъ-Лэ, скончался отъ удара господинъ Тьеръ, на 80 году отъ рожденія. Еще утромъ господинъ Тьеръ былъ здоровъ. Всталъ по своему обыкновенію въ 5 часовъ утра и выпилъ свою чашку чернаго кофе, которое ему всегда приготовляла его горничная и передавала чрезъ камердинера Мореля. До половины 7 часа г. Тьеръ работалъ въ своемъ кабинетѣ, ходилъ гулять съ помощію руки Мореля, снова сѣлъ за работу, отъ которой и не отрывался до завтрака. Въ этотъ день завтракъ былъ назначенъ нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, такъ какъ г. Тьеръ предполагалъ отправиться въ Парижъ. Поѣздъ изъ Сенъ-Жерменъ отходитъ въ 1 часъ и 5 минутъ. Тьеръ сѣлъ за завтракъ въ залѣ, служившей ему въ „Павиль-

Библиотека "Руниверс"

онѣ Генриха IV" также и столовой. Съ нимъ была жена его и сестра жены M—elle Донъ. Тьеръ кушалъ съ аппетитомъ, но за десертомъ вдругъ почувствовалъ себя такъ не хорошо, что только съ трудомъ могъ сказать: „Странно! я чувствую себя не по себѣ... мнѣ трудно дышать... я задыхаюсь..." Открыли окно и подкатили къ нему кресло, на которое положили Тьера. Не смотря на желаніе говорить, на попытки написать, больной только шевелилъ губами и дѣлалъ слабыя движенія пальцами. Вскорѣ онъ утратилъ совсѣмъ сознаніе своего положенія и не смотря на все стараніе докторовъ, всякая надежда на возстановленіе силъ исчезла. Въ 5 часовъ г. Тьеръ еще дышалъ, но слабо, и пульсъ его становился все слабѣе, рѣже и, наконецъ, почти незамѣтно, г. Тьеръ перешелъ отъ жизни къ смерти. Вдова и сестра ея всю ночь безъ сна провели возлѣ бездыханнаго тѣла. Г-жѣ Тьеръ и теперь казалось, что отошедши въ вѣчность, мужъ еще нуждался въ ея уходѣ и попеченіяхъ, которыми она окружала его во все время ихъ сожительства. Г. Тьеръ былъ балуемъ женою. Слуги также, не смотря на неровность его характера, любили своего хозяина и хотѣли всю ночь оставаться колѣнопреклоненными предъ его трупомъ.

Тьеръ былъ положенъ на ту самую кровать, на которой всегда спалъ. Лицо покойника нѣсколько припухло, но тѣмъ не менѣе имѣло спокойный видъ. Голова была нѣсколько наклонена на лѣвое плечо. Глаза закрыты и короткія руки протянуты поверхъ одѣяла. Замѣчательно, что пальцы были пригнуты къ ладонямъ, какъ будто страшная боль заставила сжать кулаки. Капельки крови, вытекшей изъ уколовъ піявокъ, виднѣлись на наволочкѣ подушки. Бѣлые волосы, тщательно причесанные г-жею Тьеръ, рѣзко выдѣлялись на матовомъ фонѣ лба и високъ. На груди было положено серебряное распятіе. Знаменитый Мессонье, другъ Тьера, набросалъ съ него портретъ, а Альфредъ Ленуаръ, посланный директоромъ школъ изящныхъ искусствъ, снялъ слѣпокъ съ лица покойнаго и его правой руки. Заявленія сочувствія исходили изъ всѣхъ слоевъ общества, летѣли телеграммы, сыпались груды визитныхъ карточекъ и писемъ. Г-жа Тьеръ получила телеграммы съ изъявленіемъ соболѣзнованія отъ разныхъ европейскихъ государей. Каждый спѣшилъ отдать дань уваженія къ покойному. Пріѣзжалъ и нашъ русскій посланникъ въ Парижѣ, князь Орловъ.

Вдова ни за что не согласилась на бальзамированіе тѣла своего мужа. Въ Парижъ тѣло г. Тьера было привезено въ дубовомъ и свинцовомъ гробахъ. Погребеніе отнесено на счетъ государства, но г-жа Тьеръ приняла предложеніе погребенія тѣла на счетъ государства только подъ условіемъ, чтобы 363 республиканскихъ депутата шли за гробомъ, чтобы она сама выбрала ораторовъ для произнесенія рѣчей и тѣхъ, которые должны нести кисти балдахина.

8-го сентября (27-го августа) состоялись похороны на кладбищѣ Pere Lachaise при громадномъ стеченіи народа. Греви въ своей рѣчи, между прочимъ, напомнилъ, что г. Тьеръ принесъ свои монархическія убѣжденія въ жертву республикѣ, которую онъ считалъ единственно возможной формой правленія для Франціи. Жертва эта стоила много, сказалъ Греви, но для Тьера не существовало ничего выше патріотизма.

Здѣсь надобно замѣтить, что первые признаки болѣзни, которая свела Тьера въ могилу, появились еще въ маѣ текущаго года. Съ нимъ случился первый ударъ, но такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій, то никто не полагалъ, чтобы можно было опасаться второго, и притомъ такъ скоро.

Луи-Адольфъ Тьеръ родился въ Марсели 16-го апрѣля 1797 года. Отецъ его былъ бѣдный ремесленникъ, мать изъ купеческой семьи. Первое время г. Тьеръ воспитывался въ школѣ своего родного города, но затѣмъ состоятельнымъ родственникамъ матери удалось его помѣстить въ коллегію Э (Aix), гдѣ окончивъ курсъ по юридическому факультету, молодой Тьеръ въ 1819 году получилъ званіе адвоката. Но Луи-Адольфъ не могъ удовлетворяться скромнымъ положеніемъ въ провинціи, его пылкая натура требовала высшей дѣятельности и Тьеръ отправился въ Парижъ искать счастія. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ другъ его Минье (историкъ). Счастіе сначала не улыбнулось молодымъ людямъ и много имъ пришлось терпѣть въ ихъ маленькой мансардѣ въ окрестностяхъ Пале-Ройяля.

Въ то время шла ожесточенная борьба партій, люди владѣвшіе перомъ могли быстро составлять себѣ репутацію. Тьеръ и Минье рѣшились попробовать заняться журнальной работой. Тьеръ началъ свой дебютъ на столбцахъ газеты „la Constitutionel" и статьи его произвели положительный эффектъ. Вставая въ 5 часовъ утра, г. Тьеръ неутомимо работалъ и постоянно стремился увеличивать свои свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія. Увѣренный въ своихъ силахъ, г. Тьеръ сталъ писать со свойственнымъ ему авторитетнымъ тономъ и положительно производилъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе. Два года спустя г. Тьеръ дебютировалъ какъ историкъ и его „Histoire de la Révolution Française" надѣлала много шуму по своей безпристрастной оцѣнкѣ событій и дѣятелей революціи.

Окончивъ „Исторію Революціи" (1827 г.), Тьеръ вмѣстѣ съ Минье и Кареллемъ задумали основать новую газету „National". Тьеръ рѣзко нападалъ на министровъ и обсуждалъ ихъ дѣйствія. Вскорѣ Тьеръ всталъ во главѣ протестующихъ журналистовъ и редактировалъ протестъ подъ которымъ подписалось 43-хъ извѣстныхъ французскихъ журналиста. Результатомъ было то, что Тьеръ вмѣстѣ съ друзьями долженъ былъ удалиться изъ Парижа, но не далѣе какъ на слѣдующій же день (29-го іюля 1830 года), когда парижане, поставивъ вездѣ баррикады, стали тѣснить королевскія войска (Карла X) г. Тьеръ и его друзья вернулись обратно въ Парижъ, чтобы участвовать въ борьбѣ. Въ „National" появилась составленная господиномъ Тьеромъ прокламація герцога Орлеанскаго къ французской націи. Самъ Тьеръ отправился на другой день (30-го іюля) въ Нейли и лично просилъ герцога о пріѣздѣ въ Парижъ для возстановленія порядка и принятія званія регента королевства. Республиканской партіи пришлось преклонить голову предъ совершившимся фактомъ, ловко подготовленнымъ Тьеромъ, воцаренія орлеанской линіи бурбонскаго дома. Со вступленіемъ на престолъ Луи Филиппа, Тьеръ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а потомъ вскорѣ товарищемъ министра финансовъ. Въ этой должности онъ заявилъ себя знатокомъ финансоваго дѣла и въ особенности высказалъ свои блестящія ораторскія способности. Получивъ затѣмъ въ 1832 г. портфель министра внутреннихъ дѣлъ, Тьеръ заявилъ себя открыто врагомъ республиканцевъ, и энергично подавилъ всѣ ихъ попытки къ возстанію.

Вслѣдъ за покушеніемъ Фіески на жизнь Луи Филиппа, Тьеръ вмѣстѣ съ герцогомъ Брольи, Персиль и друг., внесъ въ палату законопроектъ объ ограниченіи свободы печати. Въ февралѣ 1836 г. Тьеръ былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ подалъ въ отставку, вслѣдствіе отказа Луи Филиппа отъ предложеннаго имъ вооруженнаго вмѣшательства противъ карлистовъ. 1-го марта 1840 года онъ былъ вторично назначенъ президентомъ совѣта министровъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, но и на этотъ разъ не на долго. Причиною его паденія было также предложеніе о вооруженномъ вмѣшательствѣ, но не противъ карлистовъ, а противъ турокъ Тьеръ поддерживалъ пашу египетскаго Мегемета-Али, который возсталъ противъ султана Махмуда. Россія, Англія, Пруссія и Австрія держали, напротивъ, сторону послѣдняго. Не смотря на это, Тьеръ настаивалъ на своемъ и, желая произвести давленіе на эти державы, поставилъ французскую армію на военную ногу, сталъ укрѣплять Парижъ и т. п. Но всѣ эти демонстраціи ни къ чему не повели, а такъ какъ король, сторонникъ мира, во что бы то ни стало (la paix a tout prix), и знать не хотѣлъ о войнѣ, то Тьеру пришлось отказаться отъ своего портфеля, который былъ переданъ Гизо. Тогда Тьеръ сдѣлался главою лѣваго центра, тогдашней оппозиціи и внѣ своихъ парламентскихъ занятій усердно занимался составленіемъ продолженія своего историческаго труда „Histoire du Consulat et de l'Empire". Когда революція стала угрожать трону Луи-Филиппа, король вспомнилъ о своемъ бывшемъ министрѣ и поручилъ ему составить кабинетъ, который удовлетворялъ бы требованіямъ общественнаго мнѣнія, но было слишкомъ поздно: народъ отказался слушаться увѣщаній Тьера, Луи-Филиппъ бѣжалъ и вторая республика была провозглашена. Тогда Тьеръ болѣе или менѣе искренно примкнулъ къ республикѣ, принимая участіе въ занятіяхъ законодательнаго собранія. 2-го декабря 1852 года онъ былъ арестованъ и сосланъ изъ Франціи, но уже въ августѣ слѣдующаго года Наполеонъ III дозволилъ ему вернуться на родину.

Избранный депутатомъ второго парижскаго избирательнаго округа въ законодательный корпусъ, онъ продолжалъ начатую исторію консульства и имперіи. Во все продолженіе существованія второй имперіи, Тьеръ былъ рѣшительнымъ противникомъ Наполеона III, и въ послѣдніе дни имперіи, когда Наполеонъ III пытался укрѣпить свой колеблющійся тронъ новымъ плебисцитомъ, Тьеръ былъ самымъ рѣшительнымъ изъ его противниковъ. Точно также онъ твердо стоялъ противъ войны съ Пруссіей. Послѣ Седана Тьеръ отказался войти въ составъ временнаго правительства и всецѣло посвятилъ себя дѣлу спасенія отечества. Съ этою цѣлію онъ посѣтилъ почти всѣхъ европейскихъ государей, и если эта дипломатическая поѣздка не принесла желанныхъ результатовъ, то всего менѣе можно винить въ этомъ г. Тьера. 17-го февраля 1871 г. Тьеръ былъ избранъ главою исполнительной власти и подписалъ предварительныя условія мира съ графомъ Бисмаркомъ. 24-го мая 1874 г. Тьеръ сложилъ съ себя званіе президента республики, переданное маршалу Макъ-Магону.

Вотъ краткій перечень его дѣятельности, о которой сказать болѣе или менѣе подробно значило бы написать цѣлые томы книгъ.

По необычайной силѣ и богатству талантовъ, по ясности и широтѣ мысли, точно также какъ и по количеству одержанныхъ успѣховъ и по размѣрамъ дѣятельности, г. Тьеръ вполнѣ заслуживаетъ названіе величайшаго государственнаго человѣка XIX столѣтія.

Блестящая извѣстность Тьера неразрывно связана съ исторіей самыхъ трудныхъ періодовъ политической жизни въ со-

Библиотека "Руниверс"

Древній замокъ Пфальцъ близъ города Кауба на Рейнѣ. Рис. Манфельдъ, грав. Женфельдъ.

Библиотека "Руниверс"

Гдѣ-же дорога?

(Эпизодъ изъ похода русскихъ войскъ чрезъ Балканы). Съ наброска К. П., грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

временной Европѣ. Знаменитый историкъ и поклонникъ Наполеона I, выдающійся ораторъ и министръ при королѣ Люи-Филиппѣ, ближайшій участникъ событій 1848 г., непреклонный противникъ Наполеона III во все время его царствованія, великій самоотворженный патріотъ въ мрачную эпоху 1870—1871 годовъ, освободитель французской территоріи, герой пяти милліардовъ, Тьеръ всегда оставался какъ бы идеаломъ государственнаго человѣка не для одной Франціи, но и для всей Европы вообще. Въ послѣднее время, правда, не рѣдкость было слышать, будто съ 24-го мая, т. е. послѣ сложенія съ себя званія президента республики, Тьеръ отчасти утратилъ обаяніе, которое онъ производилъ на иностранныя правительства. Говорятъ, что Тьеръ, когда до него дошли такіе слухи, сказалъ: „Если это будетъ продолжаться долѣе, то я предамъ гласности двѣ или три телеграммы, которыя находятся въ моемъ распоряженіи". При этомъ онъ показалъ своему собесѣднику телеграммы отъ одного нѣмецкаго генерала и нѣмецкаго историка, въ которыхъ было написано: „мы вѣримъ въ вашу счастливую звѣзду и желаемъ вамъ лучшаго успѣха". Тьеръ объяснилъ эти слова желаніемъ ему побѣды на предстоящихъ октябрьскихъ выборахъ. Тьеръ дѣйствительно очень дорожилъ тѣмъ, чтобы его считали другомъ Европы и ему крайне были непріятны слухи, будто онъ лишился дружбы иностранныхъ правительствъ.

Для Франціи въ особенности будетъ особенно памятно какъ въ годины бѣдствій поставленный во главѣ правительства, Тьеръ, въ силу своего патріотизма, держался на высотѣ самой трудной и самой горестной задачи.

Тьеръ умѣлъ поднять Францію изъ той пропасти, въ которую ее ввергнула Наполеоновская война съ Пруссіей, онъ отстоялъ Бельфоръ, смягчилъ условія мира, выплатилъ баснословные милліарды раньше срока. Его содѣйствію и неутомимымъ заботамъ обязана Франція, что она снова заняла достойное положеніе въ ряду сильныхъ державъ.

Смерть Адольфа Тьера должна вызвать нѣкоторыя угрызенія совѣсти въ нынѣшнихъ совѣтникахъ Макъ-Магона, сдѣлавшихъ съ своей стороны все возможное, чтобы наполнить горечью послѣдніе годы жизни знаменитаго старца. А надъ свѣжею могилою соберется Франція и приступитъ къ исполненію того, что ей завѣщалъ покойный, устранивъ всякіе поводы къ дальнѣйшей борьбѣ партій.

Состояніе, оставленное Тьеромъ, весьма значительно, но надобно замѣтить, что все его личное богатство составлено литературными работами—фактъ знаменательный въ виду того, что Тьеръ два раза былъ министромъ и затѣмъ президентомъ республики. Одна „Исторія Консульства и Имперіи" доставила автору одинъ милліонъ франковъ. Ежегодный доходъ Тьера простирался до 60—70,000 франк. съ его собственнаго состоянія. Домъ Тьера на площади Сенъ-Жоржъ представляетъ самъ по себѣ извѣстность. Во время коммуны онъ былъ разрушенъ и потомъ снова возстановленъ на счетъ республики. Обстановка дома имѣетъ громадную цѣнность. Особенно замѣчательны: библіотека, коллекціи древнихъ и современныхъ бронзовыхъ вещей и драгоцѣнный и рѣдкій фарфоръ. **Л.**

Возвращеніе съ полевыхъ работъ.

(Картина А. Делова).

Мирная сцена мирнаго времени, столько же пріятная, если случится встрѣтить ее въ дѣйствительной жизни, насколько правдивая въ этой художественно-исполненной копіи съ художественнаго произведенія.

Сцена эта не изъ нашей русской жизни, это видно изъ всѣхъ ея частностей, начиная съ осла, на которомъ ѣдутъ (у насъ это въ рѣдкость) и кончая одеждой изображенныхъ фигуръ. У насъ такъ не одѣваются и такихъ лицъ среди сельскаго населенія едва ли можно встрѣтить. Съ перваго взгляда наша жизнь какъ будто хуже, крестьяне грязнѣе, ихъ умственный кругозоръ значительно уже, чѣмъ кругозоръ ихъ европейскихъ собратій. Куда намъ до европейцевъ, тамъ давно уже такъ разграничили и раздѣлили каждый кусочекъ земли, каждую сажень рѣки, что приходится дѣйствительно „мозгами ворочать", чтобы выдерживать „борьбу за существованіе". Поневолѣ умственный кругозоръ расширится.

Понятно, чтобы дойти до такого разграниченія на сажени каждаго кусочка земли, нужно было много пережить другихъ состояній въ борьбѣ за существованіе; недаромъ Европа имѣетъ передъ нами чуть не тысячелѣтнее преимущество: въ то время, когда у насъ славянскія племена только что поднимались изъ лѣсныхъ дебрей, чтобы сдѣлать первый шагъ на пути къ своему теперешнему существованію, въ это время Европа уже пережила многое множество всякихъ невзгодъ, войнъ, переворотовъ, имѣла Карла Великаго, не говоря уже о періодѣ древне-исторической ея жизни.

Наша жизнь другая и доля наша не та, которая досталась Европѣ. Покойный Тютчевъ написалъ о русскомъ народѣ, между прочимъ, слѣдующее:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Вотъ какъ высказался о русскомъ народѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ знатоковъ Европы, прожившій въ различныхъ ея центрахъ чуть-ли не болѣе двухъ десятилѣтій. Увидалъ онъ что-то такое въ русскомъ народѣ, чего не нашелъ тамъ за моремъ и чего не пойметъ и не оцѣнитъ „гордый взоръ иноплеменный".

Но мы въ сравненіи нашей русской жизни съ западно-европейской удалились отъ нашей картинки. Она все таки указываетъ намъ, что мы еще не выработали тѣхъ условій жизни, которыя выработаны тамъ на западѣ.

Слѣдовательно нужно пожелать, чтобы наступило то время, когда наши крестьянки будутъ ѣздить въ чепцахъ на полевыя работы и вмѣсто шлепанья босыми ногами по грязи пѣшкомъ, спокойно сидѣть верхомъ на ослахъ.

Д. Стахѣевъ

Древній Замокъ Пфальцъ близь города Кауба на Рейнѣ.

Городокъ Каубъ — по старинному Куба и Хубэ — стоитъ въ Мюльбахской долинѣ. Во время оно (въ XIII в.) городокъ этотъ былъ обнесенъ каменною стѣною съ нѣсколькими башнями. Башни и до сихъ поръ стоятъ. Въ ночь на 11-е марта текущаго года Каубъ сильно пострадалъ вслѣдствіе горнаго обвала. Окрестности этого города богаты шиферными копями.

Громадное каменное шестиугольное зданіе на самой рѣкѣ— это Пфальцбургъ. Эта башня съ кучей башенокъ стоитъ тутъ уже много вѣковъ. Быстрыя воды Рейна едва ли когда разрушатъ ее. Пфальцбургъ былъ сооруженъ въ XIII в. и сооруженъ съ *единственною* цѣлью грабежа и взиманія пошлинъ съ судохозяевъ, плававшихъ по Рейну. Обладатели этого каменнаго грабительскаго гнѣзда наводили ужасъ на всѣхъ корабельщиковъ. Въ настоящее время Пфальцбургъ необитаемъ, и только чужестранцы порой заглядываютъ туда днемъ.

Гдѣ-же дорога?

(Эпизодъ изъ перехода русскихъ войскъ чрезъ Балканы).

Картинка изображаетъ эпизодъ изъ перехода русскихъ войскъ чрезъ Балканы. Изслѣдуя путь, офицеры штаба достигли самой высшей точки прохода и прежде чѣмъ рѣшиться на продолженіе пути, они хотѣли удостовѣриться по картамъ въ вѣрности избраннаго ими направленія. Ихъ сопровождалъ болгаринъ, взятый за путеводителя. Никто, дѣйствительно, не могъ бы въ ущельяхъ горъ отыскать дороги, если бы не было человѣка совершенно знакомаго съ мѣстностью.

Всѣ путники хранили молчаніе, такъ какъ вниманіе каждаго изъ нихъ было сосредоточено на ихъ провожатомъ и невольно приходило каждому на мысль: можно ли ввѣриться проводнику? Только наконецъ послѣ величайшихъ затрудненій всадники прибыли на мѣсто, гдѣ бивуакировала пифантерія, уѣхавшая еще днемъ раньше.

Чаша Нептуна. Губка (Spongia).

Кому неизвѣстны губки, по ихъ почти ежедневному употребленію, но многіе-ли имѣютъ точное понятіе о томъ, что такое губка? Многіе не знаютъ о томъ, что эти, повидимому, никогда неимѣвшія жизни массы въ свое время пользовались не только жизнію, но и самостоятельной индивидуальностію. Не имѣя ни ногъ, ни органовъ пищеваренія, онѣ питались и передвигались съ мѣста на мѣсто. Множась дѣленіемъ, самопроизвольно разрывали онѣ свое тѣло, и каждая новая половинка росла, ѣла и снова множилась. У нѣкоторыхъ родовъ губокъ—tethea, напримѣръ, замѣчается совершенно правильно выпрыскиваніе воды сквозь скважины, во лишь только дотронутся до губки—какъ она сжимаясь, тотчасъ же закрываетъ свои скважины.

О значеніи губокъ и о мѣстѣ ихъ въ естественной исторіи до послѣдняго времени было между натуралистами много различныхъ заключеній. Иные причисляли ихъ къ царству растеній, другіе къ животнымъ и только теперь организація губокъ стала болѣе извѣстной.

Губки составляютъ классъ существъ при переходѣ отъ животнаго царства къ растеніямъ и находятся въ близкомъ сродствѣ съ полипами.

Онѣ водятся въ прѣсной и соленой водѣ, гдѣ прикрѣпляются къ подводнымъ предметамъ. Въ простѣйшей, индивидуальной,

Библиотека "Руниверс"

основной формѣ, представляющей существенныя особенности строенія, губки являются въ видѣ цилиндрическаго, прикрѣпленнаго мѣшка съ большимъ выводнымъ отверстіемъ на свободномъ концѣ. Губокъ извѣстно нѣсколько родовъ. Всѣ онѣ большею частью состоятъ изъ сократимой стѣнки, натянутой на твердый скелетъ, сложенный или изъ роговыхъ волоконъ, или кремневыхъ и известковыхъ иголъ. Поверхность губки ноздреватая, со множествомъ крупныхъ и мелкихъ отверстій; внутренность ея представляетъ цѣлую систему каналовъ и трубокъ, въ которыхъ поддерживается непрерывный токъ воды, приносящей, по всему вѣроятію, питательныя вещества. Твердый остовъ или скелетъ не встрѣчается лишь у мягкихъ и совершенно неправильныхъ губокъ. Ученые группируютъ губки такъ: студенистыя губки, кожистыя, роговыя, кремнисто-роговыя, коровыя, стекловидныя и известковыя. Путемъ сліянія первоначально отдѣльныхъ особей, а также и новообразованіями, происходятъ весьма разнообразныя колоніи губокъ. Размноженіе губокъ совершается, какъ уже сказано, дѣленіемъ и образованіемъ зародышныхъ тѣлецъ. Половое размноженіе нѣсколько изслѣдовано только у одного рода губокъ—бодягъ (spongilla).

Съ болѣе или менѣе рѣзкимъ измѣненіемъ формъ, въ губкѣ замѣчается способность перемѣщенія. Медленно двигаясь, масса покидаетъ первоначальное мѣсто своего прикрѣпленія и перетекаетъ на новое.

Повидимому губки не составляютъ особенной важности въ экономіи природы. Для человѣка годны только мягкія роговыя губки (Euspongia), извѣстныя подъ общимъ именемъ губокъ, которыя ловятся въ особенности со дна Средиземнаго моря, близъ Смирны и Крита. Цѣнность этихъ губокъ побудила заняться искусственнымъ разведеніемъ ихъ на берегу Далмаціи.

Считаемъ необходимымъ добавить, что кромѣ всѣмъ извѣстнаго употребленія губокъ въ обыденной жизни, жженные обрѣзки губокъ, ради содержанія въ нихъ іода, употребляются въ медицинѣ, какъ средство противъ зоба.

Для добыванія со дна моря губокъ, изъ которыхъ многія растутъ на порядочной глубинѣ, спускаются водолазы. Вдоль береговъ, гдѣ находятся ловли губокъ, жители съ ранняго возраста пріучаются нырять и достигаютъ такого совершенства, что остаются подъ водою до 7 минутъ. Возлѣ Триполи водолазы спускаются на дно съ веревкой, на концѣ которой привязывается мраморная плита; когда водолазъ устаетъ, онъ дергаетъ за нее и тѣмъ даетъ знакъ, чтобы его вытаскивали. Поиски губокъ сопряжены съ страшными опасностями: во-первыхъ водолазъ можетъ потерять веревку; самъ же онъ подняться со дна не можетъ; а во-вторыхъ ему нерѣдко приходится выдерживать нападеніе акулъ. Послѣдствіемъ промысла является слабость груди, чахотка и ежегодно нѣсколько жертвъ моря.

Губка бодяга, водящаяся на днѣ прѣсныхъ, текучихъ водъ, извѣстна повсемѣстно въ Россіи. Растертая въ порошокъ, она употребляется для натиранія щекъ вмѣсто румянъ; въ смѣсиже съ растительнымъ масломъ, ею сводятъ синяки на тѣлѣ.

Представленная на нашемъ рисункѣ „чаша Нептуна"—ничто иное какъ губки, которымъ сообразно ихъ формѣ, дали въ этомъ случаѣ такое названіе.

Л.

Извѣстія съ театра войны.

Какъ двѣ недѣли тому назадъ все вниманіе нашего общества приковывала Шипка, такъ въ прошлую недѣлю его приковывала Плевна, ея настойчивая осада съ нашей стороны и отчаянное сопротивленіе нашихъ врагокъ. Разскажемъ дѣло въ хронологическомъ порядкѣ. Послѣ взятія нашими войсками Ловчи, о которомъ мы уже говорили въ прошломъ обозрѣніи (см. «Ниву» № 36), мы говорили также и о важномъ стратегическомъ значеніи этого взятія для дальнѣйшихъ нашихъ операцій, такъ какъ естественнымъ слѣдствіемъ взятія Ловчи должно быть движеніе съ юга на Плевну, и осада этого важнаго пункта, что бы вытѣснить оттуда Османа-пашу. Этого естественно было ожидать: это, дѣйствительно, и случилось вскорѣ. Изъ предыдущего обозрѣнія нашего читатели уже знаютъ о томъ, что происходило, подъ Плевной 25 и 26 августа.

Потери наши 26-го были незначительны. Но 27 же августа, около 5 часовъ утра, артиллерійскій бой возобновился съ усиленною энергіей.

28 августа наши баттареи обстрѣливали Плевну цѣлый день, на разстояніи 600—700 саженъ. 29 утромъ турки сдѣлали сильную вылазку противъ лѣваго фланга нашего расположенія, но были отбиты съ большимъ урономъ. Далѣе въ этотъ же день произошла рекогносцировка румынами непріятельскаго редута, который при этомъ открылъ сильный ружейный огонь, но долженъ былъ вскорѣ замолчать, благодаря сосредоточеннымъ выстрѣламъ нашихъ баттарей. Одна изъ баттарей передвинута была нами, 28 августа, для стрѣльбы по турецкому укрѣпленному лагерю. Ночью съ 28-го на 29-е происходила сильная стрѣльба, а 29-го усиленная канонада снова возобновилась, и обстрѣливаніе Плевны съ нашихъ осадныхъ и полевыхъ баттарей продолжалось цѣлый день. Уже поздно вечеромъ, нашъ лѣвый флангъ, подъ начальствомъ генерала Скобелева, занялъ еще высоту, съ которой представилось возможнымъ дѣйствовать по непріятелю, по укрѣпленному лагерю и по самому городу. Непріятель оказалъ намъ лишь слабое сопротивленіе. Въ этотъ же день кавалерія наша на Софійской дорогѣ, отразила отрядъ конныхъ черкесовъ, выступившихъ противъ нея изъ Пленны.

30 августа обстрѣливаніе, начатое съ разсвѣтомъ, продолжалось до 3-хъ часовъ дня. И затѣмъ, когда усиленный трехдневный артиллерійскій огонь достаточно подготовилъ возможность штурма, этотъ штурмъ начался. Къ вечеру этого дня на южномъ фронтѣ уже были взяты 3 редута генераломъ Скобелевымъ и большой Гривицкій редутъ генераломъ Родіоновымъ. Но это дѣло, при ожесточенномъ сопротивленіи непріятеля, не обошлось безъ чувствительныхъ потерь. Генералъ Родіоновъ, при взятіи Гривицкаго редута, *раненъ* (къ счастію легко), а командиръ 17-го пѣхотнаго Архангелогородскаго полка полковникъ Шлиттеръ *убитъ*. Затѣмъ *убитъ* начальникъ 3-й стрѣлковой бригады генералъ Добровольскій. Въ Штурмѣ Гривицкаго редута участвовали 6 нашихъ и 1 румынскій батальоны, и при этомъ взято 2 знамени и 5 орудій.—31 августа съ разсвѣтомъ, опять возобновился по всей линіи сильный огонь и при этомъ наши войска стояли въ виду турецкихъ укрѣпленій, на занятыхъ нечеромъ мѣстахъ.

31-го августа аттака съ нашей стороны прекратилась, почему—пока неясно и конечно, мы получимъ объ этомъ вскорѣ подробныя свѣдѣнія. Оставивъ аттаку, наши войска обстрѣливали съ ближайшаго разстоянія турецкія укрѣпленія, а также и самый городъ, который около 4 часовъ дня загорѣлся и произошли 2 большихъ взрыва въ турецкихъ укрѣпленіяхъ. Но турки отвѣчали на нашъ огонь мало, а направили всѣ усилія противъ нашего лѣваго фланга, угрожавшаго ихъ тылу. На этомъ флангѣ былъ генералъ Скобелевъ; онъ отбилъ *пять* ожесточенныхъ турецкихъ аттакъ, но затѣмъ, послѣ *шестой* аттаки, всетаки былъ принужденъ оставить позиціи, взятыя имъ 30-го августа *). За ночь на 1-е сентября войска наши окопались на занятыхъ ими прежде позиціяхъ вокругъ Плевны. 31-е августа было снова страшнымъ и грознымъ днемъ.

Эти извѣстія были сообщены Его Высочествомъ Главнокомандующимъ отъ 1 Сентября; 2-го—оффиціальныхъ извѣстій съ театра войны не было, такъ какъ въ этотъ день Его Высочество Главнокомандующій объѣзжалъ позиціи, выбралъ новыя мѣста для баттарей, производилъ рекогносцировку непріятельскаго расположенія, и какъ сказано въ телеграммѣ отъ 3-го числа, не успѣлъ телеграфировать! Въ этой телеграммѣ (отъ 3-го сентября) сообщается, что 1-го сентября весь день и 2-го до 6 часовъ вечера наши баттареи обстрѣливали Плевну. Турки не отвѣчали; они повидимому берегутъ снаряды на случай повторенія штурма. Въ 6 часовъ вечера 2-го сентября турки открыли усиленный огонь по гривицкому редуту и затѣмъ атаковали его, но были отбиты при содѣйствіи нашихъ и румынскихъ резервовъ; все дѣло продолжалось 3¼ часа. За симъ 4-го сентября наши продолжали обстрѣливать непріятельскія укрѣпленія.

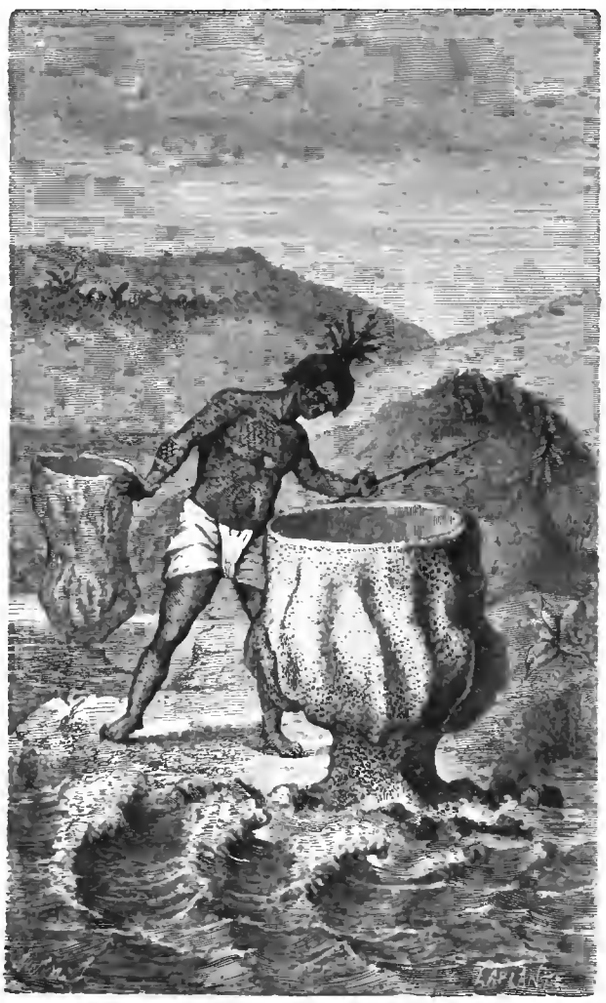
По свѣдѣніямъ къ вечеру 2-го сентября, черезъ всѣ перевязочные пункты прошло, съ 26-го августа, раненыхъ офицеровъ 239 и нижнихъ чиновъ 9,482; число убитыхъ около 3,000; точной цифры опредѣлить еще невозможно. Вся наша потеря около 300 офицеровъ и 12,500 нижнихъ чиновъ. Румынская армія до утра 2-го сентября потеряла около 60 офицеровъ и 3,000 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Духъ войскъ, какъ нашихъ, такъ и румынскихъ, превосходенъ; молодыя румынскія войска, по словамъ телеграммы, дерутся отлично.

На всѣхъ остальныхъ мѣстахъ театра войны все по прежнему спокойно.

И такъ бой подъ Плевной еще до сихъ поръ не далъ ни какихъ рѣшительныхъ результатовъ. Число жертвъ, павшихъ на поляхъ, окружающихъ это упорно отстаиваемое турками мѣсто, уже достигло громадной цифры (если припомнить число жертвъ, павшихъ во время первыхъ двухъ неудачныхъ аттакъ). Но мы уже имѣли случай не разъ говорить, что изъ всѣхъ народныхъ бѣдствій, война есть величайшее бѣдствіе и, видитъ Богъ, какъ Россіи, въ лицѣ своего миролюбиваго монарха, старалась избѣжать войны. Теперь же, когда наступаютъ самыя рѣшительныя обстоятельства этой войны, намъ уже не слѣдуетъ смущаться духомъ, а терпѣливо ждать дальнѣйшаго хода ея и выполненія тѣхъ стратегическихъ плановъ, которые предначертаны главнокомандующимъ. Вышеописаннымъ упорнымъ и до сихъ поръ неприведшимъ къ рѣшительнымъ результатомъ боемъ подъ Плевной нисколько не уничтожаются выгода и значеніе нашего стратегическаго движенія отъ Ловчи на Плевну. Съ одной стороны позиціи турокъ слишкомъ выгодны, слишкомъ укрѣплены самою природою, затѣмъ мужество отчаянія нашихъ врагонъ, бьющихся на животъ и на смерть, тоже слишкомъ велико,—что бы счи-

*) То есть три редута, о которыхъ сказано выше.

Библиотека "Руниверс"



Чаша Нептуна. Губка (Spongia). Рисов. Менель, грав. Лаплантъ.

тать неожиданнымъ подобный оборотъ дѣла. Эти обстоятельства, въ связи съ турецкимъ ожесточеніемъ и фанатизмомъ, дѣлаютъ настоящую войну жестокою и кровопролитною. Но такою цѣною суждено намъ покупать свободу нашихъ униженныхъ братьевъ. Хотя въ исторіи и ничего не повторяется, но были же и аналогичные съ настоящимъ грозные моменты, когда правое дѣло, дѣло свободы, повидимому, погибало, мудрый законъ справедливости, управляющій событіями, неожиданно давалъ направленіе этимъ событіямъ въ пользу праваго дѣла. Въ другихъ пунктахъ дунайскаго театра войны за это время положеніе дѣлъ не измѣнилось, точно также и въ Малой Азіи дѣла находятся въ прежнемъ положеніи.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Въ слоб. „Новая сотня" (Воронежской губ.) М. М. Прот—ову. Изъ массы стиховъ, съ упорнымъ постоянствомъ ежедневно доставляемыхъ въ редакцію, наши «сочиненія на пробу» выдаются своими необычайными перлами. Напримѣръ,—такіе стихи:

Зачѣмъ вы равнодушно на меня взираете,
Что я въ лѣтахъ созрѣвши,
И взоръ свой отъ меня отвращаете,
Вы полагаете, что чувства мои охладѣвши,

Не знаемъ, какого мнѣніе о вашихъ чувствахъ то лицо, къ которому вы обращаетесь, но мы съ своей стороны не можемъ невамѣтить, что, какъ-бы ни были «охладѣвши» ваши чувства, краснорѣчіе ваше всегда будетъ способно воспламенить ихъ и дать вамъ возможность сказать въ слѣдующемъ «сочиненіи» что чувства ваши «закипѣвши»

Екатеринославъ. А Лес—ову. Вы спрашиваете:

Для чего, для кого онѣ (звѣзды) тамъ
Разноцвѣтнымъ блещутъ огнями,
Украшеніемъ ли небесамъ
Или созданы отдѣльно мірами?

Задавшись «высокими» мыслями, да еще въ такихъ стихахъ, каковы ваши, можно придти только къ тому заключенію, что «систему міра изложить дѣйствительно можно, да кто ее знаетъ какъ оно тамъ». Дальше этого вы не пойдете.

Тамбовъ С. Кол—ину. Вы обращаетесь къ своей фантазіи съ такими стихами:

«О ты, фантазіи, создатель
Разнообразнѣйшихъ идей»...

Это не высота тона напоминаетъ извѣстное обращеніе:

«О ты, что булками торгуешь,
Продай на гривну калачей».

Думаемъ, что «высота тона» въ обоихъ случаяхъ совершенно умѣстна.

2-й заемъ 1866 года, 23-й тиражъ 1-го сент. 1877 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Выс. утв. 14-го февраля 1866 г. Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ, 1-го сентября 1877 г., Правленіемъ Банка, въ присутствіи надлежащихъ членовъ и депутатовъ, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 г. Выигрыши пали на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.
170	3	500	4810	46	5000	10156	8	500	15485	6	8000
181	39	500	4824	49	500	10254	12	500	15534	26	500
212	20	500	4926	48	500	10405	46	500	15630	3	500
425	42	500	5030	5	1000	10407	12	500	15653	31	500
616	38	500	5116	4	500	10660	34	500	15697	18	500
778	11	1000	5204	40	500	10686	27	500	15761	16	500
848	42	500	5404	41	1000	10733	24	500	15800	39	500
858	20	500	5472	2	500	11029	12	500	15887	15	5000
921	6	500	5553	33	500	11109	35	500	16065	28	500
945	40	500	5781	42	500	11207	47	500	16107	18	500
957	44	1000	5836	29	500	11582	14	500	16196	13	500
988	12	500	5868	9	500	11746	41	500	16303	34	500
997	20	1000	5950	13	500	11792	26	500	16353	47	500
1075	4	500	6004	41	500	11936	17	500	16361	43	500
1129	12	500	6010	32	500	12020	14	500	16446	50	500
1180	35	500	6086	38	500	12033	11	40000	16491	7	500
1261	6	500	6257	37	5000	12120	34	500	16517	22	500
1281	3	500	6263	18	500	12255	47	500	16545	45	8000
1315	32	500	6416	45	500	12323	45	500	16567	8	1000
1361	50	500	6448	23	500	12334	15	500	16593	28	500
1411	5	500	6457	2	500	12425	42	500	16617	30	500
1445	50	500	6656	15	500	12442	44	500	16694	29	500
1572	28	500	6718	9	500	12486	19	5000	16740	34	500
1671	8	500	6781	11	500	12624	43	500	16752	34	500
1692	21	500	6913	43	500	12693	29	500	16755	2	1000
1737	16	500	6958	34	500	12708	9	500	16946	43	500
1742	3	500	7016	36	500	12755	11	500	16968	7	500
1770	25	500	7017	19	500	12797	8	500	16968	22	500
1830	49	500	7020	27	500	12817	5	500	17075	40	500
1909	2	500	7099	6	500	12883	25	500	17112	39	500
1921	12	500	7201	2	500	12965	24	500	17173	48	5000
1928	28	1000	7231	36	500	13102	4	500	17123	5	1000
1954	45	500	7264	27	500	13106	12	500	17237	29	500
2014	23	500	7314	39	500	13138	33	500	17390	6	500
2065	31	500	7587	16	500	13142	22	500	17454	39	500
2100	24	500	7596	16	500	13184	48	5000	17482	33	500
2201	47	500	7612	49	500	13201	16	500	17509	9	500
2384	18	500	7635	7	500	13276	19	500	17606	34	500
2395	26	500	7674	43	500	13287	12	500	17626	8	500
2499	33	500	7685	16	10000	13302	3	500	17651	20	500
2579	11	500	7813	11	5000	13350	15	500	17704	1	500
2733	4	500	7829	48	500	13369	32	500	17764	17	500
2757	32	500	7875	8	500	13434	46	500	17806	47	500
2783	37	8000	7884	29	500	13482	26	500	17933	2	1000
2883	9	10000	8003	1	500	13483	24	500	17943	12	500
2932	3	500	8011	12	1000	13635	13	500	17993	49	1000
3007	29	500	8014	33	500	13645	33	500	18026	25	500
3045	12	500	8051	41	500	13697	38	500	18031	29	500
3153	22	500	8052	10	500	13810	48	500	18044	41	500
3280	29	500	8124	11	500	13946	27	500	18086	19	500
3297	46	500	8145	19	500	13994	17	500	18136	2	500
3534	42	500	8148	38	500	14013	6	500	18254	48	1000
3576	38	500	8170	40	500	14100	50	8000	18388	22	500
3709	22	500	8191	22	500	14271	48	500	18561	48	500
3718	48	500	8266	28	8000	14277	25	500	18583	22	500
3781	26	500	8328	11	500	14287	47	500	18604	39	500
3903	50	500	8444	46	500	14289	37	1000	18762	20	500
3920	40	500	8474	28	500	14291	9	25000	18864	7	500
3928	40	500	8513	30	500	14305	42	500	18987	43	500
3995	33	10000	8540	18	500	14457	7	500	19195	7	500
4001	39	500	8552	22	500	14490	17	1000	19231	16	500
4042	3	500	8694	15	500	14525	24	500	19237	26	1000
4084	45	500	8988	41	500	14561	17	500	19248	14	5000
4102	10	500	9047	42	500	14633	12	1000	19272	13	500
4197	44	500	9102	12	500	14692	30	500	19348	4	500
4235	39	500	9104	35	1000	14728	3	500	19377	8	75000
4279	36	500	9152	13	500	14754	6	500	19419	34	500
4315	27	1000	9159	24	500	14788	22	500	19479	26	500
4400	27	500	9167	9	500	14832	21	500	19498	35	500
4402	25	500	9270	41	500	14863	14	500	19509	1	500
4417	46	500	9309	2	500	14882	12	1000	19518	26	500
4499	47	500	9376	43	500	15144	20	500	19735	27	500
4593	24	500	9530	7	200000	15174	11	500	19853	48	500
4673	40	500	9630	41	500	15348	38	500	19887	47	500
4715	15	500	9729	8	500	15375	1	500	19996	31	500

Уплата выигрышей будетъ производится исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1877 года.

ТАБЛИЦА

серій бил. 2-го внутр. 5% съ выигр. займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

НУМЕРА СЕРІЙ.

205, 843, 1678, 2161, 2798, 2806, 2846, 2961, 3726, 4,080, 4100, 5644, 5940, 6113, 6368, 6904, 7025, 7039, 7264, 7834, 7929, 8067, 8627, 8812, 9043, 9044, 9089, 10228, 10455, 10667, 11442, 11628, 12437, 12672, 13074, 14203, 14,533, 14537, 14575, 14797, 14969, 15230, 15,369, 16159, 16,225, 16725, 16726, 16807, 17132, 17135, 18282, 18886, 18486, 18968. 19235, 19918.

Всего 56 серій. составляющія 2,800 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 р. за билетъ, будетъ производится съ 1-го дек. 1877 г. въ Государст. Банкѣ, его Контор. и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Генералъ-маіоръ Валеріанъ Филипповичъ Дерожинскій** (съ портретомъ) **Л.—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева.** Часть первая (продолженіе).—**Размѣры военныхъ кораблей** (съ рисункомъ).—**Конвоированіе плѣнныхъ турокъ** (съ рисункомъ).—**Дворецъ Дольма Бахче въ Константинополѣ** (съ рисункомъ).—**Адольфъ Тьеръ** (съ портретомъ) **Л.—Возвращеніе съ полевыхъ работъ** (съ рисункомъ) **Д. Стахѣева.—Древній замокъ Пфальцъ близь города Кауба на Рейнѣ** (съ рисункомъ).—**Гдѣ-же дорога?** (съ рисункомъ).—**Чаша Нептуна. Губка (Spongia)** (съ рисункомъ) **Л.**—Извѣстія съ театра войны.—**Тиражъ выигрышей Государственнаго банка.**—Почтовый ящикъ.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

Дозволено цензурою. СПБ. 9 сентября 1877 г. Тип. Веллинга, Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 38 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 19 Сентября 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева.	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

Контора журнала «Нивы» помѣщается въ С.-Пбургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

23 дневная осада Баязетской крѣпости.

Въ 35 № „Нивы" мы имѣли уже случай сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о защитникѣ Баязетской крѣпости, капитанѣ Ѳеодорѣ Эдуардовичѣ Штоквичѣ; въ настоящее время въ виду осуществившейся возможности помѣстить на страницахъ „Нивы" его портретъ, приводимъ подробности Баязетскаго сидѣнья, въ которомъ онъ выказалъ себя человѣкомъ неуклонной честности и замѣчательнаго мужества. Слово „сидѣнье" старинное слово, означающее оборону гарнизона въ осажденной крѣпости. Надобно сказать, что комендантъ осажденной крѣпости получаетъ права командира отдѣльнаго корпуса, которыя равны правамъ главнокомандующаго, за исключеніемъ права назначать награды за подвиги. Приказанія коменданта исполняются какъ *Высочайшія повелѣнія*. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, комендантъ можетъ окончательно конфирмовать приговоры полевого суда, даже къ смертной казни, и только по исполненіи приговора обязанъ представить подлинное военно-судное дѣло въ главный военный судъ.— Осадѣ Баязетской крѣпости предшествовали слѣдующія обстоятельства:

Ѳеодоръ Эдуардовичъ Штоквичъ, комендантъ Баязетской крѣпости.
Рис. Н. Пановъ, грав. Вейермавъ.

4 іюня курды напали на стада, принадлежавшія жителямъ Баязета, и отбили до 1000 головъ. 6 числа въ 5 часовъ утра для осмотра мѣстности выступилъ изъ Баязета отрядъ, а въ 11 часовъ отрядъ этотъ уже отступалъ, встрѣтивъ сильнаго непріятеля. Задуманная Штоквичемъ фланговая аттака не удалась, такъ какъ были замѣчены массы непріятеля, тысячъ въ 7, дѣлавшія обходъ по гребню горы съ цѣлью отрѣзать нашъ отрядъ отъ крѣпости;—нужно было отступить. Для покровительства отступленію, Штоквичъ выслалъ изъ крѣпости и послѣдній караульный взводъ, замѣнивъ его вооруженною пересыльною частью изъ людей разныхъ командъ, слѣдовавшихъ чрезъ Баязетъ. Свои позиціи за крѣпостью наши удерживали до тѣхъ поръ, пока къ туркамъ не подошли свѣжія подкрѣпленія. Тогда войска наши были уже вынуждены отступить въ крѣпость и началась осада. Во время послѣдняго отступленія, когда войска шли городомъ, жители открыли по нимъ огонь, стрѣляли даже женщины.

Библиотека "Руниверс"

Огонь продолжался безпрерывно, и ночью, при заревѣ пожаровъ, гарнизонъ нашъ увидѣлъ, какъ въ городѣ мусульмане рѣзали армянъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Недорѣзанныхъ женщинъ они кидали въ огонь. Отвсюду слышались вопли и стоны. Такая рѣзня продолжалась три дня; въ варварствѣ принимали участіе иррегулярная турецкая пѣхота. Что сталось послѣ этой рѣзни съ армянскимъ населеніемъ Баязета и какой ужасный видъ представляетъ эта часть города, читатели могутъ судить изъ помѣщеннаго въ настоящемъ номерѣ „Нивы" рисунка (см. стран. 612).

Для приведенія крѣпости въ оборонительное положеніе, Штоквичъ приказалъ смотрителю госпиталя наполнить водою изъ родника всю свободную посуду. Дѣлалось это на случай, если непріятель отрѣжетъ воду. Госпитальной командѣ розданы были ружья отъ больныхъ. Всѣ окна въ домахъ были заложены камнями, оставлены только узкія бойницы для ружей, а на крѣпостныхъ стѣнахъ наложены изъ камней закрытія для стрѣлковъ. Для орудій сдѣлано закрытіе изъ мѣшковъ съ землей.

Точно также, въ виду неизвѣстности продолжительности осады и такъ какъ ни въ одной части войска не было 8 дневнаго запаса сухарей, Штоквичъ приказалъ уменьшить дачу на 1 фунтъ и прекратить варку горячей пищи для гарнизона, за исключеніемъ госпиталя. Офицеры также наравнѣ съ солдатами получали только сухари и воду. 6 числа, когда непріятель обложилъ крѣпость, гарнизонъ состоялъ изъ 5 штабъ офицеровъ, 30 оберъ офицеровъ, 126 унтеръ офицеровъ и 4461 ч. рядовыхъ. 7 числа крѣпостныя ворота были завалены каменьями. Убитыя наканунѣ лошади были сброшены съ крѣпостныхъ стѣнъ. 8 числа къ осаждающимъ туркамъ прибыла артиллерія. Обстрѣлявъ нѣсколько крѣпость, турки бросились на штурмъ, но были встрѣчены такъ твердо, что къ концу 2 часа должны были отступить на разстояніи дальняго выстрѣла, и наши орудія перешли отъ картечи къ гранатамъ. Турки оставили подъ стѣнами до 300 тѣлъ, унеся съ собою тоже не малое число. Съ 9 числа въ гарнизонѣ начали выдавать воду по 1/2 крышки въ день. Хотѣли было сдѣлать ночью траншею до оврага, гдѣ протекаетъ ручей, въ 300 шагахъ отъ крѣпости, но не смотря на принятыя мѣры предосторожности, непріятель все таки узналъ и открылъ огонь. Пришлось прекратить носку воды. Тѣмъ не менѣе запасъ воды изсякалъ и надобно было снова принимать какія нибудь мѣры. Опять сдѣлали ночью вылазку за водой и снова неудачно, тогда рѣшено было сдѣлать уже дневную вылазку въ 5 часовъ вечера, чтобы выбить непріятеля изъ ближайшихъ къ ручью домовъ. Вылазка удалась совершенно, и вода была набрана. Дѣло стало только за сухарями, которые были уже на исходѣ и приходилось выдавать порціи въ 1/4 ф. на человѣка. 17 числа одновременно съ вылазкой за водой, рѣшили произвесть фуражировку въ пустыхъ домахъ для сбора съѣстныхъ припасовъ, и на этотъ разъ дѣло кончилось успѣшно; всѣ нижніе чины получили горячую пищу. Но 20 чис. фуражиры были встрѣчены огнемъ турецкихъ стрѣлковъ, и съ этого времени турки зорко начали слѣдить за вылазками русскихъ. Вдругъ получается радостное извѣстіе, что къ 22 чис. должна придти къ осажденнымъ выручка. Всѣ вздохнули свободно, однако же наступило желанное 22 число, а выручки нѣтъ. Сдѣлали обычную вылазку за водой—отбита.—На другой день появляется обычнымъ порядкомъ коротенькій приказъ по гарнизону, которымъ дозволялось выдавать воды только по 1/4 крышки, а 24 числа вслѣдствіе неудавшейся вылазки приказывалось выдавать больнымъ по крышкѣ, а остальнымъ по ложкѣ. Наконецъ комендантъ приказалъ зарѣзать двухъ лошадей, такъ какъ остававшееся количество сухарей необходимо нужно было для больныхъ. Видитъ комендантъ, что люди пріуныли сильно, рѣшился онъ обратиться къ нимъ съ увѣщаніемъ. Крѣпитесь, друзья, говорилъ онъ между прочимъ, крѣпитесь, на будущія лишенія, предстоятъ еще большія; притомъ не теряйте надежды на освобожденіе. Во всякомъ случаѣ, помните, что присяга, законъ, честь, долгъ и слава нашего Отечества требуютъ отъ насъ умереть на этомъ посту, что мы и сдѣлаемъ. Простое сердечное слово начальника пріободрило людей, а тѣмъ болѣе, что ночью выпавшій дождь далъ возможность *вспрыснуть конину*. Далѣе зарѣзали еще лошадей, послѣднихъ оставшихся, такъ какъ и ихъ уже нечѣмъ было кормить: ячмень весь былъ поѣденъ людьми. А вода опять вышла и опять пришлось дѣлать вылазки и жертвовать людьми: каждая вылазка обходилась въ 5 и болѣе человѣкъ убитыми. Турки наложили, какъ впослѣдствіи оказалось, поперекъ ручья нѣсколько мертвыхъ человѣческихъ тѣлъ, съ цѣлью отравить воду, и оттого вода, получаемая гарнизономъ, имѣла отвратительный вкусъ, отзывалась мертвечиной. Пить однакоже надо и воду эту добывали, жертвуя жизнію.

27 числа гарнизонъ повторилъ вылазку въ 11 часовъ ночи и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что отъ русской границы уже шла выручка, Генералъ Тергукасовъ шелъ къ Баязету.

Нечего и говорить, что во все продолженіе этого времени турки не переставали осаждать крѣпость. Съ окружающихъ высотъ сыпались пули и снаряды, въ первое время дѣйствовали только горныя орудія, а во все остальное—6 фунтовыя полевыя.

Полевая пушка, обстрѣливавшая передній фронтъ крѣпости, болѣе всего вредила русскимъ; ни откуда въ нее нельзя было направить ни одной нашей пушки. Штоквичъ, наконецъ придумалъ втащить пушку въ верхній этажъ одного изъ домовъ, въ окно котораго видна была непріятельская баттарея. Пушку сняли съ лафета, съ лафета сняли колеса и, такимъ образомъ, втащили весь лафетъ на верхъ, а для того, чтобы при выстрѣлахъ не провалился полъ, въ нижней комнатѣ поставили частыя подпорки.

— Ну ка, полѣзай старушка на печь, шутили солдаты.

— Закашляла наша старушка, радостно привѣтствовали они первые ея выстрѣлы. Нѣсколько разъ „старушка" усмиряла турецкую полевую пушку, но зато и сама была попорчена непріятельской гранатой и даже чуть было вовсе не была подбита. Къ непріятельскимъ гранатамъ наши привыкли, впрочемъ, очень скоро. Взвизгнетъ надъ ухомъ граната, обдастъ горячимъ вѣтромъ, а солдатъ улыбнется во все свое исхудалое лицо.

— Что мимо, то спасибо,—проговариваетъ онъ.

Положеніе больныхъ и раненыхъ было самое жалкое—тѣснота въ помѣщеніяхъ была страшная. Раны перемывать было нечѣмъ.

И при такихъ тягостныхъ условіяхъ, не смотря на предложенія непріятеля, то угрозами, то льстивыми увѣщаніями сдаться, гарнизонъ оставался твердъ и непоколебимъ. Въ одномъ изъ своихъ отвѣтныхъ писемъ къ туркамъ, комендантъ Штоквичъ прибавилъ такое выраженіе:

— Если вы такъ горячо желаете взять крѣпость — берите насъ силою. Русскіе живыми не сдаются". Мы уже имѣли случай въ вышеупомянутомъ № 35 „Нивы" говорить о томъ, сколько разъ турки присылали къ коменданту Баязетской крѣпости упрашиванія о сдачѣ крѣпости. Догадывались конечно они, что если имъ удастся добраться до этой крѣпости, то развѣ только для того, чтобы взлетѣть на воздухъ вмѣстѣ со всѣмъ ея геройскимъ гарнизономъ. Такъ бы, конечно, и случилось. И въ этомъ геройскомъ дѣлѣ не было бы ничего необычайнаго, и почтенный комендантъ Баязетской крѣпости повторилъ бы только то, на что неразъ рѣшались русскіе герои и въ томъ числѣ достойной памяти отецъ капитана Штоквича погибшій славною смертію при взрывѣ порохового погреба крѣпости Карса въ кампаніи 1828—1829 г.

Въ незабвенный день 28 іюня с. г. когда выручка вступила въ крѣпость, комендантъ обставилъ свое освобожденіе нѣкоторой торжественностію. Около флага выставлено было знамя 2 батальона 74 пѣх. полка и значки всѣхъ казачьихъ сотенъ. Около флага пропѣтъ былъ гимнъ „Боже Царя храни", и громкое ура перекатилось по рядамъ войска **Л.**

Юный Императоръ

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XV.

Цесаревна Елисавета вернулась съ прогулки въ свои аппартаменты и отдыхала въ мягкомъ креслѣ. На душѣ у нея было, какъ всегда, свѣтло и весело, она съ удовольствіемъ осматривала свою любимую комнату, убранную и устроенную по ея вкусу. Комната была довольно обширна, устлана мягкими коврами. По стѣнамъ висѣли портреты родныхъ: Петра Великаго, Екатерины и любимой сестры Елисаветы герцогини Анны Петровны. Былъ тутъ также и превосходный портретъ юнаго Императора, недавно съ него списанный и подаренный имъ Елисаветѣ. У окна стоялъ мольбертъ съ начатой картиной, надъ которой по утрамъ работаетъ Елисавета. Много книгъ разложено было въ углу, на большомъ столѣ, покрытомъ тяжелой скатертью. Цесаревна, предаваясь удовольствіямъ, всегда находила время для занятій; она прекрасно рисовала, пѣла, любила читать интересныя и полезныя книги. Теперь она вытянула на бархатную подушку свои маленькія ноги, обутыя въ атласныя туфли, откинула голову и улыбалась сидѣвшему передъ нею Александру Борисовичу

Библиотека "Руниверс"

Бутурлину. Бутурлинъ былъ красивый, статный молодой человѣкъ, очень любезный и образованный для своего времени. Въ послѣдніе мѣсяцы всѣ замѣтили, что цесаревна обратила на него большое вниманіе, постоянно къ себѣ приглашала—объ этомъ ужь всѣ говорили. Въ комнату вошла фрейлина и подала письмо Елисаветѣ.

— Ахъ, это изъ Киля, обрадовалась цесаревна,—отъ Мавры Шепелевой, что-то она пишетъ?

Елисавета быстро разорвала конвертъ и принялась читать письмо.

Ея прелестное лицо оживилось еще больше, улыбка распространялась по нему и показывала на щекахъ прелестныя ямки.

Бутурлинъ молча любовался ею.

— Что-жь она вамъ пишетъ, или это тайна?—наконецъ проговорилъ онъ.

— Какая тайна! Пишетъ, что всѣ здоровы. Сестра ѣздила въ саняхъ по Килю и весь городъ дивовался русскимъ санямъ. Балы у нихъ тамъ черезъ день. Особенно веселый балъ, говоритъ Мавра, былъ у графа Бассевича—вотъ какъ пишетъ: „и танцовали мы тамъ до десятаго часа утра и не удоволились въ комнатахъ танцовать, такъ стали польскій танцовать въ поварнѣ и въ погребѣ". И цесаревна и Бутурлинъ громко засмѣялись.

— Вотъ тамъ какъ веселятся—не нашему чета, говорила Елисавета,—отъ души веселятся. Послушай, что дальше: „И всѣ дамы кильскія также танцовали, а графиня Кастель старая, лѣтъ пятидесяти, охотница великая танцовать и перетанцовала всѣхъ дамъ—молодыхъ перетанцовала". И еще пишетъ: „Бишофъ очень дурно танцуетъ, а принцъ Августъ и еще того хуже." А вотъ и еще—но вотъ прочти самъ и цесаревна, краснѣя передала письмо Бутурлину, указывая на приписку. Онъ прочелъ: „ежели вашему высочеству не въ противное поздравить съ кавалеріею Александра Борисыча". Цесаревна все также улыбаясь и краснѣя взяла письмо обратно у Бутурлина. Онъ съ восторгомъ глядѣлъ ей въ глаза—нѣжная, бѣлая рука съ письмомъ была такъ близко отъ лица его, что онъ не могъ удержаться и поцѣловалъ эту руку. Елисавета тихонько ударила его письмомъ по лицу и опять засмѣялась.

Въ это время дверь отворилась и на порогѣ показался юный Императоръ. Онъ осмотрѣлъ всю комнату, пристально взглянулъ на смѣющуюся, раскраснѣвшуюся Елисавету, потомъ перевелъ свои глаза на Бутурлина, поблѣднѣлъ и нахмурился.

— Мнѣ кажется ты никогда не бываешь дѣломъ занятъ, не сдерживая своего раздраженія сказалъ онъ Бутурлину, я тебя еще никогда за дѣломъ не видѣлъ.

— А вотъ дайте мнѣ дѣло Ваше Величество, такъ я и буду занятъ, спокойно отвѣтилъ Бутурлинъ.

— Дамъ, непремѣнно дамъ, а теперь оставь насъ, мнѣ нужно поговорить съ цесаревной.

Бутурлинъ поклонился глубокимъ поклономъ и вышелъ.

Едва заперлась за нимъ дверь, Петръ подбѣжалъ къ Елисаветѣ, схватилъ ее за руку и прошепталъ задыхаясь отъ волненія: Лиза, Лиза, зачѣмъ ты меня мучаешь?

Она изумленно на него взглянула.

— Я, я тебя мучаю, скажи на милость чѣмъ?

— Какъ будто сама не знаешь—что жь это такое, всякій то разъ какъ приду къ тебѣ, непремѣнно у тебя этотъ Бутурлинъ торчитъ, всегда ты съ нимъ.

— А вотъ я слышала, что меня упрекаютъ будто я всегда съ тобою, что я тебѣ учиться мѣшаю, такъ не знаю, право, что ужь мнѣ и дѣлать—все не ладно. И потомъ скажи, пожалуйста, Государь, съ какихъ это поръ ты сталъ моимъ дядькой? Если ты видишь у меня Бутурлина, такъ чтожь тутъ мудренаго и дурнаго,—я очень люблю Бутурлина и всегда рада его видѣть, люблю потолковать съ нимъ: онъ умный, веселый...

— А я не могу допустить этого, я этого не позволю, волновался Императоръ.

— Вотъ какъ, засмѣялась Елисавета, глядя ему прямо въ глаза своими живыми свѣтлыми глазами, вотъ какъ! мой милый племянничекъ хочетъ подражать Александру Данилычу—моимъ звѣремъ-церберомъ хочетъ сдѣлаться! И чѣмъ тебѣ помѣшалъ Бутурлинъ, за что ты такъ не взлюбилъ его, самъ еще недавно хвалилъ.

Юный Императоръ ничего не отвѣтилъ, только вдругъ его лицо измѣнилось, онъ упалъ передъ цесаревной на колѣни, прижался къ ней лицомъ и горько заплакалъ. Она взяла голову его обѣими руками и подняла ее.

— Голубчикъ мой, Петинька, что съ тобой? Зачѣмъ ты плачешь?

— Я все вижу, все—захлебывался слезами Петръ. Я... я вижу, что ты меня нисколько не любишь, Лиза!

— Ахъ, какой ты право ребенокъ, какъ тебѣ не стыдно. Ты такъ уменъ, такъ благоразуменъ, а вдругъ превращаешься въ самаго маленькаго, глупенькаго мальчика—какъ тебѣ не стыдно?

— Но по совѣсти, какъ передъ Богомъ, можешь ли ты мнѣ сказать Лиза, что ты меня любишь?

— Еще бы—люблю, люблю всѣмъ сердцемъ, мой милый, дорогой. Она обняла его и крѣпко поцѣловала.

— Ну если это правда, если ты меня любишь, началъ юный Императоръ, вытирая слезы и усаживаясь въ кресло рядомъ съ цесаревной, и не выпуская ея руку,—если это правда, такъ докажи мнѣ: согласись быть моей женою.

Цесаревна съ видомъ глубокаго изумленія взглянула на него и высвободила свою руку.

— Ахъ, какой вздоръ это, тихо проговорила она, откуда, право, берутся у тебя такія мысли.

— Почему-жь это вздоръ, вспыхнувъ возразилъ Императоръ.

— А потому вздоръ, что вовсе тебѣ теперь еще не слѣдуетъ думать о женитьбѣ И какая я тебѣ невѣста, я старше тебя—я твоя тетка.

— Тетка, тетка... и ты тоже, рады вы всѣ, что нашли это слово. Такъ чтожь что тетка?—развѣ тебѣ, такой красавицѣ, такой молоденькой, прилично быть теткой? лучше тебѣ быть невѣстой. И потомъ ты говоришь, что мнѣ рано объ этомъ думать—да какъ же рано, когда ужь у меня была невѣста... и должна быть непремѣнно и вѣдь моя невѣста была не моложе тебя, а никто тогда не находилъ этого страннымъ.

— Ну вотъ оттого, что она была твоей невѣстой и была старше тебя, ты и не любилъ ее. Такъ бы и меня скоро разлюбилъ, еслибъ я согласилась.

— Ты—и она, смѣшно даже подумать! Какъ можешь ты себя сравнивать съ нею,—все больше и больше волновался юный Императоръ. Лиза, послушай, согласись, я тебя умоляю, я тебя люблю больше всѣхъ на свѣтѣ, я для тебя все сдѣлаю, что только ты захочешь. Что-жь, развѣ лучше будетъ тебѣ выйти замужъ за какого нибудь нѣмецкаго принца, уѣхать отсюда, никогда не видѣть ни насъ, ни Россіи. Вѣдь вотъ ты сама часто говоришь, что тетушка Анна Петровна несчастна, что такъ она сюда и рвется,—чтожь ты и себѣ того-же хочешь?

— Нѣтъ, я себѣ вовсе этого не хочу—я совсѣмъ не хочу замужъ. Я останусь такою, какова я и теперь, останусь свободной. Зачѣмъ мнѣ мужъ—не нужно.

— Лиза, умоляю тебя, согласись—развѣ ты не хочешь быть царицей?

—Вѣдь вотъ теперь кто нибудь можетъ тебя обидѣть, а тогда никто ужь не обидитъ.

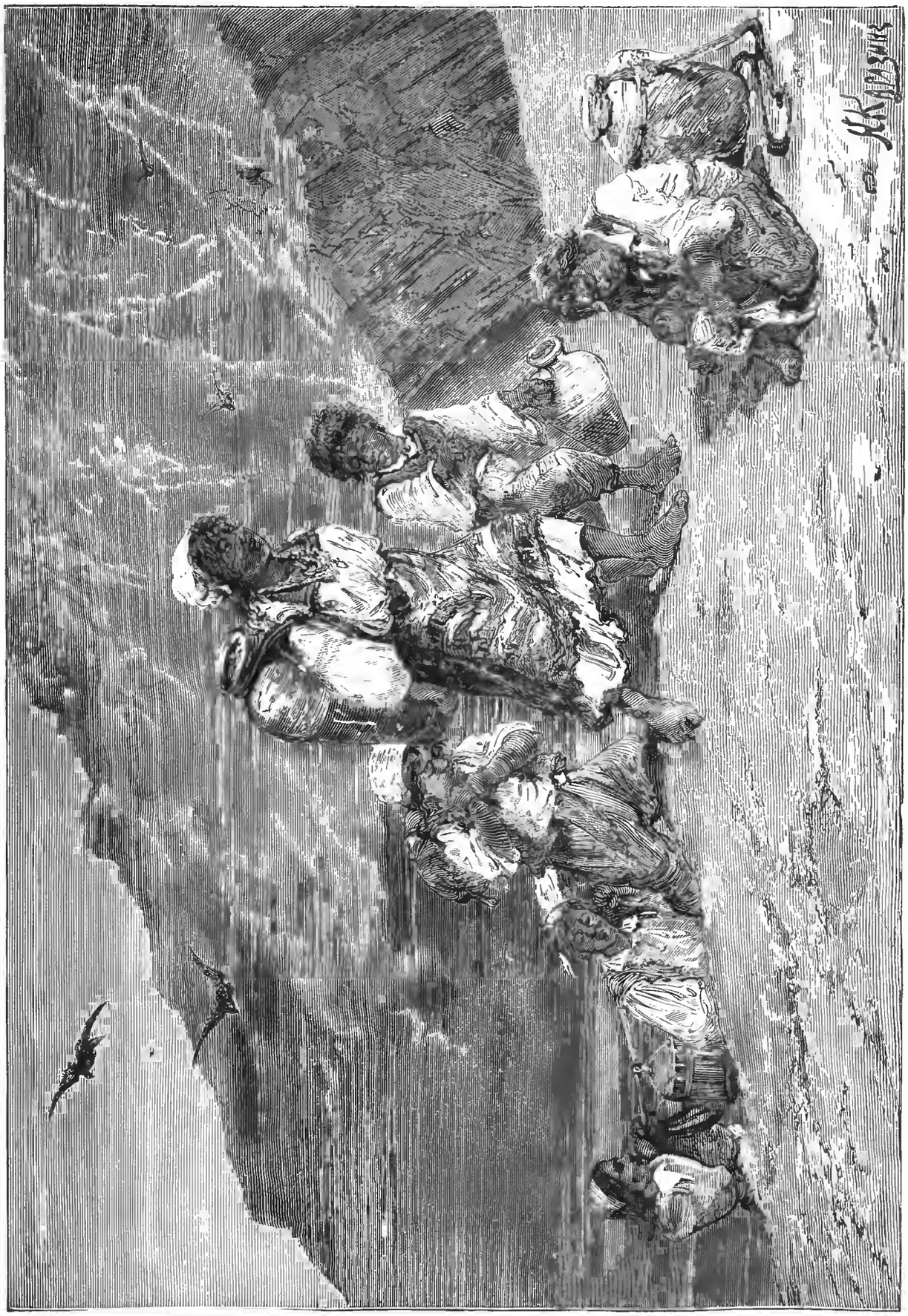
— Я не знала, Государь, что меня можно теперь обижать, я думала, что ты никому меня не дашь въ обиду, поднялась Елисавета.

— Ахъ, прости, прости, я не такъ сказалъ, заторо-

Библиотека "Руниверс"

Армяне бѣгущіе изъ турецкихъ владѣній къ русской границѣ въ Малой Азіи подъ охраною войскъ г. Тергукасова. Съ наброска К. Л. грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"



Въ Балканахъ. Болгарскія дѣти, доставляющія воду русскимъ войскамъ во время битвы при Шипкѣ.
По наброску очевидца, оригинальный рисунокъ Н. Каразина грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

пился Петръ,—я не знаю что говорю, я право такъ опечаленъ, такъ несчастливъ... Лиза, голубушка моя, согласись пожалуйста, я теперь не могу жить безъ тебя.

— Нѣтъ, видно можешь, улыбнулась цесаревна,— ты не можешь жить только безъ Ивана Долгорукаго. Вотъ ты меня упрекаешь, что часто бываетъ у меня Бутурлинъ, а посмотри на себя:—вѣдь ты совсѣмъ не отпускаешь отъ себя Долгорукаго, вѣдь всѣ дни и ночи ты съ нимъ. Ужь за одно это я бы никогда не согласилась на то, о чемъ ты просишь. Долгорукій дѣлаетъ изъ тебя все, что хочетъ; еслибъ ты и женился когда— вздумаетъ онъ обидѣть твою жену и ты это ему дозволишь.

— Ахъ, Боже мой, что ты говоришь, Лиза! Иванъ точно мой самый лучшій другъ: я его люблю и онъ меня любитъ, но только напрасно ты думаешь, что я позволю ему играть собою. Ахъ, Лиза, да если я всегда съ нимъ, если я стараюсь веселиться, такъ вѣдь только можетъ быть, чтобъ какъ нибудь убить время, чтобъ о тебѣ не думать—ты всему причиной. Скажи одно слово, согласись о чемъ прошу я—и все будетъ иначе. Лиза, послушай—скажи, что ты меня любишь, что согласна быть моей невѣстой и если велишь... если хочешь, я всѣмъ тебѣ пожертвую и хоть люблю Ивана, а по твоему приказу и съ нимъ не стану видаться, забуду о немъ, обо всемъ забуду Лиза.

И одно ея слово дѣйствительно могло бы произвести самую неожиданную и огромную перемѣну—но она не сказала этого слова. Она все хорошо видѣла и понимала, она знала что теперь могла бы забрать все въ свои руки, всѣмъ распоряжаться какъ ей вздумается, могла бы сдѣлаться всемогущей—но для этого нужно было притворяться, лгать, ломать свое сердце, согласиться на то, что казалось ей немыслимымъ, невозможнымъ, противнымъ совѣсти,—и честная прямая натура Елизаветы возмущалась этимъ. Она была готова отъ всего отказаться, готова была вынести многое, чтобъ только остаться свободной въ своихъ поступкахъ и въ своихъ чувствахъ, и она не выговорила того слова, котораго такъ жадно ждалъ отъ нея юный Императоръ. Она встала передъ нимъ. Спокойное поблѣднѣвшее лицо ея сдѣлалось вдругъ серьезнымъ и даже грустнымъ.

— Нѣтъ Государь, нѣтъ, мой милый Петруша, я не могу согласиться, тихимъ, ровнымъ голосомъ выговорила она, я не хочу обманывать тебя, себя и Бога. Я сердечно люблю тебя—но какъ брата, какъ племянника, какъ Государя. Никогда я не могу быть твоей женою. Петруша, голубчикъ, и ты не волнуйся, ты самъ потомъ будешь мнѣ благодаренъ, что я такъ говорю тебѣ.

— Такъ это твое послѣднее слово... послѣднее,— блѣдный и дрожащій едва выговорилъ Императоръ.

— Послѣднее, Петруша.

Онъ съ отчаяніемъ взглянулъ на нее, крупныя слезы готовы были политься изъ глазъ его; онъ, задыхаясь отъ сдавливаемыхъ рыданій и вдругъ собравъ всѣ силы, молча и даже не взглянувъ на Елисавету, вышелъ изъ комнаты. Онъ отправился прямо къ сестрѣ и вошелъ къ ней съ такимъ лицомъ, что она испугалась.

— Что съ тобой, братецъ?

— Ничего, Наташа... т. е. очень многое. Я сейчасъ былъ у Лизы, я предложилъ ей быть моей женой—и она мнѣ отказала.

— Что-жь, она очень хорошо сдѣлала, смущенно проговорила великая княжна.

Цѣлый рой мыслей закружился въ ея головѣ: „Чтожь, радоваться этому или печалиться, думала она,—можетъ быть разсердится, не проститъ ей этого, отвернется отъ нее.... О, какъ бы это хорошо было! но вѣдь можетъ быть и на оборотъ, можетъ быть эта неудача только раздражитъ его и онъ еще больше ее полюбитъ— вѣдь это бываетъ—я знаю, я понимаю, что оно можетъ быть и навѣрно бываетъ.

— Какъ же она тебѣ отказала?

— А такъ, что ты была права сестрица, когда говорила, что Лиза хитрая, что она только смѣется надо мною и считаетъ меня ребенкомъ. Да, она сама мнѣ теперь все это сказала: она взаправду только всегда смѣялась надо мною, она меня никогда не любила. Для нея я мальчикъ, ей со мной скучно, ей веселѣе вонъ съ Бутурлинымъ, онъ, видишь ты, уменъ и веселъ.

— А, Бутурлинъ, подумала великая княжна. Да я знала, что такъ все и будетъ, громко сказала она,— Бутурлинъ ей очень нравится—это я давно замѣчаю.

— Такъ я не попущу этого, не вынесу.... Я уничтожу Бутурлина, я сошлю его, я не позволю смѣяться надо мною!...

— Братецъ, милый, успокойся—заговорила царевна, не хорошо это. Ты долженъ оставить Бутурлина въ покоѣ, какъ можешь ты становиться съ нимъ на одну доску—вы не ровня. Онъ не смѣетъ надъ тобой смѣяться. Не за что ссылать его, пока онъ дѣйствительно не провинился: ты долженъ быть справедливымъ, ты долженъ понять наконецъ Лизу—она тебя не стоитъ. Если она себѣ находитъ друзей—пускай ее, оставь ее и успокойся. Послушайся меня—береги свое достоинство, держи себя такъ, что бы всѣ тебя уважали.

Юный Императоръ мрачно слушалъ сестру, его лицо хмурилось все больше и больше.

— Да, ты права,—наконецъ прошепталъ онъ,—это правда, что не стоитъ связываться. Я любилъ ее такъ, какъ больше любить невозможно, но если она меня мѣняетъ на всякаго и со всякимъ дружится—такъ я самъ не хочу ее знать... Я забуду ее, Наташа, теперь ты можешь радоваться. Ты боялась, что тебя изъ-за нее позабуду и разлюблю—ну такъ вотъ видишь, будь теперь спокойна: я не хочу объ ней думать, ее для меня нѣту... Ты одна только у меня... одна только, Наташа!..

Юный Императоръ вдругъ заплакалъ, бросился на шею сестры и долго они такъ оставались и плакали вмѣстѣ.

По его уходѣ великая княжна даже стала креститься отъ радости и благодарила Бога, что онъ помогъ ей.

Юный Императоръ очевидно серьезно намѣревался позабыть красавицу тетушку. Вечеромъ во дворцѣ былъ балъ—Петръ казался оживленнымъ, много танцовалъ и не разу не подошелъ къ цесаревнѣ. Всѣ сейчасъ же замѣтили это и начались по обыкновенію всевозможные разговоры и предположенія. Но цесаревна ничѣмъ не смущалась, была какъ и всегда весела, привѣтлива; тоже танцовала весь вечеръ и не разъ ходила по заламъ подъ руку съ Бутурлинымъ.

XVI.

Прошло Рождество. Въ Петербургѣ готовились къ переѣзду двора въ Москву на коронацію. Самъ Императоръ торопилъ этой поѣздкой: ему ужь надоѣлъ Петербургъ—все одно и тоже, да одно и тоже, а въ Москвѣ, говорятъ, столько славныхъ мѣстъ для охоты, чудныя облавы на медвѣдей можно дѣлать. И Андрей Ивановичъ тоже торопитъ отъѣздомъ, Андрей Ивановичъ часто теперь говоритъ о московской бабушкѣ. Никогда до послѣдняго времени ни Петръ, ни Наталья не слышали объ этой бабушкѣ, даже думали, что умерла она, что ея совсѣмъ нѣтъ, и вдругъ эта бабушка оказалась живою. Еще раньше осенью, послѣ ссылки Меншикова, баронъ Андрей Иванычъ принесъ Императору письмо отъ нея и говорилъ ему, что бабушка до сихъ поръ была въ далекомъ монастырѣ, что ее нужно со всякимъ почетомъ перевезти въ Москву и пусть она сама себѣ выбираетъ мѣстожительство. Императоръ сейчасъ же распорядился; бабушкѣ былъ назначенъ

Библиотека "Руниверс"

штатъ, она пожелала поселиться въ дѣвичьемъ монастырѣ: бабушка монахиня—вспомнилъ Императоръ все, что когда либо о ней слышалъ, ничего хорошаго не слышалъ онъ о ней, никто и не любилъ ее: всѣ бранили. Говорили, что много она была виновата передъ супругомъ своимъ Петромъ Великимъ. Да полно такъ-ли, нужно-ли почитать эту бабушку? спросилъ объ этомъ Императоръ у Андрея Ивановича. Андрей Ивановичъ говоритъ, что нужно. А ну, какъ бабушка станетъ вмѣшиваться не въ свое дѣло, будетъ вести себя также, какъ велъ Меншиковъ. Меншиковъ тоже всегда говорилъ, что имѣетъ право надъ Императоромъ, жаловался на его неблагодарность, выставлялъ свои заслуги. Но Меншиковъ былъ подданный, а если бабушка станетъ во все вмѣшиваться, такъ вѣдь ей и не отвѣтишь, пожалуй, что не ея это дѣло. Она родная — точно имѣетъ право, особенно теперь, когда никого старшихъ нѣту. Какъ хорошо, что она пожелала поселиться въ Москвѣ! Юный Императоръ даже испугался, когда одинъ разъ получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она между прочимъ писала: „При этомъ просьба: есть-ли ваше величество къ Москвѣ вскорѣ быть не изволите, дабы мнѣ повелѣти быть къ себѣ, чтобы мнѣ по горячности крови видѣть васъ и сестру вашу, мою любезную внуку, прежде кончины моей. Дай моя радость мнѣ себя видѣть въ моихъ такихъ несносныхъ печаляхъ. Какъ вы родились—не дали мнѣ про васъ слышать, ниже видѣть васъ". Петръ испугался; „бабушка хочетъ сюда ѣхать, пріѣдетъ, испортитъ все веселье—нѣтъ, пусть живетъ тамъ въ Москвѣ. Поѣдемъ на коронацію—увидимся". Онъ написалъ старой царицѣ самое любезное письмо, но не звалъ ее въ Петербургъ. „Прошу ко мнѣ отписать,—заканчивалъ онъ письмо,—въ чемъ я вамъ могу услугу и любовь мою показать, еже я вѣрно исполнять не примину. Я самъ ничего такъ не желаю, какъ чтобы васъ видѣть и надѣюсь, что съ Божіей помощію еще нынешней зимы то учиниться можетъ".

О московской бабушкѣ разсуждали теперь и думали очень многіе, раньше всѣхъ подумалъ, какъ мы уже видѣли, баронъ Андрей Иванычъ. Но и Долгорукіе соображали, что на нее слѣдуетъ обратить вниманіе и они ей писали.

Старая царица благодарила всѣхъ за вѣрную службу ея внуку и всѣхъ увѣряла въ своемъ расположеніи.

Баронъ Остерманъ очевидно окончательно помирился со своей совѣстью, рукой махнулъ на ученье Императора и не препятствовалъ въ его забавахъ. Долгорукіе съ каждымъ днемъ получали больше и больше силы. По всему Петербургу ходили преувеличенные разсказы о безчинствахъ, чинимыхъ фаворитомъ.

Великая княжна Наталья нѣсколько успокоилась, здоровье ея поправилось: она перестала кашлять.

Юный Императоръ все сердился на цесаревну Елисавету и старался показать ей это: онъ ухаживалъ то за одной, то за другой изъ красивыхъ дѣвушекъ, дочерей придворныхъ. На святкахъ, во время многочисленныхъ праздниковъ и баловъ, устраиваемыхъ при дворѣ, онъ обратилъ особенное вниманіе на княжну Катерину Долгорукую, которая совсѣмъ выросла и ужасно похорошѣла въ послѣдніе мѣсяцы. Этому, конечно, способствовалъ и фаворитъ, онъ почти ежедневно находилъ случай такъ или иначе напомнить Императору о своей сестрѣ, расхваливалъ ея умъ, толковалъ о добротѣ ея сердца, быть можетъ главнымъ образомъ, чтобъ только угодить ему, и любезничалъ съ ней императоръ.

Но Катюша Долгорукая держала себя весьма сдержанно, нисколько не кокетничала и не искала встрѣчи съ Петромъ. Быть можетъ, если бы она держала себя иначе, она больше бы ему и понравилась. Братъ не разъ ужь выговаривалъ ей и даже съ ней ссорился изъ-за этого: до сихъ поръ онъ смотрѣлъ на нее, какъ на маленькую дѣвчонку, но эта дѣвчонка сдѣлалась ему нужна, да и къ тому, вотъ она выросла, похорошѣла. Но онъ все же думалъ, что она не выйдетъ изъ повиновенія, что своего ума у ней нѣту, а она вдругъ ему отвѣчаетъ на всю его науку какъ нужно обращаться съ Императоромъ.

— Да чтожь это, Ивапушка, сама я знаю, какъ вести мнѣ себя должно, не доброму ты меня учишь, да и не забыла я судьбу княжны Меншиковой. Иванъ Долгорукій раздражался, кричалъ на сестру и скрывался изъ дому или къ Императору, или къ многочисленнымъ царицамъ своего сердца.

А и Меншиковыхъ тоже не оставили въ покоѣ. Въ послѣднее время посланникъ при шведскомъ дворѣ графъ Головинъ донесъ объ одномъ письмѣ Меншикова, изъ котораго ясно можно было усмотрѣть измѣну свѣтлѣйшаго князя. Узнавъ объ этомъ, Петръ приказалъ послать къ Меншикову нарочнаго, который бы обо всемъ допросилъ его съ принужденіемъ и угрозами, велѣлъ опечатать все его имѣніе, отобрать всѣ его письма и вотъ былъ отправленъ къ Меншикову Плещеевъ, которому наказано было допросить Александра Данилыча между прочимъ и о деньгахъ, взятыхъ съ герцога Голштинскаго. „Нельзя оставлять его на свободѣ,—толковали Государю приближенные,—нужно подальше послать его, а то онъ опять строитъ ковы". И вотъ была рѣшена послѣдняя страшная участь Александра Данилыча, его сошлютъ въ Березовъ, а съ нимъ и его семейство.

Послѣ святокъ Императоръ каждый день освѣдомлялся, скоро-ли все будетъ готово къ переѣзду въ Москву. О Москвѣ главнымъ образомъ напоминали Долгорукіе. У нихъ были свои планы и очевидно что и Государь вошелъ въ нихъ. Какъ-то на большомъ сборищѣ во всеуслышаніе толковали о томъ, что Москва хорошій городъ и что напрасно дѣдъ совсѣмъ забылъ ее; въ Москвѣ не худо пожить бы подольше. Эти слова Императора произвели сильное впечатлѣніе: многіе вельможи были очень довольны. Петровскаго парадиза не долюбливали. Тутъ было столько неудобствъ: страна печальная, болотистая, вѣтры сильные дуютъ, холодные; родовыя деревни далеко: трудно доставлять всѣ необходимые запасы, а въ Москвѣ чрезвычайно хорошо старое, родное, нагрѣтое мѣсто и помѣстья ихъ близко оттуда, все легко достать. Но чему радовались русскіе вельможи, отъ того приходили въ ужасъ всѣ, кому дорога была новая Россія и завѣты покойнаго Императора. Въ переѣздѣ въ Москву видѣли забвеніе дѣлъ Петровыхъ, удаленіе отъ Европы; предсказывали паденіе Россіи, возвращеніе къ старымъ порядкамъ, къ прежнему варварству. Пуще всѣхъ боялся этого баронъ Андрей Ивановичъ. Всѣми силами въ разговорахъ своихъ съ Императоромъ старался онъ его настраивать такъ, чтобы онъ видѣлъ въ поѣздкѣ только необходимость, по старому обычаю короноваться въ Москвѣ; чтобы онъ не забывалъ о настоятельной нуждѣ вернуться снова въ Петербургъ, потому что отсюда только и можно управлять Россіей. Юный Императоръ внимательно вслушивался въ слова своего воспитателя. Андрей Ивановичъ говорилъ такъ убѣдительно, такъ разумно—но вслѣдъ за Андреемъ Ивановичемъ являлись Долгорукіе—Алексѣй Григорьевичъ и Иванъ Алексѣевичъ и тоже очень краснорѣчиво и разумно описывали прелести московской жизни.

Наконецъ, въ началѣ января 1728 года дворъ выѣхалъ въ Москву. Оживилась московская дорога, по ней тянулись цугомъ огромныя сани, покрытыя кожей кибитки съ теплыми мѣховыми полостями.

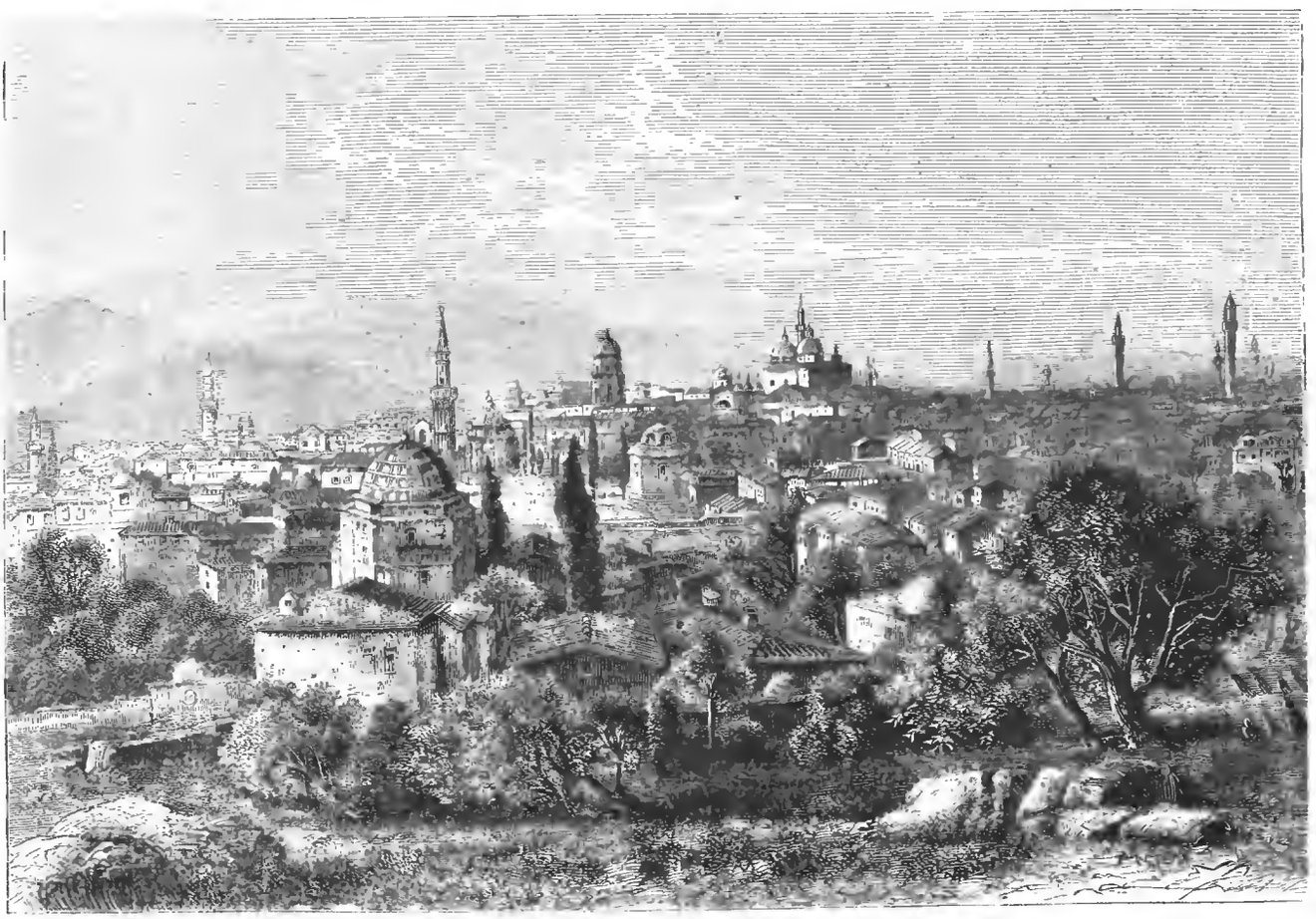
Унылыя мѣстности тянулись сзади и спереди. Со всѣхъ сторонъ дороги точно были снѣжныя пустыни;

Библиотека "Руниверс"

изрѣдка попадались хижины и деревеньки. Одни лѣса нарушали эту плоскую безпредѣльность, и стояли эти лѣса какъ войско великановъ, покрытые снѣгомъ и инеемъ, и юный Императоръ глядѣлъ на нихъ и казалось ему, что они стоятъ передъ нимъ и грозятъ ему своими мохнатыми руками. Вотъ ночь приходитъ: почти всѣ спятъ въ царскомъ поѣздѣ. Только одному Императору не спится, закутавшись въ свою теплую мѣховую шубу, прикрывшись медвѣжьей полостью, глядитъ онъ снова на этихъ великановъ и все грознѣе и таинственнѣе машутъ они ему на встрѣчу мохнатыми руками. „Да за чтожь они мнѣ грозятся,—сквозь полудремоту думается Императору,—что я имъ сдѣлалъ? И забываетъ онъ о нихъ и думаетъ о томъ, что ожидаетъ его въ Москвѣ: какія веселья. „Нѣтъ, Андрей Иванычъ не правъ, а правы Долгорукіе,—зачѣмъ это дѣдушка выстроилъ Петербургъ на такомъ дурномъ мѣстѣ, зачѣмъ уѣхалъ онъ изъ Москвы. Въ Москвѣ лучше, да и всегда цари русскіе въ Москвѣ жили. Москва старый, родной городъ—и я тамъ жить буду". И представляется Императору Москва—хоть онъ никогда не видалъ ее—представляется тамошняя жизнь въ волшебномъ, сказочномъ видѣ. Онъ открываетъ глаза и опять передъ нимъ ледяные великаны и опять они ему грозятся, вотъ будто выступили они со всѣхъ сторонъ дороги, будто не пускаютъ впередъ его царскій поѣздъ. Ему даже какъ будто слышится въ ледяномъ молчаньи морозной ночи: „Назадъ, назадъ, не пустимъ". „Чтожь они, сговорились что-ли съ Андреемъ Иванычемъ или пророчатъ недоброе. И вдругъ какъ-то страшно становится ему: дрожь пробѣгаетъ по его членамъ, плотнѣе, плотнѣе закутывается онъ въ свою шубу, но дрожь не проходитъ.

На другой день подъѣзжая къ Твери совсѣмъ разболѣлся Императоръ. Рѣшено было здѣсь остановиться на нѣсколько дней, ждать его выздоровленія.

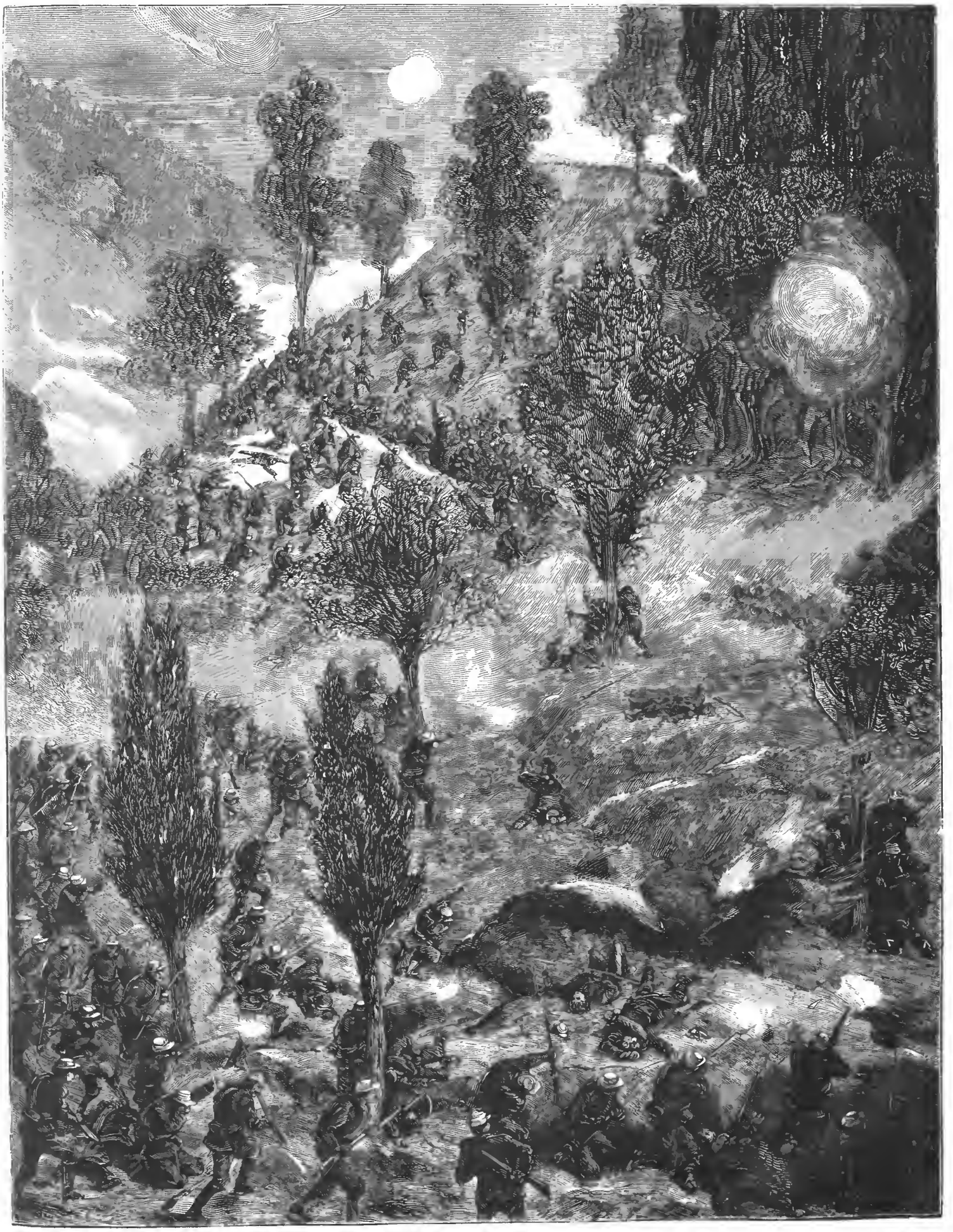
А въ это время надъ Петербургомъ носился холодный туманъ. Уныло и сумрачно было по опустѣвшимъ улицамъ Петровскаго „парадиза": нѣтъ прежняго оживленья, какъ будто и никогда его не бывало и сѣверный лютый морозъ заморилъ такъ еще недавно кипѣвшую жизнь, уложилъ на вѣчный сонъ все живое. Молчитъ, не шелохнется Нева широкая, закованная льдомъ и побѣлѣвшая, грустно торчатъ мачты недостроенныхъ кораблей; остановились по широкимъ улицамъ недодѣланныя постройки; царскіе салы заперты и голыя деревья ихъ тоже торчатъ какъ мачты, и только вороны иной разъ нарушаютъ своимъ заунывнымъ карканьемъ ихъ тишину невозмутимую. Заколочены ставни дворцовъ, дома вельможъ заколочены — совсѣмъ мертвое, сонное царство. Что-жь, неужели не проснется оно снова, неужели исполнятся завѣтныя думы потомковъ старыхъ бояръ русскихъ, неужели онъ тоже не пуженъ, весь этотъ мрачный, недостроенный городъ, возставшій изъ болота. Вотъ зимняя ночь надвигается на него и еще мертвеннѣе, невозмутимѣе становится тишина и кажется этотъ городъ какимъ-то призракомъ, какъ будто и нѣтъ его совсѣмъ, какъ будто онъ только сонъ—причудливый сонъ богатыря земли русской, безвременно заснувшаго на берегу Невы, въ каменномъ новомъ соборѣ.



Общій видъ города Вруссы. Съ фотографіи грав. Пенне.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.
(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"



Шипкинскій бой. Схватка русскихъ съ турками въ лѣсу 11 августа 1877 г.
Съ наброска К. М., грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Бой при Шипкѣ и болгарскіе дѣти водоносы.

Уже третій день шелъ жаркій бой подъ Шипкою; третій день не смолкал, не прерываясь ни на минуту, слышался въ горахъ гулъ и грохотъ пальбы, безконечнымъ эхомъ расходясь по узкимъ тѣснинамъ...

Изнемогаетъ горсть героевъ-защитниковъ, силы на исходѣ, но держатся еще крѣпко и всѣ усилія многочисленнаго врага разбиваются объ эту каменную, стойкую горсть, такую же стойкую и твердую, какъ и окружающія ихъ каменистыя скалы Балкановъ.

Да и есть изъ-за чего драться до послѣдней капли крови, есть изъ-за чего умирать на этихъ голыхъ, раскаленныхъ солнцемъ скалахъ. Знаютъ хорошо защитники—за что они бьются, что прикрываютъ своей грудью, знаютъ и аттакующіе—чего хотятъ, чего добиваются, не жалѣя своихъ силъ, не жалѣя лучшаго своего войска. Грудами тѣлъ укладываютъ они крутые откосы подъемовъ. Какъ вода послѣ горнаго ливня струится по ложбинамъ и трещинамъ въ камняхъ, такъ теперь потоками струится турецкая кровь, смачивая оголенные скаты...

Тамъ, за этими южными скатами Балкановъ, тянется зеленая, плодородная, густо населенная, цвѣтущая долина. Долина эта—рай Болгаріи,—лучшая жемчужина въ роскошномъ ожерельѣ Балканскихъ долинъ. Турки заняли ея, оттѣснивъ насъ въ самыя горы и до тла разорили чудную долину Тунджи, избили ея мирныхъ жителей, избили безъ разсчету и безъ разбору и старыхъ, и малыхъ, и мужчинъ, и женщинъ...

Изъ Тунджи, словно ворота въ высокой каменной стѣнѣ, ведетъ проходъ Шипка, по немъ турки могутъ войти въ другія долины, между горами, тоже густо населенныя, тоже цвѣтущія; они могутъ черезъ Шипку ворваться къ самое сердце Болгаріи, къ стѣнамъ ея древней столицы Тырнова, чудомъ спасшуюся отъ разгрома, занятую теперь уже братскими, дружескими полками русскими.

Пропусти здѣсь турокъ и это отозвалось бы печально на расположеніе русской арміи, сломило бы самую вершину пока еще крѣпкаго треугольника... знаютъ это наши солдаты и живые шагу назадъ не отступятъ.

Поднялось на ноги все населеніе горъ: и въ Тырновѣ, и въ Габровѣ, и въ Дреновѣ, во всѣхъ мелкихъ городкахъ и селахъ, все со страхомъ и надеждою прислушивается къ грознымъ звукамъ боя. Все, что сильно, что хотя чѣмъ нибудь можетъ помочь борцамъ за святое дѣло,—все стремится туда,—что уже безсильно и само безпомощно,—то молится жарко Всевышнему, молится также неустанно, какъ бьются шипкинскіе герои.

Нежданно, всѣми своими силами навалился врагъ на опасное мѣсто. Не скоро еще могутъ подойти подкрѣпленія къ аттакованнымъ, но эти подкрѣпленія подойдутъ—они можетъ быть на дорогѣ, можетъ, уже и до нихъ донесло вѣтромъ отдаленные звуки пальбы, поддало имъ ходу, какъ ударъ шпоръ поддаетъ ходу усталому коню... Далъ бы только Богъ, чтобы не изсякли послѣднія силы защитниковъ, пока подойдетъ выручка, поддержалъ бы Онъ эти силы, послалъ бы имъ бодрость духа, укрѣпилъ бы ихъ мощь воинскую!..

Но „на Бога надѣйся и самъ не плошай"—знаютъ эту пословицу и тѣ, кому грозитъ бѣда—и не плошаютъ...

Кишатъ живымъ движеніемъ горныя дороги, ведущія къ Шипкѣ, по всѣмъ узкимъ тропинкамъ тянутся извиваясь вереницы участниковъ и пособниковъ общаго дѣла. Не однимъ ружьемъ и пулею помочь можно, есть еще и другая, не менѣе важная подмога..

Жаркій день, палитъ южное солнце, накаливаются голые камни, душно въ воздухѣ, густымъ туманомъ пороховой дымъ стелется, длинными нитями ползетъ вверхъ, по откосамъ, застилая собою покойное голубое небо...

Ни въ одномъ мѣстѣ горитъ бой... по боковымъ тропамъ, въ обходъ справа и слѣва устремились турецкіе батальоны, грудь съ грудью, въ рукопашь схватываются, обходятъ... Жарче всего кипитъ этотъ бой въ серединѣ, тамъ, гдѣ, замыкая выходъ изъ ущелья, поднимается пологая, лысая гора, увѣнчанная русскими шанцами, на эти шанцы устремлены всѣ усилія турокъ... Самъ Сулейманъ глазъ не сводитъ съ этого мѣста и шлетъ на него все новыя и новыя колонны.

Въ шанцахъ бьются русскіе, пришлые изъ далека солдаты, бьются рука объ руку съ своими новыми боевыми товарищами, болгарскими ополченцами. Много и тѣхъ и другихъ легло на мѣстѣ, много ранено, изувѣчено и ползаетъ по этой оголенной, каменистой вершинѣ, изнемогая отъ боли, отъ жажды и палящаго солнца. Бойцы не могутъ помочь своимъ несчастнымъ товарищамъ, имъ *не до нихъ, некогда*... Съ каждою минутою валятся все новыя и новыя жертвы... Тамъ грохнется турецкая граната, заклубится бѣлый дымъ взрыва, брызнетъ во всѣ стороны осколками чугуна и каменьевъ, брызнетъ алая кровь *выбитыхъ* изъ строя... роемъ свистятъ ружейныя пули, звонко щелкаясь о камни, глухо шлепаясь о живое мягкое тѣло... Стонъ болѣзненный, надрывающій душу стоитъ кругомъ.. Убрать бы этихъ несчастныхъ, увезти куда-нибудь въ тихое мѣсто и для нихъ хорошо бы было, да и для тѣхъ, кто еще живъ остался, отраднѣе, *„глаза бы не мозолили, не смущали, тѣсноты бы лишней не дѣлали"*.

Вотъ тутъ-то и пригодилась болгарская мирная подмога.

По тырновской дорогѣ, скрыпя деревянными осями, тянутся тяжелыя арбы, щелкаютъ ременные бичи по чернымъ, лоснящимся спинамъ сильныхъ буйволовъ.. Боится скотина пушечнаго грома, храпитъ, упирается... На возахъ бочки съ водою, мѣшки съ хлѣбомъ, глиняные оплетенные кувшины съ виномъ. Везутъ все это добро габровцы, тырновцы, дреновцы на подкрѣпленіе силъ борцамъ; безъ страха входятъ въ самый адъ боя, сами подвертываются подъ свинецъ, падаютъ, да и дѣло свое тѣмъ временемъ дѣлаютъ, повозки опоражниваютъ, сваливаютъ свою привезенную кладь, другую печальную кладь наваливаютъ. Не одна сотня раненыхъ уже увезена этими возами, на рукахъ вынесена изъ боя, не только мужчинами-болгарами, но и ихъ женщинами... Дѣти не отстаютъ отъ большихъ и презирая опасность, смѣло, глядя прямо въ лицо смерти, спуютъ тутъ же, неся и свою лепту общему дѣлу.

Такъ въ боковыхъ ущельяхъ, поближе къ мѣсту боя, сочатся холодные горные родники. Около такихъ родниковъ толпятся ребята съ кувшинами и всякою другою посудою помельче, набираютъ воды, тащатъ на баттареи, живо расходуютъ эту влагу и бѣгутъ назадъ за новою ношею...

Сколько уже горячихъ, запекшихся губъ приложилось къ краямъ ихъ кувшиновъ, сколько силъ возобновилось ихъ работою, сколько нѣмыхъ благословеній неслось за ними вслѣдъ, когда они весело и бойко бѣжали къ родникамъ съ пустою посудою, сколько этихъ благословеній встрѣчало ихъ, возвращающихся на мѣсто боя.

Одна изъ такихъ трогательныхъ группъ изображена на приложенномъ рисункѣ. Вереница дѣтей, наполнивъ гдѣ-то внизу свои кувшины, направляется къ опасному мѣсту. Они уже поднялись на первый взлобокъ, съ котораго имъ уже виденъ бой, видны если не бой, то на вѣрное бѣлые клубы порохового дыма—это замѣтно уже по глазамъ старшей дѣвочки, лѣтъ тринадцати... Широко раскрытые эти большіе темные глаза устремлены впередъ, дѣвочка вся погружена въ созерцаніе боя, машинально шагаетъ подъ тяжестью своего глиняннаго кувшина; ничего она не видитъ другого, не замѣчаетъ даже, какъ маленькій братъ ея испуганно показываетъ на раненаго уже мальчика, поставившаго свой кувшинъ на землю и серьезно перевязывающаго платкомъ свою искалѣченную ножку. Раненъ ли онъ на самомъ мѣстѣ, въ ту минуту когда подносилъ свой кувшинъ къ губамъ усталаго солдата, раненъ ли онъ по дорогѣ, шальною пулею—кому до этого дѣло... Можетъ быть и сюда, на этотъ самый взлобокъ, долетаютъ уже турецкіе снаряды. Мѣсто открытое, коли съ него видно турокъ, такъ и туркамъ видны эти маленькіе водоносы, а турецкая пуля бьетъ все безъ разбора, для нея нѣтъ ничего святого, ничего заказного... Бьетъ она и ради мести, ради того, чтобы на всемъ сорвать зло своихъ неудачъ, ради того, чтобы страху нагнать, отбить охоту *не въ свое дѣло вмѣшиваться*.

Только страху нагнать на этихъ маленькихъ героевъ не придется: выростутъ они закаленные въ ненависти ко всему турецкому, давившему ихъ подъ рядъ цѣлыя столѣтія, и съумѣютъ твердо отстоять свою волю и свободу, если таковою благословитъ ихъ Господь въ эту борьбу,—вновь *современемъ* поднять знамя свободы—если бы настоящая борьба по волѣ неисповѣдимаго промысла, не увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ.

Н. Каразинъ.

Къ рисункамъ.

Бѣгство армянъ отъ преслѣдованія турокъ.

Рисунокъ изображаетъ бѣгство христіанскихъ жителей селеній Алашкертской долины отъ неистовства баши-бузуковъ и курдовъ, вырѣзавшихъ тамъ множество селеній. Эти несчастные, спасшіеся отъ ужасной участи, постигшей ихъ соплеменниковъ, обязаны своимъ спасеніемъ генералу Тергукасову: если бы онъ почему либо не нашелъ возможнымъ взять ихъ подъ свое покровительство, то позорная смерть, сопровождаемая невѣроятными издѣвательствами и пытками была бы участью ихъ. Но къ счастію Богъ судилъ иначе.

Генералъ Тергукасовъ, слѣдуя отъ Даяра къ Сурпъ Оганесу, 22 іюня с. г. встрѣтилъ ихъ на пути въ количествѣ 3000 семействъ. Онъ въ виду ужасающаго положенія этихъ несчастныхъ вынужденъ былъ принять ихъ подъ защиту. Прикрытіе несчастныхъ семействъ замедлило движеніе отряда и дало возможность непріятельской пѣхотѣ и конницѣ безнаказанно слѣдовать за нашими войсками и тревожить нашъ аріергардъ.

Библиотека "Руниверс"

По прибытіи въ Сурпъ Оганесъ, Генералъ Тергукасовъ долженъ былъ остановиться, чтобы обезпечить участь своихъ раненыхъ и переселенцевъ, и тогда уже только могъ двинуться на помощь къ Баязетскому отряду.

Такимъ образомъ эти три тысячи семействъ избавились отъ мученій и смерти и, конечно, памятенъ для нихъ останется на всю жизнь генералъ Тергукасовъ.

Городъ Брусса.

Г. Брусса, въ древности Пруза, столица Виѳинскихъ царей, а впослѣдствіи (до завоеванія Константинополя) резиденція Султановъ, находится въ малоазіатскихъ владѣніяхъ Турціи. По восточнымъ сказаніямъ, Брусса—четвертый рай на землѣ (первые три—Константинополь, Багдадъ и Каиръ). Въ самомъ то дѣлѣ мѣстность, считаемая четвертымъ раемъ, замѣчательна по климату и богатству природы. Далеко во всѣ стороны отъ Бруссы, какъ говорится, на каждомъ шагу, встрѣчаются развалины древнихъ городовъ, развалины, полныя историческихъ воспоминаній. Г. Брусса раскинулся на возвышеніи у подошвы славнаго Олимпа. Предъ городомъ растилается прелестная долина, орошаемая быстрыми ручьями (изъ которыхъ нѣкоторые горячіе, минеральные ключи, отъ 60 до 70° тепла) и богатая чудной растительностью. Здѣсь растутъ шелковичныя и плодовыя деревья, хлопчатникъ и всякаго рода хлѣбъ

Постройка города Бруссы относится къ 187 г. до Р. Х. Вмѣстѣ съ Виѳиніей онъ былъ покоренъ Митридатомъ Великимъ. Далѣе, подпавъ подъ власть Римлянъ, онъ пересталъ быть столицей независимаго государства и началъ постепенно разрушаться. При раздѣленіи Римской монархіи, городъ Брусса достался Восточной имперіи. Эмиръ аленпскій, изъ династіи Гомадонидовъ, отнялъ Бруссу у византійцевъ и только чрезъ нѣсколько лѣтъ городъ былъ снова возвращенъ имъ Никифоромъ Фокой. Обнесенный укрѣпленіями, г. Брусса потомъ долго удерживалъ напоръ турецкихъ полчищъ. Но когда Никея—была покорена крестоносцами и возвращена Грекамъ, турки разграбили Бруссу. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, она подверглась опять разграбленію за непризнаніе похитителя престола Андроника Комника своимъ владыкою (1184). По занятіи Константинополя Балдуиномъ гр. Фландрскимъ, Бруссой овладѣлъ, при помощи иконійскаго султана, Ѳеодоръ Ласкари и удержалъ городъ за собой, заключивъ миръ съ Крестоносцами. Отманъ, первый султанъ Оттомановъ, блокировалъ Бруссу, устроивъ противъ нея башни. Сыну его, Орхану, удалось занять городъ и онъ сдѣлалъ его своей столицею. Съ тѣхъ поръ обращено было вниманіе на возрожденіе прежняго величія города. Султаны старались украсить его всѣмъ великолѣпіемъ. Существуетъ преданіе будто подъ самыми стѣнами Бруссы Тамерланъ взялъ въ плѣнъ Баязета, хотя этому послѣднему трудно вѣрить, такъ какъ битва, проигранная Баязетомъ, была подъ Ангорою, болѣе 200 верстъ отъ Бруссы. Старшій сынъ Баязета, Солиманъ, преслѣдуемый однимъ изъ начальниковъ Тамерланова войска, только проскакалъ Бруссу, искавъ спасенія въ Константинополѣ. Начальникъ Тамерлановъ овладѣлъ городомъ послѣ слабаго сопротивленія; самъ же Тамерланъ не былъ въ Бруссѣ. По взятіи Андріанополя, столица Оттомановъ была перенесена изъ Бруссы въ этотъ городъ, тѣмъ не менѣе г. Брусса не потерялъ своего значенія. Благодаря выгодному географическому положенію, по своей торговлѣ этотъ городъ уступаетъ одной только Смирнѣ.

Въ настоящее время Брусса городъ Анатолійскаго Вилайета. Сюда безпрерывно идутъ караваны съ юга и востока, изъ Смирны, Персіи, Алеппа. Городъ Муданія служитъ какъ бы портомъ г. Бруссѣ и доставляетъ ему произведенія Европы, привозимыя чрезъ Константинополь. Главный предметъ торговли Бруссы шелкъ и хлопчатая бумага. Въ Бруссѣ также не мало мануфактуръ, гдѣ производятся разныя издѣлія, какъ для собственнаго потребленія жителями города, такъ и для отправленія въ другія мѣста. Народонаселеніе города полагаютъ въ 100,000. Украшеніе Бруссы составляютъ великолѣпныя мечети, каравансераи, базары, фонтаны. Фонтаны устроены почти при каждомъ домѣ въ Бруссѣ. Есть также нѣсколько греческихъ церквей, армянскихъ и синагогъ. Старинный замокъ какъ бы, вѣнчаетъ собою городъ. Въ стѣнахъ замка попадаются камни съ греческими изваяніями; можно думать, что это былъ акрополисъ древней Прузы. Нѣкоторыя ванны, устроенныя надъ минеральными водами—греческой постройки. Въ окрестностяхъ Бруссы лежитъ деревня Чирчіа; тамъ въ небольшой мечети покоится прахъ основателей турецкаго владычества, двухъ первыхъ султановъ: Отмана и Оркана.

Путешественники, побывавшіе въ Бруссѣ, приходятъ въ совершенный восторгъ отъ ея великолѣпныхъ видовъ. Пользуемся описаніями одного путешественника, всходившаго на гору Олимпъ. „Часа два, пишетъ онъ, поднимались мы на гору и достигли до небольшого озерка. До него еще встрѣчались растенія, кустарникъ и травы, но далѣе представлялись только голыя скалы. Тутъ я долженъ былъ оставить лошадей и идти пѣшкомъ. Черезъ часъ я былъ на вершинѣ и стоялъ выше фригійскихъ горъ. Вдали виднѣлся Константинополь и Принцевы острова, у ногъ блистали озеро Авуйлвоктъ и рѣка Уферъ, извивающаяся по Брусской долинѣ и впадающая въ море. Иногда облака, проходя ниже меня, совершенно застилали отъ глазъ землю, тогда, какъ будто прекращалось всякое сношеніе съ нею. Не это ли восторженное ощущеніе внушило древнимъ поэтамъ мысль: „назначить верхи Олимпа жилищами боговъ!“ На горѣ всюду видѣнъ мраморъ. Сѣверная сторона покрывается льдомъ. Снѣгъ, говорятъ, стаиваетъ только въ іюлѣ. При восходѣ солнца видъ изъ города на Олимпъ восхитителенъ. Лучи играютъ на его вершинѣ, то окрашивая ее въ радужные цвѣта, то блистая въ конечностяхъ снѣжно бѣлыми отливами.

Главная квартира Сулеймана-паши въ лагерѣ близь Казанлыка.

Сулейманъ-паша, помимо своей боевой дѣятельности, извѣстенъ какъ писатель. Его „Военная исторія“ принята за руководство въ военныхъ школахъ Турціи, а „Всеобщая исторія“ составляетъ полное сочиненіе по этому предмету на турецкомъ языкѣ.

Всѣ важнѣйшія реформы Турціи дѣлались при его непосредственномъ участіи, такъ, напримѣръ, реформа военно-учебныхъ заведеній принадлежитъ ему; въ коммисіи, обсуждавшей проектъ конституціи, онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей.

Перейдя всѣ степени командованія, отъ роты до корпуса, онъ вышелъ большимъ военнымъ практикомъ. Окончивъ курсъ наукъ въ 1860 году, черезъ два года Сулейманъ-паша принималъ участіе въ войнѣ Турціи съ Черногоріей. Далѣе онъ сражался въ рядахъ войскъ противъ критянъ и въ прошедшемъ году противъ Сербовъ. Дьюнишскій погромъ былъ задуманъ Сулейманомъ-пашей и выполненъ подъ его личнымъ надзоромъ.

Аттаки на Шипку, какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, производились Сулейманомъ-пашей. Потерпѣвъ здѣсь громадную неудачу и потерявъ до 15 тыс. войска, онъ отступилъ къ Казанлыку. Засимъ, какъ читатель увидитъ изъ политическихъ извѣстій этого номера, онъ 5 сентября снова попытался аттаковать Шипку и былъ опять отбитъ съ громаднымъ урономъ. Понятно, что, потерявъ 15 тыс. войска, Сулейманъ паша пополнилъ свои потери въ численномъ отношеніи и привелъ снова въ должный порядокъ свою разбитую въ августѣ подъ Шипкой армію. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что хотя ему и удалось пополнить свои потери въ численномъ отношеніи, но въ качественномъ пополнить ихъ, говорятъ, невозможно. Невозможно это именно потому, что при обиліи „пушечнаго мяса“ въ Турціи, не найдти въ ней болѣе такихъ солдатъ, какіе уложены большими тысячами подъ Шипкой. Вышеупомянутая аттака 5-го сентября повела къ дальнѣйшимъ потерямъ въ этомъ отношеніи: генералъ-лейтенантъ Радецкій доноситъ, что въ штурмѣ на укрѣпленіе св. Николая дрались султанская гвардія и арабистанцы, т. е. самыя отборныя и отличающіяся доходящею до изступленія храбростью турецкія войска. Но видно крѣпость и стойкость нашихъ доблестныхъ воиновъ, защитниковъ праваго дѣла, превосходитъ поступленную храбрость турокъ.

Рисунокъ, помѣщенный въ этомъ номерѣ, изображаетъ главную квартиру Сулеймана-паши въ лагерѣ близь Казанлыка. По отзывамъ, онъ ведетъ жизнь самую простую и чуждъ всякихъ прихотей и излишествъ. Такія качества всегда, конечно, достойны добраго отзыва, и въ комъ бы мы ихъ не встрѣтили, они, будучи нами заимствованы, ничего, кромѣ пользы, намъ не принесутъ. Ж.

Какъ дѣлаютъ чай въ главной квартирѣ.

Этотъ маленькій рисунокъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какими удобствами приходится пользоваться на войнѣ. Само собою понятно, что среди военной обстановки некогда думать объ удобствахъ, нѣтъ возможности нетолько пользоваться ими, но приходится даже отказывать себѣ во многомъ такомъ, что въ мирное время и среди домашней обстановки считается самымъ необходимымъ. Стаканъ чаю на ходу, между окончаніемъ одного какого либо спѣшнаго дѣла и началомъ другого, кусокъ булки, наскоро съѣдаемой, по причинѣ той же спѣшной и неотложной по своей важности работы—вотъ и весь утренній чай и вся короткая исторія его питья. Не поетъ свою монотонную пѣсню самоваръ, важно и въ большомъ самодовольствіи возвышающійся среди дубоваго стола (какъ у насъ здѣсь въ городскихъ квартирахъ), никто не прислушивается къ его старымъ пѣснямъ, да и пѣсенъ такихъ у него нѣтъ. Какъ паровая машина, шипитъ онъ, поставленный прямо на землю, и непохожъ онъ среди окружающей его обстановки на самоваръ: именно здѣсь къ нему можно примѣнить то названіе, которое онъ получилъ на западѣ. Дѣйствительно это не самоваръ, а „чайная машина“.

Нѣсколько словъ о Пенсильваніи и о другихъ нефтяныхъ областяхъ на земномъ шарѣ.

Пенсильванія, страна, или точнѣе, лѣсъ Пенна *) почитается однимъ изъ лучшихъ штатовъ республиканскаго союза Сѣ-

*) Пенсильванія была открыта при Яковѣ I Вальтеромъ Ралейгомъ, а въ 1681 г. квакеръ Вилліамъ Пеннъ, получивъ ее въ подарокъ отъ короны, поселился въ ней и колонизовалъ по большей части квакерами же, давъ странѣ свое имя. Въ 1776 году Пенсильванія сдѣлалась штатомъ независимымъ и вошла, въ числѣ тринадцати, въ англо-американскій союзъ, которымъ завязался узелъ нынѣшняго знаменитаго союза.

Библиотека "Руниверс"

Главная квартира Сулеймана-паши близь Казанлыка въ Балканахъ. Съ наброска Англійскаго корреспонд. грав. Вейерманъ.

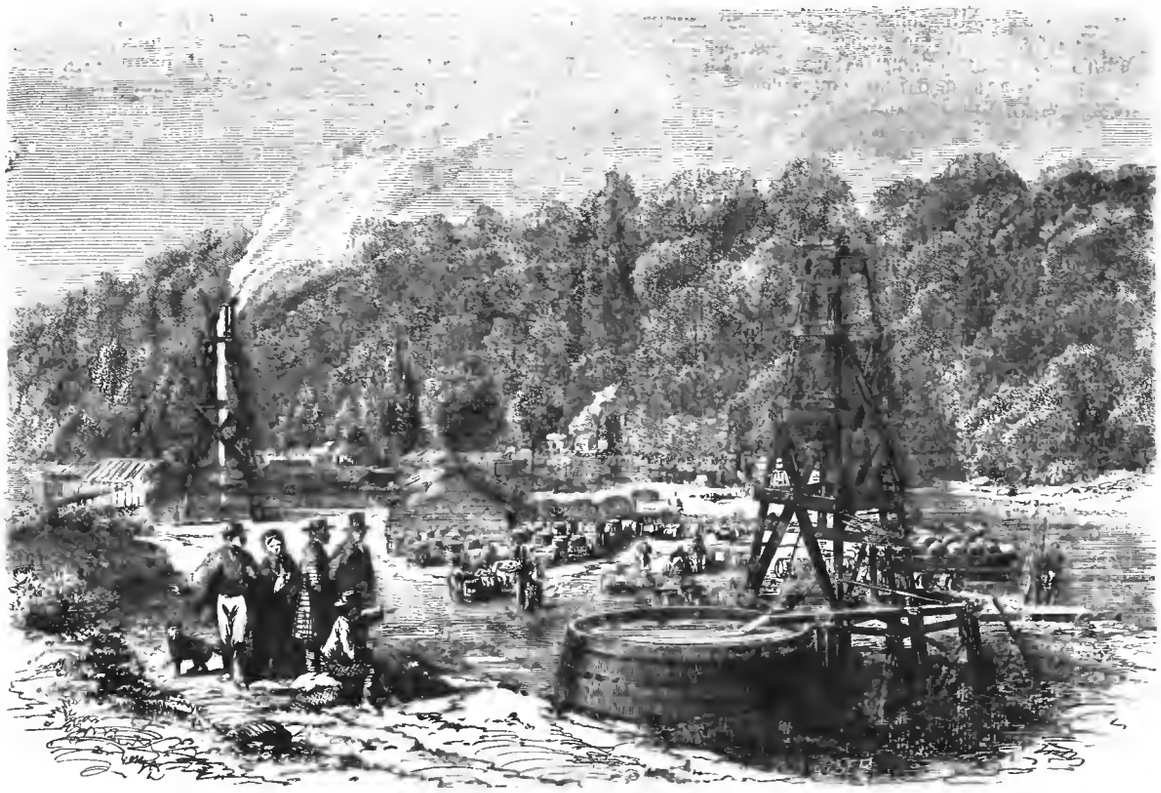
Истребленіе армянскаго населенія въ Баязетѣ турецкими войсками во время 23 дневной осады Баязетской крѣпости. Рис. К. З., грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

верной Америки, извѣстнаго подъ именемъ Соединенныхъ Штатовъ, и граничитъ съ сѣвера Нью-Іоркомъ, съ юга Виргиніею и Мерилендомъ, съ востока Нью-Джерси, а съ запада большимъ штатомъ Огіо и озеромъ Эри. Главнымъ административнымъ пунктомъ этой страны почитается въ настоящее время

между которыми первенствуютъ нефтяные ключи. Почва до того пропитана нефтью, называемою также горнымъ или каменнымъ масломъ или петролемъ, что стоитъ раскопать ее на три, даже мѣстами не болѣе какъ на два съ половиною аршина, и присутствіе нефти обнаруживается въ изобиліи. Въ этомъ

Какъ приготовляется чай въ главной квартирѣ Дунайской арміи.



Нефтяный источникъ близь озера Эри въ Пенсильваніи. Грав. Осиповъ.

Гаррисбургъ, но Питтсбургъ и особенно Филадельфія, справедливо почитаемая столицею штата, играютъ несравненно большую роль и пользуются огромнымъ значеніемъ въ смыслѣ коммерческомъ. До пришествія въ Америку европейцевъ, Пенсильванія была населена ленапами, міамисами, иллинезами, алгонкинами и другими туземными племенами, бывшими коренными жителями страны, теперь же почти совершенно вымершими и не вынесшими европейской цивилизаціи.

Богатая почва Пенсильваніи заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ огромные пласты каменнаго угля и желѣза и особенно пользуется извѣстностью по изобилію минеральныхъ источниковъ,

штатѣ вообще замѣчены оставшіеся слѣды сальзъ, подобныхъ нашимъ бакинскимъ сальзамъ *).

На прилагаемомъ здѣсь рисункѣ мы видимъ одну изъ неф-

*) Сальзами и ложными вулканами называются выбрасываемыя низменными холмами грязи почти у самой поверхности земли. Эти грязи составляютъ явленія ложныхъ вулкановъ, называются сальзами отъ присутствія въ нихъ соли (sal) и всегда бываютъ соленыя на вкусъ. Близь Баку находится много такихъ грязныхъ вулкановъ; кромѣ того можно назвать еще сальзы въ сѣверной Италіи, близь Пармы и Модены, а въ Сициліи—Мавалуби, въ Южной Америкѣ, у Турбако, въ китайскихъ провинціяхъ Юнъ-Нань, Са-Чуанъ, Гуанъ-Си, также сальзы Крымскія и Тамаанскія. Пенсильванскія сальзы расположены преимущественно по юго-восточнымъ берегамъ озера Эри.

Библиотека "Руниверс"

тяныхъ мѣстностей Пенсильваніи вблизи озера Эри, на берегу впадающей въ него рѣчки. Въ лѣвой сторонѣ рисунка изображенъ высокій столбъ пламени, исходящаго близь самой поверхности земли и постоянно горящаго бѣло-желтымъ цвѣтомъ. Читателямъ, конечно, не безъинтересно знать, откуда берется это постоянное пламя и какой источникъ горѣнія поддерживаетъ его весьма и весьма долгое время.

Надобно замѣтить, что вообще всѣ мѣстности, изобилующія и пропитанныя нефтью, какъ Пенсильванія въ Америкѣ, Апшеронская и Таманская нефтяныя области въ Европейской Россіи, Киргизскія степи въ Азіатской Россіи, имѣютъ тѣсную связь съ изверженіями нефти и углеводороднаго газа, воспламеняющагося отъ соприкосновенія съ кислородомъ воздуха. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательна наша Апшеронская и Бакинская система, обнимающая своими нефтяными и газовыми истеченіями цѣлую обширную область. Вѣчные, неугасаемые огни становятся особенно часты по мѣрѣ приближенія къ юго-западнымъ берегамъ Каспійскаго моря. Близь Баку, у деревни Сюрахане, чрезъ трещины земли, непрерывно выдѣляется газъ, который быстро воспламеняется самъ собою и производитъ вѣчный пожаръ нѣсколькихъ столѣтій, видъ котораго, въ ночное время, представляетъ ужасное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и живописное зрѣлище. Сильное зарево видно уже верстъ за двѣнадцать; чѣмъ ближе, тѣмъ оно сильнѣе, а за версту свѣтъ такъ великъ, что можно легко читать книгу. Индійцы огнепоклонники соорудили, въ мѣстахъ самыхъ сильныхъ огненныхъ струй, храмъ для поклоненія божеству огня, соединивъ пламя въ нарочно сдѣланныхъ для этой цѣли трубахъ, надъ которыми и развѣвается, широкими языками, яркое неугасающее пламя. Насколько вся эта мѣстность изобилуетъ нефтью и горючимъ газомъ, мы можемъ убѣдиться изъ поражающаго явленія въ самыхъ водахъ Каспійскаго моря, гдѣ газъ съ силою вырывается изъ-подъ морского дна, проходитъ всю толщу воды, и появляется на поверхности безчисленными бурлящими пузырями, подбрасывающими вверхъ воду, какъ въ колесахъ мельницы. Если въ это мѣсто, съ большою осторожностью бросить огонь, то газъ быстро воспламеняется и обхватываетъ значительное пространство пламенемъ, горящимъ многочисленно развѣвающимися языками. Иногда этотъ газъ воспламеняется и самъ собою. Подобныя изверженія пламени изъ отверстій земли получили названіе газовыхъ или воздушныхъ вулкановъ. Такія же явленія горящаго газа замѣчаются и въ Апеннинскихъ горахъ, надъ небольшимъ коническимъ холмомъ при Pietra. Въ Перу огненный столбъ стоитъ періодически по нѣскольку часовъ въ видѣ лучезарнаго султана. Въ 1807 году близь Баку, послѣ легкаго землетрясенія, поднялся огромный огненный столбъ изъ трещины земли, державшійся три часа сряду на одной и той же высотѣ, потомъ онъ понизился и продолжалъ горѣть на высотѣ трехъ футовъ, въ продолженіи двадцати часовъ. Горѣвшее вещество было—углеводородный газъ.

Подобно пенсильванскимъ и бакинскимъ огнямъ, неподалеку отъ Рейна, въ Готтесгабской соляной копи, находится колодезь, изъ котораго уже болѣе семидесяти лѣтъ подымается токъ горючаго газа. Онъ горитъ блестящимъ бѣлымъ пламенемъ и состоитъ изъ чистаго углеводорода. Зданія управляющаго и рабочихъ этой копи постоянно освѣщаются пламенемъ газа, проведеннаго изъ колодца черезъ трубы и кромѣ того оно служитъ для всѣхъ какъ даровое отопленіе. Тоже самое надо сказать и о Сѣверной Америкѣ, гдѣ въ штатѣ Пенсильваніи, близь береговъ озера Эри, въ деревнѣ Фредоніи, горючій газъ струится изъ многихъ отверстій почвы и также употребляемый жителями какъ освѣтительный матеріалъ и топливо. Въ небольшомъ ручейкѣ, пересѣкающемъ дорогу изъ Глазго въ Эдинбургъ, сильно вырывается на поверхность воды газъ, воспламеняющійся и горящій надъ самой водой на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ саженъ. Газъ горитъ яркимъ желтоватымъ пламенемъ и проведенъ трубами въ Глазго для освѣщенія улицъ. Широкая струя такого же горючаго газа выходитъ изъ земли съ большою силою въ Южной Америкѣ, въ гористомъ и мало обитаемомъ мѣстѣ, при сліяніи рѣкъ Кататумбо и Суліи. Свѣтъ широкаго горящаго столба виденъ на разстояніи шестидесяти или семидесяти верстъ, и такъ какъ онъ находится недалеко отъ устья Мараканбо и на одномъ меридіанѣ съ каналомъ, ведущимъ въ озеро того же имени, то и называется Мараканбскимъ маякомъ. Прибрежные острова въ юго-западной и южной части Каспійскаго моря, какъ напримѣръ. островъ Изба, Нефтяной, Огурчинъ, Жилой и другіе, особенно же первый, имѣютъ почву, пропитанную въ высшей степени нефтью и изобилующую нефтяными ключами въ такой мѣрѣ, что стоитъ прорыть землю на три или на четыре аршина, чтобы увидѣть готовый источникъ, дающій въ невѣроятномъ изобиліи нефть. Воспламеняющіеся ключи при Тсей-Лье-Тсинъ имѣютъ болѣе трехъ тысячъ пятисотъ футовъ глубины.

Въ Фредоніи и другихъ прибрежныхъ нефтяныхъ мѣстностяхъ Пенсильваніи надъ отверстіемъ, откуда съ силою бьетъ горное масло, устраивается деревянный плотный срубъ или колодецъ, быстро наполняющійся прибывающею нефтью, а изъ него въ стороны проведены боковыя трубы или даже простые жолоба, чрезъ которые горючая жидкость переливается въ колоссальные чаны. Затѣмъ на мѣстѣ же приступаютъ къ очищенію нефти, являющейся въ продажѣ въ трехъ видахъ керосина. Низшій сортъ очищенной нефти или керосина имѣетъ обыкновенно желтый цвѣтъ и притомъ съ тяжелымъ запахомъ, хорошій сортъ совершенно прозраченъ какъ вода, но отливаетъ иногда голубовато-стальнымъ блескомъ, высшій же сортъ идетъ въ продажу въ москотильныхъ магазинахъ, какъ хорошее средство для вывода пятенъ изъ платья и въ аптекахъ для разныхъ мазей и натираній. Очищенный керосинъ разливается въ бочки и затѣмъ немедленно отправляется въ громадномъ количествѣ въ Нью-Іоркъ, а оттуда на корабляхъ и пароходахъ во всю Европу, не исключая и Россіи, имѣющей собственныя нефтяныя богатства. Поѣзды съ грузомъ керосина отправляются обыкновенно особо, то есть безъ пассажировъ, по той причинѣ, что случайное столкновеніе или ударъ вагоновъ производитъ быстрое воспламененіе этого горючаго матеріала съ огромными несчастными послѣдствіями.

Потребность керосина въ Пенсильваніи до того громадна, что едва кажется вѣроятною. Не взирая на обиліе лѣсовъ и множество работающихъ рукъ, нѣтъ никакой возможности приготовить достаточнаго количества керосиновыхъ бочекъ, потому что потребность керосина и необыкновенное изобиліе нефти превышаютъ всякую возможность приготовить соотвѣтствующее количество бочекъ, поэтому смѣтливые американцы придумали весьма практическій способъ отправки керосина въ сплошныхъ, герметически закупоренныхъ вагонахъ, которые наполняются до верху и накрываются плотными крышками, имѣя внизу краны, чрезъ которые керосинъ разливается на мѣстахъ привоза въ бочки для продажи оптовымъ торговцамъ.

При внимательномъ взглядѣ на громадную добычу нефти въ Пенсильваніи и на гигантскую торговлю штата со всѣмъ свѣтомъ, невольно задаешься вопросомъ, почему же у насъ въ Россіи, при такихъ же богатствахъ природы, не обратятъ вниманія на столь важную вѣтвь промышленности, какъ добываніе и сбытъ керосина. Почему у насъ, даже для собственнаго употребленія, жгутъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ и въ городахъ близкихъ къ Кавказу все тотъ же Пенсильванскій керосинъ? Свои ключи въ Закавказьѣ, въ Крыму, на полуостровѣ Таманскомъ, на островахъ Каспійскаго моря, въ Киргизской степи и наконецъ въ Печерскомъ краѣ, казалось бы гораздо къ намъ ближе, чѣмъ Пенсильванія, лежащая по ту сторону громаднаго атлантическаго океана. Причина этого главнѣйшимъ образомъ заключается, конечно, въ томъ, что пенсильванскій керосинъ несравненно дешевле кавказскаго, хотя и послѣдній находится также въ значительномъ употребленіи, во вторыхъ въ Америкѣ владѣютъ лучшими способами очищать нефть, и пенсильванскій керосинъ является поэтому несравненно высшаго качества, въ третьихъ у насъ въ Россіи мало еще заводовъ для очищенія нефти, наконецъ американскій рабочій классъ лучше сознаетъ свои собственныя пользы и охотно идетъ работать тысячами на нефтяные заводы...

Н. Зуевъ.

Исторія Іосифа въ древне-египетскихъ надписяхъ.

Чѣмъ болѣе выясняется для насъ загадочное значеніе іероглифовъ древняго Египта и чѣмъ болѣе выучиваемся мы понимать ассирійскія клинообразныя надписи, тѣмъ больше увеличивается итогъ подобныхъ же свидѣтельствъ на памятникахъ, подтверждающихъ истинность священныхъ Ветхозавѣтныхъ сказаній. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ египтологовъ (ученыхъ, посвятившихъ свою дѣятельность спеціальному изслѣдованію Египта), профессоръ Гейнрихъ Бругшъ, недавно издалъ свою *„Исторію Египта при Фараонахъ“*. (Лейпцигъ, книжная торговля І. Ц. Гинрихше). Эта книга представляетъ глубоко-научное, превосходное во всѣхъ отношеніяхъ твореніе, достоинства котораго увеличиваются еще и тѣмъ, что книга доступна пониманію даже неподготовленнаго читателя. Двѣнадцатый отдѣлъ этой книги трактуетъ о періодѣ чужеземнаго господства въ Египтѣ и объ Іосифѣ. Исторія Іосифа, столь близкая и знакомая всѣмъ намъ съ ранняго дѣтства, находитъ себѣ замѣчательное подтвержденіе въ іероглифическихъ надписяхъ древне-египетскихъ памятниковъ. Надписи, пережившія цѣлыя тысячелѣтія, выясняются теперь предъ нами, представляя глубокій интересъ и поучительность.

По свидѣтельству египетскаго жреца и ученаго писателя Манетока (это свидѣтельство сохранилъ для насъ въ письменахъ іудейскій историкъ Іосифъ Флавій), египетскую низменность, въ глубоко отдаленный періодъ времени, занялъ весьма грубый и дикій народъ, пришедшій съ востока. Этотъ народъ напалъ на туземныхъ египетскихъ царей и вскорѣ овладѣлъ всею египетскою землею, причемъ туземцы не оказали никакого сопротивленія. Этотъ воинственный дикій народъ носилъ

Библиотека "Руниверс"

названіе „*Гиксосъ*“ (пастухи). Онъ принадлежалъ, какъ доказываетъ Бругшъ, къ семитическому племени, слѣдовательно былъ одного племени съ евреями. Въ періодъ царствованія одного изъ этихъ царей-гиксосовъ, по имени Нуба (въ 1750 г. до Р. Хр.), Іосифъ занималъ свою извѣстную вліятельную должность въ Египтѣ. Существуетъ преданіе, что дѣйствительно Іосифъ былъ проданъ братьями въ Египетъ во время владычества тамъ гиксосовъ, и впослѣдствіи вознесенъ былъ на высшую степень славы и чести. Согласно этому преданію, „приятому всѣмъ свѣтомъ“, Іосифъ управлялъ Египтомъ въ царствованіе царя Афофиса. Бругшъ могъ, съ чувствомъ глубокаго удовольствія, прибавить къ прежнимъ замѣчаніямъ объ Іосифѣ и царствовавшемъ при немъ царѣ еще новыя блистательныя подтвержденія и свидѣтельства. Эти свидѣтельства совпадаютъ съ указаніемъ на время семилѣтняго голода и дороговизны въ Египтѣ,—а это время было при праотцѣ Авраамѣ,—вслѣдствіе недостатка наводненій Нильской низменности.

На стѣнахъ внутренней части гробницы одного древняго египтянина, по имени Баба (стѣны этой гробницы обильно снабжены надписями), жившаго именно въ это время, находится, между прочимъ, замѣчаніе, что этотъ Баба былъ кротокъ сердцемъ, и что боги за это дали ему богатство и счастіе на землѣ. Затѣмъ далѣе въ надписи читаемъ: „Я, другъ бога жатвы, собиралъ жито. Я сторожилъ время посѣва. *А какъ только насталъ голодъ, продолжавшійся многіе годы*, я, удовлетворяя каждому настоятельному требованію, посылалъ жито въ городъ“. Этотъ „продолжавшійся многіе годы“ голодъ, конечно, не могъ быть кратковременнымъ, но долженъ былъ простираться на опредѣленное, исторически-намѣченное время. Такъ какъ являющійся въ Египтѣ голодъ, вслѣдствіе недостатка наводненія, составляетъ явленіе чрезвычайно рѣдкое и исторія знаетъ и упоминаетъ, собственно говоря, только одинъ примѣръ такого недостатка наводненія въ Египтѣ—и именно *семь голодныхъ лѣтъ* при Іосифѣ, и далѣе: такъ какъ упомянутый Баба жилъ и дѣйствовалъ въ то время, когда Іосифъ управлялъ въ Египтѣ подъ верховною властью правителя-гиксоса, то для вѣрнаго заключенія у насъ здѣсь остается только одинъ путь—именно: мы должны принять, что „продолжительный голодъ“ во время Бабы долженъ соотвѣтствовать именно „семи голоднымъ годамъ“ при Іосифѣ. Простыя слова библейскаго повѣствованія, а также и надпись внутри гробницы Бабы—то и другое слишкомъ ясно и убѣдительно и исключаетъ всякое недоразумѣніе. Священно-библейскій разсказъ о возвышеніи Іосифа при одномъ изъ царей-гиксосовъ, о его жизни при дворѣ этого царя, о принятіи имъ въ Египтѣ своего отца и своихъ братьевъ, со всѣми подробностями, находится въ полнѣйшемъ согласіи съ тѣми предположеніями, которыя примыкаютъ къ лицамъ, мѣсту и времени.

Фараонъ, царствовавшій при Іосифѣ, имѣлъ свою резиденцію въ Зоанѣ, позднѣйшей столицѣ Рамзеса. Дворецъ этого фараона, обычаи дворца и проч. имѣли совершенно египетскій характеръ. Передъ Іосифомъ, по приказанію этого фараона, провозглашали на семитическомъ языкѣ: „Абрекъ!“ (т. е. преклоняйте колѣна. Кн. Быт. 41—43). Слово это удержалось въ іеглифическомъ словарѣ и принято египтянами, чтобы выразить чувство благоговѣнія, при взглядѣ на важное лицо. Далѣе, фараонъ даетъ Іосифу высшее достоинство „Зафнатпанеаха“ (управителя). Имя жены Іосифа, „Аснатъ“—чисто египетское. Отецъ его жены, жрецъ Онеліополиса—истый египтянинъ. Его имя—Потифера, или, на туземномъ языкѣ, Путифера, значитъ „даръ солнца“, Царедворецъ Пентефрій, который купилъ мальчика Іосифа у его братьевъ, и жена котораго пыталась соблазнить юнаго невольника, носилъ имя „Путифара“, что на египетскомъ языкѣ означаетъ „даръ явившагося“.

Библейское повѣствованіе говоритъ, что Іосифъ получилъ самый высшій послѣ царя чинъ при дворѣ, и это явствуетъ изъ усвоеннаго ему названія „адонъ“—что означаетъ степень власти надъ всѣмъ Египтомъ. Быт. 45, 9). Изъ памятниковъ Египта видно, что *адонъ*, какъ и греческое ἐπίβατος означаетъ предстоятеля.

Изысканія Бругша еще разъ доказываютъ, что въ настоящее время *историческія* свидѣтельства совершенно точно подтверждаютъ священно-библейское повѣствованіе. **Стр...**

Политическія и военныя извѣстія.

Телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміей отъ 7 (19) сентября извѣстила, что 6 сентября все и нездѣ было тихо и что блокада и обстрѣливаніе Плевны продолжаются. Засимъ нѣкоторыя телеграммы разныхъ агентствъ также извѣщаютъ, что подъ Плевною продолжается артиллерійскій бой. Слѣдовательно на дунайскомъ театрѣ войны за прошлую недѣлю не произошло важныхъ передвиженій, и дѣла находятся приблизительно въ statu quo предшествовавшей недѣли, ознаменованной упорнымъ боемъ за редуты плевненской позиціи. Но все таки въ этотъ промежутокъ времени случился важный эпизодъ, значительно освѣтившій для насъ стратегическіе разсчеты турокъ. Эпизодъ этотъ—возобновленіе турками ожесточенной аттаки Шипкинскаго прохода. Беремъ событія въ ихъ хронологической послѣдовательности.

4 (16) сентября Его Высочество Главнокомандующій дѣйствующею арміей Самъ объѣзжалъ румынскія позиціи подъ Плевной и остался ими вполнѣ доволенъ. При этомъ перемѣнены мѣста нѣкоторыхъ баттарей, которыя съ тѣхъ поръ и начали наносить непріятелю значительный вредъ. На слѣдующій же день 5 (17) сентября, турки въ три часа утра неожиданно аттаковали гору св. Николая на Шипкѣ, въ 5 часовъ утра распространили аттаку по всей линіи. Упорный бой продолжался 9 часовъ, и въ результатѣ непріятель былъ *отброшенъ съ огромнымъ урономъ*. Первыя аттаки въ этомъ бою выдержалъ Подольскій полкъ, при чемъ особенно отличились: командиръ этого полка Духонинъ, командиръ Житомірскаго полка Тяжельниковъ, подполковникъ 53-го пѣхотнаго Волынскаго полка князь Хилковъ и маіоръ того же полка Сендецкій. Штурмъ Шипки со стороны турокъ былъ, сколько можно судить по всѣмъ даннымъ, отчаянный; доказывается это уже тѣмъ, что войска посланы были въ аттаку самыя отборныя—это *турецкая гвардія* и *арабистанскія войска*. Но и наши потери были въ этомъ дѣлѣ значительны: 19 раненыхъ офицеровъ, и нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ до 1000 ч. Убитъ флигель-адъютантъ полковникъ князь *Мещерскій* и раненъ полковникъ *Тяжельниковъ*. Съ другой стороны о томъ же самомъ дѣлѣ трактуетъ и телеграмма самаго Сулеймана-паши, которая приписываетъ успѣхъ нашихъ войскъ прибывшимъ къ укрѣпленію св. Николая значительнымъ подкрѣпленіямъ, и исчисляетъ число убитыхъ и раненыхъ, со стороны турокъ, въ 3000 человѣкъ.

И такъ на театрѣ войны все по старому. Но что же будетъ затѣмъ? Можно ли говорить объ этомъ предметѣ по крайней мѣрѣ гадательно? Нѣкоторыя изъ вѣнскихъ телеграммъ сообщаютъ, что войска турецкаго главнокомандующаго Мехемеда-Алипаши стоятъ близь *Бѣлы* (на Янтрѣ), т. е. гораздо западнѣе р. Кара-Лома, отъ которой наши войска были недавно оттѣснены численнымъ превосходствомъ турокъ. Засимъ говорятъ, (тоже вѣнскія газеты), что Сулейманъ-паша, пройдя Трояновымъ переваломъ у Розавиты, черезъ Балканы, спѣшитъ къ Плевнѣ съ 30,000 челов., что засимъ высланныя къ Осману-пашѣ подкрѣпленія, въ числѣ 30 батальоновъ, уже прибыли въ Орханіэ, а часть этихъ войскъ уже выступила къ Плевнѣ, что въ скоромъ времени предстоитъ *общее наступленіе* со стороны турокъ.

Извѣстія эти были бы, конечно, весьма важны, если бы они стояли внѣ всякихъ сомнѣній, но такъ какъ они идутъ изъ вѣнскихъ телеграммъ, то и незаслуживаютъ довѣрія.

Бой подъ Плевною, бывшій 30 августа (11 сентября) веденъ былъ съ той и другой стороны съ страшнымъ ожесточеніемъ, и отдѣльные эпизоды его до сихъ поръ недостаточно ясны. Ясно одно, что потери наши при этомъ были значительны и что мужество и самоотверженіе нашихъ войскъ при этомъ были выше всякихъ похвалъ. Судя по описаніямъ, освѣщающимъ съ разныхъ сторонъ дѣло, плевненская позиція уподобляется Севастополю въ маломъ масштабѣ. Не смотря на потери, разрушительное дѣйствіе нашего огня даетъ себя знать. Значительная часть города представляетъ уже развалины. Гривицкій редутъ, который турки аттаковали было съ мужествомъ отчаянія—наши отстояли и редутъ этотъ до сихъ поръ въ нашихъ рукахъ.

На Закавказскомъ театрѣ войны не произошло ничего выдающагося.

Но въ маленькой Черногоріи совершаются геройскія дѣла:

Черногорцы, какъ извѣстно, взяли крѣпость Никшичъ (на сѣверной границѣ Черногоріи), о чемъ мы упоминали въ прошломъ обозрѣніи. Многихъ удивило, что черногорцы, повидимому не извлекли всѣхъ выгодъ изъ этого молодецкаго дѣла, потому что выпустили населеніе Никшича съ полнымъ вооруженіемъ и припасами. Говорятъ даже, что по этому поводу выражалось въ Черногоріи общественное неудовольствіе дѣйствіями князя Николая. Но по всей вѣроятности сдача Никшича была сдѣлана подъ условіемъ выпуска изъ него жителей съ оружіемъ и имуществомъ. Замѣтимъ, что Никшичъ взятъ не штурмомъ, такъ какъ крѣпость эта почти неприступна. Затѣмъ, послѣ славнаго никшичскаго дѣла, мужественныя черногорцы заняли: *Билекъ*, *Любомиръ и Коренницу* затѣмъ почти совсѣмъ окружили *Требинье* *) (близь сѣверо-западной границы Черногоріи). Если падетъ Требинье, то передъ Черногорцами откроется цѣлый уголъ Герцеговины для дальнѣйшаго хода ихъ дѣйствій. Замѣтимъ здѣсь, что Билекъ представляетъ весьма важный стратегическій пунктъ. Во всѣхъ предшествовавшихъ войнахъ съ Черногоріей въ Билекѣ стоялъ укрѣпленный турецкій лагерь, да и въ мирное время здѣсь стояла лагеремъ турецкая бригада. Цѣпь горъ Кличани **) (Kliçanj)

*) *Требинье*—весьма старый укрѣпленный городъ, былъ извѣстенъ римлянамъ и назывался у нихъ Tribubium. Затѣмъ въ новой исторіи до завоеваніи Балканскаго полуострова турками, этотъ городъ служилъ мѣстопребываніемъ знаменитой фамиліи *Павловичей*, которые владѣли цѣлымъ княжествомъ *Требунія* подъ верховнымъ покровительствомъ Босніи. Рагузанцы поправили распавшіяся стѣны крѣпости. Подъ владычествомъ турокъ Требинье сдѣлалось отвратительно-неопрятнымъ городомъ, однако былъ пунктомъ транзитной торговли.

**) Отъ слова *Ключъ* (*Klic*)—родникъ источникъ.

Библиотека "Руниверс"

примыкаетъ здѣсь къ высотамъ, на которыхъ расположенъ Билекъ. Горы *Кличаны* лѣсисты и изъ мрачныхъ скалъ ихъ въ изобиліи бьютъ горячіе ключи. Для борьбы съ Черногорцами турки сосредоточили между Гацко и Требиньемъ 15 батальоновъ и 5000 баши-бузуковъ. Эти турецкія силы предназначены ворваться въ Черногорію черезъ округъ Баньянъ.

Заснмъ уже извѣстно, что Черногорцы идутъ на *Столацъ*, слѣдовательно все углубляются внутрь Герцеговины (Столацъ лежитъ далеко къ сѣверу отъ Требинье, уже недалеко отъ Герцеговинской столицы Мостара) Въ Мостарѣ турки готовятся къ оборонѣ, а ровно и въ Требинье. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Билекъ уже сдался Черногорцамъ.

Въ политическомъ мірѣ за прошлую недѣлю имѣютъ важность слѣдующія факты.

Возбудившее столько толковъ и давно ожидавшееся свиданіе графа Андраши съ княземъ Бисмаркомъ состоялось въ Зальцбургѣ 6 (18) сентября. Князь Бисмаркъ прибылъ въ Зальцбургъ въ 8½ часовъ вечера, и графъ Андраши самымъ искреннимъ образомъ встрѣтилъ его на станціи желѣзной дороги и проводилъ въ отель «Европа». Здѣсь-то и состоялось совѣщаніе, продолжавшееся отъ 11 часовъ утра до 3-хъ пополудни. Результаты этого совѣщанія пока покрыты глубокою тайной. Газеты, разумѣется, высказываютъ на этотъ счетъ разныя предположенія. Лондонскія газеты утверждаютъ, что совѣщанія имѣли предметомъ интересы Германіи и ни въ какомъ случаѣ они не могли имѣть предметомъ посредничество между воюющими сторонами въ интересахъ мира, такъ какъ еще не было настоящаго генеральнаго сраженія между турками и русскими. Какъ бы то ни было, но, одновременно съ Зальцбургскимъ свиданіемъ, отправился въ Берлинъ германскій посолъ при великобританскомъ дворѣ. Графъ Мюнстеръ, какъ говорятъ, для совѣщанія съ Бисмаркомъ, а нашъ лондонскій посолъ графъ Шуваловъ отправился къ Лорду Дерби въ Ноуслэ. Это указываетъ на важность содержанія происходящихъ переговоровъ. Германскія газеты утверждаютъ, что Зальцбургское свиданіе послужитъ укрѣпленіемъ союза трехъ Императоровъ.

Къ числу важныхъ событій прошлой недѣли слѣдуетъ причислить и смерть престарѣлаго греческаго адмирала Канариса. Это былъ, можно сказать, *послѣдній изъ могиканъ* *) стойкой борьбы грековъ за свою свободу. Канарисъ за свои многочисленныя побѣды надъ турками на морѣ названъ «истребителемъ турецкаго флота». Канарисъ былъ низенькаго роста, невзрачный; но въ этомъ тщедушномъ тѣлѣ жила великая душа. О себѣ всегда онъ говорилъ чрезвычайно скромно и, чуждый всякаго эгоизма, можно сказать, жилъ для отечества. Теперь явились небезосновательныя опасенія, что со смертью великаго старца, Греція упадетъ духомъ и не соберется съ силами принять участіе въ борьбѣ противъ турокъ. Дѣйствительно, вмѣсто обсужденія великаго вопроса объ освобожденіи, мелкія интриги и происки господствуютъ теперь въ греческомъ министерствѣ. Можно съ нѣкоторою долею вѣроятности сказать, что Канарисъ былъ *тѣмъ* же для Греціи, *чѣмъ* былъ Тьеръ для Франціи,—подобно послѣднему онъ одушевлялъ соотечественниковъ, поддерживалъ ихъ патріотизмъ, предохранялъ отъ своекорыстія и мелочности. Канарисъ, въ соединеніи съ своими достойными сотоварищами, Сахтурисомъ и Сахинисомъ, былъ такимъ же носителемъ конституціонныхъ и парламентскихъ идей, какъ и Тьеръ. Первымъ плодомъ этой конституціонной греческой работы было учрежденіе Греческаго королевства и избраніе въ 1834 г. короля Оттона. До какой степени Канарисъ былъ дорогъ для Греціи и былъ ея душою видно изъ того, что непосредственно за его смертію наступилъ въ Греціи министерскій кризисъ.

Въ Пештѣ все продолжаются демонстраціи въ пользу турокъ. 6 (18) сентября вечеромъ весь Пештъ сіялъ отъ иллюминаціи въ честь турокъ. Но зданія министерства не были иллюминованы и турецкій консулъ разсудилъ за лучшее удалиться изъ своего дома. Эти пештскія демонстраціи находятся въ связи съ восклицаніями «да здравствуютъ турки», происходившими въ Кашау, во время пребыванія тамъ австрійскаго императора. Въ Австро-Венгріи есть города и селенія, заселенные исключительно венгерцами, или въ которыхъ венгерскій элементъ преобладаетъ. Это населеніе своими демонстраціями хочетъ воспламенить народную массу въ пользу турокъ. До сихъ поръ это попытка тщетная и австрійскій императоръ своимъ торжественнымъ тостомъ за здравіе Россійскаго Императора и словами, сопровождавшими этотъ тостъ, доказалъ какой политикѣ неизмѣнно будетъ слѣдовать Австрія во все продолженіе настоящей войны. Нѣкоторые органы утверждаютъ даже, что Францъ-Іосифъ съ намѣреніемъ произнесъ свой тостъ именно въ Кашау, гдѣ преобладаетъ населеніе венгерское. Но затѣмъ въ Кошау 7 (19) тоже происходили весьма шумныя сочувственныя туркамъ демонстраціи. Толпа народа разбушевалась и выбила стекла въ окнахъ генераловъ и офицеровъ, и извѣстныхъ симпатіями къ славянамъ. Для усмиренія бѣшеной толпы даже нужно было отрядить войска.

Изъ Парижа извѣщаютъ, что министерскій кризисъ во Франціи кончается компромиссомъ, (договоромъ или перемиріемъ), въ силу котораго Макъ-Магонъ привлекаетъ въ министерство нѣсколькихъ членовъ лѣваго центра.

Въ-заключеніе считаемъ необходимымъ обратить вниманіе нашихъ читателей на нужды общества «Краснаго Креста». Нужды эти ростутъ не пропорціонально притоку пожертвованій. «Красный Крестъ», при всѣхъ своихъ средствахъ, не въ силахъ удовлетворить ежедневно, ежечасно повторяющихся требованій помощи. Нужно содѣйствіе всей Россіи, каждаго города ея и городка, каждаго угла ея... Стоитъ только вспомнить, съ какимъ ожесточеніемъ ведется эта война, сколько жертвъ она уже взяла и сколько ихъ предстоитъ еще впереди. Стоитъ вспомнить это, для того, чтобы ни на минуту не поколебаться въ дѣлѣ готовности жертвовать чѣмъ можно. Не вправѣ оскудѣвать теперь рука дающаго, преступны сѣтованія тамъ, гдѣ и труды рукъ, и забота помысловъ должны быть неустанно направлены къ облегченію тѣхъ мукъ, тѣхъ страданій.

Все это мы считали необходимымъ высказать въ виду присланной изъ Бухареста княземъ Черкасскимъ телеграммы. Онъ телеграфируетъ отъ 10-го сентября слѣдующее:

«Обращаюсь къ русскому обществу съ убѣдительною просьбою о помощи нашимъ больнымъ и раненымъ братьямъ. Съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ живо ощущается настоятельнѣйшая потребность въ тепломъ платьѣ всякаго рода. Необходима возможно скорая присылка полушубковъ, шерстяныхъ чулокъ, валенокъ, суконныхъ и бумазейныхъ панталонъ, фуфаекъ, шерстяныхъ куртокъ, одѣялъ, а также бѣлья полными смѣнами. Помощь нужна неотложная и въ огромныхъ размѣрахъ. Средства общества «Краснаго Креста» за Дунаемъ не въ состояніи удовлетворить подобнымъ требованіямъ. Необходимо, чтобъ все русское общество сознало, какъ велика нужда, и пришло на помощь.

Усердно прошу патріотическаго содѣйствія со стороны всего русскаго общества».

*) Другіе герои, достойные сотоварищи Канариса, павшіе во время борьбы за освобожденіе, суть: *Марко Ботцарисъ* и г. *Караискакисъ*, Затѣмъ еще продолжавшіе свою дѣятельность и считающіеся основателями Греческаго королевства *Андреасъ Міаулисъ, Георгъ Сахтурисъ, Антъ. Кріецисъ. Георгъ Сахинисъ*,

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Москва. Л Х—ой. Ваше желаніе совпало съ нашими намѣреніями: нами уже заказаны рисунки по устройству и убранству номеръ въ русскомъ стилѣ. Рисунки эти будутъ приложены вмѣстѣ съ рисунками модъ, и мы надѣемся, что не только вы, но и всѣ наши читатели достойнымъ образомъ ихъ оцѣнятъ.

Опечатка. Въ № 37-мъ «Нивы», на стр. 194, въ статьѣ: «Размѣры военныхъ кораблей» вкралась опечатка. Сказано, что броненосецъ «Петръ Великій» имѣетъ длину 332 саженъ и ширину 60, слѣдуетъ читать эти размѣры *не въ саженяхъ, а въ футахъ*.

СОДЕРЖАНІЕ: 23 дневная осада Баязетской крѣпости (съ портретомъ и рисункомъ) Л.—Юный Императоръ Историческая повѣсть Вс Соловьева. Окончаніе первой части.—Бой при Шипкѣ и болгарскіе дѣти водоносы (съ 2-мя рисунками) Н. Каразина.—Брусса (съ рисункомъ).—Главная квартира Сулеймана-паши въ лагерѣ близь Казанлыка (съ рисункомъ) Ж.—Какъ дѣлаютъ чай въ главной квартирѣ (съ рисункомъ).—Нѣсколько словъ о Пенсильваніи и о другихъ нефтяныхъ областяхъ на земномъ шарѣ (съ рисункомъ). Политическія и военныя извѣстія.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.
Садовое Заведеніе въ Ригѣ,
симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ ДЕРЕВАМЪ, РАСТЕНІЯМЪ и пр. на 1877—1878 Г.
изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.
Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковые, посылаются каталоги также безплатно, смотря по заявленію, на русскомъ языкѣ, или французскомъ и нѣмецкомъ.
№ 22 4—1

Подписка на Олеографическія картины изящнаго исполненія, за ⅓ продажн. ихъ цѣны до 15 октября 1877 г.

№ 1 Осторожная » 2 Неосторожная » 3 Первая любовь Монврта » 4 Деликвнтн. отвѣтъ » 5 При Штарндергск. озерѣ » 6 При Зарнерсномъ озерѣ	велич. 10 × 8 „ 15½×12 „ 14½×20½	вер. за 4 р. „ „ 9 „ „ „ 10 „		

Картины можно видѣть въ моемъ магазинѣ, а для Иногородныхъ посылаю эскизы и подробности по полученіи 8-ми коп. марки.
РАМЫ въ нимъ въ 80-ти разныхъ фасонахъ
Э. Г. ДЕЗЛЕРЪ.
Невскій просп. № 20, въ бельэтажѣ, НАДЪ картин. магазиномъ Фельтема. съ 1 октября: у Краснаго моста въ уголн. магазинѣ д. Корпуса. 1
№ 12

Магазины: Адмиралт. площадь. близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 8, противъ Стремянной.
АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
15
Товарищество Чемберсъ и К°.

Сочиненія Д. СТАХѢЕВА
Наслѣдники. Повѣсть 2 тома 670 стр. цѣна 2 руб.
Встревоженный городъ. 1 томикъ 116 стр. цѣна 50 коп.
Въ Москвѣ у Соловьева и Живарева, въ Петербургѣ въ конторѣ «Нивы» и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

„При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ“.

Дозволено цензурою. СПБ. 16 Сентября 1877 г. Тип. Веллинга, Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 39 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 26 Сентября 1877 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера „Нивы“.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Контора журнала „Нива“ помѣщается въ С.-П.-Бургѣ на Б. Морской, въ д. № 9.

Генералъ-лейтенантъ М. Д. Скобелевъ.

Генералъ-лейтенантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ началъ свою военную карьеру, такъ сказать, съ первыхъ ея ступеней. Бывъ восемнадцати лѣтъ, онъ поступилъ въ Кавалергардскій полкъ унтеръ-офицеромъ. Два года спустя онъ былъ произведенъ въ корнеты, съ переводомъ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, который въ 1862—1863 г. находился въ Варшавѣ. Во время польскаго возстанія, молодой корнетъ Скобелевъ выказалъ свою храбрость и рѣдкія боевыя способности. Его товарищи и начальники тогда еще оцѣнили въ немъ эти качества. Съ окончаніемъ мятежа, Михаилъ Дмитріевичъ поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба и кончилъ курсъ блистательно, почему тотчасъ же былъ причисленъ къ Генеральному Штабу и назначенъ на службу сначала въ Туркестанскій край, а потомъ на Кавказъ. Возвратившись съ Кавказа, Михаилъ Дмитріевичъ нѣкоторое время пробылъ въ комитетѣ Главнаго Штаба, а потомъ былъ назначенъ адъютантомъ 32-й пѣхотной дивизіи. Война съ коканцами вызвала его къ боевой дѣятельности. Тамъ за отличіе онъ получилъ всѣ высшія боевыя награды: золотую саблю съ надписью „за храбрость“, орденъ св. Георгія 4 и 3 ст., золотую шпагу, украшенную брильянтами; точно также чины полковника и генералъ-маіора, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Въ чинѣ полковника и въ званіи флигель-адъютанта, Михаилъ Дмитріевичъ, на 30 году отъ рожденія, былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Ферганской области и командующимъ находящимися въ ней войсками, но на этомъ посту ему не пришлось долго оставаться. „Восточный вопросъ“, переживъ всевозможные дипломатическіе переговоры, оставался послѣ нихъ еще болѣе требующимъ разрѣшенія и еще болѣе неразъясненнымъ. При всеобщемъ нежеланіи войны со стороны всѣхъ европейскихъ государствъ, а тѣмъ болѣе самой виновницы возникновенія „восточнаго вопроса“—эта война оказалась неизбѣжной, и Михаилъ Дмитріевичъ, въ виду наступленія военныхъ дѣйствій долженъ былъ оставить свой постъ въ Ферганской области. По отзывамъ лицъ, близко знакомыхъ съ достойнымъ уваженія генераломъ, онъ съ большою охотою покинулъ Ферганскую область, будучи руководимый желаніемъ не отставать отъ другихъ въ дѣлѣ помощи родной странѣ и стать въ ряды родныхъ войскъ, чтобы нести наравнѣ съ ними всѣ труды, лишенія и опасности войны.

Генералъ-лейтенантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.
Рис. Н. Пановъ, грав. Вейерманъ.

Само собою понятно, что такой дѣятельный, энергическій и опытный генералъ долженъ былъ занять среди своихъ собратовъ видное мѣсто и при первомъ же представившемся случаѣ выказалъ себя ге-

Библиотека "Руниверс"

роемъ. Такъ телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующей арміей на Дунаѣ, отъ 23-го августа, извѣщала, что 22-го числа, послѣ 12 часоваго боя, взята Лонча, не смотря на сильную по природѣ и укрѣпленную позицію и на упорное сопротивленіе турокъ. Героемъ дня былъ генералъ М. Д. Скобелевъ.

За симъ, при многочисленныхъ аттакахъ подъ Плевной, имя генерала Скобелева не разъ было предметомъ восторговъ и удивленія.

Корреспондентъ англійской газеты „Daily Mews", описывая какъ очевидецъ, бой подъ Плевной 31-го августа (12-го сентября), говоритъ о генералѣ Скобелевѣ между прочимъ слѣдующее: „Въ то время какъ битва свирѣпствовала съ фронта и направо, съ неменьшею силою шла она и около редутовъ и по другую сторону ловчинской дороги. Скобелевъ хорошо подготовилъ почву. Къ четыремъ часамъ онъ поставилъ двадцать артиллерійскихъ орудій на кряжѣ передъ Плевной. Очевидно, Скобелевъ рѣшился сдѣлать отчаянное усиліе, чтобы взять редутъ, находящійся передъ нимъ. Редутъ, на который Скобелевъ нападалъ, былъ двойной редутъ въ изгибѣ ловчинской дороги близъ Плевны. Онъ двинулъ свои войска на склонъ горы. Когда турки открыли по нимъ огонь съ редута, онъ отвѣчалъ на огонь упорно и мѣтко, поставивъ своихъ людей по возможности подъ прикрытіе. Онъ такъ сильно дѣйствовалъ артиллеріей, что нѣсколько орудій было попорчено. Онъ, очевидно, рѣшился сдѣлать все, чтобъ взять этотъ редутъ. Въ продолженіе трехъ часовъ, онъ поддерживалъ огонь, и когда турецкій огонь нѣсколько ослабѣлъ, онъ считалъ эту минуту удобною для начатія приступа. У него было четыре линейныхъ полка и четыре батальона стрѣлковъ.

Все еще продолжая поддерживать свой убійственный огонь, онъ направилъ подъ его прикрытіемъ два полка въ маленькій оврагъ, при подошвѣ невысокаго холма, на которомъ построенъ редутъ, вмѣстѣ съ двумя батальонами стрѣлковъ. Тогда, занявъ наилучшую позицію для наблюденія за ходомъ дѣлъ, онъ прекратилъ огонь и отдалъ приказъ къ наступленію. Наступающему отряду онъ запретилъ стрѣлять, и тотъ, съ оружіемъ на плечахъ, съ музыкою и развѣвающимися знаменами двинулся впередъ и исчезъ въ туманѣ и дымѣ. Но скоро онъ замѣтилъ, что эта линія начинаетъ колебаться. Сію же минуту онъ двинулъ на поддержку одинъ полкъ и опять началъ наблюдать. Этотъ новый отрядъ двинулъ массу далѣе, но турецкій редутъ изливалъ такой потокъ пуль, что линія опять разстроилась. Скобелевъ стоялъ неприкосновеннымъ среди этого ливня пуль. Вся его свита была перебита или ранена. Онъ опять видитъ, что линія его колеблется и онъ двинулъ вагласисъ свой четвертый и послѣдній полкъ, Либавскій. Эта новая волна опять подвинула впередъ предъидущія, такъ, что они были уже почти у эскарпа, но убійственный ливень пуль продолжалъ литься на нихъ; люди падали сотнями, а результатъ все еще былъ сомнителенъ. Линія все еще болѣе колебалась. Нельзя было терять ни одной минуты, если только должно было взять редутъ. У Скобелева оставалось только два батальона стрѣлковъ. Ставъ во главѣ ихъ, онъ бросился впередъ верхомъ; онъ достигъ колеблющуюся массу и передалъ ей свое собственное мужество. Съ крикомъ бросилась впередъ масса. Весь редутъ представлялъ массу пламени и дыма. Шпага Скобелева была перебита на двое. Потомъ упала его лошадь. Онъ пошелъ пѣшкомъ, а за нимъ вся масса устремилась съ ревомъ, чрезъ эскарпъ и контръ-эскарпъ, чрезъ парапетъ и наводнила собою редутъ подобно урагану. Ихъ штыками скоро выбили еще оставшихся турокъ. Тогда радостные крики возгласили, что редутъ взятъ и что, наконецъ, одно изъ прикрытій Плевны находится въ рукахъ русскихъ".

Нужно ли еще дополненіе къ этому описанію, такъ непреложно указывающему на безпримѣрную храбрость генерала Скобелева?

Мы не имѣемъ здѣсь возможности привести съ должною подробностію свѣдѣнія, касающіяся хода этого боя и ограничиваемся только указаніемъ на то, что имя генерала Скобелева во все продолженіе Плевнинскаго бся удивлявшаго героизмомъ самыхъ храбрыхъ, покрыло себя на всегда неувядаемымъ вѣнкомъ славы.

Мы можемъ только съ глубокимъ сожалѣніемъ досказать, что сопровождавшееся съ такими необычайными военными подвигами занятіе турецкаго редута вблизи Плевны (да и неодного только, а трехъ) завершилось потомъ уступкою ихъ обратно туркамъ... Но въ этомъ уже вина не генерала Скобелева, а многихъ обстоятельствъ, совокупность которыхъ требовала уступки туркамъ редутовъ такъ дорого намъ стоившихъ. Можемъ только утѣшиться тѣмъ, что уступка эта временная, и дай Богъ, что бы поскорѣе наступилъ день взятія нашими войсками не только этихъ редутовъ, но всей Плевны.

М. Ж.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть Вс. Соловьева

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Зимніе ясные и морозные дни стояли надъ Москвой. Густовыпавшій снѣгъ закутывалъ ее и блестѣлъ и переливался на солнцѣ. Покрытыя инеемъ, стояли деревья садовъ московскихъ, лѣсовъ и рощъ, окружавшихъ со всѣхъ сторонъ первопрестольную столицу. Рѣка Москва извивалась твердою, бѣлой дорогой и по ней взадъ и впередъ перебирался и пѣшій людъ и многочисленные обозы. Забытая и затихнувшая въ послѣдніе годы Москва, снова оживилась; въ ней обнаружилось необычайное движеніе. Къ Тверской заставѣ то и дѣло подъѣзжали курьерскія тройки; въ Кремлѣ и во дворцахъ нѣмецкой слободы дѣлались приготовленія къ пріему Императора и двора. Вѣсть объ императорскомъ пріѣздѣ уже облетѣла весь городъ: передавалось извѣстіе, что дворъ уже выѣхалъ, уже на дорогѣ, потомъ идругъ другое извѣстіе—императоръ заболѣлъ въ Твери. Прошло нѣсколько дней—говорили выздоровѣлъ и ѣдетъ. Но въ ожиданіи торжественнаго въѣзда, глаза жителей московскихъ и ихъ уши обращались къ одной изъ окраинъ города, къ берегу Москвы рѣки, на которомъ возвышалась, за широкимъ полемъ, старинная обитель—Новодѣвичій монастырь. Монастырь этотъ построенъ еще въ 1524 году великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ, въ память побѣды надъ казанскими татарами при рѣкѣ Свіязѣ. Съ тѣхъ поръ эта обитель никогда не забывалась щедротами царей и всякаго русскаго люда; но особенное значеніе и извѣстность пріобрѣла она съ того времени, какъ сюда была заточена царевна Софія Алексѣевна. Теперь при монастырѣ существовалъ пріютъ для содержанія подкидышей—безпризорныхъ дѣвочекъ, и ихъ было болѣе двухсотъ пятидесяти. Онѣ воспитывались въ монастырѣ подъ надзоромъ монахинь до совершеннолѣтія,—обучались пряденію голландскихъ нитокъ и плетенію кружевъ. Между ихъ учительницами было нѣсколько, выписанныхъ Петромъ Великимъ, питомицъ изъ брабантскихъ монастырей.

И вотъ въ эту же обитель недавно перевезена была инокиня Елена, всѣми давно позабытая и вдругъ какъ бы воскресшая, вдругъ заставившая говорить о себѣ. Теперь она была уже не инокиня Елена—ее называли „великая государыня Евдокія Ѳедоровна". Тихо, темнымъ вечеромъ пріѣхала она изъ своего заточенія: никто и не зналъ какъ это было. Теперь же она перестала скрываться; для нея, по приказу изъ Петербурга, отдѣлали помѣщеніе въ одномъ изъ монастырскихъ строеній, направо отъ главныхъ воротъ. Ей и отдавались всевозможныя почести.

Московскій людъ валомъ валилъ въ Новодѣвичій, только что раздавался утренній или вечерній колоколъ: всѣмъ хотѣлось взглянуть на старую царицу, вынесшую столько горя и униженія. Всѣ знали, что она не пропускаетъ церковныхъ службъ. Люди, кто повиднѣе, изъ старожиловъ московскихъ, ѣздили къ ней на поклонъ; но рѣдко кого она принимала.

Наступилъ уже ранній зимній вечеръ; поблѣднѣлъ розовый свѣтъ на западѣ, мало по малу зажглись звѣзды; мѣрно отбивали часы на колокольнѣ Новодѣвичьяго монастыря. И вотъ раздался первый звукъ колокола. Толпы пѣшаго люда и возки на полозьяхъ со всѣхъ

Библиотека "Руниверс"

сторонъ спѣшатъ, по Дѣвичьему полю, къ обители, такъ что если бы всѣхъ впустить въ церковь, то не хватило бы въ ней мѣста. Но вотъ ужь нѣсколько дней, какъ почти никого не пускали въ монастырскія ворота и пришедшіе и пріѣзжіе съ печальнымъ недоумѣніемъ возвращались во свояси, не увидавъ старой царицы.

Должна была ужь начаться всенощная: монахини и питомицы становились рядами за высокими четыреугольными колоннами, поддерживающими своды храма, но священникъ еще не начиналъ молитвы: кого то очевидно ожидали. И вотъ неслышно отворились тяжелыя церковныя двери, ведущія въ крытую галлерею, и показалась старческая фигура въ монашеской одеждѣ, ведомая двумя почтенными матерями. Это была инокиня Елена. Войдя въ церковь, она освободила свою правую руку съ висѣвшими на ней четками, и принялась спѣшно креститься. Глаза ея были опущены, тонкія, уже нѣсколько впавшія губы шептали молитву. Медленно прошла она на возвышенное мѣсто, всегда занимаемое игуменьей, а теперь предназначенное для новой монастырской жилицы. Монахини, приведшія ее, глубоко ей поклонились и стали поодаль. Началась всенощная. Старушка сейчасъ же опустилась на колѣни и принялась горячо молиться, вскидывая большими, еще ясными и живыми глазами на образъ Богородицы, вокругъ котораго теплились безчисленныя лампады. Очевидно ни на кого и ни на что не обращала вниманія Евдокія Ѳедоровна и горячо молилась; но вотъ она поднялась съ колѣнъ, сѣла въ кресло, покрытое дорогой парчею, и осталась недвижима. Ея руки опустились на колѣни; она, не отрываясь, смотрѣла все на тотъ же, бывшій передъ нею образъ, но мысли ея далеко. Теперь, въ этомъ тихомъ пристанищѣ, обрѣтенномъ ею послѣ долгихъ, безконечно долгихъ лѣтъ мучительной жизни, невольно обо многомъ приходилось подумать царицѣ: позабытыя мысли, позабытыя чувства приходили ей въ голову и стучались въ сердце.

Тихая, торжественная обстановка; почти неумолкаемые звуки церковнаго хора; теплый, ласкающій свѣтъ лампады; лики старинныхъ иконъ; душистая атмосфера, разливаемая облаками ходящаго по церкви ладона; полная и благоговѣйная тишина—все это еще больше помогало царицѣ уходить въ міръ прошедшаго; вся долгая жизнь вспомнилась ей. Вотъ она помнитъ себя молодою дѣвушкой въ старомъ, отцовскомъ, московскомъ домѣ. Она и не грезитъ никогда о томъ, что случится съ нею, она не царица и не царевна, а просто Лопухина—боярышня. Отецъ ея стариннаго рода и старыхъ правилъ. Выросла Евдокія Ѳедоровна въ четырехъ стѣнахъ своего дѣвичьяго терема; вынянчили ее нянюшки да мамушки—не приходили къ ней учителя заморскіе, не трудили ей голову разнымъ ученіемъ: по просту, по-русски воспиталась она и выросла. Вотъ прошло дѣтство—наступили годы дѣвичества. Нянюшки и мамушки стали ее захваливать, не иначе называли какъ золотой красавицей; сулили ей всякаго счастья видимо не видимо, сулили жениха знатнаго да красиваго. И радостно слушала она ихъ льстивый шопотъ, частенько стала глядѣться въ зеркальце, сурмила свои брови соболиныя, румянила нѣжныя щеки. Коса у ней ниже пояса, пышный станъ, полныя руки; бѣла, что первый снѣгъ выпавшій. И скоро, скоро убѣдилась Евдокія Ѳедоровна, что нянюшки и мамушки правы, что она точно вышла красавица, стала задумываться и о своемъ суженомъ, представляла его себѣ въ дѣвическихъ грезахъ. „Знатный да красивый“ говорили нянюшки,—конечно долженъ онъ быть знатный и красивый—за иного и не выдадутъ Лопухину боярышню. Но ни льстивыя воспитательницы, ни сама боярышня никогда и въ помыслахъ не имѣли, какой женихъ ей готовится. А въ тѣ поры Государыня царица Наталья Кириловна примѣтила своимъ материнскимъ окомъ Евдокію Ѳедоровну, и замыслила она взять ее въ жены сыну единому, сыну любимому, Государю Петру Алексѣевичу. Не любила царица Наталья Кирилонна откладывать въ долгій ящикъ задуманнаго ею дѣла: сынокъ на возрастѣ—пора ему жениться, не ладно, что Государь ходитъ холостъ—не женатъ, да и внуковъ ужь хотѣлось царицѣ. Уговорила она Петра Алексѣевича—тотъ не вышелъ изъ родительской воли и вотъ боярышня Лопухина объявлена царской невѣстой. Дымъ коромысломъ стоитъ въ Лопухинскомъ домѣ; вся Москва на поклонъ валитъ, нянюшки и мамушки ужь и словъ не находятъ величать свою золотую красавицу; любимыя подруги всѣ такъ почтительно и умильно на нее смотрятъ: разомъ полюбили ее во сто разъ пуще прежняго. Весело и радостно боярышнѣ, Государь-женихъ смотритъ на нее привѣтливо, хоть и рѣдко они видятся по старымъ обычаямъ. Робость не малая беретъ невѣсту отъ женихова взгляда орлинаго; чуденъ онъ ей очень, а сердце все же къ нему такъ и рвется—и не потому только, что онъ Государь, что сдѣлаетъ онъ ее царицей, возведетъ на верхъ земныхъ почестей, а и потому, что писанный онъ красавецъ: росту высокаго, молодецъ, богатырь; темные волосы кудрями на плечи падаютъ; брови надъ глазами дугой сходятся, а глаза,—Боже ты мой милостивый—глаза, что у молодого сокола. Хорошъ онъ, чудно хорошъ, а все же какъ-то при немъ жутко —и опять таки не потому, что онъ Государь и владыко земли русской и не потому даже, что говорятъ люди будто онъ правомъ крутенекъ, горячъ больно, а потому, что совсѣмъ не похожъ онъ на другихъ молодцовъ, какихъ видала Евдокія Ѳедоровна: и говоритъ не такъ и не о томъ думаетъ—все учится да учится, себя не жалѣючи, работаетъ какъ будто и не царь, а простой крестьянинъ, до всего самъ доходитъ хочетъ, все своими руками дѣлать пробуетъ—даже и руки у него не царскіе: большія, мозолистыя, грубыя рабочія руки.

Быстро идетъ время—вотъ и день, назначенный для свадьбы—страшный, торжественный день. Вотъ и онъ прошелъ—и Евдокія Ѳедоровна стала царицей. Чудное было время, свѣтлые дни—да скоро они улетѣли: государь, сначала добрый и ласковый, нѣжный какъ только могъ быть онъ нѣжнымъ, видно нашелъ, что не вѣкъ же медовому мѣсяцу продолжаться, не вѣкъ миловаться молодцу съ молодой женой, пора опять за дѣло приниматься, за черную великую работу. И ушелъ онъ въ свою работу и по цѣлымъ днямъ безъ него оставалась молодая царица. Скучно ей стало, начала она жаловаться Натальѣ Кириловнѣ, а та ласково смѣется. „Постой, погоди, говоритъ,—скоро скучать перестанешь, будетъ другая у тебя забота. И явилась эта забота; стала матерью Евдокія Ѳедоровна, родился у ней сынокъ Царевичъ Алексѣй Петровичъ. Молодой Государь былъ радостенъ: приходилъ и заглядывалъ въ колыбельку новорожденнаго и склонялся надъ этой колыбелькой и улыбался маленькому мальчику, щекоталъ его своимъ большимъ грубымъ пальцемъ. „Ишь крохотный, выростай поскорѣй, будь работникомъ—мнѣ помощникомъ“—шептали его губы.

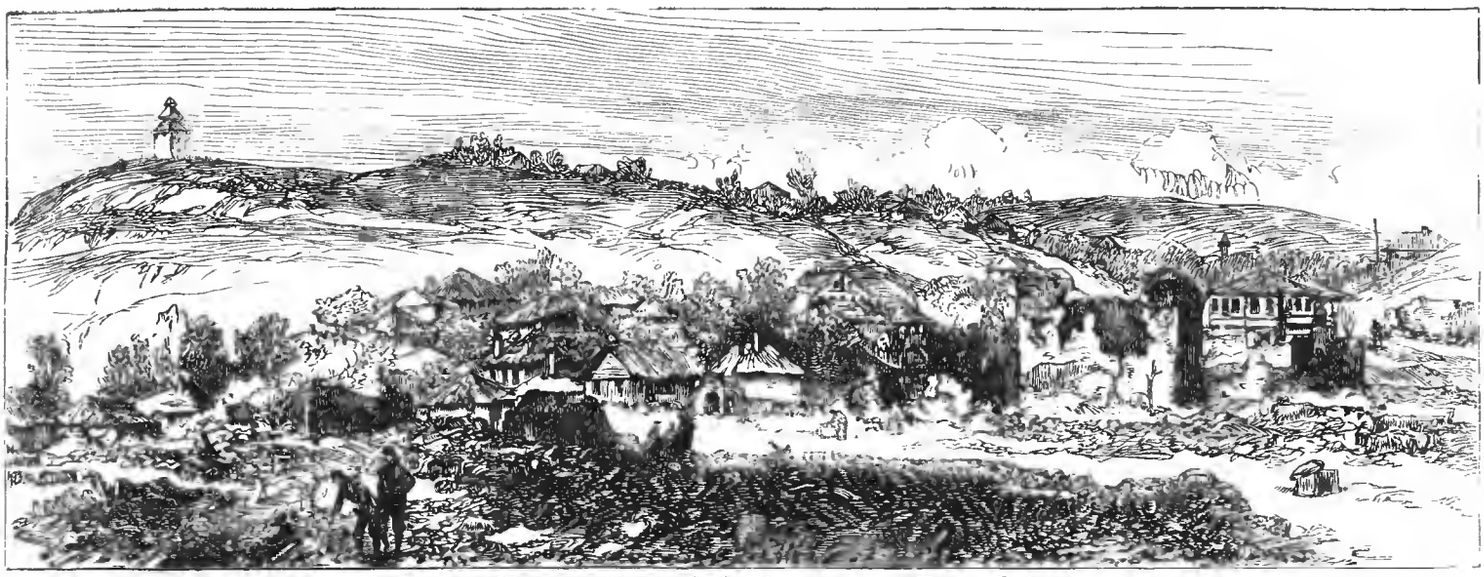
Конечно ребенокъ бралъ много времени у царицы, развлекалъ ее, занималъ и заботилъ, но все же оставалась она недовольною долгими да частыми отлучками Государя Петра Алексѣевича и не разъ встрѣчала его жалобами на свое одиночество, слезами да робкими попреками. И сдвигались отъ словъ этихъ и слезъ густыя царскія брови, молчалъ онъ и выходилъ отъ жены хмурый и недовольный.

Усталый, запыленный, съ новыми мозолями на рабочихъ рукахъ возвращался онъ домой отдохнуть немного; хорошо бы встрѣтить жену веселую, хорошо бы было повѣдать ей все, что сдѣлано; подумать при ней о

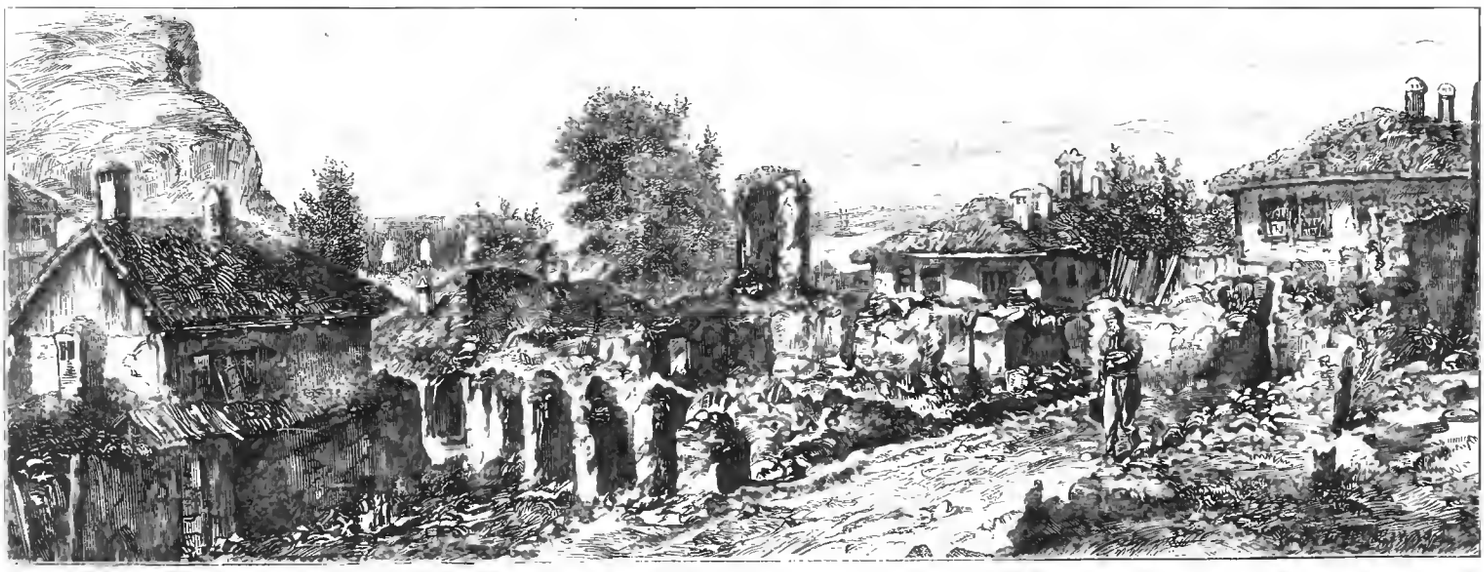
Библиотека "Руниверс"

Волгарскіе сироты, усыновляемые нашими солдатами. Ориг. рисунокъ Н. Каразина, грав. Гоосъ.

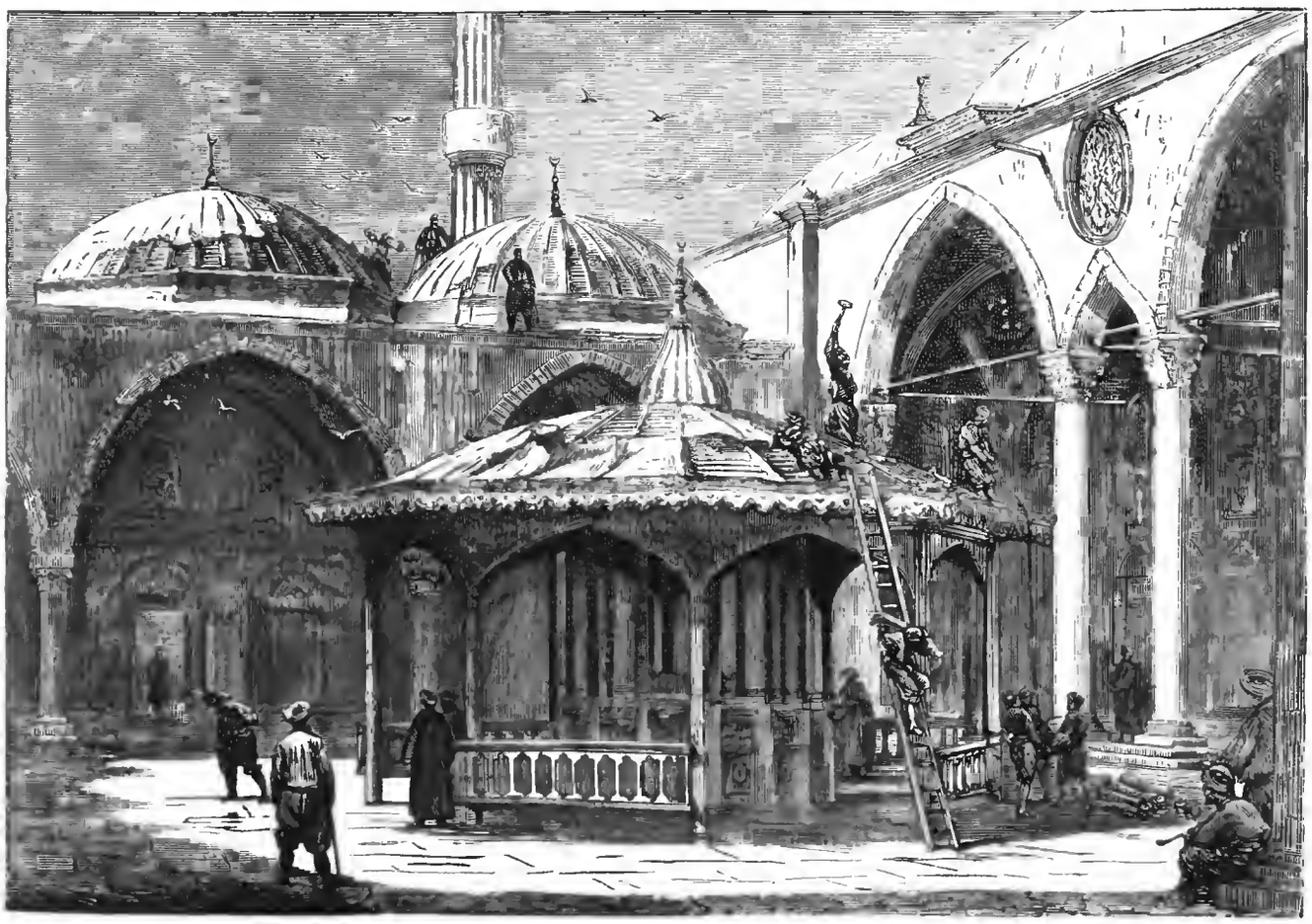
Библиотека "Руниверс"



Улица въ Никополѣ послѣ бомбардировки. Грав. Вейерманъ.



Улица въ Никополѣ послѣ бомбардировки. Грав. Вейерманъ.



Недостатокъ свинца у турокъ. Обнаженіе крышъ съ мечетей въ Адріанополѣ. Съ наброска англ. корреспондента. Вейерманъ.

томъ, что нужно сдѣлать; разсказать объ успѣхѣ какого нибудь дѣла и увидѣть сочувствіе и радость при вѣсти о такомъ успѣхѣ—и ничего этого не встрѣчалъ у себя дома Петръ Алексѣевичъ. Молодая жена выходила къ нему на встрѣчу невеселою, безучастно слушала его разсказы и часто даже не понимала зачѣмъ онъ такъ о томъ-то да о томъ-то заботится, къ чему это нужно.

— Эхъ, все это новыя, заморскія хитрости, говорила она,—ничего того допрежь у насъ на Руси не было, а жилось всѣмъ изрядно. Къ чему жь новшества, жилъ бы по старому, какъ искони живали цари великіе, не трудилъ бы своихъ царскихъ ручекъ, свою голову не ломалъ бы надъ пустыми заморскими науками, да почаще бы съ женою былъ, посердечнѣе бы ласкалъ ее, а то что это такое—иной разъ уйдетъ не простившись. Золотой мой, обо мнѣ подумай! скучно мнѣ безъ тебя, да и по закону не ладно оно выходитъ. Гдѣ это видано, что-бы мужъ съ женой, почитай что совсѣмъ и не жили. Уйдешь ты—всѣ слезы я безъ тебя выплачу, денечекъ мнѣ кажется за годочекъ.

И начинала плакать царица, и съ каждымъ днемъ все сумрачнѣе и сумрачнѣе становился Петръ Алексѣевичъ, все нетерпѣливѣе ее слушалъ. Иной разъ, не выдержитъ онъ: хлопнетъ по столу рукой:

— Эхъ, Авдотья, надоѣли мнѣ твои вѣчныя слезы, для тебя только и свѣту, что въ этомъ окошкѣ, ну а мнѣ это окошко тьмою кромѣшною кажется. Душно мнѣ въ четырехъ стѣнахъ сидѣть, съ тобой немного высижу. Работать надо, Авдотья, а кажись не токмо что одной жизни человѣческой, а и сотни жизней не хватитъ на такую работу, какая передо мною!

— Много ужь ты очень работы себѣ выдумываешь, золотой мой, гдѣ это видано, чтобъ государь такъ работалъ. Что это за государь, самъ онъ и плотникъ и мастеровой!...

— Эхъ то-то, то-то! мрачно замѣчалъ Петръ Алексѣевичъ,— много больно смыслишь ты въ моей работѣ

И уйдетъ онъ прочь, хмурый и неласковый, а вслѣдъ ему слышатся докучныя женины слезы.

— Что, никакъ опять съ Авдотьюшкой повздорилъ? говоритъ Петру Алексѣевичу царица Наталья Кирилловна.

— Никогда я съ ней не вздорю, матушка, а жить она мнѣ не даетъ своими слезами, ну а сама чай знаешь ты, что съ дѣтства не люблю я слезъ этихъ—да и кто ихъ любитъ. Жить хочу я, а съ нею это сонъ какой-то, души замираніе. Эхъ рано ты меня женила, матушка!

Качаетъ головою и задумывается царица Наталья Кирилловна, „видно и впрямь рано женила, а то можетъ и невѣсту плохо выбрала, да гдѣ было сыскать ему подходящую невѣсту? Онъ, что огонь, за нимъ никто не поспѣетъ.“

И идетъ старая царица и утѣшается на внука и всячески успокоиваетъ невѣстку: совѣтуетъ ей не плакать передъ государемъ, а быть веселой. „Ничего не возьмешь слезами, только хуже сдѣлаешь, оттолкнешь отъ себя мужа.“ Но не слушается мудрыхъ материнскихъ совѣтовъ Евдокія Ѳедоровна—не такой у ней характеръ, стоитъ она на своей правдѣ. Въ этой правдѣ воспитала ее родная матушка, нянюшки и мамушки въ боярскомъ лопухинскомъ теремѣ.

А время идетъ: жалобъ и слезъ все больше и больше, все дальше и дальше разростается пропасть между мужемъ и женою. Совсѣмъ теперь не понять имъ другъ друга, только и спокоенъ молодой царь вдали отъ жены, выносить не можетъ ея причитаній. Противны становятся ему ея слезы, иной разъ боится онъ, что не совладаетъ съ собою да поучитъ ее хорошенько по старинному. Недобрыя мысли приходятъ иной разъ въ голову Петру Алексѣевичу и сидятъ онѣ въ ней все упорнѣе—не уходятъ, а уйдутъ такъ сейчасъ же и опять возвращаются. „Что это за жена, думается ему,- только жизнь мнѣ отравляетъ; никакой мнѣ радости—одна тоска да досада. Молодъ и не разуменъ былъ я, когда меня на ней женили—да вѣдь и женили, а не самъ я женился, а неужьто жь такъ мнѣ и пропадать изъ за матушкиной ошибки? Потерплю еще годикъ, а если будетъ все тоже такъ не взыщи Авдотья Ѳедоровна—не умѣешь быть царицей, такъ авось съумѣешь быть монахиней, мои да свои грѣхи замаливать.“

Эхъ пора была, пора взяться за разумъ Евдокіи Ѳедоровнѣ, хорошенько мужа-государя понять, что не ей съ нимъ бороться, не ей измѣнить его характеръ, его крѣпкую волю—а царица и не думаетъ объ этомъ, все та же, да еще и того хуже.—Нашлись услужливыя пріятельницы шепнули ей новость: „Ты что, молъ, царица, думаешь, такъ, молъ, по твоему небось Государь и не глядитъ безъ тебя ни на одну красавицу—а онъ и красавицу себѣ нашелъ, и съ ней ему не скучно„.

Свѣту не взвидѣла Евдокія Ѳедоровна, закипѣла въ ея сердцѣ лютая ревность. Накинулась она на мужа съ новыми упреками, съ новыми слезами. Ну, и не вынесъ Петръ Алексѣевичъ, и царица Евдокія Ѳедоровна стала инокиней Еленой. И никто за нее не заступился, не нашлось ни однаго друга, всѣ отшатнулись отъ покинутой жены, отъ бывшей своей царицы.

Тяжкое пришло время: оторвали ее отъ всего ей близкаго и дорогого, оторвали и отъ сына, прахомъ разлетѣлось недавнее величіе... Четыре стѣны мрачной кельи, одинъ день, какъ другой въ тишинѣ песносной, та же молитва съ утра до ночи, то же церковное пѣніе, тѣ же лампады передъ иконами, тотъ же дадонъ!... Рвалась и металась въ первое время царица, даже руки на себя наложить хотѣла, да не рѣшилась: грѣха побоялась. Потомъ пробовала молиться, стояла на колѣняхъ, но и молитва не дѣйствовала. Бушевало въ ней сердце, поднялась въ ней злоба и ненависть: то, что еще недавно было дорого, то опостылило. И глубоко затаила въ душѣ своей эту ненависть инокиня Елена, и конца не было этой ненависти—только ею одной и жила она, только ею и питалась.

Въ долгія безсонныя ночи много разныхъ чудовищныхъ и невозможныхъ плановъ строила она, мести жаждало ея сердце. Но чѣмъ было отмстить ей? Тамъ сила, тамъ воля—а у нея руки связаны, раздавлена она какъ червь и безсильна. А время шло въ тоскѣ и отчаяніи, въ мукахъ ненависти; годы проходили и ушла быстро и не возвратно молодость. Не лѣта состарили, а состарили часы лютые, поблекли румяныя щеки, вылѣзла коса русая, появились сѣдые волосы, морщинки. Что за жизнь была—да и развѣ можно назвать жизнью это несносное вѣчное заключеніе. Рѣдко кто навѣщалъ бывшую царицу, рѣдко кого она видала.

Но все же нашелся и у нея другъ. Этотъ другъ былъ маіоръ Степанъ Глѣбовъ.. Полная ненависти и жажды мести, привязалась къ нему и полюбила его Евдокія Ѳедоровна и долго длилась любовь эта. А тутъ выросъ и царевичъ—не забылъ матери, время отъ времени видѣлся съ нею. Передъ сыномъ инокиня Елена выливала всю свою душу; ему жаловалась она на свои лютыя мученія и на своихъ гонителей; его вооружала она противъ отца, подготовляя себѣ въ немъ вѣрное и страшное орудіе своей мести. Но она не ограничилась этимъ, она съумѣла наконецъ набрать себѣ приверженцевъ и осторожно, медленно готовила свои ковы. Только не дала ей судьба достигнуть цѣли: изобличены были вскорѣ враги Петровы, началось длинное, тяжелое дѣло царевича Алексѣя...

И вотъ Елена опять одна—сынъ погибъ, погибъ и Глѣбовъ и погибъ страшной, мучительной смертью, посаженный на колъ; а сама бывшая царица, въ сопровож-

Библиотека "Руниверс"

денія карлицы, повара и двѣнадцати солдатъ отправлена въ Ладогу, въ Успенскій монастырь, гдѣ ее стали содержать подъ самымъ строгимъ присмотромъ въ нуждѣ, тѣснотѣ и всевозможныхъ обидахъ. О, тутъ была совсѣмъ не жизнь, а каторга. И долго длилась эта каторга—до самаго воцаренія Екатерины, при которой уже одряхлѣвшую Елену перемѣстили въ Шлиссельбургъ и доставили ей нѣкоторыя удобства.

Страшно подумать чего натерпѣлась Евдокія Ѳедоровна. Всѣмъ ее обижать было вольно, всѣ издѣвались надъ нею, унижали всячески, лишали необходимаго. Бывали дни, недѣли и мѣсяцы, что каялась она передъ Богомъ въ грѣхахъ своихъ и искренно признавала себя виновной; но все же въ концѣ концовъ просыпалась прежняя гордость, прежній духъ строптивости и упрямства, и смотрѣла и окиня Елена на себя не иначе, какъ на мученицу безвинную.

Все это припоминалось теперь старушкѣ, и даже потъ холодный выступалъ на морщинистомъ лбу ея; отъ иныхъ воспоминаній дрожь пробѣгала по дряхлымъ ея членамъ.

Вотъ она снова упала на колѣни и снова жарко молится передъ иконой Богоматери, ищетъ спастись въ этой молитвѣ отъ страшныхъ призраковъ и невыносимыхъ воспоминаній. Снова кипитъ и горитъ въ ней сердце, снова лютыя муки, снова ненависть къ покойному. .

„Прости его Боже, упокой и помилуй,"—шепчутъ ея губы, но сердце не вторитъ этой молитвѣ. „И какъ только не умерла я до сихъ поръ, какъ еще живу на свѣтѣ, невольно думаетъ Евдокія Ѳедоровна,—столько вынести... Боже мой, Боже! Вѣдь мѣста живаго въ душѣ нѣту, да и тѣло все разбито, вотъ ужь ноги не слушаются, а все живу... видно такъ нужно, видно смиловался Богъ и готовитъ, хоть на конецъ дней, свѣтлую долю...—Да зачѣмъ она мнѣ теперь?.. съ отчаяніемъ едва громко не вскрикнула царица,—что теперь я подѣлаю, еслибъ даже власть пришла въ мои руки; на что я похожа и что мнѣ теперь нужно? Постель бы только мягкая, да кусокъ хлѣба... А! слишкомъ поздно... не милость тутъ Божья, а новая кара. Но нѣтъ, нѣтъ, еще есть за чѣмъ жить, вѣдь и они живы... одинъ умеръ—другой остался, живы враги мои лютые; всѣ тѣ, кто позабылъ меня, всѣ тѣ, кто оскорблялъ меня, кто меня мучилъ. Вотъ зачѣмъ надо жить, вотъ зачѣмъ нужна власть.—Ихъ покарать, ихъ казнить, надъ ними теперь посмѣяться!..

Горятъ глаза царицы, злая усмѣшка кривитъ ея блѣдныя губы, и вдругъ она повергается опять ницъ передъ иконой и опять начинаетъ молиться, стараясь отогнать отъ себя бѣса-искусителя—но отогнать его не можетъ. Вотъ онъ явился, онъ завладѣлъ теперь ею, ей не избавиться отъ него и онъ шепчетъ ей соблазнительныя рѣчи и снова рисуетъ ей картину мщенія. Наболѣвшая душа ея разгорается снова, снова раскрываются старыя раны... Да, она должна отмстить,—не умретъ пока не насмѣется надъ ними... и опять она шепчетъ: „да зачѣмъ же? Поздно—мнѣ ничего не надо." Онъ близко теперь, близко этотъ юный внукъ, сынъ Алексѣя, съ сестрою, съ маленькой Наташей. Она ихъ никогда не видала, не знала... вотъ для чего еще можно было бы жить, вотъ единственная остающаяся ей отрада—любить ихъ, милыхъ внучатъ. Родные явились... никогда родныхъ не было—всѣ оставили—а теперь родные близкіе, кровныя дѣти единственнаго сына—несчастнаго погибшаго Алексѣя—вотъ зачѣмъ жить! Но какъ отвыкло отъ любви ея сердце—найдется ли въ немъ снова прежняя сила, да и какъ знать, бытъ можетъ, и любить-то придется безнадежно—развѣ они ее полюбятъ эти внучата? Какая такая бабушка, откуда взялась?.. у нихъ была другая бабушка—Императрица, а это что такое?.. жалкая, дряхлая старуха, измученная, долгіе годы голодавшая, заброшенная, забытая, несчастная монахиня—развѣ они ее полюбятъ такою. Она и отъ людей то отвыкла, чай по ихнему и слова сказать не умѣетъ; тамъ новые совсѣмъ люди, новые нравы, Богъ знаетъ какъ и говорятъ-то они! И развѣ когда нибудь, хоть одинъ человѣкъ, сказалъ этимъ внучатамъ про бабушку,—а если и сказалъ кто, такъ съ бранью, съ презрѣніемъ, съ ненавистью. И вотъ теперь, съ воцареніемъ внука, хоть и возвращена ей свобода, а вѣдь еслибъ точно хотѣли видѣть, такъ давно бы ужь къ себѣ въ Петербургъ выписали. „Можетъ пріѣдутъ да и отвернутся отъ меня и ждать мнѣ новыхъ бѣдъ, новыхъ обидъ и оскорбленій. Вотъ этотъ нѣмецъ, баронъ Андрей Ивановичъ, пишетъ такія ласковыя письма, увѣряетъ, что Петруша думаетъ обо мнѣ, заботится и меня любитъ—да какъ мнѣ вѣрить нѣмцу, извѣрилась я, ни отъ кого не жду правды. А хотѣлось бы полюбить ихъ, этихъ дѣточекъ-сиротокъ, охъ давно никого не любила"...

Ниже и ниже опускается голова старой царицы, тихія слезы струятся по морщинистымъ щекамъ ея и она рада этимъ слезамъ... многіе годы ужь не приходили слезы. „Боже, благодарю тебя, шепчетъ она, — Мати Пресвятая Богородица, милостивая заступница!" И опять, среди горячей молитвы, являются страшные призраки и опять образцы мертвыхъ и живыхъ людей проходятъ передъ глазами. И мертвымъ нѣтъ прощенья въ сердцѣ царицы, а на живыхъ кличетъ она гнѣвъ Божій и велика ея вражда къ нимъ И клянется она не оставить ихъ въ покоѣ и не можетъ ужь взглянуть на ликъ Богоматери и не слышитъ стройнаго клирнаго пѣнія, не слышитъ успокоивающихъ болящую душу словъ святой молитвы. А кругомъ изъ темноты, сгущающейся между колоннами, со всѣхъ сторонъ обращены на нее любопытные взоры, сотни глазъ слѣдятъ за малѣйшимъ ея движеніемъ. Быть можетъ, многіе понимаютъ ея волненіе, ея слезы, но никто не въ силахъ понять всю безконечность ея злобы и ея мученій.

II.

Всенощная кончилась и такъ-же тихо, такъ-же опустивъ глаза и шепча молитву прошла Евдокія Ѳедоровна мимо народа. Монахини осторожно свели ее со ступеней паперти, накинули богатую шубу на ея плечи; отъ церкви до крыльца ея былъ разостланъ коверъ. При входѣ въ ея помѣщеніе ее встрѣтили другія монахини и суетились вокругъ нея: снимали съ нея шубу, спрашивали чего она прикажетъ. Она слабо махнула рукой и прошла въ тихую комнатку, которую выбрала для себя спальней. Тамъ въ углу стоялъ огромный кіотъ, наполненный образами въ дорогихъ ризахъ; три лампадки теплились передъ кіотомъ. Въ другомъ углу была ея постель, пышно взбитая, покрытая стеганымъ атласнымъ одѣяломъ съ вышитыми на немъ причудливыми узорами. Расписанная изразцовая лежанка далеко отъ себя распространяла теплоту; въ комнаткѣ ужь поселился тотъ особенный запахъ, какой бываетъ въ кельяхъ набожныхъ старушекъ: пахло ладономъ, лампаднымъ масломъ. За старой царицей пробралась только одна женщина, ея прежняя прислужница.

— Ну чтожь, ну чтожь, обратилась къ ней Евдокія Ѳедоровна,—нѣтъ вѣстей отъ Государя?

— Какъ же, матушка,—Государь-то, сейчасъ гонецъ былъ—сказываетъ, все еще стоятъ на мѣстѣ. Дня черезъ три не то четыре, говоритъ, прибудутъ.

Евдокія Ѳедоровна покачала головою.

— Ну, а что я въ Оружейную палату послать наказывала за рукомоемъ—послали?

— Здѣсь рукомой, государыня, судья тотчасъ же выдалъ!

— Гдѣ онъ, гдѣ? оживилась старушка,—принеси его, Настя.

Прислужница поспѣшила въ сосѣднюю комнату и

Библиотека "Руниверс"

вынесла оттуда какую-то вещь, завернутую въ шелковомъ платкѣ и обвязанную шнурками.

— Поставь здѣсь, вотъ тутъ на столикъ и уйди..... мнѣ ничего не нужно, шепнула царица,—да дверь за собою запри и никого не пускать ко мнѣ. Ничего не нужно, ничего...

Оставшись одна, Евдокія Ѳедоровна подошла къ столу и дрожащими старческими руками стала развязывать принесенную вещь. Долго шнурки не поддавались, но вотъ наконецъ они распутаны. Въ платкѣ былъ завязанъ золотой рукомойникъ съ такой же лоханью. Царица сѣла передъ столомъ и стала разсматривать рукомойникъ. Вотъ измѣняется все лицо ея, вотъ на глазахъ ея дрожатъ слезы,—что-жь это значитъ? что особеннаго въ этомъ рукомойникѣ? Отчего она такъ жадно его разсматриваетъ и поворачиваетъ во всѣ стороны и дрожатъ при этомъ ея руки? Рукомойникъ дѣйствительно прекрасной художественной работы, вещь рѣдкая и богатая, хитрымъ узоромъ весь онъ выведенъ, золотой съ финифтью, и усыпанъ драгоцѣнными каменьями—алмазы, яхонты, изумруды и счесть ихъ невозможно—всѣхъ около тысячи; а кругомъ надпись. Царица жадно принялась разбирать ее: „*Лѣта 7200*, медленно, букву за буквой, читала она, „*Генваря въ первый день симъ стоянцемъ и рукомоемъ пожаловала Великая Государыня, Благовѣрная Царица и Великая Княгиня Наталья Кирилловна внука своего Благовѣрнаго Государя Царевича и великаго князя Алексѣя Петровича Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи*“. Сильно задрожали руки Евдокіи Ѳедоровны, чуть не уронила она рукомойникъ; слезы полились изъ глазъ ея.

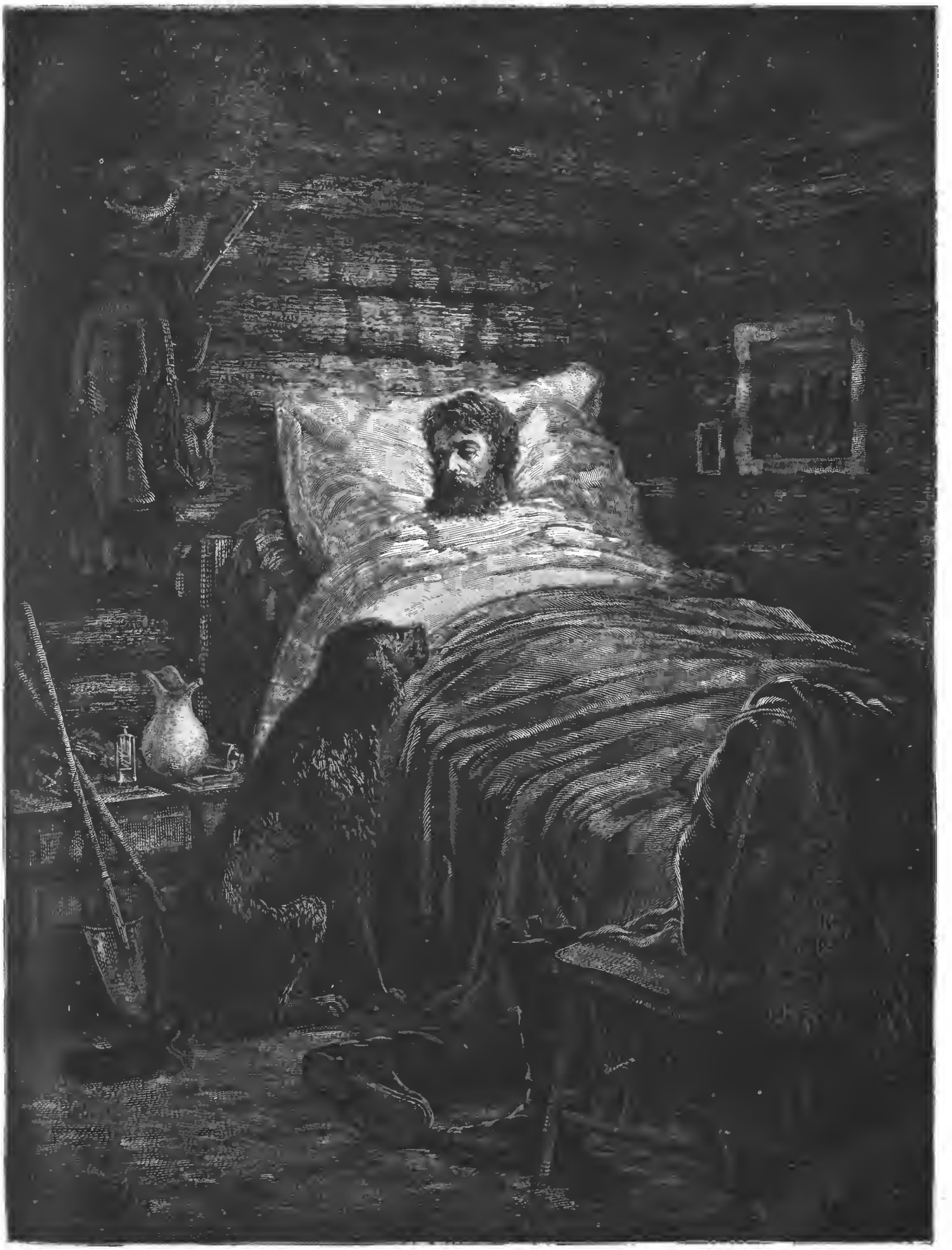
„Цѣлъ онъ, цѣлъ, ничего не испортился, всѣ камешки цѣлы, вотъ и змѣиная головка, изъ которой вода малыми струйками сочится. Долгіе, долгіе годы прошли съ тѣхъ поръ какъ увидѣла Евдокія Ѳедоровна въ первый разъ этотъ рукомойникъ, но будто сейчасъ это было. На другое утро послѣ свадьбы своей умывалась она изъ него. Эта вещь была самою любимою вещью Натальи Кириловны и она, въ видѣ особой ласки, поставила ее новобрачной, но все же не подарила и потомъ взяла себѣ обратно. Каждая минутка, каждое слово того страшно далекого дня вспоминалось теперь старой царицѣ. Помнила она, какъ мужъ молодой, еще вчера бывшій такимъ далекимъ, такимъ страннымъ и теперь ставшій такимъ близкимъ, подавалъ ей этотъ рукомойникъ. Помнила она, какъ смѣялись тогда, что такой маленькой и хрупкой казалась эта роскошная вещица въ большой рукѣ Государя. Помнила она, что и онъ смѣялся, помнила какъ лилась маленькими струйками вода на ея бѣлыя, нѣжныя руки и сбѣгала съ тонкихъ пальцевъ, и какъ государь, склонившись надъ нею, касаясь своими черными кудрями щеки ея, любовно цѣловалъ ея еще не вытертыя полотенцемъ, мокрыя руки, и какъ она брызгала въ лицо его оставшимися каплями воды, и какъ онъ жмурился, и какъ она его любила. И вотъ смотритъ теперь невольно Евдокія Ѳедоровна на свои морщинистыя, старыя руки и странно ей, что столько времени прошло съ тѣхъ поръ, да и какого времени!—ничего, какъ есть ничего, не осталось отъ того, что тогда было—какъ будто его и совсѣмъ не было, какъ будто оно все пригрезилось только въ какую нибудь душистую майскую ночку. Не она, не она была та рѣзвая молодая красавица, не можетъ человѣкъ такъ измѣняться, да и онъ, развѣ онъ то былъ тотъ ласковый, смѣющійся, жмурящійся отъ брызгъ попадавшихъ въ глаза, взмахивающій черными кудрями красавецъ, развѣ онъ то былъ, ея врагъ лютый, ея мучитель?

Забалканская болгарская красавица.

И она теперь хотѣла его представить себѣ такимъ, какимъ видѣла въ послѣдній разъ, видѣла съ ядомъ и ненавистью въ сердцѣ, и никакъ не могла: все вспоминался онъ ей молодымъ, ласковымъ и любимымъ. И вотъ совсѣмъ наклонилась надъ рукомойникомъ старушка и все плакала и не замѣчала какъ ея слезы сбѣгаютъ каплями и падаютъ въ узкое горлышко рукомойника, какъ въ урну.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"



Вѣрный другъ.

«И день за днемъ, и ночь за ночью
Все ждалъ его выздоровленья,
Томясь тоскою, вѣрный другъ»

Картина Юлія Таверни. Гравировалъ Міоль.

Библиотека "Руниверс"

Вѣрный другъ.

(По поводу рисунка художника Юлія Таверни).

Бѣдная, печальная обстановка, одинокій больной, быть можетъ уже умершій, и его вѣрный другъ, день за днемъ и ночь за ночью ожидающій выздоровленія своего господина — вотъ содержаніе картины.

Кто онъ, какимъ образомъ оказался въ такой печальной обстановкѣ, безъ ухода, безъ призрѣнія,—кто разскажетъ? Онъ недвижимъ и умолкъ, быть можетъ на всегда, вѣрный другъ, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ идти въ выраженіи своихъ ощущеній дальше того, что въ данный моментъ выражается его фигура... Не отъ кого узнать истины, и только по сравненіямъ подобныхъ случаевъ, нерѣдко даваемыхъ жизнію, можно сдѣлать болѣе или менѣе близкое заключеніе о томъ, какъ ея волна носитъ свои жертвы по безбрежной дали „житейскаго моря“ и измучивъ въ борьбѣ съ собою, безжалостно потомъ топитъ ихъ, говоря словами поэта, „въ пропасти забвенья“.

Картинка эта наводитъ на воспоминанія изъ нашей русской жизни.

Остановимся на одномъ изъ нихъ.

— Жизнь прожить—не рѣку перебресть: не знаешь, гдѣ оступишься, говорилъ мудрый опытомъ, грустно смотря на безсмысленныя порывы молодого человѣка, желавшаго, по случаю полученія богатаго наслѣдства, какъ возможно скорѣе осуществить свои „идеи“.

— Эхъ, разсказывайте, пожалуйста, ваши нравоученія другимъ, подобнымъ вамъ „мудрецамъ“, безнечно отвѣчалъ молодой герой: мнѣ они не нужны.

— Ой, молодецъ, держи голову пониже, не задирай кверху, слышались предупрежденія.

— Сдѣлайте одолженіе, оставьте ваши совѣты...

— Полегче иди, по осторожнѣе: споткнуться можно... Обойди то мѣсто сторонкой, въ которомъ сомнѣваешься...

— Вотъ еще! стоитъ обходить... а на ура?!

— Какъ хочешь, твое дѣло: опасно только...

Случилось на первый разъ въ самомъ дѣлѣ такъ, что молодой герой, ухватившійся за какое-то слишкомъ рискованное предпріятіе, счастливо съ нимъ проскочилъ чрезъ всѣ неудачи.

— Видите, какъ продралъ! похвалялся онъ: а то—сторонкой! Эка хватили. Да я бы теперь, идя сторонкой-то, гдѣ бы еще плелся...

— Ну смотри, какъ знаешь: разъ прошелъ, два прошелъ, а на третій пожалуй и оборвешься...

— Ну вѣ-ѣ-тъ! Шалишь!., Такъ пролетимъ, любо дорого.. Да еще погодите, какъ вознесемся на высоту...

И молодость, разъ успѣвшая удачно рискнуть, начинаетъ заноситься выше и азартнѣе рваться впередъ.

— Не залѣзай высоко, берегись! опять слышались замѣчанія.

— А что, по вашему, страшно, да?

— Страшно, не страшно, а не залѣзай...

— Отчего же бы такъ? съ тономъ полнѣйшей самоувѣренности спрашивалъ рвущійся кверху герой.

— А отъ того, что чѣмъ выше поднимешься, тѣмъ больнѣе падать внизъ..

— Не упадемъ! не изъ таковскихъ!

— Смотри, я по опыту знаю: я самъ это не одинъ разъ испыталъ...

— Толкуйте тамъ, что ваши испытанія, я богаче васъ: у меня больше силъ, отваги и рѣшимости, пока вы соображаете, да мѣдлите, я уже далеко васъ обгоню...

Только и слышно: я, я, я!

— Да ты послушай,—пробовалъ иной добрый человѣкъ удержать самохвалившагося героя,—ты подожди себя-то хвалить, пусть сначала другіе тебя похвалятъ... Лучше пока слушай, что говоритъ опытъ.

— Ахъ, оставьте пожалуйста, вашу опытность. Я ею теоретически давно уже воспользовался и знаю все лучше васъ...

— Ну, значитъ тебѣ и книги въ руки...

Но оказывается, что чужой опытъ—не опытъ, нужно самому окунуться въ него головой и по возможности по глубже. И вотъ, какъ говорится, закусивъ удила, несется молодой герой по широкой и гладкой дорогѣ жизни. Карманы его туго набиты деньгами, въ головѣ напихано такъ много всякихъ новыхъ идей, что ихъ, какъ говорится, въ три года оттуда не вытрясешь, и начинаетъ онъ ихъ примѣнять къ жизни. Планы и соображенія возникаютъ у него одни за другими съ невообразимою быстротою, и исполненіе ихъ разсматривается съ необычайною подробностію, но только съ одной стороны, именно со стороны ихъ удачи. Никакихъ неожиданностей не должно быть, все должно идти какъ по маслу.

Оказывается, какъ-то случайно, что дѣло не пошло такъ, какъ предполагалось: встрѣтились неудачи, вмѣсто выгодъ получился убытокъ.

— Э! Не бѣда! Унывать что-ли! Здѣсь потерялъ, на другомъ наверстаю...

И опять новое дѣло, новые планы и соображенія.

— Теперь-то ужь я не попадусь въ бѣду, теперь ужь я заручился опытомъ, говоритъ молодой герой, и съ большею чѣмъ прежде быстротою рвется на дѣло.

Главное, ему нужно все скорѣе, скорѣе. Торопится онъ такъ, точно ему завтра нужно умирать и надо до смерти все успѣть кончить.

— Спѣши медленно! припоминается ему одинъ изъ многочисленныхъ совѣтовъ.

— Э, вздоръ какой! Когда тутъ мнѣ медлить, я на прежнемъ дѣлѣ столько потерялъ, нужно поскорѣе вернуть...

Но новое дѣло, не смотря на пріобрѣтенную будто бы „опытность“, еще поубавило средствъ у пылкаго героя. Средства убавились, но желанія его не подчиняются его волѣ: сдерживать онъ ихъ не въ силахъ еще, потому что воли у него мало, больше всего, надеждъ, вѣры въ счастье, въ удачу. Опять новые дѣла, новые неудачи: средства уже поистощились, появились долги и ростутъ, ростутъ съ неимовѣрной силой.

Встрѣчается онъ съ однимъ изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ.

— Ну что? какъ? Слыхалъ я, что плохо живешь...

— Нѣтъ, ничего, хорошо... Богатъ надеждами, не скучаю... всегда веселъ.

— Веселъ! въ жизни, другъ, не одно веселье: въ жизни всего много, а больше всего горя...

— Ну, горе не для меня: я не изъ тѣхъ, которые горюютъ...

„У него много вкусу, мало денегъ“, и онъ ихъ занимаетъ, ибо ему, какъ человѣку просвѣщенному, нелѣпо себя стѣснять.

Между тѣмъ время идетъ, и о предпріятіяхъ уже нѣтъ больше рѣчи. Слышатся уже только однѣ жалобы на общество, на его застой и неумѣнье цѣнить таланты и поддерживать настоящихъ „дѣятелей“.

— Однакожь, позвольте, вы, кажется, имѣли большой капиталъ, и какъ же это вы?..

Молодой дѣятель съ презрѣніемъ пожимаетъ плечами и фыркаетъ съ негодованіемъ.

— Помилуйте, гнѣвно кричитъ онъ: да развѣ можно въ такой странѣ, при такомъ поголовномъ бездушіи, безчувственности и безтолковости вести дѣла!.. Я раззоренъ, я именно раззоренъ по винѣ общества: меня не понимаютъ, не поддержали...

— Да-а... Но однако... Какъ же обвиняете *другихъ* въ томъ, что *ваши* дѣла разстроились? Знаете изрѣченіе: „Если ты меня разъ обманулъ, то виноватъ, конечно, ты, но если ты меня два раза обманулъ, то виноватъ ужь я самъ“.

Молодой герой, еще неутратившій способности бойко спорить, отпарируетъ ударъ короткой фразой:

— Не стоитъ тратить словъ...

— Не слѣдовало бы и начинать, возражаютъ ему, но онъ уже не слышитъ возраженія, онъ уже быстро шагаетъ въ сторону отъ собесѣдника, закинувъ высоко голову, какъ знакъ пренебреженія ко всему окружающему, и послѣдняя фраза собесѣдника о немъ долетаетъ до его слуха въ видѣ строки изъ „Горе отъ ума“

„Москва, вишь, виновата!“

Но онъ не унываетъ.

— Нѣтъ денегъ, есть умъ. Буду учить другихъ: поблагодарятъ, да еще и превознесутъ!

Такъ утѣшалъ онъ себя и издалъ какое-то „изслѣдованіе“. Къ этому „изслѣдованію“ умный человѣкъ приложилъ и портретъ свой, и рисунокъ родового герба, и свой факсимиле и чуть не цѣлую страницу занялъ перечисленіемъ тѣхъ членскихъ званій, которыхъ онъ „нахватался“ во время своихъ житейскихъ опытовъ. Словомъ это изслѣдованіе представляло собою гордость и самоублаженіе во всей ихъ отвратительной наготѣ.

Денегъ на изданіе потратилось много и ухнули какъ камень въ воду.

Слѣпецъ хотѣлъ указывать дорогу и не могъ никого увѣрить въ томъ, что онъ зрячій.

Но какъ ни была велика самоувѣренность у молодого героя, какъ ни было велико въ немъ сознаніе своихъ силъ, примѣненія имъ онъ не можетъ никакъ найдти: мечется туда, сюда—нѣтъ удачи!

— Господи! что я за несчастный: вѣдь вотъ же люди имѣютъ возможность заработывать, получаютъ жалованье, неужели я хуже ихъ...

Такъ восклицаетъ онъ, а внутренній голосъ между тѣмъ говоритъ ему, что быть можетъ онъ и лучше ихъ, быть можетъ они, всѣ тѣ, которые теперь имѣютъ предъ нимъ преимущество и во сто разъ хуже его, но отъ этого его положеніе не дѣлается лучше, потому что „чужими грѣхами святъ не будешь“.

Тоска, одиночество и нужда!

Теперь уже начинаетъ вспоминаться по временамъ то, что слыхалъ онъ когда-то въ былые годы. Эти воспоминанія, вос-

Библиотека "Руниверс"

кресая теперь предъ нимъ, получаютъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ тогда, когда онъ былъ и славенъ и богатъ. Глубокая мудрость, лежащая въ основѣ тѣхъ простыхъ истинъ, которые онъ когда-то пропускалъ мимо ушей, теперь стала нѣсколько касаться его сознанія.

„Будь благочестивъ... Люби ближняго"... вдругъ вспоминаетъ онъ, и тоска, тоска щемитъ сердце.

— Любилъ-ли я ближняго... былъ ли благочестивъ? спрашиваетъ онъ себя, но самъ пугается этого вопроса: онъ кажется ему чѣмъ-то старымъ, старымъ, какою-то ветошью. Онъ порывисто вскакиваетъ при мысли о немъ.

— Что такое благочестіе? Это понятіе условное и каждымъ можетъ быть понимаемо по своему!

Такъ утѣшаетъ и оправдываетъ онъ самого себя. Еще ссылка „на чужіе грѣхи" сильна въ немъ, онъ еще не можетъ отрѣшиться отъ присущей многимъ и многимъ слабости ссылаться на другихъ: отчего же мнѣ такъ, а другіе то какже, въ другихъ же я не вижу этой любви къ ближнему, этого благочестія, отчего же и они не страдаютъ?.. Но самъ же онъ себя и перебиваетъ справедливою мыслію, что „чужіе вины не могутъ служить оправданіемъ".

И другая мысль возстаетъ предъ нимъ: „Всякъ возносяйся— смирится". Опять тоска хватаетъ его за сердце.

— Но Боже мой! Мало-ли я вижу кругомъ зла!...

Такъ восклицаетъ онъ... но уже въ немъ самомъ есть раздвоеніе: онъ уже сознаетъ что говоритъ вздоръ и что зло *другихъ* не есть оправданіе *для него*.

И вдругъ пройденный путь жизни освѣщается въ его сознаніи: онъ видитъ, какими ложными путями шолъ, видитъ всѣ свои ошибки... Пришолъ опытъ, но пришолъ нѣсколько поздно!

— Эхъ, какъ бы пораньше!..

И счастливъ еще стократъ тотъ, кому пошлется возможность полнаго прозрѣнія. Стократъ счастливъ дѣлается онъ въ этомъ новомъ состояніи: какъ бы вознесенный на высокую гору, онъ вдругъ получаетъ возможность уразумѣть, какими мудрыми путями онъ былъ веденъ неисповѣдимой силой къ этому дару уразумѣнія. Теперь ему не страшна жизнь: онъ понялъ ея смыслъ, понялъ равенство всѣхъ состояній предъ Единою, Вѣчною Истиною.

Достигнуть такой высокой степени самосознанія онъ не могъ, и она, увы, не многимъ дается!

Всего чаще бываетъ такъ, что закусивъ удила, несется молодой герой все дальше и дальше вверхъ... Вдругъ —тр-рахъ!.. Только стонъ одинъ и все кончено...

Но доскажемъ исторію нашего молодого героя...

Послѣ блеска и шума кипѣвшей вокругъ него жизни, послѣ роскоши, друзей и всевозможныхъ удовольствій, удѣломъ его было небольшое имѣніе гдѣ-то въ глуши, но и это имѣніе пришлось оставить: все еще у него было „много вкусу и мало денегъ". Небольшая избушка потомъ служила ему пріютомъ: ходилъ на охоту—тѣмъ кормился.

Жизнь съ ея „весельемъ и радостями" миновала для него, но увы, при способности видѣть свои прежнія ошибки, онъ былъ лишенъ возможности винить въ нихъ только одного себя. Ему казалось, что не онъ, а „все общество" виновато, весь „складъ жизни русской" (такъ онъ выражался) были виноваты въ томъ, что онъ не можетъ „весело" жить. Онъ постоянно и съ большимъ жаромъ упрекалъ „судьбу", что она *его* „гонитъ", *а другихъ* не тронетъ, когда эти другіе, по его словамъ были гораздо его хуже. Такъ и остался онъ строгимъ судьею другихъ и не могъ *познать себя*.

Томясь въ нуждѣ и безвѣстности, онъ все рвался къ свѣту и собственно для „веселья и радостей", и не имѣя силы добраться до нихъ, злился и страдалъ.

Такимъ я потерялъ его изъ виду. Впослѣдствіи слышалъ, что онъ долго хворалъ, покинутый всѣми, кромѣ своего вѣрнаго „барбоса". Уцѣлѣлъ ли онъ для того, чтобы снова страдать о „весельи и радостяхъ"—не знаю.

Картина, помѣщенная въ этомъ номерѣ, навела меня на воспоминаніе о немъ, и рисуется передо мною его несчастная обстановка. Нѣтъ кругомъ ни отвѣта, ни привѣта... И сидитъ предъ постелью больного только одинъ оставшійся неизмѣнно вѣрнымъ старый другъ— собака, и день за днемъ и ночь за ночью ждетъ его выздоровленія...

Д. Стахѣевъ.

Къ рисункамъ.

Болгарскія сироты

Отрядъ отступалъ, осторожно прокладывая себѣ дорогу въ толпѣ бѣглецовъ, охваченныхъ паническимъ ужасомъ... Кругомъ пылали цвѣтущіе города и села, зажженные разнузданною, фанатизированною турецкою сволочью. Слабыя числомъ, войска наши не въ силахъ были прикрыть своею грудью ту несчастную страну, они отступали, защищая тѣхъ, кому посчастливилось спастись изъ-подъ ножа баши-бузуковъ... Съ каждымъ шагомъ, справа и слѣва отъ дороги, на самой дорогѣ, открывались все новыя и новыя, одна другой печальнѣе, страшныя картины чудовищной борьбы, смертельной агоніи павшихъ. Все гибло кругомъ! гибли строенья, гибли сады и поля, гибли сильные борцы, гибли ихъ жены и матери, гибли и ни въ чемъ неповинныя, ничего не сознающія еще крохотныя малютки. Случалось послѣднимъ подвернуться подъ расходившуюся руку фанатика-мусульманина, гибли онѣ отъ этой, не знающей милосердія и пощады руки, случалось что онѣ, чудомъ избавившись отъ этой кровавой смерти, гибли брошенныя отъ голода, отъ зноя и жажды, задыхались въ дыму пожара, тонули въ канавахъ и лужахъ... Проходили мимо наши солдаты, тоска грызла ихъ сердца, глядя на все это... чѣмъ они помочь могутъ?!. Сами изнуренные непосильнымъ боемъ, полуголодные,—они и такъ отдали уже страдальцамъ все, что имѣли: послѣдніе сухари, послѣднюю каплю сбереженной про трудовую минуту водки, послѣднюю копѣйку, залежавшуюся въ солдатскомъ карманѣ. Тяжело навьючены наши солдаты, весь скарбъ свой, и боевой, и хозяйственный, на своихъ плечахъ тащить приходится... „Эхъ, да что тутъ!.. не Богъ вѣсть какое тяжелое дѣло ребеночекъ, забирай ихъ, ребятки, на ранцы—не помирать же имъ тутъ, въ самомъ дѣлѣ! Богъ поможетъ—дотащимъ *до тихаго мѣста*, а послѣ можетъ и сродственники свои найдутся!..

Одинъ не вытерпѣлъ, забралъ, усадилъ на ранецъ; прихватилъ его шинелью, чтобъ не свалился какъ-нибудь.. другой глядѣлъ, глядѣлъ, да тоже поднялъ ползавшую у дороги, чумазую такую, хныкающую плаксу, тамъ третій что-то въ сторонѣ, у самой горѣвшей хаты заприметилъ — бѣжитъ на подмогу...

Ѣдутъ молча офицеры, ѣдетъ и генералъ со своимъ штабомъ—видятъ непорядокъ, да унять такой *непорядокъ* духу не хватаетъ...

А далеко сзади слышенъ тяжелый громъ пушечной пальбы, трескучіе перекаты ружейной перестрѣлки... Бѣлые клубы порохового дыма и черныя тучи пожаровъ стелятся надъ разгромленною долиною—и несетъ этотъ дымъ къ горамъ, синими громадами вздымающимися къ сѣверу... Туда, къ этимъ горамъ, въ ихъ неприступныя, грозныя ущелья—уходятъ и отступающіе русскіе отряды.

День солнечный, жаркій; на скатѣ горы, поросшемъ густою, сочною травою, раскинулся русскій бивуакъ.

Только что оконченъ тяжелый переходъ, ружья составлены, часовые уже по мѣстамъ, солдатики только что начали устраиваться по домашнему, не всѣ еще вьюкъ свой тяжелый посняли. Къ ихъ обыденнымъ боевымъ заботамъ еще одна забота прибавилась, только въ этой заботѣ уже ничего нѣтъ военнаго, здѣсь уже дышетъ миромъ, семьею, домомъ—чѣмъ то отраднымъ, далекимъ, Богъ вѣсть за сколько тысячъ верстъ оставленнымъ...

Суровымъ бойцамъ за святое дѣло Богъ питомцевъ послалъ... къ нимъ тоже нельзя зря какъ нибудь приступиться, надо тоже умѣючи за дѣло взяться... Отнялъ Господь у нихъ отцовъ и матерей, другихъ послалъ. Цѣлая рота, какъ есть—отъ фельдфебеля до самаго послѣдняго барабанщика, въ отцы просится... Вотъ и приходится новымъ отцамъ съ своими богоданными дѣтьми на бивакѣ, да на походѣ няньчиться...

Тягота не великая... въ свой обозъ сдадутъ, на ротныхъ повозкахъ мѣста хватитъ, а на бивакѣ отъ нихъ кромѣ забавы да утѣшенія ничего другого худого не предвидится.

— Вотъ одна бѣда, какъ ихъ звать теперь? Дѣти малыя, еще безсловесныя, сами не скажутъ—крещенъ аль нѣтъ, тоже неизвѣстно, можетъ, даже есть межь ними и турецкія исчадія. Все равно! Всѣхъ сравняло круглое сиротство. Вотъ у полкового батьки, отца Игнатія спросимъ, какъ онъ укажетъ, такъ и сдѣлаемъ, порѣшили солдаты. Одна забота, значитъ, съ плечъ...

— Насчетъ, теперь, провіянту ихняго—вторая забота: сухаря ему въ ротъ не сунешь, сухарь этотъ и солдатскимъ зубамъ безъ намочки не всегда въ пору приходится.. Догадался благо унтеръ четвертаго капральства, Иванъ Огородниковъ, захватилъ корову дойную—тоже такъ бродила, брошенная: турецкаго брюха должно быть дожидалась... Эта-то корова и будетъ настоящей кормилицей. Холятъ солдатики бурую кормилку, съ собою ведутъ на веревкѣ, кормятъ до отвалу, только бы молока давала побольше, потому этого матерьялу *для нихъ* теперь много требуется.

— Унтеръ Иванъ Огородниковъ знаетъ свое дѣло; конечно, въ рукахъ еще настоящей ловкости нѣтъ, какъ за этого пискуна взяться, а все таки смекаетъ, что отъ себя подальше держать требуется. Не то, чтобы рубахи и штановъ жалко было—это пустяки—высохнетъ, а вотъ насчетъ подсумковъ съ патронами—какъ бы это имъ не досталось... Такъ завозился бородатый унтеръ, что позабылъ и аммуницію свою тяжелую снять, все еще въ ранцѣ стоитъ и черномазаго мальчугана раскачиваетъ.

Библиотека "Руниверс"

Гордѣй Никитинъ, старый солдатъ, уже въ безсрочномъ побывалъ, потому должно быть чаще ребятъ няньчить приходилось—живо управился, на траву бариномъ разлегся и тѣшится малышемъ—съ горнистомъ Пашкою Глупышевымъ совѣтъ держитъ, какъ этого клопа кормить—прямо ли изъ котелка ложкою, или лучше съ пальца...

— У насъ завсегда,—говоритъ Пашка,—бабы соску въ ротъ совали. Таперича есть у меня пара портянокъ чистыхъ, залишнихъ—я *ему* этихъ сосокъ понадѣлаю.

Порфенъ Силинъ, молодой еще парень... Тоска на него напала что-то, на дѣтей глядючи; вспомнилась, должно быть, жена, да свои ребятишки.—Эхъ, ношли Богъ живому вернуться, да снова свинѣться!..

Дѣвочка маленькая, году нѣтъ еще, та, что полковникъ къ себѣ въ дочери взять вызвался, какъ на походѣ увидалъ, дѣвочка эта отползла отъ усатыхъ да бородатыхъ нянекъ, въ густой травѣ копошится... Привыкла она уже къ военному, бивачному шуму, ничего не пугается. Такая забавница стала,

Послѣдніе теплые дни. Рисунокъ Джіакомелли, грав. Берьелле.

— Соску.. смекаетъ старый солдатъ.. Нѣтъ, у нашей ротничихи *), въ Козловѣ городѣ когда стояли, соски не полагалось, а была коза заведена и рожочекъ такой, резинчатый...

— Тутъ этакаго рожечка гдѣ же достать! резонно замѣчаетъ Глупышевъ горнистъ.

— Не достать—словно про себя, грустно такъ вздохнулъ и всей ротѣ утѣха. Писарь батальонный ей ниточку бисеру связалъ, свой кошелекъ, *презентъ* растрепалъ для такого дѣла... Ползаетъ пока на свободѣ дѣвочка, а скоро посвѣжѣе станетъ, къ вечеру всѣхъ малютокъ вмѣстѣ соберутъ на ротную телѣгу, подъ навѣсъ. Горнистъ Пашка бурую корову подоитъ, хватитъ на всѣхъ молока и даже ротному командиру къ чаю немного останется...

Малюткамъ теперь хорошо; онѣ хоть и въ грубыхъ, но за то

*) Жена ротнаго командира.

Библиотека "Руниверс"

Улица въ городѣ Руанѣ. Рис. Лаборна, грав. Меоль.

Библиотека "Руниверс"

въ добрыхъ, христіанскихъ рукахъ... Можетъ быть въ эту же ночь ихъ дѣтскій сонъ нарушенъ будетъ тревожнымъ грохотомъ барабана, глухимъ гуломъ боевыхъ выстрѣловъ; быть можетъ, одинъ за другимъ падутъ славною смертью ихъ няньки—ничего! завтра новыя найдутся... Со славою кончатъ походъ русскія войска—и онѣ, эти крошки, будутъ безсознательными участниками этого похода, а тамъ, или найдутъ своихъ дѣтей отцы и матери, если таковые по счастью остались живы, или эти дѣти найдутъ себѣ сильную общую мать, ихъ новую родину, и уже навѣрное, выросши, тепло и съ любовью, отнесутся къ скромной, сѣрой шинели русскаго солдата.

Н. Каразинъ.

Никополь послѣ бомбардированія

Какое потрясающее, невыносимо-тяжелое зрѣлище представляетъ собою городъ послѣ его бомбардированія! Повсюду развалины, разлетѣвшіеся обломки зданій и унылыя пепелища! Тѣмъ, кто бывалъ въ нашемъ Севастополѣ, помѣщаемые въ этомъ номерѣ рисунки, изображающіе видъ города Никополя послѣ бомбардированія, не будутъ новостью. Они напомнятъ имъ только то, что еще до сихъ поръ не только свѣжо въ нашей памяти, но существуетъ въ дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ удивительно: прошло почти четверть столѣтія послѣ Крымской войны, а городъ Севастополь до сихъ поръ еще во многихъ частяхъ своихъ носитъ слѣды страшнаго погрома И до нынѣ въ немъ имѣются улицы, представляющія на всемъ своемъ протяженіи однѣ развалины.

Не легко исправлять обращенное въ развалины и пепелъ, изъ обломковъ возстанавливать новое, тѣмъ болѣе, что и возстанавливать бываетъ иногда некому. Страшное дѣло—война.

Недостатокъ свинца у турокъ.

Картинка хотя и знакомитъ насъ съ тѣмъ, будто бы критическимъ состояніемъ дѣлъ въ Турціи, при которомъ для военныхъ надобностей приходится сдирать свинцовыя крыши съ мечетей, но въ такое критическое положеніе дѣлъ что-то плохо вѣрится. На оборотъ: съ театра войны слышно, что у турокъ всего много, и ружья прекрасныя и патроновъ съ избыткомъ всегда и во всякой битвѣ, какъ бы не была она продолжительна. Добрые друзья „просвѣщенные мореплаватели" очень щедры на помощь сынамъ Аллаха.

Фактъ снятія свинца съ крышъ, положимъ, и вѣренъ, но онъ составляетъ частный случай, и мы русскіе, въ особенности склонные къ безпечности, не должны слишкомъ надѣятся на слабость „турки".

Дѣло въ томъ, что настоящая война наша ведется не съ одной Турціей и не съ однимъ „фанатизмомъ магометанъ", а именно съ просвѣщенными мореплавателями". Они, такъ сказать, изъ-за угла дѣйствуютъ и помогаютъ своему другу-туркѣ. Изъ за угла-то, положимъ, дѣйствовать и безопаснѣе—цѣлѣе голова; но достойно-ли это христіанской державы, покровительствующей тѣмъ, кто десятки тысячъ неповинныхъ христіанъ-болгаръ предалъ мученической смерти?

„Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!"

Д.

Болгарская красавица.

Въ одной изъ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ описывается красота болгарской дѣвушки, заставляющая молодого человѣка предпочесть ее блестящимъ предложеніямъ другихъ невѣстъ, а именно румянки и гречанки, сулящихъ богатое приданое. Въ этой пѣснѣ такъ говоритъ болгарка:

«Пускай и гола, и боса я.
За то хороша и пригожа,
Приданаго нѣту за мною,
А вмѣсто приданаго, будетъ
Лицо мое бѣло, румяно,
Да черныя брови густыя!..
Когда мы пойдемъ черезъ горы
Раступится древо сухое,
А то, что цвѣло, призавянетъ!
Какъ вступимъ мы въ Божію церковь
Попы и дьячки онѣмѣютъ...

Родные жениха, по словамъ пѣсни, говорятъ о красотѣ болгарской дѣвушки слѣдующее:

«Стоянъ мой, Стоянъ ты мой милый!
Присватайся къ бѣлой болгаркѣ..
Не станутъ распрашивать люди,
Приданаго много-ль за нею?
А скажутъ: пригожая дѣвка!
Войдете вы въ Божію церковь,
Всѣ люди обступятъ невѣсту,
Хвалить и разглядывать станутъ;
А будешь ты съ нею вѣнчаться—
Иной обернется и молвитъ:
Пригожую взялъ онъ невѣсту!»

Такъ славится между славянскими племенами болгарская дѣвушка за свою красоту. Помѣщенный нами рисунокъ даетъ нѣкоторое понятіе о характерѣ этой красоты.

Ж.

Послѣдніе теплые дни.

(Къ рисунку Жіакомелли).

Прокатилось горячее лѣто. Опали изумрудные листья лѣсовъ и съ ними исчезли и сумракъ ихъ душистый и пышныя тѣни. Не вьютъ болѣе гнѣздъ веселыя птички, не порхаютъ, весело кружась въ воздухѣ. Лучи осенняго солнца уже утратили свою прежнюю силу и съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже пробиваются сквозь сѣрыя тучи „на печальныя поляны" земли.

«Ужь небо осенью дышало,
Ужь рѣже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась»...

Пѣвуньи птички уныло ежатся и близокъ ихъ отлетъ въ чужіе края „за моря". Уже нѣтъ въ лѣсу прежнихъ утѣхъ:

«Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
Сорванъ послѣдній орѣхъ,
Свянулъ послѣдній цвѣтокъ.
Мохъ не приподнятъ, не взрытъ
Грудой кудрявыхъ грузлей,
Около пня не виситъ
Пурпуръ брусничныхъ кистей.
Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ».

Невесело птичкамъ среди такой природы, негдѣ укрыться отъ холода. Уже собираются онѣ стаями и готовятся въ путь

«Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны».

Превосходный рисунокъ Жіакомелли (извѣстнаго уже нашимъ читателямъ по прежнимъ его рисункамъ, неразъ помѣщеннымъ въ „Нивѣ") передаетъ именно одну такую сцену изъ жизни птицъ въ дни наступившей осени.

М.

Улица въ Руанѣ.

Передъ вами узкая улица древняго французскаго города Руана. Городъ этотъ вообще снаружи мало измѣнился; эта же улица въ особенности напоминаетъ эпоху среднихъ вѣковъ. Старинное названіе свое она удержала—rue d'Epicerie, и, по всей вѣроятности, во времена оны тутъ обитали самые крупные представители французской *бакалейной* торговли. Еслибы нашли нужнымъ назвать теперь эту улицу соотвѣтственно ея современной промышленной дѣятельности, то, конечно, ее окрестили бы такъ: rue de la Friperie, т. е. „Вѣтошною". Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣшніе торговцы и торговки не ограничивались зазываніемъ прохожихъ въ свои лавченки и, безъ всякихъ церемоній, хватали предполагаемаго покупателя подъ руки, а затѣмъ увлекали его въ мрачный магазинчикъ, гдѣ и навязывали съ удивительнымъ проворствомъ какое нибудь старье.

Здѣсь торгуютъ не только вѣтошью, но и всякаго рода живностью: курами, цыплятами, голубями, кроликами, а также вы найдите тутъ массу овощей, фруктовъ, деревьевъ и растеній (комнатныхъ) для посадки. Чтобы выйти изъ этого лабиринта въ сторону противоположенную отъ названной выше улицы—нужно непремѣнно пройти подъ древнимъ, великолѣпнымъ крыльцомъ собора, на которомъ въ прежнія времена совершалась торжественная церемонія выноса раки св. Романа. Проходъ этотъ довольно узокъ и теменъ; въ немъ холодно, какъ къ погребѣ, но за то, когда вы выйдете на площадь de la Basse-Vieille-Tour—сразу попадете въ волны свѣта и тепла. И чего только нѣтъ на этой площади, украшенной домами съ арками! Тутъ торгуютъ сыромъ, лентами, масломъ, шляпами, морковью, серебряными и золотыми издѣліями, дынями и даже кружевами. Торговцы то и дѣло что кричатъ, предлагая свои товары по „пониженнымъ" цѣнамъ. Въ остальные дни недѣли обѣ площади—de la Haute и de la Basse-Vieille-Tour довольны пустынны, тихи. Нѣкоторые изъ старыхъ кварталовъ Руана могутъ служить любопытнымъ археологическимъ музеемъ—конечно, для человѣка свѣдущаго въ археологіи и надѣленнаго извѣстною долею наблюдательности.

Какой видъ имѣла „Вѣтошная" улица въ Руанѣ прежде, такой имѣетъ она и теперь; измѣнились только костюмы—вмѣсто кафтана встрѣтите пиджакъ, да вотъ у дверей, напр., этой лавочки со старьемъ, что на право отъ васъ, уже не увидите сабель и каски (можетъ быть побывавшихъ въ Москвѣ въ 12 году), взамѣнъ которыхъ уже навѣрно повѣшены нынче олеографическія картинки, револьверы и, пожалуй, прусская игольчатка, найденная гдѣ нибудь около Парижа..

Свѣтящіяся морскія животныя Сифонофоръ или трубчатникъ (Physophora)

Море въ неизмѣримой своей глубинѣ, питаетъ такое обиліе жизни, которое превосходитъ все, что представляетъ земля на

Библиотека "Руниверс"

выдающихся изъ него частяхъ своихъ. И какое разнообразіе формъ, какое великолѣпіе красокъ въ обитающихъ въ морѣ животныхъ! Плиній въ своей естественной исторіи говоритъ, что все возникающее въ природѣ имѣетъ своихъ представителей въ морѣ, и, кромѣ того, въ немъ есть еще многое, чего нигдѣ не встрѣчается. По словамъ Ѳалеса: „Море есть мать и колыбель всего живого".

Отъ самыхъ крупныхъ, поражающихъ своими размѣрами, животныхъ въ немъ кишатъ безчисленные мелкіе живые организмы. Многіе изъ этихъ животныхъ организмовъ имѣютъ чудное свойство изливать изъ себя свѣтъ, и появляясь на поверхности моря, они какъ бы усыпаютъ его блестящими искрами. Такъ, напримѣръ, подъ тропиками океанъ похожъ на звѣздное небо. Влажныя его звѣзды блещутъ иногда такъ ярко, что заливаютъ свѣтомъ корабельныя доски.

Блестящія животныя, пишетъ Шлейденъ въ своей книгѣ „Море", слѣдуютъ за перекатывающимися волнами, прыгаютъ по камнямъ и обозначаютъ предѣлъ береговыхъ волнъ огненной лентой. Въ болѣе теплыхъ моряхъ путь лодки усѣянъ алмазами. Каждый всплескъ воды сверкаетъ свѣтящимися каплями. Этотъ свѣтъ играетъ самыми разнообразными оттѣнками, то бѣловатыми, то желтыми, голубыми, красными. Иногда блестящее проявленіе жизни сосредоточивается на поверхности моря и, сливаясь, обдаетъ его общимъ фосфорическимъ свѣтомъ.

Къ свѣтящимся животнымъ моря относятся слизистые пузыри (noctiсula miliari-), столь малые, что въ одной каплѣ воды есть мѣсто для сотни животныхъ. Если разсматривать ихъ въ темнотѣ подъ микроскопомъ, то въ тѣлѣ каждаго видны тысячи свѣтящихся точекъ, исчезающихъ и возобновляющихся. Изъ раковинъ свѣтятся pholas dactylus Linn, камнеточецъ, водящійся около Европы, который вбуравливается въ дерево и камень. Сокъ этихъ животныхъ имѣетъ свойство свѣтиться еще нѣсколько времени послѣ того какъ выступитъ изъ животнаго. Плиній упоминаетъ, что камнеточцы свѣтятся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ они сочнѣе, и что стекающій сокъ можетъ свѣтиться еще долго на рукахъ, на одеждѣ, на полу.

Къ морскимъ свѣтильникамъ относятся колоколообразные и коралловые полипы, медузы, нѣкоторые изъ морскихъ червей, изъ суставчатыхъ многіе коловратки. Число свѣтящихся такъ велико, что по выраженію Карла Фогта для сбереженія времени и труда лучше указывать, какія только морскія животныя не свѣтятся. Всего запутаннѣе и великолѣпнѣе явленіе свѣта у огненныхъ цилиндровъ. Они представляютъ трубки, длиною въ 6 или 7 дюймовъ, закрытыя на одномъ концѣ; снаружи трубка густо покрыта бутылковидными отдѣльными животными, соединившимися колоніями. Въ каждомъ отдѣльномъ животномъ распространяется по всему тѣлу желтоватый свѣтъ; начинаясь на одномъ концѣ трубки, онъ переходитъ трепещущими волнами, постепенно усиливаясь, къ другому ея концу и затѣмъ исчезаетъ въ обратномъ порядкѣ.

Приложенный рисунокъ представляетъ одно изъ свѣтящихся морскихъ животныхъ именно Physophora, трубчатникъ или сифонофоръ. Это полиморфная колонія, слагающаяся изъ множества особей, изъ которыхъ каждая имѣетъ особенное отправленіе, особенную дѣятельность. Вслѣдствіе раздѣленія труда, вся колонія получаетъ характеръ единичнаго организма, а особи ея низводятся физіологически до значенія органа. Трубчатники или Сифонофоры чрезвычайно богаты замѣчательными разнообразными формами.

Л.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Прошедшая недѣля представляетъ въ военномъ отношеніи продолженіе осады, или точнѣе блокады нашими войсками Плевны; затѣмъ недѣля эта ознаменовалась новымъ ожесточеннымъ боемъ на Шипкѣ—бомбаровированіемъ горы св. Николая и дѣломъ подъ *Церковною*.

Что касается Шипкинскаго боя, то онъ опять носилъ страшный и упорный характеръ. Наши потеряли 31 офицера и 1000 солдатъ; турки же понесли громадныя и гораздо большія потери. Есть всѣ основанія предполагать, что Сулейманъ-паша такъ упорно наступаетъ на Шипкинскій перевалъ именно съ цѣлью отвлечь наши силы къ югу и ослабить дѣйствіе этихъ силъ противъ Плевны. Это предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что нападеніе на Шипку совпало, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ выступленіемъ изъ *Орханіэ* подкрѣпленій, высланныхъ Сулеймановъ нашею къ Плевнѣ. Вотъ эти-то выступившія изъ Орханіэ войска турецкія и встрѣтились Штакельбергу и Тутолмину, при рекогносцировкѣ ими мѣстности за рѣкою Видомъ.

Но разскажемъ дѣло по порядку.

8-го сентября флигель-адъютантъ графъ *Штакельбергъ*, съ цѣлію произвесть рекогносцировку, двинулся къ Рахитѣ, и опрокинулъ не доходя этой деревни, *три* турецкихъ эскадрона; обнаруживъ же за ними пѣхоту, отошелъ. На слѣдующій день, 9-го сентября, отбросилъ турецкую кавалерію, а затѣмъ, замѣтивъ у *Телиша* 10 батальоновъ съ артиллеріею въ окопахъ и 2 полка кавалеріи, остановилъ наступленіе турецкой пѣхоты огнемъ артиллеріи. Засимъ *Тутолминъ* отвелъ отрядъ на заранѣе выбранную наблюдательную позицію. Этимъ пока, повидимому, дѣло и кончилось. Съ этой стороны, т. е. со стороны р. Вида, никто не ждалъ ничего существенно важнаго. Тѣмъ болѣе что на слѣдующій день, 10-го сентября, началось дѣло при Церковнѣ.

Въ этотъ день съ самаго начала стремительная аттака турокъ на Церковну совершенно отбита нашими войсками и на слѣдующій день, т. е. 10-го сентября, болѣе не возобновлялась, турки должны были отступить. Въ сраженіи при Церковнѣ со стороны турокъ было 20,000 съ 40 орудіями. Турки аттаковали позицію, занятую 12-ю нашими батальонами. Сначала былъ аттакованъ правый флангъ генерала Горшкова. Курскаго полка маіоръ Добронскій подпустилъ турокъ безъ выстрѣла на 30 шаговъ, потомъ ударилъ въ штыки, и обратилъ непріятеля въ бѣгство. 200 турокъ остались на мѣстѣ. Потомъ турки возобновили аттаку на лѣвый флангъ, и она отбита. Потомъ турки ударили на нашъ центръ, но были отбиты съ громаднымъ урономъ. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился Рыльскій полкъ. Къ вечеру непріятель отступилъ. На слѣдующій день, 10-го сентября, турки прислали парламентера просить убрать своихъ убитыхъ. На глазахъ нашихъ войскъ турки похоронили 800 тѣлъ, а всего потеряли 2,000. Наша потеря въ битвѣ при Церковнѣ состоитъ изъ *6 убитыхъ* офицеровъ и *60* нижнихъ чиновъ; раненыхъ 20 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ. Нашимъ отрядомъ въ этомъ дѣлѣ командовалъ генералъ Татищевъ. Изъ другихъ генераловъ въ этомъ дѣлѣ особенно отличился генералъ *Горшковъ*, начальникъ 1-й бригады 32-й пѣхотной дивизіи.

Послѣ сраженія подъ Церковной, наши дѣла на Дунаѣ приняли болѣе опредѣленный видъ, чѣмъ прежде. Намѣренія непріятеля и замышляемый имъ планъ наступленія все болѣе выяснялись; становилось яснымъ, что положеніе арміи Османа-паши отчаянное, что всѣ послѣднія движенія турокъ съ юга-запада и востока предприняты ими, собственно говоря, для спасенія этой арміи. Посланныя къ Осману подкрѣпленія уже довольно давно находились въ Орханіэ. Засимъ, какъ сказано выше, по развѣдкамъ нашего полковника *Тутолмина* и флигель-адъютанта графа *Штакельберга*, оказалось, что турецкія войска находятся уже на линіи Рахиты-Телиша, верстъ приблизительно на 60 отъ Плевны. Численность этихъ войскъ опредѣлялась въ 20,000; они расположены были къ востоку за рѣкою Видъ, по дорогѣ, ведущей изъ *Луковицы* въ Плевну и по дорогѣ отъ Луковицы въ *Горный-Дубнякъ* *). Турецкія войска могли направиться отсюда на Плевну по двумъ сходящимся направленіямъ. Для предупрежденія этого съ нашей стороны, на западъ за рѣку Видъ, былъ отправленъ кавалерійскій корпусъ. Войска этого корпуса могли напасть на турецкіе отряды съ фронта и съ фланга, со стороны Ловчи. Въ такомъ видѣ представлялось дѣло въ началѣ прошлой недѣли. Какъ вдругъ оффиціальная телеграмма отъ 14-го сентября извѣстила насъ, что *10,000 турецкой пѣхоты съ артиллеріей, шедшей изъ Софіи, пробились 10-го сентября сквозь нашу кавалерію въ Плевну*. Это извѣстіе поставило многихъ въ недоумѣніе, такъ какъ Штакельбергъ и Тутолминъ, производя развѣдки, уже открыли «турецкую пѣхоту» на линіи Ракиты-Телиша и слѣдовательно были приняты всѣ мѣры остановить турокъ. Оказалось, что наша кавалерія употребляла всѣ силы остановить турокъ, но не успѣла въ этомъ. Для уясненія себѣ факта вторженія турокъ, не преувеличивая его значенія, которое, конечно, не важно, познакомимся насколько то возможно, съ общею картиной расположенія нашихъ войскъ подъ Плевною.

Русско-румынскія войска занимаютъ подъ Плевной линію, правую оконечность которой составляетъ деревня *Гривица*, а лѣвую *Тачененица*. У Гривицы Румыны при помощи саперныхъ работъ, проникли на близкое разстояніе отъ 2-го редута. Влѣво отъ Гривицы, стоятъ: 9-й корпусъ генерала *Криденера*, и 4-й корпусъ генерала *Зотова*. На крайнемъ лѣвомъ пунктѣ находится князь *Имеретинскій* со 2-ю дивизіей и 4-ю артиллерійскою бригадой и остатками войскъ генерала Скобелева. Всѣ эти наши силы поддерживаютъ постоянный огонь болѣе чѣмъ изъ *320 орудій* по турецкимъ укрѣпленіямъ, которыя едва отвѣчаютъ на выстрѣлы. Наши войска сильно окопались по всей линіи и прямо надъ *Радищевымъ* (** построили полевой редутъ. Подъ Плевною, нашихъ войскъ, не считая прибывающихъ подкрѣпленій, простирается до 50,000 человѣкъ. Замѣтимъ, что если турки едва отвѣчали на нашъ огонь, то очевидно вслѣдствіе крайняго истощенія запасовъ и снарядовъ. Становится понятнымъ и то напряженное усиліе, съ которымъ до 10,000 турецкой пѣхоты съ артиллеріей пробилось сквозь ряды нашей кавалеріи къ Плевнѣ. Турки конечно спѣшили, во чтобы-то ни стало, на выручку истощеннымъ отъ голода и стѣсненнымъ не-

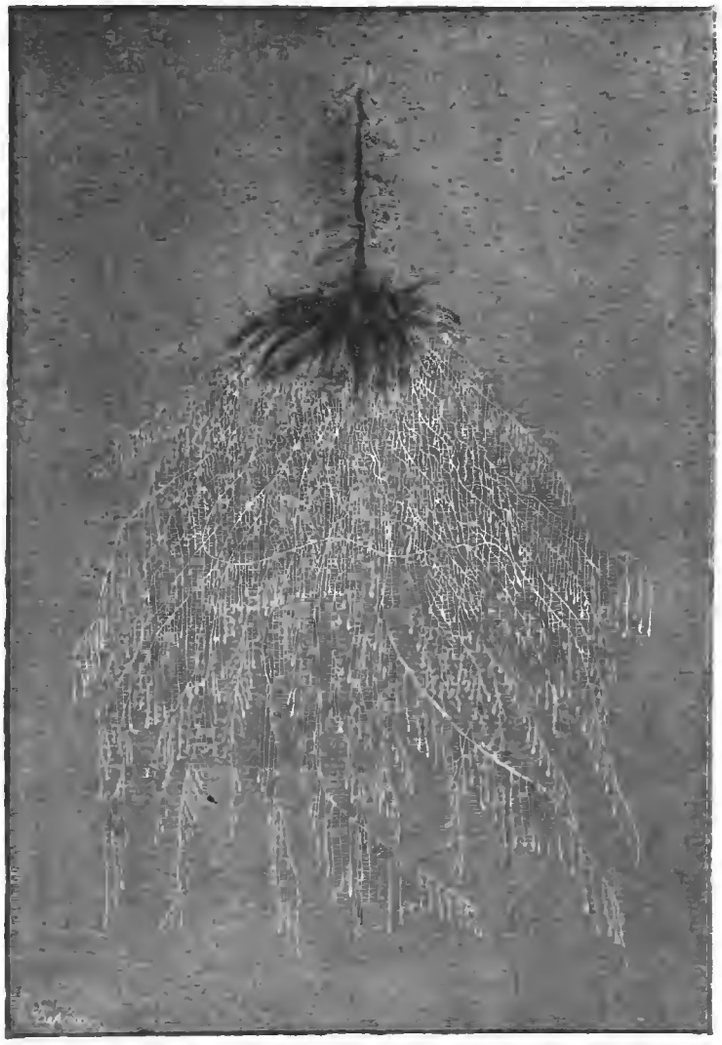
*) Тотъ и другой пункты, и *Луковица* и *Горный-Дубнякъ*, лежатъ на рѣкѣ *Искерѣ*. Луковица гораздо сѣвернѣе Горнаго-Дубняка. Слѣдовательно турецкія войска расположены было на двухъ сторонахъ треугольника, верхній уголъ котораго составляла Плевна.

**) Селеніе немного къ югу отъ Плевны.

Библиотека "Руниверс"

достаткомъ боеныхъ запасовъ войскамъ Османа-паши. Достанлены ли теперь продонольственные запасы и въ какомъ количествѣ— это уже не замедлитъ обнаружиться вскорѣ. Замѣтимъ, что если къ Пленнѣ подоспѣло турецкое подкрѣпленіе въ 10-ть тысячъ, то съ нашей стороны уже давно поспѣшило за Дунай, форсированнымъ маршемъ, подкрѣпленіе слишкомъ въ 100,000 лучшаго войска.

Въ виду громадной важности, какую пріобрѣла въ послѣдніе дни Пленна, значительная часть нашего общества какъ извѣстно, интересуется знать: что же мы дѣлаемъ съ Плевной *осаждаемъ* ее или *блокируемъ*? Въ военномъ отношеніи между этими двумя терминами есть важное различіе. Въ данномъ случаѣ идетъ, дѣйствительно, не осада, а блокада *) Плевны, но полное ея обложеніе дѣло весьма трудное, такъ какъ при блокадѣ нужно всегда предполагать незначительность окружаемаго пункта сравнительно съ массами окружающаго этотъ пунктъ войска. Это правило практиковалось давно еще со временъ Юлія Цезаря. Но бывали и исключенія, изъ этого правила, вызываемыя особыми обстоятельствами, подобныя тѣмъ, въ какихъ мы находимся теперь въ Плевненскомъ дѣлѣ. При данныхъ обстоятельствахъ дѣйствіе блокады, дѣйствіе выжидательное, — самое практичное, которое, однако, ничуть не исключаетъ начатія новой энергической осады Плевны, какъ скоро прибудутъ сюда наши подкрѣпленія. Вотъ почему, мы не можемъ придавать, особеннаго значенія прибытію турецкихъ подкрѣпленій. Имъ удалось прорваться сюда вслѣдствіе самаго характера нашихъ теперешнихъ операцій, заставившихъ насъ окружать обширныя укрѣпленія врага слишкомъ уже растянутой цѣпью. Сквозь эту цѣпь турки легко могли прорваться,—но это еще далеко не успѣхъ.



Свѣтящіяся морскія животныя. Сифонофоръ или трубчатникъ (Physophora).

Что касается нашихъ дѣлъ на Янтрѣ, т. е. на лѣвомъ флангѣ дѣйствующей арміи, то относительно этого предмета извѣстно, что армія Его Высочества Наслѣдника Цесаревича находится на высотахъ, подъ *Бѣлой* а главная квартира въ *Монастырь*, въ 8 верстахъ отъ Бѣлы, въ сторону Рущука. Противъ этого нашего фланга роскинуто 5-ть дивизій Ахметъ-Эюбъ-паши, 2 дивизіи Солиза и Измаила-пашей и 1 дивизія у Османъ-Базара, подъ начальствомъ Мехмета-Селима-паши. Войскъ въ распоряженіи Наслѣдника Цесаревича 2½ корпуса. Военныя дѣйствія на нашемъ лѣвомъ флангѣ пріостановились, говорятъ, вслѣдствіе наступившихъ сильныхъ дождей и распутицы.

Съ Закавказскаго театра военныхъ дѣйствій послѣ долгаго молчанія получены наконецъ за прошлую недѣлю извѣстія, что тамъ съ самаго начала сентября Измаилъ паша началъ воздвигать баттареи по гребню и скатамъ горъ, противъ селенія *Халфалю* и *Хошъ-Хаборъ* и открылъ огонь противъ нойскъ генерала Тергукасова, съ намѣреніемъ спуститься со скатовъ горъ на плоскость. Турецкій огонь, однако, былъ, безвредевъ для нашихъ войскъ. 7 сентября турки предприняли наступленіе *Халфалю* и *Верхніе Чаручи*. Но эта атака, послѣ двухъ часовой перестрѣлки, была энергически нами отбита и непріятель съ большимъ урономъ обращенъ въ бѣгство. Точно также отбита партія баши-бузуковъ (500 чел.), прорвавшая было наши аванпосты. Со времени этого незначительнаго дѣла на Закавказскомъ театрѣ опять наступило затишье, но, повидимому, съ обѣихъ сторонъ идутъ приготовленія къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Мухтаръ-паша сбирается аттаковать наши новыя позиціи подъ Кара-Яломъ. Позиціи эти теперь, съ нашей стороны, сильно укрѣплены.

Сухумъ-Кале оставленъ турками. Въ городѣ и его окрестностяхъ лежатъ тысячи головъ скота, убитаго турками. Они, переселяя абхазцевъ, не успѣли забрать громаднаго количества скота, и за день до своего бѣгства, для того, чтобы скотъ не достался гяурамъ, порѣзали и перестрѣляли нѣсколько тысячъ животныхъ — преимущественно буйволовъ. Въ самомъ городѣ —сожженномъ и полуразрушенномъ—въ каждомъ домѣ валяется по нѣсколько штукъ убитаго рогатаго скота; всѣ улицы и площади загромождены имъ; въ окрестностяхъ версты на 3—4 (Трапеція, Келасуры, Абжакна) горы и долины усѣяны падалью. Во всѣхъ рѣчкахъ и родникахъ, съ цѣлью зараженія воды наваленъ битый скотъ. Тысячъ до 8—10 разлагаются при страшной жарѣ и заражаютъ воздухъ. Сухумъ ждетъ помощи и помощи энергичной.

Въ прошломъ обозрѣніи («Нивы», № 38) мы говорили о блестящихъ успѣхахъ черногорцевъ въ войнѣ съ турками, что они успѣли углубиться внутрь Герцеговины. За прошлую недѣлю получены извѣстія о слѣдующихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ черногорцевъ. Небольшой отрядъ черногорцевъ занялъ 5 сентября *Гацко* (къ сѣверу отъ Билеча, по дорогѣ въ Невесинье) и подкрѣпленный другими частями, взялъ крѣпостцу *Пресѣку*, захвативъ въ ней 77 плѣнныхъ, множество боеныхъ припасовъ и провіанта. За симъ извѣстно, что взяты черногорцами *Корбъ*, *Ноздре* и *Злоступъ* въ Дужскомъ ущельѣ, такъ что и все это знаменитое ущелье теперь въ рукахъ Черногорцевъ. Ясно, что, оставивъ въ этомъ проходѣ прикрытіе, и при содѣйствіи Герцеговинцевъ, они могутъ серьезно угрожать Мостару, въ которомъ, какъ мы упоминали въ прошломъ обозрѣніи турки приготовились къ оборонѣ.

Въ политическомъ отношеніи прошлую недѣлю характеризовала молва о результатахъ свиданія князя Бисмарка съ графомъ Андраши въ Залцбургѣ. Результаты свиданія, какъ утверждаютъ единодушно всѣ газеты, вышли удовлетворительные, но эту удовлетворительность многія, особенно туркофильскія, газеты объясняютъ по своему. Туркофильская печать распространяетъ слухи, что графъ Андраши явился не уступчивымъ и рьянымъ защитникомъ интерессовъ Венгріи, т. е. другими словами, туркофильства, чего князь Бисмаркъ никакъ не ожидалъ. Вообще же свободные отъ туркофильства органы признаютъ, что свиданіе повлекло за собою укрѣпленіе союза трехъ императоровъ и что значительная часть переговоровъ посвящена была церковному вопросу, для котораго теперь самое благопріятное время.

— Изъ Греціи извѣщаютъ, что тамъ министерскій кризисъ, возникшій по смерти Канариса, уладился, и министры остаются на своихъ мѣстахъ.

---

*) *Блокада, блокировать*—сплошною цѣпью окружать или обложить городъ. Блокада—операція преимущественно наблюдательная, выжидательная и почти оборонительная. Цѣль ея—отнять у блокируемаго гарнизона всякую возможность получать пособія въ людяхъ и продовольственныхъ и военныхъ запасахъ. Съ этой точки зрѣнія наши операціи надъ Плевною нужно начать блокадою.

СОДЕРЖАНІЕ: **Генералъ-лейтенантъ М. Д. Скобелевъ** (съ портретомъ) **М. Ж.**—**Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева.** Начало второй части.—**Вѣрный другъ** (съ рисункомъ) **Д. Стахѣева.**—**Болгарскія сироты** (съ рисункомъ) **Н. Каразина.**—**Никополь послѣ бомбардированія** (съ 2-мя рисунками).—**Недостатокъ свинца у турокъ** (съ рисункомъ) **С.**—**Болгарская красавица** (съ рисункомъ) **Ж.**—**Послѣдніе теплые дни** (съ рисункомъ) **М.**—**Улицы въ Руанѣ** (съ рисункомъ).—**Свѣтящіяся морскія животныя. Сифонофоръ или трубчатникъ (Physophora)** (съ рисункомъ) **Л.**—**Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.**

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 40 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 3 Октября 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

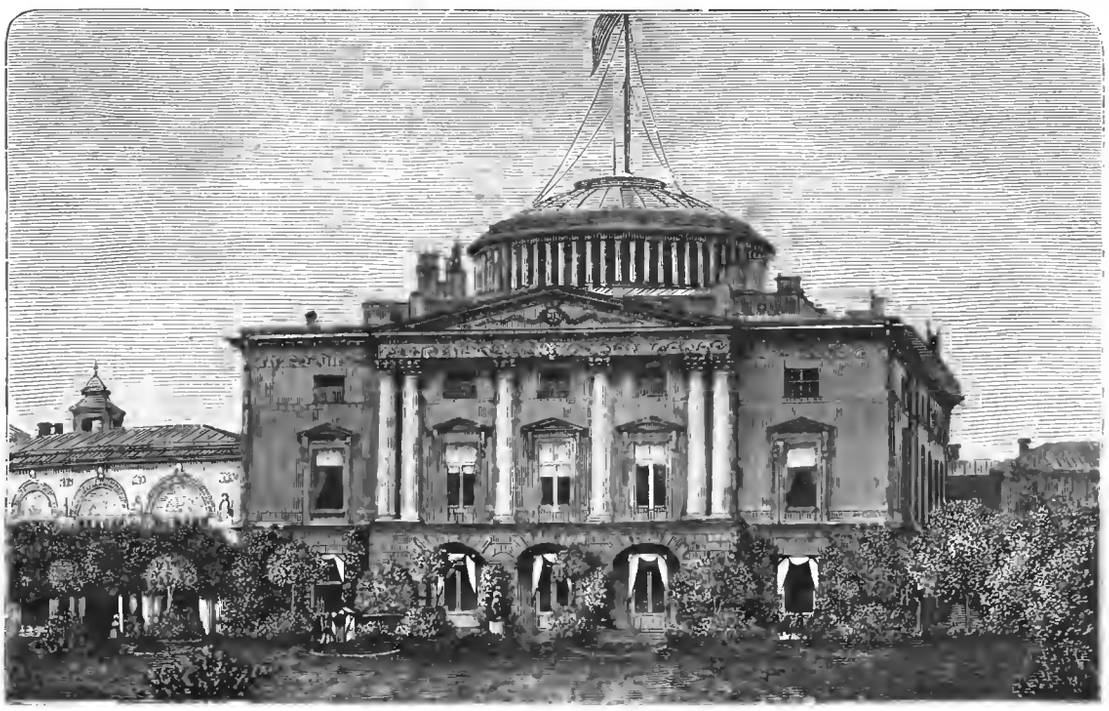
Контора журнала «Нива» помѣщается въ С.-П.-Бургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ОКТЯБРЬ съ 26 рисунк., отдѣльный листъ съ 23 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 60 рисунками буквъ для мѣтки бѣлья.

Столѣтіе Павловска.

1777—1877.

Сто лѣтъ тому назадъ, въ день рожденія своего внука-первенца, въ 1777 году, Екатерина II подарила родителямъ его, Цесаревичу Павлу Петровичу и Великой Княгинѣ Маріи Федоровнѣ—362 десятины земли, въ пяти верстахъ отъ Царскаго Села. Это пространство земли, пересѣкаемое рѣкою Славянкою и покрытое тогда лѣсами и болотистыми топями, заключало въ своихъ предѣлахъ двѣ деревеньки: Линну и Кузнецы (или Рысь-Кабачекъ), остатки окоповъ, возведенныхъ шведскимъ генераломъ Кроніортомъ во время великой сѣверной войны (1700—1721 г.), два охотничьихъ домика „Крикъ" и „Кракъ". Населеніе этой мѣстности, довольно дикой и угрюмой, состояло изъ 117 душъ обоего пола.



Павловскій дворецъ. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Нынѣ на этомъ мѣстѣ находится гор. Павловскъ, соединенный съ Петербургомъ желѣзною дорогою; лѣсныя чащи и топи превращены въ превосходные сады и обширный паркъ, подобныхъ которымъ не много въ Европѣ.

Павловскъ и его паркъ обязаны своимъ благоустройствомъ супругѣ Императора Павла I-го, Маріи Ѳеодоровнѣ. По мановенію ея руки, щедрой на благодѣянія, возникло въ Павловскѣ множество благотворительныхъ заведеній. Таковы были: церковный инвалидъ, Монмартръ, Народное училище, школа земледѣлія, училище глухонѣмыхъ (первое въ Россіи), училище ботаники и садоводства; вспомогательные капиталы для недостаточныхъ жителей Павловска; милостивое содѣйствіе родителямъ для опредѣленія ихъ дѣтей въ учебныя заведенія; материнскія заботы о крестьянахъ деревень, приписанныхъ къ Павловску, улучшенія ихъ быта въ ту эпоху, когда крѣпостное право свирѣпствовало во всей силѣ; постоянное радушіе и заботливость, оказываемыя войскамъ, расположеннымъ въ Павловскѣ—вотъ тѣ неизгладимыя черты благотворительности Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которыми она запечатлѣла въ сердцахъ память о своей жизни, посвященной благодѣяніямъ. Удѣляя досуги свои въ Павловскѣ занятіямъ садоводствомъ и сельскимъ хозяйствомъ, Императрица въ тоже время украсила паркъ и сады многими сооруженіями, сохраняющимися донынѣ въ ихъ первобытномъ видѣ. Таковы были, вопервыхъ, монументы, посвященные Государынею Маріею Ѳеодоровною памяти усопшихъ ея родителей, супруга и дѣтей; во вторыхъ, зданія увеселительныя, каковы: театръ, розовый павильонъ; въ третьихъ, зданія хозяйственныя: ферма, вальеръ, молочная, Старое Шале. Послѣднія три зданія поддерживались неизмѣнно, соотвѣтственно ихъ назначенію. Любительница и покровительница наукъ, словесности и изящныхъ художествъ, Императрица, въ пышныхъ покояхъ своего дворца, независимо отъ картинъ ихъ украшавшихъ, основала обширную библіотеку, музей произведеній медальернаго искусства, съ богатыми коллекціями гербаріевъ, собранныхъ ученымъ батаникомъ Хейнманомъ. При жизни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ извѣстные дни недѣли въ Павловскъ пріѣзжали, составляя всегда пріятный для Государыни кругъ — всѣ свѣтила нашей литературы Александровскаго времени: Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій, Н. И. Гнѣдичъ, И. А. Крыловъ... „Розовый павильонъ“ съ 1814 года былъ палладіумомъ отечественной славы, храмомъ торжества Александра Благословеннаго, куда съ благоговѣніемъ стекались многія тысячи жителей столицы

Послѣ кончины Государыни, Павловскъ, какъ маіоратъ, перешелъ во владѣніе второго, по Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, сына Ея, Михаила Павловича. При немъ 30-го октября 1837 года произошло открытіе *первой въ Россіи* желѣзно-дорожной линіи между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ, а 22-го мая 1838 года—и Павловскомъ.

Въ настоящее время Павловскій дворецъ съ его парками и землями принадлежитъ Великому Князю Константину Николаевичу.

Во владѣніи Павловска заключаются 881 десятина 1658 кв. сажень; изъ этого пространства 623 десятины 128 сажень заняты паркомъ и садами. Протяженіе проѣзжихъ и пѣшеходныхъ аллей превышаетъ въ общей сложности 180 верстъ. Павловскій паркъ преносходно содержится на проценты съ капитала, ассигнованнаго на его содержаніе еще прежними его владѣльцами. Изъ находящихся въ садахъ и въ паркѣ зданій болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе: Старое шале, Храмъ дружбы, Домикъ Крикъ, Пиль башня, Розовый павильонъ, Павильонъ Елисаветы и Ферма... Нынѣшнее лѣто въ Павловскомъ вокзалѣ игралъ оркестръ капельмейстера Лангенбаха; со времени же открытія желѣзной дороги дирижерами оркестровъ въ Павловскомъ вокзалѣ были: Лабицкій и Германъ (1838—1845), Іоганнъ Гунгль (1845—1848), Гильманъ (1849), Іосифъ Гунгль (1850—1855), Іоганнъ Штраусъ (1856—1864). Съ 1865 по нынѣшній годъ: Эдуардъ и Іоганнъ Штраусы, Фюрстно, Іоганнъ и Іосифъ Штраусы, Мансфельдъ, Бильзе, Арбанъ и Лангенбахъ. Самымъ цвѣтущимъ временемъ Павловскаго вокзала былъ періодъ капельмейстерства Іоганна Штрауса.

Сады, паркъ и вокзалъ въ Павловскѣ всегда привлекали и привлекаютъ въ лѣтнее время тысячи посѣтителей и мѣстныхъ дачниковъ.

Во дворцовой библіотекѣ не мало манускриптовъ и рѣдкихъ древнихъ изданій по исторіи и разнымъ отраслямъ естествознанія, которыя могутъ привлечь на себя вниманіе библіофила и любителя наукъ. Здѣсь же собраніе автографовъ Екатерины II, Павла Петровича, Маріи Ѳеодоровны; коллекція рисунковъ Лафатера, коллекція эстамповъ, нѣсколько альбомовъ и въ томъ числѣ одинъ находившійся въ Розовомъ павильонѣ. Въ отдѣленіи глиптики и въ коллекціи медалей, любители изящнаго найдутъ множество превосходныхъ камней, печатокъ и медалей; изъ нихъ нѣкоторые—трудовъ Государыни Маріи Ѳеодоровны. Картинная галлерея еще того болѣе привлекаетъ вниманіе знатоковъ и цѣнителей художествъ. Въ числѣ 67 картинъ здѣсь находящихся, посѣтитель найдетъ: *Гвидо-Рени*, *Корреджіо*, *Мурильо*, *Рембрандта* и друг. Художественный музей — драгоцѣнный для археолога, заключаетъ въ себѣ собраніе древнихъ статуй, бюстовъ, рельефовъ, саркофаговъ и пепелохранильницъ. Въ стѣну передней комнаты музея вдѣланы мраморныя доски, въ 1828 году выломанныя изъ стѣнъ покоренной Варны. Эти доски, съ хвастливыми турецкими надписями, возбуждаютъ въ посѣтителѣ немало воспоминаній о минувшемъ, надеждъ на будущую славу Россіи при одолѣніи ею вѣкового врага христіанства.

Кромѣ картинъ находящихся въ галлереѣ, въ „общемъ кабинетѣ“ и нѣкоторыхъ покояхъ больного дворца есть много художественныхъ произведеній, достойныхъ вниманія. Здѣсь находятся издѣлія императрицы Маріи Ѳеодоровны, портреты и собственные рисунки Императора Павла, и ихъ августѣйшихъ дѣтей. Въ кабинетѣ Маріи Ѳеодоровны находится небольшое, но прекрасное собраніе картинъ великихъ мастеровъ, каковы: „св. Севастіанъ“ *Карла Долче*, „Спаситель“ *Леонардо-да-Винчи*, и „Плачущая Марія Магдалина“—прелестнѣйшее произведеніе нѣжной кисти *Шарля Лебрна*. Въ уютномъ домикѣ „Крикъ“, по волѣ владѣтеля Павловска, къ годовщинѣ этого города изъ дворцовыхъ комнатъ собраны писанные масляными красками, тушью и гравированные виды первобытнаго „села Павловска“ въ періодъ 1777—1796 годовъ. Здѣсь— живописная лѣтопись постепеннаго возрастанія и усовершенствованія Павловска, къ исторіи котораго хижинка „Крикъ“ относится точно такъ же, какъ домикъ Петра Великаго, близь крѣпости, относится къ исторіи Петербурга.

Т. Р—овъ.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Потомъ стало вспоминаться ей ужь другое время, вспоминался ей сынъ, которому бабушка подарила свой любимый рукомойникъ.

И вдругъ снова вспыхнули давно позабытыя материнскія чувства къ несчастному царевичу, безвременно и страшно погибшему. Вся вздрогнула Евдокія Ѳедоровна, представила она себѣ Алексѣя крошечнымъ мальчикомъ у груди своей, потомъ вспомнила его блѣднымъ юношей, заглядывавшимъ въ тишину ея заточенія; вспомнила она тихіе часы съ нимъ—тѣхъ бесѣдъ, когда вся душа ея кипѣла отъ лютой злобы и жажды мести, когда съ устъ ея срывались ядовитыя рѣчи. Вспоминала она какъ растравляла, и раздрожала, и возмущала слабый духъ юноши, какъ вооружала она его противъ отца и противъ всѣхъ дѣлъ отцовскихъ, какъ взывала она къ его сердцу, молила о мести, о заступничествѣ за мать родную. О, онъ долго колебался, но она знала какъ вести дѣла, она съумѣла наконецъ совсѣмъ преобразить его и вышелъ онъ изъ ея рукъ ненавистникомъ отца, ненавистникомъ его плановъ, ненавистникомъ новой Россіи И онъ погибъ за эту ненависть—и кто же былъ виною его погибели? Все онъ же, онъ, этотъ звѣрь лютый, этотъ отецъ безъ сердца...

И вдругъ всѣми членами задрожала старая царица, вдругъ, можетъ быть въ первый разъ въ жизни, что то прояснилось въ ея мысли и поняла она что причиною гибели ея дѣтища былъ не отецъ, а только одна она, она приготовила ему эту погибель. Страшно и душно стало Евдокіи Ѳедоровнѣ, и казалось ей что она видитъ въ полумракѣ этой теплой келейки блѣдный, измученный сыновній образъ. Вотъ онъ простираетъ передъ нею свои тонкія худыя руки—на нихъ ей кажутся слѣды пытки—его блѣдныя, запекшіяся губы искривленныя страданьемъ, шепчутъ ей: „Матушка, матушка, ты меня погубила“. Обезсиленная, падаетъ на столъ головою Евдокія Ѳедоровна и уже не можетъ

Библиотека "Руниверс"

она плакать. Ей страшно, ея сѣдые волосы поднимаются дыбомъ. Вотъ она вскакиваетъ и мечется по комнатѣ. За ней слѣдомъ бѣгутъ и настигаютъ ее призраки, они грозятъ ей: «Ты, ты, погубила насъ, ты за насъ отвѣтишь передъ Богомъ!" Сынъ сзываетъ къ себѣ цѣлое полчище и растутъ эти призраки, и страшнѣе всѣхъ и ужаснѣе призракъ Глѣба: она ясно видитъ, съ невыразимымъ ужасомъ въ сердцѣ, когда то любимаго человѣка посаженнымъ на колъ, въ глазахъ ея вотъ онъ извивается, извивается и скрежещетъ зубами, и стонетъ и грозитъ ей: „Ты, ты, виною моихъ мученій!" не знаетъ куда дѣваться бѣдная старуха отъ этихъ гостей непрошенныхъ, гдѣ ей теперь скрыться? Вотъ падаетъ она на полъ передъ кіотомъ и начинаетъ молиться и жарко молится и опять плачетъ и бьетъ себя въ свою изсохшую грудь, и долго не можетъ успокоиться. Нѣтъ, только одно осталось на свѣтѣ—внучата! въ нихъ все спасеніе. Любить ихъ, стараться отстрапить отъ нихъ все дурное,—вотъ къ чему нужно стремиться, вотъ чего добиваться. Вѣдь какъ бы то ни было, страшно, страшно ихъ положеніе: ни души родной, кругомъ ихъ все чужіе люди, каждый то и дѣло, что старается забрать ихъ въ руки ради своихъ корыстныхъ цѣлей, а объ нихъ, объ ихъ благѣ никто и не подумаетъ!

И вотъ начинаетъ чувствовать старая царица въ своемъ сердцѣ приливъ давно позабытой нѣжности. Да, она любитъ, горячо любитъ этого маленькаго внука, юнаго Императора и сестру его. И внучата должны непремѣнно полюбить ее—вѣдь она своя, родная, бабушка. Пусть вооружали ихъ противъ нея, пусть говорили имъ о ней только одно дурное, но все же.!. она вѣдь еще жива, ихъ скоро увидитъ и не совсѣмъ же выжила она изъ ума, съумѣетъ, должна съумѣть повернуть все въ свою пользу, должна съумѣть внушить имъ къ себѣ довѣріе, почтеніе и любовь. Да гдѣ-жь они, что-жь они не ѣдутъ, что-жь томятъ такъ долго, вѣдь близко, въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда и все таки тянется эта разлука. Хоть бы самой къ нимъ поѣхать, да нѣтъ, не желаютъ, нѣтъ, нужно ждать ихъ здѣсь, а ждать теперь старой царицѣ съ каждой минутой становится не по силамъ, и вотъ Евдокія Ѳедоровна велитъ зажечь въ своей келейкѣ восковыя свѣчи, велитъ подать себѣ бумаги и начинаетъ выводить старческимъ, дрожащимъ почеркомъ. Она пишетъ великой княжнѣ Натальѣ: „Пожалуй, свѣтъ мой, проси у братца своего, чтобы мнѣ васъ видѣть и порадоваться вами: какъ вы и родились, не дали мнѣ про васъ слышать, не токмо что видѣть".

Пусть сестра поговоритъ ему, убѣдитъ его,—думаетъ царица,—да напишу и нѣмцу, говорятъ, онъ его слушается.

„За вѣрную вашу службу ко внуку моему,—пишетъ она Остерману,—и къ намъ, я по премногу благодарствую, а у меня истинно на васъ надѣяніе крѣпкое, только о томъ васъ прошу, чтобы мнѣ внучатъ своихъ видѣть и вмѣстѣ съ ними быть; а я истинно съ печали чуть жива, что ихъ не вижу. А я истинно надѣюсь, что уже печали наскучили, и признаваю, что мнѣ въ такихъ несносныхъ печаляхъ не умереть; и ежели бы я съ ними вмѣстѣ была и я бы такія свои несносныя печали всѣ позабыла и такъ меня свѣтлѣйшій князь 30 лѣтъ крушилъ, а нынѣ опять сокрушаютъ, а я не знаю, сіе чинится отъ кого".

— Скорѣй, скорѣй! кличетъ она свою старую прислужницу,—скорѣй вели послать гонца съ этими письмами... да нѣтъ, погоди, постой, дай мнѣ еще бумаги.

И царица опять садится и пишетъ уже самому внуку: „Долго ли, мой батюшка, мнѣ васъ не видѣть? Или васъ и вовсе мнѣ не видѣть, а я съ печали истинно умираю что васъ не вижу, дайте, мой батюшка, мнѣ васъ видѣть, хотя бы я къ вамъ пріѣхала".

Съ этими письмами скачетъ гонецъ въ царскую стоянку, а царица всю ночь не спитъ въ своей роскошной кельѣ; съ боку на бокъ поворачивается она на мягкой перинѣ; ее бросаетъ то въ жаръ, то въ холодъ, закутывается она въ дорогое хитро вышитое шелками и золотыми нитками одѣяло и все ей что-то не ловко, все ей тревожно. Бываютъ минуты, что кажется ей будто никакой нѣтъ перемѣны къ лучшему въ ея положеніи. Такъ невыносимо ей это ожиданіе. Тамъ, въ тяжеломъ зоточеніи, было спокойнѣе. Подъ конецъ уже сжилась съ своимъ горемъ, со своей лютой жизнью старушка. Ничего уже не хотѣла, ничего не ждала и ни на что не надѣялась. Наконецъ забывается она сномъ, но сонъ длится не долго. Вотъ она опять проснулась. Съ изумленіемъ глядитъ кругомъ себя: гдѣ она, что съ нею? Откуда взялась вмѣсто сырой и душной кельи эта теплая, спокойная комната? Откуда эта мягкая перина, это роскошное одѣяло? Куда исчезла старая скрипящая кровать съ грубой простынею, съ изношеннымъ одѣяломъ, которымъ она прикрывала свое коченѣющее тѣло? И долго ничего не можетъ понять царица, и вотъ наконецъ вспоминаетъ и все глядитъ кругомъ себя и не можетъ глазъ отвести отъ драгоцѣннаго рукомойника, на которомъ самоцвѣтные каменья блестятъ и переливаются отъ тихаго лампаднаго свѣта.

III.

Наконецъ въ февралѣ былъ торжественный въѣздъ Императора въ Москву. Петръ окончательно оправился отъ своей простуды. День былъ чудесный, солнечный, съ небольшимъ морозцемъ. Москва производила на юнаго Императора волшебное впечатлѣніе. Здѣсь ему все нравилось, но больше всего понравилась встрѣча, приготовленная ему жителями. Весь городъ высыпалъ на Тверскую улицу, всѣ колокола московскіе несмолкаемо гудѣли радостнымъ звономъ. Торжественный царскій поѣздъ медленно подвигался и Государь добродушно раскланивался на обѣ стороны. Путь былъ далекій, почти черезъ всю Москву, но до самой нѣмецкой слободы не рѣдѣли толпы народа, до самаго дворца не смолкали восторженные крики и гулъ колокольный. Духовенство въ богатомъ облаченіи выходило на встрѣчу Императору. Все это, вмѣстѣ съ яснымъ и солнечнымъ днемъ, подъ конецъ совсѣмъ растрогало Петра и онъ нѣсколько разъ долженъ былъ утирать слезы.

А бабушка все сидѣла въ своемъ монастырѣ и дожидалась, когда о ней вспомнитъ внучекъ. Внучекъ вспомнилъ въ тотъ же день и собрался навѣстить ее вмѣстѣ съ сестрой. Онъ попросилъ также ѣхать вмѣстѣ съ ними и цесаревну Елизавету.

— Мнѣ то зачѣмъ,—изумленно сказала она,—вѣдь я ей не родная. Ей будетъ только досадно, она не можетъ любить меня и конечно никогда не полюбитъ. Я только испорчу ея встрѣчу съ вами, разумѣется, я могу и должна къ ней съѣздить, но потомъ, одна.

— Нѣтъ, Лиза, пожалуйста поѣзжай съ нами, я знаю что дѣлаю, сказалъ Петръ.

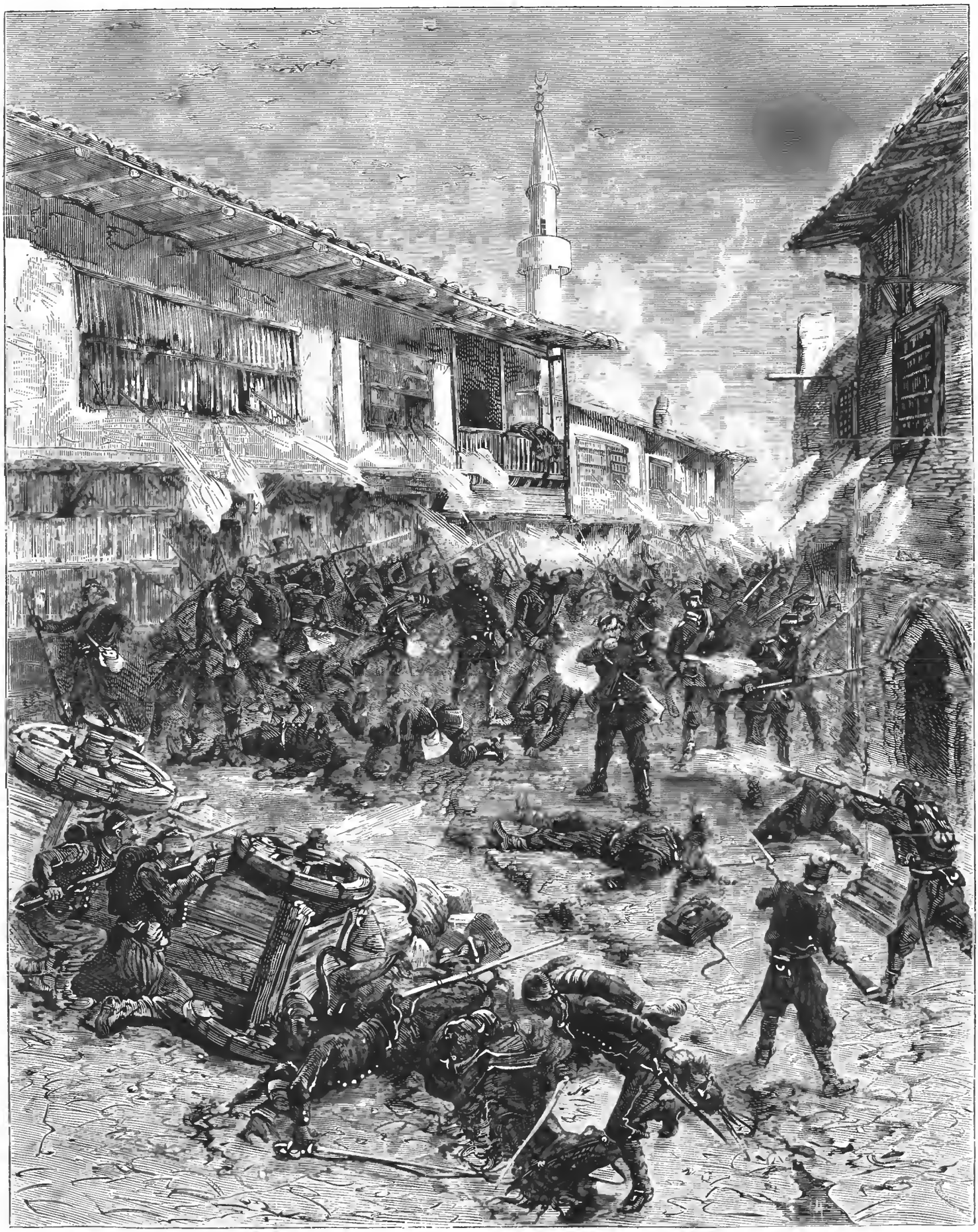
Къ его просьбѣ присоединилась великая княжна Наталья.

— Да зачѣмъ же, зачѣмъ, повторяла Елизавета.

— А затѣмъ,—отвѣтилъ юный Императоръ. — что я боюсь, да и Наташа тоже, этого свиданья съ бабушкой. Вѣдь мы ее не знаемъ, какая она Вотъ намъ такъ хорошо сегодня, такъ на душѣ радостно, а бабушка навѣрно станетъ плакать, жаловаться. Вонъ говорятъ, что она сердится, отчего до сихъ поръ съ ней не видались, зачѣмъ въ Петербургъ ее не выписали. Ну, а при тебѣ, Лиза, она остережется и все сойдетъ какъ слѣдуетъ.

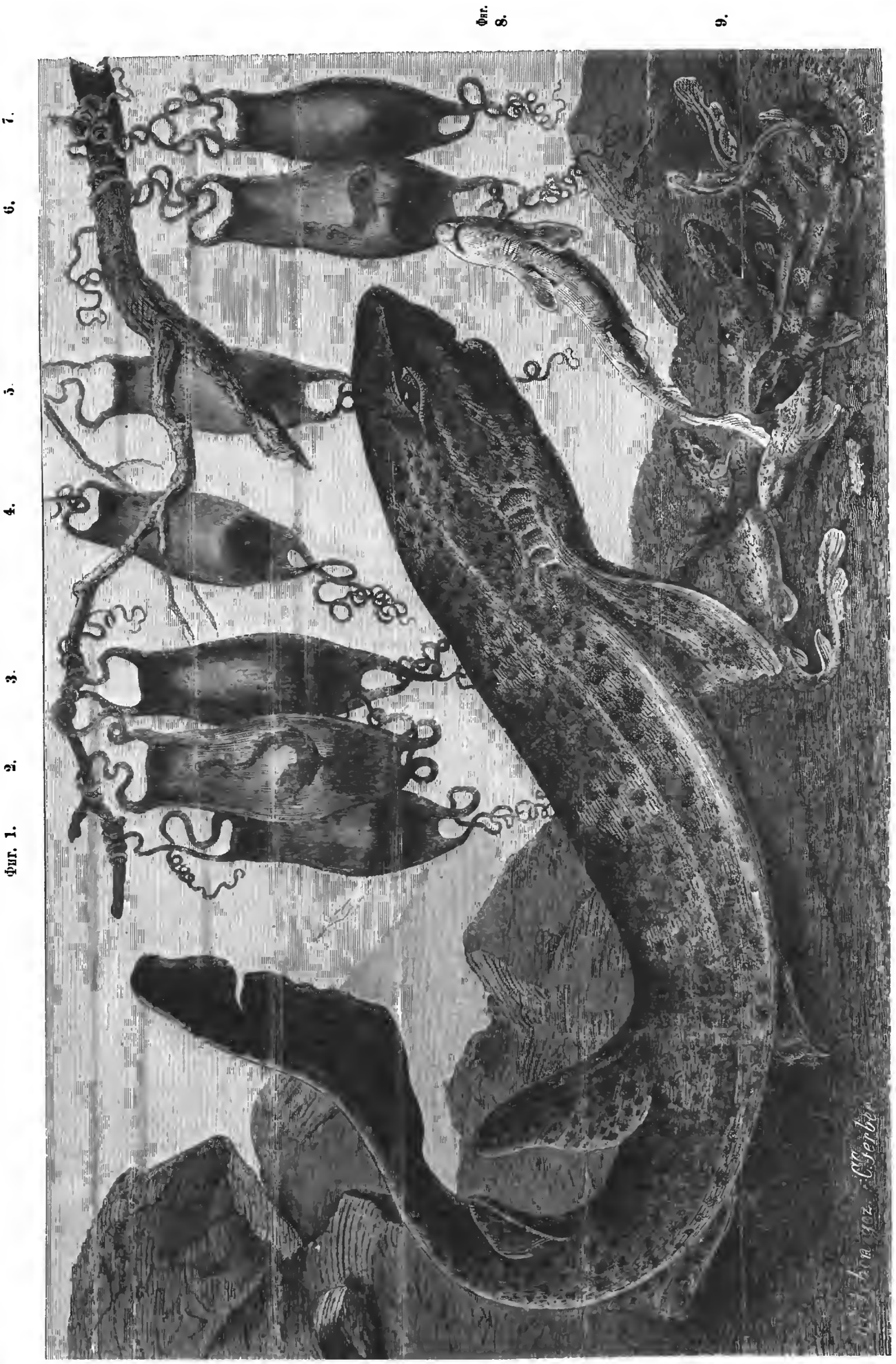
На это объясненіе цесаревна Елизавета не имѣла что возразить и они отправились всѣ вмѣстѣ.

Библиотека "Руниверс"



Первая аттака на Плевну 8 іюля 1877 г. По рисунку въ «Monde illustrée», грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Акула-кошка (Scyllium). Съ натуры рисовалъ К. Герберъ, грав. Ярмаркъ.

Библиотека "Руниверс"

Подъѣзжая къ Дѣвичьему монастырю, Петръ нахмурился больше и больше, ему становилось неловко. Еще сейчасъ все было такъ хорошо, такъ весело и радостно, еще сейчасъ онъ чувствовалъ себя свободнымъ, а тутъ снова какое-то стѣсненіе, точь въ точь какъ въ тотъ день, когда онъ ѣхалъ въ Ранбовъ навѣщать Меншикова. Скучная обязанность—необходимость приневоливать себя, притворяться обрадованнымъ свиданіемъ съ бабушкой, тогда какъ въ дѣйствительности ничего кромѣ тоски и скуки не сулитъ это свиданье: никакое воспоминанье, никакое чувство не связываетъ внука съ бабушкой. Тоже самое думала и испытывала цесаревна Наталья; но она обдумывала не только предстоящую минуту первой встрѣчи, а и послѣдующія отношенія, которыя должны возникнуть между ними и старой царевной. Она больше брата знала о прошломъ бабушки, она подробно распросила обо всемъ и ей все разсказали. Она помнила дѣда и любила его, отца не помнила и не любила, а тутъ ей еще и извѣстнымъ стало, что не будь бабушки, не было бы и гнѣва Петра Великаго на сына, не восталъ бы на родителя Алексѣй Петровичъ. Одна цесаревна Елисавета не чувствовала смущенія. Ничего общаго не могло быть у ней съ Евдокіей Ѳедоровной, она сторона, а если та и будетъ косо глядѣть на нее и возненавидитъ даже, такъ что же ей, какое дѣло. Государь проситъ ее присутствовать при ихъ свиданіи, она исполняетъ эту просьбу и ни къ чему себя не обязываетъ. Но вотъ къ монастырю подъѣхала огромная карета, остановилась у воротъ монастырскихъ. Цѣлый сонмъ мочахинь вышелъ встрѣчать Императора.

— Гдѣ же бабушка, ведите меня къ ней, громко сказалъ онъ. И ихъ повели. Они вошли въ маленькія сѣни. Императору стало еще неловче.

Царевны Наталья и Елисавета молча за нимъ слѣдуютъ. Вотъ передъ ними сухая старушка въ монашеской одеждѣ, вотъ она вскрикнула и обвила дрожащими руками шею Императора.

Бабушка,—говоритъ онъ,—какъ я радъ васъ видѣть.

— Золотой мой, Государь-батюшка, Петруша, ненаглядный, рыдаетъ надъ нимъ старушка. Голубчикъ, дай взглянуть на тебя, дай насмотрѣтся.

И она поднимаетъ къ себѣ его лицо, вглядывается въ него, но слезы застилаютъ ей глаза, она почти его не видитъ. Вотъ она креститъ его, шепчетъ молитву надъ нимъ и опять рыдаетъ, и опять прижимаетъ его къ своему сердцу, и опять цѣлуетъ. Съ каждой минутой ему все больше и больше становится непріятнѣе и тяжелѣе. Онъ не можетъ съ удовольствіемъ отвѣчать на ея ласки такими же ласками и поцѣлуями. Ему непріятно, что эта совсѣмъ чужая, какъ ему кажется, старушка такъ обнимаетъ его, ему непріятно чувствовать на своихъ щекахъ ея слезы; но дѣлать нечего, нужно притворяться—кругомъ видятъ—и онъ притворяется.

— Батюшка, золотой мой, думала, что умру не дождусь тебя, но слава Богу, слава Богу, дожила до такой радости. Голубчикъ мой, большой какой, какой красавецъ. Только говорили мнѣ, ты боленъ былъ, не бережешься. Охъ, боюсь я за тебя—молодъ.

И вдругъ она вспоминаетъ, что тутъ не одинъ онъ, что рядомъ съ нимъ должна быть внучка Наташа. И она отрывается отъ него и спѣшитъ къ ней, къ этой внучкѣ. И опять плачетъ, и опять обнимаетъ царевну.

— Наташенька, ангелъ мой, что же ты это такая блѣдненькая да худенькая, посмотри на меня, улыбнись старухѣ. Всякую ночь себѣ во снѣ представляла, только о васъ и думала, дѣточки вы мои ненаглядныя... А это кто же съ вами?

— Цесаревна Елисавета, отвѣтилъ Императоръ.

Евдокія Ѳедоровна пристально, проницательнымъ взглядомъ окинула Елисавету. Та почтительно поклонилась ей и улыбнулась своей прелестной улыбкой.

— Красавица, - прошептала старушка, — красавица, рада видѣть тебя матушка, много слышала о тебѣ, ну и не солгали люди, точно красавица. И старушка осматривала принцессу, оглядывая ее всю, начиная съ прически и кончая мельчайшими подробностями туалета. Этотъ пристальный осмотръ даже нѣсколько смутилъ Елисавету. Она сразу почувствовала что-то злое и враждебное во взглядѣ старой царицы, даже слово „красавица" та произнесла непріятнымъ, насмѣшливымъ тономъ.

Наконецъ Евдокія Ѳедоровна окончательно пришла въ себя и приказала всѣмъ выйти, оставить ее одну съ внучатами. Елисавета Петровна подвинулась было тоже къ дверямъ, но Петръ остановилъ ее.

— Лиза, останься съ нами, громко сказалъ онъ. Вѣдь она не можетъ намъ помѣшать,—обратился онъ къ бабушкѣ.—она своя родная и другъ нашъ.

Евдокія Ѳедоровна невольно поморщилась и не нашла что отвѣтить. Она уже ненавидѣла эту красавицу Елисавету, она ненавидѣла и за то, что она дочь Петра и Екатерины и за то, что ее привезли теперь съ собою очевидно для того, чтобъ помѣшать откровеннымъ изліяніямъ. Заныло вдругъ сердце старушки, она почувствовала слабость и едва дошла до кресла.

— Эхъ, стара я стала, дѣточки: ноги подкашиваются, голова кружится, а отъ радости и еще того пуще, прошептала она простирая руки къ Петру и Натальѣ.

Они подошли къ ней.

— Ну что-жь, ну чтожь,—думала про себя старушка,—ну что-жь, ну идите ко мнѣ ближе, опуститесь тутъ, по обѣимъ сторонамъ, на колѣни, дайте я обниму васъ обоихъ крѣпко, прижму къ себѣ, дайте разгляжу васъ, поговоримъ же по душѣ. Но она только объ этомъ думала, она только ждала этого и боялась что не дождется и точно, невольнаго душевнаго порыва не было во внучатахъ. Они подошли къ ней, но не опустились передъ ней на колѣни, не прижались къ ней. Вотъ Петръ пододвинулъ стулъ сестрѣ, потомъ себѣ и чинно усѣлись они по обѣимъ сторонамъ бабушки, да такъ, что она даже не могла достать ихъ руками. То смущеніе, которое чувствовалъ юный Императоръ съ сестрою, теперь передалось и Евдокіи Ѳедоровнѣ. Въ первую минуту встрѣчи она была такъ обрадована, она ничего не видѣла, не замѣчала, она только чувствовале возлѣ себя родныхъ, близкихъ, милыхъ дѣтей, но теперь ей ясно стало, что эти дѣти хоть родныя, но не близкія: принцесса Елисавета стояла между ними и невыносимо было ея присутствіе другой царицѣ. Такъ много хотѣлось сказать, а вотъ языкъ не повертывается. Развѣ можно такъ говорить, нужно было говорить по душѣ, наединѣ со своими кровными, а тутъ, эта чужая ненавистная красасица. Ну, да чего же еще отчаяваться, ободряла себя царица, знамо дѣло сразу трудно, чтобы все устроилось. Вѣдь и то правда, откуда имъ было полюбить меня, пусть поосмотрятся и увидятъ, что бабушка точно любитъ и добра желаетъ, ну и сами, авось Богъ, полюбятъ, вѣдь молоды оба, дѣти, самимъ не ловко, понятное дѣло. И чего мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть на эту писанную красавицу и ее смущаться, если сидитъ здѣсь, ну и пусть сидитъ, а я о ней забуду и думать. И царица поспѣшно отерла свои слезы, глаза ея снова блеснули и она ласково переводила ихъ отъ Петра къ Наталѣи.

— Дѣточки мои, что же вы меня какъ будто дичитесь, тихо вкрадчивымъ голосомъ заговорила она, подвиньтесь ко мнѣ поближе, чтобы я могла хорошенько разглядѣть васъ, вѣдь вотъ глаза стары, почти ничего не вижу. Юный Императоръ и Наташа подвинулись, а бабушка взяла ихъ руки и крѣпко держала.

— Ахъ, Петенька,—говорила она, не съумѣю я и и отблагодарить Господа Бога за ту радость, которую

Библиотека "Руниверс"

онъ послалъ мнѣ. что васъ я наконецъ вижу. И никогда, кажется, такого свѣтлаго дня не было въ моей жизни. Ну, да не стану я говорить о моей жизни, будетъ еще время, успѣемъ. Теперь все, все дурное и темное позабыла, одну радость чувствую. Вотъ, Петруша, Государь мой, объ одномъ тебѣ теперь моя дума. Молодъ ты, всего тебѣ 12 годочковъ, а ужь Господь тебя государемъ надъ землей русской поставилъ, такъ непрестанно ты долженъ помышлять объ этомъ, чай знаешь, вѣдь много мучили, чай знаешь: „кому много дано, съ того много и спросится". Береги себя Петруша да и ты, моя золотая Наташенька, береги его, ты старше, ты должна быть благоразумнѣе.

И юный Императоръ и царевна упорно молчали.

„Такъ я и зналъ, что начнутся эти разговоры, вотъ и весь день испорченъ. Что-жь она думаетъ, что тамъ не наслушался всего этого—до тошноты наслушался: все малъ да малъ, когда наконецъ избавлюсь отъ нянюшекъ". И онъ хмурилъ свои густыя брови и неглядѣлъ на бабушку. Великая княжна Наталья была тоже недовольна: „Все это правда, что говоритъ бабушка, все это истинно, только зачѣмъ она сразу стала говорить это, видно изъ ума старушка выжила. Потерпѣла бы, можетъ быть Петруша и полюбилъ бы ее, еслибъ иначе говорила, ну а потомъ и совѣтывать, и учить добру успѣла бы. А теперь только испортила себѣ—такъ я и знала, что это будетъ!

А между тѣмъ Евдокія Ѳедоровна начала говорить —ей такъ хотѣлось все высказать и сжимая имъ руки и нѣжно глядя на нихъ, продолжала

— Такъ-то Петрушенька, такъ-то золотой мой, не сердись ты на старую бабку, добра она тебѣ хочетъ, и о томъ подумай опять, что одна я у васъ, одна на всемъ свѣтѣ: кто о васъ кромѣ меня подумаетъ. Долго жила я, всего навидѣлась, людей понимаю, оттого и говорю, что одни вы на всемъ свѣтѣ, мои бѣдныя сиротки. Вотъ узнала я, что совсѣмъ не бережешь себя, все на охотахъ да на забавахъ разныхъ, не хорошо это, мой голубчикъ. И здоровье свое испортишь, да и отъ дѣла отъучишься.

„Эхъ, совсѣмъ все испортила бабушка, досадливо подумала царевна Наталья. Принцесса Елисавета дѣлала видъ, будто ничего не слышитъ, а можетъ и дѣйствительно не слышала. Ей просто было скучно и она разглядывала все, что было вокругъ нея въ комнатѣ. Но юный Императоръ слушалъ ужь очень внимательно. Онъ ужь раздражился, покраснѣлъ, губы его нервно дрогнули.

— Давно я это слышу, бабушка,—вдругъ сказалъ онъ,—давно слышу, что и дурной я, и лѣнивый, и только о забавахъ думаю. Вонъ, князь Меншиковъ то и дѣло повторялъ мнѣ это.

Старушка поняла, что зашла слишкомъ далеко.

— Ахъ, мой золотой, не говори ты мнѣ о Меншиковѣ—встрепенулась она,—и какъ тебѣ не грѣхъ приравнять меня къ нему. И чтобы поправить дѣло, она ужь не знала, что и сказать внуку.—Хоть бы ты женился Петруша, все бы оно лучше было.

— Ну вотъ, а сестра и тетушка Лиза говорятъ, что мнѣ не слѣдъ и думать о женитьбѣ, отозвался Императоръ. Вотъ видите,—обратился онъ къ царевнамъ,—вотъ и бабушка говоритъ, что лучше мнѣ жениться.

— Да что-жь, ужь конечно,—шептала Евдокія Ѳедоровна,—конечно лучше по закону, да и жена можетъ попадется путная, такъ отъ всего дурного отъучить можетъ. Ну, здѣсь нѣтъ невѣстъ подходящихъ, такъ въ чужихъ странахъ какая-нибудь принцесса подойдетъ, только не выбирай красавицу писанную, будетъ она думать о красотѣ свой да о нарядахъ. И въ это время царица бросила невольный и злобный взглядъ на Елисавету. Та просто и откровенно улыбнулась ей. Однако пора было окончить это свиданіе. Петръ заторопился. Бабушка произвела на него, какъ онъ и ожидалъ, дурное впечатлѣніе. Царевны тоже не были ею особенно довольны. Она еще стала удерживать внучатъ, говорила, что еще не успѣла на нихъ наглядѣтся, упрашивала ихъ почаще видѣтся съ нею. Сказала, что не смотря на старые свои годы и немощь, сама будетъ къ нимъ ѣздить.

— Нѣтъ, бабушка, вы ужь не безпокойтесь, мы васъ будемъ навѣщать, а вы не ѣздите, не тревожьте себя, сказалъ Петръ на прощанье. А я, бабушка, завтра же распоряжусь, чтобы было у васъ всякое довольство. И юный императоръ уѣхалъ.

Старушка осталась снова одна и весь вечеръ грустно вздыхала, а ночью опять грезились ей страшные призраки.

Юный Императоръ поспѣшилъ исполнить свое обѣщанье. 9-го февраля онъ явился въ верховный тайный совѣтъ и прямо, даже не садясь на свое мѣсто объявилъ, что изъ почтенія и любви къ государынѣ, бабушкѣ своей, желаетъ, чтобы Ея Величество по своему высокому достоинству были содержаны во всякомъ довольствѣ, и что пускай члены совѣта учинятъ надлежащее опредѣленіе и донесутъ ему скорѣй. Такимъ образомъ рѣшено было назначить слѣдующій штатъ для царицы: ей опредѣлялось по шестидесяти тысячъ рублей въ годъ и волость въ двѣ тысячи дворовъ. Князь Василій Лукичъ Долгорукій и Дмитрій Михайловичъ Голицынъ были посланы къ ней донести объ этомъ. Къ тому же Императоръ приказалъ имъ сказать царицѣ, что если и сверхъ всего этого изволитъ чего потребовать, то онъ, Императоръ, по особой своей къ ней любви и почтенію, не преминетъ исполнить всякое ея требованіе.

IV.

7-го марта была торжественно отпразднована коронація Императора. За нѣсколько дней передъ этимъ торжествомъ Петръ ѣздилъ въ Сергіевскую лавру говѣть и молиться. Коронація праздновалась въ теченіи нѣсколькихъ дней, да и потомъ вплоть до Великаго поста шли балы за балами. Императоръ забылъ и думать о бабушкѣ, сначала онъ еще считалъ своимъ долгомъ приготовить ей помѣщеніе во дворцѣ, но затѣмъ отмѣнилъ это рѣшеніе. Она осталась въ Дѣвичьемъ монастырѣ и всего разъ только пріѣзжала къ внуку. Опять при этомъ свиданіи присутствовала Елисавета и старушка вернулась къ себѣ убѣжденная, что дѣла ея плохи и что во всякомъ случаѣ нужно повременить, ожидать что будетъ, но покуда трудно было рѣшить о близкомъ будущемъ, покуда всѣ только веселились. Государь началъ съ милостей своимъ приближеннымъ: Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ были назначены членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, а Иванъ Алексѣевичъ—оберъ камергеромъ.

Баронъ Андрей Ивановичъ по прежнему пользовался неограниченнымъ довѣріемъ юнаго Императора, по прежнему велъ таинственныя и никому неизвѣстныя интриги. Теперь онъ казался въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Долгорукими и въ тоже время старался сблизить Петра съ Бутурлинымъ, дабы ослабить вліяніе фаворита. Императоръ поддавался Остерману, онъ пересталъ ревновать Бутурлина къ Елисаветѣ и снова великая княжна Наталья съ ужасомъ замѣтила, что онъ окончательно помирился съ красавицей теткой. Замѣчала она и еще одно, что приводило ее въ большое смущенье: Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій совершенно открыто и не стѣсняясь началъ ухаживать за Елисаветой. Онъ пользовался всякимъ случаемъ танцовать и говорить съ нею и кончилъ тѣмъ, что не смущаясь толковалъ ей о своихъ чувствахъ, о необычайномъ всемогуществѣ красоты ея. Елисавета сначала возмутилась этимъ, но подъ конецъ стала спокойно принимать

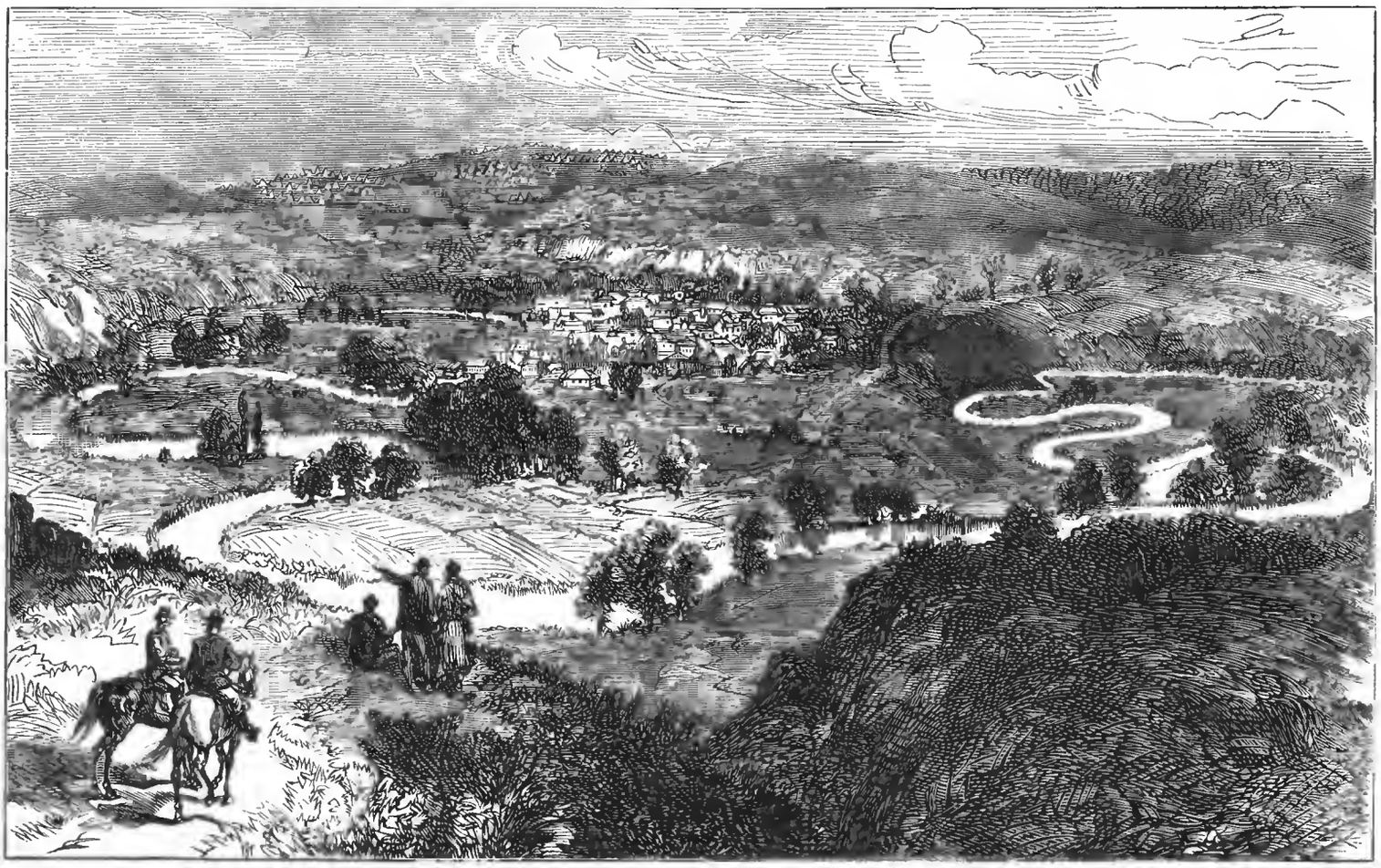
Библиотека "Руниверс"

его ухаживанье. Она разсудила, что фаворитъ этимъ можетъ только погубить себя, а противъ его гибели она ровно ничего не имѣла—ужь черезъ чуръ зазнался Долгорукій, совсѣмъ овладѣлъ Императоромъ. Во дворцѣ былъ большой балъ. Никогда еще не видѣли московскіе жители ничего подобнаго, да и для петербургскихъ вельможъ все это было новинка. Въ царствованіе Великаго Императора они не привыкли къ подобной роскоши. Петръ гналъ всякій блескъ На его ассамблеяхъ была простота. Главное заключалось въ весельѣ, а большихъ тратъ не допускалъ Императоръ; бывало онъ появлялся въ своемъ старомъ поношенномъ платьѣ, въ штопаныхъ чулкахъ и требовалъ, чтобы никто не носилъ дорогого платья, чтобы съ него примѣръ брали; даже обыкновенно преслѣдовалъ молодыхъ модниковъ, вернувшихся изъ-за заграницы, смѣялся надъ ними, дразнилъ ихъ, а иногда даже и наказывалъ. Теперь же было совсѣмъ не то, теперь каждый хотѣлъ перещеголять другого богатымъ костюмомъ; женщины сіяли драгоцѣнными каменьями, удивительными заграничными кружевами, появилось много яствъ и питей новыхъ, вывезенныхъ изъ-за границы. Иностранные резиденты отписывали къ своимъ дворамъ, что во всей Европѣ нѣтъ такой роскоши, какая завелась при дворѣ московскомъ. Въ числѣ присутствующихъ на балѣ находилась между прочимъ и герцогиня Курляндская Анна Іоанновна, приглашенная на коронацію. Мало кто обращалъ на нее вниманіе, никого не интересовала эта некрасивая и не имѣвшая никакого вліянія принцесса, даже и Петръ и царевны не считали нужнымъ быть особенно любезными съ нею. Очень скучная бродила она по комнатамъ и помышляла о томъ, что несравненно лучше ей у себя дома, гдѣ она госпожа, гдѣ почтительно къ ней относятся, гдѣ она на первомъ планѣ и затмѣваетъ всѣхъ если не красотой, такъ величіемъ своимъ и значеніемъ. Теперь же она не могла спорить даже съ послѣдней фрейлиной—вонъ какъ всѣ онѣ красивы, какъ всѣ разодѣты, какими важными кажутся, а она и одѣться по модному не умѣетъ, да и какой нарядъ пойдетъ къ ней: росту она огромнаго, сложеніе почти мужское, лицо смуглое, носъ большой, взглядъ угрюмый. Одному только человѣку и мила она здѣсь, да и того съ собой привезла она изъ Курляндіи. Человѣкъ этотъ Эрнстъ-Иванъ Биронъ, сынъ простого служителя герцоговъ Курляндскихъ, но для нея онъ дороже всѣхъ принцевъ и королей, только съ нимъ и отводитъ она душу, ему передаетъ свои впечатлѣнія, свои замѣчанія, жалуется на свои обиды.

— Потерпите,—шепчетъ ей Биронъ,—все перемѣнится. До сихъ поръ у насъ друзей тутъ не было, а теперь друзья найдутся, я ужь кой кого напримѣтилъ, кое съ кѣмъ переговорилъ и даже сблизился, обласканъ Левенвольдомъ, ну, а онъ человѣкъ сильный и насъ не оставитъ—не даромъ сюда пріѣхали.

И уходитъ отъ него спѣшно герцогиня и снова бродитъ по комнатамъ, производя на всѣхъ непріятное впечатлѣніе своей сумрачной, некрасивой наружностью, и конечно ни она, ни другъ ея Биронъ, устраивая свои маленькія дѣла и заручаясь покровительствомъ какого-нибудь Левенвольда, и во снѣ не грезятъ о томъ, что скоро, очень скоро, вернутся они опять въ эти залы и бѣдная позабытая герцогиня будетъ величаться государыней императрицей Анной Іоанновной, а самъ онъ, Эрнстъ Биронъ, сдѣлается герцогомъ Курляндскимъ и всемогущественнымъ властелиномъ Россіи.

Но какъ ни грустна и не печальна Анна Ивановна,



Долина рѣки Кара-Лома въ Болгаріи. Съ наброска К., грав. Крыжановскій.

Библиотека "Руниверс"

Мокколли. (Сцена во время Римскаго карнавала). Картина Канинка, грав. Панемакеръ сынъ.

Библиотека "Руниверс"

а еще грустнѣе и печальнѣе ее великая княжна Наталья. Успокоилась она было, видя разрывъ брата съ цесаревной Елисаветой, а теперь таже кручина, просто тошно глядѣть ей на нихъ; вотъ онъ даже обижать ее сталъ—долженъ былъ начать балъ съ нею, а началъ съ Елисаветой, даже и передъ придворными и иностранными министрами неприлично и обидно. И скрылась съ бала царевна Наталья, ушла въ свои апартаменты. Поплакала она сначала, да потомъ и успокоилась, благо нашла себѣ возможность успокоиваться теперь въ грустныя минуты. Въ чемъ же эта возможность, что свѣтлое мелькнуло передъ слабенькой, больной царевной? Одинъ человѣкъ долго говорилъ съ нею, человѣкъ этотъ испанскій посланникъ герцогъ де-Лиріе. Не самъ по себѣ онъ ей интересенъ, а интересны его рѣчи. Вотъ ужь не въ первый разъ таинственно заговариваетъ онъ съ нею, а онъ умѣетъ такъ ловко, такъ мило вести разговоры. Сначала все описывалъ онъ ей свою страну—прекрасную Испанію, а потомъ ужь не замѣтила сама она какъ это случилось, а вдругъ сталъ онъ разсказывать ей про молодого испанскаго инфанта Карлоса, про то, что инфантъ ужасно заинтересованъ ею, заочно въ восторгѣ отъ нея, по письмамъ его, герцога Лиріе, и кончилъ испанскій посланникъ тѣмъ, что шепнулъ великой княжнѣ о томъ, что хорошо бы было ей выйти замужъ за инфанта Карлоса. Что-жь тутъ такого, ужь не въ первый разъ толкуютъ о ея будущемъ и предлагаютъ ей жениховъ то того, то другого; но никто еще не говорилъ съ нею, какъ испанскій герцогъ, никто еще никогда не съумѣлъ такъ заинтересовать ее, такъ очаровать своими разсказами. Послѣ перваго разговора царевна всю ночь видѣла во снѣ невѣдомую волшебную страну и невѣдомаго волшебнаго принца. Никогда еще не случалось съ ней этого, никогда она не думала ни о какихъ принцахъ, а вотъ теперь думаетъ и самой ей смѣшно, а все же отъ думъ своихъ отдѣлаться не можетъ. Каждый разъ встрѣчаясь съ Лиріе, ей хочется, чтобы онъ снова заговорилъ объ инфантѣ, и каждый разъ онъ умѣетъ найти случай и сказать ожидаемое слово. Ну, а сегодня что-жь —сегодня онъ даже далъ ей, да такъ что никто этого не видѣлъ, миніатюрный портретъ Донъ-Карлоса, только что высланный ему изъ Испаніи. Царевна не хотѣла взять этого портрета, хотѣла снова отдать герцогу, да какъ-то такъ случилось, что не отдала, а взяла его съ собою и вотъ онъ теперь у нея въ карманѣ. Она одна у себя, никто ее не видитъ; вотъ тихонько вынула изъ кармана маленькій портретикъ и стала его разглядывать. Какой красавецъ, никогда, никогда она такого не видала. Онъ снился ей, этотъ Донъ-Карлосъ, но и во снѣ былъ хуже чѣмъ на самомъ дѣлѣ. „Что-жь это я такія глупости дѣлаю, такое думаю,—краснѣя говорила себѣ царевна, а мысли не проходятъ. Въ этихъ мысляхъ забываетъ она свое горе и свое одиночество и все, что смущаетъ ее. Забываетъ она и свою слабость и мучительную боль въ груди, которая вотъ опять стала возвращаться чаще и чаще.

(Продолженіе будетъ).

Акула-кошка (Scyllium)*).

Обширный отдѣлъ рыбъ хрящистыхъ (cartilages), характеризующійся неподвижностью жабръ, содержитъ въ себѣ *два* главныхъ подраздѣленія, названныхъ Кювье Sélaciens и Cyclostomes. Sélaciens, весьма видоизмѣняясь въ своей внѣшней формѣ, имѣютъ однако общимъ признакомъ число и расположеніе плавниковъ и 5 жаберныхъ отверстій, имѣющихъ форму щелей, расположенныхъ по сторонамъ шеи или на нижней ея сторонѣ, ротъ, усаженный многими рядами острыхъ, клинообразныхъ зубовъ и короткій кишечный каналъ. Затѣмъ, нѣкоторыя породы ихъ—*живородящія*, т. е. производящія живыхъ дѣтенышей, а другія мечутъ яица, одѣтыя твердой роговой оболочкой, которая лопается послѣ окончательнаго развитія дѣтеныша.

Вотъ къ этому-то разряду Sélaciens, несущихъ кожистыя яица или капсулы, принадлежитъ и изображенная на прилагаемомъ нами рисункѣ маленькая или *кошачья акула* (Scyllium), составляющая въ настоящее время интересную принадлежность акваріумовъ Берлина и Гамбурга и нѣкоторыхъ акваріумовъ Франціи. Интересъ наблюденія надъ акваріумомъ, въ которомъ находится эта миніатюрная акула, обусловливается процессомъ развитія ея яицъ, въ которыхъ наблюдатель акваріума можетъ прослѣдить всѣ стадіи развитія зародыша.

На нашемъ рисункѣ изображено 7 такихъ яицъ-мѣшечковъ или капсулъ, прицѣпившихся къ древесной вѣткѣ. Капсулы эти снабжены кожистымъ покровомъ и имѣютъ форму сплющенной подушки, длиною 7,2, а шириною 1,8 сантиметровъ; на одномъ изъ поперечныхъ краевъ мѣшечекъ сильно вогнутъ внутрь. На каждомъ изъ четырехъ угловъ мѣшечка находится спирально извивающаяся нить, длиною болѣе 29 сантиметровъ. При помощи этихъ-то спиральныхъ нитей мѣшечки и прицѣпляются къ твердымъ тѣламъ. Время для выводки молодыхъ рыбокъ довольно велико и продолжается, по наблюденіямъ французскаго натуралиста Косте, не менѣе 9-ти мѣсяцевъ. Упомянутый ученый устроилъ въ приморскомъ городѣ Конкарно (въ департаментѣ Финистерра, на югѣ Франціи) грандіозныхъ размѣровъ акваріумъ, занимавшій въ морѣ квадратную площадь въ 1,800 метровъ. Въ апрѣлѣ 1866 г. онъ положилъ въ акваріумъ яица кошачьей акулы, а въ декабрѣ того же года изъ нихъ уже развились маленькія животныя. Точно также удачно развились и выросли эти животныя и въ акваріумахъ Берлина и Гамбурга, и представили для посѣтителей весьма интересное зрѣлище. Желающій можетъ прослѣдить здѣсь всѣ стадіи развитія маленькихъ акулъ.

Обратимся къ рисунку. Фигуры 2-я и 6-я представляютъ маленькое животное, заключенное въ своемъ мѣшечкѣ и безпрестанно и быстро движущееся. Положеніе животнаго въ этихъ двухъ фигурахъ наклонное, относительно вертикальной оси мѣшечка. Но затѣмъ мало по малу, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія, животное измѣняетъ свое положеніе и принимаетъ направленіе по длинѣ мѣшечка, и такъ какъ послѣдній для него становится тѣсенъ, то оно изгибается. Маленькое животное прикрѣплено канатикомъ ко дну мѣшечка; на этомъ днѣ находится сгущенная протоплазма или бѣлокъ, служащій для питанія зародыша. На нашемъ рисункѣ эта сгустившаяся на днѣ всѣхъ семи мѣшечковъ протоплазма обозначена темными большими пятнами на нижнемъ вонцѣ каждаго мѣшечка. Протоплазма сгущена на нижнемъ краю мѣшечка по простому закону тяжести. Въ первое время развитія животнаго, бѣлокъ бываетъ весьма жидокъ и канатика, связывающаго животнаго съ запасомъ бѣлка, не существуетъ; но затѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія, бѣлокъ все болѣе и болѣе густѣетъ, является и канатикъ, служащій проводникомъ пищи для зародыша,—и существуетъ до полнаго развитія послѣдняго. Измѣненія, какія претерпѣваетъ зародышъ во весь *9-ти мѣсячный* періодъ жизни въ мѣшечкѣ, теперь извѣстны въ подробности, благодаря возможности наблюденія въ акваріумахъ. Въ *первые 6 мѣсяцевъ* у животнаго постепенно выростаютъ зачатки жабръ (и выростаніе это сходно съ развитіемъ дыхательныхъ органовъ у головастика лягушки), появляются жаберныя отверстія и сравнительно большой головной и спинной мозгъ; еще ранѣе становятся замѣтны глаза, страшно выступающіе впередъ, что весьма характеристично для хищнической породы акулъ.

Фигуры 1-я, 3-я и 7-я представляютъ мѣшечки послѣ періода *пятинедѣльнаго* развитія, фигуры же 4-я и 5-я послѣ періода развитія *7—8 недѣльнаго*. Фигура 6-я представляетъ уже *трехмѣсячный* зародышъ, соединенный канатикомъ съ протоплазмой, а 2-я фигура представляетъ тотъ же зародышъ на *пятомъ мѣсяцѣ*. Въ этотъ періодъ у маленькаго животнаго, помѣщенный между грудными плавниками, грушеобразный удлиненный мѣшечекъ или канатикъ развивается болѣе и содержитъ внутри еще мѣшечекъ съ желткомъ. Съ *6-го мѣсяца* животное уже получаетъ полное развитіе и производитъ быстрыя, какъ бы нетерпѣливыя движенія въ своемъ маленькомъ жилищѣ, но все таки продолжаетъ жить въ немъ, и оставляетъ его только по истеченіи 9-го мѣсяца. При наступленіи этого въ мѣшечкѣ дѣлается щелеобразное отверстіе, изъ котораго выходитъ вполнѣ развившееся животное. Фигура 8-я рисунка представляетъ животное, уже освободившееся отъ оболочки. Изъ рисунка видно, что отверстіе рта находится у этой рыбки на нижней части головы и образуетъ косую дугообразную щель, развѣвающуюся въ широкую пасть, слишкомъ большую относительно размѣровъ тѣла и весьма характеристичную для всѣхъ породъ акулъ, большихъ и малыхъ. У большихъ породъ акулъ пасть эта достигаетъ страшныхъ размѣровъ. Любопытно, что собственно настоящая морская акула называется по французъ-

*) Названіе это заимствовано отъ круглой формы черепа этого животнаго, напоминающей черепъ кошки.

Библиотека "Руниверс"

ски Requin, каковое названіе произошло отъ слова Requiem—панихида, потому что по повѣрью моряковъ, встрѣча съ акулой предвѣщаетъ смерть (и нужно уже заранѣе *„служить панихиду“*) и приводитъ въ трепетъ самыхъ безстрашныхъ моряковъ, которымъ приходится встрѣчаться съ этими морскими хищниками. Косая линія рта породъ акулъ была причиной, что всѣ онѣ названы были естествоиспытателями Animolia plagiostoma (т. е. животныя косоротыя, отъ греческихъ словъ plagios—косой и stoma—ротъ). Вышедшіе изъ яицъ дѣтеныши имѣютъ цвѣтъ кожи или свѣтлобурый, или бѣлый, испещренный маленькими бѣлыми пятнами (см. на рисункѣ фиг. 9). Голова ихъ въ это время бываетъ особенно коротка и толста, представляя почти полушаровидную форму, зубы тонки и остры, очень большіе глаза. Питаются они маленькими червячками.

Что касается величины и фигуры взрослой акулы-кошки, то продолговатое овальное тѣло ея простирается до 0,86—1,15 метр. въ длину. Кожа ея тверда и груба и усажена костистыми тѣльцами. Голова кругла, морда округлена и въ нижней ея части въ желобовидномъ углубленіи два отверстія. Внутренность рта окрашена въ ярко-красный цвѣтъ и усажена нѣсколькими рядами зубовъ; языкъ толстый, мясистый. Глаза большіе, блестящіе, темнаго цвѣта. Позади головы, по обѣимъ сторонамъ, находится по пяти круглыхъ жаберныхъ отверстій. Позади глазъ находятся 2 отверстія для удаленія воды. Спинныхъ плавниковъ 2, изъ коихъ первый большой, имѣющій форму крыла, какъ видно на рисункѣ. Грудныхъ плавниковъ, имѣющихъ ромбоидальную форму, тоже 2; затѣмъ на задней части брюха находятся еще 2 малые брюшные плавника (фиг. 8). У самца на брюшныхъ плавникахъ всегда находятся кожистые придатки, содержащіе много хрящеобразныхъ тѣлъ. Это очевидно оставшіеся слѣды заднихъ ногъ, которыми животное когда то цѣплялось за посторонніе предметы. Хвостъ у самца и самки длинный, мясистый, къ концу заостренный, снабженный большимъ хвостовымъ плавникомъ. Цвѣтъ кожи обыкновенно темнобурый, на бокахъ свѣтлый, а на брюхѣ свѣтложелтый.

Нервная система этихъ животныхъ весьма развита, что свидѣтельствуетъ о ихъ смышлености. Зрѣніе у нихъ чрезвычайно острое и весьма тонкое обоняніе. Зрительные нервы соединены. Сердце состоитъ изъ цѣлаго ряда клапановъ, весьма энергически прогоняющихъ кровь въ сосуды. Пасть, пищеводъ и желудокъ весьма широки, но кишечный каналъ коротокъ, какъ и вообще у всѣхъ акулъ. Водится акула-кошка въ моряхъ, между скалами, на которыя и вѣшаетъ свои мѣшкообразныя яица. Питается рыбами и другими морскими животными, а часто пожираетъ и своихъ дѣтенышей.

М. Др.

Къ рисункамъ.

Подъ Плевной

Первая аттака русскихъ войскъ на Плевну, 8-го іюля с. г., какъ извѣстно, была неудачна, не смотря на то, что войска уже были въ самомъ городѣ и оказали необыкновенное мужество и храбрость въ сраженіи съ непріятелемъ. Рисунокъ представляетъ ходъ боя на улицахъ города, когда на наши войска сыпались пули изъ каждаго окна и изъ за каждаго угла.

Читатели наши уже знаютъ изъ политическихъ и военныхъ извѣстій „Нивы“ о томъ, что происходило подъ Плевной вслѣдъ за этой неудачной аттакой, и о томъ, въ какомъ тамъ положеніи находятся теперь наши военныя дѣла. Кромѣ этого рисунка, представляющаго ходъ боя въ центрѣ города, помѣщаемъ еще рисунокъ, изображающій кавалерійскую схватку съ турецкими черкесами во время рекогносцировки все подъ тою-же Плевной. Рекогносцировокъ и схватокъ съ турецкими войсками, какъ и самыхъ аттакъ на Плевну было до настоящаго времени уже весьма много; но все еще дѣло подъ Плевною не окончено и затягивается день за днемъ, недѣля за недѣлею. Необходимо, однакоже разсказать читателямъ, что такое представляетъ собою Плевна.

Плевна или Плоавна есть одинъ изъ наиболѣе лабиринтообразныхъ городовъ въ свѣтѣ. Стоитъ онъ въ низменности, называемой долиною рѣки Вида. Въ немъ есть мечеть, большая христіанская церковь, тюрьма и такъ называемый ханъ, нѣчто въ родѣ нашего присутственнаго мѣста. Самъ по себѣ городъ этотъ до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго значенія, и если-бы онъ мѣсяца три тому назадъ провалился сквозь землю, то это необратило-бы на него болѣе вниманія сколько обращается на каждое землетрясеніе и провалъ земли. Словомъ Плевна до сихъ поръ ничего не значила ровно. Но обстоятельства послѣдняго времени дали этому мѣсту иную роль. Роль эта получилась вслѣдствіе именно того, что Плевна стоитъ въ низменности, окруженной тремя кряжами горъ, представляющими треугольникъ, вслѣдствіе чего она и была избрана турками для самозащиты.

Въ дѣйствительности она могла представлять лишь очень незначительныя выгоды для безпечнаго защитника. Еслибъ ее занималъ вялый человѣкъ, онъ не извлекъ бы никакой пользы изъ расположенія мѣстности. Но въ рукахъ Османъ-паши она внезапно превратилась въ одну изъ сильнѣйшихъ позицій, какую только можно гдѣ либо найти. Тотчасъ по прибытіи въ Плевну Османъ съ большимъ искусствомъ выбралъ выдающіеся пункты позиціи и построилъ тамъ редуты. Фортъ за фортомъ воздвигался тамъ и снабжался людьми: если какой нибудь пунктъ командовалъ надъ редутомъ, то онъ также укрѣплялся и вооружался.

Не находя возможнымъ утомлять вниманіе читателя подробностями о ходѣ битвъ подъ Плевною тѣмъ болѣе, что онѣ до сихъ поръ еще не привели дѣло къ желанному результату, передаемъ здѣсь разсказъ участника одной изъ битвъ подъ этимъ упорно отстаиваемымъ турками мѣстомъ. Онъ передаетъ впечатлѣнія, испытанныя имъ при отступленіи нашихъ войскъ.

„Ну, думаю, нечего дѣлать, надо уходить. Смекаю только, что надо выбрать мѣсто гдѣ идти, что бы, проклятый, какъ нибудь въ спину не угодилъ. Оглядываюсь направо, на лѣво,—и-и-и! нашихъ никого уже и нѣтъ: кто лежитъ убитый, кто раненый ползетъ, другіе отошли далеко къ лѣвому флангу. Вотъ я ползу и наровлю попасть въ кукурузу: тамъ, думаю, турки не увидятъ меня. Засѣлъ я въ ней и ищу воду—а въ кукурузѣ-то страсть что такое: пули такъ и визжатъ, хуже чѣмъ въ полѣ. Нѣтъ, думаю, шалишь, тутъ совсѣмъ скверно, и вылѣзъ опять въ поле, да такъ вспаханной бороздочкой ничкомъ и ползу. Кое гдѣ приподнимусь, пробѣгу маленько, да опять ничкомъ. Дошелъ я такимъ манеромъ до кустовъ. Тутъ ужь немного легче стало: пули хотя и попадались да рѣже, только надъ головой картечь да гранаты летѣли. Вотъ, думаю, отлично: этимъ мѣстомъ я и буду идти. Прошелъ я немного, — вдругъ мнѣ на встрѣчу полетѣли пули. Что за чертъ! и сзади стрѣляютъ и спереди стрѣляютъ! Это я попалъ на наши выстрѣлы! Кричать—пользы мало, а умереть отъ своей русской пули больно ужь было бы обидно, идти же—тоже не знаю куда... Выбралъ я маленькую этакую ямочку и легъ въ нее: думаю себѣ, тутъ хоть пули не задѣнутъ, развѣ на излетѣ какая. Лежалъ я добрыхъ полчаса, наконецъ вижу стрѣльба ружейная утихла, только гранаты по верху летаютъ. Ну, тогда я всталъ и снова побѣжалъ на угадъ. На этотъ разъ къ счастію добрался“.

Разскажемъ еще нѣсколько сценъ изъ послѣднихъ неудавшихся аттакъ на Плевну 29 и 30 августа. Въ понедѣльникъ утромъ 29 августа со всѣхъ нашихъ баттарей продолжалась усиленная бомбардировка Плевны: около 300 нашихъ, до 60 румынскихъ и до 200 турецкихъ орудій—одновременно ревѣло и сотрясало воздухъ на далекое пространство. На ловецкомъ шоссе представлялась, при самой мрачной обстановкѣ, грустная картина: лазаретныя фуры, носилки, санитары, масса раненыхъ возвращающихся и приносимыхъ съ поля битвы, все это въ крови; съ носилокъ часто раздаются стоны. Дѣйствительно, ужасная картина! Но къ чему не привыкаетъ человѣкъ.

Вотъ подбѣгаетъ ко мнѣ, говоритъ очевидецъ, знакомый офицеръ блѣдный, весь въ крови, съ мутными глазами. „Я раненъ въ грудь на вылетъ“.—Не можетъ быть?—„Да, на вылетъ. Я уже привыкъ къ своей ранѣ; докторъ увѣряетъ, что выздоровѣю“, и голосъ его дрожитъ, дрожитъ. Дальше лежитъ опять офицеръ того же полка, но этотъ, кажется, уже успокоился вѣчнымъ сномъ—на его лицѣ смертельная блѣдность.

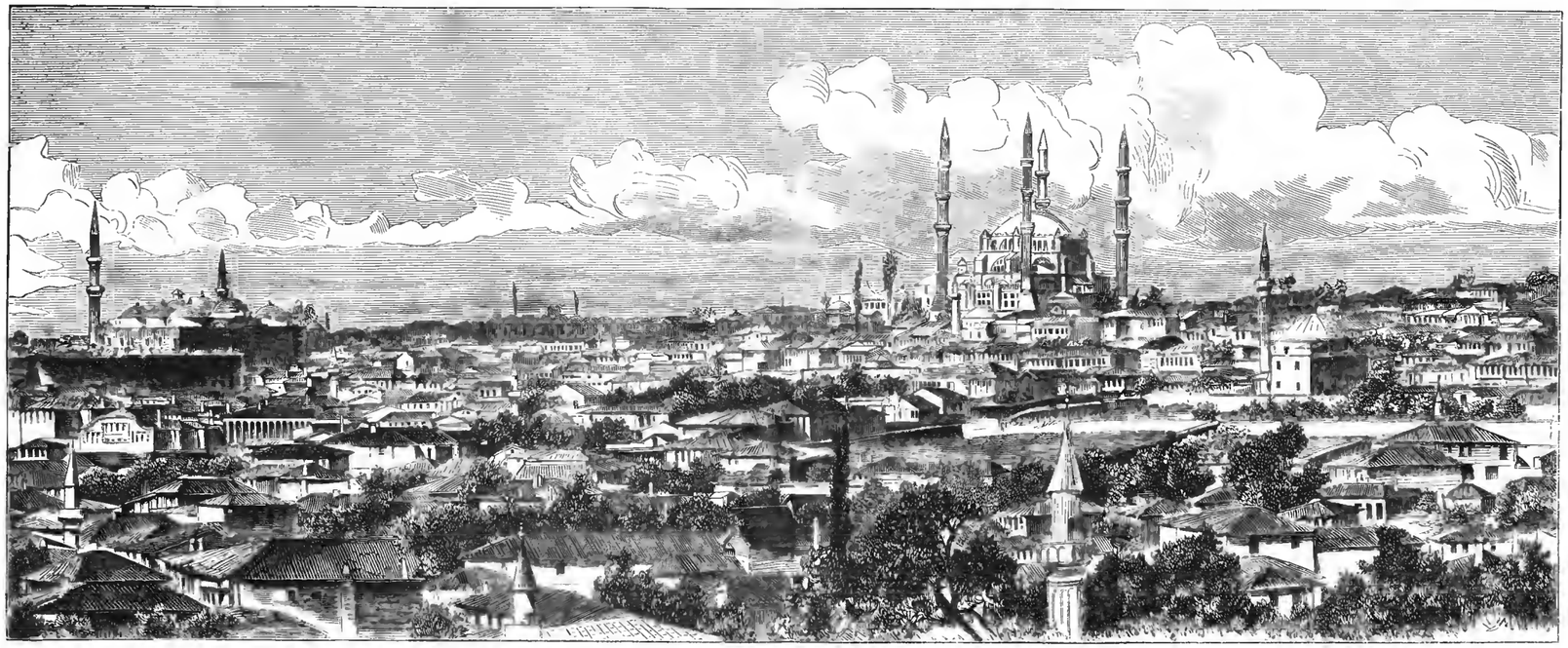
Ѣдемъ дальше и встрѣчаемъ кн. Имеретинскаго. Онъ сильно взволнованъ; нервно ходитъ по дорогѣ взадъ и впередъ, накинувъ на плечи кожанъ. По диспозиціи на 30-е августа онъ назначенъ начальникомъ резерва отряда. Скобелеву поручено командовать главными силами. Оба они очень дружны, затѣмъ искренніе патріоты и люди преданные дѣлу, а главное свѣдущіе и распорядительные, такъ что въ какія бы взаимныя отношенія ихъ не поставили—это безразлично. Но дѣло въ томъ что резервовъ уже никакихъ нѣтъ. Князь уже все отдалъ до послѣдняго человѣка, и остался вдвоемъ со своимъ начальникомъ штаба. Силы отряда недостаточно для полнаго исполненія возложенной задачи, а турки здѣсь сосредоточиваютъ значительныя силы. Скобелевъ далеко впереди, но гдѣ именно—неизвѣстно. Дальше не совѣтуютъ ѣхать, ничего не видать за туманомъ, а шальныхъ пуль много, хотя перестрѣлка сравнительно стихла. Этотъ утренній бой только прологъ; наша артиллерія получила возможность выдвинуться впередъ—и только. Впрочемъ, никто не въ состояніи хорошенько опредѣлить, какъ обстоятъ теперь наши дѣла. Для этого слѣдовало бы добраться до самого Скобелева,—это слишкомъ рискованно. Уже изъ четырехъ офицеровъ, сопровождающихъ его двухъ принесли—оба ранены, одинъ слегка, другой тяжело. Да и найти-то генерала не легко. Проходитъ казакъ и ведетъ свою раненую лошадь въ поводу; другого казака, смертельно раненаго, несутъ на носилкахъ; лошадь его цѣла. Вотъ и устроятъ сейчасъ мѣну лошадей, замѣчаетъ кто-то. Возвращаемся назадъ и на дорогѣ видимъ почернѣвшій трупъ—сначала принимаемъ его за турка, но, разсмотрѣвъ ближе, узнаемъ въ немъ русскаго солдата.

Библиотека "Руниверс"

Бѣдняку, какъ будто вовсе опалило лицо. Мы уговариваемъ стоящихъ на шоссе солдатъ закопать товарища; мигомъ нашлись лопаты и скоро покрыли на вѣки болгарской землею русскаго человѣка.

Далѣе очевидецъ говоритъ: наталкиваемся на полковника въ буркѣ, въ башлыкѣ, онъ хлопочетъ у телѣги, чтобы добыть кусокъ хлѣба и сыра и обязательно дѣлится съ нами. Полковникъ представляетъ теперь единственную „душу“ резерва, которымъ располагаетъ князь Имеретинскій. Холодно, мелкій дождь не перестаетъ насъ мочить, на шоссе грязь сбоку по тропинкѣ раненые скользятъ или вязнутъ. Тяжело ихъ положеніе, многіе говорятъ, что лучше бы быть убитыми. Такая участь только-что постигла Верещагина, Сергѣя. Онъ ѣхалъ передать приказаніе Скобелева, когда пуля поразила его, и онъ, говорятъ, тутъ-же былъ изрубленъ наскочившими черкесами. Обвиняютъ нашихъ осетинъ, что они не выручили Верещагина. Это неправда—они-то ужь навѣрно бы выручили, если бы представлялась малѣйшая возможность. Между тѣмъ они только успѣли отрѣзать шашку и револьверъ убитаго и доставили эти предметы въ обозъ, для передачи роднымъ на память. Другой Верещагинъ, Александръ тоже пострадалъ, но онъ только раненъ и, говорятъ, не опасно. (Нужно замѣтить, что оба они братья извѣстнаго художника В. Верещагина, находящагося тоже волонтеромъ въ Дунайской арміи и теперь уже поправляющагося отъ раны, полученной имъ въ неудавшейся попыткѣ взорвать турецкій броненосецъ). На перевязочныхъ пунктахъ, устроенныхъ въ окрестныхъ деревняхъ, а именно въ Коюловцѣ, въ Мечнѣ, въ Мусселимъ-селѣ идетъ спѣшная и горячая работа—раненые прибываютъ массами. Не можемъ умолчать о слѣдующемъ случаѣ, сообщенномъ газетами. На перевязочный пунктъ пріѣхалъ молодой докторъ, только что окончившій курсъ. Онъ въ первый разъ исполнялъ свои обязанности. Когда стали привозить изъ баттарей раненыхъ, онъ первый бросился на перевязочный пунктъ, и первый, кого сняли съ лазаретной фуры былъ—его родной братъ, вступившій добровольцемъ въ армію и въ эту ночь тяжело раненый. Молодой медикъ, увидавъ опасную рану, дрожащими руками началъ перевязывать брата и невольно слезы лились по его загорѣвшему лицу. Инспекторъ походнаго лазарета, не зная причины слезъ молодого врача, строго напомнилъ ему его обязанности. Раненый въ эту минуту спросилъ въ какомъ наши войска положеніи, „въ очень хорошемъ“ — отвѣчалъ медикъ. „Такъ я могу умереть спокойно, поцѣлуй меня!—прощай“! И затѣмъ онъ впалъ въ безпамятство на рукахъ брата. Судя по напечатаннымъ въ газетахъ сообщеніямъ, подъ начальствомъ Скобелева было подъ Плевной 12,000 чел., изъ которыхъ пало убитыми и ранеными до 8000. Онъ лично повелъ въ аттаку 4 стрѣлковую бригаду (3700 чел.) и она въ теченіи часа потеряла 2000 человѣкъ.

Объ исходѣ этой аттаки на Плевну, кончившейся, какъ извѣстно, уступкою трехъ занятыхъ генераломъ Скобелевымъ Плевненскихъ редутовъ мы уже имѣли случай говорить. (См. „Ниву“ № 39, стр.



Общій видъ города Адріанополя. Съ фотографіи грав. Рашевскій.

Схватка русской кавалеріи съ турецкими черкесами подъ Плевной. Рис. Даранъ, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

617 и 618, біографія генерала Михаила Дмитріевича Скобелева).

Безъ сомнѣнія Плевна будетъ взята нашими войсками, но сколько еще пройдетъ времени когда совершится это взятіе—пока неизвѣстно.

Долина рѣки Кара-Лома.

Рѣки Болгаріи, берущія свое начало въ Балканахъ и текущія въ Дунай, представляютъ много характерныхъ особенностей. Начиная съ запада отъ Виддина, большая часть этихъ рѣкъ впадаютъ въ Дунай, за исключеніемъ р. Вида, почти подъ прямымъ угломъ. Всѣ онѣ при истокахъ прорываютъ себѣ ложе въ известковыхъ массахъ Балкана. Большая часть истоковъ этихъ рѣкъ изслѣдована только въ новѣйшее время ученымъ путешественникомъ Капитцомъ, употребившимъ для этого много времени. Среднее теченіе было болѣе или менѣе извѣстно уже и древнимъ римлянамъ, что видно изъ ихъ древнихъ названій, видоизмѣненныхъ болгарами и турками. Напримѣръ изъ древне-римскаго названія рѣки „Almus"—что значитъ питательный, благодѣтельный — сдѣлано названіе *Ломъ*. Въ этомъ видоизмѣненіи названія все-таки остался основный звукъ „*л*", характеристическій для словъ, выражающихъ „питательность", „благодѣяніе". Въ числѣ рѣкъ, текущихъ въ Дунай изъ Балканъ съ юга къ сѣверу находятся *два* Лома. Первый *западный*—недалеко отъ Виддина и Калафата, другой *восточный*, при впаденіи котораго въ Дунай находится знаменитая крѣпость Рущукъ, слѣдовательно и древнимъ было извѣстно два Альмуса, или питательныя рѣки. Въ статьѣ къ прилагаемому рисунку мы имѣемъ въ виду именно восточный Ломъ, раздѣляющійся въ своемъ верхнемъ теченіи на два рукава. Этотъ Ломъ характеристиченъ своими крайне живописными извилинами, которыми онъ прорылъ себѣ ложе въ массахъ известняка. Западный рукавъ этой рѣки называется *Кара-Ломъ* (Черный Ломъ), а восточный Акъ-Ломъ (Бѣлый Ломъ). При селеніи Низова самъ Бѣлый Ломъ раздѣляется еще на двѣ вѣтви, изъ которыхъ восточная сохраняетъ еще названіе Бѣлаго Лома (Акъ-Ломъ) и на ней-то стоитъ сильная турецкая крѣпость Разградъ. Средняя же вѣтвь Лома не носитъ никакого опредѣленнаго названія. Оба главные рукава (Черный и Бѣлый Ломы) сливаются при Терсеникѣ, недалеко отъ Кады-Кіойя, и затѣмъ уже рѣка, не раздѣляясь на рукава, течетъ до Рущука.

Послѣ приведенныхъ объясненій, надѣемся, читателю будетъ понятенъ прилагаемый рисунокъ долины р. Лома. Это—долина Чернаго (Кара) или западнаго Лома. Причудливо, змѣеобразно извивающуюся рѣку окружаетъ рядъ холмовъ, которые къ востоку все болѣе и болѣе возвышаясь, господствуютъ надъ Разградомъ, и эти же высокіе холмы раздѣляютъ Бѣлый Ломъ отъ Чернаго. На Кара-Ломѣ лежитъ Кара-Гассанъ-Кіой, знаменитый страшно-упорною битвою съ турками, какую выдержала 18-го (30-го) и 19-го (31-го) августа армія Его Высочества Наслѣдника Цесаревича, и результатомъ которой было отступленіе нашихъ войскъ отъ Кара-Лома къ Янтрѣ. Съ нашей стороны героемъ битвы былъ генералъ *Лоновъ*, со стороны турокъ *Фуадъ* и *Неджибъ* паши. Накануне 18-го (30-го) августа изъ Разграда двинулись на наши войска до 20,000 турокъ. Правое крыло этой турецкой арміи сосредоточилось на среднемъ теченіи Лома (которое мы описали выше), при Солениникѣ. Дивизія Фуада-паши двинулась на насъ отъ Разграда, а войска Неджиба-паши отъ Кара-Гассанъ-Кіойя. Наши войска двинулись съ сѣвера отъ сел. *Саданы* и пройдя къ югу, заняли деревню Козелево; войска же Фуада-паши расположились на высотахъ, опоясывающихъ эту деревню и начали грозную и отчаянную аттаку нашей позиціи. Затѣмъ подошли войска Неджиба-паши и подавляющимъ силамъ турокъ мы должны были уступить. Даже отдѣльные эпизоды этихъ грозныхъ дней (30 и 31 августа по новому стилю) до того важны и многозначительны, битвы до того упорны и ожесточенны, что только для одного перечисленія отдѣльныхъ эпизодовъ здѣсь не хватило бы мѣста.

На слѣдующій день наши войска заняли высоты, противоположныя деревнѣ Кизиля, на лѣвомъ берегу Кара-Лома и затѣмъ начали отступленіе по направленію къ Бѣлѣ. Результатъ всего этого былъ тотъ—что армія Наслѣдника Цесаревича сосредоточилась на линіи Янтры, чтобы прикрыть дорогу къ мосту черезъ Дунай у Систова.

Мокколи во время карнавала.

Карнавалъ — итальянскій народный праздникъ. Праздникъ этотъ ведетъ свое начало съ весьма отдаленнаго времени и не одни только итальянцы празднуютъ его. У другихъ народовъ онъ извѣстенъ подъ другими именами. У васъ карнавалъ извѣстенъ подъ именемъ масляницы. Собственно слово карнавалъ филологи производятъ отъ cornis—говядина и avaler—глотать, изъ чего въ общемъ значеніи получилось слово: заговѣнье. Праздникъ этотъ ведетъ свое начало отъ временъ языческихъ, хотя, конечно, въ настоящее время празднующіе его не имѣютъ ровно никакого понятія о томъ, какимъ богамъ служатъ. А боги эти очень древніе.

Первобытный народъ, чествуя свѣтила небесныя, учредилъ цѣлый рядъ праздниковъ, торжествуя возвращеніе свѣтлыхъ явленій желаннаго лѣта.

Въ древнемъ Римѣ въ это время происходили сатурналіи, праздникъ въ честь Сатурна *). До времени Августа праздникъ этотъ ограничивался однимъ днемъ, позднѣе онъ распространился на цѣлую недѣлю. Этимъ праздникомъ желали представить золотое время Сатурна, когда всѣ люди были равны. Для этого всѣмъ рабамъ давалась полная свобода; ихъ одѣвали въ золото и пурпуръ и дѣлали господами. Идея переодѣванья выражала собою равенство положеній. Праздникъ Карнавала, празднуясь въ настоящее время почти во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ Европы, уже не имѣетъ того блеска, которымъ онъ сопровождался прежде. Только празднованіе его въ Италіи до сихъ поръ сопровождается большимъ блескомъ и весельемъ. Толпы народа всѣхъ возрастовъ и состояній покрываютъ улицы. Всѣ балконы, окна, крыши—всѣ возвышенія, гдѣ только могутъ помѣститься люди—заняты бываютъ ими. Улицы наполняются народомъ, сопровождающимъ процессію. Процессіи эти разнообразны до крайности: бываютъ процессіи дураковъ, ословъ, бандитовъ и т. п. Бывали, напримѣръ, процессіи такого рода: громадная гондола съ зеленымъ флагомъ, на которомъ изображенъ левъ (гербъ Венеціи), двигалась по улицамъ вся покрытая трауромъ и на флагѣ была надпись: „Венеція мертва". Это производило грустное впечатлѣніе; но эта процессія проходила въ другія улицы, и грустное впечатлѣніе тотчасъ же замѣнялось другимъ, веселымъ, возбуждаемымъ видомъ пьеро, чертенятъ и т. п. Все это бѣжало, прыгало, пѣло и неистовствовало въ своемъ праздничномъ увлеченіи.

Съ балконовъ, крышъ, оконъ сыплются въ это время на уличную толпу цвѣты, букеты, коріандоли (шарики изъ гипса), яица, начиненныя мукой. Поднимаются столбы бѣлой пыли, пыль эта встрѣчается съ пылью коріандолей, бросаемыхъ снизу изъ толпы на балконы и окна. Зрители и участвующіе въ бросаніи коріандолей руконлещутъ при удачныхъ киданіяхъ, когда, напримѣръ, коріандоли хорошо попадаютъ въ цѣль Все кричитъ, визжитъ, пляшетъ и хохочетъ.

Собственно словомъ „Мокколи" называются свѣчи, съ которыми въ третій день праздника (въ послѣдній день) какъ-бы провожаютъ карнавалъ. Въ это время главнымъ развлеченіемъ и цѣлью толпы служитъ гашеніе свѣчей: каждый старается сохранить огонь своей свѣчи и потушить огонь свѣчи другого.

На нашемъ рисункѣ изображена сцена именно этого послѣдняго дня карнавала. Говорить о достоинствѣ этого превосходнаго произведенія не находимъ нужнымъ, такъ какъ онъ можетъ самъ за себя постоять въ этомъ случаѣ.

А.

Г. Адрианополь.

Послѣ Константинополя первый городъ въ Европейской Турціи Адріанополь. Онъ служитъ какъ бы второю столицею государства. Народонаселеніе этого города весьма значительное и достигаетъ до 200,000 душъ (впрочемъ полагаться на точность турецкихъ статистическихъ изслѣдованій не всегда можно). Адріанополь находится въ Румеліи, при сліяніи рѣкъ Марицы съ Тунжею. Городъ этотъ построенъ Императоромъ Адріаномъ тамъ, гдѣ находился Ускадамъ, городъ Бессовъ Ѳракійскаго племени. (Адріанъ—пятнадцатый изъ римскихъ императоровъ, родился въ Непонскомъ городкѣ Италикѣ въ 76 г. по Р. Х. и послѣ смерти Траяна, скончавшагося въ 117 г. въ Малой Азіи, былъ провозглашенъ преемникомъ престола; умеръ въ 138 г.). Въ IX столѣтіи Адріанополь сопротивлялся готамъ въ 1360 г. былъ взятъ султаномъ Амуратомъ и оставался столицею Турціи до 1453 г., т. е. до времени завоеванія Константинополя турками.

Мы, русскіе, давно знакомы съ Адріанополемъ. Онъ былъ занятъ нашими войсками въ 1829 году и вскорѣ послѣ этого занятія въ томъ же году въ немъ былъ заключенъ съ Турціей миръ.

Адріанополь имѣлъ до сихъ поръ большое торговое значеніе, насколько можетъ имѣть его турецкій городъ, ведущій торговыя операціи только своими „восточными" товарами. Къ намъ въ Россію или изъ Адріанополя товары чрезъ Одессу и Таганрогъ, преимущественно табакъ и частію розовое масло; въ Марсель, Италію, Грецію и Египетъ Адріанополь отправлялъ кожи, сыръ, табакъ, орѣхи.

Теперь всякое торговое движеніе въ этомъ городѣ затихло: все населеніе его прислушивается къ тому, что происходитъ въ горахъ Балкана, около Плевны и Рущука. Но это, впрочемъ, не мѣшаетъ мѣстнымъ властямъ творить судъ надъ болгарами: ихъ казнятъ въ Адріанополѣ каждый день и казнятъ не по одному, а цѣлыми массами. И не только въ Адріанополѣ, но и въ его окрестностяхъ—вездѣ теперь „творятъ судъ" надъ болгарами.

Часть приговоренныхъ адріанопольскимъ полевымъ судомъ къ смертной казни болгаръ вѣшаютъ въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ. Одинъ видъ несчастныхъ, которыхъ ведутъ на казнь, наводитъ ужасъ. Шею каждаго осужденнаго окру-

*) Богъ времени.

Библиотека "Руниверс"

жаетъ желѣзное кольцо, откуда спускается цѣпь, прикрѣпленная къ тѣлу, въ то время какъ руки связаны сзади веревкою. Пять или шесть человѣкъ прикрѣпляются другъ къ другу и идутъ гуськомъ. Въ Адріанополѣ изготовили складную деревянную висѣлицу, которую ставятъ попеременно на различныхъ площадкахъ города. Большая часть осужденныхъ на смерть принадлежитъ къ сельскому сословію, но иногда между ними встрѣчаются лица другихъ классовъ. Такъ недавно газеты сообщали, что въ Адріанополѣ повѣшенъ докторъ медицины изъ Іени-Загры, бывшій студентъ пражскаго университета. Повѣшеніе совершается самымъ патріархальнымъ образомъ. Осужденнаго вѣшаютъ просто гдѣ попало, на улицахъ, и виситъ онъ на виду у прохожихъ до тѣхъ поръ, пока не сбросятъ его турецкіе „зантіи" куда-нибудь въ яму. Къ этимъ зрѣлищамъ владѣльцы различныхъ лавокъ такъ свыклись, что не обращаютъ болѣе на нихъ никакого вниманія.

Чрезъ Адріанополь теперь ежедневно двигаются поѣзды съ ранеными: госпитали и частные дома въ городѣ полны ими. Пройдетъ не мало времени, прежде чѣмъ можно будетъ изъ Адріанополя отправить больныхъ далѣе. Тѣснота въ лазаретахъ ужасная: такъ, напримѣръ, въ госпиталѣ, устроенномъ только на шестьсотъ кроватей, принято 2,000 раненыхъ.

Увѣряютъ, число раненыхъ и убитыхъ турокъ съ начала августа мѣсяца, т. е. въ теченіи сорока дней, простирается до 20,000 человѣкъ, и изъ этого числа въ Адріанополѣ „свалено" значительное количество.

Турецкіе военачальники.

Мехметъ-Али-паша, сердарь-экремъ (генералиссимусъ) турецкой арміи, сынъ нѣмца Детруа, одного изъ потомковъ выселившихся въ Германію изъ Франціи гугенотовъ. Онъ въ дѣтствѣ отличался крайне живымъ и энергическимъ характеромъ: не окончивъ курса, самовольно ушелъ отъ отца и нанялся юнгой на корабль. Недовольный корабельными властями, онъ бѣжалъ отъ нихъ, бросившись ночью въ воду и достигнувъ вплавь берега. Черезъ нѣсколько времени его поймали и засадили въ тюрьму, откуда онъ былъ освобожденъ турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (впослѣдствіи великимъ визиремъ) Аали-пашей. Обращенный въ магометанство, онъ былъ отданъ въ военное училище и тамъ изучилъ турецкій языкъ; засимъ онъ посѣщалъ артиллерійское училище и окончивъ въ немъ курсъ поступилъ въ турецкую армію офицеромъ. Теперь ему около 50 лѣтъ. Онъ участвовалъ въ Крымской войнѣ; въ 1870 году былъ уже дивизіоннымъ генераломъ; по вслѣдствіе придворныхъ интригъ онъ въ 1873 году былъ удаленъ изъ Константинополя и посланъ въ Янину для усмиренія мятежа, вспыхнувшаго въ Эпирѣ и Ѳессаліи. Быстрота и распорядительность его всегда были извѣстны султану, и когда понадобилось замѣнить престарѣлаго Абдулъ-Керима, выборъ султана палъ на Мехомеда-Али. Какъ главнокомандующій всѣми турецкими арміями, Мехметъ-али не могъ оказывать большое вліяніе на общій ходъ военныхъ дѣйствій, такъ какъ, по словамъ корреспондентовъ, въ этихъ дѣйствіяхъ нѣтъ единства, и каждый начальникъ арміи дѣйствуетъ будто-бы, какъ ему вздумается. Правда ли это—не знаемъ, но что турки упорно защищаются—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Мехметъ-Али командовалъ войсками, дѣйствующими противъ арміи Государя Наслѣдника. Теперь онъ замѣненъ Сулейманомъ-пашей.

Сулейманъ-паша командовалъ войсками, атаковавшими Шипку. О немъ мы уже имѣли случай говорить въ № 35 „Нивы" (см. стр. 611). Здѣсь можемъ присовокупить, что Сулейманъ-паша лѣтъ 45, съ окладистой рыжеватой бородой, говоритъ отрывисто. Корреспондентъ „Кельнской газеты" передаетъ о своемъ свиданіи съ Сулейманомъ-пашей слѣдующее: „Когда я вошелъ, въ его палатку онъ сидѣлъ за цѣлой горой писемъ и депешъ, но принялъ меня довольно ласково и пригласилъ сѣсть на стоявшій вблизи барабанъ. Во время моего получасоваго пребыванія въ палаткѣ главнокомандующаго, послѣдній получилъ около 12 депешъ, на которыя немедленно далъ отвѣты. Затѣмъ Сулейманъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ зантіевъ, осматривать позиціи своихъ войскъ".

Гобартъ-паша—англичанинъ. Онъ сынъ графа Букингейма (родился въ 1822 г.) и долженъ былъ по условіямъ своего рожденія сдѣлаться духовнымъ. Но чрезвычайная любовь къ морю заставила его поступить въ 1835 году на службу во флотъ, гдѣ и былъ капитаномъ англійскаго фрегата. Получивъ нѣкоторую извѣстность во время Крымской кампаніи, онъ затѣмъ былъ приглашенъ на службу въ Турцію, какъ опытный руководитель въ дѣлѣ преобразованія турецкаго флота. Въ 1868 г. онъ уже былъ контръ-адмираломъ турецкаго флота подъ именемъ Гобартъ-паши. Во время Критскаго возстанія подъ его начальствомъ былъ блокированъ островъ Кандія. Получивъ засимъ чинъ Адмирала, онъ былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ турецкаго флота.

Въ 1874 году онъ опять перешелъ на службу въ Британскій флотъ, а осенью 1876 года, вмѣстѣ со многими англійскими офицерами вернулся въ Константинополь въ объятія своихъ друзей-мусульманъ.

Политическія и военныя извѣстія.

«Вездѣ холодъ и ненастье, въ Балканахъ идетъ снѣгъ»—вотъ первое оффиціальное извѣстіе съ Дунайскаго театра войны за прошлую недѣлю. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что за минувшую недѣлю не было никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій на Дунайскомъ театрѣ войны. Обстоятельство это, какъ оно ни невыгодно само по себѣ, представляется благопріятнымъ, по возможнымъ результатамъ. Тогда какъ турецкій солдатъ, подобно другимъ жителямъ юга, съ трудомъ выноситъ климатическія перемѣны—суровый горный холодъ, наступившій почти вдругъ послѣ удушливыхъ жаровъ,—нашъ солдатъ, сынъ угрюмаго и непріютливаго сѣвера, гораздо легче перенесетъ горную стужу.

Турки теперь очистили всю линію Кара-Лома между тѣмъ, читатель помнитъ, что еще недавно лѣвый флангъ нашей арміи былъ оттѣсненъ (послѣ упорной битвы при Кара-Хассанъ-Кіойѣ) къ Явтрѣ. Затѣмъ и въ самой Плевнѣ турки не отвѣчаютъ на нашъ огонь, хотя, судя по телеграфнымъ извѣстіямъ, мы продолжаемъ непрерывно обстрѣливать Плевну. Отъ Шипкинскаго перевала армія Сулеймана-паши отступила, послѣ обстрѣливанія ея съ нашей стороны мортирами и послѣ взрыва турецкаго погреба. Словомъ—мы видимъ всюду, что турки или отступаютъ, или бездѣйствуютъ. Слѣдовательно если не безусловно, то въ значительной степени, наступившая суровая погода ослабила дѣйствія турокъ. Но этимъ времечемъ мы, безъ сомнѣнія, воспользуемся, сдѣлавъ приготовленія для энергической и усиленной аттаки Плевны. Съ другой стороны въ этотъ промежутокъ военнаго затишья прибудутъ въ надлежащемъ количествѣ наши подкрѣпленія. Дѣйствительно, въ русско-румынской арміи подъ Плевной замѣтно большое движеніе. Уже прибылъ и контингентъ для пополненія убыли; прибыли сверхъ того еще и подкрѣпленія. Вскорѣ, слѣдовательно, должны начаться военныя операціи. Одновременно въ турецкомъ военно-начальническомъ персоналѣ произошли слѣдующія перемѣны: *Реуфъ-паша* назначенъ начальникомъ балканской арміи и уже прибылъ на Шипку. Сулейманъ-паша назначенъ начальникомъ Дунайской арміи и уже прибылъ въ Разградъ. Мехметъ-Али-паша отозванъ отъ своей должности главнокомандующаго.

19-го и 20-го сентября, Его Высочество Главнокомандующій дѣйствующею арміей вмѣстѣ съ княземъ Карломъ румынскимъ и Тотлебеномъ объѣхали всѣ наши и румынскія баттареи, и телеграмма Его Высочества извѣщаетъ что работы наши и румынскія уже сильно подвинулись впередъ. Эти работы саперныя, и назначеніе ихъ состоитъ въ постепенномъ приближеніи къ турецкимъ ретраншементамъ и редутамъ, господствующимъ надъ мѣстностью. Припомнимъ здѣсь, что плевненская турецкая позиція представляетъ укрѣпленный лагерь, а за послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ, что впереди этого лагеря выдвинуто до 23 отдѣльныхъ укрѣпленій, доставляющихъ туркамъ преимущества огнестрѣльной, ружейной и орудійной обороны. Резюмируя все сказанное сейчасъ, мы вправѣ констатировать, что положеніе нашей задунайской арміи твердое, что нѣкоторыя неудачи нисколько не ослабили ея духа, что впечатлѣнія этихъ неудачъ теперь совершенно сгладилось. Дѣйствительно, чтобы не противорѣчить очевидному факту прожужжавшая всѣмъ уши о бѣдствіяхъ нашей арміи западно-европейская печать ударилась теперь выхваливать положеніе нашихъ дѣлъ на Дунаѣ. Такая странная непослѣдовательность отнимаетъ уже всякій кредитъ у тенденціозныхъ, и особенно туркофильскихъ сообщеній. Что касается насъ, мы никогда не придавали цѣны этимъ тенденціознымъ и туркофильствующимъ сообщеніямъ. Признавая суровый фактъ какой-либо неудачи,—мы всегда отрицали значеніе этой неудачи и вліяніе ее на общій характеръ и общій исходъ настоящей войны. Пусть говорятъ: всякая стратегическая ошибка ведетъ за собою рядъ другихъ ошибокъ, и неизбѣжно приводитъ въ концѣ концовъ къ печальному результату, это нисколько неизмѣнитъ нашего взгляда на исходъ настоящей войны. Если-бы вышеприведенный афоризмъ былъ безусловно вѣрнымъ, то громадный процентъ войнъ, наполняющихъ исторію, не имѣлъ бы другого результата, кромѣ бѣдственнаго; а то прослѣдите исторію—и вы увидите, что въ самой счастливой войнѣ бываетъ множество поправокъ, предполагающихъ или не совсѣмъ удачные или прямо неудачные планы. Даже маршалы Наполеона I дѣлали неудачи и промахи, не имѣвшіе, однако, никакаго результата на исходъ многихъ изъ Наполеоновскихъ войскъ. А то вдругъ болтливая западная пресса, заручившись предвзятыми мнѣніями и нелѣпою молвою, старается безо всякой критики навязать намъ неблагопріятныя вѣсти. И пусть ее навязываетъ,: но мы все-таки не будемъ принимать эти вѣсти безо всякой критики. Лучшій же критеріумъ для этой критики какъ мы, неоднократно упоминали прежде—это наша непоколе-

Библиотека "Руниверс"

Гобартъ-паша.
Главнокомандующій турецкимъ флотомъ.

Сулейманъ-паша.
Командовавшій турецкою арміею въ Балканахъ *).

Мехметъ-Али-паша.
Бывшій главнокомандующій турецкою арміею.

бимая вѣра въ святость призванія Россіи—освободить несчастныхъ страдальцевъ изъ магометанской неволи, и надежда на мужество и одушевленіе нашихъ войскъ и геройскую рѣшимость довести эту войну до желаннаго конца. До сихъ поръ ни одинъ фактъ съ театра войны не опровергъ этихъ положеній... каковы бы ни были въ частностяхъ ея неудачи.

Съ лѣваго фланга Дунайской арміи получено извѣстіе, что 14 сентября состоялась кавалерійская рекогносцировка турецкихъ войскъ къ юго-западу отъ Добруджи. Посланный генераломъ Циммерманомъ на рекогносцировку изъ Кюстендже къ Татаръ-Базарджику отрядъ пѣхоты и кавалеріи, силою въ 6,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Манзея, разбилъ 500 черкесовъ у Чубагъ-Куюса; у самаго Татаръ-Базарджика отрядъ этотъ отбросилъ 700 черкесовъ и нанесъ имъ большой уронъ. Движеніе изъ горъ пѣхоты было остановлено артиллерійскимъ огнемъ. При этой развѣдкѣ русскіе нашли, что Базарджикъ укрѣпленъ и занятъ турецкими войсками, подъ начальствомъ Рузаи-паши. Потеря наша при этомъ дѣлѣ 16-ти человѣкъ.

Съ Закавказскаго театра военныхъ дѣйствій, изъ Кара-Яльской главной квартиры, получено извѣстіе, что 20-го сентября наши войска атаковали укрѣпленныя высоты лѣваго фланга арміи Мухтара-паши. Эти высоты называются *большіе и малые Ягны* (къ востоку отъ Карса). Защищавшія *Большія Ягны* войска частью уничтожены, частью взяты въ плѣнъ. Штурмъ горы Малые Ягны, однако, признанъ преждевременнымъ, такъ какъ эта гора сильно укрѣплена. Значеніе занятія Большихъ Ягнъ видно изъ того, что изъ Карса тотчасъ же выступила часть гарнизона, въ количествѣ 13-ти батальоновъ, на поддержку Мухтару-пашѣ, однако безуспѣшно. Карскіе батальоны были энергически отброшены нашими войсками, ночевавшими съ 20 на 21-е сентября на занятыхъ позиціяхъ; на слѣдующій день (21 сентября) турки атаковали наше лѣвое крыло; но были геройски отражены и прогнаны до своихъ лагерей. Наша потеря за эти два дня: убитыхъ 12-ть и 71 раненыхъ офицеровъ и 1,040 убитыхъ и 2,250 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Потери со стороны турокъ громадны. Однако уже на третій день (22 сентября) наше правое крыло начало отодвигаться съ занятыхъ высотъ, такъ какъ встрѣтились затрудненія въ снабженіи водою.

Въ политическомъ отношеніи на прошлой недѣлѣ продолжало обращать на себя вниманіе туркофильское движеніе въ Венгріи. Недавно разнеслись слухи о предполагавшемся вторженіи въ Румынію сформированнаго венграми легіона. Оказалось потомъ, что предводителями этого замысла были генералъ *Клапка*, извѣстный агитаторъ въ революціи 1848 г. *Кошутъ* и депутатъ *Гельфи*. На сформированіе этого венгерскаго легіона дано было около полумилліона гульденовъ англичанами: *Борне, Бетлеромъ* и еще однимъ лордомъ, благоразумно скрывшимъ свое имя. Затѣя съ легіономъ, однако, потерпѣла плачевную неудачу. Въ Венгріи и Трансильваніи произведены многочисленные аресты легіонеровъ; много ящиковъ съ оружіемъ арестовано не только въ Венгріи, но и въ вѣнскомъ вокзалѣ желѣзной дороги. Австро-венгерскій министръ юстиціи и главный прокуроръ выѣхали для слѣдствія, а въ Трансильваніи расквартированы на случай опасности 2 пѣхотныхъ полка.

Черезъ Бухарестъ получено извѣстіе, что графъ *Комаровскій* изъ нашего посольства въ Римѣ привезъ Государю Императору собственноручное письмо короля Виктора Эммануила, заключающее въ себѣ выраженіе дружественныхъ намѣреній этого послѣдняго.

*) Назначенъ начальникомъ Дунайской арміи на мѣсто Мехметъ-Али.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Глупецъ есть драгоцѣнный даръ боговъ, посылаемый на землю для забавы умныхъ людей (Демократъ).

Конецъ жизни печаленъ, средина ничего не стоитъ, а начало очень смѣшно (Вольтеръ).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Екатеринодаръ. А. Р—ко. Ваша пѣсня о казакѣ, возвратившемся изъ похода весьма обильна... вычисленіями количества ударовъ данныхъ мужемъ женѣ, и совершенно лишена здраваго смысла. Кто-же и гдѣ-же такъ дерется?

Если-же у васъ такая страсть къ ариѳметикѣ въ стихахъ, то вотъ вамъ для примѣра ярославскіе расчеты:

«Иногда съ собой прихватимъ
Рублей двѣсти—триста въ годъ:
Шестьдесятъ оброжу платимъ
Двѣсти серовъ на приходъ».

Здѣсь, по крайней мѣрѣ, ариѳметическія вычисленія вѣрны и смыслъ есть, а въ вашихъ стихахъ ни того ни другого.

Тула К. И. Кор—ову. Замѣтьте, что вы еще не достигли того возраста, въ который мальчикъ называется уже юношей. Учитесь грамотѣ и попросите старшихъ наказывать васъ за всякое покушеніе „въ сочинительству".

Г. Евскому, автору «Женскаго вопроса». Совѣтуя въ вашихъ стихахъ для рѣшенія «женскаго вопроса» бросаться женщинамъ съ моста въ рѣку, сами вы почему-то не рѣшаетесь примѣнить этотъ способъ къ собственной особѣ. Что касается оцѣнки вашихъ стиховъ, то въ этомъ случаѣ имъ цѣны нѣтъ, въ особенности такимъ строкамъ:

„Склонясь на перила, бѣдняжка стоитъ,
Тяжелую думу, должно-быть, мечтаетъ»...

Это напоминаетъ ту купчиху, которая, наругавшись на всю улицу съ сосѣдкой, говоритъ, уходя: «пора мнѣ домой, ужь очень я съ тобой здѣсь замечталась».

СОДЕРЖАНІЕ: **Столѣтіе Павловска 1777—1877 г.** (съ рисункомъ) Т. Р—ова.—**Юный Императоръ.** Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть вторая (продолженіе).—**Акула-ношка** (Scyllium) (съ рисункомъ) М. Др.—**Подъ Плевной** (съ 2-мя рисунками).—**Долина рѣки Лома** (съ рисункомъ)—**Монколи во время карнавала** (съ рисункомъ) А.—**Г. Адріанополь.**—**Турецкіе военачальники** съ 3-мя портретами).—Политическія и военныя извѣстія.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Почтовый ящикъ. Объявленія.—**При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ОКТЯБРЬ съ 26 рисунками и отдѣльный листъ съ 23 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 60 рисунками буквъ для мѣтки бѣлья.**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Магазины: Адмиралт. площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимирская, № 3, проспектъ Современной.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
16
Товарищество Чекберсъ и К°.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ГРАЖДАНИНЪ".

8 іюня журналъ „Гражданинъ", по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, пріостановленъ,—за статью о дипломатіи по восточному вопросу, помѣщенную въ 22-№,—на 4 мѣсяца. Извѣщая подписчиковъ о возобновленіи журнала съ 8 октября, редакція считаетъ долгомъ довести до ихъ свѣдѣнія, что, она постарается, съ избыткомъ вознаградить подписчиковъ за столь продолжительное въ такую пору молчаніе нашего журнала. Для удовлетворенія подписчиковъ редакція: 1) начнетъ издавать со дня возобновленія журнала двойные нумера съ равными приложеніями; 2) разошлетъ въ непродолжительномъ времени 2 томъ «Русскаго Сборника» (второе изданіе *перваго* тома будетъ разослано подписчикамъ съ 2862 № при первомъ №, который выйдетъ по возобновленіи журнала 8 октября) въ увеличенномъ противъ обыкновеннаго размѣрѣ, съ иллюстраціями, при чемъ будетъ помѣщена новая повѣсть кн. В. П. Мещерскаго изъ жизни петерб. большаго свѣта и 3) разошлетъ безплатно всѣмъ подписчикамъ непремѣнно съ 1 № на 78 г. печатающіеся уже два *новые* тома (въ отдѣльныхъ книгахъ) романа князя В. П. Мещерскаго «Тайны современнаго Петербурга».

Подписка принимается въ редакціи „Гражданина"; цѣна съ 8 окт. по 1 янв. со *всѣми преміями* 4 р. съ перес. № 18 1

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ (кромѣ московскихъ) объявленіе отъ чайнаго магазина Ѳ. В. Аплаксина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 30 Сентября 1877 г. Тип. Веллинга: Англ. пр. № 10

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 41 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 10 Октября 1877 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева.	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи .	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Контора журнала «Нивы» помѣщается въ С.-Пбургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

Генералъ-лейтенантъ Павелъ Дмитріевичъ Зотовъ.

Генералъ-лейтенантъ Павелъ Дмитріевичъ Зотовъ, наравнѣ съ другими предводителями войскъ нашей Дунайской арміи, обратившими на себя всеобщее вниманіе своею личною храбростію и знаніемъ дѣла, пользуется также вполнѣ заслуженною извѣстностію, какъ опытный военачальникъ. Въ военныхъ кружкахъ, во всякомъ случаѣ, представляется сравнительно гораздо большая возможность для справедливой оцѣнки каждаго военачальника, какое бы значительное или незначительное мѣсто въ общемъ порядкѣ отправленія службы онъ ни занималъ, и въ этихъ-то военныхъ кружкахъ имя генералъ-лейтенанта Павла Дмитріевича Зотова было всегда популярно и пользовалось извѣстностью, какъ имя человѣка, опытнаго въ боевыхъ дѣлахъ и притомъ обладающаго значительной энергіей.

Читатели „Нивы", изъ многихъ предыдущихъ номеровъ этого журнала, не могли, полагаемъ, не обратить вниманія на то, весьма замѣтное въ біографіяхъ нашихъ предводителей войскъ обстоятельство, а именно, что большая часть изъ нихъ боевую опытность свою получили на Кавказѣ. Къ числу ихъ приходится присовокупить и генералъ-лейтенанта Павла Дмитріевича Зотова, который главнымъ образомъ обязанъ Кавказу своею боевою опытностію.

Генералъ-лейтенантъ П. Д. Зотовъ. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

И въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ войны въ Туркестанѣ, которая во всякомъ случаѣ не имѣла и не могла имѣть въ военномъ отношеніи большого практическаго значенія для нашихъ войскъ и ихъ предводителей, — оставался для нихъ, въ дѣлѣ пріобрѣтенія боевой опытности, только Кавказъ, да и то лишь до поры своего замиренія. Правда, въ числѣ нашихъ военачальниковъ есть теперь еще нѣсколько севастопольскихъ героевъ, но они составляютъ исключеніе и весьма уже незначительное. Большая же часть изъ нихъ, если даже и имѣли нѣкоторое участіе въ этой въ высшей степени замѣчательной кампаніи, то участіе ихъ ограничивалось тогда (по молодости ихъ лѣтъ и по незначительности занимаемыхъ ими въ то время должностей) только малою степенью военной дѣя-

Библиотека "Руниверс"

тельности, да и то болѣе въ положеніи исполнительномъ, а не распорядительномъ.

Такимъ образомъ понятно, что если среди военачальниковъ встрѣчается лицо, имѣющее за собою репутацію боевого генерала, то эта репутація несомнѣнно составлена на Кавказѣ, въ періодъ нашихъ послѣднихъ тамъ войнъ съ Шамилемъ.

Само собою понятно, что эта репутація дается не даромъ, и добыть ее на парадныхъ выѣздахъ и маневрахъ невозможно. Невозможно точно также достигнуть боевой опытности теоретически, какъ бы хорошо не была эта теорія изучена. Необходимо, какъ говорится, „вдосталь" нанюхаться пороху и наслушаться той музыки, которую производятъ пушечные и ружейные выстрѣлы, чтобы умѣть владѣть собою въ пылу битвъ и спокойно отдавать приказанія въ то время, когда кругомъ какъ скошенные колосья валятся люди.

Генералъ-лейтенантъ Павелъ Дмитріевичъ Зотовъ—офицеромъ съ 1843 года, а генераломъ съ 1859 года. Высшее военное образованіе Павелъ Дмитріевичъ получилъ въ бывшей Императорской Военной Академіи, и цѣлый рядъ военныхъ наградъ и отличій, включая сюда и чинъ генералъ-лейтенанта, пожалованный ему въ 1864 году, заслуженъ имъ въ бояхъ съ непріятелемъ.

Телеграммою Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею на Дунаѣ, отъ 18 августа изъ Горнаго Студеня, было извѣщено, что князь Карлъ Румынскій назначенъ командующимъ союзною русско-румынскою арміей на Дунаѣ, и что начальникомъ штаба этой арміи назначенъ генералъ-лейтенантъ Зотовъ. Въ настоящее время есть извѣстія, впрочемъ еще не подтвердившіяся оффиціально, что мѣсто начальника штаба союзной русско-румынской арміи займетъ Генералъ-адъютантъ Инженеръ-Генералъ и товарищъ Его Императорскаго Высочества по инженерной части, Э. И. Тотлебенъ, а генералъ-лейтенантъ П. Д. Зотовъ получитъ иное назначеніе. (Портретъ Э. И. Тотлебена и біографія о его жизни и дѣятельности были помѣщены въ № 14 „Нивы", стр. 215 и 216). Оправдается ли это извѣстіе оффиціально или нѣтъ, въ томъ и другомъ случаѣ значеніе заслугъ Генералъ-лейтенанта Павла Дмитріевича Зотова останется тоже, и въ ходѣ настоящей войны онъ, обладая большими знаніями дѣла, опытностію и энергіей, несомнѣнно принесетъ свою долю пользы.

Д.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть Вс. Соловьева

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

А въ это время балъ идетъ своимъ чередомъ; оживленныя пары встрѣчаются въ контрадансахъ; юный Императоръ то и дѣло танцуетъ съ Елисаветой; но вотъ онъ усталъ, ушелъ изъ танцовальной залы въ другую, гдѣ и велѣлъ подать себѣ ужинъ. Съ минуты на минуту ждетъ—они должны сюда явиться: и Лиза и князь Иванъ; но они не являются. Юному Императору становится скучно—онъ одинъ, кругомъ не интересно, все ненужные люди. Торопливо окончилъ онъ свой ужинъ и вышелъ въ залу. „Что это? Иванъ танцуетъ съ Лизой, онъ наклоняется къ ней, что-то говоритъ ей, даже шепчетъ... Какое у него лицо!" И опять позабытое, былое чувство—ревность, стучится въ его сердце, и не сводитъ онъ глазъ съ этихъ двухъ людей, которыхъ такъ любитъ. А они все вмѣстѣ. Вотъ оконченъ танецъ. Долгорукій все же не отходитъ отъ Елисаветы. Юный Императоръ не двигается съ своего мѣста, все смотритъ. Лицо его поблѣднѣло, глаза горятъ, онъ весь—необычайное волненіе. Вотъ подходитъ къ нему баронъ Остерманъ.

— Андрей Иванычъ,—шепчетъ юный Императоръ,—съ какой это стати князь Иванъ не отходитъ отъ принцессы?

Остерманъ навострилъ уши и пристально взглянулъ на Петра.

— Какъ не отходитъ, Государь, да вы же сами танцовали съ нею кажется подъ рядъ три контраданса. Что-жь тутъ такого? Вы знаете, какъ принцесса любитъ танцовать, а князь Иванъ хорошо танцуетъ.

Но юный Императоръ внѣ себя, онъ недоволенъ отвѣтомъ Остермана и когда къ нему подходитъ Долгорукій, онъ грозно глядитъ на него и отвертывается.

— За что это? равнодушно и улыбаясь спрашиваетъ Иванъ Алексѣевичъ. Ахъ да, понимаю—Государь меня ревнуетъ. Ну чтожь, ничего, поревнуй, посердись, скоро помиримся.

И такой же равнодушный, такой же увѣренный въ своей силѣ и въ томъ, что ничѣмъ онъ себѣ повредить не можетъ, отходитъ Иванъ Долгорукій отъ Государя и идетъ въ ту сторону, гдѣ больше молодыхъ красивыхъ женщинъ. Между ними онъ видитъ сестру свою, которая что-то оживленно толкуетъ съ молодымъ племянникомъ австрійскаго посла, графомъ Милезимо. Между ними онъ видитъ и другую молодую дѣвушку и внезапно поражается ею; она сидитъ въ уголку залы, подальше отъ другихъ. Стройная и чудно-прекрасная, равнодушно спокойнымъ взглядомъ глядитъ она на окружающія оживленіе и великолѣпіе и кажется принимаетъ во всемъ мало участія. О! какъ она хороша, какимъ образомъ не замѣчалъ онъ этой ея красоты, а вѣдь давно онъ знаетъ эту дѣвушку. И вотъ онъ подходитъ къ ней и садится рядомъ съ нею.

— Зачѣмъ не танцуешь, графиня, говоритъ онъ ей.

— Устала, Иванъ Алексѣевичъ, поднимаетъ она на него свои чудные большіе глаза, опушенные длинными темными рѣсницами.

— Пойдемъ танцовать со мною, шепчетъ онъ снова.

— Устала, дай отдохнуть, князь.

— Что рѣдко бываешь у матушки, да у сестеръ, спрашиваетъ Иванъ Алексѣевичъ послѣ минутнаго молчанія.

— Не рѣдко бываю, да только тебя никогда нѣту, не видно тебя, ты дома не бываешь, замѣчаетъ дѣвушка.

— Ахъ, еслибъ я зналъ, когда ты у насъ, то всегда бывалъ-бы дома.

Онъ глядитъ ей прямо въ глаза своимъ смѣлымъ, блестящимъ взглядомъ; опускаются ея длинныя рѣсницы, нѣжный румянецъ вспыхиваетъ на щекахъ ея, не то грустная, не то насмѣшливая улыбка трогаетъ ея губы и тихимъ голосомъ она отвѣчаетъ фавориту:

— Побереги свои слова для другихъ, а я имъ все равно не повѣрю.

Раздаются новые звуки музыки и начинаетъ Иванъ Алексѣевичъ танецъ съ красавицей дѣвушкой и все пригожѣе она ему кажется: какъ она танцуетъ, какъ плавно выступаетъ; какая дивная шея, какія руки, а главное есть въ ней что-то такое, что-то тихо спокойное, содержащее свою тихую силу, и опять повторяетъ себѣ изумленно Иванъ Алексѣевичъ: „какъ могъ я, какъ могъ проглядѣть такую чудную дѣвушку; удивительно хороша она, эта красавица Наталья Борисовна Шереметьева".

V.

Съ ранняго утра и до вечера звонили и отзванивали всѣ сорокъ сороковъ церквей московскихъ, справлялась великопостная служба; народъ православный молился, говѣлъ, исповѣдывался и причащался. Затихли и дворцовыя празднества, но не могъ юный Императоръ удержаться отъ другихъ соблазновъ: то и дѣло уѣзжалъ онъ на охоту, проводилъ по нѣсколько сутокъ за Москвою, возвращался на день, другой, да и опять начинаетъ тоже самое. Вотъ и постъ великій кончается, прошла страстная недѣля, другой уже весенній благовѣстъ разносится въ весеннемъ воздухѣ. Снѣгъ

Библиотека "Руниверс"

давно уже началъ таять, ручьи побѣжали по московскимъ улицамъ, по обширнымъ огородамъ; сбѣгаютъ они съ холмовъ и съ пригорковъ. Изъ-подъ талаго снѣга кое-гдѣ земля начинаетъ виднѣться, ростки травы прошлогодней показываются. Вотъ и совсѣмъ нѣтъ снѣга, только еще мѣстами лежитъ онъ хрупкій и прозрачный и быстро таетъ отъ лучей вешнихъ. Морозная тишина невозмутимая замѣнилась веселымъ щебетаньемъ безчисленныхъ птицъ, невѣдомо откуда налетѣвшихъ, все оживилось и кишитъ новой жизнью и спѣшитъ насладиться недолгимъ теплымъ временемъ. Мало по малу опушаются деревья, трава всюду зазеленѣла, цвѣты желтые запестрѣли. День за днемъ идутъ и проходятъ такъ быстро, что оглянуться не успѣешь; цвѣтетъ ужь черемуха, вотъ и вѣтки сирени почернѣли и того гляди распустятся, а юный Императоръ все на охотѣ: въ Верховный Совѣтъ ужь не заглядываетъ, еще неудержимѣе, чѣмъ зимою влечетъ его теперь любимая забава. Что въ городѣ, душно,—стѣны давятъ, жизнь тамъ такая скучная: однѣ и тѣ же рѣчи о дѣлахъ различныхъ. Ну пусть кому любо это, кому это нравится, тотъ и занимается дѣлами, а молодому мальчику въ лѣсъ теперь хочется, въ широкое свѣжее приволье.

Душистый бальзамическій весенній воздухъ такъ и вливается въ грудь и возбуждаетъ въ ней новыя чувства; неясныя, причудливыя, почти безформенныя, но могучія грезы со всѣхъ сторонъ наплываютъ. Куда-то летѣть хочется, хочется чего-то невѣдомаго, блаженнаго, что и близкимъ и далекимъ кажется, и ничѣмъ ужь теперь не заманишь юнаго Императора во дворцовые покои, да и не кому заманивать. Давно ужь отступился отъ воспитанника своего баронъ Андрей Ивановичъ и весь ушелъ въ дѣла государственныя, да въ свои дѣла личныя.

Какъ ни хитрилъ, какъ ни обхо плъ кругомъ всѣхъ Андрей Ивановичъ, а все успѣлъ онъ поссориться съ молодымъ фаворитомъ Иваномъ Долгорукимъ. Тотъ на него теперь при всякой встрѣчѣ напускается, ни передъ кѣмъ не скрываетъ своей вражды къ нему. За то съ отцомъ фаворита, Алексѣемъ Григорьевичемъ, большая теперь дружба у барона Остермана. Частенько сталъ заглядывать Андрей Ивановичъ въ палаты Долгорукихъ и всегда тамъ ему радушная встрѣча.

Государь по обычаю на охотѣ; съ нимъ и Иванъ Алексѣевичъ. Но князь Алексѣй Григорьевичъ на этотъ разъ не поѣхалъ—понездоровилось ему что-то и остался онъ дома. Сидитъ онъ у себя, въ окно смотритъ открытое, а передъ нимъ Андрей Ивановичъ, толкуютъ, и все о томъ же Императорѣ и его фаворитѣ. Жалуется Алексѣй Григорьевичъ на сына.

— Какой онъ мнѣ сынъ,—говоритъ онъ барону,—онъ моей погибели только хочетъ.

— Ну ужь и погибели, больно ты князь Алексѣй на слова невоздержанъ. Какъ можетъ этакое статься? Не погибели твоей хочетъ, а просто удержу себѣ не знаетъ и ничего съ нимъ сдѣлать невозможно.

— Да это точно, совсѣмъ отъ рукъ отбился, избаловали его. Вѣдь вонъ намедни простудился это онъ на охотѣ, разболѣлся, говоритъ; да какое тамъ разболѣлся, просто привередничаетъ, а вѣдь Государь-то пріѣхалъ, ни на минуту не выходилъ отъ него, такъ и спалъ въ его комнатѣ, вотъ какая у нихъ нынче дружба. Право, сижу это я теперь не при Государѣ вотъ, и страхъ беретъ меня, того и жду, что по милости сынка попаду въ немилость.

— Пустое,—опять замѣчаетъ Остерманъ, а самъ думаетъ: вотъ глупый человѣкъ, даже сыну завидуетъ.

А князь Алексѣй Григорьевичъ какъ будто бы отвѣчаетъ на его мысль.

— Право другъ, Андрей Иванычъ, такъ теперь помышляю, хоть бы за что про что, а возненавидѣлъ бы его Государь, удалилъ бы отъ себя, другого кого бы на его мѣсто въ друзья выбралъ, только кто бы тебѣ былъ угоденъ да друженъ съ тобою.

Андрей Ивановичъ благодаритъ князя за такую любовь къ себѣ и собирается прощаться—не втерпежь ему эти глупыя рѣчи, любитъ онъ съ умными людьми вести компанію, а нѣтъ такихъ, такъ ужь лучше потолковать самому съ собою, да и не очень ужь нуженъ ему теперь Алексѣй Григорьевичъ. Сразу съумѣлъ хитрый нѣмецъ забрать его въ руки, теперь онъ ему милѣе сына родного сдѣлался, не уйдетъ теперь отъ него; во всякую минуту однимъ словомъ его вернуть къ себѣ возможно, и уходитъ Андрей Иванычъ. Князь остается со своими тревогами и мыслями о томъ, что вотъ-вотъ родной сынъ наговоритъ царю на отца. А сынъ ни о чемъ дурномъ не думаетъ, противъ отца не злобствуетъ: ему бы самому хорошо было, а другимъ онъ мѣшать не станетъ. Другое дѣло баронъ Остерманъ: претитъ ему Андрей Ивановичъ, не выноситъ онъ глазъ его хитрыхъ, его мягкихъ кошачьихъ ухватокъ, фальшивый въ немъ человѣкъ ему чудится, а князь Иванъ любитъ русскихъ людей—чтобъ всѣхъ на распашку—нѣмцевъ не долюбливаетъ, ему бы хотѣлось совсѣмъ уволить всѣхъ нѣмцевъ, чтобъ не лѣзли со своими совѣтами, не мѣшались въ дѣла русскія. Хотѣлось бы ему вернуть старую русь, позабыть совсѣмъ о Петербургѣ, зажить въ Москвѣ широко и весело: пировать да веселиться, о завтрашнемъ днѣ не думать. Искренно любитъ онъ своего государя и друга, а если дурному его учитъ, такъ самъ хорошенько не знаетъ, дурное это или хорошее.

Безпутный человѣкъ Иванъ Алексѣевичъ, а все же душа у него широкая, добрая душа, только дѣйствительно никакого удержу себѣ не знаетъ. Вотъ онъ вернулся съ охоты, домой пріѣхалъ. Отецъ тотчасъ же на него накинулся. „Что такъ долго пропадали? ты, молъ, всему причиной. Чай нивѣсть что нажужжалъ въ уши Государю, на всѣхъ наговорилъ, только бы тебѣ одному милости, душа твоя ненасытная.

Пожимаетъ на эти непутныя рѣчи плечами Иванъ Алексѣевичъ. Онъ уже привыкъ къ отцу и не принимаетъ въ серьезное его брань и попреки.

— Да перестань, батюшка,—тоскливо говоритъ онъ,—что я тебѣ дѣлаю, оставь ты меня въ покоѣ, или безъ меня наговорился со своимъ Остерманомъ, чай по косточкамъ перебирали меня, ну и удовольствуйся, обнимайся ты съ нѣмецкой клеатурой, а меня не трогай.

— Ну что ты лаешься,—кричитъ на него отецъ,—какъ ты смѣешь такого почтеннаго человѣка, какъ баронъ Андрей Иванычъ, обзывать клеатурой.

— Давно ли же ты самъ такъ называлъ его, смѣется въ отвѣтъ Иванъ Алексѣевичъ.

Этотъ рѣзкій смѣхъ окончательно выводитъ изъ терпѣнія стараго князя, онъ накидывается на сына чуть не съ кулаками. А въ сосѣдней комнатѣ слышенъ шопотъ.

„Тамъ сестры, думаетъ Иванъ Алексѣевичъ. То-то чай Катюша радуется, что отецъ на меня накинулся, ненавидитъ она меня, а за что ненавидитъ, ужь право не знаю. Я вотъ ее хочу царицей сдѣлать, а она меня ненавидитъ, всѣ какимъ-то извергомъ меня считаютъ, человѣконенавистникомъ—за что-жь это, Господи, право ума не приложу? Одного желаю, чтобы оставили меня въ покоѣ, чтобы дали по душѣ повеселиться, не мѣшали бы моей жизни—такъ нѣтъ, не оставляютъ“.

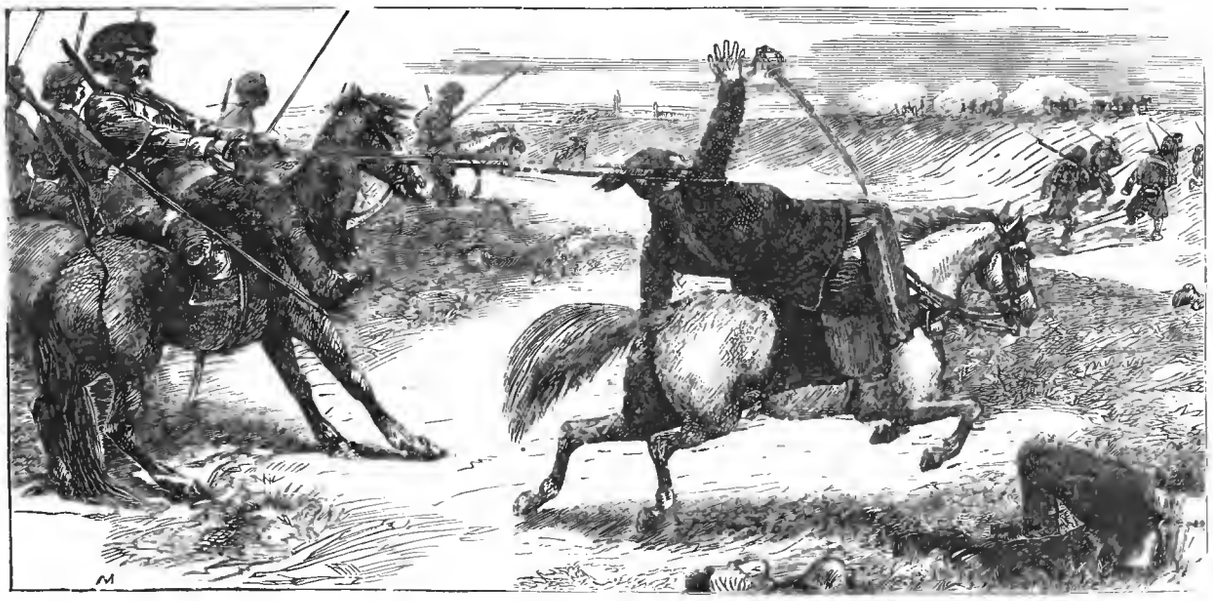
Отецъ между тѣмъ кричитъ все громче и громче, страшнѣе и страшнѣе его упреки, тоска забирается въ душу Ивана Алексѣевича. Бѣжалъ бы изъ дому, не глядѣлъ бы ни на кого.

— Батюшка, да пощади ты,—отчаяннымъ голосомъ наконецъ выговорилъ онъ,—право послушать тебя—хуже я звѣря лютаго.

Библиотека "Руниверс"

— А ты какъ о себѣ думаешь? кричитъ Алексѣй Григорьевичъ. Что-жь ты полагаешь—никто изъ насъ твоихъ продѣлокъ не видитъ, ты полагаешь мы не знаемъ, что отъ всѣхъ отвращаешь ты Государя.

Бѣдный князь Иванъ совсѣмъ въ отчаяніи, ему давно ужь надоѣли всѣ эти сомнѣнія, сцены, всѣ эти интриги, даже въ разгулѣ съ нѣкотораго времени не находитъ онъ прежняго веселья.



Казацкая удаль. Ловко наброшенная петля. Съ наброска англійск. корреспондента, грав. К. Всѣрманъ.

— О, Господи, да когда-же? Кто можетъ сказать это, и кто отъ меня видѣлъ что дурное.

— Ты вонъ козни свои строишь теперь барону Андрею Иванычу, а того не сообразишь, что умнѣе и полезнѣе этого человѣка найти невозможно. Глупъ ты, Иванъ, вотъ что, да и золъ къ тому же.

„Эхъ, бросить бы все, уйти бы", думается ему.

— Да коли такъ,—почти со слезами отвѣчаетъ онъ отцу,—коли вы точно всѣ обо мнѣ такъ думаете, такъ идите къ царю, обнесите меня какъ нибудь, чтобъ онъ пересталъ любить меня, чтобъ онъ удалилъ меня отъ себя. Создателемъ клянусь—слова не скажу. Радъ бу-

Сборъ румынскихъ цырюльниковъ и парикмахеровъ для отправленія на войну фельдшерами. Съ наброска Д., грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Борьба въ Шипкинскомъ проходѣ. Солдаты Брянскаго полка и болгарская дружина, по не достатку патроновъ, забрасывающіе непріятеля каменьями и бревнами.
По рисунку «Monde illustrée» г. Дикса. грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

ду бросить все, только чтобъ меня въ покоѣ оставили, только чтобъ не слышать этихъ вѣчныхъ попрековъ, этихъ обидъ отъ родныхъ своихъ. Оставлю васъ всѣхъ, уйду, если мнѣ мѣста мало между вами!. И онъ едва можетъ ужь говорить отъ волненія и отчаянія и выбѣгаетъ изъ комнаты.

Увидѣвъ его, княжна Катерина отворачивается и выходитъ въ другія двери, даже и встрѣтиться съ нимъ не хочетъ.

Но въ комнатѣ еще кто-то, какая-то женщина. Она подходитъ къ князю Ивану и протягиваетъ ему свою руку. Она глядитъ ему въ глаза, глядитъ на лице его блѣдное и читаетъ въ немъ усталость, тоску и отчаяніе.

— Успокойся князь, — говоритъ она тихимъ голосомъ,—я все слышала, я понимаю, какъ все это должно тебя мучить и тебя теперь понимать начинаю; вѣрю я, что ты говоришь искренно и что ты совсѣмъ не таковъ, какимъ они тебя изображаютъ.

Странно было и отрадно слышать слова эти Ивану Алексѣевичу. Онъ жадно вслушивается въ тихій, ласкающій голосъ, говорящій ему, жадно всматривается въ чудное лицо, которое передъ его глазами. Мгновенно стихаетъ тоска его, онъ схватываетъ протянутую руку и прижимаетъ къ губамъ своимъ.

— Голубушка, Наталья Борисовна!—шепчетъ онъ,— спасибо тебѣ, что хоть ты за меня заступаешься, спасибо за слова твои добрыя, ими душа моя лечится.

Молодая графиня Шереметьева опускаетъ глаза, на которыхъ блестятъ небывалыя слезы. Хотя и спѣшитъ она прочь отъ князя Ивана, но съ нимъ остаются ея думы. А онъ по ея уходѣ остается неподвижно и самъ не знаетъ что съ нимъ такое. Никогда не встрѣчалъ онъ подобной дѣвушки, никогда не слышалъ подобнаго голоса. Что это за голосъ, ровно пѣсня соловьиная, что это за рѣчи такія, прямо до глубины души проникаютъ и не томятъ, не больно отъ нихъ, словно масло благоуханное по душѣ отъ нихъ разливается и смягчаетъ всѣ сердечныя боли. Чудная дѣвушка! и вспоминаются князю Ивану другія, быть можетъ, также красивыя, вспоминаются князю Ивану всякія его похожденія любовныя—много ихъ у него было, а недруги невѣсть что про него разсказываютъ. Охъ, правы, правы эти недруги, совсѣмъ не знаетъ удержу своему сердцу князь Иванъ Алексѣевичъ. Многихъ дѣвичьихъ слезъ онъ причиной, много грѣха принялъ онъ на свою душу, надъ многими насмѣялся. Но не до смѣху ему, какъ подумаетъ онъ о Натальѣ Борисовнѣ, совсѣмъ на умѣ другое—святою какою-то она ему кажется.

VI.

Не снится графинѣ Натальѣ Борисовнѣ въ тишинѣ стараго отцовскаго дома. Еще недавно спокойно и ровно текла ея жизнь, не задавала себѣ трудныхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ молодая графиня, а вотъ съ нѣкоторого времени стало совсѣмъ другое, сама не знаетъ она, какъ это случилось, а только нѣтъ ужь прежняго спокойствія—тревожно у ней на сердцѣ. Все думаетъ она, думаетъ какъ ей быть и что теперь дѣлать,—больно полюбился ей князь Иванъ Долгорукій Многихъ молодыхъ людей видѣла графиня, много жениховъ за нее сватались, но не одинъ до сихъ поръ не съумѣлъ плѣнить ее, а вотъ князь Иванъ и не сватался, о сватовствѣ можетъ и не думаетъ, а взялъ, да и вынулъ ея душу. И что въ немъ хорошаго нашла графиня? Что друженъ онъ съ Императоромъ, что въ почетѣ великомъ—такъ вѣдь это не можетъ привлекать ее. Ея отецъ всю жизнь былъ въ почетѣ, и ее съ дѣтства при дворѣ ласкаютъ, а богатства у Шереметьевыхъ столько, что и не сосчитать его; самою богатою невѣстою слыветъ Наталья Борисовна. Чѣмъ же полонилъ ее князь Иванъ, красотою что-ли?—но онъ далеко не красавецъ; правомъ своимъ, добротою сердца, благороднымъ характеромъ—по совсѣмъ мало знаетъ его графиня, а слышитъ о немъ только одно дурное. Страшно даже припомнить все, что разсказываютъ про князя Ивана, такое разсказываютъ, что дѣвушкѣ зазорно и слушать, такое, чего при дѣвушкѣ и сказать невозможно. И знаетъ Наталья Борисовна, что если не все въ этихъ разсказахъ, такъ все же очень многое совсѣмъ вѣрно. Безпутную жизнь ведетъ князь Иванъ, забавы себѣ выдумываетъ все не хорошія, да и одинъ разъ сама своими глазами, совсѣмъ почти пьянымъ видѣла его графиня. Бѣжать бы подальше дѣвушкѣ отъ такого человѣка, противнымъ долженъ онъ ей казаться, а вотъ любитъ его, да любитъ Наталья Борисовна и ничего съ собою подѣлать не можетъ. Пришла эта любовь внезапно, въ одинъ мигъ какой нибудь и знаетъ красавица что не уйдетъ она, такъ на всю жизнь и останется—два раза любить не возможно. Да, точно, бѣда великая приключилася съ нею. Было ей изъ кого выбрать себѣ суженаго—первые женихи земли русской смотрѣли на нее, какъ на желанную невѣсту и ожидало бы ее тихое, семейное счастье, жизнь безъ борьбы и волненій, такъ нѣтъ же, не то судьба ей приготовила и отъ судьбы теперь уйти уже невозможно, любитъ она его, любитъ себѣ на погибель, а все же таки любитъ, и некому разсказать ей про любовь эту: всякій за нее бранить ее будетъ,—скрывать ее должна она, а скрывать ужь скоро не хватитъ силы. Только и жива Наталья Борисовна, какъ мелькомъ увидитъ князя Ивана, только и радость у ней одна—скажетъ онъ ей ласковое слово. А видѣть его рѣдко приходится, вотъ до сихъ поръ онъ вниманія никакого не обращалъ на нее, будто ее и нѣтъ совсѣмъ на свѣтѣ, не о ней онъ думаетъ, у него что ни день, говорятъ, то любовь новая, а жениться, сказываютъ, напримѣтилъ онъ ужь себѣ невѣсту—цесаревну Елисавету. Чтожь это такое? Чѣмъ все это кончится? Только нѣтъ, нѣтъ—клевещутъ на него люди, не таковъ онъ на самомъ дѣлѣ, какъ про него сказываютъ. Вотъ вѣдь сегодня, вотъ онъ былъ самъ собою. Она никогда не забудетъ его отчаяннаго голоса, никогда не забудетъ словъ его, а какое лицо у него было печальное, какъ онъ благодарилъ ее за участіе. Точно, и онъ одинъ на всемъ свѣтѣ и его никто не понимаетъ; все дурное, что есть въ немъ, такъ это наносное, придетъ другая жизнь—все съ него соскочитъ и слѣда не останется. Останется въ немъ только душа добрая, честная, и какъ ни великъ онъ теперь, какъ ни сіяетъ онъ, а все же онъ жалкій и несчастливый человѣкъ. Враговъ у него видимо не видимо—и нѣтъ ни одного истиннаго друга. Что Императоръ,—Императоръ такъ молодъ, ну, теперь любитъ, жалуетъ, а мало ли что быть можетъ? Только вѣдь однимъ Государемъ онъ и держится, а отвернись отъ него Петръ и всѣ отступятся, мало того что отступятся чужіе—родные, кровные накинутся, погубятъ его, уничтожатъ. Нѣтъ, видно такъ оно нужно, чтобъ полюбила его Наталья Борисовна, чтобъ положила въ него всю свою душу. Когда нибудь можетъ быть покинутый и оставленный, несчастный и ненавидимый всѣми, придетъ онъ къ ней и тогда она ему покажетъ всю силу любви своей, отдастъ ему всю жизнь свою, спасетъ его отъ погибели, отъ отчаянія. А покуда, покуда, пусть никто не знаетъ, что творится въ ея сердцѣ, напрасно и ему то шепнула она сегодня ласковое слово—не стерпѣла, впередъ нужно быть осторожнѣе. Но Боже, еслибъ теперь какъ нибудь, чѣмъ нибудь можно было бы его удержать отъ всего, чѣмъ онъ позоритъ свою душу, только развѣ есть у ней для этого сила, что́ она ему? Чай съ глазъ она—и ни разу не вспомнитъ про нее князь Иванъ Алексѣевичъ. Утомленная такими тревожными тяжелыми мыслями, заснула наконецъ молодая графиня. А на другой день съ нею случилось то, чего она никакъ не ожидала. На всю

Библиотека "Руниверс"

жизнь сохранился этотъ день въ ея памяти. Пріѣхалъ къ нимъ князь Иванъ Долгорукій, а и дома никого не было, одна молодая графиня. Такъ ему и доложили слуги. Слѣдовало ему уѣхать, но онъ непремѣнно желалъ видѣть Наталью Борисовну. „Да развѣ это возможно, подумала она,—что говорить будутъ! Но вдругъ какая-то рѣшимость овладѣла ею и она допустила къ себѣ князя.

— Вотъ спасибо большое тебѣ графинюшка, сказалъ онъ входя къ ней,—такъ я и ждалъ, что велишь гнать меня. А вѣдь все же напрасно ты это сдѣлала, напрасно меня впустила, вѣдь отъ меня, какъ отъ чумы, тебѣ нужно бѣгать, тебѣ и говорить то со мною должно быть зазорно. Неужь-то взаправду не боишься ты принимать у себя Ивана Долгорукаго?

Она подняла на него свои большіе глаза, она увидѣла его грустное лицо, и больно сжалось ея сердце.

— Чего-жь мнѣ тебя бояться?! тихо сказала она. Пусть другіе боятся, а я не боюсь, я тебѣ вѣрю. Я знаю, слышишь ли, знаю что ты меня ни чемъ не обидишь.

На грустномъ лицѣ князя мелькнула свѣтлая улыбка.

— Второй разъ спасибо, дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ онъ. Эти твои слова я никогда не забуду.

Онъ сѣлъ рядомъ съ графиней и начали они тихую бесѣду.

Вотъ онъ, думала она, давно ожидаемый случай, вотъ когда многое сказать можно, но хватитъ ли у ней силы, какъ начать-то?...

И она молчала въ смущеніи.

— А вѣдь я затѣмъ и ѣхалъ, графиня, чтобъ только взглянуть на тебя и поговорить съ тобою, отдохнуть немного. Никто до сихъ поръ не былъ со мною такъ ласковъ какъ ты, никто не показалъ мнѣ такого участія,—не знаю, чѣмъ заслужилъ я это—но мнѣ такъ дорого твое участіе, такъ дорого, какъ голодному нищему кусокъ хлѣба.

— Страшно мнѣ все это слышать, отвѣчала Наталья Борисовна,—ты ли говоришь это? Что дома то бранятъ тебя, такъ въ какомъ дому разныхъ ссоръ не бываетъ, а кажись не тебѣ на свою жизнь пенять: живешь ты во все удовольствіе, только и знаешь, что веселишься, забавы себѣ разныя устраиваешь.

— Ахъ и ты тоже, махнулъ рукой князь Иванъ. Да пойми ты Наталья Борисовна, что нѣтъ мнѣ веселья въ этихъ забавахъ, надоѣли онѣ мнѣ, давно надоѣли—все одно и тоже ничего новаго не придумаешь, одно и тоже, а человѣку мало этого, да и противно къ тому же... все опротивѣло, тошна мнѣ жизнь моя... Иной разъ и страшно за себя становится, за свою душу—многимъ я грѣшенъ Наталья Борисовна, развѣ не вижу, развѣ не понимаю, что такъ жить не возможно? Вотъ послѣднее время и Государь на меня сердится, что отставать начинаю отъ него, рѣдко на охоты съ нимъ выѣзжаю: „Тебѣ, говоритъ, со мною скучно, сказываютъ, ты безъ меня себѣ новыя веселья находишь". А клянусь тебѣ, какъ передъ Богомъ истиннымъ, Наталья Борисовна, не нахожу я себѣ новыхъ веселій Пусть говорятъ обо мнѣ что хотятъ, мнѣ все равно, только совсѣмъ не для затѣй разныхъ остаюсь я, не ѣзжу съ Государемъ, потому не ѣзжу, что тошно мнѣ глядѣть теперь на то, что тамъ творится. Понялъ я наконецъ какой страшный грѣхъ взяли мы всѣ на свою душу, полонили Императора, пріучили его ко всему недоброму. Эхъ, кабы знала ты, что тамъ теперь дѣлается, да нѣтъ тебѣ нельзя и знать этого. Отецъ, скажу тебѣ, вчера на меня накинулся, все боятся, что я отъ нихъ Государя отлучаю, да гдѣ-же мнѣ, еслибъ и хотѣлъ—они тамъ теперь сильнѣе меня становятся. Мнѣ тошно глядѣть на дѣла ихъ, за это они и сердятся. Право, иной разъ какъ думать начинаю, что нельзя такъ жизни продолжаться, такъ въ ту же пору хотѣлъ-бы наложить на себя руки

— Что ты, что ты, быстро перебила его графиня—побойся Бога, что ты говоришь! Я такъ радостно слушала тебя, а ты вдругъ такимъ непутнымъ кончилъ.

— Эхъ, Наталья Борисовна, вѣдь всего не выскажешь, а кабы знала ты, что со мной иной разъ дѣлается, такъ не изумилась бы моимъ чернымъ мыслямъ. Вѣрно, истину говорю, что позорная жизнь эта мнѣ опротивѣла, а другое... ты не знаешь, не знаешь какъ мало у меня силы, воли надъ собою. Я понимаю дурное, хочу бѣжать отъ него, а не бѣгу—въ старыхъ грѣхахъ своихъ погрязаю, и некому спасти меня.

Онъ печально замолчалъ и опустилъ голову.

Наталья Борисовна съ восторгомъ его слушала. То, что еще вчера ночью казалось ей невозможнымъ и далекимъ, то начинаетъ сбываться: онъ пришелъ къ ней измученный и несчастный пришелъ и ждетъ отъ нея спасенья. Вотъ онъ поднялъ опять голову и глядитъ на нее, все глядитъ, не отрывается. Какая нѣжность въ его взглядѣ! Графинѣ и отрадно и страшно. Она не можетъ вынести, не можетъ смотрѣть на него и смущенно то краснѣя, то блѣднѣя отъ него отвертывается.

— Зачѣмъ ты такъ на меня смотришь, въ волненіи шепчетъ она,—мнѣ страшно отъ твоего взгляда, я не знаю, что онъ значитъ.

— А, поднялся князь Иванъ, и ты меня испугалась и тебѣ страшно... Что-жь уйди, уйди, не пристало тебѣ дольше быть со мною, непутный человѣкъ пришелъ въ твой домъ, уйди—тебѣ есть отчего меня бояться! Ну, гляжу я на тебя... и что-жь я скажу тебѣ, почему такъ гляжу—гляжу такъ потому, что полюбилъ я тебя Наталья Борисовна.

Она вздрогнула. Она точно хотѣла убѣжать,, но осталась неподвижною. Ея голова кружилась.

— Да я полюбилъ тебя, я... и должна быть позорна для тебя любовь моя. Кому только не говорилъ я о любви своей, кому только не лгалъ я—и точно также смотрѣлъ на тѣхъ кому лгалъ и мнѣ вѣрили. И я обманывалъ и не стыдно мнѣ было отъ моихъ обмановъ, и не жалко мнѣ было слезъ дѣвичьихъ. Бѣги, бѣги вѣдь и тебя обману такъ и надъ твоими слезами посмѣюсь я. Ну что-же ты не бѣжишь, бѣги!..

Но она не шевелилась.

— Что ты говоришь, опомнись князь, шептала она,—развѣ можно говорить это? Неужли и впрямь ты пришелъ надо мною издѣваться и обижать меня—не могу этому вѣрить.

— Нѣтъ я не издѣваться пришелъ надъ тобой, снова заговорилъ онъ,—я самъ не знаю что со мною. Я не лгу что полюбилъ тебя, я всю ночь глазъ не смыкалъ—о тебѣ думалъ послѣ твоихъ словъ вчерашнихъ и теперь мнѣ кажется, что еслибъ раньше запримѣтилъ я тебя, еслибъ раньше услышалъ твой голосъ, такъ многаго бы не было. Мнѣ кажется, что въ тебѣ одной мое спасенье и вотъ я пришелъ къ тебѣ, какъ безумный, разсказать все это и молить тебя отъ меня не отвертываться. Полюби меня Наталья Борисовна и спаси меня отъ самого себя.

Наталья встала передъ нимъ и взглянула ему прямо въ глаза, лицо ея было блѣдно, но серьезно и спокойно.

— Князь Иванъ, сказала она ровнымъ голосомъ,—мнѣ не слѣдъ тебя слушать, а я слушаю; мнѣ не слѣдъ тебѣ вѣрить, а я вѣрю. Еслибъ точно могла спасти я тебя—я спасла бы, но ты долженъ мнѣ доказать, что нуждаешься въ моемъ спасеніи и что я могу спасти тебя, если точно я что нибудь для тебя значу. Если точно ты обо мнѣ думаешь и не смотришь на меня такъ, какъ смотрѣлъ, до сихъ поръ, на всѣхъ, такъ ты долженъ найти дорогу къ моему сердцу. Обмануть меня не трудно; у меня одна только ограда отъ твоего обмана—мое къ тебѣ довѣріе, слышишь-ли ты, что я тебѣ вѣрю?... Князь Иванъ хотѣлъ броситься къ ней,

Библиотека "Руниверс"

хотѣлъ взять ее за руку, но она не дала руки и отъ него отступила.

— Оставь, не трогай меня князь, сказала она,—пойди къ себѣ успокойся. Если точно знаешь грѣхи за собою, если точно противна тебѣ та жизнь, которую велъ ты до сихъ поръ, такъ найди въ себѣ силу отказаться отъ этой жизни, найди въ себѣ силу уйти отъ грѣховъ своихъ. Знай, что каждый день, когда ты съумѣешь побороть себя, будетъ для меня днемъ счастливымъ и когда накопится нѣсколько такихъ дней, тогда приходи ко мнѣ новымъ человѣкомъ и разскажи мнѣ все, разскажи всю твою душу и я буду помогать тебѣ, и буду за тебя радоваться. Такимъ, какимъ былъ ты до сихъ поръ я не могу, не должна, не смѣю любить тебя; если же ты съумѣешь быть другимъ, съумѣешь очиститься, тогда я буду любить тебя, а теперь оставь меня, прощай.

И князь Иванъ не нашелъ ничего сказать ей. Онъ видѣлъ, что она въ рукахъ его, онъ видѣлъ, что она ужь его любитъ, но онъ не хотѣлъ пользоваться своею властью надъ нею. Онъ взглянулъ на нее съ восторгомъ, и даже не осмѣлившись протянуть ей руку, простился и вышелъ изъ Шереметьевскаго дома.

Сельскій почтальонъ. Рис. Доступинъ, грав. Скрыжевскій.

VII.

Баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ занималъ небольшой домъ, недалеко отъ дворца. У него здѣсь все было такъ же просто, какъ и въ Петербургѣ: онъ все еще считалъ себя на бивуакѣ, все еще надѣялся на скорый переѣздъ въ Петербургъ. Но теперь съ каждымъ днемъ все слабѣла и слабѣла эта надежда, каждый разъ, возвращаясь изъ дворца онъ велъ долгія бесѣды съ женой, и грустны бывали эти бесѣды. Положеніе барона было все также тяжело: онъ видѣлъ что его вліяніе на бывшаго воспитанника, котораго номинально онъ и теперь считался еще воспитателемъ, окончательно ослабѣло: Петръ совсѣмъ выбился изъ рукъ.—Въ немъ вдругъ произошла быстрая перемѣна къ худшему. Еще недавно не смотря на лѣнь и страсть ко всевозможнымъ забавамъ, Андрей Ивановичъ часто подмѣчалъ въ немъ любознательность, радовался его прекраснымъ способностямъ, его живому уму, но теперь, подъ вліяніемъ той безобразной компаніи, въ которую попалъ юноша, его горизонтъ съузился. Онъ пересталъ интересоваться тѣмъ, чѣмъ слѣдовало ему интересоваться, помышлялъ только о весельѣ, объ охотѣ, о разнаго рода непозволительныхъ шалостяхъ; сталъ очень любить нескромные разговоры, къ которымъ пріучали его окружающіе и въ особенности старикъ Алексѣй Долгорукій. Ну, а Андрей Иванычъ не любилъ и не умѣлъ вести нескромныхъ разговоровъ, да и во всякомъ случаѣ ни за что въ мірѣ не позволилъ бы себѣ онъ ихъ при воспитанникѣ, не умѣлъ онъ также говорить и о собакахъ, не смыслилъ въ охотѣ: такимъ образомъ что жь ему оставалось, чѣмъ могъ быть онъ пріятенъ Императору—ненависть къ нему со всѣхъ сторонъ; съ фаворитомъ вѣчныя ссоры. Конечно онъ все таки же всѣмъ нуженъ, не могутъ безъ него обойтись, но что жь изъ этого? Онъ силенъ единственно разрозненностью

Библиотека "Руниверс"

Борьба въ Шипкинскомъ проходѣ. Движеніе подъ турецкими выстрѣлами транспорта съ боевыми снарядами и провіантомъ на мѣсто битвы.
По рисунку „Monde illustré“ г. Дикса грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

своихъ враговъ, а соберись они въ крѣпкую партію, и ему не удержаться. Съ другой стороны тоже виситъ зло страшное надъ головою—совсѣмъ готовятъ погибель для Россіи враги петровскихъ порядковъ. Очевиднымъ становится, что и помышлять нечего о переѣздѣ двора въ Петербургъ. Ну, а если совсѣмъ въ Москвѣ останутся, такъ сущая приходитъ погибель: кажется никогда еще не было такого безначалія какъ теперь, пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и окажутся послѣдствія. Вѣдь подумать страшно, что теперь творится. Никто, какъ есть никто о завтрашнемъ днѣ не думаетъ, заняты только всѣ интригами, безсмысленными интригами, ни къ чему не ведущими, только чтобы грызться другъ съ другомъ. Всѣ рады, что хорошо и весело живется. Но онъ, баронъ Андрей Ивановичъ, смотритъ дальше, видитъ глубже, видитъ онъ тяжелыя и неотвратимыя вещи. Недолго все это будетъ такъ продолжаться, такая жизнь, какую ведетъ Императоръ, скоро, очень скоро, разрушитъ его крѣпкое здоровье, уложитъ его въ могилу—нельзя такъ насиловать природу, никакихъ силъ не хватитъ. Баронъ Андрей Ивановичъ грустно вздыхаетъ, ему вспоминается блѣдное, больное лицо великой княжны Натальи, которая еще вчера жаловалась ему очень на боль въ груди. Онъ давно уже замѣчаетъ, что она больна не на шутку, никакія лекарства ей не помогаютъ. Грустно. грустно это, а скоро умретъ цесаревна. Съ нею вмѣстѣ умретъ и послѣднее доброе вліяніе на юнаго Императора: все же теперь, когда онъ ужь черезъ чуръ завеселится, она еще можетъ на нѣсколько дней удержать его, все же она направляетъ по временамъ его сердце, избавляетъ его отъ поступковъ несправедливыхъ, парализуетъ злое долгоруковское вліяніе. Пока она жива, Остерману нечего бояться немилости: кто другъ ей, тотъ другъ и Императору, умретъ она—и все перемѣнится. Вотъ еще вчера она обѣщала что всѣ свои послѣднія силы употребитъ на то, чтобы уговорить брата переѣхать въ Петербургъ, и въ этомъ послѣдняя надежда, умретъ она—тогда кончено, совсѣмъ забудутъ о Петербурѣ. И чѣмъ больше думаетъ Андрей Ивановичъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе для него становится, что недолго послѣ нея проживетъ Императоръ — совсѣмъ завертятъ его, надорвутъ его силы, уложатъ въ могилу. И кто знаетъ, можетъ все это случится даже очень скоро, чтожь тогда будетъ? Если никто объ этомъ не думаетъ, такъ онъ, Андрей Ивановичъ, подумать долженъ, чтобы такія событія врасплохъ не застали. На комъ же остановится? Старая царица Евдокія Ѳедоровна пожалуй возвыситъ свой голосъ, но вѣдь это не возможно—она сама въ гробъ смотритъ, къ тому же съ нею та же Москва, та же погибель. Цесаревна Елисавета? съ нею можетъ меньше погибели для Россіи, но навѣрное погибель ему, Остерману,—не взлюбила его послѣднее время цесаревна, лады ихъ давно кончились: она его своимъ врагомъ считаетъ Нѣтъ, если сберечь себя онъ хочетъ, такъ долженъ всѣми силами отстранять цесаревну. И онъ все думаетъ и передумываетъ, да такъ ушелъ въ свои мысли, что не слышитъ вопросовъ жены, ничего ей неотвѣчаетъ Вотъ онъ исталъ, пошолъ въ свою спальну, снялъ съ себя старый, любимый шлафрокъ и одѣлся.

— Куда ты, спрашиваетъ Марѳа Ивановна.

— Къ одной персонѣ, таинственно отвѣчаетъ Андрей Ивановичъ и уходитъ изъ дому. Онъ идетъ во дворецъ, идетъ задними ходами въ уединенную дальнюю часть дворцоваго помѣщенія, гдѣ отведено нѣсколько комнатъ для герцогини Курляндской Анны Ивановны.

(Продолженіе будетъ).

Столѣтіе г. Тулы.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось столѣтіе со времени открытія тульскаго намѣстничества.

Повелѣніемъ Императрицы Екатерины II, вслѣдъ за генеральнымъ размежеваніемъ Имперіи, открыто было тульское намѣстничество, именно въ 1777 г. Это намѣстничество заключало въ себѣ 12 уѣздовъ, которые остались въ немъ и при переименованіи его въ тульскую губ. (Указомъ 28 іюня 1802 г.)

Собственно гербъ Тулѣ, въ честь ея оружейнаго завода, пожалованъ въ 1778 году. Гербъ этотъ изображаетъ на золотомъ фонѣ серебряный оружейный стволъ, горизонтально положенный на двухъ серебряныхъ шпажныхъ клинкахъ, лежащихъ на подобіе андреевскаго креста, концами внизъ; вверху и внизу этотъ гербъ имѣетъ кромѣ того по золотому молоту.

Такимъ образомъ оказывается, что и въ то отдаленное отъ насъ время, когда Императрица Екатерина учредила тульское намѣстничество, оружейный заводъ въ Тулѣ имѣлъ на столько значенія въ глазахъ Императрицы, что, при учрежденіи герба города Тулы, былъ принятъ въ основу этого герба.

Но прежде чѣмъ говорить объ исторіи тульскаго оружейнаго завода, находимъ небезъинтереснымъ разсказать исторію самаго города Тулы.

Городъ Тула, какъ извѣстно, въ настоящее время расположенъ по обѣимъ сторонамъ р. Упы, при впаденіи въ нее—справа р. Тулицы, а слѣва Вогонки и Рогожны, въ 175 вер. отъ Москвы.

Древняя Тула была не на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится: первоначально она была въ 15 вер. дальше на сѣверъ.

Тула—городъ весьма древній. Въ исторіи упоминается о ней подъ 1147 годомъ. Карамзинъ думалъ, что она названа именемъ жены Чанибека, царицы Тайдулы, которая въ XIV в. управляла Тулою чрезъ своихъ баскаковъ. Въ договорѣ Дмитрія Донского съ Олегомъ Рязанскимъ (1381—1382 г.) положено было, что бы Тула оставалась собственностью великаго князя Рязанскаго.

Переходя за симъ во время удѣльнаго періода отъ одного князя къ другому, Тула въ 1516 г. присоединена была къ Москвѣ. По приказанію Василія Ивановича (сына Іоанна III) въ Тулѣ заложены первыя крѣпости, деревянная и каменная, а при Грозномъ и сынѣ его Ѳеодорѣ проведена была охранная сторожевая линія, имѣвшая своимъ центромъ Тулу.

Въ продолженіи XVI вѣка къ Тулѣ не разъ подступали татары. Замѣчателенъ славный подвигъ тулянъ въ 1552 г., когда многочисленная крымская рать Девлетъ Гирея и данные ему на помощь турецкимъ султаномъ янычары цѣлый день не могли взять Тулу, хотя и полусожженную огненными ядрами, но упорно защищаемую жителями.

Въ началѣ XVII столѣтія Тула имѣла за собой весьма недобрую славу: она служила сборнымъ пунктомъ преступниковъ и бродягъ, которые въ ней и ея окрестностяхъ находили безопасное для себя убѣжище. Нужно замѣтить, что власти того времени смотрѣли на это укрывательство преступниковъ нѣсколько сквозь пальцы: были виды на ихъ подмогу еще во время Грознаго, а именно, ими надѣялась въ случаѣ военнаго времени охранить южныя границы государства. Такой взглядъ на защиту границъ, столь странный для нашего времени, оправдывался при Грозномъ и долго еще послѣ него держался.

За симъ въ эпоху самозванцевъ Тула тоже заявила себя неособенно похвально. При первомъ Лжедмитріи туляне были на его сторонѣ. Въ Тулѣ онъ принималъ во временномъ дворцѣ пословъ изъ Москвы, знатнѣйшихъ вельможъ думы царя Бориса; здѣсь принималъ онъ государственную печать, ключи отъ кремлевской казны, одежды и царскіе доспѣхи. Отрепьева не стало, но чрезъ нѣсколько времени снова разнеслись слухи о его избавленіи и туляне опять вооружились, чтобы идти къ нему на помощь. Вождь ихъ Истома Пашковъ повелъ ихъ къ Москвѣ, но былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ Скопинымъ. Остатки мятежниковъ бѣжали и засѣли въ Калугѣ и Тулѣ, къ нимъ присоединился Илейка, или Лженетръ, мнимый сынъ царя Ѳеодора. Завязалась борьба съ царскими войсками, посланными для усмиренія мятежа. Василій Шуйскій, наконецъ, самъ принялъ начальство надъ войскомъ и подступилъ къ Тулѣ.

Осажденныя сопротивлялись упорно, хотя и терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Совѣтники предложили Василію Шуйскому затопить Тулу. Слѣдуя этому совѣту, онъ распорядился запрудить рѣку Упу деревянной плотиной, и такимъ образомъ поднять воду. Вода залила улицы, дворы, такъ что осажденнымъ пришлось переправляться изъ дома въ домъ на лодкахъ. Эта мѣра вмѣстѣ съ голодомъ заставила ихъ смириться. Главные изъ зачинщиковъ бунта обѣщались предать Шуйскому Тулу и самозванца Петра, если онъ своимъ царскимъ словомъ удостовѣритъ ихъ въ прощеніи. Василій Шуйскій зналъ, что второй Лжедмитрій приближался къ Тулѣ съ своими сообщниками, и потому поспѣшилъ дать мятежникамъ согласіе на прощеніе. Бояринъ Колычевъ вступилъ въ Тулу съ московскими войсками и взялъ Илейку.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1610 г. по мысли Ляпунова и благословенію патріарха Гермогена, Тула ополчилась для избавленія Москвы отъ Поляковъ.

Въ 1613 г. подъ предводительствомъ гетмана Лисовскаго, поляки раззорили Тулу и выжгли ея окрестности. Далѣе для защиты отъ татарскихъ набѣговъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ возобновлены тульскія засѣки; при Алексѣѣ Михайловичѣ вырытъ третій земляной городъ или *Завитай*. Въ этомъ же столѣтіи тульскіе жители получили многія права, особенно кузнецы и кирпичники (на договоры съ иностранными заводчиками), слѣдствіемъ чего было основаніе въ Тулѣ и ея окрестностяхъ заводовъ чугунно-литейныхъ, желѣзныхъ, оружейныхъ.

Вотъ какова исторія старой Тулы, разсказанная нами по возможности кратко, лишь въ предѣлахъ передачи читателямъ общаго понятія о томъ, какихъ событій и какихъ временъ этотъ старый городъ былъ свидѣтелемъ.

Обратимся теперь къ свѣдѣніямъ, касающимся развитія заводскаго дѣла въ этомъ городѣ.

Но прежде чѣмъ говорить о развитіи этого дѣла въ Тулѣ, нужно замѣтить, что въ Россіи первоначально выдѣлывали желѣзо изъ глыбовой руды, которая добывалась близь бывшаго города Дѣдилова (въ 30 вер. отъ Тулы) и плавилась крестьянами въ ручныхъ горнахъ, нѣсколько схожихъ съ обыкновенными кузнечными. Желѣзная крица, разбитая ручными балдами въ небольшіе батоги, служила тульскимъ кузнецамъ для приготовленія самопаловъ, которые по малому искусству мастеровъ и дурнымъ свойствамъ самого матеріала, стояли гораздо ниже иностранныхъ. Голландскіе купцы, производившіе чрезъ архангельскій портъ самую дѣятельную торговлю съ Россіей, почти не имѣли соперниковъ въ продажѣ намъ всякихъ металловъ и всякаго оружія, назначая на нихъ самопроизвольно высокія цѣны. Одинъ изъ купцовъ голландскихъ, разслѣдовавъ качество желѣза въ Россіи, наконецъ основалъ близь стараго тульскаго городища чугунно-литейные и вододѣйствующіе желѣзные заводы. Затѣмъ были устроены Ведменскіе заводы, вслѣдъ за ними и друг. Тогда только наши тульскіе казенные кузнецы начали учиться у иностранцевъ чужеземной заваркѣ стволовъ и прочимъ пріемамъ оружейнаго производства. Само правительство при выдачѣ граматъ на открытіе заводовъ всѣмъ заводчикамъ и фабрикантамъ начало включать въ условіе обученіе „людей государевыхъ всякому желѣзному дѣлу". Въ началѣ XVIII столѣтія тульскихъ кузнецовъ стали посылать заграницу, а оттуда вывозить мастеровъ и механиковъ для улучшенія техническихъ работъ на тульскомъ оружейномъ заводѣ.

Здѣсь необходимо уклониться нѣсколько въ сторону ко времени царя Ѳеодора Іоанновича, при которомъ было положено основаніе класса тульскихъ оружейниковъ. Основаніе этому многочисленному сословію тульскихъ оружейниковъ положили 30 самопальныхъ кузнецовъ, которыхъ Ѳедоръ Ивановичъ по просьбѣ ихъ, приказалъ поселить на казенной оброчной землѣ, уволивъ отъ всякихъ посадскихъ податей и земскихъ повинностей, за исключеніемъ ежегоднаго взноса 10 р. во владимірскій приказъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ, подтвердивъ полученныя льготы, освободилъ ихъ отъ постоя и платежа оброка, для болѣе успѣшнаго хода ихъ работъ. При Петрѣ Великомъ сначала (въ 1701 г.) велѣно было „принять въ тульскую казенную слободу оружейныхъ мастеровъ, всякаго званія людей, откуда бы они не были", а 10 лѣтъ спустя (1711 г.) предписывалась сенатскимъ указомъ „изъ разныхъ губерній послать въ Тулу молодыхъ ребятъ, которые кузнечному и столярному дѣлу заобычны и учить ствольному, замочному и ложевому дѣлу оружей и пистолетовъ".

Когда тульское желѣзо, по его мягкости уступающее только сибирскому, было наконецъ признано за лучшее желѣзо въ Европейской Россіи рѣшено было укоренить оружейное дѣло въ Тулѣ и въ 1705 г. посланъ былъ дьякъ Андрей Бѣляевъ пріискать удобное мѣсто для постройки оружейнаго двора съ 50 горнами, съ избами для отдѣлки, амбарами для храненія. Дворъ былъ построенъ на берегу Упы, противъ церкви Вознесенія, (впослѣдствіи проданъ съ публичнаго торга). Настоящій оружейный заводъ получилъ свое правильное основаніе только вслѣдствіе указа 15 февраля 1712 г. Устроенъ онъ былъ тогда по плану, сдѣланному кузнецомъ Маркомъ Сидоровымъ (иначе Красильниковымъ), а оконченъ солдатомъ Ораніенбургскаго батальона Яковымъ Батищевымъ, который къ вододѣйствующимъ машинамъ (для сверленія, обтачиванія и бѣленія стволовъ), устроеннымъ на Упѣ, прибавилъ еще разныя машины для наружной и внутренней отдѣлки стволовъ, собственнаго изобрѣтенія.

Сдѣланныя въ наше время измѣненія какъ во многихъ частяхъ заводскихъ построекъ, такъ и въ самомъ ходѣ оружейнаго дѣла, неуменьшаютъ значенія заслугъ первыхъ заводскихъ строителей и мастеровъ, которые, въ то уже весьма отдаленное отъ насъ время, умѣли поставить заводское дѣло назначительную степень достоинства. Само собою понятно, что подъ вліяніемъ могучей воли и энергіи Петра Великаго заводское дѣло въ Россіи росло и спорилось, и тульскіе мастера воодушевлялись въ своей дѣятельности. Но такъ шло только пока живъ былъ Петръ Великій.

По кончинѣ Петра Перваго дѣло на тульско-оружейномъ казенномъ заводѣ стало мало по малу падать, заводъ все болѣе и болѣе разрушался, и дошло до того, что работы на немъ вовсе прекратились. Съ того времени кузнецы работали по домамъ и квартирамъ. Въ 1778 г. учреждена была коммисія для составленія проэкта постройки новаго каменнаго завода на томъ мѣстѣ, гдѣ можно пользоваться водами Упы и Тулицы. Проэктъ удостоился одобренія Императрицы Екатерины II и такъ какъ не оказалось нужныхъ на постройку суммъ, то и рѣшено было на первое время построить временной деревянный, (сгорѣвшій послѣ 52 лѣтняго существованія). Вмѣстѣ съ планомъ, Высочайше утвержденнымъ 1782 г., вышло положеніе, которымъ опредѣлился образъ управленія казенными и приписанными къ заводу крестьянами Тульской губ. При Павлѣ открыто было заводское правленіе. По восшествіи на престолъ Александра I на тульскомъ заводѣ осуществились всѣ перемѣны и улучшенія, которые до этого времени существовали только въ проектахъ и предположеніяхъ.

Въ это царствованіе были зачислены оружейниками крестьяне (310 д.), купленные правительствомъ у оберъ-егермейстера Нарышкина и размѣщены по цехамъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда устроились первые чугунно-литейные и желѣзные заводы тульской губерніи. При Александрѣ I возобновлены были всѣ заводскія зданія и построены новыя. Въ 1812—1814 г. Тула могла приготовлять до 13,000 разнокалиберныхъ ружей ежемѣсячно. Нужно замѣтить, что, подобно тому, какъ въ настоящее время война открываетъ намъ на многое глаза и выставляетъ на видъ многіе наши недостатки, такъ точно и въ то время было: война 1812 года тоже открыла то, что не могли мы русскіе до ея начала замѣтить. Она доказала необходимость и пользу лучшаго устройства оружейнаго дѣла.

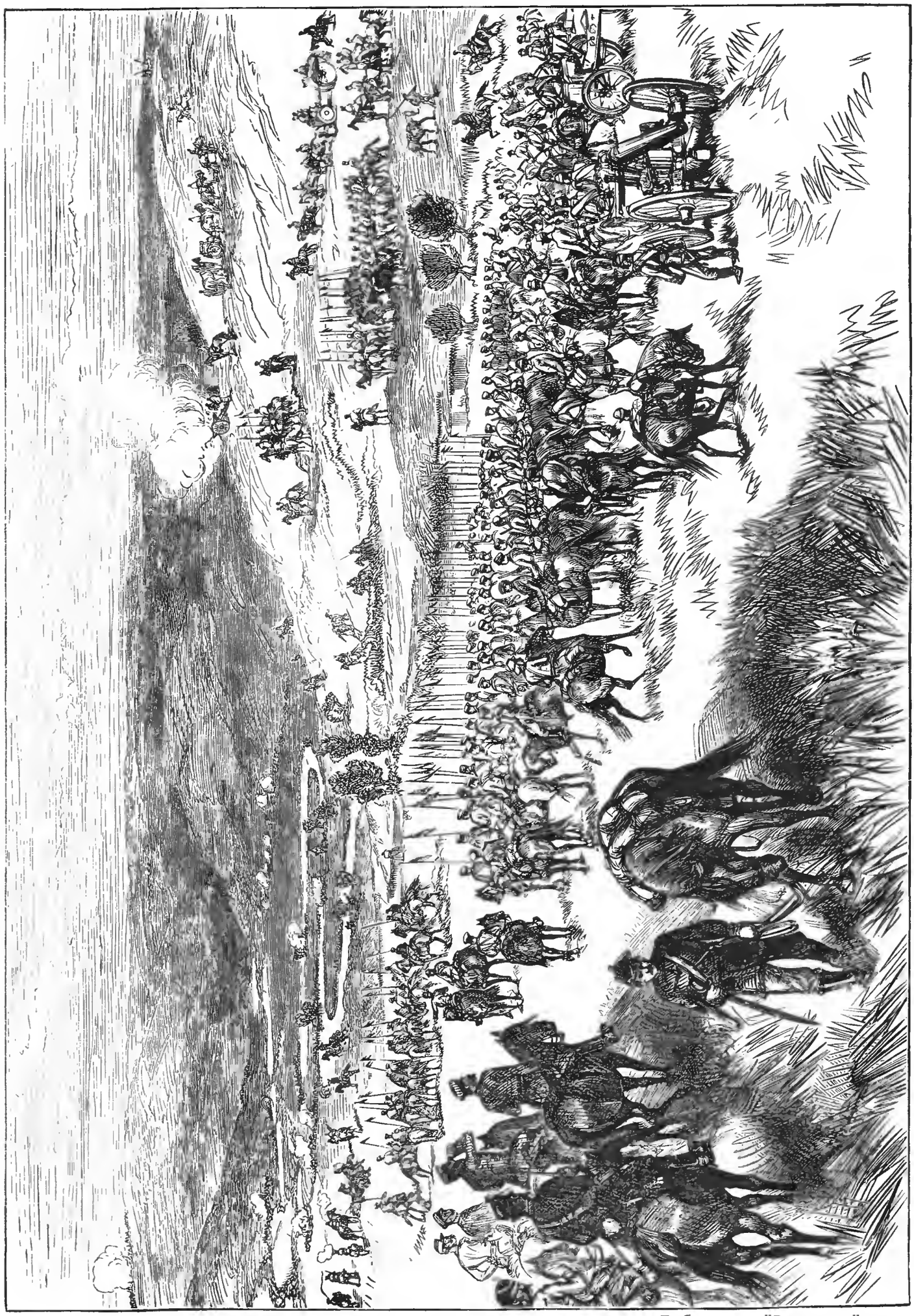
Блестящій періодъ въ исторіи Тульскаго оружейнаго искусства можно назвать 1817 г., когда командиромъ завода сдѣланъ былъ генералъ-маіоръ Штаденъ, а механикомъ Джонъ-Джонсъ. Первый все приводилъ въ порядокъ и устройство,—второй преобразовывалъ заводскія работы. Нѣкоторые введенные послѣднимъ способы и изобрѣтенные станки сдѣлали имя его извѣстнымъ и заслужили ему славу. Правительство съ своей стороны также содѣйствовало къ улучшенію заводскаго дѣла. Утвержденъ былъ для тульскаго завода штатъ; возвышено содержаніе всѣхъ находящихся на заводѣ чиновниковъ, приведены въ ясность разныя ихъ обязанности. Оружейникамъ даны права мѣщанъ и цеховыхъ, разрѣшено торговать собственными издѣліями и отпускать ихъ заграницу, выходить въ купечество, заводить фабрики и брать изъ казны, какъ вспомоществованіе, на заведеніе ихъ: желѣзо (до 25000 п. ежегодно) сталь, уголь и проч. по цѣнѣ, во что они обходятся заводу. Пострадавшимъ отъ пожаровъ назначено получать безвозмездно строевой лѣсъ изъ казенныхъ засѣкъ или за указные проценты, пользоваться заимообразно денежнымъ вспомоществованіемъ изъ такъ называемой ссудной кассы. Для совѣщаній о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, оружейные мастера получили право выбирать изъ среды своей до 60 человѣкъ, такъ называемыхъ *сотенныхъ*, которые по большинству голосовъ и по утвержденіи командира назначаются на разныя присяжныя должности. Для больныхъ построенъ военный госпиталь и заведена аптека, для престарѣлыхъ богадѣльня, для дѣтей школа.

Взаключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что желѣзныя руды въ тульской губ. находятся особенно въ большомъ изобиліи въ засѣкахъ (*лѣсахъ*) Малиновской и Щегловской. Но самое обильное рудное мѣсто находится въ дачахъ Демидова въ с. Рвахъ. Впрочемъ желѣзо, тамъ добываемое, отвозится все на заводъ Демидова въ Калужскую губ. въ д. Дубку.

Въ настоящее время въ Тулѣ кромѣ вышеупомянутыхъ казенныхъ производствъ находятся чугунно-литейные, колокольные, самоварные и друг. заводы. Кромѣ того городъ славится извѣстнымъ заводомъ стальныхъ издѣлій. Вообще весь городъ Тула носитъ колоритъ рабочаго города. Много очень бѣдныхъ лачугъ, напоминающихъ столь извѣстную избушку на курьихъ ножкахъ. Въ каждой изъ такихъ лачугъ живутъ рабочіе, въ тѣснотѣ и грязи ,много лачугъ заняты женщинами, работающими тоже на фабрикахъ: сверлильщицами, наждачницами и т. п. Много лачугъ занято рабочими, дѣлающими гармоніи, токарями, слесарями и т. п. Въ непраздничные дни слышится тамъ и сямъ немолчный стукъ молотовъ, то въ перемежку, то вдругъ обрушивающихся на отчеканиваемую металлическую массу. Иногда вдругъ среди неожиданно выдавшейся минуты общей тишины послышатся звуки гармонники: то мастеръ для пробы тронулъ ее; или жужжаніе токарнаго станка, сопровождаемое тихой пѣсней рабочаго. Но не успѣютъ эти звуки стихнуть, какъ опять зашумитъ и застучитъ тамъ и сямъ молотъ. Изъ трубъ фабрикъ, то медленно ползутъ мутно-красныя искры, то зіяетъ по временамъ пламя и долго, долго въ темные зимніе вечера ярко свѣтятся окна фабрикъ.

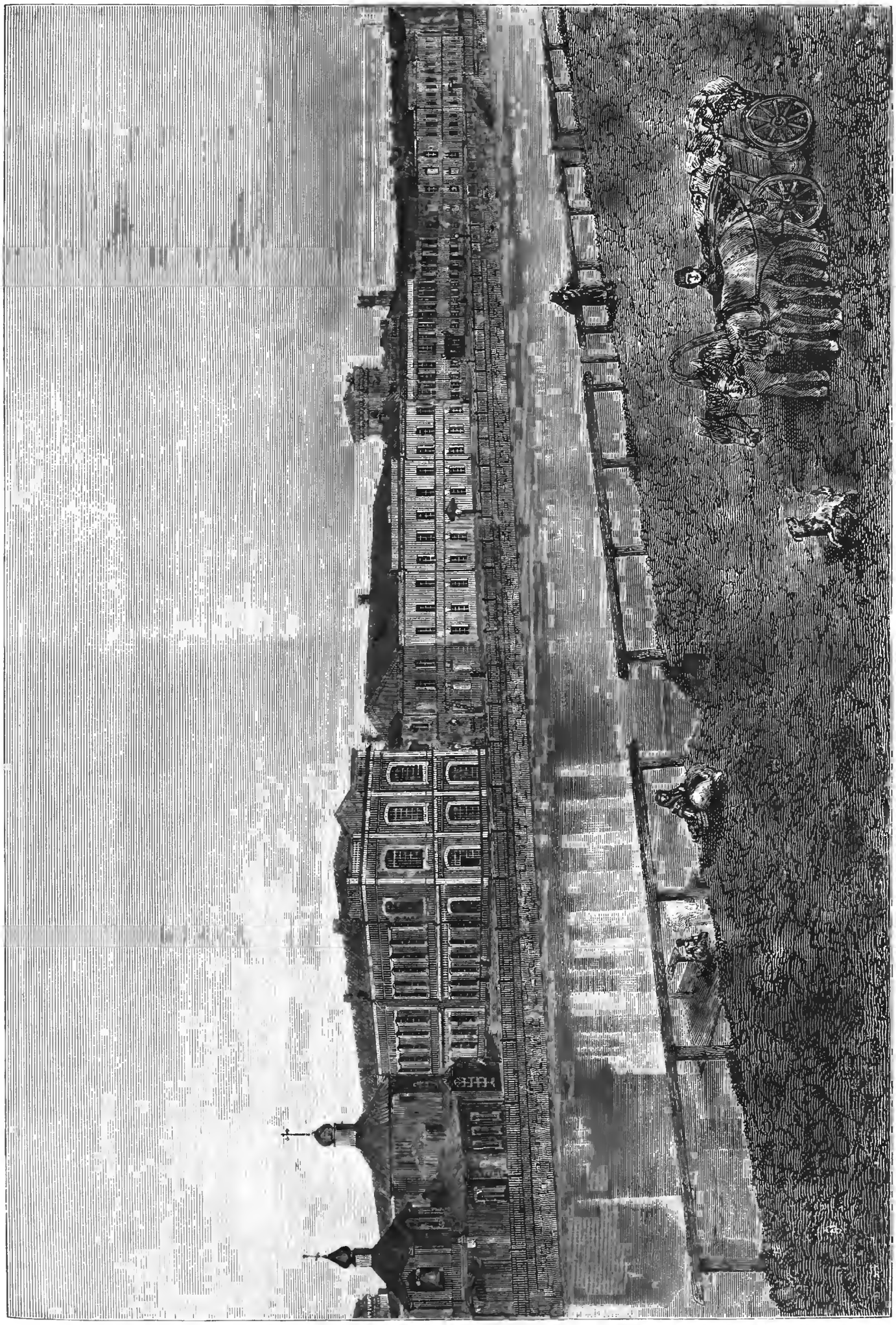
Въ праздникъ—помимо кабака нѣтъ удовольствій и радостей, такъ необходимыхъ послѣ долгихъ трудовъ. До сихъ поръ въ Тулѣ нѣтъ никакихъ развлеченій для трудящагося всю жизнь свою рабочаго, и идетъ этотъ рабочій въ кабакъ, единственное мѣсто забвенія вѣчной нужды. И этотъ кабакъ, такъ же властвовалъ надъ большинствомъ тульскаго населенія въ дореформенный періодъ настоящаго царствованія, какъ властвуетъ и теперь.

Библиотека "Руниверс"



Форсированная рекогносцировка генерала Лошкарева въ долинѣ р. Вида. Съ наброска К. Б., грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Столѣтній юбилей города Тулы. (Со времени образованія тульскаго намѣстничества).
Общій видъ Тульскаго оружейнаго завода. Съ фотогр. рис. Бренке, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Нельзя сказать чтобы всѣ „реформы“ послѣдняго десятилѣтія способствовали хотя сколько нибудь улучшенію быта и нравовъ заводскихъ мастеровъ и рабочихъ. Не будетъ большою несправедливостію, если мы замѣтимъ, что съ этой стороны, т. е. со стороны улучшенія быта и нравовъ тулянъ, дѣло что-то туго подвигается впередъ. Собственно есть прогрессъ и очень даже значительный... но только въ увеличеніи числа питейныхъ заведеній. Грустно это и больно... Но, должно быть что, наша частная грусть и страданія при видѣ нежелаемаго этого прогресса не имѣетъ еще той силы и значенія, чтобы препятствовать ему. Должно быть мало еще у насъ русскихъ такихъ свойствъ, которыя могли-бы противустоять давленію такого прогресса и побороть его, какъ одно изъ величайшихъ золъ, давящихъ въ нашей жизни все хорошее.

Но когда-же и гдѣ тотъ желанный свѣтъ, который освѣтитъ темные углы нашей родины вообще и въ частности темные углы тульской заводской жизни съ ея бѣдностію, неряшествомъ и пороками, этими законными дѣтьми того прогресса, о которомъ намъ пришлось здѣсь сказать?

Д. Стахѣевъ.

Эпизоды изъ защиты Шипкинскаго прохода въ Балканахъ.

„Нива“ имѣла случай помѣстить уже нѣсколько рисунковъ, составляющихъ эпизоды изъ знаменитой защиты Шипкинскаго прохода въ Балканахъ. Помѣщаемые въ этомъ номерѣ два рисунка относятся ко времени этой же знаменитой защиты, разсказы о которой, по всей вѣроятности, еще долго, долго, будутъ появляться одинъ за другимъ, дополняя и выясняя значеніе подвига нашихъ воиновъ.

Защита эта—дѣйствительно подвигъ и безпримѣрный по необычайной стойкости и беззавѣтной храбрости русскихъ войскъ. И какъ бы мы высоко не ставили этого подвига—намъ его не оцѣнить во всей его силѣ и значеніи. Оцѣнка его принадлежитъ исторіи, которая имена героевъ Шипки обезсмертитъ на вѣки вѣчные.

Мы, современники, не имѣемъ возможности вполнѣ оцѣнивать значеніе того или другого эпизода настоящей войны. Казалось бы это странно и невѣроятно, казалось бы, кому же какъ не намъ, должно принадлежать право оцѣнки и опредѣленія значенія ея эпизодовъ. Но если всмотрѣться поглубже въ то положеніе, въ какомъ мы находимся, по отношенію къ совершающимся на театрѣ войны событіямъ, то явится именно такой выводъ, что не намъ принадлежитъ оцѣнка этихъ событій. Событія эти еще совершаются, они еще идутъ одно за другимъ, они еще не вошли въ опредѣленныя имъ самымъ ходомъ войны рамки, не завершились, и вотъ поэтому то мы не можемъ высказать о нихъ своего рѣшающаго сужденія. Мало того, во многихъ случаяхъ, мы, нечуждые увлеченій успѣхами, огорченій неудачами, не можемъ имѣть спокойнаго, трезваго взгляда на эти событія. Послѣдствія ошибокъ кажутся ужасными, незначительныя удачи—большими. Словомъ, мы еще сами участвуемъ въ ходѣ того или другого эпизода войны и не можемъ видѣть его во всемъ его объемѣ, подобно тому, какъ человѣкъ, идущій въ толпѣ, не видитъ всей толпы, а только нѣсколько лицъ, его окружающихъ.

Будетъ время, завершатся событія, подведутся итоги имъ и только тогда нашимъ глазамъ во очію предстанутъ во всемъ своемъ поистинѣ изумляющемъ величіи наши безпримѣрные русскіе герои, эти „воины Христовы“.

Одинъ изъ рисунковъ (см. стр. 653) относится къ первымъ днямъ защиты Шипки и именно къ третьему дню, когда еще на помощь нашимъ войскамъ не подоспѣли подкрѣпленія, когда боевые снаряды были израсходованы и непріятель съ остервенѣніемъ подступалъ все ближе и ближе. Этотъ именно моментъ, послѣдній моментъ предъ самымъ приходомъ подкрѣпленій, изображаетъ рисунокъ. Наши воины уже начали отбиваться бревнами и каменьями, бросая ихъ съ кручи на лѣзущихъ снизу въ гору турокъ.

Но вотъ подоспѣли подкрѣпленія и вздохнули свободнѣе доблестныя наши войска Брянскаго полка и Болгарской дружины, три дня, какъ сказано выше, защищавшія Шипку.

Генералъ Радецкій (см. „Ниву“ № 28), пришедшій въ этотъ моментъ на помощь имъ, въ карьеръ взлетѣлъ по крутой горѣ на брустверъ баттареи, откуда открывалась вся аттака турокъ внизу и куда градомъ сыпались пули. Радецкій отсюда осмотрѣлъ позиціи, оставаясь спокойнымъ подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля. Когда стрѣлки, расположившіеся у первой баттареи и на окраинахъ дороги по лѣвую сторону и дружина на верху, увидѣли нашъ отрядъ, по всѣмъ гребнямъ нашихъ позицій раздалось такое дружное и энергичное ура, что оно на минуту покрыло и трескотню выстрѣловъ и гвалтъ турецкой аттаки, озлобленно и неистово переходившій съ одной высоты на другую. Свѣжіе батальоны стрѣлковъ моментально, не ожидая приказаній, кинулись на гору и залегли на ея карнизахъ.

Наступленіе турокъ шло по лощинѣ, образуемой выгибомъ горы св. Николая. Лощина эта покрыта лѣсомъ почти до вершины гребня. Лучшіе таборы Сулеймана-паши неистово шли по ней вверхъ, не обращая вниманія на самый убійственный огонь стрѣлковъ.

— Покажите имъ скорѣе пушки, приказалъ генералъ Радецкій командиру горной баттареи Орлову. Несмотря на крутой взъѣздъ, лошади быстро взвезли четырехъ фунтовыя орудія къ брустверу и черезъ нѣсколько времени въ общемъ гвалтѣ и трескотнѣ аттаки грянули мѣдныя жерла, бросая прямо въ лицо аттакѣ свои картечныя гранаты. Первая проба оказалась удачной. Гранаты разорвало въ копошившейся по скату горы массѣ красныхъ фесокъ.

Очевидецъ, передавая этотъ день битвы, рисуетъ слѣдующую картину.

„...Внизу правильныя колонны турокъ, точно на маневрахъ развертывавшія свой строй, рядомъ карнизъ горы зубцами и зигзагами, весь точно ощетинившійся ружьями. Особенно поразительна была одна скала. Она выдавалась вся въ бѣлесоватомъ сумракѣ тихаго вечера карнизомъ. На ней по самому краю плашмя залегли стрѣлки. Подъ скалою туманъ, кругомъ все ушло во мглу.

Стрѣльба глушила насъ... Вся гора одѣлась въ огневую кайму. Гремѣло и вверху и внизу. По аттакѣ сбили и справа и слѣва, на краю дороги тоже работали стрѣлки по отдѣльнымъ толпамъ, подступавшимъ оттуда, чтобы раздѣлить наши силы. Сначала это былъ какой-то хаосъ, потомъ ухо пріучилось находить въ немъ нѣкоторую правильность. Грохотъ залпа разомъ, моментъ тишины, прерываемый только криками „алла!“ внизу и затѣмъ огонь на выборъ, въ перемежку, а тамъ опять оглушительный залпъ... Турки внизу дрогнули. Замѣтивъ это, наши стрѣлки кинулись изъ своихъ прикрытій и стали сбѣгать внизъ по скату прямо на озлобленнаго врага, еще одинъ могучій перекатъ „ура“ и все внизу смятое, сплавившееся въ одну массу, кинулось вспять... Турки бѣжали въ лѣса зеленыхъ горъ, обступившихъ лощину и почти въ каждомъ рву ея оставляя своихъ убитыхъ и раненыхъ“.

Послѣ трехъ сутокъ непрерывнаго боя—шипкинскій отрядъ могъ наконецъ успокоиться. Выстрѣлы раздавались только изрѣдка, но это было почти мертвою тишиною послѣ недавней свалки. Пушки горной баттареи оказались какъ нельзя болѣе кстати. Грохотъ четырехъ фунтовыхъ орудій былъ для турокъ поэтому полною неожиданностью—и довершилъ дѣло, превосходно начатое стрѣлками...

По окончаніи боя, сверху, на горѣ св. Николая, грянуло торжествующее ура, прокатилось по гребню внизъ и замерло въ лощинахъ отдаленнаго перевязочнаго пункта, чтобы начаться опять... Повторилось оно три раза, пока Радецкій не приказалъ замолчать...

— Зачѣмъ ихъ останавливать теперь?

— Солдаты въ эту минуту очень нервны. Если не дать имъ до сна успокоиться—они и ночью во снѣ не найдутъ отдыха. Пригрезятся нѣкоторымъ турки—заорутъ со сна и всполошатъ всѣхъ на позиціяхъ.

Такія тревоги не разъ уже бывали. У турокъ случилось даже такъ, что они подняли стрѣльбу и въ безпамятствѣ много перебили своихъ.

Второй рисунокъ (см. въ этомъ № стр. 657) представляетъ движеніе подъ выстрѣлами непріятеля транспорта съ боевыми снарядами и провіантомъ на мѣсто битвы.

Несомнѣнный фактъ, подтверждаемый всѣми корреспондентами и русскими и иностранными, что болгары съ опасностью жизни помогали русскимъ, доставляя и воду, и провіантъ, и боевые снаряды и перевозя раненыхъ. Очевидцы объ этомъ шестомъ днѣ битвы разсказываютъ что въ этотъ день съ одиннадцати часовъ утра дорога на гору св. Николая представляла очень оживленный видъ. Болѣе тысячи болгаръ изъ окрестностей и изъ Габрова явились сюда. У каждаго мулъ или оселъ, только у рѣдкихъ лошадь. Животныя были навьючены боченками съ водою. Сами болгаре несли по два кувшина въ рукахъ. Это они явились развозить воду по позиціямъ. И нужно отдать полную справедливость, они аккуратно не переставая развозили ее не самые отдаленные занятые нами пункты. Нѣкоторые изъ нихъ смѣшивали воду съ виномъ. И не смотря на то, что у многихъ изъ нихъ убиты лошади и ослы, и сами они ранены—это не охлаждало ихъ усердія. Солдаты ихъ душевно благодарили. Въ описываемое время Болгары особенно оказали намъ услугу, можно сказать, они являлись спасителями, ибо трудно рѣшить, отчего мы больше страдали—отъ пуль непріятеля или отъ жажды.

По всей дорогѣ, пишутъ очевидцы, растянулись эти добровольцы водовозы въ два ряда. Одинъ мѣрно съ полнымъ грузомъ, позвякивая колокольчиками, навѣшанными на ослахъ, взбирается вверхъ, другой спускается къ ключамъ, чтобы наполнить водою свои боченки и кувшины, и сейчасъ же опять итти въ гору. Около каждаго солдата останавливается болгаринъ.

— Братушка, вода!

— Дай, дай напиться, братушка... Спасибо тебѣ... И какая у тебя вода холодная.

Библиотека "Руниверс"

Все время пути болгаринъ слѣдитъ, чтобы у него кувшинъ не обсохъ и такимъ образомъ сохранялъ постоянную температуру. Раненымъ болгаре обмывали сами раны и, возвращаясь назадъ, везли ихъ на своихъ ослахъ. Въ этотъ палящій зной степень жажды была просто невообразимая. Солдаты не знали, чѣмъ и какъ благодарить за ихъ услуги. Противъ траншей гдѣ лежали наши, болгары останавливались съ водой, не смотря на то, что представляли прекрасную цѣль для непріятельскихъ стрѣлковъ. Они, видимо, старались не обращать вниманія на опасность, а можетъ быть не одинъ изъ нихъ превозмогалъ себя и совѣстился своей трусости, видя какъ „братушко" русскій спокойно смотритъ на свистящія кругомъ пули.

Орѣш.

Къ рисункамъ.

Казацкая удаль.

О казацкой удали издавна идетъ слава. Въ народной пѣснѣ о казакѣ поется, какъ о смѣтливомъ, ловкомъ и отважномъ воинѣ. Правда, изъ пѣсни слова не выкинешь, поется въ ней и о корыстныхъ наклонностяхъ удалого казака, но это не уменьшаетъ его способности на удаль.

Рисунокъ передаетъ одинъ изъ случаевъ, когда казакъ ловко закинулъ арканъ на турка. Да и какъ было удержаться отъ представлявшагося случая. Турки, видимо, удирали, преслѣдуемые казаками (во время одной изъ рекогносцировокъ), убивать ихъ въ догонку—дѣло уже и прискучившее, да и доблести въ немъ особенной для казака нѣтъ: ну убилъ—и конецъ. Другое дѣло—живьемъ взять, къ тому же вдругъ представляется такой случай, что можно „подцѣпить" не только „простую" турку", а даже еще и чиновную, при томъ порядочныхъ по объему размѣровъ.

— Должно—укряпой! мелькаетъ въ головѣ казака мысль, и онъ еще сильнѣе поддаетъ шпоры своему коню.

Лошадь подъ туркомъ между тѣмъ все уменьшаетъ бѣгъ, а казацкая все прибавляетъ.

— Аллахъ! взываетъ догоняемый и сердце его уже замерло при мысли—вотъ сейчасъ и смерть, сейчасъ пуля свалитъ его.

— Ишь, жирный какой! опять мелькаетъ у казака въ головѣ мысль, и затѣмъ съ быстротою принимаетъ дальнѣйшее развитіе и переходитъ отъ представленія о наружномъ видѣ турка къ его положенію по службѣ, къ его оружію, къ лошади, къ его, наконецъ, карманамъ.

Мчится турокъ, летитъ за нимъ и казакъ... Чувствуетъ поклонникъ Аллаха, что часъ его близокъ: уже слышитъ его ухо, что казацкая лошадь, какъ говорится, на хвостѣ его лошади.

— Аллахъ!..

— Должно, собачій сынъ, не изъ бѣдныхъ!.. Погоди, погоди, я тѣ вотъ „заарканю".

Замеръ духъ у турка: вотъ-вотъ пришибетъ пуля... Но что это? вдругъ мелькаетъ у него въ головѣ, но не успѣлъ еще онъ хорошенько сообразить, въ чемъ дѣло, и что эта за сила такая валитъ его съ лошади безъ всякой боли—какъ уже лежитъ на землѣ: быстро накинутый арканъ плотно подцѣпилъ его „живьемъ" и волочитъ.

— Выудилъ! вскрикиваетъ казакъ.

— Ловко! слышится въ отвѣтъ одобрительный окрикъ товарищей.

— Почаще бы такъ то, хорошо бы, думается казаку, въ то время, какъ сваленный турка волочится по землѣ и проситъ пощады.

З.

Румынскіе цырюльники.

Художникъ, изобразившій румынскихъ „брадобрѣевъ" предъ вступленіемъ ихъ въ новую должность фельдшеровъ, едва ли не имѣлъ въ виду нѣсколько комическую сторону этого перехода отъ бритья бородъ и завивки волосъ къ санитарной службѣ на войнѣ.

Соглашаемся, что не лишенъ комизма такой переходъ, и что отъ завивки волосъ и бритья бородъ до фельдшерской службы есть нѣкоторое разстояніе, которое перескакивать безнаказанно не всегда возможно. Но стоитъ только посмотрѣть на другую сторону этаго вопроса, какъ весь комизмъ рисунка самъ собою забудется: стоитъ припомнить, сколько тысячъ жертвъ войны бываютъ вынуждены по нѣскольку дней оставаться безъ перевязокъ, безъ всякаго ухода, даже иной разъ и безъ пищи... Вспомнивъ это, забудешь весь комизмъ рисунка. Къ тому же нужно замѣтить, что изъ „брадобрѣевъ" большая часть умѣетъ пустить кровь, поставить піявки,—ну, значитъ, уже на цѣлый шагъ они и приближаются этимъ къ новой своей должности, и дай имъ Богъ успѣха и крѣпости душевной при ея исполненіи. Смѣемъ высказать мысль, что и знаніе дѣла бываетъ безсильно тамъ, гдѣ нѣтъ готовности быть полезнымъ.

Сельскій почтальонъ.

Если въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, въ смыслѣ его усовершенствованія, главнѣйшимъ считается упрощеніе и удешевленіе способа его выполненія, то съ этой стороны сельская почта устроена самымъ лучшимъ способомъ, т. е. самымъ простымъ и самымъ дешевымъ.

Осуществляется этотъ лучшій способъ, напримѣръ, такъ:

Собирается въ селѣ сходка: нужно выбрать „ходока", бумаги носить по волости. Собралось мужиковъ много, говоръ идетъ громкій.

— Ну, ребя, да какъ же, кого „ходокомъ"? слышно, наконецъ, громкое слово старосты.

— Кого ходокомъ? Знамо, кого... Ягоръ, чай, самый што ни на есть ходокъ будетъ: мужикъ—сирота, нѣтъ у яво никого...

— Ягоръ-то, знамо... подсказываетъ кто-то.

Но вдругъ раздается жаркая оппозиція и заглушаетъ всѣ голоса.

— Да что Ягоръ, Ягоръ... Ягоръ-то вонъ, вишь ты, безъ ногъ, чуть по избѣ-то ноги волочитъ... А то Яго-о-ръ!..

— Не горлань... погоди маленько... Чай про какого Ягора говорятъ...

— Про какого? передразниваетъ кто-то.

— Про какого! Вѣстимо про Микифорова.

— Анъ, вишь, нѣтъ...

Оказывается, въ селѣ есть другой Егоръ—сирота и „съ ногами", т. е. способный еще передвигаться съ мѣста на мѣсто.

Этого Егора и снаряжаютъ ходокомъ: мужикъ онъ сирота, много-ли ему надо, будетъ онъ „ходить" и за это ему оба села будутъ давать пропитаніе „по силѣ возможности", гдѣ краюху хлѣба, а гдѣ пожалуй и щецъ похлебаетъ.

Чего же дешевле этого?

Правда, Егоръ не боекъ на ходу, иной разъ и заснетъ дорогой гдѣ подъ деревцемъ, иной разъ и грибовъ насбираетъ себѣ на обѣдъ, но все таки какъ-нибудь доберется же съ сумкой до мѣста, если, впрочемъ, не забудетъ ее гдѣ-нибудь подъ деревомъ по старости своихъ лѣтъ.

Положимъ, теперь война, и сельская почта должна бы быть хоть немного поживѣе и поаккуратнѣе: вѣдь съ театра войны такъ дороги вѣсти, въ особенности тѣмъ, чьи мужья и дѣти бьются тамъ съ врагомъ. Положимъ это такъ, но сельскую-то почту что же винить: газеты, вонъ, сообщаютъ, что письма съ театра войны у начальниковъ желѣзнодорожныхъ станцій лежатъ по мѣсяцамъ.

— Что же это вы дѣлаете: вѣдь это безбожно! восклицаютъ напримѣръ, неопытные люди при видѣ этихъ писемъ съ театра войны.

Но начальникъ станціи справедливо замѣчаетъ.

— Самъ что ли я ихъ буду разносить?

Чувствуетъ слушающій такой отвѣтъ, что начальникъ станціи невиноватъ, но кто же виноватъ? Виноватъ кто-то другой, но кто именно—неизвѣстно. Вѣроятно вотъ этотъ самый Егоръ, что представленъ на нашемъ рисункѣ.

— Егоръ, вѣдь это ты... сонный, лѣнивый... Это ты виноватъ, что письма съ театра войны лежатъ цѣлыми грудами на станціи желѣзной дороги.

— А—ась, медленно произноситъ Егоръ, не понимая, о чемъ его спрашиваютъ—и лѣзетъ въ свою сумку, чтобъ достать корку сухого хлѣба „пожевать".

— Вонъ на тебя жалуются, говорятъ ты виноватъ.

— Виноватъ, батюшка, я виноватъ: никакъ вотъ не могу умереть... Прошу, прошу Господа Бога, все по мою душеньку не посылаетъ.

Оказывается, что Егоръ хоть и виноватъ, въ медленности, но медленность тутъ, какъ видитъ читатель, другого рода.

Виноватъ, слѣдовательно, кто-то другой. Но кто—этого такъ намъ и не дано знать.

О—нъ.

Рекогносцировка мѣстности въ долинѣ рѣки Вида генераломъ Лошкаревымъ.

Рисунокъ представляетъ долину рѣки Вида, ниже Плевны, т. е. на нѣсколько миль сѣвернѣе отъ этого города. Рекогносцировка этой мѣстности была произведена въ половинѣ августа генераломъ Лошкаревымъ. Исходнымъ пунктомъ рекогносцировки было мѣстечко Третеникъ, лежащее къ сѣверовостоку отъ Плевны. Съ генераломъ Лошкаревымъ при этомъ находились: отрядъ уланъ, часть румынской пѣхоты и двѣ полевыя баттареи.

Читателямъ нашимъ извѣстно, что русская армія окружила плевненскую позицію Османа-паши кольцомъ. Это кольцо, по крайней мѣрѣ сначала, въ первое время обложенія Плевны представлялось не вполнѣ замкнутымъ, именно съ сѣверозападной стороны по дорогѣ къ Виддину. Но здѣсь постоянно совершались разъѣзды нашей и румынской кавалеріи; слѣдовательно, если бы Османъ-паша съ этой стороны выдумалъ прорваться къ Виддину, то наша кавалерія заставила бы его отступить обратно. Было, однакоже, время, еще до прибытія въ Плевну подкрѣпленій изъ Орханіе (изъ подъ Софіи). когда подобной отчаянной

Библиотека "Руниверс"

Ложбина рѣки Янтры и монастыри св. Троицы и Преображенія въ Балканахъ. Рис. Вачлакъ, грав. Вейерманъ.

попытки наша армія ожидала отъ Османа-паши, въ виду истощившихся у турокъ жизненныхъ и военныхъ запасовъ. Нужно было усилить кавалерійскіе отряды именно съ сѣверозапада и, главнѣе всего, охранить мостъ черезъ Дунай для румынской арміи. Вотъ этими-то соображеніями и вызвана была рекогносцировка всей долины рѣки Вида и всѣхъ вообще путей къ сѣверо-западу.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о самой рѣкѣ Видъ.

Старинное латинское названіе этой рѣки Utus. Она беретъ начало на сѣверномъ склонѣ Балканскаго хребта и образуется изъ двухъ истоковъ—Бѣлаго и Чернаго Вида (такъ болгары привыкли называть развѣтвленія своихъ рѣкъ). Видъ протекаетъ мимо стариннаго болгарскаго города *Тетевенъ* и впадаетъ въ Дунай сѣвернѣе Никополя. До самаго 1870 года теченіе Вида обозначалось невѣрно. Истокомъ его считали ручей Мтивиръ у подошвы горнаго хребта Ихтиманъ, гдѣ, чрезъ узкій дефилей, идетъ дорога изъ Бѣлграда въ Константинополь. Только недавно (въ 1870 г.) французскій путешественникъ опровергъ это заблужденіе и открылъ и описалъ настоящее теченіе Вида. Все это доказываетъ только наши въ высшей степени неудовлетворительныя познанія географіи Болгаріи и вообще Балканскаго полуострова. Городъ Плевна, какъ извѣстно, недалеко отъ рѣки Вида, къ востоку; отъ того-то рѣка эта и получила въ настоящую войну такое важное стратегическое значеніе. **С.**

Ложбина р. Янтры и монастырь св. Троицы и Преображенія.

Рѣка Янтра извѣстна издавна. У Геродота она называется Ἄτρος; римляне называли эту рѣку Iatrius. По теперешнему болгарскому произношенію, это названіе рѣки звучитъ скорѣе Іетра, чѣмъ Янтра. Беретъ свое начало Янтра у Шипкинскаго прохода, протекаетъ черезъ городъ Габрово, раздѣляя его на двѣ части. За симъ, къ сѣверу отъ Габрова ложе рѣки окружаютъ круглыя скалистыя возвышенія, между которыми Янтра течетъ въ высшей степени живописными извилинами до Дуная, и на этомъ теченіи Янтры, въ равномъ разстояніи отъ Шипки и отъ впаденія рѣки въ Дунай, расположена знаменитая древняя столица Болгаріи *Терново* *), представляющая истинный центръ Болгаріи. Проведя отъ этого центра радіусы на востокъ до берега Чернаго моря съ одной стороны и до Виддина на западъ съ другой, мы получимъ равныя разстоянія отъ Тернова. На это обратилъ вниманіе уже Мольтке, говоря о центральномъ и стратегическомъ значеніи Тернова и долины Янтры. Съ лѣвой стороны въ Янтру впадаетъ огромный по размѣрамъ притокъ Ружица (или Розита, какъ произносили въ средніе вѣка), а съ правой впадаютъ *Тревно*, *Златорица* и *Бѣбровска-рѣка*.

На прилагаемомъ рисункѣ изображенъ тотъ интересный пунктъ логовища Янтры, которая имѣетъ протяженіе отъ *Самоводы* до *Тернова*. Трудно представить что нибудь прелестнѣе и романтичнѣе береговъ Янтры между этими пунктами. Отвѣсныя известковыя скалы обрамляютъ глубокое ложе рѣки. Таинственныя пропасти и пещеры зіяютъ по обѣимъ сторонамъ. Народная фантазія населила эти пещеры духами-эльфами, или *„самодивами“* по выраженію болгаръ. Террасы и уступы мощныхъ скалъ покрыты могильными курганами, съ незапамятныхъ временъ покрывающими Болгарію, (преимущественно восточную) называемыхъ латинскимъ словомъ Tumuli **) На мѣстѣ многихъ Tumuli построены въ Болгаріи монастыри и церкви На прилагаемомъ рисункѣ читатель видитъ на живописныхъ скалахъ Янтры, идущихъ параллельно между собою, два монастыря, построенныхъ на возвышеніяхъ какъ разъ одинъ напротивъ другого. Одинъ изъ этихъ монастырей Троицкій, другой Преображенія. Это самые богатые изъ всѣхъ монастырей Болгаріи, знаменитые какъ и по святости жившихъ здѣсь прежде отшельниковъ. Обители богаты воспоминаніями, представляя собою нѣчто въ родѣ нашей Троицко-Сергіевской лавры. Но къ сожалѣнію уровень, образованія жившей въ этихъ обителяхъ братій самый низкій. Монахи крайне суевѣрны и корыстолюбивы. Массы жизненныхъ припасовъ лежатъ у нихъ въ громадныхъ кладовыхъ, а монастыри все-таки требуютъ подаянія и пожертвованій. Богомольцевъ въ этихъ монастыряхъ всегда много и почти всѣ богомольцы изъ простонародья. Число братій въ томъ и другомъ монастыряхъ простирается до 50—60 человѣкъ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ сосѣдней съ Болгаріей Сербіи считается всего на всего до 100 монашествующихъ, а въ Болгаріи монаховъ нужно считать *тысячами*. Образованіе и любовь къ наукамъ къ нимъ не прививается. Но, конечно, время возьметъ свое; наступитъ череда цивилизаціи и для Болгаріи,—и тогда все измѣнится къ лучшему. **М. Стр.**

*) Названіе «Тырново», принятое въ нашихъ газетахъ, совершенно неправильно болгары произносятъ всегда, Терново а не Тырново.

**) Tumulus значитъ могильный холмъ, бугорокъ. Болгары, называютъ ихъ просто *могильными*. Такихъ могилъ много и на прославленной въ послѣдне время Шипкѣ, При произведенныхъ раскопкахъ въ могилахъ найдены древнія латы и оружіе, по всей вѣроятности принадлежащіе доисторическимъ жителямъ Болгаріи.

(Продолженіе на стр. 165, 166, 167, и 168).

Библиотека "Руниверс"

Первая частная астрономическая обсерваторія въ Россіи.

Учрежденіе въ Москвѣ этой обсерваторіи даетъ намъ удобный случай поговорить о воспитательномъ значеніи астрономіи вообще. По всей справедливости можно сказать, что никакая изъ такъ называемыхъ *точныхъ* наукъ не добыла столь великихъ результатовъ и не достигла столь изумительныхъ успѣховъ, какъ астрономія. Открытія, сдѣланныя въ этой области, изумительны, почти невѣроятны, да и всѣ астрономическія знанія составляютъ величайшій тріумфъ человѣческаго ума, такъ какъ въ этой области трудились величайшіе люди всѣхъ временъ. И вотъ этотъ-то совокупный трудъ изслѣдованія, совершенный величайшими умами всѣхъ образованныхъ народовъ и создалъ, наконецъ, непоколебимо-твердыя истины теперешней науки о небѣ. Затѣмъ, ни въ какой положительной наукѣ добытые результаты не представляются именно результатами отвлеченнаго, спекулятивнаго, философскаго мышленія, какъ именно въ астрономіи *). И вотъ изъ этого уже ясно, что вопреки невѣжественнымъ толкамъ нашихъ доморощенныхъ позитивистовъ и разныхъ ограниченныхъ утилитаристовъ, называющихъ всякое философствованіе „толченіемъ воды",— безъ философскаго мышленія никогда невозможно усовершенствованіе какой либо науки, а слѣдовательно невозможны и никакіе успѣхи общежитія. Жолуди, которыми мы, близорукіе утилитаристы, простые смертные, питаемся, именно и ростутъ на томъ роскошномъ могучемъ дубѣ, который называется отвлеченнымъ научнымъ мышленіемъ, издавна, еще со временъ Аристотеля, стройно и органически развивающемся изъ такъ называемыхъ апріорныхъ основныхъ истинъ. Даже тѣ громадныя изобрѣтенія, которыя гораздо ближе повидимому касаются насъ, такъ какъ преобразовываютъ нашу общественную жизнь—напримѣръ, всѣ виды движенія паромъ, разныя машины, паровозы, пароходы и проч. изобрѣтенія, выведенныя изъ законовъ физики и механики въ тѣсномъ смыслѣ, и тѣ всѣ получаютъ свою высшую цѣну преимущественно благодаря успѣхамъ астрономіи, ибо эта послѣдняя обезпечиваетъ имъ блестящее практическое приложеніе. Для примѣра достаточно взять мореплаваніе. Кто не знаетъ, какъ громадно-важна наука мореплаванія; это еще важнѣе, пожалуй, желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, но мореплаваніе-то именно и обусловливается законами, выработанными и сознанными астрономіей, т. е. точнымъ опредѣленіемъ *долготы* и *широты* каждаго изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ въ данное время находится мореплаватель. Но вѣдь важнѣйшая и большая часть нашихъ путешествій выпадаетъ на моря, занимающія гораздо большее, чѣмъ суша, пространство на земномъ шарѣ. Считаемъ излишнимъ говорить объ одной изъ важнѣйшихъ практическихъ наукъ—о *геодезіи*. Она безъ астрономіи невозможна.

Астрономія едва ли не самая древняя изъ наукъ. Намъ здѣсь нѣтъ нужды разсказывать въ высшей степени интересную исторію этой науки. Резюмируемъ дѣло только вкратцѣ. Астрономіей занимались уже китайцы, египтяне, особенно вавилоняне (халдеи); затѣмъ греки проявили въ астрономіи блескъ своего генія. Римлянъ астрономія занимала гораздо меньше, чѣмъ ихъ завоеванія **), поглощавшія все ихъ время. Затѣмъ позднѣе, въ IX и X в. по Рожд. Христ., арабы обратили все рвеніе къ изученію неба. Засимъ настаетъ для этой великой науки мрачная ночь римско-католическаго фанатизма и преслѣдованія. Заря, предвѣщавшая разсвѣтъ этой ночи, занялась съ явленіемъ *Галилея*, этого мученика науки (род. въ 1564 г.). Но еще прежде Галилея въ Торнѣ родился въ 1473 г. *Коперникъ*, великій родоначальникъ новой астрономіи. Вотъ Галилей-то и объявилъ себя защитникомъ началъ, провозглашенныхъ Коперникомъ, и доказалъ ихъ безусловную справедливость своими блестящими открытіями. Затѣмъ уже *Кеплеръ* и *Ньютонъ* дали астрономіи прочный и непоколебимый фундаментъ. Далѣе, въ новѣйшее время мы видимъ, что всѣ цивилизованныя государства Европы и Соединенные Штаты Сѣверной Америки не отстаютъ другъ отъ друга въ благородномъ соревнованіи въ астрономическихъ работахъ, и дѣйствительно и въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ достигнуты въ этомъ отношеніи блестящіе результаты.

Русскія типы II. Купецъ лабазникъ.
— Торгуемъ по маненьку, на капиталы покойныхъ родителевъ...
Оригинальный рисунокъ П. Панова, грав. Рошевскій.

И во всемъ-то мірѣ существуетъ, можетъ быть, какихъ-нибудь 100 астрономическихъ обсерваторій. Изъ нихъ нѣкоторыя, довольно значительныя, основаны на средства состоятельныхъ частныхъ лицъ. Важнѣйшая изъ обсерваторій, относящихся къ этой послѣдней категоріи, основана *Лордомъ Россомъ* въ Ирландіи. Въ этой обсерваторіи находится гигантскій *телескопъ съ зеркаломъ* (рефлекторъ), отверстіе *) котораго простирается почти до 2-хъ метровъ. У насъ въ Россіи находится нѣсколько прекрасныхъ и новыхъ обсерваторій. Важнѣйшая изъ нихъ — это *Пулковская*, основанная въ 1839 г. ученымъ *В. Струве* и директоромъ которой теперь состоитъ сынъ его, *О. Струве*. (См. „Ниву" № 2 с. г.) Этапоистинѣ величественная обсерваторія снабжена превосходными инструментами, Репсольдовымъ меридіаннымъ кругомъ въ 1 метръ и 140 миллим. отверстія, рефлекторомъ въ 380 миллим. отверстія, геліометромъ въ 190 миллим. отверстія и множествомъ другихъ новыхъ и новѣйшихъ инструментовъ. Наши астрономы, какъ извѣстно, обнаружили самую оживленную дѣятельность при наступленіи весьма важнаго и рѣдкаго астрономическаго событія—именно прохожденія *Венеры* черезъ дискъ солнца. Событіе это случилось, какъ извѣстно, 9-го декабря 1874 г. Астрономы соорудили тогда въ разныхъ мѣстахъ много наблюдательныхъ станцій, подобно своимъ ученымъ сотоварищамъ, астрономамъ другихъ странъ.

Значеніе этого прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца обусловливается, конечно, главнымъ образомъ рѣдкостью этого явленія, потому что оно повторится въ будущемъ только 6-го декабря 1882 г. и затѣмъ 7-го іюня 2004 г. И эти-то заранѣе съ такою точностью разсчитанные и опредѣленные пункты времени, явленіе столь изумительное и почти невѣроятное для непосвященныхъ—представляютъ для насъ самое мощное доказательство достоинства результатовъ, которые выработала астрономія. Въ самомъ дѣлѣ, сравнительно еще немного вре-

*) Отъ этого великіе астрономы были вмѣстѣ и великими философами, такъ что въ исторіи философіи астрономія занимаетъ почетное мѣсто.

**) Исключеніе составляетъ философъ Сенека, который въ своихъ мнѣніяхъ о причинахъ появленія кометъ является глубокимъ философомъ и по тогдашнему, даже астрономомъ.

*) Отверстіемъ въ рефлекторѣ, какъ во всякомъ параболически вогнутомъ зеркалѣ, называется уголъ, образуемый линіями, идущими отъ центра кривизны вогнутаго зеркала до верхняго и нижняго края этого зеркала. Отверстіе зеркала такимъ образомъ всего яснѣе можно представить графически.

Библиотека "Руниверс"

мени тому назадъ подобное предсказаніе представилось бы невѣроятнымъ. Теперь мы знаемъ, напримѣръ,—мало того, что мы знаемъ о солнцѣ, что оно отстоитъ отъ земли на 20 милліоновъ миль, что оно въ 355,000 разъ тяжелѣе земли, что оно въ 28½ дней двигается вокругъ своей оси,—чего достигли изслѣдованіемъ солнечныхъ пятенъ—мы знаемъ еще о томъ, изъ какого вещества состоитъ солнце. Это показалъ намъ спектральный анализъ; мы знаемъ, что вещественный составъ солнца аналогиченъ или сходенъ съ нашею землею. Какъ, однако, ни велика только что приведенная цифра солнечнаго отъ насъ разстоянія, но она еще совсѣмъ не велика, сравнительно даже съ ближайшими къ намъ неподвижными звѣздами, разстояніе которыхъ отъ насъ простирается до 4-хъ билліоновъ миль. Разстояніе же большей части неподвижныхъ звѣздъ идетъ еще дальше, такъ что для тѣхъ неподвижныхъ звѣздъ, которыя замѣтны только въ лучшіе, новѣйшіе инструменты, мы уже даже не въ состояніи выразить цифрами громадность разстоянія. Существуютъ различныя средства для доказательства, что наша солнечная система находится въ кругообразномъ движеніи и что наше солнце, также какъ и вращающіяся вокругъ него планеты, само вращается вокругъ центральнаго солнца; и это движеніе, слѣдовательно, земля, какъ и прочія планеты, совершаетъ одновременно съ солнцемъ—въ періодъ времени около 18-ти милліоновъ лѣтъ. Такимъ центральнымъ солнцемъ считаютъ одну звѣзду въ созвѣздіи Тельца.

Кто желаетъ, однако, ближе познакомиться съ тѣми великими и разнообразными откровеніями, какія предлагаетъ новѣйшая астрономія, кто желаетъ достичь этого не пускаясь въ утомительныя математическія вычисленія,—тому представляется къ услугамъ новѣйшая популярно-ученая литература, излагающая привлекательнымъ и въ высшей степени удобопонятнымъ образомъ всѣ науки, входящія въ область астрономіи: сферической, теоретической, физической, практической, морской и географической и мы въ этомъ отношеніи преимущественно обратили бы вниманіе читателя на труды Араго, Литтрова, Медлера, Уле, Шотте и затѣмъ на различныя астрономическія карты, въ особенности же на атласъ Литтрова, изображающій усѣянное звѣздами небо и состоящій изъ 27 листовъ. Атласъ этотъ прекрасно помогаетъ наглядному представленію звѣзднаго неба. Однакоже никакой атласъ не можетъ замѣнить собственнаго наблюденія звѣздъ въ инструменты—и вотъ почему лучшее знаніе и легчайшее и привлекательнѣйшее изученіе звѣзднаго неба представляетъ именно *обсерваторія*.

Извѣстно, что не одинъ изъ русскихъ университетовъ не лишенъ обсерваторіи, и вотъ почему не должно составлять въ этомъ отношеніи исключенія и московская высшая школа; но при этомъ, къ сожалѣнію, различнаго рода обстоятельства исключаютъ для публики, взятой въ обширномъ смыслѣ, всякую возможность пользоваться этою обсерваторіей. Не говоря уже о томъ, что московская обсерваторія слишкомъ удалена отъ массы публики, было бы противно цѣлямъ самого института, еслибы онъ желалъ удовлетворять общественную любознательность и любопытство только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Въ настоящее время Москву нужно причислить къ тѣмъ не многимъ европейскимъ городамъ, въ которыхъ находятся *частныя астрономическія обсерваторіи* (въ Европѣ есть подобныя обсерваторіи въ нѣкоторыхъ городахъ Англіи и Ирландіи, также въ нѣкоторыхъ германскихъ городахъ, а за океаномъ въ нѣкоторыхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Тамъ эти частныя обсерваторіи назначены исключительно для пользы и назиданія обыденной публики. Какая прекрасная, возвышенная цѣль—популяризировать въ народѣ одну изъ величайшихъ, благороднѣйшихъ и возвышающихъ душу наукъ!.. Можно, кажется, положительно сказать, что посѣщеніе разныхъ вздорныхъ, нелѣпыхъ и растлѣвающихъ массу народа театровъ Буффъ, балагановъ Берга и Демидроновъ, наравнѣ съ посѣщеніемъ кабаковъ, уменьшилось бы, если бы этой народной массѣ сдѣлалось доступнымъ подобное возвышенное наслажденіе *).

Подобная заслуга, смѣемъ думать, принадлежитъ и почтенной фирмѣ К. Швабе, не пожалѣвшей большихъ издержекъ на устройство института, который современемъ можетъ сдѣлаться *народнымъ* въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Обсерваторія устроена на крышѣ громаднаго четырехэтажнаго Голицынскаго дома, столь извѣстнаго своими роскошными магазинами и находящагося на Кузнецкомъ мосту. Устройство и самый планъ сооруженія обсерваторіи вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ и заключаетъ въ себѣ всѣ уже испытанныя улучшенія. Какъ всѣ уже хорошо устроенныя обсерваторіи, и обсерваторія Швабе снабжена желѣзною куполообразною вращающеюся крышею, такъ что возможно, по мѣрѣ надобности вращать и направлять во всѣ стороны рефракторъ и телескопъ.

*) О великомъ воспитательномъ для массы народа значеніи такой науки, какъ астрономія, излишне говорить. Поэтъ Шиллеръ выражалъ желаніе, чтобы эта наука сдѣлалась необходимымъ элементомъ воспитанія народа, потому что никакая эстетика не способна до такой степени возвысить и облагородить душу, какъ наука созерцающая свѣтила, вращающіеся въ безпредѣльномъ міровомъ пространствѣ. Это—само *высокое*, которое, вѣчно возбуждая въ насъ мысль о нашемъ ничтожествѣ, сдѣлало бы насъ *морально-лучшими*. Замѣчательно, что высшіе астрономы были вмѣстѣ и возвышенные характеры, и чисты и просты душой какъ дѣти. Стоитъ только вспомнить Кеплера и Ньютона (*примѣч. переводч.*)

Рефракторъ разсматриваемой обсерваторіи приготовленъ Фрауэнгаферомъ, извѣстнѣйшимъ и уважаемымъ въ ученомъ мірѣ фабрикантомъ телескоповъ. Фрауэнгаферъ, какъ извѣстно, первый въ точности опредѣлилъ твердыя или постоянныя линіи спектра, а потому эти линіи и названы въ наукѣ „*Фрауэнгаферовыми*". Изъ инструментовъ, вышедшихъ изъ мастерской Фрауэнгафера, слѣдуетъ упомянуть объ исполинскомъ рефракторѣ Дерптской обсерваторіи. Этотъ рефракторъ при томъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ во всемъ свѣтѣ. Затѣмъ—о большихъ пулковскихъ рефракторахъ. Для обсерваторій Берлина, Кембриджа и Мюнхена рефракторы также мастерской Мерца съ сыномъ (которая мастерская со славой продолжаетъ дѣло Фрауэнгафера). Рефракторъ на обсерваторіи Швабе поставленъ *параллектически* *) и имѣетъ отверстіе въ 100 миллиметровъ, а увеличиваетъ приблизительно въ 200 разъ. Само собою понятно, что въ обсерваторіи Швабе нѣтъ недостатка ни въ какихъ необходимыхъ для обсерваторій вспомогательныхъ инструментахъ. Богатый оптико-физическій каталогъ Швабе указываетъ на болѣе чѣмъ 4,000 нумеровъ. Надо замѣтить, что обсерваторія Швабе окончена постройкой еще въ 1875 году, но нужно было значительное время выжидать окончательнаго приготовленія и установки Фрауэнгаферовскаго рефрактора. Также точно были замедлены и другія постройки, и вотъ только недавно институтъ открытъ для публики. Весьма кстати, у входа изображенъ „красный крестъ", этотъ святой символъ крови Распятаго за насъ и крови проливаемой нашими соотчичами въ текущую войну. Научная цѣль, такимъ образомъ, прекрасно соединилась съ гуманною, и выручка съ посѣщающей институтъ публики дастъ значительную помощь раненымъ.

Наблюдавшіе свѣтила въ рефракторъ Швабе говорятъ, что въ этотъ рефракторъ видны планеты *Юпитеръ* и *Марсъ* очень приближенными. Та и другая звѣзда, по величинѣ, уподобляются диску луны. Четыре же спутника Юпитера, соотвѣтствующіе нашей лунѣ, представляются незначительными звѣздами. „*Юпитеръ*", какъ извѣстно, послѣ „*Венеры*" есть самая яркая звѣзда на нашемъ небѣ; затѣмъ это есть величайшая изъ планетъ, и затмѣнія Юпитеровыхъ спутниковъ дали физикамъ надежное средство измѣрять скорость свѣта. „Юпитеръ" въ 5 разъ дальше отъ солнца, чѣмъ наша земля, т. е. въ среднемъ разсчетѣ, въ 107½ милл. миль; объемъ же тѣла „Юпитера" въ 334 раза больше земли, но плотность его составляетъ только ¼ плотности земли. Для вращенія этого могучаго свѣтила около своей оси потребно 9 часовъ 55,5 минутъ; около солнца же онъ вращается въ періодъ времени 11 лѣтъ и 313 дней. Это небесное тѣло не совершенно кругло, но весьма сильно сплющено—и это ясно замѣтно при помощи рефрактора обсерваторіи Швабе. При помощи рефрактора Швабе наблюдатели замѣтили даже пятна и полоски на „Юпитерѣ", а эти пятна и полоски интересны потому, что онѣ означаютъ *атмосферу*. Все это прекрасно можно видѣть при помощи рефрактора Швабе.

Также точно отчетливо съ обсерваторіи Швабе замѣтенъ и „Марсъ"—это тѣло тоже *не круглое*. „Марсъ", какъ извѣстно, совершаетъ свое вращеніе около солнца въ 686 дней, а разстояніе его отъ солнца 31½ милліонъ миль, вращеніе же около солнца совершается въ 24½ часа. Даже невооруженному глазу его свѣтъ представляется нѣсколько красноватымъ. Его атмосфера весьма разрѣжена, и это обстоятельство позволяетъ ясно различать, при помощи телескопа, его континентъ (т. е. сушу). Близь полюсовъ его замѣтны бѣлыя пятна, которыя, смотря по временамъ года, уменьшаются или возрастаютъ. Эти бѣлыя пятна—конечно, снѣгъ или же сгущенные пары. Это также прекрасно можно видѣть въ рефракторъ Штабе.

Затѣмъ—можно ясно видѣть такъ называемыя *двойныя* звѣзды въ созвѣздіи *Пса* и туманныя пятна въ созвѣздіи Геркулеса. Но здѣсь для недовольно знакомаго съ дѣломъ читателя нужны нѣкоторыя объясненія. Что касается, вопервыхъ, двойныхъ звѣздъ, то онѣ невооруженному глазу представляются простыми звѣздами и ихъ истинный характеръ сталъ извѣстенъ съ открытія телескопа. Дѣйствительно, Галилей первый открылъ существованіе двойныхъ звѣздъ, а Гершель уже наблюдалъ такихъ звѣздъ числомъ до 500. Въ настоящее время существуетъ каталогъ 3,000 двойныхъ звѣздъ, въ числѣ которыхъ, впрочемъ, находятся еще *тройныя*, *четверныя* и *пятерныя*. Затѣмъ, что касается „*туманныхъ пятенъ*", то это суть свѣтлыя точки, замѣтныя и для невооруженнаго глаза. Число ихъ въ астрономическомъ каталогѣ простирается теперь до 5,000. Стекла телескопа иногда разлагаютъ эти пятна на отдѣльныя звѣзды, и конечно нужно признать, что многія изъ этихъ пятенъ

*) Т. е. подъ угломъ, который составляютъ взаимно двѣ различныя линіи, направляющіяся на одинъ и тотъ же предметъ. Если мы представимъ, что линія отъ извѣстной звѣзды идетъ до центра земли и этотъ центръ представимъ точкою наблюденія этой звѣзды, другая же точка наблюденія будетъ на поверхности земли. Если соединимъ мысленно эти двѣ точки линіями, то образуемый соединеніемъ этихъ линій уголъ будетъ составлять параллактическій уголъ данной звѣзды. Если звѣзда находится въ зенитѣ, т. е. вертикально надъ головою наблюдателя, то не будетъ параллакса. Размѣръ послѣдняго, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ разстоянію звѣзды отъ зенита. Наибольшій параллаксъ бываетъ тогда, когда звѣзда является на горизонтѣ (астрономическомъ). Однако параллаксъ можно опредѣлить не у всѣхъ свѣтилъ. Относительно микроскопически-малыхъ свѣтилъ, напримѣръ, *Юноны*, *Весты*, *Цереры* и *Паллаза* сдѣлать этого нельзя. Самое слово «*параллаксъ*» значитъ взаимная перемѣна, а параллактическій—взаимно-перемѣнный и указываетъ на взаимную перемѣнчивость точки зрѣнія наблюдателя и положенія на небѣ наблюдаемаго свѣтила.

Библиотека "Руниверс"

суть скопленія звѣздъ, *взаимно сближенныхъ силою притяженія*. Часто одна такая кучка составляетъ до 20,000 звѣздъ и даже болѣе. Сначала думали, что и всѣ туманныя пятна можно разложить посредствомъ сильныхъ телескоповъ, на отдѣльныя группы звѣздъ. Въ новѣйшее время, однако, это предположеніе опровергнуто спектральнымъ анализомъ. Именно знаменитый итальянскій ученый Секки, съ которымъ уже знакомы читатели нашего журнала, замѣтилъ посредствомъ спектральнаго аппарата *свѣтлыя линіи* въ туманныхъ пятнахъ Оріона. Эти свѣтлыя линіи были совершенно такого же характера, какія замѣчаются нами и въ газообразныхъ тѣлахъ. Слѣдовательно здѣсь мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительно туманными образами, а не съ твердыми тѣлами, не со звѣздами. Но туманное пятно въ созвѣздіи Геркулеса, которое наблюдали въ рефракторъ Швабе, представлялось кругообразнымъ и сгущеннымъ въ срединѣ, а при употребленіи сильныхъ телескоповъ оно разрѣшалось въ отдѣльныя группы звѣздъ.

Днемъ на обсерваторіи Швабе производятся работы по спектральному анализу солнца. Но матеріаловъ для любознательности такъ много, а средства обсерваторіи такъ значительны, что мы позволимъ себѣ, въ заключеніе, только пожелать полнѣйшаго процвѣтанія новой обсерваторіи и заключимъ желаніемъ, чтобы она навсегда осталась въ культурныхъ цѣляхъ доступною большинству публики, т. е. народу.

Стр.

Политическія и военныя извѣстія.

«Подъ Плевною и вездѣ и все тихо—холодъ, вѣтеръ и дождь» —въ этихъ краткихъ словахъ резюмировались всѣ наши свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій на Дунайскомъ театрѣ войны въ началѣ прошлой недѣли. Это молчаніе грозное, потому что не смотря на холодъ, дождь и вѣтеръ, наши саперныя работы подъ Плевной все таки энергически продолжаются; румыны за это время значительно распространили свои траншеи. Только 26-го сентября турки прервали молчаніе; они сдѣлали отчаянную вылазку, намѣревались смѣнить свой траншейный караулъ: но, встрѣченные жаркимъ огнемъ румынъ, пріостановились, подвели подкрѣпленія и пытались аттаковать румынскія траншеи, но были отбиты съ большимъ урономъ. Вотъ пока и весь перерывъ саперныхъ работъ, усиленно и нъ тишинѣ продолжающихся съ нашей стороны подъ Плевною. Второстепенныя же дѣйствія на Дунайскомъ театрѣ войны, за прошлую недѣлю мы перечислимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. 1) Отъ нашего отряда, стоящаго на Османъ-Базарской дорогѣ, былъ высланъ летучій отрядъ къ югу отъ Кезрово, къ деревнѣ Козлюбегъ. Цѣль высылки отряда была: наказать баши-бузуковъ за грабежи и убійства. Турки были захвачены врасплохъ и понесли большія потери убитыми и плѣнными. Наши потери при этомъ весьма незначительны: убито 2 нижнихъ чина, ранено 2 офицера и 10 нижнихъ чиновъ Яхутскаго полка. 2) 25 сентября въ Рущукскомъ отрядѣ (на лѣвомъ флангѣ нашей арміи) турки напали на наши передовые посты у *Кады-Кіойя* (по Рущукской дорогѣ, къ югу отъ Рущука), однако были отбиты съ большимъ урономъ.

Затѣмъ на лѣвомъ же флангѣ нашей Дунайской арміи замѣчаются слѣдующія движенія турокъ. Рущукскій отрядъ, въ виду общаго отступленія арміи Мехмедъ-Али-паши, послѣ пораженія при Церковнѣ выдвинулся впередъ. У Силистріи замѣчены были приготовленія турокъ къ постройкѣ моста, противъ чего и приняты были нами надлежащія мѣры. Вообще около Силистріи турки въ послѣднее время пытались что-то предпринять, судя по повторяющимся нападеніямъ на наши отряды въ этомъ пунктѣ. Такъ, въ ночь съ 25 на 26 сентября, непріятель открылъ по нашимъ огонь съ парохода и баттарей. Еще далѣе, къ сѣверо-востоку отъ Силистріи, въ Сулинскомъ устьѣ Дуная 27 сентября (9 октября) произошло сраженіе, длившееся нѣсколько часовъ и кончившееся тѣмъ, что турецкій трехмачтовый броненосецъ, наткнувшись на наши минныя загражденія, *взлетѣлъ на воздухъ*. Тогда вѣроятно отчаявшись въ благопріятномъ исходѣ своихъ морскихъ битвъ, турки *развели мостъ*, который, какъ сказано выше, они начали было строить у Силистріи. Флагъ съ взорваннаго турецкаго броненосца снятъ, въ виду другихъ стоящихъ въ Сулинѣ турецкихъ броненосцевъ, нашими отважными моряками: *Сатинымъ*, *Фридрихсомъ*, *Строгоновымъ* и *Чабовскимъ*. У Сулина все таки остались 4 турецкіе броненосца и по нимъ-то, 28 сентября, наши паровыя шкуны возобновили горячую пальбу, результатъ которой еще неизвѣстенъ. Въ тоже время со стороны Ловчи совершены были съ нашей стороны весьма удачные поиски. Такъ командующій войсками въ Ловчѣ, генералъ Карцевъ, послалъ 21 сентября войскового старшину Тарасова съ сотнею казаковъ къ *Турецкому Извору* (къ юго-западу отъ Ловчи, недалеко отъ р. Вида). Тарасовъ овладѣлъ Изворомъ нечаяннымъ нападеніемъ и выбилъ оттуда около 400 турокъ, составлявшихъ сборную команду разныхъ частей и затѣмъ уничтожилъ здѣсь турецкіе склады хлѣба и фуража. Спустя 2 дня, 23 сентября, при новомъ набѣгѣ на Изворъ, Тарасовъ опять выгналъ отгуда турокъ, а 24 сентября выбилъ изъ деревни Галата до 300 баши-бузуковъ и преслѣдовалъ ихъ до города *Тетебена*. Цѣль этихъ поисковъ состояла, очевидно, въ томъ, чтобы парализовать возможность турецкихъ подкрѣпленій къ Плевнѣ со стороны Софіи, черезъ разные горные проходы.

Обобщая все сейчасъ сказанное, мы можемъ представить себѣ слѣдующую картину современнаго хода Дунайскихъ военныхъ дѣйствій:

1) Главныя силы Сулеймана-паши, новаго главнокомандующаго турецкою арміей, сосредоточены теперь подъ Рущукомъ. 2) Естественный результатъ памятнаго и удачнаго для насъ сраженія при *Церковнѣ* былъ тотъ, что армія Наслѣдника Цесаревича перешла къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Непріятель, тѣснимый къ востоку отъ Янтры, перешелъ за *Черный Ломъ* и отступилъ къ *Бѣлому Лому*, сосредоточившись около его береговъ (къ югу отъ Кады-Кіойя). Вотъ вслѣдствіе-то этого сконцентрированія силъ Сулеймана-паши на Бѣломъ Ломѣ и оставлены турками *Костанцы* и *Садина*, лежащія гораздо южнѣе теченія Бѣлаго Лома. Армія Сулеймана-паши должна здѣсь занимать большое пространство, потому что форпосты ея, отбитые нами, находятся у Кады-Кіойя, на значительномъ разстояніи отъ береговъ Бѣлаго Лома. При страстномъ и нетерпѣливомъ характерѣ Сулеймана-паши, здѣсь естественно ожидать вскорѣ большого и, быть можетъ, рѣшительнаго сраженія.

Съ Закавказскаго театра войны извѣстно, что вслѣдствіе боевыхъ дѣйствій, бывшихъ 20 и 21 сентября *), турки оставили большую часть своихъ позицій, въ томъ числѣ и позицію на *Кизиль-Тепе*; вслѣдствіе этого въ настоящее время нами занята линія *Кюлеверанъ-Суботанъ-Хаджи-Вали* (къ востоку отъ Карса). Этимъ неожиданнымъ оставленіемъ Мухтаромъ-пашею своихъ позицій доставлены нашему расположенію значительныя выгоды, что не замедлитъ, вѣроятно обнаружиться вскорѣ.

Затѣмъ, на прошлой недѣлѣ получено извѣстіе, что нами нанесены пораженія мятежникамъ Кайтахскаго округа въ Дагестанѣ. Два сильныхъ пораженія мятежниковъ отрядомъ полковника Теръ-Ассатурова, безъ сомнѣнія, заставитъ ихъ теперь смириться. Потеря мятежниковъ простирается до 550 человѣкъ и 300 взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. И до сихъ поръ еще продолжается преслѣдованіе нами въ лѣсахъ разбойничьихъ шаекъ Али-бека. Скопища возмутившихся горцевъ до сихъ поръ доходили до 4,000 человѣкъ.

Черногорцы, получивъ извѣстіе о назначеніи Мехмеда-али-паши начальникомъ войскъ дѣйствующихъ противъ Черногоріи, весьма дѣятельно принялись за укрѣпленіе занятыхъ ими въ Герцегонинѣ пунктовъ. Что касается Сербіи, то въ ней воинственное движеніе въ полной силѣ. Съ 28 сентября (10 октября) сербская артиллерія уже выступила изъ Браничева въ Великій Изваръ. Новыя баттареи продолжаютъ формироваться, и кавалерійскіе отряды уже выступили къ Крушевацу. Были также слухи о переговорахъ Сербіи съ Россіей и Румыніей и изъ частныхъ телеграммъ извѣстно, что переговоры эти теперь закончены, и что сербское правительство рѣшило принять военныя мѣры, однако не ранѣе ноября. Порта уже потребовала отъ Сербіи объясненія по этому поводу.

Въ политическомъ отношеніи почти весь интересъ сосредоточивается теперь на Франціи. Напряженное ожиданіе исхода выборовъ въ этой странѣ сильно занимало послѣднее время весь политическій міръ, и если-бы не война, то Франція исключительно приковала бы къ себѣ вниманіе. Въ послѣднія недѣли ходили упорные слухи о государственномъ переворотѣ, который будто-бы замышляетъ маршалъ Макъ-Магонъ. Этотъ государственный переворотъ совершился бы, очевидно, тѣмъ же путемъ и тѣми же средствами, какими произвелъ подобный переворотъ Наполеонъ III. Это извѣстный, соединенный съ насиліемъ Suffrage Universelle или всеобщая подача голосовъ. Такъ или иначе, страна ожидала исхода выборовъ съ самымъ страстнымъ напряженіемъ; Бонапартисты открыто выражали свою увѣренность въ побѣдѣ имперіи. Бывшій Наполеоновскій министръ Руэръ снова выступилъ на сцену въ качествѣ хозяина. Герцогъ Брольи принялъ на себя роль усерднаго агента Императрицы Евгеніи, затѣмъ герцогъ Деказъ и прочая братія. Парижъ былъ покрытъ афишами кандидатовъ всевозможныхъ партій: республиканцевъ, легитимистовъ, бонапартистовъ. Леонъ Гамбетта обнародовалъ избирательный манифестъ, за который и вызванъ былъ въ судъ исправительной полиціи. 2 (14) октября былъ рѣшительный день, въ который должны были быть извѣстны результаты выборовъ, и мы сообщимъ объ нихъ въ слѣдующемъ обозрѣніи.

Прибавимъ здѣсь для характеристики критическаго дѣла, что Гамбетта торжественно указалъ, что существованію права Suffrage Universelle грозитъ опасность; затѣмъ Гамбетта, указалъ

*) Потеря Мухтара-паши, во время этого боя, исчисляются въ 6000.

Библиотека "Руниверс"

на г. Греви, бывшаго президента національнаго собранія, какъ на достойнаго преемника Тьера, и заключилъ рѣчь такъ: „Франція, послѣ выборовъ будетъ въ состояніи доказать, что *клерикализмъ низвергнутъ*». Герцогъ же Брольи стремился доказать, что истинная постановка вопроса состоитъ въ выборѣ между консерватизмомъ и радикализмомъ, между Макъ-Магономъ и Гамбеттою. Послѣдній однако, намекнулъ на свое стремленіе къ власти весьма скромно, хотя и прозрачно.

Туркофильское движеніе въ Венгріи, о которомъ мы сообщали въ прошломъ обозрѣніи («Нива» № 40) было парализировано, повидимому, самою силою вещей. Судя по докладу, недавно представленному императору Францу Іосифу министромъ Гонведовъ, г. Шанде, слухи о «*трансильванскомъ* заговорѣ» были сильно преувеличены оппозиціонными газетами, съ весьма понятною цѣлью. Теперь оказалось что въ Трансильваніи не было посылаемо значительныхъ войскъ, но что, однако, движеніе несомнѣнно *было* и главный организаторъ движенія бѣжалъ теперь заграницу. Въ палатѣ представителей венгерскаго сейма депутатъ Гельфи уже обращался къ правительству съ вопросомъ: намѣрено ли оно подробно изложить передъ палатою положеніе дѣлъ въ Трансильваніи; но министръ-президентъ Тисса благоразумно уклонился отъ сообщенія этихъ подробностей.

Затѣмъ на политическую сцену явился теперь съ особою настойчивостью вопросъ о посредничествѣ европейскихъ державъ между воюющими сторонами. Весьма понятно съ какою цѣлью это дѣлается.

Смѣсь

Шахматая партія индійскаго вице-короля. Разсказываютъ, что, въ средніе вѣка, играли въ шахматы живыми шашками. Лордъ Литтонъ воскресилъ недавно такую забаву Индіи. Шахматною доской служилъ коленкоровый коверъ изъ красныхъ и бѣлыхъ квадратовъ въ 1 кв. ярдъ (почти $1^1/_3$ арш.). Онъ былъ разложенъ подъ открытымъ небомъ. Шахматы—взрослые люди и мальчики, отдѣтые по партіи, въ красное и бѣлое—двигались и занимали соотвѣтствующія мѣста по командѣ.

Американская реклама. Владѣлецъ одной изъ большихъ гостинницъ въ Нью-Йоркѣ придумалъ, для привлеченія посѣтителей, слѣдующее: «Каждому гостю подаютъ утромъ счетъ и ящикъ, въ которомъ находится столько нумеровъ, сколько въ данный день состоитъ въ гостинницѣ гостей. Кто вынулъ самый высшій №, живетъ сутки безплатно, получаетъ полное содержаніе и, кромѣ того, 1 долларъ деньгами». Гостинница всегда переполнена посѣтителями

Крысы всюду неудобны, но на кораблѣ онѣ составляютъ истинное бѣдствіе. Случайно открыто весьма простое средство для того, чтобы отъ нихъ избавиться. Запахъ растенія, весьма распространеннаго в юду и называемаго «Cynoglossus» (собачій языкъ), до того противенъ крысамъ, что когда на корабль принесена была вязка этой травы, крысы стали съ большимъ безпокойствомъ метаться по всему кораблю и, наконецъ, бросились въ море и поплыли къ берегу.

СОДЕРЖАНІЕ: Генералъ-лейтенантъ Павелъ Дмитріевичъ Зотовъ (съ портретомъ) Д.—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс Соловьева. Часть вторая (продолженіе).—Столѣтіе г. Тулы (съ рисункомъ) Д. Стахѣева.—Эпизоды изъ защиты Шипкинскаго прохода въ Балканахъ (съ 2-мя рисунками) Орѣш.—Казацкая удаль (съ рисункомъ) Э Румынскіе цирюльники (съ рисункомъ).—Сельскій почталіонъ (съ рисункомъ) О-нъ—Ронгоносцировка мѣстности въ долинѣ рѣки Вида генераломъ Лошкаревымъ (съ рисункомъ) С.—Ложбина рѣки Янтры и монастырь св. Троицы и Преображенія (съ рисункомъ) М. Стр.—Первая частная астрономическая обсерваторія въ Россіи Стр—Русскіе типы II Купецъ лабазникъ (съ рисункомъ).—Политическія и военныя извѣстія.—Смѣсь.—Объявленія

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

Главный складъ для Россіи въ Петербургѣ

уголъ Николаевской и Невскаго проспекта № 71—2.

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТНЫЕ ГРУДНЫЕ КОНФЕКТЫ ПРОТИВЪ КАШЛЯ.

Ваши мальцъ-экстрактные грудные конфекты оказались целѣбными для моей жены, страдающей грудью; прошу послать мнѣ еще таковыхъ. Е. Бидигеръ въ Выборгѣ

Ваши мальцъ-экстрактные грудные конфекты освободили мою грудь отъ мучительной мокроты; вашель прошелъ и могу свободно дышать. Цитенъ счетоводъ, въ Шейнвердерѣ

О МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТНОМЪ ПИВѢ ІОГАННА ГОФФА.

Страдая 12 лѣтъ желудкомъ, в вотъ 4 мѣсяца употребляю ваше драгоцѣнное мальцъ-экстрактное пиво, отъ котораго не только что чувствую себя лучше, но и силы мои возвращаются (слѣдуетъ заказать). Адр. Контце. Литографу, Берлинъ, 17 апрѣля 1877 года.

Для отправленія въ провинцію цѣна за нщ. мальцъ-экстрактнаго пива въ 33 бут., съ вшикомъ и упак. (кромѣ перес.) 10 р. 80 к., 70 бут—21 р. Берлинъ ф. мальцъ-экстр. шокол. 1 р. 90 к: $5^1/_2$ ф.—9 р. 50 к., 11 фун. 19 р.

Цѣна мѣшечка грудныхъ конфектъ въ 40 штукъ—50 к., $5^1/_2$ мѣш—2 р. 50 к., 11 мѣш.—5 р.

Сгущенный мальцъ-экстрактъ противъ кашля—1 р. за флаконъ; за 11 флаконовъ 10 р. Мальцъ-экстрактная питательная мука для дѣтей—за жестянку 1 р., за 11 жестянокъ—10 руб № 15 1—1

КАМИННЫЙ УГОЛЬ
у Фрицъ Буркгардта.
1—2 Румянцевская площадь № 5. № 16

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.
Садовое Заведеніе въ Ригѣ,
симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ ДЕРЕВАМЪ, РАСТЕНІЯМЪ и пр. на 1877—1878 Г.
изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.
Прочимъ желающимъ получить таковые, посылаются каталоги также безплатно, смотря по заявленію, на русскомъ языкѣ, или французскомъ и нѣмецкомъ.
№ 22 4—2

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3,
Магазины: Адмиралт. Продаж. Стремянной.
АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
17
Товарищество Чемберсъ и К°.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНІЕ
СИСТЕМАТИЧЕСКАГО КАТАЛОГА МАГАЗИНА Н. ФЕНУ и К°.
1877 г. 2 части, ц. по 50 коп. съ пересылкою.
Содержаніе 1-й части: Классная обстановка, письменныя принадлежности, начальное обученіе и педагогическія игры. Наглядныя пособія къ систематическому курсу.
Содержаніе 2-й части: Руководства и учебныя пособія.
Примѣчаніе. Готовится къ печати третья часть, которая дастъ фундаментальныя и возрастныя библіотеки.
Извлеченіе изъ 1-й части (классная обстановка, письменныя принадлежности и начальное обученіе) выдается безплатно. Иногороднымъ высылается въ обмѣнъ почтовой марки.
Съ требованіями на каталоги, а равно и на всѣ книги и наглядныя пособія, письменныя принадлежности и педагогическія игры обращаться въ Петербургъ, въ складъ **Н. Фену** и к°. по Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго сада. № 17 1

РУКОВОДСТВО КЪ УХОДУ
за больными, ранеными, беременными, родильницами, новорожденными дѣтьми и первая помощь до прибытія врача, съ 41-мъ рисункомъ въ текстѣ. 2-е изданіе, 1877 года.
Составилъ **Михаилъ Залуговскій.**
Медицинскимъ Совѣтомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ книга эта одобрена для сестеръ милосердія, для фельдшерскихъ школъ, какъ вспомогательное при другихъ руководство, и для библіотекъ пріемныхъ покоевъ и врачебныхъ пріютовъ.
Цѣна 1 р. 50 к.
Складъ книгъ у автора въ Москвѣ, у Пречистенскихъ воротъ, Лѣсной переулокъ, д. Антошевской, квартира **Михаила Самсоновича Залуговскаго.** Продается и у гг. книгопродавцевъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ. № 14 1

РЕКОМЕНДУЕМЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:
Э. А. Россмосслеръ. На Досугѣ. Популярныя Бесѣды, съ полвтипажами въ текстѣ, переводъ съ нѣмецкаго **П. Андреевскаго.** Цѣна 3 р. 50 к. съ пересылкою 4 р.
Записки Слѣдователя, сочиненіе **Н. П. Тимофѣева.** Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.
Христова Невѣста, повѣсть **Н. А. Лейкина. Изданіе второе.** Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою 1 р. 50 к.
Повѣсти, Разсказы в Драматическія сочиненія **Н. А. Лейкина.** Цѣна за 2 тома 3 р. 50 к. со пересылкою 4 р.
Историческіе Очерки и Разсказы С. Н. Шубинскаго. Изданіе второе дополненное. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
Всѣ эти пять изданій объявленныхъ здѣсь можно выписывать чрезъ Редакцію „НИВЫ". 3—3

Дозволено цензурою. СПБ. 7 Октября 1877 г. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 42 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 17 Октября 1877 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к, съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

Контора журнала «Нива» помѣщается въ С.-П.-Бургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

При слѣдующемъ № 43 будутъ разосланы въ картонномъ футлярѣ обѣщанныя гг. подписчикамъ „Нивы“ (получающимъ журналъ черезъ почту) ПРЕМІИ—двѣ олеографическія картины: 1) Семья рыбака и 2) Тарантелла.

Въ случаѣ не полученія кѣмъ либо при № 43 такого футляра съ преміями, издатель проситъ увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, не позже какъ съ полученіемъ № 44 „Нивы“.

Гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ или Москвѣ, будутъ выданы эти преміи при № 43 безъ футляра, завернутыя въ бумагу.

Развалины Траянова моста на Дунаѣ

Остатки развалинъ отъ моста, бывшаго на Дунаѣ во времена Римскаго Императора Траяна. Рис. Лансело.

Библиотека "Руниверс"

Развалины Траянова моста на Дунаѣ

Гуляя по Англійской набережной въ Петербургѣ и любуясь грандіозностію и красотою Николаевскаго моста, смѣло перброшеннаго чрезъ Неву, или смотря на сложныя и весьма трудныя по своимъ задачамъ сооруженія, долженствующія служить основою будущаго Литейнаго моста (противъ Медико-Хирургической Академіи), мы дивимся прогрессу нашего времени, восторгаемся успѣхами техники и думаемъ, что ужасно далеко превзошли въ этомъ дѣлѣ древнихъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько нужно знанія для того, чтобы преодолѣть всѣ трудности, представляющіяся въ безчисленномъ количествѣ при попыткѣ укрѣпить прочно каменные устои на днѣ широкой и быстро несущей свои воды рѣки. Сколько нужно соображенія, основаннаго на самыхъ точныхъ выводахъ науки, чтобы устои эти оказались построенными не на пескѣ и не на илѣ, а на прочномъ материкѣ, лежащемъ иногда глубоко подъ дномъ рѣки. Все это нужно преодолѣть, овладѣть, такъ сказать, самою рѣкою, заставить ее не мѣшать работѣ и спуститься безвредно на ея дно.

Зная все это, не можемъ ли мы, дѣти XIX вѣка, сказать про себя, что мы есть достойные представители своего времени, возвысившіеся своимъ превосходствомъ высоко, высоко надъ всѣми прежними жителями нашей планеты, уже потонувшими теперь „въ пропасти забвенья"?

Сказать этого о себѣ мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ. Вѣроятно, ни одинъ изъ нашихъ читателей будетъ удивленъ, услыша, что мы не только недалеко ушли во многомъ отъ древнихъ, а напротивъ, далеко отъ нихъ отстали.

Такое обидное для насъ, дѣтей XIX вѣка, обвиненіе въ медленномъ шествіи на пути къ такъ-называемому *прогрессу знанія* тѣмъ, конечно, кажется обиднѣе, что оно совершенно справедливо. Теперь мы, понятно, не можемъ для сравненія привести данныя, *какъ* именно, при помощи *какихъ* именно машинъ, способовъ и пріемовъ производились сооруженія древнихъ, но что эти сооруженія превосходятъ далеко сооруженія нашего времени, объ этомъ не можетъ быть никакого спора.

Между тѣмъ, какъ въ наше время, когда на помощь строителямъ являются всевозможныхъ родовъ примѣненія пара, древніе строители умѣли обходиться безъ его помощи, замѣняя его чѣмъ-то другимъ.

Но чѣмъ же именно?

Замѣнить, конечно, нужно было, иначе и самый замыселъ той или другой изъ грандіозныхъ построекъ древнихъ не могъ бы осуществиться.

Предъ читателями рисунокъ развалинъ, представляющихъ несомнѣнные слѣды громаднаго каменнаго моста чрезъ Дунай.

Какъ былъ этотъ мостъ построенъ, какимъ способомъ были установлены быки на дно рѣки — теперь это неразрѣшимый вопросъ.

Дунай въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся развалины этого моста имѣетъ 596 саженъ и при такой то широтѣ былъ построенъ за 1,800 лѣтъ до нашего времени каменный мостъ въ двадцать арокъ, подъ которыми могли свободно проходить мачтовыя корабли, такъ были высоко поставлены арки этого моста...

Но прежде чѣмъ разсказать по порядку все то, что извѣстно о постройкѣ этого моста, необходимо замѣтить слѣдующее.

На сѣверъ отъ Дуная до Карпатскихъ горъ, между Тиссою и Прутомъ, лежала древняя страна Дакія. Нѣкоторые писатели думаютъ, что жители Дакіи были одного происхожденія съ гетами, которыхъ греки называли гетами, а римляне—*дасі*, но общее мнѣніе сходится въ томъ, что обитатели Дакіи были славянскаго происхожденія. Жители Дакіи вели войны съ Римлянами. Въ 103 г. по Р. Хр. при царѣ Доцебалѣ, Императоръ Римскій Ульпій Траянъ побѣдилъ даковъ и присоединилъ ихъ страну къ своей имперіи. (Траянъ [Ulpiys Trajanus] римскій императоръ, род. въ 54 г. по Р. Х. въ Испаніи, въ 91 г. былъ консуломъ, усыновленъ былъ императоромъ Нервою, объявленъ имъ соправителемъ и наслѣдникомъ и въ 98 г. наслѣдовалъ ему. Умеръ Траянъ въ 117 г.) Во время этого похода и былъ построенъ знаменитый мостъ чрезъ Дунай, чрезъ который римскія войска шли сражаться противъ даковъ.

Мостъ этотъ былъ построенъ вблизи того мѣста, гдѣ нынѣ находится сербская крѣпость Кладово. Во времена римлянъ Кладово называлось Egeta и была въ стратегическомъ отношеніи едва ли не самымъ важнымъ пунктомъ на Дунаѣ.

Остатки этого моста со временъ глубокой древности были извѣстны подъ именемъ развалинъ Траянова моста, но при отсутствіи другихъ доказательствъ болѣе явственно утверждающихъ, къ какому именно времени относилась постройка, остатки эти для многихъ „любящихъ гоколебаться" давали обильный матеріалъ къ разнымъ предположеніямъ. Понятно, нельзя не удивляться и теперь даже, *какъ* могли древніе римляне построить каменный мостъ чрезъ такую рѣку. Пловучій мостъ—другое дѣло, на это теперь и мы даже способны, и имѣемъ по случаю настоящей войны даже не одинъ такой мостъ черезъ Дунай, а нѣсколько. Но что мостъ былъ построенъ римлянами —это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Въ 1766 г. была открыта на первомъ сводѣ развалинъ Траянова моста надпись: „Providentia Augusti, vere pontificis! virtus Romana quid non domat? Sub jugem ecce rapitur Danubius" (Промысломъ Августа, истиннаго первосвященника! Сила Римлянъ чего не укротитъ! Подъ ярмомъ ея влечется Дунай).

Въ настоящее время развалины представляютъ двѣ величайшія каменныя груды, имѣющія форму стульевъ (одна находится на румынскомъ берегу, другая на сербскомъ—обѣ онѣ имѣютъ совершенно одинаковый видъ). Часть каменной стѣны, возвышаясь надъ массивнымъ четыреугольникомъ, закругленнымъ отъ времени, имѣетъ видъ нѣсколько напоминающій спинку стула. При низкой водѣ съ Сербскаго берега у острова, находящагося среди Дуная, бываютъ видны 11 пилястровъ, а у острова къ румынскому берегу 4, служившихъ устоями моста. Такимъ образомъ въ виду фактически подтверждаемаго доказательства о постройкѣ каменнаго моста чрезъ Дунай въ концѣ перваго или въ началѣ второго вѣка по Р. Хр. императоромъ Траяномъ, нельзя не удивляться бывшему величію этого замѣчательнаго сооруженія. Это, видимо, было такое же величественное сооруженіе, какъ и знаменитый колоссъ Родосскій, стоявшій при входѣ въ гавань Родосса (на Средиземномъ морѣ) и опиравшійся ногами на двѣ скалы, между которыми проходили съ распущенными парусами корабли. И здѣсь подъ арками этого моста точно также (при высотѣ ихъ надъ водою болѣе чѣмъ въ 20 саж.) могли проходить корабли, распустивъ свои паруса. Какъ же не удивляться такимъ необычайнымъ для нашего времени постройкамъ?

Но удивляясь на различныя и весьма многочисленныя сооруженія древнихъ, о которыхъ повѣствуютъ намъ исторія и остатки развалинъ этихъ сооруженій, мы должны болѣе всего обращать вниманіе при этомъ не только на ихъ бывшіе гигантскіе размѣры, но главнымъ образомъ на то, какая сумма знаній была потребна для производства этихъ построекъ. Такъ здѣсь, при видѣ сооруженій каменнаго моста на такой широкой рѣкѣ, какъ Дунай, мы невольно поражаемся не самой массивностью постройки, а именно трудностью ея выполненія, въ особенности въ то отдаленное время, когда наука, казалось, стояла на низкой степени своего развитія, въ сравненіи съ тѣми успѣхами, какіе она сдѣлала въ послѣднія столѣтія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ знаній мы уступаемъ древнимъ. Это впрочемъ не должно казаться для насъ обиднымъ, хотя бы въ виду того, что въ военномъ искусствѣ мы далеко опередили ихъ... Но прогрессъ ли это?..

Изъ историческихъ памятниковъ древности о Траяновомъ мостѣ, извѣстно, впрочемъ, не многое. Сооружался онъ знаменитымъ архитекторомъ Аполлодоромъ, подъ личнымъ наблюденіемъ самого императора. Состоялъ этотъ мостъ изъ 20 арокъ, имѣвшихъ возвышеніе надъ поверхностію воды, какъ сказано выше, болѣе 20 саженъ. Ширина моста была болѣе 9 саженъ и длина до 600 саж.

Судя по этимъ размѣрамъ, можно представить, какое это было гигантское сооруженіе, чрезвычайно смѣлое и величественное. Историки передаютъ, что къ сожалѣнію, мостъ этотъ весьма не долго существовалъ.

По сказанію однихъ, преемникъ Траяна, императоръ Адріанъ, рѣшился сломать мостъ, чтобы не дать варварамъ возможности воспользоваться имъ въ свою очередь при переправѣ въ предѣлы Римской территоріи. (Адріанъ [Publius Aelius Adrianus] пятнадцатый изъ римскихъ императоровъ. О немъ см. въ № 40 „Нивы". стр. 646. Когда Траянъ скончался въ 117 г. въ Малой Азіи, смерть его была скрываема его женою до тѣхъ поръ, пока подкупленныя войска не провозгласили Адріана преемникомъ престола). По другимъ источникамъ предосторожность императора Адріана противъ варваровъ была только предлогомъ: въ сущности онъ не желалъ, чтобы остался послѣ Траяна такой могучій памятникъ и изъ чувства зависти къ славѣ Траяна велѣлъ снести всю верхнюю постройку и своды моста. Строитель моста, Аполлодоръ, погибъ также какъ и его произведеніе.

Ор.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Анна Ивановна у себя, она рѣдко куда выѣзжаетъ, рѣдко показывается у цесаревны Елисаветы и великой княжны Натальи, въ царскихъ охотахъ тоже не принимаетъ участія. Никому не доставляетъ осо-

Библиотека "Руниверс"

беннаго удовольствія ея компанія, а между тѣмъ съ своей стороны она употребляетъ всѣ силы чтобы нравиться, чтобы заслужить расположеніе. Глазъ не спускаетъ съ Императора и царевенъ, не знаетъ чѣмъ и угодить имъ и все таки не обращаютъ на нее вниманія. Съ какимъ бы удовольствіемъ уѣхала она въ свою Митаву, но Биронъ говоритъ что еще подождать нужно, еще не всѣ дѣла сдѣланы, а безъ рѣшенія дѣлъ ѣхать не стоитъ, не даромъ же пріѣзжала.

Герцогиня очень изумилась и обрадовалась приходу Остермана: ее и придворные не баловали своимъ вниманіемъ.

— Какъ это ты обо мнѣ вспомнилъ, Андрей Иванычъ? сказала она, протягивая ему руку.

— Что это вы, ваше высочество, „какъ вспомнилъ", да я непрестанно васъ въ мысляхъ своихъ имѣю; вотъ пришелъ узнать не прикажете ли чего—такъ я все для васъ устрою.

— Чего жь мнѣ, всѣмъ я довольна, ничего мнѣ не надо, заторопилась Анна Ивановна. Что Государь, какъ онъ въ своемъ здоровьѣ?

— Какое, я думаю, здоровье! отвѣчалъ Остерманъ,— совсѣмъ не берегутъ его, а самъ о себѣ конечно ужь онъ не думаетъ.

— Ахъ, какъ вѣдь это плохо, печально качала головой герцогиня,—я такъ всѣмъ сердцемъ люблю его величество и такъ мнѣ жалко слышать, что онъ не бережетъ себя....

Да и ея высочество великая княжна все такъ не здорова, ахъ какъ это жалко!

— За то цесаревна хорошо себя чувствуетъ, еще пополнѣла, проговорилъ Остерманъ, пристально глядя на герцогиню.

— Ахъ да, да, какая она красавица, цесаревна!

И герцогиня тоже стала пристально глядѣть въ глаза Андрею Иванычу, пытаясь прочесть въ нихъ, почему это онъ заговорилъ о цесаревнѣ и такимъ тономъ. Она такъ боялась попасть въ какой нибудь просакъ, сказать что нибудь лишнее, какимъ нибудь словомъ повредить себѣ! И какъ нарочно съ ней не было ея друга Бирона, который всегда умѣлъ вывести ее изъ затрудненія, что нибудь сказать за нее или незамѣтнымъ образомъ навести ее на отвѣтъ подходящій.

— Ахъ да, Андрей Иванычъ, вспомнила Анна Ивановна, прошу васъ передайте великой княжнѣ, что я ужь писала въ Митаву насчетъ собакъ, о которыхъ она мнѣ говорила. Можетъ и безъ меня найдутъ ихъ для его величества, а то какъ я пріѣду, такъ сейчасъ все сдѣлаю, чтобы исполнить ихъ желанье, сама искать буду. Пожалуйста же передайте, Андрей Иванычъ, что я только и думаю о томъ, не могу ли чѣмъ нибудь быть полезной его величеству и ея высочеству, пожалуйста передайте.

— Да, вѣдь вы сами, герцогиня, увидитесь съ ними, раньше моего пожалуй.

— Да да, конечно, но все же хорошо будетъ если и вы имъ объ этомъ скажете и ужь прошу я васъ, продолжала она, заглядывая въ глаза Остерману и смущаясь,—ужь прошу я васъ, добрый Андрей Иванычъ, какъ уѣду не забудьте обо мнѣ, будьте ко мнѣ милостивы и иной разъ напомните обо мнѣ, скажите за меня доброе слово, а ужь я, я чѣмъ только могу—да вотъ, могу то я мало—чѣмъ могу ужь я услужу вамъ за это.....

— Ахъ Богъ съ вами, полноте, герцогиня, что это вы, неужели думаете, что меня еще просить нужно. Пожалуйста положитесь на меня, я всегда почту себя счастливымъ, если смогу что нибудь сдѣлать вамъ угодное.

— Не знаю какъ и благодарить васъ, даже покраснѣла Анна Ивановна, я знаю, вы добрый человѣкъ.

Въ это время вошелъ Биронъ. Онъ почтительно поклонился Остерману, а тотъ всталъ и дружески протянулъ ему руку.

— Вотъ баронъ Андрей Иванычъ такъ добръ, обратилась Анна Ивановна къ Бирону, что не забываетъ меня, навѣщаетъ.

— И я надѣюсь, проговорилъ Биронъ, что мы уѣзжая оставимъ здѣсь надежнаго друга, вѣдь вы позволите, баронъ, такъ назвать себя?!

— Конечно, сказалъ Остерманъ, я сейчасъ уже имѣлъ честь доложить герцогинѣ, что все сдѣлаю на ея пользу, что въ моихъ слабыхъ силахъ. Такъ не изволите мнѣ дать никакихъ приказаній, ваше высочество?

— Чтожь, теперь никакихъ, только не забудьте про собакъ, что я вамъ говорила...

— Какъ можно забыть, не забуду, при первомъ же свиданьи непременно скажу и царевнѣ, да и Государю.

Андрей Ивановичъ почтительно откланялся герцогинѣ, опять пожалъ руку Бирону съ самой добродушной, милой улыбкой, и вышелъ.

По его уходѣ Анна Ивановна подробно, не пропуская ни одного слова, передала Бирону весь свой разговоръ и стала его спрашивать что бы значилъ намекъ Остермана на принцессу Елисавету.

— Что нибудь да значитъ, сказалъ Биронъ. Остерманъ хитеръ, онъ даромъ не скажетъ ни одного слова, да и вообще мы можемъ теперь успокоиться—значитъ дѣла наши не совсѣмъ дурны, если Остерманъ васъ навѣщаетъ. Откуда же бы это взялась такая къ намъ дружба.

— Ну, а что ты? что новаго?

— Я теперь отъ князя Ивана Алексѣевича, тоже и съ нимъ поладилъ, ласковъ онъ былъ со мною, милостивъ, и ему я обѣщалъ найти у насъ въ Курляндіи хорошую охотничью собачку, такъ онъ за это даже поцѣловалъ меня. Какъ только что пріѣдемъ домой сейчасъ нужно собакъ искать,—много эти собаки намъ помогутъ.

— Ну, и слава Богу, даже перекрестилась герцогиня...

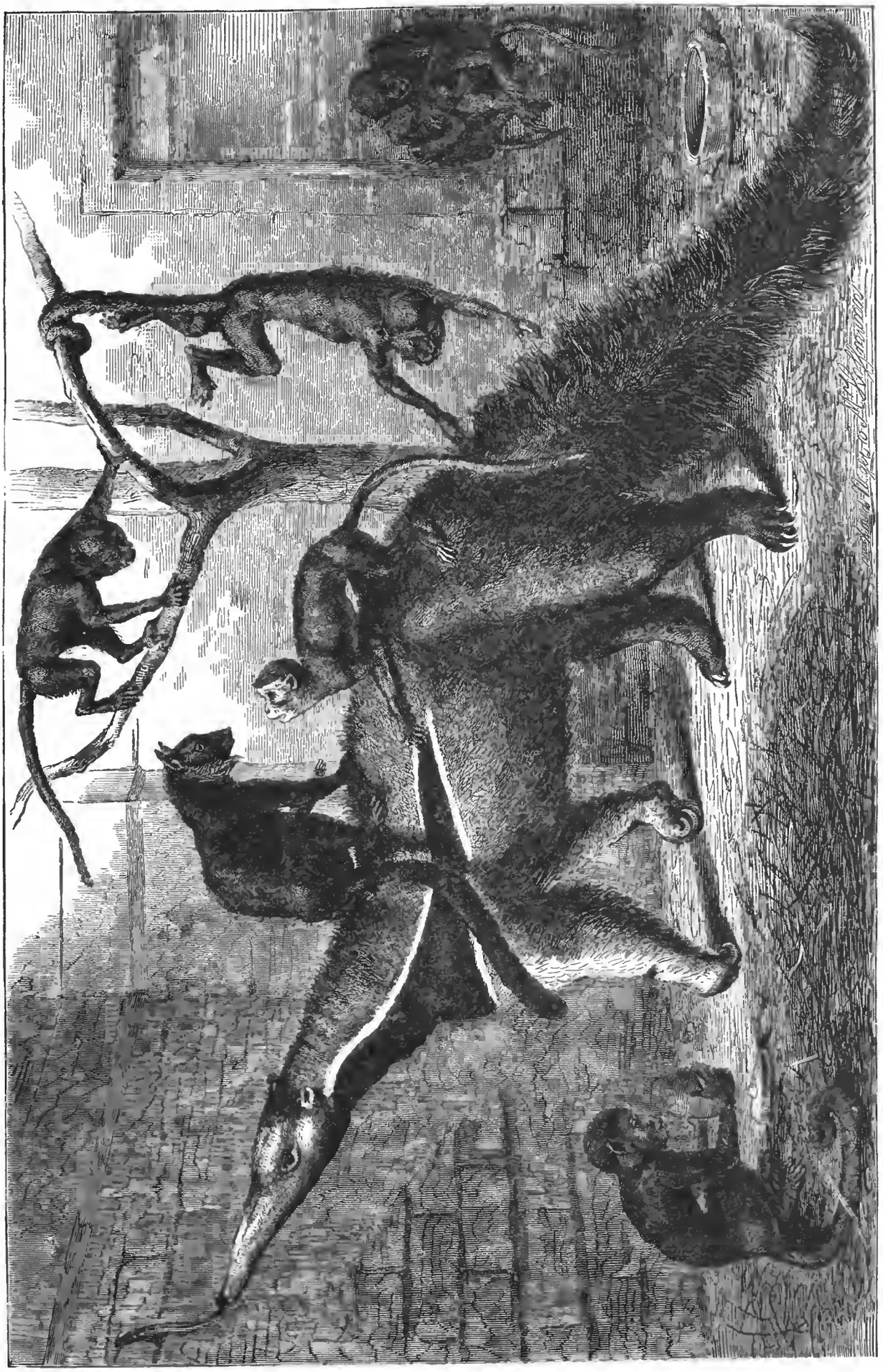
VIII.

Свѣтлые майскіе дни стоятъ надъ Москвою. Благоуханная тишина въ тепломъ воздухѣ. По Москвѣ рѣкѣ ходятъ лодки и гребцы не знаютъ иной разъ что имъ и дѣлать, такъ обмелѣла Москва рѣка. Облитый вечернимъ солнцемъ стоитъ монастырь Новодѣвичій. Напротивъ его, по ту сторону рѣки, тянутся Воробьевы горы, покрытыя густымъ, зеленымъ лѣсомъ. Съ вышины этихъ горъ во всѣ стороны чудные виды открываются и весь городъ Москва, какъ на ладони: всѣ сорокъ сороковъ церквей ея видны, отъ солнца какъ огни горятъ ихъ золоченые куполы. Длиннѣютъ вечернія тѣни и все тише и тише становится, только гдѣ нибудь на берегу промычитъ корова, да раздадутся тонкіе, жалобные звуки рожка пастушьяго... Часы на монастырской колокольнѣ все бьютъ минуты за минутами и съ тоскою великою, съ томленьемъ и скукой прислушивается къ ихъ бою царица Евдокія Ѳедоровна. Все въ той же она тихой и спокойной спальнѣ, только окно отворено, а подъ окномъ цвѣтетъ кустъ сирени. Длинные, однообразные дни тянутся для царицы, чего бы ей, кажется? жизнь спокойная беззаботная, всего у ней вдоволь и людей много, что по первому ея знаку готовы исполнять всѣ ея приказанія, и столъ обильный, и всякаго продовольствія сколько душа пожелаетъ. Въ церковь войдетъ—всѣ ей низко кланяются, священникъ всенародно возглашаетъ ее великой государынею, отвсюду ей почтеніе, чего жь она такъ печальна, чего сидитъ часто подъ открытымъ окошкомъ, смотритъ на дворъ монастырскій и тихонько плачутъ ея глаза старые, съ безнадежнымъ отчаяніемъ шепчутъ жалобы ея блѣдныя губы? Чего ждала она, на что надѣялась то не сбы-

Библиотека "Руниверс"

Волгарскіе крестьяне на жатвѣ. Рис. Метцмахеръ, грав. Г. Кохъ.

Библиотека "Руниверс"



Муравьѣдъ въ зоологическомъ саду въ Берлинѣ. Рис. Гофманъ, грав. Ірепд'амуръ.

Библиотека "Руниверс"

лось, чего боялась то исполнилось. Только соблюли приличіе, назначили ей содержаніе богатое внучата, а ее позабыли, и за что это? Всего раза три и видѣла она внука. Чѣмъ досадить ему она успѣла—что совѣтывала ему поберечь свое здоровье, да жизнь вести разумную—это не понравилось? Ну а сестрица его, внучка Наташенька, она то чего отвернулась отъ бабушки? Да что и думать объ этомъ: отчего, да почему? отчего бы тамъ ни было, а отвернулись отъ нея внучата, и сами къ ней незаглядываютъ и ее къ себѣ не зовутъ. Все ждала, все надѣялась старушка, что это перемѣнится, да не дождалась. Вотъ и теперь: неможется. Послала она записочку Императору, говоритъ что больна и проситъ навѣстить ее, ну и чтожь? онъ на словахъ велѣлъ отвѣтить, что очень сожалѣетъ, что посылаетъ къ ней дохтура и приказываетъ постоянно извѣщать его объ ея здоровьи, а самъ къ ней быть не можетъ—очень занятъ. Занятіе его извѣстное—на охоту ѣдетъ, отъ того и не могъ навѣстить старуху. Думала хоть внучка пріѣдетъ, анъ и внучки все нѣту—говорятъ сама больна очень, правда ли, нѣтъ ли, какъ тутъ узнаешь. Прежде заѣзжалъ хоть нѣмецъ, баронъ Андрей Иванычъ, а и онъ ужь пересталъ ѣздить... Никому не нужна царица—всѣ поняли что нечего въ ней заискивать.

Сидитъ она у открытаго окошка и плачетъ; часто плачетъ теперь царица—безсиліе одолѣло ее, только и можетъ, что плакать. Ночь приходитъ. Ложится она въ постелю, никакъ заснуть не можетъ, такъ всю ночь и ворочается съ боку на бокъ. Уже зазвонили и къ заутренѣ; пойти хоть помолиться. Она кличетъ служанку и спѣшитъ одѣться и бредетъ въ церковь. Тамъ становится она на свое мѣсто и поднимаетъ заплаканные глаза къ образу Богородицы. Всетакже спокойно и милостиво глядитъ на нее ликъ Пречистой Дѣвы, онъ зоветъ ея душу къ покою и смиренію, но все еще не можетъ обрести этого покоя и смиренія царица. Когда проходитъ тоска и слезы, тогда поднимаются въ ней другія чувства: снова стучится старая жажда мести, но больше чѣмъ когда либо, можетъ быть, связаны ея руки—право прежде лучше было, ну заточеніе, ну ужь и знала что это значитъ, а теперь вѣдь окружили почетомъ и думаютъ что все сдѣлали, что могутъ на этомъ успокоиться. Да вѣдь нѣтъ больше обиды, какую она терпитъ теперь отъ внучатъ своихъ, вѣдь вотъ не захотѣли помѣстить ее во дворцѣ, все сдѣлали, только чтобъ подальше, чтобъ не видѣть ее, не слышать о ней. Значитъ, противна она имъ, значитъ прямо показать ей хотятъ, *какою* ее считаютъ. Всю жизнь всѣ обижали, а эти обиды, подъ старость, ужь не по силамъ царицѣ. Чтожь они, въ самомъ дѣлѣ думаютъ? чѣмъ я такъ провинилась передъ ними? Чѣмъ я ихъ опозорила? Лучше меня, чтоли, была ихъ другая бабушка?—той все прощалось—да и сами они какъ живутъ?!.. И недавнее чувство любви къ Петру и Натальѣ замѣняется въ ней почти ненавистью. „Смѣйтесь, смѣйтесь, издѣвайтесь, обижайте, мысленно грозится она имъ... погодите, все же я жива еще, еще не умираю, еще можетъ васъ переживу!.. Вонъ внучка какъ цвѣтокъ вянетъ, къ землѣ клонится, грудь у ней болитъ, кашляетъ, умретъ того гляди... да и ты умрешь тоже скоро, Государь мой внучекъ—не хватитъ тебя на эту жизнь разгульную, въ этакіе то годы. Сами себя погубите: я бы васъ охраняла, я бы не допустила, я бы какъ коршунъ надъ вами стояла, вашихъ враговъ оттоняла—не захотѣли, оплевали старуху, ну, и погибайте!.. Охъ, чуетъ мое сердце, чуетъ что скороню я ихъ, думаетъ глядя на икону и уже не видя ее Евдокія Ѳедоровна,—и не пожалѣю! Къ чему жалѣть—развѣ они меня жалѣютъ? Развѣ кто нибудь когда пожалѣлъ меня?... Но потомъ... что потомъ, кто сядетъ на престолъ русскій? Неужто она, эта писаная краля, дочь моего мучителя? Нѣтъ, еще подожди ты! Если по немъ стала Императрицей вторая жена его—жена при живой то женѣ! да не своя, а нѣмка—такъ отчего жь и мнѣ не быть Императрицей? Я его законная наслѣдница, я первая вѣнчанная жена его, русская, православная—такъ неужли я уступлю мѣсто это Елисаветѣ? Всю жизнь всѣмъ уступала—пора образумиться хоть передъ смертью. Охъ, что я, о чемъ это я думаю, развѣ тому можно статься“.

Но мысль ужь пришла, послѣ первой безнадежности, послѣ долгой тоски и сознанія своего безсилія; мысль пришла дикая но соблазнительная и теперь ужь не уйдетъ она. „Чтожь это, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь можетъ оно статься, почему знать, можетъ быть все и идетъ только къ этому, можетъ такъ, самимъ Богомъ назначено“! И никакъ ужь не въ силахъ отвязаться Евдокія Ѳедоровна отъ этой внезапно всю ее охватившей мысли. Она дрожитъ, глаза ея горятъ, ей становится душно, она начинаетъ чувствовать невѣдомое волненіе, ей ужь начинаетъ казаться, что сейчасъ, сію минуту должно совершиться исполненіе ея замысловъ, что ужь никого ихъ нѣтъ, что они умерли. Вотъ ей слышится подъ церковными сводами голосъ священника, онъ возглашаетъ: „Благовѣрную государыню нашу, царицу Евдокію Ѳедоровну“. Да, она царица, вѣнчанная царица земли русской. Кругомъ нея—все это ея подданные: въ ея рукахъ и гнѣвъ и милость: всѣ ждутъ съ великимъ трепетомъ ея приказаній, ловятъ ея взгляды. Безумными глазами обводитъ она церковь, ей кажутся знакомыя лица, толпа придворныхъ... все смѣшалось: въ средѣ ихъ и живые и уже умершіе люди. Но ей теперь кажется, что они еще живы, что они здѣсь, передъ ней .. сейчасъ, сейчасъ совершиться должно исполненіе ея замысловъ, сейчасъ насладится ея сердце местью старой, долгіе годы копившейся местью. Передъ ней онъ, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, онъ—вѣчный врагъ ея... какую казнь придумаетъ она ему? Нѣтъ для него казни, еще не придумано: колесовать его—мало! На колъ посадить—мало!.. подождетъ она, придумаетъ... За нимъ стоятъ другіе!.. Вотъ они падаютъ передъ ней на колѣни, молятъ о прощеньи, извиваются и пресмыкаются у ногъ ея. А!. ей смѣшно, она наслаждается ихъ униженіемъ, нѣтъ, не сейчасъ она казнитъ ихъ—это было бы для нихъ мало, она медленно станетъ пытать ихъ, какъ сами они ее пытали. Она станетъ оскорблять ихъ, издѣваться надъ ними, какъ и ее оскорбляли и какъ надъ нею издѣвались. И никого не пощадитъ она, пусть просятъ прощенья, пусть!.. напрасно! Но кто жь останется? враговъ такъ много, все враги, и ни однаго друга.

Она выпрямилась во весь ростъ свой. Окружающія ее монахини съ изумленіемъ и страхомъ глядятъ на нее, такъ измѣнилась она. Голова ея трясется, лицо багровѣетъ, губы шепчутъ что то непонятное. И опять ей начинаетъ казаться—ей кажется, что всѣ эти враги лютые, лежавшіе у ногъ ея и молившіе о пощадѣ, поднимаются... ей слышится угрожающій крикъ ихъ: А! такъ ты хочешь погубить насъ всѣхъ, но мы тебѣ недадимся. Насъ много—ты одна, одна хоть и царица и никто за тебя не заступится—насъ много!... И они кидаются на нее. Вотъ они уже ее окружили, она рвется, мечется, вырывается изъ рукъ ихъ, но они скрутили ей руки. Дикій крикъ огласилъ церковные своды... Всѣ кинулись къ царицѣ—съ багровымъ лицемъ, съ закатившимися глазами, она неподвижно лежала на полу церковномъ.

Бросились за докторомъ. Докторъ объявилъ, что царица еще жива, что нужно ей пустить кровь, что съ ней ударъ. Осторожно принесли ее изъ церкви и дали знать во дворецъ. Но Императора тамъ не было, онъ уѣхалъ на охоту съ цесаревной Елисаветой, а великая княжна Наталья сама лежала въ постели слабая и больная. Одна только герцогиня Курляндская, Анна

Библиотека "Руниверс"

Ивановна, пріѣхала въ монастырь и весь день провела у больной царицы, и оставила ее только тогда, когда та окончательно пришла въ себя и когда докторъ сказалъ, что опасность миновала.

IX.

По тверской дорогѣ, за селомъ Всесвятскимъ, начинается сосновый лѣсъ и тянется онъ на многія версты, доходитъ до рѣки Химки, идетъ по берегу, перебрасывается на другую сторону и опять тянется. Зимою въ лѣсу этомъ много всякаго звѣря: и волки и медвѣди водятся; лѣтомъ птица дикая кишмя кишитъ по старымъ сосновымъ вѣткамъ. Привольно здѣсь охотиться: птица не напугана, не видала до сихъ поръ человѣка, не слыхала выстрѣла. Тишина невозмутимая жила здѣсь долгіе годы; трава стояла не мятая, а въ травѣ цвѣты прятались. На лѣсныхъ лужайкахъ и вездѣ, гдѣ доступъ былъ солнцу, спѣли крупныя ягоды земляники, черники и костяники, спѣли и осыпались,—некому было сбирать ихъ; развѣ кое когда деревенскія дѣвки изъ селъ окрестныхъ забредутъ сюда съ кузовками, но онѣ ходятъ все больше по опушкѣ—вглубь боятся заглядывать, тамъ страсти — медвѣдь, звѣрь всякій....

А вотъ теперь и тишина убѣжала изъ сосноваго бора: шумъ великій по немъ слышится, гики, порсканье. То охотники Петра Алексѣевича, то собаки его вверхъ дномъ лѣсную жизнь подняли. Изумленно слушаетъ птица звуки выстрѣловъ и падаетъ мертвою, такъ и не очнувшись, не поняв откуда пришла гибель. Съ утра ранняго охотится Государь молодой, заморился совсѣмъ, отдохнуть пора. И возвращаются охотники на широкую лужайку у высокаго рѣчнаго берега, гдѣ стоятъ шатры, готовъ пышный ужинъ. Съ Государемъ большая свита: всѣ Долгорукіе—на этотъ разъ и Иванъ Алексѣевичъ выѣхалъ—баронъ Остерманъ, есть и дамы: цесаревна Елисавета со своей фрейлиной, княгиня Долгорукая, Прасковья Юрьевна, съ дочерьми. Совсѣмъ замаялся юный Императоръ, едва ноги за собой волочитъ, лицо загорѣлое, потное, за то на сердцѣ у него весело. Возвращается онъ ужинать, и съ богатой добычей: самъ сколько птицы всякой настрѣлялъ: ягдташи полные. Весело и радостно обращается онъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ и начинаетъ разсказывать ей свои охотничьи приключенія, о томъ, какъ застрялъ онъ въ болотѣ, и какъ едва его вытащили, о томъ, какъ чуть въ любимую собаку свою не выстрѣлилъ;—много у него разныхъ разсказовъ.....

Баронъ Андрей Ивановичъ подходитъ къ Императору и своимъ постоянно ласковымъ и почтительнымъ тономъ говоритъ ему, что если онъ попалъ въ болото такъ навѣрно промочилъ себѣ ноги, навѣрное вода въ сапоги забралась—нужно перемѣнить обувь, не то простудится.

— Пустое, весело отвѣчаетъ Императоръ,—съ чего мнѣ простудиться теперь?—лѣто. Усталъ я, это правда, да вотъ поѣмъ хорошенько, выпью немного и усталость какъ рукой сниметъ. И не уговаривай меня, Андрей Иванычъ,—не стану переодѣваться.

Онъ садится ужинать. По одну его сторону—Елисавета, по другую—княжна Катерина Долгорукая. Ужинъ быстро исчезаетъ въ голодныхъ желудкахъ охотниковъ и вина выпито изрядно. У всѣхъ языки развязались, поднялся смѣхъ, начались шутки, всѣ веселы. Не весело только барону Остерману, не весело фавориту Ивану Алексѣевичу, не весело и сестрѣ его Катюшѣ. Сидитъ она рядомъ съ Императоромъ, не сама она такъ сѣла, а ее посадили—только зачѣмъ, зачѣмъ это? Еще еслибъ Императоръ особенно желалъ этого, благоволилъ бы къ ней, а то вѣдь нѣтъ ничего. Вотъ онъ и вниманія на нее не обращаетъ, почти слова не говоритъ съ нею. Ей гораздо бы пріятнѣе было сидѣть подальше, вонъ хоть бы тамъ, на томъ концѣ стола— ея взоры обращаются туда часто—тамъ между молодыми охотниками, спутниками Императора, видитъ она красивое лицо съ большими черными глазами. Эти глаза часто встрѣчаются съ нею и она краснѣетъ и опускаетъ рѣсницы. И ужь не первый день это—давно запримѣтила она молодого графа Милезимо, родственника австрійскаго посланника Вратислава. На балахъ она часто съ нимъ танцовала и вотъ ужь четвертый день, какъ выѣхали они на охоту, онъ пользуется всякимъ случаемъ подойти къ ней, сказать ей нѣсколько словъ и глядитъ на нее такъ нѣжно;—совсѣмъ по сердцу пришелся ей этотъ молодой иностранецъ.

Послѣ оживленныхъ разсказовъ Петръ замолчалъ, видимо утомленный. Онъ отказался отъ предложеннаго ему блюда, откинулся на спинку стула и вытянулъ ноги. У него немного начинала кружиться голова, рѣчи присутствующихъ стали сливаться. Вотъ онъ слышитъ что князь Алексѣй Долгорукій говоритъ что то, вѣрно очень смѣшное—всѣ кругомъ смѣются и онъ улыбнулся, но самъ не знаетъ чему улыбается. Тетушка Лиза нагнулась къ нему и что то шепнула—онъ не разслышалъ, онъ ловитъ ея руку, но она не даетъ руки. По прежнему рѣдко съ нимъ ласкова Лиза, то есть не такъ ласкова, какъ ему бы хотѣлось. По цѣлымъ мѣсяцамъ, иногда, онъ на нее сердится, отъ нея удаляется, почти не говоритъ съ нею, но долго сердиться на нее онъ не можетъ—влечетъ она его къ себѣ, да и только, какая то тайная сила у нея есть надъ нимъ. „Ну а эта что жь? подумалъ онъ, взглянувъ на княжну Катерину—эта, пожалуй, не отвернется, не станетъ сердиться если возьму за руку.... а вѣдь какая она хорошенькая! Вотъ еще недавно была маленькая совсѣмъ, а теперь вдругъ какъ выросла, большая стала, совсѣмъ большая, ужь ей шестнадцать лѣтъ“...

И онъ глядитъ на нее съ улыбкой и говоритъ ей:

— Что жь это ты ничего не кушаешь, Катюша?

— Сыта, Государь, вѣдь я не ходила на охоту.

— Вотъ то-то, смѣется онъ,—зачѣмъ же не ходила, теперь бы и кушала много. Завтра непремѣнно отправляйся съ нами. Хочешь мы тебя нарядимъ охотникомъ, дадимъ тебѣ ружье,—славный ты будешь охотникъ.

И онъ беретъ ея руку и долго держитъ въ своей и глядитъ на нее съ нѣжной улыбкой.

Долгорукіе уже замѣтили это, зорко слѣдятъ за каждымъ словомъ, за каждой миной Петра, только дѣлаютъ видъ, что ничего не видятъ.

Катюша не отняла руки, но вся покраснѣла, смутилась и взглянула на Императора такимъ испуганнымъ и дѣтскимъ взглядомъ, что онъ самъ смутился, и вдругъ оставилъ ея руку и отвернулся отъ нея. Ему стало неловко. Вотъ онъ думаетъ: „Нѣтъ, лучше какъ Лиза, лучше какъ Лиза, лучше бы и она отняла свою руку, а то что проку,—не отнимаетъ, а такъ жалобно смотритъ“...

Наконецъ ужинъ кончили, сейчасъ будутъ запрягать экипажи: Императоръ со свитой поѣдутъ въ ближнее село, гдѣ приготовлено помѣщеніе для ночлега.

Вечеръ теплый, душистый. Кто не такъ усталъ, пошли въ рощу погулять немного; Императоръ остался съ Остерманомъ и Алексѣемъ Долгорукимъ.

Между высокими деревьями, въ тепломъ полумракѣ лѣтнихъ сумерекъ идетъ грустно задумавшись цесаревна Елисавета. Вотъ она оглянулась и видитъ за собою Ивана Долгорукаго.

— Ну что, любезникъ, опять за мною? насмѣшливо говоритъ она ему.

— Опять за тобою, принцесса, поговорить мнѣ нужно съ вашимъ высочествомъ.

— Князь Иванъ, иди, оставь меня въ покоѣ, не хочу я рѣчей твоихъ слушать, знаю что говорить будешь. Ужь очень ты занесся, о себѣ много думаешь, не статочное дѣло затѣялъ...

Библиотека "Руниверс"

— Прости меня, принцесса, за мои прежнія глупыя рѣчи, теперь ихъ больше не услышишь. Затѣмъ и иду за тобою, чтобъ сказать это тебѣ.

Она глядитъ на него съ изумленіемъ. Что это такое—онъ точно говоритъ серьезно и лице у него такое печальное. Странно!..

— Самъ я знаю, продолжаетъ онъ, какъ досаждалъ тебѣ своею дурностью, но сердце у тебя золотое, ты зла не помнишь.

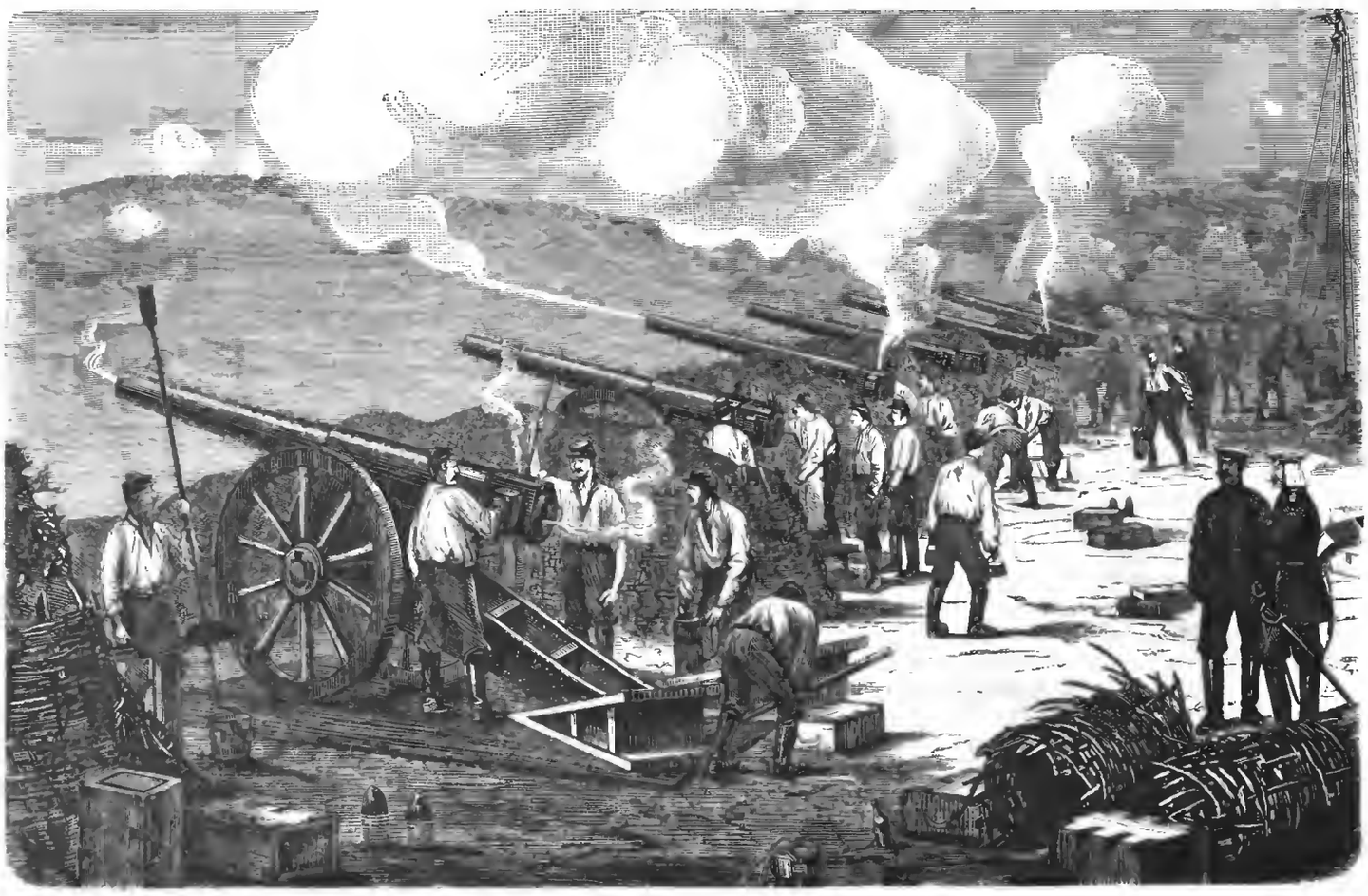
— Коли ты это правду говоришь, князь Иванъ, такъ давай руку, я тебѣ зла никогда не желала, только надоѣдалъ ты мнѣ очень. А теперь мнѣ совсѣмъ ужь не до любезностей и комплиментовъ.

— Знаю, знаю, принцесса...

Елисавета отвернулась отъ него и заплакала. Недавно она дѣйствительно понесла тяжелую утрату: умерла любимая сестра ея Анна Петровна и умерла далеко, въ городѣ Килѣ, и не видала ее передъ смертью цесаревна. Съ дѣтства горячая дружба связывала ее съ сестрою; много слезъ пролила она, когда та уѣзжала изъ Петербурга по проискамъ Меншикова. Потомъ дня не проходило, чтобъ не получила цесаревна письма изъ Киля, или отъ самой сестры, или отъ общаго друга ихъ Шепелевой, уѣхавшей съ герцогиней голштинской. Все ждали сестры свиданія, задумывали его на это лѣто. Веселыя письма одно за другимъ приходили изъ Киля и радостнѣе всего для Елисаветы было извѣстіе, что у сестры ея родился сынъ. Шепелева извѣщала, что здоровье Анны Петровны совсѣмъ хорошо. Императоръ былъ заочно воспріемникомъ новорожденнаго, названнаго Петромъ. Цесаревна много подарковъ послала въ Киль и сестрѣ и племяннику, сама шила ему маленькія рубашечки, вышивала разныя одѣяльца. И вдругъ въ началѣ Мая получено страшное извѣстіе: Анна Петровна скончалась. Шепелева прислала письмо все облитое слезами, разсказывала все подробно:

Въ Килѣ была иллюминація и фейерверкъ по поводу крещенія маленькаго принца; герцогиня непремѣнно хотѣла смотрѣть ихъ и долго стояла у открытаго окошка, а ночь была сырая, холодная. Придворныя дамы и сама Шепелева уговаривали ее отойти отъ окна, хотѣли запереть окно, но она смѣялась надъ ними и хвалилась своимъ русскимъ здоровьемъ. И опять отперла окошко и высунулась въ него и долго дышала ночнымъ сырымъ воздухомъ. Къ утру ужь чувствовала она себя плохо, а черезъ десять дней скончалась.

Нѣсколько дней послѣ этого ужаснаго извѣстія, проплакала цесаревна запершись у себя и никого къ себѣ не пуская. Теперь вотъ она выѣхала на охоту, чтобы какъ нибудь разсѣяться. Забудетъ на часъ свою утрату, оживится, но вспомнитъ снова и защемитъ ея сердце и плачетъ она неудержимыми слезами.



Главная русская баттарея при Плевнѣ Рис. К. Д. грав. Зоосъ.

— Да, спасибо тебѣ князь Иванъ, обратилась наконецъ Елисавета къ Долгорукому, утирая слезы; — а еслибъ иначе заговорилъ со мною, такъ я кажется тебя на всю жизнь бы возненавидѣла. И если ты искренно говоришь, и если ты дашь мнѣ слово, что не будешь больше приставать ко мнѣ, такъ я стану твоимъ искреннимъ другомъ.

— Клянусь тебѣ, принцесса, что и не заикнусь больше.

— Ну ладно, ладно, вѣрю я тебѣ, князь Иванъ. Но вотъ, сказала она, какъ бы сама съ собою,—отъ одного жениха отдѣлалась, а другой вѣдь еще остался на шеѣ. Помоги мнѣ, князь Иванъ,—опять пристаютъ съ

Библиотека "Руниверс"

Англійскій военный агентъ, полковникъ Уэлльслей и корреспонденты иностранныхъ газетъ, осматривающіе Гривицкій редутъ (при Плевнѣ) послѣ взятія его русскими и румынскими войсками. Рис. К. Д. грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

графомъ Морицомъ Саксонскимъ—скажи ты имъ, тамъ кому надо, чтобъ оставили меня наконецъ въ покоѣ. Сколько разъ повторяла я всѣмъ, что не хочу замужъ и каждый то божій день новаго жениха мнѣ навязываютъ. Говорила всѣмъ —умеръ мой женихъ, котораго мнѣ матушка назначила, ну и значитъ не судьба мнѣ, а то что это такое, то одного предлагаютъ, то другого! Право даже смѣшно подумать:—что я за предметъ такой для исканій разныхъ нищихъ принцевъ! Да еслибъ вѣдь и хотѣла замужъ такъ за Морица не пошла бы, вѣдь онъ ужь извѣстенъ повсюду—выгодныхъ невѣстъ себѣ ищетъ. Такъ окажи услугу, помоги мнѣ отъ него отдѣлаться.

Князь Иванъ обѣщалъ все исполнить и цесаревна ушла отъ него ласково кивнувъ ему головою. Онъ остался одинъ подъ деревьями лѣса.

— Ну вотъ, Наталья Борисовна, сказалъ онъ самъ себѣ, и блаженная улыбка на мгновеніе освѣтила все лице его,—вотъ могу теперь къ тебѣ явиться, хоть въ одномъ успѣлъ поладить съ собою. И пусть отсохнетъ языкъ мой, если еще хоть когда нибудь по прежнему взгляну на принцессу, хоть она и краше солнца небеснаго и хоть еще съ мѣсяцъ тому назадъ кажется ни за какія блага въ мірѣ отъ нея бы не отказался. Но вѣдь ты краше принцессы, Наталья Борисовна, краше всего свѣта божьяго! Я пойду за тобою, куда бы ты ни повела меня, всякая доля съ тобою будетъ для меня счастливой долей!..

(Продолженіе будетъ).

Кровь, какъ источникъ жизни.

Не смотря на значительное въ наше время стремленіе общества къ изученію естественныхъ наукъ, большинство весьма мало знакомо съ тѣмъ, какая существуетъ разница между свѣжимъ и испорченнымъ воздухомъ. Даже въ Англіи, гдѣ вообще больше чѣмъ гдѣ либо, сознается необходимость вентиляціи и гдѣ санитарная полиція имѣетъ власть взыскивать штрафъ за помѣщеніе, не заключающее достаточнаго количества воздуха, и даже тамъ не разъ бывали случаи удушенія испорченнымъ воздухомъ, вслѣдствіе незнанія его свойствъ. Извѣстенъ разсказъ о капитанѣ, который во время бури велѣлъ пассажировъ второго класса на глухо запереть въ ихъ каютахъ, гдѣ они всѣ и задохлись въ страшныхъ мученіяхъ.

По мнѣнію капитана, онъ поступалъ съ хорошимъ намѣреніемъ, только онъ не зналъ, что воздухъ, выдыхаемый легкими, есть испорченный воздухъ, и что испорченный воздухъ есть ядъ.

Извѣстенъ также случай въ Калькутской пещерѣ, въ которой въ 1756 году заперто было въ одинъ вечеръ 146 англійскихъ плѣнныхъ; 117 изъ нихъ были найдены утромъ на другой день въ ужаснѣйшемъ видѣ, убитые тѣмъ воздухомъ, которымъ они дышали, а 29 оставшихся въ живыхъ прильнули къ единственному отверстію, впускавшему воздухъ въ пещеру, однако всѣ они остались несчастными, болѣзненными, слабоумными людьми.

Воздухъ, насыщенный углекислотой безъ всякой другой примѣси, удушаетъ мгновенно при первой попыткѣ дышать имъ. Правда, что ядовитое вліяніе испорченнаго воздуха ослабляется тѣмъ, что онъ не бываетъ совсѣмъ замкнутъ, но болѣе или менѣе возобновляется притокомъ свѣжаго воздуха; тѣмъ не менѣе ядъ остается ядомъ. Стоитъ только вспомнить чувство, съ какимъ мы выходимъ изъ жаркой, ослѣпительной, сіяющей газомъ оперной залы, или изъ комнаты наполненной людьми и табачнымъ дымомъ, на свѣжій воздухъ. Развѣ мы не ощущаемъ чувства освобожденія, выдыхая ядъ и вдыхая неиспорченный воздухъ? Всѣ выходятъ изъ такихъ душныхъ залъ болѣе или менѣе усталыми, блѣдными или въ лихорадочномъ жару съ головной болью и т. п.

До XVII-го столѣтія люди не знали ничего положительнаго объ отношеніи воздуха къ жизни. Англійскому ученому Пристлею принадлежитъ честь открытія кислорода и научнаго опредѣленія зависимости жизни отъ воздуха; онъ открылъ именно химическій процессъ, доказывающій что кислородъ есть существенная составная часть атмосфернаго воздуха и посредствомъ дыханія превращаетъ венозную кровь въ артеріальную. Французскій ученый Лавуазье построилъ на этомъ химическую теорію дыханія. Далѣе, въ 1788 году англійскій ученый Гудвинъ продолжалъ изслѣдованія въ этомъ направленіи и доказалъ, что не только недостатокъ воздуха вообще, но недостатокъ свѣжаго воздуха, рано или поздно причиняетъ удушеніе, смерть. Изъ этого положенія пришли далѣе къ заключенію, что дыханіе, кровообращеніе, мускульная и нервная дѣятельность тѣсно связаны между собой и зависятъ другъ отъ друга. Такъ венозная, т. е. смѣшанная съ углекислотой, кровь снова получаетъ свою живительную силу черезъ обмѣнъ углекислоты съ вдыхаемымъ кислородомъ; при отсутствіи или недостаточномъ количествѣ послѣдняго, кровь остается венозной и вмѣсто жизненной силы становится смертельнымъ ядомъ. Если она приливаетъ, напримѣръ, къ головѣ, дѣятельность мозга, а съ нимъ вмѣстѣ и всего организма прекращается; сердце перестаетъ биться, жизнь кончается.

Воздухъ, котораго мы не видимъ и едва чувствуемъ, если нѣтъ вѣтра, есть тѣмъ не менѣе весьма вещественное и тяжеловѣсное тѣло. Мы наполняемъ воздухомъ подушки и большіе шары, химики растворяютъ въ воздухѣ безчисленное множество тяжелыхъ массъ тѣлъ. Воздухъ образуетъ вокругъ земли океанъ, имѣющій около восьми географическихъ миль глубины или вышины; мы живемъ на днѣ этого океана, который движется, приливаетъ и отливаетъ, точно также какъ водяной океанъ. Атмосферный воздухъ состоитъ изъ двухъ газообразныхъ тѣлъ: одной пятой кислорода и четырехъ пятыхъ азота. Болѣе точное отношеніе ихъ какъ 21 къ 79. Другія примѣси, какъ углекислота, аммоніакъ и проч., находящіяся въ воздухѣ въ небольшихъ количествахъ, соединены съ нимъ лишь механически, а не химически. Если свѣжій свободный атмосферный воздухъ будетъ замкнутъ въ извѣстномъ пространствѣ, гдѣ много дышатъ или много потребляется и разлагается жизненныхъ элементовъ, какъ напримѣръ отъ гніенія животныхъ или растительныхъ тѣлъ, то такой воздухъ болѣе или менѣе наполняется вредными газами и наконецъ становится смертельнымъ ядомъ. Въ такомъ воздухѣ человѣкъ задыхается также какъ и въ водѣ, или какъ еслибъ ему заткнули ротъ и носъ. Воздухъ портится отъ дыханія, и именно въ такой степени, насколько вмѣсто вдыхаемаго кислорода выдыхается углекислоты. Испаренія другого рода и гніющія или тлѣющія тѣла также портятъ воздухъ, но далеко не въ такой степени и не такъ скоро какъ дыханіе въ замкнутыхъ пространствахъ. Дыханіе есть процессъ горѣнія; и такъ, если въ запертомъ пространствѣ, гдѣ много людей, будетъ еще горѣть много огня, который тоже поглощаетъ большое количество кислорода и отдѣляетъ взамѣнъ углекислоту,—воздухъ будетъ испорченъ еще скорѣе. Химическое изслѣдованіе воздуха залы, вмѣщающей 500 человѣкъ при 50 свѣчахъ, показало одну часть углекислоты на 100 частей воздуха. Въ чистомъ атмосферномъ воздухѣ приходится по большей мѣрѣ *двѣ части углекислоты на 500 частей* атмосфернаго воздуха. Разница громадная!

Простѣйшее объясненіе процесса дыханія слѣдующее: обмѣнъ углерода и кислорода между легкимъ и атмосфернымъ воздухомъ. Справедливо, но не вполнѣ достаточно. Дыханіемъ безъ сомнѣнія выдѣляется углекислота и впитывается изъ воздуха кислородъ; но то же происходитъ и со всякимъ отдѣленнымъ отъ живого тѣла кускомъ мяса, прежде чѣмъ въ немъ наступитъ гніеніе. Дыханіе есть физическій обмѣнъ двухъ газовъ, но въ то же время и самостоятельная дѣятельность извѣстныхъ органовъ, легкихъ. Черезъ растяженіе необыкновенно тонкой сѣтчатой ткани, внѣшній воздухъ, чрезъ правильные промежутки, приходитъ въ соприкосновеніе съ кровью, которая вслѣдствіе этого окисляется, т. е. пропитывается кислородомъ и изъ черной венозной крови превращается въ алую артеріальную. Итакъ, собственно работа и назначеніе дыханія, есть окисленіе крови; этому содѣйствуетъ также кожа, почему и слѣдуетъ заботиться какъ можно болѣе объ ея чистотѣ. Слѣдовательно въ физіологическомъ смыслѣ дыханіе есть дѣятельность легкихъ, посредствомъ которой, при помощи дѣятельности кожи, кровь освобождается отъ углекислоты и другихъ потребленныхъ жизненныхъ веществъ и взамѣнъ ихъ постоянно снабжается кислородомъ. Кислородъ есть истинная возбуждающая сила жизненной дѣятельности; онъ въ одно время и матерьялъ для горѣнія и огонь, онъ согрѣваетъ и стараетъ, оживляетъ и пожираетъ. Поэтому-то такъ и трудно постигнуть и объяснить себѣ жизнь, что это не ѣсть нѣчто неподвижное, замкнутое, это непрерывная борьба противоположныхъ элементовъ, которые постоянно уравновѣшиваются, пока мы здоровы.

Если кровь, проходя черезъ наши легкія не приходитъ въ соприкосновеніе съ достаточнымъ количествомъ кислорода, то идущій дальше потокъ несетъ въ сосуды венозную, лишенную своего питательнаго и живительнаго вещества кровь, такъ что жизненный огонь горитъ въ насъ тускло и слабо, подобно тому какъ тускло и слабо горитъ огонь лампы въ зараженномъ воздухѣ. Постоянный приливъ къ легкимъ и крови кислорода есть необходимое условіе жизни въ воздухѣ и водѣ. Послѣдняя, будучи лишена своего кислорода, также удушаетъ живущихъ въ ней животныхъ.

Главный органъ дыханія, легкія, состоятъ изъ многихъ милліоновъ переплетенныхъ между собою воздушныхъ сумочекъ, которыя посредствомъ дыхательнаго горла (Bronchis) находят-

Библиотека "Руниверс"

ся въ непосредственной связи съ атмосфернымъ воздухомъ. Дыхательное горло въ началѣ представляетъ простую круглую хрящевидную трубку, которая по мѣрѣ приближенія къ легкимъ развѣтвляется на мелкія вѣтви и наконецъ безчисленными тончайшими нитями соединяется съ воздушными сумочками. Концы развѣтвленій дыхательнаго горла теряются въ тончайшей ткани воздушныхъ клѣточекъ, размножающихся на пути къ обѣимъ половинамъ легкаго. По исчисленію физіолога Колликера, хорошія легкія состоятъ изъ 600 милліоновъ воздушныхъ клѣточекъ, которыя, если разложить ихъ на прямомъ пространствѣ, заняли бы поверхность въ 2642 квадратныхъ фута. Изъ этого легко представить, какъ посредствомъ дыханія кровь, съ каждымъ вздохомъ, милліонами сосудовъ приходитъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ воздухомъ. Сумочки или клѣточки состоятъ изъ безконечно тонкихъ оболочекъ, между которыми развѣтвляются безконечно маленькія волосныя трубочки кровяныхъ сосудовъ. Стѣны этихъ клѣточекъ, непроницаемыя для воды, доступны для воздуха. Когда мы дышемъ, то черезъ ноздри и ротъ втягиваемъ воздухъ въ дыхательное горло и въ безконечно развѣтвляющіяся трубочки легочныхъ клѣточекъ. Посредствомъ расширяющейся груди и милліоновъ воздушныхъ клѣточекъ, воздухъ сообщается легкому, входитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ милліонами кровяныхъ сосудовъ и чрезъ нихъ выдѣляетъ кислородъ; получаемая засимъ вмѣсто кислорода углекислота, выдѣляется (выдыхается). Количество каждый разъ вдыхаемаго и выдыхаемаго воздуха, простирается среднимъ числомъ до 20 кубическихъ футовъ. Но мы никогда не выдыхаемъ сполна находящійся въ легкихъ воздухъ и его больше или меньше всегда остается тамъ, меньше при сильномъ выдыханіи, больше при голодѣ, во время сна, болѣзней, въ мѣстахъ, гдѣ воздухъ *испорченъ* и препятствуетъ свободному дыханію, какъ напримѣръ въ непровѣтриваемыхъ и жаркихъ комнатахъ, на заднихъ дворахъ, въ подвалахъ и на улицахъ большихъ городовъ. Хорошо еще что этотъ дурной воздухъ мѣшаетъ свободному дыханію (спираетъ грудь, какъ говорятъ въ народѣ), по крайней мѣрѣ мы вдыхаемъ его лишь въ крайне необходимомъ количествѣ, иначе, полное дыханіе значительно усилило бы отравленіе крови.

Но недостаточное дыханіе оставляетъ въ крови углекислоту и негодные осадки, такъ что это удержанное дыханіе причиняетъ также много вреда.

Въ Англіи никто не смѣетъ безнаказанно заражать атмосферный воздухъ, никто не смѣетъ отдавать въ наймы подъ жилье подваловъ или давать спать нѣсколькимъ людямъ въ помѣщеніи, не соотвѣтствующемъ количеству кубическихъ футовъ воздуха, необходимыхъ для дыханія каждаго. На это есть тамъ обязательные для всѣхъ и каждаго законы. Понятно, хорошо бы и намъ ихъ имѣть.

Но обратимся къ нашему предмету. По физіологическимъ изслѣдованіямъ, при спокойномъ, здоровомъ дыханіи, съ каждымъ вздохомъ выдѣляется 25 кубическихъ дюймовъ воздуха; но тѣ же самыя легкія при большемъ напряженіи или привычномъ упражненіи, такъ сказать гимнастикѣ дыханія (самое лучшее средство противъ легочныхъ, горловыхъ, желудочныхъ и другихъ страданій, для пищеваренія и очищенія крови), въ состояніи выдохнуть 240 кубическихъ дюйма. Такъ какъ дыханіе есть необходимое условіе жизни и здоровья, то понятно, какъ благотворно вліяніе подобной дыхательной гимнастики на чистомъ, хорошемъ воздухѣ, при длинныхъ прогулкахъ пѣшкомъ, при восхожденіяхъ на горы, вообще при всякомъ движеніи и физической работѣ. При сидячемъ образѣ жизни и болѣе умственной работѣ систематическое упражненіе въ дыхательной гимнастикѣ совершенно необходимо для изгнанія болѣзненныхъ веществъ. Для этой цѣли хорошо пріучать себя каждый день чаще и чаще, сначала раза три, потомъ разъ до десяти сряду, дѣлать какъ можно болѣе глубокія вдыханія и выдыханія, по возможности на солнцѣ и на открытомъ воздухѣ. Это надо дѣлать по возможности черезъ носъ, а не черезъ ротъ, какъ указывалъ еще (въ особенномъ сочиненіи) великій философъ Кантъ, достигшій глубокой старости.

Человѣкъ въ годъ среднимъ числомъ вдыхаетъ и выдыхаетъ въ девяти милльонахъ вздоховъ, 100,000 кубическихъ футовъ воздуха и окисляетъ, или напитываетъ кислородомъ 70,000 центнеровъ крови, которая постоянно обновляется, постоянно и уничтожается. Кажется невѣроятнымъ что-бы такая масса крови перелилась черезъ легкія въ теченіи года, однако эти цифры даны точными физіологическими изслѣдованіями.

Процессъ дыханія обусловливаетъ всѣ другіе процессы нашего организма. Мы можемъ прожить день, два безъ пищи, безъ питья, безъ сна, но однако 5 минутъ не проживемъ безъ вдыханія и выдыханія воздуха. Послѣдній состоитъ, какъ уже упомянуто, изъ 21 процента кислорода и 70 процентовъ азота. Эта четвертая доля живительной части воздуха, въ запертомъ пространствѣ, скоро поглощается дыханіемъ присутствующихъ и горящими свѣчами, но это зло еще не такъ велико, ибо кислородъ въ нѣкоторомъ количествѣ все-таки проникаетъ въ жилища черезъ стѣны и оконныя рамы.

Удушающій ядъ образуетъ выдыхаемая углекислота въ воздухѣ, съ преобладающимъ содержаніемъ азота, газа, въ которомъ, въ чистомъ его видѣ, также никто не можетъ ни жить, ни дышать. Что выдыхаемый воздухъ содержитъ углекислоту, всякій можетъ убѣдиться самъ, если возьметъ на себя трудъ подышать черезъ трубку въ стаканъ съ известковой водой. Вода, до тѣхъ поръ свѣтлая, тотчасъ же приметъ молочный цвѣтъ, то есть, углекислота дыханія соединится съ известью въ водѣ и образуетъ углекислую известь, которая осаждается въ маленькихъ бѣленькихъ крупинкахъ. При обыкновенномъ дыханіи, эта ядовитая углекислота остается въ воздухѣ, и въ запертой комнатѣ умножается съ каждымъ вздохомъ. Ясно до какой степени важное устройство хорошей вентиляціи, выгоняющей испорченный воздухъ и дающей постоянный приливъ свѣжаго воздуха безъ сквознаго вѣтра и холода. Для большихъ общественныхъ зданій, уже много лѣтъ пробуютъ разные способы вентиляціи, но до сихъ поръ, кажется, не придумано ни одного, вполнѣ соотвѣтствующаго цѣли. Лучшая изъ извѣстныхъ системъ вентиляцій, изобрѣтеніи нѣмецкаго инженера Конради, устроена въ новомъ университетскомъ зданіи въ Глазговѣ. По этой системѣ, съ высоты башни, посредствомъ паровыхъ винтовъ чистѣйшій воздухъ постоянно проводится и запирается въ особыхъ большихъ резервуарахъ, нѣсколько увлажается лѣтомъ и нагрѣвается зимой, и потомъ, также посредствомъ пароваго давленія, проводится во всѣ комнаты и залы, откуда въ тоже время, выдыхаемый воздухъ немедленно удаляется безъ всякаго сквознаго вѣтра, черезъ незамѣтно устроенныя вытяжныя вентиляторы. Это совершеннѣйшая изъ вентиляцій; но она недоступна для частныхъ домовъ и квартиръ по своей дороговизнѣ и сложности. Вентиляція хороша, когда отъ нея нѣтъ сквознаго вѣтра, поэтому многіе боятся зимой отворять форточки, думая что въ теплой комнатѣ и съ испорченномъ воздухомъ можно жить. Однако это вовсе не предотвращаетъ холода; воздухъ все равно охлаждается черезъ стѣны и окна, не много становясь отъ этого лучше. Кто боится форточекъ, можетъ устроить въ стѣнахъ воздушныя отверстія, одно противъ другого, но такъ чтобы одно приходилось выше, другое ниже. Эти отверстія должны быть прикрыты жестяными пластинками съ мелкими въ нихъ отверстіями и понятно, должны имѣть, кромѣ этого надлежащія крышки, чтобы по мѣрѣ надобности можно было открывать и закрывать ихъ.

Въ Англіи уже одни камины составляютъ сами по себѣ довольно хорошую вентиляцію, а въ домахъ образованныхъ лицъ для этой цѣли еще устраиваются особыя приспособленія. Въ большихъ городахъ, въ видахъ общественнаго здоровья, разводятся для очищенія воздуха парки, сады, скверы.

Такимъ образомъ мы въ концѣ концовъ приходимъ къ тому выводу, что процессы пищеваренія, питанія и дыханія самымъ существеннымъ образомъ зависятъ отъ хорошаго воздуха и легкихъ. Слѣдовательно, каждый, въ значительной степени самъ можетъ быть творцомъ своихъ несчастій или блага, такъ какъ здоровье есть одно изъ величайшихъ благъ въ жизни.

Ш.

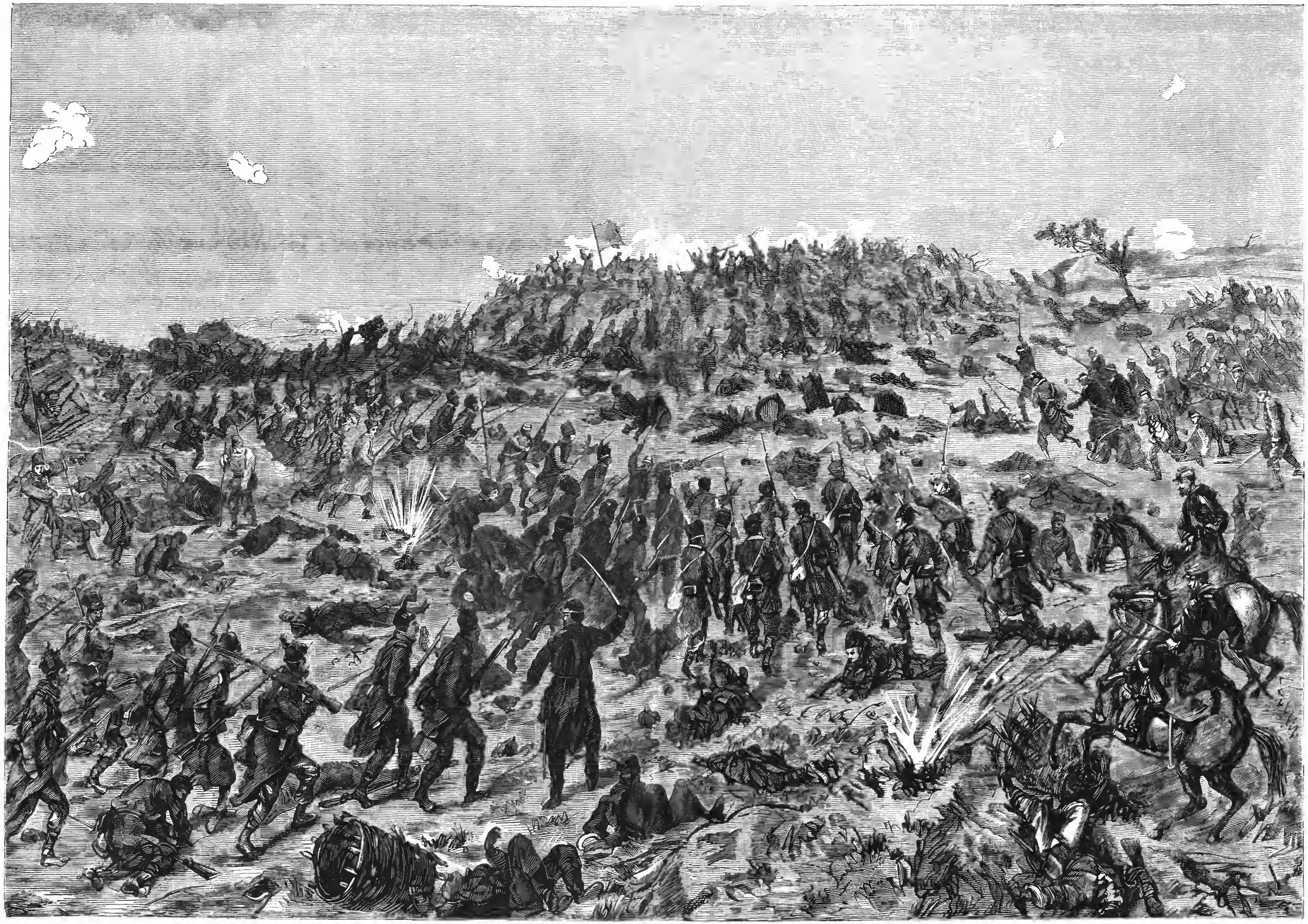
Подъ Плевной.

Была темная непроглядная ночь съ 29 на 30 августа, говорятъ очевидцы послѣднихъ битвъ подъ Плевной. Еще съ вечера началъ идти дождь и къ полночи усилился. Воздухъ сдѣлался холоднымъ. Къ утру дождь пересталъ, но поднялся густой туманъ, такъ что когда въ 5 часовъ раздался первый выстрѣлъ съ румынской баттареи—ничего нельзя было видѣть даже на разстояніи 15—20 шаговъ. Поднявшійся вѣтеръ разогналъ туманъ, а взамѣнъ его снова полился дождь. Сплошная грязь покрывала почву. Тропинки сдѣлались скользкими. 8 румынскихъ баттарей или 48 орудій открыли огонь по непріятелю. Только небольшая часть артиллеріи стояла въ резервѣ. Отъ Врбицкихъ высотъ, находящихся направо отъ главной квартиры румынской арміи, гремѣли двѣ баттареи, обстрѣливавшія всѣ форты по сторонамъ. Утромъ изъ Пораднма была привезена часть фашинъ и шанцевыхъ мѣшковъ, которые въ этотъ день должны были защищать отступающія колонны. Чрезвычайно бравый и одушевленный видъ имѣли румынскія войска. Нужно замѣтить, что они, вопреки толкамъ о ихъ трусости, въ дѣйствительности оказываются одаренными замѣчательными военными качествами и умѣньемъ сражаться, за свое отечество, не щадя жизни.

Въ половинѣ 10 часа пушечный огонь, все время непрекращавшійся, затихъ. Румынскія пушки начали стрѣлять уже съ интервалами въ 20 минутъ каждое орудіе.

Этимъ маневромъ Румыны, кажется хотѣли помучить Турокъ ожиданіемъ аттаки. Къ двумъ часамъ дождь нѣсколько утихъ, но не надолго и вскорѣ полился опять. Въ это время отданъ былъ приказъ открыть усиленную и концертированную пальбу противъ обоихъ Гривицкихъ редутовъ, и чрезъ полчаса были уже сформированы штурмовыя колонны. Ровно въ 3 часа по полу-

Библиотека "Руниверс"



Третія и послѣдняя аттака Доробанцевъ на Гривицкій редутъ подъ Плевной, отнятый у турокъ 30 августа. (См. стр. 679 и 682). По рисунку К. Д. гран. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

дни, подъ сильнѣйшимъ дождемъ, второй стрѣлковый батальонъ съ штурмовымъ матеріаломъ двинулся впередъ. Для подкрѣпленія румынскаго лѣваго фланга и главное, чтобы турки не могли обойти румынъ, командирована была бригада нашего девятаго корпуса, именно Архангелогородскій и Вологодскій полки съ двумя четырехъ фунтовыми баттареями. Другая бригада того же корпуса должна была прикрывать русскія баттареи отъ Гривицы до Радишева. Предъ началомъ аттаки Государь Императоръ и Главнокомандующій, вмѣстѣ съ княземъ Карломъ пріѣхали на ближайшія позиціи надъ деревней Гривицей. Надобно сказать, что румыны шли въ первый разъ въ аттаку. Турки открыли по истинѣ адскій ружейный огонь, который покрылъ штурмовую колонну. Завязался отчаянный бой, охватившій цѣлую линію отъ Гривицы до Опанеца. Русскія баттареи также открыли огонь по редуту и по турецкимъ ложементамъ, содѣйствуя аттакѣ. Однако дѣло шло туго. Аттака не подвигалась впередъ. Румынскіе батальоны начали уже уставать и потеряли много убитыми и ранеными. Полковникъ Херкетъ, начальникъ артиллеріи 2 румынскаго корпуса, чтобы ободрить людей, началъ объѣзжать баттареи. Подъ полковникомъ Войнееску убили лошадь, но онъ пошелъ пѣшкомъ за своими войсками. Интерваловъ въ стрѣльбѣ уже не было. Пули свистали безпрерывно и гранаты не переставали сыпаться. Князь Карлъ былъ мраченъ. Сдвинувъ брови и стиснувъ губы, онъ мучительно слѣдилъ за своимъ войскомъ, начинавшимъ уже отступать. Лучшіе батальоны 4 дивизіи возвратились отбитые, съ немногими офицерами, и едвали имѣли численность ротъ. Однакоже начальникъ румынской артиллеріи велѣлъ поставить новыя баттареи противъ редута и открылъ новый огонь. Полковники сформировали изъ разбитыхъ остатковъ штурмовыхъ колоннъ новыя колонны и войска пошли на второй приступъ противъ редута. Этотъ второй приступъ былъ снова отбитъ, румыны были вторично отброшены съ большимъ урономъ. Войска были въ конецъ изнурены. Къ тому же и сумерки уже спустились и становилось совсѣмъ темно. Третій штурмъ казался невозможнымъ... Но между тѣмъ — поздно ночью, на позиціяхъ всѣхъ обѣжало извѣстіе о взятіи кроваваго Гривицкаго редута и о томъ, что на лѣвомъ русскомъ флангѣ генераломъ Скобелевымъ взяты также три редута. (Объ этомъ см. „Ниву" № 39, стр. 618). Утромъ 31 августа многіе изъ нашихъ посѣщали взятый редутъ. Редутъ представлялъ ужасную картину. Это скорѣе простое земляное укрѣпленіе, чѣмъ редутъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Три фаса обрисовывали исходящіе углы. На флангахъ стояли 4 крупповскія орудія. Около былъ валъ и травшеи; проходовъ съ фронта совсѣмъ не было. Кругомъ шли наружные рвы и множество ямъ для прикрытія артиллерійской прислуги и стрѣлковъ. Кругомъ разбиты эполементы для прикрытія зарядныхъ ящиковъ, которыхъ было найдено весьма много. И кругомъ, вездѣ: во рвахъ, на валахъ и внутри редута—вездѣ валялись груды изувѣченныхъ человѣческихъ тѣлъ. Земля была взрыта глыбами русскими и румынскими ядрами и лопнувшими гранатами, и почернѣвшіе потоки крови пропитали землю... Въ блиндажахъ и казематахъ лежали кучи едва прикрытыхъ землею, труповъ, издавая ужасный запахъ. Иные трупы просто были сброшены въ ямы, совсѣмъ не засыпанные землей. Свѣжіе трупы и раненые только наканунѣ еще лежали неубранными. Тутъ много было русскихъ и румынъ и между ранеными были такіе, которыхъ еще можно было спасти. Но они только напрасно поднимаютъ руки и раздираютъ сердце своими тяжкими стонами: спасеніе ихъ стоило-бы новыхъ жертвъ, такъ-какъ противъ фронтальнаго фаса второго турецкаго редута нельзя показаться въ виду турецкихъ стрѣлковъ. Лохмотья и обрывки шинелей и мундировъ, каски и фесы, облитые кровью, разбросанвыя по всему редуту сломанныя ружья—дополняютъ ужасную картину, которую невидавшему подобнаго и вообразить нельзя. Кругомъ вездѣ, за наружнымъ рвомъ, лежатъ также много павшихъ отъ турецкихъ пуль, и ихъ также нельзя похоронить въ виду огня ближайшаго редута и гранатъ, бросаемыхъ ежеминутно изъ турецкихъ баттарей съ противоположнаго плевненскаго лагеря.

За симъ на слѣдующій день, аттака нашихъ войскъ, въ соединеніи съ румынскими, на Плевну была неудачна. Генералъ Скобелевъ двинулся въ этотъ разъ противъ редута, господствующаго надъ Софійскою дорогой, но былъ аттакованъ турками, сдѣлавшими вылазку и вообще наша аттака турецкихъ редутовъ по всей линіи не удалась. Только на слѣдующій затѣмъ день взятъ одинъ изъ сильныхъ редутовъ, господствовавшихъ надъ остальными *.) Съ тѣхъ поръ рѣшено дальнѣйшія наши аттаки противъ Плевны совершать при помощи правильной осады. Пушечный огонь, до сихъ поръ, поддерживаемый нами противъ Плевны, сосредоточенъ и теперь. на южной сторонѣ. Какъ извѣстно, высоты, окружающія Плевну заняты турецкими редутами и укрѣпленными лагерями. Редуты эти поражаютъ какъ своею величиною, такъ и силою. Смотря на ихъ огромныя размѣры ихъ можно назвать просто крѣпостными фортами.

Когда все спокойно, турки сидятъ въ первомъ и во-второмъ рвахъ, въ галлереяхъ, прикрытыхъ къ сторонѣ рва стѣнками. Здѣсь они ѣдятъ, пьютъ, отдыхаютъ. По сигналу часоваго, они выскакиваютъ на брустверъ и стрѣляютъ изъ-за брустверовъ.

Турки открываютъ ружейный огонь съ 2,000 шаговъ и осыпаютъ впереди лежащую мѣстность такою массою пуль, что, по словамъ очевидцевъ, невозможно составить себѣ понятія о немъ безъ личнаго опыта. Къ тому-же, редуты такъ искусно расположены, что даютъ взаимный обстрѣлъ. Участвовавшіе во взятіи редута 30-го августа, разсказываютъ что всѣ ужасы, вынесенные ими при аттакѣ, ничто сравнительно съ тѣмъ, что имъ пришлось испытать по занятіи самаго редута.

Въ настоящее время городъ Плевну окружаютъ болѣе двадцати крѣпостныхъ верковъ эти верки собственно и препятствуютъ русскимъ и румынамъ завладѣть плевнинской позиціей. Большинство этихъ верковъ расположено къ югу и востоку отъ Плевны и они увѣнчиваютъ всѣ находящіяся передъ городомъ высоты. Одно укрѣпленіе господствуетъ надъ другимъ и можно назвать почти чудомъ то обстоятельство, что русскимъ и румынамъ удалось взять Гривицкій редутъ. 1.000 турокъ защищали съ 4 орудіями это укрѣпленіе, прикрываясь брустверомъ въ 3 метра вышины и рвомъ, шириною тоже въ 3 метра. Многочисленные ложементы, вырытые впереди, затрудняли, кромѣ того, наступленіе. Изъ трехъ, четырехъ, а мѣстами даже изъ 5 линій открывали турки огонь по наступающимъ колоннамъ. Взятіе редута стоило много потерь. Въ настоящее время военачальники, не желая жертвовать передъ Плевною цѣлою арміей, приступили какъ сказано выше, къ систематической осадѣ. Сначала были начаты осадныя работы противъ редута, лежащаго всего ближе къ Гривицкому.

На Гривицкомъ редутѣ побывали, какъ тому и быть слѣдовало, корреспонденты различныхъ газетъ и между прочимъ англійскій военвый уполномоченный, полковникъ Уэлльслей.

Полковникъ Уэлльслей, англійскій повѣренный на театрѣ военныхъ дѣйствій—лицо уже нѣсколько вамъ извѣстное. На его долю выпало нежелательное для истаго британца констатированіе факта турецкихъ звѣрствъ, практикуемыхъ надъ нашими ранеными. Его Величество Государь Императоръ, еще въ началѣ текущей войны, посѣщая госпитали и встрѣчая въ нихъ изувѣченныхъ турками нашихъ раненыхъ и болгаръ, выставилъ это на видъ сопровождавшему Его Величество, при визитаціи лазаретовъ полковнику Уэлльслею. Что могъ возразить Уэлльслей?—Онъ долженъ былъ согласиться—и сдѣлать своему правительству сообщеніе о дѣлѣ какъ оно есть. Полковникъ Уэлльслей представленъ на рисункѣ съ двумя соотечественниками репортерами „Scotsman" и „Graphic", Уэлльслей съ напряженнымъ вниманіемъ всматривается въ даль, гдѣ кипитъ грозная битва, возвѣщаемая клубами дыма и лопающимися гранатами. Одинъ изъ корреспондентовъ можетъ быть „Graphic" отмѣчаетъ что то въ своей записной книжкѣ. Вокругъ нихъ цѣлыя груды труповъ и массы раненыхъ, лишенныхъ самой необходимой санитарной помощи. Ч.

Къ рисункамъ.

Болгары на жатвѣ.

Главный продуктъ болгарскаго земледѣлія зерновые хлѣба; но все таки этихъ хлѣбовъ производится не на столько, какъ можно бы было ожидать отъ мощнаго болгарскаго чернозема. Толща чернозема въ Болгаріи простирается отъ 6 до 10 футовъ. Но вотъ бѣда въ чемъ: воды мало. Засуха останавливаетъ ростъ посѣвовъ и не даетъ развиваться даже обыкновеннымъ растеніямъ въ такомъ разнообразіи, какъ слѣдовало бы ожидать, судя по географическому положенію страны. Оттого-то только какая-нибудь *пятая часть* Болгарской земли запахивается подъ посѣвы...

Но болгаринъ за то не удобряетъ своей пашни. Роскошный черноземъ не требуетъ никакого удобренія и достаточно производителенъ самъ по себѣ. Между засѣваемыми въ Болгаріи хлѣбами первое мѣсто занимаетъ *пшеница*, затѣмъ *рожь* и *кукуруза*. По путешествуя по Болгаріи, чѣмъ далѣе мы подвинемся къ югу, къ Балканамъ, тѣмъ больше встрѣтимъ посѣвовъ сурѣпы, разводимой для сурѣпнаго масла; воздѣлываются также красильныя растенія, напримѣръ краппъ, вайда и проч.

Болгарская пшеница издавна вывозилась въ Варну и отсюда моремъ отправлялась въ другіе европейскіе портовые города. Транспорты пшеницы перевозились на скрипучихъ неуклюжихъ арбахъ, до озера *Дѣво* (не далеко отъ морского берега). Другіе транспортные пути еще труднѣе, такъ что даже избытокъ, остававшійся у болгарина за уплатою Турціи положенной десятины, онъ не умѣлъ и не могъ сбыть съ выгодою.

Но кромѣ слабости развитія земледѣлія, и самыя ремесла

*) Нашимъ Архангелогородскимъ полкомъ.

Библиотека "Руниверс"

стоятъ у болгаръ на весьма низкой степени. Даже дома у нихъ строятся самымъ первобытнымъ образомъ, большею частью не изъ кирпича, а изъ такъ называемаго *дшамуръ* (турецкое слово) или кусковъ глины соединенныхъ съ каменьями. Производство матерій для одежды удовлетворяетъ только самымъ необходимымъ потребностямъ. Для зимней одежды ткутъ грубое сукно бураго цвѣта; рубашки носятъ бѣдняки изъ пеньковой ткани. Женщины въ состоятельныхъ семействахъ любятъ шелковыя и бумажныя матеріи. Столовая утварь состоитъ изъ деревянныхъ, а у богатыхъ изъ роговыхъ ложекъ, большого желѣзнаго котла и мѣдныхъ луженыхъ чашекъ. Горшковъ въ нашемъ народномъ смыслѣ болгары не любятъ, а изготовляютъ объемистые кувшины на восточный ладъ. Единственное исключеніе въ индюстріи составляла издавна фабрикація ковровъ, особенно въ Пиротъ-Шаркойѣ. Для перевозки тяжестей употребляются неуклюжія четырехколесныя арбы мѣстнаго производства. Затѣмъ въ промышленно-фабричномъ отношеніи нѣтъ у болгаръ ничего, что останавливало бы на себѣ вниманіе.

Посмотримъ на ихъ внутреннюю жизнь, и миросозерцаніе.

Масса болгарскаго народа крайне суевѣрна. Это обстоятельство какъ нельзя болѣе объясняется естественными условіями. Высокія горы, часто образующія грозный лабиринтъ *), съ темными таинственными пропастями, издавна дѣйствовали здѣсь на дѣтское воображеніе народа. Подъ впечатлѣніемъ этой величавой природы наши балканскіе собратья создали свою весьма интересную миѳологію. Къ сожалѣнію предметъ этотъ до сихъ поръ весьма темный. Порабощенный и изнуренный турками народъ самъ не можетъ до сихъ поръ понять, выяснить своего собственнаго творчества. Въ миѳахъ болгарскихъ представляются интересными и очень родственными всѣмъ славянскимъ народамъ *самовилы* и *юди* (Iudi) обитающіе около грозныхъ, величественныхъ горъ. *Самовилами* являются и рѣчныя и озерныя нимфы, нѣсколько, впрочемъ, отличающіяся отъ нашихъ русалокъ; но подобно русалкамъ, онѣ заманиваютъ неопытныхъ въ глубь озеръ и рѣкъ. Затѣмъ болгары проникнуты мрачнымъ суевѣріемъ въ *бродницъ* или старыхъ вѣдьмъ, невидимо шныряющихъ между людьми и соблазняющихъ молодыхъ неопытныхъ женщинъ. Есть цѣлыя деревни, которыя воображеніе болгаръ населило юдами. Это кучи развалившихся пустынныхъ лачужекъ, служащихъ пріютомъ нетопырей — и эти мѣста болгаринъ робко обходитъ, особенно подъ вечеръ. Затѣмъ въ этой мрачной миѳологіи слѣдуютъ родственныя самовиламъ *стіий*, *вїйолици* и *духове* (множ. отъ слова духъ). Подъ этими послѣдними болгаринъ разумѣетъ колоссальныхъ лѣшихъ, являющихся только ночью и зазывающихъ людей въ рѣки и пропасти. Вотъ идетъ запоздавшій работникъ-болгаринъ съ поля; онъ напѣваетъ уныло вполголоса:

„Judo samovilo! Stara judo samovilo!“

Онъ трепетно всматривается въ даль, чтобы не найдти на такую проклятую деревню. Между тѣмъ тѣни становятся гуще, горныя пропасти чернѣютъ. „Вотъ-вотъ грядутъ духове изъ горъ!“ со страхомъ лепечетъ запоздавшій и ускоряетъ шаги. Въ огромномъ числѣ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ выражается желаніе не быть нѣжно-любимому другу жертвою самовиловъ и юдовъ, то же желаніе выражается и въ свадебныхъ пѣсняхъ. Въ случаѣ ссоры—самая жестокая фраза, какую можетъ болгаринъ произнести противнику, что онъ „будетъ самовили братъ„ (т. е. по русски—чорту братъ). Измѣнившій другъ—это жертва самовила, и это опасеніе связываетъ у болгаръ узы дружбы и отчасти узы брака.

Если уже мужская половина болгарскаго народа проникнута такимъ суевѣріемъ и страхомъ противъ подавляющихъ непріязненныхъ силъ, то о женской половинѣ и говорить нечего. Всякое обольщеніе женщинъ приписывается вліянію самовиловъ и бродницъ. Противъ искушенія женщинъ самовилами и бродницами (старыя вѣдьмы) обыкновенно молятся св. Іоанну Рыльскому, патрону болгарскаго народа. Для этой цѣли жизнь св. Іоанна иногда списывается руками монаховъ, чтобы потомъ прочитать искушаемымъ женщинамъ. Въ этомъ видятъ единственное спасеніе. Въ прошломъ вѣкѣ одинъ монахъ употребилъ огромный трудъ, чтобы списать въ Габровѣ житіе св. Іоанна Рыльскаго для прочтенія искушаемымъ женщинамъ.

З.

Муравьѣдъ (Myrmecophaga.)

Неуклюжее и страннаго вида животное—муравьѣдъ относится къ порядку неполнозубыхъ (Edentata). Главный признакъ животныхъ этого порядка, заключающаго въ себѣ нѣсколько родовъ, состоитъ помимо сравнительно низкой степени развитія всѣхъ системъ органовъ, или въ совершенномъ отсутствіи зубовъ, или—у иныхъ въ неполномъ числѣ, а у другихъ—въ слишкомъ большомъ количествѣ зубовъ, но тѣмъ не менѣе всегда лишенныхъ корней и эмали. Всѣ животныя этого порядка вялыя, туноумныя; лазаютъ или роютъ норы и въ настоящее время живутъ исключительно въ жаркихъ поясахъ.

По общей формѣ тѣла и способу питанія, неполнозубые дѣлится на муравьѣдовъ и броненосцевъ (Vermilingua и Dasypoda) и тихоходовъ или лѣнивцевъ (Bradypoda).

Всѣ муравьѣдовые съ весьма заостреннымъ узкимъ рыломъ, безъ всякаго слѣда зубовъ. Ротъ ихъ такъ малъ, что образуетъ, собственно говоря, одно только отверстіе, чрезъ которое животное можетъ далеко высовывать свой длинный, червеобразный языкъ (отчего и происходитъ латинское названіе Vermi lingua), глаза и уши чрезвычайно малы. Муравьѣды находятся въ Средней и Южной Африкѣ и большей части Южной Америки. Чѣмъ мѣсто пустыннѣе и уединеннѣе, тѣмъ оно удобнѣе для муравьѣдовъ и тѣмъ они спокойнѣе могутъ добывать свою пищу. Большая часть муравьѣдовыхъ живетъ въ подземныхъ норахъ или ходахъ, которые они мастерски устраиваютъ и въ случаѣ опасности ловко проводятъ въ новыхъ направленіяхъ. Нѣкоторые изъ муравьѣдовыхъ живутъ въ углубленіяхъ между корнями деревъ, или устраиваются на самыхъ деревьяхъ. Живущіе на деревьяхъ—дневныя животныя, а въ норахъ—заклятые враги свѣта. При хожденіи, когти животныхъ складываются подобно пальцамъ человѣческой руки, хвостъ при хожденіи служитъ для поддержанія равновѣсія. Нѣкоторые изъ муравьѣдовыхъ, кромѣ муравьевъ и термитовъ, ловятъ въ пищу маленькихъ червей, жуковъ и саранчу. Муравьевъ и термитовъ они ловятъ такимъ образомъ: отыскавъ муравьиную кучу и разрывъ ее до главнаго жилья муравьевъ, они запускаютъ въ него свой длинный, покрытый клейкой слизью языкъ и вытягиваютъ его въ ротъ уже весь покрытый облипшими муравьями. Червей и жучковъ они ловятъ также языкомъ. Голосъ животныхъ родъ рева, больше какое-то сопѣнье и ворчанье. Одинъ видъ совершенно лишенъ голоса. Самки мечутъ всего на все одного дѣтеныша и нѣкоторое время таскаютъ его на спинѣ. Материнская опека продолжается до тѣхъ поръ, пока самка не будетъ чревата новымъ дѣтенышемъ. Вообще муравьѣды боязливы, осторожны и только въ иныхъ случаяхъ нѣкоторые изъ нихъ пускаютъ въ ходъ свои страшныя орудія обнимутъ врага ногами и когтями и разрываютъ ему мясо.

Семейство муравьѣдовыхъ имѣетъ нѣсколько разновидностей: Myrmecophaga jubata; Myrmec. tetradastyla и Myrmec. didactyla Первый iubata, большой муравьѣдъ, съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ и высокой гривой на спинѣ.

Вторые—Myrm. tetradactyla имѣетъ по 3, а Myrm. didactyla по 2 когтя на ногахъ. Ростъ ихъ менѣе, чуть не на половину, и хвостъ они имѣютъ голый, цѣпляющійся за деревья.

Индѣйцы называютъ муравьѣдовъ *Юруми*, что означаетъ „маленькій ротъ“. Названіе это принято и между учеными.

Было сдѣлано не мало опытовъ перевести юруми въ европейскіе звѣринцы, но опыты эти были большею частію неудачны, потому что въ Европѣ, не говоря уже о вліяніи другого климата, трудно сыскать для юруми подходящій пищевой суррогатъ, вмѣсто муравьевъ и термитовъ, число которыхъ въ такомъ большомъ количествѣ нужное для животныхъ, достать не легко. Обыкновенно юруми заболѣвалъ еще по дорогѣ въ Европу, а если удавалось привозить его здоровымъ, то онъ проживалъ много-много что годъ. Но вотъ недавно опытъ удался, въ Берлинскомъ зоологическомъ саду, извѣстномъ многими превосходными экземплярами животныхъ. Въ Берлинъ привезенъ былъ осенью 1875 г. молодой юруми, величиною съ лисицу и въ настоящее время это животное пользуется совершеннымъ здоровьемъ и развилось въ великолѣпный экземпляръ отъ 5 фут. длины и 2 фута вышины съ полнымъ и здоровымъ тѣломъ. Утромъ кормятъ его молокомъ, смѣшаннымъ съ мансовой мукой, а въ полдень даютъ полфунта мелкоизрубленной говядины, вечеромъ же—кашу съ мелкоизрубленными крутыми яйцами. Затѣмъ, pour la bonne bouche, юруми получаетъ добрую порцію муравьиныхъ личинокъ (яицъ). Эта система питанія оказалась благопріятною для здоровья животнаго. Когда въ первый разъ юруми впустили въ помѣщеніе съ яванскими и мадагаскарскими обезьянами, вышло странное, комическое зрѣлище. Бѣдныя обезьяны сначала перенугались пришельца и подняли крикъ и визгъ отчаянія—но затѣмъ быстро смекнули, что пришелецъ этотъ простоватъ и надъ нимъ можно вдоволь потѣшиться—вотъ онѣ и принялись потѣшаться—ѣздить на бѣднякѣ-юруми верхомъ, дергать его за хвостъ, отнимать изъ-подъ носа пищу. Эту уморительную сцену видитъ читатель на прилагаемомъ рисункѣ. Д.

Черногорка, охраняющая оружіе, при входѣ въ монастырь.

О Черногоріи и ея исторіи мы уже имѣли случай говорить на страницахъ „Нивы“ (См. „Ниву“ 1876 г. № 12). Обращаемъ здѣсь вниманіе на нѣкоторыя бытовыя черты этой страны, по правамъ и обычаямъ совершенно оригинальной и въ высшей степени симпатичной. Нѣкоторые изъ описывавшихъ Черногорію упрекаютъ ея обитателей въ дикости, не согласующейся съ принципами современной европейской цивилизаціи. Но нужно замѣтить, что черногорцамъ, этимъ неутомимымъ геровческимъ борцамъ не только за свою свободу но и свободу всѣхъ

*) Напримѣръ мощный увалъ горъ между истоками рѣкъ *Моравы* и *Искера*, *Струмы* и *Нишавы*, изслѣдованный только въ наши дни.

Библиотека "Руниверс"

своихъ забалканскихъ собратьевъ, до сихъ поръ некогда было даже подумать о цивилизаціи, въ смыслѣ развитія наукъ и искусствъ. Элементы цивилизаціи несомнѣнно есть въ черногорцахъ—съ этимъ едва ли кто будетъ спорить и несомнѣнно придетъ пора для развитія этихъ элементовъ и можетъ быть даже въ недалекомъ уже будущемъ. Теперь пока, до наступленія дней „торжества цивилизаціи", эта истинно гомерическая раса воскрешаетъ предъ нами героевъ „Иліады". Съ ружьями старой системы, съ допотопными пушками, съ кинжарами, которыми впору владѣть геркулесу, черногорцы проявили, въ особенности въ послѣдніе два года, чудеса храбрости, достигли громадныхъ результатовъ—а что же сказать о ихъ неутомимой борьбѣ съ вѣковыми притѣснителями въ ближайшія десятилѣтія?

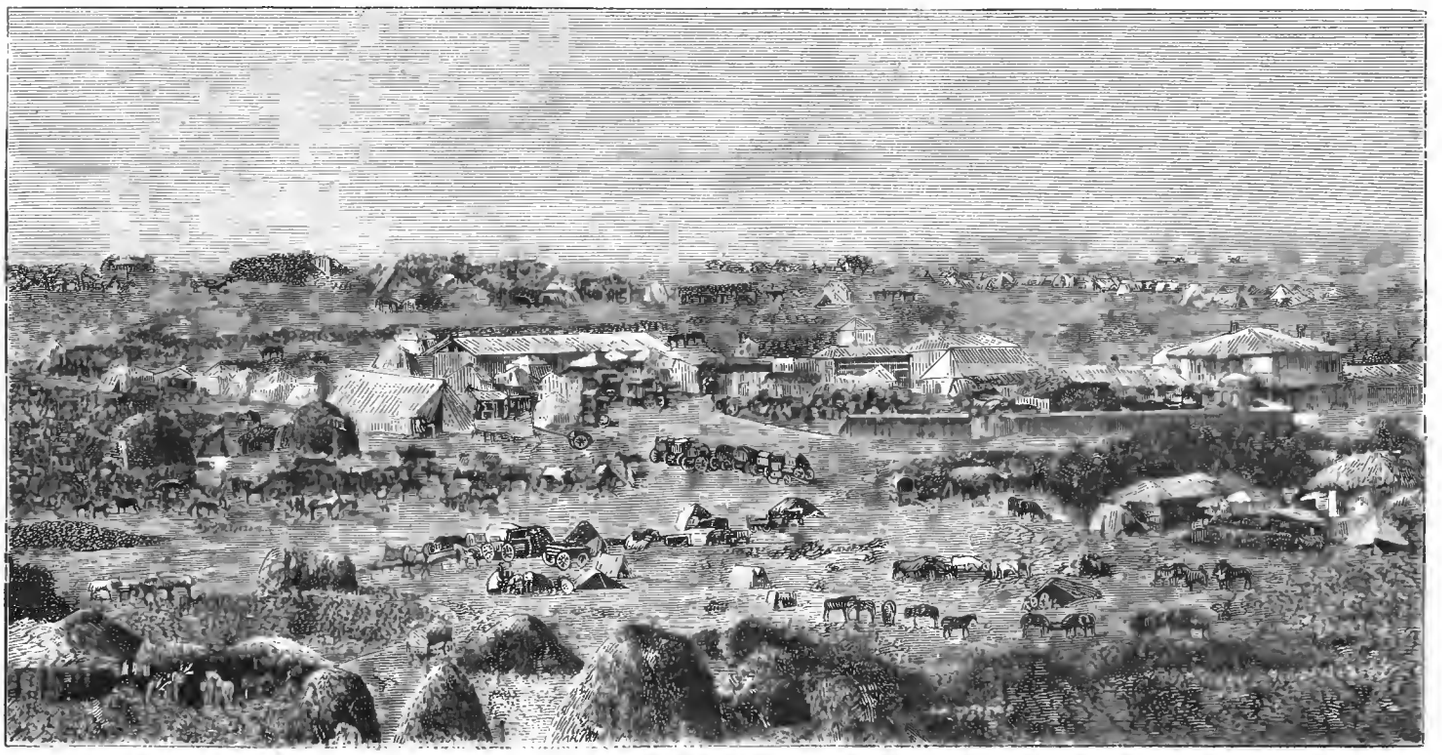
Мы сдѣлаемъ здѣсь краткую характеристику современныхъ черногорцевъ и черногорокъ, оставляя въ сторонѣ ихъ прошлую исторію.

Первая бросающаяся въ глаза черта черногорцевъ—та, что они, какъ истые герои, закалившіеся въ кровавыхъ бояхъ и постоянно обращающіеся съ оружіемъ, пренебрегаютъ полевыми работами; эти работы исправляютъ обыкновенно женщины. Въ увлеченіи героизмомъ черногорецъ дошелъ даже до крайности и смотритъ какъ-то свысока на умственныя занятія и часто не считаетъ даже нужнымъ выучиться читать и писать, хотя въ настоящее время въ Черногоріи появилось много школъ, даже въ деревняхъ. Мѣста учителей въ городскихъ и деревенскихъ школахъ заняты большею частью далматинцами. Вся цѣль стремленій черногорца—это закалить свою силу, сдѣлаться героемъ родной земли, чтобы жить въ пѣсняхъ и сказаніяхъ потомства. Правда, въ мирное время, скрѣпя сердце, черногорцы занимаются промышленностью и торговлей. При этомъ главныя статьи торговли составляютъ козы, овцы, вино, табакъ, масло, красильныя и дубильныя вещества, между прочимъ сумакъ. (Rhus cotinus), въ изобиліи растущій на восточныхъ склонахъ горъ. Жители Каттаро, приморскаго города, спеціально занимаются воздѣлываніемъ зелени и картофеля, коптятъ козье мясо, ловятъ маленькихъ сардeлей, называющихся по сербски „Ukleiva". Всѣ эти виды промышленности довольно значительны, но они не по нутру черногорцу.

Что касается черногорокъ, то это особый оригинальный типъ женщинъ. Онѣ обыкновенно средняго роста, весьма крѣпко сложены; особою красотой онѣ не отличаются: но у всѣхъ ихъ весьма пріятное и, такъ сказать, гостепріимное и открытое выраженіе лица. Улыбка ихъ выказываетъ ряды роскошныхъ бѣлыхъ зубовъ Голову онѣ обыкновенно повязываютъ на итальянскій манеръ платкомъ изъ темной матеріи. Верхнюю одежду ихъ составляетъ безрукавка изъ бѣлой бумажной ткани съ черными полосами или кранинками. Безрукавка носится на распашку и позволяетъ видѣть рубашку, обыкновенно длинную съ длинными рукавами и высоко застегнутую на шеѣ. Длинный чернаго цвѣта передникъ эффектно отдѣляется отъ бѣлизны рубашки и безрукавки. Обувь черногорокъ состоитъ или изъ національныхъ опанокъ, или изъ черныхъ башмаковъ съ бѣлыми чулками. Вообще костюмъ безъ претензіи на яркость цвѣтовъ и производитъ пріятное впечатлѣніе. Физическая сила и выносливость прекрасной половины черногорскихъ героевъ въ высшей степени замѣчательны. Во время всѣхъ предшествовавшихъ войнъ съ турками, онѣ шли на помощь мужьямъ, переносили огромныя тяжести, какъ орлицы цѣплялись на неприступныя почти скалы, мѣтко стрѣляли въ турокъ.

По поводу помѣщаемаго въ этомъ номерѣ рисунка, изображающаго черногорскую женщину у преддверія монастыря, нужно замѣтить слѣдующее.

У черногорцевъ, какъ и у другихъ народовъ, исповѣдующихъ христіанскую вѣру, считается неприличнымъ входить въ храмъ Божій съ оружіемъ. Между тѣмъ черногорцы почти никогда не разстаются съ своими ятаганами и пушками (ружьями). Какъ же помочь горю и какъ облегчить положеніе лицъ, желающихъ, напримѣръ, войдти въ монастырь помолиться и въ то же время не имѣющихъ возможности войдти внутрь храма съ ятаганами и пушками?



Деревня «Горный Студень» въ Болгаріи. (Гдѣ въ настоящее время помѣщается Главная квартира русской арміи).

Горю этому оказываетъ помощь сторожъ... Но какъ же мужчина, герой Черной Горы, можетъ сидѣть у дверей храма въ качествѣ охранителя оружія входящихъ въ него богомольцевъ? Это не его дѣло: его дѣло воевать, бить турокъ—и по этой уважительной причинѣ сторожемъ является женщина. Она тутъ же около себя поставила и люльку своего ребенка, и покачаетъ его, если будетъ въ томъ надобность, и покормитъ, и оружіе приходящихъ богомольцевъ побережетъ. Простота, какъ видитъ читатель, большая.

На дальнемъ планѣ рисунка видны богомольцы, уже прошедшіе внутрь двора монастыря и только остановившіеся въ его корридорѣ. Мужчина припалъ головою къ стѣнѣ, видимо подъ вліяніемъ религіозныхъ чувствъ. Онъ еще прежде чѣмъ пройдти внутрь храма, нашелъ нужнымъ какъ бы приготовить себя къ этому входу.

Черногорцы очень религіозны и строго наблюдаютъ всѣ постановленія церкви.

Въ слѣдующемъ номерѣ, по поводу предполагаемаго къ помѣщенію въ немъ рисунка изъ быта въ Черногоріи, мы будемъ имѣть случай разсказать о томъ положеніи жителей Черной Горы, въ какомъ они теперь находятся, по причинѣ трудныхъ обстоятельствъ настоящей войны.

Стр.

(Продолженіе на стр. 685, 686, 687 и 688).

Библиотека "Руниверс"

Черногорка, охраняющая оружіе, при входѣ въ монастырь. Рис. Валеріо, грав. Бертранъ.

Библиотека "Руниверс"

Деревня «Горный-Студень».

Деревня „Горный-Студень“, занятая въ настоящее время главной квартирой нашей Дунайской арміи, расположена на слегка холмистой мѣстности, на пространствѣ по крайней мѣрѣ двухъ-трехъ верстъ. Не смотря однакожъ на такое разстояніе, доказывающее значительную величину деревни, въ ней нельзя найти ни одного порядочнаго дома, въ которомъ было бы можно помѣститься хотя бы съ самыми ограниченными удобствами. Турецкіе дома отличаются все таки большимъ устройствомъ, чѣмъ дома болгаръ. Но и они не могутъ быть названы въ такомъ смыслѣ слова домами,—просто низенькія землянки, крытыя черепицею или тростникомъ, накоторый сверху для большого предохраненія отъ холода, еще накинуто на аршинъ толщины хворосту. Полъ въ землянкѣ—та же глина, изъ которой сдѣланы стѣны. Окна маленькія, рѣшетчатыя и пропускаютъ свѣтъ въ землянку, точно въ тюрьму или въ подвалъ. Тѣмъ не менѣе необходимость заставила состоящихъ при главной квартирѣ расположиться въ такихъ землянкахъ, за неимѣніемъ лучшихъ помѣщеній. Болгарское населеніе этой деревушки отличается еще значительно большею бѣдностью.

Туркменская женщина въ праздничномъ нарядѣ.

Голова ея, обременена *хасавою*. Эта тяжелая махина изъ картона обтягивается спереди бархатомъ и украшается шестью рядами золотыхъ бляхъ на красныхъ снуркахъ, а съ боковъ—большими, усѣянными разноцвѣтными стеклами и сердоликомъ серебряными бляшками, съ которыхъ свѣшиваются до подбородка тоже серебряныя цѣпочки съ бубенчиками; сверху картона ниспадаетъ на плечи шелковое покрывало отъ жары, вѣтра, пожалуй комаровъ, но не отъ взоровъ мущинъ, ибо туркменки ходятъ съ открытымъ лицомъ. Длинная красная (съ полосками) рубаха, изъ-подъ которой выглядываютъ узкіе шальвары, короткіе шерстяные носки и туфли съ острыми носками составляютъ остальная часть костюма.

Зимою женщины надѣваютъ поверхъ рубахи двѣ или три архалука мужскаго покроя и кутаются въ бараньи шубы, вышитыя по бортамъ узорами изъ кумачевой полосатой матеріи, съ тонкою выпушкою изъ мерлушекъ по краямъ.

Тяжела доля туркменской женщины. Она хозяйничаетъ, исполняетъ всѣ тяжелыя работы и не имѣетъ права голоса въ семьѣ; короче сказать—это рабыня. Она моетъ, очищаетъ и сушитъ пшеницу, мелетъ ее ручной мельницей, ткетъ ковры, тесьмы, хурджины (дорожные мѣшки), выдѣлываетъ шерстяные войлоки и приготовляетъ изъ верблюжьей шерсти матерію гороховаго цвѣта для костюма, а при перекочевкахъ аула—разбираетъ и устанавливаетъ кибитку.

Если туркменъ имѣетъ *крнагъ*, т. е. рабыню, въ такомъ случаѣ на ней лежитъ вся эта работа, за исключеніемъ тканья и шитья, которымъ занимаются его жены и вообще женская половина семьи.

Не смотря на всю обширность женскаго труда, когда у туркмена родится дочь, въ семьѣ нѣтъ радости, и никто не придетъ поздравить его съ новорожденною; но если родится сынъ, весь аулъ сперва привѣтствуетъ лучшаго друга счастливаго отца, потомъ поздравляетъ „съ наслѣдникомъ“ самого родителя, а затѣмъ слѣдуютъ веселые пиры.

Когда ребенку стукнетъ 7—12 лѣтъ, отецъ высматриваетъ ему такую же крошку-невѣсту и, отыскавъ таковую, вступаетъ въ предварительные переговоры съ ея отцомъ, послѣ чего отправляетъ къ нему старшинъ аула условиться насчетъ *платы за невѣсту*, которая и вносится немедленно сполна или въ опредѣленные сроки по частямъ. Затѣмъ, нѣсколько родственницъ жениха идутъ къ невѣстѣ и, по прочтеніи муллою соотвѣтствующей обстоятельствамъ молитвы, снимаетъ съ дѣвичьей головы шапочку (въ родѣ ермолки), волосы ея заплетаютъ въ двѣ косы, а голова повязывается, какъ у женщинъ, платкомъ; съ этой минуты дѣвица называется *гялинъ* (снохою).

Внесши условленную плату за невѣсту, отецъ жениха готовится къ торжественной церемоніи похищенія ея изъ отцовскаго дома къ своему сыну; приглашаются родные и знакомые, конные и пѣшіе, *бакши* (музыканты) и *джигиты* (наѣздники) со всѣхъ окрестныхъ, иногда и дальнихъ ауловъ, на убранномъ кистями и прочими украшеніями верблюдѣ, прилаживается *кеджава*, т. е. маленькая будка, занавѣшанная разными матеріями, и вся эта процессія отправляется къ невѣстину отцу, но самъ женихъ остается на это время въ кибиткѣ одинъ одинешенекъ, не показываясь ни роднымъ, ни знакомымъ невѣсты.

При приближеніи процессіи, подруги и женская половина, родственная невѣстѣ, окружаютъ ее внутри кибитки, между тѣмъ какъ снаружи толпится ея мужское родство, не допуская ворваться къ ней и похитить ее прибывшимъ роднымъ жениха; это нерѣдко заканчивается хотя шутливою, но довольно чувствительною потасовкою двухъ лагерей: одежды обращаются въ клочья, тѣла покрываются синяками; тѣмъ временемъ родители невѣсты угощаютъ гостей, разбрасывая фрукты и крашеный сахаръ собравшемуся народу и дѣтямъ. Въ концѣ-концовъ, *какъ бы не хотя*, невѣсту выдаютъ роднымъ жениха, а тѣ увозятъ ее; при этомъ джигиты показываютъ свою удаль въ ѣздѣ и стрѣляютъ, бакши играютъ и орутъ, дѣти бросаютъ каменьями въ кеджаву, что повторяется и при встрѣчѣ свадебнаго поѣзда у родныхъ жениха, которые, въ свою очередь, угощаютъ гостей и разбрасываютъ фрукты и сахаръ народу,—словомъ, *пиръ идетъ горой*...

Туркменская женщина въ праздничномъ нарядѣ.

Собравшееся къ пяти часамъ по полудни въ аулъ духовенство отправляетъ къ жениху и невѣстѣ четырехъ мужчинъ, по двое съ обѣихъ сторонъ, спросить у нихъ: согласны ли они на бракъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ *), посланные сообщаютъ его народу; тогда ахундъ (высшее духовное лицо) провозглашаетъ: „дочь такого-то выходитъ за сына такого-то, по обоюдному согласію, — вы, народъ, свидѣтели этому“.

Народъ отвѣчаетъ: „Мы — свидѣтели“. Процедура спроса (или спрашиванія) согласія у молодыхъ и призывъ народа въ свидѣтели повторяется троекратно, послѣ чего одинъ изъ духовныхъ читаетъ молитву, и тѣмъ завязывается неразрывный узелъ брачной жизни.

Между тѣмъ въ сторонѣ отъ аула разбивается новая кибитка, куда вводятъ молодыхъ; дѣти швыряютъ камнями въ нее до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ друзей жениха не отгонитъ ихъ, чтобы дать отдыхъ жениху и невѣстѣ, которые оставляются на ночь одни, и съ этой минуты они, будучи дѣтьми, признаются уже за мужа и жену.

На слѣдующее утро кибитка молодыхъ переносится въ аулъ и ставится по правую сторону отцовской кибитки; проживъ здѣсь недѣлю, молодая возвращается къ своимъ родителямъ на годъ, въ теченіе котораго приготовляетъ себѣ приданое: наряды, ковры и прочія украшенія для шатра. Затѣмъ она пріѣзжаетъ къ мужу на мѣсяцъ и снова отправляется мѣсяца на два или на три, послѣ чего уже окончательно переселяется къ нему. Безъ сомнѣнія, моментъ окончательнаго сожительства съ мужемъ ускоряется въ случаѣ рожденія ребенка.

Мужъ никогда не зоветъ свою жену по имени, а кличетъ: „хойтъ!“ то есть: эй! и не то что гнушается ею, но ставитъ ее гораздо ниже себя: она не смѣетъ идти рядомъ съ нимъ, а слѣдуетъ сзади, она не отваживается называть его иначе, какъ „*гахасы*“, т. е. отецъ дѣтей, и безпрекословно исполняетъ всѣ его приказанія и прихоти, въ противномъ случаѣ мужъ колотитъ ее палками, стегаетъ плетьми.

Туркменамъ не дозволяется имѣть болѣе четырехъ женъ изъ туркменокъ, но изъ *крнаги*, т. е. персидскихъ невольницъ—сколько угодно, смотря по средствамъ. Плата за дѣвицу колеблется между 60 и 120 червонцами (180—360 руб.), деньгами и товарами, *которые поступаютъ въ безотчетное распоряженіе* ея отца; цѣна же молодымъ вдовушкамъ вдвое и втрое дороже. Туркмены предпочитаютъ вдовъ дѣвушкамъ потому, что тѣ уже опытны, привычны къ тяжелымъ трудамъ и имѣютъ готовое приданое.

Если умираетъ мужъ, то спустя 40 дней послѣ его смерти вдова беретъ изъ кибитки *только свое приданое*, а если остались деньги, то получаетъ не болѣе 15% съ наличнаго капи-

*) При безусловной власти отца надъ дѣтьми, отрицательнаго отвѣта быть не можетъ.

Библиотека "Руниверс"

тала, затѣмъ, оставивъ своихъ дѣтей у его ближайшей родни, отправляется къ своему отцу, къ которому не замедлятъ явиться охотники *купить вдовушку*, предварительно испросивъ у ней личнаго на то согласія. Если же у вдовушки (у дѣвицы тоже) нѣтъ отца, тогда судьбою ея распоряжается старшій братъ или ближайшіе родственники, но родная мать не имѣетъ надъ нею никакого права, даже лишена права голоса при запродажѣ дочери въ замужество.

По смерти старшаго брата въ семьѣ, на его женахъ женится младшій братъ или двоюродные братья, или дядя; только родному брату нельзя жениться на родной сестрѣ, прочія же степени родства не служатъ препятствіемъ къ браку.

П. Огородниковъ.

Библіографія.

Календарь съ отрывающимися листками. Ежедневникъ, на 1878 годъ. Изданіе Э. Гоппе. Цѣна 75 к.

Календарь этотъ можетъ быть стѣннымъ, такъ какъ для гвоздика на верху въ картонѣ сдѣлано отверстіе. Книжка съ отрывающимися листками прикрѣплена къ толстому картону, длиною около 8 вершковъ. На лицевой сторонѣ подъ книжкой указаны цѣны вексельной и гербовой бумаги, а сзади на картонѣ помѣщены пожарные сигналы въ С.-Петербургѣ и такса почтовыхъ сборовъ за внутреннюю корреспонденцію На листкахъ назначены: мѣсяцъ, число, день, церковныя свѣдѣнія и другія указанія; напр. на листкѣ: февраль 18 (2) суббота, указано на тиражъ акцій и облигацій курско-харьковской желѣзной дороги и историческія свѣдѣнія, о смерти Ярополка Владиміровича и о предоставленіи права Петромъ III русскому дворянству служить или нѣтъ. Вообще календарь этотъ довольно изященъ, красивъ, и судя по его достоинствамъ, весьма недорогъ.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

«Наше святое дѣло торжествуетъ!» Этими словами мы вправѣ начать нынѣшнее наше обозрѣніе дѣйствій на театрѣ войны. Одержана побѣда надъ турками, блестящая даже по сознанію туркофильскихъ газетъ, и одержана именно за Кавказомъ, гдѣ всего болѣе было, повидимому, военное затишье и куда съ такимъ торжественнымъ злорадствомъ указывали туркофилы. *Армія Мухтара-паши разбита на-голову и отрѣзана отъ Карса!* Даже и не знакомому съ военнымъ дѣломъ очевидны громадныя и плодотворныя послѣдствія этой побѣды. Самъ Мухтаръ-паша бѣжалъ въ Карсъ. Карсъ теперь снова составляетъ средоточіе нашихъ военныхъ операцій за Кавказомъ, съ тою разницею, что теперь есть гораздо большіе для насъ шансы къ взятію этой громадной крѣпости (способной вмѣстить до 30,000 войска), чѣмъ это было съ начала войны, послѣ взятія нами Ардагана.

Дѣло это происходило 2-го и 3-го октября. Сначала наша обходная колонна, подъ командою генерала Лаварева, заняла, 2-го октября, высоты Орлока, сбила турецкія войска и отбросила ихъ къ *Карсу* и *Вязникеву*. Этимъ движеніемъ была обойдена часть непріятельской арміи. Вслѣдствіе этого, на слѣдующій день (3-го октября) была предпринята общая аттака расположенія Мухтара-паши. Ключемъ къ его фронту была гора *Авліаръ*, сильно укрѣпленная. 3-го октября утромъ наши войска начали общее наступленіе на *Авліаръ*, предварительно подготовивъ это наступленіе мѣткимъ огнемъ артиллеріи. Знаменитый нашъ кавказскій герой генералъ *Гейманъ*, предводительствуя Эриванскимъ, Грузинскимъ и Пятигорскимъ полками и стрѣлковымъ батальономъ, къ полудню, энергически пошелъ на штурмъ Авліара и овладѣлъ имъ. Съ занятіемъ Авліара армія Мухтара-паши была разрѣзана. Одна часть ея обратилась къ Карсу, но была встрѣчена во флангъ войсками генерала *Лазарева* и преслѣдуема войсками *Геймана*, а къ 5 часамъ пополудни была совершенно разбита и разсѣяна. Въ то же время покончено было съ правымъ флангомъ турецкихъ войскъ. Эти войска, состоящія изъ 3-хъ дивизій, были отброшены съ позицій на высотѣ Аладжи, окружены со всѣхъ сторонъ, и, понеся громадныя потери, должны были сдаться. Плѣнныхъ взято нами множество: 7 пашей и 100 высшихъ офицеровъ, 36 орудій, 32 батальона, 4 артиллерійскихъ бригады и огромное количество военнаго имущества, состоящаго изъ артиллерійскихъ припасовъ, провіанта и пр. Взято также два турецкія знамени и много значковъ. Турки сначала сдѣлали было попытку пробиться съ высотъ Аладжи въ Карсъ, но это движеніе было отражено нашими войсками и при этомъ турки понесли большія потери и отступили въ безпорядкѣ къ крѣпости Кагызману (къ юго-востоку отъ Карса). При этомъ наша кавалерія преслѣдовала непріятеля. Наша потеря около 1000 человѣкъ. Потеря же турокъ громадна—имѣно 16,000 человѣкъ.

Его Величество Государь Императоръ, увѣдомилъ Германскаго Императора Вильгельма о славной побѣдѣ 3-го октября особою телеграммой. Вскорѣ на эту телеграмму полученъ былъ отвѣтъ Германскаго Императора, съ поздравленіемъ и пожеланіемъ счастья. Не можемъ здѣсь не отмѣтить факта—какое впечатлѣніе произвело извѣстіе о побѣдѣ подъ Карсомъ въ нашей Дунайской арміи. Радостная вѣсть эта пришла во время вечерней зари. Солдаты горячо молились, «о завтрашнемъ днѣ помышляя». Когда было прочитано извѣстіе, надо было видѣть, какъ десятки тысячъ обнаженныхъ головъ гордо и величаво поднялись, горячія слезы радости появились у многихъ.

Бомбардированіе Плевны уже началось по всей линіи. Рѣшительныя дѣйствія видимо послѣдуютъ вскорѣ. Все обезпечено съ нашей стороны, вслучаѣ неожиданныхъ движеній турокъ, и намъ кажется, самымъ главнымъ здѣсь представляется то, что Османъ-паша теперь совершенно отрѣзанъ отъ Софіи и не можетъ получить оттуда подкрѣпленія. Армія Османа-паши, что называется, *деморализована*, упала духомъ. Этотъ страшный терминъ, *деморализована* — понятна всѣмъ, потому что доказывается многочисленными примѣрами исторіи. Солдатъ голоденъ, оборванъ, потерялъ вѣру въ предводителей и состоятельность того дѣла, которое защищаетъ онъ перебѣгаетъ къ врагу, противъ котораго незадолго еще горячо сражался. Телеграфъ дѣйствительно, извѣстилъ насъ, что изъ осажденной Плевны явились уже дезертиры, или перебѣжчики, въ нашъ лагерь, и эти дезертиры теперь являются, уже большими массами—это признакъ близкаго паденія Плевны. Замѣтимъ, что пришедшій какъ мы уже извѣщали, въ Плевну изъ Орханіе, чрезъ Софію, турецкій 10 тысячный отрядъ съ провіантомъ, повидимому, нисколько не помогъ бѣдственному положенію осажденныхъ. Голодныхъ желудковъ и оборванныхъ тѣлъ, стало быть, уже слишкомъ много, даже при великобританскихъ субсидіяхъ... Замѣтимъ кстати, что недавно англійскія газеты кричали объ упадкѣ духа именно *нашей*, а не турецкой арміи. Вотъ что называется съ больной головы да наздоровую!

Если бы мы стали указывать на разнообразные толки вызванные «неожиданною» для туркофиловъ нашею побѣдою на равнинахъ Арменіи, то никогда ни кончили бы. Не лишены комизма, однакоже, заботливыя указанія англійской прессы, что вотъ-молъ, теперь-то и насталъ часъ для Россіи заключить почетный миръ съ турками, ибо послѣднею славною побѣдою военная честь Россіи спасена. Да когда же было опасеніе, что Россія можетъ потерять военную честь? Вся наша исторія служитъ опроверженіемъ этой вздорной мысли... Если въ политикѣ и необходима практичность, но ужь отъ англійскихъ то практическихъ совѣтовъ—избави насъ Боже!..

Затѣмъ, по всѣмъ вѣроятіямъ и судя по согласнымъ телеграфнымъ сообщеніямъ, и армія Наслѣдника Цесаревича вскорѣ приступитъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Сулеймаиъ-паша сосредоточиваетъ свои силы у Кады-Кіойя и остается пока въ Разградѣ.

Въ ловчинскомъ нашемъ отрядѣ продолжаются молодецкіе поиски, по направленіи къ югу.

Что касается военныхъ операцій на Шипкѣ, то здѣсь выпавшій глубокій снѣгъ препятствуетъ имъ.

Перейдемъ теперь къ политическимъ извѣстіямъ, въ которыхъ первое мѣсто занимаютъ результаты выборовъ, во Франціи. Полный результатъ выборовъ, за исключеніемъ французскихъ колоній, представляется пока въ слѣдующемъ видѣ; выбрано консерваторовъ 201, республиканцевъ 314. Допускаются перебаллотировки. Верхъ одержала республиканская партія, и этотъ результатъ маршалъ Макъ-Магонъ какъ-то съумѣлъ истолковать въ свою пользу. Сторонники маршала и самъ маршалъ утверждалъ, что, въ концѣ концовъ, его правительство одержала *моральную побѣду* (?) Какимъ же образомъ? Категорически и положительно выражаться въ этомъ смыслѣ—по меньшей мѣрѣ преждевременно. Въ числѣ преимуществъ, присвоиваемыхъ избираемымъ, принадлежитъ и право имѣть мѣсто въ палатѣ. До сихъ поръ результаты выборовъ показали, что мѣста въ палатѣ, пріобрѣтенныя консерваторами, принадлежатъ скорѣе монархистамъ, чѣмъ бонапартистамъ. Клерикаковъ, или приверженцевъ папы, выбрано вообще мало.

Гамбетта, по поводу выборовъ, снова оскорбилъ личность президента въ своей рѣчи и во второй разъ позванъ въ судъ исправительной полиціи.

Изъ другихъ новостей прошлой недѣли наиболѣе выступаетъ *нота турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ посланная на имя турецкаго посла въ Лондонъ*, для передачи лорду Дерби. Нота содержитъ строгое предостереженіе Греціи по поводу ея военныхъ приготовленій. Курьезно здѣсь то, что Порта обращается съ нотою не къ самой Греціи, а къ своей покровительницѣ Англіи, неудостоивая маленькую Грецію непосредственнымъ напоминаніемъ. Эта ноцелярско-бюрократическая манера въ дипломатіи комична въ высшей степени. Какая-нибудь нота

Библиотека "Руниверс"

должна перейти черезъ двои-трои руки, чтобы передаться по назначенію. Лордъ Дерби препроводилъ турецкую ноту греческому министру иностранныхъ дѣлъ *Трикупису*, съ совѣтомъ бросить военный задоръ и лучше обратить вниманіе на внутреннее устройство Греціи. Трикуписъ отвергъ съ достоинствомъ и по пунктамъ, справедливость введенныхъ на Грецію обвиненій и весьма деликатно намекнулъ, что Турція могла бы обратиться съ предостереженіемъ не къ Англіи, а къ самой Греціи.

По свѣдѣніямъ „Вѣстн. Народ. Помощи" все число выбывшихъ изъ строя на обоихъ театрахъ войны достигаетъ, по 6-е октября, 60,100 человѣкъ.

Изъ внутреннихъ извѣстій считаемъ нужнымъ указать на то, что съ 2 октября спокойствіе въ южномъ Дагестанѣ возстановлено, въ среднемъ же Дагестанѣ пока еще есть нѣкоторыя волненія, имѣющія, конечно, прекратиться вскорѣ, тѣмъ болѣе, что у волнующихся племенъ съ извѣстіемъ о пораженіи Мухтара-паши пройдетъ всякое желаніе буйствовать. За симъ укажемъ, на слѣдующее распоряженіе:

Съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, частныя посылки, отправляемыя изъ Россіи въ дѣйствующую армію, могутъ быть впредь сдаваемы на почту вѣсомъ до одного пуда каждая, о чемъ сообщается для свѣдѣнія публики и надлежащаго руководства почтовыхъ учрежденій.

Замѣтимъ еще, что состоялось правительственное распоряженіе о томъ, что прогоны при требованіяхъ пассажирами обывательскихъ лошадей на почтовыхъ трактахъ должны быть взимаемы въ тѣхъ же размѣрахъ, какіе опредѣлены для почтовыхъ лошадей Высочайше утвержденныхъ 21-го мая 1874 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта объ увеличеніи прогоновъ на почтовыхъ трактахъ.

8 октября праздновалъ Петербургъ пятидесятилѣтіе со дня Наваринской битвы. Наканунѣ этого дня было отправлено изъ Кронштадта въ С.-Петербургъ на пароходѣ «Невка», при взводѣ отъ второго флотскаго экипажа и въ сопровожденіи хора портовой музыки, георгіевской знаменный флагъ, пожалованный двѣнадцатому флотскому экипажу, составлявшему команду корабля «Азовъ» во время Наваринскаго боя и перешедшій при расформированіи экипажей во второй флотскій экипажъ, и икона Пресвятой Богородицы, имѣющей знаменательное значеніе въ исторіи Наваринскаго сраженія. На золотой дощечкѣ подъ этой иконою имѣется надпись, гдѣ сказано, что икона эта во время Наваринскаго боя, была поднята изъ воды у борта корабля «Гангутъ» и послужила счастливымъ знаменіемъ роковаго дня. Усердіемъ офицеровъ и команды корабля «Гангутъ», эта драгоцѣнная святыня была украшена серебряно-вызолоченною ризою и на ней вокругъ иконы изображены лики „Всѣхъ Святыхъ". Въ этомъ видѣ икона сохранилась и понынѣ.

Въ Петербургѣ вмѣстѣ съ вздорожаніемъ хлѣба въ зернѣ и мукѣ, вздорожалъ и печеный хлѣбъ, поднявшись въ цѣнѣ до 3 к. за фунтъ.

Смѣсь

Телеграфныя сношенія Европы. Согласно исчисленіямъ австрійскаго министерства торговли, въ Европейскихъ государствахъ на 1000 жителей приходится телеграммъ: въ Швейцаріи 1006, въ Нидерландахъ 616, въ Великобританіи 561, въ Бельгіи 537, въ Виртембергѣ 474, въ Норвегіи 433, въ Германіи 314, въ Швеціи 306, во Франціи 243, въ Даніи 237, въ Австріи 202, въ Италіи и Румыніи 188, въ Австро-Венгріи 178, въ Греціи 136, въ Сербіи 128, въ Испаніи 76, въ Португаліи 75, въ Турціи 62 и Россіи 41.

Новый способъ сохраненія мертвыхъ тѣлъ. Бразильскій инженеръ Льюзъ Крельсъ изобрѣлъ новый способъ сохранять трупы образованіемъ изъ нихъ искусственной каменной массы. Цѣль его изобрѣтенія, вмѣсто погребенія тѣлъ ввести ихъ инкрустацію и искусственное окаменѣніе. Инкрустирующій покровъ такъ плотенъ, что черезъ него не проходитъ ни одного атома трупнаго газа, и самый трупъ превращается въ твердую каменную массу. Для достиженія этого, обернутое въ холстъ тѣло опускается въ водяной растворъ глины и извести, взятыхъ въ одинаковыхъ доляхъ, послѣ этого въ растворъ дегтя, послѣ чего вокругъ тѣла образуется непроницаемая плотная масса. Затѣмъ приготовляется смѣсь изъ цемента, песку и золы; ее распускаютъ въ водѣ и потомъ выливаютъ въ любого выбора форму, въ которую предварительно былъ вложенъ инкрустированный трупъ. Онъ остается въ такомъ видѣ сутки; въ теченіе этого времени изъ него образуется искуственная каменная гробница. По снятіи формы, на камнѣ можетъ быть сдѣлана надпись или извѣстный номеръ, дабы родные и друзья могли безошибочно находить ихъ, или въ избѣжаніе ошибокъ при какихъ-либо уголовныхъ изслѣдованіяхъ. Стоимость такого приготовленія трупа, соединяющаго въ себѣ и гробъ и надгробный памятникъ, не превышаетъ 4-хъ марокъ, т. е. нашего рубля съ небольшимъ.

Средство для чистки перчатокъ, сдѣланныхъ изъ кожи. 3 унц. мыла слѣдуетъ распустить въ 2 унц. бѣлильной воды и 1 драхму жидкаго аммоніаку. Затѣмъ посредствомъ фланелевой тряпки чистятъ составомъ этимъ перчатки до тѣхъ поръ, пока не сойдутъ съ нихъ всѣ грязныя пятна.

Чистка золотыхъ цѣпочекъ. Опустить цѣпочку въ маленькую бутылку, наполненную небольшимъ количествомъ теплой воды и прибавивъ туда немнаго растертаго мыла и известковаго порошку, встряхнуть бутылку хорошенько нѣсколько разъ и затѣмъ, вынувъ цѣпочку, промыть ее въ чистой водѣ и просушить. Послѣ этой операціи цѣпочка получитъ блестящій видъ.

Расклейка вещей происходитъ нерѣдко, какъ извѣстно, во время сильной теплоты въ воздухѣ, или если склеенныя вещи приходится ставить въ сильно раскаленную печь, или на раскаленныя уголья. Эту расклейку вещей можно предотвратить примѣсью къ клею хлоръ-кальція. Клей составленный съ примѣсью хлоръ-кальція держится хорошо на вещахъ изъ стекла, фаянса, металла и пр. и можетъ быть употребленъ для наклейки этикетовъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Москва Е Л—ову.** При послѣднихъ модахъ приложеніе рисунковъ для устройства и убранства комнатъ въ русскомъ стилѣ не могло быть сдѣлано по причинѣ сложности и разнообразія работы, потребовавшей отъ художника много времени. Потерпите еще недѣльки двѣ и тогда можете украшать ваши комнаты въ настоящемъ русскомъ стилѣ.

2. **Нѣжинъ. Н. А.** Нѣкоторые изъ стиховъ вашихъ очень недурны. Напримѣръ вотъ эти:

«Когда отъ меня ты далеко,
Я вѣрнѣ готовъ всякій часъ,
Что любишь меня ты глубоко,
И счастье возможно для насъ.
Мы встрѣтились снова... друзьями,
И снова твой взглядъ говоритъ,
Что, другъ мой далекій, между нами
Безбрежная бездна лежитъ!

Это очень хорошенькое стихотвореніе, но въ немъ такъ много Гейнавскаго по мысли, по складу, что сами вы, будучи, можетъ быть, законнымъ его авторомъ, исчезаете въ Гейневской поэзіи

За симъ въ другихъ вашихъ стихахъ уже нѣтъ этой поэзіи, нѣтъ законченности, и видно что при ихъ писаніи надъ вами уже не царилъ ни чей одушевляющій образецъ. Вы ввились оригинальнымъ поэтомъ и вышло что-же:

И вотъ ужь средь темныхъ вишневыхъ листовъ
Пурпурныя вишни сквозятъ...
Какъ жаль что *ихъ стаи обжоръ воробьевъ*
Съ такимъ аппетитомъ ѣдятъ!

Здѣсь не скоро догадаешься, кто кого ѣстъ, и *чьи это стаи* обжоръ воробьевъ. Все это мы говоримъ на ради только почтоваго ящика, гдѣ, по преимуществу являются предъ публикою поэты, образцовые... по безграмотности. Вы на изъ ихъ числа.

Если напишете что либо болѣе удачное—пришлите.

СОДЕРЖАНІЕ: Развалины Траянова моста на Дунаѣ (съ рисункомъ) Ор.—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть вторая (продолженіе).—Кровь, какъ источникъ живни. Ш.—Подъ Плевной (съ 3-мя рисунками) Ч.—Болгары на жатвѣ (съ рисункомъ) — Муравьѣдъ (Myrmecophaga) (съ рисункомъ) Д.—Черногорка, охраняющая оружіе, при входѣ въ монастырь (съ рисункомъ) М. Стр—Деревня «Горный-Студень»—Тюркменская женщина въ праздничномъ нарядѣ (съ рисункомъ) П. Огородникова.—Библіографія.—Смѣсь.—Политическія военныя и внутреннія извѣстія.—Объявленія

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

Магазины: Адмиралт. площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3, проспектъ Стремянной.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
18
Товарищество Чемберсъ и К°.

КАМИННЫЙ УГОЛЬ
у Фрицъ Буркгардта.
1—3 Румянцевская площадь № 5. № 16

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,
Садовое Заведеніе въ Ригѣ,
симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ ДЕРЕВАМЪ, РАСТЕНІЯМЪ и пр. на 1877—1878 Г.
изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.
Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковыя, посылаются каталоги также безплатно, смотря по заявленію, на русскомъ языкѣ, или французскомъ и нѣмецкомъ.
№ 22 4—3

Сочиненія Д. СТАХѢЕВА
Наслѣдники. Повѣсть 2 тома 670 стр. цѣна 2 руб.
Встревоженный городъ. I томикъ 116 стр. цѣна 50 коп.
Въ Москвѣ у Соловьева и Живарева, въ Петербургѣ въ конторѣ «Нивы» и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ".

Дозволено цензурою. СПБ. 14 Октября 1877 г. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 43 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к

Выданъ 24 Октября 1877 г.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлить возобновленіемъ подписки, но избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе болѣе 23,000 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать печатныя редакціонные адресы отъ бандеролей, въ которыхъ получается «Нива» въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ на 1878 г.

Безъ доставки въ ПБургѣ	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ	5 р.
Съ доставкою	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе гор.	6 „ *)

*) Увеличеніе цѣны для гг. иногородныхъ подписчиковъ (вмѣсто 5 р. 50 к.—6 р.) вызвано значительными расходами по прочной укупоркѣ и громаднымъ почтовымъ расходамъ при пересылкѣ премій въ картонныхъ футлярахъ.

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера.

При этомъ № высылается всѣмъ **годовымъ** подписчикамъ обѣщанная премія „Нивы“ 1877 года: двѣ олеографическія картины съ акварелей Ф. Келлера: **1) СЕМЬЯ РЫБАКА** и **2) ТАРАНТЕЛЛА.**

Картины эти, какъ могутъ видѣть гг. подписчики, по свѣжести тоновъ и чистотѣ красокъ, достойны служить замѣною оригиналовъ.

Картины приклеены къ бумагѣ, составляющей ихъ фонъ, только однимъ краемъ. Это сдѣлано съ намѣреніемъ, для того, чтобы, онѣ не смялись при укладкѣ въ футляры. Просимъ Гг. подписчиковъ, вынувъ осторожно картины изъ футляра и разложивъ ихъ гладко на столѣ, смочить слегка гуммированную (заднюю) сторону другого края картины и приложить къ фону, прикрывъ на нѣкоторое время чѣмъ нибудь плотнымъ.

Цѣна этихъ двухъ картинъ въ отдѣльной продажѣ 4 руб., особо каждая по 2 рубля съ пересылкою.

Раковина Тридакна (Tridacna).

Раковины заслуживаютъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Наука давно уже занимается наблюденіемъ не только надъ жизнію организмовъ, въ нихъ обитающихъ, но изучаетъ и самое строеніе этихъ раковинъ. Кромѣ того, раковины во многихъ случаяхъ служатъ руководящею нитью при изученіи и распознаваніи свойствъ земли въ мѣстности ихъ нахожденія. Самый слабый оттискъ извѣстныхъ, такъ называемыхъ *руководящихъ* раковинъ, указываетъ собою, какія именно горныя формаціи и какіе органическіе остатки имѣются въ той мѣстности, откуда онъ взятъ. Такъ для углекислаго известняка отличительнымъ признакомъ служитъ одинъ видъ раковинъ, для плитнаго известняка—другой и т. д. Засимъ, обращаясь отъ изученія свойствъ раковинъ къ изслѣдованію жизни обитающихъ въ нихъ организмовъ, наука получаетъ возможность, по сравнительному изученію нынѣ существующей жизни въ раковинахъ, дѣлать болѣе или менѣе точные выводы о жизни уже вымершей, слѣды которой собственно и составляютъ опустѣвшія раковины. Обитатели раковинъ составляютъ отдѣлъ мягкотѣлыхъ (mollusca). Что же касается самаго образованія раковинъ, то до XVII вѣка придерживались мнѣнія Аристотеля, будто животныя приготовляютъ себѣ скорлупу изъ песку и ила; но рядъ послѣднихъ изслѣдованій доказываетъ, что раковина есть ничто иное какъ известковое отложеніе кожи животнаго.

Раковина Тридакна (Tridacna), замѣняющая дѣтскую ванну.

Изъ обитателей раковинъ нѣкоторые употребляются человѣкомъ въ пищу, устрицы, напримѣръ, служатъ даже лакомымъ и вкуснымъ блюдомъ. Птицы и морскіе животные, млекопитающіе, также употребляютъ въ пищу животныхъ—обитателей раковинъ. Любители рѣдкостей собираютъ раковины, какъ представляющіе (въ особенности на югѣ) удивительное разнообразіе по своимъ формамъ и великолѣпію блестящихъ, переливающихся въ нихъ перламутровыхъ оттѣнковъ. Раковины жемчужницы доставляютъ такую *морскую крупу*, которая изъ всѣхъ драгоцѣн-

Библиотека "Руниверс"

постей у людей занимаетъ первое мѣсто и цѣнится, весьма дорого, смотря, впрочемъ по величинѣ.

Представленная на приложенномъ рисункѣ раковина Тридакна (Tridacna gigas Lam) есть величайшая изъ всѣхъ раковинъ. Мягкотѣлое, молюскъ, обитающій въ ней, относится къ семейству пластинчато-жаберныхъ. Всѣ пластинчато-жаберные *безголовые* моллюски, неимѣющіе головы отдѣльной отъ туловища; тѣло ихъ окружено большою двудольною складкою—эпанчею и заключено въ двустворчатую раковину, имѣющую правую и лѣвую створки, связанныя между собою тяжемъ. Дышатъ эти молюски листоватыми или гребенчатыми жабрами. Органы пищеваренія ихъ помѣщены по большей части въ мѣшкѣ подъ жабрами; органы эти состоятъ изъ рта, иногда окруженнаго щупальцами, короткаго пищевода, одного или двухъ желудковъ и извитой кишки.

Сердце ихъ состоитъ изъ двухъ предсердій и одного желудочка, прободеннаго кишкой. На краю эпанчи замѣчается множество маленькихъ глазъ; ихъ насчитываютъ до 180. Пластинчато-жаберныя животныя водятся въ водѣ и двигаются при помощи особаго кожномускальнаго органа—*ноги*, развитой на нижней поверхности тѣла.—Вѣсъ молюска, Тридакна доходитъ иногда до 35 фунт. Мясо его жестко, но островитянами Океаніи все таки употребляется въ пищу. Раковина Тридакна бываетъ длиною до 3 и болѣе футовъ и вѣсомъ до 12 пудовъ. Въ моряхъ, гдѣ они водятся, встрѣчаются мели въ версту и болѣе, образуемыя ихъ скопленіемъ.

Говорятъ сила этого исполинскаго треугольника (раковины Тридакна) такъ велика, что закрывая свои створки, животное можетъ перервать толстый якорный канатъ. Въ Индіи створки употребляются вмѣсто лоханокъ и служатъ, какъ мы видимъ на рисункѣ, ванною для дѣтей. Въ Парижѣ, въ церкви St. Sulpice, до нынѣ находится раковина подаренная Венеціанской республикой королю Франциску I, и служитъ сосудомъ для храненія священной воды. **Люб.**

У Неаполитанскаго залива.

(По поводу двухъ картинъ, составляющихъ премію „Нивы“ въ 1877 г.).

Многовѣковая, полная тревогъ жизнь Италіи, слѣды которой остались на ея почвѣ въ видѣ многочисленныхъ памятниковъ, развалинъ, все таки не могла наложить на нее печать безмолвія и смерти. Италія не утомилась, не одряхлѣла подъ бремеемъ этого длиннаго ряда вѣковъ. Она все еще молода, она все еще красавица и никогда не убываетъ числа ея поклонниковъ, находящихъ въ ней одной источникъ высокаго вдохновенія и неподдѣльнаго восторга. Увлеченіе Италіей и восторгъ къ ней доходили у иныхъ людей до какого-то культа, до какого-то безграничнаго обожанія. Такую привязанность къ ней имѣлъ извѣстный Винкельманъ, цѣлую жизнь изучавшій Италію, хотя преимущественно въ остаткахъ ея античнаго быта и искусства: въ средѣ же художниковъ такимъ поклонникомъ Италіи былъ талантливый французъ Леопольдъ Роберъ, постоянно тамъ жившій и передававшій въ прелестныхъ картинахъ типы и сцены итальянской народной жизни. Если прослѣдить исторически тотъ интересъ, который всегда возбуждала Италія чудесами своей природы и искусства въ сопредѣльныхъ ей странахъ, то окажется, что уже съ XVI-го вѣка начинается съ ней знакомство остальной Европы, хотя путешествія въ эту классическую страну были въ то время еще весьма рѣдки, да и посѣщалась она исключительно одними людьми знатными или богатыми. Но за то въ вѣкъ процвѣтанія и развитія въ Италіи ремесла, когда цѣлая плеяда первоклассныхъ художниковъ украсила свою родину чудесами живописи и зодчества, число туристовъ начинаетъ замѣтно увеличиваться. Нужно помнить при этомъ, что добраться тогда до этой благодатной страны было далеко не такъ легко какъ нынѣ; путешествіе по сушѣ было утомительно, такъ какъ приходилось ѣхать на лошадяхъ по скверным и часто нагорнымъ путямъ; плыть же моремъ на утломъ кораблѣ того времени, было еще опасно отъ возможности крушенія или встрѣчи съ пиратами. Къ тому же плохія и грязныя гостинницы могли вывести изъ терпѣнія самаго невзыскательнаго путешественника. Но не смотря на всѣ эти неудобства, притягательная сила Италіи уже была до того велика, что съ XVII столѣтія начинается непрерывный рядъ путешествій въ эту страну и появляется цѣлая масса книгъ, посвященныхъ ея описанію... Нынѣ же желѣзныя дороги еще болѣе сблизили Италію съ остальнымъ міромъ; вмѣсто грязныхъ тавернъ появились хорошіе отели, а нападеніе страшныхъ бандитовъ на мирныхъ путешественниковъ уже перешло въ область легендъ и воспоминаній далекаго прошлаго. Путешественникъ можетъ смѣло проникать въ самые отдаленные и глухіе ея уголки, не боясь что кто-либо помѣшаетъ его цѣлямъ какъ туриста, или какъ художника. Особенно послѣднему Италія представляетъ изумительное богатство матеріала, захочетъ ли онъ перевести на полотно красоты ея природы или сцены народнаго быта. Талантливый жанристъ, поставленный среди этого страстнаго, подвижнаго, поэтическаго народа, не будетъ долго затрудняться въ сюжетѣ. Здѣсь первая попавшаяся на глаза сцена совершенно достаточна, чтобы служить богатой канвой для художественнаго произведенія. Такое достоинство бойкаго и талантливаго жанра имѣютъ за собой двѣ извѣстныя картины Келлера, представляющія отдыхъ неаполитанскихъ рыбаковъ и тарантеллу, прилагаемыя при этомъ номерѣ какъ годовая премія „Нивы“. По этому поводу мы считаемъ нелишнимъ познакомить нашихъ читателей какъ съ природою побережья неаполитанскаго залива, такъ и съ бытомъ его обитателей, нравы которыхъ послужили темой для этихъ картинъ.

Южный берегъ Италіи, тамъ, гдѣ онъ омывается Неаполитанскимъ заливомъ, справедливо носитъ названіе цвѣтущаго сада, а по фигурному выраженію Сеназара, это „частица неба, упавшая на землю“. Un pezze di cielo caduto in terra! Здѣсь все полно очарованія; въ мартѣ и апрѣлѣ уже цвѣтутъ и благоухаютъ лимонныя и померанцовыя рощи, а съ плетней и заборовъ спускаются гирлянды жасминовъ, розъ и другихъ душистыхъ цвѣтовъ.

...Здѣсь алый апельсинъ,
И золотой лимонъ цвѣтутъ среди долинъ.

. . . . . .

Берегъ же повсюду поднимается величественными уступами, покрытыми самою роскошною растительностью. Въ этомъ уголкѣ Италіи, защищенномъ и отъ знойнаго Сирокко и отъ зимнихъ вѣтровъ — царствуетъ почти вѣчная весна, а воздухъ такъ чистъ и прозрачевъ, что самые отдаленные предметы глазъ видитъ съ поразительною ясностью. Съ какой-нибудь высокой террасы, съ балкона или съ моря нельзя досыта наглядѣться на этотъ очаровательный берегъ, лежащій у подножія вѣчно суроваго вулкана, который здѣсь виденъ отовсюду какъ страшное привидѣніе, вѣчно и ежеминутно грозящее разрушеніемъ всему окружающему. Живописные городки Портичи, Резина, Торре-дель-Греко и Торре-дель-Анунціатъ, лежащіе по взморью около Везувія, составляютъ, можно сказать, продолженіе Неаполя. Ряды ослѣпительно бѣлыхъ виллъ, омываемые съ одной стороны голубыми волнами залива, а съ другой замкнутые громадной массой вулкана; оливковыя рощи, лимонные сады, а иногда величественныя пиніи и роскошныя пальмы—представители здѣсь далекаго востока и все это облитое прозрачнымъ воздухомъ, представляетъ картины, достойныя кисти Сальватора Розы. Здѣсь у каждаго часа—двѣ свои, неуловимыя часто для художника, краски; лазурь неба, волны залива, все мѣняется какъ бы въ космарамѣ и самый Везувій то покрывается какой-то золотистой дымкой, то принимаетъ оттѣнокъ голубоватый, розовый или фіолетовый. Немудрено, что при такой природѣ и такомъ климатѣ, жители этого благословеннаго края горячо любятъ свою родину, считая его серьезно земнымъ раемъ и сохраняя преданіе, что именно здѣсь Адамъ и Ева избрали себѣ мѣстопребываніе послѣ изгнанія ихъ изъ Эдема. Эту страстную любовь къ своему городу неаполитанецъ выражаетъ и въ извѣстной народной пѣснѣ, которую можно слышать ежедневно на заливѣ:

O dolce Napoli
O suol beato!
Dove sorridere
Vole il creato *).

. . . . . .

и въ каждой народной пословицѣ: „Vidi Napoli i poi mori, т. е. погляди на Неаполь и потомъ умри.

Что прекрасно, говоритъ Тэнъ, такъ это то, что въ этомъ благословенномъ климатѣ, жизнь можетъ быть также проста какъ и во времена Гомера, Все что въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ цивилизація выработала на пользу нашего благосостоянія, здѣсь кажется совершенно излишнимъ. Что здѣсь нужно человѣку? Кусокъ полотна, кусокъ холстины, и онъ вполнѣ доволенъ, какъ былъ бы этимъ доволенъ одинъ изъ спутниковъ Улисса. Стоитъ лишь прикрыть наготу, а остальное придетъ само собою. Дѣйствительно, только такой климатъ, только такая богатая природа могли произвести неподражаемый типъ неаполитанскаго ладзарони, хотя нужно сознаться, что настоящій ладзарони, строгій послѣдователь привычекъ и образа жизни пресловутаго Діогена, мало по малу исчезаетъ. Нынѣ и ладзарони понимаетъ цѣну нѣкотораго комфорта и стараясь добыть необходимыя для этого средства, постепенно пріучается къ ненавистному для него прежде труду. Одѣтъ онъ нынѣ прилично и на немъ уже не видно тѣхъ лохмотьевъ, которые дозволяли каждому любоваться его загорѣлымъ тѣломъ, обронзированнымъ южнымъ солнцемъ. Что же касается

*) О дорогой Неаполь... О блаженная земля, гдѣ улыбается каждое твореніе.

Библиотека "Руниверс"

до вопроса питанія, то ладзарони можетъ заработать четыре или пять копѣекъ въ день, а на берегу Неаполя каждый смертный, обладающій такой суммой, не можетъ отчаяваться, что умретъ съ голоду. Но бываютъ и для ладзарони такіе дни, что пробуждаясь на ступеняхъ какого-нибудь храма и чувствуя прежде всего голодъ, онъ ощупываетъ свои карманы и увы! не находитъ въ нихъ никакого сбереженія ни въ формѣ мелкой монеты, ни въ формѣ чего либо съѣстного. Согро di Bacco! ворчитъ онъ самъ себѣ подъ носъ, но отчаяваться не имѣетъ привычки и потому поднявшись, спѣшитъ въ ближайшую церковь, гдѣ благоговѣйно слушаетъ мессу, а потомъ выйдя на улицу начинаетъ фланировать, поетъ, свищетъ, болтаетъ съ знакомыми и зорко слѣдитъ за такими прохожими, которыхъ онъ знаетъ. Глазами онъ ищетъ иностранца, который бы нуждался въ его услугахъ, какъ опытнаго чичероне. Часто, какъ говоритъ пословица, на ловца и звѣрь бѣжитъ и ладзарони тутъ же встрѣчаетъ какого-нибудь благодѣтеля въ образѣ пріѣзжаго туриста, желающаго ознакомиться со всѣми достопримѣчательностями Неаполя. Ладзарони знаетъ, конечно, городъ какъ свои пять пальцевъ и за нѣсколько ничтожныхъ грановъ покажетъ и соборъ св. Ануарія со всѣми его рѣдкостями и знаменитыя катакомбы, гдѣ покоятся кости болѣе чѣмъ ста тысячъ христіанъ, или даже проводитъ на Везувій. Заработавъ такимъ образомъ нѣсколько мелкихъ монетъ, онъ уже считаетъ себя богатѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ и можетъ прожить совершенно беззаботно четыре или даже цѣлые пять дней. Въ первый день послѣ такой получки онъ даже позволяетъ себѣ нѣсколько поросконшничать; первымъ дѣломъ за два грана покупаетъ себѣ огромный кусокъ дыни, что и составляетъ лакомый для него завтракъ. Потомъ въ ближайшей табачной лавочкѣ покупаетъ сигару, которой гордо дымитъ среди своихъ товарищей и знакомыхъ женщинъ, а крошечный отъ нея остатокъ великодушно отдаетъ какому нибудь нищему. Если же фланируя, онъ встрѣтитъ случайно военный отрядъ, идущій съ музыкой на ученье, то считаетъ своей священной обязанностью сопровождать его на плацъ и присутствовать при его экзерциціяхъ. Окончивъ это пріятное и полезное занятіе, онъ опять возвращается въ городъ, гдѣ и заходитъ къ продавцу воды и выпиваетъ за два грана нѣсколько стакановъ воды со льдомъ, что такъ дорого цѣнится на жаркомъ югѣ, или толчется около передвижной макаронной кухни. Улыбаясь, снимаетъ онъ съ нечесанной головы свой шерстяной, коричневый колпакъ и подавая одинъ гранъ, проситъ наполнить его лакомымъ блюдомъ. Получивъ его, онъ воодушевляется, закидываетъ назадъ голову и загребая макароны руками, высоко поднимаетъ ихъ надъ нею и потомъ медленно спускаетъ ихъ сочныя, бѣлыя нити въ свой широко раскрытый ротъ. Наѣвшись до сыта, онъ безъ церемоніи ложится на каменную скамью, находящуюся противъ королевскаго дворца и тамъ отдыхаетъ часика два, не обращая никакого вниманія на себя прохожихъ ни своими далеко не граціозными позами, ни своимъ рубищемъ. Окончивъ же свою сіесту, онъ отправляется на берегъ, гдѣ безплатно слушаетъ шутки полишинеля, суровую проповѣдь капуцина, чтеніе Аріосто или стиховъ какого-нибудь народнаго импровизатора. Но вотъ уже стемнѣло и онъ идетъ въ театръ маріонстокъ, гдѣ ему покажутъ или печальную исторію Додоны, или поединокъ Карла XII съ Петромъ Великимъ. Почувствовавъ наконецъ, что карманъ опустѣлъ, онъ смиренно ложится на ступени лѣстницы какого нибудь зданія, предаетъ себя заступничеству Мадонны и сладко засыпаетъ до радостнаго утра. Но въ Неаполѣ помимо класса такихъ нищенствующихъ сибаритовъ, такихъ поклонниковъ пресловутаго for-nientc, есть въ изобиліи и другое населеніе, работящее, трудовое. Это прежде всего marinari, т. е. рыболовы и вмѣстѣ съ тѣмъ моряки, составляющіе въ Неаполѣ совершенно отдѣльную касту, имѣющую свои законы, обычаи и особенныя права. Группы этихъ рыбаковъ, отдыхающихъ на песчаномъ прибрежьѣ залива, такъ и просятся на полотно живописца, съ ихъ мускулистыми ногами, обнаженными по колѣни, открытою почернѣвшею грудью, лоснящимися кудрами, выглядывающими изъ-подъ алаго колпака и необыкновенно одушевленнымъ взоромъ. Живописный костюмъ ихъ состоитъ изъ рубашки и короткихъ брюкъ, стянутыхъ кожанымъ поясомъ, за которымъ блеститъ широкій ножъ, а на шеѣ красуется изображеніе Мадонны. Работаютъ они большею частью артелями и одна лодка служитъ для многихъ. Окончивъ дневной, тяжелый трудъ, они вытаскиваютъ ее на берегъ и тутъ же около нея, въ граціозныхъ группахъ, вкушаютъ всю сладость сіесты. Передъ ними любимое ими море; волны плещутъ и разсыпаются мелкими брызгами, а многочисленная толпа нагихъ ребятишекъ, прелестныхъ какъ амуры, формами будто вылитыхъ изъ античной бронзы, плещутся въ нихъ съ гикомъ и хохотомъ. Рыбаки по большей части люди женатые и обладающіе кучею дѣтей; они очень рано женятся и очень рады каждому новому ребенку, такъ какъ поспитаніе его имъ положительно ничего не стоитъ. Ребенокъ ростетъ около моря и пріучается отцовскому ремеслу и изъ него современемъ выходитъ тотъ же опытный рыболовъ и неустрашимый морякъ, рискующій на утлой ладьѣ подплывать почти къ берегамъ Африки для ловли коралловъ. Любовь къ морю эти моряки доводятъ до обожанія и во всѣхъ ихъ пѣсняхъ звучитъ безконечный гимнъ питающей ихъ стихіи. По ихъ мнѣнію, она одна даетъ и счастье, и жизнь, и красоту. „Неудивляйся, поетъ рыбакъ своей подругѣ.

Ты такъ прекрасна.

Ты родилась на берегу моря....

и дѣйствительно эти приморскіе типы дышутъ силой, здоровьемъ и красотой.

Но для ознакомленія съ неаполитанскимъ бытомъ нельзя изучать его лишь на берегу залива, а надо посѣтить улицу Толедо и другія, идущія отъ моря къ центральной части Неаполя, гдѣ южная жизнь кипитъ ключемъ, ведется на распашку. Улицы замѣняютъ жителямъ мастерскую, и кухню, и спальню. Тутъ они занимаются домашнимъ туалетомъ, бранятся, стряпаютъ, пляшутъ и все это безъ малѣйшаго стѣсненія. Неловкому иностранцу здѣсь легко натолкнуться или на подвижной очагъ гдѣ варятся макароны, или на какую нибудь корзину, вмѣщающую въ себѣ спящаго торговца. Здѣсь народъ цѣлый день проводитъ на открытомъ воздухѣ и если судьба осудитъ неаполитанца на усидчивое, замкнутое ремесло, то хотя онъ и покоряется своей участи, но очевидно страдаетъ. Воздухъ, солнце и движеніе—это необходимыя условія неаполитанскаго народнаго быта.

Такая живая уличная жизнь кипитъ въ Неаполѣ большую часть года, когда идутъ непрерывно прекрасные, жаркіе дни; только во время туманнаго и дождливаго января физіономія Неаполя измѣняется; холодный вѣтеръ, дующій съ моря, заставляетъ все населеніе запираться дома или сидѣть безвыходно въ ближайшей кофейнѣ. Всѣ купаются, чуть не стучатъ зубами, и безпрестанно повторяютъ: freddo! freddo! холодно, холодно. Но за то какой широкій разгулъ, какое необычайное оживленіе, присущее одному Неаполю, видны въ хорошее время года на его улицахъ и особенно на площадяхъ, гдѣ производится разная мелкая торговля. Тутъ только можно составить себѣ понятіе объ этомъ живомъ, увлекающемъ темпераментѣ неаполитанца, но нужно сказать, въ увлеченіяхъ котораго даже среди гнѣва и ожесточенія, всегда видна незлобная, добрая натура, смягчаемая южнымъ, благодатнымъ климатомъ. Пойдите на рынокъ и при взглядѣ на эту клокочущую толпу, видя ея бѣшеные жесты и слыша ея оглушающій говоръ, вы легко можете подумать, что попали въ среду бандитовъ или бунтовщиковъ. Ненависть, насмѣшки, гнѣвъ, ярость —все здѣсь выражается самой страстной мимикой: глаза бросаютъ молніи, рты искривляются, сжимаются кулаки, жилы натуживаются и весь торсъ живописно откидывается назадъ. Можно ожидать, что вотъ съ минуты на минуту начнется общая свалка, но не бойтесь: гнѣвъ и ярость исчезаютъ быстро подъ вліяніемъ этого чуднаго, благовоннаго воздуха; уста изрыгаютъ проклятія, но сердце смѣется: рѣчь начинается оскорбленіемъ и кончается шуткой. И какой шуткой! Такая шутка при такомъ гомерическомъ хохотѣ толпы возможна только здѣсь, въ Италіи, гдѣ сохранились слѣды древне-римскаго народнаго остроумія, образцы котораго мы видимъ у Плавта и Марціала. Вотъ, напримѣръ, сцена, схваченная на Неаполитанскомъ рынкѣ:

Стоитъ толпа торговцевъ арбузами и наперерывъ предлагаетъ свой лакомый товаръ прохожимъ:

— За гранъ, только за гранъ,—кричитъ одинъ торговецъ, показывая публикѣ сочный арбузъ,—можно поѣсть, напиться и омыть себѣ физіономію. Покупайте, господа, настоящій арбузъ изъ Кастеламаре!—А у меня,—кричитъ другой,—арбузъ выросшій на ледникахъ, а попробуйте его, онъ точно весь огненный. —О! что за прекрасный плодъ,—восклицаетъ третій. Кто хочетъ вмѣсто завтрака съѣсть восходящее солнце? Цѣлую планету отдаю за восемь су! половину за четыре! А если съѣсть здѣсь на мѣстѣ, то отдаю и за три! Сказавъ это, продавецъ кладетъ арбузъ на голову подлѣ стоящаго мальчика и ловко разрѣзываетъ его на двѣ части и поднимая руки съ видомъ комическаго изумленія продолжаетъ: Но что я вижу? Вѣдь это восьмое чудо. Смотрите, скорѣй смотрите, если только у васъ есть глаза. Вѣдь тутъ огонь! настоящій огонь! Везувій у меня, у меня Везувій, кричитъ кто-то въ толпѣ.

— А здѣсь Этна, Монжибелло! раздается крикъ изъ другой лавки. Казалось бы, что изобрѣтательность народнаго остроумія истощилась и не можетъ идти далѣе, но вотъ еще раздается громовый голосъ одного торговца: Сюда! всѣ сюда, у меня здѣсь такой арбузъ, въ которомъ цѣлый адъ со всѣми чертями!.. И произнеся такую убійственную рекламу, онъ скрещиваетъ руки и съ гордымъ видомъ обводитъ глазами всѣхъ своихъ сотоварищей, какъ бы вызывая еще кого либо на этотъ поединокъ остроумія и по ихъ молчанію убѣждаясь, что онъ сказалъ въ немъ послѣднее, самое многозначительное слово.

Часто у какой нибудь бѣдной, убогой остеріи слышатся звуки тамбурина и щелканье кастаньетъ. Тутъ собрались молодые парни и дѣвушки и танцуютъ тарантеллу, этотъ любимый танецъ неаполитанскаго простолюдина. Особенно отличаются въ этомъ танцѣ женщины, своею граціей и страстностью мимики. Каждый жестъ тутъ—мысль, каждая поза—чувство. Сначала движенія танцорки медленны и какъ бы нерѣшительны и принужденны; это моментъ, когда страсть еще созрѣваетъ и не мо-

Библиотека "Руниверс"

Миръ. Картина А. Ронделя, грав. Миланъ.

Библиотека "Руниверс"

Война. Картина А. Рондела, грав. Миланъ.

Библиотека "Руниверс"

жетъ быть вполнѣ выражена; но вотъ танецъ мало по малу одушевляется; является смѣлость позъ и движеній, танцуютъ уже не однѣ ноги, а всѣ мускулы, суставы, голова и глаза принимаютъ участіе въ пляскѣ; страсть и энергія доходятъ до крайнихъ предѣловъ и танцорка превращается въ классическую вакханку. Танецъ дѣлается часто общимъ, увлекая всякаго въ бѣшенный вихрь и доводя любителей до изнеможенія. Обаятельность пляски можетъ, конечно, отчасти зависить и отъ обворожительности здѣшней женщины въ ея живописномъ нарядѣ, который она умѣетъ носить съ такимъ неподражаемымъ благородствомъ и граціей. Станъ ея, стянутый синимъ или алымъ корсажемъ, не смотря на роскошное развитіе формъ, обладаетъ замѣчательной гибкостью; плечи обнажены, а чудныя, истинне-черныя косы причесаны съ истинно-античнымъ вкусомъ. Прибавьте къ этому обворожительную нагую ножку и вы поймете то впечатлѣніе, какое умѣетъ производить неаполитанка на зрителей своей сладострастной пляски.

Въ заключеніе нашего очерка укажемъ и на то грустное явленіе въ народной жизни Неаполя, что нищенство тамъ уже давно получило огромное развитіе. Если узнаютъ, что вы путешественникъ, то отовсюду протягиваются къ вамъ руки съ словами: per caritate! Впрочемъ, слѣдуетъ сознаться, что и сами туристы, особенно англичане и отчасти наши соотечественники пріучили туземцевъ къ попрошайничеству своею широкою щедростью. Получая частыя подачки, неаполитанцы привыкли къ нищенству и невообразимо изобрѣтательны на способы облекать его въ болѣе благовидныя формы, хотя бы то было указаніе вамъ дороги или какая нибудь ничего не стоющая и не нужная услуга. Они находятъ очень естественнымъ сбирать такую контрибуцію съ каждаго чужеземца, такъ какъ по ихъ мнѣнію у каждаго изъ нихъ кучи золота и его не можетъ раззорить нѣсколько ничтожныхъ грановъ, которыя онъ подаритъ бѣдняку прелестной страны, дѣйствующей на него живительно своимъ чуднымъ воздухомъ и очаровывающей его своей обаятельной природой.

А. Невельской.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

X.

„Исполняется годъ, какъ я при этомъ дворѣ и повѣрьте этотъ годъ стоитъ двухъ, проведенныхъ въ другомъ мѣстѣ. Дай Богъ, чтобъ не прожить здѣсь другаго.“ Такъ писалъ герцогъ де-Лиріа въ Испанію. „Здѣсь мы живемъ въ полномъ спокойствіи и *отъ скипетра до посоха*, по французской пословицѣ, не думаютъ ни о чемъ, какъ только бы провести лѣто въ сельскихъ развлеченіяхъ.“

Другіе иностранные резиденты тоже извѣщали свои дворы, что и представить себѣ невозможно тѣхъ интригъ, которыми занимаются русскіе придворные. Всѣ эти извѣстія были совершенно справедливы: блестящій мірокъ, окружавшій Петра II дошелъ до какого то бѣшенства. При дворѣ поднимались безумныя сатурналіи и въ нихъ метались, прыгали и вертѣлись всякіе люди и старые и молодые, и мужчины и женщины. Каждый заботился только о сегодняшнемъ днѣ, старался единственно о томъ, чтобы извлечь какъ можно больше выгодъ для себя; о настоятельныхъ нуждахъ государства, о бѣдахъ грозящихъ Имперіи, о событіяхъ политическихъ никто и не думалъ. Турки подступили къ границамъ Россіи, Кіевъ находился въ опасности; шведы того и гляди соединятся съ турками; англичане готовятъ свои козни—но никому до этого нѣтъ никакого дѣла. Внутри Имперіи тоже всякія безурядицы: народъ недоволенъ, всѣ жалуются, всѣ находятъ, что никогда не бывало такихъ безпорядковъ—точно вернулось смутное время самозванщины—а сановникамъ русскимъ, людямъ держащимъ кормило правленія, не до высшихъ вопросовъ: какъ бы только повеселиться, удержаться въ милости царской—вотъ о чемъ они думаютъ. Одинъ баронъ Андрей Иванычъ какъ волъ работаетъ, старается уладить и то и другое. Много у него силы, крѣпкая, свѣтлая голова на плечахъ держится, но и ему не совладать съ „недостроенной, развинтившейся машиной.“ Руки у него опускаются и по временамъ общая сатурналія и его захватываетъ и онъ мечется, и вертится, и прыгаетъ вслѣдъ за другими, ведетъ интриги—о своей головѣ заботится. Повалили колосса петровскаго, свѣтлѣйшаго Меншикова, думали — дѣло сдѣлали, думали—всѣ вздохнутъ свободнѣе, все пойдетъ безъ него какъ по маслу, анъ не то вышло! и хоть изъ негоднаго матеріала былъ созданъ колоссъ этотъ, но все же вложена была въ него какая то могучая, истинная сила и крѣпко держалъ онъ этой силой на глазахъ его выстроенную машину. Все, что было въ немъ человѣческаго, завѣтнаго все поднималось когда думалъ онъ о машинѣ—она была дорога ему. Но конечно никому и въ голову не приходила возможность снова вернуть Меншикова, напротивъ судьба его окончательно рѣшилась: милостивое сначала рѣшеніе Императора было измѣнено, какъ мы уже видѣли. Время отъ времени всплывали на поверхность старые грѣхи Александра Данилыча и раздражали Петра. Вонъ нашли у спасскихъ воротъ подметное письмо въ пользу Меншикова; вонъ изъ военной и другихъ коллегій и канцелярій подаются доношенія, что свѣтлѣйшій взялъ изъ казны деньги и матеріалы—и требуютъ теперь возвращенія взятаго изъ его пожитковъ. Нельзя же все это такъ оставить. Меншикова сослали въ Сибирь, въ Березовъ, отобрали у него все и положили ему съ семействомъ и ихъ людямъ по шести рублей въ день кормовыхъ денегъ. Сестру княгини Дарьи Михайловны, Варвару Арсеньеву, женщину хитрую и пронырливую, оставившую по себѣ дурную память, постригли въ Сорскомъ монастырѣ и дали ей полъ—полтины на день. Самъ князь Александръ Данилычъ, разбитый въ конецъ, пораженный горемъ еле волочилъ ноги. Про него разсказывали, что онъ наконецъ смирился, что молится Богу, несетъ черную работу и съ каждымъ днемъ слабѣетъ. Еслибъ зналъ онъ да вѣдалъ о томъ что творится въ его отсутствіе, о томъ, какой позоръ готовятъ алчные придворные Россіи, еслибъ зналъ онъ, что старые вельможи изъ всѣхъ силъ стараются задержать Императора въ Москвѣ, не пустить его въ Петербургъ, заставить его позабыть дѣдовскій городъ—отъ одного этого извѣстія умеръ бы Александръ Данилычъ. Но къ нему не доходили никакія извѣстія.

Да, дѣйствительно, рѣшеніе теперь казалось неизмѣннымъ. Москва совсѣмъ пришлась по нраву Императору и съ каждымъ днемъ Петербургъ казался все скучнѣе и скучнѣе. Остерманъ былъ въ полномъ отчаяніи, не зналъ что и придумать, чѣмъ убѣдить Долгорукихъ отказаться отъ ихъ плана. Подружился онъ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ, да разсорился съ фаворитомъ, а въ фаворитѣ, покуда, вся сила.

И вотъ Андрей Иванычъ себя забываетъ, забываетъ чувство собственнаго достоинства и всячески старается угождать Ивану Алексѣевичу, только чтобъ тотъ съ нимъ примирился, сблизился хоть немного. Иностранные резиденты собираются между собою и съ ужасомъ толкуютъ о томъ, что произойдетъ, если Петербургъ будетъ окончательно оставленъ. Но больше всѣхъ стоитъ за возвращеніе къ берегамъ Невы герцогъ де-Лиріа. Это ловкій, умный, краснорѣчивый человѣкъ, сразу съумѣвшій поставить себя на первое мѣсто и заслужить расположеніе всего царскаго семейства; великую княжну Наталью онъ плѣнилъ разсказами объ Испаніи и о

Библиотека "Руниверс"

прекрасномъ донъ-Карлосѣ; расположеніе Петра снискалъ обѣщаніемъ выписать изъ Испаніи андалузскихъ лошадей и муловъ; придворныхъ веселитъ у себя въ домѣ, задаетъ блестящія празднества, не жалѣетъ денегъ. Одна только прекрасная цесаревна не по душѣ пришлась герцогу: то и дѣло бранитъ онъ ее въ своихъ письмахъ, посылаемыхъ на родину. Съ Остерманомъ онъ большой другъ и въ то же время другъ Ивана Долгорукаго, который часто приходитъ къ нему, говоритъ съ нимъ по душѣ, жалуется на безобразную компанію, окружающую Императора, и чуть не со слезами увѣряетъ, что хочетъ совсѣмъ удалиться, чтобъ только не видѣть, какъ губятъ молодого монарха. Но и ловкій герцогъ де-Лиріа ничего не можетъ придумать: „не выѣдутъ изъ Москвы, не выѣдутъ!“ Конечно все же нельзя оставлять этого дѣла, нужно пробовать всѣ средства. Онъ часто навѣщаетъ Остермана и они по долгу толкуютъ вдвоемъ, и все таки никакъ не могутъ столковаться.

Лѣто въ полномъ разгарѣ. Почти всѣ придворные переѣхали на дачи. Жарко. Но герцогъ де-Лиріа не смущается этимъ и въ самый полдень ѣдетъ къ Остерману. Сегодня обо многомъ нужно переговорить. Вотъ вчера былъ у него фаворитъ и объявилъ, что и цесаревна Елисавета и весь дворъ рѣшительно возстаютъ противъ плана относительно Морица саксонскаго, что она ни за что не хочетъ выходить замужъ. Герцогъ де-Лиріа увидѣлъ изъ словъ этихъ, что фаворитъ больше и больше начинаетъ подумывать о собственномъ своемъ бракѣ съ Елизаветой. Непремѣнно весь вчерашній разговоръ нужно сообщить Остерману, и потомъ обо всемъ подробно отписать къ своему двору.

Баронъ немедленно принялъ де-Лиріа, но передъ входомъ въ его комнату герцогъ замѣтилъ, что въ другую дверь входилъ князь Алексѣй Долгорукій съ обоими своими сыновьями: Николаемъ и Иваномъ; замѣтилъ онъ также, что Иванъ Алексѣевичъ, при взглядѣ на него покраснѣлъ и смутился.

Что бы это значило?

Герцогъ де-Лиріа, какъ свѣтскій и любезный человѣкъ, постарался сократить свой визитъ и уѣхалъ. А на слѣдующее утро отправился къ князю Ивану. Долго и наединѣ поговорить имъ не удалось. Князь Иванъ шепнулъ ему только, по поводу вчерашней встрѣчи, что Остерманъ забралъ себѣ въ голову смѣлыя идеи.

— И представьте, герцогъ, вдругъ онъ обращается ко мнѣ и говоритъ—а самъ чуть не плачетъ—я говоритъ впредь съ Его Величествомъ ни о какомъ дѣлѣ толковать не стану больше, развѣ что въ твоемъ присутствіи. Потомъ сталъ просить меня, удостоить его своей дружбой.

Де-Лиріа внимательно слушалъ.

— Ну что же, князь, что вы ему отвѣтили?

— Конечно я сказалъ, что очень радъ.

Тутъ вошли посторонніе и разговоръ ихъ прекратился.

„Нужно опять ѣхать къ Остерману и узнать въ чемъ дѣло. Это хорошо, что между нимъ и фаворитомъ лады начинаются. Ахъ, еслибъ удалось что-нибудь!“

Герцогъ вернулся домой, а тамъ ужь его дожидалъ посланникъ Бланкенбурга, который остался у него обѣдать. Послѣ обѣда этотъ посланникъ прямо началъ слѣдующею рѣчью:

— Я знаю, какъ вы желаете добра этой монархіи, герцогъ, и никому кромѣ васъ не могу открыть своего сердца, потому что вы вашимъ вліяніемъ можете много добра сдѣлать.

Герцогъ молча слушалъ, а посланникъ продолжалъ:

— Вѣдь сами знаете, что царю непремѣнно нужно воротиться въ Петербургъ—и не только потому, что тамъ ближе къ другимъ государствамъ Европы, но и потому, что тамъ будетъ на его глазахъ флотъ, котораго ждетъ погибель, если тамъ не будетъ его величества лично. А русскіе только и думаютъ о томъ, какъ бы удержать царя здѣсь. Вотъ можетъ быть вы могли бы повліять на князя Долгорукаго—вы вѣдь такъ дружны съ нимъ, уговорите его въ необходимости переѣзда въ Петербургъ. Онъ человѣкъ все же благоразумный, хорошіе резоны понять можетъ. Скажите ему, что такимъ образомъ дѣйствій онъ вѣдь многое заслужитъ себѣ передъ вѣнскимъ дворомъ. Ну понимаете, мало ли что пообѣщать ему можно.

Герцогъ де-Лиріа отвѣчалъ, что сдѣлаетъ со своей стороны все, чтобы убѣдить Долгорукихъ, какъ только царь возвратится съ охоты въ городъ.

Наконецъ посланникъ уѣхалъ, а де-Лиріа ужь и не захотѣлъ въ этотъ день отправиться къ Остерману. Онъ теперь все понялъ. Конечно, во время визита Долгорукихъ къ Остерману шелъ разговоръ о возвращеніи двора въ Петербургъ, конечно, Остерманъ представлялъ всѣ свои доводы и кончилъ тѣмъ, что всѣ силы сталъ употреблять, чтобъ сблизиться съ фаворитомъ. Посланникъ Бланкенбурга, конечно, пріѣзжалъ къ герцогу по порученію Остермана Да, нужно будетъ всячески постараться. И герцогъ поспѣшно принялся писать донесеніе своему двору обо всемъ случившемся.

И такія сцены повторялись очень часто. Въ этихъ занятіяхъ, разъѣздахъ другъ къ другу, скрываніи другъ отъ друга. шептаньи и переговорахъ проходило все время. Но между тѣмъ дѣло нисколько не подвигалось, все оканчивалось одними разговорами.

Молодой Императоръ и слышать не хотѣлъ о возвращеніи въ Петербургъ. А князь Иванъ, съ одной стороны подъ давленіемъ своего семейства, съ другой стороны по твердо выраженному требованію Императора, не смѣлъ ни о чемъ заикнуться. И снова продолжались охоты и снова придворный міръ метался безсмысленно. А между тѣмъ отсюду приходили тревожныя извѣстія. При дворѣ толковали, что пріѣхалъ изъ Украйны курьеръ съ вѣстью о томъ, что будто татары, въ числѣ пятидесяти тысячъ, готовы подняться и наводнить предѣлы Россіи; что фельдмаршалъ Долгорукій, который долженъ былъ изъ Персіи возвратиться въ Москву, пріѣхалъ въ Царицынъ и на пути имѣлъ встрѣчу съ татарами, которая неизвѣстно чѣмъ кончилась. Кромѣ того въ Астрахани появилась моровая язва, а въ Казанскомъ царствѣ собралось столько разбойниковъ, что нельзя путешествовать безъ многочисленной стражи и опасаются, что въ непродолжительномъ времени они и въ Москвѣ появятся.

XI.

Вернувшись въ Москву съ охоты послѣ страннаго и неожиданнаго разговора съ Иваномъ Долгорукимъ, цесаревна Елисавета окончательно заперлась у себя и отказывалась сопровождать Императора. Онъ пришелъ къ ней, сдѣлалъ ей сцену, но все же ничего не добился. Она говорила ему, что ей теперь не до забавъ, наконецъ заплакала. Онъ ушелъ раздосадованный и смущенный.

„Ну чтожь, ну чтожь, если не хочетъ такъ и не нужно“, раздражительно повторялъ онъ себѣ. И съ тѣхъ поръ сталъ опять сердиться на красавицу тетку, не приглашалъ ее на охоты.

Къ концу лѣта она вздумала отправиться на богомолье въ Сергіевскую лавру. Она поѣхала съ небольшой свитой, очень часто выходила изъ экипажа и шла пѣшкомъ много верстъ. Три дня молилась она у мощей св. Сергія, а возвратный путь весь сдѣлала пѣшкомъ, утомилась и теперь лежала больная, никого не принимала. Ея приближенные замѣчали, что со времени извѣстія о смерти сестры, цесаревна стала совсѣмъ другая: пропала ея живость и ея беззаботность, даже похудѣла она и поблѣднѣла. И не одно горе, не одна утрата любимой сестры измѣнила цесаревну, вообще всѣ дѣла ея стали идти очень плохо.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ она лежитъ, окруженная сгущающимися сумерками и печально думаетъ... Нѣтъ, ей никакимъ весельемъ характера не помочь видно себѣ: съ каждымъ днемъ все больше и больше враговъ у цесаревны. И откуда они берутся? И что все это значитъ? Ну еслибъ еще правъ былъ у нея крутой, еслибъ замышляла она что недоброе, а то вѣдь нѣтъ — со всѣми ласкова и привѣтлива, никому ни въ чемъ мѣшать не хочетъ, только чтобы ей жить не мѣшали. Бояться ея вліянія на Императора—да чтожь у нея за такое за вліяніе? Что она ради него дѣлаетъ? Во всемъ перечитъ племяннику, никакихъ его нѣжностей не допускаетъ: раза три на отрѣзъ отказалась быть его женою—а все же недовольны И Наташа сердится, и онъ сердится и всѣ враждуютъ. Прежде вотъ Остермана другомъ считала, а теперь видитъ, что и онъ присталъ къ врагамъ ея. Она хорошо замѣчала, что хитрый Андрей Иванычъ всячески потворствовалъ планамъ Ивана Долгорукаго, когда тотъ забралъ себѣ въ голову жениться на ней: обоихъ ихъ хотѣлось погубить Остерману. Вотъ какъ заплатилъ хитрый нѣмецъ дочери за отцовскія милости! Всячески хотятъ выжить ее изъ Россіи. Проситъ она, молитъ, чтобъ ни о какихъ женихахъ ей не говорили, а они каждый день новаго жениха придумываютъ, то одного предложатъ, то другого. Стала она у себя запираться, ни во что не вмѣшиваться, живетъ тихо, скромно, а все же до нее долетаютъ разные непріятные слухи. При дворѣ вотъ толкуютъ о какомъ то ея дурномъ поведеніи, но ничего дурнаго не знаетъ за собою цесаревна. Прежде вотъ веселиться любила, наряжалась, пировала, а теперь веселье на умъ нейдетъ, ни на кого бы не смотрѣла. Одинъ человѣкъ только и милъ ей—Александръ Борисовичъ Бутурлинъ. Съ нимъ она отводитъ душу. Онъ хорошо ее понимаетъ, умѣетъ отгадывать каждую мысль ея, каждое чувство. Такъ вотъ въ чемъ дурно ея поведеніе, въ ея дружбѣ съ этимъ человѣкомъ. Такъ что-жь наконецъ такое? Этакъ нужно отъ всего отказаться, все на перекоръ душѣ своей дѣлать! Да вѣдь и тогда лучше не будетъ—найдутъ чѣмъ попрекнуть — всегда найдутъ. И хочется цесаревнѣ, чтобы всѣ ее позабыли, чтобъ быть ей простой дѣвушкой и самой распоряжаться своей жизнью. Ничего такъ не любитъ она, какъ простоту и свободу, ну, любитъ еще можетъ быть наряды, да вѣдь это не грѣхъ великій въ ея годы.

Печальныя мысли цесаревны перебила вошедшая фрейлина. Она доложила ей, что Нарышкинъ, ея гофмаршалъ, желаетъ ее видѣть, что очень ему нужно.

— Еще что? Ахъ, Боже мой, да вѣдь я больна. Какъ же могу я принять его? Ну да, впрочемъ, ничего, пусть войдетъ. Только дай мнѣ большое одѣяло.

Цесаревна закуталась въ поданное одѣяло и ждала Нарышкина.

Волгаринъ продавецъ фруктовъ. Рис. Бояръ, грав. Бертранъ.

— Ну что тамъ такое? какія напасти? встрѣтила она его.

— Истинно что напасти, ваше высочество, насъ ужь и верховный Совѣтъ тѣснить начинаетъ. Обратились ко мнѣ письменно —узнали, вишь, что ваше высочество, имѣя свои доходы и помѣстья, все же получаете столовыя деньги изъ царскаго дома, что наши счеты очень велики...

— Ну, такъ что-жь? Я ничего не понимаю.

— Да вотъ, ваше высочество ужь не знаю я какъ и быть. Точно что у насъ хозяйство плохо ведется — всякій тащитъ себѣ, что хочетъ: вина одного сколько выходитъ — ужасъ! Вотъ они объявляютъ, что безъ моего требованія ничего отпускать не станутъ. А я прошу ужь васъ, увольте меня, я не стану ни во что мѣшаться.

— Да чтожь мнѣ самой входить во все это, что-ли? Неужь-то моимъ гостямъ и людямъ не пить, не ѣсть, а мнѣ каждый кусочекъ усчитывать? Не привыкла я къ этому. Такъ только то и всего? и затѣмъ то вы пришли ко мнѣ?

Нарышкинъ пожалъ плечами.

— Это не такъ пусто, какъ вамъ кажется, принцесса.

— Нѣтъ, это очень пусто: Пожалуйста меня не тревожьте—я нездорова. Придетъ Государь, скажу ему и насъ не будутъ безпокоить изъ Верховнаго Совѣта.

Нарышкинъ, съ недовольнымъ лицомъ, вышелъ, а Елисавета снова погрузилась въ свои мысли.

Изъ оконъ неслись завыванія вѣтра; мелкій дождь зарядилъ; небо—одна туча сѣрая, непроглядная. Все

Библиотека "Руниверс"

Молодая черногорка, пасущая стадо. Рис. съ натуры Валеріо, грав. Бертранъ.

Библиотека "Руниверс"

это еще больше раздражаетъ цесаревну: тоска ее давитъ, скучно, душно.

— Призовите ко мнѣ дѣвушекъ,—говоритъ она фрейлинѣ,—да сами всѣ придите, пѣсни что ли мнѣ спойте—тоска такая...

И вотъ въ ея спальню собираются дѣвушки—служанки и фрейлины.

— Спойте мнѣ что нибудь, спойте, да веселое. потягиваясь говоритъ Елисавета.

Онѣ запѣваютъ пѣсню, но выходитъ не весело—старая, знакомая пѣсня, напѣвъ такой тоскливый. Откуда взять иного—нѣту.

— Перестаньте, замолчите, со слезами въ голосѣ останавливаетъ ихъ цесаревна,—лучше разскажите что нибудь, какія новости?

„Новостей нѣтъ особенныхъ — все тоже. Толкуютъ дѣвушки, что князь Долгорукій, Иванъ Алексѣевичъ, все больше и больше безчинствуетъ. Вишь теперь въ домъ къ Шереметевымъ повадился, видно съ пути сбить хочется ему молодую графиню".

— Слышала ужь я это, тоскливо отзывается Елисавета. Много про него болтаютъ, а разобрать хорошенько, такъ не мало и вракъ окажется. Про меня еще пуще того болтаютъ. Ахъ! тошно мнѣ, тошно! мечется на своей постели красавица. Оставьте меня, уйдите, позовите ко мнѣ Аринушку.

Дѣвушки выходятъ и на мѣсто ихъ появляется старая старуха. Совсѣмъ ужь въ землю она смотритъ; отъ лѣтъ спина дугой согнулась; лице—что яблоко печеное; во рту ни одного зуба; изъ подъ кички рѣдкіе, сѣдые волосы выглядываютъ. Постукивая палочкой подходитъ она къ постели цесаревны и низко кланяется.

— Государыня моя матушка, пресвѣтлая моя царевна, что прикажешь? Зачѣмъ звать изволила?

— Присядь-ка ты сюда, Аринушка, ласково говоритъ ей Елисавета. Скучно мнѣ нынче—тоска беретъ меня. Думала дѣвки пѣснями развеселятъ, а онѣ еще пуще скуку нагнали. Такъ хоть ты, нянька старая, придумай мнѣ забаву какую, чѣмъ хочешь развлеки меня.

— Ахъ ты моя сердечная, шамкаетъ старуха, безпрестанно какъ бы жуя что то беззубымъ ртомъ,—свѣтикъ ты мой ясный, чѣмъ я тебя забавлю? Была ты махонькая, такъ сказки тебѣ сказывала...

— Ну вотъ и теперь разскажи, нянька, сказку, хоть дѣтство вспомню счастливое.

И старая Аринушка заученымъ монотоннымъ голосомъ начинаетъ свою сказку. И начинаетъ она ее все съ того же, что дескать за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ жилъ былъ царь съ царицей, а у нихъ три сына...

Съ дѣтства знакома цесаревнѣ эта сказка, ничего, кажись, нѣтъ въ ней занятнаго, а только съ каждымъ ея словомъ, теперь ей дѣтство вспоминается—совсѣмъ другое время, жизнь другая—и отрадно все это вспомнить Елисаветѣ, и жадно слушаетъ она старую няньку. Вотъ повернулась на своей постели, поближе къ разскащицѣ, подперла рукой голову и глазъ не спускаетъ со стараго лица, и у самой глаза загораются, а на губахъ мелькаетъ совсѣмъ дѣтская, ясная, беззаботная улыбка. Но сказка кончена, обаяніе милыхъ воспоминаній исчезло: опять тоска и скука. А тутъ нянька еще подгадила: напомнила милую сестру покойницу, разревѣлась старуха, а съ нею вмѣстѣ плачетъ, рыдаетъ и не можетъ удержаться и царевна. Вотъ и старуха ушла и опять никого нѣту.....

Фрейлина докладываетъ что Александръ Борисычъ пришелъ справиться о здоровьѣ принцессы.

— Онъ здѣсь? оживилась Елисавета.

— Здѣсь, рядомъ.

— Позови его Ну что жь, думаетъ Елисавета, вѣдь все равно, Богъ знаетъ что ужь говорятъ, ну пусть скажутъ: въ постели принимаю и Нарышкина, и его и всѣхъ, пусть говорятъ, мнѣ то какое дѣло...

А Бутурлинъ ужь вошелъ.

— Сюда, поближе! шепнула цесаревна, протягивая ему свою прекрасную руку. Вотъ какъ я непристойно веду себя, Александръ Борисычъ,—молодыхъ людей нынче въ постели принимаю—явно, у всѣхъ на глазахъ.

— Да зачѣмъ же, я уйду... Въ самомъ дѣлѣ не слѣдъ пищу злымъ языкамъ давать.

— Ахъ что ты это, что ты, и ты туда же! Да мнѣ то, говорю, какое дѣло, вѣдь не стану я другая отъ этого. Какова есть такою и останусь. Совсѣмъ я разбита съ дороги, силъ нѣтъ одѣться, а тоска такая что рада приходу твоему, какъ солнцу небесному. Совсѣмъ меня забижать стали, другъ мой сердечный!..

И она смигнула слезы.

— Вотъ узнала что тѣло сестрицы привезутъ скоро, вся душа разрывается. Вспомни, голубчикъ, еще недавно, какія веселыя письма получала. Не ждала я, не гадала, что случится такое....

Бутурлинъ спѣшилъ ее всячески успокоить, какъ нибудь отогнать отъ печальнаго предмета ея мысли, но это было ему не по силамъ.

— Вѣдь вотъ у другихъ, говорила она, близкій человѣкъ одинъ умираетъ, такъ другіе близкіе люди, другіе друзья остаются, а вѣдь у меня нѣтъ друзей—кто мнѣ теперь послѣ сестрицы остался! Ты что ли, Александръ Борисычъ, такъ вѣдь и тебя, пожалуй, черезъ меня, сживутъ со свѣта, ушлютъ куда нибудь.

— Ну, это еще посмотримъ, еще не очень то дадимся, стараясь весело улыбаться, проговорилъ Бутурлинъ. Ужь я то, царевна, не сгибну съ глазъ твоихъ, кажись съ того свѣта—свисни ты только—и какъ листъ передъ травой явлюсь я передъ тобою.

— Ну, хорошо, хорошо, улыбалась Елисавета. Я такъ и знать буду, помни.

Такимъ образомъ долго они бесѣдовали и мало по малу стихала тоска красавицы, и мало по малу прежняя радостная улыбка разливалась по лицу ея, и не думала она о томъ, что не подобаетъ царевнѣ жить такъ просто, что глаза острые, языки длинные со всѣхъ сторонъ слѣдятъ за нею и далеко разносятъ молву недобрую. Лишь бы зла въ сердцѣ не было, лишь бы людямъ несчастья не желала, а другое что проститъ Богъ милостивый.

XII.

Погода разгулялась, дожди прошли и высушило солнце сырую землю. Весело выѣхалъ Императоръ на охоту. Только на этотъ разъ въ его свитѣ не было княжны Долгорукой Катюши. Простудилась она, видно: ночью, жаръ у ней былъ, ну и оставили ее дома. А уѣхали всѣ—Катюшѣ вдругъ лучше стало. Можетъ и болѣзнь то вся была только хитрость дѣвичья. Ужь очень не любитъ она этихъ выѣздовъ, а особенно когда въ свитѣ царской нѣтъ молодого графа Милезимо. А на этотъ разъ что его нѣту—про то навѣрно знаетъ княжна.

Часъ уже шестой въ исходѣ. Солнцѣ къ западу склоняется. Скучно одной въ комнатахъ Катеринѣ Алексѣевнѣ; вотъ накинула она атласную, на легонькой ватѣ стеганную куцавейку и сошла въ садъ. Тихо бредетъ по дорожкѣ: на пескѣ, не совсѣмъ еще высохшемъ отъ дождя вчерашняго, остаются слѣды маленькихъ ножекъ. Садъ порѣдѣлъ: иныя деревья совсѣмъ осыпались, другія стоятъ желтыя, третьи—ярко-красныя, какъ огонь горятъ на солнцѣ. Листьевъ опавшихъ видимо не видимо: покрыты ими дорожки. Спускается княжна съ пригорка, подходитъ къ садовой оградѣ, а у ограды садовой ужь кто то ее поджидаетъ. „Онъ, это онъ!" радостно говоритъ себѣ княжна и съ румянцемъ, ярко на щекахъ вспыхнувшимъ, осматривается она во всѣ сто-

Библиотека "Руниверс"

роны... никого нѣтъ—домъ далеко, хоть и порѣдѣли деревья а все же даже не видать его за ними. Всѣ уѣхали: и батюшка и матушка, сестра и братья—некому подсмотрѣть—и княжна машетъ рукою молодому человѣку, стоящему за оградой. „Перелѣзай, молъ, никто не увидитъ.“ Онъ только и ждалъ этого и во мгновеніе ока вскочилъ на рѣшотку и былъ передъ княжною.

Что жь это, княжна Катюша? давно ли она была маленькой дѣвочкой и о дѣтскихъ забавахъ только думала, а вотъ теперь. инъ какое дѣло дѣлаетъ, родныхъ всѣхъ обманула: больною сказалась, красивому юношѣ свиданье назначила.

Вотъ она протянула ему обѣ руки, вотъ онъ ее нѣжно обнялъ, а она не противится, сама его поцѣловала. Ужь очень хорошъ онъ, милъ ей—какъ для другихъ не знаетъ, а для нее на всемъ свѣтѣ нѣтъ милѣе человѣка. И видно что больно молода княжна Катюша, будь постарше она, такъ пожалуй онъ ей бы не понравился: какъ съ картинки сорвался молодой графъ Милезимо. Росту небольшаго, худенькій да тоненькій, черты лица мелкія, усы въ струнку выведены, волосы темные, мелкими кольцами завиваются, самъ онъ почти мальчикъ. Не видно въ глазахъ его мысли строгой, серьезной, ума яснаго, но зато нѣжно такъ и умильно, съ дѣтскимъ счастьемъ улыбается онъ Катюшѣ. Вотъ идутъ они рядомъ въ дальнюю аллею и садятся на скамеечку, говорятъ безъ умолку, а что говорятъ и сами не знаютъ: смѣхъ безпричинный, невѣдомо откуда приходящая радость.

— Какая же ты смѣлая, какая же ты умная, княжна моя милая, говоритъ Милезимо; думалъ я, ни за что того не будетъ, не приденъ ты.

— Мало ты меня знаешь, мой миленькій, смѣется и гладитъ его по сердцу своими глазами княжна Катерина: ужь если сказала я что нибудь, то ужь и сдѣлаю, такой мой характеръ.

Но вдругъ она что-то вспомнила, видно грустное, и затуманились ясные глаза ея.

— Вотъ мы смѣемся тутъ и радуемся и любо намъ и весело, а вѣдь плохія дѣла наши, мой милый: совсѣмъ житья мнѣ нѣтъ дома, и подслушала я третьяго дня, что точно во что бы то ни стало, задумали выдать меня за Государя.

Милезимо поблѣднѣлъ и испуганно взглянулъ на нее.

— Да, что жь это такое, такъ значитъ тебя насильно выдавать будутъ, вѣдь у васъ, въ Россіи, это сплошь бываетъ. Какъ же я то останусь?!...

— Авось Богъ милостивъ, и потомъ... потомъ есть одно средство: коли ты очень любишь меня, какъ говорилъ мнѣ, такъ все сладится.

— Какъ же, какъ же, научи меня!

— Вотъ, усмѣхнулась княжна, всему я тебя должна учить, самъ ничего ты не придумаешь. Ну скажи, скажи, какъ тамъ у васъ дѣлается, въ землѣ вашей, если дѣвушку родные не хотятъ выдать за того, кого она любитъ? Неужто жь тѣмъ все и кончается, что расходятся они въ разныя стороны... ну, а коли такъ у васъ, такъ у насъ другое—у насъ, если человѣкъ точно крѣпко любитъ, если онъ храбрый и смѣлый, такъ онъ безъ родительскаго согласія увозитъ свою невѣсту, а она идетъ за нимъ. Потомъ какъ обвѣнчаются, тогда ужь дѣлать нечего, поневолѣ простятъ родные, а коль не простятъ, такъ она и родныхъ забудетъ, съ милымъ другомъ убѣжитъ хоть на край свѣта.

— Вотъ ты какая, вотъ ты что придумала, радовался Милезимо, цѣлуя ея руку,—вѣдь и я объ этомъ думалъ, да боялся сказать тебѣ— не зналъ какъ ты взглянешь. Да нѣтъ, видно ты точно смѣлая, видно очень меня любишь, не обманула.

— Господи, къ чему же мнѣ тебя обманывать, не любила бы тебя, такъ можетъ теперь же ужь стала царской невѣстой.

— Такъ значитъ согласна, значитъ и убѣжишь со мною?

— Да, да, сказала разъ, такъ назадъ не пойду.

— Только какъ же мы это сдѣлаемъ, задумался Милезимо. Охъ трудно, ужь и не знаю какъ это будетъ. Вѣдь этакая обида, что сродни мнѣ Вратиславъ: такую они исторію поднимутъ... да и твои тоже, пожалуй и убѣжать то не дадутъ намъ, мигомъ догонятъ.

— Конечно трудно, что и говорить, замѣтила княжна, да знаешь ли ты, есть у насъ одна пословица такая: „Волка бояться, такъ въ лѣсъ не ходить.“ Ну вотъ ты и помни, и помни, заруби у себя на носу.

И она своимъ тоненькимъ, розовымъ пальчикомъ ударила по носу графа Милезимо. Онъ завладѣлъ этимъ пальчикомъ и сталъ цѣловать его.

— Ну да вѣдь не сейчасъ это, снова заговорила Катюша. Еще что то будетъ, можетъ и такъ обойдется. Авось женится царь на комъ нибудь, вѣдь не нравлюсь я ему, вотъ счастье то!

Милезимо счелъ своимъ долгомъ заявить о томъ, что у Государя весьма плохой вкусъ. Но княжна не обратила никакого вниманія на это замѣчаніе. Она стала распрашивать молодого человѣка о томъ, какъ имъ жить придется. Онъ спѣшилъ удовлетворить ея желанье и не замѣчали они какъ шло время. Вотъ ужь пора вернуться домой княжнѣ Катеринѣ, не то ее искать станутъ, а пріѣдутъ домой отецъ съ матерью такъ донесутъ имъ, что сказалась она больною, а сама весь вечеръ гуляла по сырости. Дѣлать нечего, простилась она со своимъ красавчикомъ. Онъ также быстро, также ловко перелѣзъ черезъ заборъ, а она тихонько пошла къ дому, какъ будто ни въ чемъ не бывало, оглядывалась по сторонамъ, прислушивалась: все тихо, пусто, никого нѣтъ, никто не подглядѣлъ ихъ, не подслушалъ. А дома ее дожидалась графиня Шереметева.

— Что это, Катюша, сказала она ей, сказали мнѣ что ты больна, въ постели, а тебя и дома нѣтъ, гуляешь по саду. Весь садъ я обѣжала, искала тебя, гдѣ ты пропадала?

— Какъ, ты была въ саду? невольно покраснѣвъ спросила княжна.

— Да, была въ саду, что жь ты покраснѣла, что это значитъ?

— Ничего, право ничего, я только удивляюсь, какъ это мы не встрѣтились.

— Нѣтъ, тутъ есть что то такое. Катюша, не отвертывайся, разскажи мнѣ все скорѣе.

Но Катерина Алексѣевна стала увѣрять, что ничего ровно нѣту. Она ни за что не повѣдаетъ никому своей тайны. Она проклинала себя за свой глупый вопросъ и съ ужасомъ думала, что вотъ пожалуй Наталья Борисовна какъ нибудь проговорится при братѣ, станутъ слѣдить за нею и плохо тогда будетъ.

— Наташа, какъ тебѣ не стыдно право, что ты такое подумала, даже въ краску вогнала меня. Вѣдь вотъ этакъ при комъ изъ нашихъ, да при братѣ еще Иванѣ скажешь что, такъ мнѣ проходу не будетъ.

— Съ какой стати я стану говорить кому нибудь? слово даю тебѣ, ничего ни скажу.

— Будь другъ, пожалуйста—я и такъ не знаю, куда дѣваться отъ брата.

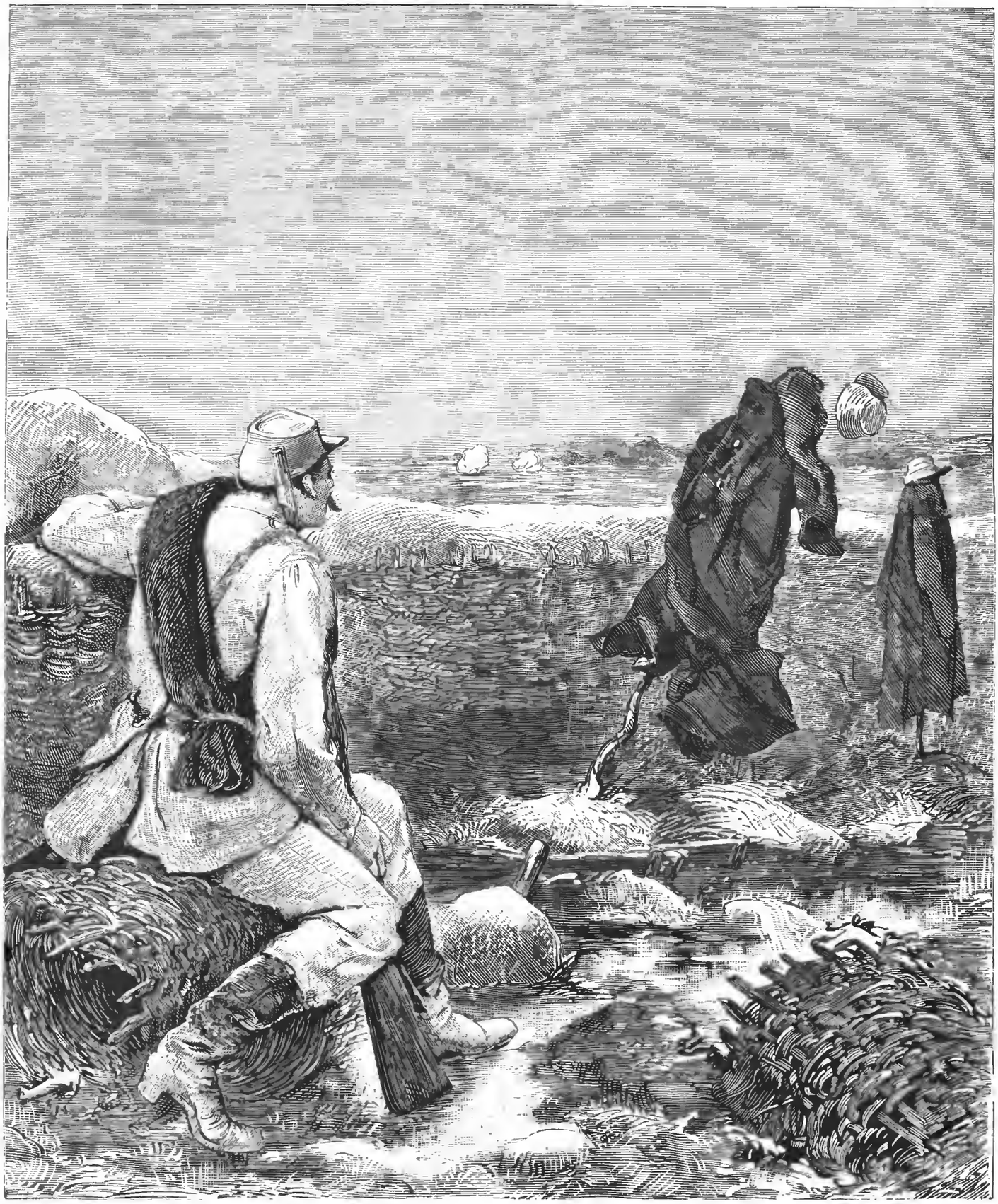
Наталья Борисовна вспыхнула и быстро сказала:

— Что это вы всѣ его такъ не любите, что въ немъ дурнаго?

Княжна Катерина презрительно улыбнулась.

— Видно мало ты его знаешь, коли спрашиваешь. Да и не дай Богъ тебѣ знать его Такого человѣка я и не видала никогда. какъ братъ мой Иванъ. Теперь знаешь ты, чѣмъ они всѣ заняты, а онъ пуще всѣхъ: хотятъ уговорить Государя, чтобъ онъ на мнѣ женился, меня хотятъ силой выдать. А самъ Иванъ о принцессѣ Елисаветѣ подумываетъ.

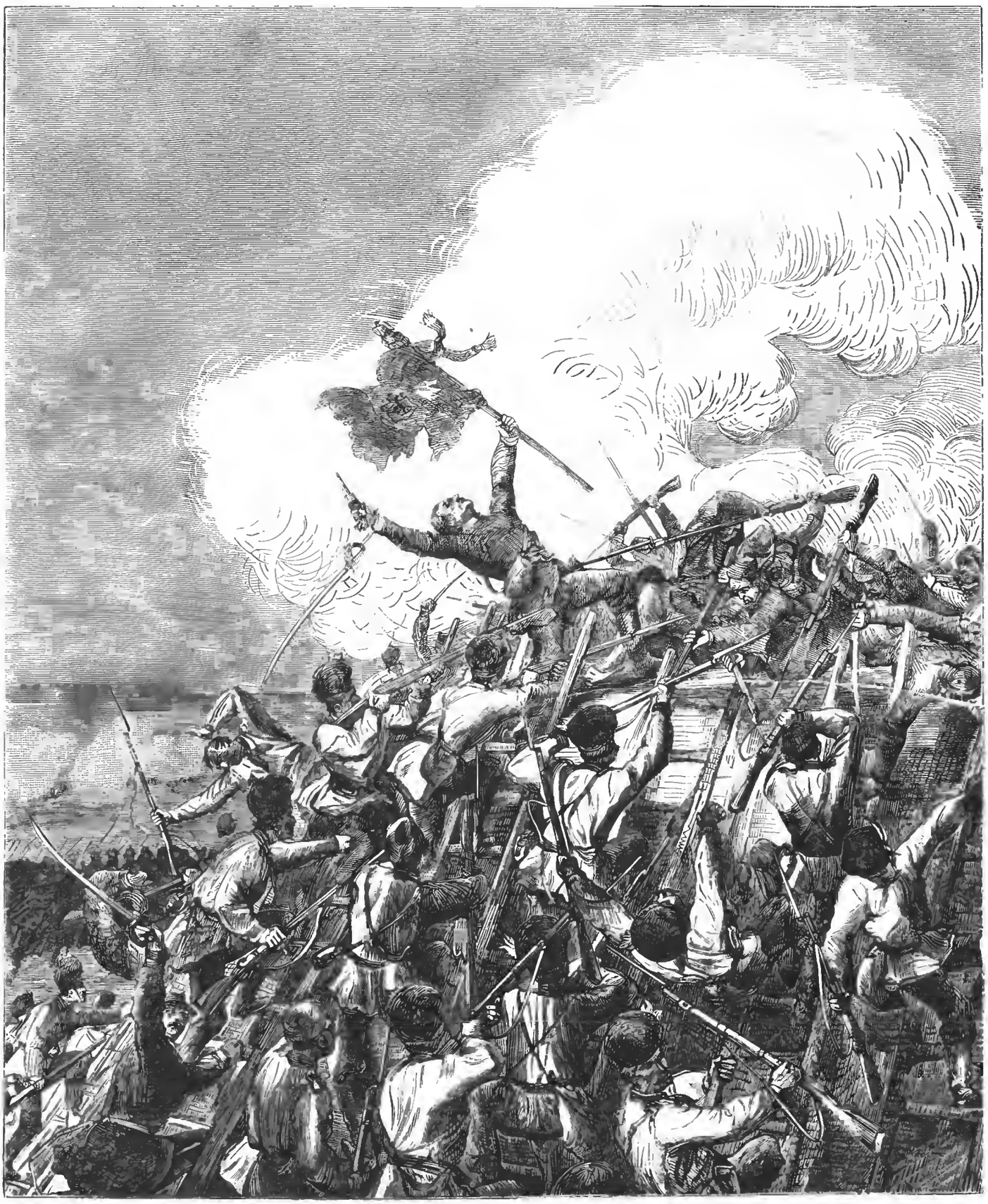
Библиотека "Руниверс"



Шутки на войнѣ. Выставка фальшивой цѣли для непріятеля.

По рис. К. Д. въ „Illustration“, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"



Послѣдній моментъ предъ взятіемъ Гривицкаго редута (при Плевнѣ) румынскими и русскими войсками.

По рис. С., въ „Illustr. Zeitg", грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ, это не правда, это не правда, то блѣднѣя, то краснѣя, вдругъ даже встала со своего мѣста Наталья Борисовна.

— Правда, коли я говорю тебѣ. Не стану лгать, давно ужь своими ушами все слышала.

— Отъ кого слышала, говори, отъ кого?

— Да отъ него же, отъ самаго: передъ отцомъ и дядей похвалялся, что будетъ мужемъ царевны.

Наталья Борисовна хотѣла сказать что то, но языкъ ея не послушался, она поблѣднѣла какъ смерть и пошатнувшись опустилась въ кресла.

Катюша такъ была занята своими мыслями, и негодованіемъ противъ брата, что ничего не замѣтила.

(Продолженіе будетъ).

Война и миръ.

(По поводу двухъ картинъ художника Ронделя).

Художникъ помѣщенныхъ въ этомъ номерѣ двухъ превосходныхъ рисунковъ изъ жизни птицъ, избралъ для выраженія своей идеи двѣ сцены именно изъ этой жизни. Почему именно изъ этой, а не изъ другой какой либо? На вопросъ этотъ отвѣтъ прямой—все равно. Художникъ видимо хорошо знакомъ съ бытомъ пернатаго царства, и задача, задуманная имъ исполнена безукоризненно. Возьметъ другой эту же задачу и примѣнитъ ее къ быту звѣрей—и снова идея получитъ въ картинѣ вѣрное выраженіе. Если примѣнить идею картины къ быту „царя природы", т. е. человѣка, то въ этомъ послѣднемъ случаѣ картина будетъ еще правдивѣе.

Война и миръ, довольство и нужда, скорбь и веселье и т. д. и т. д.—всѣ противоположности идутъ одна за другою, чередуются, сталкиваются, борются—и въ этомъ жизнь, ея тайна, ея непонятный для насъ смыслъ!

На рисункахъ, служащихъ предметомъ этихъ строкъ, представлены между прочимъ крыши зданій, указывающія, гдѣ именно помѣщаются гнѣзда птицъ. Но эти крыши, кромѣ такого указанія, даютъ просторъ мысли зрителя, наводятъ его на сравненія этой жизни птицъ съ жизнью тѣхъ другихъ существъ, на жилищахъ которыхъ онѣ пріютились. Подъ ними оказывается большой многолюдный городъ.

Велико населеніе этого города и гнѣздится оно, начиная съ нижнихъ подвальныхъ этажей, до самыхъ крышъ высокихъ многоэтажныхъ домовъ. Конечно, много въ этомъ городѣ богатыхъ, а еще болѣе бѣдныхъ людей, много веселья, но еще болѣе горя. Такъ ужь міръ Божій устроенъ, что въ немъ неравномѣрно распредѣлены блага и скорби, радости и печали...

Но круговоротъ жизни, не смотря на эту кажущуюся неравномѣрность распредѣленія между людьми радости и горя, счастія и несчастія, идетъ своимъ чередомъ, и какъ бы высоко ни поднялись мы мысленнымъ окомъ, силясь заглянуть въ тайны этого распредѣленія—мы ничего не увидимъ.

Тѣмъ не менѣе, по свойству нашей духовной природы, человѣкъ не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ среди окружающей его жизни. Самъ наблюдаемый и изучаемый другими себѣ подобными, онъ наблюдаетъ въ свою очередь окружающую его жизнь. Онъ не можетъ не сознавать всю тщету усилій постигнуть сущность и назначеніе этой жизни, но не смотря на такое сознаніе, все таки идетъ дальше и дальше въ своихъ изслѣдованіяхъ, и чѣмъ дальше онъ уходитъ, тѣмъ больше видитъ впереди неизвѣстнаго, непонятнаго, и тѣмъ сильнѣе въ немъ страстное стремленіе къ знанію.

Таковы свойства духовной природы человѣка, въ лучшихъ его представителяхъ.

Въ этомъ же шумномъ городѣ, среди населенія его, размѣщающагося съ нижнихъ подвальныхъ этажей домовъ до крышъ ихъ, есть еще и другая жизнь. Она кипитъ и бьетъ ключемъ, точно также съ нижняго этажа до верхняго. И нѣтъ силъ у человѣка для того, чтобы уловить и прослѣдить эти различныя проявленія жизни, во всемъ ихъ безконечномъ разнообразіи. И самъ онъ среди этой жизни, занимая въ ней хотя и первенствующее мѣсто, составляетъ все таки лишь одно ея звено и конечно не можетъ выдѣлять себя какъ исключеніе изъ общей цѣпи творенія. Среди этого самаго мелкаго міра жизни, даже неуловимаго для простого глаза наблюдателя, точно также идетъ вѣчная борьба различныхъ началъ, и здѣсь война и миръ, скорбь и радость, довольство и голодъ и т. д. и т. д.

Непостижимое, подавляющее своимъ разнообразіемъ величіе вселенной въ ея необъятныхъ пространствахъ и массахъ міровъ, не менѣе непостижимо и здѣсь, не менѣе подавляетъ воображеніе необъятнымъ обиліемъ жизни, ключемъ бьющей вездѣ, куда бы мы ни направили свой взоръ.

Предъ нами крыша дома, гдѣ-то между сѣноваломъ и чердакомъ. На этой крышѣ, пользуясь уютностью мѣста, пріютилось мирное семейство самыхъ мирныхъ птицъ—голубей. Посмотримъ на ихъ жизнь.

Ясный день. Воздухъ прозраченъ и теплъ. Нѣтъ ни вѣтра, ни дождя. Сидитъ голубка среди своихъ птенцовъ, ласково воркуетъ она, довольная своимъ положеніемъ... И кто знаетъ, какія мысли доступны этому классу творенія! Кто слышалъ ихъ языкъ? Быть можетъ и они, подобно намъ, людямъ, одарены способностью также чувствовать и понимать. Вотъ въ прозрачной синевѣ неба показалась вдали темная точка, она ростетъ, ростетъ, приближается—и голубка видитъ своего друга, съ которымъ она вмѣстѣ взростила и воспитываетъ своихъ дѣтенышей. Онъ прилетѣлъ, тихо опустился на гнѣздо, и воркуютъ они оба, наслаждаясь своимъ счастьемъ.

Кто знаетъ, быть можетъ, прилетѣвшій другъ передаетъ о томъ, гдѣ онъ былъ, что видѣлъ и какъ ему все удавалось сегодня. Сидятъ они вмѣстѣ, любуются своими дѣтенышами и опять таки, кто можетъ разрѣшить, какія мысли ихъ занимаютъ и мыслятъ ли они, наконецъ?

Но не вѣченъ миръ, какъ не вѣчна и война, жизнь идетъ своимъ порядкомъ и чередуются въ ней между собою различныя противоположности.

Предъ нами другая картина изъ жизни того же царства пернатыхъ и изъ жизни, быть можетъ, той же четы, которою мы только что любовались въ рисункѣ талантливаго художника.

Но какая разница между тою, полною мира и тишины жизнью, и этой полной гнѣва и ненависти! Гдѣ та привязанность къ своимъ птенцамъ, гдѣ тотъ заботливый уходъ за ними, еще скрытыми въ скорлупѣ? Налетѣла гроза и на время все охватила собою. Падаетъ съ кровли разбившееся яйцо, и та самая нѣжная мать, которая до настоящей минуты его берегла, не замѣчаетъ теперь своего несчастья, охваченная гнѣвомъ на своего недавняго друга. Но откуда же беретъ начало этотъ гнѣвъ?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить только вопросомъ же: изъ-за чего часто возникаютъ ссоры между людьми?

Несомнѣнно и въ царствѣ пернатыхъ и во всѣхъ другихъ царствахъ природы всякому проявленію душевныхъ движеній есть и свои причины, имѣющія начало въ ихъ природѣ, наслѣдственности, воспитаніи и различныхъ (весьма, понятно, сложныхъ) обстоятельствахъ окружающей ихъ жизни.

Возьмемъ для сравненія картинку изъ купеческой жизни.

Счастливое семейство сидитъ за чайнымъ столомъ. Миръ и тишина. Въ переднемъ углу теплится лампада и свѣтъ ея играетъ и переливается въ дорогихъ каменьяхъ золоченыхъ ризъ. На стѣнахъ портреты митрополитовъ и архіереевъ, два генерала съ золоченными эполетами и взрывъ турецкаго монитора, раскрашенный самыми яркими цвѣтами.

За столомъ сидитъ почтенный глава семьи, купецъ, толстенькій, приглаженный и прилизанный. Онъ въ черномъ сюртукѣ и съ медалью на шеѣ. Собрался въ гости къ имянинику и вотъ „на дорожку" стаканчикомъ чайку забавляется.

— Благодать у насъ, говоритъ онъ своей супругѣ, видимо тоже совершенно довольной своимъ положеніемъ.

— Слава Богу, Петръ Петровичъ, грѣхъ пожаловаться! отвѣчаетъ она со вздохомъ, взглядывая на образа.

— Тихо, мирно! Самое лучшее дѣло! продолжаетъ мужъ и тоже взглядываетъ на образъ.

— Такъ-то дай Богъ всякому! вздыхая подсказываетъ онъ. А гдѣ ребятки-то наши, чтой-то не слыхать...

— Да ужь я уложила ихъ.

— Эхъ.. поцѣловать бы... На счастье, можетъ, сяду перекинутся въ картишки..

— Не тронь, Петръ Петровичъ,—упрашиваетъ жена: поѣзжай съ Богомъ такъ... Да пожалуйста... Ради Христа...

Жена что-то шепчетъ ему тревожнымъ шопотомъ, чего-то, должно быть побаивается по случаю имянинъ. Мужъ немного хмурится, недовольный чѣмъ-то, но старается успокоить жену.

— Ну что ты! что ты! Вотъ выдумала!.. Сказано, никогда больше не буду, то есть ни-ни! Чай помню свое слово..

— У насъ ужь съ тобой трое дѣтей.. Десять лѣтъ живемъ вмѣстѣ... Пора бы ужь успокоиться.

Онъ рѣшительно машетъ рукой, подтверждая этимъ взмахомъ, что „никогда"—и уѣзжаетъ.

Жена, оставшись одна, еще нѣсколько времени стоитъ въ раздумьи среди комнаты и смотритъ, то на генераловъ, гнѣвно, какъ кажется ей, поводящихъ усами, то на взрывъ монитора, въ пламени котораго турки летятъ кверху ногами, широко раскинувъ руки.

— Господи! вздыхаетъ жена и вмѣстѣ съ этимъ вздохомъ взглядъ ея переходитъ къ образу: дай ты ему крѣпости душевной! Дай ты ему силы... разума! Помоги ему, Господи!

Она неслышно подходитъ по мягкимъ коврамъ къ другой комнатѣ, заботливо заглядываетъ въ нее, и спокойная за тихій сонъ дѣтей, отдается своимъ хозяйственнымъ занятіямъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ комнатѣ тихо, лампа льетъ мягкій свѣтъ на бархатную скатерть круглаго стола, стоящаго посреди комнаты. Слышно какъ столовые часы отбиваютъ ударъ за ударомъ.

Сидитъ хозяйка въ мягкомъ креслѣ, что-то шьетъ, потомъ что-то читаетъ. Она поджидаетъ возвращенія мужа и не рѣшается лечь спать, не дождавшись его; читая, она заснула, охваченная миромъ и тишиной окружающей ее обстановки. Быть можетъ и сонъ ея былъ такой же мирный и тихій, какъ и дѣйствительность, среди которой она находилась.

Но каково было ея пробужденіе!

Она вскочила съ кресла, испуганная порывистымъ звонкомъ, не успѣла еще прійдти въ себя и опомниться, какъ раздался другой звонокъ... третій...

— Эй! отпирай!.. Кто тамъ... Чортъ васъ побери ..

— Господи! Что это съ нимъ, думаетъ жена, въ переполохѣ бросаясь къ двери и сталкиваясь въ прихожей съ горничной и съ мужемъ.

Мужъ ворвался въ двери, оттолкнулъ горничную и бросился къ женѣ

— Такъ вотъ ты, сударыня, ка—акъ! Набросился онъ на нее .. Такъ во—отъ ка—а—къ!...

Голова его была всклокочена, глаза налились кровью, медаль сбилась вмѣстѣ съ галстукомъ въ сторону...

— Не ты-ли меня увѣряла—а! И что-жь теперь... Ахъ! я несчастный!.. Измѣнщица!.

— Успокойся, ради Бога, успокойся! что съ тобой!..

Жена въ слезахъ бросается къ нему—упрашивая его успокоиться и разсказать обстоятельнѣе причину его гнѣва... Но онъ слышать ничего не хочетъ, „какъ говорится, рветъ и мечетъ“ во всѣ стороны.

— Измѣнщица! Измѣнщица!... Мнѣ теперича все разсказано и доказано какъ на ладони.

— Что тебѣ разсказано, что тебѣ доказано? Скажи ты мнѣ сначала толкомъ... Не бѣсись...

— Знать ничего не хочу...

Шумъ, гамъ, стулья летятъ въ разныя стороны, картина „взрывъ монитора“ сбрасывается со стѣны... Дѣти плачутъ, жена плачетъ и самъ „глава дома“ обезсилѣвшій, наконецъ, отъ своего гнѣва, брани и упрековъ, падаетъ въ изнеможеніи на стулъ и начинаетъ рыдать горькими слезами.

Гдѣ покой, гдѣ миръ и тишина?

— Да скажи ты мнѣ толкомъ... Ну что рюмишь-то, пристаетъ жена, стараясь удержать свои слезы.

Онъ въ отчаяніи машетъ рукой, какъ бы говоря: что ужь разсказывать—горю не поможешь...

Однако спустя пять-шесть минутъ „глава дома“ не удерживается отъ разсказа подробностей о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ вспыхнуло въ немъ яркимъ пламенемъ подозрѣніе на счетъ невѣрности его жены.

Несчастный страдалъ ревностью—и она отравляла все спокойствіе его и его семьи.

Спустя нѣкоторое время, онъ уже плакалъ другими слезами: онъ уже просилъ у жены прощенія въ томъ, что обидѣлъ ее... въ тысячу первый разъ.

Но опустимъ завѣсу—тяжело видѣть такія картины.

Между тѣмъ они есть, ихъ много, нѣтъ числа имъ и разница между ними только та, что въ одномъ случаѣ причины, вызывающія ихъ, однѣ, въ другомъ—другія, далѣе третьи и такъ до безконечности...

Д. Стахѣевъ.

Къ рисункамъ.

Болгаринъ, продавецъ фруктовъ.

Рисунокъ относится къ очень недавнему времени, именно къ послѣднимъ недѣлямъ только что прошедшаго лѣта, быть можетъ, частью захватываетъ даже нѣсколько дней и настоящаго осенняго времени. Можетъ быть и теперь еще, пользуясь теплыми деньками, ходятъ по занятымъ русскими войсками городамъ и мѣстечкамъ Болгаріи продавцы фруктъ, болгары, и покрикиваютъ о своемъ товарѣ.

Впрочемъ, едва ли они кричатъ такъ громко. какъ наши петербургскіе продавцы „ходебщики“; думаемъ, что такихъ горластыхъ тамъ мало У насъ это ужь вошло въ привычку и голоса ходебщиковъ, такъ сказать, развиваются чуть ли не съ дѣтскихъ лѣтъ. Иной мальчуганъ лѣтъ восьми закатываетъ цѣлый день и во весь духъ: „Сливки хоро-о-оши!“, да вѣдь такъ звонко, что повстрѣчавшись съ нимъ на тратуарѣ, невольно сторонишься.

Болгары, продавцы фруктъ, не такъ голосисты и немного, полагаемъ, теперь, на театрѣ войны, такихъ продавцевъ: немного плодовъ дали имъ въ нынѣшнее лѣто сады, да и уцѣлѣли ли они. Быть можетъ отъ тѣхъ садовъ, въ которыхъ зрѣли эти фрукты, теперь уже и слѣда не осталось!

Страшное, ужасное время..

Зеленѣлъ садъ, зрѣли согрѣваемые горячими лучами солнца сочные плоды, любовался, на нихъ глядя, хозяинъ сада, ухаживалъ за деревьями, берегъ и хранилъ ихъ отъ всѣхъ непогодъ...

— Вотъ это деревцо,—думалъ, быть можетъ, онъ,—нужно будетъ окутать на зиму потеплѣе; вотъ здѣсь нужно на вѣточкѣ замазать воскомъ...

Такъ размышляя, ходилъ, быть можетъ, онъ, поглядывая то на то деревцо, то на другое... Быть можетъ, семья его была тутъ же вся около него и любовались, на нихъ глядя, тѣ, кто умѣетъ понимать истинное значеніе мира, согласія и взаимной любви...

Но что сталось теперь съ этимъ садомъ? Переломаны, перебиты ружейными выстрѣлами и выжжены огнемъ всѣ его растенія, изрыта земля ядрами, и стоитъ надъ всѣмъ этимъ только почернѣвшая отъ дыму пожара труба, уныло и мрачно торча надъ пепелищемъ сгорѣвшаго хозяйскаго дома. Гдѣ хозяинъ, гдѣ его семья, гдѣ тотъ миръ, счастье и покой, которыми, какъ самою высшею благодатью, былъ осѣненъ этотъ домъ и его обитатели? Налетѣла шайка баши-бузуковъ „и все“ разомъ рухнуло: быть можетъ тутъ же, среди этихъ развалинъ дома, между обуглившимися деревьями сада валяются звѣрски замученныя дѣти и ихъ родители...

Но на грустныя мысли навелъ насъ этотъ продавецъ фруктъ... на грустныя и, увы, такъ часто подтверждавшіяся и подтверждающіяся до сихъ поръ въ дѣйствительности...

Умилосердись, Господи!...

Черногорка, пасущая стадо.

Въ предыдущемъ № „Нивы“, помѣщая рисунокъ „Черногорка, охраняющая оружіе, при входѣ въ монастырь“, мы отложили помѣщеніе свѣдѣній о современномъ положеніи Черногоріи. Приложенный въ этомъ № „Нивы“ рисунокъ даетъ намъ удобный случай сказать, въ какомъ положеніи находятся теперь черногорцы и какъ имъ необходима помощь нашего русскаго общества. Въ настоящее время черногорцы дошли до состоянія полнаго обнищанія, въ которомъ находились прежде одни герцеговинскіе выходцы.

Безпріютные скитальцы выжженныхъ турками округовъ, голодные бродятъ теперь по горамъ. Множество дѣтей, оставшихся безъ крова и пріюта, босыя, полунагія, также блуждаютъ въ горахъ, не находя ни пищи, ни пристанища. Родители многихъ изъ нихъ или убиты на войнѣ, или умерли отъ тифа. Есть случаи вымиранія отъ лишеній и болѣзней цѣлыхъ селеній. А предстоящая зима съ вьюгами и холодомъ грозитъ прибавленіемъ новой бѣды. Прежде одѣтыя въ сукно и опанки (мѣстная обувь), въ настоящее время черногорскія женщины лишены всякой одежды, и только грязныя тряпки на груди и спинѣ прикрываютъ ихъ тѣло. Уже болѣе года, какъ въ Черногоріи не производится никакихъ посѣвовъ и никакихъ работъ по выдѣлкѣ платья и обуви. Мужчины всѣ на войнѣ, а женщины также все время не перестаютъ помогать имъ въ ихъ боевой жизни, оставивъ домашнія заботы.

Уполномоченный Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ въ Черногоріи пишетъ, что отъ смерти, *только отъ смерти*, спасаютъ несчастныхъ образованные на счетъ русскаго правительства хлѣбные запасы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, куда страдальцы стекаются за три, за четыре дня пути, по острымъ камнямъ горныхъ переваловъ, подъ палящими лучами солнца или проливнымъ дождемъ, чтобы получить мѣшокъ кукурузы. Даяніе Государыни Императрицы—25,000 р., распредѣленное между наиболѣе бѣднѣйшими семьями, также пошло на удовлетвореніе самой насущной потребности—пропитанія. Все же привезенное изъ Россіи въ прошедшемъ году холстъ, бѣлье и платье уже превратились въ лохмотья, а новыхъ присылокъ теперь болѣе нѣтъ. 100,000 бѣглецовъ изъ Герцеговины, Босніи и теперь изъ Зеты еще увеличиваютъ бѣдствіе черногорцевъ, радушно принимавшихъ ихъ ранѣе въ свои скудныя жилища. Мѣстный Цетиньскій Комитетъ рѣшительно въ затрудненіи чѣмъ прокормить и во что одѣвать несчастныхъ. Правда, что въ настоящее время часть Герцеговины освобождена и многіе бѣглецы могли бы уже возвратиться домой, но что же ихъ ждетъ тамъ? Дома ихъ разграблены и сожжены, скотъ отнятъ турками. Остались на мѣстахъ одни развалины, пепелища, да торчатъ кое-гдѣ висѣлицы...

Обращаясь къ состраданію всѣхъ имѣющихъ человѣческія чувства, всѣхъ имѣющихъ возможность хотя самую малость пожертвовать страдальцамъ, Общество попеченія о больныхъ и раненыхъ въ Черногоріи и Цетинскій Комитетъ просятъ присылать къ нимъ свои посильныя приношенія. И ни холста и сукна они просятъ, такъ какъ это требуется нашимъ войскамъ, *но стараго платья, всякаго рода поношенной одежды*, толстой простой холстины, которой въ госпитали не требуется, коленкору, самыхъ дешевыхъ бумажныхъ и шерстяныхъ тканей.

Нѣтъ сомнѣнія, что наше русское общество, чуткое къ страданіямъ ближняго, и въ числѣ его наши читатели—узнавъ о такомъ ужасномъ положеніи соплеменнаго намъ народа, отзовутся на голосъ нужды и помогутъ несчастнымъ перенесть тяжесть всѣхъ лишеній, связанныхъ съ борьбой за освобожденіе.

Библиотека "Руниверс"

Шутки на войнѣ

Шутки на войнѣ! Слова эти какъ-то страшно звучатъ: тамъ, гдѣ каждую секунду возможна смерть или тяжелое увѣчье, казалось бы не до шутокъ. Но человѣкъ свыкается и съ такимъ положеніемъ. До сихъ поръ передаютъ, что во время севастопольской обороны не только солдаты выказывали совершенное равнодушіе къ близкой опасности, но даже женщины. Такъ, напримѣръ, торговка пробралась съ яблоками къ одному изъ бомбардируемыхъ редутовъ и сидитъ себѣ около стѣны.

— Тетушка! Ты зачѣмъ здѣсь, вѣдь убьютъ!

— Да чего же, батюшка, все равно, убить, такъ и въ городѣ убьютъ, а я здѣсь, можетъ, что-нибудь господамъ офицерамъ и продамъ...

Подобныхъ сценъ извѣстно множество и изъ настоящей войны.

Помѣщенный рисунокъ указываетъ даже на нѣчто большее, чѣмъ равнодушіе. Человѣкъ заигрываетъ съ непріятелемъ, въ то время когда жизнь его каждую секунду на волоскѣ... Молится онъ мысленно въ то время, когда кругомъ свистятъ ядра и гранаты; но вотъ наступило затишье послѣ недавняго шума...

— А что, ребятки,—говорятъ солдаты,—что-то „турка" нашъ какъ будто сплоховалъ, призамолкъ?

— Усталъ, должно... Либо пропалилъ заряды, за новыми послалъ...

— Не подразнить-ли?

— Катай!...

Снаряжаютъ солдаты двѣ-три куклы, благо для одѣванья ихъ платья достаточно: убитымъ оно не нужно. Снарядили, поставили на видное мѣсто. Сами сѣли подъ прикрытіемъ и ждутъ.

Непріятель не замедлилъ отозваться выстрѣлами.

— Брысь подъ лавку! замѣчаютъ они въ отвѣтъ на пролетѣвшее мимо ядро.

Летитъ другое, третье.

— Закашлялъ, собачій сынъ... Дуй въ бѣлый свѣтъ, какъ въ копѣйку...

— Ишь раззадорился... Ну-ка, ну-ка еще... Попалъ да мимо.

Долго такъ потѣшаются солдаты, пока не наскучитъ самимъ, или пока непріятель, наконецъ, образумится, видя что одураченъ. Случается, конечно, и такъ, что выстрѣлъ, не попавшій въ куклу, сваливаетъ кого нибудь изъ засѣвшихъ подъ прикрытіемъ...

— Такое, значитъ, ему Божіе произволеніе, говорятъ солдаты объ убитомъ.

— Кому какъ... Ежели, ужь, значитъ, убитъ, то выходитъ, теперича ему такая... линія.

— Все отъ Бога!...

Поговорятъ такъ-то и утѣшатся, а потомъ, смотришь, новая пальба началась и некогда прибрать товарища...

Русскіе типы. III. Прожившійся купчикъ.
— Н-да-съ, пожили!.. Тятенька покойный поллимончика оставили... пятьсотъ, значитъ, тысящей.... Протерли мы имъ глазки-то!... Но гдѣ-бъ въ текущую минуту достать нѣкоторый кушъ... Не говорю-уже о тысящахъ, а такъ-бы, напримѣръ, хоть .. дна двугривенныхъ.
Оригинальный рисунокъ Н. Панова, грав. Рашевскій.

Подъ Плевной.

У турокъ и болгаръ есть легенда о Плевнѣ, въ силу которой она называется *„непобѣдимою"*. Это названіе остается за ней со временъ Баязета Великаго (род. въ 1347 г., умеръ въ 1403 году). Когда онъ прогналъ Болгарскаго царя и покорилъ страну, Плевна оказала ему сопротивленіе. Не смотря на энергическую осаду, осажденные защищались столь энергично, что Баязетъ не могъ взять городъ. Но не можемъ не повторить, что это все таки только легенда, а не историческая истина. Эта легенда передаетъ, что 66 лѣтъ Плевна держалась противъ всѣхъ усилій турокъ взять ее. Предводитель войскъ, запершихся въ Плевнѣ, получилъ отъ своихъ противниковъ, уважавшихъ его мужество и стойкость, титулъ гази — побѣдителя, и только при его преемникахъ Плевна хотя и перешла во власть турокъ, но все таки не вслѣдствіе ихъ мужества, а по собственной волѣ сдавшихся. Эта легенда можетъ быть совершенно не имѣетъ за собою и тѣни исторической правды, но теперь, когда Плевна представляется мѣстомъ, на которомъ приносятся ужасныя жертвы богу войны, она невольно какъ то приходитъ на мысль.

Мы уже не разъ имѣли случай говорить съ возможными подробностями о битвахъ подъ Плевной и помѣстили уже нѣсколько рисунковъ, дающихъ болѣе или менѣе точное понятіе о военныхъ дѣйствіяхъ въ этой мѣстности. Помѣщая въ настоящемъ номерѣ рисунокъ, изображающій послѣдній моментъ предъ взятіемъ румынскими и русскими войсками Гривицкаго редута, считаемъ нужнымъ указать, что подробности о взятіи этого редута были помѣщены въ предъидущемъ 42 номерѣ „Нивы".

Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что чрезъ нѣсколько времени послѣ занятія Гривицкаго редута подъ Плевной, румыны пробовали овладѣть вторымъ Гривицкимъ редутомъ, находящимся невдалекѣ отъ перваго (уже, какъ извѣстно, взятаго), но аттака ихъ была отбита, при чемъ они потеряли до 1,000 убитыми и ранеными. Мѣстонахожденіе означенныхъ редутовъ въ ряду укрѣпленій, окружающихъ Плевну, читатели могутъ видѣть изъ помѣщенной въ этомъ же номерѣ карты плевненскихъ укрѣпленій. Изъ карты этой видно, въ какой степени теперь г. Плевна окруженъ укрѣпленіями и какое значеніе въ ихъ ряду имѣетъ занятый нами первый Гривицкій редутъ.

Въ какомъ положеніи находятся наши дѣла подъ Плевной за эти послѣдніе дни, читатель можетъ видѣть изъ политическихъ и военныхъ извѣстій этого номера.

Заявленіе.

Издатель журнала „Нива" имѣетъ честь заявить, что тѣмъ изъ гг. подписчиковъ, которые подписались **только на второе полугодіе** „Нивы", преміи ея: „Тарантелла" и „Семья рыбака" (копіи съ акварелей Ф. Келлера) высланы не будутъ, какъ объ этомъ не разъ заявлялось. Подписавшіеся на второе полугодіе могутъ доплатить **3** р. за первое полугодіе и тѣмъ самымъ получить право на пріобрѣтеніе **всѣхъ №№** перваго полугодія **съ преміями.**

(Продолженіе на стр. 705, 706, 707 и 708).

Библиотека "Руниверс"

Исполинскій мостъ между Нью-Йоркомъ и Бруклиномъ.

Объ исполинскомъ мостѣ между Бруклиномъ и Нью-Иоркомъ уже говорено было въ нашемъ журналѣ (См. „Нива" 1874 г., стр. 353. Приводимъ здѣсь опять нѣкоторыя новости этой громадно-интереcной постройки. Городъ Нью-Иоркъ, какъ извѣстно раскинутъ на громадное пространство, и уже такъ сказать, поглотилъ въ себя сосѣдніе города: Гобокенъ, Джерсей-Сити, Асторію, Гринъ-Пуанъ, Вильямсбургъ и Бруклинъ. Изъ этихъ городовъ именно Бруклинъ слѣдуетъ считать однимъ изъ важнѣйшихъ предмѣстьевъ Нью-Йорка, потому что отдѣляется отъ послѣдняго тою самою частью Ист-Ривера, гдѣ кораблямъ Верхняго озера предоставляется лучшая якорная стоянка и гдѣ, собственно говоря, и находится настоящая гавань Нью-Йорка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ къ Бруклину, лежащему на самомъ Ланг-Исландѣ *), примыкаютъ различныя линіи желѣзныхъ дорогъ, прорѣзывающихъ длинный островъ по всѣмъ направленіямъ и соединяющихся съ городомъ Нью-Йоркомъ. Отъ этого пункта сообщеніе между Нью-Иоркомъ и Бруклиномъ поддерживается множествомъ пароходовъ и эти пароходы каждую четверть часа отправляются отсюда въ 8 или 10 пунктовъ. при этомъ они то грузятъ, то выгружаютъ зафрахтованные товары, перевозимые по желѣзнымъ дорогамъ, чтобы доставить эти товары на корабли, черезъ широкій рукавъ Ист-Ривера.

Для устраненія этого неудобства перевозки товаровъ пароходами, нѣсколько предпріимчивыхъ людей основали общество на акціяхъ для постройки висячаго желѣзнодорожнаго моста чрезъ Ист-Риверъ. Двѣ башнеобразныя земляныя насыпи для этого висячаго моста будутъ въ скоромъ времени готовы. Каждая изъ этихъ насыпей имѣетъ приблизительно до 300 футовъ вышины, онѣ снабжены двумя пролетами, имѣющими стрѣльчатую форму. Колею желѣзной дороги предполагается положить нѣсколько выше, чѣмъ на 100 футовъ надъ поверхностью высшей точки морского прилива, такъ чтобы и большіе корабли могли удобно подходить подъ мостъ. Но кромѣ желѣзнодорожной колеи на мосту будутъ устроены два проѣзда для обыкновенныхъ тяжелыхъ фуръ съ кладями, а также и двѣ дороги для пѣшеходовъ. Это предпріятіе, конечно, колоссально и принадлежитъ къ числу такихъ, которыя мыслимы только у предпріимчиваго и смѣлаго американскаго народа. Разстояніе между обѣими насыпями въ длину моста или хорда его, натянутая между насыпями, простирается до 1-го километра. Сооруженіе описанныхъ нами сейчасъ башнеобразныхъ насыпей, а равно прикрѣпленіе къ той и другой изъ нихъ кабеля, долженствующаго своею упругостью выдерживать тяжесть будущаго моста—все это соединено съ невыразимыми почти трудностями, такъ что удовлетворительное разрѣшеніе настоящей проблемы устойчивости и выдержки тяжестей на устраиваемомъ мостѣ будетъ принадлежать къ тріумфамъ современнаго инженернаго искусства.

Башнеобразныя насыпи этого висячаго моста связаны между собою на время висячею дорожкою для пѣшеходовъ, устроенною изъ желѣзныхъ проволочныхъ канатовъ, какъ это можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ. Эта висячая дорожка, однакоже, назначена только для рабочихъ, занимающихся постройкою моста. Прилагаемый нами видъ висячей дорожки снятъ со стороны Бруклина, и читатель видитъ здѣсь оживленный обмѣнъ судовъ на Ист-Риверѣ, прикрѣпленія, а равно и насыпи моста на Нью-Йоркскомъ берегу. Вдали видна часть Нью-Иорка, этой американской торговой митрополіи.

Строющійся мостъ между Нью-Йоркомъ и Бруклиномъ. (Положенія работъ въ настоящее время).

*) Ланг-Исландъ—значитъ «Длинный Островъ».

Турецкіе военачальники.

Османъ-паша, командующій турецкою арміею, находящеюся въ Плевнѣ—турокъ по рожденію. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ одной изъ приготовительныхъ школъ Константинополя.

Братъ его, Гуссейнъ-эффенди, бывшій преподавателемъ арабскаго языка въ этой школѣ, выписалъ Османа изъ Токата въ Константинополь, чтобы взять его подъ свое покровительство и руководство. Затѣмъ Османъ-паша поступилъ въ военную школу и блистательно окончилъ курсъ наукъ. При началѣ Крымской кампаніи онъ поступилъ въ регулярную армію и былъ прикомандированъ къ Генеральному Штабу въ Шумлѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими школьными товарищами.

Библиотека "Руниверс"

Его неустрашимость и хладнокровіе скоро доставили ему чинъ капитана; во главѣ батальона турецкой гвардіи, онъ участвовалъ въ подавленіи возстанія на островѣ Критѣ и вернулся въ Константинополь съ эполетами полковника. Затѣмъ въ непродолжительномъ времени былъ произведенъ—въ дивизіонные генералы.

Во время войны съ Сербами ему поручено было главное начальство надъ виддинской дивизіей; особенно отличившись своей распорядительностью въ сраженіяхъ при Зайчарѣ, онъ былъ возведенъ султаномъ въ достоинство фельдмаршала.

Веденная имъ защита Плевны и упорное сопротивленіе нашимъ войскамъ, прилагающимъ всѣ мѣры къ уничтоженію его корпуса, ясно показываютъ его военное значеніе. По слухамъ онъ раненъ въ руку во время послѣднихъ битвъ подъ Плевной.

Реуфъ-паша—мало извѣстный до сихъ поръ военачальникъ. Онъ принялъ командованіе арміей, находящейся за Балканами и стоящей теперь противъ защищенныхъ русскими тамъ укрѣпленій.

Реуфъ-паша назначенъ, какъ извѣстно, на мѣсто Сулеймана-паши, принявшаго командованіе арміей Мехмета-Али, отозваннаго теперь отъ своего поста.

Вмѣстѣ съ принятіемъ командованія арміей Мехмета-Али (дѣйствующей противъ войскъ Наслѣдника Цесаревича), Сулейманъ сдѣлался сердаръ-экремомъ (главнокомандующимъ). Реуфъ-паша, принявшій послѣ него армію въ Балканахъ, до сихъ поръ еще ничѣмъ не выказалъ своей дѣятельности и ведетъ себя, какъ говорится, „тихо—мирно". За это, конечно, ему сердаръ-экрема не дадутъ, такъ какъ для полученія такого званія Сулейману требовалось уложить подъ Шипкой до 20,000 турокъ. Начальствуя войсками подъ Шипкой, Реуфъ-паша оказывается „скромнымъ дѣятелемъ", но причина этой скромности пока неизвѣстны: быть можетъ онѣ зависятъ отъ невозможности вести осенью въ Балканахъ войну.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Блокада Плевны и изолированіе Софіи отъ Плевны. состоящее въ постоянномъ отрѣзываніи Софійскаго пути отъ турецкихъ отрядовъ, идущихъ на подкрѣпленіе къ Осману-пашѣ—вотъ настоящія главнѣйшія операціи на Дунайскомъ театрѣ за прошлую недѣлю. Мы знаемъ изъ предшествовавшихъ обозрѣній, что къ западу отъ Плевны, между рѣками Искеромъ и Видомъ, находились наши кавалерійскіе отряды, съ цѣлью разъѣздовъ и пресѣченія всѣхъ пособій, идущихъ къ Осману-пашѣ. Мы уже сообщали прежде о молодецкихъ поискахъ нашихъ кавалерійскихъ отрядовъ именно въ этихъ пунктахъ.

Но на прошлой недѣлѣ случилась именно въ этомъ пунктѣ маленькая неудача, конечно, не имѣющая существеннаго значенія для нашей Плевненской блокады—именно опять прорвался къ Плевнѣ отъ Софіи турецкій отрядъ, состоящій изъ 4,000 пѣхоты съ 5-ю орудіями и 3-мя сотнями черкесовъ и аттаковалъ именно на Софійской шоссейной дорогѣ нашъ кавалерійскій отрядъ. Послѣдній отступилъ къ рѣкѣ Искеру, лежащему западнѣе Вида. Турецкій отрядъ, слѣдовательно прошелъ въ Плевну, такъ какъ отступленіемъ нашей кавалеріи къ Искеру ему была открыта свободная дорога для этого.

Засимъ, по смыслу телеграммы, турецкая аттака на нашъ отрядъ произошла одновременно и со стороны Софіи, и со стороны Плевны.

Изъ этого факта можно вывести двоякое заключеніе: или кавалерійскій отрядъ нашъ въ этомъ пунктѣ былъ слишкомъ слабъ, или же безостановочная блокада и окруженіе Плевны и постоянныя рекогносцировки на Софійскомъ пути, а равно и заграждевіе этого пункта пѣхотными частями не входятъ въ наши стратегическія соображенія.

Послѣдующія телеграммы, однако, болѣе освѣтили это дѣло. Мы знаемъ, что 12-го (24-го) октября, генералъ Гурко со ввѣреннымъ ему отрядомъ, въ которомъ находились и гвардейскія части, послѣ 10-ти-часовой отчаянной битвы взялъ сильно укрѣпленную турецкую позицію между *Горнымъ-Дубнякомъ* и *Телешемъ* и сталъ на Софійскомъ шоссе, гдѣ и усиливаетъ свою позицію новыми укрѣпленіями.

Изъ этого видно, что Софійское шоссе до блестящаго дѣла Гурко не было безусловно въ нашихъ рукахъ, но что съ этого времени дѣйствительно, *Софійское шоссе будетъ безусловно заграждено для непріятельскихъ отрядовъ, идущихъ отъ Софіи*. Въ блестящемъ дѣлѣ между Горнымъ Дубнякомъ и Телешемъ взяты нами въ плѣнъ: Ахметъ-Сази-паша съ его начальникомъ штаба, много офицеровъ, до 3,000 нижнихъ чиновъ и цѣлый кавалерійскій полкъ; захвачены 4 орудія, много ружей и патроновъ и хотя наши потери въ этомъ дѣлѣ значительны, но они искупаются громадною важностью пріобрѣтеннаго результата.

Софійская дорога теперь не имѣетъ цѣны для турокъ.

Ключъ къ ней въ нашихъ рукахъ и слѣдовательно теперь Плевна вполнѣ отрѣзывается отъ подвозовъ запасовъ и провіанта съ юго-запада.

Засимъ отъ 13-го октября съ Дунайскаго театра войны получена печальная вѣсть: въ отрядѣ Наслѣдника Цесаревича, 12-го октября, во время рекогносцировки *убитъ на-повалъ пулей въ голову* князь Сергѣй Максимиліановичъ.

Что касается Закавказскаго театра войны, то со времени славнаго дѣла 3-го октября при Авліярѣ, наши войска продолжали ежедневно захватывать остатки разбѣжавшейся армін Мухтара-паши. Въ половинѣ прошлой недѣли число плѣнныхъ возрастало уже до 289 офицеровъ и 7,000 нижнихъ чиновъ; взятыхъ орудій считалось 42. Что касается до нашихъ потерь въ дѣлѣ 3-го октября, то она суммируется теперь слѣдующимъ образомъ: *убитыхъ* 7 офицеровъ 223 нижнихъ чина; *раненыхъ* 41 офицеръ и 1,079 нижнихъ чина; контуженыхъ 8 офицеровъ и 64 нижнихъ чина. Наиболѣе пострадавшими у насъ оказываются 2 полка Кавказской гренадерской дивизіи, *Эриванскій* и *Грузинскій*, которые взяли гору Авліяръ. Что дѣлается теперь на Закавказскомъ театрѣ войны? Если вѣрить иностраннымъ телеграммамъ, то Мухтаръ-паша, послѣ пораженія успѣлъ уже занять сильную позицію близь *Іеникоя*, по сю сторону *Саганлыдага*, что Измаилъ-паша прибылъ въ Зейдеканъ, намѣреваясь достигнуть Дагана, чтобы соединиться съ Мухтаръ-пашею у *Зевина*. Если это не хвастовство тенденціозныхъ туркофильскихъ телеграммъ, то все еще нисколько не говоритъ въ пользу поправленія турецкихъ дѣлъ. Еще прежде было извѣстіе изъ Константинополя, что нѣкоторые изъ турецкихъ батальоновъ, укрывшихся изъ Аладжа-Дага, успѣли соединиться съ Мухтаръ-пашею. Несомнѣннымъ остается то, что въ прошлую недѣлю наши войска придвинулись къ Карсу, куда осадный паркъ былъ отправленъ изъ Александрополя въ началѣ прошлой недѣли. Обстрѣливаніе Карса началось снова, и на этотъ разъ результатъ его будетъ, конечно, счастливый.

Довольно давно въ нашихъ обозрѣніяхъ мы не говорили о Черногоріи, этой героической странѣ, удивившей миръ въ теченіе полуторыхъ годовъ непрерывной войны. Мы имѣли уже случай говорить о геройскихъ движеніяхъ черногорцевъ на Билекъ, Гачко, Никшичъ, Невеснье, Столачъ и о проникновеніи ихъ отрядовъ въ глубь Герцеговины, до Мостара. Ими былъ затѣмъ взятъ Дужскій проходъ (при Дужскомъ монастырѣ), наконецъ, взятіемъ крѣпости *Горанска* *) величаво-героически закончились военныя дѣйствія черногорцевъ въ Герцеговинѣ на неопредѣленное время. Крѣпость Горанско держалась долго, но наконецъ-таки сдалась, и въ этой сдачѣ играла роль не столько большая численность черногорцевъ, сколько ихъ стойкость и энергія въ выполненіи предположеннаго плана. Взятіе Горанско послѣдовало за взятіемъ Билека и Дужскаго прохода, 14-ю батальонами при 9-ти орудіяхъ. Въ славномъ Горанскомъ дѣлѣ участвовали извѣстные герои: Маша Врбица, Лазарь очица и Петръ Вукотичъ. Взятіе Горанско совершилось при наступленіи ночи, посредствомъ штурма, или *юрища*, по выраженію черногорцевъ. Въ Горанско было около 400 человѣкъ, которые и оставили крѣпость по сдачѣ.

Однакоже героическая страна, вслѣдствіе полуторагодовой борьбы крайне обѣднѣла. Черногорцы теперь, по словамъ нашего уполномоченнаго общества попечевія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, г. Васильчикова, дошли до того состоянія *полнаго обнищанія*. Вѣковой врагъ Черногоріи, Турція въ своемъ ожесточеніи не останавливается, и конечно вызоветъ изнуренныхъ бойцовъ снова на борьбу, потому что недавно турецкія войска, стоявшія на сербской границѣ, выступили въ Герцеговину, гдѣ имъ велѣно дѣйствовать противъ Черногоріи.

Франція продолжаетъ представлять громадный политическій интересъ. Отсюда идутъ слухи, что маршалъ Макъ-Магонъ, не смотря на въ высшей степени неудачный для своихъ намѣреній результаты выборовъ, все-таки намѣревается произвести во Франціи государственный переворотъ. Республиканская печать, однако, все-таки не обнаруживаетъ, по этому поводу, ни малѣйшаго замѣшательства или смущенія. «Iournal des Dèbats» органъ умѣренныхъ, приглашаетъ маршала президента очистить мѣсто «болѣе достойному» Такимъ образомъ во Франціи совершается теперь горячая и рельефно-выражающаяся борьба принциповъ, борьба между «движеніемъ впередъ" и «движеніемъ назадъ". Для Франціи теперь настало весьма знаменательное время, напоминающее всѣ движенія ея умовъ и ея прессы предъ государственными переворотами. Борьба, разумѣется, совершается теперь изъ-за личностей, но въ исторіи вѣдь и никогда не бываетъ борьбы изъ-за идей въ отвлеченной формѣ. На первомъ планѣ стоятъ личности, но каждая изъ нихъ выражаетъ свою идею, и побѣда извѣстной личности есть побѣда извѣстной идеи. Особенно рельефно это осуществляется во Франціи. Гамбетта весьма удачно

*) *Горанско* лежитъ на высокомъ плоскогоріи, или плато, ограниченномъ съ сѣверной, восточной и западной сторонъ рѣчками: *Буковицей* и *Пивой* съ притонами. Доступъ въ Горанску вообще вслѣдствіе громадныхъ отвѣсныхъ скалъ мало доступенъ или даже недоступенъ. Но для черногорцевъ нѣтъ ничего труднаго. Горы вокругъ Горанско покрыты лѣсомъ, но самое плато обнажено.

Библиотека "Руниверс"

формулировалъ будущій образъ дѣйствій маршала и продолжаетъ утверждать и теперь, что онъ долженъ ou se soumettre, ou se demettre (т. е. или подчиниться теперь уже ясно выразившейся волѣ народа или сложить съ себя власть. Извѣстный журналистъ Эмиль-де-Жирарденъ такъ тотъ представилъ маршалу другой выборъ или *произвести государственный переворотъ* (Coup détat) или *удалиться*. Маршалъ робко однимъ ухомъ выслушиваетъ совѣтъ маститаго журналиста, а въ другомъ ухѣ держитъ совѣтъ Гамбетты. Интересно дождаться, что-то выберетъ онъ.

Отъ Франціи всего естественнѣе перейдти къ Италіи, къ Риму, стоящему въ неразрывной связи съ клерикальнымъ французскимъ элементомъ. Въ Ватиканѣ ожидается тоже переворотъ, по поводу близкой смерти папы, представляющаго теперь собою живой трупъ. Близость смерти маститаго первосвященника теперь возвѣщается уже *агитаціей, поднятою въ Ватиканѣ кардиналами*. Эта агитація направлена къ тому, чтобы побудить Пія IX назначить своимъ преемникомъ кардинала Ледоховскаго. Усилія агитаціи, впрочемъ, пока разбиваются о препятствія. За симъ побѣда республиканцевъ во Франціи отразилась и во многихъ большихъ городахъ Италіи. Во многихъ изъ нихъ происходили республиканскія демонстраціи. Въ Неаполѣ и Миланѣ результаты французскихъ выборовъ послужили поводомъ къ «демонстраціямъ въ пользу будущей итальянской республики».

Вѣнская печать продолжаетъ надменно утверждать, какъ дѣлала это не разъ и прежде, что путь въ Константинополь идетъ черезъ Вѣну, другими словами: безъ воли и согласія Австріи Россія не можетъ извлечь особенно важныхъ результатовъ изъ своихъ побѣдъ надъ турками. Это изреченіе заключаетъ также и напоминаніе о своевременности нашего перемирія съ Турціей именно теперь.

Въ газетахъ пишутъ, что наше интендантство сдѣлало заказъ въ Берлинѣ огромной партіи сапоговъ, предназначенныхъ для нашей арміи, на сумму, кажется, 500.000 руб. Берлинскіе же подрядчики, будто бы, нашли выгоднымъ передать заказъ съ своей стороны варшавскимъ сапожникамъ, которые, въ свою очередь, заказали свою работу въ Россіи, въ Климрахъ и Осташковѣ, большинство жителей которыхъ занимается шитьемъ сапогъ. Фактъ чрезвычайно многорѣчивый, если допустить, что наше интендантство не руководилось какими-нибудь соображеніями, дѣлая заказъ внѣ Россіи и уплачивая за него золотомъ, т. е. на 40% болѣе чѣмъ оно заплатило бы на мѣстѣ, расплачиваясь кредитными рублями.

Не можемъ не отмѣтить между прочимъ слѣдующаго извѣстія, напечатаннаго въ губернскихъ газетахъ, а именно, что Орловское губернское земство, по примѣру Харьковскаго, намѣрено предложить правительству поставку для дѣйствующей арміи сухарей, по своей цѣнѣ, безъ барышей и съ гарантіей за доброкачественность и своевременность доставки. Весьма было бы жаль, если бы такое намѣреніе осталось только въ проэктѣ.

Карта расположенія турецкихъ укрѣпленій вокругъ г. Плевны.

Есть слухи, что въ правительственныхъ сферахъ рѣшено приступить немедленно къ постройкѣ на казенный счетъ сѣти новыхъ рельсовыхъ путей на Кавказѣ.

Экспедиція Норденшильда и др. доказали возможность кратчайшаго морскаго пути въ Сибирь и въ настоящее время пишутъ, что въ Иркутскѣ получено письмо отъ Лондонскаго торговаго дома Федьдтманъ и К. въ которомъ сообщается о вѣрности правильнаго сообщенія изъ Лондона къ устью Еннсея и что въ продолженіи 3 лѣтнихъ мѣсяцевъ можно будетъ совершать два рейса.

Морской путь въ Сибирь, безъ сомнѣнія, повліялъ бы на развитіе торговли и благосостоянія нашего Сѣвера и самой Сибири, давая возможность скораго и удобнаго перевоза товаровъ и минуя дорого стоющую переправу чрезъ Уральскій хребетъ. Много богатствъ заключаетъ наша обширная Россія и далекая Сибирь, да сами мы еще мало дѣлаемъ для пользованія этими богатствами.

Библиотека "Руниверс"

Османъ-паша. Командующій турецкими войсками въ Плевнѣ.

Реуфъ-паша. Командующій турецкими войсками за Балканами.

Новое изобрѣтеніе.

Сама собою движущаяся швейная машина.—Не смотря на огромное распространеніе швейныхъ машинъ, обыкновенная общепринятая конструкція ихъ дала въ послѣднее время поводъ ко многимъ жалобамъ. Тѣлесное усиліе, какое требуется для движенія подножки швейной машины, уже имѣло послѣдствіемъ многообразныя болѣзни брюшныхъ органовъ. Проблема устранить въ швейной машинѣ работу ногъ представляется разрѣшенною настоящимъ изобрѣтеніемъ.—Самое изобрѣтеніе состоитъ изъ сильной пружины, замѣняющей работу ногъ. Къ этому нужно прибавить, что движеніе пружиною имѣетъ вдвое большую скорость и гораздо большее удобство (потому что регулируетъ швейную работу) чѣмъ это достигалось въ фабриковавшихся доселѣ швейныхъ машинахъ. Затѣмъ нужно замѣтить, что это новое изобрѣтеніе, уже производящееся фабричнымъ образомъ и заслужившее полное признаніе первокласныхъ спеціалистовъ,—является не въ качествѣ конкуррента бывшихъ доселѣ въ употребленіи швейныхъ машинъ, а напротивъ, улучшеніемъ ихъ, которому предназначено дать могучій подъемъ всей подобнаго рода индустріи. Фигура и относительная величина частей швейной машины при этомъ остаются не измѣненными, а прибавляется къ нимъ только удобно дѣйствующая пружина.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Геній—есть терпѣніе (Бюффонъ).

Женщины, эти прелестныя созданья, лгутъ такъ граціозно, что ложь пристала къ нимъ какъ нельзя лучше (Байронъ).

Во время уединенья болѣе чѣмъ когда либо можешь быть съ тѣми, кого любишь (Саади, персидскій поэтъ).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Зас. Остр. 16 линія № 9. Л—ну. Говоря о предметѣ такой важности, какъ настоящая война, нельзя выражаться такими стихами:

«Кто волей непреложною,
Кто помощью—по Божьему,
Кто ленту сердобольную
Пусть на алтарь несетъ.

Это болѣе приближается по тону своему къ стихамъ странниковъ «людей Божіихъ». Нѣкоторыя же изъ строфъ по достоинству стоятъ даже ниже такихъ «стиховъ».

Напримѣръ: И тамъ, гдѣ бьются недруги,
Гдѣ стономъ стонъ и *недуги*,
Намъ съ алтаря Всевышняго
Богъ милости пришлетъ.

Желать милости Божіей, разумѣется, должно, но выражать это желаніе слѣдуетъ грамотнѣе...

Отъ издателя.

При этомъ № „Нивы“ прилагаются для удобства гг. иногородныхъ подписчиковъ подписной бланкъ и конвертъ съ адресомъ редакціи для возобновленія подписки на журналъ „Ниву“ въ 1878 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Раковина Тридакна (Tridacna) (съ рисункомъ) Люб.—У Неаполитанскаго залива. (По поводу двухъ картинъ, составляющихъ премію «Нивы» въ 1877 г.) А. Невельского.—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть вторая (продолженіе).—Война и миръ. (По поводу двухъ картинъ художника Гонделя) Д. Стахѣева.—Болгаринъ, продавецъ фруктовъ (съ рисункомъ).—Черногорка, пасущая стадо (съ рисункомъ).—Шутка на войнѣ (съ рисункомъ) Подъ Плевной (съ рисункомъ и картою).—Русскіе типы III. Прожившійся купчикъ.—Заявленіе.—Исполинскій мостъ между Нью-Йоркомъ и Бруклиномъ (съ рисункомъ).—Турецкіе военачальники (съ 2-мя рисунками).—Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.—Новое изобрѣтеніе.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Почтовый ящикъ.—Отъ издателя.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

„ПРИРОДА“
(одобрено для библіотекъ и учебныхъ заведеній)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 12 Р., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 13 Р. 50 К.
(безъ хромолит. и литогр. прилож. 8 р. съ пер. 9 руб.).

Подписчикамъ на 1877 г. выдается «**Популярная физіологія** Д—ра **Лебона**, которая будетъ стоить въ отдѣльной продажѣ **3 руб. 50 коп.**

Выходитъ 4 раза въ годъ, книгами около 27 печ. листовъ, съ **6—8 хромо- и литографіями** и 100—150 рисунками въ каждой книгѣ. Въ Сборникѣ помѣщаются популярныя статьи по Естествознанію, Этнографіи, Путешествіи, статьи по Медицинѣ, Гигіенѣ, Технологіи, Сельскому Хозяйству, Охотѣ, Военному и Морскому дѣлу и т. п.

Оставшіеся экземпляры Сборника за 1873 г. (2 кн.), 1874, 1875 и 1876 гг. (14 томовъ со 100 хромолитограф. и литограф. и 1000 рисунковъ въ текстѣ)—стоятъ **безъ** приложеній 23 р. **съ приложеніями** 32 р. съ пересылкою.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 8 Р., СЪ ПЕРЕС. 9 Р.
(На полгода 4 руб. 50 коп., съ пересылкою 5 руб.).

Выходитъ ежемѣсячно съ хромолитографіей или литографіей и многими рисунками въ текстѣ. Въ концѣ года будутъ выданы въ видѣ преміи 2 раскраш. рисунка лучшихъ собакъ 3-й очередной выставки. Въ журналѣ помѣщаются охотничьи разсказы и очерки, спеціальныя статьи по ружейной и псовой охотѣ, о породахъ, содержаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ, ружьяхъ, монографіи, охотничьихъ животныхъ, корреспонденціи, мелкія замѣтки, новости охотничьяго дѣла и т. п.

Оставшіеся экземпляры Ж. Охоты за 1874 г. (6 кн.), 75 и 76 гг., а всего 5 томовъ можно выписывать **изъ конторы редакціи** по 3 р. 50 к. а всѣ 5 томовъ, включающіе 30 хромолит. и литографій 5 премій и особыя приложенія 1876 г.; «Записки псоваго охотника» **П. М. Мачеваріанова** (160 стр.) и **Тетеревъ-косачъ** Л. П. Сабанѣева (100 стр.)—за 16 р., съ подпиской на 1877 г. за 24 р. съ перес.

Подписка принимается исключительно въ редакціи Сборника «Природа» и Ж. Охоты» (**Москва**, Петровка, д. Самаряной). Съ 1 ноября открыта подписка на 1878 г.

Подписавшіеся на оба изданія въ редакціи платятъ 16 р. с. безъ и 20 р. съ приложеніями Сборника

№ 18 4—1 Ред. Л. И. Сабанѣевъ.

ЦВѢТОКЪ

барометръ (въ изящномъ горшкѣ) измѣняющій свой цвѣтъ по погодѣ 2 р.; *огниво* револьверъ 1 р. 50 к.; *цѣпочки* мужскія и дамскія накладного золота и чрезъ огонь золоченыя, отъ 2 до 7 р. 50 к.; *вапонки* съ пружиною отъ 20 к. до 2 р. за пару, подъ бриллiантъ и жемчугъ 1 р. за 3 штуки; *игры*: шахматы отъ 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к., шашки отъ 15 до 60 к., шашечницы 1 р. до 3 р., домино отъ 75 к. до 6 р.; лото отъ 40 к. до 5 р.; домино лото отъ 2 до 4 р.; столовый крокетъ 5 р.; нарандашъ для прочной *мѣтки* бѣлья 30 к.; *альбомы* отъ 1 р. 50 к. до 20 р.; щетки, гребня, галстуки и бѣлье изъ бумаги. Всѣ цѣны назначены съ пересылкою. Магазинъ «Городъ Нюрнбергъ» въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, д. Шаховскаго въ Москвѣ № 22 2—1

Хивинскій походъ. Большой батальный альбомъ эпизодовъ хивинскаго похода, исполненный по оригинальнымъ акварелямъ Н. Каразина.

Хромолитографировано, первымъ заграничнымъ заведеніемъ Винкельманъ и Штейнбока въ Берлинѣ.—Въ конторѣ Редакціи журнала „Нивы“ находится еще маленькій остатокъ этого изданія, который она уступаетъ своимъ подписчикамъ по дешевой цѣнѣ: **вмѣсто 18 р., за 6 р.**, (съ пересылкою 10 руб.) а потому гг. иногородные, желающіе выписать, этотъ альбомъ, благоволятъ обращаться въ Редакцію „Нивы“ прилагая вмѣсто 22 р. съ пересылкою **только 10 р.**

Дозволено цензурою. СПБ. 21 Октября 1877 г. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 44 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 31 Октября 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к

Открыта подписка на „НИВУ" 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе болѣе 23,000 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать печатныя редакціонные адресы отъ бандеролей, въ которыхъ получается «Нива» въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" на 1878 г.

Безъ доставки въ ПБургѣ . . . 4 р.
Съ доставкою . . . . . 5 р.

Безъ доставки въ Москвѣ . . . . . 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Русской Имперіи . . . . . 6 „

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

Его Императорское Высочество князь, Сергѣй Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.

12-го октября, на рекогносцировкѣ, предпринятой однимъ изъ передовыхъ отрядовъ арміи Государя Наслѣдника по направленію къ Кадыкіою, къ югу отъ Рущука, палъ на полѣ битвы геройскою смертью третій сынъ Ея Императорскаго Высочества, покойной Великой Княгини Маріи Николаевны, Его Высочество князь Сергѣй Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій. Его Высочество, князь Сергѣй Максимиліановичъ, не смотря на свои весьма молодыя лѣта (онъ родился 8-го декабря 1849 г. и, слѣдовательно, теперь имѣлъ всего 28 лѣтъ безъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ), не разъ уже въ нынѣшнюю войну успѣлъ заявить храбрость. Со времени перехода нашихъ войскъ чрезъ Дунай Его Высочество князь Сергѣй Максимиліановичъ неоднократно участвовалъ въ столкновеніяхъ съ непріятелемъ и неоднократно обращалъ на себя вниманіе своимъ мужествомъ и неустрашимостью. За оказанныя имъ въ этихъ столкновеніяхъ съ непріятелемъ отличія, онъ незадолго до рокового дня, бывшаго его послѣднимъ днемъ жизни, получилъ чинъ полковника. Въ памятный день 12-го октября, непріятельская пуля мгновенно прекратила его жизнь.

Его И. В. князь Сергѣй Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.
Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

Палъ смертью храбрыхъ молодой князь, еще только что вступившій въ жизнь, да будетъ вѣчно памятно его имя, какъ героя, положившаго жизнь свою за великое дѣло.

Выражая глубокую скорбь о преждевременной смерти Его Высочества Князя Сергѣя Максимиліановича, мы можемъ сообщить пока только самыя краткія о его смерти извѣстія.

Библиотека "Руниверс"

Такъ, извѣстно, что Его Высочество былъ пораженъ пулей въ голову. Пуля попала въ околышъ фуражки, около кокарды и пробила черепъ. Смерть постигла князя Сергѣя Максимиліановича на глазахъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, который поспѣшно подбѣжалъ къ нему, но нашелъ его уже бездыханнымъ.

Въ этотъ печальной памяти день (12-го октября) со стороны отряда Великаго Князя Владиміра Александровича были произведены рекогносцировки по всей линіи р. Лома. Село Іованчифтфликъ, находящееся на берегу р. Лома, близь сліянія Чернаго Лома съ Баницкимъ Ломомъ, было взято съ боя херсонцами, которые успѣли даже переправиться на правый берегъ Лома. Во время этой-то рекогносцировки и убитъ на-повалъ Князь Сергѣй Максимиліановичъ, шедшій во главѣ своего отряда. Въ полдень 12-го октября тѣло Князя было перевезено въ Трестеннкъ, а на слѣдующій день въ Брестовацъ, гдѣ была главная квартира Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича. 14-го октября останки усопшаго героя отправлены въ Петербургъ, гдѣ будутъ погребены въ крѣпости, подлѣ праха Августѣйшей Его Родительницы, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны. Тѣло Его Высочества будетъ привезено въ столицу, какъ сообщаютъ телеграммы, въ воскресенье 23-го октября, и погребальная процессія, по церемоніалу, своевременно имѣющему быть опубликованнымъ, совершитъ свое шествіе отъ Николаевскаго вокзала, вдоль Невскаго проспекта, къ Петропавловскому собору. Теперь же, по случаю кончины Его Высочества, состоялось Высочайшее Государя Императора повелѣніе, наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ для первыхъ четырехъ классовъ на шесть недѣль, начиная съ 12-го октября.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XIII.

Глубокая осень. Снѣгъ валитъ хлопьями и засыпаетъ равнины, лѣса, деревни. Неподвижно стоитъ густая чаща; ни листка не осталось на вѣткахъ. Не слышно въ нихъ лѣтняго свиста и пѣнія. Далеко разлетѣлись птицы и только изрѣдка по голымъ сучьямъ прыгаетъ бѣлка, отряхаетъ снѣгъ со своихъ лапокъ и спѣшитъ скорѣе въ нору. Внизу, на рыхломъ, едва выпавшемъ снѣгу кое гдѣ замѣтны слѣды звѣриные, но звѣрей не видно: попрятались они.

Вотъ на опушкѣ лѣса начинаетъ кружиться мятелица и вздымаетъ снѣжную пыль.

Одинокій, откуда-то забѣжавшій заяцъ попалъ въ эту самую мятелицу и сидитъ прижавъ уши, изумленно посматривая во всѣ стороны. Пушистая шерстка раздувается на немъ и долго не можетъ онъ понять куда это онъ забѣжалъ и долго соображаетъ какъ ему возвратиться.

Снѣгомъ совсѣмъ замело дороги, едва различить ихъ можно.

Тихо, тихо становится, такъ что всякій далекій звукъ несообразно усиливается и измѣняетъ свое значеніе и потомъ опять все тихо, все мертво, все печально.

Но вдругъ понеслись откуда то разнообразные, странные звуки. Издали слышится какъ что то ломаетъ сучья; изъ за частыхъ деревьевъ на бѣлую полянку тяжело и медленно выходитъ медвѣдь. Его дикій ревъ оглашаетъ нѣмую окрестность и бѣдный заяцъ совсѣмъ прижимаетъ уши и готовъ зарыться въ снѣгъ, дрожитъ всѣмъ тѣломъ и ни съ мѣста. Медвѣдь медленно проходитъ по полянкѣ и опять углубляется въ чащу, а далекіе звуки все ближе и ближе;—то не ревъ звѣриный, то крики и гиканье людскіе.

Вотъ за поворотомъ лѣсной дороги показались кони впряженные въ огромныя пошевни, и много коней, и много пошевней и все тройки ямщицкія. Изъ всѣхъ силъ коней погоняютъ и мчатся лихіе кони не разбирая дороги, поднимая кругомъ себя столбы снѣжной пыли, залѣпляя этою пылью глаза ямщику и сѣдокамъ.

— Скорѣе! скорѣе! раздается чей то голосъ.

Красавецъ юноша съ блѣднымъ, испуганнымъ лицемъ, съ глазами покраснѣвшими отъ слезъ то и дѣло повторяетъ: скорѣе! скорѣе!

И мчатся сани и вылетаютъ изъ лѣса. За первыми пошевнями едва поспѣваютъ другія. Въ нихъ сидятъ охотники и собаки. То въ Москву возвращается Императоръ съ охоты. Болѣе недѣли не былъ онъ дома. Охота шла хорошо. Думалъ онъ еще нѣсколько дней остаться...

Отчего же такъ спѣшитъ онъ въ Москву, отчего, задыхаясь, ежеминутно повторяетъ ямщику: „скорѣе! скорѣе?“ Отчего онъ такъ блѣденъ и заплаканы глаза его?

Рано утромъ сегодня прискакалъ къ нему гонецъ отъ барона Остермана. Баронъ пишетъ что сестра очень плоха, совсѣмъ она умираетъ. И не взвидя свѣта помчался юный Императоръ и тоска разрываетъ его сердце. Не знаетъ онъ что подѣлать съ собой и кричитъ уже совсѣмъ охрипшимъ голосомъ—скорѣе! скорѣе!!

Вотъ уже въѣхали въ городъ, близка нѣмецкая слобода. Вотъ уже и дворцовыя стѣны передъ глазами. Тошно глядѣть на свѣтъ Божій Императору.

„Жива ли, жива ли!“ думается ему, и тутъ же приходитъ мысль: да развѣ это возможно, развѣ она можетъ умереть, развѣ она умретъ. Можетъ быть Андрей Ивановичъ ошибся. Но зачѣмъ же такъ пугать меня, зачѣмъ такъ мучить. И опять: ахъ! что если умретъ въ самомъ дѣлѣ, какъ я безъ нее буду!

Вотъ подъѣхали къ дворцу.

Шатаясь, вышелъ Петръ изъ пошевней и себя не помня, кинулся въ покои. Андрей Ивановичъ встрѣтилъ его. Юный Императоръ глядитъ на своего воспитателя и друга и сразу видитъ, что тотъ не обманывалъ его. Остерманъ блѣденъ; уже онъ не скрываетъ глазъ своихъ, а глядитъ прямо печальнымъ испуганнымъ взоромъ.

— Ну что, что она? боясь за отвѣтъ, едва можетъ выговорить Императоръ.

— Плоха, Государь, всю ночь металась, не спала.

— Да какъ же вы раньше то за мной не послали? отчаянно схватился за голову Петръ.

— Сами не вѣдали что такъ плоха: отъ всѣхъ царевна скрывала болѣзнь свою, ну а къ ночи несмогла, застонала.

— Что же, можно мнѣ къ ней? Пустите, дайте мнѣ взглянуть на нее.

Но его не пускаютъ. Царевна только что немного заснула, всю ночь не смыкала глазъ. Авось этотъ сонъ подкрѣпитъ ее.

Приходитъ одна страшная мысль Императору: что если онъ обманутъ, что если она не заснула, а умерла уже и его оттого не пускаютъ?! И онъ рвется къ ней въ комнату и Остерманъ едва въ силахъ удержать его.

Онъ увѣряетъ, что она точно заснула. У всѣхъ придворныхъ вытянуты лица; всѣ боятся и подойти къ Императору. Одинъ только испанскій посланникъ герцогъ де-Лиріа подошелъ и заговорилъ съ Петромъ Алексѣевичемъ.

— Успокойтесь, ваше величество! Есть одно средство и его наконецъ теперь испробовали, и вотъ царевна заснула.

— Какое же это средство?

— Я давно уже рекомендовалъ его, давно уже говорилъ, что нужно къ нему обратиться. Если бы тогда меня послушали не было бы этого. Это вѣрное средство—женское молоко. Вотъ только что выпила царев-

Библиотека "Руниверс"

на и заснула.—Успокойтесь, Государь. Богъ дастъ все поправится.

— Ахъ, дай то Боже! дай то Боже! шепчетъ Императоръ и сразу вѣритъ въ цѣлебность этого новаго средства и сразу надѣется, что оно непремѣнно излѣчитъ его милую сестру.

Но какъ бы ее увидѣть. Ахъ, какъ долго тянутся минуты. Ни за что приняться не можетъ Императоръ. Ходитъ онъ по комнатамъ, то погруженный въ какое то оцѣпенѣніе, то начиная ломать руки и обливаясь слезами.

— Скажите мнѣ въ ту же минуту какъ она проснется, ради Бога. Я не могу такъ оставаться, я долженъ ее видѣть.

И вотъ наконецъ она проснулась и ему объ этомъ доложили.

Не долго спала бѣдная царевна, всего съ полчаса какихъ нибудь.

Петръ, вдругъ поблѣднѣвъ какъ смерть, съ пересохшимъ горломъ и дрожащими руками, вошелъ въ ея опочивальню. Вотъ она на постели. Какъ она блѣдна и какъ горятъ глаза ея!

Онъ только теперь, сейчасъ замѣтилъ ту страшную перемѣну какая произошла въ ней въ послѣднее время. Онъ такъ занятъ былъ весь своимъ весельемъ, своими охотами и придворными пирами, что не смотрѣлъ пристально на сестру, а она, она давно уже больна. Она такъ страшно измѣнилась. О! какой дурной онъ братъ, какой злой братъ! Глубокое отчаяніе изобразилось на лицѣ его. Онъ протянулъ къ сестрѣ руки и безсильно упалъ на колѣни передъ ея постелью и зарыдалъ неудержимо и безумно, и спряталъ лице въ ея одѣяло, и долго не могъ поднять глазъ на нее. Ему казалось, что встрѣтятъ его эти милые, родные глаза съ нѣмымъ упрекомъ. Онъ чувствовалъ какъ виноватъ передъ нею. Ему уже начинало казаться, что онъ прямо ея убійца,

— Петруша, голубчикъ, разслышалъ онъ вдругъ у самаго уха ея слабый шепотъ и зарыдалъ еще пуще. Петруша, успокойся, Господь съ тобой, снова и еще слабѣе проговорила царевна. Посмотри на меня.

Онъ взглянулъ и что же? Нѣтъ нѣмаго упрека въ глазахъ ея и смотрятъ они на него съ безконечной любовью, съ прежней, съ дѣтства памятной, сестриной лаской.

Вотъ она протягиваетъ ему свои прозрачныя, исхудавшія руки и говоритъ ему: „Милый братецъ, посиди со мною. Да не плачь, успокойся. Мнѣ лучше, право лучше—Богъ милостивъ я выздоровлю. Не мучь себя, не то самъ еще заболѣешь“.

О! какъ можетъ она теперь о немъ думать. Какъ можетъ кто нибудь о чемъ нибудь думать, кромѣ нея.

Она успокоиваетъ его, она надѣется. Но вѣдь можетъ быть она сама себя не знаетъ, себя не видитъ, а достаточно взглянуть на нее, чтобы понять какъ тщетны теперь всѣ надежды.

Ничто теперь не спасетъ ее! шепчетъ сердце Императору, а сердце обмануть не можетъ. Чуетъ оно, чуетъ близкую разлуку. Чуетъ горе страшное, неотвратимое. Но ему нужно удержаться, нужно отереть слезы, не смѣть рыдать, потому что этимъ только еще больше ее тревожитъ—и Петръ напрягаетъ всѣ силы свои, чтобы удержать непослушныя рыданія, чтобы казаться спокойнымъ.

Никогда еще не зналъ онъ, не понималъ какъ сильно ее любитъ. Онъ не умѣлъ дорожить ею, а вотъ теперь когда она улетаетъ, теперь все стало понятно, но уже слишкомъ поздно.

Великая княжна Наталья улыбалась брату, старалась его успокоить, показать ему, что она вовсе не такъ больна, что это только какой то досадный припадокъ, который пройдетъ скоро, она опять встанетъ и все пойдетъ хорошо, какъ бывало прежде.

Она забывала о своей слабости, о своей невыносимой боли въ груди и все улыбалась, распрашивая брата о томъ хорошо ли было на охотѣ, какихъ звѣрей они убили, что дѣлали.

Распросы эти были невыносимо мучительны Императору.

Онъ понималъ, что она дѣлаетъ усиліе надъ собою, что она хочетъ обмануть его, но она такъ хорошо притворялась.

Вотъ лице ея оживилась, на щекахъ вспыхнулъ румянецъ, она даже привстала съ подушекъ, сѣла на кровать и смѣется.

Боже мой! можетъ ей и взаправду лучше; можетъ быть взаправду это только такъ, и пройдетъ скоро!!

Онъ надѣется, онъ уже почти вѣритъ, онъ уже совсѣмъ вѣритъ, онъ уже начинаетъ улыбаться ей. Съ него спадаетъ невыносимо давящая его тяжесть. Ахъ какъ хорошо, авось все это только сонъ!

Но чтоже это? она вскрикнула, она схватилась за грудь обѣими руками и какъ подкошенная травка упала опять на подушки и опять поблѣднѣла и лежитъ неподвижно.

Что же, что же это? Императоръ снова рыдаетъ и въ отчаяніи. Полный ужаса, бѣжитъ онъ отъ сестры къ себѣ, запирается и никого видѣть не хочетъ, никого не можетъ слышать.

Но вотъ онъ зоветъ Ивана Долгорукаго и говоритъ ему, чтобы черезъ каждыя пять минутъ доносили ему о здоровьѣ великой княжны.

Долгорукій хочетъ войти къ нему, успокоить, разговорить его, но онъ гонитъ отъ себя и Долгорукаго—онъ никого теперь не можетъ видѣть, никто ему не нуженъ.

XIV.

Прошло еще нѣсколько дней. Великая княжна все лежитъ въ постели и по нѣскольку разъ въ день пьетъ женское молоко. Ей какъ будто сначала стало немного лучше. Императоръ почти не отходитъ отъ нея. Когда она засыпаетъ онъ по цѣлымъ часамъ прислушивается къ ея дыханію. Когда она просыпается онъ ловитъ каждый ея взглядъ, каждое ея слово. Онъ не выпускаетъ изъ рукъ своихъ ея слабой, холодной руки. Теперь она повторяетъ, что ей лучше гораздо: она можетъ уже сидѣть на постели, можетъ даже спустить ноги на полъ.

Она проситъ его успокоиться, заняться дѣлами или отдохнуть немного, повеселиться.

Назначенъ балъ у графа Вратислава, австрійскаго посланника.

Наталья упрашиваетъ брата, чтобы онъ непремѣнно туда поѣхалъ.

Ей гораздо лучше. Она такъ волнуется, его уговаривая, и ради ея спокойствія онъ рѣшается ѣхать. Его сопровождаетъ принцесса Елисавета. Но теперь онъ не обращаетъ на нее никакого вниманія, онъ уже ни къ кому ее не ревнуетъ, ему нѣтъ до нея никакого дѣла. Онъ весь, всецѣло отдался сестрѣ, думаетъ только о ней, живетъ только ею.

Балъ многолюденъ и роскошенъ. Приглашенныхъ цѣлыя толпы и между ними почти только одинъ разговоръ, что о больной принцессѣ. Всѣмъ ясно, что она очень плоха, врядъ ли поправится. Что у нея за болѣзнь? Доктора говорятъ, что легкія портятся, чахотка. Но великая княжна въ послѣдніе годы почти совсѣмъ не кашляла. Что то очень странно. Особенно иностранные резиденты подозрительно шепчутся объ этой болѣзни. Герцогъ де-Лиріа прямо сказалъ Остерману, что подозрѣваетъ тутъ не худое состояніе легкихъ, а вѣроломство какого нибудь тайнаго врага, который захотѣлъ погубить великую княжну. Но кто этотъ тайный врагъ—ни герцогъ де-Лиріа, ни баронъ Андрей

Библиотека "Руниверс"

Ивановичъ придумать не могутъ. Остерманъ дѣйствительно озабоченъ и печаленъ. Онъ всегда любилъ великую княжну Наталью, всегда былъ ея искреннимъ другомъ. Къ тому же ея смерть должна очень повредить многимъ его серьезнымъ планамъ. Какъ бы только

„Вотъ и планы наши насчетъ инфанта Донъ-Карлоса прахомъ разсыпаются“, печально замѣчаетъ герцогъ де-Лиріа, отходя отъ Остермана.

Императоръ не танцуетъ; не влечетъ его никакое веселье, онъ то и дѣло посылаетъ гонца во дворецъ,

потомъ на лбу, съ выраженіемъ муки на блѣдномъ лицѣ.

Онъ остается у ея постели, онъ рѣшился такъ провести всю ночь, не отходя отъ нея, но, измученный, утомленный долгой безсонницей, онъ незамѣтно засыпаетъ

намъ боль въ груди такъ невыносима, что она напрягаетъ всѣ свои послѣднія силы, чтобы не стонать, чтобы этими стонами не разбудить его. Она уже знаетъ, что ей не подняться, знаетъ что пришли послѣдніе дни, а можетъ быть часы, можетъ быть минуты. Да, она умираетъ

Общій видъ расположенія войскъ и укрѣпленныхъ позицій у Плевны во время послѣднихъ аттакъ. Съ наброска К. Д. грав. Рашевскій.

1) Русскія баттареи. 2) Большая баттарея, назыв. мачтовая. 3) Румын. баттареи. 4) Редутъ, взятый русскими и румынскими войсками. 5) Русскіе резервы. 6) Полкъ быстро идущій на подкрѣпленіе. 7) Генералъ Зотовъ и его штабъ. 8) Повозка съ боевыми снарядами. 9) Дер. Гривица. 10) Горы, за которыми—Плевна. 11) Аттака 1 бриг. 5 дивиз. 12) Аттака румынъ. 13) Гривицкій редутъ, взятый 30 авгус. 14) Второй Гривицкій редутъ. 15) Укрѣплен. турец. лагерь. 16) Второй турецкій лагерь. 17) Турецкіе центральные редуты. 18) Турец. редуты, на которые неудалась аттака 31 русс. дизіи. 19) Лѣвые турец. редуты. 20) Дорога изъ Плевны въ Бѣлу. 21) Дорога изъ Плевны въ Телишъ. 22) Перевязоч. пунктъ Русс. Крас. Креста. 23) Мѣсто, съ котораго наблюдали за ходомъ битвъ Государь Императоръ, Его Высочество, Главнокомандующій, и князь Карлъ.

узнать ему вѣроломнаго врага, если такой существуетъ. Но онъ не можетъ узнать его и кончаетъ тѣмъ, что не соглашается съ герцогомъ де-Лиріа. Царевна всегда была слабаго здоровья и уже 3 года тому назадъ сильно жаловалась на грудь и много кашляла.

узнать, что съ великой княжной. И вотъ въ началѣ еще бала, въ 10-мъ часу, гонецъ доноситъ ему, что великой княжнѣ опять хуже и Императоръ, даже не простясь съ хозяиномъ, уѣзжаетъ съ балу и спѣшитъ къ сестрѣ и застаетъ ее опять съ горящими глазами, съ холоднымъ

въ креслѣ. Она прислушивается—онъ спитъ глубоко. Она велитъ дежурной фрейлинѣ удалиться и остается одна съ уснувшимъ братомъ.

Жадно, не отрываясь, глядитъ она на него точно хочетъ наглядѣться досыта и никакъ не можетъ. По времени ничто, никакія человѣческія силы не спасутъ ее. Она умираетъ такъ ужасно рано и такъ не хочется ей умирать, такъ жалко разставаться съ жизнью. Хотя бы немного еще пожить; вѣдь еще совсѣмъ почти что и не жила она, только приготовлялась къ жизни. Все было

Библиотека "Руниверс"

еще впереди; такъ недавно казалось, что времени такъ много, что и конца ему нѣтъ. А вотъ она кончается, кончается, жизнь уходитъ и ничѣмъ не удержать ее. Страшно, тяжко!

Слезы бѣгутъ по щекамъ бѣдной царевны. Чтоже безъ нее будетъ, что будетъ съ братомъ? Онъ будетъ такъ огорченъ, его ожидаетъ такое горе. Но нѣтъ не то, не то... Онъ молодъ, легкомысленъ, забудетъ ее скоро, поплачетъ, потоскуетъ и забудетъ. А потомъ что же? Потомъ снова явится Лиза, замѣнитъ ея мѣсто. Долгорукіе совсѣмъ заберутъ его въ свою власть; Иванъ въ конецъ его испортитъ, пріучитъ ко всему дурному. Боже мой! пожалуй пить еще пріучитъ его. На кого же я его оставлю, кому поручу его! ломаетъ руки несчастная царевна. И ясно, ужасно ясно, понимаетъ она, что не на кого его оставить, некому поручить. Ни одного близкаго, ни одного любящаго человѣка. Баронъ Андрей Ивановичъ? Но давно уже хорошо поняла Наталья, что баронъ Андрей Ивановичъ не оплотъ и не защита; онъ любитъ ихъ, истинно любитъ, но все же себя любитъ гораздо больше. Ни отъ чего дурнаго не остережетъ онъ брата, да еслибы и нашелъ въ себѣ силы остеречь, то не на долго, не будетъ слушаться его Петруша, а Долгорукіе скоро такъ устроятъ, что совсѣмъ удалятъ Андрея Ивановича и будетъ еще тѣмъ хуже. Ужасныя мысли!

Зачѣмъ судьба такъ немилостива, зачѣмъ мы родились въ царскомъ семействѣ!? Были бы простые люди и было бы лучше! — и Наталья проклинаетъ тотъ блескъ величія, который съ дѣтства ихъ окружаетъ. Но къ чему проклинать? Такъ угодно Богу. Совершено обезсиленная мучительными мыслями, со страшною болью и слезами она перестаетъ совсѣмъ думать, какой то полусонъ, какое то тихое забытье на нее находитъ; всѣ предметы сливаются передъ глазами; вотъ уже она не видитъ брата, ни чего не видитъ; ей начинаетъ казаться что то странное, неопредѣленное, блестящее.

Вотъ она летитъ куда-то, быстро летитъ, несетъ ее вѣтеръ, летитъ она и прилетаетъ въ какую то дивную страну, гдѣ все свѣтло и ясно, гдѣ вѣчное лѣто, тепло, голубое море плещется о берега, а на берегу растутъ цѣлыя рощи душистыхъ лимоновъ, по вѣткамъ порхаютъ пестрыя птицы и поютъ чудныя пѣсни. Вотъ далеко за душистыми рощами видѣнъ большой городъ. Царевна летитъ къ этому городу, летитъ надъ его сверкающими на солнцѣ улицами, влетаетъ въ садъ. Кругомъ журчатъ фонтаны, съ деревьевъ отъ легкаго дуновенія вѣтра слетаютъ сотни блестящихъ, бѣлыхъ цвѣтовъ, усыпаютъ дорожки. Впереди виднѣется роскошное зданіе, мраморныя ступени, а по бокамъ бѣлыя статуи. И вотъ съ этой широкой мраморной лѣстницы на встрѣчу царевнѣ спѣшитъ прекрасный юноша. О! какъ онъ хорошъ, о какъ чудно хорошъ онъ, даже прекраснѣе брата. Онъ беретъ ее за руку и вмѣстѣ съ нимъ идетъ она по широкимъ аллеямъ и мраморныя статуи киваютъ ей головами, и душистыя деревья склоняютъ надъ ней свои вѣтки, и птицы поютъ ей, и струйки фонтановъ журчатъ ей свои привѣты. Необъятное, дивное счастіе наполняетъ ей душу; прекрасный юноша шепчетъ ей сладкія рѣчи. Она не понимаетъ словъ его, но душа и сердце понимаютъ ихъ значеніе и сама она ему отвѣчаетъ и говоритъ, не словами говоритъ, а восхищенной своей душою. И долго длится ихъ бесѣда и не замѣчаютъ они времени. Спускается надъ ними тихій вечеръ и еще прекраснѣе становится природа и еще великолѣпнѣе кажется озаренный лучами заката величавый замокъ, еще слаще шепотъ фонтановъ.

„Донъ-Карлосъ“ шепчетъ царевна, „Донъ-Карлосъ“ повторяетъ она уже очнувшись отъ своихъ грезъ „Донъ-Карлосъ“. Она глядитъ кругомъ себя. Тихо въ ея опочивальнѣ; братъ крѣпко спитъ, голова его склонилась на грудь и онъ ровно дышетъ.

„Донъ-Карлосъ“. Царевна вынимаетъ изъ подъ подушки маленькій медальонъ и глядитъ на него, и радостная, блаженная улыбка виднѣется на губахъ ея и уже на яву, въ полномъ сознаніи начинаетъ мечтать она о далекой, никогда невиданной, волшебной странѣ, про которую такъ хорошо разсказываетъ герцогъ де-Лиріа, про далекаго, прекраснаго принца, который могъ сдѣлаться близкимъ и могъ принести ей счастіе... И онъ уже приносилъ неразъ ей его, приносилъ въ дѣвическихъ грезахъ. Зачѣмъ же все это проходитъ невозвратно и зачѣмъ не судьба сбыться этому счастію. Зачѣмъ умирать такъ рано! о, Боже, за что? Другія мысли приходятъ въ голову царевны. Ей вспоминается прошлое, прежніе годы дѣтства. Вспоминается грозный образъ покойнаго дѣда, дивно прекрасное лице бабушки Екатерины. Потомъ хочется ей заглянуть еще дальше, и начинаетъ вспоминаться какой-то совсѣмъ позабытый, нѣжный образъ, склоненный надъ нею.—Это образъ ея матери, принцессы Шарлотты. Всѣ они умерли, всѣхъ ихъ нѣтъ, и мы также умремъ, умремъ скоро, всѣ умремъ...

Боже! да о чемъ же я думаю! я умираю, умираю, а онъ вѣдь живъ, онъ остается. Что же мнѣ показалось, что и онъ тоже умираетъ. И она глядитъ на брата и не можетъ отвязаться отъ какого то страшнаго чувства, которое запало ей вдругъ въ сердце.

И все кажется ей, что не одна она умираетъ. „Да, онъ умретъ“, наконецъ рѣшаетъ она, умретъ—и это хорошо, это лучше; пусть онъ умретъ, пусть идетъ вслѣдъ за мною. Тамъ, гдѣ то въ томъ мірѣ, мы снова всѣ будемъ вмѣстѣ... всѣ кого люблю я... всѣ мы соберемся. Да, пусть онъ умретъ—онъ долженъ умереть, это его счастье. Теперь онъ умретъ еще честнымъ, не загрязненнымъ, добрымъ и благороднымъ, а живъ останется—что изъ него сдѣлаютъ, чѣмъ онъ кончитъ? Нѣтъ, пусть умретъ, пусть идетъ за мною.....

XV.

Въ ночь на 22-е ноября совсѣмъ стало плохо великой княжнѣ Натальѣ. Нѣсколько часовъ сряду она металась на постели и стонала. Юный Императоръ не могъ слышать этихъ стоновъ—они разрывали ему сердце, и въ тоже время онъ жадно къ нимъ прислушивался, ловилъ каждый звукъ и не отходилъ отъ сестры. Наконецъ она нѣсколько успокоилась, хотя это спокойствіе не предвѣщало ничего добраго. Ея лицо окончательно измѣнилось и всякій взглянувъ на нее ясно видѣлъ что она умираетъ. Она велѣла къ себѣ позвать барона Остермана и цесаревну Елисавету. Оба они были все время въ сосѣдней комнатѣ и немедленно явились на зовъ ея.

— Прощайте, спокойно сказала имъ Наталья,—прощайте.

При этомъ страшномъ словѣ, невольный раздирающій крикъ вырвался изъ груди Императора, и онъ почти безъ чувствъ упалъ въ кресло.

— Наташа! опомнившись, бросился онъ къ ея постели,—Наташа, что ты сказала! Зачѣмъ ты прощаешься?

— Прощай, мой голубчикъ, тихо отвѣтила она,—теперь все кончено—я умираю.

— Наташа! стоналъ и метался Императоръ,—это неправда! это не можетъ быть! ты выздоровѣешь, ты останешься жива, зачѣмъ ты меня мучишь?

Но она ужь не могла теперь скрываться, да и не хотѣла этого.

— Лиза, обратилась она къ цесаревнѣ,—если я въ чемъ была виновата передъ тобою, прости меня—я тебя очень любила, всѣмъ сердцемъ любила.

Цесаревна ничего не отвѣчала и плакала, склонившись надъ ней.

— Только одно у меня было противъ тебя, я боялась за брата. Лиза, вотъ я умираю и передъ смертью прошу тебя быть его другомъ, другомъ и родною, но никогда не соглашаться выйти за него замужъ.

Библиотека "Руниверс"

— Наташа, голубчикъ мой, всхлипывая шепнула Елисавета,—зачѣмъ ты такъ обо мнѣ думаешь. Спроси его, онъ тебѣ скажетъ, что я ему всегда отвѣчала, когда заговаривалъ онъ со мною объ этомъ. Ты дурно обо мнѣ думала, Наташа: я никогда не могу быть для него ничѣмъ, кромѣ друга и родственницы.

— Теперь я вѣрю тебѣ, Лиза, вѣрю, и спокойна. Прощай, поцѣлуй меня, не вспоминай обо мнѣ дурно.

Цесаревна нѣжно обняла умирающую, и горько заплакала.

— Подойдите ко мнѣ, Андрей Иванычъ, опять едва слышно заговорила Наталья,—подойдите ко мнѣ, другъ мой. Не оставьте его, не уходите отъ него, умоляю васъ, пожалѣйте его, не дайте его врагамъ, вѣдь вы сами видите, что ищутъ только его погибели, не оставьте его! Она едва нашла силу поднять свою руку и протянуть ее Остерману. Онъ молча плакалъ и покрывалъ эту холодѣющую руку поцѣлуями.

— Петруша, голубчикъ мой, ненаглядный, обратилась Наталья къ брату,—охъ какъ много хотѣла бъ я сказать тебѣ, да силъ нѣтъ. Не печалься обо мнѣ, Петруша! Вотъ недавно я и сама тосковала, умирать не хотѣлось, а теперь, право, вижу что такъ лучше, тамъ лучше будетъ, навѣрное! Петруша, только теперь объ одномъ тебѣ я думаю. Поклянись мнѣ, дай мнѣ слово, что исполнишь мою послѣднюю просьбу.

Петръ хотѣлъ говорить, но не могъ—рыданья душили его и онъ безсильно двигалъ губами и не произносилъ ни одного слова.

— Петруша, слушай меня, обѣщай мнѣ думать о будущемъ, молю тебя, образумься, вспомни что ты—Государь. Оставь эти вѣчныя веселья, не забывай дѣлъ, бывай въ Совѣтѣ, а главное—главное, сейчасъ какъ меня похороните, уѣзжай въ Петербургъ, въ Петербургъ... вотъ мой послѣдній завѣтъ тебѣ, моя послѣдняя просьба, мое послѣднее слово, въ Петербургъ, скорѣй!... Иначе и ты совсѣмъ погибъ и погибла Россія. Обѣщаешь ли ты мнѣ это, обѣщаешь ли?

— Да! едва слышно выговорилъ Петръ, упадая на колени передъ сестрой. Она положила свои руки на его голову и замолчала. Тишина воцарилась въ комнатѣ, только рыданія присутствующихъ по временамъ ее нарушали. Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ Наталья приподнялась, устремила блестящіе глаза свои въ пространство передъ собою и заговорила что то, скоро, скоро, и никто не могъ понять словъ ея: она ужь потеряла сознаніе, она бредила. За послѣдней вспышкой энергіи наступило полное безсиліе. Она снова упала на подушку и осталась неподвижна; ея губы все что то шептали, но не было звуковъ. Императоръ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Ему страшно было глядѣть на сестру и въ тоже время онъ не могъ отъ нея оторваться. Его глаза такъ и тянуло къ ней, такъ и приковывало.

Баронъ Остерманъ и Елисавета въ слезахъ тоже едва выносили зрѣлище этой агоніи Умирающая то слабо стонала, то затихала на нѣсколько минутъ, то вдругъ опять порывалась приподняться и не могла, то начинала говорить что то брату, подзывала къ себѣ Остермана, то забывала ихъ всѣхъ, возвращалась въ какой то иной міръ, открывавшійся передъ ней. А время шло: былъ ужь пятый часъ, приближалось утро. Вотъ Наталья успокоилась. Ея порывистое дыханье стало ровнѣе. Она еще разъ обратилась къ брату и сказала ему слабымъ шепотомъ:

— Петруша, не плачь, успокойся, я знаю, мы разстаемся не на долго. Мы свидимся скоро, скоро, до свиданья!....

Она слабо приподняла руку и тутъ же ее опустила и вздрогнула. Ея глаза остановились. Петръ наклонился къ ней ближе, охватилъ ея голову и вдругъ отшатнулся съ исказившимся лицемъ, въ страшномъ ужасѣ.

— Умерла! крикнулъ онъ, умерла! и зашатался и безъ чувствъ упалъ на полъ.

Въ эту минуту дверь въ комнату отворилась и на порогѣ показалась небольшая согбенная фигура въ черномъ. Она быстро поглядѣла на присутствующихъ, увидѣла Императора на полу, а надъ нимъ Остермана и Елисавету, подошла къ кровати царевны, дотронулась рукою до ея неподвижнаго холодѣющаго лица, опустилась на колѣни и стала молиться. Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ Остерманъ и цесаревна обратили на нее вниманіе. Она все стояла и молилась. Тихія слезы капали изъ ея глазъ и падали на мертвыя, холодныя руки Натальи. Но вотъ она поднялась съ колѣнъ, она взглянула на Остермана и Елисавету. Злоба и ненависть блеснули въ глазахъ ея и скривились блѣдныя старческія губы. Крѣпко упираясь одною рукой на посохъ, она вытянула другую передъ собою, какъ будто всѣхъ отъ себя отстраняя.

— И къ умирающей не позвали—мертвую ужь застала! проговорила старая царица Евдокія Ѳедоровна и медленно вышла изъ комнаты.

На другое утро усопшая царевна ужь лежала въ гробу. Народъ допускался поклониться ея тѣлу. Великій плачъ стоялъ въ траурной комнатѣ. Плакали почти всѣ, кто ни приходилъ сюда, и плакали непритворно, не по одному заведенному обычаю плакать надъ покойникомъ: всѣ любили усопшую царевну, всѣ жалѣли объ ея безвременной смерти, въ одинъ голосъ твердили, что ангелъ во плоти была царевна. Никто дурного слова отъ нея не слыхивалъ, со всѣми бывала ласкова, всѣхъ дарила привѣтомъ и улыбкою. „Какъ цвѣточекъ прекрасный сіяла она на солнышкѣ и завяла какъ цвѣточекъ.“ Такъ говорили московскіе жители. А и рѣчи ближнихъ придворныхъ и сановниковъ, мало чѣмъ отличались отъ рѣчей этихъ. Всѣ, какъ есть всѣ, жалѣли царевну. Остерманъ съ женою совсѣмъ были неутѣшны, весь день навзрыдъ плакали; цесаревна Елисавета тоже не осушала глазъ; объ Императорѣ и говорить нечего, онъ весь день метался въ страшномъ отчаяніи, не заснулъ ни на минуту, маковой росинки у него во рту не было, ничѣмъ нельзя было его успокоить. Въ одинъ день онъ страшно измѣнился: все лице отъ горькихъ слезъ опухло, дрожалъ онъ всѣмъ тѣломъ, иногда даже бормоталъ несвязныя фразы. Его едва увели изъ комнаты умершей сестры, но онъ часто туда возвращался. Придетъ—взглянетъ въ лицо ея и съ дикимъ крикомъ и рыданьями опять бѣжитъ прочь, и опять возвращается, и опять кричитъ и плачетъ—просто не знали что съ нимъ и дѣлать. Вечеромъ, когда уже перестали пускать народъ во дворецъ, и комната гдѣ стоялъ гробъ совсѣмъ опустѣла, Петръ снова подошелъ къ тѣлу сестры. Все было тихо, только мѣрно раздавалось чтеніе псалтыря надъ покойницей. Она лежала вся въ бѣломъ, на половину прикрытая драгоцѣнной парчею. Императоръ смотрѣлъ на нее и ужь не плакалъ, онъ, кажется, выплакалъ всѣ свои слезы. Онъ не метался, не кричалъ, но еще болѣе страшнымъ казался въ этой притихшей скорби. Онъ глядѣлъ на сестру совсѣмъ почти безумными, помутившимися глазами. Еще такъ недавно она могла взглянуть на него, могла ему улыбаться—и вотъ неподвижна, глаза ея закрыты. О! какъ она измѣнилась, какъ худа она, какъ прозрачна, голубыя жилки видны, но тихо и спокойно лицо ея. Онъ все смотритъ, и вотъ ему кажется, что она начинаетъ тихо улыбаться. Но нѣтъ! но нѣтъ, эта улыбка неподвижна, съ этой улыбкой она заснула, эта улыбка осталась на лицѣ ея. И вспомнилось ему какъ, умирая, въ послѣднюю минуту она шепнула, что разлука ихъ не на долго, что онъ скоро будетъ съ нею. О! когда бы... думаетъ Императоръ. Зачѣмъ мнѣ жить, не хочу! Ничего мнѣ не надо, только бы съ нею. И опять страшно ему становится, и

Библиотека "Руниверс"

опять онъ винитъ себя въ ея смерти: онъ такъ ее мучилъ своимъ дурнымъ поведеньемъ, она такъ за него страдала, такъ плакала, о! онъ всему виною. Вѣдь вотъ еще недавно просила она его не ѣхать на охоту, остаться въ Москвѣ, заняться дѣлами, аккуратно посѣщать собранія Верховнаго Совѣта, и онъ даже обѣщалъ ей и не исполнилъ своего обѣщанія, и на другой же день поѣхалъ на охоту и не видѣлъ ее двѣ недѣли. Боже! Да развѣ возможно это, онъ точно извергъ какой былъ съ нею. Ахъ! Если бъ возможно было вернуть, отъ всего бы отказался онъ, только бы быть съ нею, только бы слышать ея голосъ, только бы видѣть ея улыбку.

Испуганное стадо рогатаго скота на пастбищахъ Новой Мексики.

— Наташа, дорогая, шевельнись, очнись, скажи слово—все для тебя будетъ, все я брошу. Каждую минуточку буду спрашивать, что ты хочешь и буду только то дѣлать, что ты посовѣтуешь. Наташенька,

Библиотека "Руниверс"

Дѣвушка съ плодами. Картина Тешендорфа, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

голубчикъ мой! Но она не слышитъ, она не слышитъ!

Она просила его, умирая, подумать о себѣ, начать новую жизнь. Послѣднее слово ея было, чтобы онъ уѣхалъ изъ Москвы опять въ Петербургъ. Онъ обѣщалъ ей. Онъ уѣдетъ... Ахъ! Да и развѣ можно теперь оставаться въ Москвѣ, развѣ будетъ онъ въ состояніи видѣть этотъ городъ, видѣть этотъ домъ, гдѣ была она, и гдѣ ее больше нѣтъ. Конечно онъ уѣдетъ... О! онъ совсѣмъ измѣнится, его не узнаютъ. Пусть она оттуда съ неба глядитъ на него, и останется имъ довольна. Пусть она проститъ его, пусть только проститъ! Да, онъ исполнитъ всѣ ея просьбы, всѣ ея желанья и потомъ будетъ ждать когда наступитъ свиданье, когда исполнится ея обѣщаніе, когда онъ уйдетъ за нею и къ ней.

Послѣ похоронъ великой княжны Императоръ переѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ. Онъ не могъ оставаться въ томъ домѣ, гдѣ все напоминало ему страшную утрату. Но вмѣстѣ съ нимъ не переѣхала цесаревна Елисавета.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Плевна и ея укрѣпленія.

Уже не разъ намъ приходилось говорить о Плевнѣ и вѣроятно еще не разъ придется упоминать о ней, какъ о такомъ мѣстѣ, на которомъ въ настоящее время сосредоточено вниманіе не только всей Россіи, но всего образованнаго міра. Плевна небольшой городъ Болгаріи, расположенный на Гривицкомъ ручьѣ, впадающемъ въ р. Видъ, въ 30 верстахъ отъ крѣпости Никополя и верстахъ въ 60 отъ Систова. До сихъ поръ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить въ свое время, Плевна (или правильнѣе по болгарски Пленепъ) не выдавалась изъ ряда мелкихъ городковъ Болгаріи ни числомъ городскихъ жителей, ни производительностію, ни мѣстными укрѣпленіями. Но судя по разсказамъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностію, окружающею этотъ городъ, можно заключить, что въ древній періодъ римской исторіи едва ли эта мѣстность не была тоже центромъ военныхъ дѣйствій, ибо, какъ говорятъ очевидцы, вокругъ Плевны много древнихъ кургановъ и оконовъ, указывающихъ на существованіе тутъ когда-то укрѣпленій. Въ предъидущемъ № „Нивы" мы уже упоминали о легендѣ, которая живетъ до сихъ поръ въ болгарскомъ и турецкомъ народахъ, о томъ значеніи, которое Плевна имѣла когда-то. Нынѣшнія военныя событія, конечно, сохранятъ на многія лѣта память о Плевнѣ и понятно, въ народѣ создадутся одинъ за другимъ разсказы о битвахъ въ ея окрестностяхъ.

Въ свое время русская литература обогатится обширнымъ описаніемъ этого мѣста и подробнымъ указаніемъ и разборомъ происходившихъ при немъ битвъ. Теперь же, на сколько возможно, удовлетворяя понятному желанію читателей имѣть свѣдѣнія о всемъ томъ, что касается Плевны, ея окрестностей, укрѣпленій, битвъ, осады и т. п. мы, помѣстивъ въ предъидущемъ № карту, помѣщаемъ здѣсь еще общій видъ укрѣпленій, окружающихъ этотъ городъ. Какъ изъ приложеннаго въ № 43 плана, такъ и изъ помѣщаемаго въ этомъ № общаго вида, читатели могутъ составить весьма полное понятіе о положеніи укрѣпленій, расположенныхъ вокругъ Плевны. Не лишнимъ считаемъ здѣсь объяснить между прочимъ слѣдующее: городъ съ сѣвера окруженъ рядомъ весьма высокихъ холмовъ, круто спускающихся къ Гривицкому ручью, хотя доступы къ нимъ со стороны Никополя идутъ междухолменными перевалами, допускающими свободное сообщеніе. Еще съ 3-го іюля Османъ-паша, ожидая нападенія со стороны Никополя, распорядился о возможно лучшемъ укрѣпленіи сѣверной стороны города. Самые большіе редуты Плевны составляютъ: 1-й Гривицкій редутъ, взятый нами въ бой 30-го и 31-го августа, отъ котораго идутъ теперь подступы къ 2-му Гривицкому редуту и передъ которымъ уже заложена теперь 4-я параллель, и 3-й Буковицкій редутъ, обстрѣливающій доступы по долинѣ рѣки Вида и ближайшимъ къ ней переваламъ. Кромѣ этихъ редутовъ, вся нагорная часть Гривицкаго ручья усилена нѣсколькими отдѣльными баттареями и ложементами для стрѣлковъ идущими ярусами одни надъ другими. Слабая сторона турецкихъ позицій съ сѣверной стороны заключается, какъ кажется, въ близкомъ разстояніи отъ города и въ открывающейся осаждающимъ войскамъ возможности сосредоточить въ этомъ мѣстѣ значительныя силы, заложивъ въ тоже время на возвышающихся холмахъ баттареи дальняго боя, могущія наносить вредъ веркамъ и самому городу. Надобно замѣтить, что всѣ редуты тщательно блиндированы и соединены между собою тоже блиндированными ходами. (Блиндажъ — постройка безопасная отъ навѣснаго огня. Блиндажи отъ казематовъ отличаются тѣмъ, что казематы возводятся заблаговременно и прикрываются отъ навѣснаго огня каменными сводами, а блиндажи возводятся въ минуту необходимости и прикрываются рельсами или бревнами и засыпаются сверху землею. Этотъ-то слой земли и не долженъ пробиваться снарядами, а назначеніе деревянной покрышки—поддержать эту землю и выдержать сотрясеніе при паденіи снаряда. Толщина этого слоя—3 фута противъ полевыхъ орудій, 6 футовъ и болѣе—противъ осадной и крѣпостной артиллеріи).

Восточная сторона укрѣпленной плевненской позиціи располагаетъ рядомъ возвышенныхъ холмовъ, постепенно подымающихся отъ д. Радишево и оканчивающихся около города крутымъ спускомъ, а въ лѣвой сторонѣ значительною возвышенностію, съ которой беретъ начало Гривицкій ручей. Съ этой стороны было предпринято наступленіе 18-го іюля войсками корпуса князя Шаховского. Здѣсь линія турецкихъ укрѣпленій выдвинута гораздо болѣе, чѣмъ на сѣверной сторонѣ; передній редутъ, Радишевскій, командуя всею окружающей мѣстностію, представляетъ ключъ этой позиціи. За нимъ, въ треугольникѣ дорогъ, ведущихъ изъ Плевны въ Ловчу и Систово, террасами построенъ рядъ баттарей и другихъ укрѣпленій, сцѣпленныхъ въ нѣсколько ярусовъ ложементами для стрѣлковъ и представляющихъ собою, какъ по условіямъ мѣстности, такъ и по силѣ укрѣпленій, малодоступную позицію.

Точно также южная сторона позиціи, образуя рядъ укрѣпленныхъ линій, далеко выдвинувшихся впередъ, расположенныхъ на крутыхъ возвышенностяхъ, фланкирующихъ другъ друга, представляетъ не менѣе неприступное мѣсто для аттаки. Три впереди стоящіе редута, которые были взяты при штурмѣ 30-го и 31-го августа, составляютъ только начало укрѣпленной мѣстности, только первое звено твердыни, окаймляющей южную сторону Плевны. Мужественный натискъ нашихъ храбрыхъ войскъ хотя могъ сломить это звено изъ трехъ редутовъ, но войска не смогли устоять противъ адскаго огня, направленнаго со всѣхъ сосѣднихъ баттарей и ретраншементовъ, и редуты должно было оставить.

Должно думать, что, впрочемъ, и подтверждается послѣдними оффиціальными извѣстіями, что этихъ укрѣпленій теперь уже гораздо болѣе, что они доходятъ до Горнаго-Дубняка, что, слѣдовательно, и завидская сторона отъ Плевны не менѣе укрѣплена, какъ и мѣстность по эту сторону Вида.

Въ-заключеніе укажемъ, что городъ Плевна получилъ большое стратегическое значеніе какъ пунктъ, обсрегающій двѣ базы: на Видъ и на Софію и какъ пунктъ, изъ котораго прямымъ путемъ можно дѣйствовать непріятелю на нашъ тылъ съ фланга.

Послѣднія событія на Софійской дорогѣ между Телишевымъ и Горнымъ Дубнякомъ уже извѣстны нашимъ читателямъ. Именно здѣсь генералъ Гурко разбилъ непріятеля и занялъ путь его соединенія съ Софіей. Значеніе этого важнаго занятія, хотя и стоившаго намъ большихъ жертвъ (убитыхъ и раненыхъ около 2,500), вскорѣ должно выясниться во всей своей силѣ: благодаря этому занятію, Османъ-паша оказывается совершенно окруженъ нашими войсками. Положеніе его арміи до того, повидимому ухудшилось, что Осману-нашѣ непремѣнно придется сдѣлать попытку прорваться чрезъ русско-румынскія линіи. Число больныхъ и смертность въ турецкой арміи, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать, несравненно значительнѣе, чѣмъ въ русскихъ и румынскихъ войскахъ. Каждому извѣстно въ какомъ отношеніи къ санитарнымъ условіямъ стоятъ турки: они знать о этихъ условіяхъ не хотятъ, что, понятно, отражается на числѣ больныхъ. Къ этому присоединяется еще то, что мы легко можемъ пополнять свою убыль, тогда какъ арміи Османа-паши доставка войскъ, снарядовъ и провіанта стоитъ величайшихъ затрудненій; кромѣ того, больныхъ своихъ и раненыхъ онъ вывозить изъ Плевны не можетъ. Въ послѣднее время, какъ говорятъ, оттуда начинаютъ дезертировать турки, жалуясь на недостатокъ въ жизненныхъ продовольствіяхъ. Впрочемъ изъ дезертировъ многіе не солдаты арміи, а мѣстные жители, вооруженные Османомъ-пашей и поставленные подъ ружье; есть основаніе думать, что турки сами, въ виду недостаточности провіанта, выгоняютъ ихъ изъ города. Шефкетъ-паша сдѣлалъ было попытку провести въ Плевну провіантъ, но не могъ достигнуть своей цѣли вслѣдствіе дурного состоянія дорогъ. Въ-добавокъ напоромъ воды разрушенъ мостъ чрезъ Радомирце при Кемеръ-Купру, и турки теперь работаютъ надъ его возстановленіемъ. Говорятъ также, что 1,400 быковъ, 700 повозокъ съ продовольствіемъ, отправленные къ Осману изъ Виддина, не могли дойти до Плевны и остановились на полъ-дорогѣ.

О расположеніи русскихъ лагерей подъ Плевной очевидцы передаютъ между прочимъ, что лагери раскинуты главнымъ образомъ на высотахъ, и такъ какъ близь Плевны есть только горы и долины, а равнинъ нѣтъ и слѣда, то холмистая мѣстность, покрытая всюду палатками, имѣетъ видъ весьма ожив-

Библиотека "Руниверс"

ленный. О характерѣ мѣстности можно судить и изъ нашего рисунка, помѣщаемаго въ этомъ №. Разсказываютъ, что почти по всѣмъ долинамъ, лежащимъ между возвышенностями описываемой мѣстности, протекаютъ рѣчки, и тамъ, гдѣ есть источники, оказались фонтаны, устроенные турками. Въ настоящее время фонтаны эти оказались пригодными для русскихъ войскъ. Вблизи нихъ расположены походныя кухни, представляющія выкопанныя въ землѣ ямы.

Извѣстно, что нашъ севастопольскій герой генералъ Тотлебенъ находится теперь тоже подъ Плевной и усиленно занятъ осадными работами. Газеты передаютъ, что онъ приказалъ прежде всего соединить всѣ осадныя баттареи телеграфной линіей. Благодаря этому соединенію, получилась возможность стрѣлять по одной точкѣ залпомъ. Залпъ иногда, говорятъ, бываетъ разомъ изъ 90 орудій. Можно себѣ представить, что производитъ такой залпъ! Самъ генералъ Тотлебенъ указываетъ баттареямъ, тоже при помощи телеграфнаго сообщенія, куда именно направлять ударъ. Такихъ залповъ дѣлается иногда по пяти и болѣе въ день. Послѣ такого залпа турецкая баттарея, на которую онъ направляется, смолкаетъ и обращается въ груду развалинъ. Говорятъ, турки поражены такими дѣйствіями нашихъ баттарей. Что-то Богъ дастъ дальше.

Вообще же говоря, работы подъ Плевной идутъ своимъ чередомъ, т. е. собственно мы говоримъ о военныхъ работахъ. Ими заняты войска, находящіяся на передовыхъ позиціяхъ, на баттареяхъ или въ ложементахъ, а остальныя занимаются домашними работами: чинятъ платье, сапоги, моютъ бѣлье. Спокойствіе солдатъ удивительное. Кто не знакомъ съ основными чертами русскаго человѣка, тотъ даже и не повѣритъ возможности такого поразительнаго состоянія духа. И въ самомъ дѣлѣ, смотря на солдатъ, сидящихъ за своими „починками", нельзя повѣрить, что это они подъ Плевной. Они точно дома расположились въ казармахъ. Тутъ и шутки, и смѣхъ, и острое слово. Иной поведетъ разговоръ о семьѣ, разгонитъ имъ всѣ шутки и смѣхъ и, смотришь, всѣ затянули грустную пѣсню „Калина съ малинушкой", и слезы у нихъ на глазахъ, и запѣвало уже едва сдерживаетъ себя, чтобы неперервать на срединѣ и не зарыдать на всю компанію. Но онъ овладѣваетъ собой во время и, встрепенувшись, точно сбрасываетъ съ себя сразу все охватившее его грустное настроеніе. Взвизгнувъ что есть духу и подернувъ плечами, онъ вдругъ быстро перемѣняетъ пѣсню, и всѣ поняли, что это такъ и слѣдуетъ, и всѣ подхватили его слова:

Ахъ, вы сѣни мои сѣни
Сѣни новыя мои!..

Иной почтенныхъ лѣтъ служивый, довольно уже пожившій на свѣтѣ, только руками взмахнетъ, смотря на своихъ молодыхъ собратовъ. Огонь горячій! скажетъ онъ, одобрительно поглядывая на нихъ. Кончится и веселая пѣсня, разгонится унылое настроеніе и опять идетъ время своимъ чередомъ, пока не раздастся команда идти въ битву.

И идетъ солдатикъ въ бой, также какъ идетъ на парадъ, и умираетъ геройскою смертію.

Испуганное стадо рогатаго скота на пастбищахъ Новой Мексики.

Необозримыя луговыя равнины или степи Техаса и Новой Мексики, порослія сочною травой, кормятъ десятки тысячъ полудикихъ быковъ и коровъ, скучившихся здѣсь громадными стадами. Животныя, составляющія эти стада, по обыкновенію, лѣнивы, равнодушны, даже безучастны ко всему окружающему ихъ и ко всѣмъ величавымъ степнымъ явленіямъ. Лѣниво лежатъ они, или, бродя тяжелымъ, переваливающимся шагомъ, щиплютъ сочный степной кормъ. Однакожъ иногда достаточно самаго незначительнаго повода, чтобы привесть въ страшный испугъ подобное лѣниво-пасущееся стадо. Тогда-то происходитъ бѣшеная *скачка* *) и *пляска* взбѣсившихся рогатыхъ обитателей степи. Является поразительная картина бѣшенаго бѣга, взрыванія рогами земли, рычанія... Все стадо несется, мчится, страшно, неудержимо—словно въ аттаку на войнѣ. Никакая человѣческая сила не въ состояніи остановить этого бѣгства. Пастухамъ и сторожамъ взбѣшеннаго стада ничего болѣе не остается дѣлать, какъ предоставить полную свободу, пока животныя не *выбѣсятся*" и не утихнуть сами собою.

Подобная бѣшеная пляска и бѣгство стада случилось въ степной Америкѣ недавно—именно въ мартѣ 1877 г., вблизи Баске-Редондо въ Новой Мексикѣ. Стадо, состоявшее изъ 3,000 техасскихъ быковъ и коровъ, согнанныхъ вмѣстѣ на ночь, для „штемпелеванія" желѣзомъ и сортировки, вдругъ взбѣсилось и понеслось (этотъ моментъ и изображаетъ прилагаемый нами рисунокъ). Для лучшаго объясненія дѣла прибавимъ, что стада техасскихъ степей, не ночующія подъ кровлей ни одной ночи въ году, весною большею частью сгоняются вмѣстѣ на какое-нибудь поле. Здѣсь-то производится имъ счетъ, а молодыхъ бычковъ и телокъ, еще не имѣющихъ мѣтки здѣсь клеймятъ (раскаленнымъ желѣзомъ)—для того чтобы ясна была принадлежность ихъ такому-то хозяину, потому что знаки штемпеля, которымъ клеймятъ шкуру животнаго, всегда засвидѣтельствованъ каждымъ собственникомъ скота въ судебномъ мѣстѣ, и каждый хозяинъ долженъ клеймить принадлежащій ему скотъ. Не клейменная же скотина считается „безхозяйною" и каждый имѣетъ право взять ее. Украсть же клейменную корову или быка считается большимъ и строго наказуемымъ преступленіемъ въ этой странѣ. При производствѣ на полѣ счета головъ скота, онъ сгоняется въ плотную кучу и огораживается толстыми жердями. Въ этой же загородкѣ клеймятъ не клейменныхъ животныхъ штемпелемъ ихъ собственника и назначаютъ ихъ для продажи или для убоя, и назначенныхъ тотчасъ же отдѣляютъ.

Было раннее утро (въ мартѣ, какъ мы сказали выше), туманъ покрывалъ необъятную степь. Кругомъ царила величавая тишина. Стадо по обыкновенію было согнано въ кучу и огорожено. Какъ вдругъ раздался вблизи плачевный крикъ осла... Нѣсколько быковъ стремглавъ, выскочили изъ-за загородки и понеслись по полю галопомъ. Затѣмъ бѣшено повыскакало и все стадо, пораженное паническимъ страхомъ—и черезъ минуту можно было видѣть только пеструю волнующуюся рычащую массу, быстро несущуюся вдаль и слышать страшный гулъ отъ копытъ. Земля тряслась, какъ будто отъ подземныхъ ударовъ, во время землетрясенія. Стадо ринулось на полевыя палатки, принадлежащія собственнику и, разумѣется, стоптало и измяло ихъ, разбило въ дребезги двѣ огромныя фуры съ провіантомъ. Эти фуры разлетѣлись какъ сигарные ящики. Затѣмъ стадо стремительно пустилось вдоль берега рѣки Ріо-Пекосъ. Пастухи тотчасъ замѣтили опасность, угрожавшую скоту, потому что около 3/4 часа, внизъ по теченію Ріо-Пекосъ, она дѣлаетъ множество изгибовъ, берега ея становится страшно круты и теченіе быстро. Пастухи, по этому бросились къ рѣкѣ и старались остановить на берегу хотя часть стада. Это до нѣкоторой степени имъ удалось. Но остальная огромная часть скота бѣшено домчалась до того мѣста, гдѣ начинается крутояръ берега и извилистое ложе рѣки. Животныя, скучившись, опрокинулись съ крутояра, съ высоты 14 футовъ, въ Ріо-Пекосъ. Затѣмъ ринувшаяся съ берега задняя масса скота буквально раздавила и размяла прыгнувшихъ прежде, а этихъ въ свою очередь размяли задніе, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока ряды скота не порѣдѣли и услышавъ страшное предсмертное рычаніе своихъ сотоварищей, стали въ тупикъ. При этомъ 800 головъ рогатаго скота или утонуло, или размято и тяжело ранено во время бѣгства и послужило пищею коршунамъ, волкамъ и другимъ хищнымъ животнымъ. Скотъ же, возвратившійся живымъ, былъ до того тяжело израненъ, что его нужно было сейчасъ же убивать. Менѣе чѣмъ въ какихъ-нибудь полчаса, владѣтель стада лишился болѣе 1,000 головъ скота? А отъ чего? Смѣшно сказать! Отъ ослинаго крика!..

*) Названіе этой бѣшеной скачки быковъ stampede происходитъ отъ англійскаго слова «stamp»—*топать ногами*.

Дѣвушка съ плодами.

(Картина Тешендорфа).

Къ этой хорошенькой головкѣ дѣвушки можно обратиться съ стихами изъ Шиллера:

Ты свѣтла, какъ солнца отраженье,
Что въ серебряномъ теченьѣ
Ручейка сверкаетъ, и весной
Смотритъ осень предъ тобой.

Таково обаяніе прекраснаго.

Другой поэтъ обращается къ красотѣ съ такими словами

Я стремлюсь вѣчно юной душою
И всѣмъ сердцемъ къ твоей красотѣ:
Въ ней сказалася жизнь предо мной
Въ безграничной своей полнотѣ...
Ты вливаешь мнѣ въ сердце блаженство,
Въ мою душу прозрѣнье и свѣтъ.

Этотъ же поэтъ въ другомъ своемъ стихотвореніи обращаетъ къ красавицѣ слѣдующую рѣчь:

„Нѣтъ для меня, Левконоя, и тѣла безъ вѣчнаго духа,
Нѣтъ для меня, Левконоя, и духа безъ стройнаго тѣла...
Въ выпуклыхъ линіяхъ формъ, изваянныхъ Богиней Природой,
Душу и цѣлую жизнь, и поэму созданья читаю...

Онъ проситъ ее принесть

«Сытныя снѣди, и весельемъ кипящія вина,
И ароматы, и мудраго мужа Платона творенья.

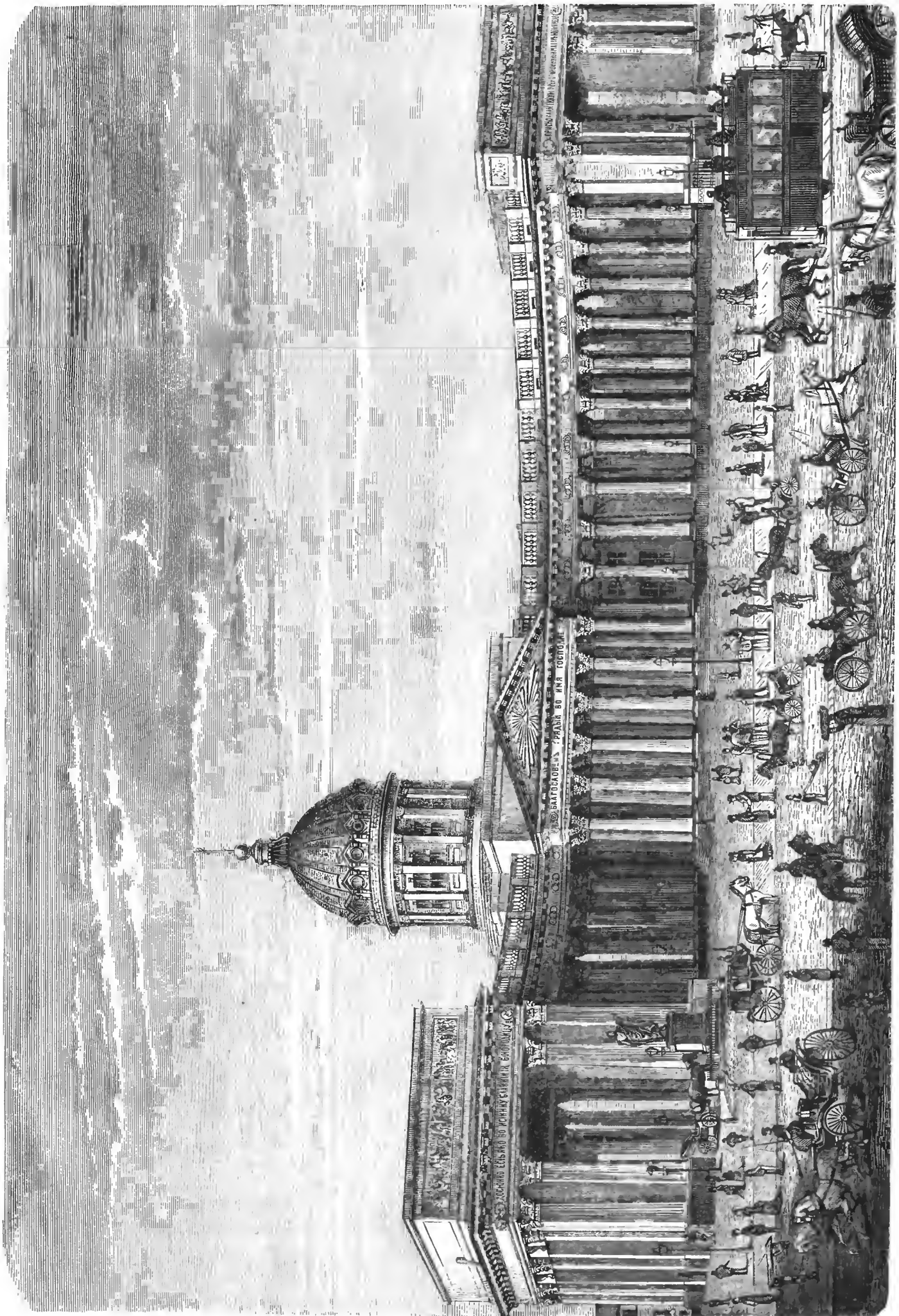
Изъ этого слѣдуетъ, что для наслажденія жизнію недостаточно одной красоты и вкусныхъ яствъ: необходимы и „мудраго мужа Платона творенья".

Беремъ въ заключеніе еще нѣсколько строкъ изъ поэта Шиллера, который достоинства женщины опредѣлилъ слѣдующими словами:

„Женщина лаской, мольбой и привѣтомъ
Скиптръ благонравія держитъ надъ свѣтомъ...
Женщинѣ только одна лишь нужна добродѣтель—и съ нею
Будетъ повсюду она сердце и взоры плѣнять".

Люб.

Библиотека "Руниверс"



Общій видъ Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ. Рис. А. Ванъюра, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс

Перевязочный пунктъ и походный турецкій лазаретъ. По рисунку въ „Illustr. London News", грав Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Казанскій соборъ въ С.-Петербургѣ.

Съ постройкой въ Петербургѣ великолѣпнаго Исаакіевскаго собора, Казанскій соборъ сталъ второстепеннымъ храмомъ и красота его архитектуры уже не плѣняетъ насъ въ той степени, въ какой она плѣняла петербуржцевъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Тогда отъ этой постройки были всѣ въ восторгѣ и кромѣ того она льстила народному самолюбію: этотъ храмъ былъ воздвигнутъ одними русскими, безъ всякаго участія иностранцевъ, по проекту русскаго же строителя *Воронихина*; художники, писавшіе образа, были также исключительно русскіе: Боровиковскій, Шебуевъ, Егоровъ и Безсоновъ; кромѣ того всѣ строительные матеріалы, употребленные для зданія, были отечественные. Это обстоятельство, по словамъ Свиньина, автора панорамы Петербурга, сдѣлало глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Тогда же извѣстный піитъ Хвостовъ посвятилъ цѣлое стихотвореніе въ честь новаго храма. По его словамъ:

„Здѣсь собраны искусствъ громады,
Пребудутъ вѣкъ въ числѣ чудесъ.

Но нынѣ мы уже слишкомъ избалованы разными чудесами, такъ что такія чудеса въ родѣ цѣльныхъ колоннъ, удивившія Свиньина и Хвостова, на насъ уже не производятъ особеннаго впечатлѣнія; но по силѣ своего архитектурнаго значенія, Казанскій соборъ воскрешаетъ въ каждомъ русскомъ такія дорогія, историческія воспоминанія, которыя, конечно, никогда не изгладятся изъ народной памяти. На мѣстѣ нынѣшняго собора уже въ 1710 году стояла небольшая часовня, которая въ 1712 году была обращена въ церковь во имя Рождества Богородицы. Въ 1737 г. сюда перенесли изъ Троицкой церкви, что на Петербургской сторонѣ, чудотворную икону Божіей Матери и съ тѣхъ поръ по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны церковь стала называться Казанскою.

Постройка собора въ большихъ размѣрахъ предпринята была еще Императоромъ Павломъ I. Самая же закладка совершилась уже въ 1802 году съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи Государя и всей августѣйшей фамиліи. Постройка тянулась довольно долго и потребовала издержекъ до четырехъ милліоновъ рублей и лишь въ 1811 году, въ день празднованія коронаціи, состоялось освященіе собора. Вскорѣ началась отечественная война и новый храмъ сталъ нѣкоторымъ образомъ участникомъ великихъ событій. Помолившись здѣсь, отправился маститый полководецъ защищать отечество, въ этомъ же храмѣ онъ нашелъ для себя мѣсто вѣчнаго успокоенія подъ сѣнью добытыхъ имъ трофеевъ.

Казанскій соборъ по постройкѣ—снимокъ въ миніатюрѣ съ знаменитаго храма Петра и Павла въ Римѣ. Внутреннее расположеніе храма крестообразное, длиною въ 233 и шириною 26 саженъ. Куполъ освѣщается шестнадцатью окнами и высота его отъ полу, съ крестомъ, болѣе 33 саженъ. Внутренняя колоннада, идущая отъ четырехъ подкупольныхъ столбовъ, къ алтарю и тремъ главнымъ входамъ, состоитъ изъ 56 цѣльныхъ колоннъ, вышиною въ 4 сажени, высѣченныхъ изъ финскаго гранита. По словамъ Свиньина, ни величественный Римъ, ни великолѣпныя Аѳины не имѣли ничего подобнаго. Иконостасъ собора весь серебряный, чеканный, пожертвованный донскимъ войскомъ изъ добычи, отбитой у непріятеля въ памятномъ 1812 году. Самая высокая драгоцѣнность собора—это знаменитая святыня, чудотворный образъ Казанской Божіей Матери. Эта икона была перенесена въ 1519 г. изъ Казани въ Москву по повелѣнію царя Іоанна Васильевича, а въ 1721 г. была привезена Петромъ Великимъ въ новую столицу и водворена въ Троицкой церкви, что на Петербургской сторонѣ. Нынѣ эта икона вся обвѣшана различными драгоцѣнностями, такъ что стоимость всѣхъ ея украшеній опредѣляютъ болѣе нежели въ 100,000 рублей. Кромѣ того въ Казанскомъ соборѣ находится еще другая чудотворная икона Божіей Матери Ченстоховской, перенесенная сюда въ 1813 году по взятіи крѣпости Ченстохова въ Царствѣ Польскомъ. Главный фасадъ собора украшенъ порталомъ, состоящимъ изъ массивныхъ колоннъ, высѣченныхъ изъ пудожскаго камня. Въ портикѣ, выходящемъ къ Невскому, поставлены колоссальныя бронзовыя фигуры св. Іоанна крестителя, Андрея Первозваннаго, князя Владиміра и Александра Невскаго, отлитыя Екимовымъ. Въ этомъ же порталѣ замѣчательна входная бронзовая дверь, сдѣланная по образцу знаменитой двери баптистеріи флорентскаго собора.

На площади передъ соборомъ поставлены памятники героямъ отечественной войны: Кутузову и Барклаю-де-Толли, работы Мартоса. Эти фигуры хотя и не отличаются особенно изящной отдѣлкой, но за то имѣютъ то достоинство, что онѣ представляютъ намъ нашихъ отечественныхъ полководцевъ въ костюмѣ ихъ времени, а не облаченными въ рыцарскіе доспѣхи или римскую тогу.

Полюбовавшись изображеніями знаменитыхъ вождей, можно войти въ храмъ и осмотрѣть трофеи, добытые на полѣ брани. Въ Казанскомъ соборѣ хранится 157 знаменъ французскихъ и 7 персидскихъ, взятыхъ въ 1812, 1813 и 1829 годахъ. Здѣсь же висятъ ключи отъ взятыхъ крѣпостей и городовъ и сохраняется жезлъ маршала Даву. Постоянно цѣлыя толпы богомольцевъ ходятъ по собору и любуются этими трофеями побѣдъ русскаго оружія или стоятъ въ раздумьѣ около могилы Кутузова. Здѣсь, около этой могилы, невольно вспоминаешь слова поэта:

„Предъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...

Н.

Турецкій перевязочный пунктъ.

Шумъ и вой вѣтра, унылый скрипъ раскачиваемыхъ имъ деревьевъ, дождь, грязь непролазная и холодъ, холодъ... И нѣтъ кругомъ никакого пріюта, гдѣ бы можно было укрыться отъ холода и дождя!.. Вдали виднѣется что-то похожее на человѣческія жилища, но эти жилища въ пламени и оттуда доносится гулъ и грохотъ пушечной пальбы: тамъ идетъ еще бой.

Оттуда-то, съ мѣста этого боя, доставляютъ сюда, на это безпріютное мѣсто, раненыхъ.

Это турецкій перевязочный пунктъ.

Давно уже стемнѣло, давно уже доктора и турецкіе и англійскіе (этихъ послѣднихъ всего больше въ турецкихъ лагеряхъ) устали и измучились, дѣлая раненымъ перевязки; но дѣло ихъ не уменьшается, а напротивъ, съ каждой минутой, увеличивается.

Бой еще не близокъ къ концу, а только входитъ въ самый разгаръ... Раненые все прибываютъ и, Боже, въ какомъ ужасномъ видѣ! У одного оторваны ноги, у другого руки, тутъ оторвана нижняя челюсть, тамъ вырвано нѣсколько реберъ... Стонъ, крики, плачъ, и кровь, кровь!..

И нѣтъ другого мѣста, гдѣ бы можно положить этихъ несчастныхъ,—только одна сырая, холодная земля. Сваливаютъ ихъ на эту землю и лежатъ они по два и по три часа, дожидаясь перевязки ранъ... Многіе умираютъ, не дождавшись этого... И не одинъ, стонущій отъ жесточайшей боли, проситъ, какъ милости,—смерти...

Измучились доктора, не переставая цѣлый день работавшіе надъ ранеными, и не слышатъ они стона и просьбъ несчастныхъ и слышать не могутъ: цѣлый день они въ крови, цѣлый день они все рѣжутъ и рѣжутъ и все еще не видать конца рѣзанью...

Вотъ кладутъ передъ ними какую-то страшную массу, у которой уже признаки подобія человѣческаго утратились: рука и плечо, часть груди, и часть головы, все снесено осколками гранаты и окровавленное виситъ клочьями...

Нѣтъ уже ни стона, ни просьбъ, ни роптанія.

— Отложите въ сторону: кончится самъ собою чрезъ нѣсколько минутъ...

Несутъ массу въ сторону, на смѣну ей готова другая и не одна, не двѣ, а десятки, сотни... Слышатся глухіе стоны, вопли.

— Тише, тише, не вертись: легче отъ этого не будетъ.— Подержите-ка его покрѣпче..,

Докторъ быстро работаетъ ножемъ; кровь льется ручьями и чрезъ нѣсколько секундъ у раненаго уже нѣтъ руки, а минуту спустя, его уже снесли въ сторону, положили на землю, за неимѣніемъ другого болѣе удобнаго мѣста, и докторъ, уже работаетъ ножемъ надъ другимъ раненымъ.

Стонъ, вопли, слезы и смерть во всемъ ея непригляднoмъ, отталкивающемъ видѣ.

И вдругъ среди утомленной и измученной массы народа, ухаживающаго за ранеными, поднимается ужасная тревога. На лицахъ виденъ испугъ, одинъ бросается къ другому, ища отвѣта своимъ сомнѣніямъ,

— Что? Что такое случилось?

— Адъютантъ прискакалъ... Отступаемъ... Близко непріятель...

Шумъ, крики, стоны—и страшная, невообразимая суета. Тащатъ на воза раненыхъ, не смотря на ихъ стоны и вопли... Не обращаютъ вниманія въ суетѣ даже на то, живого-ли раненаго тащатъ или уже умершаго; сваливаютъ ихъ кой-какъ въ телѣги... И чрезъ нѣсколько времени чрезъ то мѣсто, гдѣ былъ перевязочный пунктъ, мчится непріятельскій отрядъ и скачутъ кони по трупамъ, не разбирая, трупы ли это или еще есть въ нихъ жизнь...

Таковы ужасы войны!

Если бы знаменитый авторъ „Божественной комедіи“ Данте Алигіери (род. въ 1265, ум. 1321 г.) жилъ въ наше время, то незачѣмъ было бы ему спускаться въ глубины ада для того, чтобы видѣть, какъ люди мучатся. Войны нашего времени и ужасы, ими производимые, показали бы ему тысячи мученій, неизмѣримо ужаснѣйшихъ въ сравненіи съ тѣми, какія онъ представилъ въ своемъ аду.

Несомнѣнно, что въ то время, когда онъ писалъ свою Божественную комедію, ни ему, ни его современникамъ не приходило въ голову мысли о томъ, что будетъ на землѣ такое время, когда картины адскихъ мукъ, изображенныхъ въ сочиненіи Данте, потускнѣютъ въ сравненіи съ тѣми мученіями, которыя выпадаютъ на долю многихъ раненыхъ.

Такъ страдаютъ раненые и не одни только турецкіе раненые, но и наши русскіе... Правда у турокъ санитарная часть вообще устроена хуже, чѣмъ у насъ. У нихъ меньше и ухода за ранеными, меньше они и вниманія обращаютъ на нихъ, хотя и имѣютъ достаточно услугъ со стороны своихъ друзей, англичанъ. Услугъ этихъ оказывается недостаточно, нѣтъ въ

Библиотека "Руниверс"

самомъ дѣлѣ возможности довести помощь всѣмъ раненымъ до того, чтобы ихъ раны надлежащимъ образомъ и своевременно были перевязаны, сами они накормлены и отправлены куда слѣдуетъ.

Такъ, напримѣръ, разсказываетъ докторъ-очевидецъ, что на перевязочномъ пунктѣ наши русскіе раненые складывались прямо на сырую землю, просто въ грязь, и лежали въ ней часа по два, по три.

— Но позвольте, докторъ, какъ же возможно допускать такое ужасное невниманіе... Вѣдь это... это...

— Это необходимость,—поясняетъ спокойно докторъ, — печальная необходимость—и только!

— Но у нихъ въ ранахъ пули?

— Да... бываетъ!

— Вѣдь это вредно, это-то и есть самое опасное.

— Конечно, это опасно... и очень вредно отражается потомъ на ходѣ лѣченія...

— Такъ для чего же вы не спѣшите оказывать помощь?

— Мы спѣшимъ.. Но не успѣваемъ.

Докторъ отвѣчаетъ не торопясь, спокойно и не волнуясь. Онъ, насмотрѣвшійся вдоволь на страданія раненыхъ и наслушавшійся ихъ стоновъ, конечно, не будетъ волноваться отъ нашихъ настойчивыхъ распросовъ.

— Слѣдовательно, докторъ, нужно большее число санитаровъ и докторовъ.

— Чѣмъ больше, тѣмъ лучше...

— И это, разумѣется, можетъ облегчить положеніе раненыхъ...

— Да, конечно, можетъ въ нѣкоторой степени...

— Неужели же только въ нѣкоторой степени. Отчего же такъ, отчего же нельзя устроить положеніе раненыхъ иначе, лучше...

— Да, когда ихъ немного, то отчего же... Можно. Но когда много, тогда трудно... Я разумѣю физическую невозможность помочь сразу всѣмъ... Война, сама по себѣ, есть величайшее изъ несчастій, хотя и неизбѣжное... Не будетъ войны, не будетъ и ужасовъ ея, будетъ война, будутъ и ея ужасы...

Помолчалъ докторъ, вздохнулъ и разсказываетъ такъ:

Иной разъ на перевязочномъ пунктѣ имѣется докторовъ и мѣстъ только на сто раненыхъ, а ихъ вдругъ по ходу сраженія оказывается двѣ, три тысячи... Подводы всѣ, какія только были и какія только могли быть употреблены въ дѣло, взяты и отправлены уже съ перевязочнаго пункта, мѣста всѣ, какія только были возможны для складыванія раненыхъ, заняты... а раненые еще все прибываютъ... Дождь идетъ, вѣтеръ воетъ, ночь, темно кругомъ—нѣтъ мѣста свободнаго нигдѣ, а раненыхъ все еще несутъ одного за другимъ съ поля битвы, несутъ безъ рубашки, безъ сюртука, безъ шинели и въ такомъ видѣ безъ всякой прикрышки кладутъ въ грязь...

— Прикрыли бы хотя чѣмъ...

— Нечѣмъ: все что было запасено употреблено уже въ дѣло.

— Значитъ, не нужно солдатъ пускать въ бой безъ шинелей.

— Да это тоже не всегда возможно, во первыхъ потому, что днемъ нестерпимый жаръ, а во вторыхъ во время боя не до шинели... Помочь этой бѣдѣ, — заключаетъ докторъ, — можно только прекращеніемъ войнъ, а это уже не въ нашей власти, да и едва-ли во власти какого либо одного человѣка.. Для этого, видимо, еще не наступило время...

Но наступитъ ли оно когда нибудь? На вопросъ этотъ, есть между прочимъ отвѣтъ у Бокля, въ его „Исторіи цивилизаціи". Онъ говоритъ, что войнъ впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ умственномъ развитіи человѣчества не будетъ. Онъ указывалъ въ этой исторіи на нашу севастопольскую войну и намекалъ, что она произошла собственно по причинѣ столкновенія двухъ *нецивилизованныхъ* странъ—Россіи и Турціи; у странъ же, стоящихъ значительно выше въ умственномъ отношеніи, столкновеніе интересовъ, по его мнѣнію, не можетъ уже доходить до войны. Такъ говорилъ знаменитый историкъ и его заключеніе оказалось какъ разъ противоположнымъ дѣйствительности. Не прошло и десяти лѣтъ послѣ этого авторитетнаго заключенія, какъ между *цивилизованными* странами произошли кровопролитныя сраженія: Австрія дралась съ Пруссіей и потомъ Пруссія дралась съ Франціей.

Оказалось, что слишкомъ много значенія авторъ придалъ цивилизаціи. Оказалось, что она пока не измѣняетъ свойствъ человѣческой природы... И кто знаетъ: не будетъ ли человѣкъ до конца міра во многихъ отношеніяхъ такимъ, какимъ онъ былъ при его началѣ? **Ор.**

Генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Обручевъ

Генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Обручевъ родился въ 1830 году, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1848 г. былъ выпущенъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Въ 1352 г. онъ поступилъ въ Императорскую военную Академію (нынѣ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба), въ которой окончилъ курсъ по 1-му разряду и имя его было вписано на мраморной доскѣ. Переведенный въ Генеральный Штабъ, съ назначеніемъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 2-й гвардейской дивизіи, Николай Николаевичъ началъ свою дѣятельность на военномъ ученомъ поприщѣ. Сначала онъ былъ адъюнктъ-профессоромъ по военной статистикѣ въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, а затѣмъ—профессоромъ по каѳедрѣ того же предмета. Въ 1859 году Николай Николаевичъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ начальникомъ дивизіоннаго штаба. Въ 1861 году онъ принималъ участіе въ военно-ученомъ комитетѣ, въ званіи дѣлопроизводителя и члена, а потомъ, по производствѣ его въ генералъ-маіоры, въ званіи управляющаго дѣлами означеннаго Комитета. Въ 1871 году Николай Николаевичъ былъ зачисленъ въ свиту Его Величества.

Знаніе военнаго дѣла и серьезное стремленіе къ его дальнѣйшей разработкѣ и усовершенствованію выразились и въ литературныхъ трудахъ Николая Николаевича. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій по этому предмету, такъ, напримѣръ, „Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства по 1725 г.", „Опытъ исторіи военнаго искусства въ Россіи" и т. п.

Эти же знанія вводятъ Николая Николаевича въ участіе во многихъ преобразовательныхъ работахъ по военному вѣдомству, а именно: онъ участвовалъ въ распорядительныхъ работахъ по переписи военнаго населенія столицы 10-го декабря 1869 г., въ коммисіяхъ объ организаціи войскъ, для разработки новаго положенія о воинской повинности въ имперіи и Царствѣ Польскомъ, за симъ въ коммисіяхъ по составленію новаго положенія о запасныхъ, мѣстныхъ и резервныхъ войскахъ и о государственномъ ополченіи.

Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что планъ военныхъ дѣйствій на малоазіатскомъ театрѣ войны, благодаря которому была разбита армія Мухтара-паши, былъ составленъ генералъ-лейтенантомъ Николаемъ Николаевичемъ Обручевымъ. Есть слухъ, что въ настоящее время, послѣ пораженія Мухтара-паши, генералъ-лейтенантъ Н. Н. Обручевъ съ Малоазіатскаго театра войны отозванъ въ штабъ дѣйствующей арміи на Дунаѣ.

Смѣсь.

Несчастное богатство.

(Изъ дѣйствительной жизни).

Недавно хоронили въ Берлинѣ почтенную восьмидесятилѣтнюю женщину. Длинный рядъ траурныхъ экипажей тянулся за печальной колесницей, принадлежавшей къ „перворазряднымъ". Все указывало на то обстоятельство, что покойная барыня обладала изряднымъ богатствомъ, но одно бросалось въ глаза—въ толпѣ провожавшихъ не было ни одного печальнаго лица, ни одной пары заплаканныхъ глазъ... Значитъ, некому было и поплакать по усопшей. И дѣйствительно, за гробомъ шли не родные покойницы, а представители, депутаты и члены разныхъ институтовъ и учрежденій, къ которымъ, какъ лицамъ юридическимъ, черезъ нѣсколько времени должно было перейти громадное состояніе умершей. Покойная Августа Б* была послѣдней представительницей несчастнаго семейства, надъ всѣми членами котораго тяготѣло страшное проклятіе.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ одинъ бѣднякъ еврей, по фамиліи Гиршъ, долженъ былъ, по приговору суда, развестись съ своею женою—богачкой. Когда раввинъ сообщилъ ему, въ присутствіи жены, вердиктъ суда, Гиршъ, обратившись къ освобожденной супругѣ своей, спокойно произнесъ: „Проклинаю тебя. Ты и всѣ тѣ, кому по наслѣдству достанется твое богатство, умрутъ насильственною смертью. „Аминь, аминь, аминь!" Проговоривъ эти слова, Гиршъ повернулся и ушелъ. Сдѣлавшись впослѣдствіи вице-коллекторомъ при лоттереяхъ (въ то время крайне тяжелая и неблагодарная должность), онъ честно зарабатывалъ свой хлѣбъ и умеръ бѣднякомъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ его смерти, въ Берлинѣ разнесся слухъ о страшномъ убійствѣ—и слухъ этотъ оправдался: г-жа Гиршъ была убита въ собственной своей квартирѣ на Вальштрассе. Несчастная, какъ видно, долго и отчаянно боролась съ злодѣями, потому что вся постель была разворочена, а на тѣлѣ ея оказались ссадины, подтеки и раны; нѣсколько зубовъ было выбито, другіе еле держались; тутъ же были найдены два откушенныхъ пальца. Полицейскій сыщикъ Дункеръ, гроза тогдашнихъ берлинскихъ воровъ и мазурниковъ, очень скоро открылъ виновныхъ: преступленіе было совершено камерюнгферой г-жи Гиршъ, дѣвушкой невѣстой, которой въ этомъ дѣлѣ помогъ женихъ ея. Виновные были преданы суду и понесли заслуженное наказаніе. Громадное состояніе г-жи Гиршъ перешло въ руки двухъ ея сыновей, людей уже самостоятельныхъ. Старшій, будучи землевладѣльцемъ, жилъ въ имѣніи своемъ въ окрестностяхъ Берлина, второй былъ любимымъ доцентомъ въ Берлинскомъ университетѣ. Землевладѣлецъ Гиршъ, женихъ дочери адвоката Л*, по случаю страшной

Библиотека "Руниверс"

смерти матери своей, отложилъ свадьбу на полгода, но этому браку не суждено было состояться и по прошествіи этого срока: женихъ умеръ за нѣсколько дней до вѣнчанья—павъ жертвою *несчастнаго случая*. Осматривая кое-что по хозяйству, онъ наткнулся на дворѣ на бѣшеную собаку, которая страшно искусала его, почти растерзала; сбѣжались люди, но уже было поздно... Доцентъ Гиршъ сдѣлался такимъ образомъ обладателемъ всего богатства; оно снова попало въ однѣ руки. Познакомившись въ домѣ своего пріятеля съ дочерью богатаго коммерціи совѣтника Ц*, молодой Гиршъ влюбился въ нее и обвѣнчался съ нею. Новобрачные поселились въ великолѣпной квартирѣ въ одномъ изъ домовъ на Доротеенштрассе. Коммерціи совѣтница Ц*. переѣхала къ нимъ. Счастье улыбалось молодымъ супругамъ. Прошло нѣсколько времени и д-ръ Гиршъ долженъ былъ отправиться въ Марбургъ, куда его вызвали; онъ уѣхалъ, оставивъ молодую жену беременною, уѣхалъ однако съ тѣмъ, чтобы непремѣнно вернуться къ тому времени, когда присутствіе его, какъ мужа и доктора, будетъ необходимо. Хотѣлось ему раньше возвратиться, но нѣкоторыя обстоятельства задерживали его въ Марбургѣ, приходилось нѣсколько разъ откладывать отъѣздъ, — наконецъ онъ получилъ письмо отъ тещи. Теща убѣдительно просила его все бросить и ѣхать скорѣе къ женѣ, которая скоро уже должна сдѣлаться матерью. Заказавъ экстренный поѣздъ, будущій отецъ полетѣлъ въ Берлинъ и, черезъ нѣсколько часовъ былъ уже въ Доротеенштрассе, но—увы, *тамъ* все уже было кончено: онъ увидѣлъ два трупа, одинъ—жены, другой — младенца. На четвертый день послѣ похоронъ умеръ и несчастный вдовецъ... Говорятъ, что онъ самъ *покончилъ* съ собой, а оффиціально было объявлено, что д-ръ Гиршъ скончался отъ паралича сердца. Въ роскошныхъ покояхъ опустѣвшей квартиры осталась одна коммерціи совѣтница, какъ единственная наслѣдница громаднаго состоянія. Живя безъ прислуги (къ ней только по утрамъ приходила женщина, исполняла что нужно и уходила), эта богатая дама вела какой-то странный образъ жизни, стала нелюдимой, затворницей, почти помѣшанной. Прошло три мѣсяца со дня смерти зятя г-жи Ц*, и вотъ однажды утромъ къ хозяину дома явилась служанка и заявила, что коммерціи совѣтница уже другой день не отворяетъ двери своей комнаты..... „Ужь не случилось-ли, молъ, тамъ чего?“... Дали знать полиціи. На троекратный стукъ отвѣта не послѣдовало; выломали дверь, вошли въ квартиру и увидѣли г-жу Ц*. въ такомъ положеніи: она полулежала у дверей, *повѣсившись* на бичевкѣ, прикрѣпленной къ ручкѣ замка. Фактъ самоубійства былъ доказанъ и затѣмъ приступили къ описи имущества. Не малаго труда стоило выдвинуть огромные ящики комодовъ, въ этихъ ящикахъ лежали цѣлыя груды золотыхъ и серебряныхъ монетъ! Въ теченіи двухъ дней нѣсколько чиновниковъ считали наличныя деньги и насчитали 56,800 талеровъ, все же остальное имущество было оцѣнено въ 250,000 тал.

Въ маленькомъ городкѣ, на границѣ Познани и Пруссіи, въ Бромбергскомъ округѣ, проживалъ въ то время торговецъ еврей, по имени и фамиліи Іона Пикрунъ. Счастьемъ его жизни были жена и двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка. Все имущество его, можно сказать, состояло изъ лошади и телѣжки. Разъѣзжая по деревнямъ, онъ покупалъ разные продукты у крестьянъ и продавалъ этотъ товаръ въ своемъ родномъ городишкѣ. Іона пользовался репутаціею честнаго купца. Вотъ этотъ-то Іона оказался дальнимъ родственникомъ умершихъ Гиршей—судьбѣ угодно было сдѣлать его единственнымъ наслѣдникомъ богатства, оставшагося послѣ коммерціи совѣтницы Ц*. Ошеломленный такимъ неожиданнымъ счастьемъ, Пикрунъ отправился въ Берлинъ, гдѣ скоро и получилъ *все*, по описи. Увѣдомивъ „своихъ“ самымъ радостнымъ письмомъ о благополучномъ окончаніи дѣла по вводу во владѣніе, Іона сообщилъ женѣ, что вернется домой въ слѣдующую пятницу и просилъ выслать ему въ Бромбергъ лошадь съ телѣжкой. Пора была зимняя, смеркалось рано, а Пикрунъ, какъ благочестивый еврей, хотѣлъ непремѣнно быть дома до начала шабаша, поэтому онъ велѣлъ работнику гнать лошадку. Совсѣмъ уже стемнѣло, когда Іона добрался до послѣдняго шлагбаума. Шлагбаумъ былъ спущенъ. Крикнувъ сборщика и уплативъ ему шоссейныя деньги, еврей крикнулъ работнику „трогай“! Но лошадь, вмѣсто того, чтобы двинуться впередъ, поддалась назадъ, а сборщикъ, не замѣтившій этого, снова опустилъ только что поднятый шлагбаумъ и—тяжелое бревно *упало прямо на голову* Іоны, который даже и не крикнулъ, свалившись замертво съ телѣжки... Чуть живого привезли его домой, а на слѣдующую ночь онъ умеръ. Вдова Пикрунъ, съ обоими дѣтьми и сестрой, единственной родственницей своей, переѣхала въ Берлинъ, гдѣ и купила красивый, барскій домъ въ Тиргартенштрассе. Черезъ годъ ее посѣтило ужасное несчастье: дѣти ея, дочь и сынъ, *вывалились изъ окна и разшиблись до смерти*; спустя еще годъ сама злосчастная мать *утонула* въ купальнѣ. Сестра и единственная наслѣдница огромнаго состоянія покойной и была та самая Августа Б*, которая прожила 80 лѣтъ. Еще задолго до смерти вдовы Пикрунъ, вовсе не разсчитывая сдѣлаться ея наслѣдницей, Августа Б*. приняла христіанскую вѣру. Любовь къ архитектору Сольдану заставила ее сдѣлать этотъ шагъ, но архитекторъ скоропостижно умеръ и Августа дала обѣщаніе не выходить замужъ. Правда, эта почтенная дама умерла въ глубокой старости, но причиною ея смерти все-таки былъ несчастный случай: однажды, когда она сидѣла у окна, *желѣзный прутъ отъ сторы упалъ ей прямо на голову*; отъ этого удара образовалась рожистая опухоль, которая и свела старуху въ могилу...

Не правда-ли, какое странное сцѣпленіе случайностей? Но почему же нельзя приписать всѣ достовѣрныя обстоятельства этого разсказа чему либо другому, кромѣ случайности?.. Но чему же другому? Это вопросъ, на который также трудно отвѣтить.

Генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Обручевъ.
Грав. Вейерманъ.

Генеральское жалованье. Изъ одного письма Флавія Вопискуса къ императору Валеріану видно, какое содержаніе получалъ въ то время отъ казны римскій генералъ (tribunus militum), начальникъ легіона, а именно: ежегодно деньгами получалъ онъ 100 золотыхъ Антоніевъ, 1000 серебрян. Авреліановъ и 10,000 мѣдныхъ динарій, всего на наши деньги до 5000 руб. сер., что въ наше время равняется суммѣ въ 100,000., р. с., затѣмъ—ему давали пару красныхъ кафтановъ, два гальскихъ плаща, двѣ пары полотняного нижняго платья съ узорами изъ золотыхъ нитей и большую серебряную миску, съ крышкой ажурной работы, вѣсомъ въ 10 фунт. (римскій фунтъ libra=12 унціямъ). Изъ провіанта генералу назначалось: ежедневно 1 ф. говядины, 6 ф. свинины, 10 ф. козлятины или баранины, половину пѣтуха, 2/6 кружки праванскаго масла и около 8 кружекъ стараго вина. Говяжьяго жиру, соли, овощей и топлива бралъ онъ столько, сколько ему нужно было. Квартира была также казенная, приличная генеральскому сану.

(Продолженіе на стр. 725, 726, 727 и 728).

Библиотека "Руниверс"

Ночная работа въ русскихъ траншеяхъ при Плевнѣ. Рис. Кившенко, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія

Важнѣйшими нашими успѣхами на прошлой недѣлѣ было взятіе весьма важныхъ позицій у *Горнаго Дубняка* 12 октября, и взятіе Телиша, случившееся черезъ четыре дня послѣ рѣшительнаго дѣла у Горнаго Дубняка, т. е. 16 (28) октября. При взятіи Телиша мы захватили въ плѣнъ 7 турецкихъ ротъ, 1-го пашу и нѣсколько офицеровъ, а также 3 пушки. Что касается перваго дѣла, то оно должно быть причислено къ разряду «блистательнѣйшихъ» дѣлъ текущей войны, не смотря на то, что побѣда обошлась намъ дорогою цѣною. Наша потеря при этомъ оказалась въ *2,500* человѣкъ убитыми и ранеными. Но затѣмъ, только въ концѣ прошлой недѣли могли быть оффиціально сообщены подробности о сраженіяхъ 12 и 16-го октября. Взято нами въ томъ и другомъ дѣлѣ, въ плѣнъ 13 таборовъ пѣхоты, 5 эскадроновъ кавалеріи и 7 орудій, всего до 7000; въ этомъ числѣ 2-хъ пашей, до 200 офицеровъ, 3 англичанина (1 изъ нихъ полковникъ турецкой службы и 2 доктора) далѣе—1 французъ, служившій въ турецкой арміи волонтеромъ. Эти оба пораженія, нанесенныя нами туркамъ 12-го и 16-го, произвели сильное впечатлѣніе на оттоманскую армію. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь деморализація ея возрастетъ и число бѣглецовъ увеличится. Что для этой деморализаціи есть уже давно элементы,—мы видѣли изъ отдѣльныхъ эпизодовъ плевненской осады, о которыхъ и сообщали прежде. Въ частности теперь пораженія турецкой арміи при Дубнякѣ-Телишѣ сказываются тѣмъ, что изъ Радомирцевъ *) бѣжалъ Шевкетъ-паша съ 12-ю таборами, испугавшись единственно нашего конно-гренадерскаго разъѣзда. Наша кавалерія его преслѣдовала.

Не можемъ не упомянуть здѣсь, что въ дѣлѣ при Телишѣ особенно отличился нашъ лейбъ-гвардіи улавскій полкъ, изрубившій 150 конныхъ башибузуковъ и черкесовъ, и затѣмъ аттаковавшій пѣхоту. Потеря наша въ этой молодецкой схваткѣ убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ до 50 человѣкъ. При этомъ былъ легко раненъ командующій лейбъ-гвардіи гродненскимъ гусарскимъ полкомъ принцъ Альбертъ Саксенъ-Альтенбургскій.

Бѣгство Шевкета-паши изъ Радомирцевъ еще больше теперь затрудняетъ положеніе защитниковъ Плевны, потому что отрядъ генерала Гурко можетъ теперь сосредоточить свое вниманіе на тылѣ Османа-паши. Здѣсь же самый слабый пунктъ плевненскихъ позицій. Отмѣтимъ здѣсь тотъ знаменательный фактъ, что во время пораженія нами турокъ при Горномъ-Дубнякѣ и Телишѣ 12 и 16 октября Османъ-паша оставался въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ. Очевидно, что все вниманіе турецкаго военачальника при этомъ сосредоточивалось на фронтѣ. Именно здѣсь происходитъ самая опасная для Османа-паши дѣятельность. Осадныя работы подвигаются здѣсь весьма дѣятельно.

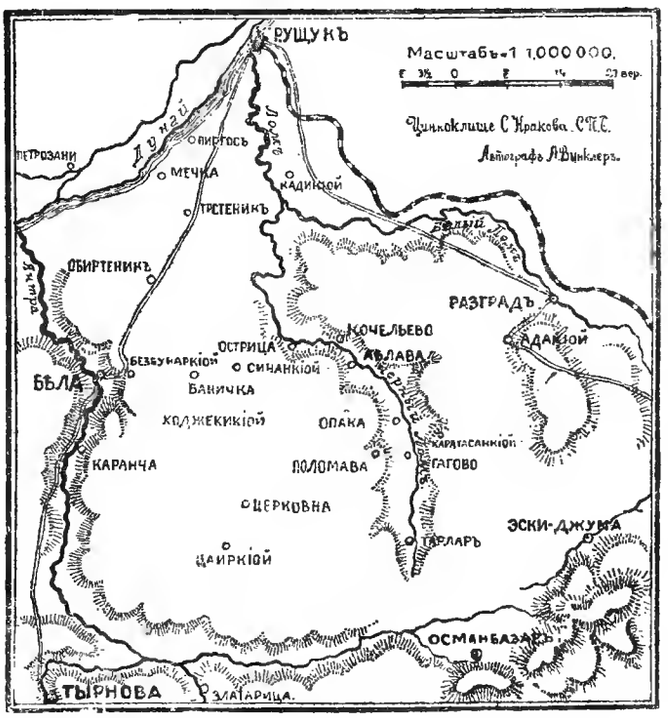
За симъ, разсматривая окончательный результатъ нашихъ успѣховъ при Дубнякѣ и Телишѣ, мы должны признать, что важнѣйшія послѣдствія этихъ дѣлъ заключаются не въ полученныхъ трофеяхъ и числѣ плѣнныхъ, а главнѣйше въ томъ, что мы *теперь получили ключъ ко всѣмъ путямъ на Софію*, если бы таковыми, оставивъ безполезно защищаемую Плевну, вздумалъ воспользоваться Османъ-паша. Правда у Османа-паши оставалась бы еще дорога на сѣверо-западъ къ Виддину. Но здѣсь намъ кстати упомянуть о бывшемъ недавно блистательномъ дѣлѣ нашихъ союзниковъ, румынъ. Недавно румынская дивизія полковника Сланичамо переправилась у Гавриѣно черезъ рѣку Видъ и двинулась по дорогѣ къ Рахову вдоль Дунайскаго берега. На этомъ пути румынская дивизія аттаковала редутъ *Вадинъ*, командующій дорогою вдоль Дуная и лежащій въ 25 верстахъ къ западу отъ Рахова. Турецкія войска очистили редутъ Видинъ и отступили къ Рахову. Мы считали нужнымъ подробно остановиться на этомъ важномъ фактѣ, потому что онъ доказываетъ, что и путь къ Виддину перерѣзанъ теперь туркамъ румынами. Слѣдовательно именно теперь «желѣзное кольцо» сковывающее турокъ въ Плевнѣ, можно понимать въ строгомъ и буквальномъ смыслѣ.....

Такъ какъ въ скоромъ будущемъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ могутъ произойти значительныя дѣйствія, то мы прилагаемъ при этомъ маленькую карту, съ указаніемъ особенно важныхъ стратегическихъ пунктовъ.

Театромъ военныхъ дѣйствій арміи Цесаревича служитъ пространство между *Эски-Джумою* (на Бѣломъ Ломѣ) и Бѣлою на Янтрѣ. Въ свое время мы дали читателямъ подробное описаніе весьма важныхъ для Болгаріи рѣкъ Янтры и Лома.

Здѣсь лежатъ извѣстные по военнымъ удачамъ *Кара-Гиссанъ-Кіой* и деревня *Кацелево*. За симъ, между Янтрою и Кара-Ломомъ лежитъ *Церковна*, извѣстная нашими успѣхами и древняя столица Болгаріи *Терново* (въ самомъ югозападномъ углу нашей карты).

Что касается нашихъ дѣйствій въ Малой Азіи, то тамъ на прошлой недѣлѣ снова начались наши наступательныя движенія. Цѣль этихъ движеній состоитъ въ томъ, чтобы помѣшать соединенію арміи Измаила-паши съ остатками арміи Мухтара-паши, уже успѣвшаго быстро обезпечить себѣ правильное отступленіе. Генералъ Гейманъ началъ 16 октября съ этою цѣлію обходное движеніе. Кавалерія его, въ соединеніи съ кавалеріей генерала Тергукасова начала преслѣдованіе войскъ Мухтара-паши, отступающихъ за Капра-Кей. Пѣхота же генерала Тергукасова начала движеніе съ цѣлію соединиться съ отрядомъ генерала Геймана. На прошлой недѣлѣ положеніе дѣлъ на этомъ театрѣ войны представлялось вообще въ такомъ видѣ, что вся часть отъ нашей границы до селеній Баязето-Эрзерумскаго пути и отъ Кепри-Кея до Ардагана, очищена отъ турокъ, за исключеніемъ Карса, который, однако же, обложенъ.



Карта военныхъ дѣйствій между Рущукомъ, Разградомъ и Терновымъ.

Подвигъ Кавказской арміи, разбившей на голову армію Мухтара-паши, засвидѣтельствованъ былъ наградою—орденомъ Георгія I-го класса, возложеннымъ Августѣйшимъ Монархомъ на Августѣйшаго Главнокомандующаго, Великаго князя Михаила Николаевича. Орденъ Св. Георгія 4 класса Великій Князь Намѣстникъ Кавказскій получилъ 7 ноября 1854 г., послѣ достопамятнаго сраженія при Севастополѣ 24 октября 1854 г. Затѣмъ орденъ Св. Георгія 2-го класса Великій Князь получилъ за покореніе Западнаго Кавказа, и орденъ этотъ пожалованъ Его Высочеству 15 іюня 1864.

Въ настоящее время только два лица имѣютъ орденъ св. Георгія 1 класса: Его Императорское Высочество Намѣстникъ Кавказскій и императоръ германскій Вильгельмъ I.

Изъ политическихъ извѣстій отмѣтимъ слѣдующее.

Въ Парижѣ въ настоящее время происходятъ перебаллотировки хотя эти перебаллотировки, во многихъ случаяхъ, даютъ результаты, повидимому, неблагопріятные республикѣ, по тѣмъ не менѣе онѣ не могутъ вліять на общій результатъ выборовъ, рѣшительно благопріятный республикѣ, такъ что и общій составъ палаты депутатовъ представитъ 320 республиканцевъ и 210 консерваторовъ. Недавно представители всѣхъ фракцій лѣвой стороны сената и послѣдней палаты депутатовъ собрались для совокупнаго принятія рѣшенія относительно послѣдняго манифеста къ странѣ, въ которомъ заключается точное изложеніе требованій республиканскаго большинства.

Въ Англіи до сихъ поръ продолжается громадное бѣдствіе одной изъ важнѣйшихъ ея азіатскихъ владѣній—Индіи. Это бѣдствіе—голодъ въ Индіи. Въ послѣдніе годы этотъ голодъ не былъ для Индіи новостью. Истощеніе богатыхъ естественныхъ средствъ страны, безсовѣстное эксплоатированіе этихъ средствъ англичанами—вотъ что сдѣлало недугъ голода для Индіи уже не *острымъ*, а хроническимъ зломъ. Чѣмъ же британцы истощили Индію? Насиліями и торговыми обманами! Истощили до невозможности ей когда либо подняться... Теперь Британія, какъ и два-три года тому назадъ открыла дѣятельную подписку въ пользу Индіи? Но что значитъ эта подписка, это жалкое вспомоществованіе? Капля въ морѣ! Англійскіе министры до послѣдняго времени много хлопотали о путяхъ въ Индію, но о самой Индіи совсѣмъ забыли. Индія, собственно говоря, и эксплоатировалась-то ради Турціи. Такъ, въ 1854 г. Англія затратила сотни милліоновъ для спасенія господства турокъ надъ христіанами. Годъ же спустя въ Индіи вспыхнуло возстаніе, послужившее достойнымъ возмездіемъ англичанамъ за заботливость

*) Радомирцы, къ юго-западу отъ Плевны, близъ р. *Искера*.

Библиотека "Руниверс"

о чужихъ интересахъ въ ущербъ Индіи, провозглашенной недавно Имперіей. Названіе это, разумѣется, не помогло дѣлу, такъ какъ состояніе Индіи потрясено радикально. Но вопросъ представляется крайне интереснымъ: въ виду всѣмъ уже теперь извѣстной эксплоатаціи англичанами Индіи въ пользу Турцій,—что предпримутъ наконецъ, британское правительство для прекращенія зла—приметъ ли оно туркофильскую политику, ради которой страдаетъ Индія, или нѣтъ?

Вопросъ о продовольствіи нашей арміи, въ виду чрезвычайно возмутительныхъ дѣйствій подрядчиковъ, начинаетъ мало по малу занимать общество. Въ газетахъ сообщаютъ, что, въ непродолжительномъ времени, въ Москвѣ предполагается организація новой компаніи, состоящей изъ числа крупныхъ капиталистовъ русскаго происхожденія. Компанія эта должна замѣнить собою товарищество Горвица, Когана и Грегера.

Засимъ нельзя не обратить вниманія на предложеніе, какъ пишутъ изъ Бухареста въ пражскую газету «Politik», главной русской квартирѣ на Дунаѣ французскимъ офицеромъ г. Ривьеромъ отъ имени извѣстныхъ французскихъ воздухоплавателей, Годоро, Дурано и друг., устроить регулярное сообщеніе при помощи аэростатовъ. По словамъ Ривьера, издержки по поддержанію такого сообщенія составятъ 1,000 франк ежедневно. Что если, въ самомъ дѣлѣ, такое предложеніе осуществимо, то какой переворотъ оно можетъ произвести въ военномъ дѣлѣ? Но пока этому трудно вѣрить.

— Вслѣдствіе частыхъ поврежденій теперь поставленныхъ мостовъ чрезъ Дунай, правительствомъ нашимъ заказано на чугунно-литейномъ заводѣ Санъ-Галли и у др. заводчиковъ изготовленіе частей моста, долженствующаго имѣть три сажени ширины для проѣзда и разсчитаннаго на прочное сопротивленіе передвиженію по немъ самыхъ тяжелыхъ орудій.

— Разработка нашихъ нефтяныхъ источниковъ въ Баку постепенно улучшается и въ настоящее время промышленниками принимаются всѣ мѣры для большаго заготовленія фотогена, такъ какъ цѣна на фотогенъ на приволжскихъ рынкахъ сильно возвышается. Въ Балахаиахъ и въ особенности въ Сабунчахъ идетъ кипучая дѣятельность по веденію буровыхъ работъ. Къ сожалѣнію, пароходныя общества, бравшія прежде по 27 - 25 к. съ пуда фотогена отъ Баку до Царицына, теперь берутъ по 40 коп. Парусныхъ судовъ теперь мало, да и они подняли также фрахтъ до 6 руб. за бочку, т. е. до 30 коп. за пудъ.

На дняхъ, а именно 13-го октября, въ Москвѣ случилось трагическое происшествіе Въ окружномъ судѣ происходило разбирательство дѣла по обвиненію управляющаго Конторой Государственнаго Коннозаводства, генералъ-маіора армейской кавалеріи Л. Н. Гартунга въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ вдовою Завфтлебенъ и крестьяниномъ Егоромъ Ушаковымъ, съ соучастниками: графомъ Ланскимъ и коллежскимъ совѣтникомъ Алферовымъ похитили оставшіеся послѣ смерти Заифтлебена векселя, долговыя обязательства и наличныя деньги. Въ означенный день, около 6 часовъ вечера, присяжные вынесли свой вердиктъ, которымъ генералъ Гартунгъ былъ признанъ виновнымъ и незаслуживающимъ снисхожденія. Удаляясь изъ залы суда, генералъ Гартунгъ вмѣстѣ съ защитникомъ и близкимъ своимъ пріятелемъ г. К*, остановились въ одной изъ комнатъ зданія суда, и въ то время, когда защитникъ говорилъ съ другомъ Гартунга о поводахъ кассацій, внезапно раздался трескъ выстрѣла—то обвиненный нанесъ себѣ рану въ сердце изъ маленькаго пистолета, который онъ имѣлъ съ собою. На оставленной имъ запискѣ рукою покойнаго было написано: «клянусь Всемогущимъ Богомъ, я ничего не похитилъ по настоящему дѣлу; прощаю своихъ враговъ».

Это дѣло вообще было причиною многихъ толковъ въ печати и въ обществѣ и мнѣніе большинства склоняется на признаніе невиновности покойнаго генерала Гартунга.

Беремъ нѣсколько данныхъ изъ всеподданнѣйшаго отчета Министра Народнаго Просвѣщенія за 1875 г., напечатаннаго въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Общее число народныхъ начальныхъ училищъ въ Россіи къ концу 1875 года составляло 23,936 съ 965,409 учащихся, мужч. 785,265, женщ. 179,034) Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ число училищъ увеличилось на 1,547, а число учащихся на 34,592, въ томъ числѣ на 30,810 муж. и на 4,783 жен. Свѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія не включаютъ, впрочемъ, начальныхъ училищъ Кавказа, Финляндіи и областей Средней Азіи, которыя не состоятъ въ вѣдѣніи министерства, а равно сельскихъ лютеранскихъ училищъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, находящихся въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ числѣ 2,042, съ 86,113 учащихся

По среднему выводу, содержаніе учителя одноклассного начальнаго училища составляетъ около 190 р., не считая, впрочемъ, квартиры и отопленія, но въ частности, содержаніе это распредѣляется весьма неравномѣрно, ¾ изъ общаго числа учителей и учительницъ получаютъ содержаніе, которое не можетъ считаться удовлетворительнымъ, такъ какъ каждый здоровый кузнецъ заработываетъ отъ 200 до 300 руб. въ годъ. Въ отчетѣ Министра говорится, что къ устраненію ненормальнаго положенія нашихъ народныхъ школъ, происходящихъ отъ неправильнаго посѣщенія и преждевременнаго оставленія ихъ учащимися, и распространенію грамотности въ народной массѣ, *могло бы служить у насъ введеніе обязательнаго обученія.*

Не можемъ не отмѣтить и слѣдующее:

Наши нѣмецкіе колонисты изъ-подъ Самары и Саратова, какъ сообщаютъ газеты, уѣзжаютъ большими партіями въ Америку. Пишутъ, что въ продолженіи мѣсяца переселилось болѣе 400 семействъ. Какіе результаты будутъ послѣдствіемъ этого переселенія—покажетъ недалекое будущее.

Въ-заключеніе сообщаемъ о совершившемся пятидесятилѣтіи существованія въ Россіи «Перваго Страховаго отъ Огня Общества». Изъ статистическаго сборника по вопросамъ страхованія, изданнаго по этому случаю Обществомъ, видно, что пожарные убытки, уплаченные обществомъ въ теченіи 50-ти лѣтъ, составляютъ 40,264,636 рублей. Расходы составляли 15% изъ полученныхъ премій. Въ дивидендъ выдано акціонерамъ 18,545,714 р. 29 к. На страхъ недвижимаго имущества принято на сумму около двѣнадцати съ половиной мильярдовъ рублей.

Библіографія.

Иллюстрированные разсказы изъ природы и жизни. 1877. Книжка назначена для дѣтей старшаго возраста и издана очень чисто, четкимъ, хорошимъ шрифтомъ—крупнымъ напечатаны разсказы изъ природы, а болѣе мелкимъ—изъ жизни. Рисунки недурны, особенно нѣкоторые; напр.: сельскій видъ, повторенный на обложкѣ и исполненный художникомъ Денисовскимъ и многіе изъ мелкихъ (стр. 3, 10, 12, 53, 69), въ томъ числѣ головки собакъ въ текстѣ переводнаго стихотворенія. Что касается внутренняго содержанія, то лучшая, въ смыслѣ полезности, несомнѣнно первая часть, занимающая всего 72 страницы. Въ ней простымъ удобопонятнымъ языкомъ, толково и сжато переданы интересныя свѣдѣнія о составѣ и производствѣ самыхъ насущныхъ продуктовъ, какъ то сахара, соли, бумаги и пр. Сюда же входитъ и разсказъ о человѣческихъ жилищахъ, начиная съ незатѣйливаго дупла Вандименца и заканчивая нашей, тоже нехитрой русской избой и ея обстановкой. Большой переводный разсказъ «Джемсъ Ролеестонъ», приложенный въ концѣ и занимающій мѣста вдвое болѣе первой описательной части, навѣрное понравится молодымъ читателямъ, напомнитъ имъ страницы изъ Майнъ-Рида и Верна. Жаль одного, что англійская жизнь чужда нашимъ дѣтямъ и потому желательно бы было въ предполагаемомъ второмъ выпускѣ увидать разсказъ изъ русской народной жизни, хоть чисто этнографическаго характера. Въ бытовой жизни народа столько богатствъ, столько простой безъискуственной правды и поэзіи, что даже странно распространяться на эту тему. Одни наши народные промыслы могли бы доставить массу живого матеріала для разсказовъ изъ жизни. Съ этими промыслами связано столько приключеній, рѣзко обозначенныхъ типовъ, цѣлый міръ повѣрій. Одвимъ словомъ, желаемъ «Разсказамъ» полнаго успѣха на книжномъ рынкѣ, мы не теряемъ надежды на слѣдующій выпускъ съ болѣе, если можно такъ выразиться, русскимъ содержаніемъ. Отъ этого книга во всякомъ случаѣ только выиграетъ и еще болѣе рѣзко отдѣлится отъ массы торопливо составленныхъ книгопродавческихъ спекуляцій.

W. W.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Величайшій секретъ успѣха въ достиженіи цѣли заключается *въ умѣньи ждать* (Де-Местръ).

Французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила (Пушкинъ).

Дѣйствуй всегда такъ, чтобы причина твоихъ дѣйствій могла служить общимъ правиломъ всему человѣческому роду (Кантъ).

Всего пріятнѣе жить, когда ищешь совершенствованія, и еще пріятнѣе, когда видишь, что совершенствуешься (Сократъ).

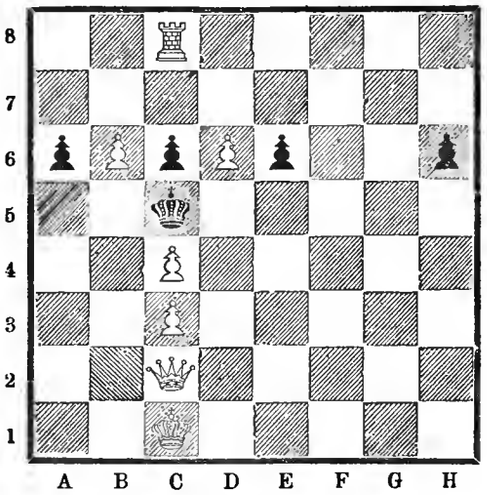
Я встрѣчалъ людей неспособныхъ къ знанью и наукѣ, но не находилъ еще неспособныхъ къ добродѣтели (Конфуцій).

Женщина имѣетъ то общее съ ангеломъ, что ей близки существа страдающія (Бальзакъ).

Библиотека "Руниверс"

Шахматная задача.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Воронежъ, Арс. Шт—ову.** Говорк о характерѣ городской жизни въ Воронежѣ, вы пишете:

Магазины и базары
Тамъ течетъ нашъ тихій Донъ...

Оказывается, такимъ образомъ, что Донъ течетъ по магазинамъ. Далѣе:

«Есть верховный тамъ судья
И всего онъ сокрушитель...

Это тоже, повидимому, невѣрно, ибо не только вы сами, но и ваши посягательства на терпѣніе читателей этимъ судьею не сокрушены.
Затѣмъ, описывая судью, вы оказываетесь просто неумолимы:

«Строгіе порядки вводитъ,
Опираясь на завѣтъ:
Бабъ на калачу онъ водитъ,
Самъ выходитъ на балконъ».

Должно быть вы очень недовольны этимъ верховнымъ судьей, что даже и на балконъ ему не позволяете выходить. Смилуйтесь!

2) **Ревель, А. Е. Ф.** На помѣщеніе согласны, если рисунки будутъ удобны для насъ. Необходимы при нихъ и надлежащія свѣдѣнія.

СОДЕРЖАНІЕ: **Его Императорское Высочество, князь Сергѣй Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій** (съ портретомъ).—**Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева.** Часть вторая (продолженіе).—**Плевна и ея укрѣпленія** (съ 2-мя рисунками).—**Испуганное стадо рогатаго скота на пастбищахъ Новой Мексики** (съ рисункомъ).—**Дѣвушка съ плодами** (съ рисункомъ) Люб.—**Казанскій соборъ въ С.-Петербургѣ** (съ рисункомъ) Н.—**Турецкій перевязочный пунктъ** (съ рисункомъ) Ор.—**Генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Обручевъ** (съ портретомъ).—Смѣсь.—Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.—Библіографія W. W.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Шахматы.—Почтовый ящикъ.—Объявленія

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

По указаніямъ гг. докторовъ, мальцъ-экстрактное гигіеническое пиво Іоганна Гофа, должно употребляться слѣдующимъ образомъ: мальцъ-экстрактное гигіеническое пиво кипятятъ втеченіе десяти минутъ, снимаютъ съ него пѣну и затѣмъ, утромъ и вечеромъ выпиваютъ по винному стакану. Этотъ напитокъ употребляется такимъ, какъ онъ есть, три раза въ день—утромъ, въ полдень и вечеромъ, каждый разъ по винному стакану.

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТНЫЕ ГРУДНЫЕ КОНФЕКТЫ ПРОТИВЪ КАШЛЯ.

Для отправленія въ провинцію цѣна за пуд. мальцъ-экстрактнаго пива въ 33 бут., съ ящикомъ и упак. (кромѣ перес.) 10 р. 80 к., 70 бут —21 р. Берлинъ ф. мальцъ-екстр. шокол. 1 р. 90 к.: 5½ ф.—9 р. 50 к, 11 фун. 19 р.

Цѣна мѣшечка грудныхъ конфектъ въ 40 штукъ—50 к., 5½ мѣш —2 р. 50 к., 11 мѣш.—5 р.

Сгущенный мальцъ-екстрактъ противъ кашля—1 р. за флаконъ, за 11 флаконовъ 10 р. Мальцъ-екстрактная питательная мука для дѣтей—на жестянку 1 р., за 11 жестанокъ—10 руб

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТНОЕ ПИВО Іоганна ГОФА

(Фабрика въ Берлинѣ, Главная торговля для Россіи въ С.-Петербургѣ, на углу Невскаго и Николаевской улицы, домъ № 71—2).

Пиво это, обладая весьма тонкимъ, сладкимъ солодовымъ вкусомъ, составляетъ любимѣйшій столовый напитокъ всѣхъ классовъ общества; оно питаетъ, укрѣпляетъ и вслѣдствіе своихъ отличныхъ свойствъ, пріятности и полезности

КОНЦЕССІОНИРОВАНО

Правительствами: Германско-Прусскимъ, Австрійскимъ, Англійскимъ, Французскимъ, Голландскимъ, Румынскимъ, Греческимъ, а также Соединенными Сѣверо- и Южно-Американскими Штатами и проч.

ПАТЕНТОВАННЫЙ ПОСТАВЩИКЪ

Е. В. Императора Германскаго Короля Прусскаго, многихъ Князей и Принцевъ,

ПОЖАЛОВАННЫЙ

знаками отличія: Королевско-Прусскимъ орденомъ Короны; дипломомъ Королевско-Прусскаго коммиссіонъ-совѣтника съ государственною печатью; золотымъ съ короною крестомъ за заслуги, собственноручно пожалованнымъ Е. В. Императоромъ Австрійскимъ — за отличныя достоинства мальцъ-екстрактнаго пива Іоганна Гофа и проч.

Іоганнъ Гофъ.

Въ книжномъ магазинѣ Николая Матвѣевича **Клочкова** на Никольской улицѣ въ **Москвѣ.** Только что отпечатаны и поступили въ продажу **Знаменитыя Волшебныя Сказки Перро.** Одиннадцать сказокъ: 1-ая красавица спящая въ лѣсу. 2-ая Маленькая красная шапочка. 3-я Синяя борода. 4-ая Котъ въ сапогахъ. 5-ая Волшебницы. 6-я Замарашка. 7-я Рике съ хохломъ. 8-я Мальчикъ съ мальчикомъ. 9-я Ослиная кожа. 10 Смѣшныя желанья. 11 Приключенія хитруши. Съ превосходно иллюминованными картинами, въ красномъ переплетѣ. 1878 г. цѣна 1 25 к., съ пересылкою 1 50 к. **Опасности дикихъ странъ.** Жизнь и необыкновенныя приключенія **среди американскихъ лѣсовъ.** 33 рисунка знаменитаго писателя Франца Гофмана. Содержаніе: Переселенцы, странствующій Натанъ, Конокрадъ, Повѣшенный, Ошибка, Преслѣдователи, Засадникъ, Осада, Бѣгство, Вакціе въ плѣнъ, Попытка на спасеніе, Разставаніе, Пьяницы, Освобожденіе, Натанъ и Роландъ, Разсказъ Ральфа, Натанъ въ деревнѣ, Натанъ открываетъ Тслію, Натанъ ноймакъ, Абель дзя. Червый поршукъ, Неожиданное нападеніе, Эпилогъ. Съ изящно отпечатанными картинами ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. въ красивомъ переплетѣ 2 р. 25 к съ пер. 2 р. 50 к. **Недѣли въ гостяхъ у бабушки.** Девять веселыхъ игръ для дѣтей съ картинами и нотами для пѣнія и игры, составлена наставницею дѣтей Е. Соколовой ц. 75 к. Выписывающіе отъ Клочкова за пересылку не прилагаютъ. Всякаго рода книги высылаются скоро и аккуратно.
№ 24 **Принимается подписка на всѣ журналы и газеты на 1878 годъ.** 1

НОВЫЯ КНИГИ:
„ТРИ СУДЬБЫ" романъ П. Якобсона цѣна 1 р., за пересылку 25 к.
„ЛЮБОВЬ и ВОЙНА" романъ того-же автора, второе изданіе, доконченное новыми главами. цѣна 60 к., за пересылку 25 к. Съ требованіемъ обращаться къ издателю Алексѣю Алексѣевичу Мартынову, въ С.-Петербургѣ, по Фонтанкѣ, № 47 кв. Мартынова.
Вмѣсто денегъ можно высылать почтовыми марками. № 21 1—1

ВЪ УЧИТЕЛѢ нуждающіеся благоволятъ прислать свой адресъ студенту филологу. Домъ Спасо-сѣнн. п., кв № 5. № 25 2—1

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступило въ продажу третье изданіе книги

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ:

УМСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ДѢТЕЙ

отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Содержаніе книги: нравственное и умственное развитіе дѣтей; работы, игры, физическія упражненія на воздухѣ и въ комнатѣ, разсказы, сказки, загадки, пословицы, ариѳметическія задачи и наблюденія надъ явленіями природы. При книгѣ приложенъ сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ съ народными мелодіями и съ аккомпаниментомъ. Цѣна книгѣ 2 рубли. № 19 1—1

Магазины: Адмиралт. площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3, противъ Стремянной.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА въ Петербургѣ,

Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.

19

Товарищество Чемберсъ и К°.

Дозволено цензурою. СПБ. 28 Октября 1877 г. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 45 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 7 Ноября 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ" 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23,500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать печатныя редакціонные адресы отъ бандеролей, въ которыхъ получается «Нива» въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" на 1878 г.

Безъ доставки въ ПБургѣ . . . 4 р.
Съ доставкою . . . . . 5 р.
Безъ доставки въ Москвѣ . . . . . 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Русской Имперіи . . . . . 6 „

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за НОЯБРЬ съ 28 рисунк., отдѣльный листъ съ 23 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 30 рисунками мебели для убранства комнатъ въ характерѣ русскаго стиля,—рисов. И. Пановымъ, и 111 рисунковъ инициаловъ и вензелей для мѣтки бѣлья.

Его Императорское Высочество, Великій Князь Николай Николаевичъ младшій.

Его Высочество, Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, сынъ Его Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, родился 6-го ноября 1856 года. Вступивъ въ ряды юнкеровъ Николаевскаго Инженернаго училища, онъ находился нѣкоторое время въ Ижорскомъ лагерѣ для обученія саперным работамъ.

Въ 1871 г. въ чинѣ прапорщика былъ командированъ въ учебный пѣхотный батальонъ и вслѣдъ затѣмъ въ учебный кавалерійскій эскадронъ. Въ 1873 году онъ поступилъ слушателемъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго штаба и въ 1876 году окончилъ курсъ съ наградой за отличные успѣхи въ наукахъ малой серебряной медалью. Имя его написано на мраморной доскѣ въ Академіи. Согласно современнымъ требованіямъ, обусловливающимъ поступленіе въ Генеральный Штабъ, Его Высочество предъ цѣлымъ составомъ конференціи Академіи, въ присутствіи военнаго министра и своихъ товарищей-сверстниковъ, защищалъ предварительно написанную имъ диссертацію, и защищалъ, по общимъ отзывамъ, блистательно. Его Высочество вообще предавался съ необычайною любовью изученію высшихъ военныхъ наукъ и серьезно усвоилъ теорію военнаго дѣла.

Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ младшій.
Съ фотог. грав. Вейерманъ.

По окончаніи курса, 1-го апрѣля 1876 г. Его Высочество былъ причисленъ къ Генеральному Штабу и во время сбора войскъ гвардейскаго корпуса въ Красносельскомъ лагерѣ, въ минувшее лѣто, на происходившихъ въ Высочайшемъ присутствіи маневрахъ, исполнялъ уже практически обязанности офицера Генеральнаго Штаба. 18-го апрѣля 1876 г. Его Высочество былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты Его Величества; 6-го ноября того же года произведенъ въ капитаны, а 18-го ноября назначенъ въ должность оберъ-офицера по особымъ порученіямъ къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему, по званію Главнокомандующаго дѣйствующей арміей. Въ настоящее время имя Его Высочества Николая Николаевича упоминается въ числѣ наиболѣе отличившихся при

Библиотека "Руниверс"

переправѣ войскъ чрезъ Дунай. Славнымъ участіемъ въ дѣлѣ перехода русской арміи на Болгарскую территорію, юный князь блистательно открылъ свою боевую дѣятельность. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ вошедшихъ на турецкій берегъ Дуная стрѣлковъ Волынскаго пѣхотнаго полка и обнаружилъ при этомъ рѣдкое мужество, за что удостоился быть пожалованнымъ отъ Государя Императора орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ настоящее время Его Высочество произведенъ уже въ чинъ полковника.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XVI.

А тамъ, далеко, за тысячи верстъ отъ Москвы, за тысячи верстъ отъ всѣхъ волненій московскихъ, тишина великая стояла надъ небольшимъ островомъ, образуемомъ рѣками Сосвою и Вогулкою. Кругомъ страна дикая; горы на сотни верстъ тянутся, лѣса безконечные На островѣ городокъ—Березовъ.

У самаго берега Сосвы, гдѣ еще недавно пустырь былъ, выросъ вдругъ маленькій домикъ въ четыре комнаты и съ часовенкой Домикъ этотъ построилъ почти весь своими руками свѣтлѣйшій князь Александръ Данилычъ Меншиковъ. Въ одной комнаткѣ помѣстились княжны, въ другой—князь съ сыномъ; въ третьей—прислуга; четвертая комнатка отведена была подъ кладовую. А гдѣ же княгиня Дарья Михайловна? Гдѣ ее помѣстили? Далеко она. Лежитъ она въ могилѣ, въ селѣ Услонѣ, близь Казани, на берегу рѣки Волги.—Не вынесла дороги, а пуще всякихъ мукъ душевныхъ и оскорбленій, бѣдная Дарья Михайловна. Страшная была дорога въ Березовъ. Чего, чего только не натерпѣлись Меншиковы. Когда вышелъ имъ приказъ оставить Раненбургъ, они выѣхали въ рогожной кибиткѣ и въ двухъ простыхъ телѣгахъ. Не проѣхали и восьми верстъ отъ Раненбурга, какъ Мельгуновъ, капитанъ гвардіи, которому поручено было наблюдать за ссыльными, нагналъ ихъ съ военной командой и всею бывшею княжеской дворней. Грозно и съ бранью приказалъ онъ Меншиковымъ выйти изъ повозки. Солдаты и дворня стали выбрасывать на дорогу княжескія пожитки. Мельгуновъ объявилъ, что, по приказу Верховнаго Тайнаго Совѣта, онъ долженъ осмотрѣть, не взяли ли Меншиковы чего лишняго противъ описи,—и радъ онъ былъ показать власть свою, издѣваться надъ вчерашнимъ властелиномъ земли русской. Все отобралъ онъ, что только можно было.

Молодой князь Александръ Александровичъ взялъ было съ собою нѣсколько мелкихъ вещичекъ, платья пары три запаснаго, для занятій инженерныхъ инструменты, зеркальце, три гребенки, съ табакомъ жестянку. Совсѣмъ еще мальчикъ былъ князь Александръ Александровичъ, но и его не пожалѣлъ Мельгуновъ—все это у него отнялъ. Замѣтилъ, что у юноши карманъ оттопырился:—„эй, что это у тебя въ карманѣ, сказывай?“ Со слезами неудержимыми сталъ прижимать князь Александръ къ себѣ то, что было у него въ карманѣ—ужь очень выдать не хотѣлось. Но Мельгуновъ силой отнялъ. Это былъ маленькій мѣшечекъ съ полушечками на два рубля. Обратился затѣмъ Мельгуновъ и къ княжнамъ. У нихъ вещей было немного, только кое что для работъ и рукодѣлій, да теплыя епанечки, шапочки, юбки, чулки.

— Это еще на что? крикнулъ Мельгуновъ. И солдаты все отобрали. Швырнули сундукъ съ телѣги прочь, посыпались ленты, нитки, лоскутки разныхъ матерій,

Александра Александровна не удержалась и заплакала отъ оскорбленій, а солдаты стали смѣяться, перебрасывать другъ другу съ неприличными шутками ея ленточки. Одинъ сталъ напяливать на себя ея кофточку. Александръ Данилычъ и Дарья Михайловна закрылись въ своей кибиткѣ рогожей чтобъ не видѣть этого позора. Долго шелъ осмотръ, наконецъ несчастныхъ отпустили. На Марьѣ Александровнѣ оставили только тафтяную зеленую юбку, штофный черный кафтанъ и бѣлый корсетъ, на головѣ бѣлый атласный чепчикъ, а для зимняго времени зеленую тафтяную шубку. На младшей княжнѣ оставили зеленую тафтяную юбку, бѣлый штофный подшлафрокъ и такую же какъ у сестры шубку, и на головѣ такой же бѣлый атласный чепчикъ.

Вся рухлядь домашняя князей Меншиковыхъ состояла изъ двухъ лопатокъ, котла съ крышкою, трехъ кастрюль мѣдныхъ, двѣнадцати блюдъ и двѣнадцати тарелокъ оловянныхъ, да трехъ треногъ желѣзныхъ. Не дали имъ ни ножа, ни вилки, ни ложки.

И поѣхали дальше Меншиковы, и всюду гдѣ ни проѣзжали они, народъ толпами сходился глядѣть на нихъ и кричалъ имъ вслѣдъ и показывалъ пальцами и плевался.

Вотъ похоронили бѣдную Дарью Михайловну, вотъ ужь и Сибирь давно; въ Тобольскъ пріѣхали. Ѣдутъ мимо ссыльныхъ, что на дорогѣ работаютъ. Одинъ изъ ссыльныхъ подбирается ближе къ телѣгѣ, гдѣ сидятъ княжны. Онѣ смотрятъ на него и совсѣмъ не понимаютъ, чего онъ отъ нихъ хочетъ. Но вотъ онъ нагнулся, набралъ въ горсть комъ грязи и кинулъ его прямо въ лице княжнамъ.

— Вотъ на-жь тебѣ, Александръ Данилычъ, закричалъ онъ старому князю, вотъ твоимъ дѣткамъ отъ меня гостинецъ. Упряталъ ты меня сюда,—на-жь тебѣ. Встрѣтился таки съ тобою, слава те Господи!

Затрясся старый Меншиковъ, поблѣднѣлъ какъ полотно и горько заплакалъ.

— Боже мой, прошепталъ онъ, обращаясь къ ссыльному. Въ меня бросай, въ меня бросай, извергъ, а не въ этихъ дѣтей несчастныхъ, ни въ чемъ они передъ тобой не виноваты!

Вотъ какой путь былъ княжескому семейству. Дня не проходило безъ горькихъ обидъ, несносныхъ оскорбленій.

Въ Березовѣ помѣстили ихъ сначала въ острогъ, но скоро поспѣлъ маленькій домикъ. Александръ Данилычъ всѣ дни надъ нимъ работалъ, только въ этой работѣ и забывалъ свою тоску, свои муки невыносимыя. Поспѣлъ домикъ, перебрались туда Меншиковы. Княжна Марія Александровна принялась хозяйничать съ тремя кастрюлями мѣдными. Страшная жизнь началась, дни томительные: зима пришла лютая, дня почти совсѣмъ нѣту—тьма кромѣшная, тишина невозмутимая. Затеплятъ княжны огонекъ въ маленькой комнаткѣ, подсядутъ къ отцу измученному, съ каждымъ днемъ слабѣющему, и читаютъ ему книги священныя, а онъ разсказываетъ имъ свое прошлое. Поочередно дѣти записываютъ его разсказы и такъ идутъ дни, недѣли, проходитъ мѣсяцъ—другой.

Вотъ сидятъ они какъ-то, а вокругъ домика все та же тьма непроглядная; слышно какъ завываетъ мятелица, дребезжитъ отъ нея маленькое окошко. Вдругъ стукъ въ дверь. „Кто бы это могъ быть, часъ такой поздній“. Вздрогнули всѣ Меншиковы: „Неужто новое горе, неужто и тутъ не оставятъ ихъ въ покоѣ, можетъ на казнь еще повлекутъ, о Боже, такъ хоть бы ужь поскорѣе“. Приподнялся было со своего стула деревяннаго—имъ же самимъ и сдѣланнаго—Александръ Дани-

Библиотека "Руниверс"

лычъ, приподнялся, да пошатнулся и опять сѣлъ на мѣсто—ноги не послушались.

Дрожащими руками отперла дверь княжна Марья Александровна—отперла и руки у нея опустились: передъ нею мущина молодой въ теплую шубу вверхъ шерстью закутанный, весь въ инеѣ. Но разомъ смекнула княжна несчастная что не здѣшній это человѣкъ. „Такъ видно и есть, видно оттуда, изъ Россіи, присланъ намъ на погибель.“

— Аль не узнали?! раздался молодой и радостный голосъ вошедшаго. Да не диво, какъ и узнать то.

И вотъ онъ сталъ снимать съ себя мѣховую одежу, вотъ шапку большую снялъ съ себя—и князь Александръ Данилычъ и всѣ дѣти его разомъ всплеснули руками.

— Боже мой! Ѳедоръ Васильичъ, какими судьбами? Откудова?

— Изъ Москвы прямехонько.

— Такъ это тебя, тебя твои родичи прислали объявить мнѣ приговоръ смертный? проговорилъ Александръ Данилычъ.

— Нѣтъ, ты ошибся, князь, тихимъ и печальнымъ голосомъ отвѣчалъ Ѳедоръ Васильевичъ Долгорукій, сынъ князя Василья Лукича,—ошибся ты, Александръ Данилычъ. Еслибъ отецъ родной день цѣлый на колѣняхъ стоялъ передо мною, умолялъ бы учинить тебѣ какую нибудь обиду, словомъ однимъ не обидѣлъ бы я, да и теперь: меня самаго бы кажется на казнь повели, еслибъ узналъ кто, что я здѣсь, въ Березовѣ.

— Чтожь все это значитъ? спросили разомъ всѣ, ничего не понимая.

— А вотъ, дайте обогрѣться, дайте придти въ себя—все разскажу по порядку.

Княжны поспѣшили воды согрѣть, сварить что нибудь для нежданнаго гостя, а онъ тѣмъ временемъ разглядывалъ ихъ и едва отъ слезъ могъ удержаться, смотря на Марью Александровну. Съ искренней печалью погоревалъ онъ о кончинѣ доброй Дарьи Михайловны, передалъ Александру Данилычу все, что зналъ о дѣлахъ московскихъ, а про себя еще ни слова!—не говоритъ да и только, зачѣмъ отмахалъ четыре тысячи верстъ—пріѣхалъ въ этотъ ужасный Березовъ. Изъ за вздору какого сюда не пріѣдешь. Наконецъ пристали къ нему всѣ Меншиковы, говори, да говори, и онъ ужь не можетъ больше отнѣкиваться. Раскраснѣлось все лицо его молодое, опустились густыя рѣсницы, глазъ поднять не можетъ ни на кого—неловко ему, страшно въ чемъ то сознаться.

— Да не томи, Ѳедоръ Васильичъ, говори, ради Бога, не скрывайся. Страшную вѣсть какую нибудь, видно ты привезъ съ собою, такъ не жалѣй насъ—ко всему привыкли, ничего ужь теперь кажись не испугаемся, говоритъ Александръ Данилычъ.

— Можетъ я и привезъ страшную вѣсть, да не для васъ, а для себя. Но ужь, была не была, слушайте, всѣ слушайте: вспомни ты, князь мой милостивый, Александръ Данилычъ, вѣдь не рѣдко я къ вамъ въ Петербургъ хаживалъ, и коли ты не былъ ласковъ, такъ ласкала меня добрая Дарья Михайловна, царствіе ей небесное. Вспомните, княжны мои милыя, не разъ я плясалъ съ вами въ веселое времячко. Ну княжна Александра была тогда еще совсѣмъ почти махонькая, такъ я все больше съ тобою, Марья Александровна, быть старался. И не даромъ для меня прошли тѣ дни. Ты то можетъ и вниманія никакого на меня не обратила, а я съ каждымъ разомъ все больше, да больше о тебѣ думалъ, хотѣлъ было посвататься, да ждалъ что толку изъ этого не будетъ.

Всѣ изумленно и внимательно слушали Ѳедора Васильевича, а княжна, не отрываясь, смотрѣла на него странными, остановившимися глазами. Въ лицѣ ея ни кровинки не было. Она не шевелилась ни однимъ членомъ, точно окаменѣла.

— Да, видѣлъ что проку никакого не будетъ. Сначала за Сапѣгу тебя сговорили и понялъ я—охъ тяжко было мнѣ!—понялъ я что милъ тебѣ этотъ Сапѣга ну, и ушелъ, и остался въ сторонѣ. Потомъ стала ты царской невѣстой. Ни душѣ живой не сказалъ я про мое лютое горе, а ужь горе было такое что и во снѣ прежде мнѣ не снилось: дня спокойнаго не вѣдалъ, ночи на пролетъ не спалъ, слезъ потоки выплакалъ. Но вотъ пришло ваше время лютое, все я зналъ, все чуялъ заранѣе, да что жь въ томъ, мнѣ и слова то сказать не давали, ротъ разину—отецъ закричитъ на меня: не твоего ума, говоритъ, это дѣло. Ну и молчалъ себѣ, только мучился. Потомъ какъ выѣхали вы изъ Петербурга пробовалъ я забыть тебя, Марья Александровна, во всѣ тяжкія пустился, эхъ, стыдно сказать даже, но не потаю, ужь пьянствовать началъ, да тошно мнѣ стало, душѣ претила такая жизнь. Бросилъ я вино, бросилъ безпутства всѣ, а тоска не проходитъ, ужь почти что на яву ты стала мнѣ мерещиться, княжна моя золотая. А время идетъ, въ Москву переѣхали, тамъ мнѣ еще того тошнѣе сдѣлалось. Вотъ слышу на васъ напасть новая—въ Сибирь, въ Березовъ, васъ ссылаютъ, ну и не вытерпѣлъ. Отпросился у отца за границу, взялъ паспортъ и вотъ подъ именемъ Ивана Миронова пробрался за вами сюда и вотъ я здѣсь, какъ видите и отъ тебя теперь, князь Александръ Данилычъ, отъ тебя, Марья Александровна, все счастье мое зависитъ. Захотите—погубите однимъ словомъ, однимъ же словомъ и счастливымъ человѣкомъ меня сдѣлаете...

Александръ Данилычъ ужь давно сидѣлъ, опустивъ голову на руки, и тихія слезы стекали по щекамъ его. Княжна Александра Александровна съ братомъ тоже плакали, одна Марья Александровна все по прежнему, неподвижно, не мигая, смотрѣла на молодого Долгорукаго. Вдругъ она порывисто встала съ мѣста, сдѣлала къ нему нѣсколько шаговъ и всплеснула руками.

— Боже мой, Боже, нашелся человѣкъ, нашелся—не всѣ еще оставили! Еще не все кончено.

Она безумно зарыдала, зашаталась и потерявъ сознаніе упала на полъ.

Долгорукій, сестра и братъ кинулись къ ней, но долго не могли привести ее въ чувство.

Кое какъ постлали гостю постель—спать уложили, но никто во всю ночь эту не сомкнулъ глазъ въ маленькомъ домѣ Меншикова. Княжна Марья Александровна все стояла на колѣняхъ передъ иконой и горячо молилась, и плакала, и металась—странное что-то, непостижимое съ ней творилось. На другой день она вышла къ князю Ѳедору Васильевичу, обняла его за шею обѣими руками, прижалась головою ему на грудь и рыдала и сквозь рыданья шептала ему:

— Голубчикъ, золотой ты мой, чудо великое сотворилъ ты надо мною!.. Ожесточнлось совсѣмъ сердце мое, сокрушило меня горе лютое. Только смерти одной и ждала я, и желала, знала что люди всѣ отъ меня отвернулись, знала что всѣ не любятъ меня, презираютъ, ненавидятъ и сама я никого не любила, сама всѣхъ ненавидѣла, но отъ словъ твоихъ нежданныхъ, вегаданныхъ, о какихъ я всю жизнь и помыслить то не смѣла, растопилась какъ воскъ вся душа моя. Въ мигъ одинъ совсѣмъ другою ты меня сдѣлалъ—сама не узнаю себя. Снова жить хочется и это мѣсто ужасное и эта жизнь безрадостная счастьемъ небеснымъ кажется,—вотъ что ты со мною сдѣлалъ!....

Онъ не отвѣчалъ ей ни слова. Онъ глядѣлъ на нее и не могъ наглядѣться, только молчаливыми ласками силился успокоить ея волненіе, но она не успокоилась, она рыдала все громче, и все страстнѣе, все горячѣе лились слова ея.

— Ненаглядный мой, въ одну ночь эту такъ тебя я полюбила, какъ не любила никого еще въ жизни, да думала что и любить не съумѣю. Краше ты мнѣ те-

Библиотека "Руниверс"

Сцена при взятіи Гривицкаго редута 30 августа: Маіоръ Архангелогородскаго полка, Квитко, первый вспрыгнувъ на пушку, убиваетъ турецкаго бомбардира, въ то время, когда онъ намѣревался, произвести изъ нея выстрѣлъ. По рисунку „Monde illustré“, грав. Вейерманъ.

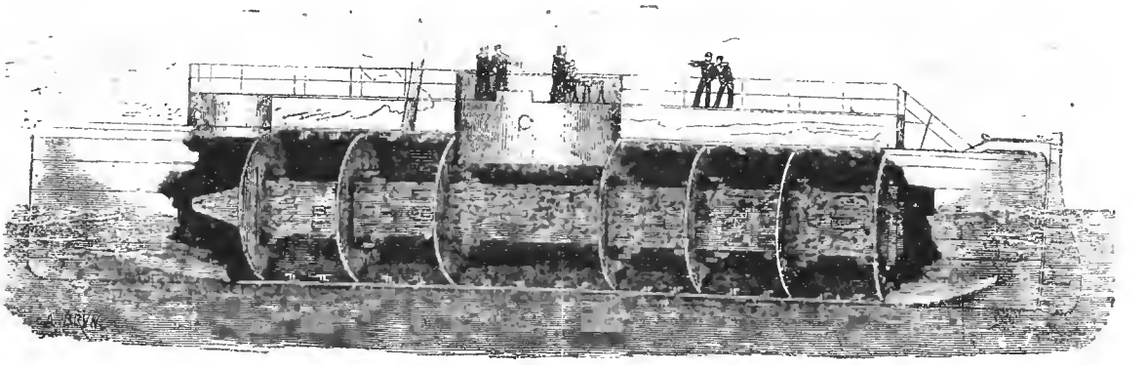
Библиотека "Руниверс"

перь солнца небеснаго! Лютыя муки принять за тебя готова! Не отпущу тебя теперь отъ себя, жизнь ты моя, счастье ты мое!

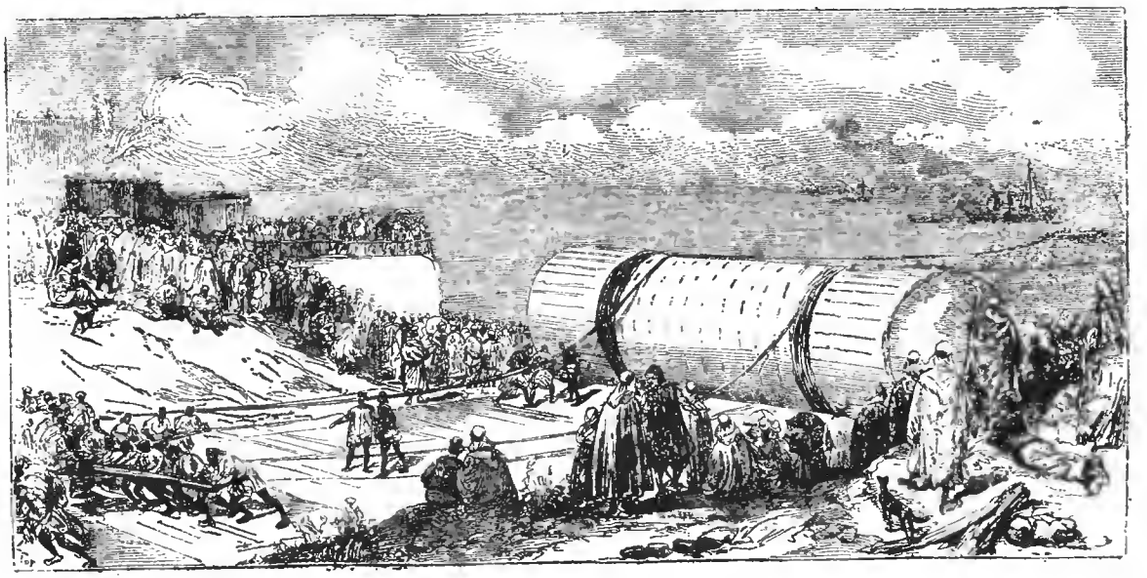
Никогда еще въ самые ясные дни величія Меншиковыхъ не было такой радости въ ихъ домѣ, какъ теперь въ крошечномъ самодѣльномъ домикѣ на берегу Сосвы. Старикъ то и дѣло что попеременно обнималъ то дочь, то Долгорукаго и благословлялъ ихъ и плакалъ надъ ними и вспоминалъ жену свою покойную: сокрушался что не дожила она до такой радости. Поуспокоившись немного, стали думать и судить о томъ, какъ свадьбу устроить. Трудно это было, но въ концѣ концевъ съумѣлъ молодой Долгорукій уговорить стараго березовскаго священника, подарокъ ему сдѣлалъ, свой барсовый плащъ богатый отдалъ—и обвѣнчалъ ихъ тайно священникъ.

Александръ Петровичъ Сумароковъ. (Столѣтіе со времени его смерти).
Рис. и грав. А. Нейманъ.

Новая жизнь началась въ Меншиковскомъ домѣ, нежданное, тихое счастье забралось подъ тесовую крышу. Прошла зима, лѣто наступило, лѣто короткое, да жаркое —сибирское лѣто. И часто этимъ лѣтомъ березовскіе жители видали молодую пару, согласно да любовно гулявшую по рѣчному берегу. Неузнаваемой стала Марья Александровна, даже все лицо ея преобразилось. Ушла куда то прежняя безжизненность, загорѣлись глаза ея темные, небывалый румянецъ на щекахъ вспыхивалъ— на диво похорошѣла она. Такъ что взгля-



Видъ положенія „Иглы“ въ желѣзномъ кессонѣ. Цинкогр. Кракова.



Отправка монолита „Игла Клеопатры“ изъ Александріи въ Лондонъ. Спускъ въ воду „Иглы“ въ желѣзномъ кессонѣ. Цинкогр. Кракова.

Библиотека "Руниверс"

нувъ на нее теперь можетъ быть и юный Императоръ не сказалъ бы что дурна она. Видно и прежде только счастья не доставало, чтобы сдѣлать ее прелестною. Она ходила постоянно въ черномъ платьѣ, съ окладкою изъ серебряной блонды. Это платье подарилъ ей Ѳедоръ Васильичъ—привезъ онъ его съ собою. Но не продолжительно было счастье.

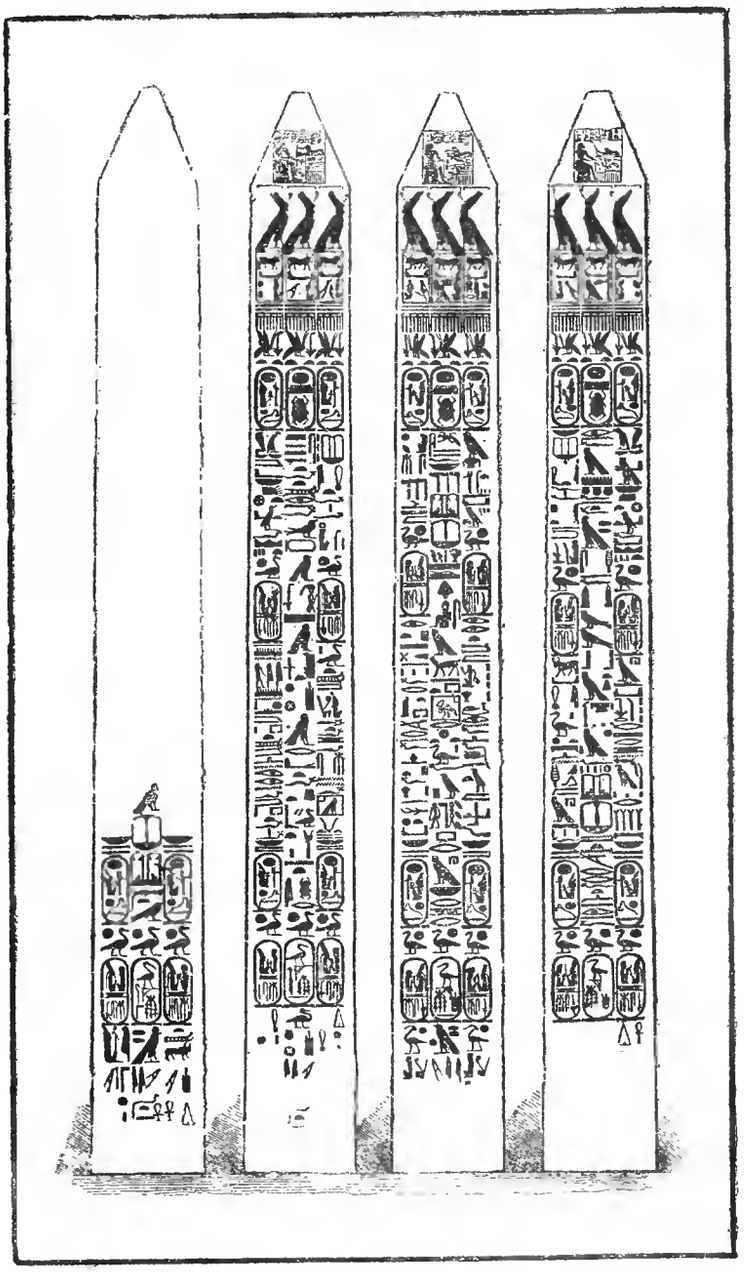
12 ноября 1729 года тихо на рукахъ дѣтей скончался Александръ Данилычъ. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ то и дѣлалъ, что молился, просилъ у Бога себѣ прощенья, раскаявался нелицемѣрно во всѣхъ старыхъ грѣхахъ своихъ. Съ просвѣтленной улыбкой отдалъ Богу душу. А въ это время новая княгиня Долгорукая Марья Александровна готовилась стать матерью. Смерть отца на нее сильно подѣйствовала: она преждевременно разрѣшилась отъ бремени двойнями и черезъ день умерла; умерли и дѣти. Такъ и похоронили ее въ одной могилѣ съ ними. Было это 26 декабря и въ этотъ день ей исполнилось 18 лѣтъ отъ роду.

Вслѣдъ за ея кончиной явился гонецъ изъ Москвы, Петръ II посылалъ дѣтямъ Меншикова вѣсть объ ихъ свободѣ, дозволеніе имъ жить въ деревнѣ. Слишкомъ поздно пришла эта милость: только Александра Александровна, да юный Александръ Александровичъ воспользовались ею.

Неутѣшный, совсѣмъ растерянный отъ горя, выѣхалъ изъ Березова князь Ѳеодоръ Васильевичъ и опустѣлъ домикъ, построенный знаменитымъ Данилычемъ и давно давно сравнялось и сгладилось мѣсто, гдѣ стоялъ онъ и никто во всей землѣ русской не зналъ тайну послѣдняго года жизни царской невѣсты: въ семьѣ хранили ее, не выдавали.

Долгіе годы прошли съ тѣхъ поръ, столѣтіе цѣлое въ вѣчность капуло и вотъ только въ 1825 г. 30 іюля узнали о томъ, что разсказано здѣсь нами.

Въ Березовѣ стали искать могилу Меншикова:—сначала докапались до двухъ маленькихъ гробиковъ обитыхъ сукномъ алымъ. Раскрыли гробики—увидали кости младенцевъ, покрытыя зеленымъ атласомъ да два шелковыхъ головныхъ вѣнчика. Эти гробики стояли на большомъ гробу, сдѣланномъ ввидѣ колоды изъ кедра, длиною около трехъ аршинъ, и обитомъ тѣмъ же алымъ сукномъ, съ крестомъ изъ серебрянаго позумента на крышкѣ. Сняли крышу и увидѣли женщину, покрытую атласнымъ зеленымъ покрываломъ. Покрывало со всѣхъ сторонъ было подложено подъ покойницу, потому не тревожа ее разрѣзали атласъ посерединѣ ножницами. Сто лѣтъ тому назадъ похороненная оказалась почти свѣжею: лицо бѣлое съ синеватостью; зубы всѣ сохранились; на головѣ чепчикъ изъ шелковой алой матеріи, подъ подбородкомъ подвязанный шелковой лентой; на лбу шелковый вѣнчикъ, шлафрокъ изъ тонкой шелковой матеріи красноватаго цвѣта, на ногахъ башмаки съ высокими каблуками, книзу съуживающимися, передки остроконечные, изъ шелковой махровой матеріи. Могила оставалась цѣлый день открытою и къ вечеру лицо Марьи Александровны совершенно почернѣло. Гробъ опять зарыли въ землю.



Факсимиле надписей на четырехъ сторонахъ обелиска: „Игла Клеопатры“.
Цинкогр. Кракова.

Въ Березовѣ сохранилось еще одно воспоминаніе о царской невѣстѣ: въ Воскресенскомъ соборѣ тамошнемъ хранится золотой медальонъ, тонкой работы, а внутри его находится, свитая въ кольцо прядь свѣтлорусыхъ волосъ. Этотъ медальонъ поступилъ въ церковь по смерти князя Ѳедора Васильевича Больше ничего не напоминаетъ о Марьѣ Александровнѣ. Есть еще одинъ уголокъ земли русской, гдѣ успокоилась другая страдалица несчастная Дарья Михайловна. Въ селѣ Услонѣ, на Волгѣ, возлѣ домика сельскаго дьячка разведенъ маленькій садикъ съ огородомъ. Среди полыни и крапивы видна старая надгробная плита и на ней сохранилась надпись: „Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Д...“. Пройдутъ еще годы, сотрется старая надпись, расколется въ дребезги, или уйдетъ въ землю и совсѣмъ забудется могильный камень. Истлѣютъ и свѣтлорусые волосы въ медальонѣ въ березовской церкви, но судьба несчастнаго семейства навѣки сохранится и въ русской исторіи и въ разсказахъ народныхъ какъ великій примѣръ тлѣнности земного величія и надеждъ человѣческихъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Александръ Петровичъ Сумароковъ.

(† 1-го октября 1777 года)

«Онъ, подобно Вольтеру, хотѣлъ блистать во многихъ родахъ и, не имѣя всеобъемлющаго ума фернейскаго философа, не достигъ ни въ одномъ совершенства, хотя, по справедливому замѣчанію Карамзина, оставилъ въ твореніяхъ своихъ многія красоты».
(*Бантышъ-Каменскій*. Слов. достоп. людей. V. 1836 года).

А. П. Сумароковъ родился въ Вильманстрандѣ, 14-го ноября 1717 года. Отецъ его, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Панкратьевичъ, былъ крестникомъ Петра Великаго и происходилъ изъ древняго дворянскаго рода. Первоначальное воспитаніе Александръ Петровичъ Сумароковъ получилъ дома, а на пятнадцатомъ году, въ маѣ 1832 г., онъ поступилъ въ „Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ". По выходѣ изъ корпуса, молодому, родовитому и состоятельному Александру Петровичу Сумарокову удалось поступить въ адъютанты къ графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, знатнѣйшему и вліятельнѣйшему изъ вельможъ при императрицѣ Елизаветѣ. Подобными должностями въ то время очень дорожили и ревностно ихъ добивались, такъ какъ это былъ очень легкій путь дослужиться до большихъ чиновъ. Званіе „генерал-съ-адъютанта", какъ тогда называли, ввело Сумарокова во дворецъ и сдѣлало лично извѣстнымъ императрицѣ Елисаветѣ. Съ этихъ поръ начинается счастливая служебная карьера Александра Петровича, обладавшаго изрядною житейскою мудростію.

Личность Сумарокова, *какъ человѣка*, рисуется не въ очень привлекательномъ видѣ, но извиненіемъ ему можетъ служить отчасти то, что онъ былъ именно *сынъ своего вѣка*, и что въ то время и въ томъ обществѣ иначе и дѣйствовать было нельзя. Послѣ Петра Великаго, окружавшаго себя только людьми дѣльными, работниками и исполнителями его плановъ, и не любившаго роскоши, дворъ измѣнилъ свой внѣшній видъ. Его послѣдователи собирали вокругъ себя великолѣпную толпу придворныхъ и время проходило въ забавахъ и веселѣ.

Иностранныя труппы артистовъ, выписанныя Анною Іоанновною, а потомъ Елисаветою, большою любительницею театральныхъ представленій, познакомили придворную публику съ ложно-классическою трагедіею и драмою. Начали даваться произведенія Мольера, Расина, Вольтера и другихъ свѣтилъ, французской литературы на французскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ нѣмецкое вліяніе и языкъ, остававшійся послѣ Петра при дворѣ, начинаетъ уступать мѣсто французскому. Сумарокову знакомство съ ложно-классическою драматической литературой, дало мысль написать по тому же псевдо-классическому шаблону и свое произведеніе.

Его трагедія „Хоревъ" была написана по всѣмъ правиламъ ложно-классической трагедіи. Не смотря на сюжетъ, взятый изъ лѣтописныхъ сказаній о Кіевѣ, трагедія не даетъ ни малѣйшаго понятія объ описываемой эпохѣ: всѣ лица въ ней воспроизведены по извѣстному шаблону и чрезвычайно безжизненны и ходульны. Успѣхъ трагедіи былъ громадный, и за нимъ послѣдовало еще нѣсколько: „Гамлетъ", „Синавъ" и др. Но эти первые опыты русской драмы могли бы быть и послѣдними, если бы обстоятельства не сложились особенно благопріятно. Дѣло въ томъ, что для *русской драмы* не было *русскаго театра*. Но вскорѣ Сумароковъ узналъ, что въ Ярославлѣ существуетъ театръ, построенный купеческимъ сыномъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ. Волковъ, бывая по дѣламъ въ Петербургѣ, имѣлъ случай увидѣть представленія на придворномъ и казенномъ театрахъ и у даровитаго юноши явилась мысль самому завести театръ. Онъ отъ природы былъ склоненъ къ занятіямъ изящными искусствами и свободное время употреблялъ на ученіе живописи, ваянія и т. п. Въ Ярославлѣ онъ собралъ нѣсколько такихъ же, какъ и онъ юношей и устроилъ въ сараѣ кое-какую сцену, на которой разыгралъ драму „Эсѳирь". Ярославцамъ понравились эти представленія и Волковъ вскорѣ, благодаря помощи зажиточныхъ купцовъ и покровительству ярославскаго намѣстника, Муснина-Пушкина, устроилъ особый большой театръ, со всѣми приспособленіями, могущій вмѣщать до 1,000 человѣкъ зрителей. Тутъ онъ ставилъ піесы Сумарокова и свои собственныя оригинальныя и переводныя. Объ этомъ театрѣ узнали въ Петербургѣ при дворѣ, и Волковъ съ актерами былъ вызванъ въ 1752 г. изъ Ярославля по повелѣнію императрицы Елисаветы, а 30-го августа 1756 года послѣдовалъ „Именной указъ" сенату объ учрежденіи русскаго театра съ директоромъ Сумароковымъ. Съ этого времени начинается хлопотливое для Сумарокова время.

Должность директора совмѣщала въ себѣ и должность драматурга, и бутафора, и режиссера, и пр. Въ этой должности Сумароковъ пробылъ до 1761 года. Онъ, какъ извѣстно, былъ чрезвычайно раздражительнаго и желчнаго характера, а неумѣстныя похвалы, разсыпавшіяся ему современниками, заставили его возмечтать о себѣ слишкомъ высоко и поставить себя не только на ряду, но чуть ли не выше величайшихъ писателей и древнихъ, и новыхъ.

При самомъ началѣ своей литературной карьеры, Сумароковъ былъ въ зависимости отъ Ломоносова и Тредьяковскаго, какъ академическихъ цензоровъ. Уже и тогда Сумарокову трубили о его выходящемъ будто бы изъ ряда талантѣ, о его геніальности, и ему было оскорбительно такое подчиненіе лицамъ, которыхъ онъ считалъ стоящими гораздо ниже себя по таланту и значенію для русской литературы.

Раздражительный, желчный Сумароковъ выходилъ изъ себя, когда видѣлъ, съ какимъ презрѣніемъ и сознаніемъ своего полнаго превосходства Ломоносовъ отражалъ его нападки и самъ, въ свою очередь, глумился надъ нимъ. Литературная вражда переходила въ личную. Въ 1759 году Сумароковъ сталъ издавать ежемѣсячное сатирическое *сочиненіе* „Трудолюбивую пчелу", гдѣ и расправлялся со своими многочисленными врагами.

Въ 1765 году Сумароковъ избавился отъ своего непримиримаго врага—Ломоносова (онъ умеръ 4-го апрѣля 1765 года) и вздохнулъ свободно.

Въ это время Сумароковъ былъ уже отставленъ отъ должности директора театра съ пожизненною пенсіею 2,000 руб. въ годъ и имѣлъ рангъ бригадира. Его неуживчивый характеръ заставлялъ его безпрестанно ссориться и писать жалобы на Высочайшее имя. Екатерина была ими выведена изъ терпѣнія. На посланную Сумароковымъ изъ Москвы въ 1770 году жалобу на фельдмаршала графа П. С. Салтыкова, Екатерина отвѣтила Александру Петровичу: „Вы болѣе другихъ, чай, знаете, сколь много почтенія достойны заслуженные славою и сѣдиною покрытые мужи, и для того *совѣтую вамъ впредь не входить въ подобные споры*: черезъ что сохраните спокойствіе духа для вашихъ сочиненій, и мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленіе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели читать ихъ въ письмахъ".

Преданіе сохранило, впрочемъ, и хорошія черты характера Сумарокова. Разсказываютъ, что онъ во время прогулки встрѣтилъ однажды раненнаго офицера, *просившаго милостыню* и отдалъ ему тутъ же, на улицѣ, свой шитый золотомъ мундиръ и потомъ ходатайствовалъ за него. „И сей самый сострадательный человѣкъ,—говоритъ Бантышъ-Каменскій,—въ минуты запальчивости своей, ломалъ палки на спинахъ бѣдныхъ учениковъ, которые не хорошо декламировали".

Дочь Александра Петровича была замужемъ за извѣстнымъ писателемъ Яковомъ Борисовичемъ Княжнинымъ, развитіемъ своего таланта обязаннымъ въ значительной степени вліянію и руководству Сумарокова.

1-го октября 1777 года скончался Сумароковъ и похороненъ въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ; теперь уже пропали всякіе слѣды, указывающіе его могилу и мѣсто ея неизвѣстно. Всѣ сочиненія Сумарокова издалъ въ 1787 году Н. И. Новиковъ, въ десяти частяхъ. Въ нихъ заключаются всѣ его разнообразныя творенія въ стихахъ и прозѣ: историческія сочиненія, философскія разсужденія, полемическія статьи, комедіи, рѣчи, оперы, трагедіи въ стихахъ, переложеніе псалмовъ Давида, оды, басни, сатиры и разныя мелкія стихотворенія, наприм., надписи, посланія, элегіи, сонеты, эпиграммы и т. п.

А. Арс.

Александрійскій обелискъ „Игла Клеопатры".

Англія недавно сдѣлала важное научное и художественное пріобрѣтеніе,—она перевезла изъ Александріи лежавшій долгое время въ пескѣ обелискъ, извѣстный подъ именемъ „Иглы Клеопатры". Этотъ обелискъ былъ уступленъ Англіи египетскимъ правительствомъ еще въ началѣ текущаго вѣка (при знаменитомъ Мехемедъ-Али-пашѣ): но Англія, сознавая, повидимому, право собственности на обелискъ, до настоящаго времени пренебрегала его перевозкою. И только, два три года назадъ, начались по этому поводу переговоры между Англіею и Египетскимъ Хедивомъ. Для переговоровъ съ хедивомъ и заключенія условія по этому предмету отправленъ былъ изъ Англіи въ Египетъ генералъ Джемсъ Александеръ, который привелъ дѣло къ успѣшному концу, такъ что въ нынѣшнемъ году рѣшено было перевести великолѣпный памятникъ древности изъ Александріи въ Лондонъ. Для распоряженія этимъ дѣломъ въ практическомъ отношеніи отправлены были въ Египетъ братья *Диксоны*, *Джонъ* и *Уаймонъ*. Въ августѣ текущаго года началась укладка обелиска въ колоссальный желѣзный цилиндръ, на который сдѣлали еще деревянную обшивку. Цилиндръ при произведенныхъ опытахъ держался на водѣ хорошо, но вскорѣ просочилась вода между деревянной обшивкой и цилиндромъ, и массивная кладь начала тонуть. Тогда работы по перевозкѣ были пріостановлены до 7-го сентября. Деревянную обшивку сняли, и 7-го сентября колоссальная кладь

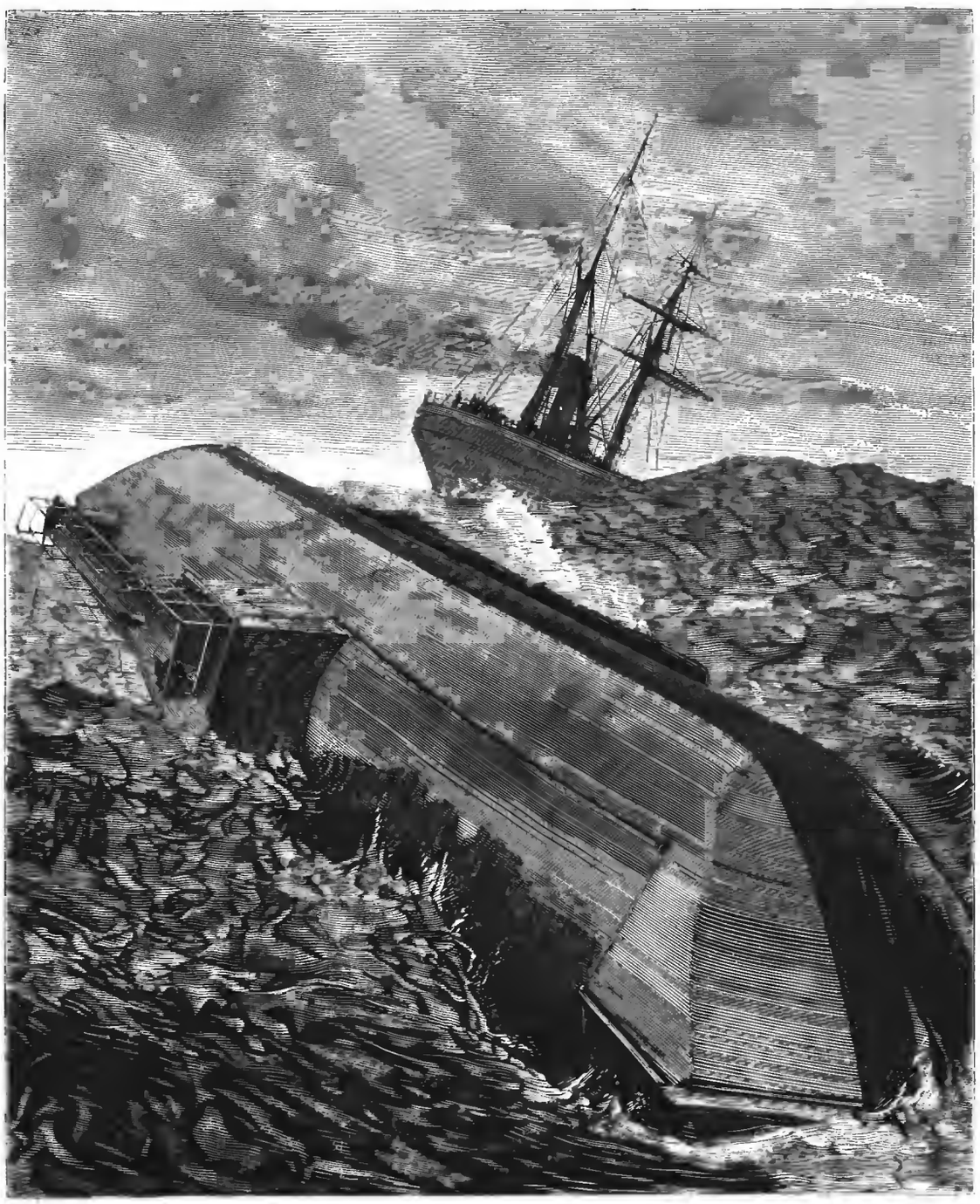
Библиотека "Руниверс"

была спущена въ воду удачно. Ее пустили плыть на буксирѣ за пароходомъ „Ольга". Затѣмъ сзади другой пароходъ слѣдилъ за правильностью хода цилиндра. Плаваніе шло благополучно до Бискайскаго залива. Но здѣсь случилось страшное несчастіе. Поднялась буря и пароходы, связанные громаднымъ грузомъ, въ видахъ спасенія жизни экипажа, должны были обрубить канаты и предоставить обелискъ его судьбѣ. Съ экипажа парохода „Ольги" при этомъ утонуло 5 человѣкъ. Напрасно мужественный капитанъ парохода „Ольга", Картеръ, употреблялъ всѣ усилія поправить дѣло—ничто не помогло. Однакоже, по возможности, уменьшать слишкомъ большое напряженіе буксирныхъ канатовъ. Трудно представить болѣе печальную и страшную картину, чѣмъ та, какая представлялась ночью во время бурп у пустыннаго Бискайскаго берега. Эту сцену изображаетъ нашъ рисунокъ. Читатель видитъ, что колоссъ, уступая напору волнъ, опрокинулся.

Но что же въ этомъ обелискѣ пріобрѣла себѣ Англія. О научномъ и художественномъ значеніи этого пріобрѣтенія мы и должны сказать нѣсколько словъ.

Для насъ теперь „обелискъ Египта" есть не болѣе какъ цѣнный остатокъ искусства древнихъ египтянъ, свидѣтельствующій (своими іероглифическими надписями) о степени культуры этого народа. Какое же значеніе имѣли обелиски для самихъ египтянъ? Вотъ вопросъ, пробуждающійся при первомъ взглядѣ на эти величественные памятники? Отвѣтимъ здѣсь на этотъ вопросъ.

Религія египтянъ составляла обожаніе производительныхъ и охранительныхъ силъ природы; ихъ воззрѣніе на міръ было пантеистическое, т. е. природа и особенно оживляющее ее солнце и было для нихъ божествомъ. Весь рядъ ихъ



Буря въ Бискайскомъ заливѣ. Пароходъ, транспортировавшій нессонъ съ „Иглою Клеопатры" отрѣзываетъ его отъ себя.
По рисунку въ „Illustr. Lond. News", грав. Вейерманъ.

къ счастью, брошенный на произволъ судьбы обелискъ, послѣ скитанія по волнамъ моря присталъ, спустя нѣсколько времени въ укрѣпленію Ферсаль и отсюда уже доставленъ былъ въ Англію. Замѣтимъ здѣсь, что длина желѣзнаго цилиндрическаго помѣщенія для обелиска простиралась до 30 метровъ, а его діаметръ до 5 метровъ, водоизмѣщеніе же его достигало размѣра 280 тоннъ*). Въ цилиндрѣ находилось помѣщеніе для 4 матросовъ, обязанныхъ управлять движеніями обелиска и

*) Тоннъ = 60 пудовъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Секретъ. Картина Тони Февръ, грав. Панемакеръ сынъ.

божествъ подчинялся этой идеѣ. Но божества у нихъ раздѣлялись на *два* рѣзкіе разряда: божество *свѣта* и *мрака*. Соотвѣтственно этому дѣленію, египтяне строили и свои памятники. Всѣ *обелиски* были воздвигаемы на правой или восточной сторонѣ рѣки Нила и были посвящаемы богу *Ра*, богу жизни, свѣта, солнца, соотвѣтствующему греческому Аполлону. Напротивъ, всѣ *пирамиды* строились на западѣ, на лѣвой сторонѣ р. Нила и посвящались богу *Туму*, богу тьмы, смерти и подземнаго царства. На сторонѣ восхода солнца стояли слѣдовательно, обелиски, а на сторонѣ запада пирамиды. Обелиски воздвигали цари въ память своихъ славныхъ дѣлъ и благополучнаго царствованія. Пирамиды—это гробы и послѣднія жилища тѣхъ же царей и поставлялись на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ вѣрили египтяне, цари должны были предстать предъ страшнымъ престоломъ вѣчнаго и правосуднаго судіи Озириса и дать ему отчетъ въ своихъ земныхъ дѣлахъ. Каждый Фараонъ считался воплощеннымъ сыномъ свѣтлаго божества *Ра* и назывался *Кенср-ра* и, какъ сынъ божества, онъ былъ вправѣ увѣковѣчить свои добрыя дѣла священными іероглифическими знаками на воздвигнутомъ обелискѣ. Озирисъ въ подземномъ царствѣ провѣрялъ эти добрыя дѣла.

Самые древніе обелиски были построены за 5,000 лѣтъ до Р. Х., т. е. уже когда культура египтянъ достигла значительной высоты. Обелиски ставились передъ входомъ въ храмы (по обѣимъ сторонамъ входа), такіе храмы строились только на восточной сторонѣ Нила, во славу бога Ра. Но съ теченіемъ времени обелиски переносятъ съ востока на западъ, слѣдовательно, всѣ западные обелиски Египта нужно считать перенесенными съ восточной стороны Нила, а не построенными на мѣстѣ, потому что это противорѣчило бы основной идеѣ египетскаго богопочитанія, которую мы характеризовали выше. Такъ точно и обелискъ, составляющій предметъ нашей статьи (Игла Клеопатры) былъ именно перенесенъ вмѣстѣ съ другимъ обелискомъ, теперь еще стоящимъ въ Александріи, въ Александрію, и именно изъ Геліополя (египетское названіе этого города *Омъ*). Въ Геліополѣ эта перенесенная въ Александрію пара обелисковъ была сооружена за 1,600 лѣтъ до Р. Х., единовременно съ другою парою обелисковъ, находящихся теперь въ Константинополѣ и въ Римѣ. Эти двѣ пары обелисковъ построены въ Геліополѣ знаменитымъ царемъ *Тутмозисомъ III*, эпоха котораго была самою цвѣтущею для Египта. Затѣмъ спустя два столѣтія послѣ Тутмозиса III, преемникъ его *Рамзесъ II*, или Сезострисъ грековъ, присоединилъ на лучшемъ изъ обелисковъ свои іероглифы къ іероглифамъ Тутмозиса, и эти іероглифы присоединены съ боку, что и дало поводъ французскому путешественнику Амперу высказать справедливое мнѣніе, что срединные іероглифы на обелискахъ всегда древнѣе, а боковые новѣе.

Изъ Геліополя пара обелисковъ была перевезена въ Александрію уже Цезаремъ Октавіаномъ Августомъ и поставлена у храма посвященнаго Юлію Цезарю и названнаго *Цезарэумомъ*. Одинъ изъ этой пары обелисковъ стоитъ еще и теперь—другой же, по всей вѣроятности отъ землетрясенія, давно уже упалъ и долгое время лежалъ засыпанный пескомъ—и вотъ только въ наше время его вырыли, и Британія, сдѣлавъ громадныя затраты, перевозитъ его въ свой музеумъ.

Надо замѣтить, что этотъ обелискъ далеко не изъ *большихъ* по размѣру. Самые большіе обелиски находятся въ Римѣ—одинъ близь входа въ Лютеранскій соборъ, другой близь церкви св. Петра. Настоящій, пріобрѣтенный англичанами обелискъ (Игла Клеопатры) въ длину простирается до 68 футовъ 5½ дюймовъ; наибольшая ширина его (при основаніи) 7 фут. 10½ дюйм.; ширина же двухъ противоположныхъ боковыхъ сторонъ 7 фут. 5 дюйм. Какъ и у всѣхъ обелисковъ, ширина его постепенно уменьшается по направленію къ вершинѣ. За симъ вѣсъ этого обелиска составляетъ 186 тоннъ. Масса его измѣряется въ 2,529 кубич. футовъ. Перевозка опредѣляется стоимостью въ 10,000 фунт. стерлинговъ.

Читатели видятъ на прилагаемыхъ рисункахъ прекрасно и отчетливо отпечатанные іероглифы на обѣихъ сторонахъ „Иглы Клеопатры". Въ Англіи эти іероглифы ожидаютъ тщательной разборки и разработки. Общій смыслъ надписей и факсимиле на „Иглѣ Клеопатры" будетъ сообщенъ въ англійскомъ журналѣ „Atheneum" знатокомъ этого дѣла докторомъ *Бирчемъ* *). Уже теперь въ Англіи появились капитальныя сочиненія по этому поводу. Извѣстный своей огромной церковно-библейской ученостью В. Р. Куперъ, секретарь Лондонскаго Общества Библейской Археологіи, уже написалъ полное глубокой эрудиціи сочиненіе о египетскихъ обелискахъ вообще, о значеніи ихъ въ исторіи культуры и подписяхъ на нихъ. По причинѣ обширности и глубокой спеціальности этого предмета, мы, разумѣется, не можемъ здѣсь войти въ разсужденія о іероглифическихъ знакахъ на обелискѣ вообще и обелискѣ Клеопатры въ частности.

Понятно, какую сложную работу должно представлять прочтеніе іероглифовъ. Но разумѣется энергія ученыхъ не остановится передъ этимъ, и мы вскорѣ при руководствѣ ученыхъ объясненій, прочтемъ и поймемъ весь смыслъ надписей обелиска Клеопатры. Здѣсь нужно отличить іероглифическіе знаки, дѣйствительно относящіеся къ временамъ Клеопатры, отъ знаковъ начертанныхъ Тутмозисомъ III и его преемниками. Но что могла написать на обелискахъ сама Клеопатра и что могла увѣковѣчить она?

Въ отвѣтъ на это, коснемся мимоходомъ ея исторіи.

Эта необыкновенная во всѣхъ отношеніяхъ женщина была дочь египетскаго царя Птоломея XI, и согласно завѣщанію отца, послѣ его смерти, имѣя только 17 лѣтъ отъ роду, вступила на египетскій престолъ, за малолѣтствомъ своего брата Птоломея XII. Но противъ нее вскорѣ составилась въ Египтѣ сильная партія, боявшаяся сильнаго характера Клеопатры и ея необыкновенныхъ дарованій. Въ это самое время была въ полномъ разгарѣ война между Помпеемъ и Цезаремъ. Послѣ битвы при Форсалѣ, побѣжденный Помпей бѣжалъ и, высадившись въ Пелузіумѣ, убитъ. Этимъ думали предотвратить нашествіе Цезаря на Египетъ. Цезарь, однако, вскорѣ явился съ флотомъ въ Александрійскомъ рейдѣ. Нуждаясь для продолженія войны въ деньгахъ, онъ надѣялся здѣсь получить до 18 милліоновъ драхмъ *) за водвореніе порядка. Но затѣмъ Цезаря, бывшаго поклонника женскихъ прелестей, привлекала Клеопатра. Войдя вооруженною силою (съ 4,000 человѣкъ пріѣхавшихъ съ нимъ на корабляхъ) онъ объявилъ себя защитникомъ ея трона и началъ знаменитую *Александрійскую* войну. Никогда величавый и смѣлый геній Цезаря не проявлялся въ такомъ блескѣ, какъ во время этой необыкновенно смѣлой войны **), Но въ то же время этотъ великій человѣкъ явился въ этой войнѣ истымъ разбойникомъ и грабителемъ Александріи. Онъ ограбилъ Александрійскіе храмы и утварь всѣхъ состоятельныхъ гражданъ—вооружилъ противъ себя все населеніе; былъ нѣкоторое время въ отчаяніи—но наконецъ побѣдилъ и немедля, издалъ декретъ, объявляющій Клеопатру царицею Египта, на перекоръ правамъ ея брата. Цезарю было тогда 52 года отъ роду; не смотря на свои „степенныя" лѣта, онъ, по картинному выраженію одного историка, „потерялъ свое сердце въ объятіяхъ египетской чародѣйки". Клеопатра, по словамъ Плутарха, непонятнымъ образомъ очаровывала всѣхъ и каждаго; во всемъ ея существѣ была непреодолимо-влекущая сила. Въ каждаго, видѣвшаго ее, она какъ будто вонзала сладостно-убійственное жало, которое чѣмъ дальше, тѣмъ глубже проникало въ душу. Ея необыкновенныя способности доказываются тѣмъ, что кромѣ родного греческаго, она объяснялась на множествѣ языковъ, между прочимъ на языкахъ: арабовъ, эѳіоповъ, троглодитовъ, сирійцевъ, мидянъ, корѳянъ и евреевъ. Вскорѣ Клеопатра родила Цезарю сына, названнаго Цезаріономъ. Цезарь взялъ ее потомъ съ собою въ Римъ, чтобы сдѣлать свидѣтельницей своего блестящаго тріумфа. Но когда, вслѣдствіе заговора, Цезарь былъ убитъ въ Сенатѣ, Клеопатра въ ужасѣ бѣжала изъ Рима. Потомъ пыталась она отстоять права Цезаріона, какъ истаго сына Цезаря, и бывшаго настоящимъ портретомъ своего отца. По убіеніи Цезаря, она сдѣлалась супругою Антонія, но когда Антоній былъ побѣжденъ Октавіемъ, — лишила себя жизни. Судьба Цезаріона, какъ и другихъ старшихъ дѣтей Клеопатры, вышла трагическая. Они умерщвлены, по желанію Октавія, который пощадилъ только дѣтей Клеопатры отъ Антонія.

Итакъ преданіе, что сама Клеопатра воздвигла въ Александріи храмъ въ память своего „великаго любовника"—весьма вѣроятно. Ея любовь къ Цезарю носила печать глубокой страстности и, какъ полубога, она, особенно пораженная его трагической смертью, почтила его храмомъ съ обелисками. А эти храмы, какъ мы сказали выше, выражаютъ свѣтлое торжество побѣды и составляютъ прямую противоположность пирамидамъ.

Обелиски эти, стройные и изящные, названы „Иглами Клеопатры". Почему же именно иглами? Названіе очевидно заимствовано изъ преданія о смерти знаменитой египетской царицы. Нѣкоторые изъ древнихъ писателей утверждаютъ, что Клеопатра передъ смертью носила въ своихъ волосахъ иглы, пропитанныя и смоченныя ядомъ, такъ что достаточно было укола такой иглы для быстрой и безболѣзненной смерти. Разумѣется, все это мало вѣроятно, да и вопросъ этотъ самъ по себѣ вовсе не представляетъ интереса. развѣ только по отношенію къ древнимъ авторамъ, почему-то страстно интересовавшимся вопросомъ о смерти Клеопатры и горячо спорившимъ: отъ ядовитой иглы или отъ укушенія змѣи умерла царица? Сохранилось, однако, преданіе, что на трупѣ Клеопатры, на верхней части руки, найдено нѣсколько легкихъ уколовъ иглой ***) и вотъ отъ этого и построенные ею обелиски стали называть „иглами".

М. С.

*) Д-ръ *Бирчъ* занимаетъ мѣсто почетнаго куратора египетскихъ древностей въ Британскомъ музеѣ.

*) Драхма въ древнемъ мірѣ имѣла непостоянную, колеблющуюся стоимость; но вообще можно положить, что тогдашняя египетская драхма составляетъ, на наши деньги приблизительно 35 нашихъ копѣекъ. Но при этомъ разсчетѣ, составляется огромная цифра въ *6.207,000* рублей на наши деньги.

**) Цезарь самъ описалъ ее въ превосходномъ и по достоинствамъ изложенія единственномъ во всей римской литературѣ коротенькомъ сочиненіи «De bello Alexandrino».

***) См. объ этомъ у *Діона Кассія*.

Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ.

Подъ Плевной.

О взятіи Гривицкаго редута мы уже имѣли не разъ случай говорить и помѣщать рисунки; но кто же не знаетъ, что исторія каждаго боя необычайно богата всегда отдѣльными эпизодами. Этихъ эпизодовъ не только всегда много, но не будетъ преувеличеніемъ если мы скажемъ, что имъ нѣтъ конца: десятки тысячъ идутъ на смерть, забывая о ней, десятки тысячъ жизней гибнетъ, и это забвеніе смерти, и эта жизнь, угасающая мгновенно на полѣ битвы, каждая въ отдѣльности есть эпизодъ боя, эпизодъ столько же важный, какъ и самый бой, важный, конечно, не въ одномъ только стратегическомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ проявленія особенностей каждаго бойца, его страстнаго самозабвенія, его отваги, смѣлости, его душевной жизни.

Смотря на картину, изображающую поле битвы, невольно вспоминаются слова поэта:

О поле, поле! Кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы,
Кто на тебѣ со славой палъ,
Чьи небо слышало молитвы?

Эти же слова придутъ на мысль нашимъ потомкамъ и придутъ не разъ при видѣ тѣхъ полей, гдѣ теперь бьются наши герои. То, что теперь можетъ сохраниться при помощи печати, что войдетъ потомъ въ отдѣльные труды по исторіи войны, все это хотя отчасти будетъ служить отвѣтомъ на вопросъ потомства о подвигахъ нашихъ современниковъ.

Помѣщаемый здѣсь эпизодъ, давшій намъ поводъ къ вышесказанному, относится ко времени, какъ мы замѣтили выше, взятія Гривицкаго редута. Содержаніе его ясно видно изъ рисунка.

Это именно „послѣдній часъ кровавой битвы". Свалка идетъ ожесточенная и остается уже только нѣсколько мгновеній до полнаго торжества побѣдителей. Маіоръ Квитко, Архангелогородскаго полка, уже ворвался съ своими солдатами внутрь редута и успѣлъ, вспрыгнувъ на пушку, предупредить ея выстрѣлъ.

Невольно думается, что было бы, если бы этотъ выстрѣлъ не былъ во время предупрежденъ? Прогудѣлъ бы еще пушечный ударъ и скосила бы рука смерти еще много, много жертвъ.

Ударъ канонира во время предупрежденъ отважнымъ маіоромъ, успѣвшимъ сразить его прежде, чѣмъ онъ могъ дернуть роковой шнурокъ пушки. Маіоръ ли спасъ товарищей, самого ли маіора спасла судьба для спасенія товарищей—кто разрѣшитъ и гдѣ матеріалъ для разрѣшенія этого вопроса?

Здѣсь кстати будетъ разсказать еще нѣсколько эпизодовъ, передаваемыхъ газетными корреспондентами съ театра войны. Эти отдѣльные эпизоды могутъ служить подтвержденіемъ, что такіе герои какъ маіоръ Квитко не составляютъ въ нашей арміи исключенія. Такъ, напримѣръ, передаютъ, что ротѣ Канонерскаго полка приказано было занять одну мѣстность на рѣкѣ Ломѣ. Стоитъ рота день, другой. Вдругъ узнаютъ, что на противоположномъ берегу тысячъ до 50-ти турокъ. Наскакиваетъ на роту генералъ съ рекогносцировки.

— Что вы тутъ стоите?

— Туркамъ переправиться препятствуемъ, ваше превосходительство.

И дѣйствительно, случись со стороны турокъ намѣреніе переправиться, рота не задумалась бы открыть огонь по турецкой арміи. Слова нѣтъ, погибла бы вся рота до послѣдняго солдата, но погибла-бы, не поколебавшись ни минуты и не покинула бы своего поста. Укажемъ еще на слѣдующій примѣръ:

2-й Донской полкъ, раздосадованный на увертливыхъ черкесовъ, которые никакъ не подъѣзжали къ нему на близкое разстояніе, сталъ ловить ихъ на слѣдующую штуку. То одинъ казакъ, до другой упадетъ съ лошади и остается въ полѣ, тогда какъ остальные казаки медленно отъѣзжаютъ. Черкесы начали подскакивать, чтобы захватить жертвы, но лишь только они доскакивали, какъ „орду" наши били на выборъ.

Турецкая степь особенно стрѣляла по гусарамъ. Ставятъ въ цѣпь драгунъ.

— Смотри въ оба. Вчера опять убили гусара здѣсь.

— Въ насъ, ваше благородіе, не будутъ.

— Почему это?

— Гусары имъ надобны... Они съ нихъ штаны себѣ на фески снимаютъ.

Понадобилось какъ-то изъ нашей цѣпи послать посмотрѣть, что дѣлается у турокъ, чтобы сообразовать расположеніе аванпостной линіи.

— Эй, Гавренко... вызываетъ начальникъ.

Выѣзжаетъ на зовъ солдатъ и смотритъ, какъ и быть слѣдуетъ, прямо въ глаза „начальству".

— Поѣзжай-ко туда... И затѣмъ слѣдуетъ инструкція, что сдѣлать.

— Понялъ?

— Понялъ, ваше высокоблагородіе!

Солдатъ спокойно поворачиваетъ лошадь и уже отъѣхалъ по назначенію, когда полковникъ ему крикнулъ.

— А если тебя убьютъ?

— Такъ я тамъ останусь тогда, ваше высокоблагородіе.

Или еще примѣръ:

Граната лопается въ баттареѣ. Командиръ приказываетъ солдатамъ лечь въ ложементы. Всѣ неохотно идутъ туда.

— Они всѣ такія! успокоиваетъ солдатикъ, непонимающій, чего тутъ прятаться.

Но при всей своей необычайной готовности лечь костьми на полѣ битвы, какою въ то же время простотою и незлобивостію отличается русскій солдатъ. Такъ, напримѣръ, газетный корреспондентъ передаетъ слѣдующую сцену:

На одной телѣгѣ везли въ лазаретъ раненыхъ — русскаго унтеръ офицера и турецкаго низама. Отъ тряски на скверной дорогѣ они держались другъ за друга, обнявшись. Полковникъ далъ унтеръ-офицеру сигару. Тотъ покурилъ ее и передалъ низаму, который въ свою очередь снова далъ затянуться унтеръ-офицеру и такъ они продолжали чередоваться, пока не выкурили всей сигары.

И эти же два столь мирные и столь внимательные сосѣди быть можетъ часъ тому назадъ были злѣйшими врагами. Въ чемъ же сокровенный тайникъ отваги и храбрости? Ужь, конечно, не въ личной ненависти къ врагу, а въ исполненіи свято сознаваемаго долга службы отечеству.

Но говоря о подвигахъ нашихъ героевъ, мы уклонились нѣсколько отъ главнаго предмета статьи, именно отъ разсказа о томъ, что представляетъ собою теперь Плевна. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, болгары, приходящіе изъ Плевны, передаютъ о затруднительномъ положеніи турокъ отъ неимѣнія достаточнаго количества пищи и о желаніи значительной части гарнизона сдаться. Болгары говорятъ (хотя, надобно замѣтить, что къ нѣкоторымъ ихъ словамъ слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью), что турки питаются вареной пшеницей и кукурузой и что теперь Софійская дорога отрѣзана и сильно занята пѣхотой, а румыны подвинулись впередъ по западному берегу Вида; остается небольшой пробѣлъ прямо на западъ отъ Плевны, но и онъ, вѣроятно, будетъ занятъ кавалеріей до прибытія пѣхоты. Этотъ пробѣлъ не былъ укрѣпленъ турками, по этому занять его не составитъ большого труда. Со стороны Османа, конечно, будетъ предпринята попытка прорваться чрезъ линію обложенія, но это далеко не легкое дѣло. Плевна стоитъ въ долинѣ, окруженной высотами, занятыми русскими, поэтому туркамъ трудно пробираться по промежуточнымъ долинамъ.

Вслѣдствіе постояннаго артиллерійскаго огня около Плевны, надъ долиною и турецкими позиціями поднимаются свинцовыя съ сѣрнистымъ запахомъ облака, не позволяющія распознавать предметы за русскими линіями, и наблюдатель, стоящій на русскихъ высотахъ, вспоминаетъ Дантовскій „Адъ" съ мрачной долиною внизу, въ которую безпрерывно летятъ разрушенія, а глухой ревъ лопающихся гранатъ еще болѣе усиливаетъ иллюзію. Мрачное молчаніе, царствующее на турецкихъ линіяхъ, увеличиваетъ таинственность, и только когда союзная пѣхота сдѣлаетъ попытку подвинуться впередъ, градъ мусульманскихъ пуль показываетъ, что есть жизнь въ этой туманной долинѣ и на ея внутреннихъ высотахъ.

Окрестности Гривицкаго редута долго распространяли заразу, такъ какъ турки отказывали въ дозволеніи похоронить убитыхъ и предпочитали жить сами въ вонючей атмосферѣ, которая была убійственною при страшномъ солнцепекѣ. Они долго не соглашались сдѣлать уступки русскимъ, но вѣроятно имъ стало и самимъ, наконецъ, невыносимо дышать въ такой атмосферѣ—и похороны труповъ, гнившихъ около Гривицкаго редута, наконецъ состоялись 22-го октября. Именно въ этотъ день съ 9 часовъ утра артиллерійскій и ружейный огонь прекратился по всей линіи. Перемиріе, заключенное для погребенія павшихъ, назначено было всего на нѣсколько часовъ, именно до 2-хъ пополудни. Прежде всего послали въ первыя турецкія позиціи нѣсколько русскихъ и румынскихъ офицеровъ, чтобы опредѣлить демаркаціонную линію. Всѣ войска, стоявшія въ передовыхъ позиціяхъ—русскіе, румыны и турки,—сняли оружіе и выстроились по обѣимъ сторонамъ демаркаціонной линіи. Парапеты и всѣ возвышенности, дающіе возможность видѣть происходившее, были усыпаны солдатами. Погребеніе убитыхъ было предоставлено одинаковому, заранѣе опредѣленному числу солдатъ изъ обѣихъ армій. Для воиновъ, павшихъ во время послѣднихъ битвъ, были вырыты могилы по обѣимъ сторонамъ демаркаціонной линіи, и русскіе и румыны похоронены вмѣстѣ, а турки отдѣльно. Много тѣлъ, оставшихся непогребенными послѣ первыхъ битвъ, пришлось зарыть на томъ мѣстѣ, гдѣ они были находимы, такъ какъ разложеніе дошло

Библиотека "Руниверс"

Волгарская дѣвушка, пасущая стадо гусей. Рис. профессора Зверина. грав. Е. Ада.

Библиотека "Руниверс"

Перевязочный пунктъ Русскаго Краснаго Креста близъ Радишева (подъ Плевной). Съ рисунка «Monde illustrè», грав. Вейерманъ.

1) Перевязочный пунктъ Русскаго Краснаго Креста. 2) Турецкія баттареи въ Радищевѣ. 3) Русская пѣхота. 4) Русскія баттареи. 5) Русская пѣхота. 6) Турецкія баттареи.

Библиотека Университет

уже до такой степени, что тѣла распадались при первомъ прикосновеніи. Оружіе, найденное на полѣ битвы, было раздѣлено поровну между русско-румынской и турецкой арміей. Турки, впрочемъ, предложили, черезъ посредство своихъ офицеровъ, оставить непріятелю доставшуюся имъ часть оружія. При погребеніи присутствовало нѣсколько иностранныхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и австрійскій подполковникъ баронъ Лапейленъ. Въ 2 часа убитые были погребены, войска вернулись на свои позиціи, а еще черезъ полчаса между обѣими арміями снова началась канонада.

Спустя нѣсколько времени уже снова оказались раненые и убитые, хотя, конечно, ихъ положеніе рѣзко отличалось отъ положенія тѣхъ, которые были жертвою смерти при неудавшейся аттакѣ на второй Гривицкій редутъ. Теперь раненые уже не оставались безпомощными на полѣ битвы (куда даже нельзя было и подойдти послѣ отступленія), а препровождались на перевязочный пунктъ, на попеченіе членовъ общества русскаго Краснаго Креста.

Секретъ.

(Картина Тони-Февръ).

Смотря на прекрасную фигуру молодой, красивой и дышащей здоровьемъ женщины, является самъ собою вопросъ: кто она такая, эта молодая женщина? Художникъ намъ не объясняетъ ни ея имени, ни ея званія—и въ этомъ-ли заключается самое названіе картины: „Секретъ“ или въ томъ листочкѣ бумажки, который молодая женщина прячетъ у себя на груди, или, наконецъ, слово: „секретъ“ собственно относится къ мѣсту, куда опускается письмо.

Вѣрнѣе сказать, все это вмѣстѣ взятое и составляетъ секретъ. Художникъ быть можетъ и не выразился бы такою тройственною таинственностію, если бы молодая женщина не была такъ красива. И на что знать ея имя? Справедливо поэтъ (А. С. Пушкинъ) говоритъ отъ лица такой красавицы:

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальній,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ!

Дѣло, конечно, не въ имени, а въ томъ, кто это имя носитъ. Но собственно говоря, здѣсь по отношенію къ предмету нами разсматриваемому и этотъ второй вопросъ, о томъ *кто она*, тоже не имѣетъ ровно никакого значенія. Здѣсь вопросъ не о лицѣ и не о имени, а о томъ, какъ написана картина, какъ художникъ овладѣлъ изображеннымъ имъ предметомъ. Здѣсь вопросъ объ искусствѣ, вопросъ, слѣдовательно, безконечно важный въ сравненіи со всѣми другими вопросами. Есть у покойнаго поэта Щербины слѣдующія слова:

Будь непреклоненъ душой для мірскихъ искушеній,
Праздникъ мгновенно пройдетъ и сокроются дѣвы,
Въ будничной жизни ты ихъ красоты не узнаешь.
Холодъ житейскихъ волненій скуетъ твою душу,
Мелкія придутъ заботы о хлѣбѣ вседневномъ;
Старость недуги съ собой принесетъ и печали...
Все разрушается, всѣ измѣняетъ въ подлунной:
Только искусство тебѣ никогда не измѣнитъ,
Только въ искусствѣ таится прямое блаженство,
Только въ искусствѣ обѣщанный людямъ Элизій.

Но міръ искусства—міръ глубокій, и въ храмахъ его, для всякаго открытыхъ, не всѣмъ находится мѣсто: изъ многихъ зрячихъ, входящихъ въ эти храмы, нѣкоторые при входѣ дѣлаются слѣпыми, нѣкоторые получаютъ способность видѣть не то, что въ картинахъ изображено, а именно то, чего въ нихъ вовсе нѣтъ... И далеко еще до того времени, когда храмы искусства будутъ дѣйствительно признаваться храмами, а не мѣстомъ для удовлетворенія празднаго любопытства многихъ.

И авторъ картины, быть можетъ, тоже имѣлъ въ виду именно этихъ послѣднихъ любителей искусства. Онъ захотѣлъ отчасти удовлетворить ихъ слабости и вырѣзалъ побольше корсажа у платья изображенной имъ женщины, вырѣзалъ для того чтобы обнаружить нѣкоторую часть пышныхъ формъ ея груди. Французскіе художники на этотъ мотивъ очень падки, конечно потому, что таковы наклонности общества, ищущаго въ искусствѣ не то, что въ немъ главное, а то, чего въ немъ искать вовсе не слѣдуетъ.

Однако по поводу картины, давшей намъ случай ко всему вышесказанному, не лишнимъ будетъ припомнить нѣчто изъ исторіи, тоже по поводу манеры дамъ прятать записочки въ секретныя мѣста.

Исторія передаетъ намъ случай, бывшій съ Людовикомъ XIII. Онъ оказался однажды въ большомъ затрудненіи, замѣтивъ какъ m-lle Лафайетъ продѣлала въ его присутствіи тоже самое съ записочкой, что изображено на нашей картинѣ. Продѣлка, видимо, была очень неловкая, такъ какъ король замѣтилъ ее. Въ нетерпѣніи узнать секретъ, онъ началъ настаивать на томъ, чтобы бумажка была вынута и ему показана, но m-lle Лафайетъ на это не соглашалась. Тогда король нашелъ слѣдующій выходъ изъ своего затруднительнаго положенія: не смѣя коснуться рукою до того мѣста, гдѣ скрытъ былъ секретъ, онъ взялъ щипцы отъ камина и ими извлекъ оттуда желаемый лоскутокъ бумажки. Такъ была соблюдена деликатность и узнанъ секретъ, о содержаніи котораго исторія, впрочемъ, благоразумно умалчиваетъ.

Какая участь ожидаетъ письмо нашей красавицы, будетъ ли оно сохранено втайнѣ отъ того, кому о немъ знать не слѣдуетъ, или тоже при помощи какого нибудь орудія оно будетъ извлечено изъ заповѣднаго мѣстечка—объ этомъ предоставляется каждому рѣшать такъ, какъ ему вздумается.

Болгарская дѣвушка, пасущая гусей.

Рисунки проф. Звѣрина уже не разъ появлялись въ „Нивѣ“. Помѣщаемый въ этомъ нумерѣ изображаетъ болгарскую дѣвушку, пасущую гусей. Рисунокъ этотъ заставляетъ зрителя вздумываться, неужели изображенная дѣвушка—болгарская пастушка. Одѣта она такъ, что для пастушки, стерегущей гусей, совершенно непозволительная роскошь. Едва ли такъ одѣваются, или по крайней мѣрѣ одѣвались въ Болгаріи въ недавнее время (увы, такъ рѣзко отличающееся отъ настоящаго). Всего скорѣе это случайность: вѣроятно художнику удалось подмѣтить эту сцену въ какой-нибудь праздничный день, быть можетъ молодая хозяйская дочь, разодѣвшись въ лучшіе свои наряды, вышла на поляну, а гуси—за нею. Пошла она дальше, не замѣчая ни гусей, ни окружающей ея обстановки. Солнце такъ ярко свѣтитъ, воздухъ такой тихій и на душѣ такъ легко и свѣтло. Не даромъ поется въ пѣснѣ:

„Какъ здоровъ, да молодъ—
Безъ веселья веселъ!...“

Такъ и оказалась дѣвушка случайно пастушкой, и быть можетъ, увлеченная своей новой ролью, пѣла, подобно русскимъ дѣвушкамъ:

„Вы, гуськи мои, за мной!

Встрѣтилъ ее художникъ; застыдилась она, прикрылась рукавомъ и думала, что такъ они и разойдутся съ нимъ, не сказавъ другъ другу ни слова. Оказалось, что онъ пустился въ разговоры: кто такая, да откуда, да давно-ли пасетъ гусей и т. д.

— Ахъ, господинъ, за чѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете, отвѣчаетъ, наконецъ, она, и сама смѣется.

— А развѣ это вамъ обидно, переспрашиваетъ художникъ, тоже смѣясь.

— Обидно не обидно... Но я вѣдь не пасу гусей...

— Но однакожь вы съ гусями...

— Да вѣдь, пожалуй, и я могу про васъ тоже сказать, вѣдь и вы тоже теперь съ гусями...

И оба смѣются: дѣвушка смѣется потому, что ей, „вообще“ весело, а художникъ потому, что дѣвушка смѣется. Если же, при этомъ, встрѣтившійся художникъ и самъ молодой человѣкъ, то что же еще можетъ быть веселѣе и гдѣ же послѣ этого искать настоящаго веселья.

Еще Гоголь замѣтилъ, что стоитъ юнкеру сказать какое нибудь слово—барышни заливаются хохотомъ, статскій же совѣтникъ и о пространствѣ Россіи заговоритъ, и о томъ, о другомъ—нѣтъ, не беретъ, и самъ онъ несравненно больше смѣется при этомъ, чѣмъ та, которая его слушаетъ.

Однако нашъ художникъ не промахъ: смѣхъ—смѣхомъ, а въ альбомъ свой онъ все таки успѣлъ красавицу занести и съ гусями вмѣстѣ.

Всѣ эти мысли мы высказываемъ на томъ основаніи, что люди—вездѣ люди, и въ Болгаріи, конечно, они не исключеніе. И тамъ, какъ и вездѣ на бѣломъ свѣтѣ, стеречь гусей пойдетъ скорѣе всего бѣдная дѣвушка, сиротка, у которой нарядовъ всего на всего только то, что на плечахъ.

Достоинства рисунка, само собою понятно, не уменьшаются отъ этого, и художникъ, ловко набросавшій въ свой альбомъ болгарскую дѣвушку, окруженную гусями, этимъ ему придалъ только больше прелести и жизни.

Увы, повторяемъ, въ настоящее время Болгарія такъ рѣзко отличается сама отъ себя въ сравненіи съ недавнимъ временемъ. Нигдѣ не встрѣтишь теперь такой мирной сцены, какая представлена на прилагаемомъ рисункѣ: все, что могло куда-нибудь и какъ нибудь убраться, убралось, бросивъ свои жилища. Все что запоздало, не могло почему либо бѣжать,—попало въ озлобленныя звѣрскія когти турокъ, остались отъ этихъ коттей только пепелища, да трупы истерзанныхъ и измученныхъ жертвъ звѣрства.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Мы образуемъ свою совѣсть по волѣ страстей своихъ и думаемъ, что всего уже достигли, когда успѣли только обмануть самихъ себя (Боссюэтъ).

Тотъ, кто вѣчно думаетъ какъ-бы повеселиться, рискуетъ скучать очень долго (Бальзакъ).

Библиотека "Руниверс"

Смѣсь.

Основательно! Когда осенью 1792 г. Объявлена была во Франціи республика—дипломаты Стамбула (такъ разсказывали въ то время, можетъ быть въ шутку) долго немогли уяснить себѣ, что собственно значитъ слово «республика»? Однако, поломавъ голову, они наконецъ рѣшили признать «Республику» французовъ, принявъ въ соображеніе то обстоятельство, что *она, республика, не можетъ жениться на австрійской принцессѣ.*

Глава вѣнскаго дома Ротшильда получаетъ отъ принадлежащихъ ему акцій желѣзныхъ дорогъ доходъ въ 38 000,000 гульденовъ; операціи его банкирской фирмы даютъ ему, по невысшей мѣрѣ, 20,000,000 г. въ годъ, сверхъ прибылей отъ дѣлъ другихъ домовъ фирмы Ротшильда. Ежегодный доходъ вѣнскаго Креза опредѣляется, среднимъ числомъ, въ 85.000,000 гульденовъ (болѣе 50 000,000 р.)

Въ Англіи, желѣзно-дорожная катастрофа не дешево обходится компаніи. Недавно желѣзная дорога Гретъ-Вестернъ принуждена была заплатить священнику Гардинеру 60,000 ф. стер. вознагражденія за поврежденія, полученныя имъ во время столкновенія поѣздовъ подъ Шипенгамомъ.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Наконецъ общая картина военныхъ дѣйствій на обоихъ театрахъ войны можетъ резюмироваться словами, что «турецкая армія, въ обоихъ пунктахъ, находится въ безотрадномъ положеніи», успѣхъ же русскихъ обезпеченъ. Сэръ Лейярдъ, этотъ чувствительный барометръ европейской политики, уже совѣтуетъ портѣ обратиться къ европейскимъ державамъ «съ просьбою о посредничествѣ». Хотя султанъ и медлитъ послѣдовать совѣту Лейярда, но это доказываетъ только полнѣйшее замѣшательство правительства падишаха въ данномъ случаѣ *) Въ успѣхахъ нашихъ на Закавказскомъ театрѣ за прошлую недѣлю замѣтна систематическая послѣдовательность, которая не могла не поразить непріятно и турецкихъ стратеговъ и заботливыхъ туркофиловъ. Ключъ къ успѣхамъ въ Малой Азіи перешелъ къ намъ уже послѣ побѣды при Авліярѣ. Соединенные отряды генераловъ *Гейманa* и *Тергукасова* разбили, послѣ упорнаго 9-ти-часоваго боя, войска Мухтара и Измаила пашей на укрѣпленной позиціи Деве-Бойна. Турки бѣжали въ разстройствѣ и бросили лагерь, орудія и запасы. При этомъ нашими трофеями были: 40 орудій, 8 офицеровъ болѣе 300 нижнихъ чиновъ и огромные запасы боевыхъ снарядовъ. Блестящему дѣлу этому предшествовало прерваніе нашими войсками (на прошлой же недѣлѣ) сообщеній между *Батумомъ* и *Эрзерумомъ*.

Взятіе Деве-Бойнскихъ высотъ равняется взятію ключа къ Эрзеруму, такъ какъ послѣ взятія этихъ высотъ ведутъ уже свободные пути къ Эрзеруму, лежащему въ верховьяхъ рѣки Евфрата Вотъ въ смыслѣ взятія ключа къ Эрзеруму и важна Деве-бойнская побѣда и затѣмъ она важна еще въ томъ отношеніи, что всѣ шансы успѣха на Малоазіатскомъ театрѣ войны находятся въ нашихъ рукахъ. Турецкую же армію развѣ ужь особое чудо пророка спасетъ отъ гибели. Мухтаръ-паша съ едва уцѣлѣвшими остатками арміи отступаетъ теперь къ *Трапезунту*, т. е. дѣлаетъ громадный переходъ къ сѣверо-западу, на южный берегъ Чернаго моря. Разумѣется, поряженный паша попытается въ Трапезунтѣ оправиться и запастись провіантомъ. Но очень возможно, что наши войска, идущія отъ *Ольти* (къ сѣверу отъ Эрзерума) перерѣжутъ ему путь. Изъ Батума же прибытіе подкрѣпленій къ Эрзеруму не возможно (по причинѣ, какъ сказано выше, перерѣза этого пути колонною нашихъ войскъ, выступившею изъ Ольти).

Но и блестящимъ дѣломъ при Деве-Бойну еще не ограничились наши успѣхи въ Закавказьѣ за прошлую недѣлю. Подъ Карсомъ 24-го октября тоже происходило славное дѣло. Генералъ Лазаревъ въ этотъ день занялъ позиціи предъ юго-восточными фортами Карса, для возведенія новыхъ осадныхъ баттарей. Турки пытались произвести аттаку занятыхъ нами позицій, и ихъ поддерживалъ сильный огонь со всѣхъ фортовъ крѣпости. Аттака турокъ совершенно не удалась; они отступили въ безпорядкѣ, преслѣдуемые нашими войсками до укрѣпленія Хафизъ-Паши-Табія Но и здѣсь, увлеченные преслѣдованіемъ, два батальона нашего Кутаисскаго полка, подъ начальствомъ полковника Ѳадѣева, не взирая на перекрестный артиллерійскій и ружейный огонь, ворвались въ помянутое укрѣпленіе, положили здѣсь штыками большую часть гарнизона, испортили орудія и взяли въ плѣнъ 10 офицеровъ и 40 нижнихъ чиновъ. Наши потери незначительны. Дѣло это нужно причислить къ категоріи блестящихъ.

Засимъ, основываясь на словахъ одного компетентнаго англичанина (взятаго въ плѣнъ), нужно сказать, что Карсъ, даже при упорной оборонѣ, не можетъ держаться болѣе мѣсяца. Что касается Эрзерума, то хотя открытою силой его взять и трудно, за то путь къ нему совершенно очищенъ и затѣмъ армянское населеніе Эрзерума положительно расположено къ намъ и ненавидитъ турокъ.

На Дунайскомъ театрѣ войны особенно важныхъ дѣлъ за прошлую недѣлю не было.

Наши кавалерійскіе отряды продолжаютъ свои наступательныя дѣйствія на западъ отъ Плевны. Кавалерійскія рекогносцировки заходятъ теперь даже за *Рахово*, по направленію къ Ломъ-Паланкѣ *). Здѣсь наши улаги испортили телеграфъ. При осмотрѣ Рахова 24-го октября оказалось, что оно укрѣплено и занято 1,500 пѣхоты съ 3-мя орудіями. Завидѣвъ русскіе кавалерійскіе отряды, часть турецкихъ войскъ отступила отъ Рахова къ Ломъ-Паланкѣ. Здѣшнее турецкое населеніе бѣжало на Софійское шоссе. Съ этой стороны, очевидно, прибытіе турецкихъ подкрѣпленій, напримѣръ, изъ Видина, въ настоящее время крайне затруднено и почти невозможно. Но съ другой стороны телеграммы иностранныхъ газетъ на прошлой недѣлѣ сообщали, что турецкія силы сосредоточивались около Верхняго Лома. Какая же была цѣль подобнаго сосредоточенія? Можно было предполагать, что турки имѣли въ виду направить значительныя силы на *Тырново*, *Селви* и *Ловчу* и что сюда же намѣренъ былъ прорваться изъ Плевны Османъ-паша Дѣйствительно ли имѣлся или имѣется подобный планъ у турокъ—пока еще не представляется яснымъ.

Не можемъ не прибавить здѣсь, что, по извѣстіямъ телеграфа, турки въ Орханіэ (близь Софіи) успѣли сосредоточить свои силы и запасли здѣсь до 3,000 штукъ теплой одежды для доставки въ Плевну. Въ виду этого съ нашей стороны является необходимость энергически форсировать Плевно-Софійскую дорогу, чтобы прервать всякое сообщеніе съ Орханіэ. Между Рущукомъ и Журжево выстрѣлы пока прекратились, надолго-ли—сказать трудно. Мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ рисунокъ дающій понятіе о направленіи выстрѣловъ между двумя этими пунктами.

Изъ Богота отъ 29-го октября извѣщаютъ, что отрядомъ генерала Леонова, состоявшимъ изъ полковъ лейбъ-гвардіи: конно-гренадерскаго, драгунскаго и уланскаго, взятъ гор. Враца (къ западу отъ Плевны) и захваченъ при этомъ запряженный транспортъ болѣе 1,000 подводъ и большіе склады муки, галетовъ и ячменя.

Въ политикѣ самый главный интересъ представила Франція. На прошлой недѣлѣ оказались извѣстными во Франціи результаты 1357 выборовъ въ *генеральные совѣты*. Выбраны 764 республиканца и 511 консерваторовъ. Изъ 80 департаментовъ въ 40 большинствомъ будутъ располагать, по всей вѣроятности, республиканцы, а въ 30 консерваторы. Республиканцы пріобрѣли уже 107 мѣстъ въ генеральныхъ совѣтахъ.

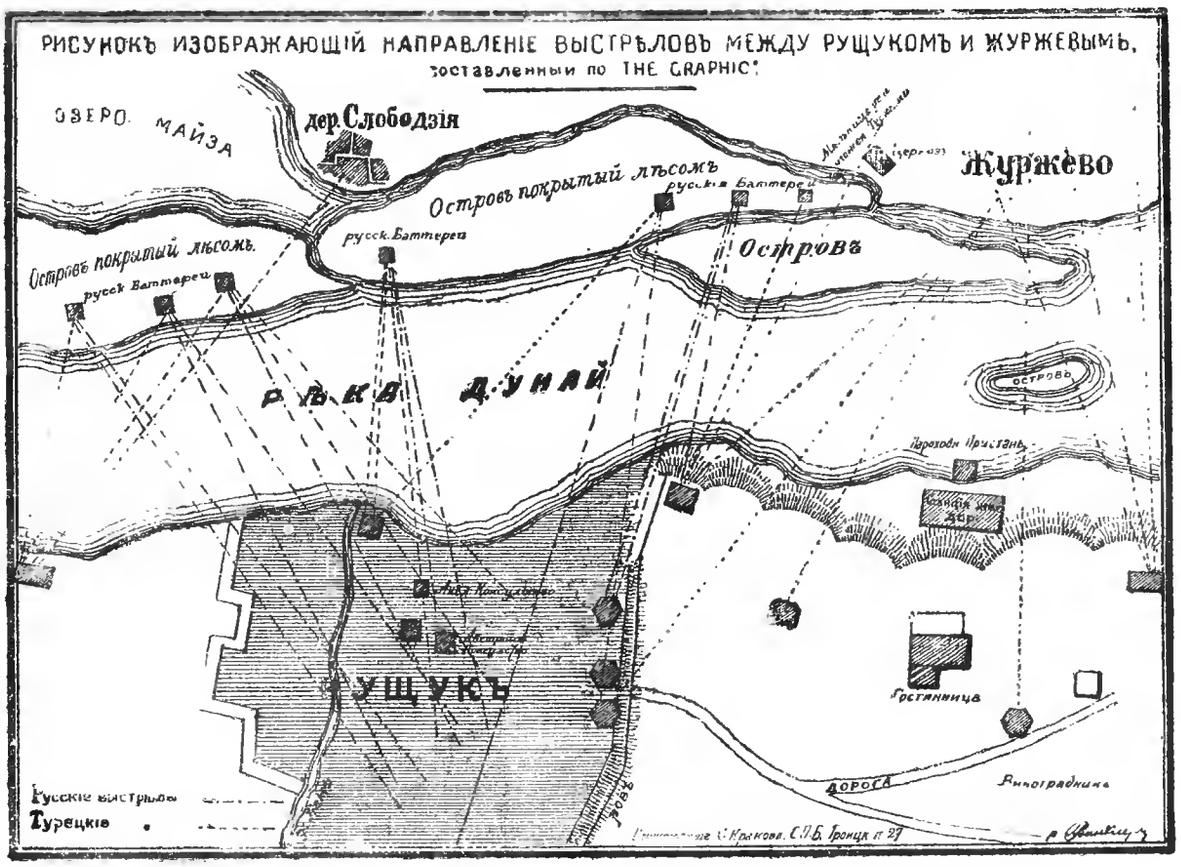
— Отъ времени до времени намъ приходится говорить объ англійскихъ происках и о замысловатой вѣроломной эгоистической системѣ «обезпеченія Британіею своихъ интересовъ» всюду. гдѣ только есть море и континентъ. Въ прошедшемъ обозрѣніи („Нива" № 44) мы, говоря по поводу индійскаго голода, выставили на видъ, что это громадное бѣдствіе есть результатъ возмутительнаго своекорыстія и эксплоатированія богатства Индіи, для блага Турціи. Теперь намъ приходится отмѣтить еще одинъ фактъ, весьма характеристичный для англійской политики. Пользуясь теперешнею войною, англичане исподтишка заняли въ Азіи Келатъ, чтобы отгуда угрожать Афганистану и сдѣлать твердый оплотъ противъ распространенія нашего государства въ Средней Азіи. Но тутъ-то оказалось, какъ сильно Англія промахнулась и какъ своекорыстіе сдѣлало ее близорукою. Въ Афганистанѣ населеніе сильно раздражено противъ англичанъ и близко къ возстанію.

— Въ виду продолжающейся болѣзни Папы Пія IX сильная агитація въ Ватиканѣ, по поводу избранія новаго папы, продолжается. Наибольшіе шансы на папскую тіару имѣетъ въ настоящее время отъявленный приверженецъ іезуитизма, бывшій позианскій епископъ, графъ *Мечеславъ Ледоховскій*. Эта личность уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть «либеральнымъ папою», какимъ былъ Пій IX въ первые годы своего первосвященства. По возложеніи папской тіары на Ледоховскаго, начнется прямая открытая война, между принципами папства съ одной стороны и принципами современныхъ государствъ съ другой. Въ борьбѣ этой Германія, уже по существу своихъ внутреннихъ государственныхъ вопросовъ, займетъ *первое* мѣсто. За симъ, очевидно, поднимутъ головы французскіе ультрамонтаны, дѣятельность которыхъ была всегда въ тѣсной связи съ происками бонапартистовъ, и затѣмъ всѣхъ клерикальныхъ партій. Другія же европейскія государства, уже болѣе несвязанныя двусмысленнымъ либерализмомъ Римской куріи, конечно примкнутъ къ дѣятельности Германіи, въ смыслѣ возвышенія государственныхъ интересовъ надъ интересами римскаго іезуитизма и клерикализма. Что касается Россіи, то намъ уже извѣстно, что Римская курія съ самаго начала войны стала на сторонѣ турецкихъ интересовъ. Это уже одно обстоятельно обрисовываетъ нашу будущую программу дѣйствій относительно Римской куріи, особенно при будущемъ папѣ резроградѣ и іезуитѣ Ледоховскомъ, по политическимъ убѣжденіямъ истомъ сынѣ враждебной намъ Польши.

*) Въ Стамбулѣ открытъ даже заговоръ, составленный партіей бывшаго султана Мурада, и арестовано нѣсколько сановниковъ.

*) *Ломъ-Паланка*—названіе объясняется тѣмъ, что городъ этотъ лежитъ на рѣкѣ *Ломъ* и именно Западномъ Ломѣ. Говоря въ свое время о рѣкахъ Болгаріи, текущихъ съ юга на сѣверъ къ Дунаю, мы замѣчали, что западный Ломъ составляетъ, начиная съ запада, первую рѣку, впадающую въ Дунай подъ прямымъ угломъ.

Библиотека "Руниверс"



Направленіе выстрѣловъ между Рущукомъ и Журжевымъ.

Изъ Екатеринодара сообщаютъ объ открытіи пароходства по р. Кубани. Пароходовладѣльцами уже приняты грузы въ Таганрогѣ и Ростовѣ на Дону для Темрюка и Екатеринодара. Между тѣмъ изъ Царицына сообщаютъ что Грязе - Царицынская желѣзная дорога окончательно отказалась принимать отъ купцовъ рыбныхъ грузовъ на первую и третью группы; тогда какъ рыбныя товары приготовлены спеціально для наступающаго великаго поста въ весьма большомъ количествѣ и проданы на срокъ. Недоставка рыбы приведетъ многихъ къ разоренію. Торговцы, ходатайствуютъ передъ министромъ путей сообщенія о мѣрахъ къ отправленію грузовъ.

Въ дѣлѣ пожертвованій на пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ заносимъ заявленіе Управляющаго Государственнаго Банка Е. И. Ламанскаго о возможности отдѣлить изъ коммерческихъ прибылей государственнаго банка въ этотъ годъ сумму въ 200,000 р. и заявленіе правленій частныхъ банковъ, готовыхъ пожертвовать изъ своихъ прибылей 500,000 руб. Для обсужденія вопроса о возможно-полезномъ употребленіи этихъ суммъ въ пользу раненыхъ и больныхъ образована коммисія подъ предсѣдательствомъ Е. И. Ламанскаго. Коммисія остановилась на мысли, вмѣсто новыхъ санитарныхъ поѣздовъ, устроить для раненыхъ и больныхъ воиновъ лазареты въ мѣстностяхъ, расположенныхъ при окончаніи желѣзнодорожныхъ линій, ближайшихъ къ театрамъ военныхъ дѣйствій.

Извѣстный нашимъ читателямъ командиръ Баязетской крѣпости, капитанъ Штоквичъ, награжденъ Его Величествомъ чиномъ маіора, крестомъ св. Георгія, 800 р. пожизненной пенсіи и дѣти его, будутъ воспитываться на счетъ государства.

— Газета Сибирь извѣщаетъ что лѣтомъ чрезъ Тюмень прошло до 150 семействъ болгаръ и сербовъ, по пути переселенія въ Сибирь.

— Турецкіе плѣнные участвуютъ на городскихъ работахъ въ Харьковѣ.

Въ нѣкоторыя наши газеты сообщаютъ, что въ—теченіи 1878 г. предположено на Петербургскомъ монетномъ дворѣ изготовить монеты: а) золотой, полуимперіальной по нарицательной цѣнѣ на 19,500,000 р. и трехрублевой на 900,000 р., всего 20,400,000 р; б) серебряной, по примѣру прежнихъ лѣтъ: банковой на 700,000 руб. и размѣнной на 6.000,000 р. и в) мѣдной на 700,000 р.

— Государь Императоръ 4-го сего октября Высочайше повелѣть соизволилъ: отмѣнить пріемъ въ семъ году офицеровъ въ военно-юридическую Академію, съ тѣмъ, чтобы академическій курсъ былъ открытъ съ будущаго 1878—79 учебнаго года.

РѢШЕНІЕ

шахматной задачи въ „Нивѣ" № 44.

Бѣлые.	Черныя.
1) Ладья С8 — С6×	1) Король С 5 — С 6
2) Ферзь С2 — Н7	2) Король С6—Д6 или какъ угодно
3) Ферзь Н7 — С7××	

СОДЕРЖАНІЕ: Его Императорское Высочество, Великій Князь Николай Николаевичъ младшій (съ портретомъ).—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Окончаніе второй части. — Александръ Петровичъ Сумароковъ († 1-го октября 1777 г.) (съ портретомъ) А. Арс.—Александрійскій обелискъ „Игла Клеопатры" (съ 4-мя рисунками) М. С. — Подъ Плевной (съ 2-мя рисунками).—Секретъ (съ рисункомъ).—Болгарская дѣвушка (съ рисункомъ) —Мысли замѣчательныхъ людей. — Смѣсь. —Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.—Объявленія — При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за НОЯБРЬ съ 28 рисунк., отдѣльный листъ съ 23 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 30 рисунками мебели для убранства комнатъ въ характерѣ русскаго стиля, — рисов. И Пановымъ, и III рисунковъ инициаловъ и вензелей для мѣтки бѣлья.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

№ 27 Только что вышла въ свѣтъ 1—1

ПЛЕВНА И ШИПКА.

Подробная карта театра войны по обѣ стороны Балканъ, въ крупн. масшт., съ раскрашенными горами, съ объясненіемъ всѣхъ деталей, въ томъ числѣ редутовъ и фортовъ. Для назначенія же передвиженія войскъ въ занимаемыхъ позиціяхъ прилагается безплатно при каждой картѣ 2 флага для главн. квартиръ: румынской и русской и 18 значк. (9 русск. и 9 тур.), изображающихъ кавалерію, артилерію и пѣхоту.

ЦѢНА КАРТЫ 30 КОП.

Изданіе и хромо-литографія А. Тарочешникова.

Складъ изд. при конт. редакц. журн. «Модныя выкройки». С.-Петерб., Караванная, д. № 18. Гг. иногородн., желающіе выписывать 1 карту, съ пересылкою платятъ 60 к., за 3 карты 1 р., болѣе 3 карт. за перес. ничего не платитъ; карты высылются въ видѣ посылки; а также можно получать: въ Спб.: Дацiаро, Вегрона, Фельтена, у Полякова, Авдѣева, Черехвостова и въ книжн. магаз. Исакова, Черкесова, Колесова, Михина и Попова, Невск. пр., у Пассажа; въ Москвѣ: у Солоньева (Страстн. бульв., д Алексѣева) и у Дацiаро (Кузн. мостъ).

ВЪ УЧИТЕЛЯ нуждающіеся благоволитъ прислать свой адресъ студенту филологу. Домъ Спасо-сѣнн. ц., кв. № 5. № 25 2—1

№ 26 **РАМКИ** 1—1

всякаго рода готовыя и на заказъ. Двѣ рамки для преміи „Нивы" 1877 года: Семья рыбака и Тарантелла. отъ 4, 5, 6 руб. и дороже.

Въ пассажѣ швейцарскій магазинъ бывшій Бодмана № 27 и 29.

Удостоенный большой преміи Анатомическій музей

ГАССНЕРА

ВЪ ПАССАЖѢ

открытъ ежедневно отъ 10 ч. утра до 10 ч. вечера По пятницамъ исключительно для дамъ и всѣ необходимыя для женщины научныя разъясненія, относительно постепеннаго развитія человѣка, процесса рожденія и болѣзней преподаются дамой.

№ 29 4—1 За входъ 40 к. Каталогъ 15 к.

Дозволено цензурою. СПБ. 4 Ноября 1877 г. КОНТОРА РЕДАКЦІИ: въ Спб. Большая Морская, д. № 9. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 46 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 14 Ноября 1877 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23,500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать редакціонные адресы отъ бандеролей, въ которыхъ получается „Нива" въ настоящемъ году.

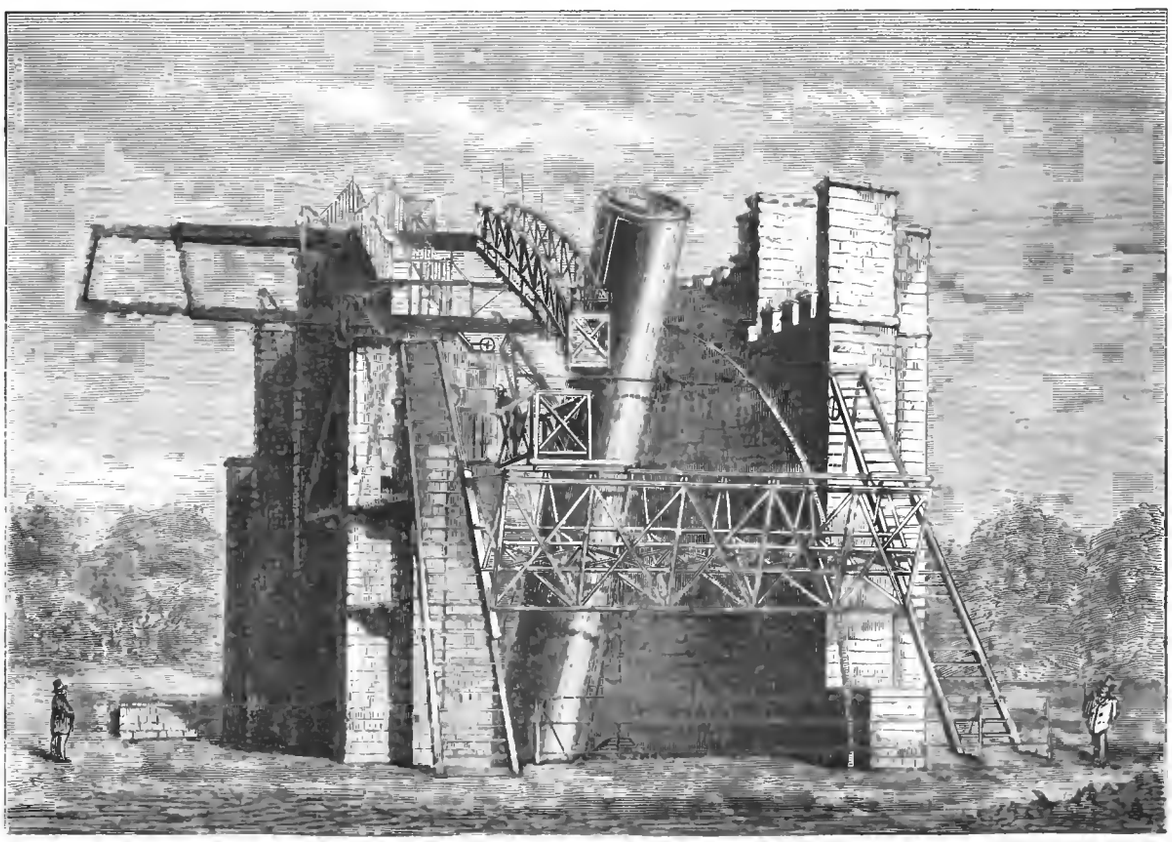
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1878 Г.

Безъ доставки въ ПБургѣ. 4 р.
Съ доставкою . . . . . 5 „
Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ . . . 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и друг. города Русской Имперіи . . . . 6 „

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВЫ" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С-ПБУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

О туманныхъ пятнахъ на нашемъ небѣ.



Астрономическая обсерваторія и телескопъ Росси въ Персонтоунѣ (въ Ирландіи). Грав. Рашевскій.

Зима—это настоящій сезонъ для наблюденія неба во время тихой морозной ночи. Громадная великолѣпная сцена открыта надъ головою зрителя. Занавѣса у этой сцены нѣтъ.

Взойдемъ на террасу и оттуда увидимъ одно изъ величественнѣйшихъ зрѣлищъ: Ночь ясна. Небо пламенѣетъ живымъ блескомъ. Восточная часть небесной полусферы, если вы будете

Библиотека "Руниверс"

внимательно наблюдать ее, уподобляется голубой, лазуреваго цвѣта мантіи, украшенной брилліантами. На этой мантіи видна широкая полоса *молочновато-бѣлаго* цвѣта. Необъятный поясъ ея составлевъ изъ скопленія „туманныхъ тѣлъ", и поясъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ „млечнаго пути". Въ этой области болѣе 3,000 большихъ неподвижныхъ звѣздъ, и отъ того мы можемъ видѣть этотъ млечный путь уже простыми глазами. А съ помощью хорошаго телескопа Гершель насчиталъ въ млечномъ пути не менѣе 18-ти милліоновъ звѣздъ *).

Посредствомъ сильныхъ астрономическихъ инструментовъ туманныя пятна можно разложить приблизительно на 400 группъ или скученій звѣздъ и приблизительно на 4,000 такихъ, которыхъ невозможно разложить даже сильными стеклами. Эти неразличимыя тѣла рождаются, повидимому, въ неизслѣдованныхъ областяхъ, отъ которыхъ отдѣляетъ насъ цѣлая бездна, такъ какъ разстояніе ихъ отъ насъ необъятно; они принадлежатъ уже другому міру, составляя скопленіе космической матеріи, разсѣянной въ этомъ отдаленномъ мірѣ на такомъ громадномъ пространствѣ, что наше воображеніе ужасается даже мысли объ его измѣреніи.

Вотъ объ этомъ-то интересномъ явленіи, извѣстномъ подъ именемъ „Млечнаго пути" и затѣмъ о туманныхъ пятнахъ, принадлежащихъ уже къ иной сферѣ, мы и намѣрены здѣсь поговорить.

Но предварительно нужно сказать нѣсколько словъ о явленіяхъ космическаго тумана.

Звѣздное небо, какъ можно убѣдиться уже разсматривая его простыми глазами, усѣяно не только свѣтлыми, круглыми, простыми звѣздами, но и такъ называемыми „двойными", тройными" и вообще сложными. Эти послѣднія являются намъ въ видѣ свѣтлыхъ облаковъ, которыя сильными телескопами могутъ и должны разлагаться на простыя звѣзды. Такъ что эти громадно-отдаленныя отъ насъ туманныя сгущенія суть, въ существѣ дѣла, группы неподвижныхъ звѣздъ. Назадъ тому три-четыре десятка лѣтъ, существовало только чаяніе и надежда разложить эти свѣтлотуманныя пятна на простыя звѣзды; но тогдашніе телескопы были еще очень слабы сравнительно съ теперешними. Звѣздо-разлагающая сила этихъ телескоповъ представляла ихъ все таки только свѣтлыми облачками, или, точнѣе, разорванными клоками облачковъ.

Подъ „Млечнымъ путемъ" астрономы издавна разумѣли ту свѣтлую дугу или поясъ, которая громадно протягивается по всему небу. Отдѣльныя части этой дуги отличаются особенно свѣтлымъ блескомъ. Въ другихъ же частяхъ ея замѣчаются какъ бы темныя отверстія и мрачныя разщелины, посылающія отъ себя огромныя боковыя вѣтви. Уже неособенно сильные телескопы разлагаютъ намъ свѣтлыя пятна этой дуги на безчисленное множество маленькихъ плотно скученныхъ неподвижныхъ звѣздъ. Въ хорошіе же телескопы, еще до телескопа Росси, можно было замѣтить, что свѣтлыя пятна тѣмъ богаче звѣздами, чѣмъ свѣтлѣе представляются они невооруженному глазу; и это уже доказываетъ, что свѣтъ этого большого звѣзднаго пути обусловливается единственно огромною скученностью звѣздъ на этомъ пути. Если наши лучшіе инструменты (не исключая и современнаго инструмента Росси) не могутъ еще разложить ихъ, то это можетъ происходить отъ *двухъ* причинъ: или эти массы звѣздъ слишкомъ уже отдалены отъ насъ, или же находятся въ слишкомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы быть различенными. Это единственно возможная дилемма для объясненія дѣла.

Но вотъ что въ высшей степени замѣчательно. Совершенно особое, такъ сказать, построеніе „Млечнаго пути" показываетъ намъ, что вся эта безчисленная масса звѣздъ составляетъ на небѣ *совершенно особую, изолированную отъ солнца систему*. Астрономическія наблюденія доказываютъ, что „Млечный путь" долженъ имѣть фигуру линзы или чечевичнаго зерна и отъ центра этой линзы солнечная система должна находиться на относительно близкомъ разстояніи. Но если бы наша солнечная система не лежала вблизи этой линзы, а находилась бы далеко въ сторонѣ, тогда намъ и весь „Млечный путь" представлялся бы не въ формѣ огромнаго круга на небѣ, а въ видѣ маленькаго круга или эллипсиса; но этотъ эллипсисъ тѣмъ больше приближался бы къ фигурѣ круга, чѣмъ больше линія нашего зрѣнія соотвѣтствовала бы перпендикуляру, опущенному на поверхность линзы.

Теперь уже всѣ сознательно или безсознательно повторяютъ фразу, что „Млечный путь" состоитъ изъ множества скученныхъ звѣздъ; но къ этому нужно прибавить, что и всѣ туманныя пятна на небѣ суть такія же скученія звѣздъ; что разницы существенной нѣтъ между ними и скученіями „Млечнаго пути". Говорили, однако, что туманныя пятна—нѣчто въ родѣ облаковъ атмосферы, окружающей нашу землю. Но если бы пятна были однородны съ облаками, то, во первыхъ, они измѣняли бы свою форму и, во вторыхъ, перемѣняли бы свое мѣсто. Но ни того, ни другого явленія съ пятнами до сихъ поръ не замѣчено. Слѣдовательно, это суть тѣже скопленія неподвижныхъ звѣздъ, какія являются намъ и въ „Млечномъ пути". Уже Гершелю старшему удалось доказать это путемъ разложенія своимъ сильнымъ телескопомъ нѣкоторыхъ изъ этихъ пятенъ на звѣзды.

Извѣстный германскій ученый Литровъ находилъ, однако, возможнымъ допустить, что многія изъ туманныхъ пятенъ могутъ представлять ничто иное, какъ свѣтовый туманъ (Lichtnebel), т. е. космическая матерія, еще несформировавшаяся въ звѣзды. Для большей простоты и единства представленія, однако, мы не дѣлаемъ такого различенія, тѣмъ болѣе, что существенной важности оно не представляетъ.

Прежде астрономы раздѣляли эти туманныя пятна на 8 классовъ. Дѣленіе это, правда, признано современными астрономами произвольнымъ, но оно такъ способно оріентировать въ звѣздномъ небѣ обыкновеннаго, не знакомаго спеціально съ этою областью читателя и при томъ такъ занимательно само по себѣ, что мы удерживаемъ его для большей ясности представленія того пути, которымъ астрономы изучали туманныя пятна.

Къ 1-му классу по этому дѣленію относили пятна съ весьма яркимъ блескомъ. Гершель насчитывалъ такихъ пятенъ до 288; но они не поддавались мощной разлагающей силѣ его телескопа. Во 2-мъ классѣ насчитывали 907 пятенъ, слабо свѣтящихся. Къ 3-му классу причисляли 978 пятенъ, мерцающихъ матовымъ свѣтомъ. Въ этихъ *трехъ* первыхъ классахъ пятенъ замѣчено было то общее свойство, что многія изъ нихъ имѣютъ *весьма неправильную* фигуру, и затѣмъ нѣкоторыя части такой фигуры представляются болѣе блестящими, чѣмъ остальныя. Къ 4-му классу относили такъ называемыя *планетарныя* туманныя пятна. Эти пятна дѣйствительно имѣютъ совершенно круглую форму и во всѣхъ ихъ точкахъ свѣтъ распредѣленъ равномѣрно и всѣ они имѣютъ значительный поперечникъ въ 5—10 и болѣе секундъ. Въ этотъ классъ Гершель включилъ „туманныя звѣзды" и „звѣздный туманъ" (nebulous stars and stellar nebulae). *Первую* категорію составляютъ здѣсь настоящія неподвижныя звѣзды, ярко блестящія, окруженныя каждая своею туманною атмосферною сферою, но границы этихъ сферъ теряются, вслѣдствіе неопредѣленности контуровъ. Вторую категорію, или „stellar nebulae", составляютъ весьма интересныя неподвижныя звѣзды, окруженныя туманомъ въ весьма причудливыхъ формахъ: то туманная дымка идетъ отъ звѣзды въ видѣ мягкой волнообразной кисточки, то въ видѣ дамскаго вѣера или опахала, или прелестнаго развѣвающагося локона, въ видѣ подушки и т. д. 5-й классъ содержитъ 52 весьма большихъ туманныхъ звѣздъ съ далеко выдающимися вѣтвями или „руками", какъ принято называть. Наконецъ 6-й, 7-й и 8-й классы содержатъ настоящія звѣздныя группы (Clusters of stars Гершеля). Это весьма плотныя скученія малыхъ звѣздъ. Пятна 6-го класса необыкновенно богаты звѣздами; 7-го класса представляютъ круглыя формы. Наконецъ пятна 8-го класса представляютъ весьма безпорядочно разсѣянныя группы маленькихъ неподвижныхъ звѣздъ. Не смотря, однако, на безпорядочность расположенія, сейчасъ же видно, что эти малыя звѣзды принадлежатъ къ одной общей категоріи и составляютъ особую систему неподвижныхъ звѣздъ на небѣ.

Но затѣмъ слѣдуютъ еще на необъятномъ отъ насъ отдаленіи въ собственномъ смыслѣ телескопическія группы или кучки звѣздъ. Эти группы еще со временъ Гершеля наблюдались на небѣ въ лучшіе телескопы. Фигура этихъ кучекъ весьма круглы и часто представляютъ абсолютную форму круга. Звѣзды, изъ которыхъ сложены эти кучки, повидимому всѣ равно большихъ размѣровъ, и только по временамъ замѣчается, что звѣзда, находящаяся въ центрѣ кучки, больше остальныхъ и эта большая центральная звѣзда выдѣляется изъ ряда другихъ своимъ краснымъ цвѣтомъ или является настоящею двойною звѣздою. Круглая форма, о которой упоминали выше, встрѣчается у такихъ звѣздныхъ кучекъ, которыя составлены изъ весьма малыхъ звѣздъ, такъ плотно сгруппированныхъ, какъ будто онѣ еще находятся въ извѣстной стадіи своего образованія изъ космической матеріи; другія кучки имѣютъ весьма неправильное очертаніе и часто изъ нихъ выдаются вѣтви и рукава.

Число всѣхъ вообще этихъ плотно скученныхъ звѣздныхъ группъ, или кучекъ, необычайно велико. Счисленіе ихъ, понимаемое въ нашемъ обыденномъ смыслѣ, здѣсь, разумѣется, совершенно немыслимо. Но можно предположить (по приблизительнымъ даннымъ, напримѣръ, Гершеля), что часто 20,000 звѣздъ сжаты въ кругообразной площади пятна, каковая площадь имѣетъ поперечникъ едва-едва 8—10 минутъ и поверхность которой составляетъ едва 1/10 поверхности полной луны. Свѣтовой блескъ этихъ кучекъ всего чаще постепенно увеличивается по направленію отъ окружности къ центру. Это происходитъ не отъ оптическихъ свойствъ звѣздныхъ кучекъ, другими словами—не астрономическіе инструменты обусловлива-

*) Мимоходомъ здѣсь касаясь исторіи телескопа, мы должны сказать, что улучшенія вводились въ немъ постепенно; они производились и въ *окулярахъ*, и въ *объективахъ* (т. е. въ тѣхъ стеклахъ, къ которымъ непосредственно прикладывается глазъ наблюдателя, и въ стеклахъ крайней оконечности инструмента, направляемыхъ на наблюдаемое свѣтило. Уже знаменитый *Гюйгенсъ*, вмѣсто простой двояковыпуклой линзы началъ употреблять окуляръ изъ *двухъ* линзъ. Хотя этотъ окуляръ былъ введенъ для другой цѣли, однакоже уничтожилъ также и окрашиваніе изображеній предметовъ (т. е. представлялся ахроматическимъ стекломъ). Послѣ Гюйгенса Рамсденъ устроилъ окуляры такъ, чтобы ихъ можно было употреблять съ особаго рода инструментомъ, называемымъ микрометромъ. Затѣмъ стали появляться другіе окуляры съ различнымъ еще болѣе сложнымъ устройствомъ для равныхъ цѣлей.

Библиотека "Руниверс"

ваютъ это явленіе. Происходитъ оно слѣдовательно отъ того, что по мѣрѣ приближенія къ центру, разстояніе между звѣздами уменьшается, что обусловливается большою притягательною силою средоточнаго пункта или центра, чѣмъ въ другихъ категоріяхъ звѣздныхъ кучекъ, не имѣющихъ круглаго очертанія.

Эти безчисленныя группы звѣздъ кажутся намъ *„малыми“* только по громадности ихъ разстоянія отъ насъ. Разстояніе раздѣляющее насъ отъ нихъ должно считать билліонами миль. Если сообразить, насколько увеличилась бы фигура этихъ свѣтилъ при приближеніи къ нимъ на нѣсколько десятковъ тысячъ миль, то можно считать вѣроятнымъ, что ихъ размѣры могутъ быть и *больше размѣровъ нашего солнца*. При необъятномъ разстояніи, съ которымъ мы здѣсь имѣемъ дѣло, наши относительныя или сравнительныя понятія о величинахъ уже не имѣютъ никакого примѣненія.

Величины разстоянія обыкновенно измѣряютъ временемъ, въ которое доходитъ до насъ свѣтъ отъ различныхъ звѣздъ. Напримѣръ, солнечный свѣтъ, источникъ котораго находится отъ насъ приблизительно на разстояніи 90 милліоновъ миль, употребляетъ 8 минутъ, чтобы достигнуть поверхности земли. Если бы доходящій до насъ въ первыя 8 минутъ свѣтъ внезапно погасъ, мы получили бы свѣтовую волну въ другія 8 минутъ, идущую отъ своего источника, для освѣщенія земли, и эта волна свѣта постоянно возрастала бы въ своемъ блескѣ, такъ какъ свѣтъ идетъ непрерывно. Получаемъ ли мы, стараясь смотрѣть на солнце, впечатлѣнія волны идущей въ первыя 8 минутъ или же послѣдующей—разница въ этомъ для насъ неуловима и не должна входить въ разсчетъ. Но нельзя сказать того же самаго относительно звѣзды.

Свѣтовая волна, истекшая изъ свѣтящагося тѣла, на громадномъ разстояніи отъ земли, можетъ достигнуть до насъ только въ-теченіе многихъ лѣтъ.

Мы съ трепетомъ отступаемъ предъ необъятною бездной, какъ будто смѣющейся надъ нашими измѣреніями. Если мы, напримѣръ, сложили бы вмѣстѣ свѣтъ 10-ти тысячъ такихъ тѣлъ, какъ солнце, то на такомъ громадномъ разстояніи, по приблизительному вычисленію, эта 10-ти тысячная сумма солнцъ явилась бы нашему глазу только звѣздочкою *пятаго* или *шестаго* порядка.

Что касается внѣшняго вида этого распростертаго по всему небу звѣзднаго тумана, то онъ, по своей необычайной красотѣ, своеобразности формъ, оригинальному, часто странному распредѣленію въ немъ свѣта, составляетъ единственное и неизъяснимое въ природѣ явленіе. Одна часть тумана необыкновенно свѣтла, другая необыкновенно темна и матоваго цвѣта, затѣмъ третья часть уже совершенно темна и приближается къ абсолютной чернотѣ. Самая свѣтлая часть какъ будто пылаетъ въ подвижномъ колеблющемся пламени. Но темныя части тумана отдѣлены отъ свѣтлыхъ весьма рѣзко, безъ переходныхъ оттѣнковъ. Звѣзды, заключающіяся въ пространствѣ тумана, даже въ его самыхъ свѣтлыхъ частяхъ,—все таки выдѣляются своимъ особенно живымъ блескомъ, и самое положеніе этихъ звѣздъ имѣетъ особое отношеніе къ самому туману. Въ сторонѣ отъ общаго туманнаго пространства замѣчается множество большихъ и малыхъ звѣздъ, мерцающихъ въ печальномъ полумракѣ и окруженныхъ каждая своею собственною атмосферой.

Всю эту громадную область млечнаго пути и туманныхъ пятенъ можно видѣть въ усовершенствованный телескопъ Росси, рисунокъ съ котораго (со всѣми его приспособленіями) мы прилагаемъ. Другой рисунокъ изображаетъ различныя формы туманныхъ пятенъ, видимыхъ въ телескопъ Росси. Читатель видитъ здѣсь и туманныя пятна продолговатыя, съ такъ называемыми „рукавами“, о которыхъ мы говорили выше, и безусловно круглыя, и эллиптическія съ сильнымъ сгущеніемъ свѣта въ опредѣленныхъ пунктахъ. Разумѣется, разлагающая сила телескопа Росси гораздо сильнѣе, чѣмъ у телескопа Гершеля, такъ много работавшаго въ области туманныхъ пятенъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ астрономѣ Росси и его знаменитомъ телескопѣ. Росси—ирландецъ, сынъ лорда Оксмонтоуна. Имъ самимъ устроена обсерваторія въ своемъ родовомъ имѣніи *Парсонтоунъ* (въ Ирландіи). Задавшись цѣлью улучшить телескопъ, онъ устроилъ зеркало объектива въ 3 фута въ поперечникѣ. Исполинскій телескопъ былъ готовъ въ 1844 г. и стоилъ на наши деньги до 80 тыс. рублей. Телескопъ этотъ даетъ зрительную силу въ 500 разъ большую, чѣмъ сила зрѣнія глаза. При помощи этого телескопа оказалась возможна разложимость туманныхъ пятенъ на звѣзды.

Стр.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть Вс. Соловьева

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

I.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ со дня смерти великой княжны Натальи. Первое время Императоръ не зналъ куда дѣваться отъ тоски. Приближенные къ нему люди не на шутку боялись за его здоровье: онъ почти ничего не ѣлъ, запирался у себя по цѣлымъ днямъ, плакалъ. Но въ его годы горе не бываетъ продолжительно. Съ первыми весенними днями улыбка снова появилась на губахъ его и онъ снова велѣлъ снаряжать охоту.

Остерманъ началъ напоминать ему о послѣднемъ желаніи покойной, о данномъ ей словѣ. Со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ убѣждалъ его спѣшить переѣздомъ въ Петербургъ.

Императоръ молча слушалъ и задумывался.

— Повремени немного, Андрей Иванычъ, говорилъ онъ,—уѣду, непремѣнно уѣду, и скоро, только теперь нужно съ Москвой проститься.

О необходимости переѣзда въ Петербургъ сталъ иной разъ поговаривать и князь Иванъ Алексѣевичъ, но зато остальные Долгорукіе толковали противное и говорили что все это вздоръ и пустяки, будто дѣла стоятъ изъ за пребыванія въ Москвѣ—отсюда точно такъ же, какъ и изъ Петербурга Россіею управлять можно. Крѣпко и могуче стояла Россія и допрежь Петербурга.

Умѣли князья Долгорукіе успокоивать и насчетъ завѣта покойной Натальи. Они толковали, что великая княжна находилась подъ вліяніемъ нѣмца Андрея Иваныча, а Андрей Иванычъ конечно къ Петербургу тянетъ,—не будь уговоровъ Андрея Иваныча великая княжна сама никогда не помыслила бы о Петербургѣ. И эти рѣчи были какъ масло по сердцу для Императора. Онъ слушалъ ихъ радостно, находилъ въ нихъ для себя оправданіе. Но все же часто, особенно по ночамъ, когда не спалось Петру, вспоминалась ему умершая, вспоминались ему слова ея, его обѣщаніе и онъ снова плакалъ и снова рѣшалъ, что: „Нѣтъ, непремѣнно въ Петербургъ ѣхать нужно. Только погодитъ онъ немного, а къ концу лѣта во всякомъ случаѣ, чтобы тамъ ни говорили, а изъ Москвы выѣдетъ“.

Долгорукіе, и въ особенности Алексѣй Григорьевичъ, съ каждымъ днемъ забирали все больше и больше власти надъ Императоромъ, и онъ не замѣчалъ этого. Некому ужь было отрезвить его, растолковать ему и то, и другое, не съ кѣмъ было посовѣтываться, не съ кѣмъ было отвести душу. Нѣту Наташи, да и другого друга тоже онъ лишился—красавицы тетушки Лизы. Долгорукіе то и дѣло разсказывали ему про нее дурныя вещи, увѣряли что она его не только что не любитъ, но даже желаетъ ему всякой погибели, ждетъ,—недождется его смерти. И повѣрилъ Императоръ, и совсѣмъ отвернулся отъ красавицы тетки.

Алексѣй Григорьевичъ, увидѣвъ, что горе отошло отъ Императора, сталъ что ни день придумывать ему новыя развлеченія. Его жена и дочери обязаны были всюду слѣдовать за Государемъ: всячески веселить его, да и другимъ придворнымъ дѣвушкамъ даны были строгія приказанія. Все только и думало о томъ, какъ бы хорошенько, безповоротно забрать въ руки Петра Алексѣевича. Одинъ князь Иванъ оставался по прежнему, только нѣтъ—и онъ измѣнился. Такъ же близокъ онъ къ Императору, также любитъ его, также съ нимъ друженъ, но все чаще и чаще начинаетъ ему перечить, ласково, любовно, а все же перечить. Но не сердится на него Императоръ: ничто не можетъ поколебать его любви къ старому другу.

Долгорукіе были очень недовольны княземъ Ива-

Библиотека "Руниверс"

Изъ жизни въ Черногоріи. Сцена во время пути на рынокъ въ Катарро. Рис. Валерію, грав. Бертранъ.

Библиотека "Руниверс"

Генрихъ Стенли, путешественникъ по Внутренней Африкѣ.

Библиотека "Руниверс"

номъ. Отецъ то и дѣло на него накидывался, говорилъ о томъ, что это онъ со злобы на нихъ все имъ портитъ: они сдѣлаютъ, а онъ раздѣлываетъ. Иванъ Алексѣевичъ теперь уже спокойно выслушивалъ упреки. Въ немъ произошла большая нравственная перемѣна; оставилъ онъ прежнія баловства свои и затѣи; жизнь велъ трезвую. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы напомнить своему другу и Государю о необходимости продолжать занятія науками, даже совсѣмъ помирился съ Остерманомъ. Не разъ приносилъ онъ Петру важныя бумаги, заставлялъ его ихъ прочитывать, растолковывалъ ихъ значеніе, и вмѣстѣ съ нимъ приготовлялъ резолюціи. Онъ старался всегда присутствовать при докладахъ сановниковъ, для того, чтобы какъ нибудь не подвигнули Государя на несправедливость. Однажды, стоя за креслами Петра, и видя какъ тому подносили къ подписанію смертный приговоръ, князь Иванъ, не говоря ни слова, укусилъ Государя за ухо. Тотъ даже вскрикнулъ отъ боли, вскочилъ съ креселъ и съ изумленьемъ спрашивалъ своего друга, что значитъ это.

„Прежде чѣмъ подписывать бумагу, спокойно отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ, надо вспомнить каково будетъ несчастному, когда ему станутъ рубить голову.“

Разсказъ объ этой сценѣ въ тотъ же день облетѣлъ всѣхъ придворныхъ: дивились дерзости молодого фаворита, объяснили все лишь тѣмъ, что онъ черезъ-чуръ зазнался Въ одномъ только мѣстѣ этотъ разсказъ былъ выслушанъ съ необыкновеннымъ восторгомъ: графиня Наталья Борисовна Шереметева даже въ ладоши захлопала отъ радости. Она рѣдко видѣлась съ Иваномъ Алексѣевичемъ—онъ все время свое отдавалъ Государю—но жадно собирала она всѣ о немъ вѣсточки, все, что только могла добыть. По прежнему тихо и довольно уединенно жила Наталья Борисовна въ огромномъ Шереметевскомъ домѣ. Временами скучно ей становилось. И кромѣ заботъ о сердечномъ другѣ Иванѣ Алексѣевичѣ много новыхъ мыслей стало стучаться ей въ голову—жизнь заставляла задумываться. Дѣтскіе годы прошли. Ей скоро семнадцать лѣтъ исполнится, а разумна и учена она не по лѣтамъ; къ тому же и разныя нестроенія домашнія, никому невѣдомыя, учатъ и развиваютъ. Жизнь Натальи Борисовн въ домѣ далеко не веселая. Отецъ ея, знаменитый петровскій фельдмаршалъ, умеръ оставивъ ее пятилѣтнимъ ребенкомъ. Мать баловала ее, любила безъ памяти, старалась о воспитаніи ея—чтобъ ничего не упустила она въ наукахъ, приставила къ ней *мадаму*, которая обучала ее по французски, внушала дочери добрыя правила. И Наталья Борисовна въ свою очередь всѣмъ сердцемъ любила мать, и старалась ее слушаться, и старалась прилежно учиться. Но и мать пожила не долго. Осталась послѣ нее графиня молодая четырнадцати лѣтъ; братъ годомъ старше ея остался, а другія дѣти маленькія. Братъ сталъ хозяиномъ въ домѣ. Хоть всего ему было пятнадцать лѣтъ, но онъ уже тогда числился поручикомъ въ полку преображенскомъ. При матери мальчикъ казался послушнымъ и скромнымъ, а почуялъ свою волю—и ухъ какъ измѣнился! Всѣмъ по своему самъ распоряжается, то и дѣло хозяиномъ себя называетъ, а сестру въ грошъ не ставитъ, а о дѣтяхъ маленькихъ ужь и говорить нечего. Переселилась къ нимъ въ домъ старая бабушка Салтыкова, старуха ничего—добрая, только стара очень, да и не такого характера, чтобы удержать внука. А тотъ съ каждымъ днемъ все больше и больше себѣ воли забираетъ, иногда тѣснитъ даже сестру: толкуетъ ей о томъ что всѣ они живутъ по его милости, что все ему принадлежитъ, онъ всему хозяинъ. Вотъ начинетъ ужь онъ во всѣ дѣла сестрины вмѣшиваться: говоритъ то дѣлай, того не дѣлай. Охъ, какъ это тяжко! А и того тяжеле какъ станетъ онъ дѣтей обижать—не выноситъ этого Наталья Борисовна,—дѣтки на ея рукахъ остались: она имъ теперь что мать. Такъ вотъ какже тутъ не приходить печальнымъ мыслямъ, какже тутъ не смущаться? Не къ тому себя готовила, не того ждала для себя Наталья Борисовна. Характеръ у нея отъ природы веселый былъ, любила она и нарядиться и поплясать и повеселиться всячески, а теперь веселье на умъ нейдетъ, да и опять таки—ее князь Иванъ больно смущаетъ. Не того бы хотѣлось дѣвушкѣ, что жизнь даетъ ей: хотѣлось бы почаще видѣться съ любимымъ человѣкомъ, хотѣлось бы знать навѣрное, что никто и ничто у нея его не отниметъ. И вѣритъ она въ него, вѣритъ—а все же подъ часъ сомнѣнья берутъ: „Ну, какъ ошиблась, ну, какъ онъ обманулъ ее, ну какъ онъ насмѣется надъ нею?“ Страшную минуту пережила она, какъ сказала ей Катюша Долгорукая про то что Иванъ Алексѣевичъ не на шутку думаетъ жениться на принцессѣ Елисаветѣ. Встрѣтилась она какъ то потомъ съ нимъ, отвернулась отъ него. Онъ поблѣднѣлъ весь, спрашиваетъ, умоляетъ ее сказать ему, за что такая немилость. Она еще не умѣетъ владѣть собой, не выдержала, прямо все сказала.

— Эхъ, а вѣдь говорила, что вѣришь мнѣ, грустно отвѣтилъ ей Иванъ Алексѣевичъ. Нѣтъ, ты не мнѣ вѣришь, а вѣришь слуху всякому, вѣришь первому встрѣчному, всему что на меня тебѣ наскажутъ. Ну, да тутъ не совсѣмъ такъ—вотъ что я скажу тебѣ: точно прежде были у меня такія мысли, но онѣ были до тебя, до того дня, знаешь, когда я къ тебѣ пріѣхалъ и открылъ тебѣ свою душу. Не на шутку, Наталья Борисовна, полюбилъ я тебя, а коли разъ такъ полюбишь, такъ какая же тутъ любовь другая—только о тебѣ я теперь думаю, только и мечтаю о томъ, какъ бы намъ съ тобою всю жизнь прожить неразлучно.

И передалъ онъ ей весь свой разговоръ съ цесаревной Елисаветой въ лѣсу Всесвятскомъ, и она ему повѣрила и успокоилась.

Но Боже мой, Боже мой, когда же это будетъ, когда же это станется, то, чего такъ ждетъ она, то, о чемъ такъ она молится? Ну и опять—тѣ страхи, возбужденные цесаревной, разлетѣлись—остаются другіе страхи: продолжаютъ толковать о томъ, что безпутную жизнь ведетъ Иванъ Алексѣевичъ, что часто уѣзжаетъ онъ въ имѣніе свое, Горенки, и тамъ предается всякому разгулу. Увидитъ она его—хотѣлось бы спросить, да обо многомъ и спрашивать зазорно: если онъ и непутное дѣлаетъ, такъ не скажетъ ей. Обѣщалъ что ради нея исправитъ жизнь свою—да кто его знаетъ—совладаетъ ли съ собою?“ Но вотъ въ послѣднее время все чаще и чаще начинаетъ слышать она о своемъ князѣ такое, отъ чего ликуетъ и радуется ея сердце. И впрямь видно онъ любитъ, и впрямь видно работаетъ надъ собою: сказала она ему, чтобы отъ всего дурнаго отвращалъ Государя, вотъ онъ исполняетъ, и гнѣва его не боится, дѣлаетъ свое дѣло. Такъ какже не бить ей въ ладоши, какъ же ей не прыгать отъ радости, когда слышитъ она, что вотъ укусилъ онъ его за ухо!

Всю ночь послѣ этого извѣстія не заснула графиня, все думала о своемъ миломъ, а къ утру вотъ что даже придумала: придумала она что очень ужь много о себѣ мечтаетъ, что заставляетъ его исправляться, чтобъ быть ея достойнымъ, а сама-то чтожь она такая за святая, что за учитель такой безгрѣшный выискался! Можетъ еще ей это нужно добиваться, чтобъ быть его достойной,—у него душа свѣтлая, благородная, надо чтобъ и у нея была такая же. Если онъ умѣетъ принудить себя, отъучить себя отъ всего дурнаго такъ и она тоже должна умѣть бороться съ собою.

И вотъ Наталья Борисовна рѣшается измѣнить свою жизнь и каждый день достигать большаго и большаго совершенства, умѣнья обуздывать свои порывы, свои желанія. Она воздерживается отъ веселья, почти ни-

Библиотека "Руниверс"

куда не выходитъ изъ дому, сидитъ за книгами, учится...

Ужь съ мѣсяцъ не видала, не встрѣчала нигдѣ князя Ивана Наталья Борисовна — и тоска разбираетъ такъ, что отъ этой тоски дѣваться ей некуда.

Вернулся домой старшій братъ, Петръ Борисычъ. Спрашиваетъ она его, гдѣ Долгорукіе, на охотѣ чтоли или въ городѣ?

— Вернулись, отвѣчаетъ онъ.

— Ну, такъ я съѣзжу къ нимъ, провѣдаю.

— Ступай, коли тебѣ дома не сидится, грубо сказалъ братъ.

Но она не обратила вниманія на тонъ его словъ, велѣла закладывать экипажъ и поѣхала.

Долгорукіе точно были дома. Княгиня Прасковья Юрьевна встрѣтила молодую графиню.

— Ахъ, голубушка, очень рада что ты заглянула, поди къ Катюшѣ, поди, авось съ тобой она развеселится.

— А что съ ней?

— Да ничего, дуритъ дѣвка, просто не глядѣли бы на нее глаза мои. Совсѣмъ въ послѣднее время ни на что не похожа стала. Ужь я и не знаю что съ ней, чего ей еще нужно!

Наталья Борисовна отправилась къ княжнѣ и застала ее въ очень дурномъ расположеніи духа.

— Что съ тобою, Катюша? участливо спросила она ее.

— Ничего! мрачно отвѣтила Катерина Алексѣевна.

— Ну, не хочешь сказать, такъ я и не навязываюсь. А лучше бы сказала — если бѣда съ тобой какая, али непріятность, вмѣстѣ бы потолковали—ты знаешь что я сердечно люблю тебя.

Наталья Борисовна говорила это такимъ ласковымъ голосомъ, такъ дружески и искренно смотрѣла на Катюшу, что и та наконецъ взглянула на нее привѣтливѣе:

— Много у меня бѣдъ всякихъ, Наташа, сквозь навернувшіяся слезы проговорила она ей. Бѣжала бы я изъ этого дома, а особливо отъ братца моего милаго!

— Опять онъ, чтожь онъ съ тобой дѣлаетъ?

— А то, Наташа, что ужь и не знаю я до чего они доведутъ меня. Теперь вишь принуждаютъ всячески прельщать Государя, хотятъ, чтобъ вышла я за него замужъ, ну... а мнѣ это ножъ вострый, не могу я этого. И пуще всѣхъ тутъ дѣйствуетъ братъ Иванъ...

И Катюша разсказала Натальѣ Борисовнѣ, что исторія эта началась ужь давно, а теперь къ концу клонится.

Хотѣла было Наталья Борисовна успокоить ея тѣмъ, что переговоритъ съ ея братомъ, да побоялась, за себя побоялась—ничего ей не сказала, а рѣшилась только непремѣнно переговорить съ нимъ. Случай представился скоро. Она была приглашена во дворецъ на вечеръ и хоть часто отказывалась отъ подобныхъ приглашеній, но на этотъ разъ рѣшилась ѣхать. Первый контрадансъ танцовала она съ Иваномъ Алексѣевичемъ.

— Скажи на милость, князь, что это у васъ съ сестрою все нелады такіе, за что она на тебя сердится?

— Эхъ, давно это, Наталья Борисовна, ненавидятъ они меня всѣ дома, ну и сестра тоже лютымъ врагомъ своимъ считаетъ... А какой же я ей врагъ, никакого зла ей не желаю.

— Князь Иванъ, отвѣть мнѣ ты сущую правду: вѣрно это или нѣтъ, что ты хочешь насильно ее выдать замужъ за Государя?

Князь вздрогнулъ, и даже поблѣднѣлъ немного.

— Кто тебѣ сказалъ, графиня?

— Кто бы ни сказалъ — видишь, знаю. Зачѣмъ ты это берешь на себя, князь Иванъ? не хорошо это и не ждала я отъ тебя такого дѣла.

— Ну, такъ буду я съ тобой говорить по душѣ, какъ передъ Богомъ истиннымъ. Видишь ли что, Наталья Борисовна, задумали мы давно ужь это дѣло и точно что мнѣ первому пришла мысль такая—вѣдь тоже человѣкъ я, думалъ родъ свой возвысить—ну а теперь и хотѣлъ бы назадъ, да право не могу я этого: теперь ужь не въ моихъ рукахъ это дѣло.

— И это правда, это вѣрно, что ты не уговариваешь Государя?

— Ни однимъ словомъ не уговариваю, да и посуди сама, зачѣмъ мнѣ это теперь, вѣдь я одинъ сталъ, всѣ родные противъ меня. Вонъ сама ты знаешь, что сестра ненавидитъ—вѣдь если это случится, если Государь обвѣнчается съ нею, такъ какого добра могу я ждать отъ нея?!

— Но въ такомъ случаѣ ты долженъ сдѣлать все, чтобы помѣшать....

— Охъ, не могу я этого, печально проговорилъ Иванъ Алексѣевичъ, Государь по прежнему меня любитъ, но не во мнѣ одномъ теперь сила. Любитъ онъ и отца моего, да можетъ побольше чѣмъ меня. Ихъ много, они люди хитрые, меня ужь не разъ перехитряли, мнѣ съ ними не бороться, да и надоѣло это такъ, что и сказать не могу. Ну пусть тамъ дѣлаютъ, что хотятъ, мнѣ то что до этого? ну пусть вооружаютъ противъ меня Государя. Уйду отъ всего, не разъ говорилъ имъ это — уйду, чтобъ меня только оставили въ покоѣ. Не тотъ что-то я сталъ въ послѣднее время: что любилъ прежде—разлюбилъ, что манило къ себѣ и радовало — теперь ненужнымъ кажется...

Тѣмъ и покончился разговоръ у нихъ. Увидѣла Наталья Борисовна, что тяжело на душѣ у ея друга, увидѣла она тоже, что совсѣмъ запутался онъ въ сѣтяхъ домашнихъ и не хватаетъ ему силы изъ нихъ выбраться.

II.

Императоръ увѣрялъ Остермана и молодого Долгорукаго, что вотъ онъ только поохотится немного, попрощается съ Москвою и уѣдетъ въ Петербургъ. Но этому прощанью и конца не было. Проходили дни и даже мѣсяцы, а Императоръ все прощался: съ утра запрягали ему экипажъ и князь Алексѣй Григорьевичъ увозилъ его въ свою подмосковную, гдѣ они проводили, иногда вдвоемъ только, цѣлые дни. Какія забавы выдумывалъ для своей жертвы Алексѣй Григорьевичъ— намъ неизвѣстно. Но видно эти забавы были разнообразны, онѣ совершенно завлекали и отуманивали бѣднаго юношу. Онъ возвращался домой утомленный, но на другое утро опять повторялась та же исторія. Долго боролся крѣпкій организмъ Петра съ этой ненормальной жизнью, но никакой физической силы не могло хватить на долго. И вотъ Императоръ то и дѣло началъ простужаться, иногда дня на три, на четыре ложился въ постель и не могъ подняться. Природа дѣлала послѣднія усилія: Императоръ очень выросъ, возмужалъ необыкновенно; онъ теперь дѣйствительно казался совсѣмъ взрослымъ, сформировавшимся человѣкомъ. Лицо его перемѣнилось неузнаваемо: дѣтская нѣжность давно исчезла, глаза не были ужь такъ свѣтлы и прекрасны. Сестра Наташа плакала бы теперь горькими слезами если бы могла видѣть брата, плакала бы еще больше, еслибъ могла знать, что онъ ужь почти позабылъ ее, что его страшное горе, которое всѣхъ такъ напугало, прошло безслѣдно. Окружающіе люди, у которыхъ еще оставалась совѣсть, съ ужасомъ помышляли о томъ, что готовитъ близкое будущее. При дворѣ только и толковъ было, что о поступкахъ князя Алексѣя Долгорукаго съ компаніей. Совсѣмъ ужь, и окончательно, завладѣли они Императоромъ, совсѣмъ отдалили его отъ цесаревны Елисаветы, отъ Остермана, отъ всѣхъ, кто прежде ему былъ дорогъ и кто могъ имѣть на него хорошее вліяніе. Для каждаго была ясна цѣль такихъ поступковъ; не даромъ на охотахъ неизмѣнно присутствовали княжны Долгорукія: скоро кончится тѣмъ, что одна изъ нихъ будетъ царской невѣстой. Стала повторяться меншиковская исторія и враги

Библиотека "Руниверс"

Долгорукихъ утѣшали себя тѣмъ только, что эти замыслы все же въ концѣ концевъ разрушатся и Долгорукіе приготовятъ себѣ участь Меншиковыхъ. Ненависть къ Алексѣю Григорьевичу и его семейству возрастала съ каждымъ днемъ, не только въ дворцовыхъ сферахъ, но даже и въ народѣ. Всѣмъ было извѣстно какъ Долгорукіе злоупотребляютъ своимъ вліяніемъ, какъ обираютъ казну, творятъ всякія несправедливости. Только за одного Ивана Алексѣевича еще находились заступники: въ войскѣ его любили.

Отлучки Государя изъ Москвы наконецъ стали принимать изумительные размѣры, иногда онъ уѣзжалъ верстъ за пятьдесятъ, даже за сто и оставался на охотѣ больше мѣсяца.

Алексѣй Долгорукій изъ себя выходилъ, что такъ долго приходится ему возиться и все же еще не достигать никакихъ рѣшительныхъ результатовъ. „Ну да ужь, добьюсь же я, добьюсь! повторялъ онъ себѣ, ужь будетъ Катюша императрицей, такъ или иначе а дѣло сдѣлаю“. И вотъ онъ призывалъ къ себѣ Катюшу и начиналъ ей всякія внушенія. Сначала она ихъ молча выслушивала, но въ послѣднее время совсѣмъ отъ рукъ отбилась.

— Эхъ, дѣтками Богъ наградилъ! кричалъ и топалъ ногами Алексѣй Григорьевичъ.— Да что жь вы всѣ, съ ума сошли что ли? То Иванъ глупость какую нибудь выкинетъ, а вотъ и ты упрямиться стала, чтожь это! Очнись, одумайся, глупая!

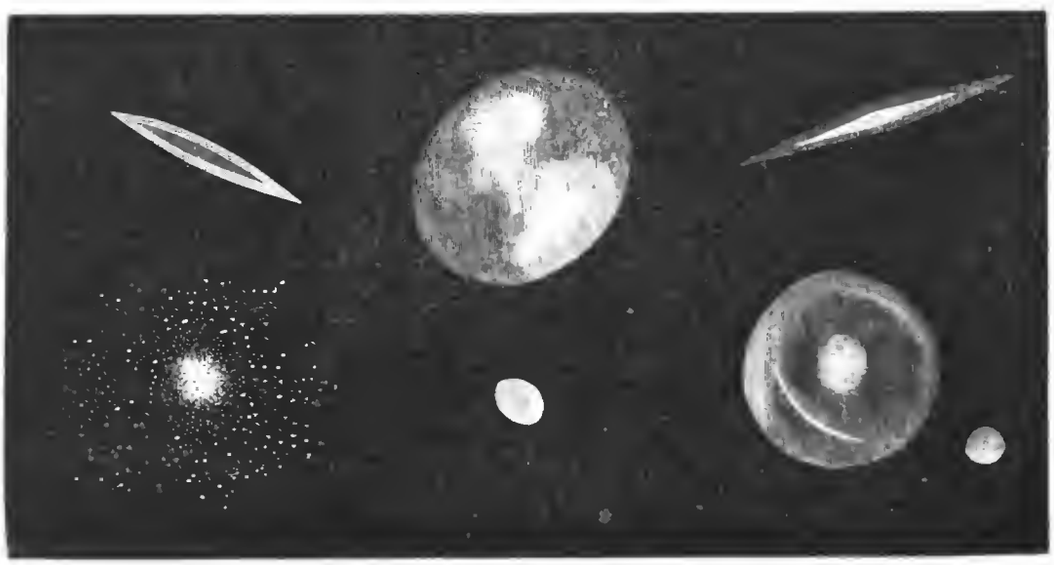
Княжна Катерина сверкала на отца своими черными глазами и повторяла одно и тоже, что ни за что не станетъ она навязываться. Иной разъ такъ страшно взглянетъ, что Алексѣй Григорьевичъ и слова не найдетъ, зашипитъ только, плюнетъ и уйдетъ къ себѣ въ сердцахъ.

— Жена! Прасковья! кричитъ онъ, — да образумь ты дѣвку!

А княгиня только плечами пожимаетъ.

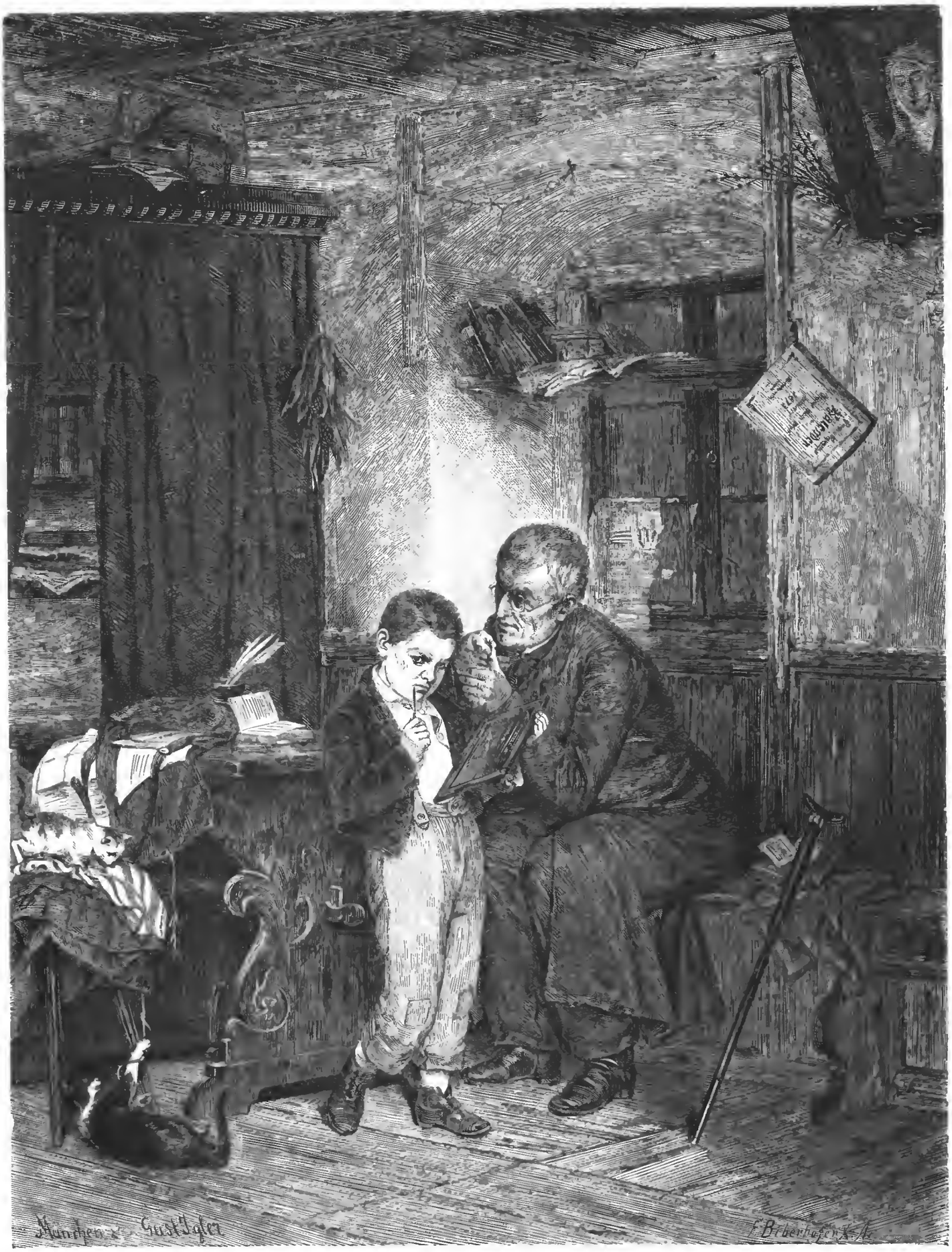
„Да полно, нѣтъ ли тутъ чего нибудь? догадался наконецъ Алексѣй Григорьевичъ, не завелся ли у дочень-

Г-жа Этелька Герстеръ, примадонна Итальянской оперы въ С.-Петербургѣ.



Различныя формы туманныхъ звѣздъ въ томъ видѣ, какъ онѣ представляются въ телескопѣ Росси.

Библиотека "Руниверс"



Урокъ ариѳметики. Съ картины Г. Иглера, грав. Бибергоферъ.

Библиотека "Руниверс"

ки какой предметъ посторонній?!“ Спросилъ онъ объ этомъ княгиню, а та ему и говоритъ:

— Точно, замѣчаю я въ послѣднее время, что есть этотъ предметъ у нея.

— Кто же, кто? говори...

— Да вотъ, этотъ франтикъ молодой, шуринъ цесарскаго посланника—Милезимо...

— Такъ что жь вы, голову съ меня снять что ли хотите! какже прежде то ты мнѣ объ этомъ не говорила?! закричалъ въ совершенной ярости Алексѣй Григорьевичъ.

— Какже мнѣ было говорить, когда сама я того не знала. Только что замѣтила—вотъ и говорю.

— А! такъ это Милезимо, злобно шепталъ Долгорукій,—Милезимо!... ну такъ... во первыхъ,—нога его не будетъ у насъ въ домѣ—это само собою, а во вторыхъ проучу я его хорошенько. Ну, а что до доченьки, такъ еще посмотримъ!...

Онъ призвалъ къ себѣ княжну Катерину.

— Ты тутъ, говорятъ, безобразія разныя заводить хочешь —съ австріякомъ амуришься?!...

Княжна поблѣднѣла, она ли не скрывала отъ всѣхъ своего чувства и своихъ рѣдкихъ тайныхъ свиданій съ молодымъ графомъ—и вотъ все таки же узнали.

— Я не завожу никакихъ безобразій, стиснувъ зубы и вся дрожа проговорила она,—а кабы и запела что, такъ кто тому пиною—ты самъ, батюшка, меня учишь вести себя не такъ, какъ подобаетъ честной дѣвушкѣ.

Алексѣй Григорьевичъ кинулся къ дочери съ поднятыми кулаками, но спохватился, удержался, и только глядѣлъ на нее съ ненавистью.

— Ну что жь, батюшка, бей меня, бей, тогда можетъ я краше сдѣлаюсь... Можетъ больше на меня, битую, позарится Государь—бей меня, вотъ я вся передъ тобою!

И она, сверкая глазами, подходила къ отцу. Она его вызывала.

Вся кровь поднималась ему въ голову и онъ сжималъ кулаки, но все же не трогался съ мѣста.

„И какъ это только родятся такіе аспиды! думалъ онъ.—Такъ бы вотъ исколотилъ ее... а нельзя, нѣтъ нельзя—будетъ царской невѣстой, будетъ царицей, припомнитъ. Нѣтъ, что это я—нельзя такъ говорить теперь съ нею.“

Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе: кулаки его разжались, съ лица пропало злобное выраженіе. Онъ тихо подошелъ къ дочери и положилъ руку свою на плечо ей.

— За кого жь ты меня считаешь, Катюша. Точно, что ты меня очень разсердила, вѣдь ты знаешь какъ я люблю тебя, о тебѣ вся моя забота. И тошно мнѣ что ты не хочешь понять этого, что ты бѣжишь отъ своего счастья. Вѣдь если я и сержусь теперь, такъ вѣдь не на тебя—пойми ты, дитя неразумное—а на то, что ты вотъ себѣ гибель хочешь приготовить.

— Приготовлю гибель себѣ, такъ твоими же руками, мрачно проговорила княжна Катерина и вышла отъ отца такъ величественно, взглянула на него такъ грозно, такъ съ-высока, что ему показалось будто она и впрямь ужь его государыня, а онъ ея подданный.

„Но вѣдь нельзя же, нельзя же оставить это дѣло! думалъ онъ,—нужно какъ нибудь свернуть шею проклятому Милезимо, нужно удалить, чтобъ и духу его здѣсь не было—да какъ это сдѣлать, къ чему придраться? Вѣдь у мальчишки этого тоже сила не малая—шуринъ графа Вратислава! За него заступятся и другіе иностранные министры—такую исторію поднимутъ, что и не расхлебаешь... А все жь таки нужно попытаться.“ Случай попытаться скоро представился Алексѣю Григорьевичу.

Версты за четыре отъ Москвы графъ Вратиславъ нанялъ себѣ для охоты участокъ лѣса. Какъ то выѣхалъ онъ рано утромъ, съ молодымъ Милезимо, поохотиться. Ѣхали они въ экипажѣ, съ ружьями за плечами, и пришлось проѣзжать имъ мимо дома князя Долгорукаго. Онъ былъ у себя и увидѣлъ ихъ. Внезапная мысль пришла ему въ голову—ну такъ погоди жь, погоди! шепталъ онъ.

(Продолженіе будетъ).

Генрихъ Стенли.

(Путешественникъ по внутренней Африкѣ).

Тогда какъ Америка и Австралія уже тщательно изслѣдованы во всѣхъ отношеніяхъ, Африка, въ которую еще во времена Мсиеса, т. е. 8,000 лѣтъ тому назадъ были занесены первые зачатки культуры, остается до сихъ поръ для насъ terra incognita. Только въ послѣднее время на нее обращено достодолжное вниманіе, и благодаря какъ частной, такъ и правительственной иниціативѣ, мы двигаемся въ дѣлѣ ознакомленія съ этой частью свѣта истинно исполинскими шагами. Послѣднія открытія на материкѣ Африки вызваны чисто случайно и человѣчество ими обязано одному изъ крупныхъ представителей американской прессы, именно издателю газеты „Нью-Іоркскій Вѣстникъ“. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Читатели наши, конечно, слыхали, о неутомимомъ изслѣдователѣ Африки, Ливингстонѣ. Путешествуя и изслѣдуя Африку, онъ вдругъ пересталъ давать о себѣ въ Европу вѣсти. Это встревожило многихъ представителей науки и друзей Ливингстона, высоко чтившихъ его заслуги. Но помочь бѣдѣ не знали какъ, не знали или не имѣли въ виду человѣка, которому можно было поручить отыскать Ливингстона и оказать ему, въ чемъ нужно будетъ, помощь. Для этого нашелся способный человѣкъ, именно Генрихъ Стенли, котораго и отправилъ на свои средства издатель американской газеты „Нью-Іоркскій Вѣстникъ“.

Стенли былъ до того времени безвѣстнымъ репортеромъ газеты „New-York-Herald“. По его собственному признанью, онъ по приказу редакціи отправлялся на поля сраженій, былъ очевидцемъ революцій, междоусобныхъ войнъ, возстаній, волненій и убійствъ, стоялъ около приговоренныхъ преступниковъ, чтобы отдать отчетъ объ ихъ послѣднемъ вздохѣ и послѣднемъ взглядѣ. Важное, выходящее изъ ряда вонъ порученіе застало его совершенно врасплохъ въ Мадридѣ, послѣ рѣзни въ Валенсіи. Издатель газеты, поручая Стенли отыскать Ливингстона, назначилъ ему посѣтить Египетъ, Іерусалимъ, Константинополь, Крымъ и Индію. Стенли, исполнивъ всѣ эти порученія въ точности, отправился наконецъ изъ Занзибара за поисками Ливингстона, котораго и встрѣтилъ въ Уджиджи, послѣ долгаго и богатаго приключеніями странствованія. Врученный ему Ливингстономъ дневникъ подвергался крайнему сомнѣнію въ Лондонскомъ Географическомъ Обществѣ и на долю Стенли, отъ нѣкоторой части общества расточались даже названія обманщика и лжеца. Но не смотря на всѣ эти интриги и козни, предпріятіе издателя „Нью-Іоркскаго Вѣстника“ увѣнчалось успѣхомъ, и Стенли оказался человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ способнымъ для подобнаго рода миссіи. Лондонское Географическое Общество наградило его золотою медалью, а королева драгоцѣнной табакеркой.

Засимъ ему было поручено совершить самостоятельное ученое путешествіе во внутреннюю Африку, главнымъ образомъ для посѣщенія, изслѣдованія и съемки большихъ водныхъ бассейновъ, такъ какъ отъ этого преимущественно зависитъ рѣшеніе различныхъ важныхъ проблемъ африканскаго землевѣдѣнія. На этотъ разъ лондонская газета „Daily Telegraph“ взяла на себя половину издержекъ предпріятія.

Путешествіе началось снова съ восточнаго берега Африки, изъ Багамоя, лежащаго насупротивъ Занзибара, откуда Стенли въ октябрѣ посѣтилъ нижній Люзиджи для приготовленія своихъ людей къ дальнѣйшему походу. Его сопровождало въ это время четверо молодыхъ англичанъ и болѣе чѣмъ 300 солдатъ и носильщиковъ; кромѣ того онъ взялъ съ собою большое (разбившееся потомъ) судно „Lady Alice“, для основательнаго изслѣдованія внутреннихъ африканскихъ озеръ.

Его первоначальною цѣлью было посѣщеніе озера Укереве или Викторіа-Ніанза, въ первый разъ открытаго Спикомъ 30-го іюля 1858 года, но не вполнѣ имъ изслѣдованнаго. Оно было изучено лишь мѣстами и даже его поверхность не была опредѣлена въ точности. Бертонъ, подстрекаемый завистью и непріязнью, тормозилъ все дѣло и благодаря ему Укереве долгое время считалось не однимъ большимъ озеромъ, но соединеніемъ многихъ мелкихъ лагунъ. Стенли держался болѣе прямой дороги, чѣмъ Спикъ и послѣ труднаго пути, пройдя 127 ан-

Библиотека "Руниверс"

глійскихъ миль, въ продолженіе 103 дней, онъ достигъ горъ, непосѣщаемыхъ никѣмъ до того времени, съ которыхъ и спустился къ озеру. Сквозь три непроницаемыхъ лѣсныхъ чащи и весьма далекое разстояніе было протащено судно всѣмъ отрядомъ. Этотъ переходъ съ такимъ огромнымъ обломъ, съ массою поклажи, товаровъ, огнестрѣльныхъ снарядовъ и наконецъ съ цѣлымъ судномъ, былъ уже самъ по себѣ значительнымъ подвигомъ.

Тотчасъ по прибытіи къ берегамъ огромнаго озера, Стенли началъ свои приготовленія къ его всестороннему изслѣдованію; устроилъ крѣпкій лагерь для своего отряда, притащилъ свое судно и 8-го марта 1875 года спустилъ его на воду, изслѣдовалъ озеро во всѣхъ направленіяхъ и снялъ на карту до 1000 англійскихъ миль его берегового очертанія. 5-го мая онъ обратно возвратился въ лагерь.

Это плаваніе по озеру Укереве, продолжавшееся 58 дней, при чемъ преодолено много опасностей и трудностей, во всякомъ случаѣ, было блестящимъ и богатымъ по результатамъ дѣломъ. Имъ-то Стенли разрѣшилъ первую большую задачу своей миссіи и одинъ изъ важнѣйшихъ африканскихъ вопросовъ, доказавъ подобно Спику, что вода этого озера заключена въ одномъ громадномъ бассейнѣ. Предположенія Спика онъ подтвердилъ полнѣйшимъ образомъ и обнаружилъ заблужденіе Бертона и его послѣдователей. Еще въ 1810 году, состоявшій въ египетской службѣ полковникъ Лонгъ, посѣтивъ сѣверную часть Укереве, это величественное озеро низвелъ на степень мелкаго воднаго бассейна По измѣреніямъ же Стенли, величина озера оказалась больше чѣмъ въ 1,500 нѣмецкихъ квадратныхъ миль, слѣдовательно больше чѣмъ вся Баварія, а его возвышенность надъ поверхностью моря равняется 3,800 англійскимъ футамъ. Отъ Укереве, въ январѣ 1876 года, Стенли тронулся въ путь подъ прикрытіемъ 2,000 вооруженныхъ людей, уроженцевъ Ігоды. Направясь къ высокой, поднимающейся на 15,000 футовъ горной странѣ, ко второму большому озеру, служащему источникомъ Нила, къ Мвутану или Альбертъ-Ніанза, лежащему на высотѣ 2,500 футовъ, онъ во все продолженіе дороги не переставалъ производить розыски, драгоцѣнные для географической науки. Трудности, которыя представились въ этомъ случаѣ и враждебность около живущихъ племенъ, были однако столь значительны, что онъ долженъ былъ отказаться отъ изслѣдованія всего озера кругомъ и направился на югъ, къ третьему большому озеру, Танганикѣ, лежащему на высотѣ 2,710 англійскихъ футовъ и мимоходомъ проѣхалъ и изслѣдовалъ на своемъ суднѣ озеро Ингензи или Кагеръ.

По сообщеннымъ извѣстіямъ, онъ достигъ 24-го апрѣля 1876 г. Лумарези, мѣстность, лежащую между Укереве и Танганика; новѣйшія письма, обнимающія время отъ 24-го апрѣля до 18-го августа 1876 года, указываютъ, что его мѣстопребываніе въ Удшиджи.

Такимъ образомъ Стенли въ 51 день мѣсяца іюня и іюля произвелъ полнѣйшее изслѣдованіе Танганики и болѣе удачное, чѣмъ всѣ изслѣдованія, ему предшествовавшія: Бертона, Спика, Линингстона и Камерона; онъ не только проникалъ въ каждую излучину, но посѣтивъ сѣверо-западную часть озера, изслѣдовалъ ее и снялъ на карту очертаніе ея береговъ.

Среди этихъ работъ, онъ разрѣшилъ полнѣйшимъ образомъ вторую великую африканскую задачу: что Танганика не состоитъ въ соединеніи съ Мвутаномъ (Альбертъ-Ніанза), а слѣдовательно и съ Ниломъ. Третьей проблемой, удовлетворительно разрѣшенной Стенли, былъ вопросъ о предполагаемомъ изліяніи водъ Танганики черезъ Лулугу, изъ которой по мнѣнію Камерона, воды озера должны впадать въ Луову и Луалабу. Результатъ же изслѣдованій Стенли тотъ, что изъ Лулуги притокъ водъ совершается не постоянно, а по большей части временно и періодически. Напротивъ того, посѣщенную имъ Кагору онъ принимаетъ за рѣку, служащую главнымъ источникомъ Нила и называетъ ее Александра Нилъ; озеро же Аканіара онъ принимаетъ за дѣйствительно озерной источникъ Нила; при будущемъ посѣщеніи этой мѣстности, онъ надѣется это послѣднее озеро, названное имъ озеромъ Александры, изслѣдовать болѣе точнымъ образомъ.

Всѣ эти путешествія, изслѣдованія и снимки Стенли произвелъ менѣе чѣмъ въ два года, и въ это короткое время высказалъ изумительную дѣятельность; посѣтилъ три изъ большихъ озеръ, изъ которыхъ два объѣхалъ кругомъ; прошелъ отъ 4 до 5000 англійскихъ миль и по этому длинному пути повсюду возилъ съ собою большое судно и благодаря послѣднему могъ дѣйствовать гораздо независимѣе отъ туземцевъ, чѣмъ изслѣдователи ему предшествовавшіе.

Кто хочетъ узнать, сколько требуетъ жертвъ такое богатое послѣдствіями путешествіе въ Африку, какъ путешествіе Стенли, тотъ пусть прочтетъ его подробные отчеты: „Уже въ началѣ путешествія, черезъ нѣсколько недѣль послѣ нашего выступленія изъ пустыни,—разсказываетъ Стенли,—мои люди стали исчезать подъ вліяніемъ невыносимо дурныхъ условій; люди умирали отъ утомленія и голода, многіе больные были отосланы назадъ, другіе разбѣжались сами. И обѣщанія, и привѣтливость въ обращеніи, и угрозы, и наказанія, все было испробовано, но тщетно. Экспедиція, казалось, близилась къ своему концу. Одни бѣлые, хотя и выбранные изъ самыхъ низшихъ классовъ англійскаго народа, исполняли молодецки, даже геройски свои обязанности. Страдая страшно отъ лихорадки, оскорбляемые туземцами, совершая переходы среди жары и подъ экваторіальнымъ ливнемъ, они постоянно проявляли благородную, мужественную натуру, были неустрашимыми, храбрыми и что всего лучше истинными христіанами. Безропотно сносили они свою суровую судьбу, питались скудной пищей, смѣло встрѣчали они бѣдствія и опасности, съ готовностью каждый изъ нихъ исполнялъ свою обязанность и я постоянно былъ ими доволенъ".

Такъ было уже въ Угого въ декабрѣ 1874 года. Двѣ недѣли спустя вся экспедиція почти умирала съ голоду и Стенли распаковавъ свои антекарскіе запасы, взялъ 5 фунтовъ шотландской овсяной муки и три коробки Revalenta arabica, сварилъ родъ овсянаго киселя, чтобы этимъ накормить 220 бѣдныхъ, обезсиленныхъ людей и спасти ихъ отъ голодной смерти. Число больныхъ становилось больше и больше и преимущественно отъ разстройства пищеваренія, грудной боли и ножныхъ язвъ. На водахъ Нила умеръ одинъ изъ четырехъ спутниковъ Стенли—Эдуардъ Пококъ. Враждебность туземцевъ постоянно усиливалась; на одного больного, шедшаго въ заднихъ рядахъ, они напали и изрубили его въ куски, а во второй половинѣ января 1875 года экспедиція, едва состоявшая изъ 200 человѣкъ, должна была выдержать схватку противъ 3000 вооруженныхъ туземцевъ, причемъ потеряла 20 человѣкъ. Болѣе чѣмъ изъ 3,000 человѣкъ остались цѣлыми лишь 180. Менѣе чѣмъ въ три мѣсяца, я благодаря голоду, болѣзнямъ сердца, побѣгамъ и войнѣ, лишился уже болѣе 120 человѣкъ африканцевъ и одного европейца. Мнѣ мало времени для того, чтобы разсказать и десятую часть нашихъ приключеній и страданій„.

Когда же Стенли 27-го февраля 1875 года, достигъ озера Укереве, то его экспедиціонный отрядъ состоялъ лишь изъ 160 солдатъ и носильщиковъ племени Вангуана и трехъ бѣлыхъ.

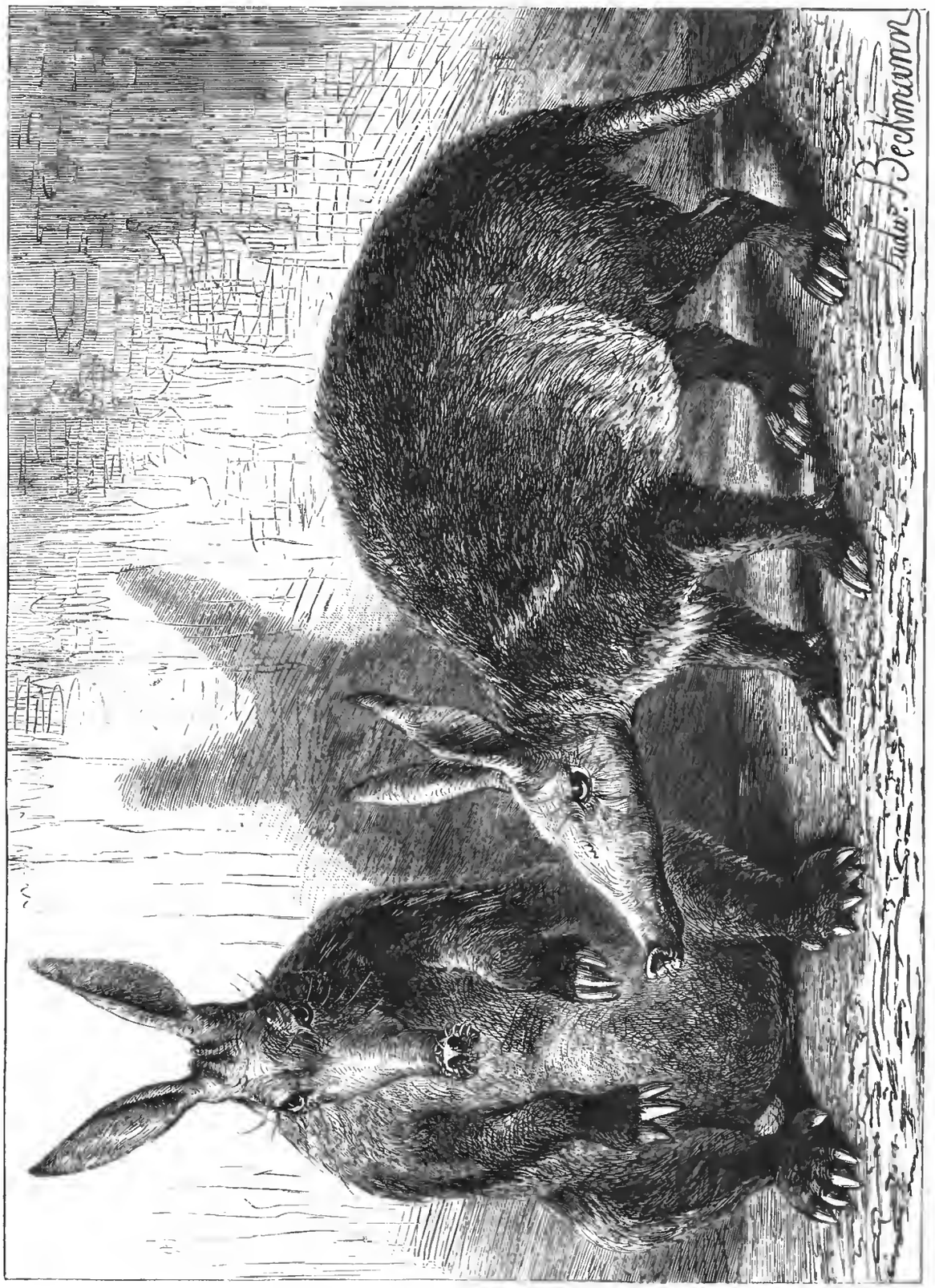
„Большая половина моихъ людей умерла или разбѣжалась. Ужаснѣйшимъ бичемъ экспедиціи были болѣзни, и я не могу похвалиться, чтобы могъ выпользовать много больныхъ своими лекарствами, хотя мы послѣднія имѣли въ изобиліи и охотно всѣмъ раздавали". Во время плаванія по озеру Укереве скончались еще нѣсколько членовъ экспедиціи и между ними одинъ европеецъ - Фридрихъ Баркеръ.

Сколько осталось въ Удшиджи людей изъ 160 человѣкъ экспедиціи, въ промежутокъ между 25-мъ февралемъ 1875 года и 13-мъ августомъ 1876 г., объ этомъ не упоминается въ отчетѣ, но въ высшей степени опасная оспенная эпидемія похищала ежедневно изъ туземнаго населенія отъ 40 до 75 человѣкъ и даже изъ людей экспедиціи, во время плаванія по Танганикѣ (въ теченіе 51 дня), умерло пятеро. Единственнымъ спасеніемъ всей экспедиціи при такой повальной болѣзни было то, что Стенли привилъ оспу всѣмъ ея участникамъ.

Въ послѣднемъ письмѣ, писанномъ имъ 10-го ноября 1876 г. въ Лондонъ, онъ сообщаетъ, что задача его выполнена хотя и съ большими жертвами. „Съ чувствомъ глубокой признательности,—пишетъ онъ,—я долженъ нынѣ отнестись къ Божественному Провидѣнію, которое меня и моихъ спутниковъ избавило такимъ чудеснымъ образомъ отъ ужасовъ рабства и отъ страданій мучительной смерти среди людоѣдовъ; къ Провидѣнію, которое цѣлые пять мѣсяцевъ охраняло насъ при нашемъ шествіи черезъ 57 водопадовъ, водныхъ пороговъ и ручьевъ и которое воодушевляя насъ при столкновеніяхъ съ толпами дикихъ и сохраняя насъ въ 32 сраженіяхъ на жизнь и на смерть съ этими племенами, доставило насъ невредимыми на берега Атлантическаго океана.

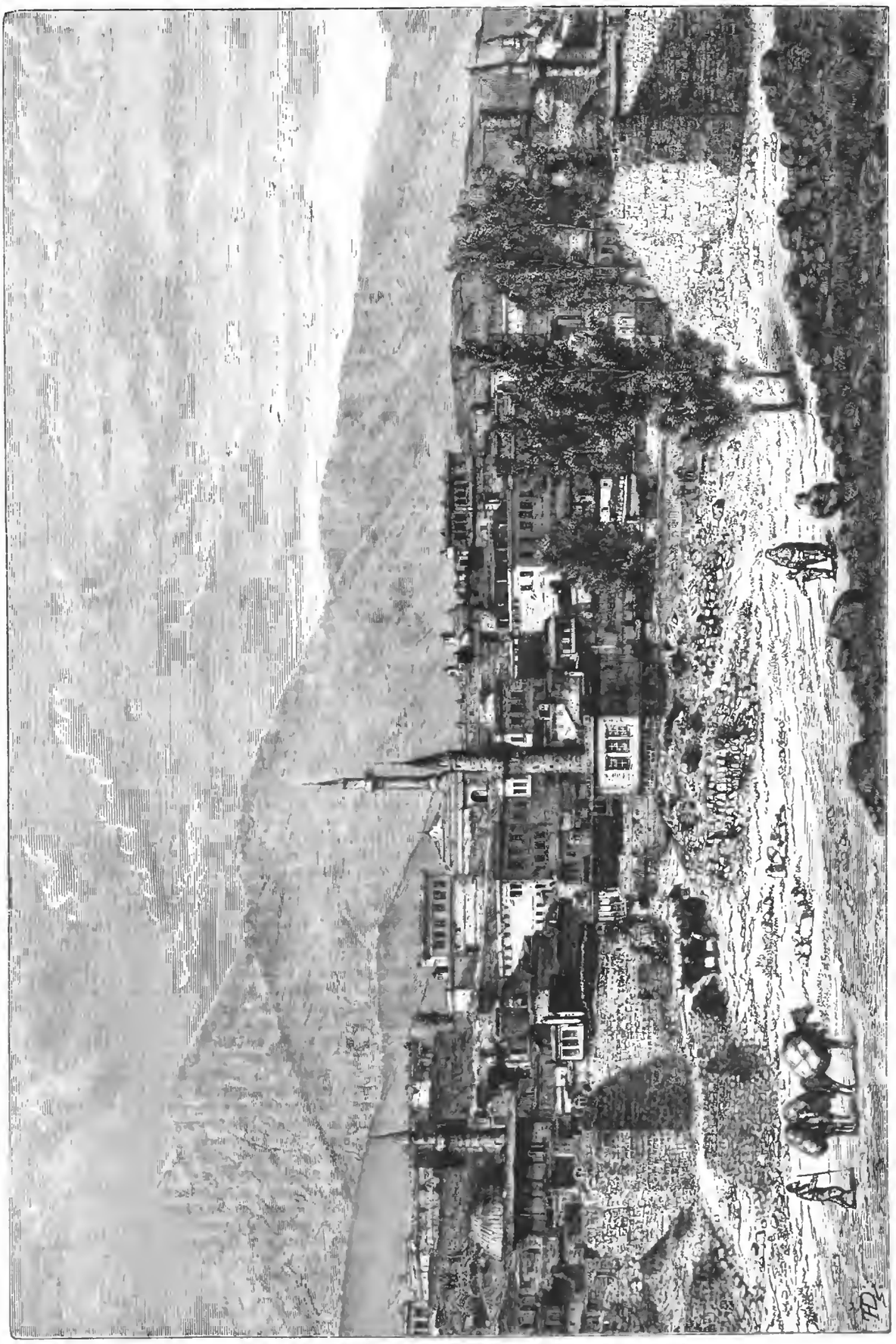
Наученный такимъ горькимъ опытомъ, Стенли высказываетъ совершенно новыя мнѣнія какъ объ способахъ путешествія по Африкѣ, такъ и о средствахъ ввести начатки цивилизаціи среди ея въ мракѣ ходящихъ народовъ. Онъ прямо отрицаетъ возможность путешествовать по Африкѣ въ плачевномъ образѣ одинокаго путника, въ видѣ нищаго или миссіонера съ Библіей подъ мышкой, во всемъ зависящаго отъ произвола туземцевъ. Успѣхъ всякой экспедиціи, по его мнѣнію, не мыслимъ безъ большихъ денежныхъ средствъ и безъ достаточнаго вооруженнаго прикрытія. Такъ какъ въ Африкѣ нѣтъ ни верблюдовъ, ни лошадей, ни воловъ, ни другихъ животныхъ, годныхъ для перевозки тяжестей, то безъ конвоя и носильщиковъ не многое можно сдѣлать. Въ западной части центральной Африки, по соображеніямъ Стенли, торговцы могли бы дѣйствовать успѣшнѣе миссіонеровъ въ дѣлѣ просвѣщенія, на томъ основаніи, что восточная часть Африки населена сильными и многочисленными племенами, управляемыми отдѣльными владѣтелями деспотическою властью. При умѣньи пользоваться обстоятельствами и вести дѣло съ тактомъ, миссіонеръ можетъ расположить къ себѣ властителя и вызвать его къ содѣйствію своей высокой цѣли—умственному и нравственному облагороживанію его подданныхъ. Напротивъ того, въ западной части Центральной Африки, отъ самаго озера Танганика до устья рѣки Конга, племена разбросаны на мелкія, незначительныя селенія, города и деревни, и будучи независимы другъ отъ друга, подчиняются лишь своимъ старѣйшинамъ. У всѣхъ ихъ проявляется непреодолимое влеченіе къ торговлѣ и всѣ они при этомъ отличаются самыми нелѣпыми религіозными обрядами,

Библиотека "Руниверс"



Трубкозубъ (Orycteropus). Рис. А. Бекманъ, грав. О. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"



Видъ города Эрзерума. Рис. Т. Д., грав. Леви.

Библиотека "Руниверс"

постоянной враждой къ сосѣдямъ и гордостью, доходящею до смѣшного. Въ средѣ этого-то жаднаго къ обмѣну населенія, европейскій народъ и особенно англичане могли бы извлечь для себя большія выгоды сбытомъ своихъ произведеній. Мѣстная торговля рабами глубоко возмущала Стенли своею жестокостью и безчеловѣчіемъ. Такъ въ Уджиджи, одинъ изъ пунктовъ этой безнравственной торговли, пригоняются цѣлыя толпы рабовъ, преимущественно женщинъ и дѣтей, изъ внутренней Африки, имѣющихъ видъ скелетовъ и столь слабыхъ, что они насилу могутъ держаться на ногахъ. Голосъ у нихъ пропадаетъ и они лишь въ силахъ хрипѣть и стонать и каждая часть тѣла этихъ несчастныхъ носитъ на себѣ слѣды самаго отчаяннаго голода.

Этотъ постоянный торгъ невольниками является слѣдствіемъ систематическихъ войнъ, направленныхъ арабами противъ туземцевъ. Безсердечность и кровожадность мусульманъ-арабовъ является здѣсь во всемъ ихъ блескѣ. Когда на рабовъ нѣтъ спроса, тогда они даютъ туземцамъ возможность спокойно обработывать поля, исправлять свои жилища и спориться съ сосѣдями, но только лишь является спросъ на рабовъ, то тотчасъ и Магомедъ-Бенъ-Нассуръ, и Магомедъ-Бенъ-Сандъ, и Мени-Дугамба и другія шейхи собираютъ свои полчища и бросаются на беззащитныхъ дикарей, какъ на дикихъ животныхъ, умерщвляя мужчинъ и уводя въ неволю дѣтей и женщинъ.

А. Н—ой.

Къ рисункамъ.

Изъ быта въ Черногоріи.

Съ бытомъ черногорцевъ наши читатели уже достаточно знакомы изъ статей, помѣщавшихся въ „Нивѣ", какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ году.

Помѣщаемый въ этомъ номерѣ рисунокъ даетъ намъ снова поводъ возвратиться къ быту черногорцевъ и указать тѣ черты, которыя еще не были отмѣчены въ предъидущихъ статьяхъ.

Стоитъ взглянуть на прилагаемый рисунокъ, чтобы съ перваго взгляда вывести безошибочное заключеніе о томъ, какое положеніе въ быту обитателей Черной Горы занимаетъ женщина.

Вотъ вся ея доля передъ зрителемъ здѣсь на рисункѣ. Сгорбившаяся подъ тяжестью, несомою ею, она, босая, весьма убого одѣтая. Но едва ли она ропчетъ на свою судьбу, этого не видно изъ выраженія ея лица; скорѣе въ немъ спокойствіе и готовность на всякія жертвы для мужа—ея владыки. Тутъ съ нею и мужъ ея, этотъ полный владыка и безконтрольный хозяинъ ея. Онъ не несетъ на плечахъ никакой тяжести. Онъ господинъ и ведетъ себя по господски: не его дѣло работать. Онъ самодовольно закинулъ за плечи ружье и шагаетъ браво, не обращая вниманія на то, легко ли или трудно женѣ тащить за спиной грузъ. Онъ одѣтъ значительно богаче чѣмъ она и на ногахъ его обувь.

Такимъ изображеніемъ сразу получается понятіе объ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ въ Черногоріи. Стойкій, ловкій и безстрашный до отваги черногорецъ знаетъ одно только дѣло—сражаться съ врагомъ. И дѣйствительно, въ этомъ дѣлѣ онъ изумляетъ своимъ геройствомъ, своимъ умѣньемъ биться съ врагомъ, не смотря на то, что этотъ врагъ бываетъ иной разъ значительно сильнѣе его. Смѣлость и геройство черногорцевъ уже давно всѣмъ извѣстны и блистательно доказаны борьбою ихъ съ турками. Въ самомъ дѣлѣ достойно удивленія, какъ маленькая горсть народа, на крохотномъ, горвстомъ уголкѣ Европы, въ продолженіи долгихъ лѣтъ охраняетъ собственными силами свою самостоятельность. Разумѣется такая стойкость обусловливается мужественнымъ духомъ народа. Что же касается женщины Черногоріи, то она вѣчная работница своего мужа и семьи, никогда не остающаяся праздной. Освободясь отъ тяжелыхъ полевыхъ работъ, она тотчасъ же обращается къ другому занятію—пряжѣ, шитью бѣлья и платья, издѣлію сукна, тонкихъ тканей. На ней лежатъ всѣ хозяйственныя заботы, она воспитываетъ будущихъ героевъ и подготовляетъ опять для нихъ будущихъ работницъ. Во время войны черногорки несутъ въ свою очередь военную повинность—носятъ провіантъ, услуживаютъ воинамъ въ ихъ походахъ, доставляютъ часто боевые запасы, иногда вмѣстѣ съ мужьями и въ битвѣ принимаютъ участіе, кидая на врага съ горъ каменьями.

Подобное отношеніе мужчины къ женщинѣ и положеніе женщины какъ вѣчной работницы, разумѣется, возмущаютъ насъ и производятъ чрезвычайно непріятное впечатлѣніе. Надобно замѣтить, что черногорскій народъ вообще хранитъ въ себѣ много чертъ, присущихъ еще младенчествующимъ народамъ. Такъ, напримѣръ, въ черногорцѣ рядомъ съ жестокостью встрѣчается замѣчательная наивность, а съ геройствомъ рыцаря часто соединяется хитрость и лукавство дикаря. Даже самыя игры у черногорцевъ носятъ характеръ дѣтскихъ, напримѣръ, любимая игра заключается въ бросаніи камней. Однако, не смотря на это, трудно представить, до какой степени въ Черногоріи собственность и личность каждаго ограждена отъ всякаго посягательства. Въ этой полудикой еще странѣ, гдѣ у каждаго за поясомъ торчитъ оружіе, неизвѣстны грабежи и даже кражи. И ихъ работницы-женщины пускаются въ дальній путь, часто по глухимъ горнымъ тропинкамъ, съ огромной ношей на себѣ или взваливъ ее на мула.

Однако эти заслуги женщинъ мужчины въ Черногоріи ставятъ не очень высоко.

— Какъ это вы ихъ не опасаетесь пускать по такимъ глухимъ дорогамъ: опасно.

— Э! Что-жь тутъ опаснаго.

— А турки нападутъ?

— Гм... Турки? Что-жь турки: все же она хоть и женщина, а можетъ въ горы уйдтъ...

— Да у ней оружія же нѣтъ съ собой?..

— Ну чтожь,.. Она женщина, она въ горахъ укроется... Извѣстно, гдѣ же ей биться...

— Не нужно посылать, если опасно...

— Если опасно, нужно смотрѣть зорче, а не посылать нельзя... Это ужь такое дѣло, нужно идти.. Онѣ и сами знаютъ... Чтоже тутъ такого...

Кромѣ этого разговора, передаваемаго нами со словъ лица, лично знакомаго съ бытомъ черногорцевъ, приводимъ здѣсь еще нѣсколько словъ, характеризующихъ отношенія черногорцевъ къ женщинамъ.

Приходятъ нѣсколько человѣкъ въ одинъ изъ лазаретовъ общества Русскаго Краснаго Креста въ Цетиньѣ или въ Катарро—точно передать не можемъ. Впрочемъ, сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. Приходятъ и вступаютъ въ разговоръ съ главнымъ распорядителемъ лазарета.

— Хорошій господинъ! Много вы здѣсь тратите на лѣченіе нашихъ больныхъ. Господь вамъ за это дастъ добра много..,

Кланяются они, видимо довольны, благодарятъ и потомъ, понизивъ тонъ, добавляютъ:

— Только вотъ зачѣмъ вы женщинъ здѣсь держите.

— Да онѣ больныя...

— Онѣ пусть бы шли куда-нибудь...

— Да идти имъ не куда: больныя, и бездомныя, и голодныя...

— Да, да, такъ... Только лучше бы вы ихъ отпустили...

Слушающій удивленъ: къ чему такая рѣчь и что за жестокосердіе?

— Вѣдь на нихъ тоже вы тратите деньги, вѣдь онѣ хоть и женщины, а то же на нихъ расходъ идетъ...

— Ну, такъ что-же, наконецъ, вѣдь васъ не приглашаютъ этотъ расходъ платить..

— Да, но вотъ по нашему лучше бы эти деньги на порохъ, да на пули: мы бы турокъ стали бить... У насъ теперь пороху мало, пуль мало—вотъ бы на это деньги лучше издержать... А женщины—онѣ сами какъ-нибудь поправятся...

Таковъ взглядъ черногорцевъ.

Въ-заключеніе не можемъ не напомнить, что положеніе черногорцевъ въ экономическомъ отношеніи теперь просто ужасно.

Изъ Рагузы пишутъ: „Нищета и опустошенія въ округахъ Черногоріи. въ томъ числѣ въ Бокка-ди-Каттаро ужасны и быстро усиливаются. Не только эмигранты, но и коренные жители черногорскихъ округовъ приходятъ въ Рагузу тысячами за подаяніемъ. Помощь, доставленная русскимъ фондомъ для вспомоществованія, оказывается недостаточною и если не будетъ доставлено помощи изъ другого источника, то большая часть населенія Чермницы и сосѣднихъ округовъ, состоящаго изъ эмигрантовъ и черногорцевъ, должна погибнуть отъ голода. Почти вся Чермницкая нахія бѣдствуетъ; большинство жителей уже распродали всѣ свои пожитки для покупки хлѣба.

Въ политическомъ же и военномъ отношеніи дѣла ихъ пока все еще держатся на должной высотѣ и ихъ храбрый князь въ послѣднихъ дняхъ октября чрезвычайно ловко провелъ турокъ. Онъ прибылъ въ Вирбазаръ, на Скутарійскомъ озерѣ, чтобы осмотрѣть сосредоточенныя тамъ войска; изъ этого выведено было заключеніе, что черногорцы намѣрены начать военныя дѣйствія противъ Подгорвцы. Между тѣмъ князь Николай неожиданно и ко всеобщему изумленію обратился съ 20 батальонами противъ Антивари (Антивари—городъ на берегу Адріатическаго моря—къ этому городу черногорцы издавна стремились), на который и произвелъ нападеніе. Громъ орудій доносился изъ Антивари въ Катарро.

Въ настоящую войну черногорцы дали убѣжище для бездомныхъ бѣглецовъ Босніи и Герцеговины, не смотря на то, что большая численность этихъ несчастныхъ еще увеличила ихъ собственныя затрудненія...

Ор.

Г-жа Этелька Герстеръ.

(Примадонна Итальянской оперы въ С-П.Бургѣ.)

Путешествуя по Венгріи, г. Гальмсбергъ, извѣстный виртуозъ и директоръ Вѣнской консерваторіи, открылъ въ одномъ Венгерскомъ городкѣ маленькую дѣвочку съ необыкновеннымъ музыкальнымъ талантомъ. Онъ взялъ ее съ собою въ Вѣну, доставилъ ей въ своемъ семействѣ вторую родину и далъ ей воз-

Библиотека "Руниверс"

можность получить музыкальное образованіе въ художественномъ институтѣ, находящемся подъ его руководствомъ—и вотъ благодаря этому, изъ маленькой дѣвочки явилась въ настоящее время знаменитая пѣвица. Ея слава началась въ Берлинѣ. Она очаровала берлинскую публику. Германскій Императоръ и весь дворъ осыпали ее отличіями.

Этой знаменитой пѣвицѣ, во время ея бенефиснаго спектакля, берлинцы поднесли особеннымъ образомъ вычеканенную медаль-сувениръ, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ аметистовымъ браслетомъ. Кромѣ того до тысячи громадной величины букетовъ и 25 лавровыхъ вѣнковъ, цвѣты всякой формы, букеты всякой величины, цвѣточныя опахала, корзинки съ цвѣтами, маленькіе пучки цвѣтовъ, вѣнки и т. д. Одно торговое цвѣточное заведеніе „Подъ липами" доставило для этого вечера въ театръ Кролля свѣжихъ цвѣтовъ на сумму около 2,500 марокъ. Дольше четверти часа публика стояла на своихъ мѣстахъ, махала шляпами, платками, ликовала. Оглушительно ревѣлъ гулъ одобреній. Звуки эти потрясали залу. До 10-ти разъ поднимался и опускался занавѣсъ, и когда онъ упалъ въ послѣдній разъ, за нимъ сидѣла окруженная цвѣтами и другими знаками ея тріумфа молодая скромная дѣвушка, такъ восхитившая всѣхъ превосходнымъ голосомъ... Она плакала, потрясенная своимъ счастьемъ. Это были слезы блаженства по поводу успѣха, какой дается въ удѣлъ не многимъ смертнымъ.

Всѣ газеты безъ исключенія констатируютъ этотъ громадный успѣхъ г-жи Герстеръ. Одинъ спеціальный музыкальный критикъ написалъ объ ея пѣніи слѣдующія строки: „Этелька Герстеръ поетъ удивительно прекрасно. Каждый тонъ ея голоса—это жемчужина, но не только чистая жемчужина тона, а брилліантъ, оправленный въ золото глубоко-чувствующей души. Она ищетъ своего успѣха не въ полной и безусловной виртуозности, такъ какъ эта виртуозность хотя и весьма значительна у нея—выступаетъ у нея только въ видѣ резерва. Очарованіе ея пѣнія коренится въ той истинной художественности, которая все, даже внѣшній блескъ, сосредоточиваетъ на возможно полнѣйшемъ выраженіи музыкальной мысли.

Эта художница недавно сочеталась бракомъ съ импрессаріо г. Гардини и пишетъ свое полное имя теперь madame Etelca Gerster Gardini. Вездѣ, гдѣ богато-одаренная пѣвица пѣла послѣ своего берлинскаго дебюта, вездѣ она получала тріумфъ, подобный берлинскому. Въ настоящій сезонъ она поетъ на сценѣ Петербургской Итальянской оперы и доставляетъ своимъ пѣніемъ художественные восторги любителямъ итальянской музыки.

Урокъ ариѳметики.

(Картина Иглера).

Ариѳметика—наука не легкая. Это видно изъ того душевнаго состоянія, которое такъ точно выражается на лицѣ мальчика, поставленнаго въ весьма затруднительное положеніе вопросомъ учителя.

Учитель, кажись, такой съ виду добрый и такой тихій и такъ, повидимому, терпѣливо ждетъ отвѣта мальчика, но изъ его вопроса, однако, замѣтно, что онъ не безъ строгости относится къ дѣлу. Задумалъ старый этакій трудный вопросъ: сколько будетъ, если сложить семь и восемь.

— Семь да восемь, соображаетъ мальчикъ, ишь ты, вѣдь, какія большія цифры-то задалъ; нѣтъ чтобы, напримѣръ, два да три... Гм... гм...

Онъ рѣшительно откашливается, видимо, намѣреваясь тотчасъ же послѣ этого отвѣтить на вопросъ учителя.

— Ну-съ, юный другъ мой, отвѣчай-ка мнѣ, какое же число составится, если сложить семь и восемь...

Учитель кротко и ласково повторяетъ свой вопросъ, но вопросъ отъ этого ничуть не дѣлается легче.

— Семь да восемь? переспрашиваетъ мальчикъ.

— Да, семь и восемь.

— Гм... Это будетъ... Гм. Гм. Семь и восемь...

Мальчикъ повторяетъ вопросъ учителя, повторяетъ его и вслухъ и шепчетъ про себя, но рѣшенія все еще не можетъ сдѣлать.

— Вотъ, юный другъ мой, что я тебѣ скажу: ты сначала успокойся.

— Я... я ничего... я спокоенъ...

— А я вижу, что ты не спокоенъ: ты говоришь вслухъ: „семь да восемь" и шепчешь про себя: „семь да восемь", но мысли твои совсѣмъ не здѣсь, а гдѣ-то далеко, гдѣ-то тамъ, на голубятнѣ, откуда я тебя извлекъ....

— На голубятнѣ? Вотъ вы что выдумали... Стану я думать о голубятнѣ...

— Но однакоже ты не рѣшилъ задачи, а изъ этого слѣдуетъ—что ты...

— Не знаю думаете? перебиваетъ мальчикъ, не знаю? Семь да восемь? А вотъ это сколько: если взять семь и восемь, то выйдетъ...

Вдругъ его мысли переносятся въ самомъ дѣлѣ на голубятню и онъ не можетъ при всемъ своемъ желаніи разрѣшить трудную задачу, никакъ не можетъ сосредоточиться на ней.

— Ну, юный другъ мой, надлежало бы тебя нѣкоторымъ образомъ подвергнуть наказанію.

Таково, или приблизительно таково, содержаніе картины, разсматриваемой со стороны выраженія душевныхъ движеній ея дѣйствующихъ лицъ.

Трубкозубъ. (Orycteropus).

Еще во время Бюффона, трубкозубъ считался вымышленнымъ животнымъ.—Новѣйшіе естествоиспытатели собрали о трубкозубѣ болѣе точныя свѣдѣнія и причислили его къ порядку неполнозубыхъ (Edentata), и именно къ семейству муравьѣдовъ (см. № 42 „Нивы"), отъ которыхъ онъ впрочемъ, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка, отличается своею внѣшностью и кромѣ того, тогда какъ муравьѣдъ вовсе лишенъ зубовъ, трубкозубъ имѣетъ нѣсколько жевательныхъ зубовъ, въ различномъ числѣ, смотря по возрасту животнаго, отъ 5 до 8 въ каждомъ ряду верхней челюсти и отъ 5 до 6 въ каждомъ ряду нижней челюсти. Подобно всѣмъ животнымъ порядка неполнозубыхъ, трубкозубы живутъ въ жаркихъ поясахъ. Днемъ трубкозубы зарываются въ ими самими вырытыхъ ямамъ и спятъ въ нихъ свернувшись; ночью выходятъ на добычу. Изъ всѣхъ чувствъ у трубкозубовъ болѣе развиты обоняніе и слухъ: на сколько онъ работаетъ ушами, на столько же пускаетъ въ дѣло свой носъ. Закинувъ уши на затылокъ и уткнувъ морду въ землю, такъ что мететъ ее пучкомъ волосъ, окружающихъ ноздри, трубкозубъ бѣжитъ отыскивать муравьевъ, составляющихъ его пищу. Бѣгаетъ трубкозубъ очень тихо, но за то дѣлаетъ довольно большіе прыжки. Повременамъ, на пути, онъ останавливается, чтобы прислушаться нѣтъ ли поблизости врага; задвигаетъ кожу на носу, поводя во всѣ стороны растущими на ней волосами, а потомъ снова идетъ дальше. Отыскавъ кучу муравейника, онъ, прежде всего, изслѣдуетъ ее со всѣхъ сторонъ и затѣмъ ужс начнетъ рыть поднимая цѣлые облака пыли. Онъ роетъ, до тѣхъ поръ ,пока не найдетъ главнаго жилья муравьевъ или термитовъ, куда и запускаетъ свой длинный липкій языкъ. Онъ вытаскиваетъ его весь облипшій муравьями. Иногда трубкозубу удается напасть на большой муравейникъ, кишащій милліонами насѣкомыхъ и тогда онъ глотаетъ ихъ цѣлыми кучами.

Съ разсвѣтомъ животное снова уходитъ подъ землю. Не бѣда, если онъ не найдетъ своей норы—выкапаетъ новую и снова зароется. Въ минуты опасности трубкозубъ продолжаетъ зарываться глубже и глубже, такъ что его чрезвычайно трудно преслѣдовать. Земля, выкидываемая его сильными когтями, засыпаетъ преслѣдователя. Пойманный врасплохъ, трубкозубъ такъ крѣпко запускаетъ когти въ землю и съ такой силой выгибаетъ спину что почти нѣтъ возможности вытащить ни ногъ его, ни его самаго. Туземцы Восточнаго Судана убиваютъ трубкозуба пиками, стараясь попасть прямо, иначе животное будетъ въ состояніи закапываться глубже.

Мясо трубкозуба имѣетъ вкусъ кабаньяго мяса. Толстая шкура перерабатывается въ кожу. Здѣсь считаемъ нелишнимъ привесть описаніе трубкозуба, сдѣланное однимъ ученымъ посѣтителемъ зоологическаго сада въ Лондонѣ.

„Когда я подошелъ къ клѣткѣ трубкозуба, пишетъ онъ, она, казалось, была пуста и только въ одномъ углу ея возвышалась куча сѣна. Сторожъ, бывшій со мною, началъ свистать и вызывать животное. но оно не являлось на его зовъ и только когда сторожъ потрогалъ кучу сѣна палкой, изъ сѣна выставилась морда тѣльнаго цвѣта съ очень открытыми ноздрями; за тѣмъ открылись блестящіе веселые глаза и показались длинныя, ослиныя уши. Выставились на видъ намъ и переднія лапы животнаго, съ острыми копытообразными когтями. Новый зовъ сторожа, а главное видъ молока, которое сторожъ принесъ съ собою, заставили трубкозуба рѣшиться совсѣмъ выйти изъ своего убѣжища и подойти къ намъ.

Это было сильное животное, футовъ 4 въ длину, съ толстымъ, согнутымъ туловищемъ, вытянутой толстой головой на тонкой шеѣ. Короткія переднія лапы, казались, не знали какъ имъ и ступать на землю, а длинныя заднія ноги напоминали собою ноги кэнгуру. Толстую кожу его покрывали гладко лежащіе, но рѣдкіе и жесткіе волосы, желтовато-бураго цвѣта на спинѣ и бокахъ; свѣтло-рыжевато желтые на головѣ и нижней части туловища. Сторожъ началъ ласкать животное, но оно оказывало слишкомъ мало вниманія къ ласкамъ и тянулось къ молоку, составляющему, самое лучшее для него въ неволѣ лакомство. Когда молоко, наконецъ, было налито въ глубокую тарелку, трубкозубъ съ жадностью на него накинулся и принялся чрезвычайно быстро лакать его своимъ длиннымъ языкомъ.

Молоко которое пилъ трубкозубъ, дѣлалось густо какъ кисель. Оказывается, что во время питья, съ языка трубкозуба выдѣлялось множество липкой слюны сгущавшей молоко".

Послѣ удачнаго боя.

...Конченъ бой. Стихла ружейная пальба, не свистятъ болѣе

Библиотека "Руниверс"

пули и не разрываются съ трескомъ гранаты, укладывая своими обломками людей и лошадей... Только густые клубы дыма еще стоятъ въ сыромъ, холодѣющемъ подъ вечеръ воздухѣ и вмѣстѣ съ свинцовыми тучами образовали мрачный покровъ надъ землею.

Войска размѣщаются на позиціи, уставляя орудія, разводятъ костры и приводятъ все въ порядокъ. Усталыя лошади, низко опустивъ головы, фыркаютъ, отряхиваются Не смотря однакоже, на страшнѣйшее утомленіе, на всѣхъ лицахъ выражается радость торжества... Одна изъ походныхъ палатокъ биткомъ набита офицерами Все толпится и шумитъ за завтракомъ, который въ мгновеніе уничтожается. Слышатся громкіе молодые голоса, льется дружный смѣхъ.

— Сильное дѣло было сегодня! Ну и задали мы имъ жару!

— Да и намъ тоже не дешево обошлось оно, замѣчаетъ кто-то.

— Ну, разумѣется не безъ того. Что-жь дѣлать.

— Ну, поздравляю, братцы, съ побѣдой .. Ура!..

Раздается ура, повторяется, и еще повторяется, и еще...

Пробѣгаетъ потомъ грустная нотка въ веселомъ хорѣ отважныхъ бойцовъ, какъ темной пеленой она покрываетъ на время всѣ лица: нотка эта—воспоминаніе о павшихъ въ недавней битвѣ... Но успѣхъ дѣла такъ важенъ, что преодолѣваетъ эту нотку и заглушаетъ другими, восторженными.

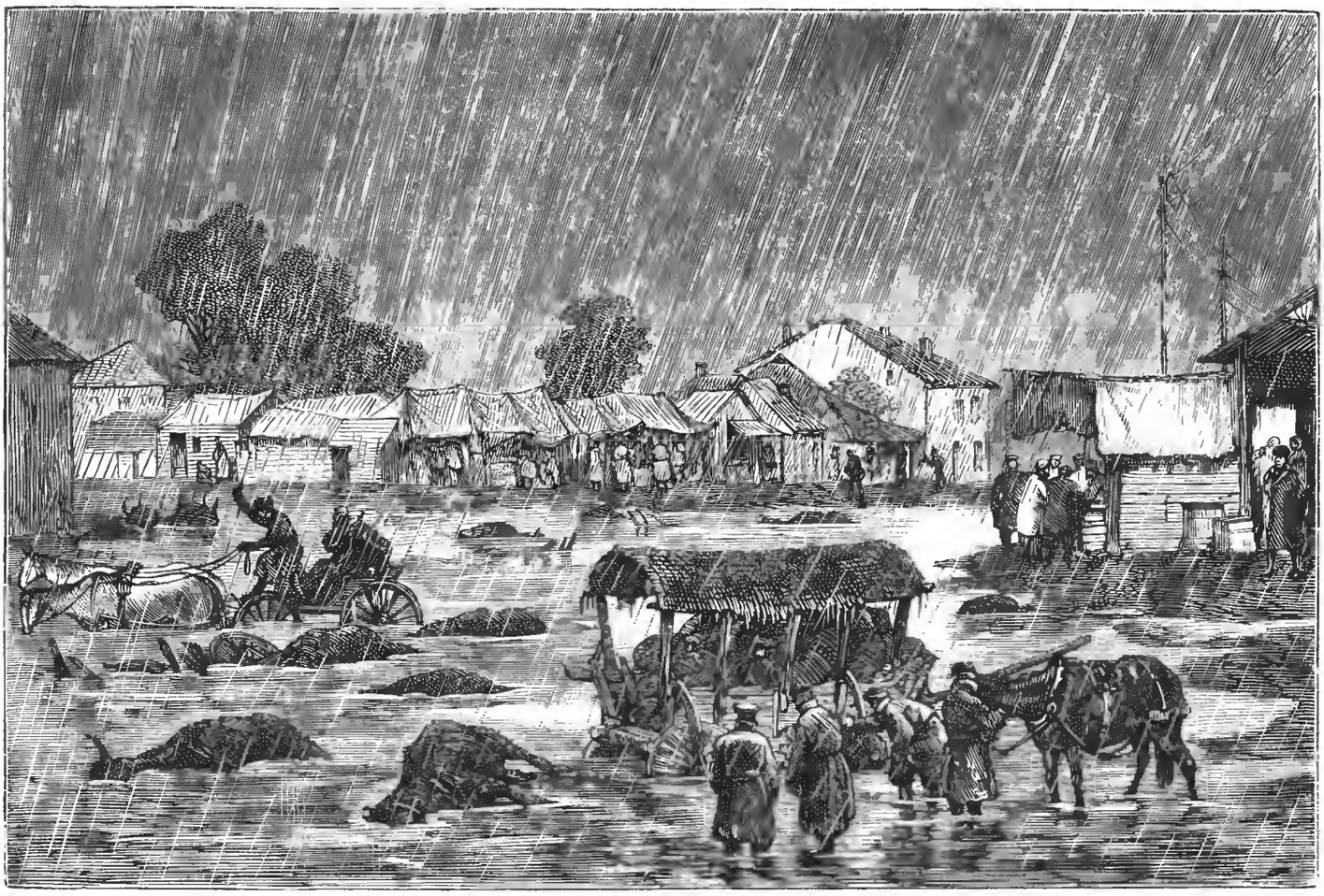
— За павшихъ героевъ! возглашаетъ кто-то!

— Миръ ихъ праху... Ура-а!

И опять ура...

И такъ долго товарищи боя переходятъ отъ восторженныхъ восклицаній къ грустнымъ воспоминаніямъ о павшихъ герояхъ.

Люб.



Улица въ Зимницѣ во время дождя. По наброску въ «Illustr Lond. N.», грав. Вейерманъ.

Улицы въ Зимницѣ во время дождя.

Зимница въ первое время по вступленіи нашихъ войскъ въ Болгарію была, какъ извѣстно, занята нашею главною квартирою, переведенною впослѣдствіи въ Горный Студень.

Зимница такое же незначительное и не богатое мѣстечко, какъ и многія другія въ Болгаріи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, Тырнова и Систова, представляющихъ собою городскія поселенія. Даже въ большихъ болгарскихъ селеніяхъ можно найти не болѣе двухъ-трехъ маленькихъ домиковъ, большинство же селеній вовсе незнакомо съ этой роскошью. Каменныя зданія (изъ мѣстнаго известняка) составляютъ большую рѣдкость. Постройки изъ мѣстнаго камня скорѣе служатъ оградами усадебъ и огородовъ мѣстныхъ обывателей или стѣнами сараевъ для храненія хлѣба и хозяйственныхъ принадлежностей.

Православные церкви впрочемъ находятся во многихъ селеніяхъ, но они почти ничѣмъ не отличаются отъ любого хлѣбнаго амбара. Рѣдко-рѣдко гдѣ встрѣтишь на такой церкви даже маленькій крестикъ. А что за бѣдность внутри!.. Глинобитный полъ, досчатый, тесаный иконостасъ, шерстяныя или ситцевыя ризы, мѣдная или оловянная чаша... Можно смѣло сказать и не ошибиться, что въ Россіи нѣтъ того бѣднѣйшаго села, церковь котораго не показалась бы благолѣпною и богатою въ сравненіи съ любою сельскою церковью въ Болгаріи.

Желѣзная дорога изъ Фратешти въ Зимницу и изъ Систово въ Терново сильно облегчитъ подвозъ провіанта къ русскимъ войскамъ. Въ настоящее время между Фратешти и Зимницей собрано 18,000 повозокъ, которыя подвозятъ къ русскимъ жизненные припасы, за что получаютъ ежедневно въ 16 фр. каждая, а это составитъ 7,640,000 фр. Такъ какъ на каждой повозкѣ можно перевозить не болѣе 30 пудовъ и онѣ идутъ изъ Фратешти въ Зимницу (120 верстъ) цѣлую недѣлю, то доставка каждаго центнера хлѣба, муки, сѣна и проч. обходится русскому интендантству въ 25 франковъ.

Что касается улицъ Зимницы во время дождя—объ этомъ разсказывать нечего въ виду рисунка, который въ точности передаетъ ихъ положеніе. Для насъ, русскихъ, такой видъ, впрочемъ, не рѣдкость, у насъ не мало есть такихъ не только селеній, но даже и городовъ, про улицы которыхъ сложились легендарныя сказанія, повѣствующія о „конномъ казакѣ утонувшемъ въ грязи среди бѣла дня и съ пикой вмѣстѣ“. Въ этихъ невѣроятныхъ сказаніяхъ есть, однако, нѣкоторое сходство съ дѣйствительностью, и чтобы удостовѣриться въ возможности гибели казака и съ пикой вмѣстѣ среди улицы, стоитъ посѣтить осенью ну хоть гор. Екатеринодаръ въ Кубанской области.

(Продолженіе на стр. 761, 762, 763 и 764).

Библиотека "Руниверс"

Эрзерумъ.

Столица Арменіи Эрзерумъ, главный городъ вилайэта того же имени, лежитъ въ юго-восточномъ углу Эрзерумской равнины, у подошвы послѣднихъ холмовъ Паланъ-Текекъ и Деве-Бойну (на этихъ послѣднихъ были недавно разбиты арміи Мухтара и Измаила-пашей, о чемъ мы упоминали въ политическомъ обозрѣніи „Нивы", № 45). Издали городъ Эрзерумъ имѣетъ весьма живописный видъ; темные силуэты его зданій, ложась на болѣе свѣтломъ тонѣ окружающихъ горъ, придаютъ ему много своеобразнаго и характеристичнаго. Все это, однакожь, исчезаетъ при приближеніи къ городу и ничѣмъ онъ не отличается отъ прочихъ турецкихъ городовъ Малой Азіи, ничто въ немъ не обнаруживаетъ богатства его жителей, тогда какъ въ сущности Эрзерумъ важнѣйшій торговый, административный и стратегическій пунктъ этого края. Населеніе города приблизительно считается до 90,000 жителей. Торговый оборотъ простирается до 25,000,000 франковъ. Развитію торговыхъ оборотовъ города всего болѣе способствуетъ сосредоточеніе въ немъ торговыхъ путей Малой Азіи и, кромѣ того, существованіе чрезъ Большинство построекъ города состоитъ изъ низенькихъ мазанокъ, прислоненныхъ одна къ другой и окаймляющихъ узкія извилистыя улицы. Мусульманскіе кварталы кажутся сплошь окаймленными сѣрыми стѣнами, съ прорѣзанными кое-гдѣ маленькими отверстіями, служащими дверьми и окнами. По причинѣ такой тѣсноты построекъ зачастую случаются пожары, истребляющіе цѣлые кварталы. Террассы многихъ домовъ, покрытыя толстымъ слоемъ земли, весною представляютъ изъ себя пастбища, на которыхъ пасутся овцы и козы, а лѣтомъ на террассахъ сушится топливо. Верхняя часть города впрочемъ занята лучшими постройками—домами европейскихъ консуловъ; здѣсь же находятся базаръ и дворецъ губернатора. Вымощенныхъ улицъ въ городѣ мало, но на всѣхъ много грязи, пыли, встрѣчается содержимое помойныхъ ямъ и по улицамъ разгуливаютъ цѣлыя стаи собакъ, словомъ—какъ вообще бываетъ въ турецкихъ городахъ. За недостаткомъ лѣсовъ, топливо жители приготовляютъ изъ навоза въ связи съ грязью, Массу обдѣлываютъ въ формы кирпичей и высушиваютъ на солнцѣ. Это топливо единственное въ Эрзерумѣ, также какъ и во всѣхъ безлѣсныхъ долинахъ Арменіи и Курдистана. При

Послѣ удачнаго боя. По рис. въ «I. L. N.», грав. Рашевскій.

него транзитнаго пути въ Персію. Мѣстная промышленность впрочемъ, не важна, хотя здѣсь и выработывается желѣзо и мѣдь для хозяйственныхъ подѣлокъ, въ небольшихъ размѣрахъ здѣсь фабрикуется также оружіе для курдовъ. Земледѣліе въ Эрзерумскихъ окрестностяхъ идетъ успѣшно и на болотахъ Евфрата, протекающаго въ 6 верстахъ отъ города, и на лугахъ равнинъ растетъ прекрасная трава.

Рогатый скотъ здѣсь гораздо болѣе и сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы го ни было. Кромѣ того здѣсь водится множество буйволовъ и зачастую встрѣчаются длинные караваны этихъ чудовищныхъ животныхъ, впряженныхъ въ двухколесныя телѣжки, которыхъ деревянныя оси при движеніи производятъ невообразимый скрипъ, между тѣмъ, говорятъ, что этотъ скрипъ необходимъ, ибо повуждаетъ животныхъ къ ходу. Случается, что во время пути по берегамъ рѣкъ или озеръ, буйволы заберутся въ воду и совершенно погружаются въ нее, оставляя на виду только свои черные морды.

Самый городъ Эрзерумъ расположенъ на подошвѣ холмовъ. Нѣсколько ручейковъ, спускаясь съ окружающихъ высотъ, протекаютъ по городу, пестря улицы многочисленными мостиками. сжиганіи оно даетъ много тепла и сгораетъ медленно, но за то распространяетъ дымъ самаго отвратительнаго запаха. Булочники и европейскіе жители Эрзерума, для спасенія своего обонянія, выписываютъ за сотню верстъ дрова.

Въ виду важнаго стратегическаго значенія Эрзерума, турецкое правительство всегда принимало мѣры къ увеличенію оборонительныхъ средствъ города. Эрзерумъ защищенъ валомъ, отдѣльными фортами и цитаделью. Форты, составляющіе главную силу, расположены на высотахъ Копъ-Дага и Керменъ-Дага, весьма выгодныхъ для обороны; съ высотъ удобно оборонять подступы къ крѣпости фланговымъ огнемъ. Нѣкоторыя изъ укрѣпленій заключаютъ каменныя сводчатыя казармы для жилья и для закрытой пушечной обороны. Городская стѣна на разстояніи 11½ верстъ состоитъ изъ 11 бастіоновъ, связанныхъ куртинами. Вышина стѣны доходитъ отъ 4,5 до 6,3 метровъ, толщина отъ 7,5 до 9 метровъ. Ширина рвовъ 77 фут., глубина 10—24 ф. Валы земляные, одѣтые дерномъ. Цитадель, устроенная въ центрѣ города, состоитъ изъ старинной каменной стѣны, фланкируемой 13 башнями; служитъ главнымъ складомъ орудій и боевыхъ снарядовъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1829 г. фельдмаршалъ графъ Паскевичъ, послѣ разбитія на Сагандлугѣ двухъ турецкихъ корпусовъ Сали и Гаки пашей, взялъ Эрзерумъ съ остававшимися въ немъ разбитыми турецкими войсками. Непріятель сначала защищался на высотахъ Копъ-Дага, но былъ вытѣсненъ русскими войсками въ самый городъ. Бейлеръ—бей Эрзерумскій, видя невозможность противиться, вручилъ русскому генералу ключи отъ крѣпости, а самое войско еще намѣревалось сопротивляться скрывшись въ цитадели, и положило оружіе только тогда, когда русскія войска построились къ приступу. По Адріанопольскому миру Эрзерумъ былъ снова возвращенъ Турціи.

Но, надобно сказать, что укрѣпленія въ 1828—1829 годахъ имѣли въ себѣ много слабыхъ сторонъ и дѣлали городъ не особенно труднымъ для взятія; другое дѣло представляютъ укрѣпленія послѣдняго времени, за которыми турки весьма много трудились и, повидимому, сдѣлали ихъ весьма значительными.

Послѣдними телеграммами насъ извѣстили, что 23-го октября передъ Эрзерумомъ у Деве-Бойну, произведена была русскими войсками аттака армій Мухтара-паши и Измаила-Гали-паши. Результатомъ сраженія было всеобщее бѣгство турокъ. Мухтаръ-паша, какъ передаютъ телеграммы, хочетъ выдерживать осаду въ Эрзерумѣ, но жители города противятся этому, опасаясь разрушенія его бомбардировкою и бѣгутъ въ Байбуртъ.

Сообщенія между Эрзерумомъ и Батумомъ уже прерваны конными войсками и, вѣроятно, вскорѣ будутъ отрѣзаны кавалеріею также всѣ пути, по которымъ возможна доставка продовольствія изъ Эрзиміана и Трапезунта въ Эрзерумъ. Такимъ образомъ положеніе этого города можетъ быть скоро уподобится положенію Плевны.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Военные наши успѣхи на Дунайскомъ театрѣ войны не прерываются. Такъ, начало прошлой недѣли ознаменовалось, послѣ взятія Врацы, взятіемъ генераломъ Скобелевымъ укрѣпленной турецкой позиціи «Зеленая Гора». Позиція эта находится къ югу отъ Плевны и взята была штурмомъ. Турки отстаивали позицію упорно и пытались вновь занять ее, но безуспѣшно, понесши при этомъ большія потери. Точно также и нѣсколько послѣ турки возобновляли вылазки съ цѣлью возвратить потерянную позицію, но точно также безуспѣшно. Генералъ Скобелевъ успѣлъ уже прочно устроиться на «Зеленой Горѣ». Упрямыя попытки непріятеля возвратить Зеленую гору доказываютъ, что турки сознаютъ всю серьезность и даже опасность своего положенія. Весьма вѣроятно, что вылазки турокъ съ этой стороны повторятся; возможно даже, что самъ Османъ-паша сдѣлаетъ съ этой стороны «генеральную вылазку, такъ-какъ попытка ожесточенно-бьющагося врага прорваться сквозь окружающее его желѣзное кольцо представляется довольно логичною, съ турецкой точки зрѣнія.

Что же, однако, мы сдѣлали и какую новую черту прибавляетъ взятіе Зеленой горы въ общую картину обложенія нами Плевны? Этимъ взятіемъ еще болѣе съузилось то желѣзное кольцо, которымъ мы сковываемъ Плевну. Въ самомъ дѣлѣ, суммируемъ недавнія взятія другихъ важныхъ пунктовъ съ другихъ сторонъ. Съ Запада отъ Плевны нами взятъ *Дольній Дубнякъ*, съ сѣвера (или точнѣе, съ сѣверозапада) *Биволаръ* (или Сузурлукъ, на р. Видѣ) и, наконецъ, съ южной стороны, взята Зеленая гора Такимъ образомъ кольцо съузилось и это обстоятельство разбило у турокъ надежды на легкость выручки Османа-паши изъ окруженной Плевны. До сихъ поръ туркофильскія газеты не безъ нѣкотораго основанія думали, что на выручку Османа-паши достаточно рискнуть съ юга Мехемеду-Али-пашѣ, а теперь оказывается, что къ операціи выручки», пожалуй, придется привлечь еще Реуфа и Сулеймана пашей, да и тутъ еще съ весьма сомнительною надеждою на успѣхъ. Генералъ Скобелевъ укрѣпляется на взятой позиціи болѣе и болѣе. Въ концѣ прошлой недѣли получено извѣстіе, что генералъ взялъ уже и другія турецкія позиціи у «Зеленыхъ высотъ». Въ тоже время въ нашей главной квартирѣ замѣчено было, что внутри Плевны происходитъ движеніе турокъ, обличающее желаніе ихъ пробиться изъ этой крѣпости.

Послѣ этого намъ представляются весьма понятными послѣднія сильныя рекогносцировки, со стороны турокъ, нашей позиціи у *Елены* (какъ объ этомъ недавно извѣщали оффиціальныя телеграммы), а также частыя нападенія на наши передовыя посты на дорогахъ Османъ-Базарской и Шумловской. Турки, очевидно, желаютъ сначала убѣдиться въ значительности нашихъ силъ въ этихъ пунктахъ и затѣмъ уже отдѣлить часть своихъ силъ къ Плевнѣ, для «выручки» Османа-паши.

Одновременно и, конечно, съ подобною же цѣлію, турки начали усиливать свои баттареи на Шипкѣ, противъ укрѣпленія св. Николая. Этимъ же объясняются в (рѣчныя) рекогносцировки турокъ, часто предпринимаемыя изъ Рущука къ Джурджеву.

На прошлой же недѣлѣ, на одномъ изъ засѣданій турецкаго военнаго совѣта въ Константинополѣ было постановлено предписать Осману-пашѣ *очистить* Плевну. Мехмеду-Али-пашѣ предписывалось двинуться къ Плевнѣ изъ Орханіэ. Исполненію этого предписанія, очевидно, попрепятствовало то соображеніе, что, во-первыхъ, Софійскій путь до Плевны въ нашихъ рукахъ, но вторыхъ, взятіе Зеленой горы и вблизи ея другихъ укрѣпленій, можетъ парализовать всякую сколько-нибудь рѣшительную турецкую вылазку съ южной стороны Плевны.

Въ политическомъ обозрѣніи прошлаго (45 №) «Нивы» уже было нами сказано въ краткихъ чертахъ о взятіи гор. *Врацы* отрядомъ генерала Леонова. Теперь добавляемъ это свѣдѣніе нѣкоторыми подробностями: Врацу защищали 800 чел. пѣхоты и 300 чел. черкесовъ. Враца лежитъ у самаго подножія Балканъ, на соединеніи дорогъ, ведущихъ въ *Берковацъ*, *Раково* и *Орханіэ* (т. е. Софійской дороги). *Враца* или Врака лежитъ въ той области Балканъ, гдѣ могучій и быстрый *Искеръ* прорываетъ себѣ ложе въ горныхъ твердыняхъ,—тамъ, позади этого Искеровскаго прорыва, лежитъ воспѣтая болгарскими пѣснями *Мургашъ-планина*, съ вершины которой можно обозрѣть громадную даль, долину Искера, Софію съ ея глубокою лощиною. Рыльскія высоты (гдѣ монастырь св Іоанна Рыльскаго) на сѣверъ же *Пиротъ*, *Врацу* и *Плевну*. Враца, наравнѣ съ Плевною, лежитъ къ сѣверу отъ *Мургашъ-планины*.

Громадныя послѣдствія заканказскихъ нашихъ побѣдъ надъ Мухтаромъ-пашей уже извѣстны, и въ виду пораженія и истощенія здѣсь турецкой арміи серьезныхъ дѣлъ въ этой области не могло и быть. Произошло и здѣсь, впрочемъ, нѣсколько эпизодовъ Однимъ изъ этихъ эпизодовъ представляется движеніе нашихъ колоннъ отъ Деве-Бойну къ Эрзеруму, по предписанію генерала Геймана. Благодаря темнотѣ ночи, наши колонны сбились съ пути и не достигли назначенныхъ пунктовъ, но авангардъ одной изъ колоннъ, составлявшій 3 батальона бакинцевъ, ворвавшись въ укрѣпленіе Азизіе, овладѣлъ имъ, перекололъ гарнизонъ, захватилъ въ плѣнъ 19 офицеровъ и 540 нижнихъ чиновъ. Потеря наша при этомъ молодецкомъ дѣлѣ незначительна.

На Муха-Эстатѣ турки держатся въ довольно крѣпкихъ позиціяхъ и держатъ на нихъ значительную артиллерію и пѣхоту. Съ цѣлью раскрыть силы непріятеля въ этихъ укрѣпленіяхъ, съ нашей стороны былъ открытъ на Муха-Эстате артиллерійскій огонь. При этомъ съ нашей стороны было не много раненыхъ.

Городъ *Кагызманъ* изъявилъ намъ покорность и въ немъ введено наше управленіе.

Отъ 6 ноября офиціальная телеграмма—слѣдующаго содержанія:

„Сегодня Карсъ взятъ штурмомъ. Бой начался вчера съ восьми часовъ вечера и кончился въ восемь часовъ утра. Трофеи и потери наши еще не приведены въ извѣстность.

Помѣщаемъ здѣсь рисунокъ дающій понятіе о расположеніи укрѣпленій вокругъ этой крѣпости.

Военныя дѣйствія въ героической Черногоріи сосредоточивались на прошлой недѣлѣ на южной границѣ этой маленькой земли съ Албаніей. На этой границѣ лежитъ не далеко отъ моря, довольно большое *Скутарійское* *) озеро. Вотъ около этого то озера и сосредоточивались черногорскія войска особенно въ селеніи Вирбазарѣ 29 октября (10 ноября) прибылъ въ Вирбазаръ князь черногорскій для осмотра войскъ, и изъ этого заключили было, что Черногорія намѣрена была начать военныя дѣйствія противъ Подгорицы (лежащей къ сѣверо-востоку отъ Скутарійскаго озера). Но князь Николай, совершенно неожиданно для всѣхъ вдругъ направился съ 20 батальонами войска противъ извѣстнаго портоваго города *Антивари* (къ западу отъ Скутари), на который и произведено было черногорцами мужественное нападеніе, такъ что громъ орудій доносился изъ Антивари въ Катарро. Затѣмъ, вскорѣ черногорцы взяли фортъ *Суторманъ*, господствующій надъ Антивари, захвативъ его, гарнизонъ, двѣ пушки, военные припасы и провіантъ. Съ другой стороны, получено (даже изъ турецкаго источника) извѣстіе, что и Подгорица бомбардируется черногорцами.

Правда, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, туркамъ удалось снабдить фортъ Антивари провіантомъ, будто бы, на 4 мѣсяца. Но при извѣстной военной энергіи и героизмѣ черногорцевъ—это едвали большой шансъ для турокъ къ сохраненію за собою Антивари. Мустафа-паша пригласилъ жителей защищать Антивари противъ Черногорцевъ.

Внутренній кризисъ во Франціи не прекратился, а только вступилъ въ новую эру. Утвержденіе политики Франціи на тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ можно бы было создать нѣчто въ родѣ крымской войны, въ союзѣ съ Англіей неудается. Въ каждой европейской странѣ, разумѣется, есть люди, искренно, изъ одного уже недоброжелательства къ намъ, желающіе возобновленіе англо-французскаго союза съ придачею Австріи; но всякій уже видитъ, что времена теперь не тѣ, что исторія дѣлаетъ свое дѣло. За то многіе изъ нашихъ благожелателей въ Англіи и Австріи выжидаютъ паденія Плевны и совѣтуютъ намъ немедленно послѣ этого заключить миръ, который будетъ почетенъ для насъ, Но, очевидно, что эти люди лицемѣрятъ и сами втайнѣ смѣются надъ своими измышленіями.

*) Нахія или округъ *Скутари*, прилежащая къ озеру, уже прежде принадлежала къ Черногоріи, но вскорѣ послѣ 1839 г. была отнята Турками. Слѣдовательно Черногорцы по всякому праву могутъ возстановить свою южную границу по линіи форта Антивари и Скутарійскаго озера.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ паденія Плевны и должна начаться существенная часть настоящей кампаніи,—должны выступить на сцену Греція и Сербія.

Сербія, однако, дѣятельно и мужественно вооружается. Резервный корпусъ, состоящій подъ начальствомъ Протича стянулся къ *Ягодину* подъ именемъ центральной арміи. А у Ягодина и Крагуеваца строятся полевые госпитали.

Но какой же выйдетъ окончательный результатъ изъ этого сцѣпленія интересовъ, связанныхъ общимъ знаменемъ европейскаго туркофильства? На этотъ вопросъ отвѣтятъ намъ ближайшія событія.

На Шипкѣ за прошлую недѣлю дѣйствія снова оживились. 27 октября въ этомъ пунктѣ была сильная канонада съ обѣихъ сторонъ, у насъ при этомъ оказалось убитыми 4, а ранеными 14-ть человѣкъ. Въ числѣ убитыхъ 2 офицера.

26-го мая нынѣшняго года былъ Высочайше утвержденъ внѣшній заемъ, имѣющій называться «Пятипроцентнымъ внѣшнимъ займомъ 1877 г.». Въ настоящее время, а именно 3-го ноября, амстердамскій банкирскій домъ гг. Липпманъ, Розенталь и Комп. открываетъ подписку на этотъ заемъ, выпускаемый на общую номинальную сумму 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, или 180 милліоновъ голландскихъ гульденовъ (93¾ милліона металлическихъ рублей). Заемъ выпускается въ облигаціяхъ по 20, 100 и 500 фунтовъ стерлинговъ, которые должны быть погашены въ 37 лѣтъ. Подписная цѣна для этого займа опредѣлена по 77¼%. Въ счетъ этого займа было выдано впередъ 75 мил. франковъ (18,750,000 метал. руб.) и только теперь, вслѣдствіе измѣнившихся къ лучшему условій на европейскомъ денежномъ рынкѣ и болѣе опредѣлившагося политическаго положенія, банкиры открываютъ публичную подписку на этотъ русскій заемъ.

Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія 26-го октября, Военнымъ Министромъ сдѣлано распоряженіе о запрещеніи вывоза за границу хлѣба изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Министръ Финансовъ донесъ о семъ Правительствующему Сенату.

Неисправность Товарищества для продовольствія арміи оказалась очень чувствительной для нашихъ войскъ, такъ что Августѣйшій Главнокомандующій Дунайской арміи разрѣшилъ войскамъ въ случаѣ крайности самимъ покупать хлѣбъ, не прибѣгая къ Товариществу. Извѣстіе это было встрѣчено съ большою благодарностью начальниками частей.

Сами подрядчики также начинаютъ расплачиваться за свои неблаговидныя дѣйствія. Изъ Одессы сообщаютъ, что у мѣстныхъ подрядчиковъ на станціи Раздѣльной забраковано 308,000 пудовъ сѣна и до 30,000 четвертей овса. На одесскихъ пріемныхъ пунктахъ забраковано до 18,000 пудовъ пшеницы и до 40,000 пудовъ ржи. У заказчиковъ сухарей нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ забраковано безусловно и сухари теперь продаются на топливо. Повидимому сама судьба караетъ ихъ. У однихъ подрядчиковъ истреблено пожаромъ все обзаведеніе—печи, сушильни, склады, во время котораго сгорѣла цѣлая партія сухарей въ 35,000 пудовъ.

Теперь мы имѣемъ свѣдѣнія, что одинъ изъ харьковскихъ купцовъ взялся печь сухари въ Бухарестѣ, куда на-дняхъ отправилъ 250 чел. хлѣбопековъ. Большая часть нанята въ Харьковѣ; поденная плата рабочому 2 рубля, съ проѣздомъ туда и обратно.

Правленіе Общества Кіево-Брестской желѣзной дороги рѣшило, по сообщенію «Кіевлянина», назначить на нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ 100,000 р. с. Желательно, чтобы и другія Правленія обществъ желѣзныхъ дорогъ послѣдовали этому примѣру.

По свѣдѣніямъ «Вѣстника Народной помощи», настоящая война уже унесла у насъ изъ строя въ обѣихъ дѣйствующихъ арміяхъ 64,863 чел.

Въ Подольской губерніи выпавшимъ градомъ истреблено хлѣба на сумму свыше 200,000 р.

Наконецъ, какъ слышно, наши Петербургская и Выборгская стороны будутъ освѣщены газомъ, въ-замѣнъ тусклыхъ керосиновыхъ лампочекъ, при которыхъ пѣшеходы и проѣзжающіе блуждали по улицамъ этихъ частей города только что не во мракѣ.

Къ числу нововведеній относится также предположеніе установить окраски пассажирскихъ вагоновъ соотвѣтственно билетамъ по классамъ, т. е. и билеты и вагоны должны имѣть свой опредѣленный цвѣтъ. Это нововведеніе предполагается распространить по всѣмъ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Смѣсь

Парижъ—портовый городъ.

Хотятъ сдѣлать Парижъ портовымъ городомъ, т. е. сдѣлать Сену доступной для морскихъ судовъ. Возможно ли это?

Вопросъ этотъ задаютъ себѣ спеціалисты впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и извѣстные инженеры отвѣчаютъ на него утвердительно. Франція тѣмъ серьезнѣе относится къ этому проекту, что торговля Парижа составляетъ не менѣе четверти торговли всей Франціи; однакожь, не смотря на всю жгучесть вопроса и сорокалѣтнія работы по улучшенію направленія Сены, русло ея неровно, капризное, а по временамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубина не превышаетъ одного метра и при такомъ уровнѣ только мелкія суда могутъ поддерживать сообщеніе между моремъ и Парижемъ.

Само собою разумѣется, что сдѣлать подобную рѣку доступною для судовъ большого калибра потребуется много труда и капитала, потому что для нихъ потребуется не менѣе пяти метровъ глубины; суда среднія, самыя многочисленныя, требуютъ около четырехъ метровъ, но, при глубинѣ двухъ метровъ, грузовыя суда, средняго калибра, могутъ пройти только при спеціальномъ устройствѣ. Слѣдовательно, чтобы проектъ улучшенія судоходства Сены могъ удовлетворить видамъ Франціи и Парижа требуется, чтобы русло Нижней Сены было не менѣе четырехъ метровъ глубины.

Починъ этого проекта относится къ 1827 г. и принадлежитъ инженеру Фремо (Fremot); съ этого времени правительству было представлено много проектовъ, но только инженеръ Кранцъ, бывшій начальникъ Сенской навигаціи, болѣе положительно рѣшилъ этотъ вопросъ, представивъ особый меморіалъ въ 1871 году. Г. Кранцъ разъяснилъ, что можно удержать воду на такой высотѣ, что она, не выступая изъ береговъ, подымется на пять метровъ надъ уровнемъ дна, вся трудность, по мнѣнію Кранца, состоитъ въ удержаніи воды на этомъ уровнѣ, что предполагаетъ онъ устранить посредствомъ подвижныхъ шлюзовъ, имѣющихъ болѣе 4 футовъ высоты. Высота шлюзовъ поразила ареопагъ, призванный для рѣшенія насколько практиченъ проектъ г. Кранца и, не смотря на всѣ увѣренія его и подтвержденіе опытомъ, не смотря на то, что съ нимъ согласилось большинство спеціалистовъ, рѣшено, что нѣтъ возможности подымать шлюзы выше 4 метровъ, въ противномъ случаѣ угрожаетъ опасность берегамъ. Это рѣшеніе побудило г. Кранца перемѣнить проектъ, довольствуясь только поднятіемъ воды на три метра, посредствомъ девяти шлюзовъ, непревышающихъ четырехъ метровъ, на что предположено расхода восемнадцать милліоновъ франковъ.

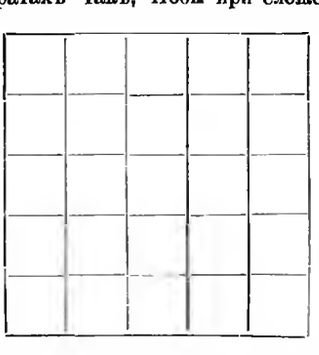
Очевидно что подобная уступка далеко не оправдала надеждъ тѣхъ вздыхателей, которые расчитывали на барыши по прежнему проекту. Думали, гадали, что дѣлать и, конечно, не придумали ровно ничего лучшаго, только въ концѣ прошедшаго года г. Булé, правительственный инженеръ, добросовѣстный наблюдатель и близко ознакомленный съ трудностью навигаціи, изобрѣлъ подвижные шлюзы новаго устройства и, произведя многочисленные и добросовѣстные опыты въ Портъ-а-Лянгле убѣдилъ, что шлюзы, безопасно для береговъ, могутъ быть подняты выше четырехъ метровъ. Опыты г. Булé были очень удачны, выдержали самый строгій правительственный контроль и, на основаніи представленнаго заключенія, министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ примѣнить шлюзы новаго устройства предварительно при работахъ, нынѣ производимыхъ въ Вилле (Viller) подъ Верноном.

О Парижѣ не высказано пока ничего рѣшительнаго; столица съ нетерпѣніемъ ожидаетъ окончанія работъ въ Вилле, потому что отъ результатовъ, тамъ полученныхъ, будетъ зависѣть исходъ проектовъ гг. Фремо и Кранца, на основаніи котораго Парижъ могъ бы имѣть свой портъ.

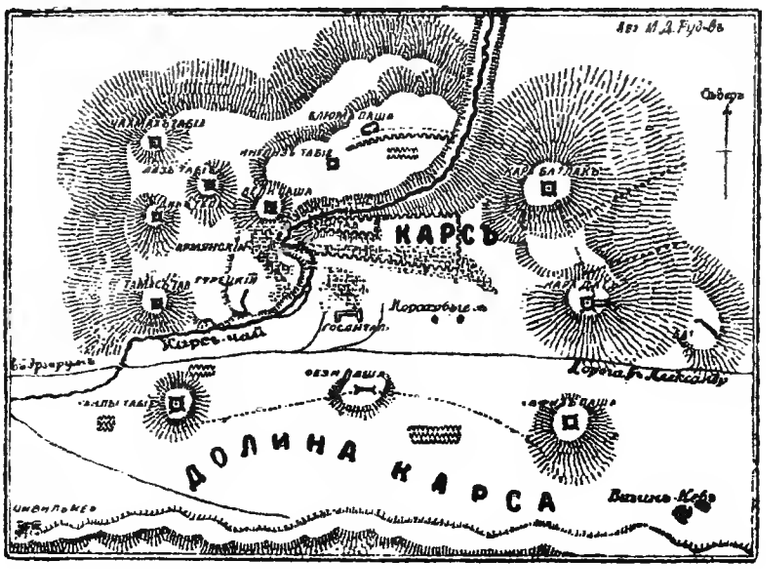
Конская узда. По бокамъ продольныхъ ремней, подъ глазами и на нижнемъ концѣ этихъ ремней находятся шарниры съ тупыми крючками, насаженными такимъ образомъ, что, при дерганіи возжами, соединенными съ нижней частью крючковъ, поворачивающихся въ шарнирахъ, крючки эти зажимаютъ ноздри у лошади и мѣшаютъ ей дышать, что, поневолѣ, заставляетъ смириться самую непокорную изъ нихъ и предотвращаютъ, такимъ образомъ, опасности отъ разбиванія лошадьми.

Ариѳметическая задача.

Цифры отъ 1 до 25 разставить въ помѣщенныхъ здѣсь двадцати пяти квадратахъ такъ, чтобы при сложеніи во всѣ стороны, какъ сверху внизъ, такъ справа на лѣво, такъ крестообразно съ угла на уголъ, получалась въ итогѣ, цифра 65. При этомъ цифры не должны повторяться.



Библиотека "Руниверс"



Карсъ и его укрѣпленія.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Курскъ, Зин. Катл—овой.** Разсказъ и переводъ помѣщены не будутъ

2) **Кіевъ. П. И. Аск—ову.** Стихи, подобные вашимъ, написать, конечно, трудно: для этого нужно быть до нѣкоторой степени свободнымъ отъ здраваго смысла. Вы, напримѣръ, пишете:

«*Иду* въ Балканы и на турокъ». а чрезъ двѣ строки заявляете:

«И вотъ туда и *иду* въ собственной каретѣ»...

Далѣе, разсказывая, какъ говорится «ни къ селу ни къ городу» о какой-то Лорисѣ, вы пишете, что она

«Вѣжитъ къ Днѣпру утопать
И хочетъ въ воду тѣло свое хлопнуть».

При такомъ умѣньи выражаться на родномъ языкѣ не далеко, конечно, до того, чтобы дѣло объ утонувшемъ, назвать дѣломъ объ утопіи.

Въ-заключеніе вы говорите:

«Почувствовавъ въ себѣ поэзію святую
Я развивать сталъ таковую».

Такъ развивая поэзію, можно достигнуть того, что въ вашихъ стихахъ будутъ слѣдующія слова:

«Я нижеподписавшійся оную, вышеупомянутую поэзію восчувствовалъ и неукоснительно намѣреваюсь дать ей надлежащее развитіе».

Поправка.

Въ текстѣ приложенія къ парижскимъ модамъ за ноябрь вкралась ошибка въ тѣхъ строкахъ, гдѣ говорится о рисункахъ мебели въ русскомъ стилѣ. Нужно замѣтить, что не всѣ 24 рисунка составлены г. Пановымъ, а только 19, остальные 5 а именно: изъ перваго ряда №№ 1, 5 и 6, второго ряда № 3 и третьяго ряда № 1 заимствованы изъ изданія Рейнбота «Мотивы Русской архитектуры» и изъ изданія: «Зодчій». О чемъ въ текстѣ по ошибкѣ корректора пропущено.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе Ребуса въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **О туманныхъ пятнахъ на нашемъ небѣ** (съ 2-мя рисунками).—**Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева.** Начало третьей частн.—**Генрихъ Стенли.** (Путешественникъ по Внутренней Африкѣ) (съ рис.) **А. Н—ого.**—**Изъ быта въ Черногоріи** (съ рисункомъ) **Ор.—Г-жа Этелька Герстеръ** (съ портретомъ).—**Уронъ арменетики** (съ рисункомъ).—**Трубкозубъ (Orycteropus)** (съ рисункомъ).—**Послѣ удачнаго боя** (съ рисункомъ) **Люб.—Улицы въ Зимницѣ во время дождя** (съ рисункомъ).—**Г. Эрзерумъ** (съ рисункомъ).—Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.—Смѣсь.—Плавъ Карса.—Ребусъ.—Почтовый ящикъ.—**Поправка.**—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

„ПРИРОДА“

(одобрено для библіотекъ и учебныхъ заведеній)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 12 Р., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 13 Р. 50 К.

(безъ хромолит. и литогр. прилож. 8 р. съ пер. 9 руб.).

Подписчикамъ на 1877 г. выдается «**Популярная физіологія** Д—ра **Лебока**, которая будетъ стоить въ отдѣльной продажѣ **3 руб. 50 коп.**

Выходитъ 4 раза въ годъ, книгами около 27 печ. листовъ, съ **6—8 хромо- и литографіями** и 100—150 рисунками въ каждой книгѣ. Въ Сборникѣ помѣщаются популярныя статьи по Естествознанію, Этнографіи, Путешествія, статьи по Медицинѣ, Гигіенѣ, Технологіи, Сельскому Хозяйству, Охотѣ, Военному и Морскому дѣлу и т. п.

Оставшіеся экземпляры Сборника за 1873 г. (2 кн.), 1874, 1875 и 1876 гг. (14 томовъ со 100 хромолитограф. и литограф. и 1000 рисунковъ въ текстѣ)—стоятъ **безъ** приложеній 23 р. **съ приложеніями** 32 р. съ пересылкою.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 8 Р., СЪ ПЕРЕС. 9 Р.

(На полгода 4 руб. 50 коп., съ пересылкою 5 руб.).

Выходитъ ежемѣсячно съ хромолитографіей или литографіей и многими рисунками въ текстѣ. Въ концѣ года будутъ выданы въ видѣ премій 2 раскраш. рисунка лучшихъ собакъ 3-й очередной выставки. Въ журналѣ помѣщаются охотничьи разсказы и очерки, спеціальныя статьи по ружейной и псовой охотѣ, о породахъ, содержаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ, ружьяхъ, монографіи, охотничьихъ животныхъ, корреспонденціи, мелкія замѣтки, новости охотничьяго дѣла и т. п.

Оставшіеся экземпляры Ж. Охоты за 1874 г. (6 кн.), 75 и 76 гг., а всего 5 томовъ можно выписывать **изъ конторы редакціи** по 3 р. 50 к. а всѣ 5 томовъ, включающіе 30 хромолит. и литографій 5 премій и особыя приложенія 1876 г.; «Записки псового охотника» **П. М. Мачеварианова** (160 стр.) и **Тетеревъ-косачъ** Л. П. Сабанѣева (100 стр.)—за **16** р., съ подписной на 1877 г. за **24** р. съ перес.

Подписка принимается исключительно въ редакціи Сборника «Природа» и Ж. Охоты» (**Москва**, Петровка, д. Самариной). Съ 1 ноября открыта подписка на 1878 г.

Подписавшіеся на оба изданія въ редакціи платятъ 16 р. с. безъ и 20 р. съ приложеніями Сборника

№ 18 4—2 Ред. **Л. И. Сабанѣевъ.**

Удостоенный большой преміи Анатомическій музей

ГАССНЕРА

ВЪ ПАССАЖѢ

открытъ ежедневно отъ 10 ч. утра до 10 ч. вечера По пятницамъ исключительно **для дамъ** а всѣ необходимыя для женщины научныя развлеченія, относительно постепеннаго развитія человѣка, процесса рожденія и болѣзней преподаются дамой.

№ 29 4—2 За входъ **40** к. Каталогъ **15** к.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

№ 20 **Новый романъ Фр. Шпильгагена** 1—1

БУРНЫЙ ПРИЛИВЪ

ЦѢНА 4 Р. 50 К.

Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ

Собралъ и разработалъ для дѣтей В. П. Авенаріусъ, цѣна въ панкѣ 1 р. 25 к. въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Складъ этихъ изданій при типографіи Б. Г. Янпольскаго, Деммдовъ переулокъ д. № 5 С.-Петербургъ. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

МАГАЗИНЪ Е. Г. ДЕЗЛЕРА

ПЕРЕВЕДЕНЪ

на уголъ Гороховой и Мойки, къ Красному мосту, въ новоустр. домъ Корпуса. Писанныя, Олеографич. и друг. картины. Фабрика рамъ и багетъ новѣйш. фасо- 1—1 новъ. Вставленіе въ рамы и реставрація картинъ всякаго рода. № 35

ПАРОВОЙ РУЧНОЙ АППАРАТЪ

Для радикальнаго истребленія **клоповъ** и проч. насѣкомыхъ, лишь **силою пара**. Аппараты дозволены въ продажѣ Г-мъ С.-Петербургскимъ градоначальникомъ. Съ пересылкою **2 руб.** Настоящій **далмацкій порошокъ**, неминуемый противъ всѣхъ насѣкомыхъ и нечистотъ, А. Штейнбергъ, Невскій пр. № 25. Депо косметической лабораторіи. № 31 1 1

ЦВѢТОКЪ

барометръ (въ изящномъ горшкѣ) измѣняющій свой цвѣтъ по погодѣ 2 р.; *огниво* револьверъ 1 р. 50 к.; *цѣпочки* мужскія и дамскія накладного золота и чрезъ огонь золоченныя, отъ 2 до 7 р. 50 к.; *запонки* съ пружинкою отъ 20 к. до 2 р. за пару, подъ бриллiантъ и жемчугъ 1 р. за 3 штуки; *игры*: шахматы отъ 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к., шашки отъ 15 до 50 к., шашечницы 1 р. до 3 р., домино отъ 75 к. до 6 р.; лото отъ 40 к. до 5 р.; домино лото отъ 2 до 4 р.; столовый пронетъ 5 р.; карандашъ для прочной *мѣтки* бѣлья 30 к.; *альбомы* отъ 1 р. 50 к. до 20 р.; щетки, гребни, галстуки и бѣлье изъ бумаги. Всѣ цѣны назначены съ пересылкою. Магазинъ «Городъ Нюрнбергъ» въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, д. Шаховскаго въ Москвѣ (наискось церкви Успенія напротивъ магазина кухонной посуды Гофмарка). № 22 3—2

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ

СОБРАНІЯ

ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Въ 1878 году, какъ и въ предшествовавшіе *двадцать два* года, «Собранія Романовъ» даетъ лучшія сочиненія въ иностранной беллетристикѣ, преимущественно англійской и французской, будетъ выходить всегда въ первыхъ числахъ мѣсяца книжками большого формата и помѣститъ въ годъ отъ *десяти* до *двѣнадцати* большихъ романовъ а множество повѣстей и разсказовъ самаго разнообразнаго содержанія, что составитъ въ концѣ года болѣе *трехсотъ* печатныхъ листовъ или около *пяти тысячъ* страницъ. На 1878 годъ приготовлены слѣдующіе романы, которые впрочемъ могутъ быть замѣнены другими болѣе интересными, если встрѣтятся таковые:

Жемчужина востока, изъ событій въ Константинополѣ, Антонія Жофре,
Преступленіе моего отца, Блекмора.
Мас-Горка, Густава Эмара.
Подставной, Джемса Пейна.
Сигналъ бѣдствія, Майнъ Рида.
Волонтера-мужъ, Флоренціа Марьетъ.

Цѣна на годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ большого формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца— *десять рублей пятьдесятъ коп.*, съ доставкою въ С.-Петербургѣ— *одиннадцать*, для иногородныхъ подписчиковъ— *двѣнадцать рублей*.

Подписка принимается *исключительно* на имя издательницы, Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ д. Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

При редакціи открыта внѣшняя торговля; высылаются всѣ книги, публиковавшіяся въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическія изданія.

№ 33 3—1

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.

Садовое Заведеніе въ Ригѣ,

симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ ДЕРЕВАМЪ, РАСТЕНІЯМЪ и пр. на 1877—1878 Г.

изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.

Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковые, посылаются каталоги также безплатно, смотря по заявленію, на русскомъ языкѣ, или французскомъ и нѣмецкомъ.

№ 22 4—4

Дозволено цензурою. СПБ. 11 Ноября 1877 г.

Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 47 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 21 Ноября 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к

Открыта подписка на „НИВУ" 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ не замедлить, возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23,500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать редакціонные адресы отъ бандеролей, въ которыхъ получается „Нива" въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. „НИВЫ" на 1878 г.

Безъ доставки въ ПБургѣ . 4 р.
Съ доставкою . . . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ . . . 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и друг. города Русской Имперіи . . . . 6 „

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПБУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Стихотвореніе.

Сѣрое небо подернуто тучами,
Съ утра довечера дождь да туманъ,
Тянется по нему темною лентою
Съ сѣвера къ югу гусей караванъ.

* * *

Гдѣ ты веселая пѣснь соловьиная,
Гдѣ ты чудесная зелень полей,
Гдѣ ты небесъ синева необъятая,
Блескъ и сіяніе солнца лучей?

* * *

Все миновало, мелькнувъ лишь мгновеніе,
Птицы замолкли, желтѣютъ поля,
Темными тучами солнце закуталось,
Сыростью, холодомъ дышетъ земля.

ОСЕНЬ.

Оригинальный рисунокъ И. Панова.

Вянутъ цвѣты, темный лѣсъ обнажается...
Жаркое лѣто мелькнуло стрѣлой!
Осень подходитъ сырая, унылая,
Съ вѣтромъ дождемъ, съ безконечной тоской...

* * *

Вѣтеръ и дождь и туманы осенніе,
Неба холодная сѣрая мгла!
Такъ-же минуете вы, невеселые,
Быстро скатившись съ земного чела.

* * *

Смѣнятъ васъ солнца лучи благодатные,
Смолкнутъ и громы на полѣ войны:
Радостно съ славой вернутся на родину
Руси побѣдной родныя сыны.

С.

Библиотека "Руниверс"

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе).

И вотъ зоветъ онъ къ себѣ двухъ гренадеровъ своей гвардіи (у него ужь была и своя гвардія) и спѣшно отдаетъ имъ какія то приказанія. Гренадеры отправляются по направленію проѣхавшаго экипажа графа Вратислава.

Охотники у опушки лѣса вылѣзли изъ экипажа и углубились въ чащу. Вотъ скоро раздался выстрѣлъ, потомъ другой, третій, потомъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ опять выстрѣлъ. Два гренадера Долгорукаго кинулись въ ту же чащу на выстрѣлы. Смотрятъ—предъ ними графъ Вратисливъ.

„Нѣтъ, это не тотъ, шепчетъ одинъ другому, этого оставимъ, пойдемъ въ ту сторону".

И они поспѣшили туда, гдѣ былъ Милезимо. Онъ стоялъ за деревомъ и осторожно прицѣливался въ птицу. Вотъ раздался выстрѣлъ, птица вспорхнула, сдѣлала нѣсколько движеній въ воздухѣ и упала какъ камень въ траву густую. И въ эту же самую минуту четыре крѣпкія руки схватили Милизимо за плечи.

— Что это, что!? изумленно обернулся онъ.

Передъ нимъ два гренадера и крѣпко держатъ они его за руки, и не выпускаютъ.

— Оставьте, что такое? ломанымъ русскимъ языкомъ спросилъ онъ ихъ.

— А то, что отъ Его Императорскаго Величества не приказано здѣсь охотиться, а приказано всѣхъ, кто стрѣляетъ, схватывать и вести къ Его Величеству.

— Можетъ это и такъ, отвѣчалъ Милезимо, соображая что вышло только недоразумѣнье,—но все же меня вы не смѣете трогать, я кавалеръ Императорскаго министра. Къ тому же эта лѣсная дача нанята моимъ шуриномъ и я имѣю всякое право здѣсь охотиться. Оставьте же меня въ покоѣ, идите своей дорогой.

Но гренадеры не слушались. Самымъ безцеремоннымъ образомъ скрутили они назадъ ему руки и потащили за собой.

— Да постойте, куда вы наконецъ! взбѣшенный кричалъ онъ.—Если вы мнѣ не вѣрите, если вы меня не знаете такъ отведите сначала къ другому охотнику,—вонъ тотъ тоже охотится, слышите выстрѣлы—тогда поймете въ чемъ дѣло.

Но они его не слушали и тащили изъ лѣсу. Вотъ его экипажъ; онъ говоритъ, что пускай хоть отпустятъ его, онъ поѣдетъ въ каретѣ, Они и этого слушать нехотятъ: тащатъ его пѣшкомъ. Вотъ они ужь въ городѣ. Графъ Милезимо, съ крѣпко связанными назадъ руками, долженъ идти между двумя гренадерами, утопая въ грязи, долженъ идти мимо гауптвахты дворца, откуда на него смотрятъ офицеры и гвардія, идти до самаго дома князя Долгорукаго—всего пути около трехъ верстъ было. Гренадеры не отпускали его ни на шагъ отъ себя и громко ругались. Графъ понималъ русскій языкъ, понималъ, что это такія ругательства, хуже которыхъ и выдумать невозможно. Сначала взбѣшенный и оскорбленный, теперь онъ рѣшился молчать и терпѣливо выносить все это: „Конечно сейчасъ все разъяснится, глупые гренадеры будутъ наказаны за ихъ поступокъ".

Вотъ подошли къ дому Долгорукихъ, вотъ хорошо знакомый ему садъ, вотъ та ограда, черезъ которую перелѣзалъ онъ на свиданья съ княжной. Алексѣй Долгорукій вышелъ на крыльцо и увидѣвъ Милезимо нисколько не смутился, не поспѣшилъ отдать гренадерамъ приказаніе развязать ему руки, даже не поклонился молодому графу, не впустилъ его къ себѣ въ домъ, а только сказалъ ему изъ дверей:

— Жалѣю что вы попались въ такую исторію.

— Да помилуйте, князь, отчаянно кричалъ Милезимо, что жь это наконецъ такое? Прикажите немедленно отпустить меня,

— Васъ взяли по приказанію царя.

— Прекрасно, но вѣдь вы же должны понять, что тутъ недоразумѣнье, меня никто оскорблять не смѣетъ. Я требую чтобы вы немедленно распорядились наказать этихъ грубыхъ солдатъ, которые не только связали меня, но даже всю дорогу оскорбляли и ругались.

— Нѣтъ, я ихъ не накажу, сухо отвѣчалъ Долгорукій,—они исполнили свою обязанность. И мнѣ некогда говорить съ вами, графъ, идите своей дорогой.

И князь Алексѣй Григорьевичъ повернулся къ нему спиною, вошелъ въ домъ и заперъ за собою дверь. Солдаты развязали наконецъ Милезимо руки и скрылись. Онъ остался одинъ передъ запертой дверью. Въ первую минуту ему хотѣлось вломиться въ домъ и проучить хорошенько зазнавшагося вельможу, но дверь была заперта на ключъ и онъ тщетно въ нее стучался.

Конечно въ тотъ же день поднялась исторія, Милезимо разсказалъ обо всемъ графу Вратиславу. Тотъ пришелъ въ бѣшенство и такъ разстроился, что даже почувствовалъ себя дурно. Онъ послалъ секретаря посольства къ герцогу де-Лиріа сообщить ему о случившемся и просить его принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

Герцогъ де-Лиріа въ свою очередь немедленно отправился къ Остерману. Онъ толковалъ ему о важности оскорбленія, нанесеннаго въ лицѣ Милезимо цесарскому посольству, о необходимости дать графу Вратиславу надлежащее удовлетвореніе и окончить это дѣло тихо во избѣжаніе публичности. Если Вратиславъ не будетъ удовлетворенъ—онъ пойдетъ дальше, навѣрное, а принимая во вниманіе близкое родство Государя съ Цесаремъ можно ожидать весьма непріятныхъ послѣдствій. Остерманъ согласился съ герцогомъ, хорошо понялъ что нужно всячески удовлетворить графа Вратислава и Милезимо, даже прежде чѣмъ они этого будутъ требовать.

Отъ Остермана герцогъ де-Лиріа поѣхалъ къ Ивану Долгорукому. Тотъ тоже немедленно обѣщалъ все устроить и послалъ своего секретаря въ австрійское посольство выразить графу Вратиславу сожалѣніе о происшедшемъ и увѣреніе въ томъ, что гренадеры будутъ строго наказаны.

Алексѣй Григорьевичъ глупо задумалъ это дѣло и оно конечно ничѣмъ не кончилось. Видя, что ничего не возьметъ, онъ старался повернуть все такъ, что Милезимо будто бы на заявленія гренадеровъ о царскомъ указѣ не охотиться на разстояніи 30 верстъ отъ Москвы, сдѣлалъ выстрѣлъ надъ ихъ головами, не попалъ и опять началъ въ нихъ прицѣливаться и обнажилъ на нихъ шпагу. Это объясненіе почему то вдругъ сталъ поддерживать и Остерманъ. Черезъ день герцогъ де-Лиріа уже считалъ и себя оскорбленнымъ: всѣ чуть не перессорились. Глупая исторія положительно начинала грозить перейти въ политическое событіе. Наконецъ кое какъ все уладили. Князь Алексѣй Долгорукій извинился передъ графомъ Вратиславомъ. Онъ прислалъ въ цесарское посольство отъ своего имени бригадира, который объявилъ что князь безконечно сожалѣетъ о случившемся съ графомъ Милезимо, что гренадеры за то, что не отнеслись къ нему, вопреки даннымъ имъ приказаніямъ, съ должнымъ почтеніемъ наказаны какъ того заслужили и что ихъ накажутъ еще сильнѣе если будетъ угодно графу Милезимо и если онъ сочтетъ недостаточнымъ уже данное наказаніе. Графъ Вратиславъ

Библиотека "Руниверс"

и Мелизимо махнули на все рукой, и покончили дѣло. Слѣдствіемъ его было только то, что Катюша Долгорукая ужь не могла расчитывать встрѣтить у себя въ домѣ своего возлюбленнаго: конечно ему теперь не представлялось никакой возможности появляться къ Долгорукимъ. Онъ успѣлъ обо всемъ написать ей и она стала еще раздражительнѣе и съ нескрываемымъ уже негодованьемъ глядѣла на отца своего. Только о томъ и думала она теперь, чтобъ какъ нибудь убѣжать изъ дому. Еслибъ другой былъ характеръ у молодого Милезимо—это бы и случилось непремѣнно, но онъ не умѣлъ ничего устроить, а можетъ быть и трусилъ.

III.

Прошло лѣто 1729 года. Наступила осень, ненастная, холодная. Императоръ едва показывался въ городѣ на день, другой и снова уѣзжалъ съ Долгорукими. Теперь онъ поѣхалъ на Сѣтунь, верстъ за 20 отъ Москвы. Поѣхалъ съ одними Долгорукими и не возвращается. Мѣсяцъ прошелъ и другой начался, а его все нѣтъ.

Министры и прочіе сановники безъ Государя тоже уходятъ отъ дѣлъ, живутъ на дачахъ, отдыхаютъ. Въ Верховномъ Совѣтѣ дѣла запущены страшно, жалобъ не оберешься. Многимъ не выдаютъ жалованья; невѣдомо куда изъ казны пропадаютъ деньги.

Но вотъ осень. Непогода всѣхъ вернула въ городъ, а Государя все нѣтъ; многіе даже навѣрное не знаютъ гдѣ онъ. Авось хотя ко дню рожденія своего вернется. Къ этому дню дѣлаются большія приготовленія: заготовленъ фейерверкъ, обѣдъ роскошный во дворцѣ. Но Императоръ не вернулся—такъ безъ него и отпраздновали. По всему городу была зажжена иллюминація.

На обѣдѣ во дворцѣ находились всѣ сановники и иностранные министры. Роль хозяина разыгрывалъ Остерманъ, а императорское мѣсто было пусто. Только приготовленный фейерверкъ не сожгли въ этотъ день, а оставили для другого случая.

Страшный ропотъ поднялся по Москвѣ. Всѣмъ наконецъ ясно стало, что все это значитъ, отчего не возвращается Императоръ. Конечно князь Алексѣй Григорьевичъ тому единственной причиной; онъ ревнуетъ Государя ко всѣмъ, боится потерять его расположеніе, боится, что кто нибудь наговоритъ на него. Онъ навѣрное теперь женитъ Императора на своей дочери; она съ ними на Сѣтуни и никого кромѣ Долгорукихъ тамъ нѣтъ. Вѣрные люди говорятъ, что уже бракъ этотъ дѣло рѣшеное; навѣрное Императоръ вернется въ Москву уже женатымъ: ихъ обвѣнчаетъ Ростовскій Архіепископъ.

Все убѣждаетъ въ томъ, что затѣянное Долгорукими дѣло не сегодня-завтра совершится. Очевидно, что во дворцѣ приготовляются къ чему то необыкновенному. Со всѣхъ сторонъ сгоняютъ портныхъ и задаютъ имъ спѣшную работу. Никакого торжества явнаго не приготовляется, слѣдовательно навѣрное быть свадьбѣ.

Ропотъ сановниковъ и придворныхъ возрастаетъ. Всѣ теперь ненавидятъ Долгорукихъ; ни одного друга нѣтъ у нихъ и пуще всѣхъ ненавидитъ ихъ Остерманъ.

Не смотря на всю свою хитрость и умѣнье ладить со всѣми, на высокое мнѣніе о немъ Алексѣя Григорьевича онъ теперь видитъ, что Долгорукіе обошли его, что онъ окончательно потерялъ все свое вліяніе на Императора и если еще не спихнули его съ мѣста, то только потому, что нуженъ работникъ. Дѣлать нечего—работаетъ Андрей Ивановичъ, ни во что старается не мѣшаться, отъ всѣхъ скрытничаетъ.

Часто къ нему заѣзжаетъ герцогъ де-Лиріа, передаетъ то тотъ, то другой слухъ и смущается видимымъ равнодушіемъ Остермана.

— Да вѣдь понимаете, баронъ, горячится де-Лиріа, вѣдь теперь ничѣмъ не предотвратишь этого ненавистнаго брака, а съ этимъ бракомъ конецъ всему; въ Петербургъ уже не вернуться.....

— Да что же теперь дѣлать?! пожимаетъ плечами Остерманъ. Къ тому же нѣтъ ничего вѣрнаго.

— Помилуйте, какъ не вѣрно; вѣдь говорятъ вотъ то-то и то-то. Къ тому же я знаю, это у Долгорукихъ въ домѣ тоже въ каждой комнатѣ по нѣскольку швей сидитъ; запасаются множествомъ нарядовъ. Вотъ вы же говорите, что Кремлевскій дворецъ отдѣлывается съ величайшимъ великолѣпіемъ. Такъ какъ же нѣтъ ничего вѣрнаго?!

— Я не про то, медленно отвѣчаетъ Остерманъ. Приготовленія дѣлаются очень большія и тайно и явно, да вѣдь и у князя Меншикова все было готово и уже и въ календарѣ заказалъ онъ написать имена и дни рожденія всѣхъ персонъ своего дома, а еще не вышелъ этотъ календарь изъ печатни какъ тотъ же князь Меншиковъ и всѣ персоны его дома были по дорогѣ въ Березовъ.

— Ну да, конечно я не сомнѣваюсь, что Долгорукіе кончатъ такъ же.

И герцогъ де-Лиріа спѣшитъ къ себѣ подробно описать обо всемъ своему правительству

А за 20 верстъ отъ Москвы, въ живописной мѣстности, на берегу рѣки Сѣтуни, возвышаются новыя, необычайно быстро возникшія постройки. Государь пируетъ тамъ съ Долгорукими и не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить какъ дико, невозможно жизнь идетъ у нихъ. Да и дѣйствительно трудно понять, что тамъ такое творится. Князь Иванъ на себя не похожъ сдѣлался, мраченъ, другой разъ по цѣлымъ днямъ запирается въ своей комнатѣ, молится. Еслибы захотѣлъ, онъ могъ бы однимъ словомъ, можетъ быть, спасти Императора отъ угрожающей ему гибели, но онъ не говоритъ этого слова. Хватило у него силы, хватило характера побѣдить свои страсти, свои желанія, а не хватаетъ силы, не хватаетъ характера возстать противъ отца, противъ родни. Иной день по нѣскольку разъ просится онъ, чтобы отпустилъ его въ Москву Императоръ, да тотъ не пускаетъ.

Княжну Катерину не поймешь никакъ: то сидитъ она и по цѣлымъ часамъ не говоритъ ни съ кѣмъ ни слова, то вдругъ вспыхнетъ вся, глаза загорятся, она оживится и смѣется, и шутитъ и забавляетъ Императора, поетъ ему, играетъ съ нимъ въ карты. Передъ отъѣздомъ на эту послѣднюю охоту написала она письмо Милезимо, письмо, облитое слезами. Писала ему, что если теперь не спасетъ онъ ее, она вѣрно погибнетъ, что онъ долженъ, не мѣшкая, явиться и увезти ее изъ дому. Прошелъ день, другой—отвѣта никакого небыло отъ Милезимо и вотъ увезли ее на Сѣтунь. Оставаясь одна въ тишинѣ своей спальни, часто плачетъ она и ломаетъ руки.

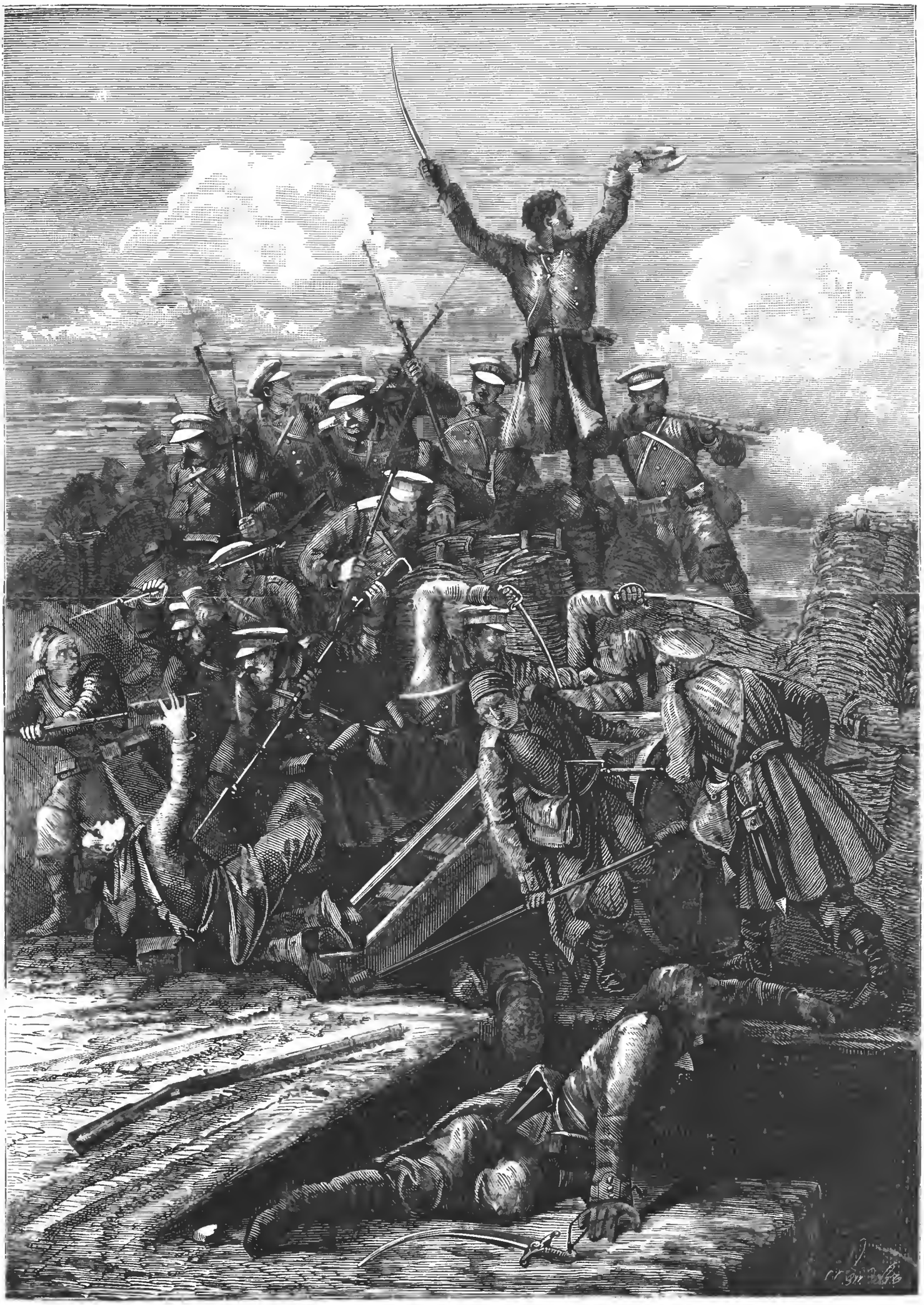
„Нѣтъ, видно не любитъ онъ меня, не съумѣлъ спасти во время. И что это за человѣкъ, Боже мой! что за человѣкъ: это тряпка какая то! Не любить, а презирать мнѣ его надо. Да, и разлюблю, и возненавижу его и на зло ему сдѣлаю все!“

Но вотъ вспоминаетъ она молодого графа, вспоминаетъ каждое его слово, каждый взглядъ его. Какъ на яву повторяются передъ нею дѣтски-невинные и безконечно-милые часы тихаго съ нимъ свиданія и чувствуетъ княжна, что не можетъ презирать его, не можетъ ненавидѣть. Любитъ его ея сердце. И опять она плачетъ и все ждетъ не будетъ ли ей какъ нибудь сюда вѣсточки отъ милаго друга. Нарочно часто выходитъ она на дорогу; думаетъ вотъ явится, вотъ увезетъ ее и спрячетъ такъ, что никто никогда ихъ не сыщетъ. Но никто ее не увозитъ. Ее зовутъ къ Императору, а тотъ проситъ поиграть съ нимъ въ карты и она садится и со злобы на своего милаго начинаетъ кокетничать съ Петромъ, нѣжно на него глядѣть, сладко ему

Библиотека "Руниверс"

Геройская смерть маіора Горталова въ аттакѣ на турецкій редутъ при Плевнѣ По наброску П. М., рис. Медвѣдевъ грав, Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Взятіе турецкаго редута при Горномъ Дубнякѣ. По наброску А. С. рис. Медвѣдевъ, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

улыбаться. Въ иныя минуты приходитъ ей и такая мысль: „а что же въ самомъ дѣлѣ, развѣ дурно быть царицей? Вотъ тогда то будетъ своя воля; вотъ тогда то никто и пикнуть передо мною не смѣетъ; надо всѣми я буду властвовать. Отецъ сердитый да грозный руки у меня цѣловать будетъ!“

А тѣмъ временемъ Алексѣй Григорьевичъ додѣлываетъ свое дѣло; всѣ средства, даже самые непозволительныя, употребляетъ онъ, чтобы заставить рѣшиться Императора сдѣлать предложеніе Катюшѣ: нескромныя рѣчи съ нимъ о ней заводитъ, восхваляетъ красату ея, всѣ ея прелести. Императоръ уже давно пересталъ быть ребенкомъ, онъ уже давно привыкъ цѣнить красоту женскую и нуждаться въ ея близости, а тутъ никого нѣтъ, кромѣ княжны Катюши и чуть не каждую минуту ему говорятъ о ней... И совсѣмъ безсознательно начинаетъ въ нее вглядываться Императоръ. Ему еще и въ голову не приходитъ мыслъ о важности своего брака съ нею, но онъ уже видитъ въ ней хорошенькую дѣвушку и начинаетъ понимать и чувствовать, что стоитъ ему только протянуть руки къ ней чтобы взять ее. Его уже пріучили не церемониться: за обѣдами и ужинами Алексѣй Григорьевичъ собственноручно подливаетъ ему вина крѣпкаго и мутится голова у бѣднаго юноши. Совсѣмъ пришла ему погибель, никто не сжалится надъ нимъ, ни одной родной души вокругъ нѣтъ.

Вотъ задался день такой ненастный, вѣтренный, дождливый, что никакъ нельзя поохотиться. Съ утра всѣ сидятъ запершись. Только что пообѣдали. Обѣдъ былъ обильный, вина много выпили. Въ длинномъ креслѣ протянулся Императоръ; возлѣ него на такомъ же креслѣ, въ граціозной позѣ княжна Катюша; тутъ же и Алексѣй Григорьевичъ и Прасковья Юрьевна.

Одного князя Ивана нѣтъ.

Не то дремлется, не то грезится что то, не то неможется Петру Алексѣевичу. Глаза сами собою смыкаются. Но вотъ онъ открываетъ ихъ и видитъ передъ собою все ту же Катюшу. Тихо въ комнатѣ, только дождь стучится въ окна да далеко на дворѣ лаютъ охотничьи собаки.

Катюша откинула голову на спинку кресла, мелькомъ взглянула въ глаза Петру и опустила длинныя рѣсницы. На щекахъ ея то вспыхнетъ, то пропадетъ румянецъ. Вотъ подняла она свою руку. Широкій рукавъ атласный отворотился; рука нѣжная, бѣлая и сверкаютъ на ней дорогіе каменья.

— Какія у тебя руки красивыя, Катюша! въ полудремотѣ говоритъ Петръ и опять закрываетъ глаза и опять ихъ открываетъ и снова смотритъ на Катюшины руки

Тихо, незамѣтно уходитъ Алексѣй Григорьевичъ съ женою, никого нѣтъ въ комнатѣ.

— Что же это всѣ ушли? замѣчаетъ юноша. Скучно что то, Катюша, разскажи мнѣ что нибудь.

— Да вѣдь и мнѣ тоже скучно, и я бы рада чтобы мнѣ веселое разсказали.

— Погоди, вдругъ оживляется Императоръ, я сейчасъ разскажу тебѣ веселое.

Онъ встаетъ, подвигаетъ свое кресло къ дѣвушкѣ и садится рядомъ съ нею. Онъ взялъ ее за руку, разсматриваетъ ея дорогія кольца, разсматриваетъ ея тонкіе, нѣжные пальцы. Вотъ поднесъ эту руку къ губамъ, вотъ цѣлуетъ каждый пальчикъ.

— Что же обѣщалъ веселое разсказать, а не расказываешь, Государь, тихо проговорила княжна, не отнимая руки. Это совсѣмъ не весело, что пальцы мнѣ цѣлуешь.

— Ну постой, погоди. Что же разсказать тебѣ? прямо въ глаза взглянулъ ей Петръ. Ну вотъ что: какая ты хорошенькая, какіе глаза славные, большіе, черные, рѣсницы длинныя, щечки нѣжныя, зубки бѣлые. Ну что, весело это?

— Охъ, какъ скучно! Все это знаю давно я сама, все старое.

Самъ не понимаетъ Императоръ что съ нимъ такое. Вдругъ ужасно понравилась ему Катюша, никогда еще такъ не нравилась, какъ будто въ первый разъ онъ ее видитъ. Вдругъ ему ужасно хочется поцѣловать ее.

— Катюша, поцѣлуй меня, говоритъ онъ еще ближе подвигаясь къ ней.

— Съ чего это? не свѣтлый праздникъ, съ чего будемъ мы съ тобою христосоваться.

— Да ну же, поцѣлуй пожалуйста разочекъ, пристаетъ Петръ.

— Ни за что!

— А, такъ ты вотъ какъ, ты забыла, что я твой Императоръ, что я могу приказывать тебѣ, а ты должна слушаться.

— А я могу не послушаться, капризно сказала княжна, я приказаній никогда не слушаюсь. Вотъ если бы хорошенько попросили меня, Ваше Величество, ну тогда бы еще можетъ быть послушалась.

— Такъ я прошу тебя, Катюша.

— Мало, не такъ.

— Какъ же мнѣ просить я и не знаю. Что же мнѣ стать на колѣни передъ тобою, что ли! Хочешь я встану?

— Зачѣмъ это. Сейчасъ говорили, что приказать мнѣ можете, а теперь на колѣни...

И все больше и больше нравится Петру Катюша. Еще ближе онъ къ ней придвигается; вотъ взялъ уже обѣ ея руки; вотъ всталъ передъ нею на колѣни и обнялъ ее за шею, притянулъ ее къ себѣ, цѣлуетъ. Она отворачивается, а онъ цѣлуетъ еще крѣпче. Вдругъ его самаго кто то обнимаетъ, кто то и его цѣлуетъ. Онъ обернулся, всталъ съ колѣнъ и видитъ—князь Алексѣй Григорьевичъ весь въ слезахъ, а самъ улыбается; за нимъ Прасковья Юрьевна тоже спѣшитъ обнять Императора. Князь Алексѣй Григорьевичъ схватилъ руку Петра, крѣпко поцѣловалъ ее.

Такъ, что же это? думается Петру. Я думалъ они бранить будутъ меня за мою вольность съ Катюшей, а они точно благодарить собираются, рады.

— Ахъ, Государь мой милостивый, ваше Императорское величество! состроивъ радостную и въ тоже время разстроганную мину и выжимая изъ глазъ слезы начинаетъ Алексѣй Григорьевичъ.—Какъ уже и радоваться не знаю. Счастіе такое великое привалило, Бога благодарить не умѣю за такую милость. Одно только могу сказать тебѣ, Государь мой,—будетъ она тебѣ доброй женой. Уже такъ она тебя любитъ, что и сказать не возможно. Давно мы съ княгиней Прасковьей про это знаемъ, да молчали, сокрушались только на нее бѣдную глядя. Ну вотъ и дождались радости.

И князь Алексѣй, снова кинулся обнимать Императора, быстро схватилъ его руку, но на этотъ разъ не поцѣловалъ а вложилъ въ руку княжны Катюши и держалъ ихъ крѣпко, другой рукой крестя Петра.

— Благословляю тебя, Государь великій, дорогой сынъ мой. Самъ знаешь всю любовь мою къ тебѣ, а теперь кажется еще больше любить буду. Всю душу свою за тебя положу. Благослови и ты ихъ, княгиня.

И княгиня Прасковья Юрьевна тоже подходитъ, тоже обнимаетъ императора и дочь, и креститъ ихъ и что то шепчетъ.

Ни слова не выговорилъ Петръ, ни слова не вымолвила и Катюша. Она была блѣдна какъ смерть и вдругъ зарыдала и выбѣжала изъ комнаты. Вмѣсто нея явились остальные Долгорукіе и князь Иванъ тоже.

— Сынъ, поздравь Государя, онъ женихъ нашей Катюши.

Иванъ оглядѣлъ всѣхъ безумными глазами.

— Такъ ли это, правда-ли это? обратился онъ къ Императору.

Тотъ мрачно опустился въ кресло и не могъ ничего

Библиотека "Руниверс"

отвѣтить. Голова его кружилась, самъ онъ не помнилъ потомъ какъ въ рукѣ его очутилась золотая стопка и какъ онъ выпилъ ее до дна, а затѣмъ выпилъ еще и еще.

— Правда ли, правда ли? спрашивалъ князь Иванъ, крѣпко стискивая своими холодными, дрожащими руками руку Императора.

— Видишь, что правда, слабо отвѣтилъ ему Петръ.

Больше онъ ничего ужь не помнитъ. У него закружилась голова не то отъ вина, не то отъ волненія. Его бережно снесли въ спальню, раздѣли и уложили.

IV.

Проснувшись на другое утро Императоръ долго соображалъ, что съ нимъ было наканунѣ. Было что то, очевидно было. Онъ чувствуетъ тяжесть какую то, какъ то не ловко, у него на душѣ непремѣнно было что то важное и не хорошее. И вотъ онъ все припомнилъ, сердце его болѣзненно сжалось, ему стало вдругъ невыносимо тяжело и Богъ знаетъ что бы далъ онъ лишь-бы не было этого несчастнаго вчерашняго дня.

— Да неужели нельзя все это передѣлать! Тутъ ошибка, ужасная ошибка. Онъ вовсе не хочетъ жениться, онъ вовсе не любитъ княжны Долгорукой. Да и что же, развѣ сказалъ онъ ей что нибудь такое? развѣ просилъ ее выйти за него замужъ? Ничего такого не говорилъ онъ. Что же такое все это значитъ, отчего такъ съ разу всѣ накинулись поздравлять его? Но вѣдь онъ стоялъ на колѣняхъ передъ княжной, обнималъ ее, покрывалъ поцѣлуями ея щеки. Отецъ и мать вошли, увидѣли и подумали, что онъ навѣрное сдѣлалъ ей предложеніе—иначе не стоялъ бы на колѣняхъ, не цѣловалъ бы.

Да какъ же смѣли они это подумать! вырвалось у Императора. Развѣ я не могу такъ поцѣловать ее?

И вдругъ стало ему за себя совѣстно.

Конечно не могу, подумалъ онъ. Мы жили вѣдь вмѣстѣ, были близки другъ къ другу, но вѣдь все же Катюша не какая нибудь другая дѣвушка, все же она княжна, благородная и къ тому же я ничего дурнаго не замѣчалъ за нею. Не въ первый разъ хотѣлъ я поцѣловать ее, но она всегда отвертывалась, а то такъ и убѣгала совсѣмъ. Я не имѣлъ права насильно цѣловать ее, а если цѣловалъ то значитъ не съ тѣмъ, чтобы оскорбить, значитъ Алексѣй Григорьевичъ имѣлъ право подумать, что я сдѣлалъ ей предложеніе!

Дѣйствительно Алексѣй Григорьевичъ расчитывалъ вѣрно; онъ понималъ Императора, понималъ, что не смотря на всѣ ужасные, отвратительные уроки, какіе онъ же давалъ ему постоянно, еще не развратился онъ, его сердце осталось по прежнему чисто и благородно и на эту чистоту и на это благородство онъ и расчитывалъ, онъ и надѣялся.

— Ахъ, какъ теперь быть, что мнѣ теперь дѣлать, отчаянно думалъ Петръ, какъ на глаза имъ теперь показаться. Вѣдь не могу же я, вѣдь не могу же въ-самомъ дѣлѣ жениться на Катюшѣ! Что же это будетъ?! Вѣдь опять тѣ же Меншиковы. Былъ я малъ тогда, глупъ былъ, а все же съумѣлъ вырваться, а вотъ теперь и старше сдѣлался, а попался и самъ знаю, самъ понимаю, что виноватъ и некого винить мнѣ. Но вѣдь какая же она мнѣ невѣста и почему это вчера такъ она мнѣ мила показалась, почему это я такъ хотѣлъ цѣловать ее? Она точно красива, очень красива, но не люблю я ее, не могу подумать, что будетъ она моею женою. Вотъ сегодня она мнѣ и не нравится. Что же это такое?

А въ спальню уже входилъ Алексѣй Григорьевичъ съ тою же радостною миною, съ тою же фамильярною почтительностью.

— Заспаться изволилъ, Государь, а невѣста давно встала, тебя дожидается.

Петръ опустилъ глаза. Ему захотѣлось вдругъ, прямо все высказать Долгорукому, объяснить, что это была ошибка, что онъ самъ не знаетъ какъ все случилось, что онъ вѣрно много выпилъ за обѣдомъ.

— Алексѣй Григорьевичъ, началъ онъ смущеннымъ голосомъ, послушай, я долженъ сказать тебѣ, что Катерина Алексѣевна...

— Ну вотъ, ну такъ! быстро перебилъ его Долгорукій, первое слово о невѣстѣ. Эхъ, и я самъ былъ молодъ, Ваше Величество, тоже прошелъ черезъ все это, знаю, все понимаю. Чай, ноченьку цѣлую о невѣстѣ все думалъ, Государь? Ну, что же—дѣло хорошее, дѣло законное.

„Дѣло законное! невольно повторилъ про себя Петръ. Ахъ какъ мнѣ быть! Вотъ онъ ничего не понимаетъ, слова сказать не даетъ мнѣ, да и что скажу я ему.?!...“

Алексѣй Григорьевичъ заговорилъ снова.

— Вотъ теперь все могу доложить, Государь. Вѣдаешь ли—ужъ такъ насъ вчера съ женою осчастливилъ. Вѣдь послѣднее время просто не знали мы какъ и быть намъ, слезами плакали. Замѣтилъ я, что твое Величество давно ужь нѣжно поглядываешь на мою дочку Катюшу, одинъ разъ мнѣ показалось что ты поцѣловалъ ее, спросить ее не рѣшился и такъ мнѣ горько сдѣлалось—неужто, думаю, Государь шутки не хорошія затѣваетъ съ Катюшей, неужто хочетъ онъ посрамить честный родъ Долгорукихъ. Княгиня моя о томъ же думаетъ, плачетъ, со мною совѣтуется. Нѣтъ, говорю, не можетъ этого быть!—знаю я Государя: сердце у него великое, благородное, не пойдетъ онъ на такое дѣло. А если нравится Катюша ему такъ не затѣмъ чтобъ погубить ее, а чтобъ осчастливить. И не ошиблось мое сердце, знаю я моего Государя—да спасетъ тебя Богъ, да продлитъ онъ жизнь твою на долгія, долгія лѣта, ради счастія земли русской и нашего счастія.

И князь Алексѣй Григорьевичъ, по старинному, земно поклонился молодому Государю. У того совсѣмъ опустились руки, онъ сидѣлъ на постели и безнадежно глядѣлъ передъ собою. Что ему теперь отвѣчать? какъ сказать этому человѣку, что онъ въ немъ ошибся, что заглядываясь на Катюшу и обнимая ее не о бракѣ думалъ Государь—стыдно вѣдь въ этомъ признаться, стыдно показать себя въ такомъ видѣ. За что такое страшное оскорбленіе нанести Долгорукимъ, ужь не за то ли что они все для него дѣлаютъ, объ одномъ только томъ и стараются какъ бы угодить ему—нѣтъ нельзя этого! Охъ какъ страшно, какъ тяжко! И никто не поможетъ теперь, никого нѣтъ.“

Не удержался Императоръ и заплакалъ горькими, дѣтскими слезами.

Алексѣй Григорьевичъ не обратилъ вниманія на эти слезы, будто и не видѣлъ ихъ, только спѣшно вышелъ изъ спальни, сказавъ что позоветъ камердинера и повторивъ опять, что Государя ждетъ его невѣста.

Но чтожь во всю эту ночь и во все это утро, пока тяжелымъ сномъ спалъ Императоръ, чтожь дѣлала, о чемъ думала Катюша? Когда Петра унесли въ спальню и убѣдились что онъ спитъ крѣпко, всѣ кинулись къ ней. Она лежала у себя на постели зарывшись съ головой въ подушки и тихо рыдала. Услышавъ, что вошли въ ея комнату она быстро отерла слезы выступила впередъ нѣсколько шаговъ и остановилась въ такой величественной, гордой позѣ, что всѣ невольно изумились.

— Ну чтожь, ну чтожь, государь батюшка, государыня матушка, государи братцы, чтожь — поздравляйте царицу, цѣлуйте у меня руку!

И она точно протянула имъ свою руку. Тонкія ея ноздри нервно вздрагивали, на губахъ была странная улыбка. Она чудно хороша была въ эту минуту, но что-то страшное, что-то такое отчего опустились глаза Алексѣя Григорьевича, мелькало въ ея взглядѣ. Мать кинулась было къ Катюшѣ чтобъ обнять ее, но та ее отъ себя отстранила.

— Хорошо, ловко вы сдѣлали, снова заговорила она, такъ ловко что до сихъ поръ я даже удивляюсь: ни жениха ни невѣсты не спросились, опомнится не дали.

Библиотека "Руниверс"

Чтожь—радуйтесь теперь, веселитесь, родня Государева!

Алексѣй Григорьевичъ уже успѣлъ опомниться. Онъ боялся совсѣмъ другой сцены, боялся что дочь прямо и на отрѣзъ откажется, но она говоритъ не то.

— Катюша, обратился онъ къ ней, голубушка ты моя, другъ мой сердечный, великое счастіе тебя посѣтило и только безумецъ одинъ можетъ не понять такого счастія. Обдумай все хорошенько — вѣдь царицей земли русской ты будешь, Императрицей. И онъ краснорѣчиво началъ описывать ей все, что ее ожидаетъ. Всю свою хитрость, весь умъ свой,—хоть его и немного у него было—собралъ онъ чтобъ соблазнить дочь своими рѣчами, возбудить въ ней честолюбіе. Дорогое, заповѣдное дѣло для него совершалось теперь, и красно говорилъ онъ.

Катюша молча его слушала, сначала невнимательно, но потомъ она оживилась. глаза ея снова заблистали, ей вспомнился Милезимо. Не умѣлъ ты взять меня, мучительно подумала она, не умѣлъ—а вотъ тутъ съумѣли. И нехотя берутъ, а берутъ все таки.

— Батюшка, обратилась она къ Алексѣю Григорьевичу, что ты мнѣ такъ расписываешь — безъ тебя все знаю. И не бойся ты, я не думаю отказываться. Самъ знаешь—отъ такого счастія не отказываются!.. только смотри въ оба, чтобъ Государь отъ меня не отказался, тогда срамъ и тебѣ и мнѣ будетъ. И тебѣ не прощу этого я срама. Ну вотъ, Иванушка, обратилась она къ Ивану Алексѣевичу,—поздравь же ты меня наконецъ, вѣдь твоихъ рукъ это дѣло, тебѣ первому и поздравлять слѣдуетъ. Поздравь меня да проси хорошенько, чтобъ новая Государыня была къ тебѣ милостива. Очень тебѣ объ этомъ ее просить нужно.

Князь Иванъ взглянулъ на нее равнодушно.

— Ошибаешься, Катерина, не моихъ рукъ это дѣло. И можетъ быть много бы я далъ теперь, чтобы совсѣмъ этого дѣла не было. Знаю я твою ко мнѣ ненависть. Знаю я, что новая Государыня будетъ ко мнѣ не милостива. Ну да Богъ съ тобой—я не стану просить тебя о милости—мнѣ не нужна она. Коли съумѣешь отвратить отъ меня Государя такъ значитъ тому и быть слѣдуетъ. Знай только одно, что бы со мной ни было, какъ бы ты ни терзала меня, какія бы пытки мнѣ не выдумывала, знай никогда я не поклонюсь тебѣ. Мнѣ не нужны ни чьи милости.

— О, какъ ты говоришь теперь, усмѣхнулась княжна Катерина. Такъ вѣдь это только теперь сгоряча. Потомъ не ту запоешь пѣсню. Смотри, вернешься еще, поклонишься.

Но князь Иванъ уже ее не слушалъ. Онъ вышелъ изъ комнаты.

— Безумецъ, какъ есть безумецъ, воскликнулъ Алексѣй Григорьевичъ. Бѣсъ въ него вселился да и только. Слава Богу, что не мѣшаетъ еще намъ.

Странно и тяжело было со стороны глядѣть на жениха и невѣсту, когда онѝ встрѣтились утромъ. Императоръ былъ совсѣмъ блѣденъ. Онъ смущенно подошелъ къ княжнѣ и протянулъ ей руку, не глядя на нее.

— Ну чтожь поцѣлуйтесь, дайте на васъ порадоваться, шепнулъ ему Алексѣй Григорьевичъ.

Петръ съ невольнымъ вздохомъ хотѣлъ было исполнить это требованіе, но княжна отъ него отстранилась.

— Постой, Государь, сказала она.

Родные съ ужасомъ на нее взглянули.

— Постой, я не помню хорошенько что вчера было между нами, я не помню что мнѣ говорилъ ты. Не знаю какъ просилъ меня отдать тебѣ свою руку, не знаю я тоже что сама тебѣ отвѣчала. Можетъ ничего этого и не было, можетъ батюшка съ матушкой ошиблись, не такъ поняли. Можетъ ты вовсе не хочешь, Государь, чтобъ я была твоей женой, такъ скажи!

И она пристально глядѣла на Императора.

Алексѣй Григорьевичъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ. Боже. ну какъ все рушится?! безумная дѣвка!

Княгиня тихонько читала молитву.

Мысль за мыслью вихремъ закружились въ головѣ Императора.

— Вотъ, вотъ минута, вѣдь вотъ она спрашиваетъ. Сейчасъ и отвѣтить, что ничего этого не было, что точно они ошиблись. Вотъ и развязался, спасенъ —но развѣ это возможно? Это значитъ прямо сейчасъ въ глаза нанести ей оскорбленіе и имъ всѣмъ.

Совсѣмъ измученный и обезсиленный стоялъ онъ передъ княжной. Хотѣлъ говорить, да языкъ не слушался. Наконецъ съ видимымъ мученіемъ прошепталъ онъ: — Если ты меня любишь, княжна Катерина, такъ будь моей женой.

„А вдругъ она скажетъ что не любитъ“, боясь надѣяться на такое счастіе подумалъ онъ.

А вдругъ она скажетъ что не любитъ съ ужасомъ подумали Алексѣй Григорьевичъ съ женой.

— Развѣ я могу не любить своего Государя, опуская глаза медленно и спокойно проговорила княжна Катерина. Я благодарю тебя за великую честь и счастіе, которымъ ты почтилъ меня.

Она взяла руку Императора и приложилась къ ней губами.

„Ухъ, спасены!“ разомъ подумали Долгорукіе.

«Погибло, все теперь погибло!“ мелькнуло въ головѣ Императора!

На него страшно было взглянуть въ это время, такъ былъ онъ блѣденъ.

(Продолженіе будетъ).

Генералъ-лейтенантъ Иванъ Дмитріевичъ Оклобжіо.
Съ фотографіи грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Передъ дуэлью. Съ картины профессора В. Якоби. Рис. Кившенко, грав. Крыжановскій.

Библиотека "Руниверс"

Фотографическія карточки изъ альбома гувернантки.

II.

Бабушкинъ милліонъ.

Максимъ Ивановичъ Брагинъ велъ обширную торговлю хлѣбомъ и ворочалъ сотнями тысячъ. Семейство его состояло изъ взрослыхъ сына и дочери, отъ первой жены, и двухъ дѣвочекъ, отъ второй. Эта вторая жена, пышная купчиха лѣтъ 35-ти, побывавъ въ Петербургѣ у дяди, наглядѣвшись какъ тотъ воспитываетъ дѣтей „на новую стать", тоже затѣяла „обучить" своихъ дочекъ музыкѣ и французскому языку. Съ утра до ночи твердила она, что слѣдуетъ взять „мадаму".

— Теперь не то время чтобы дѣтей неучами ростить, урезонивала она колебавшагося мужа. Вонъ Николай-то, словно мужикъ, двухъ словъ сказать порядкомъ не умѣетъ. Богачъ, купеческій сынъ, а только и пригоденъ въ лабазахъ муку ссыпать. Любаша того же сословія: ни стать, ни сѣсть, ни пройти... никакого обращенія не имѣетъ. Добрымъ людямъ-то стыдно показать: ишь, молъ, какую Феклу выростили! Нѣтъ, Максимъ Иванычъ, въ эдакомъ мужичествѣ Лизу съ Феничкой оставить не могу—воля твоя!

— Прасковья Мироновна, другъ ты мой! Я бы не прочь и самъ дѣвченокъ обучить, нужды-нѣтъ, что по нашему, по кладбищенскому, дѣло это больно нескладное... У Полушкина-то зачали сыновья только въ короткихъ сертукахъ ходить, да цигарочки покуривать... помнишь? И то чуть въ бѣду не ввалились... а тутъ ужъ басурманщиной пахнетъ! Посуди, коли, грѣхомъ, узнаетъ твоя родительница, что внучки на раяляхъ играютъ да бармочутъ по-французски, устращалъ ее Максимъ Иванычъ, что тутъ будетъ? Старуха ндравная, бѣдовая: откажетъ свой милліонъ на какое ни-на-есть богоугодное заведеніе—и пиши пропало!

— Маменькѣ вовсе не слѣдъ знать про это, возражала Прасковья Мироновна. Наѣзжаетъ она къ намъ рѣдко, въ парадныя горницы не ходитъ,—значитъ, и раялей не увидитъ.

— А мадама, спроситъ, зачѣмъ?

— Ну... грамотѣ, рукодѣльямъ обучаетъ.

— А изъ постороннихъ кто разскажетъ?

— Какихъ это она постороннихъ видаетъ? Сидмя-сидитъ надъ божественнымъ, да станетъ съ посторонними балы точить... Полно пожалуйста!

Если капля, частымъ паденіемъ, продалбливаетъ камень, то безпрестанныя упрашиванья, умаливанья должны были погнуть не слишкомъ твердую волю Максима Иваныча. А тутъ, какъ нарочно, подвернулась Настина крестная съ Анной Михайловной! Онъ крякнулъ, махнулъ рукой и далъ соизволеніе на ангажементъ „мадамы"!—

На этотъ ангажементъ попала Анна Михайловна Дорогина.

Разобравшись въ уютной комнаткѣ, на антресоляхъ, къ которой, съ одной стороны, прилегала спальня дѣвочекъ, съ другой—комната падчерицы Любаши, Дорогина сошла внизъ. Заслышавъ ея шаги, Любаша заперлась на ключъ; Брагины видимо ежились, разговаривая съ ней, а дѣти спрятались отъ будущей учительницы. Настина крестная, Лукинишна, видя, что „мадамъ" расхаживаетъ одна-одинехонька, принялась угощать ее разными вареньями и соленьями.

— Кушайте, милая сударыня, подчивала она. Вѣдь у насъ не купленное: все это сама варю, солю... до новыхъ запасовъ вдостоль хватаетъ.

— Мастерица! похвалила Дорогина.

— Благодаримъ Бога, дѣло изъ рукъ не вываливается! Передъ хозяевами удариться въ грязь лицомъ не случалось.—Что-же вы, матушка, не кушаете?.. Вишенки-то еще покушайте,—настоящая шпанка... прелести!

— Довольно! Ты меня совсѣмъ закормила.

— Ужь оченно рада, что по вкусу вамъ пришлось. Вишенку-то оставлю: можетъ, покушаете послѣ ужина. Вотъ, Богъ-дастъ, попривыкнете, пообживетесь, продолжала она, убирая со стола, хорошо будетъ. Дѣточки не балованныя, хозяева добрые: лишнимъ словомъ не обидятъ...

— Отчего всѣ меня такъ дичатся? спросила Дорогина.

— Ахъ вы, моя сударыня! Да какъ же не дичиться? Люди они хоша богатые, а вѣдь на счетъ образованія ни зерна не смыслятъ. Ну... и по старой вѣрѣ: у нихъ, я вамъ доложу, строгости такія, что намъ, примѣрно, и не одолѣть. Одни земные поклоны измучаютъ досмерти!—Знамо, дичатся, пояснила Лукинишна, дама вы образованная: скажете, ступите,—все быдто не по ихнему. А имъ и думается: ну, глумиться почнетъ? Ничего, сударыня... погодите маленько,—все обойдется, какъ слѣдуетъ.—Дѣйствительно, въ скоромъ времени, все обошлось. Брагины гораздо смѣлѣе относились къ ней, дѣвочки не прятались, Любаша перестала запираться на ключъ. Встрѣчаясь съ ней, она хотя еще робко потуплялась, однако уже внятно произносила: здравствуйте-съ!—По просьбѣ Брагиныхъ, Анна Михайловна купила рояль, запаслась нотами, книгами для своихъ ученицъ, и, пропѣвъ однажды нѣсколько русскихъ пѣсенъ, расположила весь домъ въ свою пользу. Максимъ Иванычъ былъ внѣ себя отъ восхищенія: дескать „ученая мадама" не только не гнушается народными пѣснями, но еще какъ поетъ-то ихъ мастерски!—Почти незнакомая съ правилами современной педагогики, Анна Михайловна стала учить, къ счастію, понятливыхъ дѣвочекъ, руководясь собственнымъ соображеніемъ, результаты котораго нерѣдко превосходили ея ожиданія. Лиза съ Феничкой полюбили учительницу, слушались ее безпрекословно и щеголяли уже кое-какими фразами, въ родѣ слѣдующихъ: merci, madame. Bonjour, bonsoir, bonne-nuit и проч. Когда же старшая изъ нихъ начала ощупью перебирать клавиш, родительскія сердца преисполнились чувствомъ неописаннаго удовольствія!—Матеріальная жизнь Анны Михайловны устроилась какъ нельзя лучше, зато, по временамъ, охватывала ее скука неисходная: все окружающее такъ отдалялось отъ сферы ея понятій, ея взглядовъ... Не съ кѣмъ было подѣлиться мыслями, не съ кѣмъ было „побесѣдовать"! Въ длинные осенніе вечера, любило семейство Брагиныхъ слушать ея разсказы о путешествіяхъ, о морской качкѣ, о житьѣ-бытьѣ за границей и т. п.

Переставъ дичиться, Любаша искала общества Дорогиной: то заходила къ ней, то уводила ее къ себѣ. Низенькая, угреватая, подслѣповатая, она, не смотря на свою положительную неразвитость, была дѣвушка не совсѣмъ глупая, только ужь черезъ-чуръ смиренна. Почти безвыходно сидѣла она въ своей комнатѣ, за пяльцами, потому что мачиха держала падчерицу „въ черномъ тѣлѣ", надменно обходилась съ ней и не любила ея присутствія внизу.

— Какъ это вамъ не надоѣстъ вышивать! замѣтила однажды Анна Михайловна, садясь подлѣ нея.

— Что же мнѣ больше дѣлать? Удивилась Любаша.

— Ну... почитали бы хоть немножко. Развѣ не любите?

— Право, не знаю...

— Какъ не знаете?

— Да такъ-съ: я никогда не читала.

— И не умѣете?

— Нѣтъ-съ, умѣю... по печатному.

Библиотека "Руниверс"

— А по писанному?

— Очень плохо.

— Э, какой стыдъ! ласково проговорила Дорогина, обнявъ сконфуженную дѣвушку. Надо выучиться и по писанному, не то сестры будутъ смѣяться.

— Сестрамъ-то хорошо, ихъ вонъ всему обучаютъ, вздохнула Любаша. А вотъ покойница-маменька убила-бы, кажись, до смерти, ежели бы увидала меня за книжкой.

— Давно умерла ваша маменька?

— Годовъ съ двѣнадцать. Тятенька вдовѣлъ не долго: мѣсяца черезъ три сосватался на Прасковьѣ Мироновнѣ.

— Ласкова она была съ вами?

— Кто-съ?

— Прасковья Мироновна.

— Ничего... не била.

— А такъ-же держала на антресоляхъ, какъ и теперь?

— Да куда же меня дѣвать!

— И вы не скучали? При этомъ вопросѣ дѣвушка слегка покраснѣла.

— Нѣтъ-съ, маленечко... скучала, заминалась она. Ину-пору и побѣгать, и поиграть хотѣлось, а маменька не позволяли: ишь не пристало купеческой дочери болтаться по двору. Такъ и уйдешь, бывало, опять на тресоли. Теперь вотъ обсидѣлась... никуда и не манитъ, кротко усмѣхнулась она.—Дорогиной стало тяжело смотрѣть на эту безотвѣтную, даже не сознававшую забитость своего существованія, личность.

— Надо вамъ читать...

— Я бы съ радостью, да боюсь, не пойму.

— Будемъ читать вмѣстѣ; чего не поймете—растолкую.

— Ахъ, эдакъ-то бы хорошо! воскликнула Любаша и подслѣповатые ея глазки весело засвѣтились.

Дорогина безотлагательно абонировалась въ библіотекѣ, пріохотила ее читать и выучила писать. Узнавъ объ этихъ приватныхъ урокахъ, Прасковья Мироновна было принахмурилась, за то Максимъ Иванычъ былъ еще привѣтливѣе съ учительницей Въ-продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, Дорогина только одинъ день и видѣла мелькомъ бабушку-милліонщицу. Это была высокая, сухощавая старуха, въ какомъ-то монашескомъ шугаѣ, съ костылемъ въ рукахъ, съ жесткой, отрывистой рѣчью. Прошла она съ задняго крыльца къ Прасковьѣ Мироновнѣ въ спальню, куда вся семья собралась на поклонъ. Выпивъ нѣсколько чашекъ анютиныхъ глазокъ съ медомъ (чай, по ея понятіямъ, считался напиткомъ грѣховнымъ), наставительно побесѣдовавъ о тлѣнности всего мірского, посовѣтовавъ изнурять плоть постомъ да молитвой, она торжественно отправилась во свояси. Если бы старуха могла предположить что въ залѣ рояль, на которомъ взыгрываютъ ея внучки, что „андельскія уста“ осквернились уже басурманщиной, она, кажется, не перенесла бы этого богоотступничества и прокляла бы семейство Брагиныхъ до пятаго колѣна! Къ счастію, ничего подобнаго не случилось. Бабушку благополучно свели съ черной лѣстницы, проводили съ достодолжнымъ почетомъ и, вздохнули полною грудью.

Стала Анна Михайловна замѣчать, что къ Брагинымъ повадилась какая-то егозливая русачка. Принимали ее весьма ласково, угощали до отвалу и все о чемъ-то съ нею шептались,

— Что это за женщина? спросила Дорогина.

— Сваха, таинственно шепнули.

— Ужь не моихъ ли ученицъ сватаетъ?

— Экую мразь-то... помилуйте! А Любовь Максимовна на что! Ишь запримѣтилъ ее на церковномъ стояніи купеческій сынъ, Буренкинъ, и оченно она ему скромностью да набожностью полюбилась. Опять же, извѣстенъ насчетъ приданаго: не шуточное! Вотъ и заслалъ онъ къ намъ Макариху, и ладитъ эта самая Макариха лады. Хозяинъ-то радехонекъ: дочкѣ, молъ, замужемъ, вальготнѣй будетъ.

— А Прасковья Мироновна?

— Ну, и Прасковьѣ Мироновнѣ желательно падчерицу съ плечъ долой. Не жалуетъ она ее... чай, сами домекнулись? Бѣгала-бѣгала Макариха и добѣгалась до желаемаго: назначили смотрины. Настряпали всякой всячины, съѣхалась родня, невѣсту затянули, нарядили, при чемъ Прасковья Мироновна важно ей посовѣтовала держать себя „по великатнѣе“, да зря не ухмыляться. Любаша, повидимому, безстрастно относилась къ смотринамъ, но блѣдность лица, дрожавшія руки, выдавали ея внутреннее волненіе.

— Анна Михайловна,—шептала она,—боюсь идти внизъ... ужасти, какъ боюсь!

— Полноте! Вы должны радоваться, что Богъ послалъ вамъ жениха. Будете жить своимъ домомъ, хозяйничать...

— Куда мнѣ! Я ни къ чему приступиться не умѣю.

— Выучитесь.

— Охъ, замуштруютъ, замытарятъ меня!

— Не безпокойтесь,—мужъ въ обиду не дастъ.

— А ну самъ драться почнетъ?

— Вотъ ужь и драться! Характеръ у васъ мягкій, уступчивый... за что-же?

Къ семи часамъ явился женихъ, собралась куча родни, за исключеніемъ бабушки-милліонщицы, захворавшей отъ дряхлости лѣтъ. Женихъ, молодцоватый русачекъ, въ длиннополомъ сюртукѣ, въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ, вскользь посматривалъ на невѣсту, едва переводившую духъ въ непривычномъ нарядѣ. Она сидѣла какъ пригвожденная и крѣпко держала свернутый въ трубочку батистовый платокъ. Безмолвно пили чай, церемонно притрогивались къ дессерту и всѣ были на вытяжкѣ, нетерпѣливо ожидая развязки переговоровъ, происходившихъ между старшими въ кабинетѣ хозяина. Глядѣла, глядѣла Дорогина на эту недвижущуюся картину и ушла отъ скуки спать раньше обыкновеннаго. Уже на другой день узнала она отъ невѣсты, что смотрины, въ ожиданіи „рукобитья парадного“, кончились рукобитьемъ „промежь себя“.

— Нравится женихъ-то? спросила она ее.

— Ничего-съ... отвѣтила закраснѣвшись Любаша.

— О чемъ же вы съ нимъ говорили?

— Ни о чемъ-съ... какъ можно! Сію минуту осудятъ: ишь, молъ, вѣшается на шею...

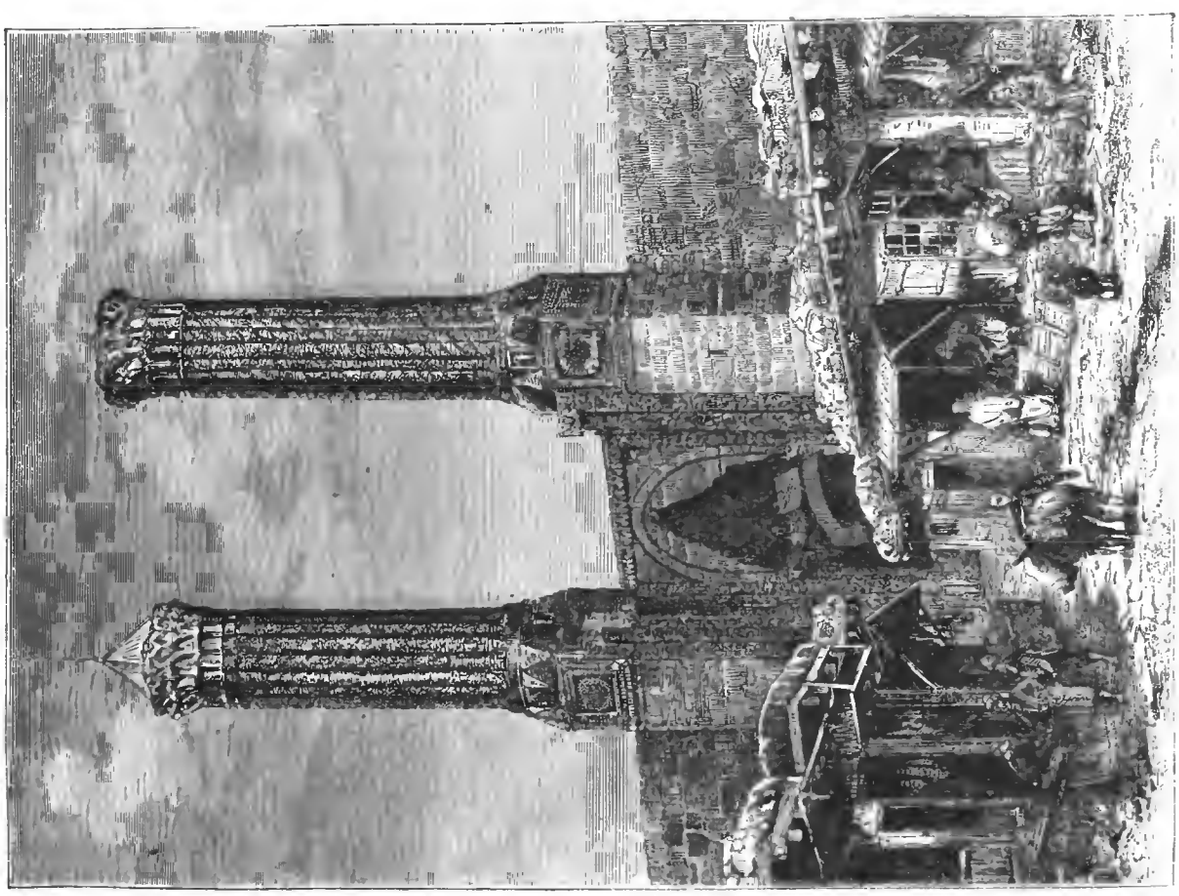
— А свадьба скоро?

— Да на будущей недѣлѣ справятъ парадное рукобитье, а тамъ въ скорости и повѣнчаютъ

Торжественное событіе нарушило порядокъ монотонной жизни Брагиныхъ. Появились швеи, съ утра до вечера визжавшія свадебныя пѣсни; Прасковья Ѳедоровна металась по Кузнецкому мосту, закупая разныя разности. Пусть, молъ, не осуждаютъ люди добрыя, что мачиха сидѣла сложа руки и кое-какъ спихнула падчерицу замужъ. Каждый вечеръ пріѣзжалъ женихъ, привозилъ подарки, собирались гости, пили, ѣли, закусывали и умненько молчали. Старички рѣзались въ горку, а дамы, осматривая другъ друга съ головы до ногъ, пощелкивали кедровые орѣшки. Смазливый купчикъ, остриженный, одѣтый „по-нѣмецки“, въ тончайшей сорочкѣ съ буфами, обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Покуривая папироски, онъ развязно заговаривалъ съ дамами, которымъ замѣтно нравился этотъ либерализмъ. Нѣкоторыя застѣнчиво отвѣчали на его вопросы, а иныя, побойчѣе, даже хихикали... въ платокъ! Отпраздновавъ „рукобитье“ со всевозможнымъ великолѣпіемъ, съ двумя швейцарами на парадной лѣстницѣ, устланной бархатнымъ ковромъ, уставленной растенія-

Библиотека "Руниверс"

Эрзерумъ. Домъ и площадь въ Эрзерумѣ.
Рис. П. Делакроа, грав. Лапласъ.



Эрзерумъ. Минаретъ Тшифте въ Эрзерумѣ.
Рис. Т. Делакроа, грав. А-де-Баръ.

Библиотека "Руниверс"

Масштабъ — 1 : 1,000,000.
0 10 20 30 40 верстъ.

Карта мало-азіятскаго театра войны. Видъ съ высоты птичьяго полета. Грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

ми, съ ужиномъ въ 12 блюдъ, съ кандиторами, важно провозглашавшими здоровье жениха съ невѣстой, здоровье главнѣйшихъ членовъ семьи и, въ заключеніе, „общее здоровье дамъ и кавалеровъ“, Брагины вскорѣ назначили день свадьбы. Не мало дивилась Анна Михайловна, когда Любашу повезли къ вѣнцу въ ситцевой шубкѣ, въ кисейной рубашкѣ, со вплетенною въ косу розовой лентой. Провожатыя, въ длинныхъ шугаяхъ, покрылись черными платками по самый носъ! Да, такъ было нужно,—не то повытолкали бы всѣхъ изъ церкви, да и попъ не сталъ бы вѣнчать жениха-сюртучника (онъ тоже надѣлъ поддевку) съ невѣстой въ шутовскомъ нарядѣ!

По отбытіи свадебнаго поѣзда, парадныя комнаты блистательно освѣтили и все приготовили къ пріему новобрачныхъ. Прасковья Мироновна, разодѣтая, въ цвѣтахъ, въ бриллiантахъ, плавала какъ пава, наблюдая за порядкомъ. На Феничку съ Лизой напутали по нѣскольку нитокъ жемчуга: знай, молъ, что подросточки тоже себѣ на умѣ! Отъ вѣнца Любаша пріѣхала повязанная косыночкой, скрывавшей дѣвичью косу, уже раздѣленную на двое. Портниха, съ бархатнымъ платьемъ, и мѣстный „куаферъ“ Дергуновъ, со всѣми аксессуарами своего искусства, ожидали ее. Мачиха собственноручно сняла съ головы падчерицы косынку, распустила косы, которыя тутъ же Дергуновъ принялся ерошить и взбивать въ разныя стороны. Слѣва, почти повѣсилъ онъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, справа—приткнулъ лучезарную звѣзду, слегка прикрывъ то и другое бландовымъ вуалемъ.

— Отлично-съ! восхищался онъ, помахивая гребенкой и огромнымъ пукомъ выдранныхъ волосъ.

— Приколи-ка еще вотъ это, подавала ему Прасковья Мироновна бриллiантовый цвѣтокъ.

— Не требуется! порѣшилъ Дергуновъ, оглядывая голову Любаши. И некуда-съ..,

— Э, приспособь куда-нибудь! настаивала Брагина: вещь цѣнная, въ виду...

— Извольте! вздохнулъ униженный въ своемъ искусствѣ Дергуновъ и „приспособилъ“ цвѣтокъ сверхъ вуаля, надъ вѣнкомъ. Любаша была гораздо миловиднѣе съ распущенной косой, въ шубкѣ, нежели съ уродливой прической, въ бархатномъ платьѣ, шлейфъ котораго путался у ней подъ ногами. Молодыхъ усадили рядышкомъ, на всей красѣ; но въ продолженіи вечера, не промолвивъ ни словечка, они едва взглянули другъ на друга. Оффиціанты разносили чай, кофе, шеколадъ и на огромныхъ серебряныхъ подносахъ, дессертъ. Старики опять рѣзались въ горку, дамы опять сидѣли на вытяжку и не будь смазливаго эманципированнаго купчика, исключительно вращавшагося около нихъ, онѣ задремали бы непремѣнно подъ тяжестью скуки и своихъ бриллiантовъ. Въ спальнѣ Прасковьи Мироновны, на большомъ столѣ были разставлены хрустальные графины и кувшинчики „съ прохладительнымъ“. Отправившись туда, Анна Михайловна почти наткнулась на двухъ пожилыхъ купчихъ, бочкомъ пробиравшихся въ залу; ей почудилось, будто обѣ покачивались... Дорогина налила, повидимому, стаканъ лимонада, но не успѣла поднести его къ губамъ, какъ запахъ „очищенной“ вывелъ ее изъ заблужденія... „Эге,—подумала она, —вотъ чемъ прохлаждаются купеческія-то скромницы!“

— Что тутъ такое? Указала она вошедшему оффиціанту на одинъ изъ кувшинчиковъ.

— Медокъ-съ, мягкое дамское питьецо,—пояснилъ тотъ. Прикажете?

— Налейте.—Послѣ „дамскаго питьеца“ Анна Михайловна совсѣмъ растерялась. По приходѣ въ залу, мраморъ, позолота, богатое убранство, зеленые столы, бороды, поддевки, размалеванныя купчихи,—все слилось въ пеструю, сплошную массу! Сообразивъ, что ее могутъ заподозрить въ употребленіи спиртныхъ напитковъ (никто бы не повѣрилъ, что *только* медкомъ побаловалась „мадама“), она отправилась на антресоли и, едва успѣвъ раздѣться, заснула крѣпкимъ сномъ.

Послѣ баловъ, вечеринокъ, званныхъ обѣдовъ, прекратились наконецъ всѣ пиршества. Любовь Максимовна, переодѣвавшаяся едва-ли не по десяти разъ на день, вполнѣ показала свои наряды; гости все до ниточки обсудили, обрядили, вдоволь позлословили; парадныя принадлежности попрятали въ чехлы, въ чехольчики; штофныя портьеры уложили въ сундукъ и круговая жизнь, въ ожиданіи новаго торжества, пошла своимъ порядкомъ. Жила да поживала Дорогина въ купеческомъ домѣ. Матеріальныя выгоды съ избыткомъ выкупали подъ часъ налегавшую на нее грусть, а успѣхи дѣвочекъ значительно смягчали сухость педагогическихъ занятій. „До поры, до времени останусь у нихъ, подумывала Анна Михайловна, позабывъ пословицу: „Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“! Одно неожиданное событіе, разразившееся надъ семействомъ Брагиныхъ, внезапно доказало ея справедливость. Однажды утромъ Лиза съ Феничкой разучивали пьеску въ четыре руки подъ надзоромъ Анны Михайловны, которая, для большаго вразумленія, била кадансъ чуть не на всю залу. И ученицы, и учительница, усердно занятыя музыкой, не обращали вниманія на довольно значительный шумъ во внутреннихъ комнатахъ. А шумъ все ближе, ближе... и—дверь съ налета распахнулась!.. На порогѣ залы, съ гнѣвно-сверкающими глазами, съ костылемъ въ рукахъ, явилась, какъ грозный призракъ, бабушка-милліонщица! Пальцы ученицъ такъ и замерли на клавишахъ... Да и учительница, предчувствуя ураганъ, нѣсколько смутилась. Недвижно стояла раздраженная старуха... Вдругъ, замахнувшись костылемъ, она дико бросилась впередъ и, пожалуй, изувѣчила бы перепуганныхъ дѣвочекъ, еслибы, съ одной стороны, Прасковья Мироновна, съ другой—Дорогина, не подскочили къ ней и не утащили бы ее насильно изъ залы. Она рвалась что-то проговорить, но шамкая побѣлѣвшими губами, только неистово хрипѣла! Этотъ „визитъ“, внушенный кѣмъ-нибудь изъ „доброжелательной“, тоже разсчитывавшей на бабушкинъ милліонъ, родни, повернулъ все вверхъ дномъ! Какъ ни крушились, какъ ни метались Брагины, однако, мысль потерять богатое наслѣдство, подавила въ нихъ стремленіе къ цивилизаціи. Не подкрѣпляй ихъ надежда на бабушкину кончину: дескать, стара... не долго намаячитъ,—пришлось бы хоть въ петлю! Рѣшившись умиротворить ее покорностью и смиреніемъ, они бережно вынесли рояль въ кладовую; дѣвочкамъ вышелъ строгій наказъ протверживать французскую грамоту на верху, тайкомъ, а книги прятать подальше, на случай неожиданной ревизіи. Непрошенная катастрофа заставила Дорогину призадуматься. Предлагали ей Брагины „схорониться пока на тресоляхъ“, но встрѣтиться съ полуумной старухой не желалось: встрѣча эта неизбѣжно бы вызвала новыя гоненія на обасурманившихся потомковъ. Не безъ сожалѣнія разсталась она съ Брагиными, которые, на случай бабушкиной смерти, убѣдительно звали ее опять къ себѣ.

Е. Щепина.

Къ рисункамъ.

Геройская смерть маіора Горталова.

Владимірскаго полка маіоръ Горталовъ палъ геройскою смертію во время аттаки на Плевну генерала Скобелева 30—31-го августа. Эта аттака, какъ извѣстно, не удалась и взятые генераломъ Скобелевымъ турецкіе редуты пришлось оставить. Читатели „Нивы“ уже имѣли случай узнать объ этомъ изъ статьи,

Библиотека "Руниверс"

помѣщенной въ № 39 „Нивы“ при портретѣ генерала Скобелева. Что же касается геройской смерти храбраго маіора Горталова, то обстоятельство, вызвавшее ее, заключалось въ слѣдующемъ:

Маіоръ Горталовъ, назначенный генераломъ Скобелевымъ на должность коменданта лѣваго редута, далъ ему слово, что пока будетъ живъ, не сдастъ туркамъ ввѣреннаго ему редута. Онъ дѣйствительно сдержалъ свое слово: когда турки бросились на редутъ (уже въ шестой разъ) и ворвались въ него, маіоръ Горталовъ не оставилъ своего поста и былъ поднятъ турками на штыки.

Битва при Горномъ Дубнякѣ.

Рисунокъ представляетъ одинъ изъ эпизодовъ битвы при Горномъ Дубнякѣ, происходившей 12-го октября и окончившейся взятіемъ русскими войсками этой важной для турокъ позиціи. Горный Дубнякъ находится къ юго-западу отъ Плевны, между Телишемъ и Плевною. Отъ Плевны до Дольняго Дубняка считается 10 верстъ, отъ Дольняго Дубняка до Горнаго Дубняка разстояніе равняется тоже 10 верстамъ и Телишъ отстоитъ отъ него тоже на 10 верстъ *).

Общій видъ мѣстности, на которой происходила битва, представляетъ равнину, вдали въ бѣлесоватой мглѣ сливающуюся съ горизонтомъ. Посохшая трава придаетъ всему пространству видъ желтѣющей нивы, по которой тамъ и сямъ разбросаны зеленовато-сѣрыми пятнами дубовые лѣски и деревни: Дольній Дубнякъ, оба Митрополья, Горный Дубнякъ и другія, а на лѣво, почти уже на самой чертѣ горизонта, едва различаемое во мглѣ селеніе Телишъ. Направо одна за другою поднимаются нѣсколько высотъ, замыкающія проѣздъ по лощинѣ въ Плевну.

Планъ нашей аттаки на Горный Дубнякъ былъ таковъ: войска должны были окружить эту турецкую позицію со всѣхъ 4 сторонъ и дѣйствовать одновременно. Первые пошли на штурмъ лейбъ-гренадеры и грудью взяли одинъ редутъ, но затрудненіе открылось при штурмѣ главнаго турецкаго редута, гдѣ сосредоточены были турецкія силы. Два раза наши полки бросались на это укрѣпленіе, но не могли преодолѣть препятствій, встрѣчаемыхъ ими. Въ два часа генералъ Гурко, видя что войска приблизились къ веркамъ на 150—400 шаговъ, хотѣлъ произвести единовременный штурмъ, для чего и сдѣлалъ распоряженіе начать приступъ послѣ трехъ залповъ съ баттарей, но и это распоряженіе по непредвидѣнной случайности не было исполнено: войска начали штурмъ разновременно и снова были отбиты. Генералъ дожидался сумерекъ. Войска стояли отъ верковъ укрѣпленія отъ 100 до 50 шаговъ. Нѣкоторое время все притихло, но съ наступленіемъ сумерекъ лейбъ-гренадеры съ музыкой и распущенными знаменами, по собственному влеченію, отчаянно ринулись на новый приступъ. „Удержать ихъ,—говоритъ корреспондентъ „Прав. Вѣстн.“—не было возможности. Доблестный полкъ съ криками „ура“ стремился впередъ и скоро передовые люди его карабкались на брустверъ въ направленіи одного изъ исходящихъ угловъ редута. Турки выкинули бѣлый флагъ, но пальбу не останавливали. Тутъ произошла какая-то путаница: одни изъ турецкихъ офицеровъ приказывали прекратить огонь; другіе, напротивъ, требовали, чтобы солдаты стрѣляли. Всѣ были какъ бы въ опьяненіи, въ какомъ-то угарѣ. Между тѣмъ внутри редута уже шла отчаянная штыковая работа; съ лейбъ-гренадерами ворвались въ селеніе Павловцы, Измайловцы и другіе. Бой холоднымъ оружіемъ былъ ужасенъ. Въ редутахъ горѣло. Чрезъ нѣсколько времени лейбъ-гренадерское знамя побѣдоносно развѣвалось на гребнѣ взятаго укрѣпленія.

Какая радость, какое торжество охватило тогда всѣ воинскія части, когда узнали онѣ, что Горный Дубнякъ взятъ, а гарнизонъ сдается военноплѣннымъ. Ура, какъ буря, проносилось по окрестностямъ. Гвардейцы привѣтствовали другъ друга съ первою ихъ побѣдой въ нынѣшнюю войну. Когда генералъ Гурко въѣхалъ въ толпу войска, всѣ солдаты, словно дѣти, въ радостномъ восторгѣ кинулись къ нему, хватали стремяна, колѣни, поводья.

— Скажите Государю, что мы сдержали свое слово!.. Пущай не сумлѣвается!... Поддержимъ старую славу!—кричали они со всѣхъ сторонъ генералу.

Вдругъ появляется какой-то павловскій дѣтина, верхомъ на сѣрой маленькой турецкой лошадкѣ, ноги чуть не по землѣ волочатся, шапка на затылкѣ, курносое лицо осклаблено широчайшею улыбкою, мундиръ изорванъ въ клочья, въ рукѣ окровавленный штыкъ.

— Урра-а, ваше превосходительство, ур-ра! кричитъ онъ, потрясая своимъ штыкомъ, въ то время какъ маленькая лошаденка упрямится, брыкается подъ нимъ, бьетъ передомъ и задомъ, тщетно стараясь сбросить съ себя ражаго дѣтину.

— Ты что? Откуда? спрашиваютъ его.

— А я, ваше превосходительство, я, значитъ, шабашавалъ!

— Какъ шабашавалъ?

— А все *его* же! Тѣхъ, значитъ, которые сдаваться не желали и стрѣляли въ нашихъ... Я ихъ сначала прикладомъ—ну, раскололся... сейчасъ эт-то отомкнулъ штыкъ и пошелъ имъ шабашавать... Остался оченно довольно!

Общій веселый смѣхъ и „ура“ товарищей привѣтствовали этого молодчину.

Вотъ гурьба Измайловцевъ, и впереди ихъ кучка офицеровъ —они подводятъ къ генералу какого-то рядоваго, въ рукахъ котораго развѣвается турецкое знамя—розовое съ бахрамою, кистями и золотыми надписями изъ Корана; докладываютъ, что этотъ рядовой съ бою взялъ знамя у непріятеля.

— Какъ зовутъ? спрашиваетъ генералъ.

— Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка 2-й роты рядовой Иванъ Овчинниковъ.

— Молодецъ!.. Спасибо!.. Доложу Главнокомандующему и Государю Императору.

И опять побѣдное „ура“ гремитъ въ воздухѣ, и толпы гвардейцевъ заранѣе поздравляютъ будущаго георгіевскаго кавалера.

Когда подвели плѣннаго пашу, генералъ Гурко протянулъ ему руку и черезъ переводчика выразилъ, что ему пріятно пожать руку противника, который защищался столь рѣшительно и храбро. Въ отвѣтъ на это Ахметъ-Хивзи слегка развелъ руками и нѣсколько грустно улыбнулся. Онъ видимо былъ очень взволнованъ и подавленъ горемъ. Вслѣдъ за пашою былъ представленъ начальникъ его штаба, назвавшійся австрійцемъ. Но впослѣдствіи оказалось, что онъ вовсе не австріецъ, а только жилъ въ Вѣнѣ въ послѣднее время предъ войною, въ качествѣ одного изъ состоящихъ при военной турецкой агентурѣ; происхожденія же сомнительнаго, чуть ли не изъ евреевъ, хотя позднѣе и увѣрялъ, что онъ венгерецъ.

При взятіи Горнаго Дубняка намъ досталось четыре орудія, знамя, свыше пяти тысячъ ружей и многое множество патроновъ.

Чтобы судить, до какой степени изобилія доходитъ у турокъ снабженіе патронами, достаточно сказать, что большіе коробки и ящики, наполненные ими, находили повсюду: и въ ложементахъ, и въ землянкахъ, въ домахъ, сараяхъ и на улицахъ; кромѣ того по всѣмъ ближайшимъ дорогамъ они были растеряны или просыпаны цѣлыми кучами, словно щебень, такъ что двигаться между ними верхомъ было даже не безопасно, до нѣкоторой степени, для лошадей. На всѣхъ патронахъ, по словамъ, того-же корр. Прав. Вѣст., англійскія клеймы.

Генералъ-лейтенантъ И. Д. Оклобжіо.

Начальникъ Ріонскаго отряда.

Генералъ-лейтенантъ Иванъ Дмитріевичъ Оклобжіо иностранецъ по происхожденію, родился въ 1821 г. Свою военную дѣятельность онъ началъ на австрійской службѣ и только 25-ти лѣтъ отъ роду присягнулъ на подданство Россіи и перешелъ въ русскую службу. Высочайшимъ приказомъ онъ опредѣленъ былъ въ 1846 г. подпоручикомъ въ бывшій полкъ генералъ-адъютанта князя Воронцова; въ 1847 г. уже участвовалъ въ походѣ противъ чеченцевъ и находился въ слѣдующихъ дѣлахъ: при окончательномъ истребленіи Джарганъ-Юртовскихъ хуторовъ, набѣгѣ на аулъ Ханба-Дубы, уничтоженіи хуторовъ Ганенъ-Гайти, Мартановскихъ, хутора Ханба-Саабдулы и лежащихъ на правой сторонѣ рѣки Гайты. Въ ноябрѣ того же года, за отличія, выказанныя въ этихъ дѣлахъ, его произвели въ поручики. 1848 годъ былъ богатъ подвигами Ивана Дмитріевича. Между прочими укажемъ на удачное дѣло на рѣкѣ Гойтѣ; постройку Урусъ-Мартанскаго укрѣпленія; возведеніе башни на правомъ берегу рѣки Аргуна. За эти подвиги И. Д. Оклобжіо награжденъ чиномъ штабсъ-капитана. Въ 1850 г. онъ снова отличился: въ рубкѣ лѣса подъ градомъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, въ столкновеніи полковника Майделя съ большими силами горцевъ, предводительствуемыхъ Шамилемъ; въ блистательномъ дѣлѣ съ чеченцами, при взятіи Шалинскихъ окоповъ и въ искусномъ пораженіи непріятеля при аулѣ Рошни.

Должно замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ участвовалъ лично Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, тогда бывшій Наслѣдникомъ Престола.

Генералъ Оклобжіо былъ въ этомъ сраженіи раненъ двумя ружейными пулями и за свою храбрость былъ произведенъ въ капитаны.

За симъ, за участіе въ зимней военной экспедиціи противъ горцевъ въ 1851 году Иванъ Дмитріевичъ получилъ Монаршее благоволеніе и произведенъ въ маіоры. Въ 1852 году, отличаясь въ дѣлахъ: при аттакѣ и разореніи нѣсколькихъ ауловъ; при жестокомъ и удачномъ для русскихъ сраженіи съ сборомъ Шамиля, былъ награжденъ двумя орденами и произведенъ въ полполковники. Въ 1853 году, въ сраженіи подъ селомъ Бояндуромъ, Иванъ Дмитріевичъ былъ два раза контуженъ ядрами—въ поясницу и въ правую ушную сторону головы. Въ 1854 г., находился, при осадѣ крѣпости Силистріи, въ многократномъ отраженіи вылазокъ изъ крѣпости турецкаго гарнизона; при снятіи моста на Дунаѣ, противъ города Голаго; при переправѣ нашихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная и т. д.—за все это былъ произведенъ въ чинъ пол-

*) Нелишнимъ считаемъ сообщить здѣсь о разстояніяхъ отъ Плевны до слѣдующихъ пунктовъ: Отъ Плевны до Ловчи—36 верстъ, отъ Плевны до Тетевена—70 верстъ, отъ Плевны до прохода Орханіе—120 верстъ, отъ Орханіе до Софіи—65 верстъ, отъ Ловчи до Трояна—30 верстъ.

Библиотека "Руниверс"

ковника. Затѣмъ возвратясь въ предѣлы Россіи, онъ былъ назначенъ въ распоряженіе генералъ-адъютанта князя Горчакова и долженъ былъ отправиться снова въ Бухарестъ. Въ 1855 году Иванъ Дмитріевичъ получилъ въ команду Брянскій резервный егерскій полкъ; далѣе: назначенъ командиромъ Смоленскаго резервнаго пѣхотнаго полка; командующимъ 1 бригадою 7 дивизіи, наконецъ принялъ начальство надъ авангардным отрядомъ войскъ, расположенныхъ по рѣкамъ Бельбеку и Качѣ и вошедшихъ въ составъ севастопольскаго гарнизона. Съ 24-го по 27-е августа, находясь на южной сторонѣ Севастополя, онъ присутствовалъ при усиленномъ бомбардированіи непріятеля по крѣпости, 27-го—при штурмѣ севастопольскихъ твердынь. Въ 1856 г. ему поручено было командованіе Камчатскимъ полкомъ. Въ 1858 г, за свои служебныя заслуги Ив. Дмитріевичъ Всемилостивѣйше пожалованъ былъ брильянтовымъ перстнемъ, съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго имени. Въ 1862.г, произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1869 г. ему пожалованъ былъ участокъ земли въ Кубанской области, въ количествѣ 1000 десятинъ, въ 1870 году объявлена Высочайшая искренняя благодарность за управленіе сѣвернымъ Дагестаномъ и Закатальскимъ округомъ и назначено повышеніе въ чинъ генералъ-лейтенанта; въ 1871 году послѣдовало опять Высочайшее благоволеніе. Въ 1876 году генералъ Оклобжіо назначенъ командующимъ войсками въ при-Рѣонскомъ краѣ. О дѣятельности-же его во время настоящей войны читатели „Нивы" знаютъ изъ ея политическихъ и военныхъ извѣстій, помѣщаемыхъ въ каждомъ номерѣ журнала.

Передъ дуэлью.

Извѣстно, что художникъ, задавшись избраннымъ для картины сюжетомъ, сосредоточиваетъ весь его смыслъ на одномъ какомъ-либо моментѣ. Вся суть задачи именно въ томъ, вопервыхъ, чтобы самый моментъ былъ достаточно силенъ и ясенъ для того, чтобы имъ можно было выразить задуманное, и во вторыхъ, чтобы передача его въ произведеніи была правдива во всѣхъ мельчайшихъ частностяхъ и во всемъ цѣломъ. При соблюденіи этихъ двухъ условій, произведеніе получаетъ право называться художественнымъ.

Развалины замка. (Гдѣ находится такой замокъ и въ какомъ стилѣ былъ построенъ онъ? *). Ориг. рис. И. Панова, грав. Вейерманъ.

Къ таковымъ должна быть несомнѣнно отнесена помѣщаемая въ этомъ номерѣ небольшая картинка профессора Якобія. Это совершенно живая сцена, во всѣхъ мельчайшихъ частностяхъ полная правды, а слѣдовательно и красоты, ибо красота въ истинномъ смыслѣ слова невозможна тамъ, гдѣ есть неправда.

Посмотрите на всѣ частности картины. Всѣ мельчайшія подробности обстановки комнаты выдѣляются предъ вами, всѣ едва замѣтныя измѣненія силы свѣта и тѣни видны на каждой вещи. Не будь даже тутъ живой фигуры — и тогда картина имѣла бы много достоинствъ. Но фигура эта—прелесть. Смотря на нее, читаешь цѣлыя страницы изъ жизни избраннаго лица. Взятъ изъ этой жизни всего только одинъ моментъ—и онъ оказывается достаточенъ для того, чтобы можно было обо всемъ остальномъ составить болѣе или менѣе близкое представленіе.

Сытый, довольно уже ожирѣвшій баринъ готовится къ дуэли. Нельзя сказать, чтобы приготовленія эти его очень тревожили. Нѣтъ, онъ почти спокоенъ и готовится къ дуэли неторопливо, ничуть даже не тревожась. Словомъ, точно на охоту собирается. Онъ, повидимому, вообще человѣкъ не торопливый и жилъ всегда беззаботно: охотникъ поѣсть, выпить и погулять... Ну, гдѣ безъ грѣха: случилось, должно быть, съ кѣмъ-то столкновеніе на одной дорогѣ—дорога узкая, разойтись нельзя: либо сталкивать человѣка съ дороги, либо самому быть столкнутымъ. Задача, слѣдовательно, ужъ такая вышла.

Такъ, повидимому, соображаетъ и герой картины. Не видно на его лицѣ ни ненависти къ своему противнику, ни боязни за свою жизнь,—онъ какъ будто болѣе озабоченъ тѣмъ: каковъ то курокъ у его пистолета—не осѣкся бы. Этотъ-то вотъ курокъ и привлекаетъ въ настоящую минуту его вниманіе.

По окружающей обстановкѣ видно, что прежде чѣмъ заняться этимъ послѣднимъ дѣломъ, герой „приготовился", запечаталъ свои шкафы, порвалъ лишнія ненужныя бумаги и уложилъ въ конвертъ все то, что было поважнѣе.

Замѣтно, что день только что начинается и день такой хорошій, ясный, солнце такъ ярко залило въ комнатѣ всѣ предметы и вмѣстѣ съ ними всю фигуру героя.

Но онъ не видитъ этого блеска солнца и не потому, можетъ быть, что его міръ внутренній опустѣлъ и міръ внѣшній потерялъ для него свою красоту; нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ: а такъ просто, не до солнца ему въ эту минуту—курокъ что-то кажется сомнительнымъ.

— Чортъ его знаетъ,—думаетъ герой,—давно я что-то пистолета въ руки не бралъ...

Онъ внимательно осмотрѣлъ курокъ, поднялъ его, спустилъ, еще поднялъ и еще спустилъ...

— Гм... гм... Ничего, годится... Ну-ка, мой голубчикъ, становись-ка на барьеръ: я тебя угощу орѣшкомъ.

Такъ обращается онъ мысленно къ своему противнику и ничуть не думаетъ о томъ, что быть можетъ черезъ часъ какой нибудь самъ будетъ лежать бездыханнымъ на мѣстѣ дуэли... Я.

Минаретъ Тшифте въ Эрзерумѣ.

Въ 46 № „Нивы" мы помѣстили общій видъ города Эрзерума. Въ этомъ номерѣ помѣщаемъ виды: эрзерумскаго дома и минарета Тшифте. Въ Эрзерумѣ множество мечетей, но изъ нихъ только двѣ заслуживаютъ вниманія—это Лулу-Джами и башня Мурго-Серай.

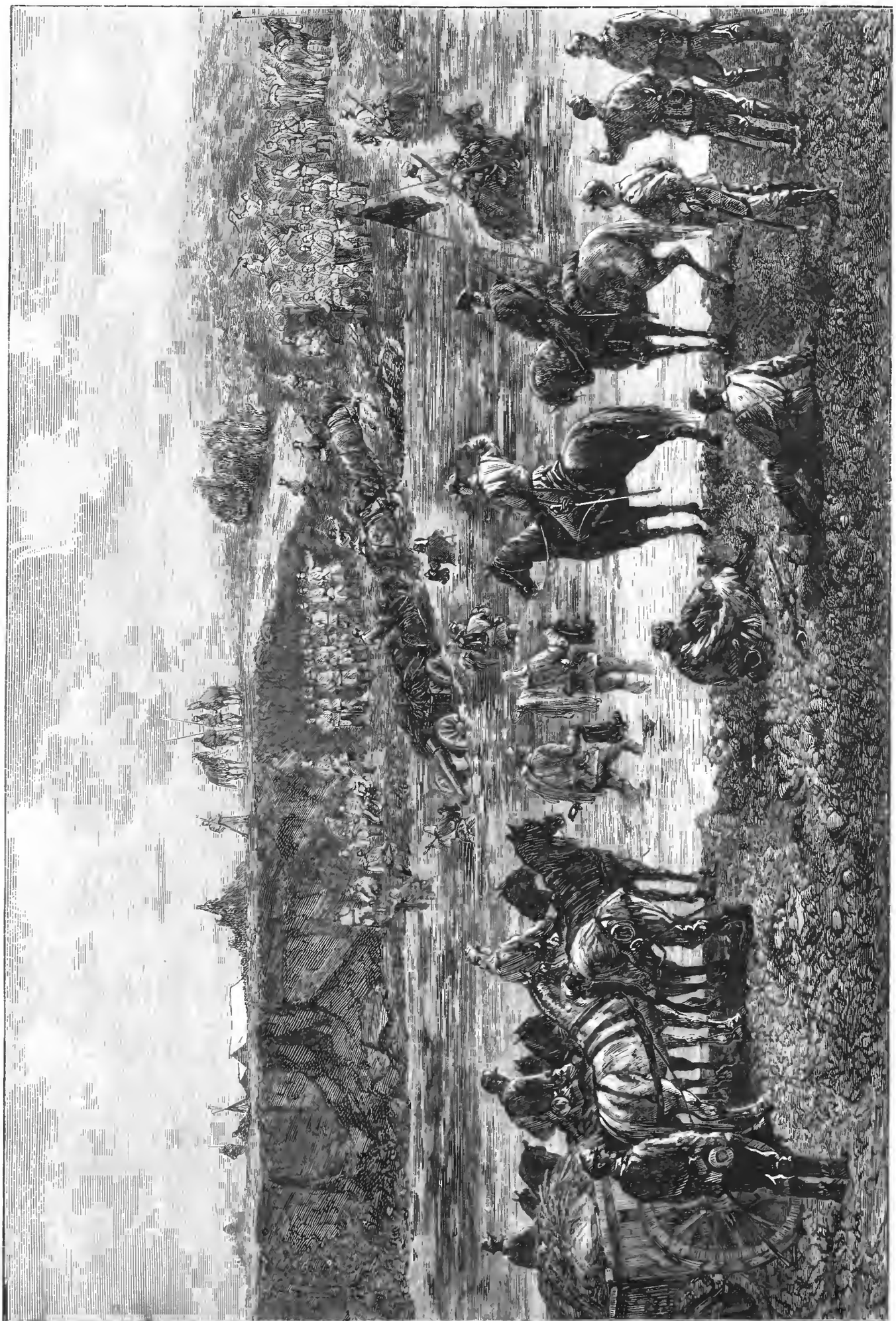
Какъ извѣстно, мечеть означаетъ собою молитвенный домъ мусульманъ. Мечети здѣсь строятся четыреугольными, съ стройными узкими баненками (минаретами), съ проточной водой во дворѣ, въ которой мусульмане совершаютъ омовенія. Внутренность мечетей проста, стѣны испещрены изрѣченіями изъ корана. Въ углу помѣщается возвышеніе для проповѣдника. У стѣны, обращенной къ Меккѣ, находится хранилище (шкафъ) копіи Корана.

Джами нѣсколько отличаются отъ обыкновенныхъ мечетей: онѣ сложнѣе и богаче; при нихъ бываютъ устроены (медресэ) школы и больницы. Минареты обыкновенно бываютъ въ 3 и 4 этажа, съ выдающимися балконами или галлереями, съ которыхъ муэзины призываютъ народъ къ молитвѣ. Минареты строятся по общему образцу—арабско-византійскому; на вершинѣ они имѣютъ шпицъ съ полумѣсяцемъ. Въ древнія времена вступавшіе на престолъ халифы и турецкіе султаны имѣли обыкновеніе кидать съ минаретовъ въ народъ мелкую монету. Лулу Джами въ Эрзерумѣ самое высочайшее изъ городскихъ зданій; она арабской архитектуры, хотя, по всему вѣроятію, ея постройка производилась персидскими мастерами и рабочими. Это доказывается тѣмъ, что въ украшеніяхъ составленныхъ изъ геометрическихъ фигуръ, встрѣчаются изображенія различныхъ животныхъ, напримѣръ, вокругъ воротъ минарета Тшифте представлены головы змѣй, орелъ съ двумя головами. Башни минарета Тшифте, изображенныя на приложенномъ рисункѣ, отличаются большой оригинальностью и богатствомъ работы. Онѣ обложены глазированнымъ кирпичемъ; ихъ базы

(Продолженіе на стр. 781, 782, 783 и 784).

*) Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ слѣдующихъ №.

Библиотека "Руниверс"



Переходъ артиллеріи чрезъ рѣку Рѣшицу. (На Дунайскомъ театрѣ войны). По рисунку „Monde illustré“, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

(основы) укрѣплены мозаикой изъ фаянса синяго, краснаго и зеленаго цвѣтовъ. Говорятъ, что въ настоящее время Лулу-Джами служитъ арсеваломъ и складомъ для пороха.

Башня Мурго-Серай представляетъ теперь только остатки постройки того же стиля, что и минаретъ Тишфте. Украшенія, состоящія изъ косоугольниковъ, сдѣланы изъ зеленой и голубой эмали.

Въ объясненіе рисунка, помѣщеннаго въ этомъ же номерѣ и изображающаго домъ и площадь въ Эрзерумѣ, надобно сказать, что на большей части эрзерумскихъ зданій второй этажъ ихъ дѣлается нѣсколько выступомъ впередъ противъ нижняго этажа; эта выдающаяся часть зданія поддерживается балконами, которые иногда у богатыхъ бываютъ украшены рѣзьбою. Мусульманскіе дома почти всѣ строятся въ одинъ этажъ и освѣщаются чрезъ отверстіе въ кровлѣ, надъ которымъ дѣлается нѣчто въ родѣ пирамиды изъ промасленной бумаги, проводящей свѣтъ и не пропускающей дождя.

Заговоривъ объ Эрзерумѣ, считаемъ нелишнимъ привесть новыя газетныя сообщенія о его положеніи за послѣднее время—такъ какъ на Эрзерумъ теперь обращено общее вниманіе. Пишутъ, что Мухтаръ-паша, повидимому, терялъ всякую надежду удержаться въ Эрзерумѣ и поэтому онъ предостерегъ Порту, что ему можетъ быть, придется предоставить столицу Арменіи ея собственной участи и отступить на высоты на западѣ, по дорогѣ въ Байрутъ и Трапезунтъ, если русскимъ удастся оттѣснить турецкую армію съ Деве-Бойна.

Было предположеніе укрѣпить Эрзерумъ, но верки не были окончены и на половину, и что еще важнѣе, были проектированы въ такихъ большихъ размѣрахъ, что для своего занятія потребовали бы армію въ 20,000 или 25,000 человѣкъ. Одна внутренняя окружность, съ своими 11 бастіонами, растянута почти на десять англійскихъ миль и потребовала бы для своего вооруженія болѣе ста орудій. На высотахъ проектированъ рядъ укрѣпленій: три на отрогахъ Тапъ-дага, одно, Азизіе, съ тремя люнетами, открытыми сзади въ центрѣ, выдаваясь нѣсколько впередъ, и два закрытыхъ редута Меджидіэ и Сурбъ-Натанъ, справа и слѣва въ тылу. На Кирманъ-дагѣ закрытое укрѣпленіе, а между обоими, въ лощинѣ, еще другое—Альхамъ, замыкающее дорогу, ведущую съ Девебойнскаго плоскогорія.

Мухтаръ-паша не былъ увѣренъ въ возможности удерживать Эрзерумъ съ своими значительно сократившимися войсками, но, говорятъ, что послѣ неудачной аттаки русскихъ на Азизіе и Кирманъ-дагъ, Мухтаръ-паша, кажется, составилъ выгодное понятіе о своемъ положеніи и надѣется сохранить его до прихода уже находящихся въ пути подкрѣпленій.

Арменія.

(По поводу карты Малоазіатскаго театра войны).

Страна, извѣстная подъ общимъ именемъ Арменіи, составляла нѣкогда богатое Армянское царство, а теперь оно частію принадлежитъ Турціи, частію же входитъ въ составъ различныхъ провинцій нашего Закавказья. Арменія, самая высокая мѣстность Азіатской Турціи, простирающаяся отъ рѣкъ Куры и Аракса на востокѣ, до верховьевъ Галиса на западѣ, отъ рѣкъ Чароха и Куры на сѣверѣ, до Таврскихъ горъ на югѣ. Вся Арменія изрѣзана горами, изъ которыхъ берутъ свое начало многія рѣки, напр. р. Тигръ, изливающій свои воды въ Персидскій заливъ; рѣка Араксъ, спадающая нѣсколькими ручьями съ сѣверныхъ склоновъ Бингель-дага; рѣка Кура, вытекающая изъ хребта Буга-тапа; рѣка Чорохъ, спадающая съ высокихъ горъ Казаръ-Баши; восточный Евфратъ, берущій начало въ сѣверныхъ склонахъ горы Алла-дагъ; сѣверный Евфратъ, вытекающій изъ горъ Думли-дагъ. Отличительныя черты главныхъ хребтовъ—ихъ направленіе по параллелямъ, а также плоскость вершинъ при скалистыхъ и обрывистыхъ скатахъ. Въ горахъ Арменіи въ древности находили драгоцѣнные камни и металлы. Въ Арменіи много высоко лежащихъ озеръ, напримѣръ, озеро Гокчи или Севонги, находится на 5,873 ф. надъ уровнемъ Чернаго моря. Происхожденіе этого озера, какъ полагаютъ, вулканическое и чаша его ничто иное какъ кратеръ потухшаго вулкана. На озерѣ этомъ возвышается островъ съ монастыремъ на немъ, древнѣйшимъ въ Арменіи. Бури здѣсь почти не утихаютъ во весь годъ и переѣзды по озеру опасны. Самое большое изъ озеръ, это озеро Ванъ (при городѣ этого названія). Долины Арменіи богаты растительностью. Хлѣбъ, хлопчатникъ, плодовыя деревья, маслина, рисъ, ростутъ въ изобиліи и отличаются своимъ хорошимъ качествомъ. Въ долинѣ Кульпіи находятся богатыя соляныя копи. Вообще равнины Арменіи имѣютъ большое значеніе: въ нихъ группируется населеніе, онѣ же служатъ удобнымъ мѣстомъ для военныхъ дѣйствій. Запертыя со всѣхъ сторонъ горами, имѣющими лишь нѣсколько проходовъ, онѣ могутъ вмѣщать въ себѣ всѣ средства страны и быть выгодными для обороняющагося, который можетъ въ нихъ располагаться какъ въ укрѣпленномъ лагерѣ и сторожить проходы въ равнины.

Не смотря на положеніе Арменіи на одной географической широтѣ съ Неаполемъ и Южной Испаніей, климатъ ея рѣзко отличается отъ этихъ странъ. Онъ свойственъ всѣмъ поясамъ, отъ полярнаго до знойнаго. Съ наступленіемъ осенняго времени всѣ горныя возвышенности покрываются снѣгомъ, вьюги и мятели—постоянныя спутницы этого времени, и здѣсь-то, гдѣ бы, казалось, не можетъ быть и мысли о крайнемъ сѣверѣ, онъ всего чаще вспоминается. За то эти же самыя высоты горъ, по стаяніи снѣговъ, т. е. съ наступленія весенняго времени, превращаются въ роскошныя долины и даютъ отличныя пастбища для многочисленныхъ стадъ курдовъ.

Пути сообщенія въ Азіатской Турціи понятно не весьма-то еще хороши и намъ, русскимъ людямъ, удивляться этому, разумѣется, не приходится, ибо у насъ тоже по этой части сдѣлано очень мало. Нужно замѣтить, что рѣки Арменіи оказываются для путей сообщенія неудобными. Неудобства эти многоразличны, завися, конечно, главнѣйшимъ образомъ отъ недостатка изслѣдованія самыхъ рѣкъ и несомнѣнно, хотя въ далекомъ будущемъ, неудобства эти (по крайней мѣрѣ, большая ихъ часть) будутъ устранены. Разливы рѣкъ дѣйствительно пока представляютъ значительныя препятствія къ свободному по нимъ плаванію, но вѣдь и разливы рѣкъ подчиняются человѣку, тамъ гдѣ онъ болѣе приложилъ старанія къ этому ихъ подчиненію.

Изъ городовъ Арменіи замѣчательны болѣе другихъ Эрзерумъ, Ванъ, Карсъ и Діарбекиръ.

Населеніе края составляютъ: 1) Турки, 2) Армяне (Армяне, обитающіе здѣсь, признаютъ своимъ родоначальникомъ Гайка, внука Іафета, который съ 300 витязей послѣ побѣды у озера Вана будто бы освободилъ Армянъ изъ-подъ ига Вавилонскаго царя Бела и спустившись въ долину р. Аракса, основалъ первую Армянскую общину); 3) Сунниты—кочевые народы. Они хотя и исповѣдуютъ исламъ, но турки ихъ считаютъ плохими мусульманами; 4) Курды—(о курдахъ трудно сказать что-либо опредѣленное, въ особенности относительно ихъ вѣроисповѣданія: религія ихъ представляетъ нѣчто невообразимо смѣшанное: тутъ и язычество, и мусульманство и, словомъ, хаосъ невообразимый. Организаціи общественной жизни нѣтъ никакой: это скорѣе всего шайки разбойниковъ, имѣющія надъ собою руководителями тѣхъ, кто посмѣлѣе, и кто половчѣе съумѣетъ захватить надъ ними власть. Курды признаютъ себя подданными той стороны, которая въ данное время кажется имъ сильнѣйшей; такъ, напримѣръ, признавали они власть Россіи и подчинялись ей до тѣхъ поръ, пока турки не переманили ихъ на свою сторону; а какъ только турки оказались разбитыми—курды немедленно стали изъявлять опять покорность нашимъ властямъ) и 5) Езиды—они тоже могутъ быть причислены къ курдамъ. Отличіе ихъ отъ курдовъ отличается главнымъ образомъ тѣмъ, что они менѣе склонны къ разбою и полудикой жизни. Перекочевывая съ одного мѣста на другое они всегда выбираютъ уединенныя мѣста, занимаются немного земледѣліемъ, но преимущественно скотоводствомъ. Езиды большею частью скромнаго нрава и весьма гостепріимны. Вѣрованія ихъ точно неизвѣстны, потому что они скрываютъ ихъ, но по нѣкоторымъ даннымъ есть предположенія, что особенность ихъ религіи состоитъ именно въ поклоненіи падшему ангелу, который, по ихъ понятіямъ, нѣкогда долженъ возвратиться чистымъ, свѣтлымъ и могущественнымъ въ лоно Всевышняго. Этотъ ангелъ, по ихъ вѣрованіямъ, тогда вспомнитъ объ езидахъ, единственныхъ своихъ поклонникахъ. Не касаясь здѣсь свѣдѣнія о положеніи нашихъ военныхъ дѣлъ въ Арменіи въ настоящую войну, можемъ только напомнить, что о дѣлахъ этихъ съ должною подробностію и своевременно сообщалось уже на страницахъ „Нивы“ и въ особенности въ отдѣлѣ ея политическихъ и военныхъ извѣстій, на которые и смѣемъ указать и въ настоящемъ №.

Переправа русской артиллеріи чрезъ Рѣшицу.

Помѣщаемый рисунокъ даетъ нѣкоторое понятіе о трудностяхъ, какія приходится преодолѣвать нашимъ войскамъ въ ихъ боевыхъ передвиженіяхъ на театрѣ войны. Небольшая рѣчка Рѣшица (не вдалекѣ отъ центра дѣйствій нашихъ войскъ, окружающихъ Плевну) видимо сильно разлилась отъ продолжительныхъ дождей и дѣлаетъ переправу чрезъ нее чрезвычайно затруднительной. Но, какъ видно, эти затрудненія всетаки оказываются безсильными въ борьбѣ съ настойчивостью и энергіей русскихъ войскъ.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

О взятіи штурмомъ, 9-го ноября, крѣпости Карса, упомянуто уже въ политическомъ обозрѣніи 46 № «Нивы» Теперь мы должны начать наше обозрѣніе сообщеніемъ нѣсколькихъ подробностей этого блестящаго дѣла. Карсъ былъ взятъ въ ночь съ 5-го на 6-е ноября. Энергическій штурмъ этой крѣпости веденъ былъ на юго-восточные форты съ демонстраціями противъ остальныхъ фортовъ.

Библиотека "Руниверс"

Форты Хофисъ-Канлы и Субари были взяты нашими штурмовыми колоннами, которыя проникли потомъ въ форты Карадахъ и Арабъ. Эти послѣдніе были захвачены командами охотниковъ: Карадахъ съ тыла, а Арабъ съ фронта. На слѣдующее утро гарнизонъ этихъ фортовъ пытался бѣжать въ горы, но былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ. По другимъ извѣстіямъ, дополняющимъ представленіе объ этомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что форты Хафисъ—Карадахъ взялъ *Фадѣевъ* съ кутаисцами. Графъ *Граббе* командовалъ перновцами, полковникъ *Бѣлинскій* — пятигорцами. Нашими трофеями при взятіи Карса были: болѣе 10,000 плѣнныхъ, до 300 орудій и огромные запасы. Наши потери простираются до 2,500 убитыми и ранеными. На слѣдующее послѣ взятія утро 6,000 турокъ пытались было пробиться къ *Ольтѣ*, но были взяты въ плѣнъ нашею кавалеріей.

Съ нашей стороны при этомъ штурмѣ пали геройскою смертью: генералъ-маіоръ графъ *Граббе* (командовавшій перновцами); командиръ 3-го гренадерскаго Перновскаго полка полковникъ *Бѣлинскій* (командовавшій пятигорцами); полковникъ 131 пѣхотнаго Пятигорскаго полка *Бучкіевъ* и командовавшій 1-мъ Кавказскимъ стрѣлковымъ батальономъ маіоръ *Геричъ*. Засимъ умеръ отъ ранъ командиръ 4-го Кавказскаго стрѣлковаго батальона подполковникъ князь *Меликовъ*. Наши войска не пользовались всею богатою добычей, какою могли бы воспользоваться: они щадили мирныхъ гражданъ Въ-теченіе дня ходомъ боя руководилъ генералъ Лорисъ-Меликовъ. Его Высочество Августѣйшій Главнокомандующій Великій Князь Михаилъ Николаевичъ также присутствовалъ въ рѣшительныя минуты боя. Вступленіе въ Карсъ генерала Лорисъ-Меликова произошло въ воскресенье 6 (18) ноября въ 11 часовъ утра.

Объ огромномъ значеніи этого послѣдняго событія—взятія первоклассной турецкой крѣпости, даже англо-туркофильскія газеты не могутъ говорить иначе, какъ въ нашу пользу. Лондонскія газеты единодушно признаютъ паденіе Карса «блистательнѣйшимъ нашимъ пріобрѣтеніемъ» въ текущую войну и въ высшей степени серьезнымъ ударомъ для Турціи.

Въ военномъ отношеніи, въ смыслѣ преодолѣнія многихъ искусственныхъ, устроенныхъ инженерами преградъ, взятіе Карса *) въ настоящую войну представлялось дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ въ войну Крымскую. Но въ 1855 г. наши усилія взять Карсъ разбились: мы безплодно потеряли тогда 8,000 человѣкъ. Въ настоящую Карсъ соединялъ въ себѣ всѣ средства защиты, какія могутъ представить инженерное и артиллерійское искусство. Крѣпость эта была окружена казематированными постройками, цѣлымъ рядомъ фортовъ, далеко выдвинутыхъ впередъ и также казематированныхъ и снабженныхъ орудіями дальняго боя. Но все это, однако, не помогло и грозно вооруженная твердыня пала предъ нашими героями.

Но что же нужно дѣлать теперь, послѣ геройскаго взятія Карса? Отвѣтъ уже ясно видѣнъ въ самихъ совершающихся событіяхъ. Наши войска идутъ на Эрзерумъ и въ этомъ направленіи должна сосредоточиться большая часть нашихъ силъ. Эрзерумъ будетъ послѣднимъ пограничнымъ южнымъ пунктомъ завоеванной нами площади. Къ сѣверо-западу отсюда такимъ пунктомъ будетъ *Батумъ*; затѣмъ преслѣдуя Мухтара-пашу, наши войска могутъ двинуться и на Трапезунтъ. Прилагаемая къ настоящему № пунктированная карта Азіатскаго театра войны дастъ читателю понятіе о важномъ значеніи тѣхъ пограничныхъ пунктовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Громадная прямая линія между Батумомъ и Эрзерумомъ, должна быть здѣсь нашимъ оплотомъ противъ турецкихъ вторженій въ нашу область съ запада, изъ Анатоліи, и если вновь когда либо произойдетъ на этомъ театрѣ война, то эта линія должна быть естественнымъ базисомъ нашихъ операцій. Читатель увидитъ на прилагаемой картѣ пространство карскаго пашалыка, огромнымъ клиномъ протягивающагося отъ Александрополя къ юго-западу. Весь этотъ пашалыкъ находится теперь въ нашихъ рукахъ. Засимъ вся линія отъ Персидской границы до Чернаго моря очищена отъ непріятеля. Читателю будетъ понятно, что въ виду обезпеченія указанной нами прямой линіи, кромѣ Эрзерума, должны будутъ направиться и на Батумъ.

На Дунайскомъ театрѣ войны, за прошлую недѣлю, было одно имѣющее относительную важность дѣло—это наступательное движеніе **) Сулеймана-паши на армію Его Высочества Наслѣдника Цесаревича, и именно на лѣвое крыло этой арміи, имѣвшее расположеніе къ сѣверо-востоку отъ Бѣлы, по обѣ стороны Бѣло-Рущукскаго шоссе. Нападеніе турокъ было стремительно, и имъ, дѣйствительно, сначала удалось оттѣснить наши передовые посты по всей линіи и прорваться къ Пиргосу. Подробности этого дѣла слѣдующія.

7-го ноября, 16 турецкихъ таборовъ, переправившись черезъ Ломъ у Рущука, Бессарбова и Ивана-Чивтлика, стремительно аттаковали наши авангардныя позиціи, какъ-то: *Пиргосъ*, *Хангюль*, *Чесме* и между *Чивтликомъ* и *Тростеникомъ*. Но послѣ упорнаго боя турецкіе таборы были отражены на всѣхъ пунктахъ. Особенно упорнымъ былъ бой у Пиргоса. Здѣсь 2 роты Азовскаго и Днѣпровскаго полковъ истинно героически защищались противъ громаднаго превосходства турецкихъ силъ. Правда, эти роты, понеся значительныя потери, на время отступили по направленію къ Мечкѣ. Но тогда перешла въ наступленіе вся 1-я бригада 12-й дивизіи и, выбивъ турокъ изъ Пиргоса, отбросила ихъ за Ломъ, хотя при этомъ турки и сожгли Пиргосъ. Результатомъ вытѣсненія турокъ за Ломъ было то, что наши передовые посты заняли свои прежнія мѣста по всей линіи. Мы потеряли въ этомъ бою до 180 человѣкъ, въ томъ числѣ до 50 человѣкъ убитыми. Турки страшно обезобразили трупы нашихъ убитыхъ, о чемъ и составленъ былъ актъ.

Въ это же время нашимъ удалось узнать приблизительно турецкую силу отъ непріятельскихъ перебѣжчиковъ. По показанію послѣднихъ, у Рущука находится 30,000 турокъ, въ Разградѣ 20,000; а остальная турецкая сила, дѣйствующая въ этой мѣстности, находится съ Сулейманомъ-пашею въ *Эски-Джумѣ* (къ западу отъ Шумлы). Въ этотъ же день (7 ноября) по случаю взятія *Карса* наши сдѣлали *салютъ* Рущуку съ Журжевскихъ баттарей. Турки отвѣчали на салютъ и перестрѣлка продолжалась довольно долгое время.

Добавимъ здѣсь, что Порта, въ виду отчаяннаго положенія своихъ дѣлъ, рѣшается биться съ нами съ удвоеннымъ ожесточеніемъ. Сдѣлано распоряженіе о производствѣ ускореннаго набора войскъ въ Азіи. Работы по возведенію укрѣпленій на пути изъ Бруссы въ Эрзерумъ возобновлены. Въ Трапезунтъ послана эскадра. Бывшій сердаръ-экремъ, Мехемедъ-Али-паша, находится теперь въ Софіи. Сюда недавно прибылъ Адріанопольскій гарнизонъ въ 18,000 челов. при 35 орудіяхъ и ходятъ слухи, что Мехемедъ-Али-паша скоро поспѣшитъ на выручку Османа-паши изъ Плевны.

Наконецъ было еще блистательное дѣло на прошлой недѣлѣ со стороны румынъ. Послѣ упорнаго боя, 7-го ноября, румыны взяли *Рахово* (къ западу отъ Искера, при впаденіи р. Огуста въ Дунай). Турки отступили, и наша кавалерія, въ соединеніи съ однимъ румынскимъ батальономъ, преслѣдовала ихъ. Рахово занято теперь сильнымъ отрядомъ. Въ это же время румынскія баттареи въ Калафатѣ (противъ Виддина) потопили турецкій мониторъ.

За симъ изъ Бѣлграда извѣщаютъ, что сербскій князь Миланъ отправится въ армію въ началѣ будущаго декабря. Турки уже успѣли принять угрожающее положеніе относительно Сербіи, не смотря на ея нейтралитетъ. Они разбили лагерь въ недалекомъ разстояніи отъ сербской границы.

Въ прошломъ обозрѣніи, говоря о Черногоріи, мы упоминали о взятіи черногорцами форта Суторманъ, господствующаго надъ городомъ Антиварн. За прошлую недѣлю получено извѣстіе, что черногорцы уже взяли штурмомъ Антиварн и направились къ *Дульцинъяно* (это уже дальше къ юго-западу, тамъ, гдѣ материкъ Албаніи сильнымъ угломъ вдается въ Адріатическое море). Константинопольскія телеграммы, разумѣется, упорно отрицаютъ успѣхи черногорцевъ. Такъ Али-Санбъ-паша (командующій турецкими войсками на границѣ Албаніи и Черногоріи) недавно донесъ изъ Скутари, что черногорцы безуспѣшно аттаковали укрѣпленія Кармона, защищающія дорогу изъ Антиварн въ Скутари и занятыя 4,000 турокъ, и что черногорцы, потерявъ 3,000 человѣкъ, должны были отступить. Съ другой стороны черногорцы на прошлой недѣлѣ взяли фортъ, господствующій надъ Спиццею. Сама же Спицца была взята ими прежде. При взятіи Антиварн черногорцы срыли принадлежащій къ этому форту Дербентскій бастіонъ и въ самомъ городѣ большая часть домовъ разрушена бомбардированіемъ. Въ Антиварійской гавани теперь уже нѣтъ турецкихъ судовъ.

Политическій интересъ на прошлой недѣлѣ попрежнему сосредоточивался на Франціи. Положеніе дѣлъ здѣсь за прошлую недѣлю нисколько не улучшилось. Въ началѣ недѣли ходили слухи о намѣреніи маршала Макъ-Магона подать въ отставку. Вопросъ о спасеніи французскаго общества правительствомъ «нравственнаго порядка» превратился въ мизерный и жалкій вопросъ о «спасеніи самаго маршала». Министры же, спасители общества, превратились предъ судомъ этого самаго общества въ простыхъ подсудимыхъ. Бюджетная коммисія, имѣющая такое огромное значеніе для политической жизни Франціи, сформировалась изъ однихъ только республиканцевъ, безъ всякаго участія въ ней представителей министерства. Старое министерство пало, Макъ-Магонъ безпрекословно принялъ прошеніе министровъ объ отставкѣ и списокъ новыхъ министровъ, помѣщаемый обыкновенно въ «Journal Officiel», будетъ готовъ вскорѣ. Въ числѣ министровъ красуются имена довольно неизвѣстныя, исключая министра народнаго просвѣщенія *Ватби*, министра финансовъ *Пуйэ-Кертье* и министра торговли *Дюпюи-дю-Лома*. Парламентская слѣдственная коммисія намѣрена совѣщаться въ закрытыхъ засѣданіяхъ. Наконецъ Гамбетта былъ выбранъ въ президенты бюджетной коммисіи, при чемъ заявилъ, что онъ и всѣ республиканцы «сохранятъ въ своихъ дѣйствіяхъ строгую законность».

Въ Берлинѣ произвелъ большое волненіе случай ареста одного поляка, навлекшаго на себя подозрѣніе въ намѣреніи покуситься на жизнь Императора Вильгельма и князя Бисмарка. Арестованный сначала сознался было, но затѣмъ отрекся отъ прежняго показанія. Вообще есть мнѣніе, что это дѣло просто мистификація праздношатающихся и безнравственныхъ людей.

— Съ самаго начала войны число взятыхъ нами въ плѣнъ турокъ доходитъ уже болѣе чѣмъ до 40,000. Ожидаютъ, что общее число плѣнныхъ турокъ, по ожидаемомъ взятіи нами Плевны и по окончаніи войны, будетъ доходить у насъ до 200,000. Что намъ съ ними дѣлать.

Въ Восточной Азіи готовится вспыхнуть война между Китаемъ и Сіамомъ. Послѣднее государство въ теченіе 20 лѣтъ отказывалось отправлять пословъ съ данью въ Китай и признавать его верховную власть. Теперь Китай требуетъ уплаты всей просроченной дани, между тѣмъ какъ Сіамъ ссылается на свои независимые договоры съ иностранными державами. Вслѣдствіе этого предстоитъ опасность

*) Въ Карсѣ теперь учреждена уже телеграфная станція съ пріемомъ депешъ внутренней корреспонденціи.

**) Движеніе это было съ юго-востока, черезъ р. *Ломъ*, о которомъ уже намъ много разъ случалось говорить.

Библиотека "Руниверс"

войны. Китай весьма рѣшительно относится къ этому вопросу со времени смерти Якубъ-хана и полученія извѣстій о русскихъ неудачахъ на театрѣ войны.

Въ свое время мы сообщали о запрещеніи вывоза заграницу хлѣба теперь, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія послѣдовало распоряженіе о воспрещеніи изъ портовъ Чернаго и Азовскаго вывоза за границу всякаго рода жизненныхъ припасовъ и продуктовъ продовольствія.

Съ разрѣшенія Главнокомандующаго кавказскою арміей состоялось распоряженіе, что-бы частныя посылки, отправляемыя изъ Россіи на Кавказъ были сдаваемы на почту вѣсомъ *до одного пуда* каждая.

Небезъинтереснымъ считаемъ сообщить въ дополненіе къ сообщеннымъ уже нами свѣдѣніямъ о предполагающейся постройкѣ моста чрезъ Дунай, что извѣстный строитель моста чрезъ Неву, инженеръ полковникъ Струве, вызванъ на Дунай для участія въ постройкѣ проектированнаго моста чрезъ эту рѣку.

Въ день столѣтней годовщины рожденія Императора Александра I, 12 декабря, предполагается въ Москвѣ большое музыкальное празднество въ пользу «Краснаго Креста»; въ Петербургѣ-же празднованіе этого дня предполагается исполнить съ большою торжественностью, подобно тому, какъ праздновался день двухсотлѣтняго юбилея рожденія Петра Великаго.

Въ день хромового праздника, 6 ноября, воспитанники морского училища отказались отъ бала, и деньги, употребляемыя на устройство его, отданы въ распоряженіе «Краснаго Креста».

По почину одного изъ нашихъ агрономовъ у насъ образовалось товарищество съ довольно значительнымъ капиталомъ для устройства въ уѣздахъ великороссійскихъ губерній сѣмяныхъ депо, для продажи крестьянамъ хорошихъ хлѣбныхъ и огородныхъ сѣмянъ. Депо это предполагаетъ начать свою дѣятельность открытіемъ въ скоромъ времени нѣсколькихъ депо въ уѣздахъ С.-Петербургской и нѣкоторыхъ смежныхъ съ нею губерній. Недостаточнымъ крестьянамъ предполагается продавать съ уплатой въ разсрочку за поручительствомъ односельцевъ.

По свѣдѣніямъ министерства путей сообщенія, къ сентябрю настоящаго года, протяженіе открытыхъ для движенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи составляло 19,164 версты. Протяженіе это имѣетъ увеличиться прибавленіемъ къ нему дорогъ: Риго-Туккумской (отъ Маіоренгофа до Туккума), 44 версты, Сесторѣцкой,—4 версты и пятаго участка Одесской желѣзной дороги,—36 вер. Кромѣ того въ будущемъ году ожидается открытіе слѣдующихъ желѣзныхъ дорогъ: а) Новгородской 89 в., б) Донецкой 477 вер. и в) Сумской 223 в.; по приблизительнымъ разсчетамъ, открытіе должно послѣдовать: первой дороги—23 апрѣля, второй—29 іюля и послѣдней—26 сентября 1878 года. За симъ, какъ слышно, весною должны начаться усиленныя работы по соединенію рельсовымъ путемъ потифлисской желѣзной дороги съ владикавказско-ростовскою, если притомъ къ этому времени окончатся военныя дѣйствія. Соединительная линія начнется у города Горн и пройдетъ по Ліахвской долинѣ.

Обращаемъ вниманіе читателей на то, что херсонское губернское собраніе передъ своимъ закрытіемъ постановило ходатайствовать о перенесеніи губернскаго центра изъ Херсона въ городъ Одессу. Чѣмъ вызывается необходимость такого ходатайства—сказать пока трудно.

Изъ постановленій земскихъ собраній Вятской губерніи видно, что хлѣба для продовольствія на слѣдующій годъ, не хватитъ на всѣ уѣзды губерніи, и ссуды потребуются тѣмъ значительнѣе, чѣмъ меньше какой уѣздъ въ нихъ прежде нуждался. По Малмыжскому уѣзду потребуется ссуда въ 345,000 р. по Яранскому въ 60,000 р. Глазовскому 40,000 р. Елабужскому въ 25,000 р. Самая огромная и небывалая доселѣ нужда въ хлѣбѣ падаетъ на Уржумскій уѣздъ. Ссуда на него потребуется въ размѣрѣ 800,000 пуд. ржи на сумму 560,000 р. считая по 70 к. за пудъ, и на обсѣмененіе полей будущей весной овса 625,000 пуд. на 437,000 р. (по 70 к. пудъ); всего на сумму 997,000 р. А такъ какъ въ наличности таковой суммы не имѣется, то уржумское собраніе пришло къ заключенію обратиться съ ходатайствомъ объ отпускѣ изъ государственнаго продовольственнаго капитала нужной суммы, съ уплатою по частямъ въ теченіи 3 лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Осень** (стихотвореніе) (съ рисункомъ) **С.—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева.** Часть третія. (Продолженіе).—**Фотографическія карточки изъ альбома гувернантки. Бабушкинъ милліонъ Е. Щепкиной.**—**Геройская смерть маіора Горталова** (съ рисункомъ)—**Битва при Горномъ Дубкянѣ** (съ рисункомъ).—**Генералъ-лейтенантъ И. Д. Окольжіо** (съ портретомъ).—**Передъ дуэлью** (съ рисункомъ) **Я.—Минаретъ Тшяфте въ Эрзерумѣ** (съ 2-мя рисунками).—**Развалины замка.—Арменія** (съ картой).—**Переходъ русской артиллеріи чрезъ Рѣшицу** (съ рис.).—Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Главный складъ для всей Россіи С.-Петербургъ

уголъ Николаевской и Невскаго пр. № 71—2.

О МАЛЬЦѢ ЭКСТРАКТНОМЪ-ПИВѢ.

Бохнія. За прилагаемые 28 гул. 10 кр. извольте выслать мнѣ 28 бут. мальцъ-экстракта. 1 ф. шоколаду и на остальные грудные мальцъ-конфекты. Кнеслъ, чиновникъ.

Цѣна за 6 бут. 1 р. 98 к.—13 бут 3 р. 99 к.—35 бут. 9 р. 99 к.—Для отправленій въ провинціи ящикъ съ упаковк. (кромѣ пересылки) 33 бут. 10 р. 80 к.—70 бут. 21 р. 10 к.

О МАЛЬЦѢ-ЭКСТРАКТНЫХЪ ГРУДНЫХЪ КОНФЕКТАХЪ

Цѣна 1 мѣшка 50 к.—5½ мѣшк. 2 р. 50 к.—11 мѣшк 5 р.,—22 мѣшк. 10 р.

О МАЛЬЦѢ-ЭКСТРАКТНОМЪ ШОКОЛАДѢ.

Одрау. Вашъ мальцъ шоколадъ для здоровья прошу васъ прислать мнѣ нынѣ же съ почтовымъ поѣздомъ 10 фун. № I. Матвѣй Гаусперъ.

Заацъ. Вслѣдствіе сдѣланнаго съ успѣшной пользою испытанія фабриката вашего, прошу васъ выслать мнѣ 2 фун. мальцъ-шоколада для здоровья Медицины д-ръ Карлъ Валлеръ, городской врачъ.

Штульейссанбургъ. Прошу васъ прислать мнѣ 5 фун. шоколаду и 1 коробку грудныхъ мальцъ-конфетъ. Леонъ Франкъ, общинный нотаріусъ.

Цѣна за 1 фунтъ 1 р. 90 к.—5½ ф. 9 р. 50 к.—11 ф. 19 р.—22 ф. 38 р.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ КНИЖ. СКЛАДѢ Г. СТАСЮЛЕВИЧА В. О. 2 Л. № 7, ВЪ РУС. КН. ТОРГОВ. Г. ПОКРОВСКАГО, НЕВСКІЙ № 42., ВЪ МОСКВѢ У Г. КОШКИНА. НОВАЯ КНИГА ДЛЯ ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА **„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПРИРОДЫ И ЖИЗНИ“** 1

22 рис. въ текстѣ и 6 отд. картинъ.

Содержаніе: Соль. Сахаръ. Бумага. Чай. Хлопокъ. Иголка. Жилище. Рисъ. Собаки (стихотвореніе). „Джорджъ Роллестонъ“ (разсказъ). Цѣна 1 р. 50 к., въ красивомъ переплетѣ 2 р., въ папкѣ 1 р. 75 к. Обращающіеся въ **складъ** за пересылку **не платятъ** № 36

Складъ изданія: Поварской пер. д. № 2 кв. № 14. К. В. Назаровой.

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ И РИМА 2
по преимуществу внутренней жизни.
Соч. Андрея Ткачева цѣна 2 ч. 2 руб.
Отзывы 1876 г. Спб. В. № 63, Голосъ 178, Нов. Вр. 20, Вѣрн. Вѣд. 94, Женское Обр. 1—2, Пед. Муз. 8, Нед. 13—14, Дѣт. Садъ 5—6. 1877 г. Ж. М. Н. Просв. № 3.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:
ПТИЦЕВОДСТВО. № 37

Практическое наставленіе изъ домашнихъ сорокавѣтнихъ опытныхъ записокъ (1834—1874) настоящей русской птицеводки о самомъ правильномъ и вполнѣ практическомъ разведеніи и содержаніи всякой дворовой птицы. Сост. **Ар Арбашевъ.** Спб. 1877 года. Ц. 75 к., съ перес. 90 к., въ папкѣ 1 р.

КОМНАТНОЕ ЦВѢТОВОДСТВО.

Подробное наставленіе для разведенія и воспитанія комнатныхъ, какъ луковичныхъ, такъ древесныхъ и травянистыхъ растеній. Изданіе 2-е, значительно исправленное и дополненное.

Спб. 1877 г. 104 стр. Ц. **60** к, съ перес. **75** коп.

Кто не любитъ цвѣтовъ? Въ рѣдкомъ домѣ, въ рѣдкой квартирѣ можно не встрѣтить горшка-другого какого-нибудь такъ-называемаго комнатнаго растенія. Но какъ рѣдко въ то же время можно встрѣтить эти растенія роскошно растущими и цвѣтущими, и какъ часто они поражаютъ своимъ плачевнымъ и жалкимъ видомъ! Все зависитъ отъ ухода за растеніями, отъ умѣнья обращаться съ ними. Чтобъ растеніе росло и цвѣло, надо знать его требованія, прихоти, а они очень разнообразны. Одно растеніе требуетъ такой земли, другое—другой; одно любитъ частую поливку, другому она вредна; одно требуетъ теплоты и солнца, другое нуждается въ прохладѣ и тѣни. Поэтому, кто хочетъ имѣть хорошія комнатныя растенія, тотъ долженъ умѣть обращаться съ ними. Въ этомъ отношеніи и могутъ быть полезны такія наставленія относительно разведенія и воспитанія комнатныхъ растеній, какъ изданное **„Комнатное цвѣтоводство“**, въ которомъ изложены нужныя правила ухода за всѣми почти болѣе или менѣе часто встрѣчающимися въ домахъ растеніями. (Сынъ Отечества, 1877 года № 110).

Продается у книгопродавца **И. Л. Тузова**, въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой Улицѣ, въ домѣ нижняго корпуса, противъ гостиннаго двора. 1

ПОДПИСКА 1
НА
СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.
1878 года,

ежедневную газету политическую, литературную и юридическую.

„Сѣверный Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1878 году на прежнихъ основаніяхъ и по прежней программѣ, при ближайшемъ сотрудничествѣ **В. Ѳ. Корша.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ РОССІИ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.	Съ пересылкой.		Безъ доставки.	Съ доставкой.	Съ пересылкой.
На годъ	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р.	На 6 м.	8 р. — к.	9 р. — к.	10 р. — к.
„ 11 м.	13 „ 75 „	15 „ — „	16 „	„ 5 „	6 „ 75 „	7 „ 75 „	9 „ — „
„ 10 „	13 „ — „	14 „ — „	15 „	„ 4 „	5 „ 50 „	6 „ 25 „	7 „ 50 „
„ 9 „	12 „ — „	13 „ — „	14 „	„ 3 „	4 „ 25 „	5 „ — „	6 „ — „
„ 8 „	10 „ 50 „	11 „ 75 „	13 „	„ 2 „	2 „ 80 „	3 „ 50 „	4 „ — „
„ 7 „	9 „ 25 „	10 „ 50 „	12 „	„ 1 „	1 „ 50 „	1 „ 75 „	2 „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ "СѢВЕРНАГО ВѢСТНИКА" (Малая Садовая, 2) и **въ книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича** (В. О., 2 л, 7); **въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева** (Страстной бульваръ, д. Алексѣева).

Подписка считается не иначе, какъ **съ 1 числа** каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, или по соглашенію съ главной конторой; для неслужащихъ—по личному или письменному соглашенію съ главной конторой (Малая Садовая, 2).

При этомъ № прилагается для гг. многор. подписч. 1) объявленіе отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ. и 2) отъ редакціи газета «Русскій Міръ» въ С.-Петербургѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 18 Ноября 1877 г. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 48 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ и ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 28 Ноября 1877 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23.500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать редакціонные адресы отъ бандеролей, въ которыхъ получается „Нива" въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. „НИВЫ" НА 1878 Г. { Безъ доставки въ ПБургѣ. 4 р. | Съ доставкою . . . . . 5 „ | Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ . . . 5 р. | Съ пересылкою въ Москву и друг. города Русской Имперіи . . . . 6 „

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С-ПБУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

Генералъ-маіоръ Ю. А. Лошкаревъ, командиръ 9-й кавалерійской дивизіи.

На страницахъ „Нивы", въ отдѣлѣ ея политическихъ и военныхъ извѣстій за текущій 1877 г. уже не разъ упоминалось имя генерала Лошкарева и кромѣ того въ № 41 былъ помѣщенъ на страницѣ 660 рисунокъ, изображающій форсированную рекогносцировку мѣстности въ долинѣ рѣки Вида, произведенную подъ начальствомъ Юрія Александровича Лошкарева. Въ послѣднихъ военныхъ событіяхъ на Дунаѣ, именно при взятіи нашими войсками Горнаго Дубняка и Телиша, снова не разъ упоминается о дѣйствіяхъ кавалеріи подъ начальствомъ генерала Лошкарева. Такъ, напримѣръ, кавалерія эта имѣла участіе въ битвѣ подъ Плевной съ 26-го по 31 августа, когда ей было приказано идти черезъ Рыбинъ къ с. Дольній Дубнякъ на Софійское шоссе въ тылъ непріятелю.

10-го сентября, когда турки сдѣлали наступленіе въ направленіи отъ Горнаго Дубняка къ Дольнему Дубняку, угрожая такимъ образомъ корпусу генерала Крылова, тогда кавалерія генерала Лошкарева оказала помянутому корпусу помощь, на-

Генералъ-маіоръ Ю. А. Лошкаревъ, ком. 9 кавалерійской дивизіи.
отогр. рис. Мукаровскій, грав. Мара.

правившись по дорогѣ къ Телишу, въ тылъ непріятеля. Въ послѣдней же битвѣ 24-го октября у Горнаго Дубняка, генералъ Лошкаревъ съ кавалеріей стоялъ по ту сторону Вида; артиллерія его была расположена уступообразно на высотахъ Курчивицы. Изъ всего вышеупомянутаго видно, что обстоятельства настоящей войны поставили генерала Юрія Александровича въ самомъ, такъ сказать, первенствующемъ центрѣ военныхъ дѣйствій, на которыя въ настоящее время обращено вниманіе не только всей Европы, но всего образованнаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, кто же теперь не интересуется положеніемъ дѣлъ въ центрѣ настоящей войны, кто не спрашиваетъ о дѣлахъ подъ Плевной?

Но интересуясь такимъ образомъ совершающимися событіями подъ Плевной и сознавая ихъ громадное значеніе въ военномъ и политическомъ отношеніи, читатели, конечно, не могутъ не интересоваться тѣми дѣятелями, которые такъ или иначе участвуютъ въ ходѣ этихъ событій. Къ числу такихъ дѣятелей, само собою понятно, относится и гене-

Библиотека "Руниверс"

ралъ-маіоръ Юрій Александровичъ Лошкаревъ, командующій девятой кавалерійской дивизіей.

Нужно замѣтить между прочимъ, что фамилія Лошкаревыхъ издавна занимаетъ почтенное мѣсто въ ряду другихъ извѣстныхъ русскихъ фамилій. Предокъ Лошкаревыхъ, именно Сергѣй Лазаревичъ Лошкаревъ въ прошломъ столѣтіи занималъ дипломатическій постъ въ Царьградѣ. Онъ игралъ роль при заключеніи Императрицею Екатериною мира съ Турціей въ Яссахъ.

Юрій Александровичъ Лошкаревъ былъ произведенъ изъ камеръ-пажей корнетомъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ 14-го августа 1847 года. Изъ этого полка онъ въ 1863 году былъ назначенъ полковымъ командиромъ 4-го Драгунскаго Екатеринославскаго имени блаженной памяти Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны полка. Съ этимъ полкомъ Юрій Александровичъ участвовалъ въ многочисленныхъ дѣлахъ противъ инсургентовъ во время польскаго возстанія. Такихъ дѣлъ признано считать за полкомъ болѣе шестидесяти, и на сколько драгуны показали себя заслуживающими наградъ, видно изъ того, что Георгіевскихъ крестовъ ими получено за эти дѣла болѣе ста, не считая другихъ наградъ, полученныхъ офицерами, нѣкоторыми даже по двѣ и по три; самъ же полковой командиръ удостоенъ былъ ордена Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ.

Въ 1868 г. Юрій Александровичъ произведенъ въ генералы и назначенъ былъ въ одесскій военный округъ въ 47 кавалерійскую дивизію. Служа въ этой дивизіи, Юрій Александровичъ завѣдывалъ казачьими полками, для требовавшагося въ то время ихъ преобразованія. За пять лѣтъ его завѣдыванія преобразованіемъ этихъ полковъ девять изъ нихъ были представлены въ блестящемъ видѣ Его Императорскому Величеству. Въ 1872 г. Юрій Александровичъ удостоенъ награды, орденомъ Анны 1-й степени. Съ 1876 года назначенъ командующимъ девятою кавалерійскою дивизіею (бывъ предварительно въ теченіи года ея бригаднымъ командиромъ) и въ настоящее время находится съ этою дивизіей, въ составѣ нашей дѣйствующей арміи на Дунаѣ, именно въ девятомъ армейскомъ корпусѣ

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

V.

Вѣсть о помолвкѣ Императора быстро облетала всю Москву. Всюду, отъ дворца до самаго бѣднаго домика только и толковали, что объ этой предстоящей свадьбѣ. Ненависть къ Долгорукимъ дошла до послѣдней степени, но теперь было не время проявляться этой ненависти и всѣ ее затаили, всѣ прикрывали ее видомъ любезности и почтительности. Однимъ словомъ точь въ точь повторялось все, что уже было въ послѣдніе дни Меншиковскаго величія.

Баронъ Андрей Ивановичъ не меньше другихъ пораженный и опечаленный рѣшеніемъ Императора, теперь зналъ уже навѣрное что Долгорукихъ ожидаетъ страшная судьба, только еще не могъ придумать какъ произойдетъ она. Онъ удвоилъ знаки дружбы и почтительности къ Алексѣю Григорьевичу, а молодому Императору ни о чемъ и не заикнулся, поздравляя его въ самыхъ утонченныхъ выраженіяхъ.

— Андрей Иванычъ, проговорилъ Петръ, что жь ты мнѣ больше ничего не скажешь? Чтожь ты одобряешь мой выборъ? Скажи что нибудь, Андрей Иванычъ.

— Ваше величество ужь вышли изъ тѣхъ лѣтъ, когда мой голосъ могъ и долженъ былъ имѣть значеніе при вашихъ рѣшеніяхъ. Вы сами одарены разумомъ, знаете что дѣлаете, и я только могу принести вамъ мое всеподданнѣйшее поздравленіе.

Ничего больше Императоръ не добился отъ Андрея Ивановича.

19 ноября нѣкоторымъ особамъ, въ томъ числѣ канцлеру графу Головкину и Остерману, приказано было явиться въ домъ князя Алексѣя Долгорукаго и тамъ при нихъ Петръ объявилъ о томъ, что вступаетъ въ бракъ съ княжной Катериной. Въ лицѣ его не было ни кровинки, когда онъ произносилъ страшныя для него слова. Онъ дѣйствовалъ какъ будто безсознательно, повторялъ словно не свои, а чужія и только заученныя имъ на память рѣчи. Невѣста его тоже не показывала никакихъ признаковъ счастья и веселья: исполнялся обрядъ необходимый—и только. Государь пробылъ въ домѣ Долгорукихъ еще съ часъ времени и затѣмъ уѣхалъ. Но всѣ ясно слышали какъ передъ отъѣздомъ онъ обратился къ Остерману и сказалъ ему:

— Андрей Иванычъ, распорядись, сдѣлай милость, чтобъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ былъ отправленъ гонецъ въ Покровское, (она послѣдніе мѣсяцы жила въ деревнѣ). Пусть она пріѣзжаетъ сюда, я непремѣнно хочу ее видѣть.

Послѣ этихъ словъ многіе переглянулись. Иные изъ Долгорукихъ даже смутились сильно. Но Алексѣй Григорьевичъ думалъ: „нѣтъ, теперь ужь кончено, теперь никто и ничто не вырветъ его изъ рукъ нашихъ“.

Герцогъ де-Лиріа, присутствовавшій при этомъ, предположилъ, что царь намѣренъ выдать Елисавету за Ивана Долгорукаго, а если она откажется, то онъ ей предложитъ монастырь. Но герцогъ де-Лиріа во время своего пребыванія при дворѣ московскомъ дѣлалъ не мало разныхъ неосновательныхъ предположеній.

Какъ бы то ни было, царь уѣхалъ изъ дома Долгорукаго; а за нимъ скоро поднялись и всѣ приглашенные.

Прощаясь съ хозяевами, всѣ разсыпались передъ ними въ любезностяхъ, толковали о чувствахъ своего глубочайшаго почтенія и уваженія, ввѣряли себя въ милость новой родни Государевой. Когда всѣ разъѣхались, да и сами Долгорукіе разошлись по своимъ покоямъ, къ княжнѣ съ самымъ таинственнымъ видомъ подошла одна изъ ея камеристокъ.

— Княжна, матушка, государыня моя милостивая, нужно мнѣ тебѣ сказать слово одно тайно, шепнула она.

— Что такое, Любаша?

Любаша боязливо оглянулась во всѣ стороны, но никого по близости не было. И она всунула въ руку княжнѣ маленькую записочку. Та сразу поняла отъ кого эта записка и жадно прочла ее. Графъ Милезимо въ страшномъ отчаяніи писалъ княжнѣ, что онъ услышалъ невѣроятную, невозможную новость, что не хочетъ вѣрить ей, что непремѣнно, непремѣнно долженъ видѣть княжну—и скорѣй, сейчасъ же, что онъ ждетъ ее за угломъ сада и будетъ ждать тамъ всю ночь, хоть замерзнетъ.

— Точно онъ тамъ? спросила княжна Любашу.

— Тамотко, никакъ часа три стоитъ, съ мѣста не трогается. Будетъ, что ли, отвѣтъ какой, государыня—я сбѣгаю, снесу.

— Пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ въ спальню, быстро заговорила княжна. Принеси мнѣ тихонько свою шубку.

Любаша принесла ей шубку, она ее надѣла, закутала себѣ голову и почти все лице платкомъ, Любашу оставила въ спальнѣ и велѣла ей покрѣпче запереть дверь, а сама тихонько, темными корридорами выбралась изъ дому.

Снѣгъ давно уже выпалъ и послѣдніе дни морозило. Ночь была темная, зги не видно. Съ сосѣднихъ дворовъ лаяли собаки. Тихонько, на каждомъ шагу останавливаясь и прислушиваясь, добралась княжна до садовой калитки. Осторожно отворила ее и пустилась по знакомой дорожкѣ. Снѣгъ не расчищенъ, въ башмаки забирается; вѣтеръ уныло слиститъ надъ головою; деревья черныя, какъ мертвецы стоятъ. Качаются сухіе сучья и стучатъ они другъ о друга словно кости. Да

Библиотека "Руниверс"

и весь этотъ садъ кладбищемъ кажется, такъ страшно въ немъ, такъ холодно, такъ тоскливо. Но ничего этого не видитъ и не замѣчаетъ княжна Катюша. Спѣшитъ она къ садовой рѣшеткѣ. „А! Онъ здѣсь, думается ей, онъ пришелъ, пришелъ крадучись, какъ заяцъ какой нибудь. Только опоздалъ.“

И она все спѣшитъ и вотъ наконецъ у ограды.

— Здѣсь ты? шепнула она.

А онъ ужь разслышалъ въ тишинѣ и темнотѣ ея голосъ. Онъ ужь перелѣзъ черезъ ограду. Вотъ онъ съ нею. Онъ рыдаетъ, онъ говоритъ ей:

— Дорогая моя, правда ли что я слышалъ? нѣтъ вѣдь, быть не можетъ. Неужели ты мнѣ измѣнила? Неужели ты промѣняла любовь мою на земное величіе. Не сама ли сто разъ говорила, что не сдѣлаешь этого, что безъ меня жить не можешь. Что жь это такое? Скажи ради Бога, скажи мнѣ всю правду. Вѣдь обманули меня, солгали вѣдь—ничего этого нѣтъ... не было? Не будетъ?

И онъ простираетъ къ ней свои руки. Онъ силится обнять ее—но она его отталкиваетъ.

— Подальше, графъ, подальше—я не твоя, я чужая невѣста.

— Что жь это... такъ это правда?

— Да, это правда, отвѣчаетъ она мрачнымъ голосомъ, правда. Я выйду замужъ за царя. Я буду царицей и ты меня никогда больше не увидишь. Пришла я проститься съ тобой.

— Охъ! Ужь лучше бы не приходила. Погубила меня, а теперь еще хочешь посмотрѣть что со мной сталось, хочешь издѣваться надъ моими муками лютыми. Видно никогда въ тебѣ не было сердца, видно ты всегда только смѣялась надо мною и меня обманывала!..

— Нѣтъ, я не смѣялась надъ тобой, тихо шептала княжна, я тебя не обманывала. А вотъ ты такъ страшно обманулъ меня. Я тебя любила всей душой своей, я для тебя готова была принести всякія жертвы, отъ всего отказаться, бросить родныхъ, родину, богатство. Все бросить, все забыть, я тебѣ сто разъ — какъ ты самъ говоришь—это повторяла. Я просила тебя, умоляла увезти меня, взять меня съ собою, скрыться. Всякую долю бы приняла я какъ счастье; въ лачужкѣ бѣдной, въ лохмотьяхъ была бы радостна, жила бы однимъ тобою. Вотъ какъ я тебя любила! А любить тебя такъ не слѣдовало. Ты даже и не понялъ любви моей, и не оцѣнилъ ее. Видно и взаправду думаешь ты что лучше и прекраснѣе тебя нѣтъ человѣка на всемъ свѣтѣ, что такъ вотъ мы бѣдные и должны по тебѣ сохнуть!..

Проговоривъ это, вся дрожа и задыхаясь, она вдругъ захохотала дико и страшно,

— Господи! за что такія слова ужасныя, или я не любилъ тебя? Я кажется ничѣмъ не заслужилъ подобныхъ упрековъ. Если бъ звала ты, что теперь со мною дѣлается, не знаю какъ переживу я это, что мнѣ за жизнь безъ тебя. Убью себя, застрѣлюсь—вотъ чѣмъ я кончу!

— Пустое, горько отвѣтила Катерина Алексѣевна,— пустое! Не убьешь себя, не застрѣлишься—завтра же успокоишься. На словахъ—да, ты точно любилъ меня, а я дура вѣрила. На словахъ все можно, а вотъ какъ до дѣла дошло—что-жь ты такое сдѣлалъ? чѣмъ доказалъ мнѣ любовь свою? Если бъ любилъ ты меня хоть на половину такъ какъ я тебя любила, такъ давно бы мы были неразлучны съ тобой. Давно бы ты нашелъ способъ такъ или иначе отнять меня, увезти меня. Никому бы ты меня не отдалъ. Ну, а... ты что же сдѣлалъ? Вѣдь я писала тебѣ что пора пришла, что нѣсколько дней еще, быть можетъ,—и все кончено—ты даже ничего не отвѣчалъ мнѣ.

— Да какже? Съ кѣмъ же, что я могъ тебѣ отвѣтить?!.... въ отчаяніи метался графъ Милезимо, что могъ я сдѣлать? какъ увезти тебя? за нами бы погнались, тебя бы все равно отъ меня отняли. Я говорилъ шурину. Признался во всемъ ему, просилъ помочь мнѣ, онъ отказался. Онъ сказалъ что не можетъ ввязаться въ эту исторію, что изъ нея выйдутъ такія послѣдствія какихъ допустить никакъ невозможно.

— А, такъ ты испугался послѣдствій, ты внималъ совѣтамъ благоразумія! Если бъ ты любилъ меня, ни о чемъ объ этомъ ты не подумалъ бы, а только сдѣлалъ бы свое дѣло, а тамъ... что Богъ дастъ. Ну такъ успокойся же теперь—благоразуміе восторжествовало. Теперь ужь никакой исторіи не выйдетъ. Успокойся, да и успокой своего шурина. Скажи графу Вратиславу, чтобы онъ ничего не боялся, а я къ вамъ на вѣки пребуду благосклонна. И къ тебѣ буду благосклонна..... только издали. Теперь ужь не время мнѣ встрѣчать тебя и говорить съ тобою—я невѣста Императора. Совѣтую тебѣ уѣхать на родину, тамъ найдешь себѣ благоразумную невѣсту, а обо мнѣ забудь. Я далеко отъ тебя... и высоко—меня теперь не достанешь!..

Милезимо стоялъ передъ нею неподвижно съ опущенной головою. Но вотъ онъ вздрогнулъ.

— Нѣтъ, заговорилъ онъ,—нѣтъ, теперь я тебя понимаю, ты меня никогда не любила; чтобъ скрыть измѣну свою ты теперь вонъ какія хитрыя рѣчи придумываешь: всю вину на меня складываешь. Только мнѣ все ясно! Тебя прельстили почести, ты захотѣла быть императрицей.—отъ того и отъ меня отказалась, а не захотѣла бы—никто бы тебя не принудилъ: сама вѣдь не разъ говорила...

— Ну хорошо, ну да: я захотѣла быть императрицей. Я отъ тебя отказалась, потому что нашла тебя слишкомъ ничтожнымъ, ну и успокойся на этомъ и прощай!

— Боже мой! Да какже я теперь останусь, что я безъ тебя буду, вдругъ зарыдалъ онъ какъ ребенокъ, обнимая ее.

Она снова захотѣла оттолкнуть его, но не нашла въ себѣ силы и сама къ нему прижалась и сама горько заплакала.

— Отойди отъ меня, уйди, уйди! Оставь меня въ покоѣ. Не растравляй меня—силъ моихъ нѣту, твердила она, какъ безумная заливаясь слезами. Говорю тебѣ что поздно. Не хватило у тебя силы взять меня, такъ чтожь теперь—значитъ суждено такъ.

Но вдругъ поднялось въ ней прежнее раздраженіе и она остановила свои слезы и оттолкнула отъ себя Милезимо и снова начала твердымъ и спокойнымъ голосомъ.

— Ахъ я глупая, расплакалась, ну да это въ послѣдній разъ. Устала я, ослабѣла—вотъ и плачу, а не подумай ты что по тебѣ эти слезы. Нѣтъ! Знай ты теперь, что я ужь не люблю тебя, потому что ты не стоишь любви моей. Я не могу любить такого человѣка, какъ ты, потому что ты трусъ, ты тряпка, ты не мужчина—ты баба. Моего теперешняго жениха люблю больше. Онъ больше тебя стоитъ любви—въ его рукахъ сила. А я могу любить только сильнаго. Прощай и совѣтую тебѣ позабыть обо мнѣ, какъ я о тебѣ позабуду, прощай,—что жь ты стоишь? Уходи отъ меня, уходи!..

И она сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ.

Онъ кинулся за нею, онъ ловилъ ее за полы шубки. Онъ молилъ ее хоть минутку остаться съ нимъ, простить его, сказать ему, что она его любитъ. Но она его не слушала, она отнимала отъ него свою шубку, она бѣжала отъ него. Онъ стоналъ, онъ волочился за нею, но она вырвалась и побѣжала. И казалось ей что смерть обступила ее со всѣхъ сторонъ. Увидѣла она теперь, что бѣжитъ черезъ огромное кладбище, мертвецы--великаны черные простираютъ передъ нею свои костлявыя руки и стучатъ костями и хохочутъ.

Въ какомъ то чаду, въ бреду какомъ то прибѣжала она къ себѣ и въ изнеможеніи бросилась на постель.

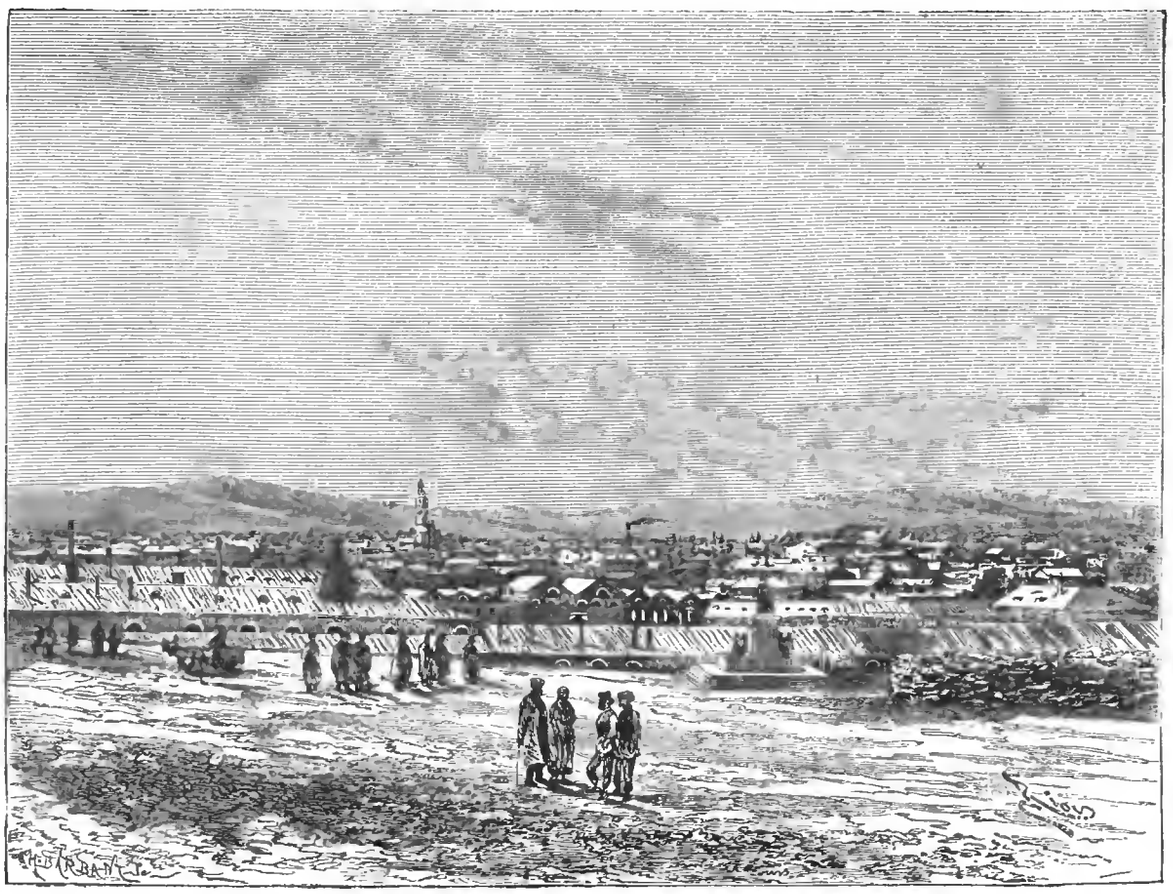
Библиотека "Руниверс"

VI

Прошло двѣ недѣли. День назначенный для обрученья Императора и княжны Долгорукой приближался. Государыня невѣста была перевезена въ роскошный головинской дворецъ, гдѣ должна была пребывать вплоть до свадьбы. Петръ съѣздилъ въ Новодѣвичій объявить бабушкѣ о своей женитьбѣ. Онъ засталъ старую царицу слабой, больной. Она ужь не рѣшилась говорить съ нимъ откровенно, давать ему совѣты. Молча выслушала его рѣшеніе, сухо поздравила его и поблагодарила, что ее не забылъ — самолично извѣстить пріѣхалъ. Петру было сначала очень *неловко*, потомъ стало грустно, тяжело на сердцѣ. Какое то мимолетное чувство мелькнуло въ немъ къ бабушкѣ. Все же она своя, родная, а въ послѣднее время вѣдь онъ какъ есть одинокъ, кругомъ все чужіе. Вотъ еще минута, другая и можетъ быть онъ бросится бабушкѣ на шею и горько заплачетъ и отъроетъ ей свою душу. Онъ пристально взглянулъ на нее, но ея старое лицо такъ сухо, холодно, не видно въ немъ ни любви, ни ласки, чуждъей юный Императоръ и она сама показалась ему чужою, ненужною, не сказалъ онъ ей ничего и простясь съ ней уѣхалъ.

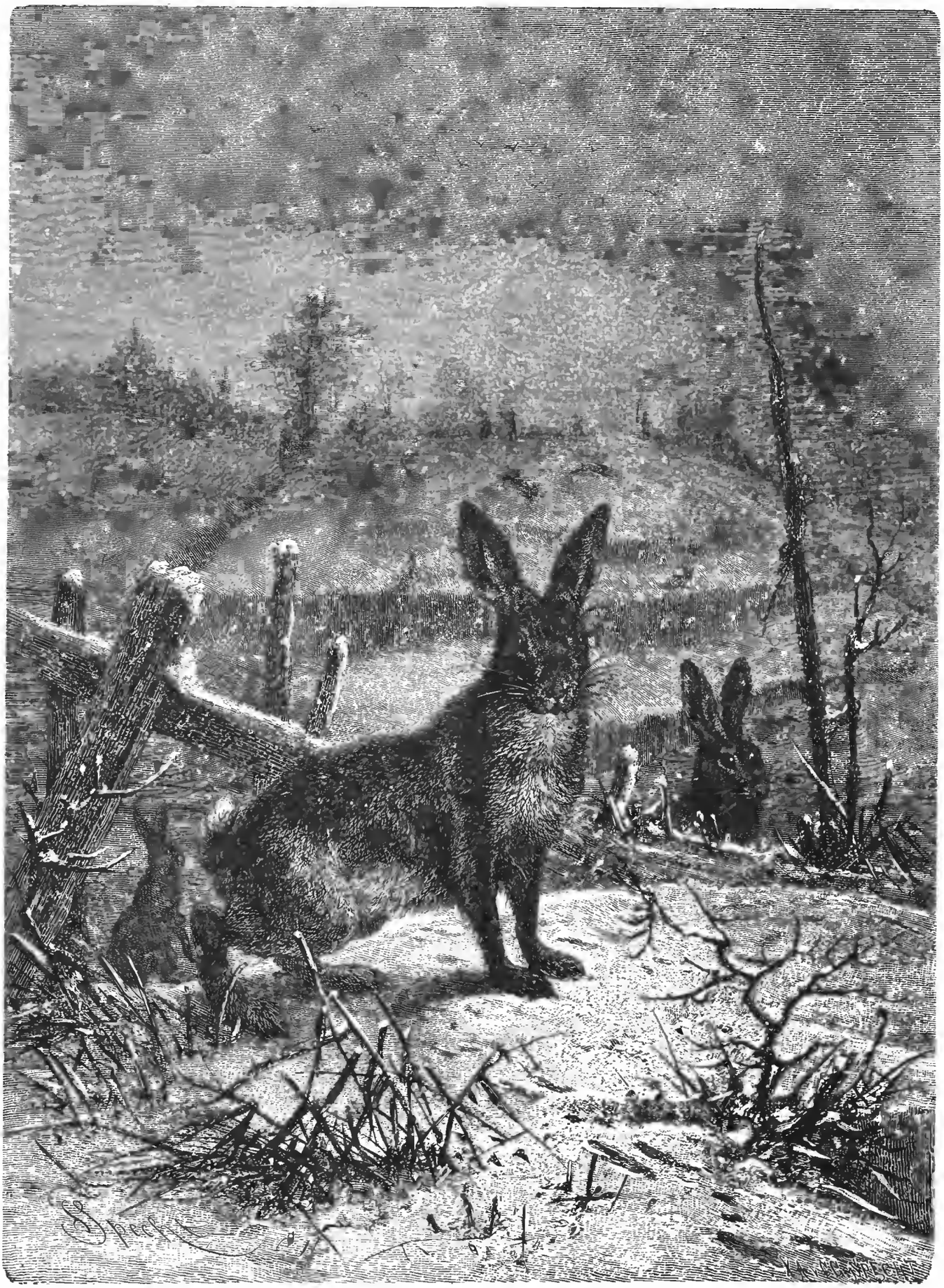
Разработка желѣзныхъ рудъ въ Нижне-Тагильскѣ.
Съ фотографіи рис. Ріу, грав. Л..плантъ.

По Москвѣ шли большія приготовленія къ предстоящему празднеству. Всѣ хлопотали о томъ, чтобъ какъ нибудь не ударить лицомъ въ грязь, и явиться въ полномъ блескѣ; особенно волновались иностранные резиденты, имъ слѣдовало достойнымъ образомъ представить своихъ монарховъ, которымъ они послали по этому случаю длиннѣйшіе счеты и реэстры покупокъ. „Въ этой странѣ все невѣроятно дорого, а роскошь здѣсь такая, какой никогда еще не видывали въ Европѣ“, писали они, оправдывая свои чрезмѣрныя траты.



Общій видъ Нижне-Тагильска. Съ фотографіи рис. Ріу, грав. К. Барбанъ.

Библиотека "Руниверс"



Охота на зайца по первому снѣгу. Рис. Ф. Шпехтъ, грав. Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ головинскомъ дворцѣ съ утра и до вечера не затворялись двери. Весь городъ спѣшилъ явиться къ новой государевой роднѣ и удостоиться чести поцѣловать руку у государыни невѣсты. И государыня невѣста обязана была всѣмъ доставлять честь эту. Она выходила къ гостямъ спокойно, съ гордой осанкой и обдавала всѣхъ величіемъ и холодомъ. Въ ней невозможно было узнать недавнюю рѣзвушку Катюшу — такъ она измѣнилась, такъ вошла въ новую роль свою.

Но не смотря на видимое спокойствіе, тяжелая, мучительная борьба совершалась въ сердцѣ Катюши. Только не впускала она никого въ свой внутренній міръ, ни съ одной живой душой не подѣлилась своими муками; вмѣстѣ съ тоскою, вмѣстѣ съ страданьемъ росла и ея гордость. Она теперь окончательно прониклась познаніемъ своего превосходства надъ окружающими ее людьми. Они казались ей такими мелкими, ничтожными, всѣ они годились только на то, чтобъ кланяться передъ нею, ловить ея гордые взгляды, каждое ея небрежно брошенное слово. И она стояла въ сторонѣ отъ всѣхъ со своимъ разбитымъ, никому невѣдомымъ сердцемъ. Она нашла въ себѣ силу въ тотъ недавній страшный вечеръ оттолкнуть отъ себя графа Милезимо, убѣжать отъ него, но силы скоро ее оставили. Среди новой жизни, въ которую она попала, среди этого величія, дѣйствовавшаго на нее какъ то раздражительно, она понимала все яснѣе и яснѣе что у нея на всемъ свѣтѣ было одно только сокровище. и сокровище это теперь отнято, уничтожено. Еслибъ можно было вернуть старое, она никогда бы не оттолкнула отъ себя Милезимо. „Чтожь, что онъ робокъ, нерѣшителенъ, что онъ даже трусъ можетъ быть, что жь такое—все же она его любитъ, все же въ этой любви только и было ея счастье. И какое счастье!

Каждою минутою ей нужно было дорожить, каждая минута дороже всего этого блеска. Зачѣмъ она отказалась сама отъ послѣдней минуты и неужели никогда она больше ужь не увидитъ своего друга. Она оскорбила его, онъ не придетъ. Но нѣтъ, нужно вернуть его, нужно хоть разъ его увидѣть. И вотъ она зоветъ свою вѣрную Любашу, которая цѣлый годъ передавала Милезимо ея письма.

— Любаша, голубушка, говоритъ она,—и передъ этой простою дѣвушкой нѣтъ въ ней той гордости, нѣтъ той величественности, что трепетомъ и волненіемъ обдаетъ теперь русскихъ сановниковъ, ищущихъ милости будущей государыни—Любаша, говоритъ она, сослужи мнѣ послѣднюю службу...

— Все, что прикажешь, государыня. Сейчасъ хоть умру—знакъ только подай!

— Зачѣмъ умирать, печально отвѣчаетъ Катюша. Поди вотъ, снеси эту записочку и отвѣтъ принеси мнѣ.

И она дрожащей рукою пишетъ.

„Завтра обрученье, все кончено, хочу проститься съ тобою; Любаша скажетъ остальное.“ А вдругъ оскорбленный, отверженный ею, считающій ее измѣнницей—онъ не придетъ?!

— Отвѣта дождись, Любаша, отвѣтъ мнѣ нуженъ скорѣй. Не доживу, не дождусь тебя, я кажется. Скорѣй, лети какъ вѣтеръ. И она начинаетъ шептать ей что то. Понимаешь, понимаешь, Любаша?

Любаша качаетъ утвердительно головою и говоритъ:

— Все можно, все сдѣлаю, государыня.

И летитъ она какъ вѣтеръ. но все же далеко это, все же нужна и опаска. Часъ прошелъ, другой начался, нѣту отвѣта. Но вотъ кто то стукнулъ въ двери. Она, Любаша!

— Что, что? только глазами спрашиваетъ ее княжна Катерина, а языкъ ужь не слушается. не можетъ произнести ни слова.

— Вотъ, государыня, вотъ прочти.

Она читаетъ: «Буду живой или мертвый».

„Въ полночь, какъ долго еще, какъ страшно долго!“

А тамъ, въ парадныхъ покояхъ ее ждутъ, за ней ужь посылали. Тамъ снова гости: вавилонское столпотвореніе.

И княжна идетъ вся сіяя брилліантами и изумрудами, волоча за собою длинный шлейфъ бѣлаго атласнаго платья, затканнаго золотыми разводами. Она проходитъ рядъ комнатъ, царственно кланяется на всѣ стороны: за нею слѣдуетъ шопотъ, но не одинъ восторгъ только слышится ей въ этомъ шопотѣ. Она знаетъ, понимаетъ сколько собралось здѣсь тайныхъ враговъ, завистниковъ и завистницъ ея величія. Но некогда ей теперь думать объ этомъ. Ждетъ она, не дождется урочнаго часа. Вотъ скоро одиннадцать, скоро всѣ разойдутся и будетъ она свободна.

Она говоритъ матери, что нездорова, что должна лечь. Извѣстіе объ этомъ быстро обѣгаетъ всѣ комнаты. Гости спѣшатъ уѣхать, залы пустѣютъ. Вотъ и родные разошлись, пріѣхавшіе дядьи уѣхали. Она простилась съ ними и скрылась въ опочивальнѣ. А тамъ Любаша ужь ждетъ ее.

— Готово, все устроила. Богъ поможетъ, никто ничего не узнаетъ.

— Ну такъ живѣй, живѣй!

Любаша исчезаетъ. За воротами дожидается ее кибитка. Плотно закутавшись въ шубку и совсѣмъ закрывъ лицо свое садится она въ кибитку. Кучеръ гаркнулъ на лошадей, онѣ мчатся. Прошло полъ часа. Къ той же пустой сторонѣ головинскаго дворца опять подъѣхала та же кибитка, но изъ нее вышла ужь не одна Любаша, изъ нее вышелъ еще кто то. И вотъ двѣ женщины закутанныя, въ тишинѣ ночи пошли задворками. Сонный сторожъ протираетъ глаза, собаки на нихъ залаяли.

— Ахъ вы полунощницы, ворчитъ сторожъ—стыда у васъ нѣту, вотъ запереть ворота, не пустилъ бы.

— Ну ну. не ворчи, старый, шепнула ему Любаша, вотъ тебѣ, выпей на здоровье.

И она сунула ему въ руку монету. Онъ ощупалъ ее.

„Эге! подумалъ онъ, никакъ это рубль серебряный, видно испужалась дѣвка.“

И онъ замолчалъ.

Любаша, и другая женская фигура поднимаются по лѣстницѣ. Всѣ спятъ въ домѣ, теперь никого не встрѣтятъ. Любаша все устроила, каждый поворотъ высмотрѣла,—хитрая она дѣвка, привычная.

Вотъ узенькій, длинный корридорчикъ, тьма въ немъ—зги не видно. Любаша идетъ впередъ ощупью, шаги свои отсчитываетъ. Держась за ея шубку подвигается и другая женщина.

— Здѣсь, шепнула Любаша.

Она тихо стукнула въ стѣну. Вотъ слышитъ она какъ гдѣ-то близко, близко повернулась ручка двери. Вотъ легко скрипнувъ, дверь отворилась. Любаша пропустила впередъ свою спутницу, а сама осталась въ темномъ корридорѣ.

Княжна Катерина Алексѣевна стояла у маленькой двери въ большой роскошной комнатѣ, ведущей въ ея опочивальню. Комната эта была совсѣмъ темная, только изъ спальни черезъ тяжелую, полуспущенную портьеру пробивалась полоска слабаго свѣта.

— Ты это? ты? шепнула княжна. Тише, иди за мною.

Спутница Любаши идетъ за нею. Вотъ онѣ въ спальнѣ.

— Никто васъ не видѣлъ?

— Никто, никто, повторяетъ Милезимо. сбрасывая женскую шубку и платокъ съ головы. Никто не видѣлъ, моя радость!

Онъ бросается на колѣни передъ Катериной, цѣлуетъ ея руки, плачетъ, смѣется, съ восторгомъ и тоскою глядитъ на нее. И она сама плачетъ, сама смѣется и обнимаетъ его. Кругомъ все тихо. Изъ ключь заперла она дверь спальни, а оттуда изъ корридора никогда никто не ходитъ. Тамъ же за дверью Любаша.

Библиотека "Руниверс"

Разноцвѣтныя лампады, зажженыя передъ образами какъ то волшебно озаряютъ комнату. Вся она устлана дорогими мягкими коврами. Золоченая, штофомъ покрытая мебель иностранной работы.

Въ глубинѣ подъ драгоцѣннымъ балдахиномъ скрывается высокая кровать княжны Катерины. Никто кромѣ отца и матери до сихъ поръ не былъ въ этой комнатѣ: для всѣхъ заперта она, какъ святилище. Но не смущается княжна Катерина присутствіемъ молодого графа. Ни минуты не задумалась она, устроивъ это опасное, почти невозможное свиданіе. И что-жь, вотъ ничего не случилось! Вотъ онъ здѣсь, здѣсь—а вѣдь только этого и нужно, а тамъ дальше пусть будетъ что будетъ. Пускай хоть всѣ теперь придутъ сюда—отъ всѣхъ съумѣетъ отстоять она его. Никому не отдастъ она послѣдняго часа своего счастья! Вѣдь завтра смерть, такъ о чемъ же думать! А! Вы воображали, что съумѣли отнять у меня милаго. Опутали меня, лишили меня воли! Вы теперь спите спокойно? Ну и спите!

И вотъ она обзсиленная волненьемъ, счастьемъ и тоскою, мѣшающимися въ душѣ ея, опускается въ кресло.

Милезимо на колѣняхъ передъ нею. Онъ не выпускаетъ изъ рукъ своихъ ея руки.

— Такъ ты меня любишь? шепчетъ онъ.—Зачѣмъ же ты прогнала меня—вѣдь я съ тоски чуть не умеръ, чуть не застрѣлился.

И она ужь не можетъ смѣяться надъ нимъ, не можетъ спросить его: „почему жь не застрѣлился?“ не можетъ сказать ему, что, значитъ, не велика была тоска если „чуть“ осталось. Она ужь и не думаетъ ни о чемъ и не задаетъ себѣ никакихъ вопросовъ. Можетъ быть даже ей теперь и дѣла нѣтъ до любви его. Она сама его любитъ—вотъ все что она знаетъ.

— Да, я люблю тебя, говоритъ она ему,—люблю всѣмъ горемъ, всѣмъ ужасомъ моей жизни. Пойдемъ, пойдемъ, убѣжимъ отсюда. Возьми меня, унеси меня подальше.

— Да какъ же это сдѣлать? въ недоумѣніи проговорилъ онъ.

— Какъ сдѣлать? смѣется она и плачетъ,—какъ? Нельзя этого сдѣлать, да и я сама теперь не пойду съ тобою. Нѣтъ! все кончено! Люблю я тебя, охъ какъ люблю, но ужь и не знаю право, что больше—любовь моя къ тебѣ, или ненависть къ нимъ ко всѣмъ. Еслибъ зналъ ты какъ отвратительны они, какъ жалки, какъ ничтожны! Да ты не знаешь, ты не понимаешь этого. И не нужно, не нужно! Знай только одно, что они ошиблись во мнѣ, что никто изъ нихъ меня не понялъ. Знай только одно, что я смѣюсь надъ ними и до конца посмѣюсь! Они меня продали!.. можетъ быть еще раскаются въ этой продажѣ. А онъ, тотъ, который купилъ меня,—онъ точно купилъ какъ вещь какую—и онъ раскается! Доброй, вѣрной женой буду я ему!

И она опять хохочетъ злымъ, мучительнымъ смѣхомъ и забываетъ она всѣ обстоятельства, при которыхъ купилъ ее тотъ, кому теперь она грозится. Забываетъ она, что онъ ее спрашивалъ, любитъ ли она его. И она знаетъ какъ тогда ему отвѣтила, знаетъ, что своимъ отвѣтомъ погубила и его и себя, потому что онъ ее не любитъ. Потому что безсовѣстно, отвратительно поступили съ нимъ, съ этимъ бѣднымъ, измученнымъ ребенкомъ и ея родные и сама она. Но ничего этого не помнитъ она, и не понимаетъ и знать не хочетъ. Ей кажется, что онъ, ни въ чемъ неповинный, прекрасный ребенокъ, врагъ ея и мучитель—и вотъ она собирается мстить ему, и считаетъ себя правою: Видно въ конецъ помутился ея разумъ. Видно въ конецъ помутилось ея сердце. Охъ, какъ болитъ оно, какъ рвется на части! И опять она плачетъ и опять прижимаетъ къ себѣ Милезимо. И глядитъ на него—не можетъ наглядѣться.

Вотъ вихрь какой то поднимается въ ней и передъ нею. Голова ея кружится. „А! Я еще поборюсь съ вами! мелькаетъ въ ней послѣдняя мысль. Я еще накажу всѣхъ васъ!“ И она опять забывается и чувствуетъ только присутствіе милаго и шепчетъ ему:

— Твоя, твоя, возьми меня!

Летятъ, мчатся не то часы, не то минуты. Жизнь-ли остановилась—и нѣту ее? Или кипитъ она и разливается полной чашею. Сонъ ли это, или явь непонятная? Волшебство какое-то—что-то заколдованное!

Но кто это стучится? Что это такое? Ахъ! да это Любаша, видно долго, видно много прошло времени. Утро скоро—пора проститься. Да развѣ возможно это? Теперь... Нѣтъ! Нѣтъ, теперь ужь не отнуститъ она его! Теперь ужь не отдастъ его никому!

Но Любаша опять стучится.

— Прощай, шепчетъ княжна,—прощай. Никогда мы больше не увидимся!..

— Нѣтъ я съ тобой не прощаюсь, отвѣчаетъ Милезимо. Завтра, завтра я тебя увижу.

— Завтра... развѣ будетъ завтра? думается княжнѣ,—а если и будетъ такъ не увидитъ онъ меня завтра. Завтра я буду другая. Завтра онъ меня не узнаетъ.

— Не уходи, останься со мною, безумно молитъ она и въ тоже время гонитъ его, говоритъ что поздно, что ихъ застанутъ, что его погубятъ.

Вотъ онъ уходитъ. Поцѣлуй послѣдній. Послѣднее объятіе... Вотъ онъ ушелъ. Она слышитъ какъ скрипнула за нимъ дверка. Она кинулась было къ нему, но на порогѣ своей роскошной спальни пошатнулась и упала, безумно рыдая.

VII.

30 Ноября 1729 года было назначено обрученіе Петра II съ княжною Екатериной Алексѣевной Долгорукой. На обрученіе были приглашены всѣ сановники съ ихъ семействами и многіе богатые московскіе жители. Собирались въ большой залѣ Кремлевскаго дворца.

Императоръ еще не показывался. Долгорукихъ тоже не было. Всѣ съ изумленьемъ передавали другъ другу о томъ что въ этотъ день караулъ во дворцѣ былъ увеличенъ со 150 на 1200 солдатъ (цѣлый батальонъ гвардіи). Многіе объясняли это тѣмъ, что Долгорукіе боятся какого нибудь безпорядка. Поговаривали, что солдатамъ приказано стрѣлять по всякому, кто будетъ замѣченъ въ безпорядкѣ и что нибудь крикнетъ.

Вотъ показался Остерманъ. Многіе кинулись къ нему, прося объясненія, но онъ самъ пожималъ плечами и казался очень удивленнымъ.

Вотъ собрались всѣ государственные сановники и знатные русскіе люди и помѣстились по одну сторону залы на парчевыхъ скамейкахъ, а скамейки съ другой стороны заняли иностранные резиденты и ихъ свита.

Въ глубинѣ залы стоялъ балдахинъ, а подъ нимъ два кресла; тутъ же находился и аналой, на которомъ лежало Евангеліе. Вокругъ аналоя размѣстилось духовенство съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ во главѣ.

Наконецъ изъ внутреннихъ покоевъ показался Императоръ. За нимъ слѣдовала гренадерская рота, состоявшая изъ ста человѣкъ. Это обстоятельство опять обратило на себя вниманіе. Капитаномъ гвардейской роты былъ князь Иванъ Долгорукій: теперь ужь нѣтъ ни какого сомнѣнія, что все дѣлалось по его распоряженію. Императоръ лишенъ имъ свободы, онъ у него подъ карауломъ и не видитъ этого, или не находитъ въ себѣ силы противиться своему фавориту. Петръ казался спокойнымъ и равнодушнымъ. Онъ подошелъ къ нѣкоторымъ лицамъ, каждому сказалъ двѣ три фразы.

Но вотъ взоры всѣхъ обратились къ дверямъ; поднялся шопотъ. Въ дверяхъ показался князь Иванъ Долгорукій. Онъ велъ за руку свою сестру, за нимъ слѣдовала княгиня Долгорукая со второй дочерью.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Пѣшій кавалеристъ подъ конвоемъ коннаго пѣхотинца.

Съ наброска нашего художника корреспондента П. В. рис. Н. Каразинъ, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Моравская невѣста. Рис. М. Вейсъ, грав. А. Вейсъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ.

Нижне-Тагильскъ и его рудники.

До завоеванія нашей родной Калифорніи — Сибири, русская земля часто нуждалась въ металлахъ какъ для литья пушекъ, колоколовъ и т. п., такъ и для выдѣлки предметовъ домашней утвари. Одно желѣзо издавна обработывалось у насъ въ горнахъ, очень схожихъ съ обыкновенными кузнечными и въ такъ называемыхъ домницахъ или ручныхъ домнахъ, тоже не многимъ отличавшихся отъ кузнечныхъ горновъ. Что же касается до свинца, мѣди и олова, то эти металлы въ мѣстностяхъ искони населенныхъ русскими, не получались вовсе и ихъ необходимо было добывать съ большими затрудненіями у нашихъ не всегда доброжелательныхъ сосѣдей, преимущественно у шведовъ. Присоединеніе Сибири совершенно измѣнило такой ненормальный ходъ нашего горнаго дѣла, такъ какъ вскорѣ послѣ этого событія туринскій воевода Корсаковъ около рѣки Ницы напалъ на слѣды богатой залежи желѣза, а въ 1631 году былъ устроенъ для обработки первый сибирскій Ницновскій заводъ. Съ тѣхъ поръ горное дѣло на Руси развивалось все болѣе и болѣе благодаря заботамъ нашихъ государей и особенно Петра Великаго, много трудившагося на этомъ поприщѣ вмѣстѣ съ однимъ изъ талантливыхъ русскихъ людей, извѣстнымъ любимцемъ Петра, Никитою Демидовымъ, котораго Императоръ всегда ласкательно называлъ Димидычемъ. Слѣдствіемъ заботъ царственнаго генія и его талантливыхъ сотрудниковъ было то, что черное дѣло стало у насъ на прочную почву и дальнѣйшее его развитіе было вполнѣ обезпечено. Особенно посчастливилось нѣкоторымъ мѣстностямъ довести обработку рудъ до высокаго совершенства. Такой репутаціей пользуются заводы, устроенные на рѣкѣ Тагилѣ — Верхнетагильскій и Нижнетагильскій.

Верхнетагильскій заводъ, занимающійся промывкою золота, чугуноплавленіемъ и обработкой желѣза, и отстоящій отъ Екатеринбурга въ 95 верстахъ, былъ построенъ въ 1716 году на землѣ, подаренной правительствомъ Никитѣ Демидову, а въ 1769 году перешелъ во владѣніе Саввы Яковлева. Фамилія Яковлевыхъ владѣла имъ до 1849 года; нынѣшніе владѣльцы верхнетагильскаго завода — графы Стенбокъ-Ферморъ. По сознанію членовъ шведской полярной экспедиціи, посѣтившихъ этотъ отдаленный край въ 1875 году, рѣдко можно встрѣтить мѣстность, обладающую такимъ богатствомъ минеральныхъ сокровищъ, такою массою желѣза, мѣди, малахита, уже не говоря о громадномъ количествѣ золота и платины. Однихъ дѣйствующихъ рудниковъ, въ которыхъ добывается желѣзо, насчитывается до шестнадцати и работа въ нихъ непрерывная.

Нижнетагильскіе заводы пользуются такою же извѣстностью, если даже еще не большею. Они находятся въ южной части Верхотурскаго уѣзда, въ 150 верстахъ отъ города Верхотурья. Происхожденіемъ своимъ они обязаны тому же знаменитому рачителю русскаго горнозаводскаго дѣла Никитѣ Демидову, который въ 1725 году построилъ здѣсь первый заводъ на пожалованной ему землѣ. Нынѣ дѣятельность нижнетагильскихъ заводовъ заключается въ выплавкѣ чугуна, выдѣлкѣ разныхъ сортовъ желѣза и промывкѣ золотоносныхъ песковъ. При заводахъ устроены превосходныя механическія заведенія для изготовленія различныхъ машинъ, водяныхъ колесъ и паровыхъ двигателей. Руда добывается преимущественно изъ горы Высокой. Множество рабочихъ постоянно разрабатываютъ ее во всѣхъ направленіяхъ и безконечные ряды повозокъ отвозятъ тотчасъ же добытую руду въ близь отстоящія доменныя печи для выплавки. Мѣдный рудникъ находится въ концѣ заводскаго селенія при рѣкѣ Рудянкѣ и въ немъ еще недавно были найдены сплошныя глыбы малахита, замѣчательныя по своей громадной величинѣ и высокому достоинству. Кромѣ того во владѣніяхъ Нижнетагильскаго завода попадаются золотыя и даже столь рѣдкія платиновыя розсыпи. При такой массѣ работъ число рабочихъ часто достигаетъ до 12 тысячъ и много нужно было энергіи и распорядительности нынѣшнему главноуправляющему заводами, шведскому инженеру Вальштедту, чтобы довести дѣло до такихъ блестящихъ результатовъ. Обширныя мастерскія, гигантскія печи, богатый музей мѣдныхъ и желѣзныхъ произведеній и прекрасное зданіе больницы служатъ не мало къ украшенію этого скромнаго заводскаго поселенія, въ которомъ кромѣ того находится пять церквей и двѣ единовѣрческія молельни, такъ какъ большинство рабочихъ держится старой вѣры. Прибавьте къ этому обширную аптеку, богадѣльню, дѣтскій пріютъ, 6 училищъ и порядочную читальню и вы убѣдитесь, что отдаленное горнозаводское поселеніе не коснѣетъ въ полномъ невѣжествѣ и пользуется нѣкоторыми плодами цивилизаціи. Въ селеніи на подобающихъ мѣстахъ поставлены два памятника: одинъ бронзовый, въ честь Николая Никитича Демидова, а другой чугунный, въ память бывшаго главноуправляющаго заводами Андрея Карамзина. Особенно праздничный видъ принимаетъ селеніе въ дни базара, который бываетъ здѣсь еженедѣльно по субботамъ и воскресеньямъ и часто превращается въ обширный рынокъ, такъ какъ сюда стекаются для закупки съѣстныхъ припасовъ рабочіе со всѣхъ другихъ горныхъ заводовъ Верхотурскаго округа. На этихъ же базарахъ сбываются въ большомъ числѣ мѣстныя, чисто заводскія произведенія и между прочимъ подносы и сундуки, пользующіеся нѣкоторой репутаціей и потому ходко идущіе какъ на Ирбитской, такъ и на Нижегородской ярмаркѣ.

Н.

Охота на зайца.

У насъ на Руси существуютъ двѣ породы зайцевъ; русакъ и бѣлякъ и помѣсь этихъ двухъ породъ—тумакъ. Русакъ больше бѣляка и бѣгаетъ быстрѣе его. Тумакъ отличается отъ русака желтизною на груди и общимъ тономъ шерсти менѣе яркимъ, скорѣе сѣрымъ, чѣмъ русымъ. Обѣ породы лѣтомъ имѣютъ русую шерсть, зимою бѣлякъ становится совершенно бѣлымъ, русакъ—сѣрымъ съ блѣдно-желтою грудью.

Заяцъ, испугавшись, мечется во всѣ стороны и нерѣдко наскакиваетъ на деревья и камни, или бросается прямо подъ ноги человѣка. Зрѣніе у зайца вообще плохо, но за то слухъ его развитъ очень сильно. Онъ постоянно ворочаетъ своими длинными ушами, постоянно ко всему прислушивается, всегда готовый, при малѣйшей опасности, воспользоваться быстротою своихъ ногъ. Ходить и бѣгать заяцъ по настоящему не можетъ; заднія ноги его такъ длинны относительно переднихъ, что ему остается только прыгать. Прыгунъ онъ отмѣнный. При длинѣ заднихъ ногъ спускаться подъ гору зайцу неловко, и въ случаѣ надобности онъ просто скатывается кубаремъ.

Не даромъ говорятъ, труслнвъ, какъ заяцъ; онъ дѣйствительно изъ трусовъ трусъ, такъ какъ пугается малѣйшаго шороха, упавшаго листа, прыгнувшаго кузнечика, даже своихъ собственныхъ движеній.

Живетъ заяцъ ночью, днемъ же онъ скорѣе дремлетъ чѣмъ спитъ. Сонъ его такъ чутокъ, что отъ самаго незначительнаго шороха онъ просыпается. Мѣсто отдыха заяцъ выбираетъ съ разсчетомъ: въ тихую погоду онъ лежитъ на лѣсной опушкѣ, въ низкомъ кустарникѣ, или просто подъ камнемъ; въ вѣтеръ же забивается въ самую чащу и прячется особенно тщательно, такъ какъ за шумомъ не можетъ во время предупредить приближающуюся опасность. Для ложа заяцъ лѣтомъ вырываетъ неглубокую ямку и вытягивается въ ней такъ, что становится совсѣмъ незамѣтнымъ, зимой же онъ зарывается въ снѣгъ гораздо глубже, чѣмъ и предохраняетъ себя отъ холода. Питается заяцъ травою, любитъ посѣщать хлѣбныя поля и въ особенности большой охотникъ до озимы, гдѣ на зорькахъ зачастую попадается подъ мѣткій выстрѣлъ опытнаго охотника. Зимою заяцъ гложетъ кору молодыхъ деревьевъ, преимущественно осину и дѣлаетъ набѣги на сады, гдѣ немилосердно портитъ плодовыя деревья. „Голодъ не тетка", говоритъ пословица и часто недостатокъ пищи заставляетъ и трусовъ становиться смѣлыми. Зайцы, попробовавъ по осени хлѣба, продолжаютъ промышлять его и зимою, забираясь къ самому жилью, подъ скирды и на гумна, гдѣ мѣстные охотники и подстерегаютъ ихъ, въ свою очередь желая полакомиться вкуснымъ мясомъ ожирѣвшихъ на чужомъ кормѣ русаковъ и бѣляковъ.

По виду заяцъ доброе и тихое существо; въ дѣйствительности же онъ большой задора, драчунъ и сластолюбецъ; въ хитрости же не уступитъ и лисицѣ. Нравъ его выясняется въ особенности въ пору любви, во время которой онъ становится гораздо дѣятельнѣе и задорнѣе. Уже въ январѣ мѣсяцѣ зайцы начинаютъ свои любовныя похожденія. Зима, все замораживающая своимъ ледянымъ дыханіемъ, не студитъ пыла страсти зайца. Въ трескучій морозъ носится онъ по полямъ и долямъ, промышляя себѣ подругу жизни. Впрочемъ онъ многоженецъ и переходитъ, какъ говорятъ, отъ цвѣтка къ цвѣтку. Заяцъ долго носится изъ стороны въ сторону, отыскиваетъ самку по слѣду и время отъ времени затягиваетъ свою монотонную призывную пѣсню. Чуть только заслышалъ онъ ея любовный откликъ, какъ стремглавъ бросается къ ней. Другіе самцы, завидѣвъ счастливаго соперника, съ ожесточеніемъ на него нападаютъ и вступаютъ въ жаркій бой. Самка въ любви не постоянна и охотно отдаетъ преимущество или болѣе сильному или болѣе хитрому, подскочившему къ ней подъ шумомъ драки.

Въ мартѣ уже появляются зайчата, которыхъ къ этому времени, у зайчихи бываетъ по одному, много по два. Появленіе на свѣтъ первыхъ зайчатъ не измѣняютъ характера матери: она мало заботится объ участи своихъ дѣтей, и не мало ихъ гибнетъ отъ мартовскихъ морозовъ. Если первое время зайчата и получаютъ кормъ отъ своей матери, то, надо полагать, совсѣмъ не по чувству любви и привязанности, а скорѣй всего по простой потребности освободиться отъ обременяющаго ее молока.

Въ исходѣ апрѣля появляется на свѣтъ новое потомство зайчатъ (отъ трехъ до пяти). Въ концѣ іюня самка опять съ однимъ или двумя новорожденными, къ концу сентября—тоже, у иныхъ періоды родовъ короче и беременность чаще, иногда даже болѣе пяти разъ въ годъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ опасности мать безжалостно бросаетъ свое потомство и первая спасается отъ врага. Зайчата, рано бросаемые на произволъ судьбы, первое время проводятъ вмѣстѣ, хотя спятъ всегда порознь; достигнувъ же роста въ полъ-матери, они расходятся и живутъ по одиночкѣ. Уже къ концу перваго года они становятся способными къ произведенію себѣ подобныхъ.

Молодые зайцы скоро приручаются и въ неволѣ весьма рѣзвы и забавны, хотя всегда рады случаю удрать въ лѣсъ и въ поле. Страсть зайца грызть все, что попадется подъ его острые зубы, дѣлаетъ его весьма непріятнымъ для хозяина, его приручающаго.

Мясо зайца вкусно, но въ простонародьѣ въ пищу не употребляется; мѣхъ же его имѣетъ въ торговлѣ значительный сбытъ.

Съ дѣтства заяцъ окруженъ врагами ворона, сова, ласка, горностай, лисица и другіе, наконецъ—человѣкъ, неутомимо преслѣдующій въ немъ теплую шкурку.

Охота на зайца очень разнообразна и въ весьма недавнемъ прошломъ была сильно распространена между зажиточными помѣщиками, державшими какъ для этой потѣхи, такъ ровно и для охоты на лису, большія стаи гончихъ и борзыхъ, съ цѣлымъ штатомъ прислуги.

Охота съ гончими и борзыми требуетъ большихъ затратъ и теперь—рѣдкость. Кромѣ этой охоты есть много другихъ способовъ добыть зайца.

Охотникъ промышленникъ добываетъ зимой зайца капканомъ, искусно наложеннымъ на заячьей тропѣ, а за неимѣніемъ снаряда, изловчается ставить петли на избранныхъ мѣстахъ, къ которымъ зайцы заранѣе приважены. Чуть потеплѣло, по зарямъ подманиваетъ онъ самцовъ, подражая голосу самки, и бьетъ ихъ изъ ружья. Это еще не составляетъ промысла. Весной—другое дѣло. Побѣжали съ горъ мутные ручьи, затопила весенняя вода низменныя мѣста, залила она ихъ на большое пространство и стоитъ цѣлымъ озеромъ, а отдѣльные бугорки виднѣются на немъ островками. Согнала вода все живое на эти островки; собрались туда и зайцы со всей окрестности и горе имъ, если, на бѣду замѣтитъ ихъ зоркій глазъ охотника: не будетъ пощады ни старому, ни малому, пойдетъ по острову пальба неумолкаемая и безпощадное истребленіе.

Спала весенняя вода; началъ лѣсъ зеленѣть; хорошо въ немъ стало; ожилъ онъ, оживился многочисленными голосами своихъ обитателей. Въ этомъ разнообразномъ концертѣ рѣдко кто не различитъ монотонную пѣсню зайца. Охота, при весенней обстановкѣ, гораздо привлекательнѣе, и охотники не отказываютъ себѣ въ удовольствіи подманить зайца, тѣмъ болѣе, что это не легко. Случается, что весна застанетъ зайца, еще неуспѣвшимъ перерядиться въ лѣтній костюмъ и приходится ему тогда хорониться на неоттаевшихъ сугробахъ снѣга, нанесенныхъ зимними вьюгами да мятелями. Охота на такихъ мѣстахъ требуетъ хорошаго зрѣнія, такъ какъ при яркомъ весеннемъ солнцѣ не всякій въ состояніи разсмотрѣть забившагося въ снѣжную яму зайца.

По веснѣ же, зайцы охотно посѣщаютъ только что подымающуюся озимь, хорошо въ ней замѣтны и часто становятся легкою добычею охотника.

Лѣтомъ настоящая охота на зайцевъ прекращается, хотя и можно добывать ихъ на лѣсныхъ дорогахъ и просѣкахъ, куда выбѣгаютъ они по вечерамъ, мучимыя комарами и клещами. За то по осени, наступаетъ настоящая пора заячьей охоты. Охотятся съ собаками и безъ собакъ: съ гончими и борзыми, вмѣстѣ съ однѣми только гончими и наконецъ въ одиночку, по выдвинявшему уже зайцу, очень замѣтному на неуспѣвшей еще покрыться зимнимъ саваномъ черной землѣ.

Выпалъ первый снѣгъ, наступила давножеланная охотниками пороша. Выслѣдить зайца по порошѣ,—дѣло трудное и, вслѣдствіи этого, многими охотниками любимое. Не всегда однако пороша удачная, не всегда на ней можно выслѣдить зайца. Необходимо, чтобы снѣгъ выпалъ неглубокій, вершка такъ на два, чтобы онъ былъ мокрый т. е. именно такой, при которомъ слѣды заячьи видны явственно—и чтобы наконецъ по утру снѣгъ не запорошилъ бы надѣланныхъ зайцемъ слѣдовъ. Совпаденіе всѣхъ благопріятныхъ для этой охоты условій, случается очень рѣдко, отчего всякая удача дорого цѣнится охотниками.

Покормясь ночью чѣмъ Богъ послалъ, заяцъ къ утру отправляется на сонъ грядущій и, чтобы обезпечить себѣ возможно большій покой, старается запутать свой слѣдъ такъ, чтобы преслѣдовавшій не могъ отыскать мѣсто его лежки. Заяцъ для этого дѣлаетъ, какъ говорится, петли. Онъ идетъ не по прямому пути, а нарочно обѣжитъ кругъ, съ котораго возвращается опять на прежній слѣдъ, идетъ рядомъ съ нимъ, такъ что кажется будто бѣжало два зайца, затѣмъ онъ опять возвращается назадъ, дѣлаетъ третій слѣдъ и, запутавъ такимъ образомъ свою тропу, прыгаетъ въ сторону, бѣжитъ нѣкоторое время по прямому направленію, а тамъ опять колеситъ, опять прыгаетъ въ сторону и опять начинаетъ вздваивать и встраивать свои слѣды; въ концѣ же концовъ, двумя или тремя громадными прыжками онъ достигаетъ мѣста своего отдыха, гдѣ и коротаетъ день деньской, постоянно на сторожѣ, чтобы во время удрать отъ угрожающей опасности. Эта хитрость спасаетъ трусливаго звѣрька отъ преслѣдованія охотника, но по осени случается ему нарываться на гораздо худшую бѣду, отъ которой не спасаютъ его ни быстрый бѣгъ, ни всѣ затѣи и хитрости. Выпадетъ сразу глубокій снѣгъ, навалитъ его столько, что зайцу ходу нѣтъ. Выѣдутъ на него верхами со всей окрестности—кто съ арапкой, кто съ жучкой, либо съ бѣлкой, а кто прямо съ палкой и пойдетъ не охота, а бойня настоящая и гибнетъ тутъ зайцевъ многое множество, сгибли бы они можетъ быть и всѣ, если бы не заботливая мать природа, надѣлившая ихъ изумительной способностью къ размноженію.

Е. В.

Пѣшій Кавалеристъ.

Пѣхотинцу довелось поймать коннаго турка. Лошадь ли подъ тѣмъ захромала, заскакалъ ли со страху въ такое мѣсто, что не было выхода, а можетъ и просто, изъ боязни получить пулю въ догонку, сдался кавалеристъ, и ведетъ теперь его солдатикъ подъ своимъ строгимъ конвоемъ. Солдатъ усталъ: что ему за охота позади пѣшкомъ идти, да еще лошадь турецкую вести въ поводу! Забрался онъ самъ на сѣдло, „непривычно, положимъ, да все ловчѣй“ и надзоръ за туркомъ сверху надежнѣй. Турокъ коня въ поводу ведетъ, только не туда, куда самъ хочетъ, а куда *начальство* укажетъ, а начальство строгое, берданки изъ рукъ не выпускаетъ; чуть что замѣтитъ, сейчасъ наказаніе послѣдуетъ. Вотъ и ведетъ коня турокъ покойно, злобно коситъ глазами въ сторону: и жить-то ему хочется и неволя тяжка; да ничего, скоро, Богъ дастъ, добьютъ наши силу турецкую. Война не безъ конца же тянуться будетъ—наступитъ миръ, отпустятъ назадъ на родину турецкихъ плѣнниковъ, отпустятъ и этого вмѣстѣ съ ними и вернется онъ къ себѣ въ Турцію, будетъ долго вспоминать про Визинкевъ и Авліяръ, про свой плѣнъ у русскихъ и помянетъ онъ этотъ плѣнъ не худымъ словомъ, а добрымъ, особенно если попадетъ въ Тверь, на попеченіе тамошнимъ дамамъ—тѣ вѣдь сердобольныя, конфетами кормить будутъ, только бы бѣдный плѣнникъ утѣшился въ своемъ горѣ—неволѣ.

Къ слову пришлось и не въ обиду будь сказано. Не виноваты эти барыни въ томъ, что безобразно сложилось все ихъ воспитаніе, что даже въ такомъ дѣлѣ, какъ благотворительность, мѣры настоящей и значенія ея не знаютъ; сердце работаетъ а у мозга не спрашивается, да и спрашиваться тамъ нечего, часть эта у нихъ, чуть не поголовно, находится въ состояніи невмѣняемости. Благотворительность—великое дѣло, а отъ великаго до смѣшнаго, говорятъ, одинъ только шагъ, а можетъ быть и гораздо ближе.

Вѣдь и солдатъ нашъ не звѣрь—онъ съ плѣннымъ, а еще того пуще, съ раненымъ туркомъ, послѣднимъ сухаремъ, послѣднею каплею воды подѣлится, а лебезить передъ нимъ и забавлять его побрякушками не станетъ. Ну да и у солдата чутье къ добру и правдѣ простое, безобразнымъ воспитаніемъ на изнанку не вывороченное.

Н. К.

Моравская невѣста.

Моравины или моравы составляютъ часть великаго славянскаго племени, представляя одинъ изъ составныхъ элементовъ чешской или богемской вѣтви этого племени (другую вѣтвь чешскаго племени составляютъ хорошо всѣмъ извѣстные по своимъ проволочнымъ издѣліямъ *словаки*). Лежитъ Моравія, какъ извѣстно, къ юго-востоку отъ Богеміи, граница къ востоку съ Венгріей, къ югу австрійскимъ эрцгерцогствомъ, а къ сѣверу съ Австрійскою Силезіей.

Эта страна одна изъ самыхъ горнистыхъ въ Европѣ, но производитъ въ изобиліи хлѣбъ, ленъ и знаменитое, издавна славящееся вино фабрикаціи *Палешовичей*; въ большомъ развитіи также выкармливаніе свиней и птицеводство. Въ XI вѣкѣ по Рожд. Христ. Моравія была самостоятельнымъ королевствомъ, въ зависимости отъ котораго находилась вся Богемія. Но потомъ, съ теченіемъ времени, Богемія сдѣлалась болѣе могущественною и покорила себѣ Моравію, именно въ 1040 году. Въ административномъ отношеніи Моравія состоитъ подъ однимъ управленіемъ съ Австрійскою Силезіей. Древняя столица Моравіи была *Ольмюцъ*, теперь же главнымъ городомъ считается *Брюннъ*.

Славянское племя это весьма даровито и въ высшей степени способно къ культурѣ. Къ сожалѣнію въ значительной степени подверглось въ теченіе вѣковъ, процессу онѣмечиванія—обыкновенная участь всѣхъ западныхъ славянъ, окруженныхъ нѣмецкими областями.

Подобно чехамъ и своимъ собратьямъ словакамъ, моравяне сильно эксплоатируются барышниками евреями, занимающимися повсюду корчемствомъ и ростовщичествомъ и спаивающимъ повсюду словаковъ и моравовъ. На всемъ протяженіи Богеміи и Моравіи развелись по деревнямъ евреи. Вездѣ они съумѣли выхлопотать себѣ разныя привиллегіи и понастроить больницъ для бѣдныхъ гражданъ, разныхъ домовъ призрѣнія, школъ, обществъ для снабженія бѣдныхъ невѣстъ приданымъ и снабженія бѣдныхъ умершихъ погребальными принадлежностями. И надо сказать, что моравскій и богемскій жиды вообще не то, что польскій и нашъ литовскій, этотъ отвратительно-грязный длиннокафтанный торговецъ съ заостренною клиномъ бородой

Библиотека "Руниверс"

Бой у Хассанъ-Кале. Ночная аттака кавалеріи авангарднаго отряда генерала Геймана на турецкій бивуакъ. (Въ Малой Азіи). Съ наброска нашего корреспондента К. П., рис. на деревѣ, Н. Каразинъ, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

и съ пейсами—нѣтъ, моравскій жидъ опрятенъ, пронырливъ, избѣгаетъ непріятныхъ встрѣчъ, ловко торгуетъ, преимущественно женскими бездѣлушками. Онъ съ благоразумною терпѣливостью относится къ простодушно-ругательнымъ пѣснямъ, варочно сочиненнымъ моравянами и словаками на его счетъ...

Что касается танцевъ, то трудно найдти народъ болѣе талантливый въ отношеніи граціозности исполненія съ пріуроченіемъ прекрасныхъ мелодій, чѣмъ моравяне. Этимъ же отличаются и ихъ собратья—чехи. Особенно даровиты и изобрѣтательны въ этомъ отношеніи моравянскія женщины и дѣвушки. Случается, что молодая крестьянская дѣвушка изобрѣтаетъ какъ бы по какому-то вдохновенію, самостоятельный танецъ и пріурочиваетъ къ нему схваченную ею гдѣ либо мелодію и композитору только остается переложить этотъ танецъ и эту мелодію на бумагу. Танцы, почему либо устарѣвшіе, передѣлываются, улучшаются, варіируются. По деревнямъ почти всюду можно встрѣтить странствующихъ музыкантовъ. И вездѣ можно встрѣтить танцы; танцуютъ и на улицѣ, и въ гостинницахъ. Какъ въ нашемъ русскомъ образованномъ обществѣ порядочная невѣста не мыслима безъ музыки, такъ и у моравянъ, даже простая крестьянская дѣвушка-невѣста знаетъ обыкновенно много національныхъ танцевъ и мелодій. Многіе изъ этихъ танцевъ, правда, заимствованы изъ другихъ странъ, но такъ усвоены, что уже бываетъ трудно узнать въ нихъ чужеземный элементъ. Танецъ „Жидъ" служитъ для моравянъ предметомъ ѣдкихъ насмѣшекъ надъ евреями и въ то же время увеселяетъ ихъ своею комичностію. Все населеніе не только въ Моравіи, но и во всей Чехіи, не можетъ назвать иначе жида, какъ прибавивъ къ этому названію неизбѣжный эпитетъ „Smradlavi" (вонючій) или „Zatraceny" (проклятый). Собственно говоря, танецъ „Жидъ" не особенно приличный и скромный, и потому благовоспитаннымъ дѣвушкамъ не только не позволяется участвовать въ немъ, но даже смотрѣть на него.

За исключеніемъ „Жида" другіе простонародные танцы не содержатъ неприличнаго и нескромнаго и исполняются дѣвушками. По своему характеру они напоминаютъ наши народные терцеты, въ родѣ:

„Во лузяхъ! Во лузяхъ!
Какъ и во лузяхъ зеленыхъ лузяхъ!"

Но вотъ когда настаетъ горячее время сговора и свадьбы, тогда и жидъ пригодится. Онъ ссужаетъ соединяющейся парочкѣ брачные наряды, разумѣется за жидовскіе проценты. Можетъ быть прилагаемая на нашемъ рисункѣ моравская сельская красавица невѣста что нибудь получила для дня своей свадьбы и изъ жидовской ссуды, напримѣръ хотя ожерелье, серьги и проч., но не время ей теперь думать о „противномъ одолженіи". Она вся увлечена созерцаніемъ своей молодой, дѣвственной красоты, отражающейся въ скромномъ зеркалѣ!..

Бой у Хассанъ-Кале.

Въ отдѣлѣ политическихъ и военныхъ извѣстій „Нивы", а именно въ №№ 42, 43, 44 и 45 мы уже имѣли случай говорить о пораженіи арміи Мухтара-паши и о послѣдствіяхъ этого пораженія, отразившихся на другой турецкой арміи—Измаила-паши. Ей, какъ извѣстно, едва удалось выбраться на эрзерумскую дорогу прежде русскихъ и соединиться у Кеприкіоя съ тремя тысячами „мухтарцевъ", какъ называютъ ихъ наши солдаты. У селенія Хассанъ-Кале турки расположились бивуакомъ, выставивъ свои аванпосты по направленію къ Карсу. Наступила ночь. Роковая ночь для турокъ!

Вотъ какъ очевидецъ, нашъ офицеръ, описываетъ свои впечатлѣнія ночной аттаки на позиціи у Хассанъ-Кале:

„Еще передъ сумерками наши казаки, выйдя на эрзерумскую дорогу изъ боковой балки, замѣтили часть турецкаго обоза, сильно растянувшуюся по дорогѣ. Заскакать на перерѣзъ, отхватить эти возы и не дать ни одному возчику скрыться, было дѣломъ одной минуты. Около полусотни пѣхотинцевъ низама и десятокъ конныхъ турокъ пытались было оказать слабое сопротивленіе, стрѣляя изъ-за возовъ, но моментально всѣ защищавшіеся были буквально изрублены казачьими шашками, возы свернуты въ сторону отъ дороги и завезены въ балку, возовой скотъ выпряженъ и отправленъ назадъ подъ казачьимъ конвоемъ, а отрядъ нашъ быстро продолжалъ свое наступленіе. Между тѣмъ стало быстро темнѣть. Мы знали, что у Хассанъ-Кале, до котораго было по крайней мѣрѣ два часа бойкаго конскаго хода, турки остановились и вѣроятно проведутъ ночь; по нашимъ разсчетамъ они должны были прибыть туда еще рано утромъ, если не вчера ночью, а потому имѣли довольно времени, чтобы расположиться на сильныхъ позиціяхъ, окружающихъ городъ и выслать разъѣзды. Отсюда надо было идти уже осторожно и осмотрительно. Цѣпь казаковъ выѣхала впередъ, вправо и влѣво, тщательно изслѣдуя мѣстность и пристально всматриваясь въ сгущающіяся сумерки—головныя части авангарда подтянулись и мы тронулись впередъ, соблюдая всевозможную тишину и осторожность. Мы еще не были увѣрены, что застанемъ турокъ совершенно врасплохъ, мы были даже убѣждены въ противномъ. Грохотъ колесъ нашихъ орудій могъ издалека выдать наше приближеніе, но по счастію грунтъ дороги сталъ гораздо мягче, а мѣстами такъ можно было просто сворачивать съ шоссе и идти стороною. Когда стало окончательно темно на западѣ, со стороны Хассанъ-Кале показалось красноватое мигающее зарево костровъ громаднаго турецкаго бивуака; дальше виднѣлось болѣе крупное, красное пятно свѣта, словно пожаръ какой-то, вещь, впрочемъ, весьма обыкновенная по пути слѣдованія турецкихъ войскъ.

Вдругъ, въ передовой цѣпи послышался выстрѣлъ, потомъ еще, потомъ все стихло снова... Должно быть наши патрули встрѣтили какое-нибудь препятствіе, а можетъ быть и по нашимъ патрулямъ стрѣляли турецкіе аванпосты, должно быть вѣрнѣе послѣднее; мы не разслѣдовали причинъ этихъ звуковъ но разомъ поддали ходу и круглою рысью вынеслись на пологую возвышенность, чернѣвшуюся предъ нами. Невольно сдержалъ я своего коня на самомъ гребнѣ возвышенности, точно невольно мои товарищи сдѣлали тоже самое. Передъ нашими глазами, словно громадная, безконечно глубокая декорація развернулась вся панорама турецкаго бивуака. Тысячи костровъ, то погасающихъ, то горящихъ яркимъ, высокимъ пламенемъ, усѣевали собою всѣ скаты Хассанъ-Кальскихъ холмовъ, освѣщенныхъ заревомъ этихъ огней; кое гдѣ вдали виднѣлись бѣлыя группы плоскокрышихъ зданій и ряды тополей, вправо на высотѣ виднѣлось что-то въ родѣ крѣпостныхъ стѣнъ и башни минарета. Темныя фигуры бродили и копошились вокругъ огней, чернѣли арбы на своихъ высокихъ колесахъ, вереницы осѣдланныхъ коней въ коновязяхъ... Турки расположились крайне безпечно, они подпустили насъ на разстояніе ближе пушечнаго выстрѣла, не замѣтивъ еще нашего приближенія.

Спокойно, безъ лишняго шума наши артиллеристы вывезли орудія на гребень занятой высоты и взяли прицѣлъ на огни турецкихъ бивуаковъ—каждый выстрѣлъ не могъ пропасть даромъ, недолета быть не могло вовсе, а всякій перелетъ былъ не менѣе дѣйствителенъ, такъ какъ приходилось обстрѣливать чрезвычайно глубокую и пространную площадь.

Трудно описать, трудно даже представить себѣ то, что произошло въ средѣ турокъ въ этомъ, освѣщенномъ кострами, поражаемомъ пространствѣ тотчасъ же послѣ перваго залпа. Дикій вопль тревоги и смятенія пронесся по всей долинѣ; черныя фигуры забѣгали и замѣтались, словно муравьи на поверхности встревоженнаго муравейника; ближайшіе къ намъ таборы въ паникѣ бросились бѣжать, далекіе батальоны, однако, строились въ ряды, надѣясь возстановить порядокъ, но уже было поздно. Со страшнымъ пронзительнымъ гикомъ вынеслись наши кавказскія сотни изъ-за гребней занятой орудіями возвышенности. По Карской дорогѣ тоже виднѣлась масса быстро наступающей нашей кавалеріи, то были драгуны, исконъ вѣка гроза турокъ. Началась и разгорѣлась по всему пространству турецкаго бивуака ошеломляющая, не знающая удержу и пощады лихая аттака. Казаки и драгуны врывались между костровъ, скакали черезъ огонь, топтали все встрѣчное, не давая отдыха своимъ шашкамъ.

Будто легіоны демоновъ носились они между даже переставшими сопротивляться турками, думающими теперь уже не объ отпорѣ, а объ одномъ только спасеніи.

Результаты этой аттаки извѣстны. Они повели къ тому, что еще болѣе разстроили турокъ, помимо тѣхъ потерь плѣнными, которыя они понесли. Они повліяли, конечно, и на ходъ дальнѣйшихъ событій, помогли намъ одолѣть грозныя позиціи Мухтара на Деле-Бойну, подъ Эрзерумомъ, они можетъ быть подготовятъ намъ и желанную сдачу Эрзерума, неизбѣжную за паденіемъ Карса. Н. К.

Anhingo (Змѣиная птица).

Anhingo—змѣиная птица, относится къ порядку Natatores плавающихъ. Она водится въ водахъ Америки и Африки.

Всѣ плавающія, водяныя птицы съ короткими ногами, часто отодвинутыми назадъ, съ плавательными или гребными лапами. Устройство крыльевъ различно: у однѣхъ водяныхъ птицъ длинныя, совершенныя крылья, со многими махами, у другихъ крылья сводятся на короткіе зачатки и служатъ имъ при плаваніи какъ бы веслами. Клювъ у однѣхъ выпуклый, съ рѣжущими краями, у иныхъ плоскій и широкій, у другихъ удлиненный и заостренный. Сообразно формѣ клюва измѣняется и питаніе птицъ; такъ, съ выпуклыми клювами птицы питаются преимущественно рыбами; съ заостренными клювами—червями, мелкими раковинами, насѣкомыми, рыбиной икрой, которую ловко достаютъ со дна болотъ и рѣчекъ. У всѣхъ водяныхъ птицъ густое оперение, богатый пуховой покровъ плотно прилегающій къ тѣлу, и кончиковая желѣза, которой выдѣленія служатъ для смазыванія перьевъ. Эти птицы, живя стаями на берегахъ водъ, придерживаются строго моногаміи (одноженства).

Змѣиная птица получила такое названіе вслѣдствіе своей очень длинной и тонкой шеи. Впрочемъ, это названіе исключительное, ее называютъ различно. Готентоты зовутъ ее птицей со змѣиной шеей; въ окрестностяхъ Новаго Орлеана она извѣстна подъ именемъ „птицы съ клювомъ ланцетъ". На устьѣ Миссисипи ей дали имя „водяной вороны", въ Южной Каролинѣ ее называютъ „бакланомъ". Орієнтологи, впрочемъ, утвер-

Библиотека "Руниверс"

ждаютъ, что названіе „змѣиной птицы“ наиболѣе за нею признано.

Натуралистъ Одюбонъ даетъ подробности на счетъ наружныхъ формъ Змѣиной птицы, водящейся въ водахъ Америки. У возмужалаго самца,—говоритъ онъ,—клювъ вдвое болѣе головы, продолговатой, тонкой, приподнятой на верхушкѣ. Гортанный мѣшечекъ оранжеваго цвѣта, какъ у пеликана, хотя и менѣе развитый. Клювъ съ пиловидными, чрезвычайно острыми краями, безъ всякихъ слѣдовъ крючка. Черная шея длинна и тонка, пятки короткія, чешуйчатыя, прикрѣпленныя къ мощнымъ ногамъ, съ крѣпкими острыми пальцами, соединенными толстой перепонкой. Хвостъ закругленный. Цвѣтъ перьевъ на головѣ, шеѣ, тѣлѣ блестящій, черный съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Длинныя крылья съ бѣлыми кранниками въ верхней части, съ сильными согнутыми правильными перьями. Вокругъ краснаго глаза обнаженное голубовато зеленое мѣсто. Длина птицы отъ головы до конца хвоста до 90 центиметровъ (дюймовъ); вѣсъ до 1 кил. (6 фунт.). Перья самки разнятся только болѣе темнымъ окрашеніемъ.

Одинъ изъ охотниковъ на anhingo разсказываетъ слѣдующій случай. Однажды онъ встрѣтилъ anhingo самку, сидящую на яйцахъ. При видѣ лодки, на которой былъ охотникъ, anhingo издала сильный крикъ и вытянувъ свою шею къ висѣвшей надъ ней вѣткѣ, она опустила на вѣтку голову и осталась въ такомъ положеніи неподвижной, какъ статуя. Неудачные выстрѣлы не вызывали въ ней никакихъ признаковъ жизни и только тогда, когда вѣтка надъ нею было сломана, она взмахнула своими крыльями и унеслась въ пространство, скрывшись внѣ ружейныхъ выстрѣловъ.

Скорбь черногорцевъ.

Мы уже много разъ имѣли случай говорить о Черногоріи и о нравахъ ея обитателей и объ исторіи этой страны. Помѣщаемый въ этомъ номерѣ „Нивы“ рисунокъ даетъ намъ случай сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ событіяхъ въ этой, хотя и маленькой по количеству занимаемой ею земли, но населенной племенемъ, отличающемся необыкновенною храбростію. Геройски покончивъ съ Никшичемъ, который постоянно служилъ туркамъ ключемъ для вторженія въ предѣлы Черногорскаго княжества, овладѣвъ затѣмъ Пресекою, Билекомъ и всѣми фортами Дужскаго прохода, черногорцы въ настоящее время двинулись на югъ, гдѣ небольшая, но плодороднѣйшая полоса земли, ограниченная Адріатическимъ моремъ, рѣкою Боянною и Скутарійскимъ озеромъ, издавна составляетъ предметъ ихъ желаній. Нужно замѣтить, что на долю черногорцевъ досталась не плодородная земля: голыя горы да скалы, тогда какъ турки владѣютъ богатыми пастбищами и самыми лучшими и плодородными землями.

Благодаря искуснымъ маневрамъ героевъ Черной Горы, теперь помянутая мѣстность уже почти вся въ ихъ рукахъ. Сосредоточивъ значительныя силы передъ Спужемъ, черногорцы напали на Спицу, разбили турецкіе гарнизоны, разсѣянные между Скутарійскимъ озеромъ и берегомъ Адріатическаго моря и наконецъ овладѣли Антивари и осадили и цитадель. Деревни и села въ этой полосѣ заявили покорность черногорскому князю, на встрѣчу котораго являлись старшины и жители католики и мусульмане. Большая часть этихъ депутацій заявила, что они добровольно поступаютъ въ подданство черногорскаго князя, и благодарили князя за избавленіе ихъ отъ поборовъ и непотовствъ турецкихъ войскъ.

Таковы подвиги доблестныхъ сыновъ Черной Горы. Но чѣмъ большимъ успѣхомъ отличаются военныя дѣйствія, тѣмъ больше онѣ уносятъ съ собою жертвъ. Сражаясь съ своимъ исконнымъ врагомъ, храбрые черногорцы умираютъ на полѣ битвы и отъ ранъ, оставляя сиротами несчастныя свои семейства...

Нашъ рисунокъ представляетъ именно одно изъ такихъ семействъ. Въ отчаяніи отъ постигшаго его несчастія—смерти члена семьи, сына, брата или дальняго родственника, старый черногорецъ и его жена, быть можетъ отецъ и мать павшаго, вскидываютъ свои руки на стѣны монастыря, взывая къ милосердію Бога. Обезсиленные подъ тяжестью горя, они ищутъ Его защиты и опоры... Горе такъ велико, что имъ кажется, будто самъ Богъ забылъ ихъ—и они обращаясь къ Его милости, въ тоже время сами ропчутъ на него и жалуются на свою судьбу. Быть можетъ тутъ, у стѣнъ храма, имъ не разъ приходятъ на мысль слова поэта:

„И за что судьба, такъ караешь ты,
Все, что дорого, отнимаешь ты?
Хоть бы смерклося, хоть свѣтало бы,
Только дней моихъ убывало бы!..
...Камнемъ на сердцѣ всѣ лишенія:
Нѣтъ ужь въ мірѣ намъ утѣшенія...

Молодая женщина стоитъ поодаль. Что она должна чувствовать понятно каждому, кто имѣлъ несчастіе въ своей жизни потерять близкихъ сердцу.

Политическія и военныя извѣстія.

Наши военныя дѣйствія на Дунайскомъ театрѣ войны, за прошлую недѣлю, ознаменовались взятіемъ 11-го ноября трудно доступной и весьма сильно укрѣпленной позиціи у деревни *Правецъ*, расположенной между *Орханіэ* и *Этрополемъ*. Борьба при этомъ была страшно-упорная и продолжалась 2 дня, потому что нашимъ войскамъ приходилось бороться и съ природою, и съ фанатически-ожесточеннымъ непріятелемъ. По взятіи Правецкой позиціи, непріятель бѣжалъ въ полномъ безпорядкѣ. На слѣдующій же день, 12-го ноября, былъ взятъ и самъ Этрополь съ *боя*, колоннами Принца Ольденбургскаго и флигель-адъютанта Любовицкаго, подъ общимъ начальствомъ генерала *Дандевиля*. И въ этомъ дѣлѣ наши герои выдержали невообразимо-трудную борьбу съ горною природою, при чемъ турки бѣжали въ безпорядкѣ.

Но намъ нужно указать на значеніе взятыхъ позицій. Взглянемъ на карту. Мы видимъ изгибающійся, по направленію къ западу, широкою дугою путь отъ Плевны на югъ къ Софіи и Балканамъ. На изгибѣ этой дуги, одну изъ хордъ которой составляетъ теченіе Искера, расположены и Враца (о которой мы имѣли уже случай говорить) и *Правецъ*, и *Этрополь*. Орханіэ и Софія нѣсколько выдаются къ западу, за линію этой дуги. Всматриваясь внимательно въ карту, не трудно замѣтить, что къ югу, уходя за черту упомянутой нами дуги, перекрещиваются *двѣ* различныя цѣпи горъ: *Стара-Планина*, составляющая продолженіе *Врѣтарницы-Планины*, параллельно съ теченіемъ Тимока на восточной границѣ Сербіи. За симъ далѣе къ югу отъ Правеца и Этрополя, лежитъ цѣлый грозный лабиринтъ горъ Ихтиманъ, посылающій по всѣмъ направленіямъ свои вѣтви и, очевидно, перекрещивающійся и съ цѣпью Балкана и съ Старою-Планиной. Мы знаемъ, что не смотря на трудность этого пути, планъ турокъ состоялъ, да и теперь состоитъ въ томъ, чтобы со стороны Софіи и Орханіэ пробиться на сѣверъ, на выручку Плевны. Почему такой трудный путь выбрали турки для этой цѣли—весьма понятно. Разъ—имъ знакома мѣстность и затѣмъ рядъ грозно-укрѣпленныхъ пунктовъ въ соединеніе съ естественными препятствіями, представилъ бы громадное затрудненіе нашимъ движеніямъ на югъ къ Балканамъ и мѣшалъ бы намъ парализовать попытки турокъ пробиться съ юга къ Плевнѣ. До какой степени, въ самомъ дѣлѣ, турки дорожатъ этимъ путемъ, видно изъ того, что, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, Мехемедъ-Али-паша со всею своей арміей находится теперь въ Орханіэ. Соотвѣтственно этой цѣли и за минувшую недѣлю замѣтны были усилія непріятеля тревожить насъ съ лѣваго фланга и, слѣдовательно, отвлечь массу нашихъ силъ отъ Софійско-Орханіе-Плевненскаго пути. На прошлой недѣлѣ, съ цѣлію отвлеченія нашихъ силъ къ востоку, армія Сулеймана-паши начала наступательныя дѣйствія противъ Рущукскаго отряда наслѣдника Цесаревича и аттаковала большими силами наши укрѣпленныя позиціи у *Третника* *) и *Мечки*. Но здѣсь непріятельская армія была молодецки отбита войсками 12-го корпуса Великаго Князя Владиміра Александровича. Въ то же время нашими войсками предупреждено наступленіе турокъ на *Поломирку* и *Кацелево* **). За симъ, на прошлой же недѣлѣ, 13-го ноября, въ окрестностяхъ Тернова, 5,000 регулярной турецкой пѣхоты и 1,000 башибузуковъ и черкесовъ, пришедъ отъ *Бердицы* по дорогѣ на *Елену*, сожгли деревни *Игнатовцы* и *Миковцы*, а на Шумлинской дорогѣ турки аттаковали нашу переднюю позицію у *Ковачицы*. Наконецъ извѣстно, что турки аттаковали недавно Тетевенъ (къ востоку отъ *Этрополя* на р. Видѣ). Словомъ, за прошлую недѣлю было замѣтно *общее* наступленіе турокъ съ востока и юго-востока, съ цѣлію отвлечь наше вниманіе отъ Софійско-Плевненской линіи и этимъ хотя отчасти помочь Осману-Пашѣ. Весьма возможно и вѣроятно, что при повтореніи подобныхъ дѣйствій со стороны турокъ, въ тылъ Сулеймана-паши будетъ дѣйствовать самый лѣвый флангъ нашей дунайской арміи, т. е. армія генерала Циммермана, дѣйствующая въ Добруджѣ. Кстати: за прошлую недѣлю объ этой арміи пришло къ намъ нѣсколько оффиціальныхъ извѣстій. Важнѣйшія и единственно возможныя въ такой негостепріимной и раззоренной турками же области какъ Добруджа, дѣйствія корпуса генерала Циммермана—это развѣдки и провѣрка непріятельскихъ силъ. Съ этою именно цѣлію у Циммермана организованы превосходные летучіе отряды. Эти послѣдніе на прошлой недѣлѣ имѣли весьма удачныя стычки съ турками. Результатомъ этихъ развѣдокъ и стычекъ было то, что теперь все пространство на 70 верстъ впереди линіи *Черноводы-Кюстенджи* (параллельной съ Траяновымъ валомъ) совершенно очищено отъ турокъ. За симъ были осмотрѣны *Балджикъ* и *Каджи-Оглу-Базарджикъ*. Послѣдній оказался сильно укрѣпленнымъ. Операціонный базисъ турецкихъ дѣйствій въ этой мѣстности лежитъ между Шумлою и Османъ-Базаромъ. Развѣдочныя же операціи нашего генерала и занятіе имъ разныхъ городовъ въ этой мѣстности до сихъ поръ простирались отъ *Кюстенджи* до *Мангаліи* и *Каварны* (по побережью) къ югу и до Силистріи къ западу. Сообра-

*) Къ югу отъ Османъ-Базара, почти на одной долготѣ съ Рущукомъ.

**) Тотъ и другой пункты лежатъ на лѣвой сторонѣ *Лома*: Кацелево — сѣвернѣе а Паломирка гораздо южнѣе.

Библиотека "Руниверс"

женія этихъ-то движеній внушаютъ Сулейману-пашѣ опасенія за свой флангъ и оттого дѣйствія его, не въ примѣръ дѣйствіямъ на Шипкѣ) до сихъ поръ представляются крайне нерѣшительными.

На Закавказскомъ театрѣ войны, за прошлую недѣлю, ничего особеннаго не произошло. По прежнему основными пунктами нашихъ военныхъ операцій остаются окрестности Эрзерума и Батума, и въ этихъ-то пунктахъ надо ждать рѣшительныхъ дѣйствій. Мухтаръ-паша недавно ушелъ изъ Эрзерума, а по другимъ извѣстіямъ—только вывелъ оттуда всю бывшую тамъ турецкую кавалерію, которая и заняла затѣмъ городъ *Меласкертъ*, съ цѣлію прикрыть горный Эрзерумъ и Ванъ.

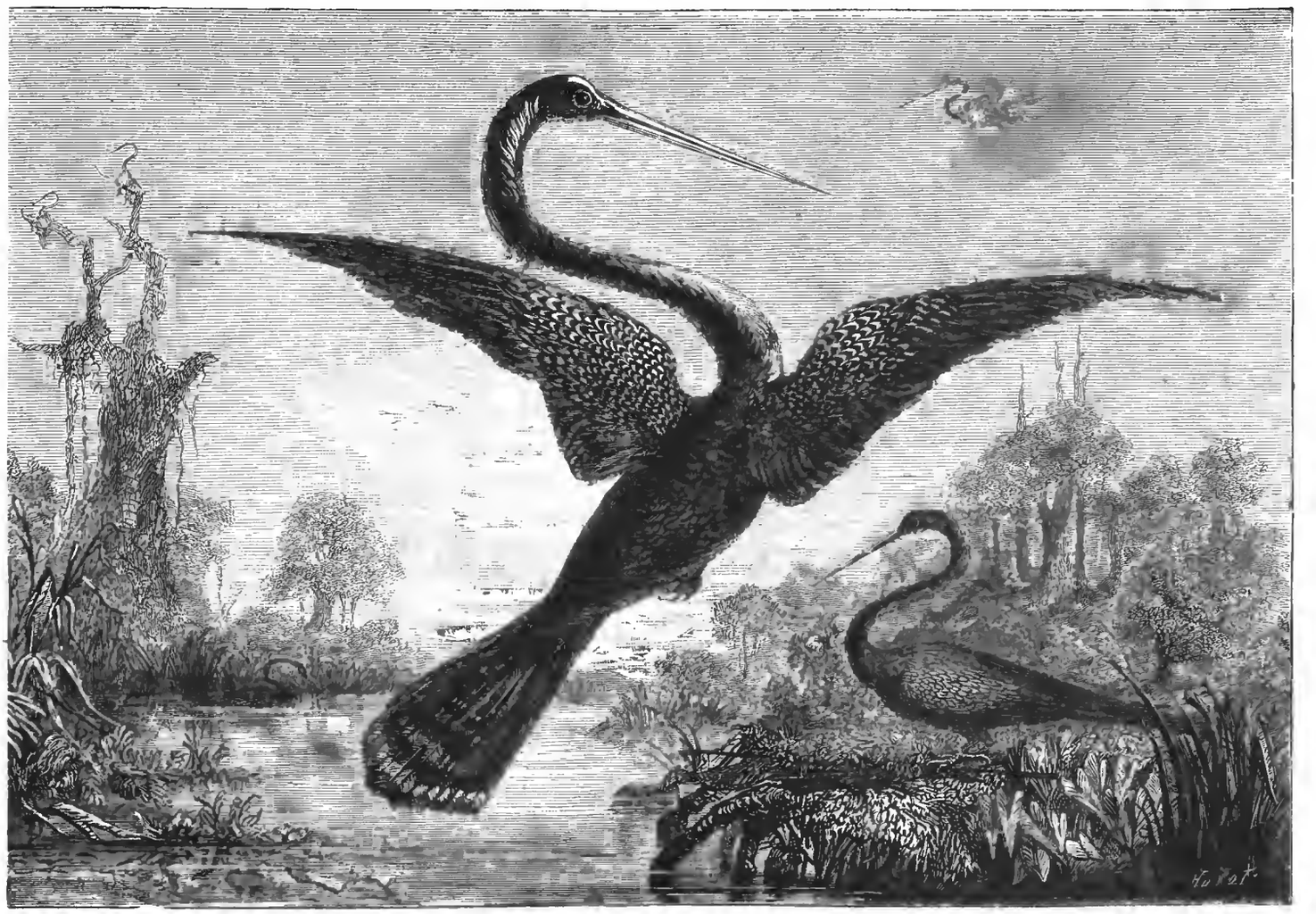
На прошлой недѣлѣ фактически началась вооруженная борьба между сербами и турками. Сербскій батальонъ, расположенный на восточной границѣ княжества, перешелъ здѣсь турецкую границу у *Вратарницкихъ* горныхъ проходовъ. Побужденіемъ къ этому переходу было то обстоятельство, что турецкія иррегулярныя войска, состоящія изъ мустегафиза, не далеко отъ Вратарницы совершали разныя неистовства и звѣрства надъ болгарскими бѣглецами. Стычка завязалась весьма жаркая, и въ концѣ концовъ турки были обращены въ бѣгство, а освобожденныхъ болгаръ сербскіе солдаты отвели на свою территорію. Пока дѣло этимъ и ограничилось, но несомнѣнно, что эта стычка послужитъ началомъ болѣе важныхъ дѣйствій. Турки, разумѣется, незамедлятъ объявить поступокъ сербовъ нарушеніемъ нейтралитета; съ другой стороны и для самихъ сербовъ нейтралитетъ уже становится слишкомъ тяжелымъ...

«*Вратарница*» (отъ кореннаго слова врата, проходъ) составляетъ проходъ между западной частью цѣпи Балкана и горъ Восточной Сербіи. Еще въ прошломъ столѣтіи этотъ проходъ назывался «Passo Augusto» (проходъ Августа). На этой границѣ, какъ извѣстно, течетъ рѣка *Тимокъ*, получившая извѣстность въ минувшую сербскую войну и пробивающая себѣ глубокое ложе въ восточной грядѣ сербскихъ горъ. У Зайчара Тимокъ даетъ отъ себя вѣтвь подъ именемъ «Чрне рѣка» или *Кривовирскій Тимокъ*. Уже на любой картѣ видно, что линія большого Тимока не совпадаетъ съ сербско-турецкою границей, а отстоитъ отъ этой границы на 65 верстъ разстоянія. Вся линія пограничныхъ горъ носитъ названіе плаины Вратарницы, и здѣшнее сербское населеніе занимается рыболовствомъ, такъ какъ Тимокъ кишитъ рыбою, и въ немъ водятся громадные сомы.

Послѣ упомянутой стычки при Вратарницѣ, изъ Сербіи уже успѣло дойти до насъ одновременно извѣстіе, что открытіе Сербіею военныхъ дѣйствій произойдетъ вѣроятно въ срединѣ числахъ декабря (25-го ноября по нашему стилю) и въ день св. Андрея Первозваннаго будетъ провозглашена «независимость Сербіи».

О непрерывныхъ успѣхахъ черногорцевъ на южной границѣ своей маленькой земли, мы сообщали въ прошлыхъ обозрѣніяхъ. На прошлой недѣлѣ 15-го (27-го) ноября, черногорцы взяли укрѣпленіе *Негой*, овладѣвъ тамъ 2-мя пушками и большимъ количествомъ припасовъ. За симъ черногорцы подошли къ *Горицѣ*, близь Скутари и здѣсь турецкая армія пыталась было аттаковать непріятеля, но была разбита и обратилась въ бѣгство. Хотя турки при отступленіи разрушили мостъ черезъ р. Бояну *), но это едва ли парализуетъ успѣхи черногорцевъ, все болѣе и болѣе идущихъ впередъ по прибрежью Албаніи. Есть извѣстіе о взятіи черногорцами въ послѣднее время еще 2-хъ фортовъ съ 13-ю непріятельскими пушками. За все время дѣйствія въ округѣ Антивари, до сего времени, взято черногорцами 9-ть турецкихъ фортовъ съ 22-мя орудіями. Затѣмъ, какъ мы уже знаемъ, войска князя Николая заняли всю территорію до рѣки Бояны къ югу и отъ Адріатическаго моря до Скутарійскаго озера по направленію отъ запада къ востоку. Отъ 15-го (27-го) ноября получено уже извѣстіе, что черногорцы бомбардируютъ Скутари (на самой южной оконечности Скутарійскаго озера), что городъ во многихъ мѣстахъ горитъ и что идутъ приготовленія къ штурму. Наконецъ *Ульте* и *Дульцинео* (прибрежныя укрѣпленныя мѣста Албаніи) сдались черногорцамъ безъ сопротивленія.

Въ политическомъ отношеніи за прошлую недѣлю преимущественное вниманіе опять таки сосредоточивала на себѣ Франція. Теперь извѣстно, что новое министерство составилось исключительно изъ *бонапартистовъ*. Опасность положенія Макъ-Магона нисколько не уменьшилась. Вопросъ состоитъ теперь въ вотированіи бюджета.

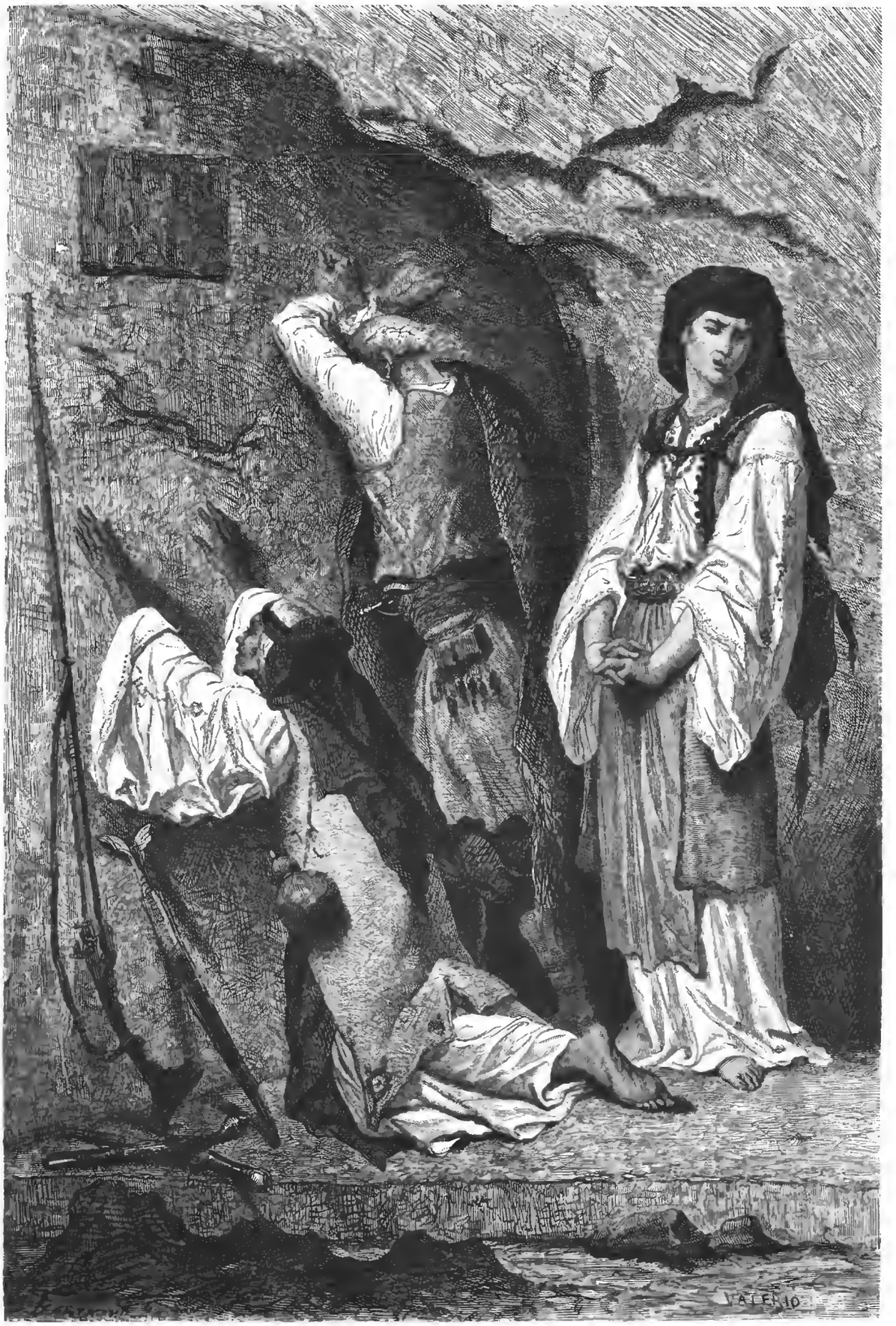


Птица змѣя. Рис. Е. Жеаръ, грав. Гона.

*) Впадаетъ въ Адріатическое море къ югу отъ Скутари и Горицы.

(Продолженіе на стр. 801, 802, 803 и 804).

Библиотека "Руниверс"



Черногорцы скорбящіе у стѣнъ монастыря объ убитыхъ родныхъ. Рис. Валеріо, грав. Бертронъ.

Библиотека "Руниверс"

Если Палата Депутатовъ откажется вотировать этотъ бюджетъ, то Макъ-Магонъ обнародуетъ посланіе, въ которомъ онъ пригласитъ сенатъ быть судьею въ спорномъ вопросѣ и потребуетъ отъ него, чтобы онъ сдѣлалъ выборъ между «распущеніемъ палаты и отставкою главы государства». Какъ скоро будетъ распущена Палата Депутатовъ, ожидаютъ въ различныхъ департаментахъ объявленія осаднаго положенія. Затѣмъ, въ засѣданіи Палаты Депутатовъ бюджетная коммисія признала незаконность дополнительныхъ кредитовъ, открытыхъ съ 4-го (16-го) мая. Словомъ: Франція, какъ и прежде, ходитъ на волканѣ, готовомъ разразиться страшнымъ взрывомъ...

— Въ Константинополѣ на улицахъ часто появляются наклеенными на стѣнахъ возмутительныя воззванія, въ которыхъ требуютъ низверженія султана.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Марія Павловна, сего 12-го ноября, въ четыре часа тридцать пять минутъ утра, благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ **Борисомъ**.

Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 46 „Нивы". *Наши побѣды на Кавказѣ знаменательны.*

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ребуса въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

Газета „Петербургскій Листокъ" помѣстила въ № 224 три рѣшенія задачи, помѣщенной въ № 46 „Нивы", кромѣ того, мы получили отъ нашихъ подписчиковъ нѣсколько рѣшеній. Даемъ здѣсь мѣсто одному изъ нихъ:

14	16	7	10	18
5	24	9	6	21
23	4	13	22	3
15	20	17	2	11
8	1	19	25	12

СОДЕРЖАНІЕ: **Генералъ-маіоръ Ю. А. Лошкаревъ, командиръ 9 кавалерійской дивизіи** (съ портретомъ). — **Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева.** Часть третія. (Продолженіе). — **Нижне-Тагильскъ и его рудники** (съ 2-мя рисунками). — **Охота на зайца** (съ рисункомъ) **Е. В.** — **Пѣшій кавалеристъ** (съ рисункомъ) **Н. К.** — **Моравская невѣста** (съ рисункомъ). — **Бой у Хассанъ-Кале** (съ рис.) **Н. К. Anhingo (Змѣиная птица)** (съ рисункомъ). — **Скорбь черногорцевъ** (съ рисункомъ). — **Политическія и военныя извѣстія.** — **Придворныя извѣстія.** — **Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 46 „Нивы".** — Ребусъ — **Рѣшеніе ариѳметической задачи помѣщенной въ № 46 „Нивы".** — **Курсы с.-петербургской биржи.** — **Объявленія.**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

Полуим. 8 р. 5 к. 5% бил. госуд. банка перваго выпуска 95½ втораго вып 94¼, третьяго вып. 93¾, четвертаго вып. 94¼, 6% сереб. ромъ 110½, 5% 2 займа 1822 г. 114½, 5% 5 займа 1854 г. 96, 5% 7 займа 1862 г. 118¼ 5% Восточный з. 90⅞ 5% внутр. съ выигр. заемъ 1864 г. 224, 5% внутр. съ выигр. заемъ 1866 г. 218¼ 5% заемъ гор. Петерб 88¾, 5% облиг. с.-пет. гор. кредитн. общества 90¼, 5% облиг. моск. гор. кредитн. общества 88⅜, 5½% облиг. одесскаго город. кред. общ. 82, 6% обл. кронштадск. город. кред. общ. 87½, 5% закл. листы общ. взаим. позем. кред. 112.

Магазины: Адмиралт. площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 8, противъ Стремянной.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА въ Петербургѣ,

Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.

20

Товарищество Чекберсъ и К°.

№ 29 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ 3—1

ВЪ ПАССАЖѢ

знаменитая механическая утка

Музей открытъ ежедневно отъ 10 ч. утра до 10 ч. вечера За входъ 40 к. дѣти половину.

Большой Анатомическій музей, Б. Морская № 33.

1000 достопримѣчательныхъ предметовъ. По пятницамъ для дамъ.

И. Б. ГАССНЕРЪ.

№ 30 ПОСѢДѢВШІЕ ВОЛОСЫ.

принимаютъ свой первоначальный черный, каштановый и бѣлокурый цвѣтъ отъ непродолжительнаго употребленія, Eau-de-capille О-де-капиль (одинъ флаконъ) безвредный, очень пріятный; чистоплотно при употребленіи. Съ пересылкою 2 р. 50 к. А Штейнбергъ Невскій пр. № 25. Депо косметической лабораторіи. 1—1

АРТЕЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ

ЖЕНСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ.

Въ настоящее время принимаетъ заказы на слѣдующія работы платья натныя, мѣховыя, драповыя вещи и стежка одѣялъ; бѣлье и мѣтка, шляпы, чепчики и цвѣты.

Артель желая заслужить довѣріе въ публикѣ выбрала самыхъ лучшихъ мастерицъ и закройщицъ, и надѣется своимъ добросовѣстнымъ исполненіемъ превзойти многіе магазины. При большомъ числѣ работающихъ платье могутъ шить въ 24 часа. Тутъ же даютъ уроки кройки и плетенія кружевъ. По воскресныхъ и праздничнымъ днямъ въ мастерской также принимаютъ заказы.

№ 50 Уголъ Б. Итальянской и Б. Садовой н. № 5—10 кв. № 6. 1

Н. Ф. Кюнъ имѣетъ честь извѣстить почтенную публику, что съ 1878 года цѣны на скоропысыхаемыя масляныя краски увеличатся, противъ цѣнъ, показанныхъ въ прейсъ-курантѣ 1877 года на 40 к. за пудъ—Прейсъ-курантъ, содержащій въ себѣ 50 образцовъ и короткое объясненіе къ производству малярныхъ работъ; высылается безплатно.—СПБ. Казанская 38. № 42 5—1

№ 44 Для театровъ и домашнихъ спектаклей, 1

Грановскій различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ.

А. Штейнбергъ Невскій проспектъ № 25. Депо косметической лабораторіи.

КАРТИНЫ

ПО СВЯЩЕННОЙ ИСТОРІИ ВЕТХАГО И НОВАГО ЗАВѢТА.

Изданныя Товариществомъ Метахромотипіи „Ракочій, Сидорскій и К°" удостоенныя посвященія Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Цесаревнѣ, одобренныя Ученымъ Комитетомъ Святѣйшаго Синода преимущественно предъ другими изданіями, какъ вполнѣ соотвѣтствующія ученію Православной церкви, особенное вниманіе большей части учебныхъ заведеній и публики, оправдали на дѣлѣ ожиданія, какъ въ педагогическомъ, такъ равно и художественномъ отношеніяхъ, о чемъ многократно было заявляемо и въ печати лицами компетентными въ данномъ случаѣ.

По указанію же многихъ изъ преподавателей Закона Божіи, картины эти хотя отлично исполнены, но къ не большихъ учебныхъ заведеніяхъ (домашнихъ, народныхъ и сельскихъ школахъ) своимъ большимъ форматомъ (9—13 вершковъ безъ полей) представляютъ то неудобство, что, по сжатости помѣщеній, развѣшивать ихъ на стѣнахъ въ школахъ, для легчайшаго ознакомленія учащихся съ событіями нашей религіи, отчасти затруднительно, въ особенности же въ частныхъ домахъ. Въ этомъ является и вся причина (какъ выяснилось по указаніямъ тѣхъ же преподавателей Закона Божіи), почему многія школы и частныя лица Православнаго вѣроисповѣданія прибѣгаютъ зачастую къ покупкѣ иностранныхъ изданій (англійскихъ и нѣмецкихъ), какъ въ крайности, единственно только потому, что онѣ удобнаго формата и доступны по цѣнѣ какъ для школъ, такъ и для частныхъ лицъ.

Въ видахъ устраненія этого крайняго неудобства, нерѣдко тяжело отражающагося на учащихся, вслѣдствіе ложныхъ, далеко не соотвѣтствующихъ догматамъ Православія, изображеній, я, членъ Товарищества И. П. Сидорскій, по обсужденіи съ моими компаньонами, предпринялъ изданіе тѣхъ же самыхъ, одобренныхъ означенными Комитетами, картинъ, и, предварительно, исправивъ, измѣнивъ и дополнивъ оригиналы художника Крюкова, Барвитова согласно указаніямъ учебнаго Комитета Святѣйшаго Синода, въ настоящее время издалъ ихъ въ такомъ именно форматѣ, который вполнѣ будетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ народныхъ, сельскихъ, полковыхъ школъ и вообще всѣхъ учебныхъ заведеній. Размѣръ издаваемыхъ мною картинъ 10—15 дюймовъ (безъ полей) т. е. въ двое больше по размѣру картинъ другихъ большаго формата изданій, находящихся въ продажѣ (Шрейбера, Шнора, Михайловскаго и др.)

Чтобы придать болѣе отчетности и рельефности изображеніямъ, рисунки награвированы на деревѣ лучшими граверами въ С.-Петербургѣ и печатаются настолько ясно и отчетливо, что каждое изображеніе на рисункѣ можно видѣть на большомъ разстояніи также ясно, какъ и на той же картинѣ большаго формата

Для приданія изображенію большей ясности, а рисунку изящества, картины печатаются на толстой, роскошной, бѣлой бумагѣ, въ нѣсколькихъ тонахъ, съ бликами, что, понятно, сопряжено съ немалыми затратами, но, въ виду развитія въ народѣ вкуса къ изящному и болѣе точнаго ознакомленія его съ возможно-вѣрнымъ выполненіемъ исторической истины нашей религіи, я поставилъ себѣ въ необходимость придерживаться неуклонно этого способа печати, чѣмъ, быть можетъ, и положится предѣлъ наплыву и продажѣ у насъ на Руси заграничныхъ изданій съ изображеніями, противными догматамъ истиннаго ученія Православной церкви и, быть можетъ, школы нашего отечества украсятся наглядными пособіями по Св. Исторіи, чисто русскаго заданія, вполнѣ соотвѣтствующаго истинному ученію Православія.

Цѣна полной коллекціи въ 50 картинъ:

На александрійской бумагѣ, въ нѣсколькихъ тонахъ. 7 р. — к.
» раскрашенныхъ акварелью . . . . . 13 „ — „
12 картинъ изъ двенадцатыхъ праздниковъ, въ тонахъ. 2 „ 50 „
» раскрашенныхъ акварелью . . . . . 4 „ 26 „

И сверхъ того пересылочныя, по почтовому положенію, какъ на вещи, за 9 фунтовъ при выпискѣ полной коллекціи картинъ и за 3 фунта при выпискѣ двенадцатыхъ праздниковъ.

Желающіе пріобрѣсти эти картины благоволятъ высылать свои требованія заблаговременно, съ приложеніемъ денегъ: *въ С.-Петербургѣ, Троицкій переулокъ, д. № 27, въ заведеніи Товарищества «Метахромотипіи» издателю И. С. Сидорскому.*

Складъ изданныхъ картинъ будетъ находиться исключительно въ заведеніи *Метахромотипіи и книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°. въ С.-Петербургѣ, у Лѣтняго сада.*

По высылкѣ только по этимъ адресамъ издатель отвѣчаетъ за аккуратную высылку.

Земствамъ, выписывающимъ сверхъ 10 экземпляровъ дѣлается скидка.

И. П. Сидорскій.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„НЕДѢЛЯ“

(52 номера въ годъ)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО

ЖУРНАЛА

РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

(12 книжекъ въ годъ)

Годовая цѣна за оба изданія **8** р. съ пересылкой,

Въ 1878 году «НЕДѢЛЯ» будетъ выходить съ **безплатнымъ** приложеніемъ «ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ» (12 книжекъ въ годъ)

«НЕДѢЛЯ» имѣетъ цѣлью давать читателямъ сжатые, но полные, ясные и серьезные отчеты обо всемъ, что происходитъ въ теченіи недѣли замѣчательнаго въ политической и общественной жизни Россіи и иностранныхъ государствъ.

«НЕДѢЛЯ» знакомитъ читателей съ важнѣйшими произведеніями книжной и журнальной литературы.

Посредствомъ очерковъ, разсказовъ и этюдовъ **изъ дѣйствительной жизни** «НЕДѢЛЯ» даетъ понятіе о нуждахъ и потребностяхъ различныхъ классовъ общества и народа.

Въ статьяхъ общественно-научныхъ, политическихъ и историческихъ «НЕДѢЛЯ» знакомитъ читателей съ важнѣйшими вопросами, стоящими на очереди и близкими каждому образованному человѣку.

Въ корреспонденціяхъ изъ провинціи «НЕДѢЛЯ», кромѣ сообщенія общеинтересныхъ фактовъ, имѣетъ цѣлью выводить на свѣжую воду всякаго рода господъ, обдѣлывающихъ свои дѣлишки подъ покровомъ провинціальной безгласности.

Наконецъ, во все продолженіе войны «НЕДѢЛЯ» будетъ давать **въ каждомъ номерѣ** «ОЧЕРКИ и КАРТИНЫ ВОЙНЫ». По этимъ статьямъ читатели могутъ составлять себѣ не только точное и полное понятіе о ходѣ военныхъ дѣйствій, но и знакомиться со всѣми интересными эпизодами той великой драмы, которая разыгрывается на Балканскомъ полуостровѣ.

«ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ» будетъ выходить **ежемѣсячно** (12 книжекъ въ годъ), составляя **безплатное** приложеніе къ газетѣ «НЕДѢЛЯ». Въ немъ будетъ печататься лучшіе русскіе и иностранные романы и повѣсти. Относительно послѣднихъ будетъ обращено **особенное** вниманіе на точность, художественность и изящество перевода. Для своевременнаго полученія новыхъ романовъ редакція запаслась сотрудниками въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Нью-Йоркѣ.

Подписка на 1878 годъ открыта. Требованія адресовать: въ С.-Петербургъ, въ редакцію «Недѣли», на углу Ивановской и Забиннетской, № 6 — 12.

№ 32 3—1 Редакторъ-Издатель **П. А. Гейдебуровъ.**

„ПРИРОДА“

(одобрено для библіотекъ и учебныхъ заведеній)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 12 Р., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 13 Р. 50 К.

(безъ хромолит. и литогр. прилож. 8 р. съ пер. 9 руб.).

Подписчикамъ на 1877 г. выдается «**Популярная физіологія** Д—ра **Лебона**, которая будетъ стоить въ отдѣльной продажѣ **3 руб. 50 коп.**

Выходитъ **4 раза** въ годъ, книгами около 27 печ. листовъ, съ **6—8 хромо- и литографіями** и 100—150 рисунками въ каждой книгѣ. Въ Сборникѣ помѣщаются популярныя статьи по Естествознанію, Этнографіи, Путешествія, статьи по Медицинѣ, Гигіенѣ, Технологіи, Сельскому Хозяйству, Охотѣ, Военному и Морскому дѣлу и т. п.

Оставшіеся экземпляры Сборника за 1873 г. (2 кн.), 1874, 1875 и 1876 гг. (14 томовъ со 100 хромолитограф. и литограф. и 1000 рисунковъ въ текстѣ)—стоитъ **безъ** приложеній 23 р. **съ приложеніями** 32 р. съ пересылкою.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 6 Р., СЪ ПЕРЕС. 6 Р.

(На полгода 4 руб. 50 коп., съ пересылкою 5 руб.).

Выходитъ ежемѣсячно съ хромолитографіей или литографіей и многими рисунками въ текстѣ. Въ концѣ года будутъ выданы въ видѣ премія 2 раскраш. рисунка лучшихъ собакъ 3-й очередной выставки. Въ журналѣ помѣщаются охотничьи разсказы и очерки, спеціальныя статьи по ружейной и псовой охотѣ, о породахъ, содержаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ, ружьяхъ, монографіи, охотничьихъ животныхъ, корреспонденціи, мелкія замѣтки, новости охотничьяго дѣла и т. п.

Оставшіеся экземпляры Ж. Охоты за 1874 г. (6 кн.), 75 и 76 гг., а всего 5 томовъ можно выписывать **изъ конторы редакціи** по 8 р. 50 к. а всѣ 5 томовъ, заключающіе 30 хромолит. и литографій 5 премій и особыя приложенія 1876 г.; «Записки псового охотника» **П. М. Мачекаріанова** (160 стр.) и **Тетеревъ-косачъ Л. П. Сабанѣева** (100 стр.)—за 16 р., съ подписной на 1877 г. на 24 р. съ перес.

Подписка принимается исключительно въ редакціи Сборника «Природа» и Ж. Охоты» (**Москва**, Петровка, д. Самариной). Съ 1 ноября открыта подписка на 1878 г.

Подписавшіеся на оба изданія въ редакціи платятъ 16 р. с. безъ и 20 р. съ приложеніями Сборника

№ 18 4—3 Ред. **Л. И. Сабанѣевъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ

СОБРАНІЯ

ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Въ 1878 году, какъ и въ предшествовавшіе *двадцать два* года, «Собраніе Романовъ» даетъ лучшія сочиненія въ иностранной беллетристикѣ, преимущественно англійской и французской, будетъ выходить всегда въ первыхъ числахъ мѣсяца книжками большого формата и помѣститъ въ годъ отъ *десяти* до *двенадцати* большихъ романовъ и множество повѣстей и разсказовъ самаго разнообразнаго содержанія, что составитъ въ концѣ года болѣе *трехсотъ* печатныхъ листовъ или около *пяти тысячъ* страницъ. На 1878 годъ приготовлены слѣдующіе романы, которые впрочемъ могутъ быть замѣнены другими болѣе интересными, если встрѣтятся таковые:

Жемчужина востока, изъ событій въ Константинополѣ, Антонія Жоффе,
Преступленіе моего отца, Вленморя.
Мас-Гориа, Густава Эмара.
Подставной, Джемса Пейна.
Драма въ Розовомъ Домѣ. Ксавье-Монтепено.
Сигналъ бѣдствія, Майнъ Рида.
Волонита-мужъ, Флоренція Маррьетъ.

Цѣна на годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ большого формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца—*десять рублей пятьдесятъ коп.*, съ доставкою въ С.-Петербургѣ—*одиннадцать*, для иногородныхъ подписчиковъ—*двенадцать рублей*.

Подписка принимается *исключительно* на имя издательницы, Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ д. Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

При редакціи открыта книжная торговля; высылаются всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическіе изданія.

№ 33 3—2

Изданія **М. Цебриковой** въ пользу женскихъ курсовъ.

Зимы XIX вѣка А. Эсинроса съ приложеніемъ статьи „Теорія воспитанія Спенсера“ 2-е изданіе цѣна 1 р. 50 к.

Медицина и медики Э. Литтера ц. 2 р.

Девуткть города Парижа романъ изъ временъ второй французской имперіи ц. 2 р.

Разсказы о погибшихъ дѣтяхъ Н. Р. Выпускъ I-й. Повѣсть маменьки ц. 60 к. Выпускъ 2-й Самодуры разсказъ ц. 50 к.

Новая жизнь романъ Ауэрбаха изъ эпохи реакціи 1849 г. ц 2 р. 20 к. 1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ НА

„ИЗУМРУДЪ“

сборникъ переводныхъ романовъ, путешествій и небольшихъ разсказовъ.

«Изумрудъ» будетъ издаваться въ Москвѣ, книгами большого формата, шесть разъ въ годъ, и выходить между 10 и 20 числами января, марта, мая, іюля, сентября и ноября мѣсяцевъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА „ИЗУМРУДЪ“ ВЪ ГОДЪ:

Въ Москвѣ, безъ доставки на домъ . . . . . 5 руб. — коп.
„ „ съ доставкою „ „ . . . . . 5 руб. 50 коп.
Съ пересылкою иногородныхъ . . . . . 6 руб. — коп.

Подписавшіеся на сборникъ на 1878 годъ и внесшіе деньги до 15 декабря 1879 г. получаютъ безплатно историческій романъ подъ заглавіемъ **„Мануилъ Комненъ, императоръ Византіи“** который отдѣльно будетъ продаваться по 2 рубля.

Подписка на „Изумрудъ“ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи сборника; на углу Тверской улицы и Газетнаго пер., въ домѣ № 280.

Примѣчаніе. Иногородныхъ просятъ не смѣшивать редакціи „Изумрудъ“ съ редакціею издающагося въ Москвѣ „Журнала иностранныхъ переводныхъ романовъ“, находившейся прежде на Тверской, но переведенной теперь на Покровку, ибо какъ между названными редакціями, такъ и между названіями ихъ нѣтъ вовсе солидарности. № 42 1

Педагогическій журналъ «**Воспитаніе и Обученіе**», бывшій «**Дѣтскій Садъ**» будетъ выходить въ 1878 г, въ направленіи принятомъ съ 1876 г Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда вывсена теорія. Редакція поставила задачей своей выясненіе теоріи, на которой должно быть основано воспитаніе, въ статьяхъ о развитіи умственнаго и нравственнаго строя ребенка и о предметахъ преподаванія. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи даютъ отзывы о педагогическихъ и дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. Въ отдѣлѣ смѣси печатается рядъ замѣтокъ изъ воспитательной практики. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго и младшаго возраста будутъ помѣщены разсказы, стихотворенія, біографіи статьи естественно-научнаго содержанія, путешествія. Для младшаго возраста прилагаются рисунки. Въ 1877 года были помѣщены статьи: въ педагогическомъ отдѣлѣ; Личность ребенка **М Артемьевой**, Дисциплина ея же, Педагогика и гигіена; ихъ взаимныя отношенія, **В. Португалова** Школа, какъ посредница заразы, его же. Чувство, Воображеніе, Наше преподаваніе русской литературы, Объ изученіи иностранныхъ языковъ. Замѣтка о женскомъ образованіи, Отношенія родителей и учителей, О чувствахъ и умѣ, **Бзие**, Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго возраста: Снитальцъ стихотвореніе **А. Михайлова**. На рѣкѣ, разсказъ, его же, Мои вузина, повѣсть **М. Артемьевой**, Сократъ. Изъ жизни человѣка и природы **О. Н. Поповой** Вода, путешествіе по Австріи, для младшаго возраста Рождественный сонъ, сказка **А. Михайлова**. Клахъ стихотвореніе, **И З. Суриковъ**. Пожаръ на кораблѣ **М. Артемьевой**. Кузя въ Питерѣ **С. Самойловичъ**. Болгарскія дѣти, разсказъ. Сонъ. Кронодилъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ объемѣ отъ 5—6 листовъ въ 8 долю большого формата цѣна 5 р. 50 к. безъ доставки. Съ пересылкой и доставкой 5 руб. Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ редакціи; Екатерингофскій проспектъ д. № 51 кв. 4.

№ 45 Издатель **В. Уггла**. Редакторъ **Е. Бороздина**. 2—1

Вышли изъ печати и поступили въ книжную продажу первые три тетради:

„ЮГЪ“

Историческіе разсказы изъ временъ 500-лѣтней борьбы Сербовъ и Черногорцевъ противъ турокъ.

Съ чешскаго пер. Н. Цитовъ и П. Соневицкій.

Изданіе въ 15 тетрадяхъ выходящихъ еженедѣльно по одной. Цѣна каждой тетради по 64 стр. 20 к., съ пересылкой 25 к. При заказѣ всѣхъ 15 тетрадей издатель высылаетъ ихъ по мѣрѣ выхода изъ печати на свой счетъ.

Содержаніе „Юга“: 1) Косово поле. 2) Милеве и Бояняетъ. р) Ангора. 4) Послѣдній король Боснійскій. 5) Венеціанская свадьба. 6) Гарачъ. 7) Круза. Въ то время, когда тысячи нашихъ молодцовъ изнемогаютъ въ бою противъ врага югославянства на освобожденіе его изъ подъ 500-лѣтняго страшнаго рабства, интересно каждому русскому знать исторію этого долговременнаго страданія нашихъ единовѣрцевъ и ихъ геройской борьбы противъ ихъ варварскихъ угнѣтателей, исторію столь печальную, но и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадную для сердца русскаго народа, которую передаетъ „Югъ“ въ самыхъ интересныхъ разсказахъ.

Коммиссіонеръ-издатель Іосифъ Ф. Шмидтъ, русская книжная и музыкальная торговля, Москва, Моховая, д. Куманина. № 47 1

№ 35 **ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ** 1

„ЛУЧИ“

Книга для классного чтенія и упражненій при изученіи русскаго языка

ВЪ ГОРОДСКИХЪ, ПРИХОДСКИХЪ И СЕЛЬСКИХЪ НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

СОСТАВИЛИ И. ПОЛКАНОВЪ И В. ВАСИЛЬКОВА.

ЦѢНА КНИГѢ 1 Р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

При требованіи въ разъ десяти и болѣе экземпляровъ уступается 10% и сверхъ того пересылка на счетъ составителей.

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ АДРЕСОВАТЬСЯ: въ село Барвинъ, Спасскаго уѣзда. Казанской губерніи, Ивану Александровичу Полканову и въ г Казань книгопродавцу А. А. Дубровину, на Воскресенской улицѣ, въ Гостиномъ дворѣ, № 1.

КРЫШКИ для переплета «Нивы» 1877, и 1878 г. по вышепоказанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 коп. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть «Ниву» въ такую коленкоровую крышку.

Библиотека "Руниверс"

Подписная годовая цѣна ПЯТЬ рублей.

ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ.

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ДЕШЕВАЯ ГАЗЕТА

„ТЕЛЕГРАФЪ“

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ

Выходитъ безъ предварительной цензуры

ЕЖЕДНЕВНО, УТРОМЪ,

не исключая понедѣльника и дней послѣ большихъ праздниковъ въ которые выходятъ №№ въ уменьшенномъ объемѣ.

Листъ газеты „ТЕЛЕГРАФЪ“ будетъ заключать въ себѣ не менѣе 1,500 печатныхъ строкъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1878 ГОДЪ:

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ:

на годъ . . . . . ПЯТЬ руб.
на полгода . . . . . ТРИ руб.
на три мѣсяца . . . . . ДВА руб.

Гг. подписчики, желающіе пользоваться **разсрочкою подписной платы**, за годовой экземпляръ съ доставкою и пересылкою платятъ: при подпискѣ—2 руб., 1-го марта—1 50 к., 1-го іюля—1 р. и 1-го сентября—1 руб.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: 1) Въ конторѣ редакціи газеты „ТЕЛЕГРАФЪ“, на Большой Конюшенной, въ домѣ Языковой, домъ № 15, кв. № 22, а также въ книжномъ магазинѣ А. Черкесова и К°. по Невскому проспекту, противъ Публичной Библіотеки № 54.

Въ Москвѣ: Въ отдѣленіи конторы и редакціи газеты „ТЕЛЕГРАФЪ“ на Спиридоновкѣ, въ домѣ Варженевскаго.

Программа газеты „ТЕЛЕГРАФЪ“,

УТВЕРЖДЕННАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ:

1) Узаконенія, распоряженія и сообщенія правительственныя. 2) Телеграфическія депеши, получаемыя какъ отъ русскихъ, такъ и отъ иностранныхъ телеграфныхъ агентствъ, а также отъ корреспондентовъ редакцій. 3) Разныя внутреннія извѣстія, оффиціальныя и не оффиціальныя. 4) Статьи по разнымъ вопросамъ, какъ возникающимъ со стороны администраціи, и порождаемымъ современною жизнію общества. 5) Статьи и извѣстія политическаго содержанія. 6) Судебная практика и судебныя рѣшенія. 7) Разнаго рода беллетристическія статьи, критика, библіографія, художества. 8) Новости общественной жизни, театра, искусства, ремеслъ и пр. 9) Объявленія казенныя и частныя.

Отъ редакціи газеты „ТЕЛЕГРАФЪ“.

Дешевизна, общедоступность, полнота, отзывчивость ко всему интересующему общество,— вотъ главныя цѣли, къ которымъ будетъ стремиться новая газета „ТЕЛЕГРАФЪ“, Немногіе имѣютъ возможность платить *дорого* за газету, не у всѣхъ *досугъ* прочитывать длинные столбцы большихъ изданій; но всѣ, отъ столичнаго до провинціальнаго и деревенскаго жителя, желаютъ внимательно слѣдить за явленіями общественной и государственной жизни; всѣ желаютъ найдти отголосокъ своимъ взглядамъ и желаніямъ и особенно нынѣ жить общею жизнію съ отечествомъ. Такихъ читателей редакція исключительно имѣетъ въ виду; для нихъ она будетъ трудиться.

Война обнаружила нашу силу и нашу слабость; она породила рядъ новыхъ, сложныхъ и разнообразныхъ вопросовъ, захватывающихъ всю нашу внутреннюю жизнь. Эти вопросы пріобрѣли реальное значеніе, небывалую популярность и возбуждаютъ живѣйшій интересъ во всѣхъ классахъ русскаго общества. Время легковѣснаго отношенія печати къ явленіямъ государственной и общественной жизни миновало. Господствующему тону памфлетовъ и личнаго задора должно быть противопоставлено—знаніе, опытъ, спокойное и трезвое обсужденіе, соотвѣтствующее серьезности переживаемыхъ нами дней. Это новое, столь утѣшительное настроеніе общества должно найдти себѣ отголосокъ въ печати, равно какъ и патріотическія чувства, вызванныя войною. Къ сожалѣнію, нерѣдко на ряду съ банальными и заученными фразами, которыми какъ бы воздается дань чувству патріотизма, встрѣчаются какія-то странныя въ настоящую минуту сомнѣнія въ величіи поставленной войною задачи и въ возможности достигнуть желаемыхъ результатовъ. Но философскія изрѣченія и безплодныя мудрствованія не заставятъ сомнѣваться и отрицать тѣхъ, кто желаетъ сочувствовать, дѣйствовать и помогать. Приступая къ изданію общедоступной газеты, мы руководились желаніемъ объединять въ ней отрывочныя стремленія лучшей части общества, совпадающія съ дѣйствительными его потребностями. Мы надѣемся, что содѣйствіе просвѣщенныхъ сотрудниковъ нашихъ и нашъ двадцатилѣтній опытъ помогутъ новой газетѣ встрѣтить общее сочувствіе.

Газета „ТЕЛЕГРАФЪ“—самая дешевая изъ всѣхъ существующихъ нынѣ ежедневныхъ газетъ въ Россіи—будетъ въ краткой и сжатой формѣ сообщать все то, что служитъ неотъемлемымъ содержаніемъ всякой ежедневной газеты.

Въ газетѣ «ТЕЛЕГРАФЪ», въ составъ отдѣловъ: телеграммъ, разныхъ извѣстій, статей политическаго содержанія, между прочимъ, войдутъ: оффиціальныя телеграммы и извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, телеграммы о важныхъ событіяхъ изъ разныхъ мѣстъ Имперіи; политическія заграничныя новости, почерпнутыя изъ иностранныхъ и русскихъ газетъ, извѣстія и корреспонденціи изъ провинцій: о распоряженіяхъ мѣстныхъ административныхъ властей, о земской дѣятельности, вопросы народнаго образованія, извѣстія, относящіяся къ епархіальному управленію; торговыя извѣстія съ русскихъ и иностранныхъ биржъ, вексельные курсы, цѣны процентныхъ бумагъ и золота на петербургской биржѣ, свѣдѣнія о мѣстныхъ ярмаркахъ, урожаяхъ, цѣны на хлѣбъ и другіе предметы мѣстной торговли, свѣдѣнія о положеніи мѣстной промышленности и производства; извѣстія, непосредственно относящіяся къ военному дѣлу, или имѣющія съ нимъ связь; новости дня, имѣющія общественный интересъ, происшествія, некрологи и пр. и пр. **Фельетоны** различнаго содержанія, театральная хроника и проч. Въ составъ беллетристическаго отдѣла войдутъ небольшія повѣсти и разсказы и проч.

Издатель и редакторъ К. В. Трубниковъ.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленія: 1) отъ книжнаго магазина С. И. Лесухина въ Москвѣ. 2) отъ книжнаго магазина Экшурскаго въ СПБ. (оба за исключеніемъ московскихъ подписчиковъ). Кромѣ того 3) приложеніе для всѣхъ гг. иногородныхъ подписчиковъ отъ редакціи „Библіотека для чтенія“.

Дозволено цензурою. СПБ. 25 Ноября 1877 г.

Тип. Веллинга. Адм. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 49 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 5 Декабря 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ" 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23,500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать печатныя редакціонные адресы отъ бандеролей, въ которыхъ получается «Нива» въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" на 1878 г.

Безъ доставки въ ПБургѣ . . . 4 р.
Съ доставкою . . . . . 5 р.
Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ книжныя магазины г. Живарева, Соловьева и Лангъ . . 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Русской Имперіи . . . . . 6 „

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ДЕКАБРЬ съ 36 рис. и отдѣльный листъ съ 27 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 39 рис. рукодѣльныхъ работъ и 38 вензелей буквъ—инициаловъ для мѣтки бѣлья.

Христина Нильсонъ.

Путешественники, которымъ около половины пятидесятыхъ годовъ приходилось проѣзжать по проселочной дорогѣ между Вексіе и Христіанстадомъ (въ Швеціи), весьма часто могли встрѣчать у изгороди близь помѣстья графовъ Гуго и Малькольма Гамильтоновъ маленькую дѣвочку, старавшуюся опередить другихъ крестьянскихъ дѣтей, для того чтобы отворить ворота путешественникамъ и получить за эту услугу какое-нибудь вознагражденіе. Этотъ ребенокъ была Христина Нильсонъ, младшая дочь бѣднаго земледѣльца, Іоны Нильсона, который въ 1852 г. поселился въ мѣстечкѣ Скателефъ, въ округѣ Вексіе. Этими услугами она намѣревалась скопить капиталъ для покупки скрипки.

Хотя скрипка и имѣлась въ домѣ, но она принадлежала брату и служила средствомъ къ прокормленію семейства.

Христина Нильсонъ. Примадонна С.-Петербургской Итальянской оперы. Грав. Френцель.

Собираніе капитала для пріобрѣтенія скрипки подвигалось впередъ очень медленно—и вотъ Христина, чтобы не потерять времени, *сама соорудила себѣ скрипку*, выдолбила древесину, натянула на нее струны и изъ импровизированнаго инструмента ей посчастливилось извлечь звуки, музыкальные или нѣтъ—въ сужденіе не входимъ. Ей минуло тогда восемь лѣтъ. Чрезъ нѣсколько времени братъ ея покинулъ отцовскій кровъ и взялъ скрипку съ собою, а вмѣстѣ съ нею и источникъ доходовъ, получаемыхъ отъ свадебъ, ярмарокъ и т. п. Пришлось купить Христинѣ давно ею желаемую скрипку. Какъ описать восторгъ ея? Теперь предстала возможность, не опасаясь быть наказанною, заняться игрою сколько душѣ ея угодно было, и въ то же время дать приволье своему звучному дѣтскому голосу. Но увы! не чуяло сердце, что

Библиотека "Руниверс"

исполненіе желанія его будетъ источникомъ многихъ горестей. Какъ только Христина пріобрѣла нѣкоторый навыкъ въ игрѣ, ее назначили въ преемницы брата, и вмѣсто того, чтобы самой плясать и рѣзвиться въ кругу своихъ сверстницъ, ей пришлось наигрывать къ пляскѣ другимъ, въ хижинахъ полныхъ дыма и пыли, и это часто всю ночь на пролетъ. Иногда усталость и изнуреніе овладѣвали ею, смычекъ выпадалъ изъ рукъ, но отдыхать ей не дозволяли; крестьяне нанимали музыку на всю ночь и требовали точнаго исполненія условія Отъ такого образа жизни многіе лишились бы здоровья и силъ, но Христина обладала крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, постоянныя путешествія пѣшкомъ на ярмарки, отстоящія отъ мѣста жительства на нѣсколько миль, укрѣпляли ея усилы. Голосъ ея, будучи еще съ дѣтства яснымъ и звучнымъ, укрѣплялся болѣе и болѣе. Ну, а не щадила она его! Такъ какъ смычекъ ея не всегда могъ покрывать голоса разшумѣвшей толпы, то она, исполняя какую нибудь польку, къ скрипкѣ присоединяла и свой голосъ и этимъ пожинала двойной восторгъ и двойную прибыль,

Христина Нильсонъ слыхала о Женнѣ Линдъ, о театрѣ, и поневолѣ задумывалась, какъ бы и ей получить музыкальное образованіе и покинуть эту странствующую жизнь Но куда дѣться. Какъ безъ средствъ покинуть родину? Ей минуло 14 лѣтъ. Однажды на ярмаркѣ въ мѣстечкѣ Юнгби, отстоящемъ отъ мѣста ея родины на 6 миль, она была замѣчена окружнымъ судьей Торнегельмъ, и отдана имъ на воспитаніе въ Гальмстадъ, въ дѣвицѣ Валеріусъ (впослѣдствіи баронесса Лейгусенъ). Тщательно и съ большимъ стараніемъ прекрасный голосъ былъ усовершенствованъ. Вслѣдъ за тѣмъ молодая артистка провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Гетеборгѣ у своей покровительницы и въ концѣ 1859 г дальнѣйшее образованіе 16 лѣтней пѣвицы было поручено Стокгольмскому профессору Францу Бервальдъ, въ семействѣ котораго она встрѣтила самый радушный пріемъ. Во время своего пребыванія въ столицѣ Швеціи, она выступила предъ публикою на музыкальномъ вечерѣ 28 февраля 1860 года.

За симъ артистка покинула родину и поселилась въ Парижѣ, гдѣ подъ руководствомъ Массе и Вартеля посвятила себя музыкальному образованію. 27 октября 1866 года, она была ангажирована на сцену парижскаго театра Lirique на три года. Въ этотъ періодъ времени Христина Нильсонъ посѣтила Англію. Въ 1867—70 прославленная примадонна участвовала въ парижской большой оперѣ, а въ 1870—71 она предприняла артистическую поѣздку по Америкѣ, куда слава ея успѣла проникнуть и приготовить ей восторженный пріемъ. Въ 1872 г. Христина Нильсонъ вторично посѣтила Англію, гдѣ вступила въ бракъ съ господиномъ А. Рузо (Rouzeaud). Зимою 1872—73 она съ блистательнымъ успѣхомъ гостила въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ чудесный голосъ ея очаровалъ всѣхъ. Осенью и весною 1873—74 она предприняла вторичное путешествіе по Америкѣ. Въ настоящій сезонъ г-жа Нильсонъ, посѣтивъ Москву, снова поетъ у насъ въ Петербургѣ и доставляетъ истинное удовольствіе любителямъ итальянской оперы.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

Императоръ пошелъ къ нимъ на встрѣчу, взялъ руку невѣсты и отвелъ ее подъ балдахинъ къ одному изъ креселъ, а въ другое сѣлъ самъ. И такъ неподвижно и молча сидѣли они нѣсколько минутъ.

Княжна Катерина была одѣта въ платье изъ серебряной ткани, плотно охватывавшей ея нѣжный станъ. Волосы ея были расчесаны на четыре косы и убраны алмазами, на головѣ была надѣта маленькая корона.

Княжна опустила глаза и ни на кого не смотрѣла. Лицо ея было блѣдно, губы сжаты, но во всей ея фигурѣ было замѣтно спокойствіе. Императоръ тоже вдругъ поблѣднѣлъ и не глядѣлъ на свою невѣсту. Онъ разсѣянно перебиралъ серебряное шитье на своемъ свѣтломъ камзолѣ. По временамъ утомленіе и даже тоска выражались на лицѣ его. Ему было неловко, онъ Богъ знаетъ что бы далъ, чтобъ имѣть возможность убѣжать отсюда, куда нибудь скрыться. Но теперь ужь убѣжать и скрыться некуда. Онъ очнулся, всталъ съ креселъ, подалъ руку невѣстѣ и они подошли къ аналою. Слабымъ упавшимъ голосомъ объявилъ Императоръ, что беретъ княжну себѣ въ жены, обмѣнялся съ нею кольцами и надѣлъ на ея правую руку свой портретъ. Потомъ женихъ съ невѣстой поцѣловали Евангеліе. Ѳеофанъ Прокоповичъ прочелъ надъ ними молитву. Императоръ поклонился княжнѣ и они снова сѣли на золоченыя кресла и опять таки ни разу не взглянули они другъ на друга и все были такъ же блѣдны, такъ же печальны, казались такими же усталыми. И всѣмъ было тяжело и странно смотрѣть на нихъ и всѣмъ казалось это торжество обрученія какой то печальной церемоніей, предвѣщающей что то недоброе.

Императоръ подозвалъ къ себѣ Ивана Долгорукаго и сказалъ ему, что желаетъ назначить кавалеровъ и дамъ ко двору своей невѣсты. Машинально, какъ будто повторяя затверженный урокъ, онъ произносилъ имена и фамиліи, и окончивъ это взялъ руку невѣсты.

Всѣ присутствующіе кавалеры и дамы одни за другими подходили и цѣловали эту руку.

Княжна все не поднимала глазъ. Ея холодная рука лежала какъ мраморъ, какъ неживая въ рукѣ Императора. Но вдругъ она подняла глаза, изъ груди ея вырвался слабый крикъ. Она быстро поднялась съ креселъ и вырвала руку изъ руки Императора. Онъ изумился, взглянулъ на нее, потомъ передъ собою и яркая краска залила его щеки. Передъ нимъ стоялъ Милезимо, а княжна сама протянула ему руку и онъ цѣловалъ ее.

«Чтожь это такое? ко всему еще и оскорбленіе», подумалъ Императоръ, но вдругъ справился съ собою: онъ теперь ужь умѣлъ съ собою справляться.

Всѣ сдѣлали видъ, что ничего не замѣтили и цѣлованіе руки продолжалось снова. Толпа придворныхъ поспѣшила окружить и спрятать за собою Милезимо. Его вывели изъ залы, усадили въ сани и увезли. Онъ молчалъ, не отвѣчалъ ни на какіе вопросы и позволялъ дѣлать съ собою все, что было угодно этимъ людямъ. Онъ даже не зналъ и не интересовался: спасаютъ его, или везутъ на погибель. Онъ сдѣлалъ свое дѣло—простился съ Катериной Алексѣевной, исполнилъ данное ей обѣщаніе.

А во дворцѣ все шло своимъ порядкомъ. Церемонія окончилась, духовенство удалилось изъ залы и начался балъ. Императоръ былъ въ первой парѣ съ княжной и она снова была равнодушна, блѣдна и молчалива. Онъ тоже не говорилъ ей ни слова. Ни однимъ звукомъ не замѣтилъ онъ ей, что находитъ страннымъ и неумѣстнымъ ея поступокъ. Онъ спѣшилъ скорѣй кончить танецъ, чтобъ имѣть возможность уйти отъ невѣсты. Еще часъ тому назадъ онъ былъ къ ней только равнодушенъ, а теперь, когда ужь связалъ себя съ нею, новое чувство охватило его. И это чувство было тоже самое, которое испыталъ онъ два года тому назадъ къ княжнѣ Меншиковой: невѣста стала ему противна. И онъ помышлялъ теперь о томъ, что зачѣмъ же допустилъ онъ обрученье, что еще можно было отказаться. Что-жь такое они въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь есть же конецъ дружбѣ! Да и правъ ли Алексѣй Григорьичъ—точно ли это нужно? Прежде всего государь долженъ быть свободнымъ человѣкомъ, долженъ располагать самъ собою, а не отдавать свою жизнь и свою радость какимъ то страннымъ и врядъ ли существующимъ необходимостямъ.

Балъ скоро кончился и княжну отвезли въ головинскій дворецъ въ каретѣ Императора, на верху которой была корона; конвой сопровождалъ эту карету.

Дома собрались родные поздравить царскую невѣсту, но прежде еще она должна была вынести бурю. Мать ея всплеснула руками и разразилась неудержимымъ потокомъ упрековъ.

Библиотека "Руниверс"

— За что ты и себя и насъ осрамила? говорила княгиня, что ты сдѣлала? Вѣдь теперь всякій вонъ толкуетъ, что ему вздумается.

— Да чтожъ, вѣдь правду толковать станутъ! отвѣтила княжна.

— Ну скажи на милость, что это сталось съ тобою? Вѣдь вчера еще ты увѣряла и обѣщалась, что выкинула совсѣмъ изъ головы эту глупость, что забыла и думать объ этомъ Милезимо. Что-жь это наконецъ такое? О себѣ не думаешь, такъ подумала бы хоть объ Императорѣ, вѣдь ты его срамишь!

— Я и сама не знаю, какъ это случилось, тихо отвѣчала княжна, я не думала увидать его, не думала, что онъ придетъ со мной туда проститься. Но онъ пришелъ..... и не могла же я того вынести, чтобъ онъ поцѣловалъ мою руку изъ рукъ Императора.

— Да говорю тебѣ, подумала бы хоть о Государѣ.— Вѣдь его ты осрамила!

— Ну объ немъ то я дѣйствительно не очень думаю— ровно столькоже сколько и онъ обо мнѣ.

Но эти послѣднія слова были сказаны такъ тихо, что одна только мать и разслышала ихъ.

Князь Иванъ не вернулся домой. Онъ не хотѣлъ теперь встрѣчаться съ сестрою.

Всѣ ужь стали расходиться по своимъ комнатамъ когда слуга доложилъ о пріѣздѣ фельдмаршала Долгорукаго.

Онъ вошелъ своей тяжелой походкой, приблизился къ царской невѣстѣ, обнялъ ее, а затѣмъ, отступивъ на шагъ, почтительно поцѣловалъ ея руку.

— Поздравляю тебя, громко сказалъ онъ,—поздравляю васъ, ваше императорское высочество! Вчера я былъ твоимъ дядей—нынче ты моя государыня и я буду всегда твой вѣрный слуга. Позволь дать тебѣ совѣтъ: смотри на своего августѣйшаго супруга не какъ на супруга только — но какъ на Государя, и занимайся только тѣмъ, что можетъ быть ему пріятно. Твоя фамилія многочисленна, но слава Богу она очень богата и члены ея занимаютъ хорошія мѣста. И такъ, если тебя будутъ просить о милости кому нибудь—хлопочи не въ пользу имени, а въ пользу заслугъ и добродѣтелей. Это будетъ настоящее средство быть счастливою, чего тебѣ желаю.

И фельдмаршалъ низко поклонился племянницѣ и снова поцѣловалъ ея руку.

На всѣхъ родныхъ эта торжественная рѣчь произвела пріятное впечатлѣніе. Еще вчера старый князь возставалъ противъ задуманнаго родственниками брака, еще вчера толковалъ о томъ, что бракъ этотъ не поведетъ къ добру, что Долгорукіе идутъ по стопамъ Меншиковыхъ и ожидаетъ ихъ одинаковая съ ними участь! Но видно старикъ передумалъ, видно честолюбіе въ немъ заговорило!

Князь Алексѣй радушно обнялъ его и благодарилъ за родственныя чувства и за прекрасную рѣчь, имъ сказанную.

Фельдмаршалъ промолчалъ и скоро уѣхалъ. Онъ не думалъ измѣнять своихъ мыслей, онъ только видѣлъ, что теперь не къ чему ихъ высказывать—все равно все ужь сдѣлано и ничего не поправишь.

VIII.

Алексѣй Григорьевичъ вернулся домой въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Онъ еще не зналъ что будетъ завтра, какое впечатлѣніе произвелъ глупый поступокъ Катерины на Императора. Такъ ли это пройдетъ все или поднимется буря. Но во всякомъ случаѣ теперь то ужь необходимо окончательно уничтожить причину ожидаемой бури. И вотъ онъ призвалъ къ себѣ князя Ивана и сталъ толковать съ нимъ о томъ, что немедленно нужно ѣхать къ графу Вратиславу и убѣдить его услать куда нибудь подальше Милезимо.

— Конечно, это слѣдуетъ, отвѣчалъ князь Иванъ. Не для сестры я это сдѣлаю, а для несчастнаго Государя. Если бъ зналъ я во время, что еще и такое вы ему приготовили, такъ не допустилъ бы этой ужасной свадьбы.

— А ты опять свое начинаешь, угрюмо проговорилъ ему отецъ. Хоть теперь образумься, оставь и насъ и сестру въ покоѣ. О себѣ думай.

„Да, пора мнѣ о себѣ подумать“ мысленно проговорилъ князь Иванъ, и поѣхалъ къ цесарскому посланнику.

Онъ мучительно обдумывалъ какъ заговорить о такомъ щекотливомъ дѣлѣ.

Но графъ Вратиславъ предупредилъ его. Ему было ужь все извѣстно и онъ поспѣшилъ увѣрить князя, что на другой день Милезимо отправляется къ цесарю съ различными порученіями.

— Говорю это къ тому, князь, закончилъ Вратиславъ, что не будетъ ли отъ васъ какихъ порученій.

Гора съ плечъ свалилась у князя Ивана. Онъ сердечно поблагодарилъ посланника и поспѣшилъ домой передать своимъ о благополучномъ окончаніи дѣла.

„А теперь мнѣ нужно о самомъ себѣ подумать“ опять мысленно сказалъ онъ. И думалъ онъ о себѣ всю ночь и рѣшилъ, что на завтра такъ или иначе, а будетъ разъяснена вся судьба его.

На другой день онъ выѣхалъ куда то торопливо. Лихіе кони его мчались и рослый, толстый кучеръ, дикимъ гарканьемъ отгонялъ съ дороги прохожихъ. Вотъ встрѣтился на улицѣ князю Ивану экипажъ герцога де-Лиріа.

„Куда онъ этакъ мчится, подумалъ герцогъ. Навѣрно къ принцессѣ. Я не я буду если завтра мы не узнаемъ о его свадьбѣ съ Елисаветой.“

Но испанецъ ошибался. Князь Иванъ повернулъ не въ ту сторону, гдѣ жила цесаревна. Онъ спѣшилъ къ шереметьевскому дому.

На встрѣчу князю вышелъ юный хозяинъ, графъ Петръ Борисовичъ. Конечно ему было лестно видѣть у себя всемогущаго фаворита—да еще когда? на другой день послѣ обрученья княжны Долгорукой съ Императоромъ. Онъ не зналъ какъ и благодарить его за это посѣщеніе и только нѣсколько успокоился, когда князь Иванъ сказалъ, что пріѣхалъ по большому дѣлу.

— Какое можетъ быть у тебя дѣло до меня? Чѣмъ могу служить тебѣ? слово скажи—все исполню!—спрашивалъ юный графъ подумывая о томъ, что теперь необходимо какъ можно тѣснѣе сблизиться съ Долгорукими.

— Скажи мнѣ, Петруша, вѣдь ты теперь хозяиномъ этого дома считаешься, старшимъ Шереметевымъ? Вѣдь ты теперь глава брату и сестрамъ, такъ вѣдь?

Конечно, самодовольно отвѣтилъ юноша.

— Ну такъ вотъ значитъ тебѣ, безусому, мнѣ приходится въ поясъ кланяться, просить тебя по старому обычаю. Слушай меня, графъ Петръ Борисовичъ, пришелъ я къ твоей милости просить у тебя руку сестры твоей, Натальи Борисовны.

Молодой Шереметевъ не вспомнился отъ изумленія и радости, услышавъ слова эти. Онъ кинулся на шею князю Ивану, сталъ обнимать его.

— Если бъ можно было, радостно говорилъ онъ, я бы за тебя всѣхъ своихъ сестеръ разомъ отдалъ.

— Такъ, значитъ, ты согласенъ?

— Что жь еще спрашивать—не грезилъ о такомъ счастьѣ!

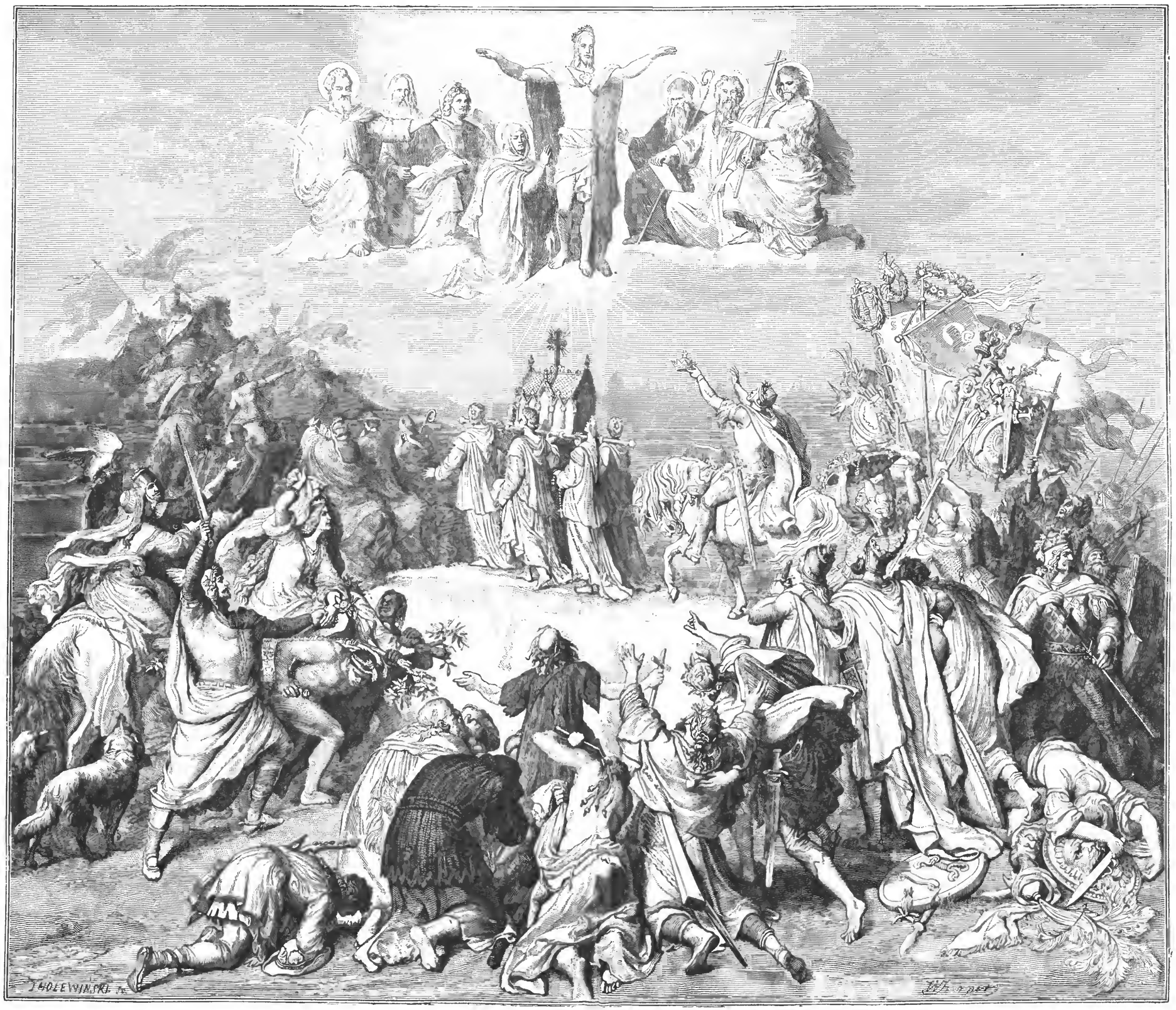
И онъ опять кинулся цѣловать князя.

— Ну такъ поди къ сестрѣ, передай ей о моемъ предложеніи—и если согласна, такъ пусть меня приметъ.

— Согласна! Вотъ вздоръ какой, какъ будто можетъ она быть не согласна—да ее въ этомъ дѣлѣ и спрашивать нечего.

— Я не такъ думаю, замѣтилъ Долгорукій. Если бъ она была не согласна, такъ силой брать не стану.

Библиотека "Руниверс"



Крестоносцы предъ Іерусалимомъ. Картина В. Каульбаха, рис. на деревѣ В. Кернеръ, грав. Голевинскій

Библиотека "Руниверс"

Шереметевъ хотѣлъ было ему что то напомнить, хотѣлъ было замѣтить, что не всегда таковы были у молодого князя правила, но воздержался и поспѣшилъ къ сестрѣ.

„Да вѣдь не спятитъ же она съ ума, дорогой подумалъ онъ, не вздумаетъ же отказаться, а коли вздумаетъ, такъ я съ ней не поцеремонюсь, уломать съумѣемъ.“

Наталья Борисовна входила въ свои комнаты когда ей доложили о приходѣ брата.

— Что тебѣ, братецъ? изумленно спросила она. Братъ не баловалъ ее своими посѣщеніями, иногда по цѣлымъ недѣлямъ она его не видала.

— Да вотъ что я скажу тебѣ, продолжала она, не дожидаясь его отвѣта на первый вопросъ ея,—сходи ты къ бабушкѣ въ комнату, я сейчасъ отъ нея. Совсѣмъ она больна, можетъ умретъ скоро, о тебѣ спрашивала...

— Экая невидаль! Не въ бабушкѣ теперь дѣло. Слушай ты, сестра, съ чѣмъ я пришелъ къ тебѣ.

И онъ передалъ ей о предложеніи Долгорукаго.

— Гдѣ же онъ, гдѣ, здѣсь у насъ въ домѣ?!—быстро спросила Наталья Борисовна, краснѣя какъ маковъ цвѣтъ и задыхаясь отъ волненія.

— Да, твоего отвѣта дожидается. Если согласна, такъ проситъ принять его.

Наталья Борисовна молчала.

— Что жь ты, сестра, говори же. Вѣдь нельзя такъ долго его заставлять дожидаться. Согласна ты, иль не согласна? Да впрочемъ о чемъ тутъ толковать—конечно согласна. Развѣ отъ такого жениха можно отказываться—а теперь особенно. Что жь мнѣ сказать ему отъ тебя?

— Скажи что я жду его, тихо шепнула графиня.

Иванъ Алексѣевичъ не заставилъ себя ждать.

Пятнадцатилѣтній, но уже благоразумный, осмотрительный Петръ Борисовичъ не вошелъ вмѣстѣ съ нимъ—оставилъ ихъ наединѣ.

— Чѣмъ рѣшишь ты судьбу мою, Наталья Борисовна? спросилъ Долгорукій, кланяясь графинѣ.

Она протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ почтительно и съ невольнымъ сердечнымъ трепетомъ.

— Присядь, князь, сказала она потолкуемъ. Прежде всего благодарю за честь, которую ты мнѣ дѣлаешь.

— Ну, этого могла бы и не говорить, перебилъ ее Иванъ Алексѣевичъ.

— Отчего мнѣ не говорить этого, коли я такъ чувствую. Правда это, что ты мнѣ честь дѣлаешь. Хоть я по рожденью моему и не ниже тебя стою, но вѣдь ты, князь, теперь такъ высокъ сдѣлался, что могъ расчитывать на лучшую невѣсту. Всѣ даже и говорили что ты ужь приглядѣлъ себѣ цесаревну Елисавету. Не смотря на все свое волненіе, не смотря на страшную важность рѣшавшагося, на счастье, безмѣрно охватившее душу, Наталья Борисовна все же не могла удержаться отъ этого упрека.

— Не кори меня цесаревной, отвѣтилъ ей Иванъ Алексѣевичъ. Коли прошлымъ корить станешь, много найдется и кончишь ты тѣмъ, что не за честь почтешь мое предложеніе, а за безчестье себѣ не малое.

И онъ грустно глядѣлъ на нее.

— Ахъ что ты, что ты! Прости меня, глупую, зачѣмъ я это сказала? Не зачѣмъ было говорить мнѣ—вѣдь вотъ, коли за меня сватаешься, такъ значитъ другой невѣсты у тебя нѣту, значитъ прежнія мысли оставилъ. Что жь это я тебя упрекнула. Видишь какъ я глупа, можетъ и впрямь ты найдешь жену поразумнѣе меня, которая бы тебѣ больше подходила, больше тебя стоила.

А князь ужь былъ передъ ней на колѣняхъ и цѣловалъ ея руки.

— Радость моя, шепталъ онъ,—по глазамъ твоимъ вижу, что не хочешь ты погубить меня, не откажешь ты мнѣ. Спасибо, родная, спасибо. Долго не смѣлъ я къ тебѣ появиться. Страшно мнѣ было и прикоснуться къ тебѣ, такимъ недостойнымъ и низкимъ себѣ я казался. Но больше терпѣть не хватило силы. Когда могъ бороть себя, боролъ, ради тебя, помня слова твои, много разъ отъ искушеній разныхъ устаивалъ и зла убѣгалъ. Знаю что много мрака еще во мнѣ осталось, но не возгнушайся ты мракомъ моимъ, прими меня каковъ я есть и помоги мнѣ чистотою души своей побѣдить врага. Только съ твоей помощью и могу я стать настоящимъ человѣкомъ.

Онъ говорилъ это такъ искренно, онъ глядѣлъ на нее съ такой вѣрой и любовью, что она невольно склонилась къ нему и обняла его шею.

— Не унижай себя предо мной, недостойной, я можетъ еще во сто разъ хуже тебя, шептала Наталья Борисовна.

— Ты не гнѣви Бога, не клевещи на себя, отвѣтилъ онъ покрывая поцѣлуями ея руки. Но знаешь ли: вотъ велико теперь мое счастье, но я все же готовъ отъ него отказаться при одной страшной мысли...

— Что такое, что? Скажи мнѣ все, всю свою душу, испуганно спрашивала она.

— Послушай, Наташа, послушай, жизнь моя! Вотъ ты сейчасъ говорила о томъ, что я такъ стою высоко... сегодня--да, но завтра можетъ все перевернуться. Не прочно мое величіе, и самъ я это знаю лучше, чѣмъ кто либо. Всего мнѣ нужно бояться, а пуще всего сестриной ненависти. Знаешь ли ты что она меня ненавидитъ? Знаешь ли ты, что все она сдѣлаетъ, чтобы только погубить меня? И съ чего эта ненависть—не понимаю, но только она существуетъ, да вѣдь и ты сама ее видѣла. Такъ послѣ этого сообрази ты какъ не прочно мое величіе. Быть можетъ скоро, очень скоро я буду забытымъ, изгнаннымъ человѣкомъ. Мнѣ все равно, отъ души говорю, какъ передъ Богомъ истиннымъ, что не стану я на это сѣтовать. Не нужно мнѣ ни блеска, ни почестей; много ихъ, да счастья они мнѣ не дали. Вѣдь не за нихъ же ты меня любишь—а только одна любовь твоя и есть мое счастье. Мнѣ ихъ не надо, я помирюсь со всякой долей—да ты то какже? Имѣю ли я право, при такой непрочности моего положенія звать тебя за собою въ это невѣдомое, быть можетъ страшное будущее...

— Князь Иванъ, обратилась къ нему графиня, и все ея лице сдѣлалось такимъ серьезнымъ, такъ измѣнилось: она казалась ужь не юной, не шестнадцатилѣтней дѣвушкой, а женщиной, много испытавшей. Князь Иванъ, повторила она какимъ то вдохновеннымъ голосомъ,—дважды любить я не съумѣю. Разъ тебя полюбила—и только одинъ ты и есть у меня и вся жизнь моя будетъ или съ тобою или совсѣмъ одинока. Если судьба сулитъ намъ счастье—будемъ счастливы, если судьба готовитъ горе, страданье—будемъ горевать и страдать вмѣстѣ. Я не отойду отъ тебя—и вѣрю что и ты меня не оставишь. Я не обману тебя—и вѣрю, что и ты меня не обманешь. Князь Иванъ, хочешь бери меня, бери всю жизнь мою, тебѣ, и одному тебѣ отдаю я ее, и какъ бы страшно ни было это будущее, о которомъ ты теперь думаешь, я съ восторгомъ и блаженствомъ принимаю его изъ рукъ твоихъ!..

Невольный крикъ вырвался у Ивана Долгорукаго и съ этимъ счастливымъ крикомъ онъ кинулся къ ней и они снова обнялись крѣпко. И онъ понялъ какъ много даетъ ему судьба, понялъ что нашелъ кладъ заколдованный, величайшее земное сокровище.

IX.

Герцогъ де-Лиріа долженъ былъ сознаться, что предсказалъ плохо. Вѣсть о помолвкѣ фаворита съ графи-

Библиотека "Руниверс"

ней Шереметевой облетѣла Москву также быстро, какъ и вѣсть о царской помолвкѣ. Теперь все, что стремилось въ головинскій дворецъ, стало спѣшить и въ шереметевскія палаты. Тамъ всѣхъ встрѣчала юная невѣста, сіявшая красотой и радостью. И всѣ несли ей свои льстивыя поздравленія, всѣ твердили вокругъ нея: „Ахъ какъ она счастлива". Искали ея милости; „рекомендовались подъ ея протекцію". Потомъ, вспоминая это время, Наталья Борисовна писала въ своихъ запискахъ: „Я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня перемѣнилась."

Графиня забыла всѣ свои прежнія печали и сомнѣнья, забыла свои обѣты, воздержаніе отъ веселья и приготовленіе себя къ скукѣ. Она радовалась и веселилась всѣмъ существомъ своимъ, она слушала эти „Ахъ какъ она счастлива" и сердце ея твердило: „Да, я счастлива и счастливѣе меня нѣтъ на свѣтѣ". О будущемъ она не думала, думала только о томъ, какъ бы почаще, да подольше видѣть милаго человѣка.

А кругомъ въ богатомъ ихъ домѣ ужь шли приготовленія къ сговору.

Многочисленная родня Долгорукихъ каждый день подносила невѣстѣ роскошные подарки: серьги бриллiантовыя, часы съ разными фокусами, табакерки „готовальни и всякую галантерею."

Петръ Борисовичъ Шереметевъ послалъ жениху шесть пудовъ серебра въ подарокъ, кубки да фляши золоченые. Вотъ назначили и сговоръ, приглашена была вся знать, всѣ чужестранные министры—столько гостей, однимъ словомъ, сколько могъ вмѣстить только просторный домъ Шереметевыхъ. Ждали и царскую фамилію. Сговоръ назначенъ былъ въ семь часовъ вечера, и когда стемнѣло, то по всему двору широкому зажжены были смоляныя бочки, освѣщавшія гостямъ дорогу.

Вотъ стали сбираться: потянулись цугомъ кареты за каретами. Около ограды дома собралось столько народу что вся улица была запружена имъ. И кричали въ народѣ: „слава Те, Господи, отца нашего дочка идетъ замужъ за большаго человѣка, возставитъ родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову." Въ народѣ хорошо еще помнили стараго фельдмаршала Шереметева и память была о немъ добрая. Но все же слышались и такіе голоса, что говорили: „жаль только что за Долгорукаго выходитъ—въ дурную семью попадетъ." Но эти голоса раздавались тихо, тихо, и никто ихъ не слушалъ.

Скоро пріѣхалъ Императоръ, его невѣста и цесаревна Елисавета.

Петръ ласково обнималъ своего любимца Ивана Алексѣевича, поздравлялъ его съ такой красавицей. Ласково бесѣдовалъ съ Натальей Борисовной, говорилъ ей, что она будетъ счастлива, что женихъ ея хорошій человѣкъ, что по немъ она ему, Императору, родней становится и онъ радъ сердечно такой новой роденькѣ. И все лучезарнѣе становилась улыбка красавицы невѣсты. И ничего не замѣчала она кромѣ своего счастья. Не замѣчала что ласковый Императоръ самъ что то блѣденъ и печаленъ, что говоря о ея счастьѣ самъ онъ—женихъ тоже недавній—не похожъ на счастливаго. Но другіе люди, которымъ нечего было ликовать и радоваться, хорошо замѣтили, что Императоръ очень похудѣлъ и измѣнился въ послѣднее время. Замѣтили они много страннаго и въ обращеніи его съ невѣстой. Онъ выражалъ ей большое почтеніе, но отъ этого почтенія вѣяло холодомъ, скукой и тоскою. Онъ очевидно радъ былъ отойти отъ нея подальше: вся его любезность, все его оживленіе были напускные. Потомъ замѣтили, что онъ пристально и любовно взглядываетъ на цесаревну Елисавету. Вотъ онъ подошелъ къ ней и на лицѣ его мелькнула прежняя, свѣтлая, дѣтская улыбка.

— Лиза, сказалъ Петръ,—рѣдко видаю я тебя. На людяхъ тогда ты меня поздравила—не могъ я и слова сказать тебѣ. А къ тебѣ поѣхалъ и не засталъ тебя.

— Да, Государь, отвѣтила цесаревна, рѣдко мы съ тобой теперь стали видѣться—но я ль тому причиной? А какъ былъ ты у меня—ѣздила я поздравить твою невѣсту, поцѣловать у своей новой государыни ручку.

Но Долгорукіе были ужь близко. Они ужь вслушивались въ слова цесаревны и поспѣшили окружить Императора, „отвести его отъ опасной персоны."

Въ большой шереметевской залѣ совершено было обрученье. Обручилъ архіерей и присутствовали два архимандрита и многочисленное духовенство. Перстни, которыми обручались Наталья Борисовна и Иванъ Алексѣевичъ стоили: жениховъ—двѣнадцать тысячъ а невѣстинъ—шесть.

Во все время совершенія обряда невѣста была спокойна. Она даже забыла, что по старымъ обычаямъ ей слѣдовало, хоть для видимости, плакать. Она не плакала. Великое счастье разливалось по лицу ея. Съ этимъ счастьемъ глядѣла она на жениха своего, а онъ... онъ забывалъ все, что нужно ему дѣлать, онъ только видѣлъ одну свою милую невѣсту. И безчисленные взоры были устремлены на нихъ и много скрытой зависти, много недоброжелательства заключали въ себѣ тѣ взоры. Но не мало было и такихъ, въ которыхъ свѣтилось истинное участіе. Глядѣлъ Императоръ на любимца своего и его невѣсту и думалъ: „Вотъ какъ они счастливы, сейчасъ это видно. Есть же, значитъ, на свѣтѣ счастье!" И вспомнилось ему собственное обрученье, бывшее такъ недавно, нѣсколько дней тому назадъ, и представилась огромная разница между этими днями. Никогда онъ не чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, такимъ уставшимъ. Въ послѣдніе дни ему положительно не давали придти въ себя: отъ него ни на шагъ не отходилъ Алексѣй Григорьевичъ. Сначала онъ боялся, что Императоръ подниметъ *бурю* по поводу поступка Катюши. Но Императоръ не сказалъ ему даже ни одного слова. „О чемъ теперь говорить—все ужь сдѣлано." Да и понялъ ли онъ, что значила эта вспышка его невѣсты? Можетъ быть не понялъ. Съ нимъ начинало дѣлаться что то странное. Иногда мысли его останавливались—спутывались...

И государыня невѣста, княжна Катерина Алесѣевна пристально смотрѣла на брата и Наталью Борисовну. Ей тоже вспоминалось ея обрученье. Она тоже повторяла себѣ: „Вѣдь есть же счастье! И у нея могло быть такое счастье, и она могла такъ глядѣть на жениха своего, какъ глядитъ Наталья Борисовна, если бъ женихъ этотъ былъ тотъ, кого она любитъ. И гдѣ онъ теперь? Куда услали его? Что съ нимъ сдѣлали? Всѣхъ спрашивала—не отвѣчаютъ. Къ ней приставлена стража великая, какъ звѣря стерегутъ ее родные. Ну да что, не устерегли, теперь поздно!" съ мученьемъ и страшной злобой думала она. И все пуще и пуще, всѣхъ она ненавидѣла, но почему то ея ненависть обращалась главнымъ образомъ на тѣхъ, кто мало былъ виновенъ передъ нею. Теперь она ненавидѣла даже Наталью Борисовну, свою прежнюю подругу и пріятельницу, ненавидѣла ее за то, что она такъ счастлива. «Ну да не долго будетъ ихъ счастье, успокоивала она свою злобу,—недолго! Меня погубили, а сами хотятъ блаженствовать! Нѣтъ, не дамъ я имъ этого. Я несчастна—такъ всѣ вы будете несчастны—лучшаго вы не стоите!"

Но во всей своей злобѣ великой, во всемъ своемъ мученьѣ и въ этихъ безумныхъ планахъ мести, обращенной на неповинныхъ, даже ей самой не думалось какого страшнаго несчастія будетъ она причиной, до чего доведетъ ее злобное чувство.

— Милый мой, шепнула Наталья Борисовна жениху, когда послѣ обрученья онъ съ ней подъ руку выходилъ изъ залы и со всѣхъ сторонъ стремились гости приносить имъ свои поздравленія,—милый мой, зачѣмъ же

Библиотека "Руниверс"

ты говорилъ мнѣ о страшномъ будущемъ. Развѣ у насъ можетъ быть оно страшно. Посмотри, какъ свѣтло все кругомъ. Посмотри какое счастье, вѣдь и во снѣ никогда такого не снилось!

— Ахъ! также тихо отвѣтилъ ей женихъ,—зачѣмъ ты вспомнила объ этихъ словахъ моихъ, Наташа? Теперь вотъ ты снова напугала меня. Я ни о чемъ не думалъ, а теперь вдругъ мнѣ кажется, что не долго всему этому счастью нашему продолжаться, и именно потому, что оно такъ полно, такъ волшебно. Не стою я такого счастья. Развѣ что ради чистоты души твоей ангельской получу я его — но боюсь ему вѣрить.

— Что ты, что ты, полно, — отгони отъ себя мрачныя мысли, не теперь имъ предаваться.

Они проходили мимо Императора, который что то таинственно говорилъ цесаревнѣ Елисаветѣ. Онъ говорилъ ей:

— Лиза, завтра утромъ жди меня, я къ тебѣ буду.

— Не будешь, Государь, отвѣчала ему Елисавета, не пустятъ тебя ко мнѣ.

Но она быстро раскаялась, что сказала слова эти. Пристально взглянувъ на племянника, она увидѣла въ лицѣ его такое мученье, что ей стало безконечно его жалко.

— Голубчикъ мой, прошептала она, мнѣ кажется ты боленъ.

— Нѣтъ, я здоровъ, отчего ты такъ думаешь?

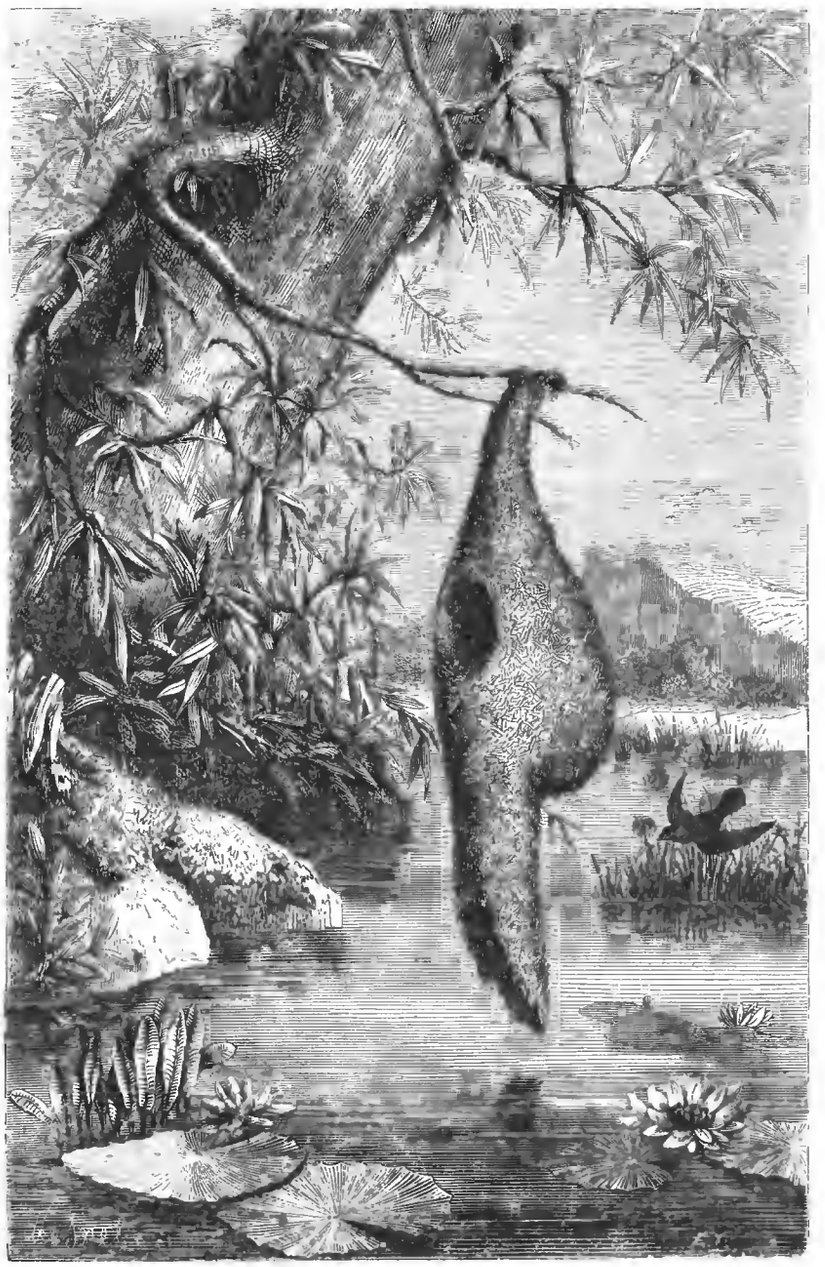
— Да вѣдь на тебѣ лица нѣтъ, ты такъ блѣденъ, и у тебя видъ такой странный. Ты ужасно измѣнился, твердила она съ возрастающимъ испугомъ, и все пристальнѣе въ него вглядываясь. Она точно давно его не видала и теперь не могла не поразиться страшной перемѣной, происшедшей въ немъ.

— Нѣтъ, я не боленъ, печально сказалъ онъ снова.

— Такъ что съ тобой? что съ тобой?

— Вотъ я и пріѣду сказать тебѣ, что со мною. Теперь развѣ можно? смотри—ужь слѣдятъ за нами....

Пированье въ шереметевскомъ домѣ продолжалось. Съ хоръ гремѣла музыка, много роскоши, много блеска разлито было всюду, все имѣло внѣшній видъ беззаботнаго веселья. Но надъ всѣмъ этимъ какъ будто висѣла какая то черная туча. Предчувствіе близкой грозы, чего то недобраго носилось надъ всѣми, и никто не могъ отогнать отъ себя неясной, но страшной мысли.



Птица съ висячими гнѣздами: Гнѣздо Ткачика (Ploceï). Рис. Менель, грав. Бланшаръ.

X.

На другое утро, когда еще никто изъ Долгорукихъ не показывался во дворецъ, Императоръ велѣлъ заложить сани и поѣхалъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ. Она ужь ждала его. Она видѣла изъ вчерашняго съ нимъ разговора, изъ того, какъ онъ смотрѣлъ на нее, что теперь онъ непремѣнно пріѣдетъ. Она встрѣтила его со своей всегдашней, ласкающей улыбкой.

— Вотъ видишь, я здѣсь съ тобою, грустно сказалъ онъ. Давно собирался, да не даютъ мнѣ ни минуты отдыха. Одного не оставляютъ, цѣлый день, то, то́ нужно, то—другое. Вѣдь еще когда, никакъ около мѣсяца, какъ вернулась ты изъ своего Покровскаго, а все же намъ съ тобою безъ постороннихъ поговорить не удавалось. Ну что жь, Лиза, что ты мнѣ теперь скажешь? Вотъ я и не пристаю къ тебѣ съ моею любовью. Вотъ я и невѣсту себѣ нашелъ, жениться собираюсь. Что ты мнѣ скажешь?

Онъ съ нетерпѣніемъ и тоскою ждалъ ея отвѣта.

Она подняла на него свои ясные глаза.

— Что жь я могу тебѣ сказать, Петруша,—я ужь тебя поздравила.

— Нѣтъ, скажи мнѣ, какъ ты находишь мой выборъ?

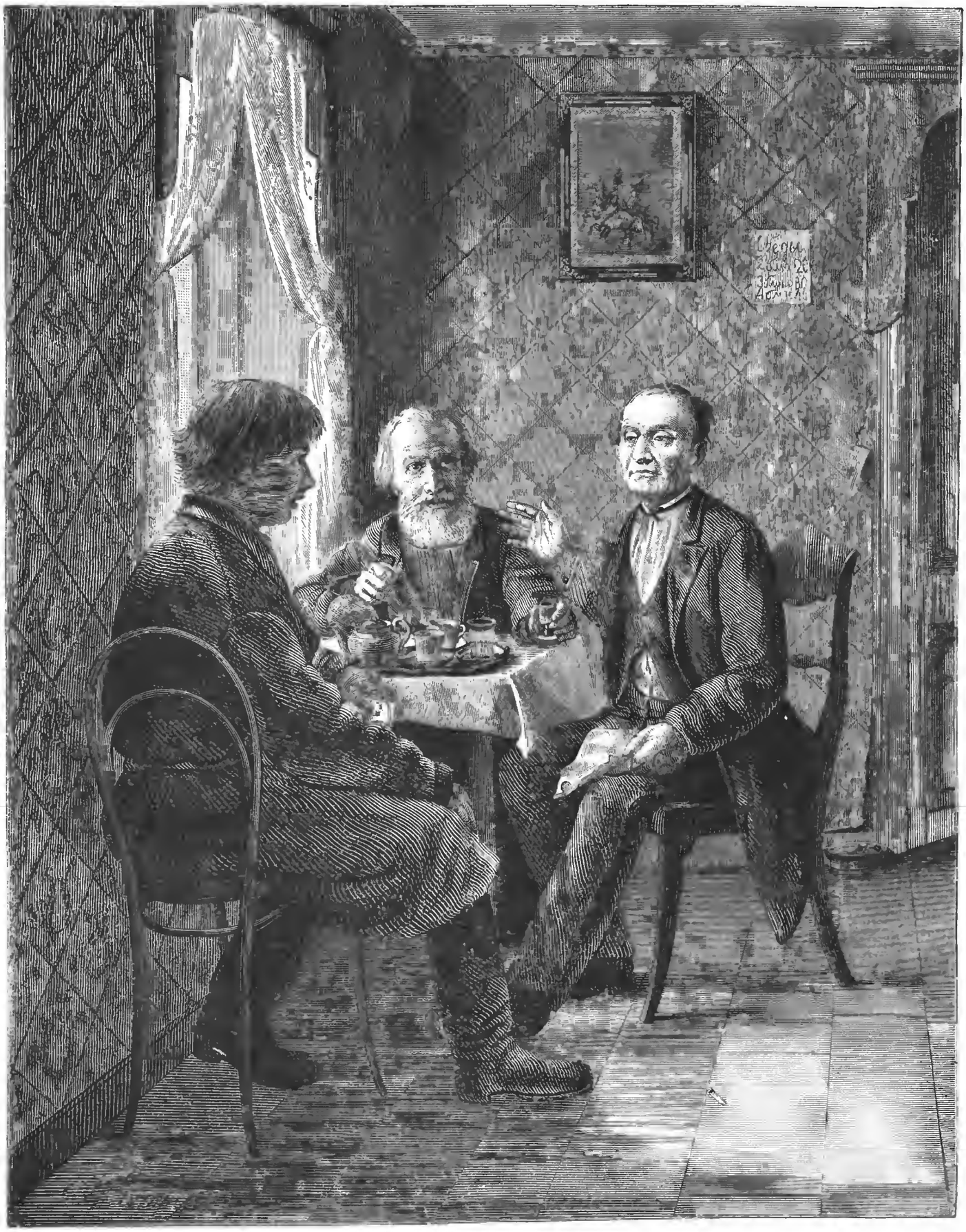
— И на это опять ничего не могу сказаать тебѣ. Самъ выбиралъ, самъ рѣшилъ дѣло и у тебя свой разумъ.

— Господи! Отчаянно заломалъ руки Императоръ, и ты тоже, ты тоже самое говоришь, что и Андрей Иванычъ Отъ васъ двоихъ только и ждалъ я путнаго отвѣта; и ничего вы сказать мнѣ не хотите! Развѣ ты ничего не видишь, развѣ ты не замѣчаешь, что я самый несчастный теперь человѣкъ въ мірѣ.

— Какъ же могу я что нибудь видѣть? все время я не была здѣсь. Ты не видался со мною, ты совсѣмъ отъ меня отвернулся. Я изъ Покровскаго не выѣзжала, ничего я не знаю.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"



Ходатай по дѣламъ.

— „Имѣя въ виду, что на основаніи 837 статьи X тома свода законовъ уголовныхъ, изданія 1857 года по третьему приложенію, и принимая во вниманіе...

— „Да ты выпей... Полно пугать-то...

Картина Н. Таюрскаго, рисов. самъ авторъ, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ.

Крестоносцы передъ Іерусалимомъ

(Картина Каульбаха).

Высокая, святая идея крестовыхъ походовъ — отнять гробъ Господень изъ рукъ невѣрныхъ, неожиданно, какимъ-то чудомъ осѣнила собою такихъ людей, которые менѣе всего были подготовлены, чтобы понять все ея величіе. Въ эту мрачную эпоху общей разнузданности, варварства и безчеловѣчія, когда роскошное рыцарство и духовенство весело жило въ своихъ неприступныхъ замкахъ, утопая въ чувственныхъ наслажденіяхъ, устраивая великолѣпные турниры и охоты, слушая блестящія речитативы трубадуровъ и обирая вмѣстѣ съ тѣмъ и сжимая подъ своимъ гнетомъ остальное мелкое, подневольное имъ человѣчество, въ эту эпоху изъ устъ смиреннаго пустынника Петра Амьенскаго раздается могучій призывъ на брань съ невѣрными—и всѣ вдругъ объяты религіознымъ энтузіазмомъ, всѣми руководитъ одна высокая, святая идея, подавляя собою всѣ эгоистическіе и мелкіе помыслы и страстишки. По свидѣтельству одного историка того времени, этотъ общій энтузіазмъ былъ столь великъ, что мужья оставляли женъ, отцы сыновей, сыновья отцовъ и не было такой сердечной связи, которая могла бы противиться всеобщему одушевленію.

Нужно замѣтить, что съ первыхъ же вѣковъ христіанства паломничество въ Святую Землю сдѣлалось постояннымъ. Сначала гонителями пилигримовъ явились Сенджуки, номадное тюркское племя, завладѣвшее Іерусалимомъ въ 1078 году. Первый крестовый походъ противъ невѣрныхъ, завладѣвшихъ Гробомъ Господнимъ, объявилъ папа Урбанъ II въ ноябрѣ 1095 года. Съ этого времени начинается отчаянная двухвѣковая борьба Европы съ Азіей, цивилизаціи съ варварствомъ. Къ сожалѣнію нужно сознаться, что и цивилизація тогдашней христіанской Европы была весьма невысокаго качества, такъ что первый крестовый походъ даже совершился подъ предводительствомъ гуся и козы, которыхъ суевѣрный народъ принималъ за боговдохновенныхъ вождей своихъ. Іерусалимъ, взятый въ 1099 г. крестоносцами и получившій гражданское устройство подъ верховною властью съ титуломъ короля Готфрида Бульонскаго, снова подпалъ подъ власть мусульманъ въ 1187 году. Ополчились противъ нихъ такіе сильные государи какъ Фридрихъ I Барбоpуса—Императоръ Германскій, Ричардъ Львиное Сердце—король Англійскій, и Филиппъ II Августъ—король французскій; но послѣ кровавой борьбы они удержали за христіанами лишь узкую береговую полосу отъ Тирра до Яффы, да получили свободный доступъ въ храмъ Гроба Господня. Слѣдующій за симъ крестовый походъ окончился, какъ извѣстно, лишь основаніемъ пресловутой Латинской имперіи, просуществовавшей всего 50 лѣтъ и при этомъ великая идея освободить Гробъ Господень уже была забыта въ виду разныхъ другихъ политическихъ цѣлей и разсчетовъ. Крестовые походы, какъ войны священныя, совершенно потеряли свое первобытное значеніе. Фанатическое духовенство того времени рѣшилось даже провѣрить, дѣйствительно ли Богъ хочетъ священной войны и для этой цѣли набрало до 30,000 дѣтей и пустило ихъ въ Палестину на вѣрную гибель (въ 1212 году). Пятый крестовый походъ окончился также безуспѣшно и лишь шестой подъ предводительствомъ императора Германскаго Фридриха имѣлъ тотъ результатъ, что Іерусалимъ во второй разъ былъ уступленъ христіанамъ, но лишь на самое короткое время, такъ какъ въ 1244 году они его утратили и утратили уже на всегда. Религіозный энтузіазмъ и рвеніе къ крестовымъ походамъ изсякло окончательно и среди общей холодности и мелочности, лишь одинъ французскій король Людовикъ Святой предпринялъ снова священную борьбу и положилъ въ ней свою великую душу. Христіане теряли въ Палестинѣ городъ за городомъ и съ паденіемъ Птолемаиды въ 1291 году крестовые походы прекратились окончательно.

Каульбахъ, изобразившій своею могучею кистью на стѣнахъ входа въ берлинскій музей всѣ главнѣйшіе моменты развитія человѣчества, конечно не могъ оставить безъ вниманія великой эпохи крестовыхъ походовъ и въ одной изъ этихъ картинъ изобразилъ приближеніе крестоносцевъ къ Іерусалиму. Вы видите какъ необозримыя полчища христіанскихъ воиновъ спѣшатъ вступить въ Святой Городъ, еще скрываемый туманною далью и котораго многочисленныя бойницы, стѣны и башни освѣщаются восходящимъ солнцемъ. Въ верхней части картины представленъ Спаситель, окруженный евангелистами, мучениками и пророками и простирающій руки, благословляя христіанское воинство. Тутъ же у ногъ его стоитъ на колѣняхъ Божія Матерь, привѣтливо смотря на крестоносцевъ и умоляя своего божественнаго сына быть ихъ защитникомъ и покровителемъ. Во главѣ шествія ѣдутъ три епископа, а вслѣдъ за ними шесть молодыхъ клириковъ несутъ ковчегъ со святыми мощами, сопровождаемый безстрашнымъ и благочестивымъ вождемъ христіанской рати Готфридомъ Бульонскимъ. Художникъ изобразилъ его на конѣ, увѣнчанномъ терновымъ вѣнцомъ; онъ въ упоеніи нѣмого восторга смотритъ на небесное видѣніе и высоко держитъ надъ собою золотую корону, какъ бы преподнося ее Тому, въ присутствіи котораго всякая земная власть исчезаетъ и всякое величіе упадаетъ въ прахъ. Какъ извѣстно по свидѣтельству современныхъ писателей, Готфридъ не соглашался носить царскую корону тамъ, гдѣ Господь страдалъ и носилъ вѣнокъ терновый. Сзади Готфрида Бульонскаго слѣдуютъ множество рыцарей: одни изъ нихъ несутъ кресты и хоругви, украшенные вѣнками, другіе завоеванные трофеи и захваченныя сокровища, которыя они подымаютъ высоко на щитахъ, какъ бы тоже преподнося ихъ въ даръ божественному вождю и покровителю. Въ этой группѣ художникъ придерживался строго и неподкупно исторической истины, хотѣлъ изобразить и тѣ темныя стороны нѣкоторыхъ крестоносцевъ, которые смутно понимали всю святость подвига, не забывали и своихъ корыстныхъ видовъ, грабя у мирныхъ жителей все, что было поцѣннѣе и даже уводя ихъ въ рабство. Тутъ же стоятъ два рыцаря. Одинъ изъ нихъ, сопровождаемый своимъ старымъ оруженосцемъ, вставляетъ въ ножны свой мечъ, уложивъ имъ нѣсколькихъ сарациновъ, трупы которыхъ валяются у ногъ его. Въ этой фигурѣ изображена личность Рожера Нормандскаго, а въ другой—герцога Бэгемунда, впослѣдствіи князя Антіохіи. Нижняя, передняя часть картины вся занята одной большой группой. Впереди ея видна тощая фигура Петра Амьенскаго. Онъ стоитъ на колѣняхъ, держа въ рукахъ крестъ, а за нимъ падаетъ ницъ цѣлая толпа людей самаго разнообразнаго характера и профессіи—это повидимому все бѣдняки, какъ онъ самъ, влекомые въ Святую Землю однимъ своимъ религіознымъ энтузіазмомъ. Позади этой группы нѣсколько фигуръ, въ которыхъ художникъ хотѣлъ изобразить участіе, принимаемое тогдашними женщинами въ священномъ подвигѣ. Вотъ на носилкахъ, грузно лежащихъ на спинахъ четырехъ дюжихъ эфіоповъ, возсѣдаетъ женщина. Одной рукой она откидываетъ покрывало, чтобы скорѣй бросить взглядъ на священный городъ, а другую подаетъ рыцарю, гордо потрясающему мечемъ. Еще далѣе гарцуютъ на бодромъ конѣ молодой, рыцарь и дама его сердца, которая прижимается къ своему спутнику, указывающему ей на далекіе силуэты города. Повидимому этотъ рыцарь привезъ съ собою въ Палестину все то, что было ему мило и дорого въ его замкѣ, на далекой родинѣ. На щитѣ его возсѣдаетъ соколъ, а за конемъ бѣгутъ собаки, вѣрные его сотрудники въ охотѣ.

На дальнемъ фонѣ картины толпы конныхъ и пѣшихъ воиновъ, стремящихся вступить въ стѣны Святого Города.

Н.

Гнѣздо ткачика (Plocei)

Строители гнѣзда, изображеннаго на нашемъ рисункѣ, принадлежатъ къ чрезвычайно богатому видами семейству и притомъ отличающемуся удивительнымъ искусствомъ въ постройкѣ гнѣздъ—*ткачикамъ*. Обыкновенно эти искусные строители гнѣздятся большими обществами и встрѣтить одно гнѣздо ткачика составляетъ большую рѣдкость. Гнѣзда свои они прикрѣпляютъ къ вѣтвямъ деревъ, отчего выбранное ими дерево получаетъ оригинальный видъ отъ множества навѣшанныхъ на немъ гнѣздъ, а своею численностію ткачики образуютъ настоящее поселеніе. Птички ткачики (Plocei) средней величины вьюрки, вытянутаго тѣлосложенія, большею частію съ длиннымъ, тонкимъ и рѣже короткимъ и тупымъ клювомъ. Крылья ихъ длинныя, хвостъ средней величины; многіе съ великолѣпнымъ опереніемъ. Отечество ткачиковъ Африка и южная Азія. По своему прилежанію ткачики похожи на пчелъ и работаютъ въ теченіи цѣлаго дня. Свои гнѣзда они устраиваютъ чрезвычайно прочно; случается, что одно гнѣздо служитъ нѣсколькимъ поколѣніямъ. Преимущественно для постройки гнѣздъ выбираются вѣтки, нависшія надъ водой. У разныхъ видовъ ткань и основаніе гнѣздъ различны, но обыкновенно гнѣзда соткапы изъ тонкихъ хворостинокъ и корешковъ, изъ гибкихъ травянныхъ стеблей, которые для гибкости строители еще смачиваютъ своей слюной. Стебельки продѣваются сверху внизъ и такимъ образомъ гнѣзда дѣлаются рѣшительно непроницаемыми для воды и надежными убѣжищами отъ разрушительныхъ атмосферныхъ вліяній. Внутренность гнѣзда устилается слоемъ чрезвычайно тонкихъ стебельковъ.

У нѣкоторыхъ видовъ самцы строятъ себѣ особыя гнѣзда, въ которыхъ живутъ сами, пока самки высиживаютъ яйца, или же за это время приготовляютъ другое гнѣздо въ запасъ для слѣдующей кладки яицъ. Внутри гнѣзда устраивается обыкновенно перегородка, составляющая какъ бы порогъ между настоящимъ гнѣздомъ и выходомъ. На постройку идетъ очень много времени и требуется много труда. Жители восточной Африки смотрятъ совершенно равнодушно на искусныя постройки этихъ замѣчательныхъ архитекторовъ, но другіе интересуются ими и еще придаютъ съ своей стороны то, чего можетъ быть и нѣтъ. Напр. есть мнѣніе будто куски глины, находимые въ гнѣздахъ, служатъ для вставливанія въ нихъ свѣтящихся насѣкомыхъ, для освѣщенія гнѣзда. Другіе думаютъ, что глина кладется для поддержанія равновѣсія и ослабленія дѣйствія вѣтра. Послѣ выхода птенцовъ, ткачики скопляются

Библиотека "Руниверс"

въ стаи, доходящія до нѣсколькихъ тысячъ и зачастую нападаютъ на поля, опустошая ихъ. Кромѣ хлѣбныхъ зеренъ и различныхъ сѣмянъ пищу ихъ составляютъ насѣкомыя, которыми они выкармливаютъ своихъ многочисленныхъ птенцовъ. Къ врагамъ ткачиковъ относится человѣкъ, ястребъ, соколъ, обезьяны и друг. Впрочемъ доступъ къ гнѣзду сопряженъ для враговъ съ опасностію: грабителю гнѣздъ трудно подобраться не свалившись въ воду. Нѣкоторые виды для большей безопасности еще вплетаютъ въ гнѣзда острые шипы.

На нашемъ рисункѣ представлено гнѣздо, прикрѣпленное къ сухой вѣткѣ дерева надъ водой. Форма его нѣсколько похожа на тупой конусъ, къ низу придѣлано въ видѣ трубы входное отверстіе. Другое круглое вылетное отверстіе находится съ боку, обыкновенно дѣлается съ юга. Л.

Ходатай по дѣламъ.

Сцена обыденная, знакомая каждому: русскіе типы и русская жизнь.

Отставной чиновникъ, изъ тѣхъ, у которыхъ носъ покраснѣе, и которыхъ зовутъ стрекачами, засѣдаетъ въ трактирѣ въ качествѣ адвоката, или, какъ называютъ ихъ, „грошеваго дровоката".

Пригласившіе его на совѣтъ, тутъ же съ нимъ за трактирнымъ столомъ сидящіе, двое рабочихъ людей, очевидно, ждутъ отъ него помощи въ своемъ дѣлѣ.

— Вотъ видишь-ли, какъ я теперича пріѣхалъ..

— Знаю, знаю я, понимаю все, тутъ дѣло такое, что безъ графина водки никакъ не возможно, авторитетно заявляетъ дровокатъ.

— Ладно ужь, Богъ съ тобой, только помоги.

— Отчего не помочь!..

— Совсѣмъ какъ есть сбился съ толку. Парень просто безъ ума...

— Можно, можно. Это я очень хорошо могу все... Надо только селянку...

— Сдѣлай милость, за этимъ не постоимъ... Ну, что дѣлать, и водку и селянку поставимъ, выручи только...

— Выручу, выручу—дѣло въ моихъ рукахъ, могу... Нужно только еще... чаю...

— Охъ-хо! вздыхаетъ старшій: многовато...

— Безъ этого нельзя, такой ужь всегда порядокъ.

— Такъ видишь-ли въ чемъ дѣло' начинаетъ старшій рабочій, вотъ этотъ самый парень, таперича къ примѣру, такъ будемъ говорить, значитъ потерялъ плакатъ,.. то есть онъ, къ примѣру, ежели, такъ сказать, и не потерялъ, а все плаката у него нѣтъ. Оно, пожалуй, плакатъ-то и есть, только не его, а чужой.

Адвокатъ многозначительно нахмуриваетъ брови, молодой рабочій вынимаетъ изъ кармана какія-то бумаги съ гербами и хочетъ ихъ показать ему.

Адвокатъ отмахивается руками.

— Погоди, погоди. Это дѣло такое, тутъ такъ нельзя сдуру, какъ нибудь, тутъ надо съ толкомъ сообразить...

— Ну вотъ ты и сообрази.

— Сначала надо водки... графинъ... Порцію селянки... водки...

— Водки послѣ.

— Нѣтъ, такъ нельзя: и разговаривать не буду.

Какъ ни синь носъ у адвоката, и какъ не велико въ немъ ослабленіе умственныхъ силъ отъ слишкомъ близкаго знакомства съ распивочными, но все же онъ хорошо знаетъ способы, которыми обдѣлываются дѣлишки...

Онъ настоялъ на томъ, чтобы ему прежде всего была подана водка, селянка, чай, и настоялъ совсѣмъ не для того, чтобы поскорѣе напиться: нѣтъ, онъ съ молоду знаетъ, какъ тенета запутывать. Онъ понимаетъ, что надо сначала заставить рабочихъ хоть не много понерасходоваться, а потомъ можно будетъ эти расходы увеличить. Рабочіе, израсходовавшись немного, пожалѣютъ кровныя свои денежки и согласятся на условія адвоката, зная, что если съ нимъ разойдутся, такъ другой сначала тоже запроситъ угощеніе: опять, значитъ, водка, селянка, чай и проч.

Угощеніе подано

— Ну, покорнѣйше просимъ, выкушай рюмочку...

— Я, признаться, сегодня ужь согрѣшилъ: двѣ косушечки опрокинулъ...

— Ну что-жь, во здравіе, дай Господи...

Адвокатъ выпиваетъ рюмочку, крякнувъ при этомъ не столько отъ удовольствія выпивки, сколько отъ сознанія сугубаго удовольствія, предстоящаго впереди. Расходъ рабочіе произвели, значитъ, попали ужь ему на удочку и нескоро соскочатъ

Закусилъ онъ и селянки, и дѣло дошло до чая, дошло, такимъ образомъ и до толкованія о ходатайствѣ.

— Теперича, вотъ видишь-ли: плакатъ-то вотъ онъ и есть, да чужой...

— Худо дѣло... Н—да—а!..

— Чево хуже... Кажись хуже и невозможно, потому теперича никуда нельзя на работу.. Вотъ и плакатъ будто, а выходитъ не плакатъ, не дѣйствуетъ...

— Худо дѣло! авторитетно замѣчаетъ адвокатъ: тутъ меньше двухъ рублей нельзя...

— Какихъ двухъ? въ изумленіи спрашиваетъ старшій рабочій.

— Какихъ двухъ? переспрашиваетъ съ насмѣшкой адвокатъ, такихъ же, какіе бываютъ...

— Да куда же это, братецъ ты мой?

— Да туда же... мало-ли куда. Давай два рубля — все обработаю...

— А какъ же селянка-то... чай...

— Это особь статья...

Рабочіе вздыхаютъ, чешутъ головы, старшій задумчиво произноситъ: инь ты... въ ротъ тѣ шило...

— А ты думалъ за селянку? Ловокъ!

Старшій рабочій вздыхаетъ. Мысли его невольно сосредоточиваются на счетѣ тѣхъ копѣекъ, которыя уже пришлось израсходовать, и зная цѣну этимъ копѣйкамъ, трудомъ добываемымъ, онъ исподлобья посматриваетъ на адвоката, боясь всетаки показывать ему явное неудовольствіе.

— Чортъ съ нимъ, приказная строка, еще пожалуй обозлится, думаетъ онъ.

Минута молчанія.

Адвокатъ, пользуясь ею, поддаетъ жару и съ особенною важностью начинаетъ:

— Имѣя въ виду, что на основаніи 837 ст. X т. Свода Законовъ уголовныхъ, изданія 1857 года, по третьему продолженію, и принимая во вниманіе...

— Да ты выней. Полно пугать то!...

Дѣло, понятно, окончилось такъ, какъ кончаются подобнаго рода дѣла: простого, темнаго человѣка съумѣлъ ловко обойдти дровокатъ и, слава Богу, если онъ, выгянувъ изъ нихъ нѣсколько рублей, все таки устроитъ ихъ дѣло. Бываетъ и хуже.

Д. Стахѣевъ

Переправа черезъ р. Іору на Кавказѣ.

(Къ рисунку профессора Мещерскаго).

Высоко поднимаясь къ небу и бѣлѣясь на немъ своими снѣговыми вершинами, протянулся отъ Чернаго моря къ Каспійскому хребетъ Кавказскихъ горъ. Много сбѣжало съ него ручьевъ и рѣчекъ, то узенькой ленточкой, то разсыпающимся въ водяную пыль каскадомъ. Изъ этихъ ручьевъ, съ шумомъ и грохотомъ спускающихся все ниже да ниже, образовались рѣки и потекли онѣ по долинамъ и равнинамъ Кавказа и Закавказья, чѣмъ дальше, тѣмъ спокойнѣе и шире.

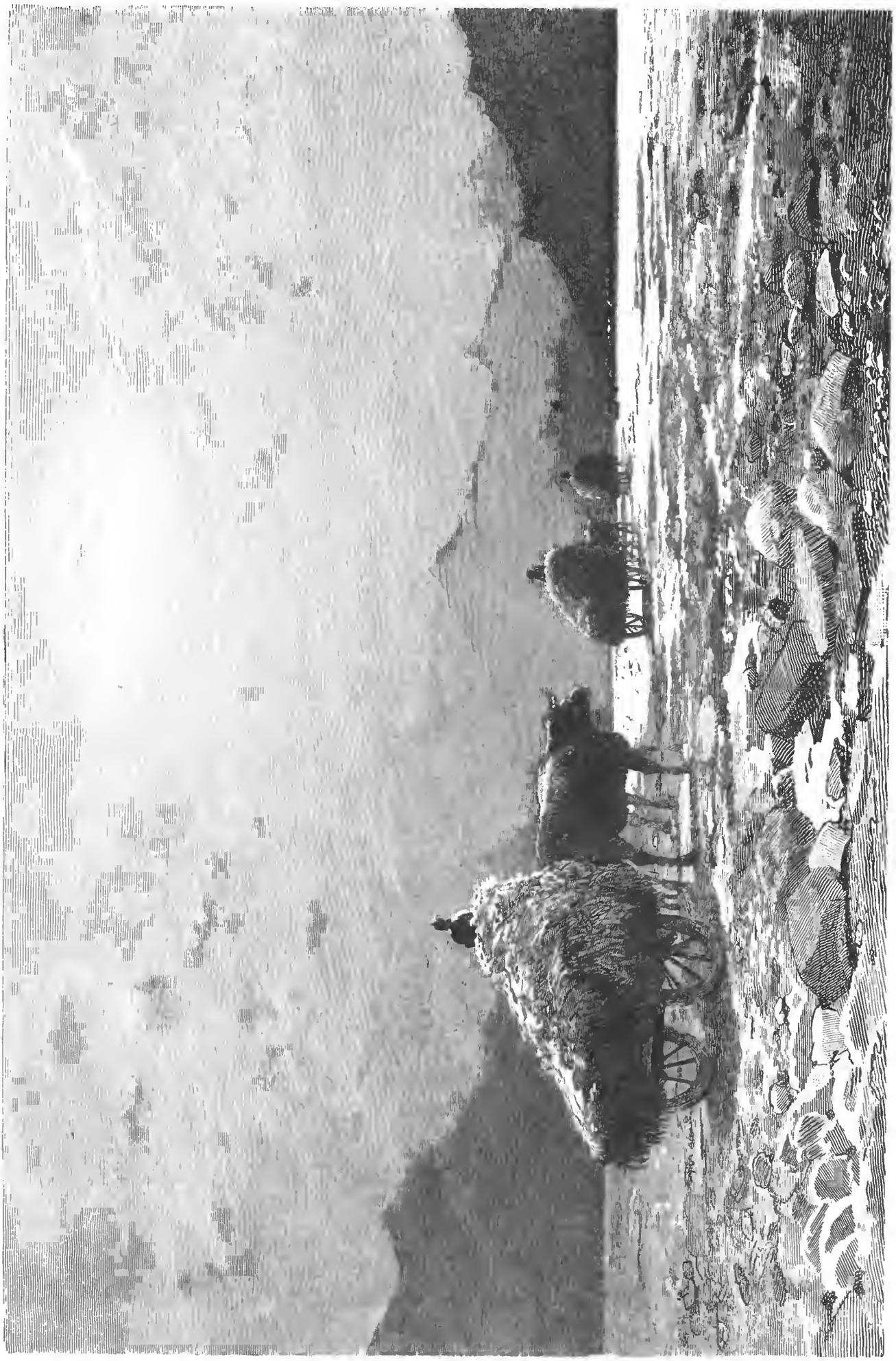
Нагрѣетъ теплое, лѣтнее солнце снѣгъ на горахъ, побѣгутъ мутные ручьи, польются съ отвѣсныхъ обрывистыхъ скалъ каскады, вольется вода эта въ рѣку и забурлитъ она пѣною, унося съ собою огромные камни. Прибывшая вода зальетъ низменные берега на большое пространство, а въ крутыхъ зачастую изберетъ себѣ новое ложе, оставляя старое высыхать подъ лучами болѣе знойнаго, лѣтняго солнышка. Спадетъ весенняя вода, войдетъ рѣка въ свои берега, — и только однѣ круглянки—и лишь булыжники свидѣтельствуютъ о размѣрахъ ея разлива. Низменные берега не покрываются на Кавказѣ травой: они большею частію каменисты и безжизненны. Такого рода мѣстность и изображена на нашемъ рисункѣ.

О художественной красотѣ этого рисунка, полагаемъ, говорить лишнее: онъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя.

Подъ Плевной.

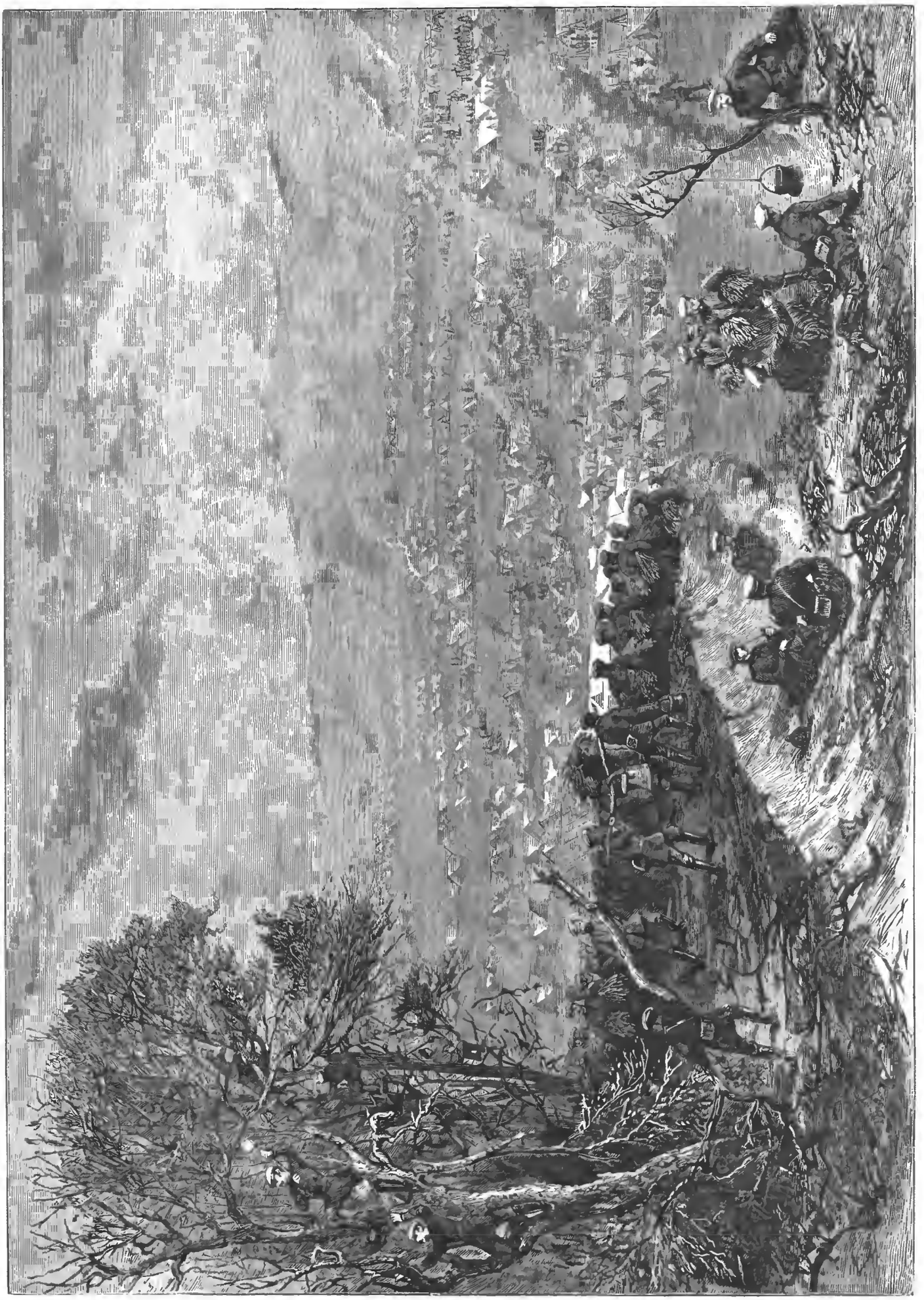
Какъ извѣстно, въ настоящее время сильно укрѣпленный плевненскій лагерь турокъ оцѣпленъ тѣснымъ кольцомъ осады. На Гривицкомъ редутѣ и на позиціи генерала Скобелева воюющія стороны такъ близко отстоятъ одна отъ другой, что могутъ переговариваться. Такъ называемая Зеленая гора возвышается подъ окружающей мѣстностью и лишь узкая долина или лощина отдѣляетъ траншеи Скобелева отъ турецкихъ траншей. Послѣднее время въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ подъ Плевной настало нѣкоторое затишье. Между нашею главною квартирою и Османомъ-пашей происходятъ переговоры о капитуляціи его арміи. Въ выжидательномъ состояніи наши войска по возможности устраиваются на своихъ позиціяхъ. По сообщеніямъ корреспондентовъ, въ настоящее время уже очень мало осталось войскъ въ палаткахъ, большая часть ихъ устроилась въ землянкахъ, и прилагаемый къ этому номеру „Нивы" рисунокъ знакомитъ съ видомъ лагеря нашихъ гвардейцевъ до размѣщенія ихъ въ болѣе удобныхъ по времени года помѣщеніяхъ. Лагерь 16 пѣхотной дивизіи, которой нынѣ командуетъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ, представляетъ въ настоящее время цѣлый городокъ, съ правильно разбитыми кварталами и улицами. Землянки, вырытыя нашими искусными архитекторами-солдатами, покрыты хворостомъ и отапливаются печурками у нѣкоторыхъ съ дымовымъ проводомъ въ видѣ небольшой глиняной трубы. У другихъ дымъ идетъ прямо въ отверстіе двери. Но каждая землянка снабжена соломой, служащей владѣльцамъ ея—ихъ обыкновенно 8—10 человѣкъ—постелью. Офицерскія хижины—тѣ же солдатскія землянки и отличаются отъ нихъ только нѣкоторымъ комфортомъ. Замѣчательно, что вся сложная работа по возведенію укрѣпленій и устройству дивизіонныхъ бараковъ была исполнена въ 3-е сутокъ по занятіи позиціи. Солдатики быстро и проворно принялись за работу, только пыль столбомъ поднялась. Тамъ и сямъ послышался звукъ зна-

Библиотека "Руниверс"



Долина рѣки Іоры на Кавказѣ. Картина профессора С.-Петербург. Академіи художествъ Мещерскаго, рис. самъ авторъ на деревѣ, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"



Лагерь гвардейцевъ при Плевнѣ. По I. L. N. съ фотогр. на деревѣ, грав. Рашевскій

Библиотека "Руниверс"

комой пѣсни и не менѣе знакомые разговоры между солдатами:

— Ермило, пошевеливайся, розуй руки-то, кричитъ кто-то изъ проворныхъ на мѣшковатаго Ермила.

— Чего разуваться, я и такъ въ сапогахъ могу...

Раздается хохотъ.

— Ишь ты Ермило нашъ каковъ: руки-то у него въ сапогахъ...

— Ахъ, штобъ вамъ, ворчитъ неповоротливый Ермило, я и впрямь думалъ разуваться велятъ... Зачѣмъ, думаю, разуваться...

— Ишь ты ловкой: подъ турку да сапоги на рукахъ—это не полагается...

Такъ передаютъ очевидцы о состояніи духа нашего солдатика тамъ, гдѣ кругомъ ужасъ и смерть.

Для генерала Скобелева раскинуто было два шатра. Въ одномъ помѣщается его столовая, въ которой ежедневно раздѣляютъ его скромный обѣдъ всѣ лица его штаба, иногда командиры бригадъ и полковъ дивизіи, а также и посторонния лица, пріѣзжающія съ какими либо порученіями или же просто въ гости къ радушному генералу; другой шатеръ служитъ спальней и кабинетомъ. Но, находясь всегда тамъ, гдѣ свирѣпствуетъ сильный огонь и въ виду вѣроятности нечаяннаго нападенія турокъ, Генералъ Скобелевъ послѣднее время поселился въ передовой траншеѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба капитаномъ Куропаткинымъ. Солдаты вырыли яму для помѣщенія генерала въ уровень съ дномъ траншеи и поставили тамъ санитарныя носилки, служащія ему постелью. Замѣтимъ кстати, одна изъ траншей, наиболѣе подвергаемая выстрѣламъ, называется Невскимъ проспектомъ; другая носитъ названіе Большой Морской. Офицеры зачастую предлагаютъ пріѣзжающимъ ординарцамъ и посѣтителямъ прогуляться по Невскому или по Большой Морской; а также подняться на открытый балконъ гостинницы „Belle vue", такъ называется у нихъ центральное мѣсто на гребнѣ насыпи, откуда прекрасно видны турецкіе ложементы и даже красивыя фески.

Скобелевъ желаетъ, чтобы солдаты его были веселы и музыка играетъ и днемъ и вечеромъ. Въ перемежку съ музыкой—хоровыя пѣсни.

Послѣ взятія Карса генералъ Скобелевъ приказалъ поставить подъ Плевной громадныхъ размѣровъ транспорантъ, съ надписью: „Карсъ взятъ, 10,000 турокъ взяты въ плѣнъ. Да здравствуетъ Императоръ". Турки такъ были поражены этою вѣстью, что въ первыя минуты вовсе перестали стрѣлять, потомъ, понятно, они разозлились и совершенно разнесли выстрѣлами этотъ транспорантъ. Однажды, къ общей радости своихъ войскъ, генералъ Скобелевъ приказалъ музыкантамъ играть предъ своей главной квартирой, т. е. въ передовыхъ траншеяхъ. Туркамъ должно быть понравились веселые звуки и они прекратили выстрѣлы, направленные въ *бѣлаго шайтана*, какъ они называютъ Скобелева. Вообще надобно сказать, что Скобелевъ не только начальникъ, но и заботливый начальникъ и товарищъ. Въ самомъ кипучемъ бою—когда у другихъ дня по два голодаютъ солдаты, у Скобелевскихъ не только сухари—къ нимъ подвозятъ и горячую пищу. Въ моментъ отдыха солдатъ здѣсь не стѣсняютъ ничѣмъ. Онъ дѣйствительно отдыхаетъ. Скобелевъ любитъ всей душою солдата и онъ ему отвѣчаетъ тѣмъ же. Начальникъ штаба его, капитанъ Куропаткинъ, одинъ изъ дѣльнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Въ огнѣ, когда кругомъ тысячи падаютъ, онъ не теряется—умъ его также ясенъ, распоряженія столь же цѣлесообразны. Заботливость удивительна. Во всякомъ, даже маленькомъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, прорытіе траншеи, онъ справляется отлично. Впередъ все обдумано, впередъ все предупреждено. Остальные у Скобелева армейская молодежь, беззавѣтно вѣрующая въ него, беззавѣтно смѣлая. Объ участи ихъ генералъ сильно тревожится.

— Папенекъ и маменекъ, титулованныхъ родственниковъ—нѣтъ у нихъ, говорилъ однажды Скобелевъ. Самые счастливые выйдутъ изъ службы съ пенсіономъ въ 350 р., попадутъ въ становые пристава. А вѣдь какая это смѣлая, честная и даровитая молодежь. Кажется, что у Скобелева и люди-то особенные какіе то. Вотъ, напримѣръ, солдатъ У. Онъ прекрасно образованъ, но не хочетъ держать офицерскаго экзамена. „Развѣ позорно быть солдатомъ? По моему, солдатомъ быть великая честь—и я остаюсь имъ". А онъ между прочимъ въ два года туркестанской войны показалъ себя истиннымъ героемъ и здѣсь сразу выдѣлился.

Въ другихъ лагеряхъ подъ Плевной, въ ожиданіи рѣшительныхъ дѣйствій Османа, также относительное бездѣйствіе. Въ извѣстные часы идетъ ученье рекрутъ, вновь прибывшихъ къ войскамъ. Начинаютъ даже жаловаться на скуку однообразной лагерной жизни и всѣ только и ждутъ, когда Османъ-паша положитъ конецъ томленію и попытается прорваться чрезъ наши линіи, если ужъ такъ упорно отказывается отъ сдачи Само собою, полагаемъ, понятно нашимъ читателямъ, что всѣ свѣдѣнія, сообщенные здѣсь, мы передаемъ на основаніи газетныхъ извѣстій и группируемъ ихъ въ одно цѣлое для большей ясности изображаемой картины. На основаніи этихъ свѣдѣній оказывается, что Османъ-паша не падаетъ духомъ. Онъ даже предупреждаетъ русскихъ, чтобы они приготовились къ правильной осадѣ, ибо увѣряетъ, что запасовъ у него хватитъ на 8 мѣсяцевъ и что онъ рѣшился защищать свою позицію до послѣдней крайности. Насколько это справедливо, судить не беремся, такъ какъ отсюда до плевненскаго лагеря очень далеко и нѣтъ возможности пока провѣрить отзывы Османа-паши. Говорятъ, что армія не совсѣмъ раздѣляетъ мнѣніе своего начальника и находитъ лучшимъ бѣжать пока еще имѣются слабыя линіи обложенія. Солдаты недовольны запрещеніемъ тратить боевые снаряды съ прежней щедростью; теперь снаряды каждому солдату выдаются по счету. Значительный запасъ держится подъ рукою на случай важныхъ дѣйствій. Что касается продовольствія, то въ настоящее время солдаты получаютъ по 3/4 фунт. хлѣба каждый день и разъ въ недѣлю кусокъ мяса. Плевна представляетъ чрезвычайно печальный видъ Самый городъ сильно пострадалъ отъ бомбардировки, хотя онъ и не служитъ мишенью для русской артиллеріи. Османъ-паша не выслалъ во время жителей изъ города и теперь имъ приходится переносить страшныя мученія осады. Громкія вопли женщинъ и дѣтей надрываютъ душу и мучительно вліяютъ на солдатъ. Единственная личность, живущая среди общаго бездѣйствія съ пользою для себя, старая еврейка Сара, занимающаяся гаданьемъ. Самъ Османъ-паша не пренебрегаетъ предсказаніями этой старухи.

Но обратимся къ положенію нашей осаждающей арміи, къ нашимъ солдатамъ, являющимъ собою столько хорошаго, высокочеловѣчнаго, при необычайной храбрости и беззавѣтной вѣрѣ. Необыкновенно выносливый, онъ свыкся съ новой обстановкой и даже относится къ ней чрезвычайно благодушно. Для примѣра приводимъ характерную сцену, подмѣченную очевидцемъ-корреспондентомъ.

Солдатики сидѣли на землѣ. У нихъ шелъ горячій разговоръ о нашихъ дѣлахъ подъ Плевной, но онъ немного нарушился, когда появился солдатъ съ бутылкой водки отъ маркитанта.

— Ну, ребята, сегодня балъ у насъ!

— Здѣшняя-то сивуха худая.

— Ну, а что еслибы жена была здѣсь и ей бы чарочку турецкой поднесли бы!

— Она не стала-бы пить-то чай! подхватилъ кто-то.

— Не стала! Озябла, такъ стала-бы...

— Поднятко дѣтишки-то што теперь дѣлаютъ, тамъ они, въ Россіи-то?..

— Дай-ка сухарька, братцы!..

— Не хошь-ли галетчины; вонъ тутъ никто у насъ ее не ѣстъ..

— Не надо туретчины-то. Поди ты! привязался съ галетчиной-то. Галетчина турецкая ѣда. То-ли дѣло свои родные сухарьки. Хоть на видъ-то и хуже, да хороши.

— Ну, вотъ еще!.. Не все ли равно?..

— А то еще, пожалуй, турки въ галету яду какого положили,—сказалъ кто-то.

— Ребята! меня-то забыли!.. Налей-ко чарочку!..

Прибывшему наливаютъ чарку. Онъ выпиваетъ.

Вотъ направо какая-то масса орудій и патронныхъ ящиковъ. Лошади стадами пасутся тутъ вблизи, иныя изъ нихъ щиплютъ траву, раскаживая по склонамъ горъ. Солдаты тутъ живутъ еще въ полотиянныхъ палаткахъ.

Подходите вы ближе. У ручья свѣжей воды солдатъ моетъ бѣлье, напѣвая пѣсню. При видѣ васъ онъ встаетъ и дѣлаетъ честь.

— А что это артиллерійскія орудія?

— Точно такъ, ваше благородіе!

— Это запасныя, что-ль?

— Такъ точно, ваше благородіе. Они дежурить ходятъ черезъ двое сутокъ на осадную.

— Дежурить?..

— Точно такъ...

Идемъ далѣе. Солдатъ по дорогѣ куча куда ни взглянешь. Одни изъ нихъ зашиваютъ бѣлье, другіе чинятъ сапоги. Иные тащатъ лѣсъ для постройки остова землянки и для топлива.

Посмотримъ теперь на отношеніе нашихъ солдатъ къ туркѣ.

Вотъ на одномъ столѣ лежатъ двое раненыхъ съ переломомъ костей. Одинъ изъ нихъ—русскій солдатъ, другой—турокъ. Обоимъ предназначается гипсовая повязка... Турокъ смотритъ такимъ сентябремъ и поглядываетъ на своего сосѣда съ какимъ-то недружелюбіемъ...

— Не бойся, вѣдь, чай, я вѣру Христову исповѣдую; не задѣну тебя... говоритъ нашъ солдатъ.

Къ солдату подходятъ дѣлать гипсовую повязку. Солдатъ, смѣясь, говоритъ:

— Ваше благородіе! уберите эту нехристь-то; а то заколю ее!..

— А развѣ можно такъ дѣлать?

Солдатъ, улыбаясь, замѣтилъ:

— Я вѣдь шутя, ваше благородіе! Неужто я стану больного человѣка трогать; вѣдь, чай, крестъ-то на мнѣ еще есть..

Вообще, великодушіе нашего солдата замѣчательное и въ этомъ мы уже не разъ убѣждались. Онъ мало смущается передъ ужасами и звѣрствами турокъ, дозволяя себѣ только порицать ихъ. Отношенія его къ раненымъ туркамъ замѣчательно великодушны, трогательны.

Въ образецъ стоицизма разскажемъ здѣсь со словъ того-же очевидца-корреспондента;

Библиотека "Руниверс"

„Раненому въ обѣ ноги нужно было отрѣзать ихъ: одну выше колѣна, другую ниже. Ампутируемый рѣшительно отказался отъ хлороформа. Потребовалъ трубку. Докторъ далъ ему громадную. Страдальцу отрѣзали одну ногу—онъ и не простоналъ. Начинаютъ рѣзать другую. Солдатъ только затягивается табакомъ. Были при этомъ и сестры милосердія. Молоденькая не выдержала, ужь слишкомъ подѣйствовало на нервы. Начинаетъ рыдать; ее останавливаютъ:

— Вѣдь это на раненаго скверно подѣйствуетъ... Молчите.

— Не замай, говоритъ солдатъ, вынимая трубку изо рта: извѣстно, ея бабье дѣло—пущай голоситъ.

До того это было неожиданно, что всѣ, не смотря на тяжелую обстановку всего окружающаго, разсмѣялись. Припомнимъ еще одну сцену.

Когда отрядъ снимался съ караула, чтобы идти въ рекогносцировку, донецъ останавливается и раскрываетъ подушку своего сѣдла. (У донцовъ въ этихъ подушкахъ все ихъ боевое имущество).

— Что ты?.. недоумѣваетъ сотникъ.

— Да вотъ, новый мундиръ выну, все лучше умирать въ новомъ-то.

Не успѣлъ договорить—шальная пуля въ животъ. Раны такого рода смертельны. Везутъ на перевязочный пунктъ.

Въ это время Главнокомандующій объѣзжаетъ позиціи.

— Ваше высокоблагородіе! обращается донецъ къ офицеру.

— Чего тебѣ?

— Чтобы мнѣ отвѣтить получше Великому Князю, когда онъ спроситъ меня? заботится раненый.

Что же касается различныхъ непредвидѣнныхъ трудностей, которыя приводится терпѣть солдатамъ во время похода и въ самыхъ бояхъ, уже и говорить нечего. Приведемъ только слѣдующее сообщеніе, сдѣланое генераломъ Скобелевымъ въ докладѣ Имеретинскому. „При прискорбномъ въ эту компанію отсутствіи шанцеваго инструмента при войскахъ въ достаточномъ количествѣ, представляется не мало затрудненій. Люди рыли себѣ ровики частію крышками отъ манерокъ, частію руками Для очищенія эспланады виноградные кусты вырывали руками.

Относительно положенія арміи нашего противника, Османа-паши, мы имѣемъ свѣдѣнія только изъ англійскихъ источниковъ Такъ корреспондентъ газеты «Times» сообщаетъ изъ Плевны. „Въ теченіи послѣдней недѣли, пишетъ онъ (отъ первой половины ноября), мы находимся здѣсь въ глубокомъ уныніи. Все доходящее до насъ тѣмъ или другимъ способомъ сводится къ тому, что Плевна совершенно обложена непріятелемъ. Османъ-паша, считавшій себя до сихъ поръ непобѣдимымъ, начинаетъ безпокоиться касательно будущаго, и его главный штабъ находится въ крайнемъ безпокойствѣ, боясь, чтобы главнокомандующій, въ минуту отчаянія, не прибѣгнулъ къ какой либо безразсудной мѣрѣ. Османъ-паша раздраженъ неискусной тактикою Шефкета-паши, знаменитаго героя Батака, и неблагоразуміемъ министерства, которое поручаетъ столь важныя посты людямъ, подобнымъ Хакки-пашѣ. „Между тѣмъ какъ я,—говоритъ Османъ-паша,—употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сдѣлать эту позицію недоступною и имѣть возможность оборонять ее отъ непрестанныхъ аттакъ грознаго непріятеля, въ то самое время жалкій пьяница, на столько же трусъ, сколько и невѣжда, разрушаетъ всѣ мои планы и подвергаетъ опасности всѣ одержанные мною до сихъ поръ успѣхи. Можно подумать, что какой-либо злой духъ побуждаетъ наше министерство дѣлать ошибку за ошибкою“. Ор.

Военныя извѣстія

Извѣстія съ Дунайскаго театра войны за прошлую недѣлю дополнили значительными деталями картину нашихъ операцій, до сихъ поръ извѣстную только въ общихъ чертахъ. Послѣ взятія укрѣпленной позиціи у деревни *Правецъ* (о чемъ мы говорили уже въ № 48 «Нивы»), турки очистили *Новачинъ*, *Скривену* и *Орханіэ* и отступили на перевалъ на позицію къ мѣстечку *Врачешъ*. Изъ Этрополя же турки отступили на Шандорникскій перевалъ, въ *Арабконакъ*. И заснмъ все пространство между рѣками Огостомъ *) и Искеромъ очищено отъ турокъ. Наши отряды заняли 16-го ноября *Бѣлобродъ* и *Ловчево*, расположенные на р. Огостѣ. и вслѣдъ затѣмъ наши летучіе отряды были отправлены къ Берковацу и Бѣлградчику **). Цѣль подобныхъ рекогносцировокъ весьма понятна. Она состоитъ въ возстановленіи связи между румынскимъ отрядомъ, недавно взявшимъ *Ломъ-Паланку* и нашимъ Врацскимъ отрядомъ, что и исполняется успѣшно, какъ увидимъ ниже. Теперь уже все болѣе и болѣе съуживается линія, лежащая между Виддиномъ, крайнимъ турецкимъ опорнымъ пунктомъ на западѣ, и занятымъ нами между рѣками Огустомъ и Искеромъ. Далѣе къ западу, какъ извѣстно идетъ уже сербская территорія и въ этомъ пунктѣ, при вступленіи Сербіи на театръ войны, произойдутъ, конечно, новыя военныя комбинаціи.

Румыны заняли Ломъ-Паланку послѣ шестидневной канонады и послѣ этого бывшій здѣсь турецкій гарнизонъ отошелъ къ Виддину.

Возвратимся однако къ дальнѣйшему ходу дѣлъ въ области Искера и Огоста. Вскорѣ послѣ отступленія къ Лютакову *) и Врачешу, о которомъ говорено было выше, турки оставили это важное укрѣпленіе. Тогда турки отступили двумя дорогами: по Орханіевскому шоссе и по прямой дорогѣ отъ Лютакова. Для возстановленія связи между Ломъ-Паланкою и Врацею сдѣланы, съ нашей стороны, слѣдующіе замѣчательные успѣхи. 18-го ноября отрядъ генерала Арнольди занялъ *Черкесскую Кривину* (на р. Цибрѣ) и *Кутловицу* (на шоссейномъ пути изъ Ломъ-Паланки въ Берковацъ, о немъ сказано выше). И вотъ какимъ путемъ установлена постоянная связь между румынскимъ отрядомъ, занимающимъ Ломъ-Паланку и нашимъ Врацскимъ отрядомъ. На картѣ уже самъ читатель пойметъ это гораздо яснѣе, и потому мы оставляемъ слишкомъ подробное географическое описаніе указанныхъ пунктовъ.

Съ другой стороны и наши наступательныя дѣйствія къ Балканамъ продолжаются съ значительными успѣхами. Почти одновременно съ сейчасъ описанными важными операціями на нашемъ крайне правомъ флангѣ, важнаго успѣха достигла колонна генерала Эллиса, занявъ оставленныя турками позиціи у высотъ Греота. Детали этого дѣла слѣдующія. Когда турки отступили отъ селенія Правецъ. за гор. Орханіэ, на Врачешскую укрѣпленную позицію, и отъ города Этрополя на высоту Греота, тогда тотчасъ колонна генерала Эллиса укрѣпилась на Правецкой позиціи и наблюдала за Врачешемъ, между тѣмъ какъ колонна генерала Дандевиля въ тоже время была направлена для аттаки высотъ Греота. Успѣшною аттакой высоты эти были заняты. Вскорѣ генералъ Дандевиль овладѣлъ и сосѣднею съ Греотомъ высотою. Цѣлые два дня (18-го и 19-го ноября) втаскивали на эти высоты нашу тяжелую артиллерію. Но какъ скоро турки оставили Врачешскую позицію, генералъ Эллисъ двинулся за ними по шоссейному пути, и. пройдя *Орханіэ* и *Врачешъ* *). занялъ позиціи въ горахъ, въ виду расположенія турокъ у Арабъ Конака, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ отряду генерала Дандевиля. И здѣсь наша тяжелая артиллерія была поднята на огромную высоту, на что былъ употребленъ цѣлый день (20-го ноября). Въ тоже время была двинута колонна генералъ-маіора Куриакова на *Златицу* и она заняла перевалъ въ этомъ мѣстѣ. Подъемъ артиллеріи на высокіе горы принадлежитъ къ самымъ блестящимъ и исполинскимъ подвигамъ нашихъ родныхъ героевъ Замѣтимъ, что здѣсь высоты горъ страшно высоки. Здѣсь лежитъ недавно изслѣдованная вершина колоссальнаго Ихтимана съ своей цѣпью (о чемъ мы уже имѣли случай говорить, знакомя читателей съ орографіей Болгаріи), превосходящею высотою самыя высокія вершины восточныхъ Балкановъ. Припомнимъ и неблагопріятную погоду (по словамъ телеграммъ, оттепели постоянно смѣнялись морозами) и мы поймемъ, что настоящее дѣло напоминаетъ альпійскіе подвиги Суворова. До какой степени высоки здѣсь даже площадеобразные уступы горъ—можно судить изъ того, что позиція генерала Дандевиля находится на высотѣ 3,400 фут. надъ поверхностью моря!.. Но не успѣли мы опомниться отъ изумленія по поводу мужества и доблести нашихъ войскъ, какъ телеграфъ принесъ намъ новыя извѣстія о *блестящихъ дѣлахъ* въ отрядѣ генерала *Гурко*, именно при *Златицѣ* и *Арабъ-Конакѣ*. а) Колонна Куриакова (о которой сказано выше) спустилась съ Златицкаго перевала и овладѣла расположенными здѣсь двумя деревнями *Клискій* и *Чолопичъ*, послѣ чего турки отступили въ свой укрѣпленный лагерь: въ тоже время полковникъ Комаровскій спустился къ Златицу со стороны Тетевена (т. е. съ сѣвера) и оба отряда вступили въ связь между собою.

б) Колонна генерала Эллиса заняла съ бою высоты, господствующія надъ турецкою позиціею при Арабъ-Конакѣ, къ западу отъ Софійскаго шоссе. Аттака была возобновляема три раза и, послѣ 3 аттаки, турки были отброшены съ громаднымъ урономъ, и командующія надъ Арабъ-Конакомъ высоты были нами прочно заняты Затѣмъ немедленно прибывшими подкрѣпленіями графа Шувалова эта позиція грозно укрѣплена. Бомбардированіе турецкихъ позицій Арабъ-Конакъ и Шандоринскъ начато въ тотъ же день. Интересно, что по показаніямъ взятыхъ нами въ этомъ дѣлѣ плѣнныхъ турокъ, при рабъ-Конакѣ находится самъ Мехемедъ-Али-паша. Потери наши въ этомъ дѣлѣ вообще незначительны.

На другой день послѣ этого турки энергически аттаковали нашу позицію у *Марени*, такъ что генералъ-адъютантъ *Святополкъ-Мирскій* долженъ былъ отступить къ *Елень* (къ юго-востоку отъ Тернова) и здѣсь, окруженный турками, онъ долго отбивался, но долженъ былъ отступить отъ Елены, съ значительными потерями, къ деревнѣ *Яковицы* (впереди Еленинскаго ущелья). Позиція эта укрѣплена, и Святополку-Мірскому со всѣхъ сторонъ посланы подкрѣпленія, что и остановило упорно-наступавшаго непріятеля. Въ этомъ неудачномъ дѣлѣ выбыло изъ строя около 50 офицеровъ, 1.800 нижнихъ чиновъ и потеряно 11 орудій.

Такова цѣпь послѣднихъ операцій. Онѣ сосредоточивались за прошлую недѣлю, какъ видятъ читатели, на югозападной сторонѣ, на правомъ флангѣ нашей Дунайской арміи и по направленію къ

*) Рѣка *Огостъ* или *Огустъ* течетъ западнѣе Искера и впадаетъ въ Дунай въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположено Рахово.

**) Тотъ и другой пункты расположены по линіи параллельной *Вратарницѣ-Планинѣ* и Старой-Планинѣ, о которыхъ мы говорили въ прошломъ обозрѣніи („Нива“ № 48). Берковацъ лежитъ почти на одной широтѣ съ Врацей, Бѣлградчикъ же далеко сѣвернѣе и къ востоку отъ Вратарницы-Планины.

*) На р. Искерѣ, близъ линіи Старой-Планины.

*) Врачешъ на югѣ отъ Орханіэ, и оба пункта лежатъ значительно къ западу отъ Этрополя и Златицы.

Библиотека "Руниверс"

Балканамъ. Въ прочихъ же пунктахъ театра войны, а равно и на Закавказскомъ театрѣ, не произошло ничего особеннаго.

Листъ уже былъ въ печати, когда получилось радостное извѣстіе о взятіи Плевны. Его Высочество, Главнокомандующій телеграфируетъ: «Плевна въ нашихъ рукахъ со всей арміею и Османомъ во главѣ. Сегодня, 28-го ноября, въ 7½ час. утра, вся армія Османа-паши аттаковала нашъ гренадерскій корпусъ, занимавшій линію обложенія на лѣвомъ берегу Вида, съ цѣлью пробиться; аттака была ведена съ отчаянною храбростью; часть турецкихъ войскъ врывалась даже въ наши траншеи и баттареи, но всѣ усилія непріятеля сломить нашихъ гренадеръ были напрасны

Послѣ пяти-часоваго жаркаго боя, турки были отброшены, окруженные надвинувшимися на нихъ со всѣхъ сторонъ нашими войсками. Храбрый защитникъ Плевны, Османъ-паша, во время боя раненый въ ногу, сдался въ плѣнъ со всею своею арміею. Привести въ извѣстность число плѣнныхъ и трофей пока нѣтъ возможности, могу лишь сказать, что все что было въ Плевнѣ попало въ наши руки. У насъ потери пока не приведены въ извѣстность, но для достигнутаго результата не велики. Больше всѣхъ отличились и пострадали: астраханскіе, Мои сибирскіе и самогитскіе гренадерскіе полки».

По сему случаю Петербургъ тотчасъ же украсился флагами, при Высочайшемъ Дворѣ назначено торжественное молебствіе, а ровно и во всѣхъ храмахъ города.

Заявленіе.

Альбома „Хивинскій походъ" Н. Каразина, распроданы всѣ экземпляры.

СОДЕРЖАНІЕ: Христина Нильсонъ (съ портретомъ).—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть третія. (Продолженіе).—Крестоносцы передъ Іерусалимомъ (съ рисункомъ) В. Каульбана —Гнѣздо тиачика (Piocei) (съ рисункомъ) Л.—Ходатай по дѣламъ (съ рисункомъ Таюрскаго) Д. Стахѣева.—Переправа черезъ р. Іору на Кавказѣ (съ рисункомъ профессора Мещерскаго).—Подъ Плевной (съ рисункомъ) Ор —Политическія, военныя и внутреннія извѣстія. — Заявленіе. — Русскіе типы.—Отъ редакціи. — Объявленія — При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ДЕКАБРЬ съ 36 рисунк., и отдѣльный листъ съ 26 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 39 рисунками рукодѣльныхъ работъ и 38 вензелей буквъ—инициаловъ для мѣтки бѣлья.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Д. Стахѣевъ.

Русскіе типы. IV. Продавецъ темнаго товара.
— „Золотые часики по случаю... купите: цѣна не высокая...
Ориг. рисунокъ И. Панова, грав. Вейерманъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Къ этому № прилагается для всѣхъ гг. подписчиковъ объявленіе о подпискѣ на „Ниву" въ 1878 г., заключающее въ себѣ образцы гравюръ и рисунковъ, помѣщаемыхъ въ „Нивѣ", и объясняющее тѣ цѣли и направленія, которыхъ въ теченіи восьмилѣтняго существованія неуклонно держался нашъ журналъ.

— Въ виду того, что подписчики „Нивы" достаточно знакомы съ художественными и литературными ея достоинствами Контора Редакціи имѣетъ честь покорнѣйше просить о распространеніи прилагаемаго объявленія въ окружающей ихъ средѣ, дабы способствовать такимъ образомъ ознакомленію публики съ журналомъ, назначеннымъ для семейнаго чтенія и въ теченіи восьми лѣтъ прилагающимъ всѣ усилія для выполненія этой задачи.

Обращаемъ за симъ вниманіе на наши изданія, перечисленныя въ этомъ же объявленіи, и уступаемыя подписчикамъ „Нивы" съ значительной сбавкой цѣны.

☞ Контора редакціи проситъ обратить вниманіе на то, что такъ какъ типографія не въ состояніи набирать, корректировать и печатать въ теченія дня и ночи болѣе 600 адресовъ, то посему покорнѣйше проситъ ПОСПѢШИТЬ возобновленіемъ подписки, что бы при высылкѣ первыхъ номеровъ 1878 г. не случилось задержки. ☜

ОВЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ

„МОТИВЫ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ"

(5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Сборникъ чертежей и рисунковъ фасадовъ, плановъ и деталей всякаго рода деревянныхъ и каменныхъ строеній (относящихся преимущественно до сельской архитектуры), какъ-то: проекты загородныхъ домовъ со службами, дачъ мостовъ бесѣдокъ и проч., проекты церквей, иконостасовъ, кіотъ, рисунки мебели, золотыхъ и серебряныхъ вещей и т п.

Часть рисунковъ хромолитографированныхъ.

Сборникъ выходитъ въ тетрадяхъ, отъ 4-хъ до 5-ти листовъ въ каждой, а всего въ годъ въ 12-ти тетрадяхъ 50 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ 12 тетрадей безъ доставки и пересылки. . . 8 руб.
съ доставкою или пересылкою . . . . . 6 „

Лица, желающія помѣстить въ изданіе свои произведенія, обращаются въ Редакцію въ С.-Петербургѣ: Васильевскій Островъ, набережная, противъ сквера, д. № 1—5, кв. № 6, Рейнботъ.

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ: по Невскому просп., на углу Адмиралтейской площади, въ гавиняѣ естамповъ Дациаро и въ магазинѣ Вегтрова, у книгопродавцевъ; Мелье, Мамонтова, Курбатова, Черкесова, Исакова, Вольфа и проч.

Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ магазинѣ Дациаро.

Лица, желающія пріобрѣсти „МОТИВЫ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ" за 1874, 1875, 1876 и 1877 годы обращаются съ требованіемъ въ тѣ же магазины.

Н. Ф. Кюнъ имѣетъ честь извѣстить почтенную публику, что съ 1878 года цѣны на скоровысыхаемыя масляныя краски увеличатся, противъ цѣнъ, показанныхъ въ прейсъ-курантѣ 1877 года на 40 к. за кубъ—Прейсъ-курантъ, содержащій въ себѣ 50 образцовъ и краткое объясненіе къ производству малярныхъ работъ, высылается безплатно.—СПБ. Казанская 38. № 42 5—2

„СБОРНИКЪ ПРИРОДА"

ПОДП. Ц. 12 Р., СЪ ПЕР. 13 Р. 50 К. (Безъ прил. 8 р. съ пер. 9 р.)

Изд. съ 1873 г.; 4 тома въ годъ (450 стр., 6—8 хромо- и лито-граф. и около 100 рис. въ каждомъ). Въ Сборн помѣщ. популярныя статьи по Естествозн. Этнограф., Медицинѣ, Гигіенѣ, Технолог., Сельск. Хоз., Охотѣ, Воен. и Морск. Дѣлу,—Путешествій, новѣйш. открытія, усовершенств., изобрѣт. и т. п.—Сборн. прежн. годовъ продается (въ Редакціи) по 6 р. безъ и по 10 р. за годъ съ приложеніями, а всѣ 18 томовъ (125 хромо- и лито-граф прилож., 1200 рис. въ текстѣ, премія 1876 г. «Лебоѣоъ: Домстор. времена» и 1877 г. «Лебонъ: Популярн. Физіологія», обѣ съ многоч. рис.) за 20 р. безъ (съ подп. на 1878 г. 25 р.) и 40 р. съ прилож. и преміями (съ 1878 г. 50 р.) съ перес.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ"

ПОДП. ЦѢНА 8 Р. СЪ ПЕР. 9 Р.; (½ г. 5 р. съ перес.)

Изд. съ 1874 г.; 12 кн въ годъ, съ хромо- или лито-граф. въ кажд. и мног. рис. въ текстѣ. Въ теченіи года 2 раскраш. премія. Въ Ж. Ох. помѣщ. охотн. разсказы, спец. статьи о руж. и псов. охот., о ружьяхъ, породахъ, содерж., дрессир. и лечен. собакъ, корреспонденціи, новости ох. дѣла и т. п.—Оставш. экз. Ж. Ох. съ 1874 г. (1 томъ) по 1877 г. можно выписывать (изъ редакціи) по 3 р. 50 к. за томъ, а всѣ 7 том. [42 хромо- и лито-граф., 7 прем. и особ. неч. прилож.: «Записки псов. охотника» П. М. Мачеваріанова (160 стр.) и «Тетеревъ» Л. П. Сабанѣева (100 стр.)]—за 22 р., съ подписн. на 1878 г. за 30 р. съ пер.—Подписка исключительно въ редакціи (Москва, Петровка, д. Самариной).—Примѣчаніе: Подписчики 1878 г. на оба журнала платятъ 20 р. съ пересылкою.

№ 51 4—4 Редакторъ: Л. П. Сабанѣевъ.

☞ НОВЫЙ ПРИБОРЪ РИСОВАНІЯ, ☜

посредствомъ котораго всякій, безъ малѣйшей подготовки можетъ копировать всевозможные рисунки, фотогр. карточки, акварели и пр. Особенно полезенъ для подарка дѣтямъ. Цѣна нашаго прибора (съ прилож. Новаго способа Умноженія посредств. сложенія, 1 р. съ пересылкою 2 р. Адр. въ Контору Объявленій Невскій пр. № 4 въ СПбургѣ. № 58 1

При этомъ № прилагаются для гг. иногор. подписчик. 1) объявленія отъ чайн. маг. Киселева въ Москвѣ, 2) объявленія: отъ магаз. Бетца, часов. магаз. Винтера, Альб. фабр. Шварцъ и Швейцарск. магаз. въ Спб.—всѣ четыре вмѣстѣ на одномъ листѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 3 Декабря 1877 г. Тип. Веллинга, Анич. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 50 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 12 Декабря 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ" 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23,500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать печатные редакціонные адресы отъ бандеролей, въ которыхъ получается «Нива» въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" на 1878 г.

Безъ доставки въ ПБургѣ . . . 4 р.
Съ доставкою . . . . . 5 р.
Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ книжныя магазины г. Живарева, Соловьева и Лангъ . . 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . . . 6 „

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

Императоръ Александръ I, Благословенный.

Освободитель Европы отъ Наполеоновскаго ига, Императоръ Александръ I, родился 12 декабря 1777 года. Нынѣ празднуется столѣтній юбилей рожденія этого монарха, царствованіе котораго такъ тѣсно связано съ величайшими событіями начала текущаго вѣка.

Отецъ Александра, Императоръ Павелъ I., былъ женатъ два раза. Первая его супруга, Наталія Алексѣевна, умерла черезъ 2½ года послѣ брака, и Павелъ женился за тѣмъ на дочери принца Фридриха Евгенія Виртембергскаго, нареченной въ православіи Маріею Ѳеодоровной, и этотъ второй бракъ былъ благословенъ рожденіемъ Александра.

Царствовавшая тогда Императрица, Екатерина II обратила на своего родившагося внука истинно материнскую любовь и нѣжность. Лишь только явился на свѣтъ будущій освободитель народовъ—Екатерина приняла его на руки, и послѣ купанья малютки сама перенесла его въ другую комнату и положила на большую подушку. „Я позволяла не иначе запеленать его, — говорит.. сама Екатерина въ письмѣ къ Густаву III,—какъ по способу, который можно видѣть на прилагаемой куклѣ". Великая бабушка Александра особенно заботилась о купаньи своего внука и о температурѣ воды, назначаемой для этой цѣли. Отъ этого Александръ на всю жизнь сохранилъ любовь къ купанью, такъ что, по словамъ современниковъ, не могъ равнодушно видѣть воды.

Императоръ Александръ I, Благословенный.
Столѣтіе со дня его рожденія—12 декабря 1877 г. Грав. Вейерманъ.

Черезъ 2 года послѣ рожденія Александра у императора Павла родился другой сынъ, Константинъ, тоже служившій предметомъ нѣжныхъ попеченій Екатерины, — однакожь привязанность къ Александру была у державной бабки далеко сильнѣе привязанности къ младшему внуку. Этой преимущественной привязанности, впрочемъ, соотвѣтствовали и высокія умственныя способности малютки - Александра, и его привлекательная наружность. Братья, однакоже, воспитывались вмѣстѣ подъ неусыпнымъ надзоромъ державной бабки, которая сама выбирала для внуковъ учителей и руководителей вообще и сама руководила всею системой воспитанія. Гувернанткой великихъ князей была баронесса Ливенъ. Затѣмъ былъ приставленъ графъ Салтыковъ. Послѣднему Екатерина вручила собственную свою особую инструкцію воспитанія, со-

Библиотека "Руниверс"

ставленную по идеямъ философа Локка и Ж. Ж. Руссо. Инструкція эта отличалась особою подробностью. Въ ней даже были перечислены „нарочитыя книжицы", составленныя самою Екатериною для первоначальнаго чтенія внукамъ. Таковы, напримѣръ, сказки о царевичахъ „Хлорѣ" и „Февеѣ" (Фебѣ—красномъ солнышкѣ). Задача Салтыкова состояла только въ руководженіи нравственнымъ образованіемъ великихъ князей. Для научнаго же развитія внуковъ Екатерина избрала образованнаго швейцарца Фридриха цезаря *Лагарпа*, извѣстнаго въ нашей исторіи болѣе подъ именемъ Петра Ивановича Лагарпа.

Лагарпъ имѣлъ огромное вліяніе на складъ понятій и вообще развитіе Александра. *) Особенно важны были для царственнаго воспитанника Лагарповы воззрѣнія на исторію, на политическое развитіе древнихъ и новыхъ государствъ. Лагарпъ былъ истый сынъ своего времени, т. е. конца XVIII вѣка, когда въ первый разъ произвели на европейское общество такое глубокое впечатлѣніе идеи о свободѣ и равенствѣ, высказанныя Руссо и другими мыслителями. За симъ, кромѣ Лагарпа, изъ другихъ учителей Александра, I мы должны упомянуть: *Крафта* (преподавалъ экспериментальную физику) знаменитаго академика *Палласа* (ботаника), гуманнаго М. Н. Муравьева, **) (русская исторія и русск. языкъ). Въ нашей Импер. Публичной Библіотекѣ сохраняются учебныя тетради Александра I, изъ которыхъ видно, что первыми его упражненіями по русскому языку были перифразы идиллій.

Но лишь Александру I минуло 15 лѣтъ отъ роду, какъ образованіе его было закончено. Графу Румянцову (сыну извѣстнаго героя Задунайскаго) былъ порученъ выборъ при европейскихъ дворахъ невѣсты для великаго князя. Выборъ этотъ палъ на 17 лѣтнюю баденскую принцессу, Луизу Марію Августу, которая и пріѣхала въ Петербургъ въ 1792 г. вмѣстѣ съ своею сестрой. Въ 1793 г. вопросъ о бракосочетаніи Александра съ принцессою Луизою былъ уже рѣшенъ; въ томъ же году совершенъ былъ обрядъ миропомазанія, и невѣста наречена Елизаветою Алексѣевной.

Въ 1796 году, какъ извѣстно, послѣдовала смерть Екатерины II. Александру минуло въ это время 19 лѣтъ. Новый порядокъ вещей, водворившійся со вступленіемъ на престолъ Павла I, не согласовался съ высшей степени гуманною и чувствительною натурою Александра. Въ тяжелыя для себя минуты онъ переписывался съ своимъ любимымъ воспитателемъ Лагарпомъ, чтобы облегчить свою душу. Благодаря строгой выправкѣ и воинскимъ порядкамъ, введеннымъ при Павлѣ, Александръ долженъ былъ разстаться съ своими прежними друзьями. Какъ старшій сынъ императора и какъ наслѣдникъ Россійскаго престола, онъ долженъ былъ пройдти трудную школу сношеній и наружной дружбы съ людьми, которыхъ онъ не любилъ и не могъ любить. Какъ глубоко страдалъ въ это время царственный юноша,—видно изъ немногихъ словъ одного его письма къ Лагарпу. „Капрала у насъ предпочитаютъ,—писалъ Александръ, человѣку образованному и полезному". Четыре года такой жизни наложили на благородную душу будущаго императора особую печать. Обладая въ высшей степени чуткимъ сердцемъ, преклоняясь предъ всѣмъ великимъ, святымъ и благороднымъ на землѣ, глубоко принимая къ сердцу слезы и страданія людей и особенно порабощенныхъ и притѣсненныхъ—Александръ I рано долженъ былъ познакомиться съ горькой необходимостью подчиняться ходу обстоятельствъ. Всѣ великія и незабвенныя изреченія Александра I обличаютъ именно этотъ внутренній трагизмъ его души, это страданіе, при видѣ невозможности безотложно и скоро удовлетворить стремленіямъ своего сердца.

Это постоянное психическое настроеніе Александра усложнилось еще и тѣмъ, что именно въ это время европейскому міру суждено было видѣть величайшія политическія потрясенія и попранія правъ народовъ и государствъ Наполеономъ I. Бѣдствія разорительныхъ войнъ были такъ громадны, что снять ихъ тяжесть не могъ бы даже самый могущественный и самоотверженный филантропъ. Нужно было предоставить дымящіяся раны постепенному и медленному излеченію. Глубокій урокъ былъ у всѣхъ передъ глазами. Сама стремившаяся къ свободѣ Франція подпала подъ иго. У насъ царило крѣпостное право, господствовали грабежи, воровство, въ широкихъ размѣрахъ разнообразныя административныя злоупотребленія; цѣлыя тысячи населенія умирали съ голоду. Сердце человѣколюбиваго Императора разрывалось при слухахъ о такихъ бѣдствіяхъ, и потому понятно, что въ письмахъ къ Лагарпу и въ разговорахъ съ нимъ у него вырывались самыя горькія жалобы на дѣйствительность, которую нельзя измѣнить, которой нельзя помочь, которую нельзя отвратить... Но, какъ мы сказали, и въ самой Европѣ приниженной разорительными войнами положеніе вещей было далеко не лучше, хотя и въ другой формѣ.

Императоръ Павелъ, скончался 11 марта 1801 г. Александръ дѣлается Императоромъ. Всеобщій восторгъ встрѣтилъ это событіе.

Вступивъ на престолъ, Александръ I объявилъ въ манифестѣ, что онъ желаетъ управлять государствомъ „по законамъ и сердцу Екатерины". Весьма понятно, что прежніе друзья Александра, находившіеся въ опалѣ въ царствованіе Павла, должны были возвратиться. Съ помощію ихъ Императоръ замышлялъ произвести желанныя его сердцу реформы и преобразованія. Даровитый *Кочубей*, при Павлѣ жившій вдали отъ столицы, былъ призванъ изъ своего имѣнія, *Новосильцевъ*—изъ Лондона и Адамъ *Чарторыйскій*—изъ Италіи. Затѣмъ къ этой же группѣ даровитыхъ, гуманныхъ и либеральныхъ друзей присоединились *М. Н. Муравьевъ* и графъ *П. Строгоновъ*. Окруженный этимъ сонмомъ совѣтниковъ, Императоръ вскорѣ издалъ рядъ указовъ разнообразнаго содержанія, но, по духу и характеру, милостивыхъ. Нѣсколько тысячъ человѣкъ были возвращены изъ ссылки, изъ крѣпости, изъ подъ ареста; уничтожены были висѣлицы, до сихъ поръ, къ ужасу мирныхъ гражданъ, красовавшіяся на площадяхъ большихъ городовъ; относительно полиціи завреценъ былъ произволъ, до тѣхъ поръ практиковавшійся во всей силѣ. Дозволено было открывать типографіи, печатать книги и ноты. Доставлена свобода торговлѣ, т. е. отмѣнено запрещеніе провозить въ Россію и вывозить изъ нея всякіе товары; освобождены отъ тѣлеснаго наказанія священники и діаконы; назначенъ ежегодный отпускъ денегъ на содержаніе Россійской Академіи Наукъ и Вольно-Экономическому Обществу; наконецъ строго запрещена пытка. Въ подлинномъ указѣ объ этомъ говорится: „Самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, навсегда да будетъ изглажено изъ памяти народной". Всѣ эти указы были изданы немедля, какъ безотлагательная потребность, еще до коронаціи Императора,—и такое начало царствованія, сопровождавшееся такимъ актомъ милости и любви къ подданнымъ, возбудило къ молодому монарху любовь и почти безграничный энтузіазмъ всего народа, и когда Александръ пріѣхалъ въ Москву на коронацію, то населеніе древней столицы встрѣтило его съ безграничнымъ восторгомъ. Очевидецъ тогдашнихъ событій, г. Вигель, говоритъ, что во время прогулокъ Императора по Москвѣ не было ни крика ни шума; народъ какъ будто боялся оскорбить своего „батюшку". Сквозь легкій шопотъ только раздавались слова: „батюшка! родной ты нашъ! красное ты наше солнышко!" Произносились всѣ нѣжныя названія, какія существуютъ въ нашемъ простонародномъ языкѣ. Лучшей награды за свою любовь къ народу молодой Императоръ не могъ ожидать. Толпа тѣснилась. Старики, женщины, дѣти цѣловали лошадь Александра, его сапоги, цѣловали со слезами благоговѣнія и набожностью. Коронація совершилась 15 сентября 1801 г. Въ Успенскомъ соборѣ пѣвчіе встрѣтили Государя великолѣпнымъ пѣніемъ концерта изъ псалма „*Милость и судъ воспою тебѣ Господи*", такъ прекрасно гармонировавшаго съ настроеніемъ самаго вѣнчаннаго царя и народа. По выходѣ новокоронованнаго монарха изъ собора, „ура" десятковъ тысячъ голосовъ загремѣло и зазвенѣли тысячи колоколовъ, что, при яркомъ освѣщеніи солнца, по словамъ очевидца, произвело невыразимое впечатлѣніе.

При вступленіи на престолъ Александра I, всѣ отрасли нашего государственнаго управленія были въ крайнемъ безпорядкѣ: вездѣ царилъ произволъ, такъ что Императоръ вскорѣ потомъ писалъ Лагарпу: „*Непостижимо, что происходитъ: всѣ грабятъ; почти не встрѣчаешь честнаго человѣка. Это ужасно*". До какой степени царило нарушеніе законовъ, видно изъ достовѣрнаго преданія о просьбѣ одной княгини, обращавшейся къ Государю съ незаконными вымогательствами. „Вы все можете сдѣлать, Государь! говорила просительница. Вы выше закона". На это Императоръ отвѣчалъ: „*Еслибы Я даже могъ нарушить законъ, то не захотѣлъ бы того, потому что признаю только власть, основанную на законахъ*". Самое зданіе государственной администраціи было „*безобразно*", какъ выражался самъ Александръ... При такомъ положеніи дѣла даже для самыхъ реформъ нужны еще были подготовительныя работы. Нужно было удалить подгнившіе столбы и кучи мусора, чтобы они не обрушились и не задавили самихъ зодчихъ. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано. Въ маѣ 1801 г. Александръ образовалъ комитетъ изъ своихъ друзей: *Кочубея*, *Строгонова*, *Новосильцева* и *Чарторыйскаго*. Послѣдніе трое составляли знаменитый тріумвиратъ, названный Императоромъ въ шутку „Comité du Salut public". Весь ходъ совѣщаній этого комитета записывался графомъ Строгоновымъ. Прекратились засѣданія комитета въ концѣ 1803 года. Результатомъ этихъ совѣщаній были многочисленныя преобразованія. Рѣшено было начать съ Сената, съ его коренной реформы. Указъ о преобразованіи Сената произвелъ въ то время громадное впечатлѣніе. Послѣ многихъ и жаркихъ споровъ, послѣ предложеній разныхъ сенаторовъ предоставить этому учрежденію даже право *совершить смертную казнь* безъ согласія Государя и самостоятельно располагать доходами, дѣло было рѣшено въ слѣдующемъ смыслѣ: 1) Сенатъ есть верховное мѣсто имперіи; 2) власть его ограничивается только властью Государя: 3) въ Сенатѣ предсѣдательствуетъ Государь; 4) указы Сената исполняются наравнѣ съ указами Государя и только одинъ Государь можетъ остановить ихъ исполненіе; 5) за несправедливость жалобы Государю на Сенатъ виновные предаются суду. Отъ опредѣленія правъ Сената естественно было перейдти къ мысли объ *учрежденіи*

*) О Лагарпѣ самъ Александръ говаривалъ; „Я обязанъ ему всѣмъ, что во мнѣ есть хорошаго, и всѣми моими познаніями".

**) Какъ писатель, онъ извѣстенъ нѣкоторыми переводами иностранныхъ піесъ и подражаніями классикамъ, напр. *Виргилію* и проч.

Библиотека "Руниверс"

министерствъ. Планъ учрежденія министерствъ подвергся подробному разсмотрѣнію Лагарпа, — и Воронцова, которые и одобрили его. Министерствъ было учреждено 8. 1) Военныхъ и сухопутныхъ силъ (министръ *Вязмитиновъ*); 2) морскихъ силъ (*Мордвиновъ*); юстиціи (*Державинъ*): 4) коммерціи (графъ *Румянцевъ*); 5) иностранныхъ дѣлъ (графъ *Воронцовъ*); 6) внутреннихъ дѣлъ (*Кочубей*); 7) финансовъ (*Васильевъ*); 8) народнаго просвѣщенія (графъ *Завадовскій*). Всѣ министры считались вмѣстѣ съ тѣмъ и членами Государственнаго Совѣта и присутствовали въ Сенатѣ. Комитетъ Министровъ сталъ собираться въ личномъ присутствіи Александра I, два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, во внутреннихъ покояхъ Императорскаго Дворца. Результатами учрежденія министерствъ Императоръ остался доволенъ, и уже послѣ полутора мѣсяца дѣятельности министерствъ, въ 1802 году, отъ 25 октября писалъ къ Лагарпу: „Дѣла отъ этого (отъ учрежденія министерствъ) пріобрѣли болѣе ясности и методы, и я знаю тотчасъ, съ кого взыскать, если что нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ"...

Засимъ, мы знаемъ, что еще въ предварительныхъ засѣданіяхъ комитета самъ Императоръ поднималъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Гуманный Лагарпъ и Мордвиновъ, возмущенные приведенными фактами жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами, одобряли мысль монарха и горячо принялись разсматривать возможность ея осуществленія въ практическомъ отношеніи. Въ концѣ концовъ, однако, рѣшено было только „облегчить участь крѣпостныхъ крестьянъ", такъ какъ полное освобожденіе „вѣковыхъ рабовъ" еще не было своевременнымъ. Министръ Юстиціи Державинъ и графъ Растопчинъ, одобряя въ принципѣ мысль объ освобожденіи, считали, однако, его практически неосуществимымъ; напротивъ, видѣли въ крѣпостничествѣ *„средство дисциплины и порядка"*. Къ этой мысли примкнулъ и просвѣщенный Мордвиновъ. Мѣры облегченія участи крѣпостныхъ крестьянъ, выработанныя комитетомъ, состояли въ томъ, что: а) отъ жестокихъ помѣщиковъ рѣшено было отнимать крестьянъ и имѣнія ихъ брать въ опеку, а самихъ помѣщиковъ заключать въ монастырь на покаяніе; б) губернскимъ дворянскимъ собраніямъ предписывалось судить жестокихъ помѣщиковъ; засимъ, далѣе, в) добровольное освобожденіе крестьянъ какимъ-либо помѣщикомъ одобрялось какъ дѣло гуманное и достойное подражанія. Строго запрещались возмутительныя объявленія о *продажѣ* крестьянской прислуги, дѣлаемыя въ газетахъ, и этимъ фактически прекращалось право надъ личностью. Крестьянамъ, скопившимъ состояніе, позволялось открывать фабрики и заводы, каковое право принадлежало до того только дворянству и купечеству. Правда, этими немногими пунктами и исчерпывались мѣры облегченія участи „вѣковыхъ рабовъ". Но если мы примемъ въ разсчетъ массу тогдашнихъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ, если вспомнимъ, что на тогдашнемъ языкѣ даже образованныхъ помѣщиковъ „владѣть" крестьянами и „сѣчь" ихъ считалось за одно и тоже,—то мы должны признать и въ вышеприведенныхъ *трехъ* пунктахъ громадный шагъ къ великому дѣлу освобожденія. Современному царствованію нашего Великаго Монарха, тезоименитаго своему державному дядѣ, суждено было блистательно завершить великое дѣло освобожденія, основный камень которому положенъ былъ при Александрѣ I. Въ этомъ смыслѣ настоящее царствованіе имѣетъ тѣсную внутреннюю связь съ царствованіемъ Александра I.

Въ близкомъ соотношеніи съ ссылаемыми указанными проектами и реформами находились и первыя попытки составить „Уложеніе", на подобіе европейскихъ современныхъ уложеній, могшее сдѣлать преграду всякой незаконности и произволу. Для этой цѣли составлена была коммисія подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, изъ 48 образованныхъ въ юридическомъ смыслѣ чиновниковъ, съ сжегоднымъ содержаніемъ имъ въ 100,000 рублей. Императоръ такъ горячо интересовался результатами занятій коммисіи, что ему давали ежемѣсячный отчетъ о ходѣ ея занятій. Для большаго успѣха дѣла за совѣтами обратились къ тогдашнему знаменитому европейскому юристу Іереміи Бенгаму, этому истому сыну XVIII вѣка, послѣдователю Монтескье, Беккарія и Гельвеція. Утилитаристическое ученіе Бентама извѣстно: онъ училъ, что законодательство каждаго народа должно заботиться не столько о карѣ и наказаніи, сколько о *предупрежденіи преступленій*. Поклонниками идей Бентама у насъ были *Мордвиновъ* и *Сперанскій*, государственная дѣятельность котораго собственно и началась съ царствованія Александра. Затѣмъ были переведены: „Изслѣдованіе причинъ богатства народовъ" *Адама Смита*, на каковое дѣло Самъ Императоръ выдалъ изъ Своего кабинета переводчику 5,000 рублей. Книга *Беккарія* „О преступленіяхъ и наказаніяхъ" и *Монтескье* „Духъ законовъ "(L'Esprit des Lois). Самъ Императоръ составилъ начало уложенія на французскомъ языкѣ (Code général) 1-е отдѣленіе 1-й части Уложенія.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ министерствъ являются и ревностныя заботы о народномъ просвѣщеніи. Въ этомъ отношеніи царствованіе Александра составляетъ эпоху, не имѣющую себѣ примѣра вообще въ исторіи нашей русской культуры. Министерство народнаго просвѣщенія явилось истиннымъ свѣточемъ въ этомъ смыслѣ. Въ вѣдѣніи министерства находились тогда: *Главное Управленіе Училищъ* или *Коммисія училищъ*, *Академія Наукъ* и *Россійская Академія*. Предположено было основать 3 университета, именно Петербургскій, Казанскій и Харьковскій, сверхъ 3-хъ бывшихъ прежде: Московскаго, Дерптскаго и Виленскаго, такъ что число университетовъ на всю Имперію было уже 6-ть. Соотвѣтственно этому, Имперія раздѣлялась на 6-ть учебныхъ округовъ, каждый съ своимъ попечителемъ. Затѣмъ открыты были *гимназіи* и *низшія народныя училища*, хотя въ преподавателяхъ, особенно для гимназій, былъ крайній недостатокъ *). Для этой цѣли гимназіи предположено было открывать постепенно и только въ многолюдныхъ городахъ, по мѣрѣ того, какъ университеты будутъ съ своей стороны подготовлять учителей для гимназій. Самъ Государь ассигновалъ на содержаніе всѣхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія сумму въ *2 милліона рублей*; засимъ другимъ университетамъ тоже были подарены Императоромъ или кабинеты рѣдкостей, или учебныя пособія, или, наконецъ, деньги на разныя постройки. Примѣръ Императора возбудилъ подражаніе и въ подданныхъ. Съ этихъ поръ начинаются у насъ пожертвованія, со стороны частныхъ лицъ, огромныхъ капиталовъ для учебныхъ и образовательныхъ цѣлей. Важнѣйшія пожертвованія въ этомъ смыслѣ принадлежали Демидову и Безбородко, первый пожертвовалъ 1½ милліона на разные университеты, второй сдѣлалъ богатыя приношенія для Нѣжинскаго лицея. Затѣмъ, благодаря просвѣщенному попеченію императора, весьма значительно поощрялась литература. Служащіе получали за свои литературные труды пенсіи, ордена и чины, а не служащіе—перстни, табакерки или же деньги на печатаніе своихъ произведеній. Часто полезныя рукописи печатались на счетъ Императорскаго кабинета. Напримѣръ, изъ кабинета для таковой цѣли за одинъ 1802 годъ выдано 160,000 рублей. Только при такомъ положеніи дѣла было возможно развитіе такого громаднаго таланта, какъ Карамзинъ, этотъ возродитель нашей новой литературы и родоначальникъ нашей публицистики, такъ какъ Карамзинъ сталъ издавать (съ 1802 г.) первый у насъ въ европейскомъ смыслѣ журналъ „Вѣстникъ Европы" и за симъ по совѣту и при горячемъ содѣйствіи М. Н. Муравьева (одного изъ наставниковъ Александра I) могъ рѣшиться на безпримѣрный до того времени трудъ—написаніе *„Исторіи Государства Россійскаго"*, по выраженію самого автора, исторіи „не варварской и не постыдной для царствованія Александра I."

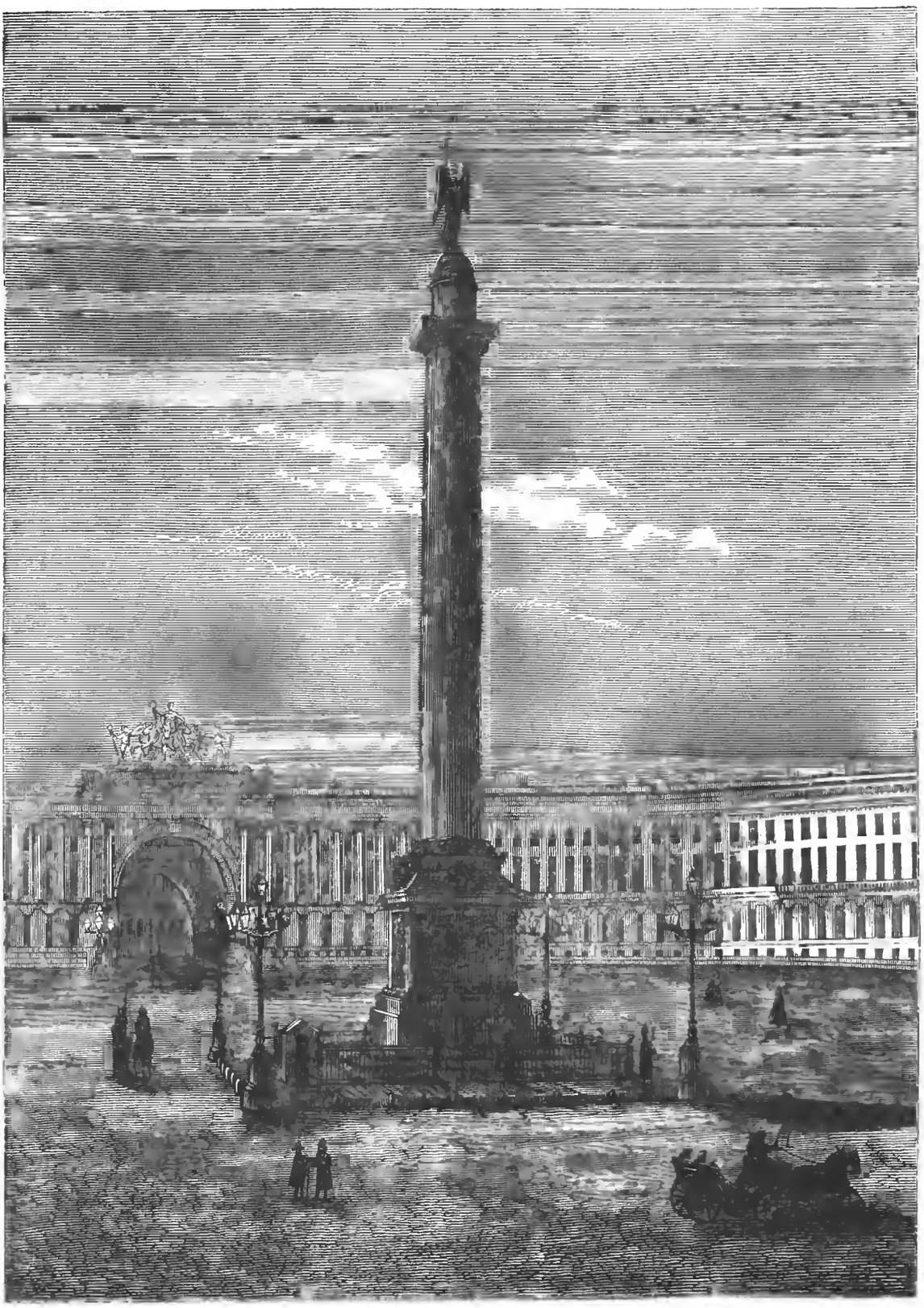
Намъ еще нужно дополнить перечень важныхъ образовательныхъ, научныхъ и культурныхъ учрежденій, которымъ положилъ начало Александръ. Первое мѣсто въ этомъ перечнѣ долженъ занять Царскосельскій лицей, гдѣ воспитывался нашъ Пушкинъ; затѣмъ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, инженерную, артиллерійскую и кораблестроительную школы, школу *для колонновожатыхъ* (весьма важную для образованія тогдашнихъ офицеровъ и закрытую только въ 1840 г.) институты для изученія восточныхъ языковъ. Затѣмъ нужно поставить на видный планъ состоявшееся при Александрѣ усовершенствованіе С.-Петербургской медико-хирургической академіи. О благотворительныхъ учрежденіяхъ нечего и говорить: они процвѣтали при Александрѣ, подъ руководствомъ его державной матери Маріи Ѳеодоровны и супруги Елисаветы Алексѣевны. Затѣмъ и вооруженія нашихъ войскъ,—особенно послѣ Тильзитскаго мира,—достигло европейскаго совершенства по тогдашнему времени.

За симъ—эпохѣ же Александра обязано своимъ появленіемъ „Московское Общество Исторіи и Древностей", основанное въ 1804 г. по мысли Шлёцера для подготовки къ всестороннему изученію отечественной нашей исторіи. „Общество" это открыто М. Н. Муравьевымъ, о которомъ мы упомянули выше. Точно также, благодаря дѣятельнымъ заботамъ Александра о развитіи нашей промышленности, наши русскіе моряки совершили *первое* (русское) кругосвѣтное плаваніе подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Крузенштерна и Лисянскаго, имѣвшее до такой степени громадное значеніе для науки, что описаніе его, изданное на русскомъ языкѣ въ 1809 г., было переведено на всѣ европейскіе языки. Наконецъ, при Александрѣ же обстроился и Петербургъ и получилъ истинно-европейскую наружность и значительныя постройки (напр. Казанскій соборъ) и скульптурныя художественныя произведенія исполнены преимущественно русскими архитекторами и художниками. (*Воронихинъ*, строитель Казанскаго собора, *Екимовъ*, скульпторъ). Русское искусство получило широкое развитіе. При Александрѣ же получила начало и наша русская школа живописи, родоначальниками которой были: *Мартосъ*, графъ *Толстой*, *Егоровъ*, *Шебуевъ*, *Варнекъ*, *Воробьевъ*, *Кипренскій*, *Уткинъ*. Въ области изящной литературы съ блескомъ подвизались, кромѣ тогдашняго главы литературы, Карамзина, *Дмитріевъ*, *Озеровъ*, *Крыловъ*, *Батюшковъ* и только что начинавшій свое великое поприще Пушкинъ. Надо однако, сказать, что всѣ эти таланты были возваны къ жизни общимъ движеніемъ въ первую половину царствованія Александра.

Мы въ нашемъ краткомъ очеркѣ должны были подробнѣе остановиться именно на *первомъ* періодѣ дѣятельности Але-

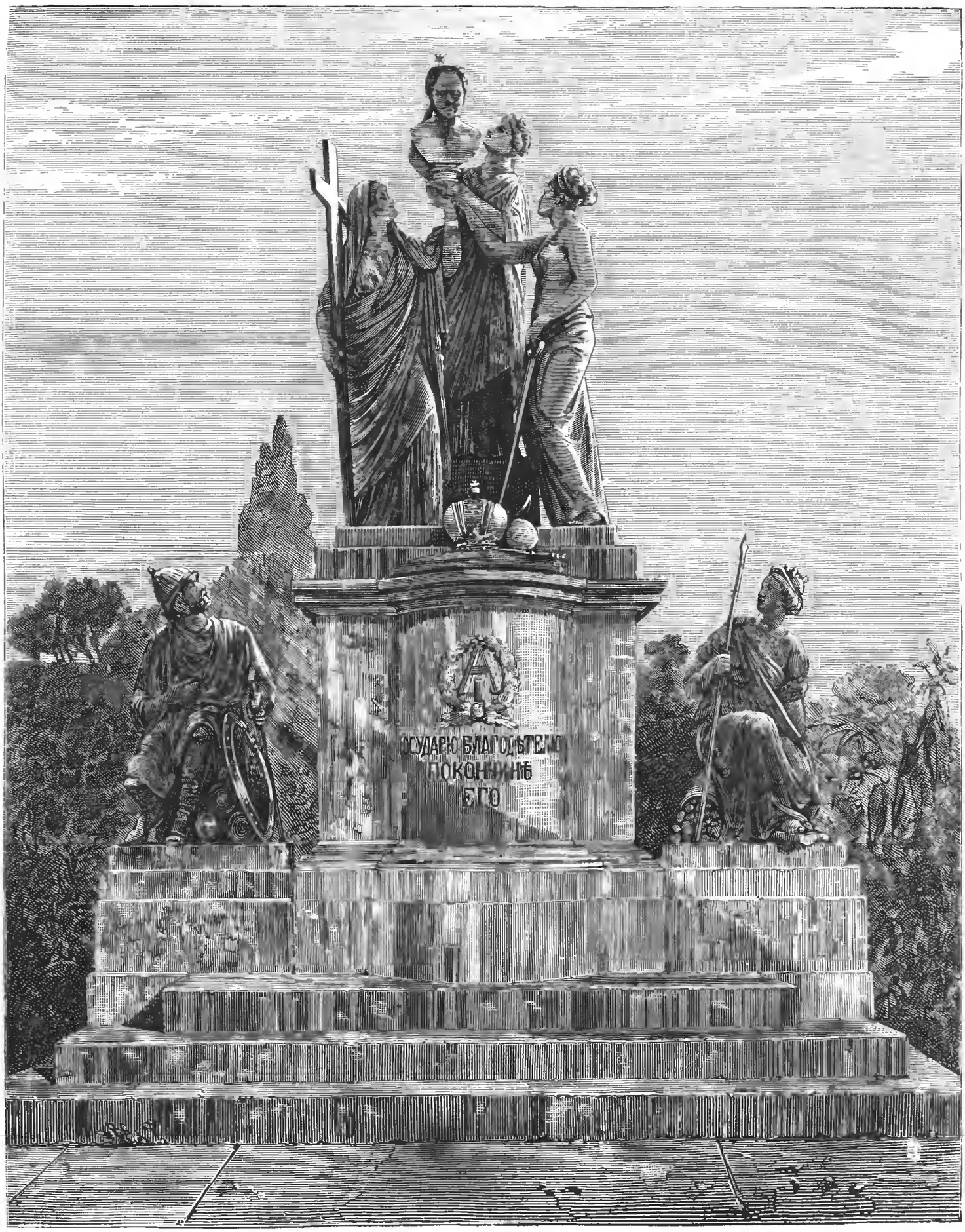
*) Однакоже было открыто во всей Имперіи болѣе 100 гимназій и болѣе 2,000 элементарныхъ школъ и 58 духовныхъ семинарій для приготовленія образованныхъ священнослужителей.

Библиотека "Руниверс"



Столѣтіе со дня рожденія Императора Александра I: Александровская колонна въ С.-Петербургѣ. Грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"



Столѣтіе со дня рожденія Императора Александра I: Памятникъ Императору Александру I въ селѣ Грузинѣ, въ имѣніи графа Аракчеева. Грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

ксандра I, въ первые годы до войнъ съ Наполеономъ, естественно отвлекшихъ вниманіе Монарха отъ внутренней культурной дѣятельности. Соотвѣтственно нашей цѣли—очертить главнѣйшіе факты внутренней просвѣтительной дѣятельности Александра и руководившіе имъ при этомъ мотивы,—мы точно также должны упустить обстоятельства войнъ съ Наполеономъ.

Извѣстна всѣмъ рѣшимость Александра *„не класть въ ножны меча, пока ни одного врага не останется въ Русскомъ Царствѣ"*. При такой самоотверженной рѣшимости Александра бороться *заодно* съ народомъ до послѣднихъ силъ, становятся весьма понятными слова его, что, въ случаѣ покоренія Бонапартомъ Россіи, онъ уйдетъ въ пустыни Сибири и *отроститъ бороду*, но незаключитъ съ нимъ мира.

Послѣ 1812-го года въ нашемъ обществѣ является сильная борьба элемента консервативнаго, охранительнаго, твердо стоявшаго за старые порядки, и элемента либеральнаго, стремившагося прямо пересадить свободныя европейскія учрежденія на нашу почву къ чему первымъ шагомъ считалось, разумѣется, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостничества.

Александръ въ глубинѣ души остался вѣренъ либеральнымъ и гуманнымъ идеямъ, въ которыхъ былъ воспитанъ. Это видно изъ того, что, не смотря на ретроградные голоса Аракчеева, Магницкаго, архимандрита Фотія, Шишкова и многихъ другихъ, онъ вызвалъ снова въ Петербургъ Сперанскаго (удаленнаго въ 1812 г.), для продолженія работъ по уложенію, по образцу кодекса Наполеона, столь ненавистнаго Карамзину. Сперанскій, пользуясь благоволеніемъ императора, ревностно принялся за работу, конечно не безъ нападокъ и нареканій. Болѣе всего вооружался противъ Уложенія Трощинскій, этотъ умный и даровитый государственный человѣкъ, но лишенный образованія, и, конечно, ненавидѣвшій Европу. Трощинскій не безъ наивности, утверждалъ, что Уложеніе, подражающее Наполеоновскому кодексу будетъ содѣйствовать революціонной пропагандѣ. *„Россійское Библейское Общество"*, пострадало отъ обскурантизма и преслѣдованій Аракчеева и Магницкаго. Послѣдній наложилъ свою тяжелую руку на литературу, и никогда цензура не преслѣдовала всякое проявленіе мысли въ печати, какъ именно въ это время. Единственное отрадное исключеніе изъ цензурнаго преслѣдованія составляетъ появлявшаяся тогда постепенно въ свѣтъ „Исторія Государства Россійскаго" Карамзина, но и то только потому, что авторъ былъ огражденъ титуломъ *„императорскаго"* Исторіографа и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ государя.

Знаменитое село Грузино, вмѣстѣ съ баронскимъ достоинствомъ и орденами Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго, Аракчеевъ получилъ еще отъ императора Павла. При этомъ на баронскомъ гербѣ самъ императоръ написалъ получившій громкую извѣстность—девизъ Аракчеева *„безъ лести преданъ"*. Грузино Аракчеевъ получилъ съ 2,000 душъ. Это село было и мѣстомъ ссылки Аракчеева во время опалы и мѣстомъ отдыха въ періодъ могущества этого временщика нашей новой исторіи. Аракчеевъ называлъ себя „пустынникомъ" и дѣйствительно напоминалъ суроваго Тристана-отшельника. Императоръ Александръ пріѣзжалъ въ Грузино къ своему любимцу запросто, въ качествѣ гостя, для отдыха и откровенной бесѣды. Снисходительность, дружбу и любовь императора къ суровому, бездушному и часто безчеловѣчному графу понять весьма легко. Преданность Аракчеева Александру, дѣйствительно, была глубоко искренна. Въ смыслѣ этой искренности и любви къ глубоко страдавшему отъ льстецовъ-мистиковъ Монарху, Аракчеевъ стоялъ гораздо выше цѣлой толпы. Грубый солдатъ, близорукій отъявленный ретроградъ, лишенный всякой проницательности, онъ признавалъ, что только строгая дисциплина введетъ „порядокъ и благополучіе" въ Россіи. Затѣянныя имъ въ обширныхъ размѣрахъ военныя поселенія потерпѣли плачевное фіаско, именно вслѣдствіе слишкомъ звѣрской дисциплины и узкаго близорукаго осуществленія плана. Но собственно цѣли этого учрежденія совсѣмъ не такъ ошибочны. Не разлучать солдата съ женой и дѣтьми, избавить его отъ печальной перспективы пролетаріата—вещь, конечно, весьма почтенная достойная похвалы. Вотъ почему планъ устройства поселеній до нихъ осуществленія могъ быть безусловно одобренъ и его дѣйствительно вполнѣ одобряли всѣ, желавшіе улучшенія солдатскаго быта. Идея, стало быть, хороша, а исполненіе ужъ дѣло Аракчеева. Но онъ искусно умѣлъ скрывать отъ пріѣзжавшаго къ нему друга-императора стоны и рыданія страдавшихъ крестьянъ. Интересенъ фактъ, доказывающій до какой степени Александръ любилъ грузинскаго пустынника. Одинъ изъ крестьянъ, Аракчеева, доведенный до крайности звѣрствами своего господина и его любовницы Настасьи (въ жестокости превосходившей самаго Аракчеева), зарѣзалъ послѣднюю. Узнавъ объ этомъ несчастіи Аракчеева изъ его собственнаго письма, императоръ почувствовалъ себя дурно...

Представляя намъ собою воспоминаніе о суровомъ временщикѣ, какимъ былъ Аракчеевъ, Грузино останется для насъ интереснымъ памятникомъ гощенія Александра у своего подданнаго. Многіе предметы здѣсь напоминаютъ Александра, между прочимъ памятникъ, воздвигнутый императору Аракчеевымъ, съ надписью: *„Возвеличилъ Россію, спасъ Европу!"* Замѣтимъ здѣсь кстати, что Аракчеевъ, умирая, завѣщалъ значительный по тому времени неприкосновенный капиталъ, проценты съ котораго назначилъ для гонорара за лучшее сочиненіе по исторіи царствованія императора Александра. Срокъ присужденія этого гонорара еще не наступилъ до сихъ поръ и капиталъ вложенный, Аракчеевымъ, увеличился отъ % до нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей.

Во время одного изъ своихъ путешествій въ Крымъ, Александръ сильно заболѣлъ желчною лихорадкою и, доѣхавъ до Таганрога, тихо скончался здѣсь на рукахъ своей супруги 19 ноября 1825 г. Исторія назвала его „Благословеннымъ".

М. Стр...

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть Вс. Соловьева

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

На слова Елизаветы юный Императоръ отвѣтилъ:

— Ахъ, Лиза! знаю я, знаю, что ты можешь упрекать меня, знаю, что не правъ передъ тобою. Прости меня, ради Бога! Видишь ли! сначала мнѣ было такъ тяжело, я такъ любилъ тебя, Лиза, а ты отъ меня отвертывалась, ну и... сердился я на тебя конечно. И больно, больно мнѣ было видѣть тебя: при тебѣ мнѣ становилось хуже. А потомъ... потомъ, Лиза, со всѣхъ сторонъ мнѣ про тебя дурное стали говорить, убѣждали.

— И ты повѣрилъ, грустно усмѣхнулась она.

— Повѣрилъ Лиза, смущеннымъ тономъ тихо отвѣтилъ Петръ.

— Ну, я не сержусь на тебя, положила она свои руки ему на плечи,—Богъ съ тобою, вѣрь если хочешь! Сама не знаю что дурное дѣлаю, у каждаго свой взглядъ на дурное или хорошее, можетъ есть гдѣ нибудь и дурное. Знай только одно, голубчикъ мой Петя, что часто о тебѣ я плакала, часто мнѣ хотѣлось видѣть тебя, поговорить съ тобой, и чего боялась я, то и случилось. Но скажи мнѣ, скажи все не скрывая, можетъ теперь на всемъ свѣтѣ одинъ только другъ у тебя и есть—это я.

Какъ въ прежніе далекіе дни придвинулъ Императоръ бархатную скамеечку къ креслу Елисаветы, опустился на эту скамеечку и положилъ свою усталую голову на колѣни красавицы тетушки.

— Страшно мнѣ, Лиза, тяжело мнѣ, не люблю я моей невѣсты. Никогда никого не любилъ я кромѣ тебя. Помнишь ты княжну Меншикову, помнишь ты какъ смотрѣлъ я на нее—ну вотъ и теперь то же самое. Точно также противна мнѣ становится моя новая невѣста.

— Господи! Да зачѣмъ же ты сдѣлалъ ей предложеніе? Вѣдь никто же силой не заставилъ тебя.

— Не силой, а заставили.

И онъ подробно разсказалъ цесаревнѣ все, что съ нимъ было. Онъ не винилъ Долгорукихъ, не винилъ и княжну. Онъ до сихъ поръ былъ увѣренъ, что съ ихъ стороны не было ничего заранѣе подготовленнаго, никакого умысла. Но не такъ думала цесаревна. Она ясно поняла въ чемъ дѣло и не могла удержаться отъ слезъ.

— Господи! Еще этого не доставало, начала она, обнимая Петра. Голубчикъ мой, но вѣдь это дѣло невозможное! Ты не можешь отдаться имъ въ руки, ты не можешь погубить себя. Ты долженъ отказаться отъ невѣсты.

— Какъ это можно, Лиза! Теперь это совсѣмъ невозможно.

Библиотека "Руниверс"

— Да отчего же, отчего же?

И она начала убѣждать его.

Онъ внимательно слушалъ. Многое ему становилось ясно, чего до сихъ поръ не понималъ онъ. Была минута, когда онъ рѣшилъ въ себѣ, что такъ и поступитъ, какъ совѣтуетъ Лиза, сброситъ съ себя это ненавистное бремя, еще разъ покажетъ, что онъ свободный человѣкъ и Императоръ.

Въ волненіи, блестя глазами, поднялся онъ. Снова вернулась къ нему теперь сила: онъ бодро стоялъ передъ цесаревной. Вотъ онъ сжалъ кулаки и сдвинулъ свои темныя брови.

— Да, ты права! Да, я не могу губить себя, я такъ или иначе развяжусь съ ними.

Но видно теперь ужь всякое волненіе вредно на него дѣйствовало, видно въ немъ пробудилась не сила, а только послѣднее подобіе силы и энергіи, онъ пошатнулся и помимо своей воли очутился снова на колѣняхъ передъ Елисаветой.

— Боже мой! что съ тобою?

— Голова кружится, Лиза; теперь часто кружится. Плохо мнѣ что-то въ послѣднее время.

Она схватила его за руки—руки какъ ледъ холодныя, лице блѣдное.

Доброе сердце цесаревны сжалось болью. „Погубили, погубили моего мальчика", думала она.

— Знаешь, Лиза, иногда весь день брожу я, какъ шальной совсѣмъ, просто разумъ у меня мутится, ничего не понимаю, но ночамъ трясетъ лихорадка. Потомъ все пройдетъ, и нѣсколько дней опять ничего, но теперь... Теперь мнѣ все хуже и хуже.

— Такъ зачѣмъ ты не лѣчишься? Я сейчасъ поѣду къ Андрею Иванычу...

— Ахъ, оставь, не ѣзди! что они могутъ мнѣ сдѣлать. Ты помнишь, Лиза, какъ умирала сестрица, она тогда говорила, передъ самой своей смертью говорила, что скоро я буду съ нею, къ ней отправлюсь. Знаешь, я слышалъ, что у тѣхъ, кто умираетъ, бываетъ такое просвѣтленіе, многое они видятъ и понимаютъ изъ того, что никому намъ не явно. Я еще вчера вотъ долго объ этомъ думалъ, всю ночь сегодня тоже продумалъ, не спалось мнѣ. Я и пріѣхалъ сказать тебѣ это, Лиза, что скоро меня не будетъ.

Она хотѣла утѣшить его, но словъ не находила. Ей самой теперь казалось, что онъ непремѣнно умретъ скоро. Да и развѣ можно было вынести то, что онъ вынесъ. Еще нужно удивляться, какъ до сихъ поръ силъ хватало. Но нѣтъ же, вѣдь этого нельзя допустить, онъ такъ молодъ, его жизнь еще не началась почти—развѣ можно ему умирать? Еще есть возможность спасти его, у него такая здоровая природа. Теперь бы ему отдохнуть, поѣхать въ чужія страны, къ тѣмъ водамъ цѣлебнымъ, гдѣ батюшка лечился. Цесаревна хорошо помнила, какъ одинъ разъ ея великій родитель уѣхалъ въ Спа совсѣмъ больной, совсѣмъ измученный, а вернулся сильнымъ и бодрымъ.

— Ѣхать тебѣ полечиться въ чужія страны, громко выразила она Императору свою мысль.

Онъ махнулъ рукой.

— А развѣ выпустятъ? Скажутъ что нельзя никакъ, что государство отъ этого страдать будетъ. Да и зачѣмъ—никуда теперь не тянетъ меня, Лиза, и жизнь мнѣ ужь надоѣла. Право умереть лучше, чѣмъ такъ жить, какъ живу я. Прежде, недавно еще, много было радостей, все меня забавляло, все меня веселило. Каждую свою охотничью собаку любилъ я, каждая изъ нихъ мнѣ доставляла удовольствіе. Птицу застрѣлю, звѣря затравлю—не знаю куда дѣваться отъ радости, а теперь вотъ не влечетъ и охота. Чтожь мнѣ жить то, Лиза! кого люблю я, тотъ меня не любитъ, кого не люблю, тотъ всегда со мною. Вотъ ты говорила отказаться отъ невѣсты, подумалъ я сейчасъ, что можно это сдѣлать—а теперь вижу что не хватитъ у меня на то силы. Да и чтожь потомъ, хоть бы даже ушла и эта невѣста—опять вѣдь придетъ другая. Вѣдь всѣ кричатъ, всѣ только то и твердятъ мнѣ въ уши, что долженъ я непремѣнно жениться. Ну годъ пройдетъ, другой, вѣдь все равно жена будетъ, а гдѣ же я найду невѣсту себѣ по сердцу? Какая принцесса плѣнитъ меня? Лиза, пойми, моя золотая, что никого не люблю я, никого не могу любить.

— Полно, Петруша, не тѣмъ ты теперь былъ занятъ. И мысли и чувства у тебя по твоему возрасту, а вотъ пройдетъ годъ, другой и непремѣнно кого нибудь полюбишь. Вѣдь человѣкъ ты, тоже, а съ человѣкомъ такъ всегда бываетъ.

Императоръ печально улыбнулся.

— Вотъ то то, Лиза, что мало ты меня знаешь. Не былъ я человѣкомъ, да никогда и не буду: былъ я малымъ ребенкомъ, а потомъ прямо старикомъ сдѣлался. Ну, посмотри на меня хорошенько—развѣ не старикъ я теперь? Какъ есть старикъ старый, разслабленный. И знаешь ли, какъ у стариковъ все свѣтлое, все хорошее, далеко назади осталось, и живутъ они только о немъ вспоминая, такъ и у меня, все что мило и дорого—далеко. Далеко наше время золотое, помнишь, петергофское время, далеко сестрица Наташа... да и ты далеко Ты теперь для меня ужь не прежняя. Знаешь ли, какъ я любилъ тебя, Лиза? Знаешь ли, что каждую минуточку малую объ одной тебѣ только думалъ. И я ждалъ, что и ты меня полюбишь, ждалъ, что ты будешь моей женою, что мы всю жизнь проживемъ вмѣстѣ—вотъ были мои мечтанья, вотъ было бы мое счастье—ты его не захотѣла.

Елисавета молча плакала.

— Но ты не думай,—продолжалъ Петръ, не думай, Лиза, что теперь я не люблю тебя; такъ же люблю, какъ прежде, можетъ еще больше люблю, только ужь безъ всякой радости, безъ всякой надежды!

Не могла цесаревна его больше слушать, не могла смотрѣть на него. Сердце ея разрывалось. Кругомъ придворные давно уже говорили, что она холодная, честолюбивая дѣвушка, завлекаетъ его, желаетъ забрать въ руки и женить на себѣ, чтобы стать императрицей.

Ни одной минуты она этого не думала, но любила Императора нелицемѣрно, какъ милаго младшаго брата. А вотъ теперь такъ первый разъ въ жизни подумала: „Боже мой, какая жалость! Нѣтъ силъ вынести Нужно спасти его, нужно ему собою пожертвовать".

— Слушай, Петя, вдругъ взволнованнымъ голосомъ обратилась она къ нему, крѣпко сжимая его руки,—если правда, что ты такъ меня любишь, если правда, что я могу сдѣлать тебя счастливымъ, слушай—я согласна. Я на все согласна. Я буду твоей женою, буду, хоть это противно нашей религіи, буду, хоть бы за это на меня посыпались со всѣхъ сторонъ камни. Только, милый, улыбнись мнѣ, только въ себя приди—отбрось, прогони отъ себя всѣхъ этихъ негодныхъ людей, которые ищутъ твоей погибели—только живи, голубчикъ!..

Императоръ глядѣлъ на нее остановившимися глазами и вдругъ зарыдалъ мучительно, кинулся къ ней на шею, крѣпко, крѣпко ее обнялъ и спряталъ свою голову на груди ея. Долго не могъ придти онъ въ себя, долго не могъ произнести ни слова. Но вотъ рыданья его прекратились, онъ поднялъ свою голову и пристально взглянулъ въ лице цесаревны.

По прежнему чудно прекрасно смотрѣло на него лицо это. Неподдѣльное, искреннее чувство, теплое участіе свѣтилось въ немъ.

— За эти слова, дорогая Лиза, благодарю тебя. Лгали безсовѣстные люди, всѣ лгали — одинъ я правъ былъ, зная тебя, зная твое сердце золотое. Еще разъ прошу простить меня за то, что я былъ такъ глупъ, смѣлъ на тебя сердиться. Но слушай, Лиза! еслибъ

Библиотека "Руниверс"

теперь ты на колѣняхъ стала умолять меня о томъ, о чемъ столько разъ просилъ я тебя, еслибъ сейчасъ стала мнѣ клясться Богомъ, что любишь меня такъ, какъ я всегда хотѣлъ, чтобъ ты меня любила, все же, Лиза, изъ этого ничего бы не могло выйдти О, какъ я тебя понимаю! О, какая ты добрая. Тебѣ меня жалко и вотъ ты хочешь мнѣ пожертвовать собою. Но, Лиза, я не принимаю такой жертвы. Я только благодарю тебя за нее—но не принимаю, не могу принять. Я понялъ, что нельзя тебѣ любить меня, я для тебя мальчикъ, я для тебя братъ маленькій. Прежде не понималъ этого—теперь понимаю.

Цесаревна крѣпко обняла его.

— Такъ что-жь мнѣ дѣлать, чтобъ тебя успокоить? Скажи только, все исполню. Хочешь я не отойду отъ тебя? Я буду твоимъ лучшимъ другомъ!!..

— Да, хорошо бы это было, прошепталъ онъ, но меня отъ тебя отнимутъ.

— Стыдись, — вдругъ заговорила она, думая что есть еще средство возбудить въ немъ энергію,—стыдись быть такимъ малодушнымъ! Ты былъ меньше, ты былъ совсѣмъ ребенкомъ и у тебя хватило силы уничтожить ненавистныхъ Меншиковыхъ, разбить вражескіе оковы, распутать себѣ руки. Теперь, теперь ты старше, долженъ быть сильнѣе: жизнь тебя поучила, видѣлъ ты людей, могъ узнать ихъ. Что-жь, неужели ты считаешь своими друзьями Долгорукихъ? Еще Иванъ можетъ быть тебя любитъ, но тѣ, остальные... Подумай хорошенько, пойми наконецъ... Это обманщики, плуты. Видно не знаешь ты, что они дѣлаютъ. Они казну грабятъ и творятъ всякую неправду. На нихъ весь народъ жалуется. Ихъ всѣ ненавидятъ. Они тоже, что Данилычъ... хуже—тотъ по крайности дѣлалъ дѣло, голова былъ золотая, а эти ничего, кромѣ зла, не дѣлаютъ.

— Ну, ты сердита на нихъ! можетъ быть, ты несправедлива—не такъ ужь они дурны, смущенно замѣтилъ Петръ.

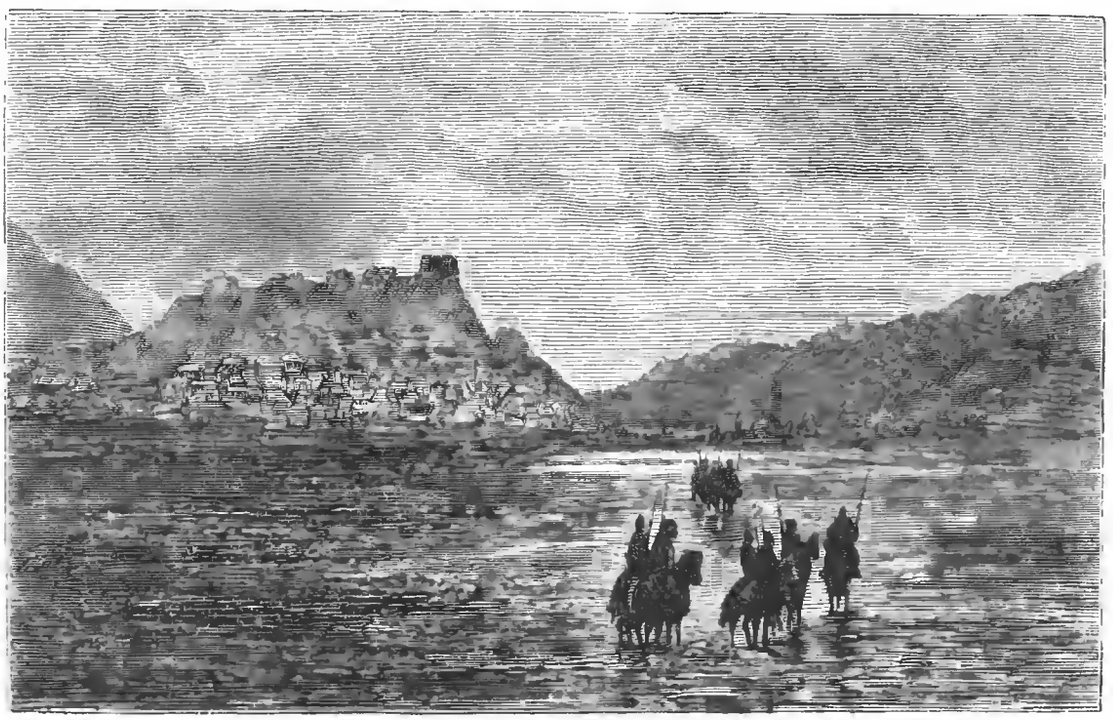
— Что жь, околдовали они тебя, что ли? Вспомни все хорошенько, вспомни всѣ эти охоты—вѣдь прежде постоянно я тамъ тоже бывала съ вами, вѣдь я все видѣла! Развѣ вчера что ли началось это дѣло съ княжной Катериной? Развѣ Алексѣй Григорьичъ не всячески старался ее выставлять на глаза тебѣ?!..

— Ахъ, можетъ быть это и правда отчаянно проговорилъ Петръ,—да только знаешь что я скажу тебѣ: Вотъ сейчасъ, сію минуту я все ясно вижу, я все понимаю. Взошли бы они теперь сюда и посмотрѣла бы ты какъ я ихъ бы встрѣтилъ... а черезъ часъ будетъ совсѣмъ другое. Можетъ быть, точно, они меня околдовали—у меня теперь никакой нѣтъ силы, никакой нѣтъ воли, я теперь не знаю—что со мною. Видно много успѣлъ нагрѣшить я, что Богъ меня такъ наказываетъ!..

На глазахъ изумленной и испуганной цесаревны въ Императорѣ произошла перемѣна. Недавно еще отъ волненія его щеки разгорѣлись, но теперь покрыла ихъ смертная, блѣдность вотъ онъ задрожалъ и испуганно осмотрѣлся во всѣ стороны.

— А можетъ быть насъ подслушали! Можетъ здѣсь гдѣ нибудь Алексѣй Григорьичъ. Посмотри, Лиза, пожалуйста поди къ дверямъ, послушай, послушай!..

— Голубчикъ мой, что, что съ тобою? Ты право боленъ, ты бредишь!



Общій видъ города Хассанъ-Калэ, въ Малой Азіи. По I. L. N. грав. К. Вейерманъ.

— Нѣтъ, я не брежу, Лиза, не брежу. Я знаю что ни одно мое слово, что ни одна моя мысль не проходятъ такъ—все они знаютъ. Какъ, откуда—не понимаю Лиза, если тебя будутъ спрашивать о чемъ мы говорили, пожалуйста, пожалуйста, что нибудь выдумай!..

Цесаревна до того испугалась этихъ странныхъ, безумныхъ рѣчей, что думала кликнуть кого нибудь, послать поскорѣй за докторомъ. Она не знала, что ей дѣлать, металась по комнатѣ.

— Петичка, ангелъ мой, что съ тобою? Позволь я пошлю за своимъ докторомъ, онъ дастъ тебѣ какого нибудь лекарства...

— Ахъ, что ты, что ты! испуганно бросился онъ за нею и не пускалъ ее отъ себя. Что ты, какъ можно доктора! Какое лекарство дастъ онъ мнѣ? Вонъ и такъ принесли мнѣ намедни лекарство, я сказалъ что выпилъ, а самъ тихонько вылилъ его. Знаешь, Лиза, я тебѣ признаюсь, только ради Бога не говори никому объ этомъ, знаешь, я каждый разъ за обѣдомъ боюсь что меня отравятъ.

— Да кто тебя отравить можетъ? Кому это нужно?

Библиотека "Руниверс"

Руѳь. Картина Ленделя, грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

— Не знаю кто, только развѣ это не бываетъ?! Да можетъ быть ужь и теперь во мнѣ отрава—отчего я такъ болѣнъ, Лиза, отчего на меня находитъ такая слабость?

Цесаревна видѣла, что онъ дѣйствительно бредитъ. Она дотронулась до головы его—голова горячая, самъ дрожитъ весь.

— Послушай, поѣдемъ, позволь я довезу тебя. Я провожу тебя, тебѣ нужно лечь въ постель, отдохнуть. Ты вѣрно простудился...

— Нѣтъ, что ты, что ты, не ѣзди со мною, тебѣ вѣдь сдѣлаютъ за это непріятность.

Но онъ такъ ужь ослабѣлъ, что ей не трудно было отъ него вырваться. Она приказала скорѣй давать себѣ одѣваться и почти силою увезла его.

А во дворцѣ Долгорукіе ужь давно тревожились, не зная куда онъ выѣхалъ: всюду послали развѣдывать.

Алексѣй Григорьевичъ сильно покосился на цесаревну, но взглянувъ на Императора, перепугался. Петра раздѣли и уложили. Созвали докторовъ—тѣ все приписали простудѣ.

XI.

На другой день Петру стало лучше. Простуда прошла, но осталась прежняя слабость, прежнее уныніе и апатія. Елисавета возбудила въ немъ послѣднюю вспышку энергіи и онъ былъ правъ, говоря ей, что положеніе его безнадежно, что никакая сила теперь ужь не спасетъ его, не вырветъ изъ власти Долгорукихъ. Да и какъ ему было вырваться? Онъ не разъ сравнивалъ свое теперешнее положеніе съ временемъ, предшествовавшимъ низверженію Меншиковыхъ. Тогда было другое дѣло, тогда могъ онъ поступать энергически. Онъ возставалъ за свои законныя права, возставалъ противъ человѣка, самымъ незаконнымъ образомъ похитившаго власть и во зло ее употреблявшаго. Тотъ человѣкъ держалъ его въ рукахъ, оскорблялъ его, стѣснялъ всячески, злобствовалъ и тиранствовалъ надъ всѣми. Такого человѣка должно было удалить и уничтожить. Теперь не то, новая родня, „компанья", какъ называли тогда Долгорукихъ, не стѣсняла свободы Императора, напротивъ, всячески ему угождала, исполняла малѣйшія его желанья, только и думала какъ бы забавлять его. Конечно, великое стѣсненіе его воли была помолвка съ княжной Катериной, но вѣдь самъ онъ согласился. Никто не принуждалъ его словами и угрозами, самъ онъ во всемъ виноватъ, виновата его безхарактерность.

„Но вѣдь права Лиза, безнадежно думалъ бѣдный Императоръ, что они все это подстроили нарочно, заранѣе все подготовили. Какъже смѣли они! Какая же невѣста мнѣ Долгорукая? Она меня старше, она мнѣ не нравится. Но вѣдь самъ я виноватъ, зачѣмъ тогда же сейчасъ не отказался. Гдѣ былъ мой разсудокъ? Гдѣ была моя воля? А теперь поздно, поздно!"

Хватило еще разъ у него силы вырваться изъ подъ неусыпнаго надзора Алексѣя Григорьевича и съѣздить тайно къ Остерману, но все ничего не вышло изъ этой поѣздки.

Андрей Ивановичъ конечно могъ говорить также убѣдительно, какъ и Елисавета, можетъ быть еще убѣдительнѣе—но говорить онъ теперь боялся. Онъ хорошо понималъ, что врядъ ли удастся ему побороть Долгорукихъ, покуда живъ Императоръ Конечно можно настроить юношу, но нельзя поручиться за продолжительность такого настроенія. Сегодня онъ будетъ поступать по совѣтамъ Остермана, а завтра Долгорукіе опять возьмутъ свое и легко выпытаютъ кто замышляетъ ихъ гибель и въ одинъ день погубятъ самаго Остермана. А онъ больше, чѣмъ когда либо, долженъ сидѣть крѣпко и не подавать голоса. Чувствуетъ онъ, что скоро все перемѣнится. Не надолго торжествуютъ Долгорукіе, пусть повеличаются, пусть побахвалятся. Конечно тонко и осторожно нужно раздражать противъ нихъ Императора и если онъ живъ останется, то, можетъ, черезъ годъ, другой, самъ стряхнетъ съ себя ихъ иго, раскается въ своей женитьбѣ, далеко разошлетъ родню свою незванную, царицу въ монастырь заточитъ. Если же не выдержитъ, если умретъ скоро—тогда все кончится само собою. Что тогда будетъ, о томъ Остерманъ теперь думаетъ непрестанно. Онъ ужь рѣшилъ, какую роль ему въ такомъ случаѣ играть надобно. Чаще и чаще становятся его письма въ Митаву герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ и Бирону. Дышатъ эти письма искренней дружбой и почтеньемъ. Вѣрнымъ и неизмѣннымъ рабомъ подписывается онъ герцогинѣ—вѣрнымъ и неизмѣннымъ другомъ подписывается Бирону.

И въ разговорѣ съ Императоромъ только вздыхалъ Андрей Ивановичъ, соболѣзновалъ, совѣтовалъ заняться собою, полечиться, вести жизнь болѣе регулярную; но про Долгорукихъ не сказалъ ни одного дурнаго слова.

Не спорилъ онъ и съ герцогомъ де-Лиріа, который увѣрялъ его, что Государь начинаетъ стряхивать съ себя иго.

Когда кто нибудь съ ужасомъ объявлялъ Андрею Ивановичу, что Долгорукіе ужь начинаютъ дѣлить между собою высшія должности: Алексѣй-де хочетъ быть генералиссимусомъ, первымъ министромъ, Иванъ великимъ адмираломъ, Василій Лукичъ великимъ канцлеромъ, Сергѣй Долгорукій оберъ-шталмейстеромъ—онъ спокойно отвѣчалъ на это:

„Чтожь, конечно въ порядкѣ вещей желать имъ себѣ почестей—теперь вѣдь близкой родней Государю дѣлаются—конечно имъ первое мѣсто."

И всѣ уходили отъ него, понимая, что съ такимъ осторожнымъ и ничего не выдающимъ человѣкомъ лучше и не разговаривать. Можно только завидовать его разуму и стараться идти по стопамъ его.

Но что бы ни говорилъ Андрей Ивановичъ, всѣмъ было ясно, что если даже Государь и не стряхиваетъ съ себя ига, то во всякомъ случаѣ очень холодно относится къ своей невѣстѣ. „И она довольна этимъ, навѣрное. Она неохотно принимала бы нѣжности жениха—вѣдь не успѣла еще забыть своего милаго, графа Милезимо." Такъ обыкновенно кончались всѣ подобные разговоры. И поневолѣ приходилось убѣждаться, что сильно заколдовали царя Долгорукіе, если онъ послѣ извѣстной сцены, устроенной невѣстой, отъ нея не отказался.

Княжна Катерина дѣйствительно была очень довольна женихомъ своимъ; если бъ онъ относился къ ней иначе, если бъ постоянно требовалъ ея нѣжности и ласкъ, она можетъ быть и не выдержала бы. Теперь же ей предоставлена полная свобода. Но куда дѣвать ее. Больное, измученное злобой и тоскою сердце жадно проситъ какой нибудь жизни, хоть въ бурѣ, хоть въ грозѣ страшной готово найти жизнь эту. Но пока нѣтъ ни грозы, ни бури—полное, тяжелое затишье. И вотъ всѣ дни красавицы княжны проходятъ въ безумныхъ грезахъ. Мчатся, несутся эти грезы въ даль неизвѣстную, въ ту даль заколдованную, куда увлекли отъ нея ея милаго. Иногда кажется ей возможно добыть себѣ зелья, что помогаетъ преодолѣвать всякія преграды. Вотъ чудится ей, что она ужь обладаетъ сверхъ-естественной силой, что теперь не для нея созданы неумолимые законы пространства и времени. Мигъ одинъ—и разбиты земныя цѣпи! Ищутъ ее, ищутъ, и не находятъ. Она далеко,—гдѣ—не знаетъ, тамъ, гдѣ ея возлюбленный. И вотъ она съ нимъ, и летятъ они за тридевять земель въ тридесятое царство, въ царство весны вѣчной, благоухающей, въ царство вѣчнаго свѣта и радости, и тамъ новая, чудная жизнь начинается.

И страшно, страшно княжнѣ оторваться отъ грезъ

Библиотека "Руниверс"

этихъ, замѣнить ихъ печальной дѣйствительностью. Нѣтъ того волшебнаго зелья всемогущаго, безсильна она какъ малый ребенокъ, въ крѣпкую тюрьму замуравлена, не выбьется изъ тюрьмы этой.

И проносятся другія грезы: думаетъ она о томъ, что ждетъ ее въ близкомъ будущемъ. Вотъ совершилось ея вѣнчаніе. Вотъ она царица, еще больше склоняются передъ нею люди. И желаетъ она многаго—мести желаетъ врагамъ своимъ лютымъ, а враги ея—люди кровные: отецъ да братъ, что теперь съ невѣстой любимой счастьемъ упивается. И съ мученьемъ—съ злобной отрадой придумываетъ княжна всѣмъ имъ кару жестокую. Но вотъ и покарала, вотъ и отплатила, а потомъ что же? Потомъ изъ земель далекихъ возвращается Милезимо. Вѣдь это же можетъ быть, это же должно быть, это будетъ! Онъ снова съ нею. Отъ всѣхъ взоровъ постороннихъ скрываютъ, берегутъ они свое счастье. Да хоть бы и не уберегли—кто смѣетъ противъ нея? она царица. А мужъ—Государь? Но не ей его бояться—о немъ она и не думаетъ.

А время идетъ, 6-е января пришло, праздникъ—Крещенье. На Москвѣ рѣкѣ парадъ назначенъ, водоосвященіе, Іорданъ устроена. Въ роскошной золоченой каретѣ выѣхала государыня-невѣста. По обѣимъ сторонамъ дороги народу видимо-невидимо, шапки передъ ней ломаютъ, кричатъ свои привѣтствія, войска въ карре построены, командуетъ ими Василій Владиміровичъ Долгорукій.

Вотъ и Императоръ пріѣхалъ изъ Лефортова дворца, куда теперь переселился. Онъ занялъ полковничье мѣсто. На немъ мундиръ блестящій, вокругъ него большая свита.

Сначала и не взглянула на жениха своего княжна Катерина, только вдругъ нечаянно глаза ея съ нимъ встрѣтились и долго она съ него ихъ не спускала.

„Что это какъ онъ измѣнился?!“ Ушедши въ свой внутренній міръ, она совсѣмъ не замѣчала его все это время.

„Ахъ! какая перемѣна—видно онъ болѣнъ! А что какъ не на шутку заболѣетъ, что какъ умретъ, пожалуй! Ну, чтожь, я свободна тогда,—подумала Катерина Алексѣевна,—должна радоваться. Но нѣтъ, нѣтъ, теперь мнѣ не нужно этой свободы. Чтожь тогда будетъ?“ И ей стало безконечно дорого еще недавно такъ ненавистное и насильно навязанное ей величіе. Вѣдь только это величіе ей и осталось въ жизни, вдругъ и его судьба отнимаетъ. Прекрасный, измученный юноша, котораго она такъ жестоко обманула и котораго за что-то ненавидѣть хватило у нея силы, теперь сдѣлался ей дорогъ—но все же не какъ человѣкъ, а какъ вещь многоцѣнная, земное богатство. И она все глядѣла на него, все мучилась видимой въ немъ перемѣной.

Съ парада онъ пріѣхалъ въ Головинскій дворецъ къ невѣстѣ, куда собрались и многіе придворные.

Княжна Катерина поспѣшно подошла къ нему, взяла за руку—рука у него какъ ледъ холодная.

— Что съ тобой, Государь? непривычнымъ ему нѣжнымъ голосомъ спросила она. Мнѣ кажется, ты нездоровъ. Коли такъ, зачѣмъ выѣхалъ сегодня?

Онъ изумленно взглянулъ на нее.

— А ты только сейчасъ замѣтила, что нездоровъ я? спросилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой. Или тебѣ меня жалко?

— Что за слова такія, Государь? Кого же мнѣ и жалѣть, какъ не тебя.

— Ну, такъ успокойся, моя княжна заботливая—я здоровъ, такъ здоровъ, какъ никогда еще не былъ. Я здоровъ, здоровъ!

И онъ дико смѣялся, страшно смѣялся.

Она поняла, что дѣло плохо и кинулась къ отцу.

— Батюшка, чтожь вы ослѣпли всѣ, что ли! Развѣ вы не видите, что Государь болѣнъ. Какъ можно было выпустить его на воздухъ—посмотрите, что съ нимъ. Онъ на себя не похожъ... У него лихорадка.

Алексѣй Григорьевичъ, а за нимъ и князь Иванъ, поспѣшили къ Императору и увидѣли, что княжна права. Въ глазахъ странный блескъ, лицо въ огнѣ, самъ дрожитъ.... видно плохо вылѣчили доктора недавнюю простуду—вотъ теперь она снова вернулась. На Іорданѣ онъ былъ слишкомъ легко одѣтъ и говорилъ много... Скорѣй, скорѣй домой! Докторовъ скорѣе!

Повезли Императора. И какъ ни коротка была дорога, а онъ съ каждой минутой все больше и больше расхварывался въ каретѣ, такъ что привезли его совсѣмъ уже больного. Онъ даже и идти самъ не могъ—вынесли его.

Собрались доктора. Къ Императору никого не впускали, при немъ былъ только Алексѣй Григорьевичъ да князь Иванъ. Спѣшили приготовить лекарство, по всему дворцу шла суета.

Черезъ часъ Долгорукіе вышли изъ спальни Петра.

— Что, что съ нимъ? спрашивали со всѣхъ сторонъ. Но ни Алексѣй Григорьевичъ, ни Иванъ Алексѣевичъ сразу не могли и отвѣтить: на нихъ лица не было, оба они дрожали.

— Да что, что такое?

— Доктора сказали, что у него оспа, что ему худо, прошепталъ наконецъ Иванъ Алексѣевичъ и горько заплакалъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Къ рисункамъ.

Городъ Хассанъ-Кале.

Городъ *Хассанъ-Кале* лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Эрзерума, на лѣвомъ берегу рѣки Аракса. Змѣеобразно извивающаяся между скалами дорога ведетъ отъ Эрзерума къ Хассану-Кале, который весьма живописно расположенъ на возвышенномъ холмѣ, составленномъ изъ мощныхъ обломковъ застывшей лавы и базальтовыхъ конгломератовъ. Это холмистое возвышеніе составляетъ водораздѣлъ рѣки Аракса отъ Евфрата. Какъ и вездѣ въ Арменіи, окрестность Хассанъ-Кале пустынна, но берегъ Аракса оживленъ; густая, сочная трава ростетъ въ долинѣ рѣки, и, подъ животворнымъ солнцемъ юга, роскошнымъ ковромъ растутъ дикія розы и кустарники малорослыхъ ивъ. Здѣсь пасутся стада крупнаго рогатаго скота и лошадей.

Около самаго Хассанъ-Кале цѣлый рядъ холмовъ примыкаетъ къ рѣкѣ Араксу съ сѣвера. Городъ окруженъ двойною стѣной, увѣнчанною зубцами. Такія стѣны любили строить въ своихъ укрѣпленіяхъ византійцы и генуэзцы. Самый городъ представляетъ печальный, нищенскій видъ. Къ востоку отъ города находятся грандіозныя развалины стариннаго замка, служившаго надежною защитою во времена процвѣтанія города. Этотъ старый замокъ построенъ на мощномъ высокомъ плато, состоящемъ изъ породъ порфира и трахита. И этотъ замокъ былъ окруженъ въ старину двойною стѣною, исключая юго-восточной стороны, гдѣ искусственную стѣну замѣняетъ рядъ громадныхъ гранитныхъ скалъ, стоящихъ вертикально. Не далеко отъ этой старой твердыни лежитъ громадныхъ размѣровъ камень, имѣющій на верхнемъ концѣ большое отверстіе, а по сторонамъ и на нижнемъ концѣ — нѣчто въ родѣ капителей. Ученый путешественникъ Гамильтонъ полагаетъ, что этотъ камень служилъ жертвенникомъ, на которомъ приносили жертвы своимъ богамъ древніе, жившіе здѣсь народы. Замѣчательно, что турки завоевавъ Арменію, застали этотъ камень на томъ же мѣстѣ, на которомъ онъ лежитъ теперь, и, изъ суевѣрнаго уваженія, не трогали его.

Не вдалекѣ отъ Хассанъ-Кале, именно въ равнинѣ, къ югу отъ Аракса, находятся превосходные горячіе источники, которыми турки пользуются вмѣсто любимой ими бани.

Хассанъ-Кале—городъ весьма древній. Въ старину онъ назывался *Ѳеодосіополисъ* и построенъ въ V вѣкѣ нашей эры, около 440 года. Читатели видятъ, что самое названіе напоминаетъ имя Ѳеодосія. Дѣйствительно, Ѳеодосіополисъ основанъ при Ѳеодосіи, но только не первымъ, или Великимъ, а при Ѳеодосіи II младшемъ, сынѣ императора Аркадія. То было время раздѣленія Римской имперіи на восточную и западную половины, то было время странныхъ и весьма неопредѣленныхъ от-

Библиотека "Руниверс"

ношеніи восточной римской исторіи къ персамъ, сильно возстав вшимъ на ослабѣвающаго колосса. Покоренная римлянами Арменія въ началѣ V вѣка по Р. Х. была уже покорена персами. Армянскій царь Хозрой, покровительствуемый византійскимъ императоромъ, былъ просто персидскимъ вассаломъ. Хозрой владѣлъ восточною частью Арменіи, тогда какъ западною частью владѣлъ византійскій императоръ Аркадій, совмѣстно съ персидскимъ царемъ Арзасомъ. Когда умеръ Арзасъ, римляне начали притѣснять западную область Арменіи и хотѣли объявить ее въ полномъ себѣ подчиненіи, тогда какъ прежде армяне считались только союзниками римлянъ. Но тутъ персидскія военныя власти вступились за порабощаемыя провинціи и послѣ обстоятельныхъ переговоровъ, въ память соглашенія по этому предмету между римлянами и персами, и былъ построенъ *Θεοδοσιόπολ* (уже по смерти Аркадія, при сынѣ его Θеодосіи II). Въ настоящее время, о Хассанъ-Кале упоминается часто въ газетахъ собственно потому, что вблизи этого города происходило большое сраженіе между русскими и турецкими войсками. Читатели объ этомъ уже знаютъ изъ предыдущаго № „Нивы".

Мостъ на Дунаѣ у Систова, при ночномъ освѣщеніи Съ наброска L. L. N., грав. Вейерманъ.

Руѳь.

Кто не знаетъ библейской Руѳи. Съ дѣтства намъ знакомъ разсказъ о ней. Въ библіи ей посвященъ отдѣлъ, такъ называемый „Книга Руѳь". Припоминимъ изъ этой книги разсказъ Руѳи. Жилъ когда-то въ Виѳлеемѣ нѣкій Елеазаръ съ женою Ноэміей и двумя сыновьями; во время голода они оставили родную страну и поселившись въ землѣ Моавитской, женили дѣтей. Смерть скоро похитила старика Елеазара и обоихъ его сыновей. Осталась вдова Ноэмія съ двумя женами ея умершихъ сыновей. Она рѣшилась возвратиться въ Виѳлеемъ и обѣ невѣстки, Орѳа и Руѳь, послѣдовали за нею. Ноэмія желала, чтобы обѣ невѣстки возвратились къ своимъ родителямъ.

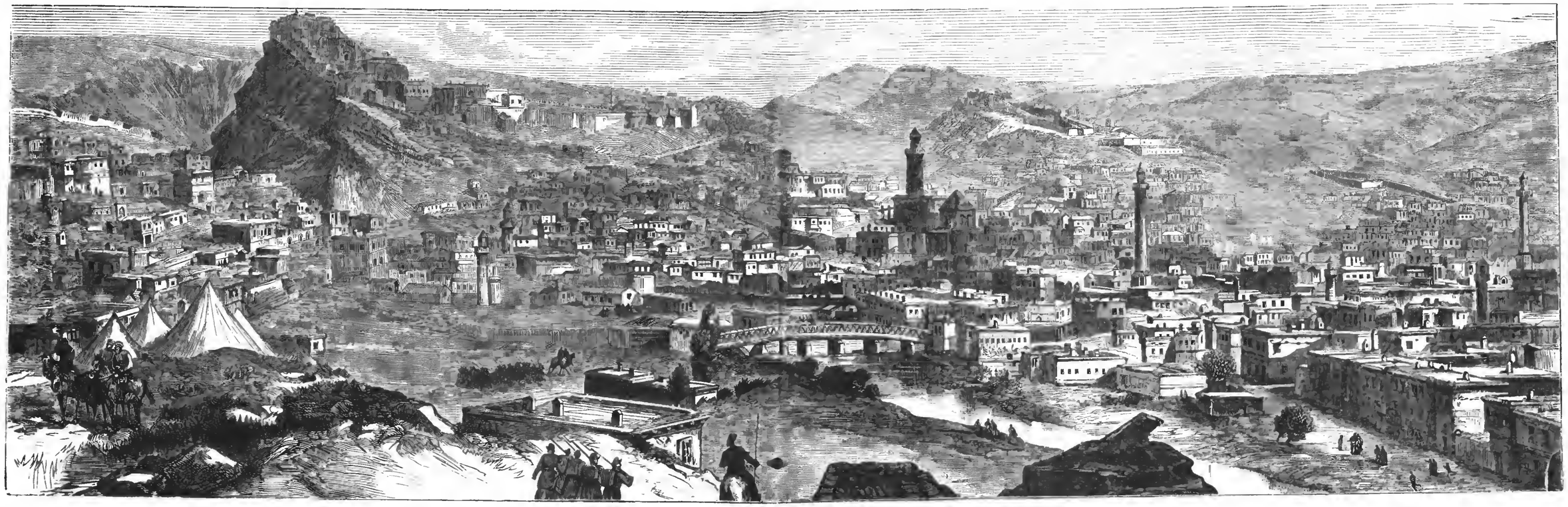
— Я ничего для васъ не могу сдѣлать, говорила она, вы видите какъ я бѣдна, подите каждая въ домъ матери своей.

Орѳа ушла къ своимъ родителямъ, а Руѳь не захотѣла идти.

— Не принуждай меня, оставить тебя, отвѣчала она Ноэміи. Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и гдѣ ты будешь жить, тамъ и я буду жить: народъ твой будетъ моимъ народомъ и твой Богъ моимъ Богомъ. Смерть одна разлучитъ меня съ тобою.

Руѳь и Ноэмія, обѣ бѣдныя, пришли въ Виѳлеемъ. Пришли онѣ во время жатвы, и Руѳь начала ходить на поля подбирать остававшіеся колосья. Случайно она зашла на поле богатаго родственника своего покойнаго мужа—Вооза. Воозъ замѣтилъ ее, узналъ кто она и, тронутый ея привязанностію къ бѣдной Ноэміи, дозволилъ ей постоянно ходить на его ниву и обѣдать вмѣстѣ съ его служанками. Руѳь не только приносила домой своей свекрови колосья, но она еще оставляла для нея часть хлѣба, который ѣла съ женщинами Вооза.

По закону Моисея на бездѣтной вдовѣ обязанъ былъ жениться ближайшій родственникъ. Ноэмія, узнавъ о милостивомъ обращеніи Вооза, послала Руѳь напомнить ему объ этомъ законѣ. Но Воозъ сказалъ, что у ней есть болѣе близкій родственникъ, и что если онъ откажется отъ женитьбы на ней, то въ такомъ



Общій видъ г. Карса, взятаго русскими войсками 7 ноября 1877 г. По наброску А. Л., грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

случаѣ она будетъ его, Вооза, женою. Воозъ собралъ старѣйшинъ города, позвалъ родственника Руѳи, и предложилъ ему на ней жениться. Но родственникъ отвѣчалъ, что онъ отказывается ее взять за себя, чтобы не разстроить своего удѣла и просилъ Вооза принять Руѳь. Такимъ образомъ бѣдная Руѳь сдѣлалась женою Вооза. Чрезъ бракъ съ нимъ Руѳь сдѣлалась прематерью Давида и вошла такимъ образомъ въ родословіе Іисуса Христа.

Въ Руѳи является намъ симпатичная личность, удивительнаго сердца женщина. Она представляетъ собою необыкновенный образецъ сознанія долга, кротости и послушанія и совершенно дѣтскомъ простодушіи.

Вся жизнь ея—привязанность къ старой свекрови. Эта преданность беретъ перевѣсъ надъ всѣми другими ея чувствами, она не задумывается жертвовать для нея своими собственными интересами, и въ этой безотвѣтной преданности вся сила и вся нравственная красота кроткой Руѳи.

Мостъ на Дунаѣ ночью.

Широкая, многоводная рѣка съ перекинутымъ съ одного ея берега на другой мостомъ, освѣщеннымъ во время ночи свѣтомъ фонарей—очень красивый рисунокъ. Тутъ и впечатлѣніе темноты ночи, и отраженія огня въ волнахъ рѣки, и темные силуэты фигуръ на мосту—все вмѣстѣ взятое даетъ зрителю весьма близкое понятіе о той отдаленной отъ насъ картинѣ, которая есть въ дѣйствительности тамъ, гдѣ теперь совершаются такія крупныя, міровыя событія.

Полагаемъ, что теперь по этому мосту уже переходятъ партіи турецкихъ плѣнныхъ изъ арміи Османа-паши. Плѣнныхъ этихъ, какъ извѣстно, взято съ Османомъ сорокъ тысячъ. Не мало же времени потребуется на то, чтобы ихъ отправить подальше отъ театра войны Конечно ихъ теперь уже отправляютъ на румынскій берегъ; но не думаемъ, чтобы оставили ихъ болѣе или менѣе значительную часть въ Румыніи, хотя и безоружныхъ: отъ Румыніи слишкомъ недалекій путь до Турціи.

Всего скорѣе будетъ такъ, что прошагавъ чрезъ Дунайскій мостъ, армія Османа-паши будетъ направлена по желѣзной дорогѣ въ разные пункты Россіи. Какое-то всей этой массѣ плѣнныхъ будетъ дано дѣло?

Русскіе въ Карсѣ

О Карсѣ мы имѣли случай уже говорить въ № „Нивы" за текущій годъ. Какъ читатели знаютъ, Карсъ взятъ нашими войсками въ ночь съ 6 на 7 ноября, гарнизонъ Карса состоялъ изъ 32 батальоновъ пѣхоты, 2,400 артиллеристовъ и бригады регулярной кавалеріи. Кромѣ раненыхъ, найденныхъ въ госпиталяхъ, насчитываемыхъ до 4,500 человѣкъ, взято въ плѣнъ 17,000, въ томъ числѣ 5 нашей и 800 офицеровъ. Обо всемъ этомъ было уже подробно въ свое время сказано на страницахъ „Нивы".

Теперь мы приводимъ свѣдѣнія о пребываніи въ Карсѣ русскихъ. Карсъ повидимому преоригинальный восточный городъ, о которомъ намъ совершенно чуждо даже представленіе. Вотъ какъ напр. пишетъ о немъ кор. „Рус. Міра":—«Мнѣ гдѣ-то была отведена квартира, но я не могъ найти офицера, распоряжавшагося этимъ дѣломъ и потому самъ себѣ отвелъ прекрасный домъ съ балкономъ, цвѣтами на окнахъ и прочее. Я едва могъ взять штурмомъ одинъ домъ: стучалъ молоткомъ придѣланнымъ къ дверямъ, кричалъ, грозилъ и вошелъ только благодаря водовозу, который уговорилъ старуху отворить для него. Я вошелъ. Комната мнѣ показалась тѣсною хотя вся въ позолотѣ и грубой деревянной рѣзьбѣ. Это женская комната. Старикъ водовозъ повелъ меня тогда по крышамъ чрезъ весь кварталъ и я выбралъ домъ совсѣмъ на краю города, близь стѣны старой армянской крѣпости. Комната на этотъ разъ была большая въ пять оконъ, на одномъ окнѣ стояли горшки съ розами. Хозяинъ дома Муфта, въ родѣ нотаріуса или помощника судьи, вечеромъ принесъ своему новому жильцу на блюдечкѣ различные сорта меду. „Это, говоритъ, наша слава: въ Стамбулъ отсюда возимъ". Дѣйствительно медъ великолѣпный. Балконъ комнаты выходилъ на чужую крышу, иныя окна кое-гдѣ были заклеены бумагой, кое-гдѣ въ нихъ вставленъ и кусочекъ стекла. Были впрочемъ и цѣлыя окна со стеклами и рѣшетками. Безъ рѣшетокъ и не дѣлаются окна, а не то съ крышъ очень удобно влѣзать въ нихъ. Верхній этажъ дома зачастую возвышается надъ чужой крышей, такъ что и выходить изъ двери приходится на нее. Въ нижнемъ этажѣ многихъ домовъ помѣщаются конюшни. Лавируя между трубами и дырами, освѣщающими какія-то преисподнія, можно пройти чуть не весь городъ. Спускаться приходится только при переходѣ улицъ съ одной стороны на другую. Для этого есть лѣстницы, а то и прямо по развалившейся стѣнкѣ. Точно кошки разгуливаемъ по крышамъ, замѣчаетъ авторъ статьи о Карсѣ. Но такое хожденіе избавляетъ отъ уличной грязи, собакъ и падали, которая такъ и валяется на улицахъ. Собакъ вообще во всѣхъ турецкихъ городахъ цѣлыя стаи. Это можно сказать единственные полиціанты, заботящіеся объ охраненіи общественнаго здоровья. Дохлую лошадь напр. вывозятъ на улицу. Долго похаживаютъ и посматриваютъ на нее собаки, не зная откуда начать, но наконецъ всѣ набрасываются и остаются лишь однѣ кости. Еслибъ не собаки Карсъ вѣроятно вымеръ бы весь отъ чумы.

По занятіи Карса нашими войсками офицеры и солдаты напустились на бани. Холодныя, грязныя, вонючія, но все же онѣ были благодѣяніемъ для людей, не имѣвшихъ возможности и помыться въ продолженіи цѣлыхъ 2 мѣсяцевъ. Турки парильщики старались отрекомендовать себя на счетъ деликатности и чуть слышно терли кокосовой мочалкой, боясь содрать кожу и прослыть варварами. Но наши потребовали камни, которыми здѣсь обыкновенно полируются тѣлеса въ баняхъ, (эта мода процвѣтаетъ и въ Самаркандѣ и въ другихъ азіатскихъ городахъ), и туркамъ пришлось соскоблить въ банѣ нѣкоторымъ изъ насъ кожу.

8 ноября, въ день тезоименитства Великаго Князя Михаила Николаевича, на эспланадѣ Карса было молебствіе, а потомъ обѣдъ на землѣ, гдѣ наканунѣ только валялись убитые. Штабныхъ и командировъ частей угощали на славу, тутъ были и гуси, и курицы, и вино кахетинское и шампанское.

Конскіе барышники на Дону.

(Къ картинѣ Зурлянда).

Мы помѣщали уже не разъ рисунки съ картинъ профессора Зурлянда, одинъ его рисунокъ на страницахъ „Нивы" былъ даже въ истекающемъ году. Профессоръ Зурляндъ мастерски, съ умѣньемъ и вкусомъ представляетъ виды и сцены изъ жизни на Дону, въ особенности мастерски онъ рисуетъ лошадей.

Рисунокъ, помѣщаемый въ этомъ номерѣ, такъ же, по обыкновенію, представляетъ превосходныя достоинства и сразу указываетъ на то, что изображенныя на немъ лошади рисованы большимъ мастеромъ.

На этотъ разъ на рисункѣ, кромѣ лошадей, есть нѣсколько человѣческихъ фигуръ. Это—конскіе барышники. Они, видимо, пробираются куда-то въ торговое мѣсто, конечно, съ цѣлью поторговать лошадьми. Этихъ лошадей на привязи за телѣгами художникъ изобразилъ не мало.

Барышники подъѣхали къ какому-то селенію и распрашиваютъ первыхъ встрѣтившихся имъ крестьянъ о чемъ-то. Всего скорѣе, о направленіи дороги.

Разговоръ ихъ, распросы и отвѣты—не сложные. Русскій народъ на этотъ разъ не то, что, напримѣръ, монголы или киргизы, у которыхъ прежде всѣхъ распросовъ о дѣлѣ—пятьдесятъ распросовъ о здоровьѣ: здоровъ-ли скотъ, здоровы-ли отецъ, мать, здоровъ-ли самъ и въ концѣ концовъ, послѣ пятидесяти вопросовъ о здоровьѣ всякаго рода животныхъ—пятьдесятъ первый вопросъ о здоровьѣ жены—и засимъ уже распросы о дѣлѣ, да и то еще такъ, стороной, какъ будто между прочимъ: „а что, молъ, братъ, давно я тебя собирался спросить, дѣло то пустяковое, а такъ между прочимъ"... и т. п.

Русскій совсѣмъ иначе распрашиваетъ, и встрѣтившись, напримѣръ, въ дорогѣ, прямо кричитъ:

— Эй, ты, какъ тебя, землякъ...

Русскому—вездѣ землякъ: въ Парижѣ французъ землякъ, въ Японіи—японецъ, всѣ земляки.

— Эй, ты, молъ, слышишь, землячекъ... какъ тебя...

— Миронъ... Мирономъ зовутъ; што тебѣ?

— Да вотъ, скажи, куда тутъ поворотить: намъ бы на Харьковску дорогу...

— На Харьковску—у! задумчиво и съ удивленіемъ тянетъ Миронъ, почесывая бокъ: на Харьковску-то тутъ ровно, быдто бы и не ладно...

— Не ладно—о!... Инъ ты оказія кака...

— Надо вонъ туда... вонъ, какъ ежели... теперича... вокругъ села...

Но сообразительный торговецъ лошадьми, человѣкъ, конечно, бывалый, видалъ виды и привыкъ быстро соображать. Пока тамъ какой-нибудь степнякъ Миронъ, невыѣзжавшій изъ своего села далѣе какъ только въ луга за сѣномъ, соображаетъ о томъ, что „быдто бы не ладно заѣхали"—въ это время торговецъ лошадьми уже успѣетъ пять разъ сообразить свою ошибку и понять, что „далъ маху".

— Вамъ бы, теперича, вонъ туда бы на Харьковску-то... ежели...

— Ладно, ладно! Спасибо!...

Кони давно уже поворочены куда нужно и поспѣшный кивокъ головой брошенъ за совѣтъ Миронъ.

— А кони добрые, соображаетъ Миронъ, смотря вслѣдъ удаляющимся „землякамъ".

— Кони хороши.... Только такъ надо полагать, что вотъ та, что на право, сѣрая въ яблокахъ, чуть ли не ворованая... Стянули гдѣ нибудь...

Такъ думаетъ степной человѣкъ, знающій очень хорошо повадки нѣкоторыхъ барышниковъ.

Идетъ онъ по селу. Встрѣчаетъ сосѣда и начинаются суды да пересуды, догадки и предположенія: кто, да гдѣ, да откуда, и т. д.

— Пар—родъ онѣ, я тѣ скажу, та—ко—ой... Огонь—народъ...

— Это точно! Онъ, такъ теперича, ежели сказать, онъ... народъ плутоватой...

Библиотека "Руниверс"

И рѣшаютъ собесѣдники въ концѣ концовъ, что конскому барышнику краденая лошадь не въ примѣръ дешевле купленной обходится. С.

Подъ Плевной.

Плевна взята, и мы теперь, смотря на изображенные здѣсь рисунки, можемъ говорить уже въ прошедшемъ времени о томъ, какъ наши храбрые войска ютились въ разныхъ землянкахъ да лачугахъ, ожидая взятія Плевны.

Рисунки даютъ болѣе или менѣе ясное представленіе о характерѣ этой боевой жизни и о всѣхъ тѣхъ невзгодахъ, которыя приходилось переживать во время столь продолжительнаго ожиданія послѣдней схватки съ непріятелемъ. Мы уже достаточно въ свое время помѣстили свѣдѣній и сценъ о житьѣ-бытьѣ подъ Плевной, и теперь съ ея паденіемъ, полагаемъ, имъ уже нѣтъ здѣсь болѣе мѣста. Теперь, съ паденіемъ Плевны, предстоитъ много новаго и по всей вѣроятности болѣе быстро долженствующаго рѣшаться, чѣмъ всѣ предъидущія дѣла на Дунайскомъ театрѣ войны. Словомъ, теперь событія должны идти быстрѣе. На перекоръ всѣмъ дипломатическимъ толкостямъ друзей Турціи, Россія едва ли не скажетъ тоже, что когда-то, именно съ 1812 году отвѣтила Наполеону, намекавшему послѣ оставленія Москвы объ окончаніи кампаніи:

— Напротивъ: мы только что начинаемъ кампанію!

Такъ сказалъ Кутузовъ на предложенія мира Наполеономъ.

Неизвѣстно, что теперь говорится нашими доблестными предводителями войскъ Дунайской арміи, но нельзя все таки не замѣтить, что съ паденіемъ Плевны для нашей арміи открывается путь къ такимъ дѣламъ, которыми дѣйствительно можно установить прочный миръ на Востокѣ.

Но будущее—будущему.

Теперь съ извѣстіемъ о паденіи Плевны вся Россія ликуетъ, вездѣ слышатся громогласные восторженные крики:

— Ура! Плевна наша!

И вотъ во время этихъ-то восторженныхъ криковъ, смотря на помѣщенные въ этомъ номерѣ рисунки, изображающіе бытъ нашихъ героевъ подъ Плевной, понятенъ еще болѣе тотъ восторгъ и то ликованіе, которые всюду раздаются.

Въ краткой фразѣ „Плевна наша" слышно не только то, что мы завладѣли Плевной и освободили свои войска отъ нелегкаго положенія, зимовать въ такихъ неприглядныхъ помѣщеніяхъ, но еще главнѣйшимъ образомъ слышно именно то, что въ дѣйствіяхъ нашей Дунайской арміи наступилъ крутой переломъ: ей теперь широкій путь во всѣ стороны и она по частямъ разобьетъ теперь остальныя силы истощенной Турціи.

Такимъ образомъ въ возгласѣ „Плевна наша"—восторгъ русскаго человѣка. Это значитъ: армія Османа-паши вся взята въ плѣнъ и остальнымъ турецкимъ арміямъ приходитъ послѣдній часъ.

Да здравствуютъ наши храбрыя войска!

Ура! Плевна наша!..

Въ Систовѣ.

Рисунокъ изображаетъ ту часть Систова, которая была занята для зимняго помѣщенія Главнаго Штаба нашей Дунайской арміи. Теперь, съ паденіемъ Плевны, обстоятельства войны, само собою понятно, сильно измѣняются, и едва ли Главный Штабъ Дунайской арміи будетъ имѣть надобность занимать для себя помѣщеніе въ Систовѣ.

Впрочемъ, еще нѣкоторое время, пока держится армія Сулеймана-паши, нельзя сказать совершенно опредѣленно, куда именно будетъ потомъ направлена квартира Главнаго Штаба Дунайской арміи. Мы уже имѣли случай въ этомъ же номерѣ замѣтить, что теперь, съ паденіемъ Плевны, событія пойдутъ значительно быстрѣе, и можетъ быть, еще въ этомъ же году квартира Главнаго Штаба нашей Дунайской арміи окажется за Балканами, въ Адріанополѣ, напримѣръ. Ну, что-же! Дай Богъ успѣха: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Короткая расправа въ Турціи.

Помѣщаемъ рисунокъ „Короткая расправа въ Турціи", конечно, не за художественныя его достоинства, ибо предметомъ художественнаго произведенія такой мотивъ и служить не можетъ, а даемъ ему мѣсто только для нагляднаго, такъ-сказать, сравненія положеній—нашего солдата и турецкаго.

У насъ, слава Богу, тѣлесное наказаніе отмѣнено, да и прежде въ такой формѣ, какъ въ Турціи, никогда не бывало: и при существованіи тѣлеснаго наказанія у насъ все-таки было предварительное разсмотрѣніе дѣла, на которомъ оно разбиралось, и наказаніе являлось уже результатомъ этого разбора. Не входимъ здѣсь въ сужденіе, каковъ былъ этотъ разборъ, но во всякомъ случаѣ отъ него слишкомъ еще далеко до короткой расправы, при которой солдата жаритъ начальникъ когда ему вздумается.

Положимъ, и у насъ бывали прежде грѣхи такіе, что начальникъ распекалъ солдатъ за то, что они не весело смотрятъ.

— Что ты не весело смотришь?! грозно спрашивалъ, бывало, начальникъ.

— Не могу знать, отвѣчалъ по обыкновенію солдатъ.

На такой простодушный отвѣтъ, раздавалось грозное начальническое слово съ внушеніемъ по физіономіи, и внушенія эти сопровождались такими словами: Смотри веселѣй! куда дѣвалъ улыбку-то!

Все это—дѣла давно минувшихъ дней. Теперь, слава Богу и начальники другіе и нравы другіе, да и солдатъ уже теперь другой..

Турція же—все Турція, какъ была по завоеваніи Константинополя въ XV вѣкѣ, такою же заявила себя и въ Севастопольскую кампанію, такою же видимъ ее и теперь.

Звѣрство, безсердечіе и самоуправство во всей его отвратительной обстановкѣ. Смотря на помѣщенный въ этомъ номерѣ рисунокъ, по поводу котораго намъ пришлось говорить о Турціи, живо представляешь себѣ, какъ беззащитна тамъ личность каждаго. Сдѣлалъ, положимъ, солдатъ проступокъ. Не разбирая, какъ, гдѣ, почему—прямо расправа:

— Эй, подержи-ка его...

Первый подвернувшійся подъ руку подчиненный хватаетъ провинившагося за шею и держитъ до тѣхъ поръ, пока начальникъ собственноручно хлещетъ провинившагося. И въ это же самое время подчиненный, держащій виновнаго за шею, преспокойно куритъ трубку: видимо, такое наказаніе есть дѣло обыкновенное ни кого невозмущающее.

Не бѣда даже и то, если битый солдатъ окажется невиноватымъ.

— Э, чортъ съ нимъ: самъ подвернулся подъ палку, пусть впередъ будетъ осторожнѣе...

Такъ судитъ праведнымъ судомъ начальникъ, и подчиненные противъ такого суда ничуть не возражаютъ и сами при случаѣ такъ же разсудятъ.

— Ну, а какъ же на счетъ того виноватаго-то, который остался не наказаннымъ?

На такой вопросъ отвѣтъ слѣдуетъ, смотря по расположенію духа начальника: захочетъ—накажетъ, захочетъ—помилуетъ.

— Ну его къ шайтану, отвѣтитъ иной разъ начальникъ: теперь рука устала... Отдую когда-нибудь послѣ...

Смѣсь.

Пенсіоны ученымъ.—Въ бумагахъ извѣстнаго французскаго министра Кольберта былъ найденъ списокъ ученыхъ, которымъ король Людовикъ XIV велѣлъ въ 1663 г. выдать милостивыя награды и содержанія. Для однихъ французскихъ туземцевъ сумма эта простиралась до 53,500 ливровъ, не считая того, что получали отъ короля иностранные ученые.

Стоимость судебнаго процесса въ Англіи. Издержки по управленію извѣстнымъ процессомъ Тичборна, взятыя въ совокупности, простираются до 60,074 фунт. стерлинговъ, 19 шилл. 4 пенса (слѣдовательно болѣе 540,666 руб.). Изъ этой общей суммы отчисляется: судейскихъ пошлинъ адвокатамъ 23,656 фунтовъ 17 шилл.; бумажнымъ торговцамъ и типографщикамъ вѣдомства Юстиціи 10,268 фунтовъ, 5 шиллинговъ, 11 пенсовъ; стенографамъ 3,637 фунт. 10 шилл. 4 пенс. и засѣдавшимъ джури 2,708 фунтовъ.

Перемѣщеніе двухъ цифръ можно сдѣлать только *2 раза* напр. 21 в 12.—*Три* цифры можно перемѣстить *6-ть разъ*. Напр. 123, 132, 213, 231, 312 и 321; *Четыре* цифры перемѣщаются подобнымъ образомъ 24 раза; *пять* цифръ 120 разъ; *шесть* цифръ 720 разъ; *семь* цифръ 5,040 разъ; *восемь* цифръ 40,320 разъ; *девять* цифръ 362,880 разъ; *десять* цифръ 3.620,000 разъ. Какую массу комбинацій можно сдѣлать даже изъ немногихъ цифръ!

Машина для бумажныхъ воротничковъ. Изготовленіе бумажныхъ воротничковъ, составляетъ въ Америкѣ одну изъ громадныхъ отраслей торговли. Въ годъ производится тамъ не менѣе 200 милліоновъ такихъ воротниковъ, что составляетъ ежегодную экономію въ бѣльѣ на 600,000 долларовъ.

Обращеніе писемъ на всемъ земномъ шарѣ еженедѣльно простирается среднимъ числомъ до 5.320,000 писемъ, что составляетъ 360,000 въ часъ. Эти колоссальныя цифры представляютъ собою ежегодное потребленіе бумаги больше 15 милліоновъ фунтовъ, предполагая наименьшій вѣсъ каждаго письма.

Мысли замѣчательныхъ людей.

«Голодъ часто стоитъ у входа въ домъ человѣка трудолюбиваго, да только не смѣетъ войдти туда» (*Франклинъ*).

«Наша совѣсть должна дать свой отчетъ только одному Богу. Въ совѣсть можно проникнуть только искренностью и довѣріемъ, но не насиліемъ. Это цвѣтокъ, который раскрывается на встрѣчу животворнымъ лучамъ солнца, но который тотчасъ же закрывается при дуновеніи сильнаго вѣтра». (*Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ*).

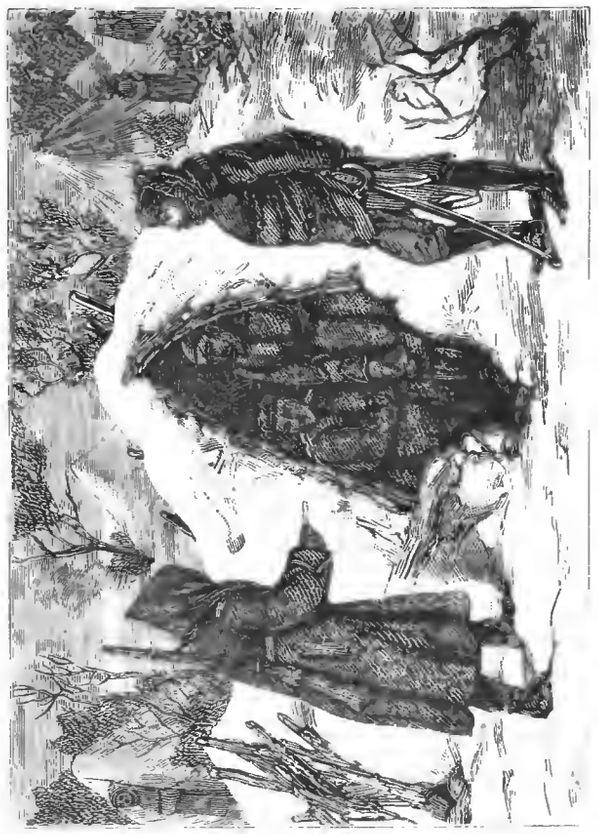
(Продолженіе на стр. 837, 838, 839 и 840).

Библиотека "Руниверс"

На Дону. Конскіе барышники въ дорогѣ. Картина профессора Зурланда, грав. Вальбергеръ.

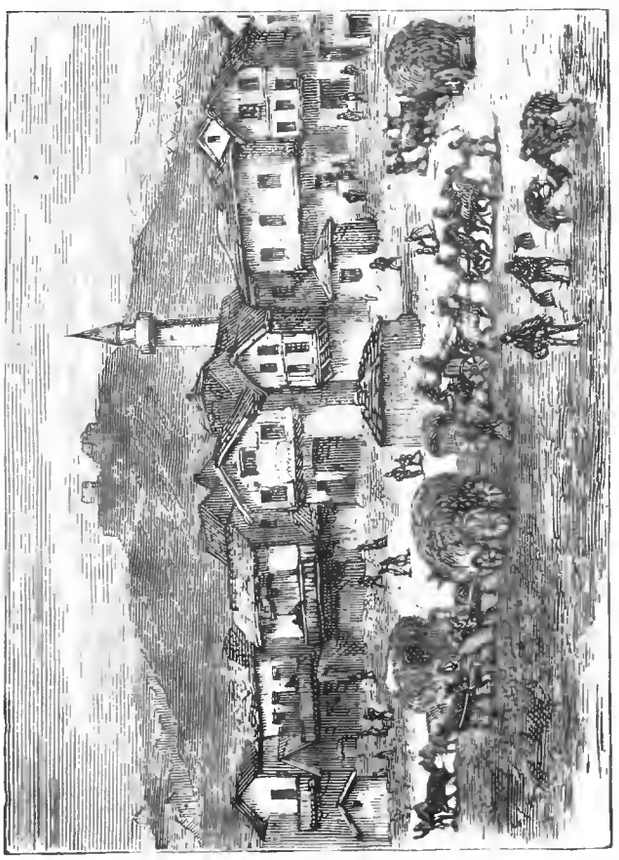
Библиотека "Руниверс"

Какъ наши войска жили подъ Плевной. (Видъ зимнихъ бараковъ). Грав. Вейерманъ.



Зимній баранъ турецкихъ офицеровъ въ плевненскомъ лагерѣ. Грав. Вейсрманъ.

Какъ наши войска жили подъ Плевной. (Внутренній видъ барака). Грав. Вейерманъ.

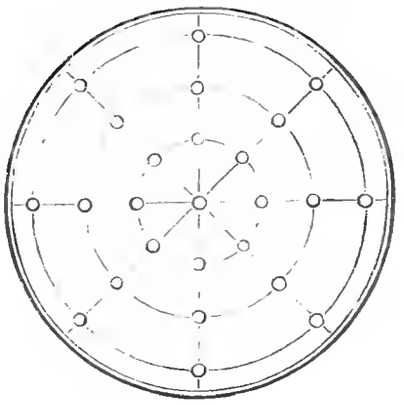


Зимняя квартира главнаго штаба дунайской арміи. Грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Ариѳметическая задача.

Разставить цифры отъ 1 до 25 по мѣстамъ, означеннымъ кружечками на прилагаемомъ рисункѣ, изображающемъ параллельные круги. Цифры должны быть разставлены такъ, чтобы въ общей сложности цифръ каждаго параллельнаго круга получалась сумма 100, и въ общей сложности цифръ по чертамъ, пересѣкающимъ круги въ

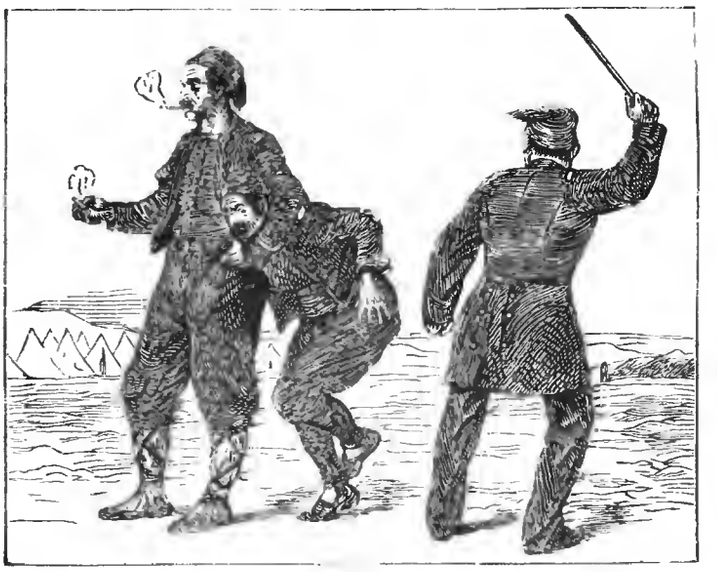


различныхъ направленіяхъ, также получалась цифра 100. При этомъ цифры не должны повторяться.

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 48: *„Наше храброе войско, защищая правое дѣло славянъ, заслуживаетъ лавры“*

Отвѣтъ на вопросъ о развалинахъ замка, рисунокъ котораго помѣщенъ въ № 47 „Нивы“, на стр. 780-й.

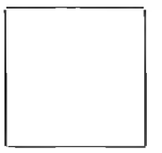
Замокъ этотъ—пейзажъ — портретъ. Мѣстонахожденіе — въ воображеніи художника. Стоитъ страницу повернуть бокомъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что замокъ этотъ „пейзажикъ“ съ какой-то физіономіи.



Короткая расправа въ Турціи. Грав. Вейерманъ.

Геометрическая задача.

Квадратъ, помѣщенный ниже, раздѣлить на четыре неравныя части такъ, чтобы изъ этихъ четырехъ неравныхъ частей можно было составить крестъ, имѣющій въ длину и ширину, т. е. въ обоихъ поперечникахъ одинаковые размѣры.



Политическія и военныя извѣстія.

Плевна пала! Приводимъ подробности этого паденія. Положеніе осажденныхъ въ этомъ городѣ турокъ, какъ оказывается теперь, было значительно хуже, чѣмъ это представляли намъ телеграммы. Положеніе Османа-паши было по истинѣ отчаянное, и послѣдній мѣсяцъ турки буквально «голодали». Въ послѣднія недѣли осажденные испекли изъ полученной отъ болгаръ муки 47.000 хлѣбовъ, и это уже былъ ихъ послѣдній жизненный рессурсъ; солдаты низама получали мясо только въ весьма малыхъ порціяхъ. Вотъ на низамъ-то Османъ-паша и разсчитывалъ болѣе всего, надѣясь съ помощію его прорваться. Паденіе Карса особенно подѣйствовало на состояніе духа осажденныхъ; между ними распространилось глубокое уныніе и деморализація, и мы знаемъ, что въ это время увеличилось число перебѣжчиковъ-турокъ изъ Плевны. Около 20-го ноября Османъ-паша питалъ надежду на подкрѣпленіе, но узнавъ о движеніи нашихъ войскъ по направленію къ Орханіе (движеніе, о которомъ мы въ свое время говорили въ нашихъ обозрѣніяхъ), потерялъ всякую надежду на помощь. Съ тѣхъ поръ деморализація и упадокъ духа въ осажденныхъ стали возрастать съ ужасающею быстротою, уже созрѣвали заговоры на жизнь начальника, и Османъ-паша, изъ страха быть убитымъ своими солдатами, долженъ былъ переодѣваться и проводить ночи въ разныхъ палаткахъ, чтобы вѣрнѣе скрыться отъ убійцъ... Положеніе горькое и страшное!.. Оно, конечно, не могло продолжаться долго и, истощивъ всѣ силы, Османъ-паша рѣшился прорваться—чего бы не стоило. Этотъ роковой день наконецъ насталъ—онъ былъ 27-е ноября. Остатокъ запасовъ розданъ былъ солдатамъ. Каждый изъ нихъ получилъ 6-дневный запасъ сухарей и по 150 патроновъ; резервныя орудія отправлены были въ городъ. Баттареи съ турецкой стороны замолкли, чтобы маскировать движеніе и вырваться въ наивозможной тишинѣ. Больные и раненые, не могшіе слѣдовать за арміей, были оставлены въ городѣ, но легко раненые пристали къ выступающимъ. Вечеромъ 27-го ноября армія Османа сконцентрировалась на р. Видѣ; при этомъ нѣкоторыя баттареи оставили свои орудія, чтобы облегчить движеніе, а излишнее оружіе было спрятано въ церкви. Изъ другихъ баттарей были возведены траншеи, чтобы въ случаѣ нужды удалить въ нихъ орудія. Вся ночь прошла въ самой напряженной работѣ и приготовленіяхъ къ ожесточенному, отчаянному бою. До разсвѣта на 23-е ноября туркамъ удалось, при помощи досокъ и каретъ, устроить 2 моста черезъ р. *Видъ*. Но наши при этомъ не дремали. Лазутчики сообщили въ главную квартиру о движеніи турокъ. Съ нашей стороны тотчасъ приняты были мѣры. Лишь только стало разсвѣтать, до 40,000 турокъ перешли р. Видъ и съ ожесточеніемъ отчаянія напали на нашу 3-ю гренадерскую дивизію, чтобы прорваться къ *Берковицъ*, гдѣ у насъ находилась сильно укрѣпленная позиція. Начался громадно-ожесточенный бой, одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ рѣшительность минуты заставляетъ сражающихся презирать смерть и всѣ опасности. Зрѣлище было страшное и поразительно торжественное. Русское торжествующе «*ура*!» неоднократно смѣнялось фанатическимъ, не менѣе торжествующимъ страшнымъ крикомъ «*Аллахъ*!» Въ эти страшныя минуты дряхлый, издыхающій Исламъ напрягалъ всѣ силы вырвать пальму первенства изъ рукъ поклонниковъ Креста—и не успѣлъ въ этомъ!.. Первое ожесточенное нападеніе турокъ потерпѣлъ нашъ Сибирскій гренадерскій полкъ. Онъ сражался съ мужествомъ, достойнымъ важности дѣла, и былъ немедленно подкрѣпленъ резервами. Благодаря своевременному прибытію резервовъ, Сибирскій полкъ привелъ турокъ въ замѣшательство и отбросилъ ихъ. Въ тоже время двинулся сюда нашъ герой генералъ Скобелевъ и овладѣлъ редутами, находящимися въ тылу турокъ. Въ этихъ редутахъ турки надѣялись найти прикрытіе для своей защиты. И при этомъ обѣ стороны сражались геройски. Около 9 часовъ утра наши вступили въ Плевну, тѣснимые турки упорно продолжали бой. Затѣмъ Османъ-паша употребилъ послѣднее отчаянное усиліе: во главѣ войскъ онъ бросился впередъ, увлекая все за собою, но тутъ *онъ былъ раненъ* и съ этого момента началось совокупное нападеніе нашихъ войскъ на турокъ, пришедшихъ въ отчаяніе. Они теперь-то замѣтили совершенную невозможность прорваться и выкинули бѣлый флагъ. Въ ожесточеніи боя наши войска не замѣтили этого флага, и продолжали сражаться, такъ что флагъ былъ выкинутъ въ 4-й разъ и только тогда кончился ожесточенный бой. Тогда Османъ-паша объявилъ, что онъ и его армія сдается безусловно на милость Всероссійскаго Государя и просилъ только пощадить имущество турецкихъ офицеровъ *).

Во все время этого страшнаго боя Его Величество Государь Императоръ присутствовалъ на 27 редутѣ и слѣдилъ оттуда за движеніями войскъ, группировавшихся между Опаницей и Медвеномъ. Его Высочество Великій Князь Главнокомандующій Дунайскою арміей, тотчасъ по прекращеніи боя, направился за рѣку Видъ и лично благодарилъ гренадеръ за ихъ подвигъ. Здѣсь къ Великому Князю привели Османа-пашу и Его Высочество принялъ его милостиво и высказалъ высокое уваженіе къ его храбрости. Свита Великаго Князя привѣтствовала мужественнаго защитника Плевны громкимъ «*браво*»! Осману-пашѣ дозволено было переночевать въ Плевнѣ, чтобы нѣсколько успокоиться отъ трудовъ и тревогъ и перевязать

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, Османъ-паша будетъ водворенъ внутри Россіи, и именно въ Суздалѣ.

Библиотека "Руниверс"

рану. На слѣдующій день, 29-го ноября, по случаю славнаго дѣла было отслужено благодарственное молебствіе въ одномъ изъ турецкихъ редутовъ. На молебствіи присутствовалъ Государь Императоръ и Великій Князь Главнокомандующій. Затѣмъ отслужена панихида по убитымъ въ славномъ бою и состоялась раздача Его Величествомъ орденовъ Св. Георгія. При этомъ орденъ *I-го класса* получилъ Его Высочество Главнокомандующій, *2-го класса:* генералы Тотлебенъ, военный министръ Милютинъ и генералъ Непокойчицкій; *3-го класса*: князь Имеретинскій и шефъ гренадерскаго корпуса Гаинецкій; *4-го класса*: *Левицкій* и начальники гренадерскихъ дивизій *Свѣчинъ* и *Даниловъ*. Вслѣдъ за сими раздачами Его Величество изволилъ въѣхать въ Плевну и присутствовать при богослуженіи въ Плевненскомъ соборѣ. Послѣ богослуженія въ одномъ изъ болгарскихъ домиковъ былъ приготовленъ Высочайшій завтракъ, во время котораго Его Величество изволилъ милостиво принять Османа-пашу и возвратить ему его саблю, съ присовокупленіемъ милостивыхъ словъ, что онъ *можетъ носить эту саблю въ Россіи.*

За симъ нужно прибавить, что герой Скобелевъ назначенъ военнымъ губернаторомъ пріобрѣтенной нами Плевны, а командиръ Суздальскаго полка Панютинъ—комендантомъ этой крѣпости. При взятіи Плевны особенно отличились полки: *Астраханскій*, *Сибирскій* и *Самогитскій*. При этомъ взяты нами въ плѣнъ: 40,000 турокъ здоровыхъ и 20,000 больныхъ и раненыхъ, 10 нашей, 128 штабъ-офицеровъ, 2,000 оберъ-офицеровъ, 1,200 человѣкъ кавалеріи. Захвачено также 70.000 ружей, 24 полевыя баттареи и 40 тяжелыхъ орудій. Наши потери состоятъ въ 2,000 солдатъ и 50 выбывшихъ изъ строя офицеровъ — потеря, слѣдовательно, незначительна въ сравненіи съ пріобрѣтенными результатами. Потери турокъ нужно считать *вдвое* болѣе.

Описаніе плевненскаго дѣла поглотило почти все наше обозрѣніе; но, въ виду громадной важности событія, это неизбѣжно было сдѣлать. Пріобрѣтеніе Плевны будетъ твердымъ исходнымъ пунктомъ и базисомъ всѣхъ нашихъ дальнѣйшихъ операцій *). Наши силы, какъ съ этимъ согласно и большинство лучшихъ органовъ европейской прессы, до сихъ поръ сосредоточенные около этого пункта, теперь свободно направятся къ рѣшительнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ армій Мехемеда-Али и Сулеймана-нашей. Движеніе за Балканы пріобрѣтаетъ теперь прочную устойчивость; точно такую же устойчивость пріобрѣтаютъ теперь и дѣйствія на лѣвомъ флангѣ нашей арміи, въ отрядѣ Наслѣдника Цесаревича, на р. Ломѣ и у Рущука.

Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ 29-го ноября тоже началось движеніе турецкихъ войскъ. Турки начали переправляться черезъ рѣку Ломъ у дер. *Красной* (къ сѣверо-востоку отъ Пирогоса); въ этотъ день 30 таборовъ турокъ уже переправились, а 30-го ноября непріятель аттаковалъ всѣми силами корпусъ Великаго Князя Владиміра Александровича, направивъ главный ударъ на *Мечку*. Но, послѣ упорнаго боя, турки были отбиты. Дѣло было блестящее. На мѣстѣ сраженія лично присутствовалъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ. Такимъ образомъ и на лѣвомъ флангѣ нашей арміи прошлая недѣля ознаменовалась блестящими успѣхами.

Что касается другихъ пунктовъ, обратившихъ на себя вниманіе недѣлю тому назадъ, напримѣръ *Яковицъ* и *Вратарницы*, то здѣсь войска наши стоятъ по прежнему на позиціи, въ виду непріятеля. Въ такомъ же положеніи дѣло находится пока и у *Лютикова*, *Арабъ-Конака* и *Златницы*. Но, разумѣется, все это долго продолжаться не можетъ, въ виду освобожденія нашихъ силъ на правомъ флангѣ, благодаря взятію Плевны.

На Закавказскомъ театрѣ войны не произошло за прошлую недѣлю ничего особеннаго. Рѣшительнымъ дѣйствіямъ препятствуютъ тамъ крайне дурная погода и естественныя неудобства путей сообщенія. На то же самое недавно жаловался своему правительству Мухтаръ-паша. На прошлой недѣлѣ получено извѣстіе, что Августѣйшій Главнокомандующій Великій Князь Михаилъ Николаевичъ 30-го ноября прибылъ въ Тифлисъ, гдѣ была ему устроена торжественная встрѣча по поводу взятія Плевны.

Изъ Черногоріи за прошлую недѣлю получено мало извѣстій, исключая извѣстія о безуспѣшномъ покушеніи на жизнь князя Николая во время операцій противъ форта Антивари. Домъ, въ которомъ жилъ князь Николай, былъ взорванъ на воздухъ посредствомъ мины, но къ счастью въ отсутствіе князя. Злоумышленники еще не розысканы.

*) Лучшая часть германской печати справедливо признаетъ паденіе Плевны важнѣйшимъ и обильнѣйшимъ по послѣдствіямъ оборотомъ восточной войны.

По случаю взятія Плевны, Германскій Императоръ Вильгельмъ получилъ телеграмму Его Величества Государя Императора, которая произвела великую радость при Берлинскомъ дворѣ. Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ поздравительною телеграммою и поздравленіемъ принца Карла. На улицахъ и въ собраніяхъ Берлина въ эту ночь все было оживлено, вездѣ пѣли Русскій національный гимнъ.

Засимъ вѣсть о взятіи Плевны пробудила радость между всѣми славянами. Въ Чешской *Прагѣ* и Кроатскомъ *Загребѣ* вѣсть эта произвела чрезвычайно радостное впечатлѣніе. Но и въ Прагѣ, и въ Загребѣ усердно работала австрійская полиція, чтобы остановить искреннія проявленія братскаго восторга.

Что касается собственно Петербурга, то ему вскорѣ предстоитъ высокое торжество—встрѣчи Того, по Чьему мановенію двинулась къ Дунаю могучая Русская сила: Государь Императоръ, по сообщенію телеграфа, вскорѣ прибудетъ въ Петербургъ.

Коснемся здѣсь, насколько позволяетъ мѣсто, и политическихъ явленій прошлой недѣли. Послѣ блистательнаго взятія нами Плевны, какъ и естественно было ожидать, западная печать снова выдвинула вопросъ о посредничествѣ, съ цѣлію заключенія мира между воюющими сторонами. Починъ въ попыткѣ посредничества сдѣлалъ, какъ и слѣдовало ожидать, Британскій кабинетъ. Но въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ эта попытка была отвергнута. Политическіе интересы континента, очевидно, не совпадаютъ съ интересами Англіи. Но Англія уже, какъ говорятъ, заручилась львиною долею на случай ликвидаціи или раздѣла Турціи: носятся настойчивые слухи, что она намѣрена купить у падшей Турціи флотъ, построенный, разумѣется, на англійскія деньги—покупка, очевидно, фиктивная и фальшивая. Въ существѣ дѣла, Англія этою, противною международнымъ правамъ, мѣрою, въ существѣ дѣла, погашаетъ «безнадежный» государственный долгъ Турціи. Послѣдствія такой покупки могутъ быть огромны; возможно, что турецкій флотъ будетъ плавать въ Черномъ морѣ подъ англійскимъ флагомъ... Затѣмъ носятся слухи, что знаменитый отурчившійся англійскій адмиралъ Гобартъ-паша потому не предпринималъ съ значительнымъ турецкимъ флотомъ никакихъ важныхъ дѣйствій, чтобы сберечь для Англіи этотъ флотъ и обезпечить выгоду ея фиктивной покупки... Но отъ этого явнаго нарушенія всѣхъ принциповъ международнаго права, будемъ надѣяться, удержитъ Англію ареопагъ континентальныхъ державъ... Увидимъ, что будетъ.

— Положеніе дѣлъ во Франціи продолжаетъ быть все такимъ же тревожнымъ, какимъ оно было недѣлю тому назадъ. Вторичное распущеніе палаты, отставка Макъ-Магона, вотъ два пункта, занимающіе французовъ. Маршалъ балансируетъ такъ и сякъ. Недавно онъ началъ увѣрять республиканцевъ, что главенство его для блага страны необходимо—и именно потому, что онъ не одержимъ личнымъ честолюбіемъ, не принадлежитъ ни къ какой партіи и будетъ поддерживать республиканскія учрежденія до 1880 г., т. е. до истеченія срока президентства.

Слухи о серьезности и несомнѣнномъ смертельномъ исходѣ болѣзни Римскаго Папы, все еще представлявшіеся противорѣчивыми, на прошлой недѣлѣ стали пріобрѣтать опредѣленный характеръ. Папа, дѣйствительно, въ послѣднюю недѣлю находился въ агоніи, и объ этомъ извѣщены были представители иностранныхъ державъ въ Римѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Москва. Новая деревня. Г—о. На ваша стихи отвѣтимъ стихами Пушкина:

«Онъ по ногтямъ узналъ мэаа изъ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.»

Москва К—Х—чу, Ребусъ не вѣрно составленъ. Если будутъ другіе вѣрные—помѣстимъ.

4. Москва П, Мост—ову. Вы ищете причины вашихъ жизненныхъ неудачъ и не можете найти; а между тѣмъ, ящикъ такъ просто открывается, при помощи вашихъ же собственныхъ стиховъ. Беремъ изъ васъ четыре строчки:

«Чѣмъ провинился я, что сдѣлалъ?
За что преслѣдуетъ меня рок?
Объ этомъ думаю всегда я,
Но все не нахожу причины.»

Не имѣемъ чести знать всѣхъ обстоятельствъ вашей жизни, но одна изъ причинъ вашихъ неудачъ заключается несомнѣнно въ томъ, что вы пишете стихи, не имѣя таланта.

СОДЕРЖАНІЕ: Императоръ Александръ I, Благословенный (съ портретомъ и 2-мя рисунками) М. Стр...—Юный Императоръ Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть третія. (Продолженіе).—Г. Хассанъ-Кале (съ рисункомъ).—Руень (съ рис.).—Мостъ на Дунаѣ ночью (съ рис.).—Русскіе въ Карсѣ (съ рис.)—Конскіе барышники на Дону (съ рис.). С.—Подъ Плевной (съ 4-мя рис.).—Въ Систовѣ (съ рис.).—Короткая расправа въ Турціи (съ рис.).—Смѣсь.—Арифметическія задачи.—Политическія и военныя извѣстія.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

НА ЕЛКУ!

Въ конторѣ журнала „Нива“ будутъ готовы переплет. экземпляры **Нивы** за **1877 г. въ каленкоровомъ** переплетѣ **23 Декабря**,—такъ что этотъ томъ въ красивомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ за **5 р 50 к.** вмѣстѣ съ двумя преміями за **1877 г.** можетъ служить прекраснымъ подаркомъ на **Елку.** Просимъ **впередъ** заявить о желаніи купить такой томъ Нивы за 1877 г. и контора журнала ручается за то, что переплетъ будетъ готовъ именно къ 23 Декабря.

КРЫШКИ для переплета «Нивы» 1877, и 1878 г. по вышеуказанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть «Ниву» въ такую коленкоровую крышку.

Библиотека "Руниверс"

Поступилъ въ продажу во всѣхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ:

№ 52 1—1

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ НА 1878 ГОДЪ, СЪ ОТРЫВАЮЩИМИСЯ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ ЛИСТКАМИ.

¼ чисть натуральной величины.

Благосклонный отзывъ столичной печати ужс краснорѣчиво отнесси къ пользу нашего «Календаря Ежедневника», почему мы ограничимся лишь краткимъ перечисленіемъ содержанія его на 1878 г., и именно: «Календарь-Ежедневникъ» на 1878 годъ заключаетъ въ себѣ:

1) Святцы; 2) дни рожденія и тезоименитства Императ. Фамиліи; 3) праздничные и табельные дни; 4) вверху, справа, число дней въ нажд. мѣсяцѣ; 5) вверху, слѣва,—фазы (виды) луны; 6) старый и новый стиль и названіе дня; 7) внизу, слѣва, число прошедшихъ дней отъ начала года, а справа число дней, оставшихся до конца года; 8) на папкѣ календаря цѣны гербовой вексельной бумаги; 9) событія русской исторіи; 10) пожарные сигналы въ Спб.; 11) всѣ посты отъ начала до конца; 12) тиражи % бумагъ; 13) сроки полученія капиталовъ, вышедшихъ въ тиражъ % бумагъ; 14) сроки приемовъ и какой торгъ; 15) народныя примѣты и повѣрія; 16) такса почтовыхъ сборовъ.

Папка «Календаря - Ежедневника» украшена цвѣтнымъ рисункомъ въ русскомъ стилѣ.

Цѣна календаря безъ перес. 75 к. съ перес. 1 р.

Господамъ торговцамъ дѣлается уступка.

СКЛАДЫ: въ конторѣ типографіи Императорскихъ СПБ. Театровъ, Воскресенскій просп., № 53 и у г. Германа Гоппе (Редакціи «Всемірной Иллюстраціи» и «Моднаго Свѣта»), Большая Садовая улица, № 16.

Издатель **Эдуардъ Гоппе.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ

СОБРАНІЯ ИНОСТРАННЫХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Въ 1878 году, какъ и въ предшествовавшіе *двадцать два* года, «Собраніе Романовъ» даетъ лучшія сочиненія въ иностранной беллетристикѣ, преимущественно англійской и французской, будетъ выходить всегда въ первыхъ числахъ мѣсяца книжками большого формата и помѣститъ въ годъ отъ *десяти* до *двѣнадцати* большихъ романовъ и множество повѣстей и разсказовъ самаго разнообразнаго содержанія, что составитъ въ концѣ года болѣе *трехсотъ* печатныхъ листовъ или около *пяти тысячъ* страницъ. На 1878 годъ приготовлены слѣдующіе романы, которые впрочемъ могутъ быть измѣнены другими болѣе интересными, если встрѣтятся таковые:

Жемчужина востока, изъ событій въ Константинополѣ, Антоніи Жофре,
Преступленіе моего отца, Блемиоре.
Мас-Горка, Густава Эмара.
Подставной, Джемса Пейна.
Драма въ Розовомъ Домѣ, Ксавье-Монтепено.
Сигналъ бѣдствія, Майнъ Рида.
Волокита-мужъ, Флоренціи Марьетъ.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ большого формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца—*десять рублей пятьдесятъ коп.*, съ доставкою въ С.-Петербургѣ—*одиннадцать*, для иногородныхъ подписчиковъ—*двѣнадцать рублей.*

Подписка принимается *исключительно* на имя издательницы, Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ д. Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

При редакціи открыта книжная торговля; высылаются всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическія изданія.

№ 33 3—3

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 8,

Магазины: Адмиралт. — противъ Стремянной.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА въ Петербургѣ.

Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.

20

Товарищество Чемберсъ и К°.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ

„МОТИВЫ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ"

(5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Сборникъ чертежей и рисунковъ фасадовъ, плановъ и деталей всякаго рода деревянныхъ и каменныхъ строеній (относящихся преимущественно до сельской архитектуры), какъ-то: проекты загородныхъ домовъ со службами, дачъ мостовъ бесѣдокъ и проч., проекты церквей, иконостасовъ, віотъ, рисунки мебели, золотыхъ и серебряныхъ вещей и т. п.

Часть рисунковъ хромолитографированныхъ.

Сборникъ выходитъ въ тетрадяхъ, отъ 4-хъ до 5-ти листовъ въ каждой, а всего въ годъ въ 12-ти тетрадяхъ 50 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ 12 тетрадей безъ доставки и пересылки. . . **8** руб.
съ доставкою или пересылкою . . . . . **9** „

Лица, желающія помѣстить въ изданіе свои произведенія, обращаются въ Редакцію въ С.-Петербургѣ: Васильевскій Островъ, набережная, противъ сквера д. № 1—5, кв. № 6, Рейнботъ.

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ: по Невскому просп., на углу Адмиралтейской площади, въ магазинѣ остамповъ Даціаро и въ магазинѣ Веггрона, у книгопродавцевъ; Мелье, Мамонтова, Курбатова, Чернесова, Исакова, Вольфа и проч.

Въ **Москвѣ:** на Кузнецкомъ мосту, въ магазинѣ Даціаро.

Лица, желающія пріобрѣсти **„МОТИВЫ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ"** за 1874, 1875, 1876 и 1877 годы обращаются съ требованіемъ въ тѣ же магазины.

ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„НЕДѢЛЯ"

(52 номера въ годъ)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО

ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

(12 книжекъ въ годъ)

Годовая цѣна за оба изданія **8** р. съ пересылкой,

Въ 1878 году «НЕДѢЛЯ» будетъ выходить съ **безплатнымъ** приложеніемъ «ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ» (12 книжекъ въ годъ)

«НЕДѢЛЯ» имѣетъ цѣлью давать читателямъ сжатые, но полные, ясные и серьезные отчеты обо всемъ, что происходитъ въ теченіи недѣли замѣчательнаго въ политической и общественной жизни Россіи и иностранныхъ государствъ.

«НЕДѢЛЯ» знакомитъ читателей съ важнѣйшими произведеніями книжной и журнальной литературы.

Посредствомъ очерковъ, разсказовъ и этюдовъ **изъ дѣйствительной жизни** «НЕДѢЛЯ» даетъ понятіе о нуждахъ и потребностяхъ различныхъ классовъ общества и народа.

Въ статьяхъ общественно-научныхъ, политическихъ и историческихъ «НЕДѢЛЯ» знакомитъ читателей съ важнѣйшими вопросами, стоящими на очереди и близкими каждому образованному человѣку.

Въ корреспонденціяхъ изъ провинціи «НЕДѢЛЯ», кромѣ сообщенія общеинтересныхъ фактовъ, имѣетъ цѣлью выводить на свѣжую воду всякаго рода господъ, обдѣлывающихъ свои дѣлишки подъ покровомъ провинціальной безгласности.

Наконецъ, во все продолженіе войны «НЕДѢЛЯ» будетъ давать **въ каждомъ номерѣ** «ОЧЕРКИ и КАРТИНЫ ВОЙНЫ». По этимъ статьямъ читатели могутъ составить себѣ не только точное и полное понятіе о ходѣ военныхъ дѣйствій, но и знакомиться со всѣми интересными эпизодами той великой драмы, которая разыгрывается на Балканскомъ полуостровѣ.

«ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ» будетъ выходить **ежемѣсячно** (12 книжекъ въ годъ), составляя **безплатное** приложеніе къ газетѣ «НЕДѢЛЯ». Въ немъ будутъ печататься лучшіе русскіе и иностранные романы и повѣсти. Относительно послѣднихъ будетъ обращено **особенное** вниманіе на точность, художественность и изящество перевода. Для своевременнаго полученія новыхъ романовъ редакція напеслась сотрудниками въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Нью-Йоркѣ.

Подписка на 1878 годъ открыта. Требованія адресовать: въ С.-Петербургъ, въ редакцію «Недѣли», на углу Ивановской и Кабинетской, № 6 — 12.

№ 32 3—2 Редакторъ-Издатель **П. А. Гейдебуровъ.**

Только что вышла изъ печати и продается въ музыкальномъ магазинѣ «Сѣверная Лира» (Л. Фриге). На углу Невскаго просп. и Троицкаго переулка:

№ 54 **УРА! ПЛЕВНА НАША!** 1

Торжественный маршъ для фортепіано въ 2 руки. Сочиненіе П. Эйтнера. Этотъ маршъ едва-ли не лучшій изъ вышедшихъ до сихъ поръ и истинно торжественный. Цѣна 60 коп.

УРА! КАРСЪ НАШЪ!

Торжественный маршъ для фортепіано въ 2 руки. Сочиненіе И. Реша. Ц. 60 к. Обѣ эти марша вмѣстѣ 1 р.

Въ послѣднее время вышли еще слѣдующіе музыкальныя новости для фортепіано въ 2 руки: Фр. Гунгль, „Торпедо—Вальсъ" Ц. 1 р.—И. Решъ. «Европейскій Концертъ». Кадриль. 7-е изданіе. 75 к.—И. Решъ „Красавица, Мазурка" 75 к.—П. Артемьевъ. «Въ походъ! Маршъ» Ц. 60 к.—А. Гюбнеръ «Съ отвагой на врага!» Маршъ. Ц. 60 к.—Ю Лангенбехъ. «Торпедо Маршъ». (посвящается героямъ Ѳ. В. Дубасову и А. П. Шеставову). Титулъ марша украшенъ портретами Дубасова и Шеставова. Ц. 75 к.—В. Михаленъ «Къ побѣдѣ»! Маршъ. Ц 60 к.—П. Решъ. «Впередъ, ребята»! Маршъ 60 к.—И. Решъ, Юго-славянскій военный маршъ. Ц. 60 к.—И Решъ Веселая компанія. Кадриль. Ц. 75 к.—Р. Eitner. Am Springbrunnen. Polka 60 к.—А. Балабановъ «Веста-Полька» 60 к.—

Для пѣнія: А. Ф. К. Впередъ за братьевъ Гимнъ на 1 голосъ: 75 к: на 4 голоса: 1 р.—Ф. Зуппе. Любовь на полѣ брани. Военная пѣсенька. Ц 75 к.—Н. Тивольскій. Наслажденіе. Романсъ. Ц. 60 к.—П. Яцевичъ. Въ разлукѣ. Романсъ 50 к.

Иногородные за пересылку не платятъ

Въ музыкальномъ магазинѣ. Сѣверная Лира (А. Фриге) на углу Невскаго просп. и Троицкаго переулка. Продаются: № 55 1

НА ЕЛКУ!

Лучшіе подарки для начинающихъ піанистовъ: Музыкальныя складныя картинки, составленныя Н. Артемьевымъ

Это весьма забавная музыкальная игра, содержащая въ себѣ между прочимъ 8 легонькихъ пьесонъ для фортепіано въ 2 руки, приспособляетъ много къ изученію музыки и желанію занятій, цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкою 3 рубля.

Новый сборникъ легкихъ пьесъ для фортепіано L'Enfant au Piano par N Hivolsky

Собраніе самыхъ лучшихъ мелодій и танцевъ въ легкой аранжировкѣ. 2-е изданіе . . . . . цѣна 1 р. 50 к.
въ роскошномъ переплетѣ . . . . . „ 2 „ 50 „

Это новое собраніе легкихъ піесъ въ короткое время пріобрѣло себѣ большую извѣстность; въ теченіи года продано 1700 экз. Оно отличается въ сию пользу отъ всѣхъ подобныхъ во многихъ отношеніяхъ: цѣна при большемъ объемѣ та же какъ и другихъ, пьесы выбраны болѣе современныя, раздѣленіе по степенямъ трудности болѣе послѣдовательно и аппликатура поставлена самая вѣрная.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ)

будетъ издаваться въ 1878 г. по прежней программѣ, съ цѣлію доставить полезное чтеніе рабочему населенію.—Годовая цѣна: въ С.-Петербургѣ—безъ доставки 60 к., съ доставкою на домъ 75 к.; съ пересылкою иногороднымъ 1 р. Лица подписавшіяся на 50 и болѣе экземпляровъ, за пересылку ничего не платятъ. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ редакціи журнала по Сергіевской ул. д. № 20 и въ книжномъ магазинѣ Блисмера по Гороховой ул. д. № 19, въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ братьевъ Салаевыхъ по Мясницкой ул. домъ кн. Гагариной.

Смѣемъ надѣяться, что всѣ, желающіе достанить народу полезное для него чтеніе, не откажетъ въ своемъ содѣйствіи къ возможно большему распространенію этого дешеваго изданія. 3—1

Зала и контора Фирмы Счетоводъ:

ЛЕКЦІИ Є. В. ЕЗЕРСКАГО.

Сравнительный курсъ.

ТРОЙНОЙ-РУССКОЙ И ДВОЙНОЙ-ИТАЛЬЯНСКОЙ

системъ счетоводства.

ПОДГОТОВЛЕНІЕ СЧЕТОВОДОВЪ.

Лица, успѣшно оканчивающія курсъ, принимаются въ контору «Фирмы Счетоводъ" для подготовленія на практикѣ на мѣста.

РЕКОМЕНДАЦІЯ СЧЕТОВОДОВЪ

на постоянныя мѣста и для временныхъ занятій по счетоводнымъ работамъ, здѣсь и въ провинціи.

„ФИРМА СЧЕТОВОДЪ"

1 Петербургъ. Литейный просп., № 38. № 56

При этомъ № прилагаются для гг. иногор. подписчик. объявленія: 1) „Нувелиста", 2) отъ редакціи „Русской Старины". Кромѣ того прилагается для гг. город. и иногород. подписч. Прейсъ-Курантъ отъ часов. магаз. Альтшвагера въ Спб.

Дозволено цензурою. СПБ. 9 Декабря 1877 г.

Тип. Веллига. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 51 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к

Выданъ 19 Декабря 1877 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ не замедлить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его нумеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23,500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени

Просимъ высылать редакціонные адресы отъ бандеролей, въ которыхъ получается „Нива" въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. „НИВЫ" НА 1878 г. | Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ. 4 р. | Съ доставкою . . . . . 5 „ | Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живаревв, Соловьева и Лангъ . . . 5 р. | Съ пересылкою въ Москву и друг. города Русской Имперіи . . . . 6 „

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго нумера со всѣми преміями.

Генералъ-лейтенантъ Иванъ Давидовичъ Лазаревъ.

Имя генерала Лазарева уже давно извѣстно на Кавказѣ, какъ заслуженнаго генерала, много способствовавшаго покоренію Кавказскихъ горцевъ. Такой боевой генералъ, каковымъ несомнѣнно зявилъ себя Иванъ Давидовичъ Лазаревъ, конечно не могъ оставаться въ бездѣйствіи въ то время, когда Россія призвана Провидѣніемъ къ рѣшенію при помощи оружія вопроса такъ ждавшаго долго своей очереди. Въ числѣ другихъ извѣстныхъ своею боевою опытностью призванъ былъ къ участію въ настоящей войнѣ съ Турціей и генералъ-лейтенантъ Иванъ Давидовичъ Лазаревъ. Но прежде чѣмъ сказать о его службѣ во время настоящей войны, считаемъ необходимымъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о предыдущей его жизни и дѣятельности.

Иванъ Давидовичъ Лазаревъ происходитъ изъ Карабахскихъ бековъ города Шуши, Бакинской губерніи.

Генералъ-лейтенантъ И. Д. Лазаревъ Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

Родился онъ 1820 году. Вѣроисповѣданія армяно-грегоріанскаго; воспитаніе получилъ въ Шушинскомъ уѣздномъ училищѣ. Достигнувъ 19-ти лѣтняго возраста, Иванъ Давидовичъ поступилъ на службу рядовымъ въ пѣхотный генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго полкъ (нынѣ 84-й пѣхотный ширванскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Константиновича). стоявшій тогда на Кавказѣ. Изъ этого одного, конечно, само собою уже понятно читателямъ, что Иванъ Давидовичъ представляетъ собою явленіе не весьма частое. Такихъ героевъ, которые, начиная жизнь съ низшихъ ступеней общественной лѣстницы достигаютъ ея вершинъ личными своими качествами, такихъ героевъ, конечно, немного. Но не потому одному такіе достойные уваженія, энергическіе и дѣятельные люди должны быть чтимы обще-

Библиотека "Руниверс"

ствомъ, что они—явленіе рѣдкое; это само собою понятно, но кромѣ того за ними и другая заслуга: они своею жизнію, цѣльностію духа, энергическою и упорною настойчивостію въ преслѣдованіи избранной разъ цѣли указываютъ слабосильнымъ и малодушнымъ, что не можетъ человѣка связать ни какая среда, ни какая обстановка, ни какія преграды, если только въ немъ есть духовная сила.

Иванъ Давидовичъ участвовалъ въ дѣлахъ отъ 1841 до 1861 г. и всегда былъ всей душой преданъ военной службѣ, посвящая ей все свое время, не жалѣя своихъ силъ. Въ дѣлѣ съ горцами при вылазкѣ изъ аула около Свитинскихъ садовъ, Иванъ Давидовичъ былъ контуженъ ружейной пулею въ локоть лѣвой руки; на штурмѣ заваловъ, близь селенія Мескинджи раненъ ружейной пулей въ шею на вылетъ, камнемъ въ голову и контуженъ пулей въ плечо лѣвой же руки. Всѣ свои ордена и чины, начиная съ унтеръ-офицерскаго званія, получены имъ исключительно за военныя отличія. Еще состоя въ нижнихъ чинахъ, онъ былъ награжденъ знакомъ отличія Военнаго Ордена Св. Георгія. Имѣетъ золотую саблю съ надписью „за храбрость" и занималъ важные служебные посты; такъ въ 1850 году Иванъ Давидовичъ управлялъ Мартузинскимъ ханствомъ, далѣе, чрезъ 4 года, Даргинскимъ округомъ, потомъ командовалъ войсками въ Среднемъ Дагестанѣ, былъ начальникомъ временнаго управленія въ покорившихся частяхъ Дагестана, присоединенныхъ къ Прикаспійскому краю, командовалъ 21-й пѣхотной дивизіей, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты въ 1866 г. утвержденъ въ должности начальника этой дивизіи; съ 1868 г. состоитъ при Кавказской арміи. Участвуя на театрѣ въ Малой Азіи, Иванъ Давидовичъ особенно отличился въ дѣлѣ 3-го октября—пораженіи Мухтара-паши на Аладжинскихъ высотахъ, за что Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Георгія 3-й степени. При штурмѣ Карса генералу Лазареву было поручено ближайшее руководство за ходомъ боя, но при томъ необходимо замѣтить, что общій ходъ штурма направлялъ самъ начальникъ дѣйствующаго корпуса, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ.

Для характеристики генерала Лазарева сообщаемъ его разговоръ съ старшимъ адъютантомъ корпуснаго штаба, капитаномъ Ч., посланнымъ къ генералу на случай болѣзни его начальника штаба, полковника Маламы.

— Я долженъ васъ предупредить,—замѣтилъ капитану генералъ,—что у меня отступленій не будетъ: не возьмемъ фортовъ къ утру—будемъ драться до вечера; не возьмемъ къ вечеру—будемъ драться до слѣдующаго утра.

Съ такою твердостью и рѣшимостью можно смѣло разсчитывать на успѣхъ. И понятно, что такой генералъ, который прошелъ въ продолженіи своей многолѣтней боевой жизни всѣ ступени отъ нижнихъ чиновъ до генеральскаго, не могъ и не можетъ иначе, по свойствамъ своей духовной природы, относится къ исполняемому дѣлу.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Окончаніе).

XII.

Опять по Москвѣ волненіе великое: молодой Государь опасно боленъ. Все, что имѣло какое нибудь соприкосновеніе съ дворомъ, стало метаться во всѣ стороны. Многіе ожидали всякихъ случайностей, но, не смотря на это, вѣсть о царской болѣзни всѣхъ поразила. Оказалось, что никто, конечно кромѣ Андрея Ивановича, и не подумалъ о томъ—что жъ, наконецъ, будетъ въ случаѣ смерти Петра II. Теперь быстро образовывались партіи. Одни находили, что престолъ по праву долженъ принадлежать цесаревнѣ Елисаветѣ, родной, теперь единственной, дочери Петра Великаго. На это возражали всякими вымышленными разсказами о дурномъ ея поведеніи, о томъ, что если она взойдетъ на престолъ, то многимъ слѣдуетъ ждать ея немилости; другіе полагали, что слѣдуетъ избрать царскую невѣсту. Это мнѣніе особенно распространялъ датскій посланникъ Вестфаленъ, которому три года тому назадъ ужь удалось отстранить герцогиню Гольштинскую Анну Петровну и Елисавету отъ русскаго престола.

До сихъ поръ Вестфаленъ былъ спокоенъ за интересы своего двора—но вотъ опасность возвращается и онъ снова волнуется: ѣздитъ то къ Долгорукимъ, то къ Голицынымъ. Но кого теперь застанешь—всѣ во дворцѣ! Наконецъ кое-какъ ему удается на-единѣ поговорить съ Васильемъ Лукичемъ.

— Слышалъ я,—говоритъ онъ князю,—что Дмитрій Голицынъ желаетъ учинить наслѣдницею цесаревну Елисавету. Если же это сдѣлается, то вы сами знаете, какъ будетъ непріятно двору нашему. Я дамъ вамъ, если слову моему не вѣрите, письменное въ этомъ удостовѣреніе, вы можете показать его кому хотите.

— Теперь, слава Богу, оспа высыпала,—отвѣчалъ Василій Лукичъ,—и есть большая надежда, что Императоръ выздоровѣетъ. Но еслибъ онъ и умеръ, успокойтесь, ужь приняты мѣры, чтобы потомки Екатерины не взошли на престолъ. Такъ и напишите двору своему объ этомъ дѣлѣ—несомнѣнно.

Но Вестфаленъ въ тотъ же день все же прислалъ князю свое письменное заявленіе. Вотъ что писалъ онъ:

„Слухи носятся, что Его Величество очень боленъ и если престолъ Россійскій достанется Гольштинскому принцу, то нашему Датскому Королевству съ Россіею дружбы имѣть нельзя. Обрученная невѣста изъ вашей фамиліи и можно удержать престолъ за нею, какъ Меншиковъ и Толстой удержали престолъ за Екатериной Алексѣевной. По знатности вашей фамиліи, вамъ это сдѣлать можно, притомъ вы больше силы и права имѣете".

Князь Василій Лукичъ пріѣхалъ съ этимъ заявленіемъ въ домъ Алексѣя Григорьевича и прочелъ его въ кругу собравшихся родныхъ. Но разсуждать теперь не стали, такъ какъ изъ дворца вернулся князь Иванъ съ радостнымъ лицомъ и извѣстіемъ, что государю гораздо лучше.

А въ это время нѣсколько экипажей стояли у ограды монастыря Новодѣвичьяго. Нашлись люди, вспомнившіе старую царицу и поспѣшившіе къ ней извѣстить ее о серьезной болѣзни внука и въ то же время напомнить ей, что она законная супруга Императора Петра Великаго. Ихъ экипажи были замѣчены многими и скоро поднялся говоръ о томъ, что есть еще третья партія—старой царицы Евдокіи Ѳеодоровны. Вотъ она, та минута, о которой не разъ думала въ томительные послѣдніе дни инокиня Елена: „внукъ умираетъ"! Загубили-таки его. Нашлись люди, пріѣхали къ ней извѣстить, шепнуть, что наступило и ея время. Да, она должна теперь, наконецъ, поднять свой голосъ. Загнанная, забитая, измученная старуха—завтра можетъ быть Русской Императрицей!" Загорѣлись глаза ея, сильно застучало сердце. Поднялась она, опираясь на свой посохъ, но вдругъ почувствовала, что все пришло слишкомъ поздно и что теперь ей ничего не нужно: совсѣмъ стара она, одолѣла старость, одолѣли лихія болѣзни, одолѣло великое горе цѣлой жизни. Нѣтъ, не подняться ей, не суждено быть Императрицей. Пройдетъ, быть можетъ, нѣсколько дней и не короновать, а погребать ее станутъ.

Но все же она заторопилась во дворецъ ѣхать, навѣстить внука, а когда пріѣхала, когда ввели ее подъ руки въ покои, близкіе къ императорской спальнѣ, вышедшій отъ Петра докторъ сказалъ ей, что больному стало хуже и что теперь никакъ нельзя его видѣть. За докторомъ выбѣжалъ и Алексѣй Долгорукій и спѣшно уѣхалъ къ себѣ домой. Сейчасъ же послалъ онъ гонцевъ за родственниками, чтобы съѣзжались какъ можно скорѣе. Блѣденъ былъ Алексѣй Григорьевичъ, ноги его подкашивались, видѣлъ онъ, что страшный часъ пришелъ: теперь или величіе, или неминуемая поги-

Библиотека "Руниверс"

бель. Все нужно сдѣлать, все испробовать! Въ головѣ стараго князя одни за другими роились планы и мысли. Онъ еще не унывалъ духомъ, но ослабѣлъ тѣлесно: не могъ совсѣмъ на ногахъ стоять, легъ въ постель. Въ спальнѣ своей и принялъ онъ родственниковъ. Вотъ всѣ съѣхались.

— Что, что такое!

— Императоръ боленъ, худа надежда, чтобъ живъ былъ, надобно выбирать наслѣдниковъ, проговорилъ князь Алексѣй, едва ворочая языкомъ.

— Кого же вы въ наслѣдники выбирать думаете? спросилъ Василій Лукичъ.

— Вотъ она, указалъ пальцемъ на верхъ Алексѣй Григорьевичъ.

И взгляды всѣхъ инстинктивно обратились къ верху, какъ будто сквозь потолокъ можно было видѣть княжну Катерину Алексѣевну, которая жила тамъ, въ верхнемъ помѣщеніи. И всѣ молчали. Но вотъ князь Сергѣй Григорьевичъ прервалъ это молчаніе.

— Нельзя-ли написать духовную, будто Его Императорское Величество учинилъ ее наслѣдницею?

— Эхъ, не ладное дѣло вы затѣваете, — наконецъ поднялъ свой голосъ фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ,—гдѣ это видано, чтобъ обрученной невѣстѣ быть Россійскаго престола наслѣдницей! Кто захочетъ ей подданнымъ быть? Не токмо посторонніе, но и я и прочіе изъ нашей фамиліи, никто въ подданствѣ у ней быть не захочетъ. Княжна Катерина съ Государемъ не вѣнчана.

Алексѣй Григорьевичъ бѣшено взглянулъ на него.

— Хоть не вѣнчалась, да обручалась, проговорилъ онъ.

— Что-жь такое,— отвѣчалъ даже не взглянувъ на него фельдмаршалъ,—вѣнчанье иное, а обрученье иное. Да еслибы она за Государемъ и въ супружествѣ была, то и тогда бы въ учиненіи ее наслѣдницей не безъ сомнѣнія было.

„Это еще что, отчаянно подумалъ Алексѣй Григорьевичъ, ужь и въ роднѣ несогласіе! Но развѣ можно допустить это?

— Послушайте, други мои,—обратился онъ ко всѣмъ, —все сдѣлать можно, стоитъ только хорошенько приняться за дѣло, и успѣхъ у насъ будетъ. Мы уговоримъ графа Головкина и князя Дмитрія Михайловича Голицына. А если они заспорятъ, то мы будемъ ихъ бить. Ты Василій Владиміровичъ въ Преображенскомъ полку подполковникомъ, а князь Иванъ—маіоръ, и въ Семеновскомъ полку спорить о томъ будетъ некому.

Но Василій Владиміровичъ, изъ всѣхъ Долгорукихъ остававшійся хладнокровнымъ и спокойнымъ, не могъ съ этимъ согласиться.

— Что вы ребячье врете, кричалъ онъ, какъ тому можно сдѣлаться и какъ я полку объявлю? Услышавъ отъ меня объ этомъ будутъ не только меня бранить но и убьютъ навѣрное.

И не дожидаясь дальнѣйшаго, Василій Владиміровичъ уѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ, княземъ Михайлою.

— Туда вамъ и дорога! трясясь отъ бѣшенства и ужаса прошипѣлъ имъ вслѣдъ Алексѣй Григорьевичъ. И безъ васъ дѣло сдѣлаемъ. Выручи, Василій Лукичъ, придумай что нибудь, ради Бога!

Князь Василій Лукичъ сѣлъ у камина передъ маленькимъ столикомъ, взялъ листъ бумаги и чернильницу и началъ писать духовную. Но скоро онъ остановился и разорвалъ бумагу.

— Моей руки письмо худо, кто бы получше написалъ? сказалъ онъ.

Писать вызвался Сергѣй Григорьевичъ, только просилъ, чтобы диктовали ему Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ. Скоро поспѣли два экземпляра.

Въ это время въ спальню отца вошелъ князь Иванъ, прямо отъ Императора, съ опухшими отъ слезъ глазами, весь даже растрепанный. Онъ сѣлъ на стулъ и поглядѣлъ на всѣхъ въ полномъ отчаяньи.

— Иванъ! обратился къ нему отецъ,—еще разъ умоляю тебя, помоги намъ. О своей головѣ хоть подумай. Вѣдь, если не уладимъ дѣло, всѣ мы погибли, мало что-ли враговъ у насъ, лютая смерть ждетъ, подумай!

Князь Иванъ молчалъ.

— Или ты ума-разума лишился?! тѣмъ же отчаяннымъ, умоляющимъ голосомъ, продолжалъ отецъ. Ну, насъ не жалѣешь, себя не жалѣешь, такъ пожалѣй хоть невѣсту свою, Наталью Борисовну. Она тебя любитъ пуще жизни, зачѣмъ же ей ты готовишь гибель?

Князь Иванъ вздрогнулъ. Нашелъ отецъ чѣмъ вывести его изъ неподвижности.

— Да, едва слышно прошепталъ онъ, да, ради нея на все готовъ, все сдѣлаю. Ну, что вы тутъ—духовную пишите—такъ я подпишусь. Не разъ съ Государемъ въ шутку писывалъ, умѣю подъ его руку подписываться, такъ что никто и не распознаетъ.

— И онъ дрожащей рукой схватилъ перо и написалъ „Петръ".

Всѣ кинулись къ бумагѣ и въ одинъ голосъ рѣшили, что очень похоже. Положили, чтобъ Иванъ и подписался подъ духовною, если Государь, за тяжкою его болѣзнью, подписаться не будетъ въ силахъ.

XIII.

— Господи, что съ тобою? голубчикъ мой, радость моя, ты какъ смерть блѣденъ!—такъ говорила, испуганно вглядываясь въ жениха, только что пріѣхавшаго къ ней, Наталья Борисовна Шереметева.

Онъ наклонился къ плечу ея и зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Государь умираетъ! едва смогла она разслышать его отчаянный шепотъ.

Да быть же этого не можетъ, ужь не ослышалась ли она, точно ли онъ сказалъ это: государь умираетъ! Еще вчера извѣщалъ ее Иванъ Алексѣевичъ, что Государю совсѣмъ лучше и она было-успокоилась, прогнала отъ себя всѣ мрачныя мысли. И вотъ Государь умираетъ...

— Иванушка, такъ-ли это? Неужели нѣтъ надежды? Вѣдь докторамъ нельзя вѣрить, вотъ въ позапрошломъ году я тоже была больна сильно: всѣхъ докторовъ съ Москвы созвали и всѣ сказали, что умру непремѣнно— а вотъ выздоровѣла. Можетъ и теперь такъ оно будетъ, помилуетъ насъ Господь, дастъ Государю здоровье.

— Нѣтъ, Наташа, родная моя, не утѣшай ты меня, совсѣмъ ему плохо. Только на секундочку и пріѣхалъ взглянуть на тебя, поплакать съ тобой. Сейчасъ къ нему возвращаюсь, боюсь, въ живыхъ застану ли...

Онъ говорилъ это такимъ безнадежнымъ голосомъ. Онъ такъ измученно, такъ страшно смотрѣлъ на нее, она поняла, что онъ не ошибается. Чтожь это такое—еще такъ недавно, сейчасъ еще было счастье, ни о чемъ страшномъ не думала молодая невѣста, сейчасъ еще вся жизнь казалась такою радостной, впереди только свѣтъ былъ. И вотъ какъ скоро ночь пришла страшная, ночь непроглядная. Разрывается ея сердце на милаго человѣка глядя, понимаетъ она его всѣ муки, его боль душевную.

Ахъ, какъ судьба къ ней немилостива! Долго ли счастье длилось, и вотъ она сочла, сколько длилось это счастье и вышло двадцать три дня съ половиною. Чѣмъ ей утѣшить теперь князя Ивана? Нечѣмъ, нѣтъ словъ такихъ у нея, она можетъ только ласкать его, можетъ только прижимать его къ своему сердцу и плакать съ нимъ вмѣстѣ. И она плачетъ и цѣлуетъ его.

— Но поѣзжай, поѣзжай скорѣе, говоритъ она, я не держу тебя,—поѣзжай скорѣе—тутъ еще больше мучаешься. Можетъ и полегчаетъ Государю. А я хоть бу-

Библиотека "Руниверс"

ду молиться какъ только умѣю, авось дойдетъ до Бога и моя грѣшная молитва.

— Да, молись, Наташа, молись! глухимъ голосомъ проговорилъ князь Иванъ. Да только нѣтъ, Господь Богъ не смилосердится надъ нами:—давно мы всѣ заслужили гнѣвъ Его,—возьметъ онъ къ себѣ эту чистую душу, нами окаянными погубленную. А намъ, намъ остается тяжкая кара и здѣсь на землѣ, и на небѣ.

Не могла слушать рѣчей этихъ Наталья Борисовна, зачѣмъ онъ и себя съ ними равняетъ и себя къ нимъ причисляетъ. Онъ—и они, что мракъ преисподней—и свѣтлое небо.

— Ахъ, Наташа, теперь всѣ вины мои стоятъ передо мною. Нѣтъ такого наказанія страшнаго, нѣтъ такой пытки ужасной, не выдумали люди такую пытку, которую я заслуживаю. Все теперь помню, все, въ чемъ повиненъ былъ передъ Государемъ. Многому дурному научилъ я его во дни моего неразумія, во дни моего окаянства.

Государственный канцлеръ Германской имперіи князь Бисмаркъ-Шенгаузенъ. Грав. О. Ротъ.

— Да, вѣдь это же давно было, прервала его Наталья Борисовна,—вѣдь ты теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ сдѣлался, вѣдь, знаю я, что, кромѣ добрыхъ совѣтовъ, ничего не слышалъ отъ тебя Императоръ.

— Да что эти добрые совѣты были поздно взялся я за разумъ, голову снялъ, да о волосахъ сталъ пла-

Библиотека "Руниверс"

каться. Нѣтъ, Наташа, ждетъ меня кара, и я самъ пойду на нее.

И вдругъ онъ отшатнулся отъ Натальи, онъ съ ужасомъ взглянулъ не нее и схватилъ себя за голову.

— А предъ тобой-то, предъ тобой-то какъ я виновенъ! зачѣмъ я погубилъ тебя-то, зачѣмъ связалъ твою свѣтлую жизнь съ моей безпутной, черной жизнью?! Наташа, слушай меня, слушай, торжественно, передъ Богомъ заклинаю тебя! Уйди отъ меня! Оставь меня! Я отказываюсь отъ тебя! Слышишь, отказываюсь. Ты мнѣ больше не невѣста! Я не загрязню тебя, я не заставлю тебя идти за мною въ мое страшное будущее. Слышишь, Наташа, я отъ тебя отказываюсь!..

И онъ все дрожалъ, онъ смотрѣлъ на нее, какъ помѣшанный.

Она схватилась за сердце; она крикнула отчаяннымъ голосомъ и кинулась ему на шею.

— Ты отъ меня отказываешься?! говорила она, глядя на него съ мукой и любовью. Ты отъ меня отказываешься—и ты можешь отъ меня отказаться? Ну, хорошо, отказывайся, если меня не любишь—да я то не откажусь отъ тебя! Никто, никакая сила человѣческая тебя отъ меня не отниметъ теперь. Ты мой, слышишь? ты мой, на всю жизнь! На счастье, на муки, на радость и горе, всюду, всюду пойду я за тобою. Отказывайся, бѣги отъ меня.—Я настигну тебя гдѣ бы ты ни былъ. Достану тебя на глубинѣ моря, всюду достану. Нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня, твоя судьба будетъ моей судьбою. Я покажу тебѣ, что умѣю любить только разъ въ жизни. Я покажу тебѣ, какъ вѣрна въ любви я; я покажу это всему свѣту. Бѣдный, милый Иванушка гдѣ же твой разумъ-то—сообразить не можешь, что въ счастьѣ великомъ могла бы я тебя еще оставить, а въ горѣ, какже я тебя кину? Неразумную вещь ты придумалъ — теперь-то я и нужна тебѣ. Спѣши-же, спѣши скорѣе, немедленно иди къ Императору!

При Плевнѣ. Драгунъ съ турецкимъ знаменемъ. По наброску нашего корреспондента, рис. Н. Каразинъ.

Библиотека "Руниверс"

И она крѣпко, крѣпко его поцѣловала. Она перекрестила его, благословила, убѣжала къ себѣ въ спальню, заперла на ключь дверь и стала горячо молиться.

Себя не помня, пріѣхалъ Иванъ Алексѣевичъ во дворецъ и кинулся къ спальнѣ Императора.

— Что онъ, что?

— Взгляни—ужь безъ памяти, прошепталъ въ отвѣтъ ему Алексѣй Григорьевичъ, не отходившій отъ кровати Петра.

Императоръ дѣйствительно лежалъ безъ памяти. Онъ метался, воспаленные глаза его глядѣли на присутствующихъ и никого не видѣли.

— Чтожь онъ? говорилъ онъ что нибудь? Звалъ кого нибудь? спрашивалъ князь Иванъ.

— Зоветъ Андрея Иваныча, да не знаю я пускать-ли? Пускать не слѣдуетъ.

— Какъ? И теперь, и теперь еще его мучить! Кто нибудь!—скорѣе зовите барона Остермана! обратился Иванъ Алексѣевичъ къ окружающимъ.

Никто не шевельнулся. Тогда самъ князь Иванъ отворилъ двери и позвалъ барона.

— Андрей Иванычъ, гдѣ ты? раздался слабый голосъ Императора.

— Здѣсь я, здѣсь, Государь. Здѣсь... или ты меня не видишь?

— Кто говоритъ это? это не твой голосъ, Андрей Иванычъ, тебя нѣту, приди же ко мнѣ, тебя не пускаютъ, тебя у меня отняли. Гдѣ ты, Андрей Иванычъ?

И тщетно Остерманъ старался увѣрить больного, что онъ здѣсь, тщетно бралъ его за руку — Императоръ смотрѣлъ на него, но ничего не видѣлъ. Вотъ онъ совсѣмъ замолчалъ. Всѣ притаили дыханье... „можетъ заснетъ.“ Но это былъ не сонъ, а забытье тяжкое. Наступило безсиліе и долго длилось оно.

Полночь давно пробило. Вотъ еще часъ прошелъ—все недвижимъ Императоръ.

— Иванушка, ты здѣсь? наконецъ раздался опять слабый голосъ, поди ко мнѣ поближе, или нѣтъ, остановись, встань только такъ, чтобы я могъ тебя видѣть. Не подходи ко мнѣ—вѣдь у меня оспа, я могу заразить тебя. Ахъ, страшно вѣдь это! Подальше уйди, подальше. Ты долженъ беречь себя—у тебя невѣста, вѣдь на лицѣ знаки останутся, подурнѣешь ты, князь Иванъ. Послушай я лежалъ вотъ и мнѣ слышалось, что кто-то сказалъ, что будто я совсѣмъ умираю. Иванушка, правда-ли это?

— Неправда, неправда! едва сдерживая рыданія, говорилъ князь Иванъ. Неправда, Государь, ты выздоровѣешь, потерпи немного...

— Да, я хочу выздоровѣть. Я не хочу теперь умирать. Мнѣ жить хочется, я встану и другимъ сдѣлаюсь. По новому все начнется. А гдѣ она, моя невѣста? Прошу что бы ее не впускали да впрочемъ и сама не придетъ—побоится испортить красоту свою. Ну, и хорошо—я не могу ее видѣть! Я не хочу ее видѣть, слышишь Андрей Иванычъ, не хочу, ни за что не хочу!..

Алексѣй Григорьевичъ, еслибъ только можно было, зажалъ бы ротъ умирающему. „Вѣдь вотъ таки познали этого Остермана! Теперь вотъ сидитъ и каждое слово въ своей памяти записываетъ. Потомъ изъ всякаго слова сдѣлаетъ исторію; за звукъ одинъ погубить насъ съумѣетъ“.

И онъ кинулся къ Остерману и ужь не зналъ, что и придумать, чтобъ только какъ нибудь удалить его изъ спальни.

Но сознаніе вернулось къ больному.

— Оставь его, Алексѣй Григорьевичъ, строго проговорилъ онъ. Не уходи, будь со мною, Андрей Иванычъ. А гдѣ Лиза? Ахъ какъ бы хотѣлъ я ее видѣть. Гдѣ Лиза—и ее не пускаютъ?! Пошлите за нею сейчасъ, чтобъ непремѣнно она пріѣхала. Я хочу ее видѣть, хочу, слышите! Лиза, гдѣ ты, моя добрая, милая Лиза! Посмотри, какъ я боленъ, говорятъ, я умираю. Вѣришь-ли ты, что я умираю?

И онъ ждалъ отвѣта, но никто не отвѣчалъ ему—цесаревны не было. Ее рѣшительно не впускали, представляя въ резонъ, что она можетъ заразиться. Но теперь и за нею послалъ Алексѣй Григорьевичъ.

„Къ чему это было не впускать, думалъ онъ,—если и заразится, тѣмъ лучше,—пускай сама заболѣетъ, пускай умретъ, хоть съ этой стороны не будетъ напасти“.

Прошло еще нѣсколько минутъ и снова Императоръ потерялъ сознаніе... онъ сталъ бредить. Вотъ и сестру вспомнилъ, вотъ ему кажется, что передъ нимъ она, что онъ говоритъ съ нею.

— Наташа, чего ты такъ долго не приходила, зачѣмъ меня одного оставила? А безъ тебя, что было со мной, какія муки, какое горе! Прости меня, Наташа, я грѣшникъ великій, да, я преступилъ свою клятву, тебѣ данную—здѣсь, въ этой ужасной Москвѣ остался, и вотъ наказалъ меня Богъ! Боленъ я, тяжко мнѣ! Наташа, зачѣмъ ты меня оставила? Наташа, не отворачивайся отъ меня, прости меня. Послушай, не вѣрь имъ, никому не вѣрь, если тебѣ скажутъ, что я люблю ее, что я самъ хотѣлъ всего этого. Не вѣрь, никому не вѣрь—насильно, противъ моей воли все это сдѣлалось. И все оттого, что тебя не было. Я ждалъ тебя, ждалъ, а ты не приходила...

Волосы дыбомъ становились на головѣ у Алексѣя Григорьевича. Онъ Богъ знаетъ, что бы далъ теперь, чтобы никого, кромѣ него не было въ спальнѣ.

Остерманъ сидѣлъ съ наклоненной головою, отъ всѣхъ пряча лицо свое.

Князь Иванъ ни о чемъ не думалъ, даже, можетъ быть, не понималъ смысла словъ умирающаго своего друга. Онъ только терзался тоскою, только чувствовалъ всѣмъ своимъ сердцемъ, что еще минута-другая—и все будетъ кончено...

Медленно отворились двери и тихо, едва держась на ногахъ, въ спальню вошла царица Евдокія Ѳеодоровна. Она снова явилась мрачнымъ привидѣніемъ, какъ и тогда, въ послѣднія минуты жизни внучки своей Натальи. И какъ тогда никто не обратилъ на нее вниманія, такъ и теперь тоже. Императоръ уже не могъ ее видѣть.—Онъ о ней не думалъ, а видѣлъ теперь только тѣхъ, кто былъ въ его сердцѣ.

Снова тишина воцарилась въ спальнѣ. Слышно было тяжелое дыханіе умирающаго. Докторъ наклонился надъ нимъ, взялъ его за руку и печально покачалъ головой.

Вдругъ все лицо Петра преобразилось. Съ широкораскрытыми, блестящими глазами приподнялся онъ съ подушки.

— Иванъ, Иванъ! скорѣй запрягайте сани!—хочу къ сестрѣ ѣхать!..

Онъ хотѣлъ еще сказать что-то, но вмѣсто словъ послышались одни хриплые, непонятные звуки. Онъ къ кому-то простеръ руки и вдругъ упалъ навзничь. Его руки опустились.

XIV.

На другой день рано утромъ въ палатахъ Верховнаго Совѣта назначено было собраніе. Туда съѣхались всѣ сановники, а также и высшее духовенство,

Началось предварительное совѣщаніе о томъ, кого теперь выбрать на престолъ россійскій. Всѣ были въ сборѣ, одного Остермана не было: онъ находился при тѣлѣ государя и въ Совѣтъ не поѣхалъ. Многіе уговаривали его, но онъ рѣшительно отказался. И покидать тѣло любимаго монарха нѣтъ у него силы, да и въ Совѣтѣ ему дѣлать нечего—онъ иностранецъ и приметъ общее рѣшеніе.

Но все же рано утромъ надъ тѣломъ царственнаго покойника Остерманъ уже успѣлъ переговорить съ княземъ Дмитріемъ Голицынымъ. Теперь онъ могъ оста-

Библиотека "Руниверс"

ваться спокойнымъ, онъ зналъ къ чему будетъ клониться рѣшеніе Верховнаго Совѣта.

Въ Совѣтѣ же былъ шумъ великій и долго никто не могъ понять другъ друга.

Все что говорилось еще наканунѣ про разныя партіи теперь оказалось вздоромъ—никакихъ партій не было: всѣ явились ни къ чему неприготовленными, пораженными смертью единственнаго внука Петра Великаго, по мужской линіи, и потому все шло въ разбродъ. Сильнѣе всѣхъ и отчаяннѣе говорилъ и требовалъ вниманія князь Алексѣй Долгорукій. Онъ сразу объявилъ что престолъ долженъ принадлежать его дочери, показывалъ всѣмъ завѣщаніе Петра II, но никто не обращалъ на него вниманія.

Еслибъ могъ князь Алексѣй взглянуть теперь вокругъ себя хладнокровно, онъ увидѣлъ бы ясно, что дѣло его проиграно. Въ семьѣ Долгорукихъ единства не было, онъ оставался одинъ съ своимъ подложнымъ письмомъ, на которое никто и глядѣть не хотѣлъ.

Имя царицы Евдокіи Ѳеодоровны пронеслось было по собранію, но сейчасъ же и замолкло. Старая, умирающая монахиня—что жь это будетъ? Царица на два дня а потомъ опять тоже! Цесаревну Елисавету даже какъ будто совсѣмъ позабыли.

Одинъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ упорно молчалъ. Онъ выжидалъ время когда всѣ успокоятся на столько, что станутъ его слушать и вотъ, выбравъ удобную минуту, онъ всталъ со своего мѣста и заговорилъ ровнымъ громкимъ голосомъ о томъ, что домъ Петра I пресѣкся со смертью Петра II и по справедливости необходимо перейти къ старшей линіи, то есть къ линіи царя Ивана Алексѣевича. Старшую дочь его царевну Екатерину выбрать трудно,—она замужемъ за герцогомъ макленбургскимъ, а вторая дочь Анна, герцогиня курляндская—вдова, свободна и одарена всѣми способностями, необходимыми для монархини.

Алексѣй Григорьевичъ кинулся было къ нему, ему хотѣлось задушить его—самъ онъ и не вспомнилъ про бѣдную курляндскую герцогиню и вообразить не могъ, что она явится соперницей его дочери—но князь Алексѣй удержался. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ, какъ всѣ собираются кругомъ Голицына, какъ всѣ кричатъ: „такъ, такъ! конечно, и разсуждать больше нечего! выбираемъ Анну". Анна, Анна—только и слышалось въ засѣданіи Верховнаго Совѣта.

Вотъ тяжелыя двери растворились и на порогѣ залы показалась полная, блѣднолицая фигура барона Андрея Ивановича Остермана.

— И я подаю свой голосъ за герцогиню курляндскую, проговорилъ онъ. У одной у нея, по мнѣнію моему, законное и неоспоримое право владѣть русскимъ престоломъ.

Алексѣя Долгорукаго родственники должны были вывести изъ залы засѣданія—самъ онъ ужь идти не могъ. Онъ безумно глядѣлъ на всѣхъ и шепталъ слова непонятныя.

А въ это время „разрушенная царская невѣста" гнала всѣхъ отъ себя, никого къ себѣ не впускала: сидѣла запершись въ своихъ комнатахъ. Какія муки вынесла она, какія мысли прошли въ головѣ ея, никто о томъ не вѣдалъ, да и никто теперь о ней и не думалъ больше. Каждый былъ занятъ своимъ личнымъ горемъ, своими опасеніями и стонъ стоялъ по Москвѣ отъ этого личнаго горя.

Не избѣгъ его и домъ Шереметевыхъ: въ этомъ домѣ, въ гробу парчевомъ лежала покойница—бабушка Натальи Борисовны.

И не знала бѣдная невѣста Ивана Долгорукаго о чемъ ей больше печалиться, о смерти-ли доброй бабушки или о смерти Императора. Чуяло сердце Натальи Борисовны, что бѣды только еще начинаются, что впереди одно горе. Плакала она и стонала день цѣлый и никто не могъ ее утѣшить. Она хорошо предвидѣла, что не оставятъ теперь въ покоѣ ея друга милаго, что погибъ онъ. Родные ее уговаривали, представляли ей, что она еще человѣкъ молодой и нечего такъ безразсудно сокрушать себя. Можно этому жениху отказать, если ему худо будетъ, мало ли жениховъ у нея найдется. Но она съ ужасомъ просила родныхъ молчать и не заикаться ей о такомъ позорномъ дѣлѣ; не для славы, богатства и почестей рѣшилась она выйдти за князя Ивана

— Не могу я согласиться такому безсовѣстному совѣту, твердила она. Одному отдала свое сердце, чтобъ жить и умереть вмѣстѣ, а другому ужь нѣтъ участія въ любви моей. Нѣтъ у меня той привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другого. И снова она плакала и конца не было слезамъ ея.

„Онъ-то что теперь, онъ-то несчастный какъ мучится, думала она, хоть бы на минутку его увидать!"

Но князь Иванъ не показывался: онъ былъ при гробѣ Императора

Вотъ и день пришелъ страшный. Сейчасъ повезутъ мимо дома Шереметевыхъ Государя. Съ опухшими глазами, измученная, на себя не похожая подошла къ окошку Наталья Борисовна: къ стеклу прильнула и замерла. Видитъ она, по улицѣ ужь медленно подвигается торжественная процессія. Вотъ проходятъ духовныя особы: множество архіереевъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго чину. Потомъ несутъ государственные гербы, кавалерію, ордена разные, короны. Вотъ и гробъ. А передъ гробомъ идетъ князь Иванъ Алексѣевичъ, несетъ на подушкѣ кавалеріи. Двое людей какихъ-то ведутъ его подъ руки, „самъ видно ослабѣлъ совсѣмъ, бѣдный." Слезы застилаютъ глаза ея, грудь давитъ отъ рыданій, но все она смотритъ, не отрываясь смотритъ на своего несчастнаго друга. Епанча на немъ траурная, предлинная; флёръ на шляпѣ до земли, волоса распущены, самъ такъ блѣденъ. „Никакой въ немъ нѣтъ живости".

Вотъ поровнялся онъ съ окномъ, изъ котораго она глядитъ, взглянулъ на нее опухшими отъ слезъ глазами и махнулъ рукою. Все закрылось передъ Натальей Борисовной. Со стономъ упала она на окошко и лишилась чувствъ.

Съ этой минуты кончилась ея прежняя жизнь, веселая жизнь дѣвичья, кончилось ея счастье мимолетное, началась новая жизнь, страшная, такая страшная, что еслибъ она могла всю ее предвидѣть, молила бы объ одномъ только Бога—взялъ бы Онъ ее поскорѣе.

Вслѣдъ за воцареніемъ Императрицы Анны Іоанновны началось преслѣдованіе мнимыхъ и явныхъ враговъ ея—конечно, прежде всѣхъ, Долгорукихъ. Обвинили ихъ въ томъ, что они небрегли здоровье Государя и были причиною его ранней смерти. И повторилась надъ Долгорукими судьба Меншиковыхъ. По той же дорогѣ пошли они и окончилось ихъ странствіе тяжелыми испытаніями, всякими обидами и мученіемъ, окончилось тѣмъ же далекимъ сибирскимъ островомъ, гдѣ стоялъ домикъ, построенный Александромъ Данилычемъ.

Графиня Наталья Борисовна, не смотря на всѣ мольбы и даже угрозы родныхъ своихъ, не отказалась отъ жениха и всей своей долгой, страдальческой жизнью доказала свѣту, что въ любви вѣрна она. Дальнѣйшая исторія Долгорукихъ можетъ составить предметъ для многихъ разсказовъ, но со смертью Петра II нашъ разсказъ оконченъ. „Разрушенная невѣста" была причиною окончательной гибели многихъ родныхъ своихъ и въ томъ числѣ брата. Она отомстила имъ, какъ давно о томъ мечтала. Сама она, во все продолженіе царствованія Анны Іоанновны, находилась въ тяжелой ссылкѣ. Но Императрица Елисавета вернула ее въ Россію, окружила прежнимъ блескомъ и вели-

Библиотека "Руниверс"

чіемъ. Катерина Алексѣевна вернулась ко двору постарѣвшею, измѣнившеюся, но неизмѣннымъ оставалось ея гордое сердце. Она вышла замужъ за графа Брюса и скоро умерла отъ сильной простуды. Послѣднія слова ея передъ кончиной были: „сожгите всѣ мои платья и наряды, не хочу, чтобъ кто нибудь носилъ ихъ послѣ меня“.

Смутное переходное время русскаго общества, вызваннаго къ новой жизни геніемъ Петра Великаго, создало цѣлый рядъ страшныхъ драмъ. Передъ нами проходятъ вереницы виновныхъ и невинныхъ жертвъ общественнаго разлада, и невольно сжимается сердце, вспоминая судьбу иныхъ чистыхъ и свѣтлыхъ людей безвременно погибшихъ. Среди этихъ образовъ стоитъ и юный Императоръ: природа богато одарила его. Въ другое время, въ другихъ обстоятельствахъ, при другомъ воспитаніи изъ него, можетъ быть, вышелъ бы достойный преемникъ великаго дѣда. Но судьба рѣшила иначе и онъ долженъ былъ погибнуть.

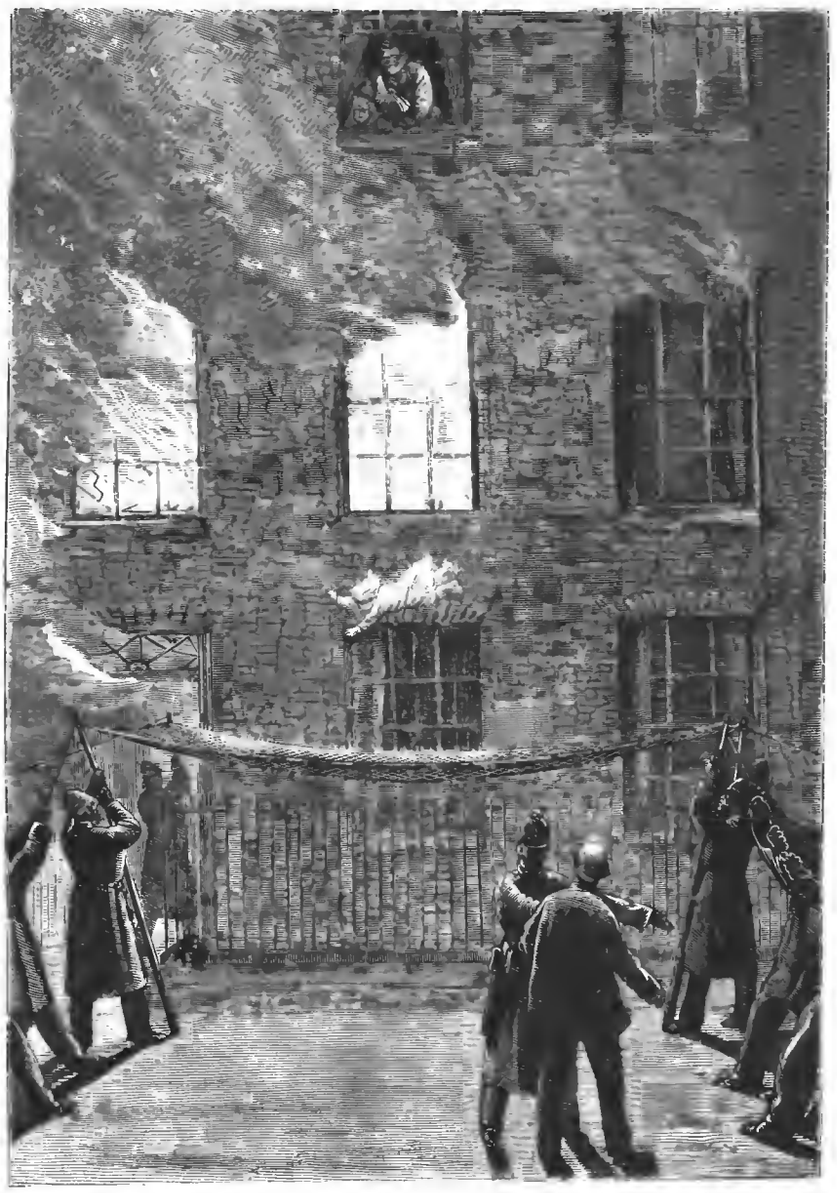
Долгорукіе вполнѣ заслужили свою кару. Одинъ только изъ нихъ, князь Иванъ Алексѣевичъ, искупилъ всѣ грѣхи своей юности. Строго судить его мы не можемъ. Мы видимъ его впослѣдствіи добрымъ и честнымъ мужемъ, истиннымъ, терпѣливымъ христіаниномъ. Приговоренный къ четвертованію, онъ встрѣтилъ эту страшную казнь съ величайшимъ душевнымъ спокойствіемъ. Твердымъ голосомъ началъ читать онъ послѣднюю молитву въ то время, какъ отрубили ему руку и кончилъ молиться только тогда, когда голова его отдѣлилась отъ туловища. И его мы должны причислить къ безвиннымъ жертвамъ страшнаго времени.

Но послѣднее слово наше принадлежитъ женѣ его, Натальѣ Борисовнѣ, печальная судьба которой хорошо знакома русскому народу. Она осталась въ памяти народной свѣтлымъ идеаломъ чистой душею женщины, жены, безукоризненной матери и христіанки. Всю жизнь свою терпѣла она горе за горемъ; скончалась въ Кіевѣ монахиней. Послѣднія слова ея, записанныя ею передъ кончиной, были: „Оставшіе по смерти моей пролейте слезы, вспомня мою бѣдственную жизнь. Всякаго христіанина прошу сказать, вспомня меня: слава Богу, что окончилась ея жизнь, не льются ужь токи слезъ и не вздыхаетъ сердце ея.“

Ея тѣло погребено при самомъ входѣ въ Кіевопечерскую Лавру, рядомъ съ гробомъ ея младшаго сына, ранняя смерть котораго была послѣднимъ ея горемъ. Надписи на могильной плитѣ теперь не существуетъ. Много людей проходятъ надъ прахомъ многострадальной женщины, не зная, что здѣсь ея могила, но ея имя не умретъ—оно заслужило безсмертіе.

Всеволодъ Соловьевъ.

КОНЕЦЪ.



Помощь спасательной сѣтки во время пожара. По I. L. N., грав. Рашевскій.

Стихотвореніе.

Тучи.

Тучи скопились на югѣ,
Все потемнѣло кругомъ,
Сыплется рокотомъ взрывовъ
Дальній раскатистый громъ.

* * *

Полно, друзья, не пугайтесь,—
Буря для насъ не страшна:
Лишь благотворной грозою
Здѣсь пронесется она.

И затхлый и душный нашъ воздухъ,
Эта гроза освѣжитъ,
Зноемъ спаленную землю
Пышной струей напоитъ.

* * *

Было намъ душно—дыханье
Съ болью спиралось въ груди,
Скоро вздохнемъ мы свободно—
Счастье и свѣтъ впереди!

П. Г—ъ.

Библиотека "Руниверс"

Выходъ изъ церкви послѣ крестинъ. (Изъ средне-вѣковой жизни). Картина Мерль, рис. Девисъ, грав. Жонаръ.

Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ.

Князь Бисмаркъ.

Великій государственный человѣкъ нашего времени, съ именемъ котораго навсегда и нераздѣльно связана новая блестящая эра въ жизни Германіи, дѣятельность котораго имѣетъ связь со всѣми великими современными событіями въ Европѣ—человѣкъ этотъ князь Бисмаркъ. Уже съ 60-тыхъ годовъ текущаго вѣка имя это сдѣлалось до такой степени популярнымъ, что въ настоящее время знаетъ имя это всякій, даже неграмотный. Будущіе историки XIX вѣка, должны избрать на цѣлыя десятилѣтія, центромъ европейскихъ событій колоссальную и многообъемлющую дѣятельность Бисмарка, для самаго общаго очерка которой потребовалось бы написать цѣлый огромный томъ....

Но какой же характеръ этой дѣятельности? Полезна ли она вообще для блага европейскихъ народовъ или она безразлична для этого блага? Есть ли Бисмаркъ тотъ мощный геній, разрушающій желѣзною рукою то, къ чему всѣ привыкли, и созидающій новое, на перекоръ этимъ привычкамъ—или онъ не есть геніальный зодчій, а человѣкъ традицій, нелюбящій новаго потому только, что оно *новое*?—Нѣтъ, князь Бисмаркъ ни то, ни другое, или, лучше сказать, онъ представляетъ удивительное гармоническое сочетаніе зиждительнаго и консервативнаго элементовъ. Онъ разбиваетъ и обезсиливаетъ Австрію, принижаетъ нелѣпый французскій шовинизмъ, это дряхлое наслѣдіе высокомѣрнаго бонапартизма и, послѣ этихъ геркулесовскихъ подготовительныхъ работъ, создаетъ сильную и единую Германію. Въ этомъ смыслѣ онъ разрушитель стараго и обветшавшаго и вмѣстѣ, энергическій зодчій новаго величественнаго зданія. Но онъ же и консерваторъ въ смыслѣ неизмѣнности союза *трехъ Императоровъ*, въ смыслѣ цѣлесообразности связи и совмѣстности дѣйствій въ восточной политикѣ Россіи, Германіи и Австріи. Въ этомъ смыслѣ политика Бисмарка, или, что тоже, политика Германіи, по восточному вопросу имѣетъ для насъ громадную цѣну. Раздвоенная дуализмомъ Австрія, вѣчно подозрительная, ревниво слѣдящая за нашими успѣхами, не скрывающая радости при нашихъ неудачахъ, конечно, не выдержала бы своего нейтралитета, если бы ее не сдерживала желѣзная рука князя Бисмарка. Въ теченіе настоящей войны, еще минувшимъ лѣтомъ, Бисмарку неоднократно приходилось всѣми силами доказывать и внушать Австріи, какое громадное значеніе имѣетъ *тройственный* союзъ Императоровъ для самой Австріи, для ея политическаго цемента. Въ концѣ минувшаго лѣта, какъ извѣстно, ходили слухи о *двухъ* союзахъ государствъ, имѣющихъ возникнуть въ Европѣ и вступить между собою въ ожесточенную борьбу—о союзахъ англо-французско-австрійскомъ съ одной стороны, и русско-германскомъ съ другой. Если, дѣйствительно, европейская борьба грозила усложнить нашу сепаратную войну съ Турціей,—и если этого не случилось, то, конечно, Европа этимъ обязана проницательному и глубокому уму Бисмарка, умѣвшему отвратить опасность. Мы говоримъ: Европа обязана Бисмарку—это потому, что европейская борьба была бы весьма не кстати и не дала бы никакихъ результатовъ въ смыслѣ прочнаго разрѣшенія восточнаго вопроса, а была бы вредна для самой Европы. До сихъ поръ мы видимъ, что усилія Бисмарка достигли результатовъ и Австро-Венгрія не отступаетъ и, судя по недавнимъ рѣчамъ графа Андраши, даже не намѣрена отступать отъ тройственнаго союза. Правда, есть извѣстія, съ другой стороны, что Германія занята теперь укрѣпленіемъ и улучшеніемъ пограничныхъ съ Франціей крѣпостей. Эта можетъ быть иная комбинація, неимѣющая ни чего общаго съ расторженіемъ тройственнаго союза. Новая борьба Германіи съ Франціей неизбѣжна. Ее можетъ ускорить ожидаемая смерть Папы и имѣющая возникнуть съ еще большимъ ожесточеніемъ борьба между іезуитскимъ католицизмомъ и клерикализмомъ и новымъ строемъ германскихъ государствъ, созданнымъ Бисмаркомъ. Въ этой комбинаціи борьбы наша война съ Турціей за освобожденіе нашихъ братьевъ отъ ига, разумѣется, ни причемъ. Развѣ только французскій клерикализмъ впутаетъ насъ въ борьбу противъ союза англо-французско-австрійскаго; но въ такомъ случаѣ смѣло можно сказать, что нашею неизмѣнною союзницею въ этой борьбѣ будетъ Германія. Пока живъ великій государственный человѣкъ, каковъ Бисмаркъ, политика Германіи относительно насъ и относительно восточнаго вопроса не измѣнится. Да и по смерти Бисмарка Германіи надолго не будетъ причины отрѣшаться отъ политическихъ традицій своего великаго канцлера.

Генералъ Скобелевъ въ редутахъ подъ Плевной.

О храбрости и неустрашимости генерала Скобелева передавали мы уже не мало разсказовъ. Въ разсказахъ этихъ генералъ Скобелевъ является, такъ сказать, лицомъ легендарнымъ; и понятно, что такая удивительная отвага, при необыкновенномъ счастіи оставаться невреднымъ среди сильнѣйшаго огня, не могла не придать личности генерала Скобелева нѣчто совершенно выдающееся изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Недаромъ и турки называютъ его „бѣлый шайтанъ", а по-турецки шайтанъ есть представитель нечистой силы. Въ рядахъ окружающихъ его войскъ, т. е. собственно въ массѣ солдатъ, генералъ Скобелевъ считается заговореннымъ отъ смерти. Солдаты, видя, какъ генералъ остается невредимымъ среди падающихъ вокругъ его вражескихъ пуль и гранатъ, должны были, по свойствамъ склада народныхъ понятій, объяснить себѣ эту невредимость какою нибудь чудесною силой, полученной отъ какого нибудь „вѣщаго старца".

И въ самомъ дѣлѣ, даже не только въ глазахъ простого темнаго человѣка, но и въ глазахъ кого бы то ни было другого, такая „заговоренность" отъ смерти не поддается объясненію. Первое ея объясненіе со стороны людей скорыхъ и бойкихъ на всякія разгадки—это конечно бездоказательныя слова: „случайность, молъ, и больше ничего". Но это слово далеко не удовлетворяетъ человѣка, болѣе или менѣе свободнаго „отъ скорыхъ и бойкихъ рѣшеній".

Рисунокъ, помѣщаемый въ этомъ нумерѣ даетъ понятіе о томъ, какъ высокоуважаемый генералъ Скобелевъ проводитъ ночи въ редутахъ подъ Плевной, и та заботливость, съ какою онъ относится къ своему дѣлу, не жалѣя ни силъ, ни здоровья, ни покоя. Конечно, онъ заслуживаетъ той славы, похвалъ, удивленія и благодарности, какія сопровождаютъ во всѣхъ концахъ нашего отечества имя генерала Скобелева.

Другой рисунокъ, относящійся къ той же славной для нашего оружія плевненской порѣ, касается уже того времени, когда турецкія знамена оказались въ русскихъ рукахъ.

Спасательная сѣтка.

По поводу этого рисунка приходится замѣтить, что какъ часто незначительныя и вовсе немногосложныя приспособленія могутъ быть въ высшей степени полезны, оказывая помощь не только въ обыденной жизни людей, но даже въ спасеніи ихъ отъ смерти.

Примѣръ у насъ предъ глазами. Въ домѣ пожаръ: пламя мгновенно распространилось, и не успѣли выбѣжать изъ комнатъ, какъ деревянныя лѣстницы были уже имъ охвачены. Какъ спастись людямъ? Бросаться съ верхнихъ этажей внизъ—та же смерть, только другого рода. Вотъ здѣсь-то и оказываетъ помощь незначительная повидимому вещь, именно веревочная сѣтка. Нѣсколько человѣкъ пожарныхъ раскидываютъ ее тамъ, гдѣ въ ней оказывается надобность, укрѣпляютъ, какъ показано на рисункѣ, и, благодаря этому, человѣкъ (на сей разъ и не одинъ, а нѣсколько) спасается отъ смерти.

Выходъ изъ церкви.

Эта мастерски написанная картинка выхвачена изъ жизни добраго стараго времени въ какомъ нибудь скромномъ уголкѣ мечтательной, идеальной Германіи. Радостная, нарядная толпа спускается по массивной лѣстницѣ стариннаго, готическаго храма. На первомъ планѣ шествуетъ юная, прелестная чета; молодая женщина несетъ на рукахъ ребенка и съ неподдѣльнымъ восторгомъ любуется этимъ, вѣроятно первымъ залогомъ супружескаго счастья, а слѣдомъ за ней выступаетъ красивая, энергичная фигура молодого человѣка, слушающаго съ веселой улыбкой привѣтствія и поздравленія стоящей на паперти толпы и бросающаго ей деньги, вѣроятно для того, чтобы пожеланіямъ новорожденному всевозможныхъ благъ не было конца и чтобы народный гулъ былъ также звонокъ, какъ вызывающее его золото. Нечего и говорить что главный виновникъ всего этого шума и суматохи—то маленькое существо, которое тихо покоится на рукахъ молодой женщины, убаюканное гармоническими звуками церковнаго органа и утомленнаго цѣлою массою новыхъ, неиспытанныхъ впечатлѣній, выпавшихъ въ этотъ знаменательный день на долю его слабаго, едва сложившагося организма. Всѣ эти громкіе крики и лестныя оваціи нисколько не тревожатъ его безмятежнаго, глубокого сна, и только радостно заставляютъ биться сердца счастливыхъ родителей, которые уже въ этомъ маленькомъ человѣкѣ мысленно видятъ цѣльную, вполнѣ сформированную личность храбраго рыцаря, честнаго, энергичнаго гражданина, подпору ихъ старости, гордость ихъ рода. Эти розовыя надежды, эти далекія мечты явственно блестятъ въ ихъ взорахъ; но видимо въ нихъ принимаютъ участіе и окружающіе ихъ родственники и та разношерстная толпа простолюдиновъ, которая пришла поглазѣть на радость счастливыхъ господъ. Повсюду слышатся говоръ, веселый смѣхъ, радостные возгласы—и невольно приходятъ на умъ полные прелестной таинственности, стихи великаго германскаго поэта:

„Веселый звонъ святого пира
Встрѣчаетъ милое дитя,
Когда оно въ объятьяхъ мира
Вступаетъ въ область бытія.
Покуда жребій неизбѣжный
Почіетъ въ мглѣ грядущихъ лѣтъ,
Лелѣетъ мать съ заботой нѣжной
Златой младенчества разсвѣтъ".

(Шиллеръ. „Пѣснь о колоколѣ").

Н

Библиотека "Руниверс"

По Невскому до Знаменья.

(Уличныя сцены къ рисунку акад. Соколова).

— Пожалуйте, пожалуйте! Сейчасъ отправляется.... Пожалуйте! Господа, когда вы еще вагоновъ-то конножелѣзныхъ дождетесь, а у насъ ужь готово—сейчасъ ѣдемъ...

— Пожалуйте къ намъ, у насъ сани, пріятнѣе ѣхать, чѣмъ на вагонѣ-съ.

Всѣ эти предложенія такъ и сыплются изъ устъ молодого парня кондуктора, забѣгающаго взадъ и впередъ огромныхъ пустыхъ саней, запряженныхъ четверкой несчастныхъ клячъ. Онъ размахиваетъ руками, точно желаетъ ими словить пассажировъ въ свои сани.

Пусто около саней. Одиноко торчатъ онѣ на углу Адмиралтейской площади. Вотъ, кажись, кто-то намѣревается сѣсть въ сани, но прошелъ мимо. Кондукторъ, проводивъ его злобнымъ взглядомъ, еще неистовѣе начинаетъ свои зазыванья.

— Сейчасъ ѣдемъ... Пожалуйте.

Наконецъ, пыхтя и охая, влѣзаетъ въ сани старушка. Изъ глубины капора, покрывающаго ея голову, виднѣется только одинъ носъ, а изъ-за полъ бѣднаго салопа—неизбѣжный саквояжъ.

— Поди, когда еще поѣдешь-то! Вишь никого у тебя нѣтъ, замѣчаетъ она.

— Сейчасъ... сейчасъ ѣдемъ! Произноситъ онъ наскоро, по привычкѣ къ этой фразѣ, и бѣжитъ опять за поисками пассажировъ.

— За старухой въ сани сѣла дѣвушка съ картонками.

Опять кондукторъ безсознательно лепечетъ: „сейчасъ, сейчасъ", и опять бѣжитъ отъ саней.

— Пожалуйте, господа, пожалуйте—сейчасъ ѣдемъ...

Мало по малу однако сани начинаютъ наполняться и ужь человѣкъ пять смирно посиживаютъ, обнаруживая замѣчательное терпѣніе.

Проходитъ мимо купецъ „изъ сѣренькихъ" съ женой.

— Сядемъ, Иванъ Иванычъ, на сани-то. Сейчасъ, слышь ты, пойдетъ...

— Толкуй! нехотя отвѣчаетъ мужъ: извѣстно—вретъ...

— Сейча—а—съ... Сейчасъ... Пожалуйте...

Купецъ однако останавливается, осматриваетъ внимательнымъ взглядомъ сани и глубоко почему-то вздыхаетъ.

— Ну, ладно... Нечего дѣлать. Полѣзай, Пелагея Петровна, а я за тобой.

Супруга сѣла. Купецъ все еще стоялъ около саней и осматривалъ ихъ съ одного конца до другого.

— Когда, ежели полно, и ежели, теперича, свѣсить—пудовъ за сотню, чай, перевалитъ.

На его замѣчаніе никто изъ сидѣвшихъ въ саняхъ не отвѣтилъ.

— А можетъ и всѣ полтораста насчитаешь, заключилъ онъ, садясь рядомъ съ женой.

— Тяжело... Иванъ Иванычъ,—замѣчаетъ жена,—только каковы кони-то... Въ прошедшій разъ на мосту, пхнія же сани были, такъ конь околѣлъ упамши...

Помолчали немного, повздыхали, посмотрѣли по сторонамъ. Купецъ оказался не въ достаточной степени выносливымъ въ сравненіи съ другими пассажирами. Его видимо, смущало и стократное „сейчасъ", и суетливое бѣганье кондуктора отъ саней на уголъ улицы, отъ угла улицы къ санямъ и опять отъ саней.

— Ну что же ты, братъ: „сейчасъ, сейчасъ", а замѣсто того одинъ обманъ... ворчитъ онъ сердито.

— Сейчасъ, сейчасъ... Вотъ господинъ офицеръ еще сядетъ! кричитъ кондукторъ, забѣгая въ сторону. Пожалуйте-съ! сейчасъ отправляемся.

Старый служака въ бушлыкѣ на головѣ, въ длинной смятой шинели, дѣйствительно направляется къ санямъ; за нимъ суетливо плетется старичекъ-священникъ.

— Предполагать надобно, не будетъ замедленія, замѣчаетъ онъ, садясь въ сани.

— Сейчасъ, сейчасъ.

— Дозвольте обезпокоить,—обращается священникъ къ купцу, усаживаясь—нѣсколько тѣсновато...

— Да, пространство не то, чтобы тово... Потѣснимся, что дѣлать...

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ... хе... хе...

Усѣлся и батюшка, перекинулся еще двумя-тремя словами съ купцомъ „о пространствѣ" саней и еще добродушно хихикнулъ, а сани все еще стоятъ на одномъ мѣстѣ и кондукторъ по прежнему суетливо зазываетъ пассажировъ.

— Охъ ты, Господи милосердый! вздыхаетъ старуха.

— Да, не поспѣшаютъ здѣсь, долготерпѣнію научаютъ, вставляетъ батюшка.

Молодая дѣвушка нетерпѣливо поправляетъ свои картонки.

— Ты, любезный, знай свое дѣло—отправляй сани-то! Ты понапрасну словъ не трать,—говоритъ военный... Этихъ сейчасъ мы отъ тебя наслушались. Если не поѣдешь, такъ всѣ выйдемъ.

— Сейчасъ, ваше благородіе. Зачѣмъ же выходить!.. Вотъ еще пассажиръ идетъ... Пожалуйте...

— Ну! Трогай! кричитъ наконецъ кондукторъ возницѣ на козлахъ.

Лошади взялись, но не скоро сдвинули тяжелыя сани по скверной дорогѣ, покрытой не то снѣгомъ, не то землей... Возница щедро разсыпалъ ударами, кондукторъ не садился и взялся за бортъ саней, точно хотѣлъ помочь этимъ лошадямъ. Мало по малу, однакожъ, кони одолѣли и побѣжали маленькою рысцею, спотыкаясь своими слабыми отъ усталости и изнеможенія ногами.

Кондукторъ вскочилъ на подножку.

Пассажиры поуспокоились; начались разговоры.

— А скажите пожалуйста,—обратился батюшка къ военному,—какъ это теперь Плевна... Османъ-паша, напримѣръ?

— Ура! Плевна наша! вставляетъ фабричный.

— Что-жь Плевна? Плевну мы взяли,—отвѣчаетъ военный,—Османа-пашу пришлютъ въ Россію.

— Я слышала, въ Суздаль, вмѣшивается барыня...

— Самое бы лучшее его послать въ Соловецкій къ инокамъ, замѣчаетъ кто-то,—что бы не убѣжалъ оттуда... Живо бы въ нашу вѣру перешелъ.

— Нѣтъ, ужь вы бы лучше его къ намъ въ департаментъ,—говоритъ старый чиновникъ, бумаги бы его переписывать заставить. Пускай бы его... Какъ онъ нашихъ морилъ, да мучилъ.

— Онъ храбрый генералъ. Самъ Государь ему саблю отдалъ.

— Говорятъ, будто ему домъ въ Петербургѣ построятъ, говоритъ дѣвушка съ картонками.

— Стой! Стой!—кричитъ кондукторъ, соскакивая съ саней.

Сани остановились. Сѣлъ новый пассажиръ.

— Пошелъ! скомандовалъ кондукторъ. Ну! Ну!—Опять кони съ тѣмъ же трудомъ, какъ и раньше, сдвинули съ мѣста сани. Кондукторъ опять шелъ нѣсколько времени за санями.

— Безпокойство ѣхать въ этихъ саняхъ, замѣчаетъ кто-то.

— И тѣснота, и едва тащишься... подтверждаютъ на замѣчаніе.

— А скажите пожалуйста,—начинаетъ снова батюшка, обращаясь къ военному, что это сообщаютъ, напримѣръ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", якобы значительную храбрость обнаруживаютъ гренадеры...

— Да—а... Войско храброе...

Священникъ протягиваетъ многозначительное „а—а" и, помолчавъ нѣкоторое время, снова спрашиваетъ.

— А позвольте освѣдомиться, напримѣръ, какъ они... на счетъ роста... Велики собою?

— Да—а.. Народъ крупный...

— Та—а—къ-съ! протягиваетъ священникъ и опять, помолчавъ, добавляетъ,

— Любопытно бы видѣть...

— Вы пріѣзжій...

— Да-съ... Я только нѣсколько дней какъ прибылъ по дѣламъ, собственно въ консисторіи. Обстоятельства, изволите видѣть, до нѣкоторой степени даже плачевнаго характера...

— Стой! кричитъ кондукторъ.

Снова усаживаніе новаго пассажира, но уже съ большимъ неудовольствіемъ на тѣсноту со стороны сидѣвшихъ; снова муки сдвиганія съ мѣста саней.

— Ну! Ну!.. Поѣхали...

— Фу, ты, тѣснота какая!.. Подвиньтесь-ка...

— А куда прикажете?

— Куда же ты еще сажаешь? вѣдь больше же нѣтъ мѣстъ... ворчатъ пассажиры на кондуктора. Кондукторъ отмалчивается и сани медленно начинаютъ опять ползти.

Священникъ что-то разсказываетъ объ обстоятельствахъ плачевнаго характера сосѣдкѣ-барынѣ, такъ какъ военный сидѣлъ не рядомъ съ нимъ и потому представлялъ менѣе удобствъ для „бесѣды", чѣмъ сосѣдка-барыня.

— Обстоятельства, я вамъ доложу, даже нѣсколько плачевнаго характера, началъ онъ снова свою рѣчь, обращаясь къ барынѣ, но въ это время опять раздалось: „Стой"!

Пассажиры заворчали, и пока сани останавливались, раздавался ропотъ:

— Да куда же! Куда! Всѣ уже мѣста заняты...

Оказалось еще мѣсто гдѣ-то около кучера; потомъ, когда сани двинулись, опять раздалось „стой" и опять оказалось мѣсто: на задкѣ, то именно мѣсто, на которомъ сидѣлъ самъ кондукторъ. Теперь ужь онъ не сидѣлъ, а такъ только „прицѣпившись" держался на облучкѣ. Только что сани снова мало по малу разъѣхались и кони, трухая нога за ногу, поплелись, какъ опять раздалось „стой". На этотъ разъ ужь дѣйствительно некуда было садить пассажировъ и оказалось, что дѣло пошло уже на убыль. Кто-то вылѣзъ изъ саней. Только что они опять тронулись и проѣхали саженъ пятьдесятъ—сто, опять „стой!"

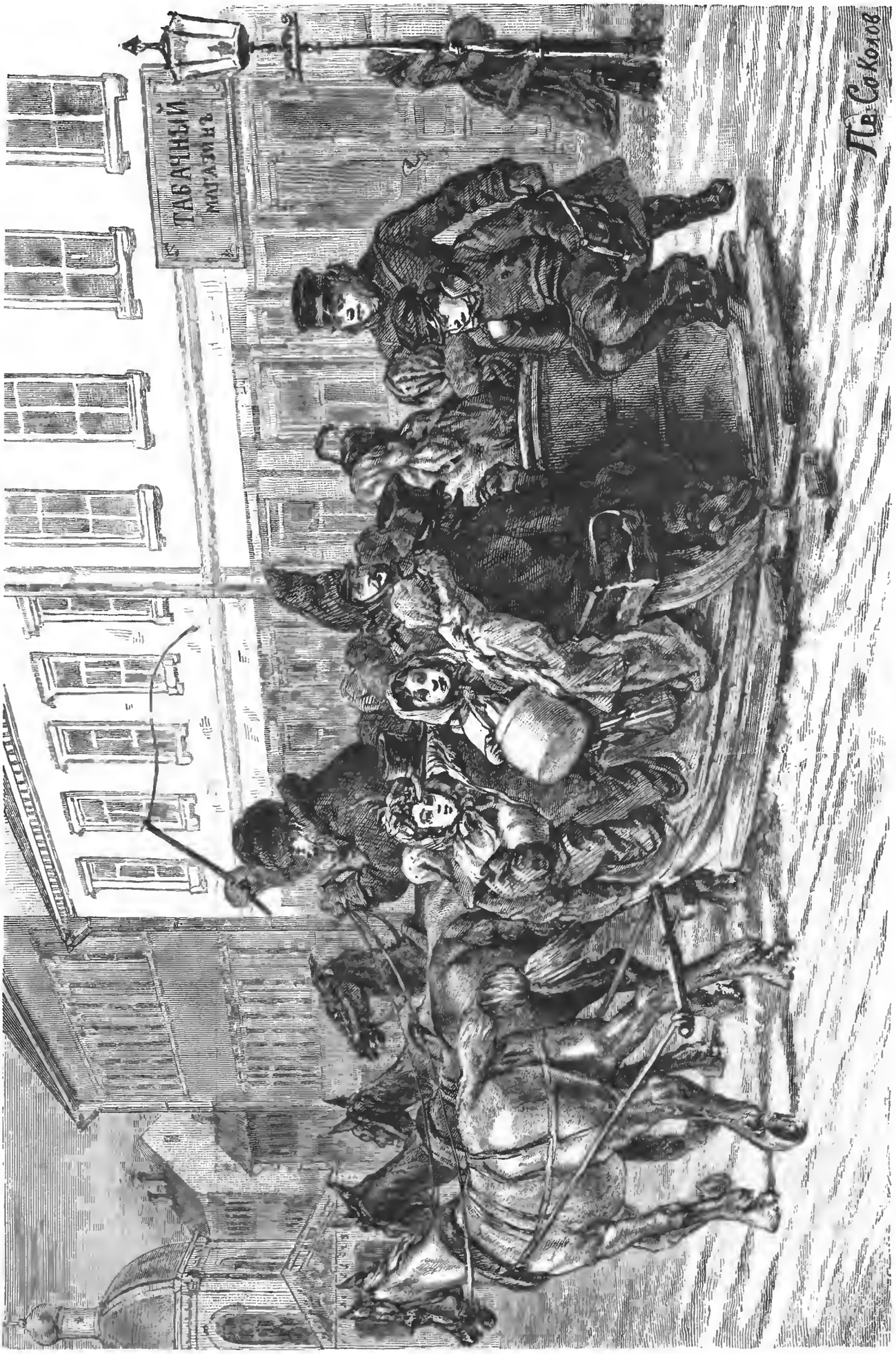
Купецъ все время вздыхалъ и хмурился и наконецъ не выдержалъ:

— Ну, я тебѣ скажу,—вздыхая во всю грудь заговорилъ онъ, обращаясь къ женѣ—хоша теперича эти длижаны и дешевы, а впредь я лучше замѣсто того пѣшкомъ: въ аккуратѣ къ одному времени потрафишь...

— Все же, Иванъ Иванычъ, покойнѣе, ногъ-то вѣдь не треплешь...

— Ну, ну, вылѣзай... Сто—о—й! закричалъ онъ на кондуктора,—желаю ослобониться...

Библиотека "Руниверс"



Отъ Невскаго до Знаменья, сни-дилижансъ. Картина академика Павла Соколова. Рис. самъ авторъ на дерев., гав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

Ночлегъ генерала М. Д. Скобелева II, въ редутахъ подъ Плевной. Съ рисунка въ I. L. N., грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Сани остановились, высадили купца съ женой и снова поплелись, снова останавливаясь чрезъ каждые сто—двѣсти шаговъ.

— Весьма пріятное я съ вами совершилъ путешествіе,— любезно говорилъ священникъ,—прощаясь съ своей сосѣдкой, когда сани остановились у Знаменья и, получивъ поклонъ дамы, поплелся куда-то въ переулокъ.

Кондукторъ высадивъ публику, снова забѣгалъ отъ саней къ углу улицы и снова сзывалъ пассажировъ.

— Пожалуйте. Господа! Сейчасъ ѣдемъ...

Д. Стахѣевъ.

Городъ Орханіэ.

Городъ, или скорѣе большое селеніе, *) Орханіэ незначительно само по себѣ, но пріобрѣло въ текущую войну значеніе важнаго звена въ стратегическомъ пути и въ движеніи нашемъ на югъ, къ великимъ или западнымъ Балканамъ, ибо черезъ Орханіэ идетъ путь въ Софію. Линія, связывающая нѣсколько подобныхъ важныхъ пунктовъ—это линія *Правецъ-Этрополь-Орханіэ*. До паденія Плевны наша задача состояла въ томъ, чтобы парализовать этотъ путь и сдѣлать невозможнымъ прибытіе къ Осману-пашѣ изъ Софіи подкрѣпленій, снарядовъ и припасовъ. Мы знаемъ уже, что эта операція вполнѣ удалась нашему знаменитому инженеру, генералу Тотлебену. Какъ скоро плевненская армія Османа-паши была отрѣзана отъ сообщенія съ Софіей чрезъ Орханіэ—она пришла въ отчаяніе и сдѣлала извѣстную вылазку.

Въ противоположность другимъ городамъ этой мѣстности Болгаріи, расположеннымъ на большомъ пути изъ Бѣлграда къ Константинополю (пути, извѣстномъ уже древнимъ римлянамъ) Орханіэ—городъ **) совершенно новый, имѣющій не болѣе 12 лѣтъ отъ основанія. Онъ основанъ извѣстнымъ Митхадомъ-пашею въ 1864 году, вслѣдствіе особыхъ политическихъ и стратегическихъ соображеній. Соотвѣтственно этому, на всѣхъ постройкахъ города лежитъ ново-мусульманскій характеръ. Видна вездѣ поспѣшность постройки. Есть претензія на изящество, хотя не совсѣмъ удачная. Осману-пашѣ, исправлявшему и улучшавшему большой путь въ Стамбулъ, заблагоразсудилось оставить въ сторонѣ Этрополь, чрезъ который прежде шла дорога въ Стамбулъ и устроить новый путь черезъ Орханіэ, который получилъ при этомъ значеніе важной станціи.

Древній путь изъ Бѣлграда, называвшагося прежде *Сингидунумъ*, ведетъ черезъ скалистыя ворота, гдѣ вѣроятно было прежде старое ложе рѣки Искера, въ долину Самокова. Здѣсь къ быстрому и мрачно-величавому Искеру присоединяется притокъ *Эйзенъ*. За симъ дорога идетъ въ зеленѣющую и безлѣсную котловину Софіи, называемую болгарами „*Софійско-поле*". Эту котловину занимало прежде море и она состоитъ изъ аллювіальныхъ или наносныхъ образованій. Тамъ и сямъ расположенныя здѣсь топкія болота доказываютъ, что толща наносовъ образовалась здѣсь еще весьма недавно. Въ склонахъ горъ бьютъ здѣсь горячіе ключи, и изъ Софійска-поля, служащаго средоточіемъ, ведутъ дороги къ *Бѣлграду*, *Берковицы*, *Рущуку*, *Константинополю* и *Самокову*, къ югу черезъ Балканы мощно устремляетъ свое теченіе Искеръ. За симъ здѣсь же лежатъ многочисленныя болгарскія деревеньки. Въ нихъ живутъ пользующіеся горячими водами. Сюда же пріѣзжаютъ и изъ Орханіэ.

Орханіэ—именно по той причинѣ, что онъ новый городъ, основанный Митхадомъ-пашею, не имѣетъ никакихъ историческихъ преданій и воспоминаній.

Типы болгарскихъ крестьянъ.

О болгарахъ мы говорили уже не разъ по поводу помѣщенныхъ въ „Нивѣ" изъ ихъ жизни рисунковъ. Но говоря по поводу того или другого рисунка, помѣщеннаго на страницахъ „Нивы", всегда приходится ограничиваться тѣми предѣлами, въ какіе должна замыкаться статья, сообразно сюжету изображеннаго предмета. Такимъ образомъ остается возможность при помѣщеніи рисунка изъ жизни хотя и того же самаго народа, о которомъ уже говорилось на страницахъ журнала, передать о немъ свѣдѣнія изъ той области его жизни, какая еще не была затронута въ предъидущихъ статьяхъ. По поводу помѣщаемаго въ этомъ нумерѣ рисунка, изображающаго типы болгаръ, слѣдуетъ замѣтить, что болгары собственно принадлежатъ къ южно-славянской отрасли и ближе всего стоятъ къ сербохорватамъ и словенцамъ. Впрочемъ чуждые элементы оказали свое вліяніе и изгладили нѣкоторыя національныя черты; только въ западныхъ Балканахъ еще сохранилась народность во всѣй своей чистотѣ.

На головѣ болгаринъ носитъ чубару, высокую шапку изъ бѣлыхъ или черныхъ мерлушекъ. Волосы иногда сплетены въ косу: старики брѣютъ лобъ и затылокъ, оставляя волосы только на макушкѣ. Сорочка съ широкими рукавами вышита какъ у малороссійскихъ крестьянъ; широкія шаровары—лѣтомъ изъ полотна, зимой изъ бѣлаго сукна, опоясываются краснымъ шерстянымъ поясомъ, у котораго виситъ большой складной ножъ. Шнурованные сапоги или туфли и суконный кафтанъ съ шитьемъ, а зимой овечій тулупъ—дополняютъ нарядъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ костюмъ также измѣняется подъ вліяніемъ турокъ-сосѣдей: въ Филиппопольскомъ округѣ поселяне носятъ очень широкія и длинныя шаровары, черный кафтанъ, бѣлый широкій поясъ; голову часто покрываютъ турецкой феской и чалмой всѣхъ цвѣтовъ, кромѣ зеленаго, бѣлаго и краснаго цвѣтовъ исключительно присвоенныхъ правовѣрнымъ поклонникамъ Магомета. Въ образованныхъ классахъ входитъ въ употребленіе общеевропейскіе костюмы

Въ женскихъ нарядахъ болгарокъ замѣчается большое разнообразіе. Каждая мѣстность имѣетъ свои мѣстные оттѣнки. Болгарскія женщины, очень красивыя въ ранней молодости, скоро старѣютъ и дурнѣютъ, вслѣдствіе неаомѣрно тяжелаго труда, который лежитъ на нихъ.

Молодежь очень цѣнитъ въ женщинахъ живость и проворство въ работѣ. Въ дѣвушкахъ способность ловко и быстро работать очень цѣнятся, и такія проворныя дѣвушки всего чаще служатъ предметомъ ухаживаній и, понятно, скорѣе другихъ находятъ себѣ жениховъ.

Болгары вообще весьма трудолюбивый народъ. Этою любовью къ труду они, понятно, пріобрѣли и большое искусство справляться съ нимъ, и нужно вообще замѣтить, что они, въ трудолюбіи далеко превосходятъ румынъ и сербовъ, не говоря уже о туркахъ, давно извѣстныхъ своею лѣностію.

Турецкое владычество уничтожило въ Болгаріи слѣды сословныхъ отличій. Аристократическое устройство древней Болгаріи давно уже исчезло и теперь есть только одни имущественныя различія, хотя и недающія никакихъ правъ первенства.

Такая равноправность, пожалуй бы, и для насъ и для всѣхъ европейскихъ народовъ могла пригодиться, еслибъ она въ самомъ дѣлѣ была возможна и примѣнима; но здѣсь, въ Болгаріи, это уравненіе правъ собственно не уравненіе, а уничтоженіе ихъ: всѣ равны и всѣ безправны!

Семейная жизнь болгаръ мало чѣмъ разнится отъ жизни другихъ южныхъ славянъ. Избы болгарскихъ селеній строятся изъ плетневыхъ стѣнъ, замазанныхъ глиной и известью. Крыши кроются соломой и тростникомъ. Въ передней части избы устраивается навѣсъ (сейванъ или хайте), подъ которымъ лѣтомъ болгары ѣдятъ и принимаютъ гостей. Внутри избъ соблюдается чистота и порядокъ. Нужно замѣтить, что въ Болгаріи весьма немало бѣдныхъ селеній, въ которыхъ жители тѣснятся въ крошечныхъ землянкахъ, а въ горахъ пастухи живутъ въ первобытныхъ шалашикахъ.

Болгарѣ славятся какъ отличные садовники и отличаются умѣньемъ ухаживать за деревьями, виноградомъ и шелковичными червями.

Плуги ихъ очень неудобные, тяжелые: въ каждый плугъ впрягаются четыре пары воловъ или буйволовъ, которыхъ погоняютъ крикамъ и ударами нѣсколько человѣкъ. Хлѣбъ молотятъ слѣдующимъ способомъ: на насыпанный на землѣ хлѣбъ выгонятъ скотъ и лошадей, которые тащатъ тяжелыя бревна или камни; такимъ образомъ изъ колосьевъ выпадаетъ зерно, и одновременно изрѣзывается солома. Изъ сельскихъ продуктовъ больше всего сѣется маисъ; кромѣ маиса воздѣлывается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рисъ; само собою, его ѣдятъ только тамъ, гдѣ этому способствуютъ климатическія условія.

Въ заключеніе скажемъ, что картофель, столь распространенный теперь по всему свѣту, неизвѣстенъ болгарамъ, а изъ зелени, употребляемой ими въ пищу, болѣе всего предпочитается лукъ и чеснокъ.

Какъ въ старые годы учились ариѳметикѣ.

Если бы намъ въ настоящее время пришлось раскрыть и перелистовать всѣ самые ходячіе учебники ариѳметики, составленные для школъ, то почти пришлось бы стать въ тупикъ, при видѣ всѣхъ этихъ задачъ, чиселъ и комбинацій чиселъ, вѣчно составленныхъ по одному и тому же шаблону счисленія, или, выражаясь мягче, по одному и тому же методу. Едва-едва позволяется отступленіе отъ этого избитаго пути,—позволяется въ тѣхъ видахъ, чтобы доставить учащимся хотя маленькое освѣженіе и облегченіе отъ утомительно-напряженной работы. Такъ идетъ обученіе ариѳметикѣ въ наше время, но не такъ велось это дѣло въ старину. Старые авторы разныхъ ариѳметикъ не довольствовались тѣмъ, чтобы предлагать ученыя задачи и рѣшать ихъ легкимъ и элегантнымъ способомъ; они любили и въ самомъ текстѣ книги, и въ приложеніяхъ, преподносить учащемуся разнаго рода *математическія шутки*. Шутки эти помѣщались съ тою цѣлью, чтобы поощрять ревность учащагося, если бы ему наскучило сухое изложеніе предмета.

И это-то помѣщеніе шуточныхъ задачъ, по мнѣнію авторовъ, оправдывало названіе „благородной и остроумной" ариѳметики, какое они часто давали своимъ книгамъ. Затѣмъ, встрѣчаются ариѳметики старыхъ авторовъ, часто подъ весьма странными

*) Лежитъ Орханіе—къ сѣверу отъ Врачеша.

**) Или, точнѣе, большое селеніе, такъ какъ настоящей физіономіи города, въ краткій періодъ своего существованія, онъ не успѣлъ имѣть.

Библиотека "Руниверс"

увесе нительными заглавіями, напримѣръ: *„ариѳметическая умственная конф тка, для изощренія тупой головы составленная“*. Въ этой „конфеткѣ“, дѣйствительно, послѣ обыкновенныхъ сухихъ задачъ, предлагается учащемуся, „pour la bonne bouche“, лакомство ариѳметическаго остроумія.

Вотъ, напримѣръ, старая книга „для обученія ариѳметическому счисленію“, принадлежащая нѣкоему Гейнсу Ламбеку, жившему въ XVII столѣтіи. Книга эта, какъ выражается самъ авторъ ея, „съ великимъ раченіемъ составлена, ради юношъ младыхъ вразумленія“. Эта книга была долгое, весьма долгое время самымъ употребительнымъ учебникомъ въ гамбургскихъ школах , подобно превосходному Эвклидову учебнику геометріи, прежде всюду распространенному. На страницѣ 279 своей книги, Гейнсъ Ламбекъ, обращаясь къ учащемуся, говоритъ:

„Сверхъ сего, не благоугодно ли тебѣ отгадать: колико мѣдныхъ монетъ или грошей *) сложилъ въ умѣ твой товарищъ,— вели ему дивидировать (дѣлить) замышленную сумму на 3, 5 и 7, и да скажетъ онъ тебѣ остатокъ, оставшійся послѣ дивидированія, и но семъ остатокъ убо оставшійся послѣ дивидированія на 3, мультиплицируй (умножай) на 70, остатокъ же 5 мультиплицируй на 21; а остатокъ послѣ дивидированія съ 7 мультиплицируй съ 15-ю и наконецъ слагай сіи три продукта (произведенія): раздѣляй коллектъ (сумму) на 105. Остатокъ покажетъ желанное ти число“ **).

Для образчика подобной „ариѳметической забавы“ беремъ примѣръ. Положимъ, что задуманное число есть 34. Дѣлимъ его на 3, въ остаткѣ получаемъ 1; затѣмъ дѣлимъ на 5, въ остаткѣ получается 4; далѣе дѣлимъ на 7, остатокъ будетъ 6. Поступивъ по вышеприведенному правилу, т. е. умноживъ эти остатки, послѣдовательно, на 70, 21 и 15, мы получимъ рядъ произведеній 70 | 84 | 90, сложивъ, которыя получимъ общую сумму (или коллектъ, по вышеприведенному старинному выраженію) *244*. Дѣлимъ эту сумму на 5 и получаемъ частное *2* и остатокъ *34*. Это послѣднее и есть задуманное число.

Если, однако, дѣленіе нельзя произвести на всѣ три данныя числа (3, 5 и 7) т. е. если, напримѣръ, при двухъ дѣленіяхъ въ остаткѣ получается 0, то умноженіе должно быть произведено третьимъ числомъ, получившимся въ видѣ остатка отъ дѣленія задуманнаго числа на 9, 5 и 7. Беремъ число 35. Это будетъ задуманное число. При дѣленіи этого числа на 5 и на 7 остатокъ =0. За то при дѣленіи на 3 остатокъ получится 2. Число 3 у насъ первое по порядку дѣлителей, слѣдовательно и умножать происшедшій остатокъ мы должны на первое по порядку число 70. Слѣдовательно будетъ 2×70=140; 140 мы дѣлимъ на 105 и получаемъ остатокъ 35, равный задуманному числу.

Какое же изъ этого вытекаетъ правило?

А вотъ какое: числа отъ единицы до 105, какъ бы они ни были различны между собою, имѣютъ, однако, то общее свойство, что ихъ можно опредѣлить посредствомъ *остатковъ отъ дѣленій*, которые мы привели выше. И въ самомъ дѣлѣ, любое число до 105 мы можемъ получить въ остаткѣ, дѣля его на 3, 5 и 7, умножая остатки этихъ дѣленій (или дѣленія) на 70, 21 и 15 и раздѣляя сумму произведеній на 105.

Но что же за привиллегію въ этомъ случаѣ имѣютъ числа 3, 5 и 7 и почему именно они даютъ ключъ къ опредѣленію въ остаткѣ задуманнаго числа? Были, разумѣется, уже въ глубокую старину попытки опредѣлить остатки, соотвѣтствующіе задуманнымъ числамъ и посредствомъ другихъ чиселъ. Нѣкоторые любители математики занимались этимъ вопросомъ и нашли, что подобными качествами обладаютъ и цѣлые ряды другихъ чиселъ.

Напримѣръ. Всѣ числа ниже 1,000 весьма легко опредѣлить изъ ихъ остатковъ, каковые (остатки) происходятъ, если дѣлить эти числа на 27 и 37. При этомъ остатки нужно умножать на 703 и 297, а произведенія складывать, какъ это показано было выше, при разсмотрѣніи чиселъ ниже 105. Но въ настоящемъ случаѣ съ происшедшею суммой производится особая операція. Въ ней отнимаютъ съ правой руки *три* цифры и затѣмъ прилагаютъ остальныя цифры (по крайней мѣрѣ *двѣ*), которыя въ суммѣ означаютъ тысячи, къ *тремъ* прежде отнятымъ. (Дѣло, какъ видите, дѣлается чисто механически).

Вновь произшедшая отъ этого сумма и будетъ составлять *задуманное* число.

Пусть будетъ, напримѣръ, дано число 18,842. По приведенному сейчасъ правилу, мы отнимаемъ три послѣднія цифры 842 и за симъ прикладываемъ къ нимъ 18. Итакъ: 842+18=860. Это и есть искомое число. Чтобы провѣрить, такъ ли это—мы сейчасъ продѣлаемъ съ нимъ тѣ дѣйствія, какія предписаны вышеприведеннымъ правиломъ, т. е. раздѣлимъ его послѣдовательно на 27 и 37 и остатки, происшедшіе отъ дѣленія, умножимъ на *703* и *297*, произведенія же сложимъ. Тогда и получится сумма 18.842, данная имъ первоначально.

Изъ слѣдующаго примѣра это будетъ видно еще яснѣе.

У насъ дано число *41*. Дѣлимъ его, послѣдовательно, на 27 и 37. Въ первомъ случаѣ остатокъ будетъ =14, во второмъ 9. Умножаемъ первый остатокъ на 703, а второй на 297; получаются произведенія 9,842+1,188=11,030. Отдѣляя послѣднія *три* цифры и складывая ихъ съ первыми, получаемъ:

11,030; 11+030=11+30 (нуль не считается) =41, а это и есть искомое вами число.

Мы имѣли до сихъ поръ дѣло съ числомъ 3, 5, 7 и 27 и 37 для опредѣленія въ остаткахъ задуманныхъ чиселъ. Но подобные же законы могутъ представить намъ и другія числа. Возьмемъ, напримѣръ, *два* произвольныя числа, но только такія, которыя, бывъ раздѣлены одно на другое, давали бы въ частномъ *дробь* и дробь эта сама по себѣ имѣла бы уже наименьшее выраженіе, т. е. уже не сокращалась бы. Этому требованію вполнѣ удовлетворяютъ *два* числа 9 и 11 *). Умноживъ эти числа одно на другое, получимъ произведеніе 99, что +1=100. Разлагаемъ 100 на *двѣ* части, изъ которыхъ одна дѣлилась бы безъ остатка на 9, а другая на 11. Этому требованію удовлетворяетъ дѣленіе 100 на 45 и 55: первое дѣлится безъ остатка на 9, второе на 11. Но этого мало: 45 представляетъ естественнаго множителя для *всѣхъ* остатковъ, получаемыхъ отъ дѣленія какого-либо числа на 9; а 55—такого же множителя для всѣхъ остатковъ, получаемыхъ отъ дѣленія даннаго произвольнаго числа на 11. Но только эти произвольныя числа должны вращаться между 1 и 99, или, что тоже, въ предѣлахъ цифры, равняющейся произведенію 9×11.

Слѣдовательно, если мы всякое число, стоящее ниже 100, раздѣлимъ на 9 и 11 и остатки послѣ дѣленій умножимъ на 45 и 55, а сумму этихъ произведеній раздѣлимъ на 99, то опять-таки, въ качествѣ остатка, получимъ задуманное число.

Беремъ примѣръ. 34 дѣлимъ на 9 и 11. Остатки получаются 7 и 1.

$$7 \times 55 = 385$$
$$1 \times 45 = 45$$

$$\text{Сумма} = 430$$

Дѣлимъ эту сумму на 99, получаемъ въ остаткѣ 34, каковое число и есть искомое, или задуманное.

Точно также цифры 4 и 25 могутъ опредѣлять всѣ числа, стоящія ниже 100, какъ произведенія 4×25. Эти числа мы дѣлимъ на 4 и 25; остатки умножаемъ на 25 и 76, а сумму произведеній дѣлимъ на 100 **). Взявъ, напримѣръ, 33, дѣлимъ на 4 и 25. Остатки равняются 1 и 8. Умножаемъ ихъ на 25 и 76, получается сумма произведеній 633, которая, по раздѣленіи на 100, даетъ остатокъ 33, т. е. искомое число.

Въ заключеніе мы должны добавить, что это еще только самая малая часть интересныхъ комбинацій цифръ, и часть при томъ крайне старинная, которою забавлялись наши дѣды и прадѣды и, конечно, все это возбуждало въ учащихся интересъ къ ариѳметикѣ. Изобрѣтательный математическій умъ въ настоящее время нашелъ громадно-большее число другихъ комбинацій, способныхъ въ высшей степени приковать къ этой наукѣ вниманіе начинающихъ учиться. Для древнихъ каждая цифра имѣла значеніе *сама по себѣ*, заключая въ себѣ самобытный смыслъ. За то и цифръ и особенно сочетаній цифръ, даже у древнихъ грековъ, сдѣлавшихъ громадные успѣхи въ математикѣ, было очень мало. Только со времени ознакомленія Европы съ индѣйскими и, особенно съ арабскими цифрами (съ арабскими цифрами Европа познакомилась со времени Крестовыхъ походовъ) и наша система цифръ и ихъ сочетаній обогатилась, и съ тѣхъ поръ стали возможны самыя сложныя математическія выкладки. Можно безошибочно сказать, что безъ арабскихъ цифръ у насъ не было бы современныхъ математическихъ и астрономическихъ открытій, сдѣлавшихъ такой громадный успѣхъ въ наукѣ.

*) Этимъ языкомъ приблизительно можно перевести тяжеловатый нѣмецкій языкъ XVII вѣка, который соотвѣтствуетъ языку Симеона Полоцкаго. Ариѳметика, по которой учился самъ Великій Преобразователь Петръ I, была написана такимъ же языкомъ. *Сложеніе* (additio) было въ ней названо безграмотнымъ названіемъ *адицое*.

**) Только чтобы это угадываемое число было меньше 105.

*) При дѣленіи этихъ чиселъ одно на другое, можно получить двѣ дроби: 2/9 и 3/11.

**) 100 раздробляется на 24+76 на томъ же основаніи, какъ въ предыдущемъ случаѣ на 42+55, т. е. чтобы каждая часть дѣлилась безъ остатка.

Новое изобрѣтеніе.

Телефонъ (звукопередаватель).

Еще новое и въ высшей степени популярное изобрѣтеніе...

До сихъ поръ,—даже людямъ знакомымъ съ главными основаніями физики, — представлялось невѣроятнымъ изобрѣтеніе *телефона*, т. е. такого инструмента, который передавалъ бы нашему уху звукъ человѣческаго голоса, произведенный даже на далекомъ отъ насъ разстояніи. Однакожъ остроумный американецъ Грегамъ Беллъ изобрѣлъ подобный инструментъ, издалека доносящій до нашего уха не только звукъ, но и *качества* звука; посредствомъ аппарата Белля мы можемъ понять

Библиотека "Руниверс"

не только произнесенное на далекомъ разстояніи человѣческое слово, но и особенный характеръ, съ которымъ оно было произнесено, напримѣръ, голосовой тембръ и другія качества, нераздѣльныя съ нашимъ слономъ.

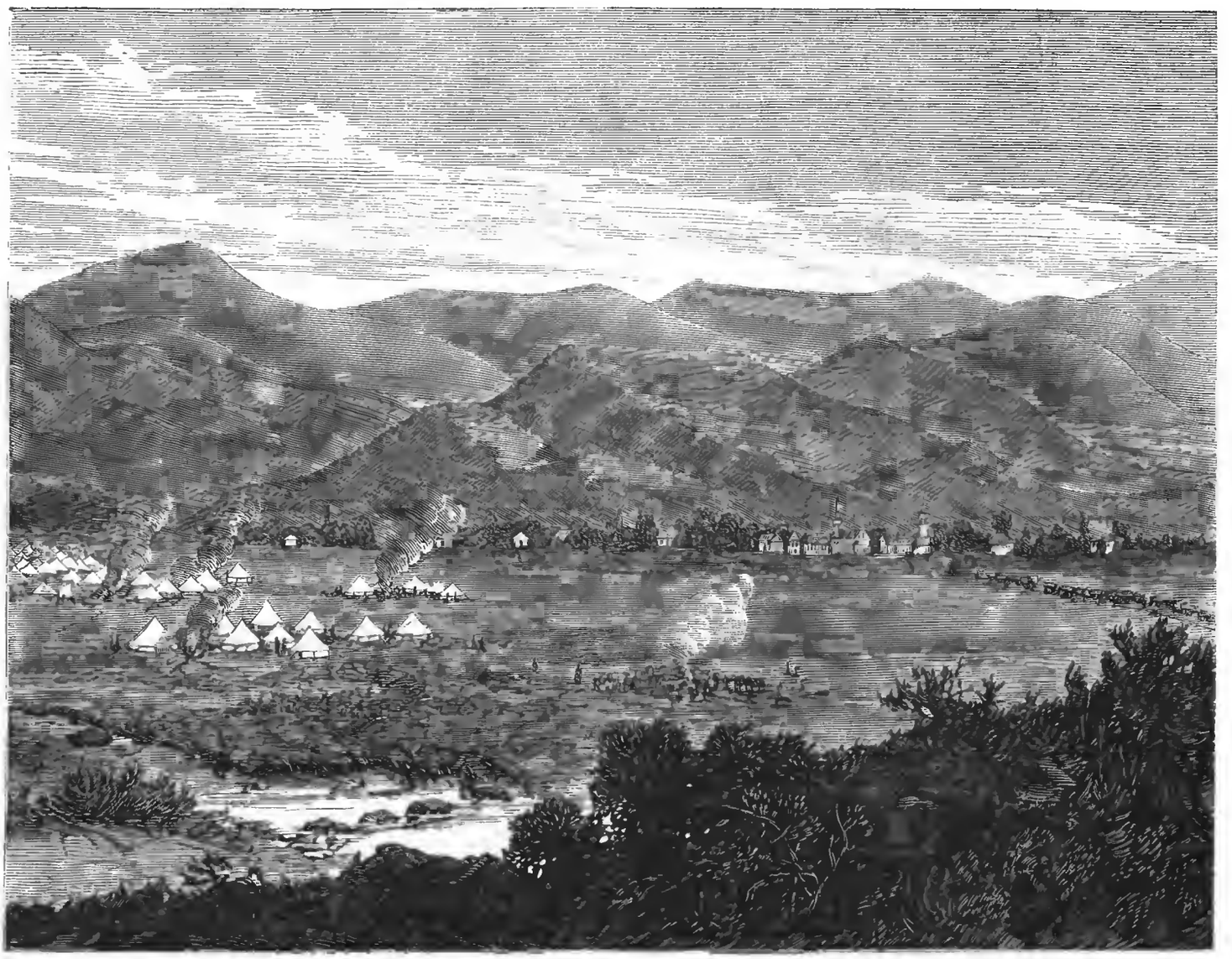
А нѣдь устройство этого удивительнаго инструмента необыкновенно просто. *Проволока, маленькій магнитъ* и *кусочекъ жести*—вотъ и всѣ части, составляющія аппаратъ. Читателю будетъ это яснѣе, если онъ пойметъ детали предлагаемаго рисунка.

Фигура I-я представляетъ и внѣшній видъ аппарата, и тотъ же аппаратъ въ разрѣзѣ. Изъ второй фигуры читатель узнаетъ внутреннее устройство аппарата. Въ центрѣ ящика, устроеннаго изъ дерева или же изъ смолы, помѣщенъ брусокъ, составляющій постоянный магнитъ; (на нашемъ рисункѣ (фиг. 1) брусокъ этотъ отмѣченъ буквою *A*). На верхнемъ концѣ этого бруска находится шпулька *B*, на которую намотана тонкая мѣдная проволока, покрытая шелкомъ. Оба конца этой проволоки, въ свою очередь, припаяны къ мѣднымъ проволокамъ *CC*, проведеннымъ сквозь ящикъ, по обѣ стороны бруска *A*. Эти послѣднія проволоки оканчиваются двумя винтиками *ДД*, въ нижней части рукояти инструмента, и благодаря этимъ винтикамъ приспособлена проводимость по проволокамъ внутри аппарата. За симъ, то мѣсто по внутренности ящика, гдѣ находится шпулька *B*, покрыто мягкою жестяною пластинкою, которая твердо прикрѣплена къ деревянной покрышкѣ F, замѣняющей при этомъ случаѣ мѣсто звуковой воронки, или расширенной части духовыхъ инструментовъ.

Вотъ собственно къ взаимной бесѣдѣ посредствомъ телефона и служатъ *два* аппарата, изображенные на второмъ нашемъ рисункѣ (фиг. 2-я P и P') и устроенные точно такъ, какъ мы сейчасъ описали. При относительно близкихъ разстояніяхъ, въ которыхъ находятся разговаривающіе посредствомъ телефона, оба аппарата (у каждаго разговаривающаго по аппарату) бываютъ соединены *двойнымъ мѣднопроволочнымъ проводникомъ*, означеннымъ на нашемъ рисункѣ буквою O.

Теперь—какъ же нужно дѣйствовать этимъ аппаратомъ? А вотъ какъ. Приложите мундштукъ аппарата (т. е. воронку, означенную у насъ буквою F) къ губамъ и произносите слова въ воронку, умѣренно громкимъ голосомъ. Тогда описанная нами выше жестяная пластинка, благодаря звуковымъ волнамъ, придетъ въ качательное состояніе, и благодаря этому качанію, разстояніе пластинки отъ магнитнаго полюса будетъ попеременно, то больше, то меньше. Результатомъ же этого будутъ измѣненія въ магнетической силѣ послѣдняго, а благодаря этимъ измѣненіямъ въ мѣдной проволокѣ, которою обвита шпулька *B* (фиг. 1), возбудятся или индуктируются гальваническіе токи, которые, идя по проволочному проводнику, возбудятъ, въ свою очередь, подобное же измѣненіе въ магнитной палочкѣ, находящейся въ ящикѣ другого, такого же точно аппарата. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что колебаніе жестяной пластинки, въ этомъ явленіи, соотвѣтствуетъ тѣмъ колебаніямъ воздуха, которыя происходятъ отъ обыкновенныхъ звуковъ нашей рѣчи. Такъ и здѣсь. Колебаніе пластинки передается воздуху, а затѣмъ и уху. Надо замѣтить, что, при разговорѣ въ телефонъ, говорящее лицо произноситъ свои звуки въ такъ называемый *исходный* или *посылательный* аппаратъ (т. е. мундштукъ, сообщающійся съ звуковою воронкою), а лицо слушающее должно прикладывать свое ухо къ *воспринимательному* аппарату другого телефона. Всѣ звуковыя волны достигаютъ, при этомъ, до уха слушающаго и съ совершенною точностью передаютъ каждый тонъ голоса говорящаго, правда, иногда нѣсколько глухо. Если представить, до какой степени незначительны колебанія жестяной пластинки и слѣдовательно до какой чрезвычайной степени долженъ быть слабъ возбужденный при этомъ гальваническій токъ, то, по истинѣ, можно изумиться, съ какою точностью при этомъ доносятся до нашего слуховаго

(Продолженіе на стр. 857, 858, 859 и 860).



Общій видъ города Орханіэ. Съ фотографіи, грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Типы болгарскихъ крестьянъ. Рис. съ фотогр. Е. Баяръ, грав. Бертранъ.

Библиотека "Руниверс"

аппарата звуковыя колебанія по проводникамъ, часто имѣющимъ протяженіе на цѣлую милю *)—и при этомъ можно даже различить характерные оттѣнки голоса!.. Если вы получили путемъ телефона вѣсть, то можете на нее сейчасъ же отвѣчать, и аппаратъ, который вы передъ тѣмъ прикладывали къ уху, будетъ уже теперь для васъ „посыльнымъ" аппаратомъ, а для вашего собесѣдника, находящагося отъ васъ на опредѣленномъ разстояніи, тотъ же аппаратъ будетъ уже аппаратомъ *воспринимательнымъ*. Слѣдовательно, одинъ и тотъ же аппаратъ играетъ двоякую роль: и посылательнаго и воспринимательнаго, смотря по тому, за кѣмъ изъ разговаривающихъ очередь говорить и за кѣмъ слушать.

Но въ тоже время весьма понятно, что телефонъ не можетъ замѣнить собою телеграфные звонки, употребляющіеся въ настоящее время въ нашихъ зданіяхъ, такъ какъ, напримѣръ, домохозяинъ, посылающій своей прислугѣ зовъ по телефону, долженъ быть увѣренъ, что прислуга приставила къ своему уху соотвѣтствующій телефонъ, соединенный съ нерзымъ двойною проводниковою проволокой, какъ мы описали выше. Отъ этого на фабрикахъ, гдѣ хозяева пытались раздавать свои приказанія рабочимъ посредствомъ телефона, рѣшено пріурочить къ телефонамъ и употреблявшіеся до сихъ поръ электрическіе звонки, которые проводятся по всему зданію, и въ извѣстное время напоминаютъ прислугѣ, чтобы она приложила къ уху телефонъ для выслушанія приказаній или порученій хозяина. Слѣдовательно и теперь электрическіе звонки составляютъ не избѣжную домашнюю принадлежность, если мы желаемъ извлечь изъ телефона надлежащую пользу. За симъ, на дальнихъ разстояніяхъ, на каждой телефонной станціи, вмѣстѣ съ посылательнымъ или отправительнымъ аппаратомъ долженъ находиться еще электромагнитическій возбудитель, приведенный въ связь съ кабелемъ или проволокой телефона. Слѣдовательно, если мы хотимъ на извѣстной станціи сказать въ мундштукъ телефона отправительныя слова на слѣдующую станцію, то прежде всего должны прибѣгнуть къ возбудительному электромагнитическому аппарату. Послѣдній сообщитъ магнитическое возбужденіе таковому же аппарату слѣдующей станціи и заставитъ нашего, присутствующаго на той станціи собесѣдника приставить ухо къ телефону.

Въ Берлинѣ извѣстное заведеніе для устройства телеграфовъ *Сименса* и *Гальске*, фабрикующее телефоны цѣлыми тысячами экземпляровъ, занято въ послѣднее время задачею, видоизмѣнить устройство телефоновъ въ томъ смыслѣ, чтобы къ комнатному электромагнитному звонку пріурочить слабый гальваническій токъ, служащій главнымъ дѣятелемъ въ телефонѣ.

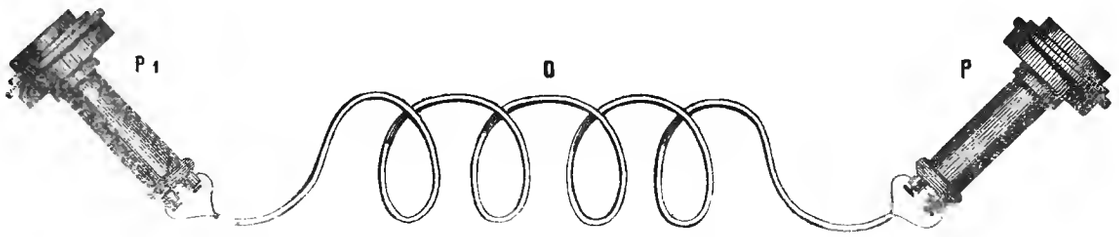
Другими словами: видоизмѣненный такимъ образомъ телефонъ будетъ электрическій звонокъ, дѣйствующій гальваническимъ токомъ. Если это удастся сдѣлать, то устранится существующее до сихъ поръ неудобство телефонныхъ сообщеній, состоящее въ томъ, что получающій телефонную депешу часто не можетъ быть контролирусмъ и можетъ измѣнить смыслъ словъ депеши по произволу — что представляется особенно важнымъ при извѣстіяхъ политическаго и биржевого характера. Если же съ телефономъ будетъ соединенъ звонокъ, то контроль при полученіи телефонной депеши возможенъ, и въ этомъ смыслѣ телефонъ могъ бы замѣнить намъ телеграфъ.

Но съ другой стороны еще неудобство встрѣчается въ томъ, что по телефонному кабелю до нашего уха могутъ доноситься, кромѣ голоса и посторонніе звуки, и шумъ вѣтра, и слѣдовательно дѣлать для насъ непонятными доносящіяся слова. Для устраненія этого недостатка уже существуетъ мысль проводить телефонную проволоку подъ землею, какъ это дѣлается при устройствѣ обыкновенныхъ существующихъ теперь электромагнитныхъ телеграфовъ. Если удастся это сдѣлать, тогда за телефономъ обезпечится обширное практическое примѣненіе.

Телефонъ. Аппаратъ для передачи звуковъ.

Рѣдкое изобрѣтеніе возбуждало въ публикѣ, въ такое короткое время, такой живой интересъ, какъ именно телефоны. Это вполнѣ понятно. Этому способствуетъ простота, несложность и дешевизна аппарата и высокая важность и занимательность получаемыхъ результатовъ. Изъ него мы научаемся, какими несложными средствами природа въ своихъ явленіяхъ достигаетъ своихъ великихъ цѣлей...

Мы сказали выше, что телефоны изготовляетъ въ настоящее время большими партіями берлинская фабрика Сименса и Гальске. Въ эту фабрику до сихъ поръ и адресуются требованія. Россія уже выписала изъ-за границы большую партію телефоновъ. Но телефоны теперь въ Петербургѣ получили распространеніе даже и въ частныхъ домахъ. Продаются же въ оптическомъ магазинѣ Рихтера и у Винтергальтера. Цѣна телефону теперь около 7 рублей. Пара телефоновъ обыкновенно продается вмѣстѣ съ двойнымъ проволочнымъ проводникомъ, имѣющимъ значительную длину.



Проволока, соединяющая два аппарата, при помощи которыхъ передаются и получаются звуки.

Замѣтимъ здѣсь въ заключеніе, что употребленіе въ телефонѣ шпульки или катушки съ намотанною на ней обвитою шолкомъ проволокою, основывается на простомъ принципѣ возбужденія или индуктированія магнитно-гальваническаго тока прикосновеніемъ разнородныхъ металловъ (обыкнов. мѣди и желѣза). Шпулька съ намотанною на нее, изолированною шолкомъ, мѣдною проволокою, и намагничиваніе ею желѣзнаго бруска, были до сихъ поръ общеизвѣстны, и опыты въ этомъ смыслѣ производились всѣми, занимающимися физикой. Изобрѣтеніе телефона представляетъ доказательство, до какой степени проницательный умъ всегда умѣетъ воспользоваться для достиженія важныхъ результатовъ самыми обыкновенными явленіями и опытами!..

М. С.

*) Даже больше. Уже былъ опытъ телефоннаго разговора на разстояніи 60 верстъ между Варшавою и помѣстьемъ Барятинскаго.

Библиотека "Руниверс"

Политическія и военныя извѣстія.

Послѣ совершившагося великаго и знаменательнаго факта паденія Плевны, уже трудно выставить въ нашихъ текущихъ операціяхъ на Дунайскомъ театрѣ войны что либо такое, что само по себѣ привовывало бы наше вниманіе, а не было естественнымъ слѣдствіемъ славнаго плевненскаго дѣла. И въ самомъ дѣлѣ, прошлая недѣля принесла намъ съ театра войны только тѣ извѣстія, которыя служатъ, такъ сказать, продолженіемъ взятія Плевны и находятся съ этимъ блестящимъ подвигомъ нашихъ войскъ въ неразрывной внутренней связи. *Первое* и самое важное слѣдствіе то, что вся западная Болгарія, какъ уже извѣстилъ телеграфъ въ концѣ прошлой недѣли, *очищена теперь окончательно отъ турокъ*. Что бы для читателей это очищеніе отъ турокъ представлялось болѣе яснымъ, вернемся нѣсколько назадъ, ко времени предшествовавшему взятію Плевны.

Когда генералъ Гурко взялъ Телишъ и Горный-Дубнякъ, наши наступленія въ Западной Болгаріи начались по *двумъ* различнымъ направленіямъ: часть нашей гвардіи двинулась на Орханіэ и къ Этрополю; а двѣ румынскія дивизіи, фланкируемыя съ юга нѣсколькими полками нашей гвардейской и армейской кавалеріи, направилась къ Сербской границѣ. Мы знаемъ, что первая часть нашей арміи вскорѣ овладѣла Орханіэ и Этрополемъ; за симъ и Западная Болгарія очутилась вскорѣ въ нашихъ рукахъ, къ чему данъ былъ уже ключъ взятіемъ Телишскихъ и Горно-Дубнякскихъ позицій Но при этомъ важный пунктъ *Берковацъ* *) (или Берковецъ, лежащій почти на одной широтѣ съ *Врацею*, которой мы въ свое время дали подробное описаніе) все находился еще во власти турокъ. Изъ Берковаца идетъ, черезъ Гинчійскій перевалъ, дорога прямо въ Софію. По взятіи нами Орханіэ, турки особенно дорожили Берковацемъ: они надѣялись, что Осману-пашѣ удастся прорваться изъ Плевны, именно въ направленіи этого пункта. Изъ Берковаца же намѣренъ былъ направиться Мехемедъ-Али паша на выручку Османа-паши, перейдя при посредствѣ понтоновъ рѣку *Искеръ* и двинуться къ Горному-Дубняку. Но въ это время мы какъ разъ овладѣли Правецкою позиціей, недалеко къ востоку отъ Орханіэ, и планъ Мехемета-Али разбился. За симъ, уже послѣ паденія Плевны, турки все еще продолжали держаться въ Берковацѣ и питали даже отчаянную мечту перейти въ наступленіе. Отчаянная попытка въ этомъ отношеніи, дѣйствительно сдѣлана турками на прошлой недѣлѣ наступленіемъ на *Кутловицу* (на р. *Огость*, къ сѣверу отъ Берковаца). Но наступленіе къ Кутловицѣ **) разрѣшилось полною неудачей, и уже въ началѣ прошлой недѣли турки очистили Берковацъ. Изъ этого пункта турки отступили къ Софіи, оставивъ въ Берковацѣ 1 орудіе. За симъ, послѣ этого событія, наши силы на сѣверномъ склонѣ Балканскаго хребта представлялись въ слѣдующемъ видѣ. Передовыя войска генерала *Деллинсгаузена* занимала *Джулинъ*, *Златарицу* и *Елену*. Всѣ эти пункты находятся по ту (восточную) сторону Янтры. Наши отряды Еленинскій и Златарицкій двинули свои авангарды къ Беброву еще 3 декабря, а 5 декабря нами захвачена была телеграфная линія отъ *Елены* до *Беброва* (къ югу отъ Елены) и занято самое Беброво.

Таково было положеніе дѣлъ на Дунайскомъ театрѣ войны за прошлую недѣлю. Читатель видитъ, что успѣшное и непрерывное движеніе къ Балканамъ между Янтрою и Ломомъ, а также въ западныхъ предѣлахъ Болгаріи, по направленію къ Софіи, составляетъ естественное слѣдствіе паденія Плевны, недаромъ раздавшагося громовымъ ударомъ въ ушахъ всѣхъ туркофиловъ.

Общую картину этого нашего наступательнаго движенія къ Балканамъ весьма рельефно дополняетъ и освѣщаетъ полученное по телеграфу изъ Вѣны извѣстіе, что *генералъ Гурко со своимъ корпусомъ идетъ на Софію*.

Таково положеніе дѣлъ въ южной полосѣ Дунайскаго театра войны между рѣками *Янтрою* и *Ломомъ*. Но мы должны еще здѣсь возвратиться къ славному дѣлу подъ *Мечкою* *), о которомъ мы въ прошломъ обозрѣніи („Нивы" № 50) лишь упомянули вскользь. Это была стремительная аттака турокъ на корпусъ Великаго Князя Владиміра Александровича, происшедшая 30 ноября. Въ аттакѣ этой участвовало по меньшей мѣрѣ 60 батальоновъ, и она была направлена преимущественно на лѣвый флангъ и центръ. Мечку турки аттаковывали 6 разъ, но каждый разъ были отбрасываемы съ огромнымъ урономъ. Такъ шло дѣло, пока не подошла къ правому флангу нашего 12-го корпуса 1-я бригада 35-й дивизіи. Когда эта бригада открыла огонь, тогда и весь 12-й корпусъ перешелъ въ наступленіе и турки были прогнаны къ селенію *Красному*. Потеря турокъ при этомъ была весьма велика. Съ нашей стороны *двое* раненыхъ было въ самой свитѣ Его Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, и одна пуля *упала около самаго Великаго Князя*.

Турецкая пресса теперь единодушно увѣряетъ, что турки снова собираются для отчаянной защиты. По всей линіи Балканъ приняты самыя обширныя мѣры для обороны.

Послѣ долговременнаго отсутствія извѣстій съ Закавказскаго театра войны, получено на прошлой недѣлѣ телеграфное сообщеніе, что недавно нашъ отрядъ подъ начальствомъ генерала *Комарова*, занялъ съ боя *Арданучъ*. Причемъ наши потери совершенно ничтожны.

Начальникомъ Рущукскаго отряда назначенъ генералъ-адъютантъ *Тотлебенъ*; начальникомъ же штаба Рущукскаго отряда состоитъ въ настоящее время генералъ-лейтенантъ князь *Имеретинскій*. При генералъ-адъютантѣ Тотлебенѣ состоятъ теперь: полковники *Пфейферъ*, флигель-адъютантъ *Шульднеръ*, князь *Кантокузенъ*, *Тихменевъ*, *Разгоновъ* и инженеръ генералъ-маіоръ *Мельницкій*. До паденія Плевны всѣ эти лица входили въ составъ штаба Плевненскаго отряда. 1-го декабря генералъ-адъютантъ Тотлебенъ и князь Имеретинскій уже отправились въ главную квартиру Наслѣдника Цесаревича, въ Брестовацъ. Генералъ-адъютантъ Тотлебенъ недавно посѣтилъ взятаго нами въ плѣнъ Османа-пашу. Послѣдній въ разговорѣ сознался, что система выжиданія, примѣненная генераломъ Тотлебеномъ къ осадѣ Плевны, была губительна для турокъ.

За симъ получено въ высшей степени утѣшительное извѣстіе, что состояніе здоровья нашихъ войскъ, въ настоящее время, превосходное. Наши войска, облегавшія Плевну, послѣ продолжительнаго утомленія, теперь вполнѣ отдохнули, укомплектовались и организовались.

Въ числѣ политическихъ фактовъ прошлой недѣли выдаются слѣдующіе.

Въ англійскихъ правительственныхъ сферахъ за прошлую недѣлю происходило обсужденіе какихъ-то важныхъ рѣшеній. 4-го (16-го) декабря собирался совѣтъ министровъ; были горячія обсужденія чего-то, но дѣло не рѣшено, и совѣтъ разошелся. На слѣдующій день 5 (17-го), тоже состоялся совѣтъ министровъ. Въ этомъ засѣданіи лордъ Биконсфильдъ настаивалъ на какой нибудь политической или же военной демонстраціи противъ побѣдоносной Россіи, напримѣръ, на отправкѣ ультиматума или на высадкѣ какого-нибудь отряда англійскихъ войскъ на полуостровѣ Галлиполи. Съ воинственными предложеніями лорда Биконсфильда соглашались военный и морской министры и канцлеръ казначейства лордъ Нортскотъ. Но, повторяемъ здѣсь и прежде высказанную нами мысль, что мнѣніе и желаніе лорда Биконсфильда и нѣкоторыхъ единомышленныхъ ему министровъ—далеко не голосъ общественнаго мнѣнія Англіи. Лучшая часть англійскаго общества называетъ англійскихъ шовинистовъ «праздношатающимися фатами». Болѣе рѣзкаго приговора и болѣе справедливой критики для Биконсфильдовскаго воинственнаго задора, конечно, трудно придумать.

Вообще теперь настали трудныя времена для враждебной намъ части британской дипломатіи. Общественное мнѣніе Англіи, очевидно противъ лорда Биконсфильда, и если послѣдній горячо заинтересованъ въ вопросѣ о теперешнемъ безотлагательномъ вмѣшательствѣ въ пользу Турціи, то кабинету этого знаменитаго лорда-туркофила предстоитъ паденіе, ибо—времена сильно перемѣнились,..

Изъ Рима за прошлую недѣлю получились извѣстія, что министерскій кризисъ тамъ продолжается. Никакой комбинаціи для устраненія кризиса еще не состоялось. Но министерство, какъ предполагаютъ, будетъ составлено изъ членовъ большинства. За симъ, что касается успѣвшей всѣмъ надоѣсть молвы о смертельной болѣзни Папы, то эта молва оказывается далеко преувеличенною и конечно, съ разными сенсаціонными и часто съ биржевыми цѣлями. Здоровье папы, съ установленіемъ сухой зимней погоды, начало поправляться. Тѣмъ не менѣе, въ виду неоспоримой дряхлости Римскаго Первосвященника, приняты уже особыя мѣры на счетъ будущаго конклава для избранія будущаго Папы. Говорятъ кардиналамъ, имѣющимъ участвовать въ конклавѣ, представлено выбрать Папу заранѣе, сохраняя его имя для себя, въ глубокой тайнѣ; да и самый конклавъ состоится уже не въ Римѣ, въ стѣнахъ Ватикана, а гдѣ нибудь внѣ Рима, напримѣръ, говорятъ даже, въ республикѣ *Монако*... За послѣднее время стали ходить слухи о сближеніи Италіи съ Греціею—слухи, произведшіе въ Турціи большую тревогу. Въ Италію назначенъ новый турецкій посланникъ, Турханъ-бей и уже вручилъ Итальянскому правительству свои вѣрительныя грамоты.

10-го декабря, въ 10-ть часовъ утра, Его Величество изволилъ прибыть въ Петербургъ. Встрѣча была, конечно, самая восторженная.

Мысли замѣчательныхъ людей.

«Самая мучительная пытка для честнаго человѣка, безъ сомнѣнія, та, что бы противуставать своимъ желаніямъ, которыя онъ хочетъ побѣдить». (*Жанъ-Жакъ Руссо*. «Исповѣдь»).

«Кто знаетъ читать, тотъ знаетъ труднѣйшее изъ всѣхъ искусствъ». (*Дюкло*).

*) *Берковацъ* лежитъ къ западу отъ большой рѣки Искера. Это замѣчаніе существенно важно для того, что бы понять планъ Мехемета-Али, при посредствѣ котораго онъ надѣялся, освободить Османа-пашу. Мехеметъ-Али надѣялся отнять у насъ понтонный мостъ черезъ Искеръ, которымъ мы завладѣли при движеніи въ Орханіэ и, перейдя по мосту, двинуться къ Дубняку.

**) Движеніе турокъ изъ Кутловицѣ было молодецки отражено нашими харьковскими уланами.

*) Театромъ этого дѣла была сѣверная сторона разсматриваемой полосы у Рущука.

СОДЕРЖАНІЕ: Генералъ-лейтенантъ Иванъ Давидовичъ Лазаревъ (съ портретомъ).—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс Соловьева. Часть третія. (окончаніе) —Стихотвореніе Тучи П. Г—а.—Князь Бисмаркъ (съ портретомъ).—Генералъ Скобелевъ въ редутахъ подъ Плевной (съ 2-мя рисунками).—Спасательная сѣтка (съ рисункомъ).—Выходъ изъ церкви (съ рисункомъ)Н.—По Невскому до Знаменья (съ рисункомъ) Д. Стахѣева —Городъ Орханіэ (съ рисункомъ).—Типы болгарскихъ крестьянъ (съ рисункомъ)- Какъ въ старые годы учились ариѳметикѣ.—Новое изобрѣтеніе. Телефонъ (звукопередаватель) (съ 2-мя рисунками).—Политическія и военныя извѣстія.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Объявленія.

Издатель А Ф. Марксъ. Редакторъ Д. Стахѣевъ.

Библиотека "Руниверс"

ПОЛЕЗНЫЙ И НЕДОРОГОЙ ПОДАРОКЪ.

Имѣются въ готовности коробки съ 60 листами почтовой бумаги и 50 конвертами съ красивою буквою разныхъ цвѣтовъ въ 1 р. 50 к. и такія же коробки съ изящно связанными двумя буквами за 2 рубля. Иногородные за 5 руб.

Въ литографіи А Петерсона Невскій пр., домъ № 27, въ ряду Мѣлюзинныхъ лавокъ. № 70 1

Магазинъ Сазикова въ С.-Петербургѣ продолжаетъ торговлю и производство серебряныхъ и золотыхъ вещей, по смерти брата моего Валентина Игнатьевича Сазикова, на прежнихъ основаніяхъ № 68

1—3 **Сергѣй Игнатьевичъ Сазиковъ.**

1—1 ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА № 58

ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА 1878 ГОДА.

Восемь книжекъ въ годъ, посвященныхъ описанію растеній, уходу за ними и ихъ размноженію и статьямъ, имѣющимъ практическое значеніе. Въ теченіи года будетъ дано **сорокъ восемь** рисунковъ, изъ которыхъ 24 хромолитографированныхъ. Свѣдѣнія о дѣятельности Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства (протоколы засѣданій, отчеты сообщеній въ Обществѣ, о выставкахъ и т. п). составятъ приложеніе. Кромѣ этихъ свѣдѣній, при Вѣстникѣ будутъ разосланы **безплатно сѣмена** садовыхъ и огородныхъ растеній и **особая премія** изъ книги.

Цѣна въ годъ съ пересылкою и доставкою **пять рублей.**

Подписываться можно въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ Редакціи (Ямская ул., д. 13, кв. 18), въ Обществѣ (по адресу: Императорское Россійское Общество Садоводства), а въ Москвѣ—въ Сѣмянномъ Депо комиссіонера Общества Л. Л. Риттера (Петровка, д. 18).

Кромѣ означенныхъ мѣстъ, Вѣстникъ можно выписывать чрезъ сѣмянные магазины гг. Вика, Занѣвалова и Сима, и чрезъ книгопродавца Я. А. Исакова.

Во всѣхъ книжныхъ и игрушечныхъ лавкахъ

НОВЫЙ ОРАКУЛЪ.

Занимательное гаданье изъ вопросовъ и отвѣтовъ на всевозможные случаи жизни. Изданіе очень изящное и можетъ служить хорошимъ подаркомъ къ Праздникамъ. При книжкѣ деревянные кубики и таблица съ карточными знаками. Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкой. № 60 3—1

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА

П. Я. БУГАЙСКАГО.

Съ портретами Императоровъ Николая I и Александра II.
Генераловъ: Корнилова, Тотлебена и Нахимова. Цѣна **40** коп.

Выписывающіе прилагаютъ за экземпляръ съ пересылкою, шесть **8-ми** копѣечныхъ почтовыхъ марокъ.

КАЗАКИ И ПЛАСТУНЫ,

съ рисункомъ (историческо-военный очеркъ) П. Я. Бугайскаго. Ц. 20 к. за экземпляръ, съ пересылкою, просятъ выслать три 8 ми копѣечныя почт. марки, въ простомъ письмѣ по адресу: П Я. Бугайскому, въ Петербургъ, Захарьевская ул, д. № 31, кв. № 22. № 62 1—1

Оба сочиненія вмѣстѣ пересылаются на счетъ автора

ГАЗЕТА „ТЕЛЕГРАФЪ",

литературная, политическая и общественная, будетъ выходить съ 1-го января 1878 г. безъ предварительной цензуры ежедневно утромъ, подъ редакціею издателя **К. В. Трубникова.** Газета «Телеграфъ» будетъ въ краткой и сжатой формѣ сообщать все то, что служитъ неотъемлемымъ содержаніемъ всякой ежедневной газеты. **Подписная цѣна** съ доставкою на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногородныхъ: за годъ 5 р., за полгода 3 р., за три мѣсяца 2 р. **Подписка принимается:** въ С.-Петербургѣ, на Большой Конюшенной, домъ № 15, Языковой квартиры **№ 22.** № 61 1—1

СЪ ЯНВАРЯ 1878 ГОДА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА"

Программа «Исторической Библіотеки» будетъ заключать въ себѣ два отдѣла: беллетрическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библіографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи. По этому предмету учредитель археологическаго института въ Петербургѣ г. Предсѣдатель Комиссіи объ устройствѣ архивовъ въ Россіи, **Н. В. Калачовъ** будетъ сообщать наиболѣе важныя и интересныя свѣдѣнія какъ о ходѣ занятій, такъ и матеріалахъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ. Редакціи обѣщали свое содѣйствіе: **Н. В. Калачовъ** (для тайнѣйшимъ участіемъ по историко-юридической части), **В. П. Безобразовъ, Н. И. Костомаровъ, Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. С. Соловьевъ, Г. П. Данилевскій. Д. Л. Мордовцевъ, И Е. Забѣлинъ, В. О. Ключевскій, А. Д. Галаховъ, И. В. Вернадскій, П. В. Павловъ, П. А Матвѣевъ, Ю. Е. Афонасьевъ, В П. Авенаріусъ** и друг. Въ настоящее время въ Редакціи уже имѣются слѣдующія оригинальныя произведенія: Сводная былина о добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ **В. П. Авенаріуса;** Капитанъ гренадерской роты, ист. ром. **Всев. С. Соловьева;** Прекраса, ист. ром. изъ жизни сѣверныхъ Славянъ X вѣка **В. Ладова;** Престолъ и монастырь, истор. пов. конца XVII в. **Ш.;** Поннизовыя вольницы, изъ дѣлъ Сыскнаго приказа, сообщ. **Н. В. Калачовымъ;** Сороковые годы въ исторіи русскаго народа **Д. Л. Мордовцева;** Московское княжество въ 1-ой половинѣ XIV ст., истор. этюдъ **Н. В. Полежаева;** Основныя эпохи въ исторіи Англіи **Д. Павлова** и др. Кромѣ того въ Редакцію сообщены **Н. В. Калачевымъ,** какъ истор. матеріалъ, въ числѣ другихъ статьи о народныхъ празднествахъ и театрѣ въ ц. Анны Іоанновны **Н. Н. Оглоблинымъ;** Описаніе путешествія Арсенія Архіепископа Аланасонскаго въ Россіи въ 1588 г. Изъ числа переводныхъ статей имѣются: Россія и Турція **Бухарова;** Супружества Генриха VIII; Государственная тюрьма времени Людовика XIV, сообщ. **Матвѣевымъ;** Любовь Марата, ром. **Мете** и мн. друг. Затѣмъ Редакція ожидаетъ получить: истор. р. **Г. П. Данилевскаго;** Москов. княж. XVI в. **Н. В. Калачева;** изъ исторіи Вольтера **Галавацкаго;** О мѣстномъ самоуправленіи во Франціи въ концѣ XVIII вѣка **Ю. Е. Афонасьева,** а также произведенія **Н. И. Костомарова** и **Н. Н. Бестужева-Рюмина.** Для обозрѣнія же исторической литературы какъ русской, такъ и иностранной, редакція имѣетъ назначить отдѣлъ въ каждой книгѣ.

Историческая Библіотека будетъ выходить ежемѣсячно книгами отъ 10—15 лист.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп. съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Вольш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Черкесова и К°, Невскій просп. противъ Публич. Библ. д. № 54.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ Редакцію журнала Исторической Библіотеки. (Бол. Садов. домъ 121 кв. 12).

№ 59 1—1 Редакторъ-издатель *П. В. Полежаевъ.*

АМЕРИКАНСКАЯ МУКОМОЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА.

Молотитъ въ часъ 200 сноповъ, чистая молотьба, прямая солома.

Цѣна 110 р. с.

Прейсъ-Куранты безплатные.

ДЕПО МАШИНЪ ЭД. ФЛУГЪ.

На углу Офицерской ул. и Вознесенскаго пр. N 1—11.

Ж. Шансонъ имѣетъ честь извѣстить почтенную публику, что готическія буквы, приготовляется исключительно для мѣтки бѣлья, отнынѣ будутъ продаваться по 15 к. за штуку. Компостеры покупаются отдѣльно. Ручается за прочность чернилъ, помощью которыхъ можно мѣтить бѣлье безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій.

Передвижныя колтостеры переносныя печати.

для составленія и разборки по сложенію всякаго рода словъ, какъ *напр.* бланки, числа, мѣсяцы, годъ и т. д. Оптовая и розничная продажа.

Невскій пр. подъ Думою, Серебрянный рядъ № 14.

Иногородныхъ просятъ адресоваться: Москва, Петровка, домъ Перевощикова. **Ж. Шансонъ.**

Благовонный мыльный и косметическій товаръ фабрики

Брокаръ и К°

Въ Москвѣ

можно получать: въ собственныхъ магазинахъ Никольская д. Востанджогло Пльвинка д. Троицкаго подворья

и во всѣхъ городахъ Россіи у главныхъ торговцевъ

6—1 полный прейсъ-курантъ посылается безплатно № 57

О НАСТОЯЩЕЙ ВОЙНѢ И КЪ ДРУГИМЪ ЛЕКЦІЯМЪ

ТУМАННЫЯ КАРТИНЫ

ДЛЯ ВОЛШЕБНАГО ФОНАРЯ.

Заготовляя для всѣхъ учрежденій читающимъ лекціи для Народа въ С. Петербургѣ и Москвѣ, имѣю таковыхъ до 10 тысячъ штукъ за подробностями и съ ваяаами покорно прошу адресовать въ С.-Петербургъ, Петербургской части по Стрѣльнинской ул № 13 Н А. Ермолину. № 66 1

Педагогическій журналъ **«Воспитаніе и Обученіе»,** бывшій **«Дѣтскій Садъ»** будетъ выходить въ 1878 г, въ направленіи принятомъ съ 1876 г Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда выяснена теорія. Редакція воставила задачей своей выясненіе теоріи, на которой должно быть основано воспитаніе, въ статьяхъ о развитіи умственнаго и нравственнаго строя ребенка и о предметахъ преподаванія. Въ от ѣлѣ критики и библіографіи даютъ отзывы о педагогическихъ и дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. Въ отдѣлѣ смѣси печатается рядъ замѣтокъ изъ воспитательной практики. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго и младшаго возраста будутъ помѣщены разсказы, стихотворенія, біографіи статьи естественно-научнаго содержанія, путешествія Для младшаго возраста прилагаются рисунки. Въ 1877 года были помѣщены статьи: въ педагогическомъ отдѣлѣ; Личность ребенка **М Артемьевой,** Дисциплина ев же, Педагогика и гигіена; ихъ взаимныя отношенія, **В. Португалова.** Школа, какъ посредница заряды, его же. Чувство, Воображеніе, Наше преподаваніе русской литературы, Объ изученіи иностранныхъ языковъ. Замѣтка о женскомъ образованіи, Отношенія родителей и учителей, О чувствахъ и умѣ, Бэне, Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго возраста: Снитадецъ стихотвореніе **А. Михайлова,** На рѣкѣ, разсказъ, его же, Моя кузина, повѣсть **М. Артемьевой,** Сократъ. Изъ жизни человѣка и природы **О. Н. Поповой.** Вода, путешествіе по Австріи, для младшаго возраста Рождественный сонъ, сказка **А. Михайлова.** Кладъ стихотвореніе, **И З. Сурнинова.** Пожаръ на кораблѣ **М. Артемьевой.** Кузя въ Питерѣ **С. Самойловичъ,** Волгарскіи дѣти, разсказъ. Сонъ. Крокодилъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ объемѣ отъ 5—6 листовъ въ 8 долю большого формата цѣна 5 р. 50 к. безъ доставки. Съ пересылкой и доставкой 5 руб. Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ редакціи; Екатерингофскій проспектъ д. № 51 кв. 4.

№ 45 Издатель **В. Угла.** Редакторъ **Е. Бороздина.** 2—1

Abonnement auf den „St. Petersburger Herold" für das Jahr 1878.

Der **„St. Petersburger Herold"** erscheint täglich,
Mittwochs mit der Gratis-Beilage **„Industrie Zeitung".**
Donnerstags mit der Gratis-Beilage **„Feuilleton-Beiblatt".**
Freitags mit der Gratis-Beilage **„Handels- und Börsen Zeitung."**
Sonntags mit der Gratis-Beilage **„Land- und Wirthschaftliche Zeitung".**

Die **Lokalnachrichten** geben wir gesondert in einem **„Lokalbeiblatt"** an den Tagen, an welchen die Annoncen durch ihre Menge den Raum unseres Blattes beeinträchtigen. — Indem wir uns erlauben auf diese Einrichtung aufmerksam zu machen, bekunden wir zu gleicher Zeit, dass es uns durchaus fern steht, den geistigen Inhalt unseres Blattes durch die gehäuften Annoncen auf Kosten unsere geschätzten Abonnenten irgendwie achädigen zu lassen.

Auch im nächsten Jahre werden wir wie in den vergangenen bei gegebener Gelegenheit unsere geschätzten Abonnenten durch **Extra-Beilagen** zu erfreuen bestrebt sein.

Man abonnirt direkt bei der unterzeichneten Administration.

Der Abonnementspreis, mit Zustellung in's Haus, beträgt:
in St. Petersburg: für 1 Jahr 13 R., für 9 Monate 10 R. 20 K., für 6 Monate 7 R., für 3 Monate 3 R. 75 K., für 1 Monat 1 R. 30 K.
für das Innere des Reichs: für 1 Jahr 14 R., für 9 Monate 11 R, für 6 Monate 7 R. 50 K. für 3 Monate 4 R, für 1 Monat 1 R. 50 K.

INSERTIONEN finden bei der grossen, täglich wachsenden Auflage des **„Herold",** bei dem **starken Einzelverkaufe** nicht nur in den beiden Residenzen St. Petersburg und Moskau, sondern auch auf den Stationen **sämmtlicher** Eisenbahnen Russlands die **ausgedehnteste Verbreitung.** Die viergespaltene Petitzeile oder deren Raum wird mit **10** Kop. berechnet; bei grösseren Aufträgen wird ein entsprechender Rabatt gewährt.

Die Administration des „St. Petersburger Herold".
Wosnessensky-Prospekt (Blaue Brücke) № 3.

Дозволено цензурою. СПБ. 16 Декабря 1877 г.

Тип. Веллинга. Анг. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 52 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 24 Декабря 1877 г.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ не замедлить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его нумеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23,500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать редакціонные адресы отъ бандеролей, въ которыхъ получается „Нива“ въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. „НИВЫ“ НА 1878 г. { Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ. 4 р. | Съ доставкою . . . . . 5 „ | Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ . . . 5 р. | Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи. . . . . 6 „

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9

Наша великорусская деревня.

Для нашей обширной отечественной равнины, въ экономическомъ и культурномъ отношеніи, деревня имѣетъ совершенно *особое* значеніе. Сравнительно съ огромнымъ пространствомъ земли городовъ у насъ слишкомъ мало, чтобы сравнивать отношеніе числа городовъ къ числу деревень съ таковымъ же отношеніемъ въ другихъ странахъ Европы, а это, въ свою оче-

Наша великорусская деревня. Рис. Ганье, грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

редь, происходитъ отъ того, что и равнина-то наша населена великомъ рѣдко. Въ среднемъ разсчетѣ у насъ, въ Европейской Россіи, приходится не больше 700 чел. на квадр. милю, тогда какъ даже въ обезлюденной турецкимъ правленіемъ Болгаріи все таки приходится 1,500 чел. на квадр. милю. Теперь возьмите какую либо нашу губернію. Даже при средней величинѣ, она равняется иному герцогству Германіи. Положите на нее 10 (среднее число) уѣздныхъ городовъ, и вы увидите, какое громадное значеніе имѣетъ у насъ деревня еще и теперь, при развитіи сѣти желѣзныхъ дорогъ. Даже болѣе: деревня и ея производительная дѣятельность, въ смыслѣ земледѣлія, и въ настоящее время еще ждетъ своего раціональнаго развитія.

Для интересующихся нашею русскою старинною замѣтимъ, что наши города, въ древній періодъ, были ничто иное, какъ деревни. Это можно доказать исторіей развитія населенности нашей равнины, на что мы и укажемъ сейчасъ.

Какъ же у насъ начинались и строились деревни? Для разрѣшенія этого вопроса и по настоящую минуту существуютъ живые указанія и намеки. Именно во многихъ нашихъ среднихъ губерніяхъ часто можно встрѣтить такъ называемые *„починки“*. Это чаще всего маленькія сиротливыя деревеньки домишка въ два-три, построенныя гдѣ-нибудь въ глуши, у лѣса и у рѣки, надъ которою склонились плакучія березы или ели: онѣ-то и составляютъ первобытныя ячейки начинающихъ зарождаться деревень. Деревня *начала* было строиться (отсюда и слово *„починокъ“*), но дѣло почему-либо не склеилось. Мѣсто глухое, что ли, отъ рынковъ сбыта и отъ базаровъ сельскихъ далеко, какъ бы то ни было, только на первыхъ двухъ-трехъ избенкахъ и остановилась постройка деревни, затѣвавшейся можетъ быть въ большихъ размѣрахъ. Такихъ „починковъ“ вы встрѣтите очень много въ средней полосѣ Россіи. Обыкновенно живущіе въ такомъ пустынномъ углу крестьяне держатъ добрыхъ собакъ и имѣютъ ружья, потому что и зимой и лѣтомъ борются съ волками, которые зимой ужь просто предъ ихъ воротами распѣваютъ свои жалобы. Съ другой стороны есть „починки“ и удавшіеся, т. е. разросшіеся въ большія деревни, но тѣмъ не менѣе, сохранившіе свое названіе, уже въ видѣ собственнаго имени. Затѣмъ встрѣчаются еще „выселки“—селенія дома въ два-три. Это значитъ „міръ“ выселилъ изъ деревни чѣмъ либо провинившихся и неугодныхъ ему крестьянъ. Сюда крестьянъ почему либо выселили изъ большой деревни, чаще отъ тѣсноты скученныхъ построекъ.

И починки и выселки представляютъ до такой степени первобытную форму образованія селеній въ нашей Руси, что мы вправѣ принять, что такъ именно строились въ древней Руси, даже въ Удѣльный періодъ, такъ называемые „свободные“ земледѣльцы и „челядь“, т. е. рабы землевладѣльцевъ. Земли не возделываемой было много, населеніе рѣдкое, лѣсу было въ волю. До закрѣпленія же земледѣльцевъ за землевладѣльцами, или князьями, первые, какъ мы знаемъ, часто уходили отъ послѣднихъ, если имъ обѣщалась льгота отъ податей въ другой княжеской области. Вплоть до времени Василья Темнаго у насъ встрѣчается свободное передвиженіе крестьянъ. Извѣстный Юрьевъ день былъ только небольшимъ ограниченіемъ. При частыхъ передвиженіяхъ земледѣльцы, конечно, строили свои избы кое-какъ, лишь бы укрыться отъ стужи, дождя и вѣтра. Типъ тогдашней крестьянской избы остался у насъ до сихъ поръ въ „чорныхъ“ или „курныхъ“ избахъ. У нѣкоторыхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ древнюю Русь, сохранилось описаніе тогдашнихъ крестьянскихъ домовъ. Такъ же раздѣлялись они на зимнюю избу или „истопку“ и на „холодникъ“ или клѣть, тѣ же соединяющія ихъ сѣни, затѣмъ уже тѣ же палати, придѣланный къ печи голубецъ, на которомъ любитъ спать „дѣдушка-домомой“, кутникъ, лавки, подпечекъ. Все это въ существенныхъ чертахъ осталось и до сихъ поръ. Разница только въ томъ, что тогдашній крестьянинъ не жалѣлъ лѣсу. И вотъ отъ обилія дерева и самыя селенія названы *„деревнями“*. Затѣмъ, благодаря тому же обилію матеріала, у насъ сначала не было большого различія между деревнями и городами *). Тѣмъ не менѣе, говоря вообще, нашъ древній городъ—это просто на просто большая деревня, огороженная деревяннымъ тыномъ или стѣной: извѣстное выраженіе „ерубить городъ“—значитъ обнести деревянной стѣной уже существующее большое селеніе или деревню. Что разница между деревней и городомъ заключалась у насъ именно только въ деревянной окружающей стѣнѣ, видно изъ того, что жители городовъ занимались хлѣбопашествомъ. Но затѣмъ въ XVI и XVII вѣкахъ у насъ являются уже подгородныя слободы, или посады, населенныя посадскими, торговыми и промышленными людьми. Это уже нѣсколько напоминаетъ построеніе селеній во всей Европѣ во время феодализма, а также англо-саксонскія субъ-урбы (suburbe) **). Промысламъ и торговлѣ нужна была городская защита и вотъ отчего промышленные посады расположились подъ городами въ первобытную эпоху и у насъ, и вездѣ въ Европѣ. Это явленіе общее. С.

День скорби.

(Картинки изъ дѣтской жизни).

Вечеръ. Пансіонеры сидятъ по классамъ и готовятъ уроки на слѣдующій день. Сережа Балкинъ съ особеннымъ усердіемъ углубился въ книгу и прикладываетъ всѣ свои старанія, чтобы хорошенько выучить заданные на завтра уроки. А завтра суббота—послѣдній день мучительной пансіонской недѣли. „Господи, хоть-бы единицы не получить“ думаетъ Сережа, и еще усерднѣе принимается, закрывъ глаза и слегка покачиваясь, твердить mensa, mensae, mensae...

Бѣда получить единицу: лишатъ отпуска, лишатъ самаго лучшаго удовольствія—видѣть мать, сестренку Лидочку... И цѣлую недѣлю Сережа работаетъ изо всѣхъ силъ, чтобы не лишиться удовольствія провести воскресенье дома, заснуть на своей кроваткѣ, напиться чаю у шумящаго самовара. „И Матрену увижу“, думается Сережѣ, и картина домашней жизни рисуется ему такъ ясно, со всѣми ея подробностями; глаза уставились въ одну точку, губы перестали твердить склоненіе... „Что-же это я...“ отмахивается отъ наплывающихъ мыслей Сережа и снова обращается къ книгѣ.

— Григорій Иванычъ, сколько до звонка осталось? спрашиваетъ кто то у надзирателя.

— Три четверти часа. Занимайтесь, занимайтесь! Горбушинъ, Горбушинъ, что ты ничего не дѣлаешь!

— Да я, Григорій Иванычъ, все приготовилъ.

— Ну, ну! Не разсуждать! Приготовилъ, а завтра единицу получишь.

— Зачѣмъ получить, если я знаю.

— Ну, ну хорошо! Потолкуй еще—безъ чаю будешь:

Горбушинъ смолкаетъ: голодному желудку пансіонера эта угроза очень чувствительна. „Три четверти часа! А я еще множественнаго числа не выучилъ“ думаетъ Сережа, и напрягая все свое вниманіе, продолжаетъ заучивать mensarum, mensarum, mensarum...

Динь-динь-динь!.. Это звонокъ къ вечернему чаю—и потомъ спать. Шумно вскакиваютъ со скамѣекъ засидѣвшіеся ученики и поспѣшно идутъ строиться въ ряды, чтобы идти чай пить. Всѣ расправляютъ затекшіе члены. Шумный говоръ сразу поднялся въ безмолвномъ до того корридорѣ и гулко разносился по опустѣвшимъ классамъ. Сережа успѣлъ выучить и множественное число, хотя и не очень твердо. „Ничего, завтра передъ классомъ повторю“ подумалъ онъ, и сложивъ книги, пошелъ занять свое мѣсто.

Въ постели, уже засыпая, попробовалъ Сережа просклонять заданный урокъ. „Богъ дастъ, отвѣчу“ думаетъ онъ, крестится еще разъ и засыпаетъ.

— Вставать, вставать, вставать! выкрикиваетъ надзиратель. Сторожъ Тарасъ ходитъ по дортуарамъ и трезвонитъ.

Сережа быстро вскочилъ, одѣлся торопливо и безъ чая, чтобы выиграть время, побѣжалъ въ классъ, повторить урокъ.

— А ну-ка, скажу сперва на память!

Но что такое случилось?! Склоненіе какъ будто вывалилось изъ головы. Отъ единственнаго числа еще остались какіе-то обрывки, а отъ множественнаго и слѣда нѣтъ. Будто и не училъ. „Что со мной“ шепталъ Сережа и, схвативъ книгу, нервно зашагалъ по классу, стараясь запечатлѣть упрямое склоненіе.

*) Но наши города, стоявшіе на великомъ водномъ греческомъ пути, должны были разбогатѣть очень рано. Таковы и дѣйствительно были стоявшіе на двухъ оконечностяхъ пути, Новгородъ на сѣверѣ и Кіевъ на югѣ.

**) Т. е. пригородныя селенія.

Библиотека "Руниверс"

— По мѣстамъ, учитель идетъ!

Сережа сидитъ какъ въ лихорадкѣ. „Хоть-бы не вызвалъ, не спросилъ“ шепчутъ его губы. Учитель обвелъ глазами ряды скамей, размышляя, кого бы вызвать, и взволнованное лицо Сережи бросается ему въ глаза.

— Балкинъ!

Сережа всталъ, закрылъ книгу и дрожащимъ голосомъ началъ отвѣчать урокъ. Учитель, великій знатокъ ученическаго сердца, понимаетъ, что дѣло не ладно. „Только что, видно, прочелъ“ думаетъ онъ и останавливается передъ Сережой, какъ-то особенно недовѣрчиво вслушиваясь въ его отвѣтъ. Единственное число прошло хорошо, и подозрѣнія учителя уже было улеглись, но вотъ Сережа переходитъ къ множественному.

— Именительный—mensis...

— Какъ, какъ?! и подозрѣнія съ новой силой вспыхнули въ умѣ великаго психолога.

— Mensarum едва слышно произноситъ Сережа.

— Это именительный-то падежъ?

Сережа молчитъ.

— Ну такъ какъ же?

Молчаніе.

— Плохо, плохо, Балкинъ! Вы должно быть передъ классомъ только и прочитали.

— Нѣтъ, Терентій Гавриловичъ, я училъ еще вечеромъ, почти шопотомъ говоритъ Сережа, но учитель уже подошелъ къ каѳедрѣ и поставилъ отмѣтку въ журналѣ.

— Садитесь. Горбушинъ!

„Что онъ поставилъ?“ думаетъ Сережа. „Неужели единицу! А можетъ быть только NB.“

Но вотъ услужливый товарищъ, который успѣлъ заглянуть въ журналъ, таинственно показываетъ ему два пальца. „Двойка! Пустятъ или нѣтъ вертится у него въ головѣ и онъ какъ сквозь сонъ слышитъ какъ учитель распекаетъ Горбушина. Послѣ класса подошелъ Сережа къ Горбушину, который тоже схватилъ пару.

— Горбушинъ, пустятъ насъ домой?

— Я у директора попрошусь, скажу что мнѣ къ дядѣ, генералу Павлу Петровичу, нужно идти. Онъ съ дядей-то моимъ знакомъ, такъ пуститъ!

„А я что скажу“, подумалъ Сережа и отошелъ. Кое-какъ прошли остальные уроки. Сережа ходилъ въ тревогѣ: участь еще не была рѣшена. „А можетъ быть и отпустятъ“ мелькало иногда въ его головѣ.

Горбушинъ сейчасъ по окончаніи послѣдняго урока прошелъ проситься въ отпускъ къ директору, который слегка пожурилъ его, но все-же отпустилъ, взявши съ Горбушина слово, что впередъ онъ будетъ стараться.

— Передайте поклонъ Павлу Петровичу, когда къ нему пойдете, говоритъ на прощанье директоръ, и Горбушинъ, ловко шаркнувъ ножкой, веселый уходитъ.

Первый встрѣчается ему Сережа, нетерпѣливо ожидавшій прихода Горбушина отъ директора.

— Ну что?!

— Отпустилъ, да еще дядѣ просилъ кланяться.

— И меня значитъ отпуститъ? радостно говоритъ Сережа.

— Не знаю. Поди спросись!

Сережа весело побѣжалъ черезъ дворъ къ директорской квартирѣ, но уже на дорогѣ онъ какъ-то смутно почувствовалъ, что его, пожалуй, директоръ не отпуститъ. „Вѣдь у Горбушина дядя-генералъ“—и онъ робко потянулъ ручку звонка.

— Можно къ Анатолію Игнатьичу? спросилъ Сережа, стараясь казаться спокойнымъ. Франтъ-камердинеръ оглянулъ Сережу, и не удостоивъ его отвѣтомъ, ушелъ въ комнаты. Сережа остался въ передней, приготовляя что сказать директору; доводы, которые онъ приготовилъ, казались ему такъ неотразимы, что онъ уже почти не сомнѣвался, что его пустятъ. Минутъ черезъ пять пришелъ камердинеръ и ввелъ Сережу въ залу. Тамъ никого не было, только ожирѣвшая болонка лежала въ мягкомъ креслѣ, готовясь, какъ видно, вздремнуть послѣ сытнаго обѣда.

Сережа засмотрѣлся на пышное убранство комнаты и на картины, которыя висѣли по стѣнамъ. Никто не шелъ, только изъ другихъ комнатъ слышенъ былъ громкій разговоръ.

— По міру, по міру, матушка моя, прійдется пойти при твоемъ расходѣ! Силъ нѣтъ,—слышится раздраженно сердитый голосъ директора, и чьи-то тяжелые шаги направляются къ залѣ. „Господи, какой онъ сердитый“ мелькнуло въ головѣ Сережи, когда директоръ красный, съ засунутыми въ карманы руками вышелъ въ залу.

— Что такое?!

Сережа не связно началъ говорить, но директоръ, услышавъ о его просьбѣ, не далъ ему докончить и круто оборвалъ.

— Нѣтъ, нельзя, нельзя! Нужно учиться, стараться! Нельзя, нельзя! идите! Заниматься нужно, а вы въ отпускъ проситесь! Мало за недѣлю шалили!

Сережа подумалъ о Горбушинѣ, но сказать не рѣшился, и неловко поклонившись, съ опущенной головой вышелъ отъ расходившагося директора.

Въ классѣ шумно и пыльно. Всѣ хлопочутъ, суетятся, собираютъ книги, приготовляясь идти домой. Нѣкоторые ушли, многіе нетерпѣливо ожидаютъ, когда за ними придутъ, чтобы ихъ взять. За Сережей тоже должна прійти служанка; но его, наоборотъ, это теперь не радуетъ, а тревожитъ: прійдется ей сказать, что онъ наказанъ. Поджидающей матери это будетъ очень, очень непріятно! Вотъ уже скоро и 5 часовъ, когда за нимъ обыкновенно посылаютъ. „Господи, хоть бы нынѣшній разъ не пришли за мной“ думаетъ Сережа и тревожно посматриваетъ въ окно. Но нѣтъ, какъ на зло, ровно въ 5 часовъ приходитъ Мавра, да еще не одна, а съ пятилѣтней сестренкой.

— Селеза, Селеза, пойдемъ! Скалѣй пойдемъ домой! лепечетъ Лидочка, цѣлуя его и съ радости и нетерпѣнія подпрыгивая на мѣстѣ. Сережа красный съ понурой головой говоритъ Маврѣ, что ему нельзя, что его не пускаютъ, что онъ... наказанъ.

— Какъ-же мнѣ безъ васъ къ барынѣ явиться. Мнѣ сказано, чтобы васъ привести, а теперь... Мамаша и на извощика дала, чтобъ по дождю не идти.

— И я Селеза пліѣхала... Ну сколѣй Мавлуса, одѣнь Селезу... мамаса гаваила сколѣй велнись, продолжала болтать сестренка, дергая за подолъ служанку.

Сережа опять въ довольно темныхъ выраженіяхъ объяснилъ служанкѣ, что ему идти нельзя.

Мавра плохо поняла въ чемъ дѣло, одно только ясно было, что взять его нельзя и что къ доброй барынѣ придется прійти съ грустной вѣстью.

— Ишь, фараоны, мальчика мучаютъ! ворчала она и начала собираться. Маленькая Лида, видя печальное лицо брата и служанки, притихла.

— Ну идемъ, Лида!

— А Селеза? тихо спросила она.

— Идемъ, идемъ, говорятъ тебѣ, почти сердито уже говорила добрая старуха, и она одѣла Лидочкѣ бурнусикъ и платокъ. Дѣвочка присмирѣла и попеременно переводила глаза съ Мавры на брата, стараясь узнать, шутятъ-ли съ ней или въ самомъ дѣлѣ они уйдутъ безъ Сережи.

— Прощайте, Сергѣй Петровичъ! Ну, Лидочка, простись съ братцемъ. Дѣвочка подошла къ брату обняла его за шею и заглядывая ему въ лицо своими синенькими глазками, тихо заговорила. „Селеза, пойдемъ домой! А? Пойдемъ?“ Но Сережа не могъ ей отвѣтить, слезы душили его; онъ быстро обнялъ сестренку и почти выбѣжалъ изъ пріемной комнаты.

Мавра поспѣшно увела заплакавшую Лидочку.

Библиотека "Руниверс"

На Елку. Послѣдніе дни и первые годы. Рис. Моренъ, грав. Тома.

Библиотека "Руниверс"

На Елку. Дѣтскія радости на праздникѣ. Силуэты Е. Бемъ. Рис. Е. Бемъ, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ грѣхъ! Ну какъ я барынѣ теперь покажусь.

Сережа побѣжалъ въ классъ; тамъ затѣвалась какая-то игра, шумѣли, спорили. Этотъ шумъ былъ ему теперь не по душѣ, ему хотѣлось быть одному; на душѣ было тяжело, слезы готовы были политься изъ глазъ и онъ ихъ едва сдерживалъ. «Боже мой, Боже мой, какой я несчастный! Бѣдная мамаша, какъ-то ей будетъ!» Онъ положилъ голову на руки и закрылъ глаза. Кругомъ него продолжали шумѣть, но онъ почти не слышалъ шума: ему живо представилась его мать, выбѣжавшая на звонокъ Матрены, чтобы скорѣе обнять милаго сынка. Но Матрена одна, безъ Сережи. «Почему? Что съ нимъ, онъ боленъ? Что случилось?» —«Онъ наказанъ!..»

— Балкинъ, идемъ играть, что сидишь? Сережа, не приподнимая головы, отвѣтилъ, что играть не хочетъ.

— Да ты, кажется, нюнишь? Господа, господа, Балкинъ плачетъ, къ мамасинькѣ хочетъ! Подскочили еще два-три зубоскала и начали трунить и острить надъ Сережей. Онъ молчалъ, чтобы тѣ скорѣе отстали, но назойливые товарищи не унимались, начали дергать его за платье, засматривать въ лицо.

— Дайте платокъ, мы ему носикъ утремъ,—предложилъ одинъ и уже началъ приподнимать ему голову.

— Отстаньте, говорятъ вамъ!—закричалъ Сережа, вскочивъ съ своего мѣста блѣдный какъ полотно и съ дрожащими губами.

Мальчишкамъ только того и нужно было.

— Заплачь, заплачь!

— Копѣечку дамъ!—закричало нѣсколько голосовъ и опять пошли дергать его за курточку, хохотать; одинъ подскочилъ и изловчился дать ему щелчокъ въ самый носъ, но Сережа съ размаха вцѣпился ему въ волосы. Тотъ началъ отбиваться и драка затѣялась. Злоба Сережи искала выхода, и доведенный до бѣшенства, мальчикъ съ озлобленіемъ вымещалъ все на попавшемся. Къ несчастію противникъ былъ слабѣе Сережи, не могъ дать ему хорошаго отпора, и рѣдкіе удары, которые доставались Сережѣ, только больше озлобляли его.

Дерущихся обступили и пошли обычныя подзадориванья. «Такъ его, такъ его!» «Лупи хорошенько!» «Не щелкай по носу!» «Молодецъ, Балкинъ, молодецъ!» Никто и не думалъ рознять ихъ. Зрѣлище всѣмъ очень нравилось. Сережа повалилъ противника и готовъ уже былъ дать ему самую тяжеловѣсную пощечину, какъ вдругъ чья-то сильная рука сдернула его съ противника, наградивъ въ добавокъ небольшимъ подзатыльникомъ. Онъ приподнялся. Передъ нимъ стоялъ директоръ съ дежурнымъ надзирателемъ; всѣ остальные разбѣжались, только его противникъ, измаранный, приподнимался съ пола. Видъ Сережи былъ тоже не привлекательный: растрепанный, испачканный, съ блѣднымъ лицомъ и блестящими сухими глазами.

— Это что? Буянить, драться!—захлебываясь кричалъ директоръ, какъ видно ошеломленный видѣнной сценой. — Это... это... въ карцеръ! Въ карцеръ! Позвать дядьку... скорѣй. Ведите его... ведите... Перетрусившій надзиратель потащилъ за руку Сережу, который не упирался, и со сжатыми губами и высоко поднимавшейся грудью уходилъ, поправляя разстроившійся костюмъ. Въ его головѣ не было ни одной связной мысли, въ вискахъ стучало, въ горлѣ пересохло и набившаяся пыль въ ротъ душила его. Прибѣжавшій дядька поспѣшно увелъ его въ карцеръ.

Небольшой чуланчикъ съ единственнымъ узенькимъ окошечкомъ, которое выходило на площадку пансіонскаго сада, былъ карцеръ. Мрачно было въ чуланчикѣ, но не весело было и въ саду: деревья стояли почти голыя, рѣдко-рѣдко гдѣ держался еще пожелтѣвшій листокъ, вѣтви гнулись и скрипѣли отъ сильныхъ порывовъ вѣтра; четыре молодыхъ замореннымъ тополя, завернутые въ рогожи, чтобы предохранить ихъ отъ суровой зимы, выглядѣли настоящими мертвецами въ грязныхъ саванахъ. Дождь шелъ съ самаго утра, барабаня въ узенькое окошечко карцера. И ничѣмъ не огорченному человѣку грустно въ такіе пасмурные осенніе дни, а на Сережу погода подѣйствовала подавляющимъ образомъ. Не успѣли смолкнуть шаги уходившаго Тараса, какъ Сережа залился горькими слезами. О чемъ онъ собственно плакалъ, онъ самъ не зналъ, но слезы текли по его лицу, грудь судорожно подымалась и громкія, перерывающіяся рыданія невольно вырывались изъ его груди. Чувство одиночества придавало много горечи его слезамъ. «Я одинъ, одинъ», думалось ему, и онъ продолжалъ плакать, свертываясь въ калачикъ на широкой скамьѣ и забиваясь въ уголокъ. Разстроенному воображенію Сережи казалось, что весь свѣтъ преслѣдуетъ его, что все для него потеряно, что всѣ товарищи теперь хохочутъ и смѣются надъ нимъ. Все это переплеталось въ его головѣ и все больше и больше разстраивало его. Плачъ не стихалъ, только грудь, облегченная рыданіями, подымалась ровнѣй и не такъ судорожно.

— Барчукъ, а барчукъ! Что ты? Э-э-э! Развѣ такъ можно? Барчукъ!

Сережа пересталъ плакать. Его окликалъ дядька Тарасъ.

— Что-жь это—а? Эхъ! Ну такъ что-же... ну вѣдь это... бываетъ всякому... Барчукъ, послушь!—легонько тормошилъ онъ Сережу, какъ бы будя его отъ сна.— При звукѣ добраго голоса Тараса, Сережѣ стало какъ-то стыдно: полный участія тонъ сразу разрушилъ иллюзію о его одиночествѣ и сиротствѣ, которое только-что такъ много заставило его плакать. «Что-же я плакалъ? Вѣдь вотъ Тарасъ такъ со мной говоритъ», думалось Сережѣ, и ему стыдно стало своихъ слезъ.

— Да встань, сядь, сядь. Послушь, что скажу... Ну чего плачешь-то? Присядь-ка... Сережа приподнялся и чтобы хотя сколько нибудь объяснить причину своихъ слезъ, сказалъ, что у него болитъ голова.

— Э-э! Вѣстимо заболитъ, ежели плакать станешь. Ну, а что плакать, что?—Тарасъ присѣлъ къ нему на лавку, не то ожидая отъ него отвѣта, не то про себя разрѣшая этотъ философскій вопросъ:—стоитъ-ли изъ-за того плакать, что въ карцеръ посадили? Тарасу было лѣтъ подъ шестьдесятъ, невысокаго роста, худой, съ подслѣповатыми, слегка красноватыми глазками. Онъ былъ очень добръ, но школьничьи продѣлки его сердили, и онъ обыкновенно былъ не очень любезенъ. Ему всегда, вмѣсто Тарасъ, говорили «Тарантасъ», что его не мало сердило. «Эхъ, вы! Христіанское имя—а вы... А еще баре!..» покачаетъ головой и отходитъ, махнувъ рукой. Много съ нимъ и другихъ штукъ продѣлывали, такъ что онъ вообще избѣгалъ воспитанниковъ. Но стоило ему выпить—а выпить онъ любилъ—и Тарасъ мѣнялся. Изъ ворчливаго, вѣчно озабоченнаго и молчаливаго, онъ становился веселымъ и разговорчивымъ. Тогда онъ самъ подходилъ и начиналъ что нибудь разсказывать, особенно часто говорилъ онъ о директорѣ— это былъ его конекъ. Сережа посмотрѣлъ на Тараса; онъ былъ слегка «выпимши» или «подъ штафе», какъ онъ самъ выражался.

— Не стоитъ плакать, не стоитъ! — началъ опять Тарасъ.—Ну, ты провинился, значитъ тебя штрафуютъ; хорошо. Штрафуютъ... А кто... кто, я говорю? *Онъ*! Подъ словомъ «онъ», у Тараса фигурировало одно лицо—директоръ, и потому это слово въ его устахъ переставало быть мѣстоимѣніемъ и становилось собственнымъ именемъ.

— *Онъ*, значитъ, тебя посадилъ... такъ!.. А въ ёмъ справедливости нѣтъ,—я прямо тебѣ говорю,—нѣтъ въ ёмъ справедливости. Такъ и скажи ему! А спроситъ,

Библиотека "Руниверс"

кто смѣетъ это говорить? Прямо говори: Тарасъ, молъ, говоритъ. Такъ и скажи! Тарасъ его знаетъ! Все Тарасъ знаетъ! А! теперь сажаетъ... а небось не помнитъ, какъ покойный баринъ его самого на хлѣбъ да на воду сажалъ! Все позабылъ, и Тараса позабылъ, а все отъ того, что справедливости въ ёмъ нѣтъ...

— А ты давно Анатолія Игнатьича знаешь?

— Анатолій Игнатьичъ!—не то съ досадой, не то съ насмѣшкой повторилъ Тарасъ —Вотъ какъ съ тебя былъ онъ, когда меня къ барскому дому взяли Я, значитъ, батюшки его покойнаго Игнатія Семеныча, дай ему Господь царство небесное, крѣпостнымъ былъ. А меня, значитъ, къ ему и приставили. И все я при ёмъ состоялъ; и служить онъ пошелъ—я съ нимъ, и въ походъ—все Тарасъ. Бывало, старый баринъ пріѣдетъ изъ деревни, такъ Анатолій-то Игнатьичъ ко мнѣ: «Тарасушка, такой-сякой, не выдай, голубчикъ!» Ну и оправишь его передъ старымъ барономъ, худое все позамажешь ..

Тарасъ на минуту призадумался.

— Опять въ походъ! Все Тарасъ, вездѣ Тарасъ! Достать-ли что, сходить-ли, сварить-ли — все Тарасъ, вездѣ Тарасъ, слуга вѣрный! Тогда хорошъ былъ, тогда и отпустить не хотѣлъ. Воля пришла—остаться упросилъ. А вотъ въ Москву пріѣхали, тутъ ужь, какъ въ гору-то пошелъ, гордъ сталъ! Дилехторомъ опредѣлился! Не годится Тарасъ! Камердинъ нуженъ, по модѣ, старъ Тарасъ—не годится! Развѣ это справедливость? Нѣтъ въ ёмъ справедливости, нѣтъ!

Сережа былъ очень тронутъ разсказомъ старика: огорченный неудачами дня, онъ вполнѣ сочувствовалъ чужому горю. Онъ уже причислилъ себя къ «бѣднымъ», т. е. гонимымъ, и на Тараса смотрѣлъ какъ на собрата. Ушелъ Тарасъ и Сережа, опершись на подоконникъ, думалъ о послѣднихъ словахъ Тараса и старался въ нихъ найти объясненіе своимъ страданіямъ.

— Идите къ Анатолію Игнатьичу!—окликнулъ Сережу дежурный надзиратель.

Сережа, серьезный, безъ малѣйшей робости, вошелъ въ кабинетъ директора. Директоръ началъ внушительную нотацію, но Сережа мало что изъ нея слышалъ, а еще меньше понялъ: глядя на директора, у него въ ушахъ звучалъ упрекъ Тараса: «Нѣтъ въ ёмъ справедливости!» Директоръ, покачиваясь и жестикулируя, рисовалъ его черными красками, чтобы привести грѣшника къ раскаянію, но на Сережу не дѣйствовало. „Самъ ты еще хуже!", думалось ему. Это утѣшительное разсужденіе заставляло его хладнокровно выслушивать самые горькіе упреки и смотрѣть, не смущаясь, прямо ему въ глаза. Поведеніе Сережи не ускользнуло отъ вниманія директора; онъ видѣлъ, что доброе сѣмя его нотаціи падаетъ на каменистую почву, и онъ, круто оборвавъ свою рѣчь какимъ-то зловѣщимъ пророчествомъ на счетъ будущности Сережи, повернулся на каблукахъ и вышелъ въ другую комнату. Сережа постоялъ еще немного Блестящій камердинеръ директора съ утонченной вѣжливостью передалъ, что „Анатолій Игнатьичъ сказали, что вы можете идти". Похититель законныхъ правъ Тараса былъ въ глазахъ Сережи истиннымъ преступникомъ, и онъ, смѣривъ его презрительнымъ взглядомъ, торжественно удалился

Тихо въ дортуарѣ, всѣ спятъ; только Сережа бредитъ и по временамъ повторяетъ одно и тоже: «Мама, мама, я не виноватъ! Ей Богу я не виноватъ!"

Поз...

Къ рисункамъ.

Силуэты Е. Бемъ.

Силуэтные рисунки Э. Бемъ, представляющіе различныя сцены изъ жизни дѣтей, уже нѣсколько извѣстны читателямъ „Нивы", такъ какъ они уже украшали собою и прошлогодній Рождественскій номеръ нашего журнала. Теперь мы помѣщаемъ еще нѣсколько прекрасно-исполненныхъ силуэтовъ, содержаніе которыхъ взято изъ того же дѣтскаго міра, столь, какъ кажется, знакомаго талантливому художнику. Въ этихъ маленькихъ группахъ все дышетъ тѣмъ беззаботнымъ, широкимъ весельемъ, которое можно замѣтить лишь только у дѣтей, когда они, особенно, вполнѣ свободные отъ школьныхъ занятій, справляютъ какой-нибудь великій праздникъ, какъ, напримѣръ, Рождество и когда у каждаго изъ нихъ не можетъ выдти изъ ума красавица елка, ярко освѣщенная и изукрашенная разнообразными игрушками и сластями. Но вотъ раздѣлъ подарковъ уже совершился, и весь маленькій людъ, забывъ всѣ свои мелкія пренирательства изъ-за обладанія той или другой игрушкой или конфеткой, начинаетъ ликовать и предаваться самой шумной радости. Тутъ дѣвочка и мальчикъ бѣшено вальсируютъ по комнатѣ до тѣхъ поръ, пока не закружатся ихъ головки, или важно отплясываютъ нашъ національный русскій танецъ, при чемъ маленькій импровизированный мужичекъ махаетъ крошечной игрушечной балалайкой и всѣми силами старается извлечь изъ нея какія-нибудь гармоническіе звуки. Наши комнатныя животныя, кошки и собаки, принимаютъ въ дѣтскомъ праздникѣ самое широкое участіе; конечно, не обойдется безъ того, что ихъ порядкомъ и помучаютъ, заставляя выдѣлывать разныя несвойственныя ихъ природѣ на, или приказывая имъ до утомленія стоять на заднихъ лапкахъ, но за то обыкновенно они и щедро награждаются за всѣ претерпѣнныя ими наслія и муки.

Вообще помѣщаемые нами при этомъ номерѣ „Нивы" силуэты—это апоѳеозъ Рождественской елки; сначала она стоитъ одинокая, въ какой нибудь глухой лѣсной чащѣ, украшенная одними свойственными ей шишками, окруженная одними голыми пнями, между которыми тамъ и сямъ виднѣются широкія шапки грибовъ: но вотъ приходитъ Рождество и елка, взятая въ городъ изъ своего захолустья, украшается цѣлыми рядами свѣчъ и фанариковъ, обвѣшивается множествомъ сластей и игрушекъ и нѣсколько дней расфранченная, разукрашенная стоитъ эта лѣсная красавица на почетномъ мѣстѣ, возбуждая общій восторгъ и удостоиваясь самаго полнаго вниманія. Но счастье ея превратно и кратковременно; быстро проходятъ счастливые дни, весь ея роскошный нарядъ безжалостно съ нея снимается и обнаженная съ сломанными вѣтвями, съ обжогами, она выбрасывается куда нибудь на задній дворъ и вотъ какой-нибудь безобразный, сгорбленный гномъ въ родѣ представленнаго на силуэтѣ, подобравъ, потащитъ ее въ свою пещерку, чтобы развести съ костеръ и отогрѣть ея огнемъ свое старое тѣло. Н.

Счастливая мать.

Счастіе, какъ извѣстно, понятіе весьма относительное; каждый бываетъ счастливъ по своему; иному необходимы для счастья сильныя ощущенія, водоворотъ страстей, удовлетвореніе чувствъ самолюбія и гордости, для другихъ же натуръ счастіе заключается исключительно въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, изолированномъ отъ остального міра, среди немногихъ, дорогихъ существъ, которыя въ этомъ случаѣ какъ древніе пенаты стерегутъ домашній очагъ отъ вторженія въ него всего злого и нечистаго. Такая замкнутая въ себѣ натура, посвятившая себя всецѣло одной семьѣ, должна быть и у этой молодой, красивой женщины, которая представлена на нашемъ рисункѣ. Среди богатой, блестящей обстановки, среди полнаго довольства и роскоши, она видитъ для себя лишь одну драгоцѣнность, одинъ дорогой для себя предметъ—это своего малютку, который размахивая ручонками весело глядитъ на все окружающее и его быстрые глазки быстро перебѣгаютъ отъ предмета къ предмету, отъ тропическихъ растеній къ бронзѣ, отъ бархата къ изящнымъ инкрустаціямъ и богатой рѣзьбѣ. Но видимо, что ничто его такъ не очаровываетъ и не приковываетъ его вниманія, какъ обаятельный взглядъ матери, въ которомъ для него свѣтится невыразимая любовь, невыразимое счастье. Это совсѣмъ не тотъ суровый взглядъ отца, съ которымъ онъ порой встрѣчается; взглядъ отуманенный разными заботами и производящій на ребенка непріятное впечатлѣніе, оканчивающееся обыкновенно громкимъ крикомъ и пронзительнымъ плачемъ. Совсѣмъ не то чувствуется ребенку, когда онъ видитъ себя на рукахъ нѣжной, симпатичной матери; онъ хотя и малъ, но уже чувствуетъ, что сердце ея чувствительнѣе, чувство живѣе, что по самой своей природѣ она если любитъ, то любитъ глубоко и безгранично:

„Любитъ она добродѣтель святую,
Въ славу невѣрную вѣры нейметъ,
Сердцемъ она въ настоящемъ живетъ,
Сердцемъ питаетъ надежду благую;
Надъ колыбелью младенца она,
Теплыхъ молитвъ и любови полна.

Библиотека "Руниверс"

На Елку. Счастливая мать въ задушевной бесѣдѣ съ своимъ счастіемъ. Рис. Кизель, грав. Геитландъ.

Библиотека "Руниверс"

На Елку. Красная шапочка и сѣрый волкъ. Картина Евы Леженъ, грав. Клаудіусъ.

Библиотека "Руниверс"

Неудивительно послѣ этого, что эта интимная бесѣда малютки съ матерью никогда не прерывается ни криками, ни плачемъ; тихо, счастливо проходятъ цѣлые дни для молодой матери въ сообществѣ съ этой маленькой, живой куколкой, которая постепенно подъ ея благотворнымъ вліяніемъ становится все понятливѣе и умнѣе; бесѣды становятся все живѣе и занимательнѣе и мать, забывая весь міръ, посвящаетъ всѣ свои свободные часы своему дорогому собесѣднику.

Н.

Послѣдніе дни и первые годы.

Бабушка, окруженная рѣзвыми юными созданіями, любующаяся ихъ беззавѣтнымъ весельемъ и въ немъ почерпающая силы для послѣднихъ дней своихъ, быть можетъ уже близкихъ къ концу, напоминаетъ восходъ и закатъ, утро и вечеръ. Заходитъ солнце для того, чтобы снова явиться въ томъ же поражающемъ величіи и блескѣ. Оканчивается одна жизнь, является, растетъ и мужаетъ другая для того, чтобы въ свою очередь дать мѣсто новой, идущей ей на смѣну. Куда уходитъ эта догорающая жизнь, откуда приходитъ юная, разсвѣтающая? Тайна эта непостижима; и къ чему задаваться такимъ вопросомъ, не лучше ли согласиться съ поэтомъ (Тютчевымъ), который говоритъ:

„Не разсуждай, не хлопочи:
Безумство ищетъ, глупость судитъ;
Дневныя раны сномъ лечи,
А завтра быть тому, что будетъ.
Живя, умѣй все пережить —
Печаль и радость и тревогу:
Чего желать, о чемъ тужить?
День пережилъ—и слава Богу.

Вотъ какъ поэтъ смотритъ на жизнь. Но достигнуть такого величайшаго спокойствія и безмятежности могутъ рѣдкіе люди, да и они не всегда бываютъ въ состояніи удержаться на должной высотѣ такого миросозерцанія.

Присуще оно только дѣтямъ и старцамъ, только чистымъ душамъ, едва выступающимъ на жизненное поприще, и мудрымъ, убѣленнымъ сѣдинами людямъ, познавшимъ тщету человѣческихъ усилій „сдвинуть міръ съ его пути“.

Двѣ крайнія грани человѣческаго бытія сходятся на одномъ и томъ же пунктѣ понятій. Такимъ образомъ мысль, исходя изъ различныхъ началъ и завершивъ свой опредѣленный путь, возвращается къ своему первообразу, быть можетъ снова для того, чтобы выступить опять на роковую свою дорогу. Гдѣ разрѣшенія этимъ вопросамъ и къ чему ихъ въ самомъ дѣлѣ разрѣшать? Лучше согласиться съ словами поэта (Пушкина) и спокойно ждать своего конца.

...И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Красная шапочка и сѣрый волкъ

Столь знаменитая тема извѣстной сказки о красной шапочкѣ и ея трогательной судьбѣ встрѣчается въ сказаніяхъ многихъ народовъ, причемъ хотя самая фабула и украшается различными подробностями и варьянтами, но смыслъ ея остается все тотъ же: это перевѣсъ злобы и хитрости существа коварнаго надъ невинностью и довѣрчивостью существа добраго—красной шапочки. Эта мысль о борьбѣ добра со зломъ и о побѣдѣ иногда послѣдняго надъ первымъ, занимала человѣка уже въ глубокой древности и первобытный источникъ подобныхъ сказаній теряется въ доисторической дали. Такія сказанія, передаваясь изъ устъ въ уста, сохраняются цѣлые вѣка въ памяти народной, въ формѣ миѳа или легенды, и нужно было родиться блестящему таланту, чтобы вызвать ихъ изъ этой тьмы на свѣтъ Божій и придавъ имъ изящную художественную форму, украсивъ ихъ всею прелестью языка, сдѣлать доступными всѣмъ классамъ общества и даже всему образованному міру. Такимъ-то именно талантомъ обладалъ писатель XVII-го вѣка Перро, котораго сказки, обработанныя изъ народныхъ сказаній, составляютъ нынѣ гордость французской литературы. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ сказка „О красной шапочкѣ“ очень коротка по содержанію, но тѣмъ не менѣе эта маленькая сказка—образцовое произведеніе въ полномъ значеніи этого слова. Вмѣсто того, чтобы вредить цѣлости впечатлѣнія, ихъ краткость напротивъ того составляетъ ихъ главную силу и обаятельность, особенно въ средѣ дѣтей, которыя вообще не любятъ длинныхъ и утомительныхъ разсказовъ. Эта коротенькая фабула о красной шапочкѣ столь прелестна по разсказу Перро, что мы не можемъ устоять противъ искушенія и не передать ея нашимъ читателямъ въ возможно краткомъ изложеніи.

Жила была, видите-ли, въ одной деревнѣ дѣвочка, лицомъ писанная красавица, мать ее любила страстно, а бабушка и души въ ней не чаяла. Послѣдняя даже сшила ей маленькую красную шапочку и съ тѣхъ поръ повсюду она была извѣстна подъ именемъ красной шапочки, столь красиво обрисовывавшей ея прелестную головку.

Разъ случилось, что мать ея пекла лепешки и говорила ей: Сбѣгай-ка провѣдать бабушку, такъ какъ я слышала, что ей нездоровится, да снеси ей лепешечку, да горшечекъ масла. Красная шапочка отправилась въ дорогу, и проходя лѣсомъ, набрела на сѣраго волка, хотя имѣвшаго и большую охоту скушать ее, но не осмѣлившагося на такой поступокъ потому, что въ это время въ лѣсу работало нѣсколько дровосѣковъ. Онъ только спросилъ ее, куда она держитъ путь. Дитя, не зная всей опасности заводить разговоръ съ волкомъ, отвѣчало, что идетъ провѣдать бабушку и несетъ ей отъ матери въ гостинецъ лепешку да горшечекъ масла.—А далече живетъ она? спросилъ снова волкъ.—О да, порядочно, отвѣчала ему красная шапочка; это тамъ за мельницей, гдѣ начинается деревня.—Ну хорошо же, сказалъ сѣрый волкъ, я самъ пойду навѣстить ее, только я возьму эту дорогу, а ты вотъ ту и мы увидимъ, кто придетъ первый.

Затѣмъ волкъ пустился со всѣхъ ногъ по ближайшей дорогѣ, а красная шапочка пошла дальнимъ путемъ, срывая на ходу лѣсные орѣшки, бѣгая за бабочками и собирая букеты изъ полевыхъ цвѣтовъ.

Волкъ мигомъ добѣжалъ до избушки бабушки и началъ стучаться: тукъ, тукъ.—Кто тамъ? спросила бабушка.—Я, ваша внучка, отвѣчалъ волкъ измѣняя голосъ, маленькая красная шапочка; я принесла вамъ отъ матушки лепешку и горшечекъ масла. Добрая бабушка, которая тогда лежала по нездоровью въ постели, тотчасъ же закричала волку: отодвинь засовъ и дверь отворится. Волкъ выдвинулъ засовъ и дѣйствительно дверь отворилась. Тогда онъ бросился на бабушку и сожралъ ее до послѣдней косточки, потому что уже три дня былъ голоденъ. Послѣ этого онъ снова заперъ дверь и легъ на кровать бабушки, съ тѣмъ, чтобы дождаться прихода красной шапочки, которая не замедлила придти и также постучаться: тукъ, тукъ. Кто тамъ? спросилъ сѣрый волкъ. Маленькая красная шапочка, услышавъ хриплый голосъ волка, сначала испугалась, но думая, что сама бабушка можетъ быть охрипла отъ простуды, отвѣчала: это ваша внучка, маленькая красная шапочка, которая принесла отъ матушки лепешку и горшечекъ масла. Тогда волкъ закричалъ ей, смягчая голосъ: отодвинь засовъ и дверь отворится. Маленькая красная шапочка выдвинула засовъ и дверь дѣйствительно отворилась.

Волкъ, видя, что она вошла, спрятался подъ одѣяло и закричалъ ей: Положи пока лепешку и горшечекъ масла на квашню и иди ложись спать со мною. Маленькая красная шапочка, ничего не подозрѣвая, раздѣвается и ложится на кровать, удивляясь только тому, что бабушка такъ страшно измѣнилась. И вотъ она говоритъ бабушкѣ:—Бабушка, какія у васъ большія руки!—Это чтобы лучше обнимать тебя, моя доченька!—Бабушка, какія у васъ большія ноги!—Это чтобы быстрѣе бѣгать, мое дитятко!—Бабушка, какія у васъ большія уши!—Это чтобы лучше слышать, доченька!—Бабушка, какіе у васъ огромные глаза!—Это чтобы лучше видѣть, внученька!—Бабушка, какія у васъ длинные зубы!—А это чтобы тебя скушать! И съ этими словами злой волкъ бросился на маленькую красную шапочку и съѣлъ ее.

Таковъ былъ печальный конецъ слишкомъ довѣрчивой красной шапочки.

Непріятное путешествіе въ ночь на Рождество.

Встрѣча всеслаго Рождественскаго праздника не у всѣхъ бываетъ одинакова; многіе счастливые люди встрѣчаютъ его среди семьи, окруженные шумною толпою дѣтей, ликующихъ около богато убранной елки; здѣсь все радость, веселье и счастіе. Но въ пространномъ Божьемъ мірѣ не всѣмъ выпадаетъ такая завидная доля въ этотъ святой, знаменательный вечеръ, и много есть горемычнаго люда, для котораго рождественской елкой часто служитъ одинокая, темная ель, вмѣсто всѣхъ подарковъ обвѣянная хлопьями снѣга и изукрашенная ледяными сосульками. Такой незавидной участи, конечно, рѣдко подвергаются люди осѣдлые и имѣющіе извѣстное общественное положеніе, но развѣ мало есть бродячаго, вѣчно кочующаго люда, который за поискомъ насущнаго хлѣба готовъ идти хоть на край свѣта, на перекоръ всѣмъ стихіямъ и всевозможнымъ случайностямъ. Какой-нибудь итальянецъ, житель южнаго, цвѣтущаго берега Средиземнаго моря, той страны, гдѣ благоухаетъ вѣчное лѣто, гдѣ благорастворенный климатъ дозволяетъ человѣку жить безъ крова, одѣваться одними живописными лоскутками и питаться одной растительной пищей; этотъ самый итальянецъ, въ чаяніи богатой наживы, оставляетъ свою милую родину, свою черноокую Франческу и маленькаго черно-кудраго Джаннаро и идетъ за тридевять земель, къ намъ въ гости, на сѣверъ, искать гостепріимства и денегъ. Онъ смѣло идетъ впередъ, надѣясь на свой музыкальный талантъ, состоящій въ очень плохомъ умѣньѣ играть на какой-нибудь дудкѣ или гудѣть на волынкѣ, звуки которой, по его мнѣнію, должны совершенно очаровать жителей далекаго сѣвера и обогатить его на счетъ ихъ туго набитыхъ кармановъ. Но не всег-

Библиотека "Руниверс"

да эти розовыя мечты сбываются въ той обаятельной формѣ, въ какой онѣ слагались передъ домашнимъ очагомъ, среди людей слѣпо вѣрующихъ въ высокіе таланты своего земляка. На чужбинѣ часто случается, что эти таланты оцѣниваются очень плохо: деньги даются не горстями, а единичными грошиками, едва достаточными для того, чтобъ кормиться; въ довершеніе неудачи суровый, негостепріимный климатъ сѣвера скоро даетъ о себѣ знать легко одѣтому, поэтически-настроенному итальянцу; начинаются холода, вьюги; снѣгъ выпадаетъ по колѣно; вѣтеръ пронизываетъ насквозь и нисколько не походитъ на тотъ ласкающій зефиръ, который лелѣялъ сына юга на его далекой родинѣ. Кому не случалось съ болью въ сердцѣ видѣть и у насъ, въ нашей столь суровой по климату столицѣ, бѣдныхъ итальянскихъ дѣтей, закутанныхъ въ лохмотья, трясущихся отъ голода и болѣзненнымъ голосомъ выпрашивающихъ себѣ милостыню. Конечно, такія грустныя явленія у насъ рѣдки, но въ Германію ежегодно появляются изъ Италіи толпы голодныхъ авантюристовъ, которые не зная ни законовъ, ни обычаевъ страны и только имѣя вѣру въ свои собственныя силы, ведутъ бродячую, бездомную жизнь, пока полицейская власть не положитъ предѣла ихъ безцѣльному авантюризму. Несоблюденіе разныхъ законныхъ формальностей не ускользаетъ отъ взора какого-нибудь стараго аргуса, который не обращая ни малѣйшаго вниманія на разныя выразительныя ругательства сыновъ юга, въ родѣ perbacco, malladetto и другія подобныя, спѣшитъ отправить ихъ въ ближайшее полицейское управленіе для удостовѣренія въ ихъ подозрительной личности. Такое траги-комическое путешествіе представлено на прилагаемомъ нами прекрасномъ рисункѣ Кронбергера. Два плохо одѣтые субъекта, какъ видно принадлежащіе къ средѣ уличныхъ артистовъ, идутъ подъ конвоемъ стараго служиваго, не упускающаго ихъ изъ виду. Кругомъ бушуетъ зимняя вьюга, мокрый снѣгъ залѣпляетъ глаза, а бѣдные подневольные путники не знаютъ, когда и гдѣ имъ будетъ дозволено найти теплый уголъ и самое скромное угощеніе, состоящее хоть бы изъ куска черстваго хлѣба. А тамъ, на далекой ихъ родинѣ, сегодня канунъ великаго праздника и родные и дорогіе имъ люди вспоминаютъ о нашихъ авантюристахъ, думая, что они уже богаты и счастливы. Бѣдные мечтатели, вся ихъ вина въ томъ, что они роднились съ страной золотыхъ грезъ и увлекательныхъ мечтаній и не знаютъ нашей родной пословицы: „Славны бубны за горами!“ Н.

Новая кукла.

Каждая новая кукла—это новый другъ ребенка, новый его собесѣдникъ, которому отнынѣ предстоитъ раздѣлять всѣ его завѣтныя мечты и мысли. Но нужно замѣтить, что ребенокъ не вдругъ отдается этому новому другу, онъ еще какъ бы изучаетъ его, и какъ бы боится, что онъ недостоинъ его полной дружбы и откровенности. Тутъ является своего рода симпатія или антипатія; кукла является ребенку какъ бы живымъ, мыслящимъ существомъ и изъ этого дѣтскаго воззрѣнія на куклу возникаютъ къ ней извѣстныя дружескія или непріязненныя отношенія. Бѣда если кукла не понравится съ перваго взгляда; ну хоть бы оттого, что на ея размалеванномъ фарфоровомъ личикѣ замѣчено какое нибудь непріятное выраженіе. Участь ея тогда на вѣки рѣшена: или она ломается и сдается въ архивъ, или поступая въ разрядъ нелюбимыхъ куколъ, подвергается всякаго рода оскорбленіямъ и обидамъ. Это свойство дѣтей раздѣлять свои игрушки на любимыя и нелюбимыя прекрасно подмѣтилъ геніальный знатокъ дѣтскаго сердца, знаменитый сказочникъ Андерсонъ и воспользовался имъ какъ темой для многихъ изъ своихъ сказокъ: такъ въ одной изъ нихъ онъ описываетъ страданія и раннюю насильственную смерть нелюбимаго оловяннаго солдатика. Эта грустная исторія, заставляющая часто плакать дѣтей, тронутыхъ несчастіемъ солдатика, все таки не спасаетъ множество куколъ отъ сильнаго угнетенія и незаслуженной несправедливости. За то уже кукла полюбилась, то воображаемую жизнь ея ребенокъ старается сдѣлать столь же счастливой, какъ его собственная. Еще не имѣя ни возможности, ни умѣнья владѣть иглою, дѣвочка уже начинаетъ обшивать и одѣвать съ извѣстною роскошью свою любимую куклу; хлопочетъ около нея съ матерпнскою заботливостью; даетъ ей совѣты какъ себя держать и вести; однимъ словомъ предписываетъ ей всѣ тѣ рецепты нравственности и приличія, которые она слышитъ сама въ семьѣ и школѣ. Ложась спать, она укладываетъ и куклу въ игрушечную кроватку и убаюкиваетъ ее колыбельной пѣсенкой, а рано утромъ нѣжно будитъ ее, принося ей сухари и кофе. При посѣщеніи гостей, любимыя куклы рекомендуются знакомымъ дѣтямъ; нелюбимыя же, заброшенныя въ дальній уголъ, печально ждутъ своей общей участи быть кинутыми въ геену огненную т. е. въ печку. На нашей картинкѣ представлена дѣвочка, только что получившая съ елки новую куклу. Кукла прекрасная, но какъ ее еще оцѣнитъ ея юная обладательница? Пожалуетъ ли она ее въ свои любимицы, или откажетъ ей въ своей дружбѣ и симпатіи? Это еще нельзя заключить изъ перваго ихъ знакомства и потому мы не осмѣливаемся входить въ какія бы то ни было предположенія о будущей судьбѣ новой куклы.

Смѣсь.

О значеніи эѳирныхъ маслъ въ растеніяхъ.

Въ числѣ новыхъ, полныхъ глубокаго интереса, стройно организовавшихся знаній послѣдняго времени, біологія занимаетъ безъ сомнѣнія одно изъ первыхъ мѣстъ. Она составляетъ прямой результатъ обширнаго развитія естественныхъ наукъ въ наше время. Біологія есть наука о жизни въ обширномъ смыслѣ слова, такъ какъ организмы (растенія и животныя) живутъ и проявленіе ихъ жизни составляютъ тѣ безпрестанныя измѣненія, которыя мы видимъ въ окружающей насъ природѣ. Такимъ образомъ всякая наука о живыхъ организмахъ и ихъ развитіи составляетъ содержаніе біологіи; всякое наблюденіе надъ внѣшними вліяніями явленій природы на жизнь организмовъ даетъ біологическій матеріалъ. Въ настоящее время различными учеными сдѣлано столько интересныхъ наблюденій въ біологическомъ смыслѣ, что въ этой массѣ можно растеряться. Но, разумѣется, весьма полезно при этомъ отмѣтить тѣ факты и явленія, которые слишкомъ близки къ обыденной жизни и представляютъ всеобщій интересъ. Вотъ, напримѣръ, хотя постоянныя и настойчивыя наблюденія г. Поэ надъ различными выдѣленіями, совершаемыми растительнымъ царствомъ. Значительное число растеній, какъ извѣстно, вырабатываетъ ароматическія эѳирныя масла, и отъ этого зависитъ ароматъ многихъ растеній. Уже давно найдено, что чѣмъ болѣе въ продолжительное время растенія подвергаются дѣйствію лучей солнца (или, какъ выражаются въ наукѣ, большей инсоляціи), тѣмъ больше они выдѣляютъ ароматическихъ эѳирныхъ маслъ. При этомъ даже большая теплота солнечныхъ лучей не имѣетъ такого значенія, какъ продолжительность дѣйствія не особенно теплыхъ лучей. Въ самомъ дѣлѣ, даже извѣстный своимъ ароматомъ ананасъ, растущій въ тропическихъ странахъ, уступаетъ однакожь въ ароматѣ нашей сѣверной малинѣ (Rubus arcticus). Причина этого явленія та, что сѣверная малина, въ длинный лѣтній день (свойственный сѣверу), подвергается болѣе раздражительному дѣйствію солнечныхъ лучей или инсоляціи, чѣмъ тропическій ананасъ. И такъ содержаніе ароматическаго летучаго масла въ растеніи или его плодѣ, по точнымъ наблюденіямъ, есть результатъ продолжительнаго дѣйствія на это растеніе солнечныхъ лучей. Но самое содержаніе эфирнаго масла, пока была непонятна его польза въ экономіи природы, не представлялось особенно заслуживающимъ наблюденія. Только въ недавнее время найдено, что растенія, подъ условіемъ присутствія въ нихъ летучихъ маслъ, образуютъ *озонъ* или особый видъ кислорода (окисленный воздухъ). Давно уже было замѣчено, что ароматическія растенія обладаютъ способностью дезинфекціи, т. е. отнимаютъ дурной запахъ у окружающихъ ихъ гніющихъ тѣлъ и устраняютъ разложеніе. Выдѣляющееся эѳирное масло окисляется насчетъ воздуха, и вслѣдствіе этого химическаго процесса озонируется самый воздухъ. Вотъ этотъ процессъ и обусловливаетъ дезинфекцію. Но практическая польза озонированія воздуха растеніями не ограничивается только этимъ. Здѣсь еще важенъ и тотъ фактъ, что озонъ способенъ химически соединяться съ азотомъ воздуха и образовать азотную кислоту. Она-то и даетъ преимущественно *азотъ почвѣ*, а послѣдній—составитель самаго могучаго образователя амміака для растеній. Далѣе замѣчено, что испаряющіяся эѳирныя масла весьма уменьшаютъ такъ называемую *теплопрозрачность* воздуха. На явленіе теплопрозрачности воздуха едва-ли не въ первый разъ указалъ ученый Тиндаль. Теплопрозрачность эта является тогда, когда лучеиспусканіе изъ земли не находитъ для себя препятствія въ воздухѣ. Извѣстно, что днемъ земля нагрѣвается отъ солнца; вечеромъ же, по закатѣ солнца, земля выдѣляетъ свое тепло лучеобразно, и выдѣляетъ этихъ тепловыхъ лучей тѣмъ больше, чѣмъ прозрачнѣе воздухъ. Тогда земное тепло, по словамъ Тиндаля, теряется въ мировомъ пространствѣ. Оттого весьма вредны для растеній ясныя весеннія ночи, когда воздухъ мало содержитъ водяныхъ паровъ. Влажность, угольная кислота, амміакъ, маслородный газъ—вотъ агенты, способные задержать тепловые лучи надъ землею; но эту же задачу превосходно исполняютъ и ароматическія растенія, выдѣляющія эѳирныя масла. Такимъ образомъ, ароматическія растенія задерживаютъ, озонируя воздухъ, тепловые лучи въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ для этого другихъ благопріятныхъ условій (какъ упомянуто выше, въ свѣтлыя безоблачныя весеннія ночи). Если это такъ, то становится весьма понятнымъ, откуда берется масса азота, потребляемаго растеніями и животными. Огромные запасы азота доходятъ до насъ этимъ путемъ, т. е. путемъ озонированія воздуха, образованіемъ азотной кислоты. Эта кислота химическимъ путемъ разлагается на множество другихъ азотистыхъ соединеній, насыщающихъ почву. Питаясь травой, животныя получаютъ азотъ изъ этихъ соединеній и передаютъ его намъ въ своемъ мясѣ.

Библиотека "Руниверс"

Непріятное путешествіе въ ночь на Рождество. Рис. С. Кронбергеръ, грав. Кнезингъ.

Библиотека "Руниверс"

На Елку. Милая ты моя куколка! Рис. Девисъ, грав. Жонаръ.

Библиотека "Руниверс"

Издавна существовало мнѣніе, что приходъ азота въ землю совершается въ дождѣ и снѣгѣ; но этотъ приходъ азота, очевидно *весьма ничтоженъ* сравнительно съ его расходомъ; природа стремится не только удержать въ землѣ наличное количество азота, но и обогащать землю азотомъ—и вотъ тщательное изслѣдованіе явленій въ природѣ объясняетъ средство и путь для этого обогащенія весьма удовлетворительно. Нельзя не изумляться тому богатству средствъ, какими обладаетъ теперь наука для объясненія явленій въ природѣ. Одинъ удачно объясненный фактъ, даже повидимому не важный, ведетъ за собою объясненіе другого факта, а этотъ другой третьяго. Явленія цѣпляются одно за другое, указывая на свою тѣсную связь. Наблюденіе надъ ароматомъ какого-нибудь цвѣтка ведетъ къ обширнымъ разъясненіямъ законовъ общей жизни природы.

М. С.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія

На театрѣ войны пока наступило нѣкоторое затишье. Оно, какъ конечно, замѣтили наши читатели, совпадаетъ съ паденіемъ Плевны. Затишье это, понятно, объясняется разнообразными стратегическими соображеніями и предварительнымъ выполненіемъ различныхъ частностей, всегда необходимыхъ прежде будущаго осуществленія военныхъ плановъ. Удерживаясь пока отъ выводовъ о дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ военныхъ операцій какъ на дунайскомъ театрѣ войны, такъ и на малоазіатскомъ, предоставляемъ себѣ сдѣлать болѣе или менѣе обстоятельный сводъ всего предшествовавшаго въ будущемъ первомъ номерѣ «Нивы», при чемъ, конечно, это предшествовавшее послужитъ намъ возможностію къ составленію выводовъ о ходѣ политическихъ и военныхъ событій въ наступающемъ 1878 году. Ограничиваемся пока указаніями только на то, что наши молодцы моряки продолжаютъ съ тою же доблестію служить роднѣ, съ какою всегда служили. Такъ изъ Николаева генералъ-адъютантъ Аркасъ телеграфируетъ Управляющему Морскимъ Министерствомъ, отъ 14-го декабря, слѣдующее: «Посланный въ крейсерство къ Босфору и Пендераклія пароходъ «Россія», подъ командою флигель-адъютанта Баранова, 14 го декабря, въ 11 часовъ утра, возвратился въ Севастополь и привелъ на буксирѣ, взятый имъ въ Пандерактіи трехъ-мачтовый пароходъ «Мерсина», съ таборомъ анатолійскаго низама въ числѣ 700 нижнихъ чиновъ, при 10 офицерахъ подъ командою штабъ-офицера».

За симъ, относительно уже состоявшагося вступленія Сербіи въ настоящую войну можемъ сообщить, что ея военныя дѣла начались успѣшно, хотя изъ Константинополя и извѣщаютъ о пораженіи сербовъ турками у Явора. Правдивость константинопольскихъ телеграммъ давно уже извѣстна всему міру. Оказывается, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно обратное тому, что сообщаютъ турецкія депеши. Именно, 13-го декабря, послѣ сильнаго восьмичасового боя, сербы взяли Акъ-паланку и ея укрѣпленія, захвативъ при этомъ три орудія и много боевыхъ припасовъ и провіанта. На полѣ сраженія подъ Акъ-паланкой сербы похоронили много турецкихъ тѣлъ. Наканунѣ этой битвы князь Миланъ осматривалъ войска сербской арміи, осаждающей Нишъ. Бомбардированіе этого города началось въ присутствіи князя. Весь гарнизонъ турецкій въ Нишѣ не превышаетъ 3,500 человѣкъ; осаждающій сербскій корпусъ - 25,000 человѣкъ; сербы предполагаютъ произвести штурмъ и надѣются на успѣхъ. Послѣ паденія Ниша наступленіе сербовъ, конечно, пойдетъ быстрѣе.

Ограничиваемся пока сообщеніемъ этихъ военныхъ извѣстій, обѣщая, какъ и замѣтили выше, сдѣлать болѣе или менѣе обстоятельный ихъ сводъ въ первомъ же номерѣ «Нивы» 1878 г Сдѣлаемъ мы это для того, конечно, чтобы наши читатели могли составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ положеніи, въ какомъ дѣла на театрѣ войны находились при началѣ новаго года.

Что касается внутреннихъ извѣстій, то изъ нихъ болѣе или менѣе заслуживающими вниманія оказываются слѣдующія:

Запрещеніе вывоза хлѣба изъ портовъ Азовскаго моря имѣло послѣдствіемъ, что таганрогскіе негоціанты—евреи и греки начинаютъ сильно эксплуатировать земледѣльцевъ и крестьянъ. Пшеница упала до 6 р. за четверть, тогда какъ немного времени тому назадъ доходила до 12 р.

Неправильность и безпорядочность желѣзнодорожныхъ дѣятелей отражается на всей нашей торговлѣ и есть настоящая причина возрастающей дороговизны на всѣ жизненные припасы.

Министерство путей сообщенія само признало необходимымъ «ввиду общаго интереса къ движенію на желѣзныхъ дорогахъ и съ цѣлію способствовать образованію вѣрнаго взгляда на положеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ» довести до свѣдѣнія публики печатно о размѣрахъ скопленія грузовъ на станціяхъ.—По сообщеніямъ наибольшее количество скопленія было на дорогахъ, которыя прямого отношенія къ военному движенію не имѣютъ. Слѣдовательно тутъ не война виновата.

Пріобрѣтеніе Амура до сихъ поръ обходится намъ недешево. Такъ министерствомъ финансовъ ежегодно отпускается особая сумма на покупку хлѣба чиновникамъ, служащимъ въ Приморской и Амурской областяхъ и въ Охотскомъ округѣ Якутской области. Въ нынѣшнемъ году вслѣдствіе неурожая и вздорожанія цѣны на муку, сумму приходится еще увеличить.

Нелишнимъ считаемъ замѣтить о сахарозаводчикахъ юго-западнаго края. Имъ въ прошломъ году Госуд. Банкъ сдѣлалъ ссуду въ 3 мил. руб. Теперь, съ приближеніемъ срока уплаты, сахарозаводчики ходатайствуютъ о продолженіи кредита еще на одинъ годъ.

Въ музеѣ древностей Т. В. Кибальчича въ Кіевѣ имѣетъ быть выставленъ на непродолжительное время замѣчательный экземпляръ мумія, найденной близъ Іерусалима. Важный въ высшей степени въ научномъ отношеніи экземпляръ этотъ глубочайшей древности и, по разсказамъ очевидцевъ, хорошей сохранности, имѣетъ 32 бронзовыя изваянія идоловъ, украшающихъ мумію вокругъ. Полагаютъ, что остовъ муміи принадлежитъ къ царскому египетскому семейству.

Не дѣлая никакихъ заключеній, сообщаемъ помѣщенное въ газетахъ заявленіе благодарности одной барыни купцу 2 гильдіи Михайлу Васильевичу Фокину, живущему по Толмазову переулку въ д. № 9, кв. № 12, въ Петербургѣ **за излеченіе отъ чахотки** ея дочери, страдавшей уже около 2 лѣтъ и выздоровленіе которой было признано лечившими ее докторами невозможнымъ.

Относительно выпуска студентовъ 5-го курса медико-хирургической академіи есть слухи, что этотъ выпускъ предполагается произвести въ февралѣ будущаго года. Студенты просятъ выпускные экзамены отложить до мая, потому-что лекціи по многимъ предметамъ начались въ нынѣшнемъ году позже обыкновеннаго.

— На разсмотрѣніе одного изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій внесены выработанныя въ особой коммисіи соображенія по вопросу о передачѣ села Колпина въ гражданское вѣдомство, какими соображеніями вызывается необходимость, этой передачи, пока неизвѣстно.

За симъ, сообщаемъ о заявленномъ вторымъ товариществомъ конно-желѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ желаніи замѣнить лошадей локомотивами. Локомотивы эти особого устройства, имѣющіе видъ крытыхъ вагоновъ, уже получены обществомъ изъ Америки. Теперь вопросъ останавливается за разрѣшеніемъ Думы, дозволитъ ли она эту замѣну.

Библіографія.

I. *Записная книга на 1878 г. Изданіе Карла Риккера. С.-ПБ. 1878 г.*

Записная книжка на 1878 г. издана превосходно и въ этомъ случаѣ не представляетъ желать лучшаго. Заключая въ себѣ календарь православный, протестантскій, католическій и различныя указанія и таксы по почтовой, телеграфной, желѣзнодорожной и друг. частямъ, книжка эта притомъ снабжена превосходными двумя географическими картами—Россіи и Европы. Карты эти, не смотря на ихъ небольшіе размѣры, представляютъ собою образецъ картъ, такъ какъ напечатаны онѣ необыкновено отчетливо, ясно и раскрашены съ большимъ мастерствомъ.

II. *Музыкальныя складныя картинки для дѣтей отъ 8-ми до 10-ти лѣтняго возраста.*

Коробка съ „Музыкальными складными картинками" содержитъ въ себѣ 8 пьесокъ для фортепіано въ 2 руки, постепенной трудности, а именно: Молитва, Галопъ Вальсъ, Русская пѣсня, Полька, Маршъ, Мазурка и Ноктюрнъ. Кромѣ того, тамъ есть 8 пакетовъ съ тѣми же пьесами, но разрѣзанными нотактно. Участвовать въ игрѣ могутъ даже и тѣ дѣти, которыя только что начали учиться музыкѣ и маломальски разбирающія дискантъ. Эта игра интереснѣе и несравненно полезнѣе игры въ лото, такъ какъ играя въ лото, дѣти научаются только 9-ти цифрамъ, а въ эту игру, отыскивая внимательно такты, они поневолѣ изучаютъ хорошо нотную систему, знаки повышенія, пониженія, отказа и паузы. Чтобы игру эту сдѣлать полезною, слѣдуетъ выбрать одну изъ пьесъ по силамъ учащагося и заставлять его ежедневно собирать эту пьесу, и размѣстивъ по тактно, разучивать ее на фортепіано.

На практикѣ оказалось, что даже мало способные ученики до того присматривались ко всѣмъ тактамъ пьесы, что на 7-ой уже день легко ее разыгрывали и собирали. Болѣе же способные играли къ этому же времени пьесу наизусть и могли не только собрать ее, но даже написать. Нечего и говорить о томъ, на сколько подобныя упражненія развиваютъ слухъ и музыкальную память.

Ариѳметическая задача.

Изъ десяти цифръ ариѳметики, а именно: 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 составить *три* слагаемыхъ, сумма которыхъ равнялась бы ста (100), при чемъ должны быть соблюдены слѣдующія правила:

1) Чтобы всѣ цифры были помѣщены въ числѣ трехъ слагаемыхъ, и 2) чтобы ни одна цифра не повторялась два раза.

Слагаемыя могутъ быть взяты по произволу: однозначныя, двухъ или трехъ-значныя, цѣлыя или смѣшанныя — это безразлично.

Рѣшеніе—въ будущемъ году.

Библиотека "Руниверс"

Мысли замѣчательныхъ людей.

«Это моя собака!» «Это мое мѣсто на солнышкѣ!» часто говорятъ играющія на улицѣ дѣти. И вотъ вамъ подобіе и намекъ какъ люди завладѣваютъ всѣмъ на землѣ по праву сильнаго». (*Паскаль*).

«Прошедшее и будущее закрыты отъ васъ покрываломъ, но съ тою разницею, что прошедшее закрыто *вдовьимъ* покрываломъ, а будущее *дѣвичьимъ*». (*Жанъ-Поль Рихтеръ*).

«Наиболѣе совершенный человѣкъ есть тотъ, который наиболѣе полезенъ своимъ братьямъ» (*Стихъ изъ Корана*).

«Жизнь каждаго человѣка есть поэма, въ которой извѣстное число персонажей занимаютъ свои мѣста съ самаго начала разсказываемаго дѣйствія. Исходъ же самаго дѣйствія можно опредѣлить тогда только, если внимательно прослѣдить исторію лицъ, играющихъ въ разсказанной поэмѣ главныя роли». (*Мадамъ Роланъ* «письма»).

Философскія изрѣченія Діогена: «Крайняя человѣческая глупость заключается въ томъ, что обыкновенно учатъ добродѣтели, хвалятъ ее, но не исполняютъ того, что она повелѣваетъ».

«Съ знатными людьми и вельможами обращайся какъ съ огнемъ: не подходи къ нимъ слишкомъ близко и не отходи слишкомъ далеко».

„Мы рѣшительно *все* пріобрѣтаемъ только упражненіемъ. Даже добродѣтель не составляетъ исключенія изъ этого правила“.

«Привычка дѣлаетъ все пріятнымъ, даже самое презрѣніе роскоши».

Русскіе типы: Изъ подъ Твери.
— Бѣлы грибы сушоны, черника, малина сушона!
Ориг. рисунокъ И. Панова, грав. Шмидтъ.

Арабскія пословицы.

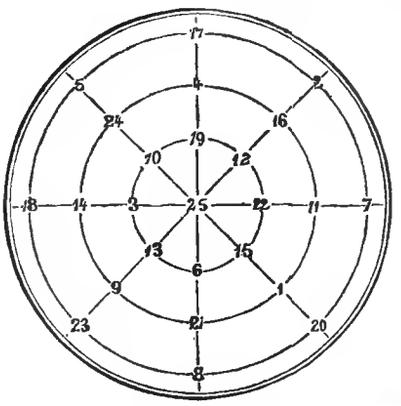
«Если твой другъ сладокъ какъ медъ, то берегись лакомиться, чтобы не съѣсть его цѣликомъ».

«Если ты произнесъ слово, то это слово *владѣетъ* тобою, но если ты не произнесъ его, то ты *владѣешь* словомъ».

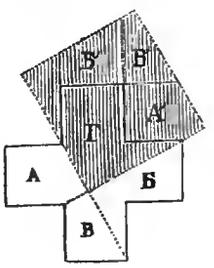
«Маленькій ровъ можетъ перескочить всякій».

«Опьяненіе молодостью гораздо сильнѣе опьяненія виномъ».

«Худшіе люди — тѣ, которые не обращаютъ вниманія на зло, дѣлаемое ими другимъ».



Рѣшеніе ариѳметической задачи, помѣщенной въ № 50 „Нивы“.



Рѣшеніе геометрической задачи, помѣщенной въ № 50 «Нивы». Намѣченные буквами на темномъ квадратѣ кусочки, Б, В и А, слѣдуетъ приложить на соотвѣствующія имъ буквы въ бѣломъ фонѣ креста такъ же, какъ приложенъ кусокъ подъ буквою Г —и получится крестъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Автору нѣсколькихъ словъ. Та похвальная страстность, которая видна въ вашей статьѣ, конечно не прошла для насъ безслѣдно, но дать ей мѣсто въ Нивѣ мы не могли, такъ какъ выводы дѣлаемые нами не представляютъ ничего самостоятельнаго и есть повтореніе того, что давно и не разъ было высказываемо гг. Аксаковымъ, Хомяковымъ, Киреевскимъ и друг.

Москва. О. Поно—евой. Стихи «на случай» удаются иногда, но рѣдко. Съ вашей музой мы уже имѣли случай обстоятельно познакомиться и скажемъ вамъ откровенно—она скучна и лишена поэзіи и напрасно вы трудитесь, подбирая рифмы.

Владикавказъ. Подвис. Ниеы. Посылки въ Черногорію лучше всего отправлять черезъ Москву, адресуя въ Славянскій благотворительный Комитетъ въ Москвѣ.

М. Клецкъ. Минской губ. Пан—ичу. Ваша патріотическая ода конечно и не могла быть поднесена тому высокому лицу, которому вы такъ настойчиво стремились ее поднести. Самое лучшее—ее уничтожить, чтобы не смѣшить добрыхъ людей такими стихами:

«Онъ прежде мирною свободой
Хотѣлъ дарить стѣсненный родъ,
Но невозможенъ миръ съ породой
Тирановъ, мучащихъ народъ»

Понятно, что вы больше всего гнались за риѳмой, не обращая вниманія на смыслъ стиховъ, и въ такой погонѣ не замѣтили, что дописались до *стѣсненныхъ родовъ* и до *породы тирановъ*.

Беренъ изъ вашей оды еще одну строку, чтобъ навсегда съ вами проститься. Вы пишете:

«Зеница ока нашихъ глазъ!»

Эта ужь что-то, какъ говорятся, черезъ край: вѣдь это все равно, что скажешь: „глазъ моего глаза“

Все это вмѣстѣ взятое не лишено однако нѣкотораго жара, указывающаго на ваши патріотическія чувства; но это напоминаетъ того повара который увѣряетъ: за вкусъ не берусь, а горячо будетъ. Едва-ли, однако есть почитатели такихъ поваровъ.

Новгородъ. Духовная Семинарія Н Сер—у. Помѣщаемъ изъ вашихъ стиховъ четыре строки:

«Государь, князья, солдаты
Чачо всѣхъ офицера,
Къ вамъ, относятся раскаты,
Восторженнаго ура!

Прекрасно! и паче всего прекрасно «восторженное ура». Очень великолѣпно!..

СОДЕРЖАНІЕ: **Наша великорусская деревня.** (съ рисункомъ) С.—**День скорби.** (Картинки изъ дѣтской жизни) Поз..—**Силузты Е. Бемъ** (съ рисункомъ) Н.—**Счастливая мать** (съ рисункомъ) Н.—**Послѣдніе дни и первые годы** (съ рисункомъ).—**Красная шапочка и сѣрый волкъ** (съ рисункомъ)—**Непріятное путешествіе въ ночь на Рождество** (съ рисункомъ) Н.—**Новая игрушка** (съ рисункомъ).—**Смѣсь** М. С.—Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.—Библіографія.—Ариѳметическая задача.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Арабскія пословицы.—Почтовый ящикъ.—**Отъ издателя.**—Объявленія — Оглавленіе за 1877 годъ, на отдѣльномъ листѣ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Д. Стахѣевъ.

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ 1878 году „Нива“ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ предыдущіе восемь лѣтъ ея изданія. Въ виду той распространенности, какую имѣетъ нашъ журналъ въ средѣ русской читающей публики, было бы излишнимъ говорить о художественномъ направленіи и о тѣхъ художественныхъ и литературныхъ цѣляхъ, которыя неуклонно и съ безустанною заботливостью имъ преслѣдуются и выполняются.

Можемъ только напомнить, что и въ будущемъ 1878 году такъ же тщательно и съ тою же аккуратностью будетъ дѣлаться выборъ всего, что должно имѣть мѣсто на страницахъ „Нивы“ и главною заботою редакціи будетъ, конечно, то, чтобы все помѣщаемое въ журналѣ имѣло характеръ чтенія общеполезнаго, занимательнаго и способствующаго умственному и нравственному развитію.

Само собою понятно, что, заканчивая настоящій годъ, мы сдѣлали уже заблаговременно соотвѣтствующій запасъ статей и рисунковъ для „Нивы“ будущаго 1878 года. Не имѣя возможности перечислить здѣсь даже главнѣйшія изъ нихъ, скажемъ только, что въ теченіи будущаго года на страницахъ „Нивы“ явятся въ значительномъ количествѣ **рисунки изъ русской исторіи, виды живописныхъ и интересныхъ въ какомъ либо отношеніи мѣстностей Россіи и иностранныхъ государствъ, рисунки къ лучшимъ произведеніямъ нашей и западно-европейской литературы**, типы, сцены и картины изъ народной жизни, рисунки по астрономіи, зоологіи и т. д. Кромѣ того, по примѣру настоящаго года, на страницахъ „Нивы“ будутъ своевременно помѣщаться рисунки и статьи, относящіеся къ настоящей войнѣ, виды и планы мѣстностей театра войны, портреты героевъ, отличившихся въ битвахъ, картины сраженій и т. п. и всѣ эти рисунки, въ совокупности взятые, будутъ заключать въ себѣ **полную иллюстрированную хронику войны.**

За симъ не можемъ не указать, что въ теченіи 1878 г. въ „Нивѣ“ будутъ помѣщены между прочими художественными произведеніями, работы художника Зичи, пользующагося, какъ извѣстно, заслуженною европейскою славою.

Преміею „Нивы“ 1878 г. будутъ двѣ оригинальныя картины изъ русской жизни, исполненныя по заказу для нашего журнала художникомъ Кившенко, а именно:

1) **„Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники, предсказывающіе ему славную будущность“.**

2) **„Царь Борисъ Годуновъ въ комнатѣ своего сына Ѳеодора“.**

Изъ литературныхъ произведеній, имѣющихъ появиться на страницахъ „Нивы“ укажемъ, между прочимъ, на главнѣйшія: **Призрачный царекъ.** Историческая повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка. **П. П. Гнѣдича. Къ чему?** разсказъ Г.,. **Г-нъ Бржезинскій.** Типъ Г... **Бабушка.** Разсказъ А. Ремезова. **Фотографическія карточки изъ альбома гувернантки.** Щепиной. **На дачѣ.** Лѣтній разсказъ В. С. и мн. др.

Изъ литературы европейской редакціей заготовлено нѣсколько интересныхъ повѣстей, которыя также найдутъ мѣсто на страницахъ „Нивы“, но редакція позволяетъ себѣ замѣтить здѣсь, что ею будетъ отдаваемо большее предпочтеніе оригинальнымъ произведеніямъ изъ русской жизни.

За симъ прощаясь съ читателями „Нивы“ настоящаго года, надѣемся встрѣтить ихъ въ числѣ читателей наступающаго 1878 года.

При первомъ номерѣ 1878 г. будетъ приложенъ календарь на 1878 г., печатанный двумя красками.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„СБОРНИКЪ ПРИРОДА“

ПОДП. Ц. 12 Р., СЪ ПЕР. 13 Р. 50 К. (Безъ прил. 8 р. съ пер. 9 р.)

Изд. съ 1873 г.; 4 тома въ годъ (450 стр., 6—8 хромо- и литографическ. и около 100 рис. въ каждомъ). Въ Сборн. помѣщ. популярныя статьи по Естествоен. Этнограф., Медицинѣ, Гигіенѣ, Технолог., Сельск. Хоз., Охотѣ, Воен. и Морск. Дѣлу,— Путешествій, новѣйш. открытій, усовершенств., необрѣт. и т. п.—Сборн. прежн. годовъ продается (въ Редакціи) по 6 р. безъ и по 10 р. съ годъ съ приложеніями, а всѣ 18 томовъ (125 хромо- и литограф. прилож., 1200 рис. въ текстѣ, премія 1876 г. «Лёббокъ: Доисторическ. времена» и 1877 г. «Лебонъ: Популярн. Физіологія», обѣ съ многоч. рис.) за 20 р. безъ (съ подп. на 1878 г. 25 р.) и 40 р. съ прилож. и преміями (съ 1878 г. 50 р.) съ перес.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“

ПОДП. ЦѢНА 8 Р. СЪ ПЕР. 9 Р.; (1/2 г. 5 р. съ перес.)

Изд. съ 1874 г.; 12 кн. въ годъ, съ хромо- или литограф. въ кажд. и мног. рис. въ текстѣ. Въ теченіи года 2 раскрашен. премія. Въ Ж. Ох. помѣщ. охотничьи разсказы, спец. статьи о руж. и псов. охот., о ружьяхъ, породахъ, содерж., дрессир. и лечен. собакъ, корреспонденціи, новости ох. дѣла и т. п.—Оставш. екз. Ж. Ох. съ 1874 г. (1 томъ) по 1877 г. можно выписывать (изъ редакціи) по 3 р. 50 к. за томъ, а всѣ 7 том. [42 хромо- и литограф., 7 прем. и особ. печ. прилож.: «Записки псов. охотника» П. М. Мачеваріанова (160 стр.) и «Тетеревъ» Л. П. Сабанѣева (100 стр.)]—за 22 р., съ подписн. на 1878 г. за 30 р. съ пер.— Подписка исключительно въ редакціи (Москва, Петровка, д. Самариной).—Примѣчаніе: Подписчики 1878 г. на оба журнала платятъ 20 р. съ пересылкою.

№ 51 4—2 Редакторъ: Л. П. Сабанѣевъ.

Н. Ф. Кюнъ имѣетъ честь извѣстить почтенную публику, что съ 1878 года цѣны на скоровысыхаемыя масляныя краски увеличатся, противъ цѣнъ, показанныхъ въ прейсъ-курантѣ 1877 года на 40 к. за пудъ—Прейсъ-курантъ, содержащій въ себѣ 50 образцовъ и короткое объясненіе къ производству малярныхъ работъ, высылается безплатно.—СПБ. Казанская 38. № 42 5—3

Магазины: Адмиралт. площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 8, противъ Стремянной.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА въ Петербургѣ,

Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.

21

Товарищество Чемберсъ и К°.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ (ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ)

будетъ издаваться въ 1878 г. по прежней программѣ, съ цѣлію доставить полезное чтеніе рабочему населенію.—Годовая цѣна: въ С.-Петербургѣ—безъ доставки 60 к., съ доставкою на домъ 75 к.; съ пересылкою иногороднымъ 1 р. Лица подписавшіяся на 50 и болѣе экземпляровъ, за пересылку ничего не платятъ. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ редакціи журнала по Сергіевской ул. д. № 20 и въ книжномъ магазинѣ Блисмера по Гороховой ул. д. № 19, въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ братьевъ Салаевыхъ по Мясницкой ул. домъ кн. Гагариной.

Смѣемъ надѣяться, что всѣ, желающіе доставить народу полезное для него чтеніе, не откажутъ въ своемъ содѣйствіи къ возможно большему распространенію этого дешеваго изданія. 3—5

Поступилъ въ продажу Русскій карманный

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ВСѢХЪ НА 1878 ГОДЪ.

Къ Календарю приложены подробные и отчетливо напечатанные планы С.-Петербургскихъ императорскихъ театровъ. Цѣна Календарю 15 коп. безъ пересылки. Продается во всѣхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ. № 65 1—1

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ВЪ РИГѢ,

симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что

КАТАЛОГИ СѢМЕНАМЪ и пр. НА 1878 Г.

изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.

Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковые, посылаются каталоги также безплатно, смотря по заявленію на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, или же иллюстрированное изданіе, съ 240 политипажами, на одномъ русскомъ языкѣ. № 67 4—1

КРЫШКИ для переплета «Нивы» 1877, и 1878 г. по вышепоказанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть «Ниву» въ такую коленкоровую крышку.

Дозволено цензурою. СПБ. 22 Декабря 1877 г. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"